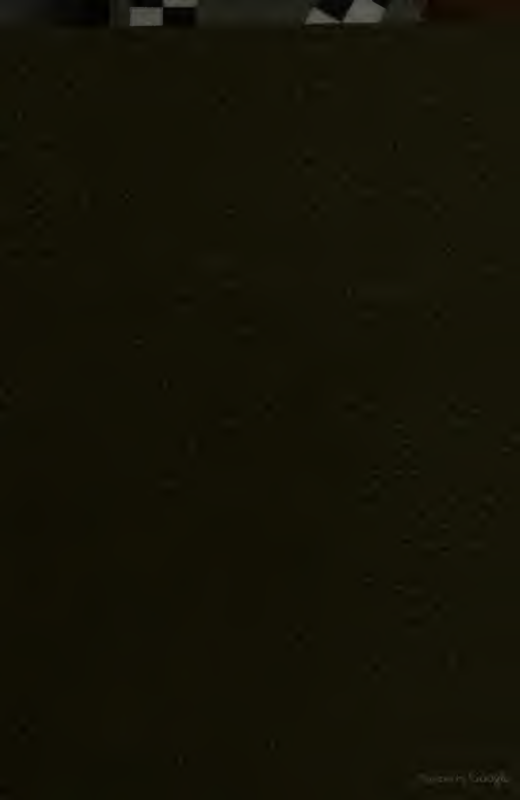

РУССКАЯ ХРИСТОМАТІЯ,

IV

СЪ ПРИМѢЧАНІЯМИ.

ДЛЯ ВЫСШИХЪ КЛАССОВЪ СРЕДНИХЪ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ

составилъ
Андрей Филоновъ.

ТОМЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

ПРОЗА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ВЪ ТИПОГРАФІИ Ф. С. СУЩИНСКАГО.
На углу Могилевской и Канонерской, № 7/2.
1867.

ПОВѢСТВОВАТЕЛЬНЫЯ СОЧИНЕНІЯ.

1. ЛѢТОПИСЬ.

Пименъ, *одинъ.*
Да вѣдаютъ потомки православныхъ
Земли родной минувшую судьбу....

Пименъ *Григорію.*
Братъ Григорій!
Ты грамотой свой разумъ просвѣтилъ,
Тебѣ свой трудъ передаю. Въ часы,
Свободные отъ подвиговъ духовныхъ,
Описывай, не мудрствуя лукаво,
Все то, чему свидѣтель въ жизни будешь:
Войну и миръ, управу государей,
Угодниковъ святыя чудеса,
Пророчества и знаменья небесны.

А. Пушкинъ.

Значеніе Лѣтописи.—Мнѣніе *Гервинуса* [1]: «Все, что насъ окружаетъ, мы можемъ воспринимать тремя путями. Предметы являются намъ или по своей дѣйствительности, или по возможности, или же необходимости; они представляются намъ въ своей истинности, правдоподобности, разумности,—и уже *Аристотель* [2]) различилъ «что», «какъ», «почему» всего существующаго. Въ человѣческомъ духѣ естественно находятся различныя состоянія и силы, соотвѣтствующія различнымъ формамъ, въ которыя облекаются всѣ явленія. Мы разсматриваемъ предметы или опытнымъ путемъ, по тому, какъ они являются въ дѣйствительномъ, повидимому безпорядочномъ, мірѣ, ищемъ настоящихъ отношеній ихъ другъ къ другу, домогаясь при

[1]) Извѣстный Нѣмецкій *историкъ* (род. 1805 г.), профессоръ Гейдельбергскаго университета. На Русскій языкъ переводятся слѣдующія его сочиненія: «Шекспиръ», «Исторія XIX столѣтія».

[2]) Греческій *философъ*, жившій въ IV в. до Р. Хр.

этомъ ихъ *полезности;* или же по законамъ мыслимаго и возможнаго мы творчески отрываемся отъ данной действительности, точно эта строгоограниченная действительность безгранична для насъ, точно мы можемъ возсоздать ее безграничною, — и тогда ищемъ въ ней возможную связь между предметами и стремимся къ *наслажденію;* или же мы стараемся, не выходя изъ круга действительности и опыта, установить всеобщую законность и изгнать всякую случайность, — ищемъ необходимую связь и стремимся къ *сознанію.* Въ последнемъ случае деятельность принадлежитъ разуму, во второмъ воображенію, въ первомъ наблюдательному уму; въ последнемъ случае достиженіе цели — дело спекулятивнаго философа, во второмъ творческое дело поэта, въ первомъ дело регламентирующаго историка. Сверхъ того следуетъ заметить, что поэтъ и историкъ избираетъ своимъ предметомъ только личную жизнь людей и нравственный міръ.

«Но ни одно изъ этихъ состояній немыслимо въ нашей душе въ чистомъ виде, ни одна изъ этихъ силъ не действуетъ въ ней отдельно, независимо отъ другихъ; потому никогда невозможно достигнуть того, чтобы произведеніе какой-либо изъ этихъ силъ было совершенно свободно отъ того, что свойственно произведеніямъ другихъ. И даже более: изъ различныхъ созданій поэта, философа и т. д. мы выше всего ставимъ то, въ которомъ видимъ произведеніе всехъ названныхъ силъ, приведенныхъ не въ равновесіе, а скорее въ нормальное отношеніе вспомогательныхъ силъ къ главнодействующей. Изъ всехъ поэтовъ мы удивляемся тому, кому удалось представить намъ возсозданный міръ и людей въ высшей степени верно и между темъ такъ, что действительность никакъ не можетъ отыскать въ себе совершенное ихъ подобіе: следовательно мы удивляемся тому, кому удалось утвердить свободное поэтическое творчество свое на действительности, и съ истиной соединить идеальное; точно также мы отдаемъ предпочтеніе тому философу, въ которомъ опытъ и мышленіе — не враждебныя силы, но только различныя стороны одной и той же. Если мы съ удовольствіемъ видимъ напримеръ у *Гомера* и Аристотеля соединеніе чисто-поэтическаго и философскаго элемента съ твердой исторической основой, верностью и фактическимъ опытомъ, то въ какихъ отношеніяхъ совместитъ въ себе историкъ, который могъ бы въ своей области сравниться съ этими корифеями поэзіи и философіи, свойственную ему истинность съ истинностію поэта и философа? Что общаго въ задаче его съ задачами поэта и философа? Въ чемъ сходятся ихъ произведенія? Этотъ вопросъ почти можно избрать центромъ всехъ последующихъ розысканій, потому что разрешеніемъ своимъ онъ приведетъ насъ къ уясненію сущности бытописанія, его главныхъ

родовъ, ихъ конечныхъ формъ, и наконецъ, къ уясненію свойствъ и характера истиннаго историка.

«Постановивъ это, мы прямо перейдемъ къ сущности нашего предмета... Какъ бы ни показалось страннымъ, но нельзя отвергать того, что не хроника, а *генеалогія* составляетъ первую ступень бытописанія, — генеалогія, перечень отдѣльныхъ замѣчательнѣйшихъ именъ, которыя въ первое время весьма часто начертывались на памятникахъ, какъ это было въ Египтѣ до изобрѣтенія искусства письма, т. е. въ то время, когда не могло еще быть настоящаго бытописанія. Въ самомъ дѣлѣ, генеалогія возможна только у тѣхъ народовъ, которые, подобно Индѣйцамъ и Кельтамъ, либо вовсе не доросли до исторіи, т. е. до развитія, либо доросли до весьма незначительной исторіи и развитія, и потому-то ничто такъ не подвержено искаженію, самовольнымъ выдумкамъ и прибавленіямъ, какъ генеалогія, и немудрено, что у восточныхъ народовъ древности и у новѣйшихъ Галловъ являлись такіе фабулисты, лжецы и апокрифическіе историки, которые едва ли заслуживаютъ опроверженія и презрѣнія, но скорѣе вовсе не заслуживаютъ никакого вниманія.

«Генеалогія перешла въ хронику, какъ только къ записывавшимся замѣчательнымъ именамъ стали присоединять замѣчательнѣйшія дѣянія и событія. Подобно эпосу въ поэзіи, хроника или *лѣтопись* есть основная форма всего бытописанія; и въ какомъ бы видѣ она ни являлась, она важна какъ историческій матеріалъ. Она—зерно и скелетъ исторіи уже потому одному, что, передавая только существенное и необходимое въ историческомъ преданіи, она ограничивается этимъ существеннымъ и необходимымъ. Предоставленная самой себѣ безсознательно, она безхитростно наблюдаетъ, трезво и разумно воспринимаетъ и вѣрно сообщаетъ все, что̀ случилось въ дѣйствительномъ мірѣ, она постоянно приводитъ въ движеніе исключительно ту умственную силу, которая потребна для нея, отвергаетъ всякую искусственность въ формѣ и философіи въ содержаніи. Для нея только та опасность, что она не всегда выдерживаетъ свой объектъ — предметъ, о которомъ говоритъ; что она часто переноситъ свой взоръ на родственную область физическаго міра, что она поставляетъ рядомъ съ дѣятельностью человѣка явленія природы и т. п. Затѣмъ очень часто повторяется то, что по безыскусственности своей формы, она становится привлекательной для многихъ недозрѣлыхъ дилетантовъ исторіи, и такимъ образомъ слишкомъ рано подчиняется разнообразнымъ вліяніямъ, — поэтическому, реторическому. Но въ чистомъ видѣ своемъ хроника отмѣчаетъ день за днемъ, годъ за годомъ, событіе за событіемъ, нисколько не заботясь о красотѣ изложенія, ни о внутренней связи. Еще по опредѣле-

вію *Цицерона* [1]), лѣтописи представляютъ безыскусственный разсказъ, безъ всякаго изслѣдованія причинъ. Потому онѣ придерживаются больше событій чѣмъ лицъ, болѣе внѣшнихъ фактовъ чѣмъ внутреннихъ причинъ; возникая въ эпохѣ дѣтства, онѣ не понимаютъ интриги, обращаютъ вниманіе преимущественно на очевидное, и, рѣдко объясняя событія людскими побужденіями, онѣ прибѣгаютъ къ предначертаніямъ и самопроизвольному вмѣшательству божества. По природѣ своей хроника объективна; слишкомъ неопредѣленный, всеобъемлющій кругъ наблюденій притупляетъ въ лѣтописцѣ способность соображенія, ясность взгляда и сужденія; онъ вовсе не думаетъ о практической полезности своего труда; онъ подавленъ своимъ предметомъ и потому лично стушевывается. Потому лѣтопись переходитъ изъ рукъ въ руки, и слѣдовательно, съ самаго начала, можетъ стать выше умственнаго кругозора отдѣльнаго наблюдателя и принять любые размѣры. Скромная, безпритязательная, она обречена всегда держаться правды и безпристрастія уже тѣмъ самымъ, что подлежитъ многостороннему контролю, ибо она — общее достояніе даннаго народа, и каждый воленъ пользоваться ею, распространять ее, при самомъ строгомъ къ ней уваженіи; сверхъ того, рѣзко отмѣченныя границы и хронологическая послѣдовательность событій вынуждаютъ лѣтописца къ нѣкотораго рода совѣстливости и препятствуютъ въ ней коренному развитію слишкомъ большой произвольности. Какъ рапсодіи — зародыши эпической поэзіи, такъ и лѣтописи — зародыши народной исторіи, — лѣтописи, постоянно переходящія изъ рукъ въ руки, слагающіяся въ широкіе циклы, стремящіяся распространиться и завершиться, лѣтописи — это зачинающееся бытописаніе.

«Но какъ бы высоко ни стоялъ этотъ отдѣлъ исторіографіи, какое бы исключительное значеніе ни придавали ему народы, у которыхъ онъ возникъ и которыхъ касается, но произведенія его никогда не могутъ быть отнесены къ художественнымъ историческимъ произведеніямъ. Въ самомъ дѣлѣ, для художественнаго произведенія требуется прежде всего законченность, округленность цѣлаго, единство плана и сомкнутость частей въ одно цѣлое. Уже *Полибій* [2]) въ историческомъ сочиненіи своемъ имѣлъ въ виду это правило, почерпнутое изъ піитики Аристотеля. Ничего подобнаго нѣтъ въ разсматриваемомъ отдѣлѣ исторіографіи.

И такъ лѣтопись — основная форма возникающаго бытописанія;

[1]) Знаменитый Римскій *ораторъ*, жившій въ I в. до Р. Хр. — О немъ см. въ отдѣлѣ «Ораторскихъ произведеній».

[2]) *Полибій*, Греч. историкъ, жилъ въ III и II в. до Р. Хр. — Написалъ «Всеобщую Исторію» въ 40 книгахъ (до насъ дошло только пять первыхъ). Полибій — чистый прагматикъ и добросовѣстный хронологъ.

въ простѣйшемъ видѣ своемъ она — принадлежность неразвившихся еще народовъ и эпохъ первоначальной цивилизаціи.» — (Изъ статьи «Теоретическій очеркъ исторіи», напечат. въ журналѣ «Время» за 1861 г., т. VI, стр. 250—259).

Взглядъ проф. *Сухомлинова*. — Желаніе и нужда отмѣчать событія, кажущіяся почему-либо важными, весьма естественны для человѣка, на какой бы степени образованія онъ ни находился. Поэтому, краткія указанія замѣчательнѣйшихъ происшествій, первообразъ лѣтописей, принадлежатъ у многихъ народовъ къ числу древнѣйшихъ памятниковъ письменности. Въ первоначальномъ своемъ видѣ лѣтописныя указанія представляются ничѣмъ инымъ, какъ календарными замѣтками. Народы или части ихъ, не знающіе письменъ, употребляютъ обыкновенно «черты и рѣзы», отмѣчая ими на кускахъ дерева мѣсяцы и даже дни со всѣми праздниками; такого рода календари извѣстны какъ на сѣверѣ, такъ и на югѣ Европы. Письмена замѣняютъ собою черты и рѣзы и даютъ возможность сохранить полнѣе воспоминаніе о достопамятныхъ дняхъ и случаяхъ. Въ потребности сохранить его заключается первый зародышъ лѣтописей. Съ теченіемъ времени онѣ пріобрѣтаютъ все болѣе и болѣе достоинства: изъ календарныхъ замѣтокъ становятся лѣтописями въ настоящемъ смыслѣ слова.

«Возбуждаемая невольнымъ стремленіемъ человѣка удержать воспоминаніе о быломъ, лѣтописная дѣятельность рано находитъ участіе и опору въ лицахъ, стоящихъ во главѣ общества. По мѣрѣ того, какъ опредѣляется у народовъ общественное устройство, возникаетъ и потребность упрочить его сохраненіемъ памяти о томъ, что освящено давнимъ обычаемъ. Наши древніе князья повелѣвали вносить въ лѣтопись все, что случалось при нихъ, доброе и недоброе, съ совершенною истиною и безъ всякихъ украшеній: «первіи наши властодержцы безъ гнѣва повелѣвающи вся добрая и недобрая прилучившаяся написовати, да и прочіи по нихъ образы явлени будуть». Свидѣтельство Русской лѣтописи подтверждается подобными распоряженіями правительственныхъ лицъ у различныхъ народовъ, даже самыхъ несходныхъ по общественному быту. У одного изъ древнѣйшихъ народовъ Азіи были, такъ называемые, историграфы правой руки и историграфы лѣвой руки: первые — для записыванія рѣчей государя, вторые — для записыванія ихъ дѣлъ. Совершенно такой же обычай существовалъ и на западѣ Европы. Въ средніе вѣка при дворѣ Британскомъ находились свѣдущіе люди, которые обязаны были записывать замѣчательные поступки и слова своихъ государей. Для избѣжанія лести, записки эти могли быть обнародываемы не иначе, какъ по смерти уже владѣтельнаго лица и его дѣтей. Такое сходство учрежденія въ обществахъ, совершенно противоположныхъ одно другому, заставляетъ искать его источника въ необходимости имѣть лѣтопись, признаваемой правительственными лицами вообще, безъ различія народностей.

«Всѣ важныя событія въ жизни народа, мѣры внутренняго управленія и сношеній внѣшнихъ вносились въ лѣтопись. Къ ней обращались въ случаѣ несогласія князей и городовъ между собою, для рѣшенія возникавшихъ тяжбъ и пріобрѣтенія отыскиваемыхъ правъ. Крамола жителей Бреста въ 1289 г. занесена по волѣ князя въ лѣтопись. «Берестьяни,—говоря лѣтописнымъ языкомъ,— учинили бяхуть коромолу» — призвали къ себѣ на княженіе Юрія Львовича имѣсто законнаго князя Мстислава Даниловича. За это Мстиславъ уставилъ на нихъ «ловчее», и велѣлъ написать такую грамоту: «Се азъ князь

Мьстиславъ уставляю ловчее на Берестьаны и въ вѣкы, за ихъ коромолу: со ста на двѣ лукнѣ меду, а по двѣ овцѣ, и проч. А хто мое слово порушить, а станеть со мною передъ Богомъ. А вписалъ есмь въ *лѣтописецъ* коромолу ихъ». Во время спора Василія Темнаго съ Юріемъ Дмитріевичемъ о великокняжескомъ престолѣ «царь повелѣвъ своимъ княземъ судити князей Русскихъ, и много пребысъ межи ижъ (ихъ). Князь великій по отечеству и по деденству искаше стола своего; князь же Юрій Дмитріевичъ, дядя его, *лѣтописцы* и старыми списки и духовною отца своего». Подобное значеніе имѣли лѣтописи и въ западной Европѣ. Братъ Карла V, по поводу несогласія съ патріархомъ Александрійскимъ, велѣлъ внести въ лѣтописи поступки патріарха. Когда въ 1408 г. возникъ споръ между герцогомъ Орлеанскимъ и графинею Неверскою о владѣніи землею Куси, судьи обратились къ *лѣтописямъ*, веденнымъ при церкви св. Діонисія (Chroniques de Saint-Denys), и на основаніи ихъ свидѣтельства парламентъ рѣшилъ дѣло въ пользу графини.

«Возвращаясь къ Русской словесности, замѣчаемъ, что при всей необходимости имѣть лѣтописи, пригодныя въ практическомъ отношеніи, древнѣйшими памятниками являются лѣтописи, далеко превышающія требованія одной житейской пользы. Польза общая постоянно имѣлась въ виду; но понятіе ея было гораздо обширнѣе, нежели выгода какого-либо лица или даже области, ихъ перевѣсъ надъ стороною противною. Интересы высшіе, духовные являются на первомъ планѣ въ нашей древней лѣтописи: благо всей земли Русской, нравственное достоинство человѣка — христіанина, благотворное дѣйствіе подвиговъ, совершенныхъ предками:—вотъ предметы, которые наиболѣе занимали лѣтописцевъ и вызывали ихъ къ общеполезной дѣятельности, какъ полагали авторы. Общій взглядъ, проникающій лѣтопись, отражается и въ частностяхъ, опредѣляя выборъ того или другаго происшествія для описанія. Такъ, говоря о жестокой казни, постигшей мучителя Ѳеодорца, лѣтописецъ приводитъ такую причину внесенія событія въ лѣтопись: «Се же списахомъ, да не наскакають нѣции на святительскый санъ, но его же позоветь Богъ: всякъ бо даръ свыше сходяй отъ Тебе, отца свѣтомъ. Его же благословлять человѣци, будеть благословенъ; его же прокленуть человѣци, будеть проклятъ». Здѣсь частный случай вошелъ въ лѣтопись не только для того, чтобы сохранить память о зломъ епископѣ, погибшемъ въ 1169 году, но и съ цѣлію представить важность святительскаго сана и необходимость высшаго призванія къ нему, безъ котораго ничтожны всѣ усилія и заботы.

«Довольно простаго чтенія лѣтописей, чтобы замѣтить господствующее въ нихъ направленіе. Правда, въ многочисленныхъ спискахъ ихъ встрѣчаются статьи, имѣвшія прямое отношеніе къ дѣйствительности, къ удобствамъ и выгодамъ жизни. Таковы: Русская правда, договоры съ Греками, грамоты князей и тому подобные памятники, помѣщенные въ лѣтописяхъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ въ нихъ находится много другаго рода извѣстій и статей, довольно обширныхъ; къ нимъ принадлежатъ: житія святыхъ, поученія и т. д. Внесеніе ихъ въ лѣтопись показываетъ обширное значеніе послѣдней, совмѣстившей въ себѣ предметы разнородные. Подобное совмѣщеніе могло произойти только отъ цѣлей литературныхъ, отъ намѣренія лѣтописца помѣщать въ своемъ трудѣ вещи достопамятныя вообще, не предназначая его для какого-нибудь исключительнаго употребленія, отъ желанія подѣлиться съ другими плодомъ своей начитанности и своихъ размышленій».—(О древней Р. лѣтописи, какъ памятникѣ литературномъ. Ученыя Записки 2-го Отд. Имп. Акад. Наукъ. 1856, кн. 2, стр. 2—5).

НАЧАЛО ЛѢТОПИСИ НЕСТОРА.

Се повѣсти времянныхъ лѣтъ (черноризца [1]) Ѳедосьева монастыря Печерьскаго), откуду есть пошла Руская земля, кто въ Кіевѣ нача первѣе княжити и откуду Руская земля стала есть.

Се начнемъ повѣсть сію. По потопѣ первіе сынове Ноеви раздѣлиша землю, Симъ, Хамъ, Афетъ. И яся востокъ Симови [2]): Персида, Ватрь (Вактронѣя), тоже (даже) и до Индикія въ долготу, и въ ширину и до Нирокурія, яко же рещи отъ востока и до полуденья, и Сурія (Сирія), и Мидіа по Ефратъ рѣку, Вавилонъ.... Хамови же яся полуденьная страна: Еюпетъ (Египетъ), Еѳиопья, прилежащія ко Индомъ, другая же Еѳиопья, изъ нея же исходитъ рѣка Еѳіопьская Чермна, текущи на востокъ, Ѳива (Ѳиванда), Ливія прилежащи (простирающіяся) до Киринія (до Кирине)... Афету же яшась полунощныя страны и западныя: Мидія, Алъванья, Арменія малая и великая, Кападокія, Фефлагони (Пафлагонія), Галатъ (Галатія)...

Симъ же, и Хамъ, и Афетъ, раздѣливше землю, жребьи метавше *не преступати никому же въ жребій братень, живяху кождо въ своей части* [3]). Бысть языкъ единъ, и умножившемъся человѣкомъ на земли, помыслиша создати столпъ до небесе, въ дни Нектана и Фалека; и собрашася на мѣстѣ Сенаръ поли здати столпъ до небесе и градъ около его Вавилонъ, и создаша столпъ за 40 лѣтъ, несвершенъ бысть. И сниде Господь Богъ видѣти градъ и столпъ, и рече Господь: се родъ единъ и языкъ единъ. И съмѣси Богъ языкы, и раздѣли на 70 и 2 языка, и расѣя по всей земли. По размѣшеньи же языкъ, Богъ вѣтромъ великимъ разруши столпъ; и есть останокъ его промежю Асюра (Асира) и Вавилона, и есть въ

---

[1]) *Черноризца*.... Въ «Хлѣбниковскомъ» спискѣ лѣтописи сказано: «*Нестера* черноризца». Это — *единственный* списокъ, на которомъ лѣтописецъ названъ по имени. *Карамзинъ* открылъ этотъ списокъ въ библіотекѣ послѣ покойнаго купца Хлѣбникова и относилъ его къ XV или XVI вѣку. Историкъ *Татищевъ* (XVIII в.) свидѣтельствуетъ, что онъ видѣлъ имя Нестора на трехъ спискахъ,—но они не дошли до насъ.

[2]) Источникъ предлагаемой космографіи заимствованъ Несторомъ изъ хроники *Георгія Амартола*, одного изъ древнѣйшихъ Греч. лѣтописцевъ, жившаго въ IX вѣкѣ. Хроника Амартола давно была переведена на Славяно-болгарскій языкъ; переводомъ и пользовался Несторъ. Исторія Рус. Словесности. Лекціи профессора *Шевырева*. Москва. 1860. Ч. II, стр. 141, примѣч. 27.

[3]) Подчеркнутаго мѣста у Георгія Амартола нѣтъ. «Не явно ли, — замѣчаетъ покойный проф. *Шевыревъ*, — что эта прибавка сдѣлана отъ самого лѣтописца съ умысломъ, чтобы по случаю такого важнаго событія, какъ первое раздѣленіе земли, дать урокъ братьямъ — князьямъ?» (Ист. Р. Словесности. Ч. II, стр. 121).

высоту и въ широту локотъ 5433, и въ лѣта многа храниъ останокъ. По разрушеньи же столпа и по раздѣленьи языкъ, пріяша сынове Симови въсточныя страны, а Хамови сынове полуденьныя страны, Афетови же пріяша западъ и полунощныя страны. Отъ сихъ же 70 и 2 языку бысть языкъ Словѣнескъ отъ племени Афетова, Норци (нарицаеми Норци), еже суть Словѣне.

По мнозѣхъ же времянѣхъ сѣли суть Словѣни по Дунаеви, гдѣ есть нынѣ Угорьска земля и Болгарьска. Отъ тѣхъ Словѣнъ разидошася по землѣ и прозвашася имены своими, гдѣ сѣдше на которомъ мѣстѣ: яко пришедше сѣдоша на рѣцѣ имянемъ Морава и прозвашася Морава, а друзіи Чеси нарекошася; а се ти же Словѣни Хровате (Хоровати) Бѣліи, и Серебь, и Хорутане... Тако же и ти (и тіи) Словѣне пришедше и сѣдоша по Днѣпру, и нарекошася Поляне, а друзіи Древляне, зане сѣдоша въ лѣсѣхъ; а друзіи сѣдоша межю Припетью и Двиною, и нарекошася Дреговичи.... Тако разидеся Словѣньскій языкъ. (Полное Собраніе Русскихъ Лѣтописей. Спб. 1846 года. Томъ первый, стр. 1—3).

Примѣч. — Мнѣніе академика *М. П. Погодина* о значеніи Лѣтописи Нестора: «Мы обладаемъ въ Несторовой Лѣтописи такимъ сокровищемъ, какого не представитъ намъ Латинская Европа, какому завидуютъ наши старшіе братья Славяне. Несторъ, во мракѣ XI вѣка, въ эпоху междоусобныхъ войнъ, возъимѣлъ первый мысль передать на память вѣкамъ дѣянія нашихъ предковъ, мучительное рожденіе государства, бурное его дѣтство. Несторъ проложилъ дорогу, подалъ примѣръ всѣмъ своимъ преемникамъ въ Новѣгородѣ и Волыни, Владимірѣ и Псковѣ, Кіевѣ и Москвѣ, какъ продолжать его историческое дѣло, безъ котораго мы блуждали бы во тьмѣ преданій и вымысловъ. Несторъ исполнилъ это дѣло съ примѣчательнымъ здравымъ смысломъ, искусствомъ, добросовѣстностію, правдивостію и, прибавимъ здѣсь еще одно прекрасное его свойство, съ теплотою душевною, съ любовію къ отечеству. Любовь къ отечеству въ эпоху столь отдаленную, въ эпоху, когда вездѣ господствовала личность, выраженіе о Русской землѣ, когда всякій думалъ только о Кіевскомъ, Черниговскомъ или Дорогобужскомъ княжествѣ, выраженіе о Русской землѣ, въ устахъ святаго отшельника, погребеннаго заживо въ глубокой пещерѣ, обращеннаго всею душею къ Богу, и удѣляющаго, между тѣмъ, по нѣскольку минутъ на размышленія о земной своей отчизнѣ, — явленія умилительныя! Такъ, Несторъ есть прекрасный характеръ Русской исторіи, характеръ, которымъ долженъ дорожить всякій Русскій, любящій свое отечество, ревнующій литературной славѣ его, славѣ чистой и прекрасной. Несторъ, по всѣмъ правамъ, долженъ занимать почетное мѣсто въ Пантеонѣ Русской литературы, Русскаго просвѣщенія, — тамъ, гдѣ блистаютъ имена безсмертныхъ *Кирилла* и *Меѳодія*, изобрѣтателей [1]) Славянской грамоты, которые научили нашихъ предковъ молиться Богу на своемъ языкѣ, между тѣмъ какъ вся Европа, въ священныхъ храмахъ, лепетала чуждые, непонятные, варварскіе звуки; тамъ, гдѣ блистаетъ имя *Добровскаго* [2]), законодателя Сла-

[1]) Жили въ IX вѣкѣ.

[2]) *Аббатъ Чешскій* (1753—1829)—одинъ изъ знаменитѣйшихъ филологовъ Сла-

вянскаго языка, обрѣтшаго непреложные законы въ движеніяхъ его коренныхъ элементовъ, сообщившаго филологіи ея высокое достоинство; тамъ, гдѣ мы благоговѣемъ предъ изображеніемъ нашего Холмогорскаго рыбака, *Ломоносова* [1]), давшаго намъ услышать новую, чудную гармонію въ отечественной рѣчи; гдѣ возвышается памятникъ *Карамзина* [2]), котораго должны мы почитать Несторомъ нашего времени, идеаломъ Русскаго гражданина и писателя; куда перенесли мы недавно со слезами гробъ нашего *Пушкина* [3]), который опустился далѣе всѣхъ въ глубину Русской души и извлекъ изъ нея самые основные звуки. Туда, туда, постановимъ мы.... не портретъ, но освященный *образъ* нашего перваго лѣтописателя, знаменитаго инока Кіевопечерскаго, Нестора, провозгласимъ ему вѣчную память и будемъ молиться ему, чтобъ онъ послалъ намъ духа Русской исторіи, ибо духъ только животворитъ, а буква, буква одна умерщвляетъ, по слову Святаго Писанія; мы будемъ молиться ему, чтобъ онъ соприсутствовалъ намъ въ нашихъ розысканіяхъ о предметѣ земной его любви, о предметѣ самомъ важномъ въ системѣ гражданскаго образованія, въ коемъ таится все наше настоящее и будущее, объ отечественной исторіи; мы будемъ молить его, чтобъ онъ подавалъ намъ собой примѣръ трудиться не для удовлетворенія своего бѣднаго самолюбія, не изъ угожденія своимъ мелкимъ страстямъ, а въ духѣ того смиренномудрія, которое внушило ему эти прекрасныя слова: «Азъ грѣшный Несторъ мнѣй всѣхъ въ монастырѣ блаженнаго отца всѣхъ Ѳеодосія», — трудиться въ духѣ горячей любви къ Отечеству, съ искреннимъ желаніемъ научиться и узнать истину. (Несторъ, историко-критическое разсужденіе о началѣ Русскихъ Лѣтописей, *М. Погодина*, профессора Русской Исторіи въ Московскомъ университетѣ. М. 1839).

Библіографич. указатель. — *Шлецеръ:* Nestor. Russische Annalen in ihrer Slavonischen Grundsprache verglichen, übersetzt und erklärt. 4 Bände. 1802—1809. Трудъ Шлецера доведенъ до 980 года. На Р. языкъ переведенъ *Языковымъ* подъ названіемъ: «Несторъ, Русскія лѣтописи на древле-Слав. языкѣ, сличенныя, переведенныя и объясненныя А. Л. Шлецеромъ». 3 части. Спб. 1809—1819. Сочиненіе Шлецера разсмотрѣно *Поповымъ* въ «Разсужденіи о Р. исторіографіи». Моск. Сборникъ за 1847 г., стр. 399—483. — О Русскихъ лѣтописяхъ и лѣтописателяхъ по 1240 годъ. *В. Перевощикова.* Труды Рос. Академіи. 1841, Ч. IV. — На изслѣдованіе *Погодина* мы указали выше. — Оборона лѣтописи Русской, Несторовой, отъ навѣта скептиковъ. *П. Буткова.* Спб. 1840. — Несторъ, первый писатель Рос. исторіи. *Кубарева.* Рус. Историч. Сборникъ. 1842, т. IV, кн. 4. — Краткій обзоръ Рус. временниковъ, находящихся въ библіотекахъ С.-Петербургскихъ и Московскихъ. *Иванова.* Ученыя Зап. Казанскаго университета. 1843, кн. II. *Его же:* Общее понятіе о хронографахъ и описаніе нѣкоторыхъ списковъ ихъ, хранящихся въ библіотекахъ С.-Петерб. и Москов.-Уч. Зап. Казанскаго университета. 1843, кн. III.—

вянскихъ, возстановитель Чешской литературы. Въ 1822 г. онъ издалъ знаменитый свой трудъ: «Правила Славянскаго языка (Institutiones linguae Slavicae) по древнему нарѣчію, которое употребляется въ церковныхъ книгахъ, какъ у Русскихъ, Сербовъ и другихъ племенъ Греческаго вѣроисповѣданія, такъ и Далматовъ, глаголитовъ Латинскаго исповѣданія». «Правила» перев. на Р. языкъ *Погодинъ* и проф. *Шевыревъ* въ 1834 г. — «Правила» — лучшее произведеніе Добровскаго.

[1]) Род. 1711 г., ум. 1765 г.

[2]) Род. 1766 г., ум. 1826 г.

[3]) Род. 1799 г., ум. 1837 г.

О Несторовой Лѣтописи. *Бѣляева.* Чтенія Общества Исторіи и Древностей при Московскомъ университетѣ. 1847, № 5.—Проф. *Соловьевъ* въ своей «Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ» обозрѣваетъ составъ нашихъ лѣтописей и указываетъ на религіозныя, нравственныя, политическія и научныя понятія древняго лѣтописца и его продолжателей. Т. III, изд. 3-е, стр. 118 — 150. — Исторія Рус. Словесности. Лекціи Степана *Шевырева.* М. 1860, изд. 2-е, ч. II, стр. 81 — 129. — О древней Рус. лѣтописи, какъ памятникѣ литературномъ. *М. И. Сухомлинова.* Ученыя Записки 2-го Отд. Импер. Акад. Наукъ. Спб. 1856, кн. III. Прекрасный трудъ проф. Сухомлинова мы въ особенности предлагаемъ для чтенія воспитанникамъ. Въ немъ они найдутъ весьма любопытный для себя матеріалъ, изложенный самымъ понятнымъ языкомъ. Трудъ г. Сухомлинова заключаетъ въ себѣ слѣд. отдѣлы: обзоръ списковъ Рус. лѣтописей (стр. 1 — 25), начало и ходъ лѣтописанія въ Россіи (стр. 25 — 51), заимствованія въ древней лѣтописи (стр. 51 — 116): въ этомъ отдѣлѣ приведены многочисленныя выписки изъ Свящ. Писанія, *Палеи* [1]), исповѣданія вѣры Михаила Синкелла [2]), жизнеописаній св. Кирилла и Меѳодія, поученій Св. Ѳеодосія, *Хроники Георгія Амартола* и сочиненія Меѳодія Патарскаго [3]), — самостоятельная часть лѣтописи (стр. 116 — 182): здѣсь разсмотрѣно содержаніе и изложеніе лѣтописи, а сверхъ того — представлены для сравненія выписки изъ лѣтописей Козьмы Пражскаго [4]), Ламберта Гершфельдскаго [5]) и Григорія Турскаго [6]), — далѣе у г. Сухомлинова слѣдуетъ разборъ языка и слога древней лѣтописи (тутъ находимъ выписки пословицъ, внесенныхъ въ лѣтопись, выписки отрывковъ изъ «Степенной книги», изъ соч. Ломоносова и Карамзина, изъ лѣтописей Козьмы Пражскаго и Ламберта), общее заключеніе о лѣтописцѣ и наконецъ указаны *пособія* при изученіи Несторовой лѣтописи. Здѣсь не только поименованы спеціальныя изслѣдованія и статьи по этому предмету, но и представлена выборка замѣчательныхъ мѣстъ и мыслей у того или другаго ученаго.

Шевыревъ о Шлецерѣ. — «Августъ Людвигъ Шлецеръ родился въ 1735 году, въ деревушкѣ Гогенлоге-Кирхбергской, отъ сельскаго пастора. На десятомъ году возраста онъ собиралъ уже анекдоты и пословицы, объявляя тѣмъ сочувствіе живому событію и народному смыслу. Два университета Германскихъ, Виттенбергскій и Геттингенскій, и третій Шведскій, въ Упсалѣ, участвовали въ его образованіи. Богословіе было первою наукою, которою онъ занимался въ Виттенбергѣ. За нимъ слѣдовала филологія. Упсала открыла ему естественныя науки. Рано усвоилъ онъ себѣ многіе языки, въ томъ числѣ восточные, древній Готскій въ переводѣ Улфилы и Исландскій въ сагахъ. Геттин-

---

[1]) Подъ именемъ *Палеи* (*παλαιά — παλαιός*) извѣстно въ Слав. рукописяхъ изложеніе Ветхозавѣтной исторіи съ добавленіями изъ книгъ апокрифическихъ.

[2]) *Синкеллъ* (*σύγκελλος*) — помощникъ патріарха, управляющій его церковію, домашними дѣлами. Михаилъ, Синкеллъ Іерусалимскаго патріарха Ѳомы, жилъ въ IX вѣкѣ.

[3]) Былъ *епископомъ* въ Патарѣ. Патара — главный городъ Малоазійской области Ликіи. Жилъ Меѳодій въ III и IV в.

[4]) Лѣтописецъ *Чешскій*, настоятель Чешской церкви. Его лѣтопись изображаетъ событія Чешскаго народа съ древнѣйшихъ временъ до 1125 г. — Козьма Пражскій ум. 1125 г.

[5]) Монахъ и священникъ, лѣтописецъ Германскій. Жилъ въ X и XI в.

[6]) *Григорій*, еписк. Турскій, лѣтописецъ Французскаго народа, ум. въ 595 г. Его лѣтопись состоитъ изъ десяти книгъ; въ нихъ изображена исторія Франковъ до 591 г.

генъ довершилъ его ученое образованіе. Здѣсь къ наукамъ отвлеченнымъ присоединились науки практическія, обозначавшія будущее направленіе Шлецера, историко-статистическое и политическое. Здѣсь физика, химія, ботаника, анатомія, зоологія, Моисеево законодательство, исторія имперіи Германской, ленное право, нравоученіе, естественное право, вексельное право, математика и политика попеременно его занимали. Судя по этому можно видѣть, какія разнообразныя свѣдѣнія вмѣщалъ въ себѣ этотъ человѣкъ, и на какой обширной энциклопедической почвѣ выросла его великая спеціальность въ исторической критикѣ.

«Вотъ какихъ ученыхъ мужей доставляла тогда Германія нашему Отечеству! Это былъ колоссъ въ дѣлѣ знанія и съ тѣмъ вмѣстѣ человѣкъ геніальный. Миллеръ, самъ у насъ достойно воздѣлывавшій отечественную науку, пригласилъ къ намъ и Шлецера и тѣмъ еще болѣе заслужилъ нашу признательность. Въ 1761 году переѣхалъ Шлецеръ въ Петербургъ, за годъ до вступленія на престолъ Русской той принцессы Ангальтъ-Цербтской, которая, еще 16-ти лѣтъ, въ 1745 году, пріѣхала въ Россію и занемогла отъ усиленныхъ занятій Русскимъ языкомъ. Можно заключить, какъ примѣръ Екатерины II дѣйствовалъ на Германцевъ, пріѣзжавшихъ въ Россію. Шлецеръ неутомимо принялся за Русскій языкъ, который былъ пятнадцатымъ изъ всѣхъ, какіе онъ уже тогда изучалъ. Но ни съ однимъ онъ не вынесъ такой борьбы, какъ съ Русскимъ. Черезъ годъ по восшествіи на престолъ императрицы Екатерины II, въ 1763 году, Шлецеръ издавалъ уже Русскую Грамматику [1]).

«Изученіе языка и сближеніе съ Русскими дали Шлецеру понятіе о Русскомъ народѣ и его способностяхъ. Онъ, какъ Екатерина, имѣлъ въ высшей степени характеръ безпристрастнаго Германца, способнаго отречься отъ своихъ народныхъ предразсудковъ въ пользу чужой народности: наука особенно давала ему эту возможность. Весь огромный запасъ своихъ свѣдѣній и всю силу исторической критики, имъ первымъ развитую, Шлецеръ примѣнилъ къ Несторовой Лѣтописи. Въ теченіи сорока лѣтъ, нашъ инокъ-лѣтописецъ выносилъ на себѣ всю тяжесть учености Германца, всѣ пробы неутомимой его пытливости, и вынесъ ихъ съ честью и славой. Шлецеръ, сличивъ Нестора со всѣми Византійскими и западными лѣтописцами, открылъ, что на всемъ пространствѣ верхнесѣверной исторіи, отъ 800 по самый 1500 годъ, Несторъ есть *одинъ только* настоящій, въ своемъ родѣ полный и справедливый лѣтописатель. Онъ назвалъ его *честнымъ* Несторомъ, преимущественно передъ другими его совмѣстниками». (Изъ «Исторіи Русской Словесности». М. 1860, изд. 2-е, ч. 2-я, стр. 94—96).

Обычаи Славянъ.

(Изъ Лѣтописи Нестора).

Имяху бо обычаи свои, и законъ отецъ своихъ и преданья, кождо свой нравъ. Поляне бо своихъ отецъ обычай имуть кротокъ и тихъ, и стыдѣнье къ снохамъ своимъ и къ сестрамъ, къ матеремъ и къ

---

[1]) Эта Грамматика—слабое произведеніе Шлецера. Ломоносовъ высказалъ о ней самое рѣзкое мнѣніе. Соч. *Ломоносова*. Т. I, стр. 762.

родителемъ своимъ, къ свекровемъ, и къ деверемъ велико стыдѣнье имѣху; брачныи обычаи имяху: не хожаше зять (женихъ) по невѣсту, но приводяху вечеръ [1]), а завтра приношаху по ней, что вдадуче [2]). А Древляне живяху звѣриньскимъ образомъ, живуще скотьски: убиваху другъ друга, ядяху вся нечисто, и брака у нихъ не бываше, но умыкиваху [3]) уводы дѣвиця. И Радимичи, и Вятичи [4]), и Сѣверъ [5]) одинъ обычай имяху: живяху въ лѣсѣ, якоже всякій звѣрь, ядуще все нечисто, срамословье въ нихъ предъ отьци и предъ снохами; браци не бываху въ нихъ, но игрища межю селы. Схожахуся на игрища, на плясанье, и на вся бѣсовьская игрища, и ту умыкаху жены собѣ, съ нею же кто съвѣщашеся; имяху же по двѣ и по три жены. Аще кто умряше, творяху трызну [6]) надъ нимъ, и по семъ творяху кладу велику, и възложахуть и на кладу мертвеца, сожьжаху, а посемъ собравше кости, вложаху въ судину малу и поставяху на столпѣ на путехъ, еже творять Вятичи и нынѣ. Си же творяху обычая Кривичи, прочіи поганів, не вѣдуще закона Божья, но творяще сами собѣ законъ. (Полн. Собр. Р. Лѣт. 1—6).

Война и Миръ.

(Изъ Лѣтописи Нестора).

1. Походъ Олега на Грековъ (907 г.).

Въ лѣто 6412. Въ лѣто 6413. Въ лѣто 6414. Въ лѣто 6415. Иде Олегъ на Грекы, Игоря оставивъ Кыевѣ [7]); поя же множьство

---

[1]) Вин. п. ед. ч.

[2]) Приносили *вѣно*, или плату за невѣсту. *Буслаевъ:* Историч. Христоматія. Москва. 1861, стр. 472. — *Соловьевъ:* Исторія Россіи. Т. I, изд. 3-е, стр. 320.

[3]) Похищали. Похищеніе или *умыканіе* дѣвицъ и доселѣ въ видѣ обряда сохраняется въ нѣкоторыхъ племенахъ Славянскихъ. *Буслаевъ.* Тамъ же. *Соловьевъ:* Исторія Россіи. Т. I, стр. 321, изд. 3-е.

[4]) Радимичи бо и Вятичи отъ Ляховъ. Бяста бо 2 брата въ Лясѣхъ, Радимъ, а другій Вятко; и пришедъша сѣдоста, Радимъ на Съжю, прозвашася Радимичи, а Вятько сѣде съ родомъ своимъ по Оцѣ, отъ него же прозвашася Вятичи. Лѣтопись *Нестора*, стр. 5.

[5]) Друзіи (Славяне) сѣдоша по Деснѣ, по Сулѣ, и нарекошася Сѣверъ (т. е. Сѣверяне). Тамъ же, стр. 3.

[6]) Подъ именемъ *тризны* разумѣлись вообще поминки, и потомъ преимущественно борьба въ честь умершаго; съ поминками соединялся веселый пиръ, также рѣзаніе и царапаніе лица въ знакъ печали. *Соловьевъ:* Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ. Т. I, стр. 65, изд. 3-е. Ближніе умершаго язвили лица свои и закалали на могилѣ любимаго коня его. *Карамзинъ:* Исторія Государства Россійскаго. Т. I, стр. 103, изд. 2-е.

[7]) *Предложный* падежъ (мѣстный), безъ предлога.

Варягъ, и Словѣнъ, и Чюди, и Кривичи, и Мерю, и Поляны, и Сѣверо (Сѣверянъ), и Деревляны [1]), и Радимичи, и Хорваты, и Тиверци: си вси звахуться Великая Скуѳь. И съ сѣми всѣми поиде Олегъ на конѣхъ и въ кораблѣхъ, и бѣ числомъ кораблій 2000. И приде къ Царюграду, и Греци замкоша Судъ (гавань), а городъ затвориша. И вылѣзе (выиде) Олегъ на берегъ, и повелѣ воемъ изъволочити корабля на берегъ, и повоева около города, и много убійство створи Грекомъ, и полаты многы разбиша, а церькви пожьгоша; а ихъ же имяху полоняники (плѣнники), овѣхъ посѣкаху, другыя же мучаху, иныя же разстрѣляху, а другыя въ море вметаша, и ина многа зла творяху Русь [2]) Грекомъ, елико же ратніи творять. И повелѣ Олегъ воемъ своимъ колеса издѣлати и въставити корабля на колеса; и бывшю покосну вѣтру [3]), успяша прѣ (паруса) съ поля, и идяше къ городу. Видѣвше же Грецѣ убояшася и ркоша, выславше къ Ольгови: «не погубляй городъ, имемъся по дань, якоже хощеши». И стави (устави) Олегъ вои, и вынесоша ему брашна и вино, и не прія его; бѣ бо устроено съ отравою. И убояшася Грецѣ и ркоша: «нѣсть се Олегъ, но святый Дмитрій, посланъ на ны отъ Бога». И заповѣда Олегъ дань даяти на 2000 кораблій, по 12 гривнѣ на человѣка, а въ корабли по 40 мужь; няшася (и яшася) Греци по се, и почаша Греци мира просити, дабы не воевалъ Грецькой земли. Олегъ же мало отступивъ отъ города, нача миръ творити съ царема Грецькыма, съ Леономъ и съ Александромъ, посла къ нима въ городъ Карла, Фарлофа, Велмуда, Рулана и Стемида [4]), глаголя: «имѣте ми ся по дань». И ркоша Грецѣ: «чего хочете и дамы ти». И заповѣда Олегъ дати воемъ на 2000 кораблій, по двѣнадцать гривнѣ на ключь [5]), и потомъ даяти уклады на Рускіе городы: первое на Кіевъ, таже и на Черниговъ, и на Переяславъ, и на Полътескъ (Полотскъ), и на Ростовъ, и на Любечь, и на прочая городы; по тѣмъ бо городомъ [6]) сѣдяху князья подъ Ольгомъ суще. «да приходять Русь, хлѣбное емлють, елико хотять, и иже придуть гостье, да емлють мѣсячину на 6 мѣсяць, и хлѣбъ, и вино, и мяса,

[1]) *Деревляне* вмѣсто Древляне: Русское полногласіе.

[2]) *Творяху Русь.* Въ Церковно-Славянскомъ и древне-Русскомъ языкѣ при именахъ собирательныхъ сказуемое ставилось во множественномъ числѣ.

[3]) *Дательный* самостоятельный.

[4]) Имена Олеговыхъ пословъ. Всѣ они, кромѣ Карла и Стемида, Скандинавы. Карлъ и Стемидъ звучатъ по-Славянски или корнями своими примыкаютъ къ Слав. языку. Карлъ имѣетъ подобное себѣ имя въ Словѣ о Полку Игоревѣ — *Карна* отъ корня *кърнъ* — обрѣзанный, обрубленный, оттуда — *карнать* (обрубать). *Стемиръ* (или Стемидъ) сокращено изъ Станимиръ. *Срезневскій.* Извѣст. 2-го Отд. Ак. Наукъ. Т. I, стр. 319.

[5]) *На человѣка,* по объясненію другихъ — на лодку.

[6]) *Городомъ* — полногласіе Русское.

и рыбы, и овощемъ, и да творять имъ мовь [1]), елико хотять; и поидуть же Русь домови [2]), да емлють у царя вашего на путь брашно, и якоря, и ужа (канаты — гужи), и прѣ (паруса), и елико надобѣ». И яшася Греци, и ркоша царя и боярьство все: «аще приідуть Русь безъ купли [3]), да не взимають мѣсячины; да запретить князь словомъ своимъ, приходящимъ Руси здѣ, да не творять пакости въ селѣхъ въ странѣ нашей; приходящіи Русь да витають у святаго Мамы, и послеть царство наше, да испишють имена ихъ, и тогда возмуть мѣсячное свое, первое отъ города Кіева, и паки изъ Чернигова, и Переяславля, и прочіи городи; и да входять въ городъ одиными вороты, съ царевымъ мужемъ, безъ оружья, мужь 50, и да творять куплю яко же имъ надобѣ, не платяче [4]) мыта [5]) ни въ чемъ же». Царь же Леонъ съ Олександромъ миръ створиста съ Ольгомъ, имъшеся по дань и ротѣ [6]) заходивше межи собою, цѣловавше сами крестъ, а Ольга водиша и мужій его на роту; по Рускому закону кляшася оружьемъ своимъ, и Перуномъ богомъ своимъ, и Волосомъ скотьимъ богомъ [7]) и утвердиша миръ. И рече Олегъ: «исшійте прѣ паволочиты [8]) Руси, а Словѣномъ кропиньныя [9]), и бысть тако; и повѣсиша щиты своя въ вратѣхъ, показующе побѣду. и поиде отъ Царяграда. И въспяша Русь прѣ паволочитые, а Словѣне кропійныя, и раздра я́ вѣтръ; и ркоша Словѣнѣ: «имемъся своимъ толстинамъ [10]), не даны суть Словѣномъ прѣ кропииныя». И приде Олегъ къ Кіеву, неся золото, и паволоки, и овощи, и

---

[1]) *Баня.* Исконная Русская любовь къ банѣ отразилась и въ преданіи о путешествіи по Руси Андрея Первозваннаго и въ преданіи о томъ, какъ Ольга угостила банею Древлянскихъ пословъ и въ приведенномъ мѣстѣ договора. Академикъ И. И. *Срезневскій:* Договоры съ Греками. Извѣстія 2-го Отд. Импер. Акад. Наукъ. Т. III, стр. 262.

[2]) *Дательн.* мѣстный.

[3]) Въ древнемъ языкѣ слово *«купля»* имѣло три значенія: торговля, товаръ, покупка. О Византійскомъ элементѣ въ языкѣ договоровъ. *Н. Лавровскаго.* Спб. 1853, стр. 134.

[4]) Народная форма дѣепричастія, вмѣсто не «платяще». Историч. Христоматія. *Буслаева*, стр. 478, примѣч. 471.

[5]) *Мыто* — имѣніе, мзда, даръ, вознагражденіе, пошлина. Оттуда — мытарь. *Срезневскій:* Мысли объ исторіи Русскаго языка. Спб. 1850, стр. 146.

[6]) *Рота* — присяга, клятвенное обѣщаніе. *Срезневскій:* Договоры съ Греками. Извѣстія 2-го Отд. Импер. Акад. Наукъ. Т. III, стр. 291.

[7]) О религіи древнихъ Славянъ, см. ниже въ отдѣлѣ «Исторіи» статью проф. *Соловьева.*

[8]) «Парусы изъ шелковой ткани». *Карамзинъ:* Исторія Госуд. Рос. Т. III, стр. 131, примѣч. 315. — Древнее слово *прѣ*, говоритъ Карамзинъ, имѣетъ связь съ глаголомъ *пряду.*

[9]) *Кропиньныя* — полотняныя.

[10]) Холстинными.

ввна, и всяко узорочье; и прозваша Ольга *вѣщій:* бяху бо людіе погани и невѣголоси. (Полн. Собр. Р. Лѣтоп. 1—12, 13).

Темы. — Разборъ отрывка со стороны этнографической: Русскіе Славяне и не Славяне. — Власти: князь, бояре. — Народъ: люди, послы, гости. — Бытъ осѣдлый: города. — Религіозныя вѣрованія. — Военные обычаи. — Предметы торговли. — Судоходство. — Мнѣніе народа объ Олегѣ. — Древнія слова. — Сравнить съ былиною «Вольга Святославичь» и съ балладою Пушкина «Пѣснь о Вѣщемъ Олегѣ». (Былина и баллада напечатаны въ I т. нашей Христоматіи, изд. 2-е, стр. 66 и 230).

2. Борьба Святослава съ Греками (971 г.).

Въ лѣто 6479 (971). Приде Святославъ въ Переяславець, и затворишася Болгаре въ градѣ. И излѣзоша Болгаре на сѣчю противу Святославу, и бысть сѣча велика, и одоляху Болъгаре; и рече Святославъ воемъ своимъ: «уже намъ сдѣ пасти; потягнемъ мужьски, братья и дружино»! И къ вечеру одолѣ Святославъ, и взя градъ копьемъ, и посла къ Грекомъ, глаголя: «хочю на вы ити, взяти градъ вашь, яко и сей». И рѣша Грьци: «мы недужи противу вамъ стати, но возми дань на насъ, и на дружину свою, и повѣжьте ны колько васъ, да вдамы по числу на главы». Се же рѣша Грьци, льстяче подъ Русью; суть бо Греци лстиви и до сего дни. И рече имъ Святославъ: «есть насъ 20 тысящь», и прирече 10 тысящь, бѣ бо Руси 10 тысящь только. И пристроиша Грьци 100 тысящь на Святослава, и не даша дани; и поиде Святославъ на Греки, и изидоша противу Руси. Видѣвше же Русь убояшася вѣло множьства вой, и рече Святославъ: «уже намъ нѣкамо ся дѣти, волею и неволею стати противу: да не посрамимъ землѣ Рускіѣ, но ляжемъ костьми, мертвыи бо срама не имамъ, аще ли побѣгнемъ, срамъ имамъ, ни имамъ убѣжати; но станемъ крѣпко, азъ же предъ вами поиду, аще моя глава ляжетъ, то промыслите собою»; и рѣша вои: «идѣже глава твоя, ту и свои главы сложимъ». И исполчившася Русь, и бысть сѣча велика, и одолѣ Святославъ, и бѣжаша Грьци; и поиде Святославъ ко граду, воюя и грады разбивая, яже стоять и до днешняго дне пусты. (Полное Собраніе Р. Лѣтоп. — 1—29, 30).

Темы. — Характеръ Святослава. — Отношеніе къ нему дружины. — Взглядъ лѣтописца на Грековъ.

Управа Государей.

(Изъ Лѣтописи Нестора).

1. Крещеніе Руси (988 г.).

Володимеръ поемъ царицю, и Настаса [1]), и попы Корсуньски, съ мощми святаго Климента и Фифа, ученика его, поима съсуды церковьныя, иконы на благословенье себѣ. Постави же церковь въ Корсунѣ на горѣ, юже съсыпаша средѣ града, крадуще присну [2]), яже церки стоить и до сего дне. Взя же ида (идя) мѣданѣ двѣ капищи (истукана, кумира), и 4 конѣ мѣдяны, вже и нынѣ стоять за святою Богородицею; якоже невѣдуще мнять я́ мрамаряны суща. Вдасть же за вѣно Грекомъ Корсунь опять царицѣ дѣля, а самъ приде Кіеву. Яко прbде, повелѣ кумиры испровреци, овы осѣчи, а другія огневи предати; Перуна же повелѣ привязати коневи къ хвосту, и влещи съ горы по Боричеву на Ручай, 12 мужа пристави тети [3]) жезльемъ. Се же не яко древу чюющю, но на поруганье бѣсу, иже прелщаше симъ образомъ человѣкы, да възмездье пріиметь отъ человѣкъ. Велій еси, Господи, чюдная дѣла твоя! вчера чтимъ отъ человѣкъ, а днесь поругаемъ. Влекому же ему [4]) по Ручаю къ Днѣпру, плакахуся его невѣрніи людье, еще бо не бяху пріялв святаго крещенья; и привлекше, вринуша и́ въ Днѣпръ. И пристави Володимеръ, рекъ: «аще кдѣ пристанеть вы, то отрѣвайте его отъ берега, дондеже пороги проидеть; то тогда охабитеся его». они же повелѣная створиша. Яко пустиша и проиде сквозѣ пороги, изверже и́ вѣтръ на рѣвѣ (холмъ, мысъ), и оттолѣ прослу Перуняна рѣнь, якоже и до сего дне словеть. Посемъ же Володимеръ посла по всему граду, глаголя: «аще не обрящеться кто рѣцѣ, богатъ лв, ли убогъ, или нищь, ли работникъ, противенъ мнѣ да будеть». Се слышавше людье, съ радостью идяху, радующеся и глаголюще: «аще бы се не добро было, не бы сего князь и боляре пріялв». Наутрія же изиде Володвмеръ съ попы царвцыны и съ Корсуньскими на Дънѣпръ, и снидеся безъ числа людій: влезоша въ воду и стояху овы до шіе, а друзіи до персій, младіи же отъ берега, друзіи же млади [5]) держаще, свершеніи же бродяху; попове же стояще молитвы творяху. И баше си вѣдѣти радость на небеси и на землв, толвко душь спасаемыхъ; а дьяволъ стевя глаголаше: «увы мнѣ, яко отсюда про-

[1]) *Анастасъ.* Этотъ мужъ помогъ Владиміру взять Греч. городъ Корсунь.

[2]) *Персть*, землю.

[3]) *Бить*, сѣчь.

[4]) *Дательный* самостоят.

[5]) *Младенцевъ.*

гонимъ есмь! сдѣ бо мняхъ жилище имѣти, яко сдѣ не суть ученья апостольска, ни суть вѣдуще Бога, но веселяхъся о службѣ ихъ, еже служаху мнѣ; и се уже побѣженъ есмь отъ невѣгласъ, а не отъ апостолъ, ни отъ мученикъ, не имамъ уже царствовати въ странахъ сихъ». Крестившимъ же ся людемъ, идоша кождо въ домы своя. Володимеръ же радъ бывъ, яко позна Бога самъ и людье его, възрѣвъ на небо рече: «Боже, створивый небо и землю! призри на новыя люди сія, и дажь имъ, Господи, увѣдѣти тобе истиньнаго Бога, якоже увѣдѣша страны хрестьяньскыя; утверди и вѣру въ нихъ праву и несовратьну, и мнѣ помози, Господи, на супротивнаго врага, да надѣяся на тя и на твою державу, побѣжю козни его». И се рекъ, повелѣ рубити церкви и поставляти по мѣстомъ, идѣже стояху кумири; и постави церковь святаго Василья на холмѣ, идѣже стояше кумиръ Перунъ и прочіи, идѣже творяху потребы князь и людье; и нача ставити по градомъ церкви и попы, и люди на крещенье приводити по всѣмъ градомъ и селомъ. Пославъ нача поимати у нарочитое чади дѣти (у лучшихъ гражданъ дѣтей), и даяти нача на ученье книжное; матере же чадъ сихъ плакахуся по нихъ, еще бо не бяху ся утвердили вѣрою, на акы по мертвеци плакахуся. Симъ же раздаяномъ на ученье книгамъ, събыстся пророчество на Русьстѣй земли, глаголющее: «во оны дніи услышать глусіи словеса книжная, и ясиъ будеть языкъ гугнивыхъ.» Си бо не бѣша преди слышали словесе книжного, но по Божью строю (строенію), и по милости своей помилова Богъ. (Полное Собраніе Русск. Лѣт. 1—50 и 51).

Темы. — Планъ разсказа лѣтописца. — Почему лѣтописецъ подробно изображаетъ моментъ крещенія? — Не выражаетъ ли гдѣ-либо лѣтописецъ своего сочувствія великому событію? — Князь и народъ. — Отдѣлите выписки изъ Св. Писанія отъ разсказа. — Начало ученья. — Плачъ матерей. — Отмѣтьте древнія слова. — [1]).

2. Владиміръ — Христіанинъ.

Въ лѣто 6502 (994). Въ лѣто 6503 (995). Въ лѣто 6504 (996). Володимеръ видѣвъ церковь свершену, вшедъ въ ню и помолися Богу, глаголя: «Господи Боже! призри съ небесе и вижь, и посѣти винограда своего, и сверши, яже насади десница твоя, новыя люди си, имъ же обратилъ еси сердце въ разумъ, познати тебе Бога истинного; и призри на церковь твою си, юже создахъ недостойный рабъ твой, въ имя рожьшая тя Матере Приснодѣвыя Богородица;

[1]) Разсказъ Нестора о Печенѣжскомъ и Кіевскомъ богатырѣ напечатанъ въ I т. нашей Хрестоматіи, изд. 2, стр. 81.

аже (и аще) кто помолиться въ церкви сей, то услыши молитву его, молитвы ради пречистыя Богородица». И помолившюся ему, рекъ сице: «даю церкви сей святѣй Богородици отъ имѣнья моего и отъ градъ моихъ десятую часть». И положи написавъ клятву въ церкви сей, рекъ: «аще кто сего посудить, да будеть проклятъ». И вдасть десятину Настасу (Анастасу) Корсунянину, и створи праздникъ великъ въ тъ (той-тъй) день боляромъ и старцемъ людьскымъ, и убогимъ раздая имѣнье много. По сихъ-же придоша Печенѣзи къ Василеву, и Володимеръ съ малою дружиною изыде противу, и съступившимся, и не могъ стерпѣти противу, подъбѣгъ ста подъ мостомъ, одва укрыся противныхъ; и тогда обѣщася Володимеръ поставити церковь Василевѣ святаго Преображенья, бѣ бо въ тъ день Преображенье Господне, егда си бысть сѣча. Избывъ же Володимеръ сего, постави церковь, и створи праздникъ великъ, варя 300 проваръ [1]) меду,и съзываше боляры своя, и посадникы, старѣйшины по всѣмъ градомъ, и люди многы, и раздая убогимъ 300 гривенъ. Праздновавъ князь днiй 8, и възвращашеться Кыеву на Успенье святыя Богородица, и ту пакы створяще праздникъ великъ, сзывая безчисленое множьство народа. Видя же люди хрестьяны суща, радовашеся душею и тѣломъ, и тако по вся лѣта творяше. Бѣ бо любя словеса книжная, слыша бо единою Еуангелье чтомо: «блажени милостивiи, яко ти помилованы будутъ». и пакы: «продайте имѣнья ваша и дадите нищимъ». и пакы: «не скрывайте собѣ скровищь на земли, идѣже тля тлить и татье подъкопываютъ, но скрывайте собѣ скровище на небесѣхъ, идѣже ни тля тлить, ни татье крадуть». И Давыда глаголюща: «блаженъ мужь милуя и дая». Соломона же слыша глаголюща: «вдаяй нищему, Богу взаимъ даеть». Си слышавъ, повелѣ всякому нищему и убогому приходити на дворъ княжь и взимати всяку потребу, питье и яденье, и отъ скотьниць кунами [2]). Устрои же и се, рекъ: «яко немощнiи и болнiи не могуть долѣзти двора моего». Повелѣ пристроити кола (телѣги); въскладше хлѣбы, мяса, рыбы, овощь разноличный, медъ въ бчелкахъ (бочкахъ), а въ другыхъ квасъ, возити по городу, въпрашающимъ: «кдѣ болнiи и нищь, не могы ходити?» тѣмъ раздаваху на потребу. Се же пакы творяше людемъ своимъ по вся недѣля, устави на дворѣ въ гридьницѣ [3]) пиръ творити и приходити боляромъ и гридемъ и

[1]) *Варь*, берковцевъ.

[2]) *Кунами* назывались въ старину деньги, а скотницею — казна. Имя *скотъ* также означало у насъ *деньги*. Латинское слово *pecunia* (деньги, имѣнiе) отъ *pecus* — скотъ. *Карамзинъ:* Исторiя Госуд. Росс., изд. 2, примѣч. 477.

[3]) *Гридьница* — та комната во дворцѣ, гдѣ собиралась дружина.... *Гриднями* назывались тѣлохранители княжескiе. *Соловьевъ:* Исторiя Рос. 1 — 278. *Карамзинъ:* Ист. Госуд. Рос. I, примѣч. 476.

сцькымъ, и десяцьскымъ, и нарочитымъ (именитымъ) мужемъ, при князи и безъ князя: бываше множьство отъ мясъ, отъ скота и отъ звѣрины, бяша по изобилью отъ всего. Егда же подъпьяхуться, начьняхуть роптати на князь, глаголюще: «зло есть нашимъ головамъ! да намъ ясти деревяными лъжицами, а не сребряными». Се слышавъ Володимеръ, повелѣ исковати лжицѣ сребрены ясти дружинѣ, рекъ сице: «яко сребромъ и златомъ не имамъ налѣзти дружины, а дружиною налѣзу сребро и злато, якоже дѣдъ мой и отець мой доискася дружиною злата и сребра». Бѣ бо Володимеръ любя дружину, и съ ними думая о строи земленѣмъ, и о ратехъ, и уставѣ земленѣмъ. и бѣ жива съ князи околними миромъ, съ Болеславомъ Лядьскымъ, и съ Стефаномъ Угрьскымъ, и съ Андрихомъ Чешьскымъ, и бѣ миръ межю ими и любы. Живяше же Володимеръ въ страсѣ Божьи, и умножишася разбоеве, и рѣша епископи Володимеру: «се умножишася разбойници; почто не казниши ихъ?» Онъ же рече имъ: «боюся грѣха». Они же рѣша ему: «ты поставленъ еси отъ Бога на казнь злымъ, а добрымъ на милованье; достоить ти казнити разбойника, но со испытомъ». Володимеръ же отвергъ виры [1]), нача казнити разбойникы, и рѣша епископи и старци: «рать многа; оже вира [2]), то на оружьи и на конихъ буди». и рече Володимеръ: «тако буди». И живяше Володимеръ по устроенью отьню и дѣдню. (Полн. Собр. Р. Лѣт. I — 53, 54).

Темы. — Вліяніе христіанства на Владиміра. — Любовь его къ народу. — Князь и дружина. — Пиры Владиміра: сравн. съ былинами объ Ильѣ Муромцѣ и вообще о временахъ Владиміра (I т. нашей Христоматіи, изд. 2, стр. 78, 79, 81, 85 и д., а также стр. 42, 43, 44, 46, 47 и 48). Весьма полезно было бы здѣсь прочесть отрывокъ изъ «Исторіи» Соловьева о личномъ характерѣ и пирахъ Владиміра. Т. I, изд. 3, стр. 204—208, 294—301). — Отмѣтьте древнія слова въ разсказѣ.

3. Любовь Ярослава къ книгамъ.

Въ лѣто 6545 (1037 г.). Заложи Ярославъ городъ великый Киевъ, у него же града суть Златая врата; заложи же и церковь святыя Софья, митрополью, и посемъ церковь на Золотыхъ воротѣхъ святое Богородицѣ Благовѣщенье, посемъ святаго Георгія мана-

[1]) Русское слово *вира* въ нашихъ памятникахъ встрѣчается не раньше Владиміра, и притомъ *вира* не столько означала штрафъ или наказаніе, сколько сборъ пошлинъ отъ суда въ пользу казны. Извѣстія 2-го Отдѣл. Импер. Акад. Наукъ. Т. 1, стр. 325.

[2]) Если придется вира (пеня, штрафъ), то пусть пойдетъ на оружіе и на коней. *Соловьевъ:* Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ. Т. I, изд. 3, стр. 187.

стырь и святыя Ирины. И при семъ нача вѣра хрестьяньская плодитися и расширяти, и черноризьци почаша множитися, и манастыреве починаху быти. И бѣ Ярославъ любя церковныя уставы, попы любяше повелику, излиха же черноризьцѣ, и книгамъ прилежа и почитая ѐ часто въ нощи и въ дне; и собра письцѣ многы, и прекладаше отъ Грекъ на Словѣньское писмо, и списаша книги многы, и списка, ими же поучащеся вѣрнии людье, наслажаются ученья божественнаго. Якоже бо се нѣкто землю разореть, другый же насѣеть, инии же пожинають и ядять пищю бескудну: тако и сь (сей). отець бо сего Володимеръ взора (разорà, разоря) и умягчи, рекше крещеньемъ просвѣтивъ: сь же насѣя книжными словесы сердца вѣрныхъ людій, а мы пожинаемъ, ученье пріемлюще книжвое. Велика бо бываеть полза отъ ученья книжного; книгами бо кажеми и учими есмы пути покаянью, мудрость бо обрѣтаемъ и въздержавье отъ словесъ книжныхъ; се бо суть рѣкы, напаяющи вселеную, се суть исходища мудрости; книгамъ бо есть неисчетная глубина, сими бо въ печали утѣшаеми есмы, си суть узда въздержанью. Мудрость бо велика есть, якоже и Соломонъ хваля ѐ глаголаше: «азъ премудрость вселихъ, свѣтъ, разумъ и смыслъ, азъ призвахъ страхъ Господень; мною цареве царствують, а силнін пишють правду, мною вельможи величаются и мучители держать землю; азъ любящая мя люблю, ищющи мене обрящють благодать». Аще бо поищеши въ книгахъ мудрости прилежно, то обрящеши великую ползу души своей; иже бо книгы часто чтеть, то бесѣдуеть съ Богомъ, или святыми мужи; почитая пророческыя бесѣды, и еуангельская ученья и апостолская, житья святыхъ отець, въсиріемлеть душа велику ползу. Ярославъ же се, якоже рекохомъ, любимъ бѣ книгамъ, многы написавъ положи въ церкви святой Софьи, юже созда самъ; украси ю златомъ в сребромъ и съсуды церковными, въ ней же обычныя пѣсни Богу въздають, въ годы обычныя. И ины церкви ставляше по градомъ и по мѣстомъ, поставляя попы и дая имъ отъ имѣнья своего урокъ, веля имъ учити люди, понеже тѣмъ есть поручено Богомъ, и приходити часто къ церквамъ; и умножишася прозвутери, людье хрестьяньстіи. Радовашеся Ярославъ, видя множьство церквій и люди хрестьяны вѣло; а врагъ сѣтовашеться, побѣжаемъ новыми людьми хрестьявьскыми. (Полн. Собр. Р. Лѣт. 1—65, 66).

4. Завѣщаніе Ярослава.

Въ лѣто 6562 (1054 г.). Преставися великый князь Русьскый Ярославъ. И еще бо живущю ему, наряди сыны своя, рекъ имъ: «се азъ отхожю свѣта сего, сынове мои; имѣйте въ собѣ любовь,

понеже вы есте братья единого отца и матере, да аще будете въ любви межю собою, Богъ будеть въ васъ, и покорить вы противныя подъ вы, и будете мирно живуще; аще ли будете ненавидно живуще въ распряхъ и которающеся [1]), то погыбнете сами и погубите землю отець своихъ и дѣдъ своихъ, иже налѣзоша трудомъ своимъ великымъ. но пребывайте мирно, послушающе братъ брата. се же поручаю въ собе мѣсто столъ старѣйшему сыну моему и брату вашему Изяславу Кіевъ, сего послушайте, якоже послушасте мене, да то (ть-тъп-той) вы будеть въ мене мѣсто; а Святославу даю Черниговъ, а Всеволоду Переяславль, а Игорю Володимерь, а Вячеславу Смолинескъ». И тако раздѣли имъ грады, заповѣдавъ имъ не преступати предѣла братия, ни сгонити; рекъ Изяславу: «аще кто хощеть обидѣти брата своего, то ты помагай его же обидять». и тако уряди сыны своя пребывати въ любви. Самому же болну сущю и пришедшю Вышегороду, разболѣся велми, Изяславу тогда сущю Новѣгородѣ, а Святолаву Володимери, Всеволоду же тогда сущу у отця, бѣ бо любимъ отцемъ паче всее братьи, его же вмяше присно у собе. Ярославу же приспѣ конець житья, и предасть душу свою въ суботу 1 (недѣли) поста святаго Θеодора. Всеволодъ же спрята тѣло отца своего, възложьше на сани везоша й Кыеву, попове поюще обычныя пѣсни, плакашася по немъ людье; принесше положиша й въ рацѣ мороморянѣ, въ церкви святое Софьѣ, и плакася по немъ Всеволодъ и людье вси. Живе же всѣхъ лѣтъ 70 и 6. (Полн. Собр. Р. Лѣт. 1 — 69, 70).

Угодниковъ святыя чудеса.

(Изъ Лѣтописи Нестора).

Бориса убивше (1015 г.) оканьніи, увертѣвше въ шатеръ, възложивше на кола, повезоша й, и еще дышющю ему. Увѣдѣвше же се оканьный Святополкъ, яко еще дышеть, посла два Варяга прикончатъ его; онѣма же пришедшема и видившима, яко и еще живъ есть, единъ ею извлекъ мечь, проньзе й къ сердцю. И тако скончася блаженый Борисъ.... И положиша тѣло его, принесше отай Вышегороду, у церкве (въ церкви) святаго Василья....

Глѣбу же убьену бывшю и повержену на брезѣ межи двѣма колодама, посемъ же вземше везоша й, и положиша й у брата своего Бориса у церкве (въ церкви) святаго Василья. И съвкуплена тѣ-

---

[1]) *Которà* — вражда, распря, усобица.

ломъ, паче же душама, у Вѣладыки Всецаря (т. е. всѣхъ Царя) пребывающа, въ радости безконечнѣй, во свѣтѣ неизреченьнѣмъ, подающа ицѣлебныя (т. е. цѣлебные) дары Русьстѣй земли, и инѣмъ приходящимъ страннымъ съ вѣрою даета ицѣленье (исцѣленіе): хромымъ ходити, слѣпымъ прозрѣнье, болящимъ цѣлбы, окованымъ разрѣшенье, темницамъ отверзенье;- и еста заступника Русьстѣй земли.. (Полн. Собр. Р. Лѣтоп. стр. 58 — 59).

Въ лѣто 6580 (1072 г.). Пренесоша (принесоша) святая страстотерпця Бориса и Глѣба. Совокупившеся Ярославичи, Изяславъ, Святославъ, Всеволодъ, митрополитъ же тогда бѣ Георги, епископъ Петръ Переяславьскый, Михаилъ Юрьевьскый, Өеодосій же Печерьскый, Софроній святаго Михаила игуменъ, Германъ Игуменъ святаго Спаса, Никола игуменъ Переяславьскый, и вси игумени, и створше праздникъ, праздноваша свѣтло, преложиша я въ новую церковь, юже сдѣла Изяславъ, яже стоить и нынѣ. И вземше первое Бориса въ древянѣ рацѣ, Изяславъ, Святославъ, Всеволодъ, вземше на рама своя понесоша, предъидущемъ черноризцемъ, свѣцѣ держаще въ рукахъ, и по нихъ дьякони съ кадилы, и посемъ презвитери, и по нихъ епископи съ митрополитомъ; по сихъ съ ракою идяху. И принесше въ новую церковь, отверзоша раку, исполнися благоуханья церкы, вонѣ благы; видѣвше же се, прославиша Бога. И митрополита ужасть (ужасъ) обіиде, бѣ бо нетвердъ вѣрою къ нима; и падъ ниць, просяше прощенья. Цѣловавше мощи его, вложиша й въ раку камену. Посемъ же вземше Глѣба въ рацѣ каменѣ, вставиша на сани, и емше за ужа (за вужа) везоша й; яко быша въ дверехъ, ста рака, и не иде. И повелѣша народу възвати: «Господи помилуй», и повезоша й, и положиша я мѣсяца мая 2 день. И отпѣвше литургію, обѣдаша братья на скупь (па съвокупѣ), кождо съ бояры своими, съ любовію великою. Посемь же разидошася въсвояси. (Полное Собр. Лѣт. I, стр. 78).

Пророчества.

(Изъ Лѣтописи Нестора).

Въ лѣто 6579 (1071 г.). Въ си времена приде волхвъ, прелщенъ бѣсомъ; пришедъ бо Кыеву глаголаша сице, повѣдая людемъ, яко на пятое лѣто Днѣпру потещи вспять и землямъ преступати на ина мѣста, яко стати Гречьскы земли на Руской, а Руськѣй на Гречьской, и прочимъ землямъ измѣнитися; его же невѣгласи послушаху, вѣрніи же насмѣхаются, глаголюще ему: «бѣсъ тобою

играеть на пагубу тобѣ». Се же и бысть ему: нъ едину бо нощь бысть безъ вѣсти. Бѣси бо подътокше на зло вводять, посемъ же насмѣхаются, ввергъше й въ пропасть смертную, научивше глаголати; якоже се скажемъ бѣсовьское наущенье и дѣйство. Бывши бо единою скудости въ Ростовьстѣй области, встаста два волъхва отъ Ярославля, глаголюща: «яко вѣ свѣвѣ (мы вѣдаемъ), кто обилье держить»; и поидоста по Волзѣ, кдѣ придуть въ погостѣ, туже нарицаху лучьшiѣ жены, глаголюща, яко си жито держить, а си медъ, а си рыбы, а си скору [1]). И привожаху къ нима сестры своя, матере и жены своя; она же въ мечтѣ прорѣзавше за плечемъ, вынимаста любо жито, любо рыбу, и убивашета многы жены, имѣнье ихъ отъимашета собѣ. И придоста на Бѣлоозеро; и бѣ у нее людiй нѣ (инѣхъ) 300. Въ се же время приключися прити отъ Святослава дань емлющю Яневи, сыну Вышатину; повѣдаша ему Бѣлозерци, яко два кудесника избила уже многы жены по Волзѣ и по Шекснѣ, и пришла еста сѣмо. Янъ же испытавъ, чья еста смерда, и увѣдѣвъ, яко своего князя, пославъ къ нимъ иже около ею суть, рече имъ: «выдайте волхва та сѣмо, яко смерда еста моего князя». они же сего не послушаша. Янъ же поиде самъ безъ оружья, и рѣша ему отроци его: «не ходи безъ оружья, осоромять тя»; онъ же повелѣ взяти оружья отрокомъ, и бѣста 12 отрока съ нимъ, и поиде къ нимъ по лѣсу. Они же сташа исполчившеся противу, Яневи же идущю съ топорцемъ, выступиша отъ нихъ 3 мужи, придоша къ Яневи, рекуще ему: «вида (видя) идеши на смерть, не ходи»; оному повелѣвшю обити я̆, къ прочимъ же поиде. Они же сунушася на Яня, одинъ грѣшися Яня топоромъ, Янъ же оборотя топоръ удари й тыльемъ, повелѣ отрокомъ сѣчи я̆, они же бѣжаша въ лѣсъ. убиша же ту попина (попа) Янева. Янъ же вшедъ въ градъ къ Бѣлозерцемъ, рече имъ: «аще не имете волхву сею, не иду отъ васъ и за лѣто». Бѣлозерци же шедше яша я̆, и приведоша къ Яневи, и речеима: «что ради погубиста толико человѣкъ»? Онѣма же рекшема: «яко ти держать обилье, да аще истребивѣ сихъ, будеть гобино (обилье); аще ли хощеши, то передъ тобою вынемевѣ жито, ли рыбу, ли ино что». Янъ же рече: «по истинѣ лжа то: створилъ Богъ человѣка отъ земле, сставленъ костьми и жылами отъ крове, нѣсть въ немъ ничтоже; и не вѣсть ничтоже, но токмо единъ Богъ вѣсть». Она же рекоста: «вѣ вѣвѣ, како есть человѣкъ створенъ». Онъ же рече: «како»? Она же рекоста: «Богъ мывъся въ мовници и вспотивъся, отерься ветъхомъ, и верже съ небесе на землю; и распрѣся сотона съ Богомъ, кому въ немъ створити человѣка? и створи дьяволъ человѣка, а Богъ душю въ не вложи; тѣмже аще умреть че-

[1]) *Скора* — мѣхъ; оттуда — *скорнякъ*.

ловѣкъ, въ землю идеть тѣло, а душа къ Богу». Рече има Янъ: «по истинѣ прельстилъ васъ есть бѣсъ; коему Богу вѣруета»? Она же рекоста: «антихристу». Онъ же рече има: «то кдѣ есть»? Она же рекоста: «сидить въ безднѣ». Рече има Янъ: «какый то богъ, сѣдя въ безднѣ? то есть бѣсъ, а Богъ есть на небеси, сѣдя на престолѣ, славимъ отъ ангелъ, иже предстоять ему со страхомъ, не могуще на нь зрѣти; сихъ бо ангелъ сверженъ бысть, егоже вы глаголета антихрестъ, за величанье его низъверженъ бысть съ небесе, и есть въ безднѣ, якоже то вы глаголета, жда (ждя), егда придеть Богъ съ небесе, сего имъ антихриста, свяжеть узами и посадить й, емъ его съ слугами его и иже къ нему вѣрують: вама же и здѣ муку пріяти отъ мене, и по смерти тамо». Онѣма же рекшема: «нама бози повѣдають: не можеши нама створити ничтоже». Онъ же рече има: «лжють вама бози». Она же рекоста: «нама стати предъ Святославомъ, а ты не можеши створити ничтоже». Янъ же повелѣ бити я́, и потергати брадѣ ею. Сима же тепенома (битыма—бьемымъ) и брадѣ ею поторганѣ проскѣномъ (роскѣномъ), рече има Янъ: «что вама бози молвять»? Онѣма же рекшема: «стати намъ предъ Святославомъ». И повелѣ Янъ вложити рубль въ уста има, и привязати я́ къ упругу, и пусти предъ собою лодьѣ, и самъ по нихъ иде. Сташа на устьи Шексны, и рече има Янъ: «что вамъ бози молвять». Она же реста: «сице нама бози молвять, не быти нама живымъ отъ тобе». И рече има Янъ: «то ти вама право повѣдали». Она же рекоста: «но аще наю пустиши, много ти добра будеть; аще ли наю погубиши, многу печаль пріимеши и зло». Онъ же рече има: «аще ваю пущю, то зло ми будеть отъ Бога». И рече Янъ повозникомъ: «ци кому васъ кто родинъ убьенъ отъ сею»? Они же реша: «мнѣ мати, другому сестра, иному роженье (родичь)». Онъ же рече имъ: «мьстите своихъ». Они же поимше, убиша я́ и повѣсиша ѐ на дубѣ: отмьстье пріимша отъ Бога по правдѣ.

Сиць (сице) бѣ волхвъ всталъ при Глѣбѣ Новѣгородѣ; глаголеть бо людемъ, творяся акы Богъ, многы прельсти, мало не всего града: глаголашеть бо, яко «все вѣдаю», и хуля вѣру хрестьянскую, глаголашеть бо: «яко перейду по Волхову предъ всѣми». И бысть мятежь въ градѣ, и вси яша ему вѣру, и хотяху погубити епископа; епископъ же вземъ крестъ и облекъся въ ризы, ста рекъ: «иже хощеть вѣру яти волхву, то да идеть за нь; аще ли вѣруеть кто, то ко кресту да идеть». И раздѣлишася надвое: князь бо Глѣбъ и дружина его идоша и сташа у епископа, а людье вси идоша за волхва; и бысть мятежь великъ межи ими. Глѣбъ же возма (въземъ) топоръ подъ скутомъ, приде къ волхву и рече ему: «то вѣси ли, что утро хощеть быти, и что ли до вечера»? Онъ же рече: «все вѣдаю». И рече Глѣбъ: «то вѣси ли, что хощеть быти днесь»?—

«Чюдеса велика створю», рече. Глѣбъ же вынемъ топоръ, роста й, и паде мертвъ, и людье разидошася; онъ же погыбе тѣломъ и душею, предавъся дьяволу. (Полн. Собр. Р. Лѣтоп. 1—75, 76 77, 78).

Примѣч. — Слова *Бѣляева:* «Несторъ не только добросовѣстно передалъ политическую исторію времени (Изяслава), но удачно познакомилъ насъ и съ другими сторонами народной жизни. Его описаніе Кіевопечерскаго монастыря и тамошнихъ иноковъ, прославившихся подвигами благочестія, заслуживаетъ полное изученіе и превосходно очеркиваетъ религіозную сторону народной жизни; а разсказы о волхвахъ и кудесникахъ, являвшихся въ Новгородѣ, Ростовѣ, Кіевѣ и Бѣлѣ-озерѣ, и производившихъ большія движенія въ народѣ, указываютъ намъ на нравственную и умственную сторону народнаго духа. Изъ всѣхъ этихъ описаній, съ перваго взгляда кажущихся приставными и лишними, вытекаетъ полная и стройная исторія Руси XI вѣка; здѣсь мы видимъ, какъ возможность многихъ политическихъ событій утверждается на нравственныхъ явленіяхъ, и какъ, на оборотъ, сіи послѣднія получаютъ свою достовѣрность отъ первыхъ. Здѣсь заслуга и умъ Нестора—неоцѣнимы; онъ во всѣхъ фазахъ жизни умѣлъ подмѣтить движеніе и борьбу стараго съ новымъ и новаго со старымъ, борьбу элемента Скандинавскаго съ Славянскимъ и христіанства съ язычествомъ, и передалъ эту борьбу съ изумительною точностію». (Изъ сочиненія г. *Сухомлинова:* О древней Рус. Лѣтописи. Ученыя Записки 2-го Отдѣл. Акад. Наукъ, кн. III, стр. 226).

Знаменья Небесны.

(*Изъ Лѣтописи Нестора*).

Въ то же лѣто (6610 — 1102 г.) бысть знаменье на небеси мѣсяца генваря въ 29 день, по 3 дни: акы пожарная заря отъ встока и уга и запада и сѣвера, и бысть тако свѣтъ всю нощь, акы отъ луны полны свѣтящься. Въ то же лѣто бысть знаменье въ лунѣ, мѣсяца февраля въ 5 день. Того же мѣсяца въ 7 день бысть знаменье въ солнци: огородилося бяше солнце въ три дугы, и быша другыя дугы хребты къ собѣ. И сія видяще знаменья, благовѣрніи человѣци со въздыханьемъ моляхуся къ Богу и со слезами, дабы Богъ обратилъ знаменья си на добро: знаменья бо бывають ова на зло, ова ли на добро. На придущее лѣто вложи Богъ мысль добру въ Русьскыѣ князи, умыслиша дерзнути на Половцѣ и поити въ землю ихъ, еже и бысть. якоже скажемъ послѣ же въ пришедшее лѣто. Въ се же лѣто преставися Ярославъ Ярополчичь, мѣсяца августа въ 11 день. Въ се же лѣто ведена бысть дщи Святополча Сбыслава въ Ляхы за Болеслава, мѣсяца ноября въ 16 день. (Полн. Собр. Р. Лѣт. 1 — 117).

Въ лѣто 6618 (1110).... бысть знаменье въ Печерьстѣмъ монастырѣ,

въ 11 день февраля мѣсяца: явися столпъ огненъ отъ земля до небеси, а молнья освѣтиша всю землю, и въ небеси погремѣ въ часъ 1 нощи; и весь миръ видѣ. се же столпъ нервѣс ста на транезницѣ каменѣй, яко не видѣти бысть креста, и постоявъ мало, съступи на церковь и ста надъ гробомъ Ѳеодосьевымъ, и потомъ ступи на верхъ, акы. ко встоку лиць (лицемъ), и потомъ невидимъ бысть. Се же бѣаше не огненый столпъ, но видъ ангелескъ: ангелъ бо сице является, ово столпомъ огненымъ, ово же пламенемъ. яко же рече Давыдъ: творя ангелы своя духы и слугы своя огнь палящь. и шлеми (посыласмы) суть повелѣньемъ Божьимъ, аможе хощеть Владыка и Творець всѣхъ. ангелъ бо приходить кдѣ благая мѣста и молитвенія домове, и ту показають нѣчто мало видѣнья своего, яко мощно видѣти человѣкомъ; не мощно бо зрѣти человѣкомъ естьства ангельскаго, яко и Моиси великый не взможе видѣти ангельскаго естьства, водяшеть бо я въ день столбъ облаченъ, а въ нощи столпъ огненъ; то се не столпъ водяше ихъ, но ангелъ идяше предъ ними въ нощи и въ дне. (Полн. Собр. Р. Лѣт. 1—121).

Примѣч. — Слова г. *Сухомлинова:* «Высшею причиною событій, достопамятныхъ для потомства, лѣтописецъ признаетъ волю Господню, праведный судъ Божій: благая мысль и благое чувство возникаютъ по дѣйствію небесной силы—Богъ влагаетъ ихъ въ умъ и сердце человѣка. Рѣшимость Русскихъ князей защищать родную землю лѣтописецъ выражаетъ словами: «*вложи Богъ* мысль добру въ Руськыѣ князи». Знаменитый представитель нашей церкви, Иларіонъ (XI в.), первый митрополитъ изъ природныхъ Русскихъ, получилъ свой высокій санъ потому, что «*Богъ* князю *вложи въ сердце,* и постави и митрополитомъ въ святой Софьи». Богъ благословляетъ оружіе защитниковъ отечества и поражаетъ ужасомъ враговъ: «Богъ великый вложи ужасть велику въ Половцѣ и страхъ нападе на ня и трепетъ отъ лица Русскыхъ вой, и дремаху сами, и конемъ ихъ не бѣ спѣха въ ногахъ; наши же съ веселиемъ на конѣхъ и пѣши поидоша къ нимъ». Несчастія, постигающія людей, допускаются Богомъ, какъ справедливое наказаніе за грѣхи и беззаконія: «се бо на ны Богъ попусти поганымъ, говоритъ лѣтописецъ, не яко милуя ихъ, но насъ кажа (казня), да быхомъ ся востягнули отъ злыхъ дѣлъ: симъ казнитъ ны нахоженьемъ поганыхъ, се бо есть батогъ его, да нѣколи смирившеся вспомянемъся отъ злаго пути своего».

«Не только въ событіяхъ историческихъ, въ дѣйствіяхъ людей, но и въ явленіяхъ внѣшней природы лѣтописецъ не допускаетъ случайности. По его понятію, различныя явленія на землѣ и на небѣ происходятъ не сами по себѣ, не лишены всякой связи съ судьбою человѣка: напротивъ, ихъ таинственный смыслъ можетъ быть разгаданъ только наблюденіемъ дѣлъ человѣческихъ. Такая вѣра въ родство человѣка съ природою, въ единство всѣхъ силъ вселенной, средоточіемъ которой является человѣкъ съ его замыслами и поступками, съ его ограниченными нуждами,—есть слѣдъ давно минувшаго быта, удержанный сказаніями лѣтописи. Возникнувъ во времена первобытныя, эта вѣра оживляла многія поколѣнія, къ ряду коихъ принадлежитъ и поколѣніе, современное нашему лѣтописцу. Простымъ и необходимымъ явленіямъ природы онъ придаетъ значеніе высшее, какъ бы осмысляетъ ихъ, что

показываетъ самое названіе: *знаменіе* — явленіе знаменательное, предвѣщавшее что-либо доброе или злое: *«знаменія бо бываютъ ова на зло, ова ли на добро»* — говоритъ лѣтописецъ.

«Въ другомъ мѣстѣ Лѣтописи находится слѣдующее извѣстіе съ объясненіемъ: «Въ се же лѣто Новѣгородѣ иде Волховъ вспять, днїй 5; *се же знаменье не добро бысть: на 4-е бо лѣто пожже Всеславъ градъ.*

«Въ знаменіяхъ искали пророческаго смысла всѣ — и простолюдины, и люди высшаго сословія, даже духовенство; лѣтописецъ такъ же принималъ общее мнѣніе, какъ видно и изъ собственныхъ словъ его о причинѣ знаменій, и изъ одобрительнаго отзыва о людяхъ, прибѣгающихъ къ Богу съ молитвою о томъ, чтобы Онъ *явленья небесныя обратилъ на добро.* Но не все то, чему въ простотѣ сердца вѣрили массы, признавалъ за достовѣрное и лѣтописецъ. Когда случались солнечныя затменья, народъ говорилъ, что солнце съѣдено: такъ думали во времена Нестора; отголосокъ такого же мнѣнія сохраняется и доселѣ въ устахъ народа въ слѣдующемъ повѣрьи о зарѣ, съѣдающей солнце: «заря, заряница, красная дѣвица, по бору ходила, болѣсть говорила, травы собирала, корни вырывала, мѣсяцъ скрала, солнце съѣла: чуръ ее колдунью, чуръ ее вѣдунью». Лѣтописецъ отвергаетъ толки народа, называя «невѣголосами» тѣхъ, которые думаютъ, что солнце съѣдается. Въ самомъ же затменіи лѣтописецъ допускаетъ связь съ событіями земными, коимъ будто бы служитъ оно предзнаменованіемъ». (О древней Р. лѣтописи. Ученыя Записки 2-го Отд. Акад. Наукъ. Кн. III, стр. 154 — 157).

Печерскій Монастырь.

(Изъ Лѣтописи Нестора).

1. Основаніе его.

Въ лѣто 6559 (1051 г.). Постави Ярославъ Ларіона [1]) митрополитомъ Русина (Руси) въ святѣй Софьи, собравъ епископы. И се да скажемъ, что ради прозвася Печерьскый манастырь: Боголюбивому князю Ярославу любящю Берестовое (село), и церковь ту сущюю Святыхъ Апостолъ, и попы многы набдящю, въ нихъ же бѣ презвутеръ, именемъ Ларіонъ, мужъ благъ, книженъ и постникъ; хожаше съ Берестоваго на Днѣпръ, на холмъ, кдѣ нынѣ ветхый манастырь Печерьскый, ту молитву творяше. бѣ бо ту лѣсъ великъ. Ископа печерку малу, двусажену, и приходя съ Берестового, отпѣваше часы и моляшеся ту Богу втайнѣ. Посемъ же Богъ князю вложи въ сердце, и постави й митрополитомъ въ святѣй Софьи; а си печерка тако оста. И не по мнозѣхъ днѣхъ бѣ нѣкый человѣкъ, именемъ мирьскымъ отъ града Любча; и възложи сему Богъ въ

[1]) *Иларіонъ* извѣстенъ своими сочиненіями: Слово о законѣ, данномъ чрезъ Моисея», «Похвала Кагану Владиміру» и «Изложеніе Вѣры».

сердце въ страну ити, онъ же устремися въ Святую Гору, и видѣ ту манастыря суща, и обиходивъ (обходи), възлюбивъ черечьскый образъ, приде въ манастырь ту, и умоли игумена того, дабы нань възложилъ образъ мнишьскый. Онъ же послушавъ его, постриже й, нарекъ имя ему Антоній, наказавъ его и научивъ черечьскому образу, и рече ему: «иди въ Русь опять, и буди благословенье отъ Святыя Горы, яко отъ тебе мнози черньци быти имуть»; благослови й и отпусти его, рекъ ему: «иди съ миромъ». Антоній же приде Кыеву, и мысляше, кдѣ бы жити, и ходи по манастыремъ, и не възлюби, Богу не хотящю, и поча ходити по дебремъ и по горамъ, ища кдѣ бы ему Богъ показалъ; и приде на холмъ, идѣже бѣ Ларіонъ ископалъ печерку, и възлюби мѣсто се, и вселися въ не, и нача молитися Богу, со слезами глаголя: «Господи! утверди мя въ мѣстѣ семъ, и да будеть на мѣстѣ семъ благословенье Святыя Горы и моего игумена, иже мя постригалъ». И поча жити ту, моля Бога, ядый хлѣбъ сухъ, и то черезъ день, и воды въ мѣру вкушая, копая печеру, и не да собѣ упокоя день и нощь, въ трудѣхъ пребывая, въ бдѣньи и въ молитвахъ. По семъ же увѣдѣша добріи человѣци, и приходяху къ нему, приносяще же ему, еже на потребу бѣ; и прослу яко же великый Антоній, приходяще къ нему просяху у него благословенья. По семъ же преставльшюся великому князю Ярославу, прія власть сынъ его Изяславъ и сѣде Кыевѣ, Антоній же прославленъ бысть въ Руськѣй земли; Изяславъ же увѣдѣвъ житье его, приде съ дружиною своею, прося у него благословенья и молитвы. И увѣданъ бысть всѣми великый Антоній и чтимъ, и начаша приходити къ нему братья, и нача пріимати и постригати я; и собрася братьи къ нему числомъ 12. Ископаша печеру велику, и церковь, и кельи, яже суть и до сего дне въ печерѣ подъ ветхымъ манастыремъ. Совъкупленѣ же братьи, рече имъ Антоній: «Се Богъ вашъ братья совъкупи, и отъ благословенья есте Святыя Горы, имъ же мене постриже игуменъ Святыя Горы, а язъ васъ постригалъ; да буди благословенье на васъ перво отъ Бога, а второе отъ Святыя Горы»; и се рекъ имъ: «живѣте же собѣ, и поставлю вы игумена, а самъ хочу въ ону гору ити единъ, якоже и преже бяхъ обыклъ, уединивъся». И постави имъ игуменомъ Варлама, и самъ иде въ гору и ископа печеру, яже есть подъ новымъ манастыремъ, въ ней же скончa животъ свой, живъ въ добродѣтели, не выходя изъ печеры лѣтъ 40 никдѣже, въ ней же лежать мощѣ его и до сего дне. Братья же съ игуменомъ живяху, и умножившимся братьи въ печерѣ, и помыслиша поставити внѣ печеры манастырь; и приде игуменъ и братья ко Антонью, и рекоша ему: «Отче! умножилося братьѣ, а не можемъ ся вмѣстити въ печеру; да бы Богъ повелѣлъ и твоя молитва, да быхомъ поставили цер-

ковьцю внѣ печеры». и повелѣ имъ Антоній. Они же поклонишася ему, и поставиша церковьцю малу надъ пещерою во имя святыя Богородица Успенье. И нача Богъ умножати черноризцѣ, молитвами святыя Богородица и съвѣтъ створиша братья со игуменомъ поставити манастырь; и идоша братья ко Антонью и рѣша: «отче! братья умножаются, а хотѣли быхомъ поставити манастырь». Антоній же радъ бывъ, рече: «благословенъ Богъ о всемъ, и молитва святыя Богородица, и сущихъ отець иже въ Святѣй Горѣ да будеть съ вами». И се рекъ, посла единого отъ братьѣ ко Изяславу князю, река тако: «княже мой! се Богъ умножаетъ братью, а мѣстьце мало; да бы ны далъ гору ту, яже есть надъ печерою»; Изяславъ же слышавъ и радъ бысть, посла мужь свой, и вда имъ гору ту. Игуменъ же и братья заложиша церковь велику и манастырь огородиша столпьемъ, кельѣ поставиша многы, церковь свершиша и иконами украсиша. И оттолѣ почася Печерьскый манастырь; иже бѣша жили черньци преже въ печерѣ, а отъ того прозвася Печерьскый манастырь; есть же манастырь Печерьскый отъ благословенья Святыя Горы пошелъ. Манастыреви же свершену, игуменьство держащю Варламови, Изяславъ же постави манастырь святого Дмитрія, и выведе Варлама на игуменьство къ святому Дмитрію, хотя створити вышній сего манастыря, надѣяся богатьству. Мнози бо манастыри отъ царь и отъ бояръ и отъ богатьства поставлени, но не суть таци, каци суть поставлени слезами, пощеньемъ, молитвою, бдѣньемъ: Антоній бо не имѣ злата, ни сребра, но стяжа слезами и пощеньемъ, яко же глаголахъ. Варламу же шедъшю къ святому Дмитрію, съвѣтъ створше братья, идоша къ старцю Антонью и рекоша: «постави намъ игумена». Онъ же рече имъ: «кого хощете?» Они же рѣша: «кого хощеть Богъ и ты». И рече имъ: «кто болій въ васъ, акъ же (яко же) Θеодосій, послушьливый, кроткый, смѣреный; да сь (сей) будеть вамъ игуменъ». Братья же ради бывше, поклонишася старцю, и поставиша Θеодосья игуменомъ братьѣ, числомъ 20. Θеодосу же пріемшю манастырь, поча имѣти въздержанье, и велико пощенье, и молитвы съ слезами; и совокуплятн нача многы черноризьци, и совокупи братьѣ числомъ 100. И нача искати правила черчечьскаго, и обрѣтеся тогда Михаилъ чернець манастыря Студійскаго, иже бѣ пришелъ изъ Грекъ съ митрополитомъ Георгіемъ, и нача у него искати устава чернець Студійскыхъ; и обрѣтъ у него, и списа, и устави въ манастыри своемъ како пѣти пѣнья манастырьская, и поклонъ какъ держати, и чтенья почитати, и стоянье въ церкви, и весь рядъ церковный, на трапезѣ сѣданье и что ясте въ кыя дни, все съ уставленьемъ. Θеодосій все то изъобрѣтъ, предасть манастырю своему. Отъ того же манастыря переяша вси манастыреве уставъ: тѣмже почтенъ есть манастырь Печерьскый старѣе всего.

Θеодосьеви же живущю въ манастыри, и правящю добродѣтельное житье и черпечьское правило, и пріимающю всякаго приходящаго къ нему, *къ нему же и азъ придохъ худый и недостойный рабъ, и пріятъ мя лѣтъ ми сущю 17 отъ роженья моего.* Се же написахъ и положихъ, въ кое лѣто почалъ быти манастырь и что ради зоветься Печерьскый; а о Θеодосовѣ житьи пакы скажемъ. (Полн. Собр. Рус. Лѣт. 1 — 67, 68, 69).

2. Смерть Θеодосія.

И шестому дни (1074 г.) наставшю, болну сущю велми, приде къ нему (Θеодосію) Святославъ съ сыномъ своимъ Глѣбомъ; и сѣдящема у него, рече ему Θеодосій: «се отхожю свѣта сего, и се предаю ти манастырь на сблюденье, еда будеть что смятенье въ немъ; и се поручаю игуменьство Стефану, не дай его въ обиду.» Князь же цѣловавъ его, и обѣщася пещися манастыремъ, и иде отъ него. Семому (седьмому) же дни пришедшю, призва Стефана и братью, уже изнемагающю, и нача имъ глаголати сице: «аще по моемъ отшествіи свѣта сего, аще буду Богу угодилъ и пріялъ мя будеть Богъ, то по моемъ отшествіи манастырь ся начнеть строити и прибывати въ немъ: то вѣжьте, яко пріялъ мя есть Богъ; аще ли, по моей смерти, оскудѣвати начнеть манастырь черноризци и потребами манастырскими, то вѣдуще будете, яко не угодилъ есмь Богу.» И се ему глаголющю, плакахуся братья, глаголюще: «отче! молися за ны къ Богу; вѣмы бо, яко Богъ труда твоего не презрить.» И пресѣдящи братьѣ нощь ту у него, и наставшю дни осмому, въ 2 суботу по Пасцѣ, въ часъ 2 дне, предасть душю въ руцѣ Божіи, мѣсяця мая въ 3 день, индикта [1]) въ 11 лѣто. плакашася по немъ братья. Бѣ же Θеодосій заповѣдалъ положити ся въ печерѣ, идѣже показа труды многы, рекъ сице: «въ ночь похороните тѣло мое,» якоже и створиша; вечеру бо приспѣвшю, братья вземше тѣло его, и положиша е́ въ печерѣ, проводивше съ пѣсньми, съ свѣщами, честно, на хвалу Богу нашему Іисусу Христу. Стефану же придержащю манастырь, и блаженое стадо, еже бѣ со-

[1]) *Индиктъ* — слово Латинское и значитъ дань, налогъ. Такъ назывались сначала собственно 15-лѣтніе сроки, которые оканчивались 1 числомъ сентября и установлены были для сбора податей; потомъ стали называть тѣмъ же словомъ и каждый годъ. Новолѣтіе по *индикту*, т. е. съ *перваго сентября*, введено было отцами церкви уже въ IV вѣкѣ. Наши древніе лѣтописцы считали первымъ мѣсяцемъ сперва мартъ, потомъ сентябрь. По церковнымъ книгамъ начало года досель полагается съ 1 *сентября*, по *индикту*. Русскій Православный Календарь на 1867 годъ, стр. 13—14.

вокупилъ Өеодосій, такы черньцѣ яко свѣтила въ Руси сьяютъ: ови бо бяху постицп крѣпци, ови жо па бдѣнье; ови па кланянье колѣвьное, ови на пощенье чрезъ день и чрезъ два дни, ини же ядуще хлѣбъ съ водою, ини зелье варено, друзіи сыро [1]). Въ любви прибывающе, меншіи покаряющеся старѣйшимъ и не смѣюще предъ ними глаголати, но все съ покореньемъ и съ послушаньемъ великымъ; такоже и старѣйшіи имяху любовь къ меншимъ, наказаху, утѣшающе, яко чада възлюбленая. Аще который братъ въ етеро прегрѣшенье впадаше, утѣшаху и епитемью единого брата раздѣляху 3 ли, 4, за великую любовь: такова бо бяше любы въ братьи той, вздержанье велико. Аще братъ етеръ пыидяше изъ манастыря, вся братья имяху о томъ печаль велику, посылаючи по нь, призываху брата къ манастырю; шедше вси кланяхуся игумену, и моляху игумена, и пріимаху брата въ манастырь съ радостью. Таци бо бѣша любовници, и въздержници, и постници, отъ нихъ же намѣню (наименую) нѣколико мужь чюдныхъ.

Яко се первый Демьянъ презвутеръ: бяше тако постникъ и въздержникъ, яко развѣ хлѣба и воды ясти ему до смерти своея. Аще кто коли принесяше дѣтищь боленъ, кацѣмъ любо недугомъ одержимъ принесяху въ манастырь, ли свершенъ человѣкъ, кацѣмъ любо недугомъ одержимъ, приходяше въ манастырь къ блаженому Өеодосью: повелѣваше сему Дамьяну молитву створити болящему; и абье створяше молитву и масломъ помазаше, и пріимаху исцѣленье приходящіи къ нему. Разболѣвшю же ся и конець пріяти лежащю ему въ немощи, приде ангелъ къ нему въ образѣ Өеодосьевѣ, даруя ему царство небесное за труды его; посемъ же приде Өеодосій съ братьею и присѣдяху у него, оному же изнемагающю, възрѣвъ на игумена рече: «не забывай, игумене, еже еси обѣщалъ»; и разумѣ великый Өеодосій, яко видѣнье видѣлъ, и рече ему: «брате Дамьяне! еже есмь обѣщалъ, то ти буди.» Онъ же сомжаривъ (смеживъ) очи, предасть духъ въ руцѣ Божіи; игуменъ же и братья похорониша тѣло его.

---

[1]) Кіево-Печерскіе монахи, кромѣ исполненія религіозныхъ своихъ обязанностей, занимались еще книжнымъ дѣломъ. Несторъ въ «Житіи Преподобнаго Өеодосія» пишетъ: «Многажы пакы великому Никону (монахъ Печерскій) сѣдящю и *дѣлающю книгы* и блаженому (т. е. Өеодосію) въскрая того сѣдящю, *прядущю нити, еже на потребу таковому дѣлу* (на переплетъ книгъ), тако видѣти того кротость и смиреніе. Се же пакы тъже черноризець *Ларіонъ* повѣда ми. *Бяше бо книгамъ хитръ писати.* Сіи (сей) *по вся дни и нощи писаше книгы* в келии блаженнаго отца нашего Өеодосія, *оному же псалтырь усты поющю* тихо, руками прядущю волну, или кое ино дѣло дѣлающю.» (*Филаретъ:* Обзоръ Русской Духовной Литературы. Ученыя Записки 2-го Отдѣл. Акад. Наукъ, кн. III, стр. 21. Житіе Препод. Өеодосія въ переводѣ на Русскій языкъ напечатано въ Ученыхъ Запискахъ 2 Отд. Ак. Наукъ, кн. II, вып. 2.)

Такъ же бѣ и другый братъ, именемъ *Еремія*, иже помняше *крещенье земли Русьскыя.* Сему бѣ даръ дарованъ отъ Бога: проповѣдаше предибудущая. (Полн. Собр. Рус. Лѣт. 1—80, 81).

3. Открытіе мощей Өеодосія.

Въ лѣто 6599 (1091 г.). Игуменъ и черноризци съвѣтъ створше, рѣша: «не добро есть лежати отцю нашему Өеодосьеви кромѣ манастыря церкве своея, понеже то (той) есть основалъ церковь и черноризци совокупилъ;» съвѣтъ створше повелѣша устроити мѣсто, идѣже положити мощѣ его. И приспѣвшю празднику Успенья Богородицѣ, треми деньми, повелѣ игуменъ рушити кдѣ лежать мощѣ его, отца нашего Өеодосья, *его же повелѣнью быхъ азъ грѣшный первое самовидьць*; еже скажю, не слухомъ бо слышавъ, но самъ о семъ начальникъ. Пришедшю же игумену ко мнѣ и рекшю ми: «поидевѣ въ печеру къ Өеодосьеви,» азъ же пришедъ и со игуменомъ, не свѣдущю никому же, разглядавша, кудѣ копати, и знаменавша мѣсто, кдѣ копати, кромѣ устья. Рече же ко мнѣ игуменъ: «не мози повѣдати никому же отъ братьи, да не увѣсть никто-же; но поими его же хощеши, да ти поможеть.» Азъ же пристропхъ 7 днiй рогаліе, ими же копати. И въ вторникъ, нечеръ, пояхъ съ собою 2 брата, не вѣдущю никому же, придохъ въ печеру и отпѣвъ псалмы, почахъ копати; трудивъся вдахъ другому брату, копахомъ до полуночья; трудихомся, и не могуче ся докопати, начахъ тужити, еда како на страну копаемъ. Азъ же вземъ рогалью, начахъ копати рамено, и другу моему опочивающю передъ пещерою, и рече ми: «удариша въ било»; и азъ въ то чинъ (тотъ часъ), прокопахъ на мощѣ Өеодосьевы; оному глаголющю ко мнѣ: «удариша въ било,» мнѣ же рекущю: «прокопахъ уже.» Егда же прокопахъ, обдержашеть мя ужасть, и начахъ звати: «Господи помилуй!» О се чинъ (въ тотъ же часъ) же сѣдяста 2 брата въ манастыри, еда игуменъ утаився, нѣскыми пренесеть его отай, къ печерѣ зряста: егда удариша въ било, видѣста 3 столпы ако дугы зарны, и стоявше придоша надъ верхъ церкве, идѣже положенъ бысть Өеодосій. Въ се же время видѣ Стефанъ, иже бысть въ него мѣсто игуменъ, въ се же время бысть епископъ, видѣ въ своемъ манастыри чрезъ поле зарю велику надъ печерою; мнѣвъ яко несуть Өеодосья, бѣ бо ему възвѣщено преже днемъ единѣмъ, и сжаливъся, яко безъ него преносять й, всѣдъ на конь вборзѣ поѣха, поимъ съ собою Климента, его же игумена постави на свое мѣсто, и идяста видуче зарю велику; яко придоста близь, видѣста свѣщѣ многы надъ печерою, и придоста къ печерѣ, не видѣста ничтоже,

и придоста дну въ печеру, намъ сѣдящемъ у мощій его. Егда бо прокопахъ, послахъ къ игумену: «приди, да вынемемъ ѝ,» игуменъ же првде съ двѣма братома; прокопахъ велми, и влѣзохомъ: и лежащь мощьми, но ставн не распалися бѣша, в власи главиіи притяскли бяху. взложьше ѐ на вариманътью (на рамо — плечо), и вынесоша ѝ предъ пещеру. На другый же девь собрашася епископи, Ефремъ Переяславьскый, Стефанъ Володимерьскый, Іоанъ Черниговьскый, Маринъ Гургевьскый, игумени отъ всѣхъ манастыревъ съ черноризци придоша, и людье благовѣрвіи, и взяша мощѣ Өеодосьевы съ темьяномъ и съ свѣщами, и принесше положиша ѝ въ церкви своей ему, въ притворѣ на деснѣй странѣ, мѣсяца августа въ 14 день, въ день четвертокъ, въ часъ 1 дне, индикта 14 лѣта. празднowаша свѣтло въ тъ день.

Въ се же лѣто знаменье въ солнци: яко погыбнутв ему, и мало ся его оста, акы мѣсяць бысть, въ часъ 2 дне, мѣсяца маія 21 день. Въ се же лѣто бысть Всеволоду ловы дѣющю звѣриныя за Вышегородомъ, заметавшимъ тенета и кличаномъ (и людемъ) кликнувшимъ, спаде превеликъ змій отъ небесе; ужасошася вси людье. Въ се же время земля стукну, яко мнози слышаша. Въ се же лѣто волхвъ явися Ростовѣ иже вскорѣ ногыбе. (Полн. Собр. Рус. Лѣт. 1 — 89, 90, 91, 92).

Половцы.

(Изъ Лѣтописи Нестора).

Въ лѣто 6575 (1067 г.). Придоша иноплеменьници на Русьску землю, Половьци мнози, Изяславъ же, и Святославъ, и Всеволодъ изидоша противу имъ на Льто [1]); и бывши нощи, подъидоша противу собѣ, грѣхъ же ради нашихъ попусти Богъ на ны поганыя, и побѣгоша Русьскыи князи, в побѣдиша Половци. Наводить бо Богъ по гнѣву своему иноплеменьникы на землю, и тако скрушенымъ имъ въспомянутся къ Богу; усобная же рать бываеть отъ соблажненья дьяволя. Богъ бо не хощеть зла человѣкомъ, во блага; а дьяволъ радуется злому убійству и кровипролитью, подвизая свары и зависти, братоненавидѣнье, клеветы. Земли же согрѣшивши которѣй любо, казнить Богъ смертью, ли гладомъ, ли наведеньемъ поганыхъ, ли ведромъ, ли гусеницею, ли инѣми казньми, аще ли покаявшеся будемъ въ немъ же ны Богъ велить жити. Глаголеть

[1]) *Альто.*

бо Пророкомъ намъ: обратитеся ко мнѣ исѣмъ сердцемъ нашимъ, постомъ и плачемъ. Да аще сице створимъ, всѣхъ грѣхъ прощени будемъ: но мы на злое възвращаемся... Да того ради затворяется небо, оно ли влѣ отверзается, градъ въ дождя мѣсто пуская, ово ли мразомъ плоды узнабляя и землю вноемъ томя, нашихъ ради злобъ. Аще ли ся покаемъ отъ злобъ нашихъ, то акы чадомъ своимъ дасть намъ нся прошенья, и одождить намъ дождь ранъ и позденъ, и наполнятся гумна ваша пшеницѣ, пролѣются точила винная и масльная. сила моя великая, юже нослахъ на вы, глаголеть Господь Вседержитель. Си слышаще, въстягнемъся на добро, изищѣте суда, избавите обидимаго; на покаянье придемъ, не въздающе зла за зло, ни клеветы за клевету, но любовью прилѣпимся Господи Бозѣ нашемъ [1]), постомъ и рыданьемъ, слезами омывающе вся прегрѣшенья, не словомъ нарицающеся хрестьяни, а поганьскы живуще. Се бо не поганьскы ли живемъ, аще усрѣсти [2]) вѣрующе? Аще бо кто усрящеть черноризца, то възвращается, ли единець [3]), ли свинью. то не поганьскы ли се есть? Се бо по дьяволю наученью кобь [4]) сію держать, друзіи же и закыхавью [5]) вѣрують, еже бываеть на здранье главѣ. Но сими дьяволъ льстить, и другыми нравы, всячьскыми лестьми превабляя ны отъ Бога, трубами и скоморохы, гусльми и русальи. Видимъ бо игрища утолочена, и людій много множьство, яко упихати начнуть другъ друга, позоры дѣюще отъ бѣса замышленаго дѣла. а церкви стоять; егда же бываеть годъ молитвы, мало ихъ обрѣтается въ церкви. Да сего ради казни пріемлемъ отъ Бога всячьскыя, и нахоженье ратныхъ, по Божью повелѣнью пріемлемъ казнь грѣхъ ради нашихъ. Мы же на предлежащее възвратимся. Изяславу же со Всеволодомъ Кыеву [6]) побѣгшю, а Святославу Чернигову, и людье Кыевстіи прибѣгоша Кыеву, и створиша вѣче на торговищи, и рѣша пославшеся ко князю: «се Половци росулися [7]) по земли; дай, княже, оружье и кони, и еще бьемся съ ними.» Изяславъ же сего не послуша. И начаша людье говорити на воеводу на Коснячька; идоша на гору, съ вѣча, и придоша на дворъ Коснячковъ, и не обрѣтше его, сташа у двора Брячиславля и рѣша: «поидемъ, высадимъ дружину свою изъ погреба». И раздѣлишася надвое: половина ихъ иде къ погребу (по брегу), а половина ихъ иде по мосту; си же придоша на княжь дворъ. Изяславу же сѣ-

[1]) Должно читать: *Господеви Богу нашему.*
[2]) *Если во встрѣчу вѣруемъ.*
[3]) *Единець* — конь лысый.
[4]) *Кобь* — обычай.
[5]) *Чиханью.*
[6]) Дат. безъ предлога.
[7]) *Разсьялися.*

дящу на сѣнехъ съ дружиною своею, начаша прѣтися со княземъ. Стояще долѣ, князю же изъ оконця зрящю и дружинѣ стоящи у князя, рѣче Тукы, братъ Чудинъ, Изяславу: «видиши, княже, людье възвыли; посли, ать Всеслава блюдуть». И се ему глаголющю, другая половина людій иріде отъ погреба, отворивше погребъ; и рекоша дружина князю: «се зло есть; посли ко Всеславу, ать призвавше лестью ко оконцю, пронзутъ й мечемъ.» и не послуша сего князь. Людье же кликнуша и идоша къ порубу Всеславлю; Изяславъ же се видѣвъ, со Всеволодомъ побѣгоста съ двора, людье же высѣкоша Всеслава изъ поруба, въ 15 день сентября и поставиша й средѣ двора княжа; дворъ же княжь разграбиша, безчисленое множьство злата и сребра, кунами и бѣлью [1]). Изяславъ же бѣжа въ Ляхы. Посемъ же Половцемъ воюющимъ по землѣ Русьстѣй, Святославу сущю Черниговѣ, и Половцемъ воюющимъ около Чернигова, Святославъ же собравъ дружины нѣколико, изиде нань ко Сновьску. И узрѣша Половци идущь полкъ, пристроишася противу; и видѣвъ Святославъ множьство ихъ, и рече дружинѣ своей: «потягнемъ, уже намъ нелзѣ камо ся дѣти», удариша въ коней; одолѣ Святославъ въ трехъ тысячахъ, а Половець бѣ 12 тысячѣ, и тако бьеми, а друвіи потопоша въ Снъви, а князя ихъ яша рукама, въ 1 день ноября, и възвратися съ побѣдою въ градъ свой Святославъ. Всеславъ же сѣде Кыевѣ. Се же Богъ яви силу крестную, понеже Изяславъ цѣловавъ крестъ, и я й; тѣмже наведе Богъ поганыя, сего же явѣ избави крестъ честный. въ день бо Въздвиженья Всеславъ вздохнувъ рече: «о кресте честный! понеже къ тобѣ вѣровахъ, избави мя отъ рва сего». Богъ же показа силу крестную на показанье землѣ Русьстѣй, да не преступають честнаго креста, цѣловавше его; аще ли преступить кто, то и здѣ пріиметь казнь, и на прядущемъ вѣцѣ казнь вѣчную. Понеже велика есть сила крестная: крестомъ бо побѣжени бывають силы бѣсовьскыя, крестъ бо княземъ въ бранехъ пособить, въ бранехъ крестомъ сограждаемѣ вѣрніи людье побѣжають супостаты противныя, крестъ бо вскорѣ избавляеть отъ напастій призывающимъ его съ вѣрою; ничтоже ся боять бѣси, токмо креста, аще бо бывають отъ бѣсъ мечтанья, знаменавше лице крестомъ прогоними бывають. Всеславъ же сѣдѣ Кыевѣ мѣсяць 7. (Полн. Собр. Р. Лѣт. 1—72 и д.).

[1]) *Скорою*, т. е. мѣхами.

Описывай не мудрствуя лукаво.

(*Изъ Лѣтописи Нестора*).

Въ лѣто 6612 (1104 г.). Ведена дщи Володарева за царевичь за Олексиничь, Царюгороду, мѣсяца іулія въ 20. Томъ же лѣтѣ ведена Передъслава, дщи Святополча, въ Угры, за королевичъ, августа въ 21 день. Томъ же лѣтѣ приде митрополитъ Никифоръ въ Русь, мѣсяца декабря въ 6 день. Того же мѣсяца преставися Вячеславъ Ярополчичь въ 13 день. Того же мѣсяца въ 18 Никифоръ митрополитъ на столѣ посаженъ. Се же скажемъ: сего же лѣта исходяща, посла Святополкъ Путяту на Мѣнескъ, а Володимеръ сына своего Ярополка, а Олегъ самъ иде на Глѣба, поемше Давыда Всеславича; и не успѣша ничтоже, и възвратишася опять. и родися у Святополка сынъ, и нарекоша имя ему Брячиславъ. Въ се же лѣто бысть знаменье: стояше солнце въ крузѣ, а посредѣ круга крестъ, а посредѣ креста солнце, а внѣ круга обаполы два солнца, а надъ солнцемъ кромѣ круга дуга, рогома на сѣверъ; также знаменье и въ лунѣ тѣмъ же образомъ, мѣсяца февраля въ 4 и 5 и 6 день, въ дне по 3 дни, а въ нощь въ лунѣ по 3 нощи. (Полн. Собр. Р. Лѣт. 1 — 119).

Заключеніе Лаврентьевской Лѣтописи.

Радуется купець прикупъ створивъ, и кормьчій въ отишье приставъ, и странникъ въ отечьство свое пришедъ; такоже радуется и книжный списатель, дошедъ конца книгамъ, такоже и азъ худый, недостойный и многогрѣшный рабъ Божій Лаврентей мнихъ. Началъ есмь писати книги сія, глаголемый Лѣтописець, мѣсяца генваря въ 14, на память святыхъ отець нашихъ аввадъ, въ Синаи и въ Раиѳѣ избьеныхъ, князю великому Дмитрію Костянтиновичю, а по благословенью священьнаго епископа Діонисья, и кончалъ есмь мѣсяца марта въ 20, на память святыхъ отець нашихъ, иже въ монастыри святаго Савы избьеныхъ отъ Срацинъ, въ лѣто 6885, при благовѣрнѣмъ и христолюбивѣмъ князи великомъ Дмитріи Костянтиновичи, и при епископѣ нашемъ христолюбивѣмъ священномъ Діонисьѣ Суждальскомъ и Новгородьскомъ и Городьскомъ. И нынѣ, господа отци и братья, оже ся гдѣ буду описалъ, или переписалъ, или не дописалъ, чтите исправливая Бога дѣля, а не клените, занеже книгы ветшаны, а умъ молодъ не дошелъ; слышите Павла апостола глаголюща: не клените, но благословите. А со всѣми нами

хрестьяны Христосъ Богъ нашь, Сынъ Бога живаго, ему же слава и держава и честь и покланянье со Отцемъ и съ пресвятымъ Духомъ, и нынѣ и присно въ вѣкы, аминь. (Полн. Собр. Р. Лѣт. 1—209).

Примѣч. — Лѣтопись названа Лаврентьевскою по имени монаха Лаврентія, переписчика. Лаврентьевскій списокъ Лѣтописи Нестора считается самымъ древнѣйшимъ: онъ относится къ XIV столѣтію.

Мы выбрали отрывки изъ Лѣтописи такіе, которые могутъ служить объясненіемъ знаменитой сцены *Пушкина* «Келья въ Чудовомъ Монастырѣ», гдѣ поэтъ съ образцовою вѣрностію представилъ характеристику древняго Р. лѣтописца и древнихъ Р. лѣтописей.

Темы. — Характеристика древняго Р. лѣтописца: его религіозный взглядъ на дѣла людей и явленія природы, смиреніе, образованность, наблюдательность, трудолюбіе, любовь къ отечеству. — Характеристика древней Р. лѣтописи: содержаніе ея, цѣль, образъ изложенія, языкъ и слогъ. — Выраженіе Пушкина «пыль вѣковъ отъ хартій отряхнувъ» сопоставить со словами Лаврентіев. лѣтописи «книгы ветшаны».

2. ЗАПИСКИ (МЕМУАРЫ).

Значеніе Записокъ. — Слова *Гервинуса:* «Записки (мемуары) относятся къ лѣтописи, какъ практическій опытъ къ ученому изслѣдованію, личное знаніе свѣта—къ знанію книжному, журнальное обозрѣніе текущихъ событій—къ простому о нихъ извѣстію. Этотъ отдѣлъ составляетъ вмѣстѣ съ лѣтописью не только два главныхъ источника всякой исторіи, но и главнѣйшія ея формы, изъ которыхъ каждая необходимо должна уступать каждому художественно-законченному историческому произведенію; этотъ отдѣлъ важенъ для историческихъ наблюденій и для сужденій объ историческихъ событіяхъ, какъ лѣтопись для матеріала. Разсказъ о прошедшихъ событіяхъ—задача лѣтописца, сужденіе о нихъ — задача мемуариста. Въ мемуарахъ мы не найдемъ простаго, безпристрастнаго созерцанія, но пытливую наблюдательность и основанные на ней приговоры. Мемуариста привлекаютъ болѣе характеры, дѣйствующія лица, причины и слѣдствія событій, нежели самыя событія; возникая въ эпохи сознающаго себя разума, дальновидной политики, искусныхъ правительственныхъ распоряженій, мемуары не довольствуются тѣмъ, что видитъ невооруженный глазъ: онъ прибѣгаетъ къ зрительной трубѣ,—и дойдя до предѣловъ, полагаемыхъ исторіи временемъ, стараются по выводамъ и вычисленіямъ заглянуть въ глубину будущаго; для нихъ привлекательны тайны грядущаго; не предполагая самонадѣянно, какъ лѣтописецъ, вмѣшательства божества, они стремятся открыть въ жизни сокровенныя побужденія людей и часто переносятъ читателя съ широкой общественной арены въ частную жизнь дѣятелей. Мемуары субъективны, какъ лѣтопись объективна; они поставляютъ все въ извѣстномъ, опредѣленномъ свѣтѣ, смотрятъ на вещи съ извѣстной точки зрѣнія и потому обозрѣваютъ ихъ легко, и въ этомъ отношеніи далеко оставляютъ за собою лѣтопись. Практическія, моральныя и политическія цѣли слишкомъ обыкновенны

въ мемуарахъ, составитель которыхъ слишкомъ далекъ отъ уваженія къ предмету до забвенія своей личности, и, не колеблясь, лично относитъ его къ себѣ; онъ ставитъ себя какъ бы въ центрѣ разсказа и тѣмъ самымъ принужденъ ограничиваться настоящимъ, тогда какъ лѣтописецъ отмѣчаетъ то, чтó извѣстно ему изъ прошедшаго; одинъ сообщаетъ только то, чтó извѣстно ему по слухамъ, другой только то, чего былъ онъ участникомъ или свидѣтелемъ. Ухо также довѣрчиво, какъ глазъ недовѣрчивъ; и писателю мемуаровъ можно бы было довѣрять во всемъ неограниченно, еслн бы преобладаніе субъективности въ его разсказѣ не открывало туда свободнаго доступа разнаго рода страстямъ и пристрастію.

«Сосредоточиваясь на незначительномъ періодѣ времени, ограничиваясь извѣстнымъ кругозоромъ, сочиненіе его пріобрѣтаетъ замкнутость и единство, которыхъ, натурально, нельзя искать въ лѣтописи. Онъ затрогиваетъ въ своихъ мемуарахъ текущій интересъ дня, а не постоянные интересы своего народа; дипломатическіе пріемы на столько отдаляютъ его отъ народа, на сколько патріотическіе пріемы сближаютъ съ народомъ лѣтописца. Подобно драматургу, онъ изображаетъ все въ дѣйствіи; какъ на древнемъ театрѣ, онъ оставляетъ эпическое дѣйствіе за кулисами, выводя на сцену интригу и психологическую катастрофу. Познакомившись съ мемуарами въ дѣтской, ничѣмъ нетронутой, формѣ ихъ, весьма легко замѣтить такой драматическій характеръ.

«Уже *Ксенефонтъ* [1]) оживленъ драматически въ сравненіи съ *Өукидидомъ* [2]); а народные Романскіе историки *Жуанвиль* [3]), *Мунта-*

[1]) *Ксенофонтъ* (жилъ въ V вѣкѣ до Р. Х.)—Греческій историкъ. Онъ написалъ «Исторію отступленія 10 т. вспомогательнаго Греческаго войска (Ἀνάβασις) въ войнѣ Кира Младшаго противъ Артаксеркса», а также «Киропедію», родъ историко-педагогическаго романа.

[2]) *Өукидидъ* (род. въ 471 г. до Р. Х.)—знаменитый Греческій историкъ, государственный человѣкъ и полководецъ. Его «Исторія Пелопоннезской войны» (восемь книгъ) считается образцовымъ произведеніемъ древности. Гервинусъ, изъ котораго мы заимствовали предлагаемую выписку, ставитъ Өукидида первѣйшимъ писателемъ между древнѣйшими классиками. Германскій историкъ, въ своемъ сочиненіи «Теоретическій очеркъ исторіи», нѣсколько разъ указываетъ на Өукидида, какъ на высочайшій образецъ *прагматическаго* изложенія исторіи. Будучи ребенкомъ, Өукидидъ слышалъ на Олимпійскихъ играхъ, какъ Геродотъ (отецъ исторіи, жилъ въ V вѣкѣ) читалъ свою исторію, удивлялся разсказу славнаго писателя и, говорятъ, это удивленіе или соревнованіе пробудило въ немъ любовь къ занятіямъ историческимъ. Өукидидъ смотритъ на событія историческія, какъ глубокій политикъ, вникаетъ въ ихъ причины и слѣдствія. *Шерръ* говоритъ: «Основательность изслѣдованія, вѣрность въ сужденіяхъ, сила изображенія, высота мысли и отчетливость характеристикъ даютъ Өукидиду право быть всегда образцомъ для историка». (Всеобщая Исторія Литературы. Спб. 1863, стр. 96).

[3]) *Жуанвиль* (1224—1318)—авторъ мемуаровъ «о св. Людовикѣ IX», королѣ

неръ [1]) и др. почти исключительно театральны; у нихъ есть даже перемѣна сценъ. Какъ драматургъ представляетъ каждый характеръ односторонне, ибо онъ, представляя его только въ ограниченномъ дѣйствіи, принужденъ представлять его только съ одной стороны (напр. многосторонній Одиссей въ трагедіи необходимо сглаживается въ весьма одностороннюю личность), такъ и мемуаристъ: въ панегирическомъ или полемическомъ расположеніи онъ кладетъ на своихъ героевъ то самыя яркія краски, то самыя мрачныя тѣни.

«Есть такія эпохи и народы, которые почти исключительно производятъ только этотъ родъ бытописанія. Такое направленіе мы видимъ въ Римѣ, начиная съ той поры, когда въ него проникаетъ Греческая культура, и въ Италіи — въ періодъ возрожденія древней классической литературы. Народу, вырабатывающему по преимуществу субъективную національность, какъ напримѣръ Французы, народу, который не полагаетъ, подобно Риму и Арагоніи, славы въ своемъ прошедшемъ, въ быломъ блескѣ, въ своей древле-исторической жизни, въ своемъ происхожденіи, въ старинныхъ, изъ вѣка въ вѣкъ идущихъ,—обычаяхъ, въ заслугахъ предковъ, народу, который напротивъ того полагаетъ въ настоящемъ свою славу, хотя бы и воображаемую славу, который укрѣпляется надеждами на будущность, которому нѣтъ дѣла ни до старинныхъ лѣтописей, вмѣстившихъ въ себѣ его исторію, ни до болѣе систематическихъ обозрѣній своего прошедшаго, который почти что забылъ свою старину,— такому народу доступенъ только тотъ родъ бытописанія, который во всемъ противоположенъ лѣтописи, который, подобно капризной модѣ, постоянно измѣняетъ свой характеръ, рисуетъ картины изъ жизни, мало заботясь о внутренней объективной ихъ связи, но самоувѣренно, съ личными притязаніями и теоріями автора, — тотъ народъ, который во всемъ ищетъ новизны, однимъ словомъ — такому народу доступны только мемуары. Собственно говоря, Французы, за исключеніемъ послѣдняго времени, сложившагося подъ чуждымъ вліяніемъ, не имѣли иныхъ историческихъ произведеній кромѣ мемуаровъ; но за то число мемуаристовъ, какъ въ древніе, такъ и въ средніе и новѣйшіе вѣка, поразительно; и *Виллардуинъ* [2]), Жуан-

---

Французскомъ. Жуанвиль раздѣлялъ всѣ труды и опасности Людовика IX во время похода его въ Египетъ и Палестину. Отрывокъ изъ мемуаровъ Жуанвиля напечатанъ г. *Стасюлевичемъ* въ III т. его «Исторіи Среднихъ Вѣковъ», стр. 707.

[1]) *Испанскій* лѣтописецъ (1265—1340).

[2]) *Виллардуинъ* или Виллегардуинъ, маршалъ Шампаніи (жилъ въ XII и XIII в.), авторъ мемуаровъ «о завоеваніи Константинополя». Его мемуары начинаются 1198 годомъ и оканчиваются 1207, считаются однимъ изъ лучшихъ произведеній крестоносной эпохи. Отрывокъ напечатанъ г. *Стасюлевичемъ* въ III т. «Исторіи Среднихъ Вѣковъ», стр. 619 и д.

виль, *Фруассаръ* [1]), *Комминъ* [2]), кардиналъ *Ретцъ* [3]) останутся здѣсь всегда превосходными образцами». (Изъ статьи «Теоретическій очеркъ исторіи». Время 1861, т. VI).

Наша литература довольно богата «Записками». Онѣ относятся къ XVII, XXVIII и XIX вѣку. Это — матеріалъ, далеко еще не разработанный. Представляемъ перечень «Записокъ», наиболѣе важныхъ для литератора и историка:—Записки графа Андрея Артамоновича *Матвѣева* (род. 1666 — ум. 1728) о первомъ Стрѣлецкомъ бунтѣ 1682 года. Напечатаны въ сборникѣ *Сахарова:* Записки Р. людей. Спб. 1841 г. — Записки Петра Никифоровича *Крекшина* (1684 — 1763) отъ рожденьи Петра до сент. 1694 г. — Напечатаны у Сахарова.—Записки Ивана Аѳанасьевича *Желябужскаго* (род. 1638 года) о времени отъ 1682 по 2-е іюля 1709 года — Напечатаны у Сахарова. — Записки монаха Сильвестра *Медвѣдева* (ум. 1690) о Стрѣлецкомъ бунтѣ. Напечатаны у Сахарова. — Памятныя Записки Н. Борисовны Долгоруковой. Р. Архивъ 1867 г., № I. — Записки *Неплюева* (1693—1773) о Петрѣ Великомъ. Въ «Дѣяніяхъ Петра Великаго», соч. *Голикова*, изд. 2-е, т. XV и въ Отеч. Зап. 1823 — 26 г., изд. *Свиньина.*— Записки В. А. *Нащокина* (1707 — 1761). Спб. 1842. Относятся ко временамъ 1712—1759 г. — Записки М. В. *Данилова*, писанныя въ 1771 г. Изд. *Строевъ.* М. 1842. — Записки князя Я. П. *Шаховскаго* (1705 — 1772). М. 1810. Касаются временъ Петра и его наслѣдниковъ до 1766 г. — Записки княгини Е. Р. *Дашковой* (1743—1710). Относятся ко временамъ Петра III, Екатерины II, Павла I и Александра I. Отрывки напечатаны въ Москвитянинѣ за 1842 г., кн. I и II (о молодости княгини, придворной жизни и путешествіи по Европѣ), Современникѣ за 1845 (объ Академіи Наукъ) и въ Отеч. Зап. за 1859, № 9 — 12, въ статьѣ г. *Иловайскаго* «Екатерина Романовна Дашкова».—Записки А. Т. *Болотова* (1738 — 1833) о временахъ Елисаветы и Петра III. Отеч. Зап. 1850, т. 69 — 78 и Библіотекѣ для Чт. 1857 — 60 г. — Любопытныя и достопамятныя дѣянія и анекдоты Государя Императора Павла Петровича. Изъ «Записокъ» *Болотова.* Р. Архивъ 1864, № 1, 2, 3, 5 и 6. — Записки Г. Р. *Державина.* М. 1760. — Мое опредѣленіе на службу. Записки И. Ѳ. *Тимковскаго.* Москвитянинъ 1852. Драгоцѣнны для исторіи нашего просвѣщенія въ XVIII в. и литературы того времени. Тутъ говорится о Шуваловѣ, Ломоносовѣ, Москов. университетѣ, Екатеринѣ, Дмитріевѣ, Козодавлевѣ и пр. «Каждое слово, говоритъ г. Геннади, тутъ драгоцѣнно, какъ чистое историческое золото». — Записки М. М. *Щербатова* (1733—1790), разными статьями напечатаны въ Библіографич. Запискахъ 1858 и 1859 г., Отеч. Зап. 1859, № 12, Москов. Вѣд. 1859, № 142 — 3, 154, 172 и 177, Атенеѣ 1858, № 3 (въ статьѣ г. *Ешевскаго*, въ Чтеніяхъ Общ. Исторіи и Древностей Росс., 1860, кн. 3, отд. II: Статистика въ разсужденіи Россіи). — Записки А. В. *Храповицкаго* (1749—1801) о временахъ Екатерины II. М. 1862. Изданіе полное съ примѣчаніями Г. Н. *Геннади.* Записки обнимаютъ время съ 18-го генв. 1782 по 1-е авг. 1786 годъ. — Записки кн. Ив. Михайловича *Долгорукова* (1764—1823) въ Москвитянинѣ 1845, № 2. Любопытны подробностями о Московскомъ университетѣ.— Записки С. Н. *Глинки* (1775 — 1847). Рус. Вѣстникъ 1863, № 4, 1865, № 7, 10,

---

[1]) *Фруассаръ* (1337 — 1401) — Франц. историкъ. Его драгоцѣнные мемуары характеризуютъ эпоху 1322 — 1400 годовъ, и изданы подъ названіемъ: Chronique de France, d'Angleterre, d'Espagne et de Bretagne.

[2]) *Комминъ* (1445 — 1509) — Франц. историкъ, оставилъ мемуары о Людовикѣ XI и Карлѣ VIII.

[3]) *Ретцъ* оставилъ записки о первыхъ лѣтахъ царствованія Людовика XIV.

1866, № 1—4, Соврем. 1865, № 10. О временахъ Екатерины, Павла, Александра.— Записки нѣкоторыхъ обстоятельствъ жизни и службы дѣйств. тайнаго совѣтника и сенатора И. В. *Лопухина* (1756—1816) въ Чтеніяхъ Общ. Ист. и Древностей, 1860, кн. 2 и 3. Изданы и отдѣльно. Сообщается много свѣдѣній о Новиковѣ и духоборцахъ. — Записки о жизни и службѣ А. И. *Бибикова* — важный матеріалъ для исторіи Екатерининскаго времени. Изд. 1817 г. — Записки *Порошина*. Спб. 1844 г.— Взглядъ на мою жизнь. Записки дѣйств. тайнаго совѣтника И. И. *Дмитріева*. М. 1866. — Записки Л. Н. *Энгельгардта*. М. 1861. Особенно интересны до 1779 г., до царствованія Императора Павла Петровича; любопытнѣй разсказы о Потемкинѣ и Турецкой войнѣ. — Записки Ф. Ф. *Вигеля*. М. 1864. — Записки *Жихарева* (ум. 1860) печатались подъ названіемъ «Записокъ Современника». Обнимаютъ начало текущаго вѣка, съ 1805 по 1819 г. Спб. 1859. — Записки Русскихъ людей. Изд. *Сахарова*. Спб. 1841. Здѣсь напечатаны «Записки» Матвѣева, Крекшина, Желябужскаго, Медвѣдева и Гордона (о годахъ 1684 и 85). — Русскіе Мемуары XVIII вѣка, ст. г. *Пекарскаго* въ Соврем. 1855, т. 50 и 51. Здѣсь представлена критическая оцѣнка записокъ Матвѣева, Желябужскаго, Крекшина, Петра Великаго, Неплюева, Долгоруковой и Долгорукова. — Записки (мемуары) Русскихъ людей. Библіографическія указанія. Г. *Геннади*. Чтенія въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ университетѣ. 1861, кн. IV, смѣсь, стр. 51 — 76. Здѣсь въ азбучномъ порядкѣ перечислены «Записки» Р. людей, указаны разныя изданія ихъ и поименованы критическія о нихъ статьи. Въ предлагаемомъ перечнѣ «Записокъ» мы пользовались статьею г. Геннади. — Записки А. П. *Ермолова*. М. 1865. Замѣтки Ермолова объ его молодости. Р. Архивъ 1867, № 3. — Отрывокъ жизни Василія *Пассека* (1736—1804), имъ самимъ сочиненный въ Санктпетербургской градской тюрьмѣ въ 1803 году. Р. Архивъ 1863, изд. 2-е, стр. 627 — 776. О временахъ Екатерины, Павла I и Александра I. — Воспоминанія И. М. *Снегирева*. Р. Архивъ 1866, № 4 и 5. О временахъ Елисаветы, Екатерины II и Александра I. Весьма интересны воспоминанія о митрополитѣ Платонѣ. — Изъ «Записокъ» графа Е. Ѳ. *Комаровскаго* (1769 — 1843). Р. Архивъ 1867, № 2 и 4. О временахъ Императора Павла отъ 1796 по 1798 годы и Александра.—Изъ «Записокъ» графа *Перовскаго*. Р. Архивъ 1865, стр. 257 — 286. Любопытнѣйшій разсказъ о 1812 годѣ.— Отрывокъ изъ «Записокъ» графа А. Х. *Бенкендорфа*. Р. Архивъ 1865, стр. 129—140. О пребываніи Императора Николая I въ городѣ Чембарѣ въ 1836 году.

ПАМЯТНЫЯ ЗАПИСКИ КНЯГИНИ Н. Б. ДОЛГОРУКОВОЙ.

Примѣч. — Княгиня Наталья Борисовна Долгорукова извѣстна въ Р. исторіи и литературѣ своею печальною судьбою и безпримѣрнымъ самоотверженіемъ. Глубокому чувству супружеской любви она принесла въ жертву лучшіе годы своей великой жизни. Героизмъ княгини Н. Б. Долгоруковой изображенъ въ разныхъ поэтическихъ произведеніяхъ—и у насъ («Наталья Долгорукая», *Козлова*) и за границею. Но всѣ поэтическіе вымыслы блекнутъ и меркнутъ передъ простыми, изъ сердца, изъ самыхъ нѣдръ его излившимися, строками «Записокъ», составленныхъ самою страдалицею.

Наталья Борисовна Долгорукова была дочь фельдмаршала временъ Петра Великаго, Бориса Петровича Шереметева. Она родилась 17-го генв. 1714 года. Отца лишилась на пятомъ году своего возраста. Мать всячески старалась о

воспитанія своей любимой дочери: «чтобъ ничего не опустить въ наукахъ». Княжна Наталья Борисовна была образованнѣйшая дѣвушка, богатая невѣста. Князь Иванъ Алексѣевичъ Долгоруковъ, 22-хъ лѣтній оберъ-камергеръ Петра II, имѣвшій уже орденъ Андрея Первозваннаго, любимецъ Государя, извѣстный всей Европѣ, ласкаемый иностранными министрами, — этотъ князь Долгоруковъ предложилъ свою руку княжнѣ Натальѣ Борисовнѣ. Обрученіе молодой четы происходило въ присутствіи всей царствующей фамиліи, всѣхъ чужестранныхъ министровъ и первыхъ чиновъ въ государствѣ. Счастіе лилось на обручившихся всѣми лучами своими. «Но это мое благополучіе, — говоритъ княгиня Долгорукова, — продолжалось не болѣе какъ *отъ декабря 24 дня по 18 генваря день*». Съ 18-го на 19-е генваря 1730 г. «паче чаянія» скончался императоръ Петръ II, и съ этого дня начались бѣдствія Натальи Борисовны. На престолъ вступила Императрица Анна Іоанновна; Биронъ сталъ преслѣдовать фамилію Долгоруковыхъ: «дома той фамиліи не оставлю», говорилъ онъ. Въ 1730 году, *5-го апр.* была сватьба князя Ивана Алексѣевича Долгорукова и княжны Натальи Борисовны Шереметевой, скромно совершившаяся, а 9-го апр. подписанъ былъ указъ о ссылкѣ Долгоруковыхъ въ Пензенскую губернію. Велѣно выѣхать изъ Москвы *въ три дня*... Едва успѣло семейство Долгоруковыхъ прибыть въ свою вотчину, какъ новый указъ опредѣлялъ имъ новое мѣсто ссылки — городъ *Березовъ* въ Сибири... Изъ города Касимова Долгоруковы должны были ѣхать (24 іюня 1730 г.) водою на стругахъ, сперва по рѣкѣ Окѣ, а потомъ по Камѣ до города Солнкамска. 24-го сентября Долгоруковы прибыли въ Березовъ. Жизнь ихъ въ Березовѣ преисполнена была всякаго рода лишеній, стѣсненій, огорченій и несчастій. На мѣстѣ ссылки Долгоруковы помѣщены были въ деревянномъ домѣ, ѣли точеными деревянными ложками, пили изъ оловянныхъ стакановъ. Выѣзжать изъ острога запрещалось. Женщины занимались вышиваньемъ шелками св. иконъ. Во дворѣ острога находилась сажелка, со множествомъ домашнихъ гусей, утокъ и лебедей. По прошествіи 8-ми лѣтъ заключенія, новыя бѣдствія обрушились на несчатную голову Натальи Борисовны. Благодаря дурному нраву сестры ея мужа, извѣстной Государыни — невѣсты Петра II, княжны, Екатерины Долгоруковой, начались опять розыски. Князя Ивана Алексѣевича разлучили съ его женою, содержали его въ особомъ покоѣ съ 10-го апр. по 4-е авг. 1738 г. — Свою лютую скорбь о разлукѣ съ мужемъ Н. Б. Долгорукова изображаетъ кровавыми строками: «Отняли у меня жизнь мою, безпримѣрнаго моего милостиваго отца и мужа, съ кѣмъ я хотѣла свой вѣкъ окончить, и въ тюрьмѣ ему была товарищь; эта черная изба, въ которой я съ нимъ жила, казалась мнѣ веселѣе царскихъ палатъ; но попущеніемъ Божіимъ за грѣхи мои и злодѣйствомъ сестры его родной и брата его лишилась». Къ покою князя Ивана Алексѣевича приставили удвоенный караулъ, не велѣли допускать къ нему его жены. Наталья Борисовна, пламенно любившая своего мужа, могла видѣть его только *одну минуту* въ день, когда посила ему пищу: но и пищу передавала заключенному не она, а часовой.... Въ августѣ 1738 г. князя Ивана Алексѣевича увезли изъ Тобольска въ Новгородъ на казнь. Супругамъ не дали проститься... Несчастная княгиня Наталья Борисовна доходила до отчаянія... «Что я дѣлала? кричала, билась, волосы на себѣ драла; кто ни попадетъ на встрѣчу, всѣмъ валяюсь въ ноги, прошу со слезами: помилуйте, когда вы христіане, дайте только взглянуть на него и проститься. Не было милосерднаго человѣка, ни словомъ меня кто утѣшилъ, а только взяли меня и посадили въ темницѣ и часоваго примкнувши штыкъ поставили». — 8-го ноября 1739 года князь Иванъ Алексѣевичъ Долго-

руковъ былъ четвертованъ въ Новгородѣ...—По разлукѣ съ мужемъ княгиня Наталья Борисовна прожила еще въ Березовѣ годъ и десять мѣсяцевъ. Въ 1740 году Императрица Анна Іоанновна, вслѣдствіе просьбы страдалицы княгини Долгоруковой, позволила ей возвратиться изъ Сибири. Княгиня Н. Борисовна возвращалась съ двумя своими сыновьями: старшему пошелъ 8 годъ, а младшему — 2-й. Въ Москву она прибыла 17 окт. 1740 года. Здѣсь княгиня странствовала по чужимъ домамъ, терпѣла всякую тѣсноту, нужду и лишенія, но не взирая на то, прилагала все стараніе о воспитаніи дѣтей своихъ. Устроивъ судьбу одного изъ нихъ, княгиня Наталья Борисовна отправилась въ Кіевъ и тамъ 1758 г. постриглась въ монашество съ именемъ Нектаріи. При ней жилъ ея младшій сынъ, несчастный молодой человѣкъ, болѣзненный въ умственномъ отношеніи (онъ тайно потомъ принялъ монашество). Старшій сынъ княгини Натальи Борисовны со своею супругою посѣщалъ свою мать въ ея монастырскихъ кельяхъ. Великая Екатерина оказывала свое высокое покровительство дѣтямъ княгини. Сохранилось письмо Императрицы къ Натальѣ Борисовнѣ, которое служитъ однимъ изъ безчисленныхъ доказательствъ материнской любви Государыни къ ея подданнымъ... Въ 1767 году 18-го марта княгиня Наталья Борисовна приняла схиму... Накапунѣ постриженія, она съ высоты берега бросила въ волны Днѣпровскія обручальное кольцо—въ доказательство того, что она геройски разрываетъ всѣ свои связи съ міромъ... Лопухинъ, авторъ весьма любопытныхъ «Записокъ», будучи ребенкомъ, видѣлъ въ Кіевѣ Нектарію, которая была другомъ его матери (супруга Кіевскаго губернатора). Онъ говоритъ: «Помню, особливо, какъ всѣ со слезами разсказывали, въ какой она борьбѣ христіанскаго великодушія съ нѣжностью сердечной страсти, при своемъ постриженіи (въ схиму), послѣ нѣсколькихъ лѣтъ житія въ монастырѣ до онаго, въ знакъ отверженія того, что ей на свѣтѣ еще драгоцѣнно было, бросила въ Днѣпръ перстень, коимъ обручена была съ любезнымъ своимъ несчастнымъ супругомъ». Младшій сынъ княгини Натальи Борисовны, въ тайнѣ монахъ, умеръ 1768 года [1]). Этотъ ударъ окончательно подорвалъ ея сокрушенныя многими бѣдствіями силы. 3-го іюля 1771 г. несчастная, но великая въ своей печальной судьбѣ, княгиня Наталья Борисовна скончалась. Прахъ ея покоится съ Кіево-Печерской лаврѣ рядомъ съ гробомъ ея сына... Императрица Екатерина II, въ бытность свою въ Кіевѣ 1787 г., приказала окружить рѣшеткою надгробную плиту княгини Долгоруковой, въ знакъ уваженія своего къ ея памяти....

«Записки» свои княгиня Наталья Борисовна Долгорукова писала въ предсмертные годы. Онѣ разсказываютъ о судьбѣ княгини до жизни ея въ Березовѣ. Старшій сынъ Натальи Борисовны и его супруга убѣдили княгиню, чтобъ она «оставила въ память журналъ». Княгиня, какъ ни было ей горько вспоминать о бѣдственной судьбѣ ея, согласилась на просьбу дѣтей. «Записки» отличаются удивительною простотою, искренностію, написаны языкомъ понятнымъ. Нравы эпохи, слѣдовавшей послѣ Петра Великаго, изображены ярко и поразительно... Безпримѣрныя страданія и характеръ героини представлены потрясающимъ образомъ.

«Записки» Натальи Борисовны Долгоруковой изданы *три* раза: въ «Другѣ Юношества», журналѣ 1810 г.—Въ книгѣ «Сказанія о родѣ князей Долгоруковыхъ». Спб. 1840 г. — И тамъ и здѣсь «Записки» напечатаны не вполнѣ, и притомъ съ

---

[1]) Постриженъ за два дня до смерти въ рясофоръ тайно. Въ кельѣ отправлено было погребеніе монашеское, а въ лаврѣ свѣтское.

подновленнымъ слогомъ. — Третій разъ «Записки» напечатаны въ «Русскомъ Архивѣ» за 1867 г., № I. Это изданіе самое лучшее. Оно сдѣлано по рукописи, хранящейся въ семействѣ правнука Натальи Борисовны Долгоруковой, князя Димитрія Ивановича Долгорукова. Въ концѣ подлинной рукописи «Записокъ» сынъ княгини, князь Мих. Ивановичъ Долгоруковъ, сдѣлалъ такую приписку: «Получилъ я сію книгу изъ Кіева по кончинѣ несчастной матери моей въ 1773 году, января 17-го дня въ день ея рожденія».

Я очень имѣла склонность къ веселію. Я осталась малолѣтна послѣ отца моего, не больше какъ пяти лѣтъ; однако я росла при вдовствующей матери моей во всякомъ довольствѣ, которая старалась о воспитаніи моемъ, чтобъ ничего не упустить въ наукахъ, и всѣ возможности употребляла, чтобъ мнѣ умножить достоинствъ. Я ей была очень дорога; льстилась мною веселиться, представляла себѣ, когда приду въ совершенныя лѣты, буду добрый товарищъ во всякихъ случаяхъ, и въ печали и въ радости; и такъ меня содержала, какъ должно благородной дѣвушкѣ быть; пребезмѣрно меня любила, хотя я тому и недостойна была. Однако все мое благополучіе кончилось: смерть меня съ нею разлучила. Я осталась послѣ милостивой своей матери четырнадцати лѣтъ; это первая бѣда меня встрѣтила. Сколько я ни плакала, только еще все не доставало, кажется, противъ любви ея ко мнѣ. Однако ни слезами, ни рыданіемъ не воротила. Осталась я сиротою съ большимъ братомъ [1]), который уже сталъ своему дому господинъ. Вотъ уже совсѣмъ моя жизнь перемѣнилась. Можно ли всѣ тѣ горести описать, которыя со мной случались? Надобно молчать. Хотя я льстилась впредь быть счастливой, однако очень часто источники изъ глазъ лились. Молодость лѣтъ нѣсколько помогала терпѣть во ожиданіи впредбудущаго счастія; думала еще: будетъ и мое время, повеселюсь на свѣтѣ; а того не знала, что Вышняя Власть грозитъ мнѣ бѣдами, и что въ будущемъ надежда обманчива бываетъ.

Далѣе княгиня разсказываетъ объ образѣ своей жизни послѣ смерти матери, о своей скромности, объ удаленіи отъ свѣтскаго общества: «я заранѣе пріучала себя къ скукѣ.» Жила она такъ два года.

Обыкновенно всегда, гдѣ слышатъ невѣсту богатую, тутъ и женихи льстятся; пришло и мое время, чтобъ начать ту благополучную жизнь, которою я льстилась. Я очень была счастлива женихами; однако то оставлю, а буду вамъ то писать, что въ дѣло произошло. Правда, что начало было очень велико; думала, я первая счастливица въ свѣтѣ, потому что первая персона въ нашемъ го-

[1]) Графъ *Петръ Борисовичъ* (1713—1788). Отъ него происходятъ нынѣшніе графы Шереметевы.

сударствѣ былъ мой женихъ [1]). При всѣхъ природныхъ достоинствахъ имѣлъ знатные чины при дворѣ и въ гвардіи; я признаюсь вамъ въ томъ, что я почитала за великое благополучіе, видя его къ себѣ благосклоннаго.

Когда князь Долгоруковъ предложилъ свою руку княжнѣ Натальѣ Борисовнѣ, въ то время ей было только пятнадцать лѣтъ. Княжна откровенно сознается, что такое предложеніе дѣлало ее самою счастливѣйшею женщиною въ мірѣ: «Я не иное что воображала, какъ вся сфера небесная для меня перемѣнилась.»

Между тѣмъ начались у насъ пріуготовленія къ сговору нашему. Правду могу сказать, рѣдко кому случилось видѣть такое знатное собраніе: вся императорская фамилія была на нашемъ сговорѣ, всѣ чужестранные министры, наши всѣ знатные господа, весь генералитетъ, однимъ словомъ сказать, столько было гостей, сколько домъ нашъ могъ помѣстить обоихъ персонъ; не было ни одной комнаты, гдѣ бы не полно было людей.

Обрученіе наше было въ залѣ, духонными персонами, одинъ архіерей и два архимандрита. Послѣ обрученія всѣ его сродники меня дарили очень богатыми дарами, бриліантовыми серьгами, часами, табакерками и готовальнями и всякою галантереею [2]); мои бъ руки не могли бъ всего забрать, когда бъ мнѣ не помогали принимать. Наши перстни были, которыми обручались, его въ двѣнадцать тысячь, а мой въ шесть тысячь. Напротивъ и мой братъ жениха моего дарилъ: шесть пудовъ серебра, старинные великіе кубки и фляши золоченыя. Казалось мнѣ тогда, по моему молодоумію, что это все прочно и на цѣлой мой вѣкъ будетъ; а того не знала, что въ здѣшнемъ свѣтѣ ничего нѣтъ прочнаго, а все на часъ. Сговоръ мой былъ въ семь часовъ по полудни; это была уже ночь, и для того принуждены были смоляныя бочки зажечь для свѣту, чтобъ видно было разъѣзжаться гостямъ; тѣснота пренеликая отъ каретъ была; отъ того великаго огня видно было; сказываютъ, что около ограды дому нашего [3]) столько было народа, что вся улица заперлась, и кричалъ простой народъ: Слава Богу, отца нашего дочь идетъ замужъ за великаго человѣка, возставитъ родъ свой, и возведетъ братьевъ своихъ на степень отцову! Надѣюсь, вы довольно извѣстны, что отецъ мой былъ первый фельдмаршалъ, и что очень былъ любимъ народомъ, и до днесь его пом-

---

[1]) *Князь Иванъ Алексѣевичъ Долгоруковъ.*

[2]) Богатство князей Долгорукихъ было тогда несмѣтное. Послѣ ихъ паденія, въ Кремлѣ устроена была особая палатка для разбора возвращенныхъ отъ нихъ драгоцѣнныхъ вещей.

[3]) Мѣсто дѣйствія разсказа — *Москва.*

нять. О прочихъ всѣхъ сговорныхъ церемоніяхъ или веселіяхъ умолчу, нынѣшнее мое состояніе и званіе запрещаетъ; однимъ словомъ сказать: все, что можете вздумать, ничего упущено не было. Это мое благополучіе и веселіе долголь продолжалось? Не болѣе какъ отъ Декабря 24 дня по 18 Генваря день. Вотъ моя обманчивая надежда кончилась; со мною такъ случилось, какъ съ сыномъ царя Давида Нафаномъ: лизнулъ медку, и пришло было умереть. Такъ и со мною случилось: за двадцать шесть дней благополучныхъ, или сказать радостныхъ, сорокъ лѣтъ по сей день стражду; за каждый день по два года придетъ безъ малаго, еще шесть дней надобно вычесть; да кто можетъ знать предбудущее! Можетъ быть, и дополнятся, когда продолжится сострадательная жизнь моя.

Потомъ княгиня переноситъ мысль читателя къ изображенію постигшаго ея несчастія.

Вотъ начало моей бѣды, чего я никогда не ожидала! Государь нашъ [1]) окончилъ животъ свой; паче чаянія моего, чего я никогда не ожидала, сдѣлалась коронная перемѣна. Знать такъ было Богу угодно, чтобъ народъ за грѣхи наказать: отняли милостиваго Государя, и великой былъ плачь въ народѣ. Всѣ сродники мои съѣзжаются, жалѣютъ, плачутъ обо мнѣ, какъ мнѣ эту напасть объявить; а я обыкновенно долго спала, часу до девятаго; однако, какъ скоро проснулась, вижу, у всѣхъ глаза заплаканы; какъ они ни стереглись, только видно было. Хотя я и знала, что Государь боленъ, и очѣнь боленъ, однако я великую въ томъ надежду имѣла на Бога, что Онъ не оставитъ сирыхъ; однако знать мы тому достойны были. По необходимости принуждены были мнѣ объявить. Какъ скоро эта вѣдомость дошла до ушей моихъ, что уже тогда со мной было, не помню; а какъ опомнилась, только и твердила: ахъ! пропала! пропала! Не слышно было инаго ничего отъ меня, что пропала! Какъ кто ни старался меня утѣшить, только не можно было плачь мой пресѣчь, ни уговорить. Я довольно знала обыкновеніе своего государства, что всѣ фавориты послѣ своихъ государей пропадаютъ: чего было и мнѣ ожидать? Правда, что я не такъ много дурно думала, какъ со мною сдѣлалось: потому, хотя мой женихъ и любимъ Государемъ, и знатные чины имѣлъ, и ввѣрены ему были всякія дѣла государственныя; но подкрѣпляли меня нѣсколько честные его поступки [2]). Знавъ его невинность, что онъ

[1]) *Петръ II.*

[2]) Г. *Бартеневъ*, издатель «Русскаго Архива» — въ которомъ напечатаны Записки Долгоруковой — говоритъ, что черезъ князя Ивана Алексѣевича Долгорукова доходили до Императора Петра II добрыя внушенія; молодой князь на-

никакимъ непристойнымъ дѣламъ не косенъ былъ, мнѣ казалось, что не можно безъ суда человѣка обвинить и подвергнуть гнѣву, или отнять честь или имѣніе; однако послѣ уже узнала, что при несчастливомъ случаѣ и правда не помогаетъ. И такъ я плакала безутѣшно. Свойственники, сыскавъ средства, чѣмъ бы меня утѣшить, стали меня уговаривать, что я еще человѣкъ молодой, а такъ себя безразсудно сокрушаю; можно этому жениху отказать, когда ему будетъ худо; будутъ другіе женихи, которые не хуже его достоинствомъ, развѣ только не такіе великіе чины будутъ имѣть; а въ то время правда, что одинъ женихъ очень хотѣлъ меня взять, только я на то несклонна была, а сродникамъ моимъ всѣмъ хотѣлось за того жениха меня выдать. Это предложеніе такъ мнѣ тяжело было, что ничего на то не могла имъ отвѣтствовать. Войдите въ разсужденіе, какое это мнѣ утѣшеніе и честна ли это совѣсть, когда онъ былъ великъ, такъ я съ радостью за него шла, а когда онъ сталъ несчастливъ, отказать ему? Я такому безсовѣстному совѣту согласиться не могла; а такъ положила свое намѣреніе, когда сердце одному отдавъ жить или умереть вмѣстѣ, а другому уже нѣтъ участія въ моей любви. Я не имѣла такой привычки, чтобъ сегодня любить одного, а завтра другаго; въ нынѣшній вѣкъ такая мода, а я доказала свѣту, что я въ любви вѣрна. Во всѣхъ злополучіяхъ я была своему мужу товарищъ; и теперь скажу самую правду, что, будучи во всѣхъ бѣдахъ, никогда не раскаявалась, для чего я за него пошла, и не дала въ томъ безумія Богу [1]). Онъ тому свидѣтель: все, любя его, сносила; сколько можно мнѣ было, еще и его подкрѣпляла. Мои сродники имѣли другое разсужденіе; такой мнѣ совѣтъ давали, или можетъ быть, меня жалѣли. Къ вечеру пріѣхалъ мой женихъ ко мнѣ, жалуясь на свое несчастіе; при томъ разсказывалъ объ смерти жалости достойной, какъ Государь скончался, что все въ памяти былъ, и съ нимъ прощался. И такъ говоря, плакали оба, и присягали другъ другу, что насъ ничто не разлучитъ, кромѣ смерти; я готова была съ нимъ хотя всѣ земныя пропасти пройтить. И такъ часъ отъ часу пошло хуже. Куда дѣвались всъ искатели и друзья? Всѣ спрятались, и ближніе отдалече меня сташа [2]), всѣ меня оставили въ угодность новымъ фаворитамъ; всѣ стали уже меня бояться, чтобъ я въ встрѣчу съ кѣмъ не попалась, всѣмъ подозрительна. Лучше бъ тому человѣку не ро-

---

поминалъ Государю о необходимости серьезныхъ занятій наукою, пробуждалъ въ немъ чувство человѣколюбія, взывалъ къ его милосердію. Разъ князь Долгоруковъ остановилъ Императора, когда тотъ хотѣлъ было подписать смертный приговоръ.

[1]) Стихъ изъ книги Іова, глава 2.

[2]) Стихъ изъ Псалма.

диться на свѣтѣ, кому на время быть велику, а послѣ придти въ несчастіе: всѣ станутъ презирать, никто говорить не хочетъ!

Выбрана была на престолъ одна принцесса крови, которая никакого слѣду не имѣла къ коронѣ. Между тѣмъ пріуготовлялись церемоніи къ погребенію. Пришелъ тотъ назначенный несчастливый день; нести надобно было Государево тѣло мимо нашего дома, гдѣ я сидѣла подъ окошкомъ, смотря на эту плачевную церемонію [1]). Боже мой, какъ духъ во мнѣ удержался! Началось духовными персонами, множество архіеревъ, архимандритовъ и всякаго духовнаго чину; потомъ, какъ обыкновенно бываютъ такія высочайшія погребенія, несли государственные гербы, кавалерію, разные ордены, короны; въ томъ числѣ и мой женихъ шелъ передъ гробомъ, несъ на подушкѣ кавалерію, в два ассистента вели подъ руки. Не могла его видѣть отъ жалости въ такомъ состояніи: епанча траурная предлинная, флеръ на шляпѣ до земли, волосы распущенные, самъ такъ блѣденъ, что никакой живости нѣтъ. Поровнявши противъ моихъ оконъ, взглянулъ плачущими глазами съ тѣмъ знакомъ или миною: кого погребаемъ? въ послѣдній, въ послѣдній разъ провожаю. Я такъ обезпамятовала, что упала на окошко: не могла усидѣть отъ слабости. Потомъ и гробъ везутъ:— отступили отъ меня уже всѣ чувства на нѣсколько минутъ. А какъ опомнилась, оставя всѣ церемоніи плакала, сколько мое сердце дозволило, разсуждая мыслію своею, какое это сокровище земля принимаетъ, на которое, кажется, и солнце съ удивленіемъ сіяло! Умъ сопряженъ былъ съ мужественною красотою; природное милосердіе, любовь къ подданнымъ нелицемѣрная. О Боже мой, дай великодушно понести сію напасть, лишеніе сего милостиваго Монарха. О Господи, Всевышній Творецъ, Ты вся можеши, возврати хотя на единую минуту духъ его и открой глаза его, чтобъ онъ увидѣлъ вѣрнаго своего слугу, идущаго предъ гробомъ, потерявъ всю надежду ко утѣшенію и облегченію печали его! И такъ окончилась церемонія; множество знатныхъ дворянъ, слѣдующихъ за гробомъ; казалось мнѣ, что и небо плачетъ, и всѣ стихіи небесныя. Надѣюсь, между тѣмъ и такіе были, которые радовались, чая себѣ отъ новой Государыни милости.

Слѣдуетъ описаніе встрѣчи Императрицы Анны Іоанновны въ Москвѣ. Женихъ княжны Натальи Борисовны командовалъ гвардіею. Сама княжна поѣхала встрѣчать новую Государыню; княжнѣ надо было ѣхать черезъ всѣ полки. Тутъ кричали: «это отца нашего невѣста, а другіе: прошло ваше время, теперь не старая пора.» Княжна должна была поспѣшить домой: «вынесъ Богъ изъ такого Содома».

[1]) Императора Петра II похоронили въ Московскомъ Архангельскомъ Соборѣ 11 февраля 1730 г.

Какъ скоро вступила Государыня въ самодержавство, такъ и стали искоренять нашу фамилію; не такъ бы она злобна была на насъ, да фаворитъ ея [1]), который былъ безотлучно при ней, онъ старался нашъ родъ истребить, чтобъ его на свѣтѣ не было; по той злобѣ, когда ее выбирали на престолъ, то между прочими пунктами написано было, чтобъ онаго фаворита, который былъ при ней каммергеромъ, въ наше государство не ввозить: потому что они жили въ своемъ владѣніи; хотя она и наша принцесса, да была выдана замужъ; овдовѣвши жила въ своемъ владѣніи, а оставить и его въ своемъ домѣ, чтобъ онъ у насъ ни въ какихъ дѣлахъ не былъ, къ чему она и подписалась. Однако злодѣи многіе, недоброжелатели своему отечеству, всѣ пункты перемѣнили и дали ей во всемъ волю и все народное желаніе уничтожили; и его къ ней по прежнему допустили. Какъ онъ усилился, нобравъ себѣ знатные чины, первое возымѣлъ дѣло съ нами, и искалъ, какими бы мѣрами насъ истребить изъ числа живущихъ. Такъ публично говорилъ: дома той фамиліи не оставлю... Уже все ему было покорено. Однако о томъ я буду молчать, чтобъ не преитить предѣловъ; я намѣрена только свою бѣду писать, а не чужіе пороки обличать.

Биронъ началъ свои изслѣдованія касательно рода Долгоруковыхъ, расспрашивалъ, развѣдывалъ о ихъ прежней жизни. Пошли зловѣщіе слухи о ссылкѣ Долгоруковыхъ. Женихъ и невѣста находили одно утѣшеніе въ слезахъ... Какъ долго ни откладывали бракъ, однако положили наконецъ совершить его.

Самъ Богъ меня давалъ замужъ, а больше никто [2]). Не можно всѣхъ тѣхъ безпорядковъ описать, что со мною тогда были; уже день назначили свадьбы; некому вроводить, никто изъ родныхъ не ѣдетъ, да не кому и звать. Господь самъ умилосердилъ сердца двухъ старушекъ, моихъ свойственныхъ, которыя меня провожали, а то принуждена бы съ рабою ѣхать; а ѣхать надобно было въ село [3]), пятнадцать верстъ отъ города: тамъ наша свадьба была. Въ этомъ селѣ они всегда лѣтомъ живали; мѣсто очень веселое и устроенное; палаты каменныя, пруды великіе, ранжереи и церковь въ палатахъ. Послѣ смерти Государевой отецъ его съ своею фамиліею тамъ жилъ. Фамилія ихъ была не малая: я, все презря, на весь страхъ! Свекоръ былъ и свекровь, три брата, кромѣ моего мужа, и три сестры; вить надобно бы о томъ подумать, что я всѣмъ

---

[1]) *Биронъ.*

[2]) Ближніе сродники всѣ отъ княжны отступились за то, что не хотѣла оставить опальнаго жениха.

[3]) *Горенки,* въ 14 верстахъ отъ Москвы.

меньшая и всѣмъ должна угождать во всемъ; во всемъ положилась на волю Божію: знать судьба мнѣ такъ опредѣлила!

Вотъ уже, какъ я стала прощаться съ братомъ и со всѣми домашними, кажется бы и варваръ сжалился, видя мои слезы; кажется и стѣны дому отца моего помогали мнѣ плакать; братъ и домашніе такъ много плакали, что изъ глазъ меня со слезами отпустили. Какая эта розница свадьба, сговоръ? Тамъ всѣ кричали: ахъ! какъ она счастлива; а тутъ провожаютъ и плачутъ: знать что я всѣмъ жалка была. Боже мой, какая перемѣна! Какъ я выѣхала изъ отцовскаго дому, съ тѣхъ поръ цѣлый вѣкъ странствовала. Привезли меня въ домъ свекровъ какъ невольницу: вся расплакана, свѣту не вижу передъ собою. Подумайте, и съ добрымъ порядкомъ замужъ идти, надобно подумать послѣднее счастіе; не только въ таковомъ состояніи, какъ я шла. Я пріѣхала въ одной каретѣ, да двѣ вдовы со мною сидятъ, а у нихъ всѣ родные приглашены, дядья, тетки; и пуще мнѣ стало горько: привезли меня какъ бѣдненькую сироту; принуждена все сносить. Тутъ насъ въ церкви вѣнчали. По окончаніи свадебной церемоніи, провожатые мои меня оставили, поѣхали домой; и такъ нашъ бракъ былъ плачу больше достоинъ, а не веселія. На третій день, по обыкновенію, я стала сбираться съ визитами ѣхать по ближнимъ его сродникамъ и рекомендовать себя въ ихъ милость: всегда можно было изъ того села ѣхать въ городъ послѣ обѣда, домой ночевать пріѣзжали.

Вмѣсто визитовъ, сверхъ чаянія моего, мнѣ сказываютъ, пріѣхалъ де секретарь изъ Сенату [1]); свекоръ мой долженъ былъ его принять. Онъ ему объясняетъ: указомъ велѣно-де вамъ ѣхать въ дальнія деревни, и тамъ жить до указу. Охъ! какъ мнѣ эти слова не полюбились; однако я крѣплюсь, не плачу, а уговариваю свекра и мужа: какъ можно безъ вины и безъ суда сослать! Я имъ представляю: поѣзжайте сами къ Государынѣ, оправдайтесь. Свекоръ, глядя на меня, удивляется моему молодоумію и смѣлости. Нѣтъ, я не хотѣла свадебной церемоніи пропустить, и не разсудя, что уже бѣда, подбила мужа, уговорила его ѣхать съ визитомъ: поѣхали къ дядѣ родному, который насъ съ тѣмъ стрѣтилъ: былъ ли у васъ сенатскій секретарь? У меня былъ, и велѣно мнѣ ѣхать въ дальнія деревни, жить до указу. Вотъ тутъ и другіе дяди съѣхались, всѣ тоже сказываютъ. Нѣтъ, нѣтъ, уже я вижу, что на это дѣло нѣту починки: это мнѣ свадебные конфекты. Скорѣе домой поѣхали, и съ тѣхъ поръ мы другъ друга не видали, и никто ни съ кѣмъ не прощались: не дали время. Я пріѣхала домой; у насъ уже сбираются;

[1]) Указъ подписанъ 9 апр. 1730 г. — Князю Алексѣю Григорьевичу Долгорукову съ семьею велѣно жить въ Пензенской его деревнѣ, селѣ Никольскомъ.

велѣно, въ три дни чтобъ въ городѣ не было; принуждена судьбѣ повиноваться.

Слѣдуетъ описаніе сборовъ. Свекровь и золовки княгини Натальи Борисовны забирали съ собою бриллъянты, прятали ихъ по карманамъ, а княгиня Наталья Борисовна все свое золото, серебро, бриллъянты, чулки, платки шелковыя и прочую мелочь отправила къ брату на сохраненіе. Княгинѣ было не до сокровищъ: ее раздирала внутренняя скорбь и тоска... Съ опальными было собственныхъ людей человѣкъ десять. Въ дорогѣ княгиня пріучилась къ хозяйству.

Девяносто верстъ отъ города какъ отъѣхали, въ первой провинціальный городъ пріѣхали: тутъ случилось намъ обѣдать. Вдругъ явился къ намъ капитанъ гвардіи, объявляетъ намъ указъ: велѣно де съ васъ кавалеріи снять [1]). Въ столицѣ знать стыдились такъ безвинно ограбить, такъ на дорогу выслали. Боже мой, какое тутъ правосудіе! Мы отдали тотчасъ съ радостію, чтобъ ихъ успокоить; думали, они тѣмъ будутъ довольны, обругали, сосланы; нѣтъ, у нихъ, не то на умѣ. Поѣхали мы въ путь свой, отправивши его, непроходимыми стезями, никто дороги не знаетъ; лошади свои все тяжелыя; кучера только знаютъ, какъ по городу провезти. Настигла насъ ночь, принуждены стать въ полѣ, а гдѣ, не знаемъ, потому что воду объѣзжали. Стали тутъ, палатки поставили. Это надобно знать, что наша палатка будетъ всѣхъ далѣе поставлена, потому что лучшее мѣсто выберутъ свекру, подлѣ по близости золовкамъ, а тамъ деверьямъ холостымъ, а мы будто иной партіи: послѣднее мѣсто намъ будетъ [2]). Случалось и въ болотѣ; какъ постелю сымутъ — мокра, иногда и башмаки полны воды.

Во время пути, князь Алексѣй Григорьевичъ, свекоръ Натальи Борисовны, иногда занимался охотою. Три недѣли ссыльные ѣхали до своей деревни, гдѣ опредѣлено было имъ жить. Едва Долгоруковы прибыли въ село Селище (въ 6-ти верстахъ отъ города Касимова по дорогѣ въ Елатьму), какъ новое бѣдствіе ихъ постигло.

Только что мы отобѣдали — въ эвтомъ селѣ былъ домъ господскій и окна были на большую дорогу: — взглянула я въ окно, вижу

---

[1]) Это былъ манифестъ 14 апр. 1730 г. — Онъ былъ объявленъ опальнымъ въ Коломнѣ.

[2]) Тяжесть обстановки усиливалась для княгини еще семейными непріятностями. Свекоръ не любилъ ея мужа, своего старшаго сына. Въ ссылку отправлялись: отецъ князя Ивана Алексѣевича, мать, князь Ив. Алекс. и его супруга Наталья Борисовна (16-ти лѣтъ), княжна Екатерина (бывшая царская невѣста), князь Николай (17-ти лѣтъ), княжна Елена (15-ти лѣтъ), князь Алексѣй (14-ти лѣтъ), княжна Анна и князь Александръ (12-ти лѣтъ). Всего *десять* человѣкъ. Примѣч. г. *Бартенева.*

я пыль великую на дорогѣ; видно изъ далека, что очень много ѣдутъ и очень скоро бѣгутъ. Какъ стали подъѣзжать, видно, что все телѣги парами, позади коляска... всѣ наши бросились смотрѣть; увидѣли, что прямо къ нашему дому ѣдутъ: въ коляскѣ офицеръ гвардіи, а по телѣгамъ солдаты, двадцать четыре человѣка [1]). Тотчасъ узнали мы свою бѣду, что еще ихъ злоба на насъ не умаляется, а больше умножается. Подумайте, что я тогда была! Упала на стулъ; а какъ опомнилась, увидѣла полны хоромы солдатъ. Я уже ничего не знаю, что они объявили свекру; а только помню, что я ухватилась за своего мужа, и не отпускала отъ себя; боялась, чтобъ меня съ нимъ не разлучили. Великій плачъ сдѣлался въ домѣ нашемъ; можно ли ту бѣду описать? Я не могу ни у кого доспроситься, что будетъ съ нами, не разлучатъ ли насъ. Великая сдѣлалась тревога; домъ былъ большой, людей множество, бѣгутъ всѣ съ квартиръ, плачутъ, припадаютъ къ господамъ своимъ, всѣ хотятъ быть съ ними неразлучно; женщины какъ есть слабыя сердца, тѣ кричатъ, плачутъ. Боже мой, какой это ужасъ! Кажется бы, и варваръ, глядя на это жалкое позорище, умилосердился. Насъ уже на квартиру не отпущаютъ; какъ я и прежде писала, что мы вездѣ на особливыхъ квартирахъ стояли, такъ не помѣстились въ одномъ домѣ; мы стояли у мужика на дворѣ, а спальня наша была сарай, гдѣ сѣно кладутъ. Поставили у всѣхъ дверей часовыхъ, примкнуты штыки. Боже мой, какой это страхъ! Я отъ роду ничего подобнаго этому не видала и не слыхала. Велѣли наши командиры кареты задавать; видно, что хотятъ насъ везти, да не знаемъ куда. Я такъ ослабѣла отъ страху, что на ногахъ не могу стоять.

Княгиня не знала, куда ихъ отправляютъ. У офицера она не осмѣливалась спросить. Солдаты безотлучно при ней находились: княгинѣ нельзя было въ такую ужасную минуту и слова сказать безъ свидѣтелей даже съ мужемъ. Когда кареты были поданы, тогда только княгинѣ Натальѣ Борисовнѣ объявилъ мужъ о новомъ мѣстѣ ихъ ссылки — *Березовъ*, городъ Тобольской губерніи. Все утѣшеніе свое Наталья Борисовна находила въ безграничной любви къ своему мужу: «Вотъ любовь до чего довела: все оставила, и честь и богатство, и сродниковъ, и стражду съ нимъ, и скитаюсь; этому причина — все непорочная любовь, которой я не постыжусь ни передъ Богомъ, ни передъ цѣлымъ свѣтомъ, потому что онъ одинъ въ сердцѣ моемъ былъ; мнѣ казалось, что онъ для меня родился, и я для него, и намъ другъ безъ друга жить нельзя». Въ городѣ Касимовѣ Долгоруковы прожили недѣлю, пока изготовили судно для отправленія ихъ водою. Съ Натальею Борисовною ѣхала и воспитательница ея, чужеземка. Эта прекрасная женщина думала раздѣлить мѣсто ссылки своей питомицы, полагая, что далѣе деревни Пензенской опальныхъ не повезутъ. Вышло иначе. Слѣдовать въ глухой край Сибири воспитатель-

[1]) Это было 20 іюня. Въ Селище пріѣхалъ капитанъ-поручикъ Макшеевъ, который 24 іюня и повезъ Долгоруковыхъ въ Сибирь... Примѣч. г. *Бартенева*

ница не могла, но она показала на прощаньи всю свою привязанность къ Натальѣ Борисовнѣ: ходила нѣсколько разъ на судно, на которомъ должна была ѣхать несчастная ученица, все тамъ прибирала, стѣны обивала, чтобы сырость не прошла, павильйонъ поставила, чуланчикъ загородила, «и все это оплакивала»... — дала княгинѣ на дорогу денегъ 60 *рублевъ*... Сцена прощанія съ воспитательницею была поразительна: «ухватились мы другъ другу за шеи, и такъ руки мои замерли, и я не помню, какъ меня съ ней растащили». Поѣхали ссыльные по Окѣ!

На другой день [1]) сдѣлался великій вѣтеръ, буря на рѣкѣ, громъ, молнія; гораздо звончѣе на водѣ, нежели на землѣ; а я съ природы грому боюсь. Судно вертитъ съ боку на бокъ: какъ громъ грянетъ, то и попадаютъ люди. Золовка меньшая очень боялась, та плачетъ и кричитъ. Я думала свѣту преставленіе! Принуждены были къ берегу пристать. И такъ всю ночь въ страхѣ безъ сна препроводили. Какъ скоро разсвѣло, погода утихла, мы поплыли въ путь свой, и такъ мы три недѣли ѣхали водою; когда погода тихая, я тогда сижу подъ окошкомъ въ своемъ чуланѣ; когда плачу, когда платки мою: вода очень близка; а иногда куплю осетра, и на веревку его; онъ со мною рядомъ плыветъ, чтобъ не я одна невольница была и осетеръ со мною; а когда погода станетъ вѣтромъ судно шатать, тогда у меня станетъ голова болѣть и тошниться; тогда выведутъ меня на верхъ на палубу, и положатъ на вѣтру; и я до тѣхъ поръ безъ чувства лежу, покамѣстъ погода утихнетъ и покроютъ меня шубою: — на водѣ вѣтры очень пронзительны. Иногда и онъ для кампаніи подлѣ меня сидитъ. Какъ пройдетъ погода, отдохну; только ѣсть ничего не могла.

Разсказъ княгини о плаваніи рѣками и слѣдованіи по сухому пути надрываетъ сердце читателя ужасомъ. Смерть висѣла надъ головою страдалицы, когда она ѣхала водою; невыносимыя трудности она должна была испытать, когда отправлялись по едва проходимымъ узкимъ тропинкамъ черезъ высокія горы. «Эта каменная дорога, я думала, что у меня сердце оторветъ»... Жилья нѣтъ: такъ стояли домики, черезъ сорокъ верстъ одинъ отъ другаго, для пристанища проѣзжающимъ.

Доѣхали до провинціальнаго города того острова [2]), гдѣ намъ опредѣлено жить. Сказали намъ, что путь до того острова водою,

[1]) 24 іюня 1730 г. капитанъ-поручикъ Макшеевъ повезъ Долгоруковыхъ на стругахъ Окою. 26 іюня приплыли они въ Муромъ, 28 въ Нижній, 2 іюля въ Казань, 13 іюля поплыли по Камѣ, 1 авг. въ Соликамскѣ сѣли на подводы. 3 авг. нагналъ ихъ въ деревнѣ Сурмагахъ нарочный отъ сената и описалъ все бывшее имущество ихъ, но не отбиралъ. 24 авг. черезъ Верхотурье прибыли они въ Тобольскъ, а оттуда поѣхали въ Березовъ съ капитаномъ Шарыгинымъ, 1 сержантомъ, 1 капраломъ и 24 человѣками солдатъ. 24 сент. Макшеевъ оставилъ ихъ въ Березовѣ, а самъ уѣхалъ въ Москву. Примѣч. г. *Бартенева.*

[2]) Городъ Березовъ дѣйствительно стоитъ на островѣ, который образуется двумя рѣками Соевою и Вогулкою.

и тутъ будетъ перемѣна; офицеръ гвардейскій поѣдетъ возвратно, а насъ препоручатъ тутошняго гварнизона офицеру, съ командою 24 человѣка солдатъ. Жили мы тутъ недѣлю, покамѣстъ исправили судно, на которомъ намъ ѣхать, и сдавали насъ съ рукъ на руки какъ арестантовъ. Это столько жалко было, что и каменное сердце умягчилось; плакалъ очень при разставаніи офицеръ, и говорилъ: «таперь то вы натерпитесь всякаго горя; эти люди необычайные; они съ вами будутъ поступать, какъ съ подлыми, никакого снисхожденія отъ нихъ не будетъ.» И такъ мы всѣ плакали, будто съ сродникомъ разставались. По крайней мѣрѣ привыкли къ нему; какъ ни худо было, да онъ насъ зналъ въ благополучіи, такъ нѣсколько совѣстно было ему сурово съ нами поступать. Какъ исправились съ судномъ, новой командиръ повелъ насъ на судно; процессія изрядная была, за нами толпа солдатъ идетъ съ ружьемъ, какъ за разбойниками. Я уже шла, внизъ глаза опустивъ, но оглядывалась; смотрѣльщиковъ премножество по той улицѣ, гдѣ насъ ведутъ. Пришли мы къ судну; я ужаснулась, какъ увидѣла, великая розница съ прежнимъ; отъ пебреженія дали самое негодное, худое; такъ по имени нашему и судно; хотя бы на другой день пропа́сть; какъ мы тогда назывались арестанты, инаго имени не было; — что уже въ свѣтѣ этаго титула хуже? Такое намъ и почтеніе! Все судно изъ пазовъ доски вышли; насквозь диры свѣтятся; а хотя немножко вѣтеръ, такъ все судно станетъ скрыпѣть; оно же черное, закоптѣлое; какъ работники раскладывали въ немъ огонь, такъ оно и осталось, самое негодное, никто бы въ немъ не поѣхалъ. Оно было отставное, опредѣлено на дрова; да какъ очень заторопили, не смѣли долго насъ держать, какое случилось, такое и дали; а можетъ быть и нарочно приказано было, чтобъ насъ утопить; однако, какъ не воля Божія, доплыли до показаннаго мѣста живы.

Принуждены были новому командиру покоряться; всѣ способы искали, какъ бы его приласкать; не могли найтить, да въ комъ и найтить? Дай Богъ и горе терпѣть, да съ умнымъ человѣкомъ! Какой этотъ глупой офицеръ былъ: изъ крестьянъ да заслужилъ чинъ капитанскій; онъ думалъ о себѣ, что онъ очень великій человѣкъ, и, сколько можно, надобно насъ жестоко содержать, яко преступниковъ. Ему казалось подло съ нами и говорить; однако со всею своею спѣсью ходилъ къ намъ обѣдать. Изобразите это одно, сходственно ли съ умнымъ человѣкомъ, въ чемъ онъ хаживалъ: епанча солдатская на одну рубашку, да туфли на босу ногу, и такъ съ нами сидитъ? Я была всѣхъ моложе и не воздержна; не могу терпѣть, чтобъ не смѣяться, видя такую смѣшную позитуру; онъ, это видя, что я ему смѣюсь, или то удалось ему примѣтить, говоритъ, смѣяся: «Теперь счастлива ты, что у меня книги сгорѣли, а

то бы съ тобою сговорилъ»! Какъ мнѣ ни горько было, только я старалась его больше ввести въ разговоръ; только больше онъ мнѣ ничего не сказалъ. Подумайте, кто намъ командиръ былъ, и кому были препоручены, чтобъ онъ усмотрѣлъ, когда бъ мы что́ намѣрены были сдѣлать. Чего они боялись? Чтобъ мы не ушли? Ему ли смотрѣть? Насъ не караулъ ихъ держалъ, а держала насъ невинность наша; думали, что со временемъ осмотрятся и возвратятъ насъ въ первое наше состояніе. Притомъ же мѣшало много, и фамилія очень велика была. И такъ мы съ этимъ глупымъ командиромъ плыли цѣлый мѣсяцъ до того города, гдѣ намъ жить... [1]).

Темы. — Черты вѣка на основаніи «Записокъ» княгини Н. Б. Долгоруковой: — воспитаніе, богатство и роскошь, непомѣрное возвышеніе и внезапное паденіе человѣка, сочувствіе императору Петру II, антипатія къ Императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ; причины того и другаго чувства, судьба опальныхъ. — Характеристика Натальи Борисовны Долгоруковой. — Картины природы. — Планъ «Записокъ». — Языкъ ея «Записокъ».

ЗАПИСКИ ДАНИЛОВА.

Примѣч. — Даниловъ Михаилъ Васильевичъ, артиллеріи маіоръ (род. 1722, скончался послѣ 1790 года), составилъ «Записки» въ видѣ родословія Даниловыхъ. Онѣ писаны въ 1771 году и пополнены послѣ. Простодушный разсказъ автора о своей жизни, картины общежитія, картины нравовъ и быта дворянъ во времена царицъ Анны и Елисаветы, занимательные анекдоты: все это любопытно для знакомства съ исторіею XVIII вѣка. Юношество должно обратить особенное вниманіе на *воспитаніе* маіора Данилова, о которомъ онъ такъ искренно разсказываетъ.

«Записки» Данилова изданы Строевымъ въ 1842 году.

1. Воспитаніе у Брудастаго.

Я родился въ 1722 году: тогда отца моего разбойники разбили и подана была на сихъ злодѣевъ яночная челобитная, съ которой

[1]) Тутъ прерывается разсказъ княгини Натальи Борисовны. Что слѣдуетъ дальше въ «Русскомъ Архивѣ» за 1867 г., № 1, содержитъ въ себѣ нѣкоторыя повторенія сказаннаго; впрочемъ передаются извѣстія и новыя, напр. о жителяхъ, бытѣ, климатѣ и растительномъ царствѣ Березова: «Жители въ немъ самый подлый народъ, ѣдятъ рыбу сырую, ѣздятъ на собакахъ, носятъ оленьи кожи; избы кедровыя, окончины ледяные вмѣсто стекла. Зимы 10 мѣсяцевъ или 8; морозы несносные, ничего не родится, ни хлѣба, никакого фрукту — ниже капусты; лѣса непроходимые да болоты, хлѣбъ привозятъ водою за тысячу верстъ».

досталась мнѣ копія, почему я и рожденіе свое въ томъ году почитаю. Былъ я любимый сынъ у моего отца; отъ роду моего лѣтъ семи, или болѣе, отдали меня въ томже селѣ Харинѣ, гдѣ отецъ мой жилъ, пономарю Филипу, прозваніемъ Брудастому, учиться. Пономарь былъ роста малаго, широкъ въ плечахъ, борода большая круглая покрывала грудь его, голова съ густыми волосами равнялась съ плечами его и казалось, что у него шеи не было; у него, въ то же время, учились два брата мнѣ двоюродные, Елисей и Борисъ. Учитель нашъ Брудастой жилъ только одинъ съ своею женою, весьма въ малой избушкѣ: приходилъ я учиться къ Брудастому очень рано, въ началѣ дня, и безъ молитвы дверей отворить, покуда мнѣ не скажетъ «аминь», не смѣлъ. Памятно мнѣ мое ученье у Брудастаго и поднесь, по той можетъ быть причинѣ, что часто меня сѣкли лозою: я не могу признаться по справедливости, чтобъ во мнѣ была тогда лѣность или упримость, а учился я по моимъ лѣтамъ прилежно и учитель мой задавалъ мнѣ урокъ учить весьма умѣренный, по моей силѣ, который я затверживалъ скоро; но какъ намъ, кромѣ обѣда, никуда отъ Брудастаго отпуска ни на малѣйшее время не было, а сидѣли на скамейкахъ безсходно и въ большіе лѣтніе дни великое мученіе претерпѣвали, то я отъ таковаго всегдашняго сидѣнія такъ ослабѣвалъ, что голова моя дѣлалась безпамятна и все, что выучилъ прежде наизусть, при слушаніи урока въ вечеру и половины прочитать не могъ, за что послѣдняя резолюція меня какъ непонятнаго «сѣчь». Я мнилъ тогда, что необходимо при ученіи терпѣть надлежитъ наказаніе. Брудастаго жена, во время нашего ученія, понуждала насъ, въ небытность своего мужа, исечасно, чтобъ мы громче кричали, хотябъ и не то, что учимъ. Отраднѣе намъ было отъ скучнаго сидѣнья, когда учитель нашъ находился въ полѣ на работѣ. По возвращеніи Брудастаго отвѣчалъ я во всемъ урокѣ такъ, какъ утромъ при неутомленныхъ мысляхъ, весьма исправно и памятно: изъ сего нынѣ заключаю, что принужденное дѣтемъ ученіе грамотѣ неполезно, потому что отъ тѣлеснаго труда изнемогаютъ душевныя силы и приходятъ въ облѣненіе и унылость; явственнѣе можно усмотрѣть сію правду, принудить только ребенка играть сверхъ его воли, тогда ему та игра и игрушки отъ скуки омерзѣютъ и тою игрою мало будетъ уже играть, или вовсе возненавидитъ. Въ подобіе сего обрѣтается: разныхъ рукодѣлъ мастера обременяютъ своихъ учениковъ не по силѣ лѣтъ ихъ, изъ коихъ нѣкоторые, не возмогши снести такой налагаемой на нихъ тягости ученія, обращаются въ бѣгство, кроются по разнымъ мѣстамъ, вымышляютъ бездѣльные обманы, наконецъ отъ воображенія страха, что будутъ ихъ наказывать за побѣгъ жестоко, приходятъ въ отчаянье и дѣлаются бездѣльниками

на вѣкъ. Вотъ какой плодъ происходитъ отъ таковыхъ безпутныхъ и ни къ чему годныхъ учителей, каковъ былъ мой Брудастой; вымышлялъ иногда и я, отъ таковаго скучнаго сидѣнія, напрасно показывать какія ни есть за собою затѣйныя приключенія и болѣзни, коихъ отнюдь во мнѣ не бывало.

Въ одинъ день, когда учитель нашъ былъ въ полѣ съ женою своею на работѣ, братъ мой двоюродный Елисей (меня и Бориса своего брата постарѣе и ко всякимъ шалостямъ поотважнѣе), увидя, что на дворѣ Брудастаго никого кромѣ насъ троихъ нѣтъ, поймалъ учителева любимаго кота сѣраго, связалъ ему заднія ноги и повѣсилъ въ сараѣ, въ которомъ мы учились, на веревкѣ за заднія ноги, сѣкъ кота лозою и что приговаривалъ не упомню; только то помню, что мы, на его шутки глядя, съ Борисомъ, сидя со страху, чтобъ не засталъ Брудастой, дрожали. И въ тотъ же часъ, якобы на избавленіе своего кота, явился во дворъ свой нечаянно нашъ учитель: Елисей отъ сего явленія оробѣлъ, не успѣлъ кота съ пытки освободить, кинулся безъ памяти на скамейку за книгу свою учиться, потупя глаза въ книгу и духъ свой притаивъ, не могъ дыхать свободно. Брудастой, увидя кота висящаго на веревкѣ, отъ досады и жалости остолбенѣлъ; потомъ пришелъ въ такое бѣшенство, что ухватилъ метлу, связанную изъ хворосту, случившуюся въ сараѣ, началъ стегать разъ за разомъ безъ разбора по Елисею и по книгѣ, и оною метлою отрывая подымалъ вверхъ листы изъ книги, которые по всему сараю летали. Брудастой былъ въ великомъ сердцѣ, какъ бѣшеный; стегая Елисея тою же метлою доставалъ нѣсколько страждущаго по близости на веревкѣ повѣшеннаго кота, который чаятельно усмирилъ звѣрскій тогдашній гнѣвъ его своимъ мяуканьемъ и тѣмъ сохранилъ остатки листовъ въ книгѣ. Мы, отъ сей драки, съ Борисомъ кромѣ страха ничего не претерпѣли отъ Брудастаго; а Елисею, достовѣрно сказать можно, что не меньше книги досталось, которая великую отъ метлы претерпѣла въ листахъ утрату.

2. Вдова Матрена Петровна.

Выучилъ я у Брудастаго азбуку, отецъ мой отвезъ меня близъ города Тулы къ живущей вдовѣ, Матренѣ Петровнѣ, которая въ замужествѣ прежде была за нашимъ свойственникомъ Афанасьемъ Денисовичемъ Даниловымъ.

Матрена Петровна имѣла при себѣ племянника роднаго и своему имѣнію наслѣдника, Епишкова, по той причинѣ просила отца моего, дабы меня привезъ къ ней, какъ грамотѣ учиться, такъ и племяннику ея дѣлать компанію; а какъ вдова своего племянника

много любила и нѣжила, потому не было намъ никогда принужденія учиться, однако я, въ таковой будучи волѣ и непринужденномъ ученіи, безъ малѣйшаго наказанія, скоро окончалъ словесное ученіе, которое состояло только изъ двухъ книгъ, Часослова и Псалтыри. Вдова была великая богомольщица, рѣдкой день проходилъ, чтобъ у ней въ домѣ не отправлялась служба, когда съ попомъ, а иногда слуга отправлялъ одинъ оную должность: я употребленъ былъ въ таковой службѣ къ чтенію, а какъ у вдовы любимый ея племянникъ еще читать не разумѣлъ, то отъ великой на меня зависти и досады, приходя къ столу, при которомъ я читалъ псалмы, своими сапогами толкалъ по моимъ ногамъ до такой боли, что до слезъ доходилъ. Вдова, хотя и увидитъ такія шалости своего племянника, однако болѣе ничего не скажетъ ему, и то протяжно, какъ нехотя: «полно тебѣ шутить, Ванюшка», и будто не видитъ она, что отъ Иванушкиной шутки у меня изъ глазъ слезы текутъ. Она грамотѣ не знала, только всякой день, розогнувъ большую книгу на столѣ, акаоистъ Богородицѣ всѣмъ въ слухъ громко читала. Вдова охотница великая была кушать у себя за столомъ щи съ бараниною, только, признаюсь, сколько времени у ней я ни жилъ, не помню того, чтобъ прошелъ хотя одинъ день безъ драки: какъ скоро она примется свои щи любимыя за столомъ кушать, то кухарку, которая готовила тѣ щи, притаща люди въ ту горницу, гдѣ мы обѣдаемъ, положатъ на полъ и станутъ сѣчь батожьемъ немилосердно, и потуда сѣкутъ и кухарка кричитъ, пока не перестанетъ вдова щи кушать; это такъ уже введено было во всегдашнее обыкновеніе, видно для хорошаго апетиту. Вдова такъ была собою дородна, что ширина ея тѣла немного уступала высотѣ ея роста.

Въ одно время гуляли мы съ племянникомъ ея и третій былъ съ нами молодой слуга, который насъ училъ грамотѣ и самъ учился: племянникъ ея и наслѣдникъ завелъ насъ къ яблони, стоявшей за дворами, которая не огорожена была ничѣмъ, началъ обивать яблоки, не спросясь своей тетушки. Донесено было сіе преступленіе теткѣ его, что племянникъ около яблони забавляется, обивая яблоки; она приказала всѣхъ насъ троихъ привести передъ себя на нелицемѣрный судъ и, въ страхъ племяннику, приказала съ великимъ гнѣвомъ поднять немедленно невиннаго слугу и учителя нашего на козелъ, и сѣкли его очень долгое время не милостиво, причитая: «не обивай яблокъ съ яблони». Потомъ и до меня дошла очередь, приказала вдова поднять и меня на козелъ, и было мнѣ удара три подарено въ спину, хотя я, какъ и учитель нашъ, яблокъ отнюдь не обивали. Племянникъ оробѣлъ и мнилъ, что не дойдетъ ли и до него по порядку очередь къ наказанію, однако страхъ его былъ тщетный; только вдова изволила сдѣлать ему выговоръ въ таковой

силѣ, «что дурво-де, не пригоже, сударь, такъ дѣлать и яблоки обивать безъ спросу моего», а послѣ поцѣловавъ его сказала: «чаятельно ты, Иванушка, давича испугался, какъ сѣкли твоихъ товарищей, не бойся, голубчикъ, я тебя никогда сѣчь не стану».

Отецъ мой, пріѣхавъ къ своей свойственницѣ вдовѣ, поблагодарилъ ее за мое содержаніе и взялъ меня въ домъ свой. По отъѣздѣ моемъ отъ вдовы черезъ годъ пришли къ ней ночью разбойники, вломились въ хоромы, убили у ней любимую постельную собачку Дулку, а ей выбили переднія всѣ зубы ружейнымъ прикладомъ, забравъ пожитки и нѣсколько боченковъ съ виномъ и водкою, ушли изъ деревни вскорѣ. За разбойниками учинена была собранная отъ сосѣдей погоня: тогда разбойники покидали за собою на дорогѣ по одному боченку съ виномъ, для питья погонщикамъ, погонщики выпивали вино для смѣлости за разбойниками гнаться, симъ вымысломъ разбойники погоню за собою остановили и скрылись во-свояси.

3. Старинные Порядки.

Потомъ [1]) отвезли меня въ городъ Данковъ, въ которомъ тогда воеводою былъ Никита Михайловичъ Крюковъ: онъ считался съ отцемъ моимъ родствомъ, а какъ близко не упомню, только называлъ онъ отца моего «братомъ». У воеводы былъ сынъ Василій, въ мои лѣта или еще моложе; я жилъ у воеводы болѣе въ гостяхъ, нежели учился, хотя и былъ у сына воеводскаго учитель, отставной престарѣлый попъ, только мы не всякой день и азы твердили. Отпустилъ насъ, на недѣлю Рождества Христова, воевода съ сыномъ своимъ по тому же уѣзду Христа славить и за нами посылалъ подводъ по пяти и болѣе порожнихъ саней, на подаяніе за славленіе: мы каждый день привозили посланныя за нами подводы полны хлѣбомъ и живыми курами и по нѣскольку денегъ, и въ недѣлю Рождества, какъ хлѣба, такъ и живыхъ куръ, не мало натаскали къ воеводѣ. Приономъ славленіи нашемъ насмотрѣлся я, что воеводскіе люди поступаютъ въ уѣздѣ нахальнѣе и безстыднѣе городскихъ разсыльщиковъ; они собирали птицъ и съ тѣхъ дворовъ, въ которыхъ мы съ воеводскимъ сыномъ не были и Христа не славили.

Въ бытность мою въ Данковѣ подалъ одинъ помѣщикъ, а фамилію его неупомню, прошеніе въ воеводскую канцелярію, что крестьяне его сдѣлались ему непослушны: воевода, собравъ сколько у него при канцеляріи было солдатъ и разсыльщиковъ, съ ружьями и копьями, послалъ подъячего по инструкціи забрать крестьянъ

[1]) Т. е. послѣ житья Данилова у вдовы Матрены Петровны.

ослушниковъ въ канцелярію, для наказанія; но бунтующіе крестьяне приготовились заранѣ къ принятію таковыхъ незванныхъ къ себѣ гостей, не забыли вооружить себя каменьями, полѣньями, дубьемъ и рогатинами, для своего защищенія. Притомъ они имѣли у себя изъ бунтовщиковъ одного главнаго уговорщика и предводителя, который объявлялъ о себѣ, что онъ отъ пули заговоритъ не только себя, но всѣхъ товарищей, которые съ нимъ городской командѣ противиться будутъ. Товарищи его, съ великою надеждою на своего предводителя и заговорщика пуль уповая, выступили съ женами и дѣтьми своими противъ городской команды на драку: городская команда, по малости своего числа, видя противъ себя великое множество собравшагося со всякимъ орудіемъ народа, захватила для себя удобное мѣсто въ деревнѣ, дабы кругомъ не быть обхваченой отъ бунтовщиковъ, кои неустрашимо шли прямо на посыльныхъ и передъ ними предводитель и заговорщикъ ружья, человѣкъ молодой, роста великаго и стройнаго (я видѣлъ когда его привезли въ канцелярію, убитаго); приближась бунтовщики пустили изъ рукъ своихъ каменья и полѣнья какъ градъ и повторили разъ за разомъ, съ великимъ крикомъ и бранью, которымъ швырявьемъ они многихъ городовыхъ поранили. Между тѣмъ и городскіе посыльные, защищая себя, изъ своихъ ружей сдѣлали нѣсколько выстрѣловъ безъ ошибки по толпѣ бунтующихъ; а одному удалось такъ небережво выстрѣлить изъ ружья по самомъ предводителѣ и заговорщикѣ пуль, что онъ не успѣлъ своихъ заговорныхъ словъ выговорить и палъ на землю мертвъ. Увидя бунтовщики предводителя своего мертва, дрогнули всѣ и зачали спасать себя бѣгствомъ, куда кто могъ скрыться; городскіе, видя такое смятеніе, не упустили сего случая, и начали ловить бѣгущихъ, и столько нахватали ихъ, сколько имъ можно было взять съ собою: привезли они передъ канцелярію воеводскую въ Данковъ, къ наказанію, бунтовщиковъ на трехъ подводахъ однихъ побитыхъ до смерти, въ томъ числѣ ихъ предводителя, и человѣкъ 20 полону здоровыхъ и раненыхъ. Я видѣлъ, когда допрашивали въ канцеляріи привезенныхъ бунтовщиковъ: крестьяне были всѣ молодые и здоровые, по платью и по рубахамъ не походили они на степныхъ крестьянъ, а на гулящихъ самыхъ бурлаковъ; при допросѣ они отвѣчали съ звѣрскимъ видомъ.

Немного я въ Данковѣ у воеводы пожилъ. Отецъ мой, тою же зимою, которою привезъ, взялъ меня возвратно въ свой домъ.

4. Артиллерійская школа 1737 года.

Въ 737 году, въ Москвѣ, записалъ меня братъ мой Василій въ артиллерійскую школу, гдѣ онъ уже былъ записанъ прежде меня.

По вступленіи моемъ въ школу учился я вмѣстѣ съ братомъ, жили мы у свойственника своего Милославскаго, котораго дворъ былъ близь Каменнаго моста: въ домѣ была дворецкаго жена, Степановна, въ родѣ своемъ добродѣтельная; она меня не оставляла, а паче, какъ по пріѣздѣ моемъ въ Москву, въ 737 году, занемогъ я горячкою, которая тогда по всей Москвѣ была съ пятнами, перевалка и моръ; я лежалъ у оной Степановны и она за мною, какъ за своимъ сыномъ, прилежно ходила. Простонародіе, отъ своего незнанія, тогда въ Москвѣ полагало смѣхотворную причину оной болѣзни и мора, якобы въ Москву въ ночи, на сонныхъ или спящихъ людей, привели слона изъ Персіи. Мы хаживали съ братомъ на полкопой артиллерійскій дворъ, близь Сухаревой башни: тамъ была учреждена наша школа, въ которой записано было дворянъ до 700 человѣкъ и обучали безъ малѣйшаго порядка.

Я былъ охотникъ рисовать: зная мою къ рисованію охоту, сидящій близь меня ученикъ Жеребцовъ (который нынѣ [1]) имѣетъ честь быть въ артиллеріи полковникомъ), сыскавъ незнаю гдѣ-то рисунокъ на полулистѣ, принесъ съ собою въ школу показать мнѣ рисованье, а при учителѣ нашемъ, Прохорѣ Алабушевѣ, были тогда приватные незаписанные ученики, князь Волхонской и князь Сибирской. Они по большей части, бродя въ школѣ по всѣмъ покоямъ безъ дѣла, разныя дѣлали шутки и шалости. Изъ оныхъ шалуновъ одинъ, увидя рисунокъ у Жеребцова, вырвалъ его изъ рукъ и побѣжалъ съ великою скоростію, какъ съ побѣдою, являть учителю Алабушеву: «Жеребцовъ ученикъ не учится, а вотъ какіе рисунки въ рукахъ держитъ». Алабушевъ былъ человѣкъ пьяный и вздорный, по третьему смертоубійству сидѣлъ подъ арестомъ и взятъ обучать школу: вотъ каковъ характеръ штыкъ-юнкера Алабушева, а потому можно знать, сколь великій тогда былъ недостатокъ въ ученыхъ людяхъ при артиллеріи. Алабушевъ велѣлъ привесть Жеребцова передъ себя и не принявъ отъ него никакого оправданія въ невинности, поваля его на полъ, велѣлъ рисунокъ положить ему на спину и сѣкъ Жеребцова немилостиво, покуда рисунокъ розгами разстегали весь на спинѣ; мню, что не одинъ рисунокъ пострадалъ, а досталось и подкладкѣ. Оное странное награжденіе, за рисованье оказанное, я видя положилъ самъ себѣ обѣщаніе твердое, чтобъ никогда не носить никакихъ рисунковъ съ собою въ школу и товарищу своему Жеребцову совѣтовалъ тожъ всегда припоминать, что въ нашей школѣ, вмѣсто похвалы, наказаніе за рисованье учреждено; однако не устрашило меня Жеребцова наказаніе и я продолжалъ учиться рисовать, только не въ школѣ. Ученики были всѣ

[1]) «Записки» Данилова писаны въ 1771 году.

помѣщены въ четырехъ великихъ свѣтлицахъ, стоящихъ черезъ сѣни, по двѣ на сторонѣ: когда позволялось покинуть ученье и итти обѣдать, или по домамъ, тогда бывало учинятъ великій и безобразный во всѣ голоса крикъ, на подобіе ура, протяжно «шебашъ».

5. Пожаръ въ Москвѣ 1737 года.

Въ томъ же 737 году, въ небытность Милославскаго въ Москвѣ, на самый Троицынъ день, поварова жена, на дворѣ имѣвши чуланъ, зажгла въ немъ передъ образъ девежную свѣчу въ угодность праздника и сама пошла подъ палаты (тамъ была кухня) для себя готовить ѣсть: свѣча отъ образа отпала и зажгла чуланъ вмигъ, а бывшіе въ дворѣ люди, на такой несчастный случай, всѣ были у обѣдни въ самое второе колѣнопреклоненіе, услышали о пожарѣ, выбѣжали поспѣшно всѣ вонъ, но уже было поздно; огонь занялъ половину двора, къ несчастію тогда былъ вѣтеръ сильный, а время было сухое, то отъ сей денежной свѣчки распространился въ скорости гибельный и страшный пожаръ, отъ коего ни четвертой мню доли Москвы цѣлой не осталось. Въ Кремлѣ дворцы, соборы, коллегіи, ряды, Устрѣтинка, Мясницкая, Покровка, Басманная старая и новая, слободы всѣ, въ пепелъ обращены и наслу, всѣ силы соединя, могли отстоять Головинскій за Яузою дворецъ; въ семъ же свирѣпомъ пожарѣ народа не мало, а имѣнія и товаровъ несчетное множество, погорѣло.

6. Чертежная школа 1740—43 года.

Въ 740 году Государыня Анна Іоанновна скончалась и была великая перемѣна въ правленіи, я помню, что три раза былъ въ Чудовѣ монастырѣ у присяги. Братъ мой Егоръ пріѣхалъ въ Москву изъ Петербурга, для взятья полковыхъ письменныхъ дѣлъ отъ перваго Московскаго полка, въ которомъ тогда еще служилъ сержантомъ; онъ выпросилъ меня изъ Московской въ Петербургскую школу, куда я съ нимъ отправился и пріѣхалъ въ Петербургъ. Братъ мой Василій выпущенъ былъ съ прочими изъ школы сержантомъ, а какъ по выпускѣ ихъ было много въ школѣ ваканцій, то стараніемъ брата моего Василья опредѣленъ я прямо въ первый классъ въ чертежную школу. Въ оной тогда было три класса, въ каждомъ положено по десяти учениковъ изъ дворянъ и офицерскихъ дѣтей; жалованье было опредѣлено въ третьемъ классѣ по двѣнадцати, во второмъ по осьмнадцати, въ первомъ по двадцати по четыре рубли, въ годъ; да въ той же школѣ было на казенномъ со-

держаніи, изъ пушкарскихъ дѣтей, которые въ школѣ и жили, шестьдесятъ человѣкъ. Изъ чертежныхъ учениковъ выпускали въ артиллерійскую службу, изъ коихъ нынѣ въ генералъ-поручикахъ и генералъ-маіорахъ, а нѣкоторые и кавалеры, есть; а изъ пушкарскихъ дѣтей выпускали въ мастеровые, въ писари полковые и канцелярскіе. Надъ оною школою былъ директоромъ капитанъ Гинтеръ, человѣкъ прилежный, тихій и въ тогдашнее время первый знаніемъ своимъ, который всю артиллерію привелъ въ хорошую пропорцію. Я по своей охотѣ, сверхъ школьнаго учителя, сыскавъ хорошихъ себѣ постороннихъ мастеровъ, хаживалъ къ нимъ учиться рисовать; писалъ я также нѣсколько живописи, разныя картины, ланшафты и портреты изъ масляныхъ красокъ; въ школу прихаживали многіе офицеры смотрѣть моихъ рисунковъ, а отъ похвалы оныхъ смотрителей умножалась во мнѣ прилежность и охота къ рисованью. Директоръ нашъ Гинтеръ безподобенъ былъ Алабушеву, отмѣнно меня отъ другихъ учениковъ хвалилъ за рисованье.

Въ 743 году назначали изъ артиллерійской школы выпускъ, между прочимъ и я былъ въ числѣ оныхъ: я приготовилъ артиллерійскіе чертежи и многіе рисунки на экзаменъ, а между тѣмъ командированъ былъ на заводы Сестербекъ, для рисованья вензелей и литеръ на тесакахъ, которые готовились для корпуса лейбъ-компаніи; по возвращеніи жъ моемъ съ Сестербека взятъ былъ въ Герольдію, для рисованья дворянскихъ гербовъ на лейбъ-компанцевъ, чѣмъ они тогда удостоены были всѣ. Потомъ представили насъ къ фелцехмейстеру князю Гессенгомбургскому: пожалованъ я былъ фурьеромъ. По выпускѣ моемъ изъ школы директоръ нашъ, капитанъ Гинтеръ, причислилъ меня въ свою роту и къ лабаторіи, для рисованія плановъ, въ которой тогда былъ фейверкоромъ Иванъ Васильевичъ Демидовъ.

7. Иллюминація 1744 года.

Въ 744 году было шествіе вторичное Государыни Императрицы Елисаветы Петровны въ Москву и для того командированъ я былъ съ капитаномъ Воейковымъ; при немъ штыкъ-юнкоромъ Мартыновъ, который нынѣ при артиллеріи имѣетъ честь быть генералъ-поручикомъ. По прибытіи нашемъ въ Москву посланъ былъ я въ село Всесвятское, къ царевичу Бакару, который въ артиллеріи у насъ былъ тогда генералъ-поручикъ, дабы сдѣлать иллюминацію на случай тотъ, когда Государыня через Всесвятское село въ Москву поѣдетъ, то чтобы упросить ее къ вечернему столу кушать; что и было учинено. На таковый случай былъ весь домъ у него иллюминованъ фонарями и картинами: я оное исполнилъ первый разъ

одинъ, безъ моихъ командировъ, и заслужилъ себѣ за то похвалу, коя молодому человѣку придаетъ охоту получать оную.

Примѣч. — «Записки» Данилова служатъ лучшимъ поясненіемъ дѣятельности нѣкоторыхъ личностей, которыя представлены въ комедіяхъ Императрицы *Екатерины II* и *Фонъ-Визина*. Все, что говоритъ Даниловъ о воспитаніи своемъ и учителяхъ доморощенныхъ, весьма важно для пониманія такихъ педагоговъ, какими были Цыфиркинъ, Кутейкинъ и Вральманъ (въ комедіи «Недоросль», см. III т. нашей Христоматіи). Разнаго рода источники, по которымъ изучается XVIII в., указываютъ на одно и то же безотрадное положеніе педагогическаго дѣла въ Россіи. Во всей Россіи того времени (т. е. половинѣ XVIII в.) немного было такихъ, которые умѣли бы правильно писать; учителями обыкновенно назначались пономарь, дьячекъ, иногда грамотный дворовый человѣкъ. Журналъ «Трутень» [1]) разсказываетъ, что одинъ помѣщикъ, владѣлецъ *трехъ тысячъ душъ*, ѣздилъ въ Москву искать 15-лѣтнему сыну учителя, но, не пріискавъ, возвратился домой и поручилъ воспитаніе недоросля приходскому дьячку... (ст. Аѳанасьева въ Отеч. Зап. 1855, № 6 Отдѣльно изданъ рядъ статей г. Аѳанасьева въ брошюрѣ: Русскіе сатирическіе журналы. М. 1859, стр. 121). Лице вдовы Матрены Петровны живо рисуетъ передъ нами типы Ханжахиной, Чудихиной (въ комедіи Екатерины II «О время!») и Простаковой въ извѣстной комедіи Фонъ-Визина. Вдова Матрена Петровна баловала своего племянника; и Чудихина также поступала въ отношеніи къ своему сыну. Она говорила: «И такъ кажется, какъ глазъ свой берегу, своего Николушку; во всю зиму съ лежанки онъ у меня не сходитъ, а когда боленъ, то кромѣ блиновъ и сластей ничѣмъ не кормлю... а онъ совсѣмъ тѣмъ все худѣетъ, все печалится». (Комедія «О время!»). Вдова Матрена Петровна была святоша, ханжа: такою же представляется и Ханжахина, другая женщина въ комедіи Екатерины II «О время!» Ханжахина измѣряетъ благочестіе числомъ ежедневно посѣщаемыхъ церковныхъ службъ, молебновъ и количествомъ восковыхъ свѣчъ; въ то же время она безчеловѣчно обращается съ людьми. Мавра, служанка Ханжахиной, такъ описываетъ утро своей госпожи: «Она встаетъ поутру въ шесть часовъ; сошедъ (съ постели) оправляетъ передъ образами лампаду; потомъ прочитаетъ утреннія молитвы и акаѳистъ, потомъ чешетъ свою кошку, обираетъ съ нея блохъ и поетъ стихъ: блаженъ, кто и скоты милуетъ. А при семъ пѣніи и насъ такъ же миловать изволитъ, иную пощечиной, иную тростью, а иную бранью и проклятіемъ. Потомъ начинается заутреня, во время которой то бранитъ дворецкаго, то шепчетъ молитвы, то посылаетъ провинившихся наканунѣ людей на конюшню пороть батожьемъ, то подаетъ попу кадило». (Комедія «О время!»). Эта же Матрена Петровна весьма похожа на Простакову Фонъ-Визина. Воспитанники сами найдутъ черты сходства между этими двумя лицами. Вообще слѣдуетъ сказать, что чтеніе поэтическихъ произведеній, наряду съ «Записками» современниковъ, проливаютъ много яркаго свѣту на глубокую важность произведеній послѣдняго рода. «Записки» должны быть читаны въ теоретическомъ курсѣ словесности; сравненіе поэтическаго отрывка и прозаическаго наводитъ любознательный умъ юноши на многія очень любопытныя соображенія:

---

[1]) *Трутень* выходилъ въ 1769—1770 гг. подъ редакціею знаменитаго своею просвѣщенною дѣятельностью *Новикова*. Подробности объ этомъ журналѣ (сатирическомъ) см. въ сочиненіи *г. Лонгинова:* Новиковъ и Московскіе Мартинисты. М. 1867, стр. 26—28.

онъ постигаетъ значеніе поэзіи и прозы въ одно и то же время; онъ видитъ тѣсную связь между этими вѣтвями словеснаго искусства. Въ историческомъ курсѣ словесности «Записки» или вовсе опускаются, или стоятъ какимъ-то особнякомъ, не имѣющимъ никакой связи съ общею дѣятельностью писателей того или другаго вѣка.

Темы. — Очеркъ воспитанія Русскихъ людей XVIII в. по «Запискамъ» Данилова: воспитаніе домашнее (педагоги), воспитаніе школьное (педагоги), предметы обученія, педагогическіе пріемы, отношеніе къ учителямъ. — Черты нравовъ XVIII в. по «Запискамъ Данилова». — Характеристика главныхъ дѣйствующихъ лицъ въ «Запискахъ». — Сравн. ихъ съ комедіями Екатерины II и Фонъ-Визина.

ЗАПИСКИ ГРИБОВСКАГО.

Примѣч. — Адріанъ Моисеевичъ Грибовскій (1766 — 1833), родомъ изъ Малороссіи, воспитывался въ Московскомъ Университетѣ, былъ сначала на службѣ въ «Коммиссіи о сочиненіи новаго уложенія», а потомъ съ 1784 г. служилъ секретаремъ въ Олонецкѣ при губернаторѣ Державинѣ (извѣстномъ поэтѣ). Грибовскій отличался начитанностію и познаніями во Французскомъ языкѣ. Служба при Потемкинѣ въ Яссахъ открыла Грибовскому дорогу къ высшимъ должностямъ; по смерти Потемкина (5 октября 1791 г.) онъ является однимъ изъ главныхъ дѣятелей при князѣ Зубовѣ. Для собственныхъ дѣлъ Императрицы, препорученныхъ князю Зубову, составлена была канцелярія: управляющимъ надъ нею назначенъ подполковникъ Грибовскій. Въ 1795 г. онъ занялъ статсъ-секретарскую должность при Императрицѣ Екатеринѣ II. Жизнь Грибовскаго въ послѣдующее царствованіе представляетъ печальную картину. 14 января 1797 года онъ былъ высланъ изъ Петербурга, а въ 1798 году привезенъ обратно въ Петербургъ съ солдатомъ и посаженъ въ Петропавловскую крѣпость. «На другой день (послѣ заключенія) князь Куракинъ пріѣхалъ и божился (приводимъ собственныя слова Грибовскаго), что не знаетъ причины моего заключенія, велѣлъ отвезть мнѣ одинъ номеръ газеты, скрипку, книги и три изрядныя блюда». (Записки Грибовскаго, стр. 94). 1801 года Грибовскаго освобождаютъ изъ крѣпости и отправляютъ съ курьеромъ въ Подольскую деревню. 1803 года онъ является въ Москвѣ уже совершенно свободнымъ.

Грибовскій оставилъ весьма любопытныя «Записки» о временахъ Императрицы Екатерины II. Въ нихъ онъ изображаетъ главныхъ пособниковъ Государыни: Салтыкова, Зубова, Остермана, Безбородко, Моркова, Алтесту, Попова, Трощинскаго, — а также разсказываетъ объ образѣ жизни Императрицы. Сопоставленіе жизни главныхъ дѣятелей Екатерины II съ жизнію самой Государыни пробуждаетъ въ духѣ читателя съ одной стороны изумленіе, а съ другой — благоговѣніе. Непомѣрная роскошь, свобода нравовъ, разгульная жизнь пособниковъ Императрицы изумляютъ васъ, — а поразительная простота, рѣдкое трудолюбіе, гуманность Государыни вызываютъ чувство, близкое къ благоговѣнію. «Записки» Грибовскаго слѣдуетъ читать, сравнивая ихъ съ комедіею Грибоѣдова «Горе отъ Ума» (гдѣ говорится о вѣкѣ Екатерины) и съ «Фелицею» Державина. Тогда поэзія и мемуары будутъ другъ друга дополнять и объяснять въ умѣ воспитанника.

Полное заглавіе «Записокъ» Грибовскаго слѣдующее: «Записки о Императрицѣ Екатеринѣ Великой полковника, состоявшаго при ея особѣ статсъ-секретаремъ, Адріана Моисеевича Грибовскаго.» Онѣ сначала были напечатаны въ Москвитянинѣ за 1847 г., а потомъ въ 1864 г. изданы отдѣльно.

1. Вице-канцлеръ графъ Остерманъ.

Вице-канцлеръ графъ И. А. Остерманъ [1]). Сынъ извѣстнаго при Императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ канцлера, служилъ въ разныхъ посольствахъ съ похвалою и наконецъ послѣ смерти графа Н. И. Панина назначенъ былъ съ званіемъ канцлера управляющимъ тогда иностранною коллегіей, въ вѣдомствѣ которой состояли всѣ посольскія дѣла, т. е. наши миссіи при иностранныхъ дворахъ и чужестранные посольства при нашемъ. Ему было отъ роду 65 лѣтъ; росту былъ не болѣе средняго, худощавъ; ко двору являлся въ пудреномъ парикѣ съ кошелькомъ; въ Французскомъ платьѣ разныхъ цвѣтовъ; въ праздники же въ глазетовомъ (мундировъ въ статской тогдашней службѣ не знали); рѣдко въ башмакахъ, а по большей части въ черныхъ плисовыхъ сапогахъ; походку имѣлъ осанистую, слылъ простымъ, но содержалъ свой департаментъ въ большомъ порядкѣ; строго наблюдалъ установленный этикетъ въ пріемѣ чужестранныхъ министровъ; въ назначенные для пріема и для отвѣтовъ часы былъ весьма точенъ, чрезъ что пріобрѣлъ отъ нихъ всеобщую довѣренность и уваженіе. Какъ первый изъ государственныхъ статскихъ чиновъ, онъ давалъ ежегодно четыре церемоніальныхъ обѣда, въ четыре праздника Императрицы: 24 апрѣля, день рожденія ея; 28 іюня, день восшествія ея на престолъ; 22 сентября, день ея коронованія и 24 ноября, день ея тезоименитства. Въ сіи дни приглашены были по билетамъ всѣ знатнѣйшіе въ городѣ военные, гражданскіе и придворные чины, въ томъ числѣ статсъ-секретари, и чужестранные министры въ Воронцовскій домъ, гдѣ онъ жилъ (нынѣ Пажескій Корпусъ), и, гдѣ самъ, стоя у дверей гостиной, каждаго гостя встрѣчалъ, принималъ поздравленія съ торжествомъ и пожималъ ему руку. Столъ былъ всегда на 300 кувертовъ, весь покрытъ серебряными блюдами съ таковыми же крышами въ два ряда; питье за здравіе императорской фамиліи возвѣщали 12 трубъ съ литаврами, — музыка же оркестрная при мнѣ ни одного разу не играла. Графъ Остерманъ не имѣлъ дѣтей; имѣнія за нимъ было родоваго 4000 и 6000 душъ жалованныхъ. Въ приватной жизни не былъ роскошенъ, однакожь жилъ какъ вельможа: велъ себя важно, но не гордо. Въ торжественные дни

[1]) Графъ Иванъ Андреевичъ Остерманъ былъ вице-канцлеромъ съ 1773 г. по 1796 г., когда пожалованъ канцлеромъ.

ко двору, и въ Святую Недѣлю къ качелямъ выѣзжалъ одинъ въ одномѣстной позолоченной каретѣ съ большими спереди и по сторонамъ стеклами, на шести бѣлыхъ лошадяхъ; сзади стояли два гайдука въ голубыхъ епанчахъ (цвѣтъ ливреи графа Остермана), подъ которыми были казакины съ серебряными снурками похожіе на венгерки, а на головахъ высокіе картузы съ перьями и серебряными бляхами спереди, на которыхъ видно было вензелевое имя; передъ лошадьми же шли два скорохода въ обыкновенномъ своемъ нарядѣ, съ булавчатыми тростьми и въ башмакахъ, не смотря ни на какую грязь. Самъ графъ имѣлъ одинъ докладной день въ недѣлю: четвертокъ въ 11 часовъ утра. Иностранную же почту и другіе доклады присылалъ во всякое время въ покои Государыни въ конвертахъ, запечатанныхъ собственною его печатью и надписанныхъ собственноручно, съ курьеромъ иностранной коллегіи, для врученія ихъ дежурному камердинеру, который имѣлъ обязанность немедленно тѣ конверты подавать: часто оные были получаемы послѣ обѣда, когда никого изъ секретарей Государыни въ покояхъ не было, кромѣ В. С. Попова [1]), который очень худо по-Французски читалъ, тогда посылали или за графомъ Морковымъ [2]), или за мною, — и почта была прочитана, въ которой, однакожъ, большая часть донесеній цифрами писались и между строкъ, въ канцеляріи вице-канцлера на Русскій или на Французскій языкъ переводились. По прочтеніи сихъ бумагъ, Императрица, въ томъ же самомъ конвертѣ посылала ихъ къ П. А. Зубову (Платонъ Александровичъ 1767—1822), откуда, по запечатаніи малою императорскою печатью, на яшмѣ вырѣзанною, обращались они къ вице-канцлеру. Въ назначенный день онъ не болѣе четверти часа или десяти минутъ былъ у Государыни. Дѣло его, какъ выше сказано, болѣе состояло въ охраненіи этикета Россійскаго двора въ разсужденіи иностранныхъ, чѣмъ въ управленіи политическими дѣлами, коими сама Императрица и нѣкоторыя ближайшія къ ней особы занимались.

2. Графъ Безбородко [3]).

Второй, присутствующій въ иностранной коллегіи, былъ д. тайн. сов. графъ Безбородко. Онъ былъ изъ Малороссійскихъ старшин-

[1]) *Василій Степановичъ Поповъ* (1745—1822)—правитель канцеляріи Потемкина, а послѣ его смерти — начальникъ кабинета Ея Величества. Онъ имѣлъ случай каждый день быть въ покояхъ Государыни.

[2]) Служилъ по дипломатическому корпусу; вся переписка Императрицы по иностранной части совершалась через него.

[3]) Графъ Александръ Андреевичъ, въ послѣдствіи князь; 1797 г. былъ государственнымъ канцлеромъ. Умеръ 1799 г.

скихъ дѣтей; служилъ сначала въ тамошней коллегіи, а потомъ въ канцеляріи фельдмаршала гр. Румянцова (1725—1796), въ чинѣ подполковника. Во время войны съ Турками, въ которой фельдмаршалъ былъ военочальникомъ, Государыня, замѣтивъ въ его донесеніяхъ болѣе складу, чѣмъ въ реляціяхъ семилѣтней войны Бестужева и Апраксина, спросила его: — нѣтъ ли у него двухъ способныхъ людей, которые могли бы при ней занять мѣсто? Фельдмаршалъ представилъ ей достойными сего счастія графовъ Завадовскаго и Безбородко. Первый, какъ извѣстно, сначала обратилъ на себя ея вниманіе, но вскорѣ уволенъ былъ отъ двора, и чрезъ нѣсколько уже лѣтъ опять употребленъ былъ въ государственныя должности, однакожь не при лицѣ ея [1]), но графъ Безбородко до самой ея кончины при собственныхъ ей дѣлахъ находился въ большой довѣренности и многочисленныхъ занятіяхъ. При острой памяти и нѣкоторомъ знаніи Латинскаго и Русскаго языковъ, ему не трудно было отличиться легкимъ сочиненіемъ указовъ тамъ, гдѣ бывшіе при Государынѣ вельможи, кромѣ князя Потемкина, не знали Русскаго правописанія. Матерія для указовъ обыкновенно была обработываема въ сенатѣ, или въ другихъ департаментахъ основательно, и съ приведеніемъ приличныхъ къ оной законовъ и обстоятельствъ; такъ что редактору стоило только сократить сіи записки и нѣсколько поглаже написать; часто надобно было одѣть только сіи записки въ указную форму. Конечно не довольно было одного Кіевскаго, бурсацкаго ученія для успѣшнаго отправленія государственныхъ бумагъ; потребна была бѣглая память, и острота ума, коими гр. Безбородко щедро былъ награжденъ, и при помощи которыхъ, въ скоромъ времени, понялъ онъ хорошо весь кругъ государственнаго управленія; такъ что въ продолженіи двадцати лѣтъ, то есть съ 1776 по 1796 годъ достигъ онъ первѣйшихъ чиновъ и пріобрѣлъ богатѣйшее состояніе и несмѣтныя сокровища въ вещахъ, и деньгахъ, не теряя тѣмъ своей репутаціи. Сверхъ того, по званію главнаго директора почтъ, распоряжалъ онъ всѣми суммами сего департамента нѣсколько лѣтъ сряду безотчетно. Предъ кончиною Государыни имѣлъ уже онъ крестьянъ болѣе 16,000 душъ, соляныя озера въ Крыму и рыбныя ловли на Каспійскомъ морѣ [2]),

[1]) Графъ Петръ Васильевичъ *Завадовскій* (1738—1813) — статсъ-секретарь при Императрицѣ Екатеринѣ II, въ послѣдствіи (1802—1810) министръ народнаго просвѣщенія. Біографія Завадовскаго въ Русскомъ Архивѣ 1865, стр. 824—832.

[2]) Когда скончалась Екатерина, онъ былъ графомъ Римской имперіи, дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ, членомъ высокаго совѣта, оберъ-гофмейстеромъ императорскаго двора, генералъ-почтъ-директоромъ и кавалеромъ Русскихъ орденовъ. Доходы его простирались гораздо выше ста тысячъ рублей. Русскій Архивъ 1865, стр. 840.

— къ сему императоръ Павелъ прибавилъ въ Орловской губерніи упраздненный городъ Дмитріевъ съ 12000 крестьянъ.

Всѣ почти внутреннія дѣла, особливо тяжебныя о имѣніяхъ, доходившія до разрѣшенія Государыни, черезъ него были ей представляемы и черезъ него окончанія свое получали; равнымъ образомъ черезъ него же выходили указы о винныхъ откупахъ и о другихъ важнѣйшихъ казенныхъ подрядахъ, поставкахъ и наградахъ. Сверхъ того, какъ членъ иностраннаго министерства, при каждыхъ, съ иностранными дворами, заключаемыхъ трактатахъ получалъ и онъ не малые подарки червонцами и брилліантами [1]). Однимъ словомъ, гетману нашему около 20 лѣтъ рѣкою лилось богатство, да оно, при склонности его къ лакомымъ столамъ, нужно ему было; надобны были чрезвычайныя суммы, чтобъ удовлетворить сіи прихоти, собрать горы серебра и осыпать себя брилліантами. Всѣмъ извѣстны праздники, данные имъ въ 1793 году по случаю мирнаго торжества съ Турками и пріѣзда въ 1796 году въ С.-Петербургъ Шведскаго короля; во многихъ залахъ видны были горки вышиною въ 6 и шириною въ 3 аршина, уставленныя старинными золотыми и серебряными сосудами необыкновенной величины; самъ онъ въ торжественные праздники пріѣзжалъ ко двору въ великолѣпной позолоченной (четырехъмѣстной) осьмистекольчатой каретѣ, имѣя на себѣ андреевскую звѣзду, погонъ для ленты, пуговицы на кафтанѣ и пряжки башмачныя — все изъ брилліантовъ; не упоминая о драгоцѣнныхъ вещахъ, въ ящикахъ у него лежавшихъ, которыхъ необыкновенная цѣна изумляла видѣвшихъ ихъ. Впрочемъ онъ ни мало не походилъ на барина. Знатныхъ обществъ не любилъ, и кромѣ торжественныхъ праздниковъ, гдѣ сама Императрица присутствовала, никогда въ оныхъ не бывалъ, да и вовсе для нихъ не годился, по своей неловкости. Онъ имѣлъ около 45 лѣтъ отъ роду, былъ росту выше средняго, толстъ, лице имѣлъ нѣсколько продолговатое и всегда веселое, носъ прямой, широкой, ротъ часто разинутой, глаза сѣрые, незначительные, лобъ короткой, станъ нескладный, ноги толстые, на которыхъ бѣлые шелковые чулки всегда были складками нерадиво спущены, и которые, казалось, онъ съ нѣкоторымъ трудомъ передвигалъ; однакожъ до ходьбы былъ охотникъ, и почти ежедневно, по выѣздѣ въ 12 часовъ изъ дворца, надѣвъ простой сюртукъ и такую же шляпу, пускался ходить пѣшкомъ.

---

[1]) По заключеніи мира съ Турціею въ Яссахъ (29 декабря 1791 г.) Безбородко, главный дѣятель мира, получилъ драгоцѣнную масличную вѣтвь изъ брилліантовъ. Вѣтвь эта сдѣлана для ношенія на шляпѣ; сверхъ того, ему даны: Андреевская лента, 50 т. рублей и имѣніе въ 5 т. душъ. Біографія его въ Русскомъ Архивѣ 1865, стр. 832—844.

Впрочемъ онъ былъ не спѣсивъ, въ обхожденіи ласковъ, привѣтливъ и нѣсколько звстѣнчивъ; всѣхъ даже послѣднихъ чиновниковъ называлъ вы. Но отъ простоты весьма былъ далекъ; напротивъ того, при весьма неловкой наружности былъ расторопенъ и дальновиденъ.

По заключеніи подъ его главнымъ руководствомъ съ Турками мира, по возвращеніи его изъ Яссъ нашелъ онъ всѣхъ своихъ канцелярскихъ чиновниковъ при ихъ мѣстахъ, но всѣ дѣла Государыни, кои были въ его рукахъ, перешли: большая часть къ П. А. Зубову, а прочія къ генералу Про, такъ что кромѣ совѣта, который дважды въ недѣлю собирался во дворцѣ, и въ которомъ онъ былъ членомъ, не было почти никакой причины ему ко двору пріѣзжать. Но какъ прекращеніе пріѣздовъ его туда подало бы поводъ публикѣ выводить изъ сего непріятныя для него заключенія; а притомъ онъ зналъ, что собственныя дѣла Государыни переданы были П. А. Зубову не по особенному на него неудовольствію, хотя необычайные его расходы заставляли ее сомнѣваться на счетъ его безкорыстія, то онъ ежедневно или самъ во дворецъ пріѣзжалъ, или свою карету къ малому подъѣзду присылалъ, и такимъ образомъ старался злорѣчіе отвратить, и прежній кредитъ свой поддержать, къ чему и сама Государыня способствовала; замѣтивъ, что онъ, пріѣхавъ во дворецъ, сиживалъ въ уборной и къ ней не являлся, приказала камердинерамъ своимъ всякой разъ объ немъ докладывать. Но случалось, что онъ дежурнаго камердинера останавливалъ, говоря, что у него не было никакого дѣла; иногда же входилъ въ спальню для того только, чтобъ показать ей письмо изъ Константинополя отъ племянника своего Кочубея, бывшаго тогда тамъ посланникомъ. Таковое его бездѣйствіе продолжалось по самую кончину Государыни [1]).

3. Образъ жизни Императрицы.

Образъ жизни Императрицы въ послѣдніе годы былъ одинаковъ: въ зимнее время имѣла она пребываніе въ большомъ зимнемъ дворцѣ, въ среднемъ этажѣ, подъ правымъ малымъ подъѣздомъ.

[1]) По кончинѣ Государыни, Безбородко, вызванный ею изъ ничтожества и возведенный на высокія почести, рыдалъ неутѣшно. *Болотовъ* говоритъ: «онъ изъявилъ непритворныя чувства свои такими слезами, такимъ сокрушеніемъ и такимъ надрываніемъ себя печалію и рыданіями, что самъ Государь наконецъ объ немъ соболѣзновалъ и самъ нѣсколько разъ утѣшать его предпринималъ.» Русскій Архивъ 1865, стр. 649. Безбородко былъ назначенъ канцлеромъ, пожалованъ титуломъ князя и многими деревнями.

Собственныхъ ея комнатъ было не много: взойдя на малую лѣстницу, входишь въ комнату, гдѣ, на случай скораго отправленія приказаній Государыни стоялъ за ширмами для статсъ-секретарей и другихъ дѣловыхъ особъ письменный столъ съ приборомъ; комната сія стояла окнами къ малому дворику; изъ нея входъ былъ въ уборную, которой окна были на дворцовую площадь. Здѣсь стоялъ уборный столикъ. Отсюда были двѣ двери: одна направо въ бриліантовую комнату, а другая налѣво въ спальню, гдѣ Государыня обыкновенно дѣла слушала. Изъ спальни прямо выходили во внутреннюю уборную, а налѣво—въ кабинетъ и зеркальную комнату, изъ которой одинъ ходъ въ нижніе покои, а другой прямо черезъ галлерею, въ такъ называемый ближній домъ; въ сихъ покояхъ Государыня жила до весны, а иногда и прежде въ Таврической дворецъ переѣзжала. Дворецъ сей построенъ княземъ Потемкинымъ на берегу Невы.

Главный корпусъ онаго былъ въ одинъ этажъ, кажется нарочно, дабы Государыня высокимъ входомъ не была обезпокоена. Здѣсь ея покои были просторнѣе, чѣмъ въ зимнемъ дворцѣ, особливо кабинетъ, въ которомъ она дѣла слушала. Въ первыхъ числахъ мая выѣзжала всегда инкогнито въ Царское Село, откуда въ сентябрѣ также инкогнито въ зимній дворецъ возвращалась. Въ Царскомъ Селѣ пребываніе имѣла въ покояхъ довольно просторныхъ и со вкусомъ убранныхъ. Всѣмъ извѣстна великолѣпная галлерея, въ которой Государыня иногда прохаживалась, особливо въ воскресные дни, когда садъ наполненъ былъ множествомъ пріѣзжаго изъ С.-Петербурга народа; дѣла же слушала или въ кабинетѣ, или въ спальнѣ. Время и занятія Императрицы распредѣлены были слѣдующимъ порядкомъ: она вставала въ 8 часовъ утра и до 9 занималась въ кабинетѣ письмомъ (въ послѣдвее время сочиненіемъ сенатскаго указа). Однажды она мнѣ между разговорами сказала: «что не пописавши нельзя и одного дня прожить.» Въ это же время пила одну чашку кофе безъ сливокъ. Въ 9 часовъ переходила въ спальню, гдѣ у самаго почти входа изъ уборной подлѣ стѣны садилась на стулѣ, имѣя передъ собою два выгибные столика, которые впадинами стояли одинъ къ ней, а другой въ противоположную сторону, и передъ симъ послѣднимъ поставленъ былъ стулъ; въ сіе время на ней былъ обыкновенно бѣлый гродетуровой шлафрокъ или капотъ, а на головѣ флёровой бѣлый же чепецъ, нѣсколько на лѣвую сторону наклоненный. Не смотря на 65 лѣтъ Государыня имѣла еще довольную въ лицѣ свѣжесть, руки прекрасныя, всѣ зубы въ цѣлости, отъ чего говорила твердо, безъ шиканья, только нѣсколько мужественно; читала въ очкахъ и притомъ съ увеличительнымъ стекломъ. Однажды позванъ будучи съ докладами увидѣлъ я ее

читающую тихимъ образомъ. Она улыбаясь сказала: «Вѣрно вамъ еще не нуженъ этотъ снарядъ? Сколько вамъ отъ роду лѣтъ?» и когда я сказалъ двадцать шесть, то она прибавила: «А мы въ долговременной службѣ государству притупили зрѣніе и теперь принуждены очки употреблять».

Въ другой разъ отдавая мнѣ собственноручную записку о приисканіи нѣкоторыхъ справокъ для сочиняемаго ею устава для сената, она сказала: «ты не смѣйся надъ моей Русскою орфографіей; я тебѣ скажу, почему я не успѣла ее хорошенько узнать. По пріѣздѣ моемъ сюда, я съ большимъ прилежаніемъ начала учиться Русскому языку. Тетка Елисавета Петровна, узнавъ объ этомъ, сказала моей гофмейстеринѣ: «полно ее учить: она и безъ того умна». Такимъ образомъ могла я учиться Русскому языку только изъ книгъ безъ учителя, и это самое причиною, что я плохо знаю правописаніе».

Впрочемъ Государыня говорила по-Русски довольно чисто и любила употреблять простыя и коренныя Русскія слова, которыхъ множество знала.

«Я очень рада, сказала она мнѣ, что ты знаешь канцелярскій порядокъ, ты будешь первый исполнитель моего устава сенату; но я васъ предупреждаю, что сенатская канцелярія одолѣла сенатъ, который хочу я отъ канцеляріи освободить; за несправедливыя же его рѣшенія положу наказаніе: да будетъ ему стыдно!»

При семъ я сказалъ: «кромѣ сената и въ другихъ мѣстахъ, которыя руководствуются генеральнымъ регламентомъ, существуютъ въ производствѣ дѣлъ неудобства и затрудненія, требующія неминуемаго исправленія».

— «Я очень бы желала видѣть эти неудобства и эти затрудненія, о которыхъ ты мнѣ такъ смѣло изволишь говорить; генеральный регламентъ есть одинъ изъ лучшихъ уставовъ Петра Великаго».

Въ послѣдствіи я представилъ Ея Величеству замѣчанія мои на генеральный регламентъ, которыя почти послѣ обѣда во все время пребыванія Государыни въ Царскомъ Селѣ въ 1796 году я предъ нею читалъ, и которыя въ полной мѣрѣ удостоены были всемилостивѣйшаго одобренія (замѣчанія сіи съ прочими дѣлами должны находиться въ архивѣ иностранной коллегіи).

Государыня, занявъ вышеописанное свое мѣсто, звонила въ колокольчикъ, и стоявшій безъотходно у дверей спальни дежурный камердинеръ входилъ и вышедъ звалъ, кого приказано было. Въ сіе время собирались въ уборную ежедневно оберъ-полиціймейстеръ и статсъ-секретари; въ одиннадцатомъ же часу пріѣзжалъ графъ Безбородко; для другихъ чиновъ назначены были въ недѣлѣ особые дни: для вице-канцлера, губернатора и губернскаго проку-

рора Петербургской губернiи суббота; для генералъ-прокурора понедѣльникъ и четвергъ; среда для синоднаго оберъ-прокурора и генералъ рекетмейстейра; четвергъ для главнокомандующаго въ С.-Петербургѣ. Но всѣ сiи чины, въ случаѣ важныхъ и не терпящихъ времени дѣлъ, могли и въ другiе дни прiѣхать и по онымъ докладывать. Первый по позыву являлся къ Государынѣ оберъ-полицiймейстеръ, бригадиръ Глазовъ, съ словеснымъ донесенiемъ о благостоянiи столицы и о другихъ происшествiяхъ, и съ запиской на одной четверкѣ листа, написанной въ полицiи не красиво и не правильно, о прiѣхавшихъ и выѣхавшихъ изъ города наканунѣ того дня разнаго званiя людяхъ, которымъ угодно было о себѣ на заставѣ сказать; ибо часовые никого изъ проѣзжающихъ черезъ заставу не останавливали и ни о чемъ ихъ не спрашивали, да и шлахтъ-баумовъ тогда не было; выѣздъ за долги изъ столицъ не былъ запрещенъ, каждый получалъ отъ губернатора подорожную во всякое время, и безъ всякой платы, и выѣзжалъ изъ города, когда хотѣлъ. Посему реэстръ прiѣзжихъ и выѣхавшихъ не могъ быть длинный.

По выходѣ оберъ-полицiймейстера, статсъ-секретари черезъ камердинера докладывались, и поодиночкѣ были призваны (въ семъ числѣ и я находился). При входѣ въ спальню наблюдалъ я слѣдующiй обрядъ: дѣлалъ Государынѣ низкiй поклонъ, на который она отвѣчала наклоненiемъ головы, съ улыбкою подавала мнѣ руку, которую я, взявъ въ свою, цѣловалъ, и чувствовалъ сжатiе моей собственной руки, потомъ говорила мнѣ: «садитесь». Сѣвши на поставленномъ противъ нея стулѣ, клалъ я на выгибной столикъ принесенныя бумаги и начиналъ читать. Я полагаю, что и прочiе, при входѣ къ Государынѣ то же самое дѣлали и такой же прiемъ имѣли. Около одиннадцатаго часа прiѣзжали и по докладу предъ Государыню были допущаемы и прочiе вышеупомянутые чины, а иногда и фельдмаршалъ графъ Суворовъ-Рымникскiй, бывшiй тогда послѣ завоеванiя Польши въ Петербургѣ. Сей, вошедши въ спальню, дѣлалъ прежде три земныхъ поклона передъ образомъ Казанскiя Богоматери, стоявшимъ въ углу на правой сторонѣ дверей, передъ которымъ неугасимая горѣла лампада; потомъ, обратясь къ Государынѣ, дѣлалъ и ей одинъ земной поклонъ, хотя она и старалась его до этого не допускать и говорила, поднимая его за руки: «помилуй, Александръ Васильевичъ, какъ тебѣ не стыдно это дѣлать?» Но герой обожалъ ее и почиталъ священнымъ долгомъ изъявлять ей такимъ образомъ свое благоговѣнiе. Государыня подавала ему руку, которую онъ цѣловалъ, какъ святыню, и просила его на вышеозначенномъ стулѣ противъ нея садиться, и черезъ двѣ минуты его отпускала. Сказывали, что такой же поклонъ дѣлалъ и графъ

Безбородко и нѣкоторые другіе, только безъ земныхъ поклоновъ передъ Казанскою. При сихъ докладахъ и представленіяхъ въ Зимнемъ и въ Таврическомъ дворцахъ военные чины были въ мундирахъ со шпагами и въ башмакахъ, въ праздники же въ сапогахъ, а статскіе въ будничные дни въ простыхъ французскихъ кафтанахъ и въ башмакахъ, а въ праздничные дни въ парадныхъ платьяхъ. Но въ Царскомъ Селѣ, въ будничные дни, какъ военные, такъ и статскіе носили фраки и только въ праздники надѣвали первые мундиры, а послѣдніе французскіе кафтаны со шпагами.

Государыня занималась дѣлами до 12 часовъ. Послѣ во внутренней уборной старый ея парикмахеръ Козловъ убиралъ ей волосы по старинной модѣ съ небольшими назади ушей буклями; прическа не высокая и очень простая. Потомъ выходила въ уборную, гдѣ мы всѣ дожидались, чтобъ еще ее увидѣть, и въ это время общество наше прибавлялось четырьмя пожилыми дѣвицами, которыя приходили для служенія Государынѣ при туалетѣ. Одна изъ нихъ, М. С. Алексѣева, подавала ледъ, которымъ Государыня терла лицо, можетъ быть, въ доказательство, что она другихъ притираній не любила; другая, А. А. Палакучи, накалывала ей на головѣ флеровую наколку, а двѣ сестры Звѣревы подавали ей булавки. Туалетъ сей продолжался не болѣе десяти минутъ, въ которое время Государыня разговаривала съ кѣмъ-нибудь изъ присутствовавшихъ; тутъ, въ числѣ коихъ не рѣдко бывалъ оберъ-шталмейстеръ Левъ Ал. Нарышкинъ, а иногда графъ Ал. Сергѣичъ Строгановъ, всегдашніе ея собесѣдники. Раскланявшись съ предстоявшими господами, возвращалась съ камеръ-юнгферами въ спальню, гдѣ, при помощи ихъ и Марьи Савишны, одѣвалась для выхода къ обѣду; а мы всѣ воспояси отправлялись.

Платье Государыня носила въ простые дни шелковое — однимъ почти фасономъ сшитое, который назывался тогда молдаванскимъ; верхнее было по большой части лиловое или дикое, безъ орденовъ, и подъ нимъ бѣлое; въ праздники же парчевое съ тремя орденами звѣздами: андреевскою, георгіевскою и владимірскою, а иногда и всѣ ленты сихъ орденовъ на себя надѣвала, и малую корону; башмаки носила на каблукахъ не очень высокихъ.

Обѣденный ея столъ былъ въ сіе время во 2-мъ часу по полудни. Въ будничные дни обыкновенно приглашаемы были къ столу изъ дамъ: камеръ-фрейлина Протасова и графиня Браницкая, а изъ мужчинъ дежурный генералъ-адъютантъ П. Б. Пассекъ, Л. А. Нарышкинъ, графъ Строгановъ, два эмигранта Французскіе, добрый графъ Эстергази и черный маркизъ Деламбертъ; иногда вице-адмиралъ Рибасъ, генералъ-губернаторъ Польскихъ губерній Тутолминъ, и наконецъ гофъ-маршалъ кн. Барятинскій; въ праздничные

же дни, сверхъ сихъ, были званы еще и другіе изъ военныхъ и статскихъ чиновъ въ С.-Петербургѣ, бывшихъ до 4-го, а въ чрезвычайные торжества до 6-го класса.

Вседневный обѣдъ Государыни не болѣе часа продолжался. Въ пищѣ была она крайне воздержна. Никогда не завтракала, и за обѣдомъ не болѣе какъ отъ трехъ или четырехъ блюдъ умѣренно кушала; изъ винъ же одну рюмку рейнвейну или венгерскаго вина пила; и никогда не ужинала, черезъ что до 65 лѣтъ, не смотря на трудолюбивый образъ жизни, была довольно здорова и бодра; хотя же иногда на ногахъ у ней и оказывалась опухоль и открывались раны, но припадки сіи болѣе служили къ очищенію мокротъ, слѣдовательно и къ поддерживанію ея здоровья. Увѣряють, что смерть приключилась ей единственно отъ закрытія на ногахъ ранъ.

Послѣ обѣда всѣ гости тотчасъ уѣзжали. Государыня, оставшись одна, лѣтомъ иногда почивала, но въ зимнее время никогда; до вечерняго же собранія слушала иногда иностранную почту, которая два раза въ недѣлю приходила; иногда книгу читала, а иногда дѣлала бумажные слѣпки съ Камеи[1]), что случалось и при слушаніи почты, которую читали передъ нею или П. А. Зубовъ, или графъ Морковъ или Поповъ, который однакожъ, по худому выговору Французскаго языка, рѣдко былъ для сего чтенія призываемъ, хотя въ это время всегда почти въ секретарской комнатѣ находился.

Въ шесть часовъ собирались вышеупомянутыя и другія извѣстныя Государынѣ и ею самою назначенныя особы для провожденія вечернихъ часовъ. Въ эрмитажные дни, которые обыкновенно были по четвергамъ, былъ спектакль, на который приглашаемы были многія дамы и мужчины, и послѣ спектакля домой уѣзжали; въ прочіе же дни собраніе было въ покояхъ Государыни: она играла въ рокомболь или въ вистъ по большой части съ П. А. Зубовымъ, Е. В. Чертковымъ и гр. А. С. Строгановымъ; также и для прочихъ гостей столы съ картами были поставлены. Въ десятомъ часу Государыня уходила во внутренніе покои, гости уѣзжали; въ одиннадцатомъ часу она была уже въ постели, и во всѣхъ чертогахъ царствовала глубокая тишина.

Великіе князья съ супругами нерѣдко у Государыни обѣдали и вечернихъ собраніяхъ бывали, особливо въ Царскомъ Селѣ; выходы и пріемныя аудіенціи были двоякія: малыя по воскресеньямъ и церемоніальныя; въ первомъ случаѣ Государыня проходила въ 10 часовъ утра въ церковь изъ внутреннихъ покоевъ черезъ столовую,

---

[1]) Въ другомъ мѣстѣ сказано: Государыня занималась чтеніемъ книгъ, или *слѣпками камеевъ*. Записки *Грибовскаго*, стр. 53.

малою боковою церковною дверью, безъ большаго штата, и становилась на своемъ мѣстѣ, позади праваго клироса; за нею стояли два камеръ-пажа, съ мантильей и съ платкамв; нѣсколько отступя назадъ стояли (въ большіе торжественные дни): наслѣдникъ съ супругою, а еще подалѣе, молодые великіе князья съ своими супругами. Послѣ обѣдни выходили изъ алтаря архіереи для поздравленія; благословляя ее, давали ей цѣловать руку, и сами у нея руку цѣловали. Послѣ сего Государыня выходила изъ церкви въ западную большую дверь черезъ такъ называемую большую пріемную залу, гдѣ представлялись ей чужестранные министры, и другія особы черезъ оберъ-камергера К. Шувалова, или старшаго по немъ камергера. При семъ возвращеніи шли впереди камеръ-юнкеры и камергеры по 6 человѣкъ по два въ рядъ: подлѣ Государыни по правую сторону оберъ-камергеръ, по лѣвую шталмейстеръ, за ними статсъ-дамы и фрейлины. Государыня входила въ тронную, со всею своею свитою, куда входили также и всѣ тѣ, имѣвшіе входы за кавалергардами, которые стояли у дверей сего покоя. Здѣсь Государыня остановясь принимала поздравленія и допускала къ рукѣ всѣхъ знатнѣйшихъ обоего пола особъ, изъ которыхъ со многими разговаривала, но съ нѣкоторыми никогда ничего не говорила. Она стояла одна, шага на четыре передъ собраніемъ, и подходила къ тому, съ кѣмъ говорить хотѣла; разумѣется, что никто изъ собранія разговора съ нею начинать не могъ. Сія аудіенція рѣдко болѣе получаса продолжалась. Большіе выходы отличались отъ сихъ тѣмъ, что по особому церемоніалу Государыня выходила въ церковь слушать литургію черезъ брилліантовую, тронную и кавалерскую залы съ большою свитой и въ богатыхъ платьяхъ и тѣмъ же путемъ въ тронную возвращалась.

Императрица, выѣзжая изъ губерній, которыя посѣщала, изъявляла чиновникамъ свое удовольствіе, признательность и дѣлала имъ подарки. «Развѣ Ваше Величество всѣми этими людьми довольны?» — Не совсѣмъ, отвѣчала она, но я хвалю громко, а браню потихоньку.

Во время сраженія въ послѣднюю Шведскую войну она писала къ принцу де-Линь[1]): «ваша непоколебимая (такъ называлъ ее принцъ) пишетъ къ вамъ при громѣ пушекъ, отъ котораго трясутся окна моей столицы». Ничего я не видѣлъ скорѣе и лучше сдѣланнаго (прибавляетъ де-Линь), какъ ея распоряженія въ сію внезап-

---

[1]) Де-Линь (1735—1814) — извѣстный храбростію генералъ, придворный острякъ, писатель; онъ сопровождалъ императора Іосифа II въ Россію. Де-Линь былъ потомъ при Потемкинѣ во время Очаковской осады, и оставилъ объ ней любопытныя письма.

ную войну, которыя собственною ея рукой написаны и присланы были къ князю Потемкину во время осады Очакова. Въ концѣ написано: «хорошо ли я сдѣлала, учитель»?

Императрица знала почти наизусть: Перикла, Ликурга, Солона, Монтескье [1]), Локка [2]) и славныя времена Аѳинъ, Спарты, Рима, новой Италіи и Франціи, и исторію всѣхъ государствъ, а обвиняла себя въ невѣжествѣ — но только для того, чтобъ имѣть поводъ къ шуткамъ, шутить надъ врачами, академіями, надъ полуучеными и надъ ложными знатоками.

Когда ей сказали, что она все говорила, перемѣняла, приказывала, начинала и оканчивала по предначертанію, которое всегда сбывалось, она отвѣчала: «Можетъ быть это и походитъ на правду, но все это надобно разсмотрѣть основательно: графу Орлову одолжена я частію блеска моего царствованія, ибо онъ присовѣтовалъ послать флотъ въ Архипелагъ. Князю Потемкину обязана я пріобрѣтеніемъ Тавриды и разсѣяніемъ Татарскихъ ордъ, столько безпокоившихъ всегда предѣлы Имперіи. Все, что можно сказать, состоитъ въ томъ, что я была наставницею сихъ господъ. Фельдмаршалу Румянцову одолжена я побѣдами; вотъ что только я ему сказала: «Господинъ фельдмаршалъ, дѣло доходитъ до драки; лучше побить, чѣмъ самому быть побитымъ.» Михельсону я обязана поимкою Пугачева, который едва было не забрался въ Москву, а можетъ быть и далѣе. Повѣрьте, я только счастлива, и если нѣсколько довольны мною, то это оттого, что я нѣсколько постоянна и одинакова въ моихъ правилахъ. Я предоставляю много власти людямъ, употребляемымъ отъ меня на службу. Если они обращаютъ это во зло въ губерніяхъ пограничныхъ съ Персіею, Турціею и Китаемъ, то это худо; но я стараюсь это узнавать, хотя я и знаю, что тамъ говорятъ: Богъ и Императрица накажутъ; но до Бога далеко, а до царя высоко; вотъ мужчины; а я не болѣе какъ женщина, хорошо меня въ вашей Европѣ подчиваютъ; всѣ говорятъ, что я прожилась и промоталась; однакожь, маленькое мое хозяйство идетъ все своимъ чередомъ». Она любила сіи выраженія: когда хвалили порядокъ въ расположеніи часовъ ея занятій, она отвѣчала всегда: «Вѣдь

[1]) *Монтескьё* (1689 — 1755) — Франц. писатель. Болѣе извѣстно его сочиненіе: Духъ законовъ. Здѣсь онъ разбираетъ формы правленія. См. Исторію Литературы, соч. *Шерра.* Спб. 1863, стр. 173.

[2]) *Локкъ* (1632—1704) — Англійскій писатель, философъ и педагогъ. Его книга «о Воспитаніи» вышла 1690 г. — Основный принципъ его педагогическаго ученія: mens sana in corpore sano (здравый умъ въ здоровомъ тѣлѣ). См. *Геттнера:* Исторія Всеобщей Литературы. Спб. 1863, т. I, стр. 126 — 143. Екатерина многое заимствовала изъ ученія Локка въ свои педагогическія сочиненія. Чит. брошюру г. П. *Лавровскаго* «О педагогическомъ значеніи сочиненій Екатерины II». Харьковъ. 1861 г.

надобно же имѣть какой-нибудь порядокъ въ маленькомъ своемъ хозяйствѣ».

Въ путешествіи она всегда носила табакерку съ портретомъ Петра I и говорила: «Это для того, чтобы мнѣ спрашивать себя каждую минуту: что̀ бы онъ приказалъ, что̀ бы запретилъ, что̀ бы сдѣлалъ, будучи на моемъ мѣстѣ»?

Примѣч. — «Записки» Грибовскаго слѣдуетъ читать, сравнивая ихъ съ нѣкоторыми мѣстами комедіи Грибоѣдова «Горе отъ Ума» и съ «Фелицею» Державина. Замѣчанія Грибовскаго о жизни вельможъ Екатеринина вѣка живо напоминаютъ намъ монологи Фамусова и Чацкаго, а также и «Фелицу» Державина. Фамусовъ говоритъ Чацкому:

«Вотъ то-то всѣ вы гордецы!
Спросили бы, *какъ дѣлали отцы* и пр.

(См. нашей Христоматіи т. III, изд. 2-е, стр. 529 и д.). Еще монологъ Чацкаго къ Фамусову и Скалозубу (дѣйств. 2-е, явл. V, нашей Христом. т. III, стр. 535 и д.). И Грибовскій и Грибоѣдовъ устами своихъ героевъ говорятъ одно и то же о блестящемъ вѣкѣ Екатерины II. Сравнивать мемуариста и поэта весьма любопытно... А то, что говоритъ Грибовскій объ образѣ жизни *самой* Императрицы, надобно сопоставить со стихами «Фелицы» Державина. (См. II т. нашей Христоматіи, изд. 2-е, стр. 271 и д.).

Темы. — Вельможа Екатерининскихъ временъ по Грибовскому, Державину и Грибоѣдову. — Императрица Екатерина II по Грибовскому и «Фелицѣ» Державина. — Важность изученія «Записокъ».

ЗАПИСКИ ДЕРЖАВИНА.

Примѣч.—Записки Гавріила Романовича Державина, извѣстнѣйшаго поэта временъ Екатерины II, знаменитаго пѣвца «Фелицы», носятъ въ рукописи слѣдующее заглавіе: «Записка изъ извѣстныхъ всѣмъ происшествіевъ и подлинныхъ дѣлъ, заключающая въ себѣ жизнь Гавр. Ром. Державина». Онѣ обнимаютъ событія, случившіяся въ жизни поэта, отъ его рожденія (т. е. съ 1743) до 1812 года. Содержаніе «Записокъ» — разсказъ преимущественно о служебной и гражданской дѣятельности поэта. Державинъ изобразилъ себя въ особенности какъ рядоваго, офицера, экзекутора, губернатора, статсъ-секретаря и министра. О литературныхъ своихъ произведеніяхъ поэтъ весьма мало говоритъ въ «Запискахъ», потому что историческое происхожденіе разныхъ своихъ твореній Державинъ указалъ въ книжкахъ — «Ключъ къ сочиненіямъ Державина» (изд. 1822 г.) и въ—«Объясненіяхъ» (напечатаны 1834 г.). «Ключъ» изданъ Остолоповымъ, ближайшимъ знакомымъ Гавріила Романовича, а «Объясненія» — Львовымъ, его родственникомъ.

«Записки» Державина заключаютъ въ себѣ много любопытнѣйшихъ и живыхъ подробностей о жизни его и той сферѣ, гдѣ ему суждено было обращаться. Поэтъ сочинялъ «Записки» уже въ глубокой старости: ему тогда было семьдесятъ лѣтъ... Онѣ писаны между 1808 и 1812 годами. Что упом-

нилъ поэтъ, то и вписывалъ въ свою автобіографію. У него не было предварительныхъ замѣтокъ, въ родѣ пасхальныхъ таблицъ, гдѣ подъ извѣстнымъ годомъ и числомъ выставлялось то или другое событіе, указывался тотъ или другой фактъ. Державинъ часто путается въ своемъ разсказѣ, перемѣшиваетъ одно явленіе общественной и своей жизни съ другимъ, ошибается въ хронологіи,—все потому, что онъ писалъ по памяти. Слогъ «Записокъ» необработанъ, небреженъ. Что касается до характера поэта, то онъ въ "Запискахъ" выражается ярко и опредѣленно. Державинъ былъ пылкая, огненная натура. Онъ никого не боялся, когда говорилъ правду. Онъ смѣло и открыто выставляетъ въ «Запискахъ» свои слабости, увлеченія какъ въ юности, такъ и на службѣ; онъ не стыдится изображать свои заслуги, которыхъ иногда не понимали. Издатели «Записокъ» Державина замѣчаютъ, что онѣ (т. е. «Записки») болѣе важны въ историческомъ отношеніи, нежели въ литературномъ. Мы думаемъ, что значеніе литературное «Записокъ» также высоко, какъ и историческое. Весьма и весьма многія страницы дышатъ такою силою искренности, такимъ обиліемъ фактовъ психологическихъ, преисполнены такихъ живописныхъ картинъ и природы, и быта, и исторіи, что нѣтъ возможности оторваться отъ чтенія. Читая со вниманіемъ «Записки» Державина, дивишься непостижимости судебъ, которыя воздвигаютъ человѣка изъ небытія въ бытіе, изъ ничтожества въ ореолъ величія. До сихъ поръ не было обращено должнаго вниманія на «Записки» Державина. Къ нимъ бо́льшая часть нашей критики отнеслась съ желчію и сарказмомъ. Покойный Добролюбовъ поставилъ Державина на основаніи его «Записокъ» въ разрядъ существъ самаго низшаго разбора.

«Записки» Державина сначала были напечатаны въ Русской Бесѣдѣ 1859 г., а потомъ въ 1860 году изданы отдѣльною книгою. — Статья *Добролюбова* о «Запискахъ» напечатана въ Современникѣ за 1860, № 7 и 8. — Статья Дмитрія Маслова въ журналѣ «Время» за 1861 г., т. V, критическое обозрѣніе, стр. 101 — 146.

Съ рожденія его и воспитанія по вступленіе въ службу.

Бывшій статсъ-секретарь при Императрицѣ Екатеринѣ Второй, сенаторъ и коммерцъ-коллегіи президентъ, потомъ при Императорѣ Павлѣ членъ Верьховнаго Совѣта и государственный казначей, а при Императорѣ Александрѣ министръ юстиціи, дѣйствительный тайный совѣтникъ и разныхъ орденовъ кавалеръ, Гавріилъ Романовичъ Державинъ родился въ Казанѣ, отъ благородныхъ родителей, въ 1743 году, іюля 3 числа [1]). Отецъ его служилъ въ арміи и, получивъ отъ

[1]) На *шестомъ десяткѣ лѣтъ* Державинъ, въ слѣдующихъ стихахъ, вспоминалъ свою Казань:

О колыбель моихъ первоначальныхъ дней,
Невинности моей и юности обитель!
Когда я освѣщусь опять твоей зарей,
И твой по прежнему всегдашній буду житель?
Когда наслѣдственны стада я буду зрѣть,
Васъ, дубы Камскіе, отъ времени почтенны,
По Волгѣ между селъ на парусахъ летѣть
И гробы обнимать родителей своихъ?

(Изъ стихотворенія *Арфа*).

конскаго удару чахотку, переведенъ въ Оренбургскіе полки [1]) преміеръ-маіоромъ; потомъ отставленъ въ 1754 году полковникомъ. Мать его была изъ роду Козловыхъ [2]). Отецъ его имѣлъ за собою, по раздѣлу съ пятерыми братьями, крестьянъ только 10 душъ, а мать 50. При всемъ семъ недостаткѣ были благонравные и добродѣтельные люди. Помянутый сынъ ихъ былъ первымъ отъ ихъ брака; въ младенчествѣ былъ весьма малъ, слабъ, и сухъ, такъ что, по тогдашнему въ томъ краю непросвѣщенію и обычаю народному, должно было его запекать въ хлѣбѣ, дабы получилъ онъ сколько-нибудь живности. Въ томъ же году [3]) отецъ его по коммиссіи командированъ былъ къ слѣдствію купцовъ Корякиныхъ въ городъ Яранскъ.—Примѣчанія достойно, что когда въ 44 году явилась большая, весьма извѣстная ученому свѣту, комета [4]), то при первомъ на нее воззрѣніи младенецъ, указывая на нее перстомъ, первое слово выговорилъ: Богъ! [5]) Родители съ взаимною нѣжностью старались его воспитывать; однакоже, когда въ послѣдующемъ году родился у него братъ, то мать любила болѣе меньшаго [6]), а отецъ старшаго, который на четвертомъ году уже умѣлъ читать. За неимѣніемъ въ тогдашнее время въ томъ краю учителей, наученъ отъ церковниковъ читать и писать. Мать однако, имѣя болѣе времени быть дома, когда отецъ отлучался по должностямъ своимъ на службу, старалась пристрастить къ чтенію книгъ духовныхъ, поощряя къ тому награжденіемъ игрушекъ и конфектовъ. Старшій былъ острѣе

Въ примѣчаніи къ послѣднему стиху (у Львова) сказано, что въ Казанскомъ уѣздѣ, въ селѣ Егорьевѣ, находится фамильное кладбище Державиныхъ.

Память Державина увѣковѣчена въ Казани, кромѣ извѣстной статуи на дворѣ университетскаго дома (1847), учрежденіемъ стипендіи для трехъ студентовъ (1843), которые содержатся на проценты пожертвованныхъ второю женою его денегъ (8571 р.) и называются Державинскими пансіонерами, безъ обязательства служить казнѣ. Всѣ подстрочныя примѣчанія принадлежатъ г. *Бартеневу*.

[1]) Въ Пензенскій пѣхотный полкъ Оренбургскаго корпуса, какъ показано у митроп. Евгенія въ его Словарѣ свѣтскихъ писателей, ч. I, стр. 166.

[2]) Отецъ ея былъ ротмистромъ, а дѣдъ стольникомъ (см. *Ключъ*, Остолопова).

[3]) Въ подлинной рукописи слова: «*въ томъ же году*» написаны вмѣсто зачеркнутыхъ: въ 44-мъ году.

[4]) *Комета 1744 года* принадлежала къ числу наиболѣе замѣчательныхъ. Она отличалась длиннымъ хвостомъ съ шестью загнутыми лучами, и производила сильное впечатлѣніе въ народѣ. Въ Шацкомъ уѣздѣ было даже дѣло по поводу слуховъ о предвѣщаемыхъ, будто бы этою кометою, бѣдствіяхъ.

[5]) Примѣчаніе Державина. Два сіи происшествія совершенная были правда, и можетъ быть Провидѣніемъ предсказано чрезъ нихъ было, первымъ (т. е. что запекали его въ хлѣбъ) трудной путь его жизни, что перешелъ, такъ сказать, чрезъ огонь и воду; вторымъ: что напишетъ оду Богъ, которая отъ всѣхъ похваляется.

[6]) Этого меньшаго брата, умершаго въ 1770 г., звали Андреемъ (см. біографію Державина у митроп. *Евгенія*).

и расторопнѣе, а меньшій глубокомысленнѣе и медлительнѣе. Въ младенческіе годы прожили они подъ непрестаннымъ присмотромъ родителей нѣсколько въ сказанномъ городѣ Яранскѣ, потомъ въ Ставрополѣ, что̀ близъ Волги, а наконецъ въ Оренбургѣ, гдѣ старшій при вступленіи въ отроческія лѣта, то-есть по седьмому году, по тогдашнимъ законамъ [1]), явленъ былъ на первой смотръ губернатору Ивану Ивановичу Неплюеву и отданъ для наученія Нѣмецкаго языка, за неимѣніемъ тамъ другихъ учителей, сосланному за какую-то вину въ каторжную работу, нѣкоторому Іосифу Розѣ, у котораго дѣти лучшихъ благородныхъ людей въ Оренбургѣ, при должностяхъ находящихся, мужеска и женска полу, учились. Сей наставникъ, кромѣ того, что нравовъ развращенныхъ, жестокъ, наказывалъ своихъ учениковъ самыми мучительными, но даже и неблагопристойными штрафами, о коихъ разсказывать здѣсь было бы отвратительно; былъ самъ невѣжда, не зналъ даже грамматическихъ правилъ, а для того и упражнялъ только дѣтей твердженію наизусть вокабулъ и разговоровъ, и списываніемъ оныхъ, его Розы рукою прекрасно однако писанныхъ. Чрезъ нѣсколько лѣтъ, посредствомъ таковаго ученія, разумѣлъ уже здѣсь упомянутой питомецъ по-Нѣмецки читать, писать и говорить [2]), и какъ имѣлъ чрезвычайную къ наукамъ склонность, занимаясь между уроковъ денно и нощно рисованію, но какъ не имѣлъ не токмо учителей, но и хорошихъ рисунковъ, то довольствовался изображеніемъ богатырей, каковые деревянной печати въ Москвѣ на Спасскомъ мосту продаются, раскрашивая ихъ чернилами, простою и жженою охрою, такъ что всѣ стѣны его комнаты были оными убиты и уклеены. Въ теченіи сего времени отецъ имѣлъ коммиссіи быть при межеваніи нѣкоторыхъ

[1]) *О явкѣ недорослей на смотръ* было нѣсколько законовъ, начиная съ 1720 года. Подробныя правила по этому предмету всего обстоятельнѣе изложены въ указахъ Анны Ивановны, 9 и 19 февраля 1737 года; мальчиковъ отъ семилѣтняго возраста велѣно было являть и записывать въ Спб. у герольдмейстера, а въ Москвѣ и губерніяхъ у губернаторовъ; когда имъ исполнялось 12 лѣтъ, они опять представлялись на нѣкотораго рода экзаменъ въ наукахъ; 16 лѣтъ они уже обязаны были ѣхать въ Петербургъ или въ Москву, для представленія въ Герольдію или въ Сенатъ.

[2]) По свидѣтельству *И. И. Дмитріева* (въ его Запискахъ), Державинъ, кромѣ Нѣмецкаго, не зналъ никакого другаго иностраннаго языка. Впослѣдствіи, благодаря большой начитанности, онъ познакомился довольно близко съ иностранною словесностью, и въ сочиненіяхъ его есть переводы изъ Греческихъ, Латинскихъ, Итальянскихъ и Французскихъ писателей и подражанія имъ; но все это лишь по Русскимъ и Нѣмецкимъ переводамъ. Вообще въ первую половину прошедшаго вѣка почти исключительнымъ проводникомъ образованности служилъ у насъ Нѣмецкій языкъ; съ царствованія Елисаветы и особенно при Екатеринѣ быстро распространяется знаніе и Французскаго языка.

владѣльческихъ земель, то отъ геодезиста, при немъ находящагося, сынъ получилъ охоту къ инженерству. Наконецъ, когда отецъ его въ 1754 году получилъ отставку, для которой ѣздилъ въ Москву, въ бытность въ оной Государыни Императрицы Елисаветы Петровны, то и сей любимый сынъ его былъ съ нимъ, съ намѣреніемъ, чтобъ записать его въ кадетской корпусъ или въ артиллерію; но какъ для того надобно было ѣхать въ Петербургъ, а дѣла отца его, которыя онъ долженъ былъ кончить въ Москвѣ, паче же недостатокъ, что онъ издержался деньгами, ѣхать ему въ сію новую столицу не дозволили, то возвратился онъ въ деревню съ намѣреніемъ въ будущемъ году непремѣнно записать сына въ помянутыя мѣста. Хотя ему и вызывались нѣкоторыя особы въ Москвѣ принять его въ гвардію; но онъ по недостатку своему на то не могъ согласиться; однакоже, по пріѣздѣ въ деревню [1]), въ томъ же году въ ноябрѣ мѣсяцѣ скончался, и тѣмъ самымъ пресѣклись желанія отца и сына, чтобы быть послѣднему въ такихъ командахъ, гдѣ бы чему-нибудь ему научиться можно было.

И такимъ образомъ мать осталась съ двумя сыновьями и съ дочерью одного году въ крайнемъ сиротствѣ и бѣдности; ибо, по бытности въ службѣ, самомалѣйшія деревни, и тѣ въ разныхъ губерніяхъ по клочкамъ разбросанныя, будучи неустроенными, никакого доходу не приносили, что даже 15 р. долгу, послѣ отца оставшаго, заплатить не чѣмъ было; притомъ сосѣди иные прикосновенные къ нимъ земли отняли, а другіе, построивъ мельницы, остальные луга потопили. Должно было съ ними входить въ тяжбу; но какъ не было у сиротъ ни достатку, ни защитника, то обыкновенно въ приказахъ всегда сильная рука перемогала; а для того мать, чтобъ какое гдѣ-нибудь отыскать правосудіе, должна была съ малыми своими сыновьями ходить по судьямъ, стоять у нихъ въ переднихъ у дверей по нѣскольку часовъ, дожидаясь ихъ выходу; но когда выходили, то не хотѣлъ никто выслушать ее порядочно; но всѣ съ жестокосердіемъ её проходили мимо, и она должна была ни съ чѣмъ возвращаться домой со слезами, въ крайней горести и печали, и какъ не могла нигдѣ найти защиты, то и принуждена была лучшія угодья отдать записью купцу Дрябову за 100 руб, въ вѣчную ко́ртому [2]), на которыхъ и построилъ онъ для суконной своей фабрики, въ Казанѣ находящейся, сукно-валельную мельницу, которая и теперь въ деревнѣ Комаровкѣ существуетъ, и которую послѣ

---

[1]) Казанскую (*Ключъ*, Остолопова).

[2]) Слово *кортома* доселѣ употребляется по губерніямъ, и преимущественно восточнымъ; оно значитъ *наемъ:* домъ окортомили — домъ наняли; кортомщикъ — наемщикъ, жилецъ въ домѣ.

при межеваніи, старшій сынъ, будучи уже одинъ наслѣдникъ, не хотя нарушить слова матери, за нимъ утвердилъ. Таковое страданіе матери отъ неправосудія вѣчно осталось запечатлѣннымъ на его сердцѣ, и онъ, будучи потомъ въ высокихъ достоинствахъ, не могъ сносить равнодушно неправды и притѣсненія вдовъ и сиротъ [1]). При таковыхъ однако напастяхъ мать никогда не забывала о воспитаніи дѣтей своихъ, но прилагала всевозможное попеченіе, какое только возможно было имъ доставить; а для того отдала ихъ въ наученіе, за неимѣніемъ лучшихъ учителей ариѳметики и геометріи, сперва гарнизонному школьнику Лебедеву, а потомъ артиллеріи штыкъ-юнкеру Полетаеву; но какъ они и сами въ сихъ наукахъ мало свѣдущи, ибо какъ Роза Нѣмецкому языку училъ безъ грамматики, такъ и они ариѳметикѣ и геометріи безъ доказательствъ и правилъ, то и довольствовались въ ариѳметикѣ одними первыми пятью частями, а въ геометріи черченію фигуръ, не имѣя понятія, что̀ и для чего надлежитъ.

Когда же большому сыну насталъ 12-й годъ, то мать, дабы исполнить законъ и явить герольдіи въ положенный срокъ дѣтей своихъ, въ 1757 году ѣздила въ Москву, желая также, по явкѣ въ оной и по полученіи доказательствъ на дворянство, записать ихъ въ помянутыя мѣста, куда отецъ хотѣлъ; но какъ противъ всякаго чаянія въ герольдіи не могла она объяснить хорошенько роду Державиныхъ, по которымъ городамъ и въ которыхъ годахъ предки ихъ служили, то и произошло затрудненіе; а для того, чтобъ отвратить оное, должно было обратиться къ нѣкоему подполковнику Дятлову, живущему въ Можайскомъ уѣздѣ, происшедшему отъ сестры мужа ея, который, пріѣхавъ въ Москву, доказалъ истинное дворянское происхожденіе явленныхъ недорослей отъ рода Багримы мурзы, выѣхавшаго изъ Золотой Орды при царѣ Иванѣ Васильевичѣ Темномъ, что явствуетъ въ Бархатной книгѣ вообще съ родами: Нарбековыми, Акинфіевыми, Кеглевыми и прочими [2]); но какъ на таковое изысканіе древности употреблено много времени, то зимнею порою и не можно уже было доѣхать до Петербурга, а какъ лѣтній путь по недостатку не былъ подъ силу, то и возвратились

[1]) См. его оду «Властителямъ и судіямъ», написанную 1780 года. Соч. *Державина*, изд. *Грота*. Спб. 1864, т. I, стр. 109.

[2]) *Въ Бархатной книгѣ* (изд. Миллера, 1787, ч. II, стр. 241) вмѣсто Золотой Орды названа Большая орда и вмѣсто Кеглевыхъ — Теглевы. Державинъ обозначилъ эти имена невѣрно, точно такъ какъ выше назвалъ царемъ Иваномъ Васильевичемъ В. Князя Василія Ивановича Темнаго. Восточное происхожденіе Державина приводитъ намъ на память, что Пушкинъ былъ правнукъ Араба, что Жуковскій родился отъ Турчанки, и что въ самомъ имени Карамзина слышны восточные звуки (*кара* — черный).

въ Казань съ тѣмъ, чтобы въ будущемъ году совершить свое предположеніе.

Поелику же въ 1758 году открылась въ Казанѣ гимназія [1]), состоящая подъ главнымъ вѣдомствомъ Московскаго университета, то и отложена поѣздка, а записаны дѣти въ сіе училище, въ которомъ преподавалось ученіе языкамъ: Латинскому, Французскому, Нѣмецкому, ариѳметикѣ, геометріи, танцованію, музыкѣ, рисованію и фехтованію, подъ дирекціею бывшаго тогда ассесоромъ Михайла Ивановича Веревкина [2]); однако же, по недостатку хорошихъ учителей, едва ли съ лучшими правилами, какъ и прежде. Болѣе жъ всего старались, чтобъ научить читать, писать и говорить, сколько нибудь, по грамматикѣ, и быть обходительнымъ, заставляя сказывать на каѳедрахъ сочиненныя учителемъ и выученныя наизусть рѣчи; также представлять на театрѣ бывшіе тогда въ славѣ Сумарокова трагедіи, танцовать и фехтовать въ торжественныхъ собраніяхъ по случаю экзаменовъ; что сдѣлало питомцевъ хотя въ наукахъ неискусными, однако же доставило людскость и нѣкоторую розвязь въ обращеніи. Старшій изъ Державиныхъ оказалъ болѣе способности къ наукамъ до воображенія касающимся, а меньшой къ математическимъ; однако же, во всѣхъ классахъ старшій своею расторопностью блисталъ поверхностью и бралъ предъ меньшимъ преимущество, который казался тупъ и застѣнчивъ. Вслѣдствіе чего, старшій отличался въ рисованіи, а потому, когда директоръ въ 1759 году собрался главному куратору Ивану Ивановичу Шувалову дать отчетъ въ успѣхахъ ввѣреннаго ему училища, то и приказалъ отличившимся ученикамъ начертить геометрію и скопировать карты Казанской губерніи, украсивъ оныя разными фигурами и ландшафтами, дабы тѣмъ дать блескъ своему старанію о наученіи ввѣреннаго ему благороднаго юношества. Въ числѣ сихъ отлич-

---

[1]) Указъ *о Казанской гимназіи выданъ* 21 іюля 1758, а открыта она Веревкинымъ въ началѣ слѣдующаго года.

[2]) *Веревкинъ* († 1795), воспитанникъ сухопутнаго Шляхетнаго корпуса, славившійся живостью характера и остроуміемъ, принадлежитъ къ числу плодовитѣйшихъ нашихъ писателей. Онъ напечаталъ болѣе полуторпста томовъ разныхъ своихъ сочиненій и переводовъ (см. списокъ ихъ въ Москвит. 1842, № 12, стр. 398—402). Въ октябрѣ 1761 года, по доносу учителей гимназіи Оттентали и Дювиллара на разные безпорядки, Шуваловъ отставилъ его отъ директорства, и прислалъ на его мѣсто профессора Савича (см. его біографію въ Словарѣ профессоровъ Московскаго университета). Но Веревкинъ еще два года оставался въ Казани въ должности губернаторскаго товарища. Ниже Державинъ по старой памяти называетъ его еще директоромъ. Въ послѣдствіи они встрѣтились на службѣ во время Пугачовщины у Бибикова и графа Панина: Веревкинъ былъ директоромъ походной канцеляріи графа Панина.

ныхъ былъ и старшій Державинъ [1]). Когда же директоръ въ 1760 году изъ Петербурга возвратился, то въ вознагражденіе учениковъ, трудившихся надъ геометріею, объявилъ каждаго по желанію записаннымъ въ службу въ полки лейбъ-гвардіи солдатами, а Державина въ инженерный корпусъ кондукторомъ, вслѣдствіе чего и надѣли всѣ принадлежащіе званію каждаго мундиры. Почему Державинъ, при большихъ торжествахъ въ гимназіи, и отправлялъ должность артиллериста, бывъ при артиллеріи и при представленіи фейерверковъ.

А когда нужно было, по указу сената въ томъ же 1760 году, снять съ города Чебоксаръ планъ съ различеніемъ домовъ, противъ повелѣнія того правительства не по плану построенныхъ, и отправленъ для того сказанной директоръ Веревкинъ (ибо онъ въ то же время былъ и членъ губернской канцеляріи), то за неимѣніемъ тогда въ гимназіи геометріи учителя, ибо бывшій въ той должности капитанъ Морозовъ умеръ, то и взялъ онъ старшаго Державина вмѣсто инженера съ собою, подчиня ему нѣсколько изъ учениковъ для помощи. Поелику же они всѣ, какъ выше сказано, учились геометріи безъ правилъ и доказательствъ, и при томъ никогда на практикѣ не бывали, то пріѣхавъ въ городъ, когда должно было снимать оный на планъ, и стали въ пень, тѣмъ паче, что съ ними и астролябіи не было. Въ такомъ затруднительномъ случаѣ требовали наставленія отъ главнаго командира; но какъ и онъ не весьма далекъ былъ въ математическихъ наукахъ, то и далъ наставленіе весьма странное, или паче смѣшное, приказавъ сдѣлать рамы шириною въ восемь сажень (что была мѣра по сенатскому указу широты улицы), а длиною въ шестнадцать, в оковавъ оныя связьми желѣзными и цѣпями, носить множествомъ народа вдоль улицы, и когда сквозь которую улицу рама, не проходя, задѣвала за какойлибо домъ, изъ коихъ нѣкоторые были каменные, то записывать въ журналъ, которой домъ сколько не въ мѣру построенъ противъ сенатскаго положенія; а на воротахъ мѣломъ надписывать: ломать. Сіе можетъ быть не неискусству его, но изъ хитрости приказано было для того, чтобъ народу и хозяевамъ болѣе сдѣлать тревоги; ибо когда съ идущихъ мимо города по Волгѣ судовъ сганиваемы были бурлаки для ношенія помянутыхъ рамъ, то суда останавливались, а знатные граждане устрашены надписью, что ихъ домы ломать будутъ, то и уважали болѣе давшаго таковое странное пове-

[1]) Въ *запискахъ И. И. Дмитріева* сказано, что Державинъ обратилъ на себя вниманіе Веревкина, снявши простымъ перомъ съ гравированнаго эстампа портретъ Императрицы Елисаветы Петровны, и что Веревкинъ представилъ этотъ портретъ И. И. Шувалову.

лѣніе. Слѣдовательно и искали чрезъ всякія средства у него милости граждане, чтобъ не ломали нхъ домовъ, а судовые хозяева, чтобъ не воспрещали далѣе ихъ плаванія. Притомъ къ сугубому жителей устрашенію, а особливо богатаго купечества, у которыхъ внутри города построены были кожевенные заводы, вымыслилъ онъ, господинъ Веревкинъ, средство доказать имъ, что они не токмо дѣлаютъ нечистоту и зловоніе въ городѣ, но и вредъ здравію; то приказалъ онъ, при собраніи чиновниковъ воеводской канцеляріи, магистрата и народа, вынуть у самыхъ заводовъ нѣсколько со дна рѣки грунту, который ничто иное оказался, какъ коженныя стружки, ольховая и дубовая кора, и положить оныя въ горчаку, а воду налить въ бутылки и то же самое сдѣлать выше по рѣкѣ, гдѣ никакихъ заводовъ не было, и тотъ вынутой дрязгъ запечатать печатьми его Веревкина, магистрата и воеводской канцеляріи, написавъ на привязанныхъ къ нимъ ярлыкамъ, гдѣ и при комъ именно горшки наполнены и бутылки налиты. Сдѣлавъ сіе, приказалъ горшки и бутылки выставить въ открытыхъ мѣстахъ на солнце, а какъ они простояли такимъ образомъ три дни въ лѣтніе жаркіе дни, то, при собраніи тѣхъ же чиновниковъ и народа, приказалъ распечатать. Натурально, что оказались въ нихъ черви и весьма скверной запахъ. По поводу чего и далъ онъ воеводской канцеляріи и магистрату предложеніе, чтобъ дѣйствіе заводовъ было до указу отъ сената остановлено, и кожъ бы на нихъ ни подъ какимъ образомъ не дѣлали и въ рѣкѣ не полоскали. Вслѣдствіе (чего) и поставлены были при заводахъ крѣпкіе караулы. Но какъ отъ того хозяевамъ заводовъ произошелъ крайній убытокъ, что въ чанахъ кожи гнили, мастера и работные люди получать должны были работныя деньги по-напрасну, то и старались хозяева производить свое издѣлье тайнымъ образомъ, заставя угрозами или подкупомъ молчать караульщиковъ, въ чемъ и трудности не было, ибо они были не военные люди, а ихъ же сограждане, находившіеся при воеводской канцеляріи и магистратѣ разсыльщиками. Поелику же со стороны г. Веревкина были приставлены тайные лазутчики, то въ одинъ день рано на зарѣ и захвачено было великое множество кожъ, вывезенныхъ изъ чановъ для полосканія на рѣку. Тутъ воевода и бургомистръ должны были прибѣгнуть къ снисхожденію г. ассесора, котораго какъ-то умилостивили, а тѣмъ и кончилась сначала столь страшная коммисія. Державину приказано было планъ города нарочно огромной величины сдѣланной (которой ни въ какой обыкновенной комнатѣ умѣщаться не могъ, а черченъ на подволокѣ однихъ купеческихъ палатъ), не докончивъ, свернувъ и уклавъ его подъ гнетомъ на телѣгу, отвезти въ Казань, что имъ и исполнено.

Въ 1761 году получилъ г. Веревкинъ отъ главнаго куратора И. И. Шувалова повелѣніе, чтобъ описать развалины древняго Татарскаго, или Золотой орды города, называемаго Болгары, лежащаго между рѣкъ Камы и Волги, отъ послѣдней въ 5-ти, а отъ первой въ 50-ти или 60-ти верстахъ [1]), и сыскать тамъ какихъ только можно древностей, то есть, монетъ, посуды и прочихъ вещей. Не имѣя способнѣйшихъ къ тому людей, выбралъ онъ изъ учениковъ гимназіи паки Державина и присовокупя къ нему нѣсколько изъ его товарищей, отправился съ ними въ іюнѣ или въ іюлѣ мѣсяцѣ въ путь. Пробывъ тамъ нѣсколько дней, наскучилъ, оставилъ Державина, и подчинивъ ему прочихъ, приказалъ доставить къ себѣ въ Казань планъ, съ описаніемъ города и буде что найдется изъ древностей. Державинъ пробылъ тамъ до глубокой осени, и что могъ, не имѣя самонужнѣйшихъ способовъ, исполнилъ. Описаніе, планъ и виды развалинъ нѣкоторыхъ строеній, то есть Ханскаго дворца, бани и каланчи, съ подземельными ходами, укрѣпленной желѣзными обручами по повелѣнію Петра Великаго, когда онъ шествовалъ въ Персію, и списки съ надписей гробницъ, также монету мѣдную и нѣсколько серебряной и золотой, кольцы ушныя и наручныя, вырытыя изъ земли дождемъ, урны глиняныя или кувшины, вырытые изъ земли съ углями, собралъ и по возвращеніи въ Казань отдалъ г. Веревкину. Онъ монеты и вещи принялъ, а описаніе, планъ, виды и надписи приказалъ переписать на-чисто и принесть къ нему тогда, какъ онъ въ началѣ наступавшаго года по обыкновенію будетъ собираться въ Петербургъ для отданія отчетовъ главному куратору объ успѣхахъ въ наукахъ въ гимназіи; но какъ въ началѣ 1762 года получено горестное извѣстіе о кончинѣ Государыни Императрицы Елисаветы Петровны, то онъ наскоро отправился въ столицу, приказавъ Державину сдѣланное имъ доставить къ нему послѣ.

Скоро потомъ Державинъ получилъ изъ канцеляріи лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка паспортъ 1760 года за подписаніемъ лейбъ-гвардіи маіора князя Менщикова, въ которомъ значилось, что онъ отпущенъ для окончанія наукъ до 1762 года. А какъ сей срокъ прошелъ, ибо тогда былъ того года уже февраль мѣсяцъ, то и долженъ онъ былъ немедленно отправиться къ полку, тѣмъ паче, что не имѣлъ уже никакой себѣ подпоры въ Веревкинѣ, на котораго мѣсто въ директоры Казанской гимназіи присланъ былъ нѣкто профессоръ Савичъ [2]).

---

[1]) Это теперь село *Богородицко-Успенское*.

[2]) *Я. К. Гротъ*, въ превосходныхъ статьяхъ своихъ («Современникъ» 1845, №№ 2, 4, 11 и 12), къ сожалѣнію, обнимающихъ лишь первую половину жизни Дер-

Темы. — Дѣтство Державина. — Вліяніе матери на его воспитаніе. — Каторжникъ — Розе и его педагогическая дѣятельность. — Недоросли. — Любовь Державина къ рисованію и инженерству. — Бѣдность матери Державина. — Судів XVIII в. и вліяніе впечатлѣній дѣтства на послѣдующую жизнь человѣка. — Чему учили Державина въ дѣтствѣ? — Бархатная книга и ея значеніе въ XVIII вѣкѣ. — Казанская гимназія въ первый періодъ ея существованія: предметы обученія, учители, воспитательныя мѣры, Веревкинъ и Шуваловъ. — Измѣреніе города Чебоксаръ при помощи рамы. — Отношеніе Веревкина къ богатымъ купцамъ. — Описаніе города «Болгары» Державинымъ. — Языкъ и слогъ «Записокъ».

ЗАПИСКИ ПОРОШИНА.

Примѣч. — Семенъ Андреевичъ Порошинъ (род. 1741, ум. 1769) получилъ воспитаніе въ первомъ кадетскомъ корпусѣ. Онъ зналъ нѣсколько языковъ, имѣлъ большія свѣдѣнія изъ исторіи, считался знатокомъ математики и военнаго искусства. По выходѣ своемъ изъ корпуса, онъ былъ флигель-адъютантомъ при Императорѣ Петрѣ III. Въ 1762 году Порошина опредѣлили кавалеромъ при великомъ князѣ Павлѣ Петровичѣ. Порошинъ былъ воспитателемъ наслѣдника престола около четырехъ лѣтъ и преподавалъ ему военныя науки, Русскую исторію и Р. географію. Въ то время, когда Порошинъ принялъ на себя священную обязанность воспитателя, его питомцу былъ *десятый* годъ, а самому педагогу—двадцать *третій*. Умный, наблюдательный [1]) воспитатель каждый вечеръ записывалъ все то, что случилось ему видѣть и слы-

---

жавина, справедливо замѣтилъ, что недостатокъ первоначальнаго серьезнаго образованія значительно восполнялся для Державина разнообразными впечатлѣніями его юности. Въ самомъ дѣлѣ, первые годы Державина прошли въ частыхъ переѣздахъ по огромнымъ пространствамъ Волжскаго края, начиная отъ Яранска (нынѣ юго-западный городъ Вятской губерніи) до Оренбурга и Киргизскихъ владѣній. Великолѣпная степная природа лучше всякаго систематическаго ученія воспитывала въ немъ поэта, и отозвалась потомъ въ широтѣ и смѣлости его художественныхъ пріемовъ.

[1]) Въ письмѣ отъ 1766 года къ графу Орлову Порошинъ указываетъ на свои труды ради наслѣдника престола. «При Его Высочествѣ служилъ я около четырехъ лѣтъ. Во все сіе время былъ при немъ безотлучно и съ ущербомъ собственныхъ своихъ забавъ и удовольствій, на которыя влекли меня в лѣта мои и безчисленные случаи, старался не упустить изъ виду оного своего предмету. По сему побужденію испросилъ я самъ для себя должность, чтобъ предлагать Государю великому князю нужныя для военнаго искуства математическія науки, писалъ для Его Высочества особый курсъ, въ которомъ заключались: ариѳметика, геометрія, начальныя основанія механики и идравлики, фортификація съ атакою и обороною крѣпостей, артиллерія и правила тактики. Кромѣ сего приготовилъ я, милостивый государь, сочиненіе, названное мною: *Государственный механизмъ*. Въ ономъ хотѣлось мнѣ для Его Высочества вывесть и показать разныя части, коими движется государство, изъяснить напримѣръ, сколько надобенъ солдатъ, сколько земледѣлецъ, сколько купецъ и проч. и какъ кто долею поспѣшествуетъ всеобщему благоденствію».. Рус. Архивъ 1867, № 2, стр. 192.

шать въ тотъ или другой день. «Записки» Порошина обнимаютъ періодъ времени отъ 20-го сентября 1764 года до 13-го января 1766 года. Авторъ читалъ свои «Записки» Павлу Петровичу и «Его Высочество съ превеликимъ вниманіемъ и пріятностію слушалъ». (Записки, стр. 101). Онѣ имѣютъ глубокую важность въ историко-литературномъ отношеніи, потому что, во-первыхъ, живо и вѣрно изображаютъ вѣкъ Екатерины II, во-вторыхъ ярко рисуютъ личность великаго князя со сторонъ самыхъ свѣтлыхъ и привлекательныхъ, а въ третьихъ—наглядно характеризуютъ замѣчательнаго воспитателя XVIII в., т. е. Порошина. Съ педагогической точки зрѣнія «Записки» Порошина—драгоцѣнный матеріалъ для мыслящаго человѣка. Здѣсь, какъ въ зеркалѣ, отражается то высокое пониманіе воспитанія, представительницею котораго была у насъ Екатерина II. Примѣръ: вотъ могущественный рычагъ въ дѣлѣ воспитанія отрока и юноши! Изъ «Записокъ» Порошина видно, что Государыня призвала всѣ лучшія силы государства для образованія будущаго Императора. Великій князь былъ окруженъ все умными и дѣльными людьми. Каждый день, почти каждый день съ великимъ княземъ бесѣдовали Панинъ, Минихъ, Чернышевы, Бецкій, Платонъ (будущій митрополитъ), Румянцевъ, Голицынъ, Строгановъ, Разумовскій, Елагинъ, Бибиковъ, Орловъ, Рѣпнинъ, Тепловъ, Кутузовъ, Сумароковъ и другіе замѣчательные мужи того славнаго вѣка. Каждый велъ живую, одушевленую бесѣду по предмету своей спеціальности или знанія вообще. Предметы, которыхъ касались всѣ означенныя и другія лица, были весьма разнообразны. Тутъ наслѣднику престола передавалась цѣлая энциклопедія знаній. Религія, философія, политика, исторія, литература, разныя ремесла, общественная жизнь: все, что только долженъ знать образованный, истинно-образованный человѣкъ, все это здѣсь обсуживалось... «Отецъ Платонъ поднесъ Государю диссертацію своего сочиненія о Мелхиседекѣ, о которомъ Его Высочество давно уже у него требовалъ подробнаго изъясненія». (Записки, стр. 136). Эта замѣтка самымъ нагляднымъ образомъ представляетъ то основательное религіозное образованіе, которое сообщаемо было наслѣднику престола. «Сѣли за столъ. Гостей у насъ были только князь Петръ Ивановичъ Рѣпнинъ и его преподобіе отецъ Платонъ. Говорили по большей части о Испаніи, о зрѣлищахъ ихъ, о іезуитахъ, о инквизиціи; о томъ, что изъ благочестія сами сѣкутъ себя». (Тамъ же). Итакъ во время посѣщенія отца Платона разговоръ касался преимущественно предметовъ религіозныхъ. Но вотъ обѣдалъ за столомъ у наслѣдника престола Никита Ивановичъ Панинъ, и бесѣда направлялась на предметы политическіе, историческіе, этнографическіе и, наконецъ, самые будничные. Подъ 1765 годомъ 31-го декабря записано: «Обѣдали у насъ его сіятельство графъ Григорій Григорьевичъ Орловъ, графъ Александръ Сергѣевичъ Строгановъ и Василій Ильичъ Бибиковъ. Долго споръ былъ о *параболической фигурѣ*». (Записки, стр. 552). Значитъ предметы математическіе также занимали людей, окружавшихъ Его Высочество. Великаго князя знакомили съ жизнію мужи опыта, мужи, искушенные въ горнилѣ его. Живые разсказы будили всѣ силы духа у царственнаго отрока. Онъ видимо укрѣплялся и развивался умомъ. Нерѣдко высказывалъ свои сомнѣнія, задавалъ вопросы,—эти сомнѣнія и вопросы ясно показывали, что въ немъ работаетъ мысль. Повторяемъ: «Записки» Порошина—безцѣнный матеріалъ въ педагогическомъ отношеніи.

Въ Русскомъ Вѣстникѣ за 1866, № 8, помѣщена статья г. *Семевскаго* о «Запискахъ» Порошина. Она представляетъ біографію воспитателя [1]) великаго

[1]) По разнымъ интригамъ Порошинъ былъ внезапно удаленъ (1766) отъ двора и въ 1768 году назначенъ командиромъ Старо-Оскольскаго полка; въ слѣдующемъ

князя, а также — выписки мѣстъ, пропущенныхъ въ «Запискахъ» Порошина, изданныхъ въ Спб. 1844 года. — Въ Русскомъ Архивѣ за 1867, № 2, стр. 192—197 помѣщено оправдательное письмо Порошина къ графу Орлову.

25 сент. 1764. По утру и послѣ полудни упражнялся Его Высочество [1]), въ положенныхъ своихъ ученіяхъ [2]). Въ физикѣ трактовано сей день было о магнитѣ. Но какъ доказательства пришли нѣсколько сухія и геометрическія, то, казалось, что Его Высочеству было не безъ скуки. Что до меня касается, я никогда того мнѣнія не былъ, чтобы физику предлагать въ молодыхъ весьма лѣтахъ; если предлагать ее основательно, то основанія ея и доводы, утверждены будучи на правилахъ математическихъ, малолѣтному ученику, ихъ еще не изучившему, кромѣ скуки ничего причинить не могутъ; если же предлагать вершками и цвѣтками, то учащееся дитя, не усматривая важности дѣла, превратитъ всю такую науку себѣ въ игрушки и на прочія важныя и необходимо нужныя ученія не иначе какъ съ презрѣніемъ и отвращеніемъ смотрѣть будетъ... Подъ-вечеръ изволилъ Его Высочество играть со мною въ биліардъ. Весьма былъ веселъ и шутилъ со мною много; иныя и такія были шутки и предложенія, о которыхъ бы я не запечалился, еслибъ сбылись и въ самомъ дѣлѣ. Наконецъ, какъ я сказалъ Его Высочеству, что ввечеру въ Локателію въ маскарадъ намѣренъ ѣхать, то опять изволилъ приказывать мнѣ, что ежели я увижу графа Шереметева, чтобъ поклонился ему отъ него и сказалъ, что ему безъ него вчерась и сегодня было скучно. Будучи на маскарадѣ и увидѣвъ маленькаго гр. Николая Петровича, исполнилъ я приказанное.

26. Воскресенье. Передъ обѣдней подарилъ Его Высочеству гр. Алексѣй Григорьичъ Орловъ [3]) конскій уборъ, выложенный хрусталями, топазами и композиціями съ фабрики госп. Ломоносова [4]).

году на походѣ въ Турцію онъ заболѣлъ и умеръ на двадцать девятомъ году своей жизни. Во время болѣзни Порошина навѣщалъ его фельдмаршалъ Румянцевъ — не малое доказательство того высокаго уваженія, которое питали къ педагогу его современники...

[1]) *Великій князь Павелъ Петровичъ* род. 1755 года, вступилъ на престолъ 1796 года.

[2]) *Наставниками* великаго князя были: Эпинусъ, преподававшій высшую математику, астрономію и физику; Порошинъ — военныя науки, Р. исторію и географію; тайный совѣтникъ Остервальдъ — исторію и географію; балетмейстеръ Гранже — танцованье; французъ Тедъ, а потомъ Тремамундо — фехтованье; Андрей Англѣевичъ Грековъ — рисованье; капельмейстеръ Манфредини — на клавикордахъ; актеръ Бомонъ — декламацію. Соч. *Лебедева:* Графы Никита и Петръ Панины. Спб. 1863, стр. 59.

[3]) Род. 1737, ум. 1808 г. За побѣду надъ Турецкимъ флотомъ при Чесмѣ (1770 г.) названъ *Чесменскимъ*.

[4]) У *Ломоносова*, по указу сената, была фабрика для дѣланія разноцвѣтныхъ

Уборъ цѣнили рублей въ тысячу. За Государыней изволилъ Его Высочество ходить въ церковь къ обѣднѣ. Отъ обѣдни прошелъ во внутренніе Ея Величества покои, оттуда къ себѣ. Прежде, нежели за столъ сѣли, приходилъ къ Его Высочеству прощаться графъ Огинскій съ супругой, который чрезъ два дня намѣренъ былъ ѣхать ко двору своему въ Варшаву. За столомъ между прочимъ разговаривали о кадетскомъ корпусѣ; былъ при томъ сего корпуса директоръ Михайло Михайловичъ Философовъ. Его превосходительство Никита Ивановичъ [1]) равсуждалъ, что надобно въ корпусѣ вавесть постарѣе офицеровъ, дабы соблюсти тѣмъ порядокъ и удобнѣе достичь тѣхъ намѣреній, съ которыми основано военное сіе училище. Послѣ полудни въ пятомъ часу изволила Ея Величество переѣхать въ зимній каменный дворецъ церемоньяльно, при пушечной пальбѣ. Часу въ шестомъ изволилъ Его Высочество поѣхать въ зимній дворецъ на оперу. Опера была комическая «le marechal ferrant»; балетъ «la coquette punie»; маленькая пьеса «l'aveugle clair-voyant». По окончаніи зрѣлища, изволилъ возвратиться Его Высочество въ лѣтній дворецъ. Тотчасъ сѣли ужинать. Послѣ ужины черезъ четверть часа, въ исходѣ девятаго, легъ Государь опочивать. Опера очень понравилась.

28. Изволилъ проснуться Его Высочество въ половинѣ седьмаго часу. За чаемъ зашелъ у насъ разговоръ о мѣшаніи чужестранныхъ словъ въ языкъ свой. Тутъ весьма остроумно сказалъ Государь, что иные Русскіе въ разговорахъ своихъ мѣшаютъ столько словъ Французскихъ, что кажется будто говорятъ Французы и между Французскихъ словъ употребляютъ Русскія. Также говорили, что иные столь малосильны въ своемъ языкѣ, что все съ чужестраннаго отъ слова до слова переводятъ и въ рѣчахъ и въ письмѣ, напримѣръ: «vous avez trop de pénétration pour ne pas l' entrevoir», вы очень много имѣете проницанія, чтобы этова не видѣть; «on prétend, qu'il n'est parti qui ces jours-ci», требуютъ, что онъ не поѣхалъ, какъ только на сихъ дняхъ — и тому подобное. Такіе люди не знаютъ, или не хотятъ внать, что то, что на одномъ языкѣ очень хорошо, на другомъ переведенное отъ слова до слова очень худо быть можетъ. Обуваючись изволилъ мнѣ Его Высочество съ крайнимъ сожалѣніемъ разсказывать о кончинѣ покойной Государыни Елисаветы Петровны, въ какомъ онъ тогда былъ уныніи, и сколько отъ него опасность

стеколъ, бисеру и др. галантерейныхъ вещей и уборовъ. Полн. Собр. Законовъ Рос. Имперіи. Т. XIII, № 10057. Москвитянинъ за 1853, № 12.

[1]) *Панинъ* (1718—1783)—знаменитый дипломатъ, управлявшій коллегіею иностранныхъ дѣлъ; въ 1760 году, 29-го іюня, былъ назначенъ главнымъ воспитателемъ наслѣдника престола и оставался при немъ до совершеннолѣтія великаго князя, т. е. до 1775 года.

живота ея и потомъ кончину ни таили, какое онъ однакожъ имѣлъ болѣзненное предчувствіе, и не хотѣлъ пристать ни къ какимъ забавамъ и увеселеніямъ. Потомъ изволилъ разсказывать, какъ онъ при покойномъ Государѣ Петрѣ Третьемъ ѣздилъ въ крѣпость, въ Соборную церковь, и съ какою печалію видѣлъ гробницу, заключающую въ себѣ тѣло Августѣйшей и имъ почти боготворимой Бабки своей [1]). Тотъ же день сказывалъ, что изволилъ ѣздить и къ Аничковскому дворцу, въ которомъ тогда пожаръ сдѣлался. Отъ сего пожарища Его Высочество всю тогдашнюю ночь заснуть не могъ. Всякое незапное или чрезвычайное происшествіе весьма трогаетъ Его Высочество. Въ такомъ случаѣ живое воображеніе и ночью не даетъ ему покою. Когда о совершившейся 15-го числа сего мѣсяца надъ бунтовщикомъ Мировичемъ [2]) казни изволилъ Его Высочество услышать, также опочивалъ ночью весьма худо... Во время убиранія волосовъ, изволилъ сегодня самъ читать комическую оперу, называемую: «l'arbre enchanté, ou le Tuteur dupé», и разпѣвалъ оттуда арію. Часу въ десятомъ принялся Государь за ученье. Послѣ обѣда такожъ учился въ уреченное время. Послѣ ученія изволилъ играть въ биліардъ. При вечернемъ столѣ въ послѣдній разъ были караульные гвардіи офицеры. Отужинавши скоро опочивать легъ. Ввечеру пріѣхалъ курьеръ изъ Варшавы съ извѣстіемъ о смерти бывшаго тамъ посла нашего гр. Кейзерлинга. Трагедія сегодня представлена была Французская Вольтерова «Заира» [3]). Его Высочество присутствовать не изволилъ. Я былъ тамъ; маленькаго графа Шереметева не видалъ. Въ трагедіи Бомонъ Оросмана и Нейвиль Нерестана [4]) играли изрядно, а прочіе дурно, особливо Заира скверно представляла. Въ бытность 1763 году въ Москвѣ эту же трагедію играли кавалеры при дворѣ гораздо лучше: князь Петръ Васильвчъ Хованскій Люзиньяна [5]) представлялъ весьма хо-

---

[1]) Историкъ *Лебедевъ* говоритъ: «Встрѣченный при самомъ рожденіи необыкновеннымъ равнодушіемъ родителей, малютка (Павелъ I) нашелъ себѣ покровительницу въ Императрицѣ Елисаветѣ, взявшей его подъ свою защиту и почти съ нимъ не разлучавшейся до самой своей кончины». Графы Никита и Петръ Панины, стр. 36.

[2]) Подпоручикъ Мировичъ сдѣлался извѣстенъ безумнымъ намѣреніемъ освободить и возвести на престолъ принца Іоанна Антоновича, содержавшагося въ Шлиссельбургской крѣпости. Судъ приговорилъ отсѣчь Мировичу голову и потомъ сжечь тѣло его «купно съ эшафотомъ» (1764 г.). Народъ, отвыкшій во времена кроткой Елисаветы отъ зрѣлища казни, такъ былъ сильно пораженъ, когда увидѣлъ отрубленную голову Мировича, что обрушился мостъ, на которомъ стояла толпа...

[3]) *Вольтеръ* — Франц. писатель (1694—1778). Трагедія его *Заира* явилась 1732 г.—Она имѣетъ цѣлію изобразить нравы Востока. Заира воспитана въ серали. О Вольтерѣ см. II т. нашей Христоматіи, изд. 2-е, стр. 298—9.

[4]) *Оросманъ и Нерестанъ* — дѣйствующія лица трагедіи Вольтера «Заира».

[5]) Дѣйствующее лицо той же трагедіи.

рошо, а графиня Варвара Александровна Бутурлина (что нынѣ за княземъ Долгоруковымъ) была Заира и всѣмъ чрезвычайно понравилась.

29. По утру Его Высочество не учился, потому что всѣ книги были убраны для перевозу въ зимній дворецъ. Часу въ двѣнадцатомъ и самъ Его Высочество туда переѣхать изволилъ. Переѣхавши тотчасъ изволилъ пойтить къ Государынѣ. Оттуда возвратившись къ себѣ, разсматривалъ сдѣланную въ уборной его комнатѣ рѣшетчатую птичню, и поставленный въ учительной токарный станокъ стараніемъ его превосходительства Ивана Ивановича Бецкаго [1]). Около птичня сѣло насъ съ Его Высочествомъ человѣкъ пять, и представляя будто бы партеръ, били въ ладоши, какъ скоро какая птичка особливо какое движеніе сдѣлаетъ, вспорхнетъ, ощипится или отряхнется. Симъ позабавясь Его Высочество изволилъ пойтить за столъ. Передъ самымъ тѣмъ временемъ представлялъ главнаго магистрата президентъ князь Мещерскій Петербургскихъ купцовъ съ хлѣбомъ да съ солью великому князю на новоселье. За столомъ его превосходительство Никита Ивановичъ разсуждалъ и отзывался между прочимъ о чужестранномъ одномъ министрѣ не весьма выгодно. Къ сему разговору приставши Голштинскій тайный совѣтникъ г. Салдернъ сказалъ, что тотъ министръ жестокъ только на маленькія интриги. Графъ Александръ Сергѣевичъ Строгановъ, перервавъ у него рѣчь, говорилъ: «я весьма коротко ево знаю, позвольте сказать и повѣрьте пожалуйте, что онъ и крупныя интриги разумѣетъ». Г. Салдернъ отвѣчалъ ему на то: «можетъ быть конечно, что и вы правы; надобно только намъ объяснитца: весьма легко станетца, что вы тѣ интриги крупными называете, которыя я за весьма мелкія почитаю». Сіе осталось безъ отвѣта и начался между ними разговоръ спокойный, какъ будто ничего не бывало. Признаться должно, что не всякій бы проглотилъ такую пилюлю. Послѣ обѣда не учился жъ Его Высочество; книги еще были не разобраны и въ комнатахъ кое-что прибирали. Токарному станку труда не мало было: великій князь точилъ, мы всѣ точили, и никто ничего не умѣлъ. Потомъ пришелъ Иванъ Ивановичъ Бецкій; показывалъ какъ съ токарной збруей обходиться. Его Высочество зачалъ точить получше и мы какъ настоящіе токари громотню опять подняли. Послѣ изволилъ Его Высочество играть въ карты въ три-три: играли Его Высочество, Тимоѳей Ивановичъ Остервальдъ, Петръ Иванычъ Пастуховъ и я. Окончавъ игру, изволилъ Великій князь самъ распоряжать и устанавливать комнатную свою библіотеку въ опочи-

[1]) Знаменитый *недаюш* временъ Екатерины (1704—1724). Новѣйшее о немъ изслѣдованіе принадлежитъ г-ну *Пятковскому*. Литерат. Библ. 1867.

вальнѣ. Потомъ смотрѣлъ я съ нимъ планъ Франкфуртской баталіи, который присланъ тогда вскорѣ послѣ той баталіи къ Его Высочеству отъ фельдмаршала графа Петра Семеновича Салтыкова. Великій князь изволилъ высматривать ордеръ баталіи и который полкъ стоялъ подлѣ котораго. Часу въ осьмомъ изволилъ лечь въ учительной комнатѣ на канапе и началъ нѣсколько подремывать. И какъ я, сѣвши подлѣ него и пощекотавъ, сказалъ: дремлешь, батюшка, дремлешь! то на сіе развеселившись изволилъ сказать мнѣ нарошно соннымъ голосомъ: je règne, испомня сіе слово изъ комедіи «Arlequin, empereur dé la lune». Въ исходѣ осьмаго часу сѣли ужинать. Тутъ въ разговорахъ между прочимъ доносилъ я Его Высочеству, какое скаредное и болотистое мѣсто тамъ было, гдѣ нынѣ прекрасная улица, что Большою Морскою называется. Потомъ зашла рѣчь о строеніяхъ и о дорогахъ. Я Его Высочеству разсказывалъ о крѣпости старинныхъ зданій, о Аппіанской дорогѣ въ Италіи, о каналѣ Лангедокскомъ, о нашемъ Ладожскомъ, и какъ у насъ при Государѣ Петрѣ Великомъ, его прадѣдѣ, за крѣпостью въ строеніи и за обжегомъ и приготовленіемъ кирпича крѣпко смотрѣли. Откушавши попрыгалъ нѣсколько Его Высочество и легъ опочивать. Сего вечера была при дворѣ свадьба: женился гвардіи офицеръ графъ Апраксинъ на фрейлинѣ графинѣ Катеринѣ Ивановнѣ Гендриковой. Послѣ вѣнца былъ въ галлереѣ столъ жениху съ невѣстой, гдѣ и Ея Величество присутствовать изволила. Какъ я туда пошелъ, то Его Высочество опять изволилъ со мною поклонъ посылать къ графу Шереметеву, если его увижу.

30. Послѣ обѣда точилъ Его Высочество, также ходилъ къ птичнѣ, приказалъ тамъ фонтанъ пустить, и позабавясь, часу въ четвертомъ въ половинѣ сѣлъ учиться. У меня очень хорошо учился; началъ вычитаніе долей. Сегодня при ученіи у меня самъ Его Высочество изволилъ сдѣлать примѣчаніе, что когда неравное число или нечетное вычтешь изъ числа равнаго или четнаго, остатокъ всегда будетъ не-четъ. Его Высочеству и прежде неоднократно сему подобныхъ острыхъ примѣчаній дѣлать случалось. Еслибъ Его Высочество человѣкъ былъ партикулярный и могъ совсѣмъ предаться одному только математическому ученію, тобъ по остротѣ своей могъ быть весьма удобно нашимъ Россійскимъ Паскалемъ [1]). Государь Великій князь былъ бы въ математикѣ нынѣ гораздо далѣе, потому что прежде меня еще за долго началъ ариѳметику. Но тяжкая Московская болѣзнь все выученное изъ памяти его истребила.

---

[1]) *Паскаль*—знаменитый Франц. писатель (1623—1662). Извѣстны его «Письма» противъ іезуитовъ, «Письма о религіи». Онъ оказалъ великія заслуги математикѣ и физикѣ.

Можетъ быть и бывшая въ ученіи метода тому была нѣкоторымъ образомъ причиною; потому что все учили только на память. Я стараюсь Его Высочеству показать причину и основанія каждаго дѣйствія, чѣмъ разсужденіе весьма остриться. Въ сіе и самъ онъ весьма охотно вникаетъ и съ большой легкостью пройденное на мысль себѣ приводитъ. Часу въ шестомъ сѣли мы въ опочивальнѣ въ маленькомъ будуарѣ играть въ три-три. Играли Его Высочество, Тимоѳей Иванычъ Остервальдъ, князь Иванъ Сергѣичъ Барятинскій, и я. Кончивши игру, изволилъ Его Высочество послать за библіотекаремъ Франсуа и приказалъ ему при себѣ устанавливать книги, которыя вчерась еще не всѣ помѣщены были. Въ осьмомъ часу сѣли ужинать. Его Высочество разсказывалъ мнѣ о купленной для него библіотекѣ у министра нашего при Датскомъ дворѣ барона Корфа. Сія библіотека состоитъ изъ тридцати шести тысячъ книгъ. Положено платить за нее по десяти тысячъ рублей на годъ, а сторгована она за пятьдесятъ тысячъ. Его же Высочество не прежде сію библіотеку къ себѣ получитъ, какъ по смерти Корфа [1]). Тутъ я смѣялся, и говорилъ Его Высочеству, что ежели Корфъ еще проживетъ лѣтъ сорокъ, такъ эта библіотека достанется, когда Государю пятьдесятъ лѣтъ будетъ. Не погодить ли, говорилъ я, до тѣхъ поръ упражняться въ ученіяхъ и въ чтеніи? Лучше зачать тогда, какъ такая хорошая библіотека будетъ. Государь много тѣмъ изволилъ веселиться. А министру Корфу лѣтъ уже около семидесяти. Послѣ стола расхаживалъ я съ полчаса самъ-другъ съ Его Высочествомъ по комнатѣ, и кое о чемъ балагурили. Зашелъ его превосходительство Никита Ивановичъ: побылъ съ четверть часа. Изволилъ сказывать, что Турецкій посланникъ проситъ аудіенціи у Великаго князя. Потомъ разговаривалъ его превосходительство о разныхъ мастерствахъ, о токарномъ, о столярномъ, о кузнечномъ, о золотарномъ, о ткальномъ и проч. Съ какою охотою онъ, въ бытность свою въ Швеціи, ходилъ по мастеровымъ, и всѣ такія мастерства сматривалъ, что отъ большой части имѣетъ изрядное о нихъ понятіе и свѣдѣніе, и что чувствуетъ и изъ искусства знаетъ что и такое повидимому и не весьма важное бы любопытство свою пользу и еще не малую пользу приноситъ. Наконецъ изволилъ пой-

---

[1]) Тонкое, свойственное тому вѣку, обращеніе съ людьми грамотными. Такъ Императрица Екатерина II купила у *Дидрота* *) его библіотеку; но чтобъ не лишить его книгъ, тщательно имъ самимъ въ теченіи жизни собранныхъ, оставила ихъ при немъ въ Парижѣ, приказавъ нанять ему квартиру и выдавать по смерть жалованье, въ качествѣ библіотекаря Россійской Императрицы.

---

*) *Дидро* — Франц. философъ XVIII в. (1712—1784). См. о немъ II т. нашей Христоматіи, изд. 2-е, стр. 298.

тить къ себѣ за дѣла свои, а я тотчасъ раздѣнъ Великаго князя положилъ опочивать и поѣхалъ домой. Часъ былъ въ половинѣ десятый.

2 окт. 1764 г. Его Высочество проснулся по утру въ шесть часовъ. Чай кушалъ въ постелѣ. Потомъ вставши изволилъ одѣться и сѣсть за ученіе. Передъ обѣденнымъ кушаніемъ точилъ Его Высочество. Никита Ивановичъ не кушалъ у насъ сегодня. У него накрытъ былъ особливый столъ. Обѣдали его сіятельство вице-канцлеръ, графъ Захаръ Григорьичъ [1]), Адамъ Васильевичъ Олсуфьевъ [2]), генер. Веймарнъ, г. фельдцейхмейстеръ Вильбоа, и тайный совѣтникъ графъ Минихъ, съ которыми у него сегодня была конференція, какъ сказываютъ о дѣлахъ Китайскихъ. У насъ за столомъ сегодня говорили о представленной въ Москвѣ кавалерами трагедіи, и о балетѣ также разсуждали и вообще о театрѣ. Послѣ стола тотчасъ изволилъ Его Высочество пойтить въ парадный свой залъ, куда принесенъ былъ сдѣланный по размѣру и совсѣмъ оснащенный корабль, длиною въ 15 футовъ: сдѣланъ подъ смотрѣніемъ корабельнаго мастера Качалова и подмастерья Никитина. Корабль показывалъ Его Высочеству его превосходительство г. адмиралъ Семенъ Ивановичъ Мордвиновъ. Порѣзвился нѣсколько Его Высочество, и въ половинѣ четвертаго часу сѣлъ учиться. У меня и сегодня весьма хорошо учился. Послѣ ученія изволилъ Его Высочество пойтить самъ-другъ со мною въ залъ къ кораблю. Подлѣ него стояла модель крѣпости Ораніенбаумской. Я сказалъ Его Высочеству, что вотъ двѣ крѣпости, крѣпость сухопутная и крѣпость морская. Его Высочество, тотчасъ перехвативъ у меня, изволилъ говорить, что я то съ языка у него сорвалъ, что онъ хотѣлъ сказать то же самое. Потомъ изволилъ спросить меня: а кто выдумалъ строить сухопутныя крѣпости? На сіе доносилъ я Его Высочеству, что строеніе крѣпостей тогда началось, какъ начались между людьми раздоры; раздоры тогда начались, какъ въ людяхъ завелась ненависть; ненависть завелась тогда, какъ родились страсти, а страсти родились съ человѣкомъ. При томъ напоминалъ я, чтобъ Его Высочество тогдашнихъ крѣпостей не изволилъ представлять себѣ такими, какову изволитъ видѣть эту Ораніенбаумскую; но что тогдашнія крѣпости противъ этой были клѣтки; и что какъ укрѣпленія отъ времени до времени перемѣнялись, о томъ буду имѣть честь подробно

[1]) *Чернышевъ* (1729—1784) управлялъ Военною Коллегіею съ 1762 г. и былъ однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ по уму и характеру людей того времени.

[2]) Род. 1721, ум. 1784 г. — По воцареніи Екатерины II, Олсуфьевъ получилъ въ управленіе частную канцелярію Государыни, сдѣлался статсъ-секретаремъ, а потомъ сенаторомъ. См. Письма Екатерины II къ Адаму Вас. Олсуфьеву 1762—1783, съ примѣчаніями *Лонгинова*. М. 1863.

предложить, когда станемъ трактовать о фортификаціи. Тутъ изволилъ сказать Его Высочество: такъ по этому и морская та наша крѣпость сначала не такъ хороша была? Я изъяснялъ Его Высочеству въ генеральныхъ словахъ о началѣ и производствѣ корабельнаго дѣла. Упоминалъ при томъ, дабы больше вложить въ него поощреніе къ ученію математическому, что все въ огромномъ семъ зданіи расположено по правиламъ математическимъ, и что тотъ прямо красоты его еще не видалъ, кто не знаетъ математики. Его Высочество изволилъ разсказывать мнѣ о употребленіи сигнальныхъ флаговъ во время бою, чему онъ отъ морскихъ наслышался; сему кораблю изволилъ тутъ его Высочество дать имя Анна на память покойный сестры своей Великой Княжны Анны Петровны. Потомъ мы пошли во внутренніе покои и сѣли въ маленькомъ будуарѣ играть въ карты въ три-три; играли Его Высочество, Тимоѳей Ивановичъ Остервалдъ, Степанъ Васильевичъ Перфильевъ [1]) и я. Кончивши игру, часу въ осьмомъ въ исходѣ сѣли ужинать. За столомъ разговорились о суевѣрствѣ. Я разсказывалъ Его Высочеству, какія странныя забобоны суевѣры разсказываютъ съ несумнѣнною вѣрою о колдунахъ, о вампирахъ, оборотняхъ и тому подобныхъ, что всему тому причина дурное воспитаніе. Вставши изъ-за стола, легъ Государь опочивать въ девять часовъ съ четвертью.

9 окт. 1764 г. Государь изволилъ пробудиться въ седьмомъ часу въ половинѣ. Одѣвшись учился по обыкновенному. Отучившись точить изволилъ. За обѣдомъ разговаривали сегодни о придворныхъ маскарадахъ. Говорили, что ежели такъ продолжаться будутъ, то не многіе со временемъ станутъ и ѣздить; стола нѣтъ, пить ничего не допросишься, кромѣ кислыхъ штей, игры нѣтъ. Его превосходительство Никита Ивановичъ справедливо разсуждать изволилъ, чтобъ лучше совсѣмъ не давать при Дворѣ маскарадовъ, нежели давать ихъ съ такой экономіей. Иные говорили тутъ, что та бѣда, что у насъ на даровое падки, еслибъ все давать, такъ изошло бы много. Сіе примѣчаніе, сказанное при Его Высочествѣ, весьма мнѣ не понравилось; ибо такіе разговоры вкоренить въ него могутъ худую идею о характерѣ нашей публикѣ, скорѣе нежелибъ прямо кто ругать ее при немъ сталъ. Казалось что и его превосходительству Никитѣ Ивановичу не очень-то угодно было, потому что онъ на то съ невеселымъ лицемъ сказалъ: «гдѣ для публики даются увеселенія, такъ тамъ какъ не быть издержкамъ? Ничего лучше не давать, такъ ничево неизойдетъ». Тутъ разговаривали, что въ ны-

---

[1]) *Перфильевъ*, генералъ-маіоръ, состоялъ при цесаревичѣ во время его воспитанія. Перфильевъ любилъ роскошную жизнь и хлѣбосольство. Къ нему написалъ Державинъ знаменитую свою оду «На смерть князя Мещерскаго» (въ 1779 г.).

нѣшнихъ маскарадахъ богатыхъ масокъ совсѣмъ не бываетъ; что изъ этого вкусу совсѣмъ уже вышли; кромѣ простыхъ доминъ и капуцинскаго платья никакого почти другаго не видно. При семъ изволилъ разсказывать его превосходительство Никита Ивановичъ, какія прежь сего великолѣпія въ маскарадахъ и при празднествахъ бывали. Изволилъ говорить, что во время свадьбы принцессы Анны, на горномъ генералъ-директорѣ Шомбергѣ гусарское платье было съ брилліантами тысячъ на полтораста; что тотъ же Шомбергъ въ Москвѣ у двора своего сдѣлалъ тогда для иллюминаціи гору и въ ней всѣ горныя работы представилъ; что въ то время въ милостыню отъ партикулярныхъ людей милліона два роздано и проч. Наконецъ разговорились о казненномъ бунтовщикѣ Мировичѣ. Гр. Александръ Сергѣевичъ Строгановъ разказывалъ, съ какою твердостью и съ какимъ благоговѣніемъ злодѣй сей приступалъ къ смерти. Его превосходительство Никита Ивановичъ изволилъ сказывать о смѣшныхъ и нелѣпныхъ обѣщаніяхъ, которыя онъ Мировичъ дѣлалъ святымъ угодникамъ, если намѣреніе его кончится удачно. При семъ разсказывалъ его превосходительство о казни одного Французскаго аббата въ Парижѣ. Какъ палачъ взвелъ его на висѣлицу, и наложивъ петлю толкнулъ съ лѣстницы, то аббатъ держался за лѣстницу ногою, не хотѣлось повиснуть. Палачъ, толкнувъ его въ другой разъ по крѣпче, сказалъ: descendez donc, ne faites pas l'enfant, M-r l'abbé. Сему весьма много смѣялись. Говорили еще объ операхъ и маскарадахъ, что при входѣ у всякаго чинъ спрашиваютъ, даже у чужестранныхъ министровъ, что весьма не прилично. Между прочимъ сказывалъ я, какъ въ одно время случилось, что кадетскаго корпуса фельдвебель прошелъ въ оперу, когда ниже штабскаго чину, никого пропускать было не велѣно. Какъ приставленный у дверей придворный лакей спросилъ его, что́ онъ за-человѣкъ? то ни смутясь ни мало отвѣчалъ онъ: Я фельдвебель. Другой спросилъ еще: «а что за чинъ фельдвебель»? Фельдвебель опять смѣло отвѣтствовалъ: въ арміи три фельда только, фельдмаршалъ, фельдцейхмейстеръ и фельдвебель, что самъ разсуждай каковъ этотъ чинъ. Послѣ сего лакей пропустилъ его съ почтеніемъ. Во всѣ сіи разговоры Его Высочество не много изволилъ мѣшаться, болѣе кушалъ. Между тѣмъ нельзя сказать, чтобы онъ не слыхалъ ихъ. Часто случается, что Великій Князь, стоя въ углу, чѣмъ-нибудь своимъ упражненъ, и кажется совсѣмъ не слушаетъ, что въ другомъ углу говорятъ: со всѣмъ тѣмъ бываетъ, что недѣли черезъ три или болѣе, когда къ рѣчи придетъ, окажется, что онъ все то слышалъ, изъ чемъ тогда казалось, что никакого не принималъ участія. Для того-то я всегда говорилъ и говорю, что въ присутствіи Его Высочества напередъ подумать надобно самому съ собою, и тогда говорить. Всѣ

разговоры, которые онъ слышитъ, мало-по-малу, и ему самому нечувствительно, въ основаніе собственныхъ его разсужденій входятъ, что неоднократно мною примѣчено. Послѣ обѣда изволилъ Его Высочество забавляться своею артиллеріею. Потомъ сѣлъ учиться. У меня очень хорошо учился. Часу въ шестомъ уѣхалъ я, и у Государя сегодня не ужиналъ. Послѣ изволилъ мнѣ разсказывать Его Высочество, что онъ послѣ меня точилъ, и долго возилъ свою пушку по комнатѣ; что потомъ изволилъ сѣсть ужинать, и что ему скучно было; что ничего примѣчанія достойнаго не происходило. Въ десятомъ часу изволилъ лечь опочивать.

20 окт. Государь изволилъ проснуться въ началѣ седьмаго часу. Одѣвшись сѣлъ за обыкновенныя ученія. Въ первомъ часу въ исходѣ пошли за столъ. Его превосходительство Никита Ивановичъ у насъ сегодня не кушалъ. Стороннихъ было только Александръ Сергѣевичъ Строгановъ. За столомъ разсказывалъ между прочимъ графъ Александръ Сергѣевичъ, что онъ читалъ въ ученомъ журналѣ, что́ Крашенинникова [1]) Камчатская исторія переведена на Французскій языкъ бывшимъ здѣсь въ свитѣ маркиза Лопиталя Французомъ.

Тутъ доносилъ я Его Высочеству о заслугахъ покойнаго профессора Крашенинникова и о достоинствѣ его исторіи; такожъ, что его дѣти теперь въ великой бѣдности, что и Александръ Петровичъ Сумароковъ [2]) въ новой сочиняемой имъ комедіи ихъ представилъ, говоря, что «отецъ ѣздилъ въ Камчатное и въ Китайчатое государство, а дѣти ходятъ въ крашенинѣ, и потому Крашенинниковыми называются». Къ похвалѣ Александра Сергѣевича сказать я долженъ, что онъ тутъ выговорилъ, что онъ весьма сожалѣетъ, что не зналъ того; что Государыня недавно о Крашенинниковѣ очень хорошо при немъ отзываться изволила, и что еслибъ онъ зналъ о такомъ состояніи оставшихся сиротъ его, тобъ конечно Ея Величе-

---

[1]) *Крашенинниковъ*, Степанъ Петровичъ (1713—1755) — профессоръ ботаники и естеств. исторіи въ Академіи Наукъ. Въ званіи студента сопутствовалъ академикамъ Гмелину и Миллеру въ Камчатку; вторично отправлялся въ Камчатку въ 1736 году, возвратился въ Петербургъ въ 1743 г. Умеръ въ бѣдности... Описаніе «Камчатки», составленное Крашенинниковымъ, издано послѣ его смерти Миллеромъ.

[2]) *Русскій писатель* XVIII вѣка (1718 — 1777). Въ комедіи *«Опекунъ»* (изд. 1765 г.) Сумароковъ вступается за несчастное семейство профес. Крашенинникова. Приводимъ самое то мѣсто, которое имѣетъ въ виду Порошинъ: «А честнаго-то человѣка дѣтки пришли милостины просить, которыхъ отецъ ѣздилъ до Китайчетова царства и былъ въ Камчатномъ государствѣ, и объ этомъ государствѣ написалъ повѣсть: однико сказку-то его читаютъ, а дѣтки-то его ходятъ по міру; а у дочекъ-то его крашенинные бостроки, да и тѣ въ заплатахъ; даромъ-то, что отецъ ихъ въ Камчатномъ былъ государствѣ, и для того то, что они въ крашенинномъ таскаются платьи, называютъ ихъ Крашенинкиными».

ству доложилъ, и Ея Величество безъ сомнѣнія ихъ бы наградила, что впередъ при случаѣ не примннетъ донесть о томъ. Не малое внутреннее удовольствіе чувствовалъ *я*, услышавъ, что на Французскій языкъ переведена господина Крашенинникова исторія. Желалъ бы *я*, чтобъ болѣе такихъ оригинальныхъ книгъ у насъ было, для которыхъ бы чужестранные учась языку нашему на свой ихъ переводили. Сіе было бы уже не ложное свидѣтельство цвѣтущаго наукъ состоянія! тѣмъ-то бы неиспоримо возсіялъ прямо просвѣщенный вѣкъ въ Россіи. Чтобъ дожить до такого вожделѣннаго и благополучнаго времени, надобно только имѣть намъ прежде въ мѣстахъ, откуда текутъ уставы и учрежденія, хотя не большое число людей твердыхъ, и истинно благоразумныхъ, знаніями просвѣщенныхъ, свободныхъ отъ предувѣреній, легкомыслію не причастныхъ, и усердныхъ сыновъ отечества. Безъ сего ничему не бывать доброму. Александръ Сергѣевичъ докладывалъ Его Высочеству, чтобы изволилъ что-нибудь пожаловать господину Форштеру, который Его Высочеству поднесъ пирамидою сдѣланные клавикорты. Великій Князь изволилъ обѣщать ему то; но притомъ говорилъ, что клавикорты напрасно сдѣланы такъ малы, что совсѣмъ они для него не годны. За столомъ разговорились мы еще о исторіи Россійской. Александръ Сергѣевичъ началъ выхвалять господина Миллера [1]), что онъ многое до исторіи касающееся выдалъ. Я говорилъ на то, что изданія его по большой части касаются до Сибири; что онъ нарочно на нѣсколько лѣтъ ва тѣмъ туда былъ посылаемъ, и всѣ архивы ему были отворены; что впрочемъ труды его конечно похвальны. «Но весьма я сожалѣю, продолжалъ *я*, что достоинства и старанія покойнаго Василія Никитича Татищева [2]) остались совсѣмъ

---

[1]) *Миллеръ* (1705—1783)—Русскій исторіографъ, членъ Академіи Наукъ, одинъ изъ просвѣщеннѣйшихъ мужей XVIII в. Онъ много потрудился для разработки Р. исторіи. Съ 1733 по 1743 г. онъ участвовалъ въ ученой экспедиціи въ Сибирь и напечаталъ (1743 г.) «Описаніе Сибирскаго царства»; съ 1755 по 1765 г. издавалъ ученый журналъ «Ежемѣсячныя сочиненія къ пользѣ и увеселенію служащія». Здѣсь онъ помѣщалъ разныя историч. статьи, напр: О первомъ лѣтописателѣ Россійскомъ препод. Несторѣ, О началѣ казаковъ, Опытъ новѣйшія исторіи о Россіи, Краткое извѣстіе о началѣ Новгорода и пр. См. статью проф. *Соловьева* въ Современникѣ за 1861, № 2 и *Макарова* въ Московск. Наблюдат. за 1838, ч. XIV.

[2]) *Род. 1686, ум. 1750 г.*—Плодами историческихъ изысканій его были: 1) Исторія Россійская съ древнѣйшихъ временъ чрезъ *тридцать* лѣтъ собранная и описанная. Она оканчивается 1462 годомъ. Издана въ Спб. 1784 г.—2) Лексиконъ Росс. историческій, географич., политическій и гражданскій (изд. 1793 г.); 3) Русская Правда, напечат. въ Древней Рос. Вивліоѳикѣ, изд. Новикова, 1786 г.; 4) Судебникъ царя Іоанна Васильевича, изд. 1768 г.—Оцѣнку историческихъ, географич. и этнографическихъ трудовъ В. Н. Татищева см. въ сочиненіи г. *Попова*: В. Н. Татищевъ и его время. М. 1861, гл. VII, стр. 431—526.

почти въ забвеніи. Государь Великій Князь спросить тутъ меня изволилъ: что за человѣкъ былъ Татищевъ, и о какихъ я его стараніяхъ упоминаю? Я доносилъ Его Высочеству о покойномъ Татищевѣ, изъясняя, что онъ человѣкъ былъ великаго ума, твердаго и проницательнаго, человѣкъ весьма знающій и любопытный; что собралъ и сочинилъ основательную Россійскую исторію, что эта исторія и теперь таскается въ манускриптахъ; что весьма жаль, что её не напечатаютъ, и такое сокровище пропадаетъ. Потомъ заговорили мы, что нынѣ при академіи кое какъ собрались печатать Лѣтописецъ Несторовъ [1]), и что не худо бы напечатать и Степенную книгу [2]) и Ядро Россійской исторіи [3])... Вставши изъ-за стола порѣзвился Его Высочество и изволилъ сѣсть учиться. Ученье не весьма хорошо шло сегодня. У меня хотя и все изволилъ дѣлать изрядно, однако казалось, что не охотно. Послѣ ученья писали мы фосфоромъ. Зажигали имъ бумагу, и натирали себѣ гвоздичнымъ масломъ руки, которыя оттого въ темнотѣ блистали. Позабавясь симъ, приказалъ Его Высочество принесть себѣ эстампы подъ титуломъ: la Galerie agréable du monde, тѣ томы, гдѣ изображены разные Французскіе города, крѣпости и порты. Сіи эстампы смотрѣлъ я долго съ Великимъ Княземъ. Потомъ пошелъ на часъ въ комедію. Его Высочество быть тамъ изволилъ. Комедія была Русская «Бранчивый»; балетъ изъ учениковъ танцовальныхъ; маленькая пьеса «Нечаянное возвращеніе». Въ большой пьесѣ Гаврила Волковъ [4]) и Шумской [5]) очень хорошо играли. Балетъ ученики танцовали изряднехонько. Будучи въ комедіи, просилъ я его сіятельство графа Ивана Григорьевича Чернышева [6]), чтобы приказалъ въ Коллегіи собрать всѣ съ восшествія Ея Императорскаго Величества на престолъ вышедшіе указы и регламенты, а особливо штаты адми-

---

[1]) *Лѣтопись Нестора* по списку Радзивиловскому напечатана (весьма неисправно) въ Спб. 1767 г.

[2]) *Степенная Книга* изд. 1771—1774 г., въ двухъ частяхъ; она содержитъ въ себѣ исторію Россіи отъ ея начала до конца XVI. в., расположенную по *степенямъ* преемничества Великихъ Князей. Сочиненіе ея несправедливо приписывается митрополиту Макарію, жившему при Іоаннѣ Грозномъ.

[3]) *Ядро Рос. Исторіи*, соч. Манкѣева (прежде составленіе его приписывали Хилкову), напечат. 1771 г. Это сочиненіе представляетъ краткій перечень событій Русской исторіи отъ древняго времени до Петра Великаго.

[4]) *Гавріилъ Волковъ* — братъ Ѳедора Григорьевича Волкова, знаменитаго основателя Р. театра.

[5]) *Шумскій* — одинъ изъ лучшихъ актеровъ XVIII в. — Шумскій былъ необыкновенный актеръ на роли слугъ и весельчаковъ изъ простаго званія. Воспоминанія о немъ см. въ книгѣ *С. Аксакова:* Семейная Хроника. М. 1862, изд. 2-е. стр. 507—509.

[6]) Род. 1726, ум. 1797. Былъ вице-президентомъ Адмиралтействъ-Коллегіи.

ралтейскіе и прислать ихъ ко мнѣ, дабы я при случаѣ могъ Его Высочеству о дѣлахъ сего рода давать понятіе и извлеченіе, что мнѣ и обѣщалъ его сіятельство съ великой охотой, похваляя усердіе мое въ наставленіи Его Высочества. Какъ комедія кончилась, изволилъ Его Высочество сѣсть ужинать. Казалось ему уже не рано, и для того кушать потарапливался. По сей причинѣ и до разговоровъ хорошихъ прямо у насъ не доходило. Разговаривали о Локателіевыхъ маскарадахъ, объ охотѣ Россійскихъ людей къ соли и проч. Великій Князь изволилъ забавляясь говорить, что я столько соли ѣмъ, что кажется будто ѣвши, что-нибудь сухое ей прихлѣбываю. При чемъ я напомянулъ, что и Его Высочество очень жалуетъ кушать солоно. Вставши изъ-за стола, легъ Государь опочивать въ половинѣ десятаго часу.

27. Государь Великій Князь изволилъ встать въ осьмомъ часу. Одѣвшись сѣлъ было учиться; но вдругъ занемогъ; сдѣлалась дрожь и позѣвота. Его превосходительство Никита Ивановичъ, пришедъ въ это время съ половины отъ Ея Величества, приказалъ Великаго Князя раздѣть. Изволилъ Его Высочество надѣть шлафрокъ и лечь въ опочивальню на канапе. Читалъ я ему проектъ Михаила Васильевича Ломоносова о монументѣ для Государя Петра Великаго, поданный имъ въ 1758 году въ Правительствующій Сенатъ. Его преподобіе Отецъ Платонъ при томъ былъ, и тутъ происходили нѣкоторыя разсужденія о изложенныхъ въ семъ проектѣ надписяхъ изъ Священнаго Писанія. Потомъ читали Евангеліе: его преподобіе Отецъ Платонъ, Степанъ Васильевичъ Перфильевъ и я. Его Высочество слушать изволилъ, и послѣ взявши Евангеліе самъ прочелъ все первое зачало отъ Матѳея. Потомъ читалъ я Его Высочеству приношеніе къ грамматикѣ г. Ломоносова. Приношеніе весьма хорошо сложено, и можетъ подать высокое мнѣніе о языкѣ Россійскомъ и разжечь любовь къ Россійскимъ Музамъ [1]). Его Высочество

---

[1]) «Повелитель многихъ языковъ Россійскій не токмо обширностію мѣстъ, гдѣ господствуетъ, но купно и собственнымъ своимъ пространствомъ и довольствіемъ великъ передъ всѣми въ Европѣ. Невѣроятно сіе покажется иностраннымъ, и нѣкоторымъ природнымъ Россіянамъ, которые больше къ чужимъ языкамъ, нежели къ своему трудовъ прилагали. Но кто неупрежденный великими о другихъ мнѣніями прострегъ въ него разумъ, и съ прилѣжаніемъ вникнетъ; со мною согласится. Карлъ пятый Римскій Императоръ говаривалъ, что Ишпанскимъ языкомъ съ Богомъ, Французскимъ съ друзьями, Нѣмецкимъ съ непріятельми, Италіянскимъ съ женскимъ поломъ говорить прилично. Но есть ли бы онъ Россійскому языку былъ искусенъ; то конечно къ тому присовокупилъ бы, что имъ со всѣми оными говорить пристойно. Ибо нашелъ бы въ немъ великолѣпіе Ишпанскаго, живость Французскаго, крѣпость Нѣмецкаго, нѣжность Италіянскаго, сверьхъ того богатство и сильную въ изображеніяхъ краткость Греческаго и Латинскаго языка. Обстоятельное всего сего доказательство требуетъ другаго мѣста и случая. Меня долговре-

изволилъ слушать со вниманіемъ, а какъ дошло до авторовыхъ желаній въ концѣ сего приношенія, то Отецъ Платонъ еще побуждалъ Его Высочество, чтобы изволилъ вслушиваться и желаніями самъ соотвѣтствовать. Кушать Великій Князь изволилъ одинъ въ опочивальнѣ за маленькимъ столикомъ. Послѣ обѣда зашла у насъ рѣчь о крестьянскомъ житьѣ, и я Его Высочеству разсказывалъ, какъ живутъ наши крестьяне, какъ они между собою въ невинности увеселяются и какія между ими есть разные обряды. Его Высочество прилежно просить меня изволилъ, чтобы я разсказалъ ему это подробно. Такого желанія удовольствовать не нашелъ я ни малой противности; напротивъ того, почелъ еще за нужное, чтобы Его Высочеству свѣдомо было, какъ люди въ разныхъ званіяхъ жизнь проводятъ, и чѣмъ обязаны отечеству. Потомъ пошелъ я на верхъ въ казенную, осмотрѣть разные математическіе инструменты, дѣланные прежъ сего Академіи Наукъ мастеромъ Чижовымъ. Сошедши къ Великому Князю, показывалъ я работы г. Чижова математическую готовальню, въ которой всѣ инструменты серебряные. Его Высочество изволилъ смотрѣть се и любоваться, что очень хорошо инструменты выдѣланы. Не могъ преминуть я, чтобъ не поговорить тутъ о худомъ и сожалѣнія достойномъ распорядкѣ въ Академіи.

Ввечеру была сегодня на придворномъ театрѣ Русская комедія «Лекарь по неволѣ»; балетъ ученическій; маленькая пьеса «Завороженый поясъ». Въ это время изволилъ Его Высочество смотрѣть со мною эстампы изъ энциклопедическаго лексикона. Тамъ, между прочимъ, дошло до конскихъ уборовъ. Я Его Высочеству разсказывалъ, какъ всѣ части у хомута по-Русски называются, и Государь изволилъ послѣ самъ все то переговаривать. Упомянулъ я и о пословицѣ старинной: «коль взялся за гужъ, такъ не говори что не дюжъ»; и изъясвялъ, что̀ сія пословица значитъ. Въ седьмомъ часу преставилась невѣстка Никиты Ивановича. Его Высочество свѣдавъ весьма изволилъ сожалѣть. Его Высочество изволилъ кушать въ опочивальнѣ за маленькимъ столикомъ. Господинъ Фузадье при томъ

менное въ Россійскомъ словѣ упражненіе о томъ совершенно увѣряетъ. Сильное краснорѣчіе Цицероново, великолѣпная Виргиліева важность, Овидіево пріятное витійство не теряютъ своего достоинства на Россійскомъ языкѣ. Тончайшія Философскія воображенія и разсужденія, многоразличныя естественныя свойства и перемѣны, бывающія въ семъ видимомъ строеніи міра, и въ человѣческихъ обращеніяхъ, имѣютъ у насъ пристойныя и вещь выражающія рѣчи. И ежели чего точно изобразить не можемъ; не языку нашему, по недовольному своему въ немъ искусству приписывать долженствуемъ. Кто отчасу далѣе въ немъ углубляется, употребляя предводителемъ общее Философское понятіе о человѣческомъ словѣ, тотъ увидитъ безмѣрно широкое поле, или лутче сказать, едва предѣлы имѣющее море». (Грамматика Ломоносова, изд. 1755 г.).

былъ. Я между тѣмъ ходилъ на часъ въ комедію. Сегодня очень хорошо играли, и я сказывалъ пришедши о томъ Его Высочеству. Въ девять часовъ изволилъ Государь лечь опочивать.

28. По окончаніи утренней молитвы примѣтивъ я, что Его Высочество молитву изволилъ читать нѣсколько скоро, говорилъ ему, съ какимъ благочиніемъ и умиленіемъ надобно приносить Богу приношенія и благодаренія. Отвѣтъ Его Высочества былъ: *конечно братецъ такъ; мнѣ очень жаль, что я о томъ не подумалъ какъ молился.* Во время одѣванія читалъ я Его Высочеству нѣкоторыя главы изъ Ломоносова грамматики. Потомъ какъ изволилъ одѣться, читалъ я ему эти записки свои своей прошедшей недѣли. Его Высочество изволилъ съ превеликимъ вниманіемъ и пріятностію слушать. Его Высочество сей вечеръ на меня нѣсколько изволилъ коситься. Послѣ ужины, не взирая на то, добрую я ему проповѣдь проговорилъ о нетерпѣньи и объ обладаніи самимъ собою, какъ Государь часто на часы сталъ поглядывать, чтобъ улечься поскорѣе. Между тѣмъ изволилъ только повѣся головушку, взадъ да впередъ по комнатѣ расхаживать, ничего не говоря. Въ девять часовъ съ четвертью изволилъ лечь опочивать.

2 ноября 1764 г. Государь изволилъ встать въ семь часовъ. Прежде нежели успѣлъ еще я войтить къ Его Высочеству, изволилъ онъ прибѣжать ко мнѣ, и бросаясь на шею и цѣлуя меня говорилъ: прости меня, голубчикъ, я передъ тобою виноватъ; впередъ никогда уже ссорится не будемъ, вотъ тебѣ рука моя. Я разцѣловалъ ручку Его Высочества и по нѣкоторыхъ изъясненіяхъ постановивши твердый миръ, пошелъ за нимъ чай пить. За чаемъ разговаривали мы, между прочимъ, о Рестовой [1]) Французской грамматикѣ, также о Ломоносовой Русской. Тутъ разсказывалъ я Его Высочеству о падежахъ, какъ всѣ они по-Русски называются, и что который падежъ значитъ. За обуваньемъ прочелъ я Его Высочеству изъ Вольтеровой Исторіи о Государѣ Петрѣ Великомъ два мѣста. Первое, гдѣ Вольтеръ говоритъ, что Карлъ XII достоинъ быть въ арміи Петра Великаго первымъ солдатомъ; другое мѣсто, гдѣ Вольтеръ разсуждаетъ, что надобно, чтобы Россія еще имѣла Петровъ Великихъ, дабы всѣ въ ней заведенія приведены были къ совершенству, и она порядочно выстроенными городами и людствомъ жителей такъ бы изобиловала, какъ прочія Европейскія государства. Какъ первое мѣсто прочелъ я, то сказать изволилъ Его Высочество: вишь этта-та льститъ онъ. На сіе отвѣчалъ я, что Вольтеръ то же почти самое и въ Исторіи своей о Карлѣ XII упоминаетъ, гдѣ бы конечно Го-

[1]) *Франц. грамматика*, собранная изъ разныхъ авторовъ г. *Ресто;* перев. съ Франц. Василій *Тепловъ*, изд. 4-е и 5-е. Спб. 1787 и 1809 г.

сударю Петру Великому не сталъ ласкательствовать. Въ другомъ мѣстѣ прочитавъ разсужденіе Вольтерово говорилъ я, что это и до Его Высочества касается, что для чего ему не быть въ числѣ великихъ Государей, что способы всѣ къ тому имѣетъ и прочее! Потомъ подробно разсуждалъ я, какъ Его Высочеству поступать надобно, чтобы заслужить истинную славу и у будущихъ родовъ благодарность и почтеніе. Я весьма доволенъ былъ вниманіемъ, съ какимъ Его Высочество слушать меня изволилъ и все утро чрезвычайно былъ ласковъ. Изволилъ читать вчерашнюю комическую оперу. Потомъ сѣлъ учиться. Послѣ ученія точилъ Его Высочество. Я сегодня у Государя при столѣ не былъ. Онъ послѣ изволилъ мнѣ сказывать, что изъ стороннихъ обѣдали Его Сіятельство графъ Кирило Григорьичъ Разумовскій [1]), его превосходительство Петръ Иванычъ Панинъ [2]), Иванъ Перфильичъ Елагинъ [3]), Александръ Ильичъ Бибиковъ [4]) и г. Салдернъ. Разговаривали, между прочимъ, о дворцахъ всѣхъ Европейскихъ государей. Его превосходительство Никита Ивановичъ изволилъ сказывать, что Датскаго короля дворецъ сталъ въ десять милліоновъ. Здѣшній каменный дворецъ стоилъ милліонъ двѣсти тысячъ. Никита Ивановичъ приказалъ сегодня конфисковать часы у Государя Великаго Князя, для того, что часто изволитъ смотрѣть на нихъ и время очень акуратно мѣряетъ. Еще его превосходительство приказалъ, чтобы Его Высочество изъ славныхъ Французскихъ трагическихъ авторовъ нѣкоторыя мѣстаназусть выучивалъ, гдѣ заключаются хорошія сентенціи. Сіе сегодня жъ и начато послѣ послѣ-обѣденнаго ученія. Его Высочество изволилъ вытвердить строчекъ пять изъ Расиновой Аталіи [5]), дѣйствіе IV, явленіе 2-е, гдѣ Жоасъ такъ говоритъ:

---

[1]) *Разумовскій* (1728 — 1803) получилъ достоинство Малороссійскаго гетмана въ 1750 г. и носилъ его до ноября 1764 г., затѣмъ онъ сдѣланъ былъ фельдмаршаломъ, а Малороссіею стала управлять Коллегія.

[2]) *Петръ Ив. Панинъ* (1721—1789) — генералъ-аншефъ, знаменитый своею храбростію, умомъ и возвышенностію своего характера. Подвиги его въ Семилѣтнюю войну, дѣйствія во время первой Турецкой войны, взятіе Бендеръ (1770), усмиреніе Пугачовскаго бунта (1774) прославили его столько же, сколько и гражданское его мужество. Примѣч. г. *Лонгинова*. См. Письма Екатерины II къ Олсуфьеву. М. 1863, стр. 65. Другой взглядъ на П. Панина см. въ книгѣ г. *Лебедева:* Графы Панины.

[3]) *Елагинъ* (1724 — 1796) — оберъ-гофмейстеръ и кабинетъ-секретарь.

[4]) *Бибиковъ* (1729 — 1774) — знаменитый дѣятель временъ Екатерины II. Онъ начальствовалъ корпусомъ во время Польской конфедераціи; ему же было поручено положить конецъ Пугачовщинѣ. Бибиковъ спасъ Россію отъ разгрома Пугачова. А. И. Бибиковъ занимался литературою: XIII глава въ книгѣ «Велизарій» (1767 г.) переведена имъ.

[5]) *Гоѳолія*, трагедія *Расина* (1639 — 1699). Содержаніе ея заимствовано изъ книги Ветхаго Завѣта «Паралипоменонъ». Разборъ пьесы см. въ «Исторіи Лите-

Un Roi sage, ainsi Dieu l'a prononcé lui—même,
Sur la richésse et l'or ne met point son appui etc.

За ужиною изволилъ Его Высочество съ пріятностью вспоминать и разговаривать о житьѣ Московскомъ. Опочивать изволилъ лечь въ началѣ десятаго часу.

7 ноября 1764 г. Воскресенье. Его Высочество изволилъ встать въ семь часовъ. Прежде нежели я успѣлъ надѣть спальное свое платье, изволилъ войтить ко мнѣ, и попрыгивая около меня и потомъ легши на мою постелю, изволилъ шутить со мною и разговаривать. Потомъ взявши меня за руку, изволилъ повести въ будуаръ чай пить. Потомъ сказывалъ я Его Высочеству о вчерашнихъ шуткахъ Льва Александровича [1]): въ то время, какъ Великій Князь вчерась былъ у Государыни, были всѣ мы въ билліардной, и Левъ Александровичъ передразнивалъ тутъ Турецкаго посланника, также г. Ржеутскаго, какъ онъ Государынѣ рѣчь на аудіенціи говорилъ по-Польски, и еще комедіянта Рено́, который въ оперѣ, называемой: «Молошница», наряжался медвѣдемъ. За обуваніемъ дѣлали мы съ Его Высочествомъ вычисленія, сколько бы вышло на жалованье на извѣстное число людей, еслибъ сказано было сколько кому порознь выходить. Для сего представилъ я ему полкъ и положилъ сколько которому чину жалованья и такъ Его Высочество упражнялся въ изысканіи, какъ велика сумма на содержаніе такого полку надобна. Одѣвшись изволилъ Его Высочество пойтить со мною въ учительную, потомъ въ желтую комнату, гдѣ изволилъ нѣсколько времени побѣгать. Потомъ ходя со мною и наконецъ сѣвши на канапе, изволилъ разговаривать. Между прочимъ доносилъ я Государю о самомъ послѣднемъ путешествіи блаженныя памяти его Прадѣдушки. 1724 году въ октябрѣ мѣсяцѣ поѣхалъ покойный Государь изъ Петербурга водою въ Старую Русу, для осмотрѣнія и расположенія тамъ вновь басейновъ съ соляною водою, въ которой бы хранить пригоняемый изъ Казани дубовый лѣсъ, для устроенія корабельнаго; возвратился изъ Старой Русы въ концѣ ноября мѣсяца тогожъ года, слѣдовательно мѣсяца за два до своей кончины. «Такъ», продолжалъ я, «безцѣнная жизнь вѣчной славы достойнаго Государя, составлена была изъ безпрерывныхъ трудовъ и подвиговъ къ пользѣ и прославленію любезнаго отечества!» Великій Князь съ примѣчаніемъ слушая, изволилъ тутъ сказать: и подлинно, братецъ, вить это правда. Потомъ разго-

ратуры Древняго и Новаго Міра», изд. *Костомарова*. Спб. 1864, т. II, к. 1, стр. 90 и д.

[1]) *Нарышкинъ* (1733—1799) — оберъ-шталмейстеръ, извѣстный остроуміемъ и веселою своею жизнію. См. оду *Державина* «Фелица» (2 т. нашей Христоматіи).

ворились мы о Вольтеровой трагедіи «Меропѣ [1])» и я сказывалъ Его Высочеству, въ чемъ состоитъ историческое приключеніе, служащее сей трагедіи основаніемъ. Часовъ въ одиннадцать изволилъ Государь пойтить къ обѣднѣ, и по окончаніи обѣдни къ Государынѣ. Ея Величество быть въ церкви не изволила. Возвратясь отъ Ея Величества въ свои покои, изволилъ Государь спустя нѣсколько времени сѣсть кушать. Обѣдали у насъ гр. Петръ Григорьичъ Чернышевъ, графъ Александръ Сергѣевичъ, также и морской офицеръ Лупандинъ. Господинъ Лупандинъ о всемъ своемъ путешествіи разсказывалъ весьма связно и порядочно, и никакого въ словахъ его противорѣчія не было примѣтно. Глаза только нѣсколько мутными казались. Его Высочество о многихъ обстоятельствахъ самъ изволилъ его распрашивать. Его превосходительство Никита Ивановичъ также спрашивалъ о многомъ, и давалъ свои разсужденія о Американскомъ климатѣ, о невольничествѣ Арабовъ, и о разныхъ Американскихъ произведеніяхъ. Говорили о горѣ Пико на островѣ Тенериффѣ, и потомъ вообще о горахъ. Графъ Александръ Сергѣичъ говорилъ, что всѣ горы однимъ кряжомъ идутъ, въ чемъ я нѣсколько попротиворѣчилъ, потому что это несправедливо. Никита Ивановичъ и графъ Петръ Григорьевичъ разсуждали потомъ о злоупотребленіи у насъ въ раздачѣ чиновъ, о приказныхъ порядкахъ и тому подобномъ. Его Высочество изволилъ сказать тутъ его превосходительству Никитѣ Ивановичу: «мнѣ кажется никому такъ хорошо не представить излишнее наблюденье Высочайшаго интереса, и безпорядочный приказный порядокъ, какъ вы представляете». Разговорились какъ-то о поварахъ и о мясникахъ. Его Высочество изволилъ тутъ молвить: «въ поварскомъ и мясничьемъ чину съ жалостливымъ сердцемъ мнѣ кажется быть нельзя. Изъ мясниковъ вить и въ палачи выбираютъ». Вставши изъ за стола, изволилъ Его Высочество выкушавши чашку кофе, пойтить со мною въ опочивальню и тамъ попрыгивать. Потомъ жаловался головою, и сталъ очень не веселъ. Не ужинавши и почивать легъ въ десятомъ часу въ исходѣ.

11 декабря 1764 г. Государь изволилъ проснуться въ десятомъ часу. Жаловался, что голова болитъ, и оставлевъ часовъ до десяти въ постелѣ. Я сидя подлѣ постели разговаривалъ съ Его Высочествомъ. Между прочимъ изволилъ онъ спросить меня, какъ бы ему лучше проводить время, какъ онъ выростетъ, въ которомъ часу вставать, въ которомъ ложиться и что дѣлать? Говорилъ я ему, что надобно по его многотрудному состоянію не позже ложиться опочивать, какъ часовъ въ одиннадцать; по утру вставать въ

[1]) *Меропа* явилась 1743 г.

шестомъ и въ седьмомъ часу, на уборы не много употреблять времени, и до двѣнадцати часовъ все упражняться въ дѣлахъ и разсужденіяхъ важныхъ; въ первомъ часу садиться за столъ, послѣ стола отдохнувши, отъ пяти до семи часовъ въ какихъ-нибудь распоряженіяхъ, въ дѣлахъ, или въ полезныхъ разсужденіяхъ упражняться; въ семь часовъ выйтить въ публику, выслушивать, ежели кто что предложить имѣетъ, разговаривать, или сѣсть играть въ карты, часа черезъ полтора или черезъ два ретироваться, въ десятомъ сѣсть ужинать. Въ мѣсяцъ день или два можно положить на отдохновеніе или на какія забавы.

Въ сіе время на постелѣ сидя Его Высочество изволилъ припрыгивать, такъ какъ обыкновенно онъ дѣлаетъ, когда что ему нравится, и изволилъ слушать со вниманіемъ. Напослѣдокъ изволилъ сказать, что онъ съ моимъ расположеніемъ очень согласенъ, прибавя къ тому: «я думаю скажутъ намъ и спасибо, если эдакъ мы время препровождать будемъ». Разговорились мы потомъ о раздѣленіяхъ Его Высочества, какія онъ дѣлаетъ въ головной своей болѣзни. По его системѣ четыре ихъ рода; круглая, плоская, простая и ломовая болѣзнь. Круглою изволилъ называть ту головную болѣзнь, когда голова болитъ у него въ затылкѣ; плоскою ту, когда лобъ болитъ; простою, когда голова слегка побаливаетъ; ломовою, когда вся голова очень болитъ. Одѣлся Великій Князь во фракъ. Изволилъ въ опочивальнѣ попрыгивать и устанавливать на маленькомъ столикѣ декораціи для театру изъ рисунковъ, поднесенныхъ отъ Ерменева. Кушалъ одинъ въ опочивальнѣ. Послѣ стола поскакавши, изволилъ сѣсть къ маленькому столу, и дѣлать изъ картъ домики. Я, отобѣдавши за большимъ столомъ, пришелъ къ Его Высочеству, и сѣвши подлѣ него, читалъ ему Вольтерову исторію о Государѣ Петрѣ Великомъ 1715, 1716 и 1717 годы. Изволилъ слушать съ примѣчаніемъ. Потомъ вздумалось Государю сочинять описаніе публичнаго маскараду, приказалъ принесть бумаги и чернильницу; изволилъ сказывать мнѣ, и я писалъ отъ слова до слова, ничего отъ себя не прибавляя. Сіе описаніе приложено ниже сего въ оригиналѣ. Въ восемь часовъ сѣлъ Его Высочество ужинать. Пришелъ въ сіе время и его превосходительство Никита Ивановичъ, и тутъ же къ столу сѣвши, изволилъ разговаривать. Послали между тѣмъ за порошкомъ для Его Высочества. Всталъ Государь изъ за стола и очень захотѣлось опочивать. Никита Ивановичъ говорилъ, чтобъ подождалъ, пока порошокъ принесутъ; ввечеру принять надобно, но Его Высочество просилъ неотступно, чтобы дозволилъ его превосходительство лечь ему, что очень сонъ клонитъ. Нельзя было отказать ему въ томъ, изволилъ лечь; но чтобы не заопочивалъ, пока порошокъ прине-

сутъ, сѣлъ я къ нему подлѣ постели и старался сколько можно было разговаривать и развеселять его. Напослѣдокъ, такъ мы разговорились и разпотѣшились, что и сонъ прошелъ. Принесли порошокъ, принялъ Государь, и тогда, простясь съ Его Высочествомъ, отошелъ я прочь; часъ былъ въ исходѣ десятый! Заопочивалъ Государь и ночь опочивалъ изрядно.

Описаніе публичнаго маскараду:

Предвозвѣстники маскарада въ пристойномъ по ихъ званію платьѣ верхомъ:

1) Петиметръ. 2) Докторъ. 3) Комедіантъ. 4) Педантъ. 5) Картежникъ. 6) Скупой. 7) Раскольникъ. 8) Танцовщикъ.

1. Шестнадцать человѣкъ петиметровъ: у каждаго въ рукѣ по маленькому зеркалу, въ которое онъ постоянно смотрится, и самъ собою любуется; въ другой рукѣ бутылка съ лоделаваномъ, которымъ онъ себя опрыскиваетъ. За ними ѣдетъ коляска, въ которой петиметръ сидя убирается и съ парикмахеромъ своимъ совѣтуется, какъ бы къ лицу убраться, передъ нимъ и позади его лакеи держатъ зеркала.

2. Везутъ комнату, въ которой сидитъ докторъ. Около его шестеро больныхъ, для которыхъ онъ пишетъ рецепты. Позади везутъ антеку, въ которую онъ посылаетъ слугу своего за лекарствами, а самъ, выходя на крыльцо, всѣхъ увѣряетъ, что хотя больные и перемрутъ, однако перемрутъ по самымъ точнымъ правиламъ медицины. Восклицаетъ ежеминутно: нѣтъ лучше науки и важнѣе, какъ медицина!

3. Везутъ комнату, въ которой за столомъ сидятъ комедіанты, ужинаютъ съ знатными господами, и поютъ пѣсни. Господа обходятся съ ними за панебрата и разговариваютъ о любви.

4. Идутъ четыре человѣка педантовъ; разсуждаютъ объ наукахъ все неправильно и не кстати и сердятся на новыхъ философовъ, которые разуму послѣдуютъ.

5. Ѣдутъ въ комнатѣ картежники, играютъ въ карты съ распухлыми лицами, которыя показываютъ, что они ночей пять уже не спали; отъ проигрыша бѣсятся.

6. Идутъ шестеро скупыхъ и ѣдятъ сухой хлѣбъ, за собой несутъ сундуки и оглядываются безпрестанно, чтобъ не унесъ ихъ кто: заглядываютъ въ нихъ, и любуются деньгами.

7. Идутъ раскольники и бранятъ нашихъ священниковъ, для чего они по старымъ книгамъ не служатъ и на семи просвирахъ не поютъ обѣдни.

8. Идутъ двое танцовщиковъ; безпрестанно прыгаютъ и смотрятъ себѣ на ноги.

18 дек. 1764 г. Пошли мы въ учительную. Пришло мнѣ не знаю какъ-то въ голову изъ Ломоносова Похвальнаго Слова Государынѣ Елисаветѣ Петровнѣ то мѣсто, гдѣ написано: «Ты едина истинная наслѣдница, Ты Дщерь моего Просвѣтителя». (Слова сіи прибѣгнувшая Россія говоритъ Государынѣ). И какъ это я говорилъ, то Его Высочество смѣючись изволилъ сказать: *это конечно уже изъ сочиненіевъ дурака Ломоносова.* Хотя онъ сіе и шутя сказать изволилъ, однако же говорилъ я ему на то: «желательно, Милостивый Государь, чтобы много такихъ дураковъ у насъ было. А вамъ, мнѣ кажется, не прилично такимъ образомъ о такомъ Россіянинѣ отзываться, который не только здѣсь, но и во всей Европѣ ученіемъ своимъ славенъ, и во многія академіи принятъ членомъ. Вы Великій Князь Россійскій. Надобно вамъ быть и покровителемъ музъ Россійскихъ. Какое для молодыхъ учащихся Россіянъ будетъ ободреніе, когда они примѣтятъ или услышатъ, что уже человѣкъ такихъ великихъ дарованій, какъ Ломоносовъ, пренебрегается? Чего имъ тогда ожидать останется, изъ которыхъ природа конечно не многихъ Ломоносовыми сдѣлала. Правда, что Ломоносовъ имѣетъ многихъ завистниковъ. Но сіе самое доказываетъ его достоинство. Великія дарованія всегда возбуждаютъ зависть. До того испорчено человѣческое сердце, что по большой части хулятъ такихъ, которые хвалы достойны, а хвалятъ такихъ, которые хулу заслуживаютъ. Не много такихъ людей, чтобы всѣмъ отдавали справедливость». Его Высочество выслушавши изволилъ говорить, *что это конечно справедливо, и что онъ пошутилъ только.*

24. Сочельникъ. Государь изволилъ встать въ осьмомъ. Одѣвшись по обыкновенному учился. Его превосходительство Никита Ивановичъ, пришедъ съ половины Ея Величества, послалъ за кушаньемъ. Между тѣмъ разговаривалъ съ его преподобіемъ Отцемъ Платономъ объ обычаяхъ и обрядахъ древней церкви. Принесли также образцы бархатовъ и парчей на платье Его Высочеству. Иные выбиралъ его превосходительство Никита Ивановичъ, а иные самъ Великій Князь, и просилъ, чтобы приказано было по тому сдѣлать. Сѣли мы за столъ въ первомъ часу въ половинѣ. Сперва гостей у насъ было только его сіятельство графъ Захаръ Григорьичъ и его преподобіе Отецъ Платонъ. Потомъ пришли еще Графъ Иванъ Григорьичъ и князь Сергѣй Васильевичъ Гагаринъ. Какъ за столомъ разговорились между прочимъ о стерляди, какъ эта рыба скоро пріѣдается, то Его Высочество изволилъ сказать: я думаю она отъ тово скоро пріѣдается, что она очень хороша; ѣдятъ ее съ жадностью, кусковъ хорошенько не разжевываютъ; неразжеванные

куски желудку варить трудно; отъ тово-то наконецъ и почувствуешь отъ такова кушанья отвращеніе. Сіе разсужденіе конечно нѣкоторымъ образомъ справедливо. Еще зашла рѣчь о саранчѣ. Его Высочество изволилъ говорить: какъ летитъ она такимъ облакомъ, такъ можно бы картечами по ней выстрѣлить, авось либо тѣмъ и отогнать бы ее можно. Графъ Захаръ Григорьичъ отвѣчалъ на сіе Его Высочеству, что ихъ всѣхъ перебить ни какъ нельзя, потому что ужасное множество, а что ежелибъ такъ изъ множества пушекъ поднять сильную стрѣльбу, тобъ можетъ быть, приведши воздухъ въ великое колебанье и движеніе, и отдалить ее можно. Про саранчу говорили, что она, что ни съѣстъ, то тотчасъ экскрементомъ опять и выпускаетъ; для того-то и пожираетъ такое множество хлѣба, и послѣ ея все поле черныю, (которая ничто иное, какъ ея калъ), покрыто. Разговорились о смерти гвардіи маіора князя Меньшикова, которая случилась скоропостижно. Спросили у князя Сергѣя Васильича, не знаетъ ли онъ, какъ его отецъ князь Александръ Данилычъ Меншиковъ умеръ, и какъ онъ потрясши головою сказалъ, что не вѣдаетъ, то графъ Иванъ Григорьевичъ говорилъ ему: «стыдно Русскому человѣку не знать о жизни и о смерти такого человѣка, каковъ былъ покойный князь Александръ Данилычъ Меншиковъ. Не даромъ любимъ онъ былъ отъ величайшаго въ свѣтѣ Государя; человѣкъ былъ отмѣннаго разуму.» Сей рѣчью графъ Иванъ Григорьевичъ утверждалъ то почтенье и ту любовь, которыя я къ нему имѣю. Разумный человѣкъ во всякомъ случаѣ виденъ, знаетъ свою пользу и общую, знаетъ гдѣ онъ, съ кѣмъ онъ и въ какое время. Великій князь въ сіе время на меня изволилъ поглядывать и улыбаться, зная, что и я точно тѣхъ же мыслей, потому что неоднократно слыхалъ такіе, и тому подобные разговоры; впрочемъ довольно шутили за столомъ на счетъ князя Сергѣя Васильевича, которому и не могло сіе быть чувствительно, потому что съ тѣмъ самымъ точно согласовалось, въ чемъ онъ честь свою и удовольствіе поставляетъ. Новаго роду сія честь и новое сіе удовольствіе состоятъ въ томъ, чтобъ во всякомъ случаѣ казаться страннымъ и упрямымъ. Послѣ стола изволилъ Его Высочество пойтить къ обѣднѣ. Ея Величество, не дослушавъ многолѣтія, ретироваться изволила. По окончаніи многолѣтія, слѣдовательно и всей службы, изволилъ и его Высочество къ себѣ пойтить. Читалъ у себя Histoires choisies des auteurs profanes и Генріаду [1]). Ввечеру была

---

[1]) *Поэма* Вольтера (явилась вполнѣ 1728 г.). Содержаніе ея — союзъ между Генрихомъ III и Генрихомъ IV, заключенный для укрощенія Лиги. Это — «пѣснь, прославляющая религіозную и общественную свободу, серьезный призывъ къ терпимости, къ образованію и просвѣщенію. Генрихъ IV сталъ героемъ поэмы только

всенощная; служилъ его преподобіе Отецъ Платонъ. Потомъ отужинавши, Его Высочество изволилъ опочивать лечь; былъ десятый часъ въ половинѣ.

25. Рождество Христово. Его Высочество изволилъ встать въ седьмомъ часу. Одѣвшись, въ комнатахъ своихъ изволилъ забавляться. Часу въ двѣнадцатомъ изволилъ пойтить къ обѣдни; изъ церкви за Ея Величествомъ во внутренніе покои. Тамъ фельдмаршалъ Минихъ [1]) подносилъ Государынѣ три прописи на Русскомъ, Нѣмецкомъ и Французскомъ языкахъ, которыя писалъ ученикъ находящейся при лютеранской церкви, подъ покровительствомъ его, школы. Видно, что старичку за восемьдесятъ лѣтъ уже, и что возвращается къ нему золотой вѣкъ младенческій. Возвратясь къ себѣ, изволилъ Его Высочество сѣсть кушать. Обѣдали у насъ вице-адмиралъ Григорій Андреичъ Спиридовъ съ сыномъ своимъ Алексѣемъ, мичманомъ, и г. Салдернъ. За столомъ его превосходительство Никита Ивановичъ между прочимъ разсказывать изволилъ, что онъ вчерась читалъ описаніе рѣки Терки и мѣстъ около лежащихъ. Хвалилъ весьма тамошній климатъ и во всемъ изобиліе. Григорій Андреичъ сказывалъ, что какъ онъ въ Персіи былъ, такъ видѣлъ въ Гилянѣ развалины крѣпостцы, о которой сказываютъ, что построена была Стенькою Разинымъ. Есть также въ Каспійскомъ морѣ два острова, изъ которыхъ одинъ Стенька же Разинъ назвалъ Святымъ, а другой Жилымъ; на Жиломъ и по нынѣ видны развалины старинваго, имъ основаннаго, селенія. Никита Ивановичъ о семъ изволилъ пересказывать по-Французски г. Салдерну. Послѣ стола, просилъ Его Высочество Никиту Ивановича, чтобы Андрею Ангиленчу приказалъ хорошій кафтанъ сдѣлать и выпросилъ бы ему чинъ ассесорской. Кафтанъ его превосходительство приказалъ сдѣлать, а о чинѣ приказалъ себѣ напомнить какъ завтра пойдетъ къ Государынѣ. Григорій Андреичъ и съ сыномъ своимъ откланялся у Его Высочества; отъѣзжалъ въ Ревель. Ея Величество изволила прислать къ Его Высочеству гофмаршала, чтобы часу въ пятомъ пожаловать туда на половину, святки встрѣтить. Между тѣмъ изволилъ Государь забавляться, сидя у учительнаго стола: Андрей Ангиленчъ рисовалъ ему кое-что по его идеямъ и повелѣніямъ. Въ пятомъ часу пошли мы на половину къ Ея Величеству. Игры происходили предъ біліардной въ аудіенцъ — комнатѣ. Началось танцованьемъ. Ея Величество съ Великимъ Княземъ первый минуетъ

потому, что онъ герой свободы и развитія». *Геттнеръ:* Исторія Всеобщей Литературы XVIII в. Спб. 1866, т. II, стр. 174.

[1]) Род. 1693, ум. 1766. Минихъ занимался при Екатеринѣ устройствомъ гаваней: Ревельской, Рогервикской и др., каналовъ Кронштадскаго, Ладожскаго и проч.

танцовать изволила. Потомъ изволила поднять графа Петра Борисовича Шереметева [1]). Его Высочество поднялъ фрейлину Анну Алексѣевну Хитрову. Во всѣхъ углахъ танцовали, какъ на маскарадѣ. Потомъ начались контръ-танцы. Его Высочество ихъ не танцуетъ. Никита Ивановичъ сказалъ ему тутъ, что теперь воля, чтобъ дѣлалъ что изволитъ. Обрадовавшись сему разрѣшенію, Его Высочество весьма былъ веселъ, дѣлалъ антраша à sa façon, попрыгивалъ, и изъ угла въ уголъ перескакивалъ. Всѣ на него любовались. Какъ начали танцовать контратанцы, Ея Величество изволила въ той же комнатѣ сѣсть играть въ ломберъ съ графомъ Кирилою Григорьевичемъ Разумовскимъ и съ графомъ Захаромъ Григорьевичемъ. Его Высочество изволилъ у другова стола играть въ бирюльки. Играли съ нимъ господа той половины придворные и я. Послѣ контратанцовъ и польскихъ, (въ которыхъ весьма много рѣзвились, завиваючись и развиваючись, вмѣстѣ взявшись рука за руку), связали длинную ленту и стали въ кругъ. Ея Величество и Его Высочество тутъ же стать изволили. Началась игра рукобввка. Потомъ оставя ленту, въ кругъ въ три человѣка стали: гоняли четвертаго. Игра продолжалась съ часъ или часа съ полтора. По окончаніи игры Ея Величество изволила опять сѣсть играть въ карты, а мы къ себѣ убрались. Его Высочество пришедши, на бумагѣ показывалъ Андрею Ангилевчу, какимъ образомъ у насъ та игра происходила. Потомъ изволилъ, надѣвши шлафрокъ, сѣсть въ опочивальнѣ за маленькимъ столикомъ ужинать. Послѣ ужины, изволилъ высматривать Ангилевчевы рисунки. Опочивать легъ въ десятомъ часу.

Примѣч. — Эти драгоцѣнныя «Записки» могутъ дать воспитанникамъ матеріалъ для многихъ письменныхъ и устныхъ работъ. Первая работа или *тема:* представить *предметы* бесѣдъ съ Великимъ Княземъ разныхъ лицъ. Ученики, разрѣшая эту тему, должны имѣть въ виду всѣ отрывки, здѣсь напечатанные, а не — одинъ какой-либо. Они могутъ показать предметы бесѣдъ Панина, главнаго воспитателя Наслѣдника престола, — Строганова, Платона, Философова, Чернышева, Спиридова, а особенно — Порошина. Весьма бы полезно было при семъ прочесть ученикамъ нѣкоторыя страницы изъ соч. полковника Лебедева: Графы Никита и Петръ Панины (Спб. 1863), гдѣ (см. стр. 37 — 58 и д.) авторъ выставляетъ Панина *дурнымъ* воспитателемъ, сластолюбивымъ, презирающимъ все Русское, не понимавшимъ своего высокаго назначенія и произноситъ такой неутѣшительный приговоръ на основаніи тѣхъ же «Записокъ» Порошина. Изъ одного мѣста разныя вѣсти. Г. Лебедевъ выбралъ, какъ намъ кажется, изъ «Записокъ» Порошина *только* тѣ мѣста, которыя рисуютъ личность Никиты Панина съ дурной стороны и опустилъ *тѣ* страницы «Записокъ», гдѣ Панинъ является замѣчательнѣйшимъ педагогомъ XVIII в. Такое сравненіе заставитъ ученика быть осторожнымъ въ своихъ

[1]) Петръ Борисовичъ *Шереметевъ* (1713 — 1788).

сужденіяхъ о знаменитыхъ дѣятеляхъ прошлаго, пріучитъ во всемъ доходить до корня, т. е. до первыхъ источниковъ знанія,—уяснитъ ему всю важность истины, что не всякій печатный листъ святъ... Указавши предметы бесѣдъ, ученики должны сказать: разнообразны или единообразны были эти предметы, а оттуда вывести заключеніе вообще о характерѣ воспитанія.

Вторая работа или *тема:* указать взгляды Порошина на разные предметы и опредѣлить ихъ важность. Порошинъ весьма часто высказываетъ личныя свои убѣжденія по поводу разныхъ предметовъ; такъ, онъ говоритъ о преподаваніи физики, о словахъ иностранныхъ, о заучиваніи наизусть, о причинѣ суевѣрія, о маскарадахъ, объ осторожности при воспитаніи, о Крашенинниковѣ и Татищевѣ, о Ломоносовѣ, о молитвѣ, о нетерпѣньи, о Петрѣ Великомъ, о падежахъ и пр.

Третья работа или *тема:* характеристика Великаго Князя Павла Петровича.—Мысли его и убѣжденія, сочувствіе Императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ, живое воображеніе, умъ, любознательность, воспріимчивость, нѣжное чувство, не любовь къ лести, доброе отношеніе къ воспитателю, любовь къ Петру Великому, добрыя желанія, мнѣніе о Ломоносовѣ.—Описаніе публичнаго маскарада, составленное В Княземъ, обнаруживаетъ какую черту въ его умѣ?—Въ указанномъ выше сочиненіи «Графы Никита и Петръ Панины», (на стр. 59), г. Лебедевъ говоритъ: *«Порошинъ рѣшительно не пользовался уваженіемъ Павла Петровича»*. Ученики на основаніи предложенныхъ въ Христоматіи отрывковъ должны рѣшить: *правду* ли говоритъ историкъ?

Четвертая *тема:* характеристическія черты воспитанія В. Князя Павла Петровича.—При разрѣшеніи этой темы ученики обратятъ вниманіе на слѣд. предметы: 1) *на развитіе въ питомцѣ чувства религіознаго,*—2) *на развитіе чувства народности* (представленіе съ хлѣбомъ-солью, разсужденіе о крестьянскомъ бытѣ, пословицы, разсказы о Р. историческихъ дѣятеляхъ и пр.),—3) *на вліяніе Французское* (пьесы театральныя, чтеніе Франц. писателей, заучиваніе отрывковъ изъ ихъ произведеній),—4) *на элементъ наглядный* (корабль, фосфоръ, эстампы, математич. инструменты, декораціи для театра и пр.),—5) *на гимнастическія занятія и игры.*—Въ гимнастич. занятіяхъ много ли заключалось образовательнаго значенія?—Въ играхъ В. Князя былъ ли элементъ народный?

Пятая *тема:* Вліяніе *Бецкаго* на воспитаніе В. Князя.

Шестая *тема:*—Панинъ и Порошинъ.

Седьмая *тема:*—Языкъ «Записокъ».

Осьмая *тема:*—XVIII-й вѣкъ на основаніи «Записокъ».

ЗАПИСКИ ДМИТРІЕВА [1]).

Поѣздка по Волгѣ.

Въ ясное утро, съ первыми лучами солнца, я переѣзжалъ на дрожкахъ—когда нѣтъ разлива—рѣку Крымзу (у Сызрани) прямо

[1]) Полное заглавіе «Записокъ» слѣд.: «Взглядъ на мою жизнь». Записка дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Ивана Ивановича Дмитріева (1760—1837). М. 1866 г.

противъ монастыря, и, взобравшись на высокій берегъ, хаживалъ туда и сюда, безъ всякой цѣли; но вездѣ наслаждался живописными видами, голубымъ небомъ, кроткимъ сіяніемъ солнца, внѣшнимъ и внутреннимъ спокойствіемъ. Вездѣ давалъ волю моимъ мечтамъ, начиная мою прогулку всегда съ готовою въ головѣ работою. Потомъ спускался на Воложку или къ заливу Волги. Тамъ выбиралъ изъ любаго садка лучшихъ стерлядей и привозилъ ихъ въ ведрѣ къ семейному обѣду. Потомъ клалъ на бумагу стихи, *придуманные* въ моей прогулкѣ. Если самъ бывалъ ими доволенъ, то читывалъ ихъ сестрамъ моимъ, Платону Петровичу Бекетову, или Игнатію Ивановичу Соловцову, которые гащивали у насъ попеременно... Я отлучался въ Царицынъ для свиданія въ послѣдній разъ съ роднымъ моимъ дядею, Никитой Аѳанасьевичемъ Бекетовымъ. Всю дорогу совершилъ я по величавой Волгѣ. Не могу и теперь вспомнить безъ удовольствія тѣхъ дней, которые провелъ я въ плывучемъ домѣ, — особенно же каждаго утра! Время было прекрасное: начало лѣта. Въ каютѣ моей помѣщались только столикъ, одинъ стулъ, кровать, а надъ нею полка съ моими книгами. По восходѣ солнца выходилъ я изъ тѣсной моей спальной на палубу съ Аріостомъ [1]) въ рукахъ (съ Французскимъ переводомъ *Неистоваго Роланда);* за мною выносили стулъ, столикъ и ставили на немъ серебряный приборъ для кофія. Я самъ варилъ его. Судно наше тянулось плавно, или неслось быстро на парусахъ, въ полной безопасности отъ мелей и бурь. Между тѣмъ на обоихъ берегахъ непрестанно перемѣнялись для глазъ моихъ предметы; съ каждою минутою новыя сцены: то мелькали мимо насъ города, то пріосѣняли навислыя горы, индѣ дремучій лѣсъ или миловидные кустарники; здѣсь Татарская мечеть, тамъ церковь или кирка среди большихъ селеній. Съ наступленіемъ вечера, я спускался въ каюту и ожидалъ вдохновенія музы. Въ этомъ-то уголкѣ написаны: ода къ Волгѣ и сказка *Искатели фортуны*..

Поэту не безполезно путешествовать — одна недѣля въ пути можетъ обогатить его запасомъ идей и картинъ по крайней мѣрѣ на полгода. Всегда подъ открытымъ небомъ, свидѣтель великолѣпнаго восхожденія солнца, вечернихъ сценъ, озлащаемыхъ послѣдними его лучами; безмолвной, величественной ночи, усѣянной звѣздами, или освѣщаемой полною и кроткою луною: онъ вдыхаетъ въ себя большее благоговѣніе къ *Непостижимому*.

---

[1]) *Аріосто* (1474—1533)—замѣчательный Итальянскій поэтъ. Написалъ знаменитую поэму: *Неистовый* Роландъ (окончена въ 1516 г.). Относится къ разряду произведеній рыцарскихъ. Содержаніе и разборъ поэмы см. въ «Исторіи Литературы Древняго и Новаго міра», изд. подъ редакціею *Милюкова*, Спб. 1863, кн. 2, стр. 283 — 361.

Будучи одинокъ, никѣмъ не развлеченъ, наблюдатель и нравственнаго и физическаго міра, онъ входитъ самъ въ себя, съ большею живостію принимаетъ всякое впечатлѣніе, и запасается, не думая о томъ, матеріалами для будущихъ, какъ и прежде сказалъ, своихъ произведеній. Самое надъ нимъ пространство, недосягаемое и безпредѣльное, возвышаетъ въ немъ душу и расширяетъ сферу его воображенія. Всякой разъ, когда я ни бывалъ въ дорогѣ, въ весеннюю или лѣтнюю пору, приходило мнѣ на мысль, что я родился живописцемъ, а не поэтомъ, — по крайней мѣрѣ поэтомъ въ живописи: каждое замѣчательное мѣстоположеніе, всѣ живописныя сцены утра, вечера или ночи заставляли меня вздохнуть, для чего я не живописецъ и не могу тотчасъ остановиться и перенести все видѣнное на холстъ или бумагу. Никогда не забуду меланхолическаго, но какъ-то пріятнаго впечатлѣнія, испытаннаго мною однажды въ положеніи путника. Съ наступленіемъ вечера въѣзжаю я въ околицу большаго селенія, и нагоняю толпу поселянъ обоего пола возвращающихся съ полевой работы. Чрезъ всю деревню я велѣлъ ѣхать шагомъ, чтобы не разлучиться мнѣ съ ними. Долго слѣдовали они за мною и оглашали меня своими пѣснями, потомъ разсыпались въ разныя стороны; между тѣмъ я продолжаю путь мой, и веселыя пѣсни еще отзываются въ ушахъ моихъ. Достигаю до конца селенія, и вижу поселянина, въ глубокой старости, сидящаго на завалинѣ послѣдней хижины и держащаго на колѣнахъ своихъ младенца. Вѣроятно это былъ внукъ его. Старикъ глядѣлъ спокойно; послѣдніе лучи солнца падали на обнаженное темя его... Путешествіе, младенецъ въ противоположности со старцемъ, поющая молодость, закатъ солнца — все это представило мнѣ яркую картину жизни во всѣхъ возрастахъ и конецъ ея. Я не однажды разсказывалъ объ этой сценѣ знакомымъ мнѣ рисовальщикамъ и живописцамъ: мнѣ хотѣлось возбудить въ нихъ желаніе составить изъ моего описанія иносказательную картину, но разсказъ мой не подѣйствовалъ на ихъ сердце.

Необыкновенное Происшествіе.

Въ самый день Рождества Спасителя, поутру, я лежалъ на кровати и читалъ книгу. Растворяется дверь, и входитъ ко мнѣ полицеймейстеръ Чулковъ, спрашиваетъ меня, я ли отставной полковникъ Дмитріевъ? Получа подтвержденіе, приглашаетъ меня къ Императору (Павлу I), и какъ можно скорѣе. Я тотчасъ обновляю *новый* (Павловской формы) мундиръ, и выхожу съ Чулковымъ изъ моихъ комнатъ. Въ сѣняхъ вижу приставленнаго къ наружнымъ дверямъ

часоваго. Я сказалъ только моимъ служителямъ, слѣдовавшимъ за мною: «скажите братьямъ». Выйдя изъ воротъ, мы садимся въ полицеймейстерскую карету и скачемъ ко дворцу. Останавливаемся на углу Адмиралтейства, противъ перваго дворцоваго подъѣзда. Полицеймейстеръ, выскоча изъ кареты, сказалъ мнѣ, что онъ скоро возвратится, и пошелъ во дворецъ. Между тѣмъ какъ на Дворцовой площади продолжался вахтпарадъ, зрѣлище для меня новое, я въ одномъ мундирѣ, въ тонкомъ канифасовомъ галстукѣ, дрожалъ въ каретѣ отъ жестокаго мороза и ломалъ себѣ голову, чтобъ отгадать причину столь внезапнаго и необыкновеннаго происшествія. Наконецъ полицеймейстеръ показался въ подъѣздѣ, махнулъ платкомъ, и карета подъѣхала. Вышедъ изъ оной, встрѣчаюсь я съ сослуживцемъ моимъ штабсъ-капитаномъ В. И. Лихачевымъ, отставленнымъ со мною въ одно время и жившимъ, какъ и я, въ Гороховой улицѣ. Полицеймейстеръ ставитъ насъ рядомъ и приглашаетъ слѣдовать за нимъ вверхъ по лѣстницѣ. Доселѣ я довольно бодрствовалъ, ибо забылъ о праздникѣ и думалъ, что проведутъ насъ пустыми комнатами, мимо часовыхъ, прямо въ кабинетъ къ Государю, но съ первымъ шагомъ во внутренніе покои, я пораженъ былъ неожиданною картиною: вижу въ нихъ весь городъ, всѣхъ военныхъ и статскихъ чиновниковъ, первоклассныхъ вельможъ, придворныхъ обоего пола, во всемъ блескѣ великолѣпнаго ихъ наряда, и вдоль анфилады—самого Государя! Окруженный военнымъ генералитетомъ и офицерами, онъ ожидалъ насъ въ той комнатѣ, гдѣ отдавались пароль и императорскіе приказы. При входѣ нашемъ въ нее, онъ указываетъ намъ мѣсто противъ себя; потомъ, обратясь къ генералитету, объявляетъ ему, что неизвѣстный человѣкъ оставилъ у буточника письмо на императорское имя, извѣщающее, будто полковникъ Д. и штабсъ-капитанъ Л. умышляютъ на жизнь его. «Слушайте», продолжалъ онъ и началъ читать письмо, которое лежало у него въ шляпѣ. По прочтеніи онаго, Государь сказалъ: «Имя не подписано; но я поручилъ военному губернатору (Н. П. Архарову) отыскать доносителя. Между тѣмъ, продолжалъ онъ, обратясь къ намъ, я отдаю васъ ему на руки. Хотя мнѣ и пріятно думать, что это клевета, но совсѣмъ тѣмъ я не могу оставить такого случая безъ уваженія. Впрочемъ, прибавилъ онъ, говоря уже на общее лицо, я самъ знаю, что Государь такой же человѣкъ, какъ и всѣ; что и онъ можетъ имѣть и слабости и пороки; но я такъ еще мало царствую, что едва ли могъ успѣть сдѣлать кому-либо зло, хотя бы и хотѣлъ того». Помолчавъ немного, заключилъ сими словами: «Если же хотѣть, чтобы *меня* только не было, то надобно же кому-нибудь быть на моемъ мѣстѣ, а дѣти мои еще такъ молоды!» При семъ словѣ великіе князья и цесаре-

вичъ бросились цѣловать его руки. Все всколебалось и зашумѣло: генералы и офицеры напирали и отступали, какъ приливъ и отливъ, и цѣловали Императора, кто въ руку, кто въ плечо, кто ловилъ поцѣловать полу. Когда же все утихло и пришло въ прежній порядокъ, Императоръ откланялся. Архаровъ кивнулъ намъ головой, чтобы мы пошли за нимъ. Въ передней комнатѣ сдалъ насъ полицеймейстеру, который и привезъ насъ въ домъ военнаго губернатора [1]).

ВОСПОМИНАНІЯ ВИГЕЛЯ.

Примѣч. — На второй страницѣ своихъ прекрасныхъ «Воспоминаній» Вигель (Филиппъ Филипповичъ, 1786—1856, тайный совѣтникъ), о себѣ говоритъ: «Я родился при Екатеринѣ, записанъ въ службу при Павлѣ, дѣйствительно и дѣятельно продолжалъ оную при Александрѣ и оканчиваю ее при Николаѣ.» Воспитаніе Вигеля, по обычаю того времени, было Французское; въ самыхъ нѣжныхъ лѣтахъ отрочества ему случилось слушать уроки И. А. Крылова, жившаго въ домѣ князей Голицыныхъ. Крыловъ, знаменитый нашъ баснописецъ, въ званіи домашняго учителя показалъ себя славнымъ мастеромъ дѣла. Уроки Крылова благотворно подѣйствовали на малолѣтняго Вигеля. «Я долженъ признаться, — говорилъ въ послѣдствіи Вигель, — что если имѣю сколько-нибудь ума, то много въ то время около него набрался.» По окончаніи воспитанія своего, Вигель поступилъ на службу въ Москов. Архивъ Иностранныхъ Дѣлъ подъ начальство извѣстнаго археолога Бантышъ-Каменскаго. Здѣсь товарищами Вигеля были братья Тургеневы и Блудовъ (впослѣдствіи графъ). Служебная дѣятельность Вигеля была разнообразна: при Императорѣ Александрѣ въ 1805 г. Вигель былъ причисленъ къ свитѣ посольства графа Головкина, отправлявшагося въ Китай и черезъ Пермь, Уралъ, Сибирь доѣхалъ до Кяхты; въ 1816 г. былъ директоромъ Коммиссіи Погашенія долговъ; въ 1824 г. вице-губернаторомъ въ Бессарабіи, затѣмъ — градоначальникомъ въ Керчи и наконецъ въ 1829 году вице-директоромъ и потомъ директоромъ департамента Иностранныхъ Исповѣданій въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ. Вигель изъѣздилъ всю Россію отъ Петербурга до Иркутска, и отъ Москвы до Керчи, видѣлъ жизнь самую пеструю, встрѣчался и имѣлъ близкія сношенія съ людьми разнаго ума, положенія, состоянія. Въ Одессѣ онъ сошелся съ *Пушкинымъ.* «Рядомъ со мной объ стѣну жилъ Пушкинъ, изгнанникъ — поэтъ». (Воспоминанія, т. 3, ч. VI, стр. 83). Вигель пользовался почетомъ у такихъ замѣчательныхъ людей, какъ Блудовъ и Жуковскій. «Вѣрно почитали меня человѣкомъ благоразумнымъ, когда передъ отъѣздомъ (изъ Петербурга) Жуковскій и Блудовъ наказывали мнѣ стараться войти въ довѣренность Пушкина, дабы по возможности отклонять его отъ неосторожныхъ поступковъ.» (Тамъ же, стр. 87).

[1]) Дѣло окончилось совершеннымъ оправданіемъ Дмитріева. Объ этомъ необыкновенномъ происшествіи разсказываетъ, какъ очевидецъ, *Комаровскій* (генералъ-адъютантъ Великаго Князя Константина Павловича, а потомъ Императора Александра I), въ своихъ «Запискахъ». Р. Архивъ 1867, № 2, стр. 230.

«Воспоминанія» Вигеля изданы въ 1864 году въ трехъ томахъ. Они обнимаютъ пространство времени отъ царствованія Елисаветы Петровны до 1829 года. Г. *Бартеневъ*, издатель превосходнаго журнала «Русскій Архивъ», справедливо называетъ «Воспоминанія» Вигеля «драгоцѣннымъ умственнымъ наслѣдствомъ». (Москов. Вѣдомости за 1856 г., № 37, стр. 149). «Записки Вигеля, — продолжаетъ тотъ же ученый, — историческое сокровище, которое въ то же время исполнено литературнаго достоинства, ибо мало у насъ писателей, кто бы такъ мастерски владѣлъ Русскимъ языкомъ, какъ Вигель.» Историческая сторона «Воспоминаній» Вигеля заслуживаетъ полнаго вниманія по разнообразію и богатству своему; многіе историческіе факты мемуаристъ самъ пережилъ, былъ въ нихъ личнымъ дѣятелемъ. Не удивительно, что пристрастіе иногда руководило имъ, — не удивительно потому, что во многихъ историческихъ событіяхъ Вигель самъ участвовалъ. Вѣроятно, историческая часть «Воспоминаній» заключаетъ въ себѣ подъ часъ важные матеріалы, когда наши историки — гг. *Богдановичъ*, *Е. Ковалевскій* и Баронъ *Корфъ* ссылаются на Вигеля, берутъ у него факты и предлагаютъ ихъ намъ за чистую истину. Говоря о неудовольствіи Русскаго общества на неудачный Тильзитскій миръ (1807 г.), Богдановичъ пишетъ: «И *Вигель*, въ своихъ "Запискахъ", не всегда безпристрастный въ отношеніи лицъ, по почти *всегда справедливый* въ изображеніи общества» и пр. (Вѣстникъ Европы за 1867, т. 1, стр. 295, ст. «Тильзитскій Миръ»). Г. Е. Ковалевскій, авторъ любопытнаго сочиненія «Графъ Блудовъ и его время» говоритъ, что Записками Вигеля нужно пользоваться «съ осторожностію и предварительной подготовкой» (стр. 3); г. Ковалевскій считаетъ описаніе Московскаго Архива, сдѣланное Вигелемъ, «любопытнымъ» (стр. 18), и хотя называетъ его самого «желчнымъ» (стр. 79), тѣмъ не менѣе при всякомъ случаѣ цитуетъ мѣста изъ «Воспоминаній» нашего мемуариста и соглашается съ нимъ (стр. 119, 121). Графъ Блудовъ [1]) считалъ Вигеля умнымъ человѣкомъ. Этотъ умъ заставлялъ забывать капризы Филиппа Филипповича...

Разнообразіе и богатство матеріала «Воспоминаній» Вигеля изумительны. Онъ не только касается исторіи, политики, администраціи, общественной жизни, но и литературы, театра, частнаго быта лицъ.

Литературная сторона «Воспоминаній» Вигеля поражаетъ читателя высокими своими качествами. Картины быта и нравовъ, картины природы, характеристика дѣйствующихъ лицъ составлены первокласнымъ художникомъ. Иногда авторъ достигаетъ въ своемъ разсказѣ до высокой поэзіи, особенно тамъ, гдѣ говоритъ о Кіевѣ, о Пушкинѣ... Древній Кіевъ со святынею Печерскою, митрополитъ Самуилъ и проповѣдникъ Левандa возбуждали въ нашемъ мемуаристѣ непритворныя слезы. «Кіевъ! При имени его бьется еще и понынѣ [2]) охладѣвшее мое сердце, изъ потухающихъ глазъ моихъ воспоминанія о немъ еще и по нынѣ способны извлекать слезы... Въ Кіевопечерской крѣпости, гдѣ Лавра и пещеры, въ священномъ Сіонѣ древней Россіи, посреди святыни, примѣровъ благочестія и великихъ отечественныхъ воспоминаній, возрасло счастливое мое младенчество.» (Воспоминанія т. 1, стр. 23, ч. 1). Съ какимъ глубокимъ чувствомъ умиленія разсказываетъ Вигель о ласкахъ къ нему, отроку, митрополита Самуила, подвижника благочестія, Прео-

---

[1]) Баронъ М. А. Корфъ въ извѣстной своей книгѣ «Жизнь графа Сперанскаго» (Спб. 1861, т. 2, стр. 28) цитуетъ слова Вигеля, какъ правдиваго свидѣтеля событій.

[2]) Писано въ тридцатыхъ годахъ текущаго столѣтія.

священный раза три въ годъ посѣщалъ семейство Вигеля. «Всякій разъ призывалъ онъ меня къ себѣ, сажалъ на колѣна и цѣловалъ; какъ описать мнѣ ощущенія мои при его ласкахъ, невольный трепетъ, неизъяснимую радость, священный страхъ? Одинъ непорочный отрокъ можетъ сіе чувствовать; нынѣ же грѣшный, изнуренный пагубными страстями, едва могу себѣ все это припомнить и съ трудомъ выразить. Можетъ быть въ другомъ мірѣ и языкомъ неземнымъ буду въ состояніи объяснить сіе.» (Тамъ же, стр. 69). Скончался маститый іерархъ. Вигеля, какъ малолѣтнаго, поставили близъ самаго гроба покойнаго святителя... Вышелъ краснорѣчивый Леванда со своимъ словомъ..: «Что было со мною, когда знаменитый краснорѣчіемъ протоіерей Леванда, его возлюбленное чадо, приблизился ко гробу и началъ произносить извѣстную рѣчь свою, которая начинается словами: «Пастырь успе, дѣлатель винограда Христова отъ дѣлъ своихъ почилъ!» Съ прекрасною наружностію Леванда соединялъ звонкій и отмѣнно пріятный голосъ, и проповѣди свои говорилъ еще лучше, нежели писалъ; въ эту минуту онъ былъ очарователенъ: слезы текли ручьями изъ глазъ его, и отъ рыданій онъ долженъ былъ по временамъ останавливаться. Я никогда не забуду этого трогательнаго часа.» (Тамъ же, стр. 69). При чтеніи такихъ глубоко-прочувствованныхъ строкъ, нельзя сомнѣваться въ силѣ таланта, литературнаго таланта Вигеля. Искренность — вотъ отличительная черта «Воспоминаній» Вигеля. И желчь и слезы идутъ изъ сего источника, исторгаются изъ этого ключа... Прислушайтесь къ рѣчамъ, восторженнымъ рѣчамъ Вигеля о Пушкинѣ, тогда юномъ поэтѣ: «Разговоръ Пушкина, какъ бы электрическимъ прутикомъ касаясь моей черными думами отягченной головы, внезапно порождалъ въ ней тысячу мыслей, живыхъ, веселыхъ, молодыхъ, и сближалъ разстояніе нашихъ возрастовъ [1]. — Безпечность, съ которою смотрѣлъ онъ на свое горе, часто заставляла меня забывать и собственное. У него было написано чрезвычайно много неизданныхъ стиховъ, и, между прочимъ, первыя главы *Евгенія Онѣгина*; и я могу сказать, что я насладился примѣрами (т. е. первинками) его новыхъ произведеній. Но одними ли стихами плѣнялъ меня этотъ человѣкъ? Бывало, посреди пустаго забавнаго разговора, изъ глубины души его или сердца вылетитъ свѣтлая новая мысль, которая изумитъ меня, которая покажетъ и всю обширность его разсудка. Мало по малу я открылъ весь зарытый кладъ его правильныхъ сужденій и благородныхъ помысловъ, на кои накинута была замаранная мантія цинизма.» (Воспоминанія. Т. 3, ч. VI, стр. 87). Вигель очень ясно видѣлъ и вѣрно оцѣнилъ геніальность молодаго поэта — изгнанника. Въ ту эпоху такъ благородно и возвышенно судили о Пушкинѣ немногіе. Назовемъ Карамзина, Жуковскаго, Блудова, С. Глинку... Геніальная природа Пушкина влекла къ себѣ Вигеля неодолимою силою. Во многихъ мѣстахъ своихъ «Воспоминаній» онъ говоритъ о великомъ поэтѣ съ особеннымъ увлеченіемъ (См. напр. т. 3, стр. 54, 121—3, 137, 54 (VII ч.), 70 и пр.) Не менѣе симпатично передаетъ Вигель свои воспоминанія объ Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ (т. 3, стр. 133), Карамзинѣ (т. 3, стр. 48, 85, 48 (VII ч.), Блудовѣ (т. 1, ч. I, стр. 176), Сперанскомъ (т. 2, ч. 4, стр. 21). Если отзывъ его о Крыловѣ (онъ напечатанъ ниже) желченъ, то и здѣсь Вигель поступилъ по своему крайнему разумѣнію. Желчь мемуариста не затмила передъ нимъ свѣтлыхъ сторонъ въ нашемъ народномъ баснописцѣ. Односторонній взглядъ Вигеля на Гоголя (т. 2, ч. 3, стр. 145) не требуетъ возраженій.

---

[1]) Вигелю тогда было около сорока лѣтъ, а Пушкину — за двадцать. Они встрѣтились въ Одессѣ.

Какъ бы то ни было, но литературныя и историческія достоинства «Воспоминаній» Вигеля неоспоримы. Языкъ, которымъ написаны «Воспоминанія,» поставляетъ ихъ автора въ разрядъ первостепенныхъ нашихъ стилистовъ. Обстоятельной критической статьи о «Воспоминаніяхъ» Вигеля мы не нашли…

Не задолго до смерти, говоритъ г. Бартеневъ, Вигель сообщилъ одинъ экз. своихъ «Записокъ» въ Императорскую Публичную Библіотеку. (См. некрологъ Вигеля, написанный г. Бартеневымъ въ Москов. Вѣд. 1856, № 37, стр. 149). Онъ же свидѣтельствуетъ, что «Записки» Вигеля существуютъ въ двухъ видахъ [1]): въ одномъ извѣстныя лица пощажены а въ другомъ — описаны черными красками. (Рус. Архивъ за 1866, № 2, стр. 220).

Годъ въ селѣ Казацкомъ.

Родители мои объявили мнѣ о намѣреніи своемъ отдать меня въ домъ Голицыныхъ для усовершенствованія моего образованія и самимъ везти меня туда. Мнѣ это было очень не по сердцу, но дѣлать было нечего. И такъ Кіевъ мелькнулъ только предо мною, ибо въ первыхъ числахъ февраля [2]) отправились мы въ новое для меня мѣстопребываніе.

Въ первый день остановились мы въ Бѣлой Церкви и весь слѣдующій провели у графини Браницкой [3]): я говорю у графини, ибо супругъ ея въ домѣ ничего не значилъ. Онъ былъ человѣкъ старый, но образованный и довольно еще любезный, ума весьма посредственнаго; славился же онъ безпримѣрнымъ аппетитомъ вмѣстѣ съ утонченнымъ вкусомъ въ гастрономіи. Несмотря на всю скупость, графиня Браницкая нанимала изящнѣйшаго повара Француза и ничего не щадила для стола, дабы симъ пріятнымъ занятіемъ отвлечь супруга отъ хозяйственныхъ дѣлъ, въ которыхъ онъ ничего не понималъ и въ кои отъ скуки онъ захотѣлъ бы, можетъ быть, мѣшаться. Они жили въ обширномъ деревянномъ домѣ, внутри оштукатуренномъ, коего стѣны были выкрашены просто, а потолки выбѣлены. Но главныя комнаты сего дома были наполнены драгоцѣнными вещами, бронзовыми, мраморными, фарфоровыми, хрустальными, изъ ковхъ, какъ увѣряли, ни одна не была куплена графиней Браницкой: всѣ онѣ были даны дружбою и щедротою Екатерины, а иныя подарены или завѣщаны княземъ Потемкинымъ. Изо всѣхъ мнѣ болѣе показалась примѣчательна одна высокая бронзовая гора, на вершинѣ коей сидѣлъ двуглавый Русскій орелъ; изъ

[1]) То несомнѣнно, что полный экз. «Записокъ» Вигеля сохраняется въ Императорской Публич. Библіотекѣ. Этотъ экземпляръ переписанъ собственною его рукою. «Воспоминанія,» т. 2, ч. 4, стр. 193.

[2]) *1799 года*. См. «Воспоминанія» Вигеля. Спб. 1864, ч. I, стр. 122.

[3]) *Племянница* Потемкина.

боковъ ея струились живоносные хрустальные ручьи, а внутри ея устроенный механизмъ производилъ музыку, которая подражала журчанію водъ. На полугорѣ сидѣлъ Сатурнъ съ косою за плечами, одною рукой опираясь объ часы, а другою держа миніатюрный портретъ Екатерины, на мѣди писанный, въ оправѣ изъ стразовъ, какъ бы забывая время свое и любуясь ея изображеніемъ.

При двухъ сыновьяхъ и трехъ дочеряхъ находились учитель и гувернеръ съ гувернанткой, мужъ съ женой, г-нъ и г-жа Дорины и мусью Бробекъ. Сверхъ того, жили въ семъ домѣ Польскія и Русскія дамы и барышни, иностранный медикъ и нѣсколько отставныхъ, военныхъ, не имущихъ, довольно образованныхъ чиновныхъ людей, занимавшихъ должности домоправителей, приказчиковъ надъ деревнями, конюшихъ и тому подобное [1]). Двѣ враждебныя націи жили тутъ въ совершенномъ согласіи. Домашняя услуга вся состояла изъ шляхтичей, и въ семъ домѣ, безъ лишнихъ прихотей, все напоминало однакоже феодальное могущество.

Княгиня Голицына, къ которой везли меня, была родная сестра графини Браницкой, но въ это время произошла между ними если не явная ссора, то, по крайней мѣрѣ, сильная простуда родственной любви. Обѣ хотѣли купить Корсунь, помѣстье князя Понятовскаго, которое вмѣстѣ съ окружавшими его деревнями имѣло до восьми тысячъ душъ; у Браницкой были огромные капиталы, а у Голицыной не было даже большаго кредита; слѣдственно первая сторговала имѣніе. Павелъ Первый помирилъ ихъ, купивъ оное для Петра Васильевича Лопухина, котораго, вмѣстѣ съ тѣмъ, пожаловалъ свѣтлѣйшимъ княземъ. Мать моя взялась довершить примиреніе, начатое Императоромъ и, кажется, въ томъ успѣла.

Село или мѣстечко Казацкое, въ которое мы пріѣхали, было изъ числа тѣхъ имѣній, кои Польскіе короли раздавали магнатамъ въ Украйнѣ, послѣ раздѣленія ея на Русскую и Польскую. Магнаты никогда въ нихъ не пріѣзжали, жили въ Варшавѣ или Вильнѣ и получали съ нихъ только доходы; казацкая вольница не страдала отъ панскаго присутствія. Князь Потемкинъ еще при Польскомъ правительствѣ, властію и деньгами пріобрѣлъ всѣ тѣ имѣнія, которыя находились въ сосѣдствѣ съ Новороссійскимъ краемъ: по смерти его, они достались его наслѣдникамъ. Проѣзжая чрезъ сіи имѣнія, чрезъ Богуславъ, Корсунь, я не могъ надивиться тому, что

[1]) Нельзя себѣ представить сколько добрыхъ и честныхъ людей, удаленныхъ изъ службы, въ сіе время скитались безъ пропитанія. Они принимали всякія низкія должности въ знатныхъ и помѣщичьихъ домахъ. У князя Куракина жилъ въ деревнѣ одинъ видный собою майоръ, котораго обязанность состояла только въ томъ, чтобы съ палкою въ рукѣ ходить передъ княземъ, когда онъ изволилъ шествовать въ свою домовую церковь.

вездѣ вижу православныя церкви, вездѣ слышу Малороссійское нарѣчіе и только изрѣдка встрѣчаю Поляковъ. Невѣжество мое, которое, впрочемъ, раздѣлялъ я со всѣми жителями внутренней Россіи, заставляло меня думать, что все, находящееся за старою нашею границей, есть и была всегда настоящая Польша.

Еще не было году, какъ семейство Голицыныхъ поселилось въ Казацкомъ. Мы пріѣхали туда въ сумерки. Безконечный дворъ, обнесенный тыномъ, въ глубинѣ коего открывались деревянныя барскія хоромы, наскоро выстроенныя, а по бокамъ находились шесть довольно просторныхъ мазанокъ, вмѣсто флигелей, и садъ разведенный только осенью и представляющій одни только ряды прутьевъ, и все это занесенное снѣгомъ, имѣли въ глазахъ моихъ видъ мрачный и угрюмый. Тѣ, кои вспомнятъ, какъ тяжела мнѣ была мысль сдѣлаться пріемышемъ въ знатномъ домѣ, даже среди шума блестящей столицы, могутъ посудить о томъ, что во мнѣ происходило въ сію истинно горестную для меня минуту.

Намъ отвели особливыя комнаты. Въ тотъ же самый вечеръ меня представили княгинѣ, и я познакомился какъ съ гувернеромъ, коему меня поручили, такъ и съ маленькими моими товарищами. Я не скажу теперь ни слова о впечатлѣніи, которое произвело на меня мое новое знакомство, ибо всѣхъ членовъ многочисленнаго семейства, среди коего пришлось мнѣ жить, также и всѣ лица, кои, находясь въ семъ домѣ, составляли его общество, намѣренъ я въ послѣдствіи перебрать поодиночкѣ. Права гостепріимства я почитаю священными, но я ни мало не нарушу моихъ обязанностей, если о постороннихъ людяхъ скажу истину съ такою же откровенностью, съ какою говорилъ о самыхъ близкихъ родныхъ. Чрезъ два дни родители мои воротились въ Кіевъ, оставивъ меня между людьми, мнѣ дотолѣ вовсе незнакомыми.

Съ нетерпѣніемъ ожидала княгиня Варвара Васильевна (такъ звали госпожу Голицыну) извѣстій отъ мужа изъ арміи, которая на походѣ находилась тогда въ Литвѣ; скоро получила письмо его, коимъ онъ ее увѣдомлялъ, что Государь [1]) за что-то на него прогнѣвался, отставилъ его отъ службы, отдалъ корпусъ его генералу де-Ласси, велѣлъ ему жить въ деревнѣ, и что фельдъегерь не замедлитъ привезти его къ намъ. Конечно, было за что подосадовать, но гнѣвъ княгини Голицыной превосходитъ всякое описаніе...

Дни три спустя послѣ того, прибылъ или былъ привезенъ самъ князь Голицынъ, въ сопровожденіи втораго сына своего, Ѳедора, отставнаго гвардіи корнета, который отправился къ нему въ армію, въ надеждѣ подъ начальствомъ его опять вступить въ службу, но,

[1]) *Павелъ I.*

встрѣтясь съ нимъ на дорогѣ, вмѣстѣ воротился. Не прошло недѣли, какъ изъ Петербурга прислали старшаго сына его князя Григорія, генералъ-адъютанта и любимца Павла Перваго, внезапно отставленнаго и высланнаго изъ столицы. Это было въ февралѣ, а въ половинѣ лѣта еще прислали къ намъ третьяго и четвертаго сыновей князя Голицына, Сергія и Михаила, Семеновскихъ офицеровъ...

Я не былъ свидѣтелемъ свиданія супруговъ; мы въ это время сидѣли за книгами: когда же кончился классъ и меня представили хозяину дома, то видъ его спокойный, довольно веселый, и ласково-покровительственный мнѣ пріемъ меня чрезвычайно ободрили.

Теперь приступлю къ обѣщанному выше, къ изображенію людей, съ коими прожилъ я около года въ совершенномъ удаленіи отъ міра и коихъ характеръ слѣдственно могъ хорошо изучить. Чтобы успокоить читателя, спѣшу предупредить его, что между ими были лица отмѣнно замѣчательныя и начинаю съ главы семейства.

Воспитанный въ кадетскомъ корпусѣ, въ концѣ царствованія Императрицы Елизаветы, князь Сергій Ѳедоровичъ учился съ успѣхомъ математическимъ наукамъ и, исключая Русскаго, зналъ еще хорошо Нѣмецкій языкъ. Вышедъ изъ него, онъ въ обществѣ получилъ навыкъ къ Французскому; знаніе языковъ было тогда не бездѣлица: оно вело къ повышенію. Онъ не принадлежалъ къ знаменитой вѣтви Голицыныхъ, Дмитрія и двухъ Михаиловъ Михаиловичей, коихъ счастіе при Петрѣ Великомъ равнялось великимъ ихъ заслугамъ и коихъ семейства пріобрѣли новую славу въ глазахъ Русскаго народа, падая умилительными жертвами Нѣмецкаго тиранства при Аннѣ Іоанновнѣ. Его отецъ, князь Ѳедоръ Сергѣевичъ, былъ человѣкъ и не чиновный, и не богатый, и не разчетливый: прельстившись всѣмъ заграничнымъ, куда какъ-то его занесло, онъ получилъ необоримое отвращеніе ко всему отечественному. Разсказывали, что, по возвращеніи изъ путешествій, онъ тотчасъ завелъ флеровую фабрику и потомъ, гнушаясь названіями ржи и проса, онъ всѣ поля свои засѣялъ Французскимъ табакомъ, и скоро до того раззорился, что наконецъ не на чемъ ему было посѣять и рѣпы. Когда просвѣщеніе блеснетъ передъ полуварварами, то прежде всего хватаются они за роскошь, какъ дѣти, которыя ловятъ огонь.

Къ счастію молодаго сына, онъ вовсе не походилъ на отца; въ немъ билось истинно Русское сердце, онъ былъ наружности пріятной, былъ добръ, уменъ и храбръ: безъ того, несмотря на сіятельное свое происхожденіе, ему бы не возможно было выбиться изъ княжеской толпы. Много ему способствовало къ тому родство съ извѣстнымъ фельдмаршаломъ, графомъ Захаромъ Григорьевичемъ Чернышевымъ, президентомъ военной коллегіи, коего по матери

былъ онъ родной племянникъ; а еще болѣе женитьба на племянницѣ князя Потемкина, который, впрочемъ, не очень его любилъ, но не могъ отказать ему въ уваженіи. То же самое было и съ другими тогда царскими любимцами.

Павелъ Первый, вступивъ на престолъ, осыпалъ его ласками и наградами... Но скоро долженъ былъ князь Голицынъ оставить службу и поселиться въ Москвѣ. Но когда война съ Французами заставила вызвать Суворова изъ заточенія, тогда вспомнили и о другихъ брошенныхъ мечахъ Екатерины. Призванный въ Петербургъ, обласканный Голицынъ отправился ко ввѣренному ему корпусу, а вскорѣ потомъ въ ссылку, за какое-то откровенное письмо къ Императору. Онъ былъ тогда полный генералъ и обвѣшанъ всѣми первостепенными орденами, за военные подвиги полученными. Онъ былъ въ крѣпости силъ и лѣтъ, ибо ему еще не было пятидесяти, и по его опытности, дѣятельности и безстрашію казалось, что судьба предназначала его быть однимъ изъ лучшихъ нашихъ полководцевъ; сіи ожиданія никогда не сбылись. Но можно утвердительно сказать, что еслибъ ему порученъ былъ корпусъ Корсакова или Германа, то слава Русскаго оружія въ Голландіи или Швейцаріи прогремѣла бы тогда не менѣе чѣмъ въ Италіи; самыя важныя происшествія взяли бы тогда, можетъ быть, иной оборотъ.

Росту былъ онъ небольшаго, но сложенія очень плотнаго и чрезвычайно полнокровенъ. Одинъ глазъ его былъ косой, и онъ имѣлъ обыкновеніе его прищуривать; сіе придавало ему видъ нѣсколько насмѣшливый, улыбка же его всегда выражала добродушіе, и это вмѣстѣ дѣлало лицо его весьма примѣчательнымъ. Кажется, кромѣ военной исторіи и стратегическихъ книгъ, онъ другаго чтенія не любилъ; о литературѣ и помину не было. Въ хозяйственныя дѣла онъ не мѣшался; по тогдашнему обычаю, воспитаніе дѣтей предоставлялъ гувернерамъ и учителямъ. Въ чемъ состояли кабинетныя его занятія, мнѣ неизвѣстно, ибо мы видѣли его только въ обѣденное время, и по вечерамъ онъ долженъ былъ часто скучать. Въ хорошую погоду ѣздилъ онъ прогуливаться въ колaскѣ или верхомъ, а въ вечеру сражался иногда съ кѣмъ-нибудь на шахматной доскѣ и почти всегда побѣждалъ противниковъ. Осень и начало зимы было для него самое лучшее время года; тогда по цѣлымъ днямъ могъ онъ гоняться за зайцами.

Всѣ склонности его были молодецкія: говорятъ, что смолоду онъ былъ отчаянный игрокъ, часто до послѣдней копѣйки все проигрывалъ, пока фортуна не сдѣлалась къ нему благосклоннѣе, и онъ нѣсколько сотъ тысячъ не пріобрѣлъ игрой; тогда онъ побѣдилъ сію страсть и карты пересталъ брать въ руки. Къ вину онъ никогда не былъ склоненъ. Благородство души его было неимовѣр-

ное, оно не дозволяло зависти ея коснуться; надобно было видѣть его сердечную радость, его восторги при чтеніи тогда новостей изъ Италіи [1])! Сраженіе при Нови готовъ онъ былъ торжествовать какъ собственную побѣду; за то надобно было видѣть и его глубокую печаль при полученіи извѣстія о Цюрихскомъ дѣлѣ [2]). Изгнанникъ восхищался и рукоплескалъ соперникамъ! Какой запасъ славныхъ отличныхъ людей оставила Екатерина!

Какъ домашнимъ, такъ и деревенскимъ хозяйствомъ исключительно занималась княгиня, «его супруга златовласа, Плѣнира сердцемъ и лицемъ» [3]). Когда я началъ знать ее, такое названіе уже ей не было прилично, хотя черты ея были бесподобныя, и въ сорокъ лѣтъ она сохраняла свѣжесть двадцатилѣтней дѣвы. Но сильныя страсти, коихъ вслѣдствіе дурнаго воспитанія она никогда не умѣла обуздывать, дали ея лицу весьма непріятное выраженіе. Въ ея власти находились чада и домочадцы, слуги и крестьяне; однакоже мужъ не переставалъ быть господиномъ, и хотя всѣмъ она управляла, всѣмъ повелѣвала, но онъ сохранялъ права генеральной инспекціи и контроля: самый благоразумный образъ правленія въ домѣ.

Я худо объяснился, если мои читатели увидятъ въ княгинѣ Голицыной злую женщину: между злою и сердитою разница превеликая. Еслибы гнѣвъ ея никогда не былъ продолжителенъ, то ее можно было бы назвать вспыльчивою. Она чрезвычайно любила власть и деньги, любила безъ памяти мужа и одного изъ сыновей своихъ, и терпѣть не могла противорѣчій; а какъ разсудокъ ея былъ не весьма обширенъ, то никакіе доводы не могли ее убѣждать. Сообразуясь съ нимъ, можно было избѣжать непріятныхъ съ нею столкновеній, и въ ея управленіи не было замѣтно и тѣни тиранства: но горе тому, кто, возбудивъ ея гнѣвъ, не спѣшилъ покорностію смягчить его; тогда она забывала все, и свой санъ, и свой полъ, и начинала даже рукамъ давать волю. Разсказывали ужасы: будто бы одинъ разъ она пріятельницу свою, помѣщицу, у себя въ гостиной, при всѣхъ таскала за волосы; будто бы дорогой, взмучившись отъ неисправности, въ которой она находилась, она, среди поля при себѣ велѣла разложить сопровождавшаго ее засѣдателя и высѣчь плетьми: тогда еще былъ живъ князь Потемкинъ, и не было даже возможности жаловаться на нее. Надобно

[1]) Разумѣется Италійскій походъ *Суворова* въ 1799 г. См. сочиненіе г. *Милютина:* «Исторія войны Россіи съ Франціею въ царствованіе Императора Павла I въ 1799 году». Спб. 1853 г.

[2]) Здѣсь былъ разбитъ генералъ *Корсаковъ* 14-го и 15-го сент. 1799 г.

[3]) Такъ называетъ ее *Державинъ* въ извѣстномъ стихотвореніи *Осень во время осады Очакова.*

сказать, однакоже, къ ея чести, что на совершенно беззащитныхъ, напримѣръ на горничныхъ дѣвокъ, никогда рука ея не подымалась.

Съ такимъ нравомъ ей не легко было жить въ обществѣ; въ столицахъ она обыкновенно вела жизнь уединенную, стараясь окружить себя одними только угодниками и угодницами, а въ деревнѣ тогда не трудно было знатной барынѣ сосѣднихъ мелкопомѣстныхъ дворянокъ обращать въ свои прислужницы. Потому-то ея Зубриловка, въ Саратовской губерніи, была любимымъ ея мѣстопребываніемъ: тамъ степень ея довѣренности указывала мѣста всѣмъ уѣзднымъ барынямъ.

Получивъ село Казацкое по наслѣдству отъ дяди, она долго не рѣшалась въ него пріѣхать. Однѣ только сильныя привычки удерживали тогда на сѣверѣ новыхъ помѣщиковъ завоеваннаго края, но они восхищались мыслію, что могутъ, когда захотятъ, поселиться въ тепломъ, прекрасномъ климатѣ; нынѣ, еслибы Государь имѣлъ власть раздавать имѣнія близъ Ниццы и Флоренціи, то получившіе ихъ наши Руссо-Европейцы, едва ли бы тому такъ радовались. Княгиню Голицыну къ переселенію побудили другія причины; всѣ эти имѣнія, находящіяся въ рукахъ арендаторовъ, заброшенныя, забытыя Польскими помѣщиками, приносили чрезвычайно мало доходу въ сравненіи съ Великороссійскими деревнями; она хотѣла личнымъ присутствіемъ стараться его умножить.

Часто, часто вздыхала она о своей Зубриловкѣ: въ благословенной странѣ, среди роскошной природы, она жила какъ въ пустынѣ; вокругъ были одни крупныя помѣстья, и самые ближніе сосѣди во ста верстахъ. Всѣ ея навыки, всѣ ея вкусы были старинные Русскіе. Кому было угождать имъ, кому было раздѣлять ихъ съ нею? Конечно, она бы могла собрать разсѣянныхъ въ округѣ шляхтянокъ, но какъ ихъ подпустить къ себѣ? Въ глазахъ ея онѣ стояли ниже ея служанокъ. Одна своя семья и живущіе въ ней составляли ея безсмѣнное, однообразное общество. По утру она занималась дѣломъ, за обѣдомъ хорошо кушала (и по большей части Русскія блюда); послѣ обѣда, она сидѣла за столикомъ въ софѣ, какъ изобразилъ ее Державинъ, скука ее одолѣвала. «Что́ бы намъ дѣлать? иногда говорила она,—чего бы намъ поѣсть»? И моченыя яблоки, и рябиновая пастила, и брусничная вода, и клюковный морсъ, и морошка въ сахарѣ, иногда просто липовый медъ, всѣ сѣверныя лакомства, предпочтительно южнымъ плодамъ, смѣняли другъ друга, чтобы прогонять нашу скуку [1]). Добрая, сердитая княгиня! Истая

---

[1]) Какъ это похоже на разсказъ Гоголя «Старосвѣтскіе Помѣщики»! Аѳанасій Ивановичъ говорилъ: «Чего бы такого поѣсть мнѣ, Пульхерія Ивановна?—«Чего же бы такого»? говорила Пульхерія Ивановна: «развѣ я пойду скажу, чтобы вамъ

боярыня! Не смотря на твой, постоянно-угрюмый видъ, на твои страшные иногда взоры, я чту, я люблю твою память; прости мнѣ мою откровенность: ты теперь въ обители вѣчной истины и дозволишь мнѣ говорить ее о тебѣ.

Далѣе Вигель дѣлаетъ характеристику сыновей князя Голицына.

Отецъ болѣе всего заботился о физическомъ образованіи дѣтей; ему желалось ихъ всѣхъ видѣть молодцами. Конечно, это весьма похвально, особливо въ то время, когда родители не только высшаго, но и средняго состоянія думали отличиться отъ простонародія, воспитывая дѣтей своихъ въ совершенной нѣгѣ, державши ихъ вѣчно въ теплѣ и не давая никакой свободы ни ихъ мыслямъ, ни ихъ движеніямъ. Человѣкъ, однакоже, не растеніе, и нужно приготовить его къ перенесенію непогодъ и нравственной атмосферы. Объ этомъ, кажется, никто не думамъ въ томъ домѣ, гдѣ я находился. Молодые князья были искусны во всѣхъ гимнастическихъ упражненіяхъ: они шибко бѣгали, высоко лазили, славно катались на конькахъ, мастерски перепрыгивали черезъ рвы; смотря по возрасту у каждаго изъ нихъ были разныхъ величинъ свайки, они тѣшились ими между собою или съ дворовыми людьми, зимою и лѣтомъ каждое утро обливали ихъ холодною водой. Развитіе же ихъ умственныхъ способностей оставлено было на произволъ судьбы; никакихъ наставленій они не получали, никакихъ правилъ объ обязанностяхъ человѣка имъ преподаваемо не было. Гувернеръ ими очень мало занимался и только изрѣдка, какъ Онѣгина, слегка бранилъ. Дядьки говаривали: «Полноте, ваше сіятельство, вѣдь за васъ на мнѣ взыщутъ».

Что касается до науки, то исключая гувернера, который училъ ихъ по-Французски и зналъ хорошо правописаніе, не смотря на то, что онъ былъ эмигрантъ, находился еще при нихъ учитель математики. Имѣя намѣреніе ихъ всѣхъ посвятить военной службѣ, отецъ чувствовалъ всю необходимость для нихъ сей науки.

Будучи воспитанъ какъ благородное дитя, то-есть лѣнивый тѣломъ и мало пріученный къ холоду, новая метода, которой и я долженъ былъ слѣдовать, была мнѣ вовсе не по вкусу: дѣлать было нечего, и я привыкъ къ ней. Здоровое и крѣпкое сложеніе, которое получилъ я отъ природы, могло бы со временемъ быть обезсилено тѣлеснымъ бездѣйствіемъ, и я весьма благодаренъ дому Голицыныхъ за сохраненіе многихъ физическихъ способностей. Но какъ

принесли вареников съ ягодами, которыхъ приказала я нарочно для васъ оставить»? и пр.

добро бываетъ рѣдко безъ худа, то въ семъ же домѣ (съ горестію долженъ въ томъ признаться) въ первый разъ познакомился я съ идеями порока. Опасность явилась съ той стороны, гдѣ ея менѣе ожидать было можно. Старшій изъ моихъ маленькихъ товарищей, моложе меня, какъ сказалъ я выше, заговорилъ со мной такимъ языкомъ, который сначала показался мнѣ непонятенъ, я покраснѣлъ отъ стыда и ужаса, когда его понялъ, но вскорѣ потомъ началъ слушать его съ удовольствіемъ.

Кто бы могъ повѣрить! другой соблазнитель мой былъ самъ нашъ гувернеръ, Шевалье де-Роленъ де-Бельвиль, Французскій подполковникъ, человѣкъ лѣтъ сорока. Не слишкомъ молодой, умный и весьма осторожный, сей повѣса старался со всѣми быть любезенъ и умѣлъ всѣмъ нравиться, старымъ и молодымъ, господамъ и даже слугамъ. Обхожденіе его со мною съ самой первой минуты меня плѣнило; я еще помнилъ строгую мораль, которую читалъ въ глазахъ г. Мута; недавно разстался съ брюзгливымъ Форсевилемъ, и вдругъ нахожу наставника, который хочетъ увѣрить меня, что я уже не ребенокъ, а въ отроческія лѣта кому не хотѣлось быть постарѣе! Онъ началъ давать мнѣ дружескіе совѣты и одну только неловкость мою исправлять тонкими насмѣшками; я чувствовалъ себя совсѣмъ на свободѣ. Во время нашихъ прогулокъ, которыя начались съ открывшеюся весной, онъ часто забавлялъ меня остроумною болтовней; объ отечествѣ своемъ говорилъ какъ всѣ Французы, безъ чувства, но съ хвастовствомъ, и съ состраданіемъ, болѣе чѣмъ съ презрѣніемъ, о нашемъ варварствѣ. Мало-по-малу пріучилъ онъ меня видѣть во Франціи прекраснѣйшую изъ земель, вѣчно озаренную блескомъ солнца и ума, а въ ея жителяхъ—избранный народъ, надъ всѣми другими постановленный; революціонеры, новые Титаны, по словамъ его, только временно овладѣли симъ Олимпомъ, но, подобно имъ, будутъ низвергнуты въ бездну. При словѣ религія онъ съ улыбкой потуплялъ глаза, не позволяя себѣ однакоже ничего противъ нея говорить; какъ средствомъ, видно, по мнѣнію его, пренебрегать ею было нельзя. Онъ познакомилъ меня съ именами (не съ сочиненіями) Расина [1]), Мольера [2]) и Буало [3]), о которыхъ я, къ стыду моему, дотолѣ не слыхивалъ и возбудилъ во мнѣ желаніе ихъ прочесть.

Посреди сихъ разговоровъ, вдругъ началъ онъ заводить со мною нескромныя рѣчи и разсказывать самые непристойные, даже отвра-

---

[1]) *Расинъ* (1639 — 1699).

[2]) *Мольеръ* (1622 — 1673). Его біографія и комедія «Скупой» напечатаны въ III т. нашей Христоматіи, изд. 2.

[3]) *Буало* (1636 — 1711). О немъ см. во II т. нашей Христоматіи, изд. 2, стр. 214 и д.

тительные анекдоты: я не зналъ, что мнѣ дѣлать; я такъ уже привыкъ въ него вѣровать, что стыдился своего стыда. А онъ, злодѣй, наслаждался моимъ смятеніемъ; еще пріятнѣе было ему видѣть, какъ постепенно исчезала моя робость и умножалось безстыдство. Какая была цѣль его? Просто, въ этихъ людяхъ есть нѣчто демонское. Когда между Французами таковы были поборники вѣры и законнаго правительства, то что же такое были их противники?

Изобразивъ поступки этого человѣка, надобно сказать нѣсколько словъ и о наружности его: онъ былъ высокъ и сухощавъ, имѣлъ самые маленькіе, сѣрые, сверкающіе глаза и огромный носъ, который, описывая правильную дугу, составлялъ четверть круга. Онъ былъ чрезвычайно опрятенъ и никогда не покидалъ крестика св. Лазаря, который доставляли не заслуги, а доказательства стариннаго дворянства.

И вотъ въ какихъ рукахъ находилась тогда, конечно, половина благороднаго Русскаго юношества! При Павлѣ размножились у насъ эмигранты: не было полка въ арміи, въ коемъ бы ни находилось ихъ по два и по три человѣка. Вообще, тѣмъ, коимъ удалось попасть въ службу, болѣе другихъ посчастливилось; графскій титулъ, который, по безчисленности носящихъ его мелкихъ, мало извѣстныхъ дворянъ, во Франціи уже бѣлъ ни почемъ, у насъ тогда еще былъ въ рѣдкости, и наши знатныя и богатыя невѣсты охотно выходили за сихъ мнимознатныхъ людей, особливо когда они имѣли Русскій чинъ. Такимъ образомъ Лавали, Модены, Кенсоны у насъ сдѣлались величайшими аристократами, не только сравнялись съ знаменитѣйшими нашими фамиліями, но начали почитать себя выше ихъ. Не такова была участь тѣхъ, кои принуждены были приняться за воспитаніе дѣтей; званіе учителя, въ нашихъ варварскихъ понятіяхъ, казалось намъ не много выше холопа — дядьки, вѣчнаго соперника мусьи. Французы это замѣтили; но какъ не было возможности ихъ всѣхъ помѣстить, ибо прибывающія ихъ толпы безпрестанно увеличивались, то, слѣдуя нашей пословицѣ (я думаю у нихъ же заимствованной) «плоха честь, когда нечего ѣсть», они разсѣялись по лицу земли Русской, чтобы какимъ-либо образомъ добывать себѣ хлѣбъ. Умножающееся употребленіе Французскаго языка способствовало имъ къ отысканію мѣстъ; скоро въ самыхъ отдаленныхъ губерніяхъ, всякій небогатый даже помѣщикъ началъ имѣть своего маркиза [1]). Не было у насъ для Французовъ середины; ils devenaient outchites ou grands seigneurs [2]).

[1]) Я зналъ въ Пензенской губерніи одного господина Жадринскаго, у котораго было не болѣе трехъ сотъ душъ, обремененныхъ долгами. Его сына воспитывалъ виконтъ де-Мельвиль.

[2]) См. повѣсть *Пушкина* «Капитанская Дочка», гдѣ поэтъ говоритъ о воспитаніи Гринева (глава I).

Когда между Французами, между эмигрантами, встрѣтится человѣкъ благоразумный, просвѣщенный, скромный, съ религіозными чувствами и строгою нравственностію, то надобно говорить объ немъ какъ о диковинкѣ. Такая диковинка находилась у насъ въ селѣ Казацкомъ. Къ сожалѣнію, не ему было поручено воспитаніе наше: онъ только давалъ намъ уроки. Г. Керлеро, о коемъ хочу говорить, не пріѣхалъ, а пришелъ въ Россію съ корпусомъ принца Конде. Какъ искуснаго инженернаго офицера, его бы охотно приняли во всякую иностранную службу, но онъ предпочелъ надѣть ледунку, взять ружье и стать въ ряды простыхъ воиновъ, защитниковъ королевскихъ правъ, кои почитали они священными: когда корпусъ, къ коему принадлежалъ онъ, былъ принятъ въ Русскую службу, то, скоро наскучивъ гарнизонною жизнію, онъ опредѣлился учителемъ въ домъ Голицыныхъ.

Въ этомъ коротенькомъ и крѣпкомъ человѣчкѣ нельзя было предположить ни костей, ни мяса, ни жиру, а одни только мускулы: онъ весь былъ какъ одна только сильная пружина. Родомъ былъ онъ изъ Бретани. Я не знаю, должно ли Бретонцевъ почитать Французами. Изъ завоеванныхъ Кельтическихъ племенъ, они одни подъ Римскимъ владычествомъ сохранили нѣкоторую твердость, независимость, честные и дикіе нравы и неблагозвучный свой языкъ, когда вся Галлія приняла обычаи своихъ завоевателей. Гордые ихъ единоплеменники, отдѣленные отъ нихъ проливомъ, также легко переродились въ Англосаксовъ и Нормановъ, какъ скоро были ими покорены. Оружіе Франковъ позже всего проникло въ ихъ Арморику [1]), и Вандея [2]) была послѣдняя защитница прежняго порядка. Пусть назовутъ ихъ непреклонными или упрямыми; таковы остались они и понынѣ, таковъ былъ и мой любезный Керлеро.

Онъ съ добродушною настойчивостію побѣдилъ во мнѣ отвращеніе къ математическимъ наукамъ, и въ одно лѣто прошли мы съ нимъ геометрію и алгебру; ему обязанъ я тѣмъ, что не остался совсѣмъ безчестнымъ. Съ величайшимъ терпѣніемъ училъ онъ маленькихъ князьковъ, но усердно и успѣшно занимался съ шестнадцатилѣтнимъ отставнымъ офицеромъ, княземъ Михаиломъ, который одинъ изъ братьевъ пожелалъ вознаградить потерянное на службѣ время.

И такъ въ семъ домѣ было два Француза, было еще и два Нѣмца: отставной ротмистръ, который завѣдывалъ конюшней и

---

[1]) *Арморика.* Такъ обыкновенно называлась вся часть западной Галліи, лежащая между устьями Луары и Сены (вся Бретань и почти вся Нормандія). Впослѣдствіи это имя означало одну только Бретань.

[2]) *Вандея,* Вандейскій Департаментъ: называется такъ по имени самой значительной въ немъ рѣки, Ванде.

смотрѣлъ за лошадьми, и лѣкарь, который морилъ людей; послѣдній былъ женатъ. Потомъ былъ Грекъ, отставной майоръ, главный управитель надъ деревнями, который всегда улыбался, пришучивалъ и обкрадывалъ своихъ вѣрителей; въ немъ одно только мнѣ памятно: отъ него ужасно несло курительнымъ табакомъ, цвѣтъ лица онъ имѣлъ совсѣмъ кофейный и ежедневно пилъ по двѣнадцати чашекъ кофе. Всѣхъ вышесказанныхъ, но не вышеименованныхъ особъ, лѣтъ двадцать тому назадъ могъ бы назвать читателю, который, впрочемъ, не много бы отъ того выигралъ, и горе только одному мнѣ, кому память столь примѣтно измѣняетъ [1]). Наконецъ былъ и Полякъ, Загурскій, панъ экономъ съ своей панью. Грекъ и Нѣмцы обѣдали съ нами только по праздникамъ и по воскресеньямъ, и шляхтича съ женой, тоже по воскресеньямъ, пускали только по утру съ поклономъ къ княгинѣ, которая милостиво давала имъ цѣловать ручку. Все это были должностныя лица, но въ нашемъ обществѣ находились еще два почетные члена, изъ коихъ одинъ давно уже членомъ Россійской Академіи, а другой доселѣ [2]) тщетно ожидаетъ сей чести.

Родной племянникъ Александра Петровича Сумарокова, одного изъ извѣстнѣйшихъ нашихъ старинныхъ писателей, Павелъ Ивановичъ [3]) служилъ въ Преображенскомъ полку подъ начальствомъ князя Сергѣя Өедоровича и женился на двоюродной сестрѣ его, княгинѣ Маріи Васильевнѣ Голицыной. Прижитыхъ съ нею двухъ дѣтей, сына и дочь, отдалъ онъ на воспитаніе въ домъ своего родственника и покровителя. Принужденъ будучи, подобно многимъ, оставить службу и не имѣя большаго состоянія, онъ находился тогда вмѣстѣ съ ними и гостилъ въ Казацкомъ.

Весьма бы любопытно было сдѣлать психологическое изысканіе, отчего люди, имѣющіе сколько-нибудь разсудка, иногда до того бываютъ ослѣплены высокимъ о себѣ мнѣніемъ, что выказываютъ

---

[1]) Чтобъ имѣть по образцу каждой націи, учился съ нами маленькій красивый Англичанинъ, Джонъ Личъ, сынъ какого-то ремесленника. Я недавно зналъ его архитекторомъ Медико-Хирургической академіи, во что опредѣлилъ его извѣстный единоземецъ Виллíе, хотя онъ никогда архитектурѣ и не думалъ учиться.

[2]) Писано въ тридцатыхъ годахъ.

[3]) Въ каталогѣ *Смирдина* этому Сумарокову приписаны слѣд. сочиненія: Путешествіе по всему Крыму и Бессарабіи въ 1799 г. съ историч. и топографич. описаніемъ всѣхъ тѣхъ мѣстъ. М. 1800. — Досуги Крымскаго Судьи, или второе путешествіе въ Тавриду. 2 части. Спб. 1803. — Зеленый Корсетъ, ком. въ 5 д. Спб. 1805. — Модникъ, комедія въ 5 д. Спб. 1806. — Нѣкоторыя разсужденія о Александрѣ Петровичѣ Сумароковѣ и началѣ Рос. театра. Спб. 1806. — Притча Орлы и Скворцы. Спб. 1806. — Марөа Посадница, или покореніе Нова-Города, драма въ 3 д. Спб. 1807. — Черты Екатерины Великія. Спб. 1819. — Поѣздка за границу. 4 части. Спб. 1821. — Повѣсти «Өеодора», о которой говоритъ Вигель, мы не нашли.

его на каждомъ шагу, при каждомъ словѣ, не замѣчая, сколь неприлично сіе въ общежитіи, сколь противно для самолюбія другихъ. Каждый изъ насъ, если только возьметъ трудъ разсмотрѣть себя, то найдетъ внутреннее, вѣрное чувство, которое поможетъ ему лучше другихъ сдѣлать самому себѣ оцѣнку. Многіе, ужасаясь умственной нищеты своей, холоднымъ молчаніемъ ограждаютъ ее отъ проницательности людей; высокомѣрнымъ обхожденіемъ, какъ плотною мантіей, прикрываютъ они природныя свои рубища.

Непомѣрная спѣсь г. Сумарокова превосходила всякое описаніе: никакіе успѣхи не смягчали его гордость, безчисленныя неудачи не могли никогда его образумить. Въ обращеніи со всѣми, кого смолоду не привыкъ онъ почитать выше себя, было всегда что-то грубое, жестокое, нестерпимое... Два раза былъ онъ губернаторомъ, потомъ сенаторомъ.

Онъ видѣлъ въ себѣ государственнаго человѣка и литературнаго генія; никто даже въ шутку его въ томъ не увѣрялъ. Вѣроятно, у него былъ двойникъ, и ихъ взаимное удивленіе, обожаніе утѣшало его въ мнимой несправедливости людей. Нельзя думать, чтобы творенія его дошли до потомства; библіоманамъ было бы однакоже не худо ихъ сохранять; они могутъ служить образцами дурнаго слога, дурнаго вкуса, самохвальства. Стараясь спасти ихъ отъ забвенія, въ которомъ, можетъ быть, и самъ потону, спѣшу назвать извѣстнѣйшія: Досуги Крымскаго судьи, Прогулка за границу и повѣсть: Ѳеодора...

2. Крыловъ.

Въ ненастное время пернатые пѣвцы скрываются въ густотѣ лѣса; деревню и домъ князя Голицына избралъ тогда убѣжищемъ одинъ весьма мохнатый пѣвецъ, извѣстный чудесными дарованіями. Я назвалъ его пѣвцемъ мохнатымъ, потому что въ поступи его и манерахъ, въ ростѣ и дородствѣ, равно какъ и въ слогѣ, есть нѣчто медвѣжье; та же сила, та же спокойная угрюмость, при неуклюжествѣ, та же смышленность, затѣйливость и ловкость. Его никто не назоветъ лучшимъ, первѣйшимъ нашимъ поэтомъ, но, конечно, онъ долго останется извѣстнѣйшимъ, любимѣйшимъ изъ нихъ. Многіе догадаются, что я хочу говорить о Крыловѣ.

Онъ былъ тогда лѣтъ 36 и болѣе 12 извѣстенъ въ литературѣ [1]). Онъ находился у насъ въ качествѣ пріятнаго собесѣдника

[1]) *Крыловъ* р. въ 1768 г. *Плетневъ* говоритъ, что Крыловъ жилъ у Голицына въ деревнѣ *Саратовской* губерніи (Полное Собр. сочиненій И. Крылова. Спб.

и весьма ученаго человѣка, а о сочиненіяхъ его никто, даже онъ самъ, никогда не говорилъ. Мнѣ доселѣ еще непонятно, отъ того-ли сіе происходило, что онъ не былъ иностранный писатель? отъ того-ли, что въ это время у насъ дорожили одною только воинскою славою? Какъ-бы то ни было, но я не подозрѣвалъ, что каждый день вижу человѣка, коего творенія печатаются, играются на сценѣ [1]) и читаются всѣми просвѣщенными людьми въ Россіи; еслибъ зналъ это, то конечно смотрѣлъ бы на него совсѣмъ иными глазами.

Собственное его молчаніе не можетъ почитаться слѣдствіемъ его скромности, а болѣе сметливости его: онъ выказывалъ только то, что въ состояніи были оцѣнить, истинныя же сокровища ума своего ему не было передъ кѣмъ расточать. Происхожденіе его мало извѣстно; кажется, онъ долженъ быть сыномъ новаго, мелкаго, бѣднаго дворянина. Природа сама указала ему путь, на которомъ онъ встрѣтился съ фортуной, потому что онъ мало заботился о службѣ. Но въ Россіи, особливо лѣтъ 50 тому назадъ, никакъ нельзя было оставаться безъ чина, и его куда-то записали. Неимущій, безпечный юноша, онъ долго не имѣлъ собственнаго угла и всегда гостилъ у кого-нибудь. Такимъ образомъ попался къ князю Голицыну и жилъ у него года два до нашей встрѣчи. Онъ сопутствовалъ ему въ армію въ званіи частнаго секретаря, надѣялся за границею получить новыя впечатлѣнія, пріобрѣсть новыя познанія, но неблагопріятный оборотъ, который взяли дѣла его патрона, заставилъ его съ нимъ вмѣстѣ укрыться въ деревнѣ.

Въ тучномъ тѣлѣ его обращалась кровь не столь медленно какъ нынѣ: въ немъ было болѣе живости, даже болѣе воображенія, но уже тогда былъ онъ замѣчателенъ неопрятностью, лѣнью и обжорствомъ. Въ этомъ необыкновенномъ человѣкѣ были положены зародыши всѣхъ талантовъ, всѣхъ искусствъ; природа сказала ему: выбирай любое, и онъ началъ пользоваться ея богатыми дарами, сдѣлался поэтъ, хорошій музыкантъ [2]), математикъ. Скоро, тяжестію тѣла какъ-бы прикованный къ землѣ и самымъ пошлымъ ея удовольствіямъ, его умъ сталъ рѣже и ниже парить. Одного ему дано

1847, т. 1, стр. XL—XLI); изъ разсказа Вигеля видно, что Крыловъ жилъ въ *Украинской* деревнѣ Голицына, и притомъ не въ 1801, а въ 1799 году.

[1]) *Крыловъ* писалъ драматическія произведенія: *Филомела*, трагедія (1786 г.), Бѣшеная *Семья*, комедія (1793), *Проказники*, ком. (1793), *Сочинитель* въ Прихожей, ком. (1794). Въ началѣ нынѣшняго столѣтія явились и другія его драматическія пьесы.

[2]) «Какъ музыкантъ, онъ въ молодыя лѣта, славился въ столицѣ (Петербургѣ) игрою своею на скрыпкѣ и обыкновенно участвовалъ въ дружескихъ квартетахъ первыхъ виртуозовъ.» *Плетневъ* въ біографіи Крылова. (Полн. Собр. Соч. И. Крылова. Спб. 1847, т. 1, стр. XXVI).

не было: душевнаго жара, священнаго огня, коимъ согрѣлась, растопилась-бы сія масса, поглотившая у насъ столь много наслажденій. Мы дивимся, мы восхищаемся тѣмъ, что ускользнуло отъ могущества плоти; что бы мы увидѣли, еслибъ она могла быть побѣждена.

Крылова называютъ Русскимъ Лафонтеномъ; тотъ и другой — первые баснописцы въ своей землѣ; но какъ поэтъ, мнѣ кажется, Французъ стоитъ выше [1]). Какъ онъ бываетъ иногда трогателенъ, увлекателенъ! Напр. въ баснѣ Два Голубя; читая его, никто не спроситъ, былъ ли онъ добрый человѣкъ? Всякій это почувствуетъ. Если-бъ о Крыловѣ мнѣ сдѣлали сей вопросъ, то я долженъ бы былъ отвѣчать отрицательно. Чрезмѣрное себялюбіе, даже безъ злости, нельзя назвать добротою; въ дѣяніяхъ Крылова, въ его разговорахъ всегда былъ одинъ только разсчетъ, въ его стихахъ чистота, стройность и размѣръ; вездѣ умъ, нигдѣ не проглянетъ чувство [2]), а умъ безъ чувства то же, что свѣтъ безъ теплоты. Человѣкъ этотъ никогда не вналъ ни дружбы, ни любви [3]), никого не удостоивалъ своего гнѣва, никого не ненавидѣлъ, ни о комъ не жалѣлъ; никогда не вспоминалъ о прошедшемъ, никогда не радовался ни славѣ нашего оружія [4]), ни успѣхамъ просвѣщенія [5]). Если онъ и завидовалъ другимъ знаменитымъ современнымъ нашимъ писателямъ, то развѣ въ тайнѣ, былъ съ ними привѣтливъ, но никогда ихъ не читалъ, никогда не хотѣлъ говорить о ихъ сочиненіяхъ. Единственную страсть или, лучше сказать, что-то похожее на нее имѣлъ онъ къ карточной игрѣ, но и въ ней былъ всегда остороженъ и всегда презиралъ игроковъ, съ коими однакоже прожилъ вѣкъ. Двѣ трети

---

[1]) Съ такимъ отзывомъ мы несогласны. Ср. басни «Лисица и Виноградъ,» «Ворона и Лисица,» «Дубъ и Трость» по Крылову и Лафонтену. См. I т. нашей Христоматіи, изд. 2, стр. 175, 176 и 178. Крыловъ заимствовалъ у Лафонтена 28 басенъ. Р. Архивъ 1864, стр. 1247 и д.

[2]) Неправда! См. басню «Чижъ и Ежъ». Эта басня — восторженный гимнъ Императору Александру, возвратившемуся изъ Парижа 1814 г. Въ заключеніи поэтъ говоритъ:

«Такъ я *крушуся* и *жалѣю*,
Что лиры Пиндара мнѣ не дано въ удѣлъ:
Я бъ Александра пѣлъ.»

Самъ Вигель въ другомъ мѣстѣ своихъ «Воспоминаній» (т. 2, стр. 159) пишетъ о названной баснѣ: «Крыловъ нашелъ средство въ маленькой, премилой баснѣ, *Чижъ* и *Ежъ*, также воспѣть ему (Александру I) хвалу.»

[3]) Такой отзывъ не подтверждаетъ біографія Крылова, написанная Плетневымъ.

[4]) А «Волкъ на Псарнѣ?» А «Обозъ?»

[5]) Басни «Червонецъ», «Бритвы», «Прудъ и Рѣка» и др. показываютъ глубокое уваженіе Крылова къ просвѣщенію и уму человѣка.

столѣтія прошелъ онъ одинъ сквозь нѣсколько поколѣній, одинаково равнодушный какъ къ отцвѣтшимъ, такъ и къ зрѣющимъ.

Съ хозяевами домовъ, кои по привычкѣ онъ часто посѣщалъ, гдѣ ему было весело, гдѣ его лелѣяли, откармливали, былъ онъ очень ласковъ и любезенъ; но если печаль какая ихъ постигала, онъ не охотно ее раздѣлялъ. Еслибъ его спросили: какое слово въ Русскомъ языкѣ ему кажется нѣжнѣйшимъ, то я увѣренъ, что онъ бы отвѣчалъ: кормилецъ мой. Что дѣлать! видно сердце у него въ желудкѣ; изъ сего источника почерпнулъ онъ большую часть своихъ мыслей и, надобно сказать правду, онъ имъ не худо былъ вдохновенъ. Не сыщется нынѣ человѣка, который бы болѣе Крылова благоговѣлъ передъ высокимъ чиномъ или титуломъ, въ глазахъ коего сіятельство или звѣзда имѣли бы болѣе блеска. Надобно было видѣть въ Казацкомъ его умное, искусное раболѣпство съ хозяевами; надобно было видѣть, какъ онъ самъ возбуждалъ ихъ къ шуткамъ, какъ часто въ угожденіе имъ трунилъ надъ собою. Грустно это вспомнить, а еще грустнѣе подумать, что на немъ напечатанъ весь характеръ простаго Русскаго народа, какимъ сдѣлали его Татарское иго, тиранство Іоанна, крѣпостное надъ нимъ право и желѣзная рука Петра, и если Крыловъ — вѣрное изображеніе его недостатковъ, то онъ же и представитель его великихъ способностей. Въ простомъ языкѣ его, который иногда употребляетъ онъ и въ разговорѣ, изъ простыхъ его изреченій схватилъ онъ все, что показываетъ его глубокомысліе, и безъ лишнихъ украшеній, безъ приправы составилъ изъ нихъ оригинальныя свои творенія, какъ славный поваръ изъ простыхъ, но самыхъ свѣжихъ припасовъ, готовитъ вкусный столъ, который можетъ удовлетворить прихотямъ взыскательнѣйшаго гастронома. Подобно восточнымъ стихотворцамъ, въ коихъ самовластіе не могло заглушить таланта, но кои не дерзаютъ явно говорить истины, рѣшился и онъ яснымъ мыслямъ своимъ, вѣрнымъ наблюденіямъ дать форму аполога.

Не смотря на свою лѣность, онъ отъ скуки предложилъ кн. Голицыну преподавать Русскій языкъ младшимъ сыновьямъ его и слѣдственно и соучащимся съ ними. И въ этомъ дѣлѣ показалъ онъ себя мастеромъ. Уроки наши проходили почти всѣ въ разговорахъ; онъ умѣлъ возбуждать любопытство, любилъ вопросы и отвѣчалъ на нихъ также толковито, также ясно, какъ писалъ свои басни. Онъ не довольствовался однимъ Русскимъ языкомъ, а къ настановленіямъ своимъ примѣшивалъ много нравственныхъ поученій и объясненій равныхъ предметовъ изъ другихъ наукъ. Изъ слушателей его никого не было внимательнѣе меня, и я долженъ признаться, что если имѣю сколько-нибудь ума, то много въ то время около него набрался. Обхожденіемъ его со мною я былъ

очень доволенъ; правда, онъ напоминалъ мнѣ иногда о почтеніи, коимъ я обязанъ ребятамъ, молодымъ князьямъ, моимъ товарищамъ, что мнѣ было весьма не по сердцу, но за то маленькому Англичанину Личу при мнѣ говаривалъ онъ, что ему не слѣдуетъ забываться предо мною, генеральскимъ сыномъ....

3. Суворовъ. — Высшее Общество. — Отъѣздъ Вигеля.

Насъ человѣкъ двадцать каждый день садилось за столъ, но по праздникамъ бывало и болѣе двадцати пяти. Казалось, будто мы океаномъ или непроходимыми горами отдѣлены отъ другихъ частей міра, и только одинъ разъ въ недѣлю, посредствомъ почты, имѣемъ съ нимъ сообщеніе. Меня увѣряли послѣ, будто за нами присматривали: но кажется, кому бы было? Земской полиціи мы въ глаза не видали, а между нами не было ни одного человѣка, который бы когда-либо запятналъ себя предательствомъ.

Почтовые дни были для насъ днями радости. Я зналъ тогда хорошо по-Нѣмецки и съ жадностію бросался на Гамбургскія газеты, которыя по прочтеніи вручалъ мнѣ князь съ ободрительною улыбкою. Московскія Вѣдомости не менѣе тогда были любопытны: не было нумера, въ коемъ бы не упоминалось о Суворовѣ. Я шелъ за нимъ черезъ Адижъ, Требію и По; за нимъ летѣлъ на высоты Альповъ и съ нетерпѣніемъ ожидалъ его въ Парижѣ; голова моя горѣла, сердце билось при чтеніи блистательныхъ его реляцій [1]). Я

[1]) Приводимъ одну *реляцію Суворова:* донесеніе (отъ 3 дек. 1799). Въ донесеніи своемъ отъ 3 дек. 1799 г. къ Государю Императору Павлу I онъ такъ описалъ знаменитый свой переходъ черезъ Альпы: «На каждомъ шагѣ въ этомъ царствѣ ужаса сіяющія пропасти представляли отверстые и поглотить готовые гробы смерти. Дремучія, мрачныя ночи, непрерывно ударяющіе громы, ліющіеся дожди и густой туманъ облаковъ при шумныхъ водопадахъ, съ каменьями съ вершинъ низвергавшихся, увеличивали трепетъ. Тамъ явилась зрѣнію нашему гора Сен-Готардъ, этотъ величающійся колоссъ горъ, ниже хребтовъ котораго громоносныя тучи и облака плаваютъ, и другая, уподобляющаяся ей, Фогельс-бергъ. Всѣ опасности, всѣ трудности были преодолѣны, и при такой борьбѣ со всѣми стихіями, непріятель, гнѣздившійся въ ущельяхъ и неприступныхъ, выгоднѣйшихъ мѣстоположеніяхъ, не могъ противостоять храбрости воиновъ, явившихся неожиданно на этомъ театрѣ: онъ всюду прогнанъ. Войска Вашего Императорскаго Величества прошли черезъ темную пещеру—Урзерн-Лохъ, заняли мостъ, удивительною игрой природы изъ двухъ горъ сооруженный и проименованный Тейфельсбрике (*Чортовъ мостъ*). Оный разрушенъ непріятелемъ; но это не остановило побѣдителей: они связываютъ доски шарфами офицеровъ; бѣгутъ по этимъ доскамъ, спускаются съ вершинъ въ бездны, и, достигая врага, поражаютъ его всюду. Напослѣдокъ, надлежало

дома былъ изнѣженъ и слѣдственно труслив; тутъ откуда бодрость; съ восхищеніемъ мечталъ я объ опасностяхъ, стыдился малѣйшей робости и побѣждалъ ее. Такъ сильно дѣйствуютъ великіе люди въ отдаленнѣйшихъ отъ насъ мѣстахъ, на самые низшіе классы и на самый нѣжный возрастъ.

Тутъ въ первый разъ узналъ я сладостное чувство любви къ отечеству, меня потомъ никогда не покидавшее; въ этотъ достопамятный для меня годъ познакомился я съ пороками и добродѣтелями, мнѣ дотолѣ неизвѣстными; въ уединенномъ углу Россіи вкусилъ я отъ древа познавія добра и зла. Скудны были мы настоящими происшествіями, но за то, исключая дѣтей, всѣ были богаты воспоминаніями, и потому-то бо́льшая часть разговоровъ проходила въ разсказахъ. Изъ разныхъ странъ собрались тутъ образчики разныхъ націй и состояній; съ обыкновеннымъ вниманіемъ я все выслушивалъ, позволялъ себѣ мѣшаться въ разговоры, дѣлать вопросы и получалъ снисходительные и удовлетворительные отвѣты. Такимъ образомъ, въ самомъ тѣсномъ кругу, въ коемъ прожилъ я тогда близъ года, чрезвычайно расширился кругъ моихъ идей.

Напримѣръ, я узналъ между прочимъ, что знатный родъ и блестящія связи не только замѣняютъ заслуги и чины, кои они доставляютъ или должны доставлять, но стоятъ на высотѣ, для сихъ послѣднихъ недосягаемой. Сію вѣру исповѣдывали всѣ члены семейства, въ коемъ я жилъ, изъ нихъ, кажется, первый князь Өедоръ принялъ ее въ тогдашнихъ Петербургскихъ гостиныхъ, куда она была вывезена прямо изъ Сен-Жерменскаго предмѣстья статскою совѣтницей княгиней Натальей Петровной Голицыной, урожденной графиней Чернышевой, сестрой фельдмаршальши Салтыковой. Находясь въ Парижѣ во время революціи, сія знаменитая дама схватила священный огнь, угасающій во Франціи и возжгла его у насъ на сѣверѣ. Сотни свѣтскаго и духовнаго званія эмигрантовъ способствовали ей распространить свѣтъ его въ нашей столицѣ. Составилась компанія на акціяхъ, куда вносимы были титулы, богатства, кредитъ при дворѣ, знаніе Французскаго языка, а еще болѣе

восходить на снѣжную гору Биншнеръ-бергъ, скалистою крутизной всѣ прочія превышающую; утопая въ скользкой грязи, должно было подниматься противъ и посреди водопада, низвергавшагося съ ревомъ, и низрывавшаго съ яростію страшные камни, снѣжныя и земляныя глыбы, на которыхъ много людей съ лошадьми съ величайшимъ стремленіемъ летѣли въ преисподнія пучины, гдѣ многіе убивались, а другіе спасались. Всякое выраженіе недостаточно къ изображенію этой картины во всемъ ея ужасѣ. Единое воспоминаніе преисполняетъ душу трепетомъ и теплымъ благодарственнымъ моленіемъ ко Всевышнему, Его же невидимая, всесильная десница видимо охраняла воинство Вашего Императорскаго Величества, подвизавшееся святою его вѣрою».

незнаніе Русскаго. Присвоивъ себѣ важныя привиллегіи, компанія сія назвалась высшимъ обществомъ и правила Французской аристократіи начала прилаживать къ Русскимъ правиламъ, столь же удачно, какъ въ нынѣшнихъ Французскихъ водевиляхъ маркизы де-Сенваль и виконтессы де-Жюссакъ на нашей сценѣ перерождаются Авдотьями Дмитріевнами и Марьями Семеновнами. Екатерина благопріятствовала сему обществу, видя въ немъ одинъ изъ оплотовъ престола противъ вольнодумства....

Не одинъ разъ придется мнѣ говорить о семъ высокомъ сословіи, не болѣе какъ съ полсотни лѣтъ у насъ образовавшемся, о преимуществахъ, коими оно пользуется, о сомнительныхъ правахъ нѣкоторыхъ изъ его членовъ. Чтобы съ нѣкоторою подробностью изобразить его, я хочу дождаться времени, когда мнѣ дано было почтительно приблизиться къ его святилищамъ; сказанное теперь почитаю покамѣстъ достаточнымъ. Въ малолѣтствѣ не совсѣмъ деликатно давали мнѣ чувствовать его могущество, но оно еще явилось мнѣ какъ огромный блестящій фантомъ, коего образъ сокрытъ былъ отъ меня таинственнымъ покровомъ, коего не видѣлъ я слабыхъ сторонъ и коего власти не зналъ границъ.

Барская спѣсь съ примѣсью Французскихъ предразсудковъ дѣлали самохвальство молодыхъ Голицыныхъ иногда несноснымъ. Ни у одного не было дурнаго сердца, не было даже гордости, но губительное для нихъ въ послѣдствіи тщеславіе и легкомысліе. Имъ все еще грезилась тѣнь дѣдушки Потемкина; изъ словъ ихъ можно было узнать, что они болѣе видятъ въ себѣ побѣжденныхъ сильнымъ противникомъ, чѣмъ караемыхъ грознымъ владыкой. Со своими слугами они обходились также просто, какъ и съ живущими у нихъ въ домѣ; эта ласка была такого рода, какая оказывается любимой лошади, собакѣ или птицѣ. Такой ласки я снести не могъ, и смѣю похвастаться, что умѣлъ отразить покровительствующій тонъ, который хотѣли взять со мной молодые люди; съ родителями ихъ было дѣло другое.

Прошло лѣто, наступила осень, и уже близилась зима; съ каждымъ днемъ все у насъ въ деревнѣ становилось мрачнѣе и печальнѣе. Заграничныя извѣстія сдѣлались менѣе радостны, уменьшилась быстрота полета Суворова; сколь ни славенъ былъ переходъ его черезъ Альпы, но онъ отдалялъ насъ отъ цѣли; наши Французы-роялисты повѣсили голову, а я чуть не плакалъ отъ досады.

Къ концу года приготовилась для меня перемѣны въ жизни. Тайный іезуитъ, аббатъ Николь, завелъ въ Петербургѣ аристократическій пансіонъ. Онъ объявилъ, что сыновья вельможъ одни только въ немъ будутъ воспитываться; и сколько съ намѣреніемъ затруднить вступленіе въ него дѣтямъ не богатыхъ состояній, столько изъ

видовъ корысти, положилъ неимовѣрную плату: ежегодно по 1,500 рублей, нынѣшнихъ шесть тысячъ. Обстоятельства способствовали успѣхамъ сего заведенія, которое находилось у Обухова моста, на Фонтанкѣ, рядомъ съ великолѣпнымъ домомъ князя Юсупова. Супруга его, княгиня Татьяна Васильевна, отдала сына своего къ аббату Николю, коего чрезвычайно поддерживала; будучи сестрою княгини Голицыной, она письменно и ее убѣждала прислать туда-же младшихъ сыновей своихъ, на что послѣдняя долго не изъявляла согласія. Но какъ невозможно было наконецъ не подмѣтить безнравственности г. Ролена, такъ какъ совѣстились ему прямо отказать и затруднялись въ пріискавіи ему преемника, то и рѣшились отправить мальчиковъ въ Петербургъ. О семъ намѣреніи увѣдомили также и моихъ родителей, возвращавшихся тогда изъ Москвы.

Едва успѣли они воротиться, какъ прислали за мной довѣреннаго слугу. Исключая Михаила Голицына и учителя Керлеро, я разстался почти безъ всякаго сожалѣнія съ людьми, съ коими, казалось, одна привычка должна уже была меня связать; не меня винить надобно, а ихъ равнодушіе даже между собою, даже другъ къ другу. Въ самое Рождество, отужинавъ, простился я со всѣми довольно холодно и пошелъ къ себѣ спать, съ тѣмъ, чтобы до свѣта выѣхать. Странное дѣло! Лишь только пришелъ въ свою комнату и сталъ раздѣваться, какъ мнѣ сдѣлалось грустно. Такъ послѣ со мною бывало и вездѣ, особенно тамъ, гдѣ люди не оказывали мнѣ и не возбуждали во мнѣ большаго участія: вмѣсто ихъ, роднился я съ мѣстами и ихъ только покидалъ какъ друзей. Менѣе сутокъ пробылъ я въ дорогѣ и далеко за полночь, когда уже у насъ всѣ спали, пріѣхалъ я въ Кіевъ.

Примѣч. — При чтеніи любопытнѣйшихъ «Воспоминаній» *Вигеля* поневолѣ приходятъ на мысль тѣ или другія страницы изъ поэтическихъ произведеній Пушкина, Грибоѣдова и Гоголя. Воспитаніе дѣтей князя Голицына напоминаетъ воспитаніе Онѣгина и Гринева, роскошь Браницкой — стихотвореніе Пушкина «Вельможа»; — изобиліе иностранцевъ, увлеченіе франц. языкомъ, жизнь среди множества приживалокъ, возобновляетъ тѣ же самыя черты въ комедіи «Горе отъ Ума»; сластолюбіе деревенской барыни заставляетъ вспоминать «Старосвѣтскихъ Помѣщиковъ» Гоголя. Мы глубоко убѣждены, что серьезное изученіе «Записокъ» сравнительно съ поэтическими образцами разныхъ нашихъ писателей подыметъ въ понятіяхъ учениковъ высокую важность поэзіи въ историческомъ смыслѣ. — О «Воспоминаніяхъ» Вигеля приводимъ мнѣніе кн. П. А. *Вяземскаго*. — «Какъ современникъ и зритель многихъ событій, имъ описанныхъ, и коротко знавшій многія лица, имъ изображенныя, почитаю не лишнимъ воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы, въ предостереженіе читателямъ, высказать здѣсь мое мнѣніе объ этихъ Запискахъ. По скудости нашей въ подобныхъ твореніяхъ, Записки Вигеля — любопытное и драгоцѣнное пріобрѣтеніе для нашей литературуры. Онѣ писаны умно и мѣстами довольно художественно. Есть живость и увлекательность въ разсказѣ,

въ картинахъ и портретахъ, нерѣдко бойкою кистью схваченныхъ. Вотъ хорошая лицевая сторона этихъ Записокъ. Но есть въ нихъ и важный недостатокъ; должно читать ихъ, слѣдуетъ довѣрять имъ съ большою осторожностью. Вигель самъ не принадлежалъ къ числу дѣятелей эпохи, имъ описываемой; за нѣкоторыми исключеніями не былъ онъ съ ними ни въ связи, ни въ сношеніи. Однимъ словомъ, былъ онъ внѣ дѣйствующей и вліятельной среды. Многое разсказано имъ по городскимъ слухамъ, сплетнямъ, кривымъ толкамъ судей, не призванныхъ и мало свѣдущихъ. Ничего у него не провѣрено, не изслѣдовано критически. Авторъ имѣлъ замѣчательный и даже довольно образованный умъ. Скажу болѣе: я убѣжденъ, что онъ имѣлъ даже и мягкое, доброе сердце; но раздражительный, щекотливый нравъ его портилъ въ немъ дары природы. Во многихъ отношеніяхъ узкость понятій, мелкое чиновничество, доводившее самолюбіе его до малодушія, затмѣвали свѣтлый умъ его.

«Способный любить и уважать достойныхъ людей, онъ былъ злопамятенъ въ бездѣлицахъ и за бездѣлицы. Онъ не прощалъ, если не отплатятъ ему тотчасъ же визита его, если нарушатъ въ немъ права мѣстничества, то есть посадятъ его за столомъ, не на мѣсто, которое онъ считалъ подобающимъ чину его, если при посѣщеніи продолжаешь курить сигарку, которой не переносили его слабые и причудливые нервы. Все это вносилось имъ въ книгу разсчетовъ и обязательствъ, по которымъ онъ рано или поздно производилъ свои взысканія и накладывалъ пени на провинившихся предъ нимъ. Въ теченіи жизни, онъ неоднократно ссорился не только съ отдѣльными лицами но съ цѣлыми семействами, съ городами, областями и народами. Не претерпѣвшій никогда особеннаго несчастія, онъ былъ несчастливъ самъ по себѣ и самъ отъ себя. Можно сказать, что при обстоятельствахъ довольно благопріятныхъ, онъ болѣзненно прошелъ жизнь свою, безпрестанно уязвляемый иглистыми терніями и булавками, которыми онъ самъ осыпалъ дорогу свою. Все это отражается въ Запискахъ его и лишаетъ ихъ того здраваго и внушающаго довѣренность характера, который составляетъ прямое и главное достоинство историческихъ и личныхъ Записокъ». (Р. Архивъ 1866, № 2, стр. 218—220).

Темы. — Деревенская жизнь вельможи XVIII вѣка. — Русская барыня XVIII в. — Старинная роскошь. — Старинный бытъ и обычаи: — барскіе хоромы, приживальцы, приживалки, прислуга изъ шляхты, деспотизмъ женщины, судьба мелкопомѣстныхъ дворянъ и проч. — Сравн. съ комедіею Грибоѣдова (Монологъ Чацкаго: 1 дѣйств., VII яв., Христоматіи нашей т. III, изд. 2, стр. 526). — Высшее общество XVIII в. — Воспитаніе Русскихъ баричей въ концѣ XVIII в. — Педагоги — иноземцы: Шевалье и Керлеро. — Положеніе учителя въ домѣ великосвѣтскаго вельможи. — Французское вліяніе: поваръ, учитель, медикъ, важность знанія языка, посѣвъ табаку вмѣсто ржи и проса, писатели, эмигранты, выдача дочерей за иноземцевъ, пансіонъ аббата Николя и проч. — Сумароковъ. — Повѣрить отзывъ Вигеля о Крыловѣ, какъ *писателѣ*, по тѣмъ баснямъ, которыя напечатаны въ I т. нашей Христоматіи. — Крыловъ въ званіи домашняго учителя. — Педагогическое значеніе великихъ людей (Суворовъ). — Искренность Вигеля. — Литературное достоинство отрывка изъ его «Воспоминаній».

3. ПУТЕШЕСТВІЯ.

Путешествія составляютъ весьма важный отдѣлъ повѣствовательной литературы. Послѣ произведеній поэзіи, ни одинъ видъ словесности такъ не занимателенъ, какъ путешествія. Во всѣхъ образованныхъ странахъ міра ежегодно выходятъ или новыя путеописанія, или прежнія, старыя, въ исправленныхъ изданіяхъ; по отчетамъ публичныхъ библіотекъ Англіи, Франціи и Германіи видно, что путешествія читаются съ бо́льшею жадностію, нежели другія сочиненія серьезнаго содержанія. Главная причина всеобщей привязанности образованнаго человѣка къ чтенію путевыхъ записокъ заключается въ ихъ *содержаніи*, а потомъ — въ *образѣ изложенія*. Путешествія представляютъ читателю богатѣйшій, разнообразный и занимательнѣйшій матеріалъ. Здѣсь онъ находитъ историческіе очерки той или другой страны, того или другаго событія или просто обыкновеннаго предмета; историческая часть ярко освѣщается множествомъ любопытныхъ анекдотовъ. Каждое, почти каждое, путеописаніе заключаетъ въ себѣ много историческаго элемента (см. ниже отрывки, изъ Карамзина, Норова, Ковалевскаго, Боткина, Максимова и др.). Въ путешествіяхъ читатель находитъ замѣтки и разсужденія о политическихъ дѣлахъ того или другаго края; видитъ разнообразныя картины природы, изображенія быта и нравовъ; путешествія представляютъ описанія памятниковъ и дѣятелей науки, искусства, произведеній промышленности, торговли; въ нихъ мы иногда встрѣчаемъ разсказы самаго романическаго свойства. Отсюда видно, что путешествіе есть отчасти исторія, отчасти политика, отчасти — географія и этнографія, отчасти—ученый трактатъ и отчасти романъ. Такое богатое и занимательное содержаніе передается въ самой простой и доступной всякому *формѣ*. Путешествія излагаются то въ видѣ писемъ, то въ видѣ дневника. И

письмо и дневникъ — самыя обыкновенныя, будничныя формы изложенія нашихъ мыслей и чувствъ. Здѣсь авторъ какъ у себя дома: онъ говоритъ то, что у него на сердцѣ. Ему нѣтъ надобности обдумывать, чтó и кáкъ сказать. Онъ пишетъ не ученый трактатъ, не историческую монографію, гдѣ потребно сосредоточеніе всѣхъ силъ ума и воображенія на одномъ предметѣ, часто на одномъ словѣ и гдѣ слѣдовательно сочинитель связанъ, — въ письмѣ и дневникѣ авторъ свободенъ. Что его поразило, то онъ немедленно и вноситъ въ свою памятную книжку. Этотъ постоянный переходъ отъ одного предмета къ другому, отъ одной исторіи къ другой дѣлаетъ чтеніе путеописанія самымъ любопытнымъ. Моя мысль не напряжена, не связана, — однимъ извѣстнымъ явленіемъ, однимъ извѣстнымъ фактомъ какъ въ сочиненіи систематическомъ: здѣсь я всегда свободенъ. Одинъ фактъ непонятъ мною, — такъ будетъ понятъ другой; если я слабъ въ исторіи и политикѣ, то могу остановиться на картинахъ природы, на чертахъ быта и нравовъ, на разсказѣ о приключенія путешественника,—во всякомъ случаѣ я послѣ чтенія путешествія вынесу какое-нибудь новое знаніе, свѣжее впечатлѣніе. Для юношества путешествія должны быть настольными книгами: они дополнятъ и освѣтятъ ту массу свѣдѣній, которыя пріобрѣтаются на школьной скамьѣ.

ПИСЬМА РУССКАГО ПУТЕШЕСТВЕННИКА

1. Эльба.

(1789 г., Іюля 12, въ 10 часовъ вечера).

Послѣ обѣда былъ я въ гостяхъ у нашего молодаго Священика, гдѣ познакомился еще съ Секретаремъ нашего Министра; а оттуда пошелъ одинъ гулять за городъ, въ такъ называемый *большой садъ*. Длинная аллея вывела меня на обширный зеленый лугъ. Тутъ на лѣвой сторонѣ представилась мнѣ Эльба и цѣпь высокихъ холмовъ, покрытыхъ лѣскомъ, изъ-за котораго выставляются кровли разсѣянрыхъ домиковъ и шпицы башенъ. На правой сторонѣ поля, обогащенныя плодами; вездѣ вокругъ меня разстилались зеленые ковры, усѣянные цвѣтами. Вечернее солнце кроткими лучами своими освѣщало сію прекрасную картину. Я смотрѣлъ и наслаждался; смотрѣлъ, радовался и — даже плакалъ: что обыкновенно бываетъ, когда сердцу моему очень, очень весело! — Вынулъ бумагу, каран-

дашъ; написалъ: *любезная Природа!* и болѣе ни слова!! Но едва ли когда-нибудь чувствовалъ такъ живо, что мы созданы наслаждаться и быть счастливыми; и едва ли когда-нибудь въ сердцѣ своемъ былъ такъ добръ и такъ благодаренъ противъ моего Творца, какъ въ сіи минуты. Мнѣ казалось, что слезы мои льются отъ живой любви къ Самой Любви, и что онѣ должны смыть нѣкоторыя черныя пятна въ книгѣ жизни моей. А вы, цвѣтущіе берега Эльбы, зеленые лѣса и холмы! вы будете благословляемы мною и тогда, когда, возвратясь въ сѣверное, отдаленое отечество мое, въ часы уединенія буду воспоминать прошедшее!

2. Рейнскій Водопадъ.

(*Августа 14*).

Послѣ обѣда поѣхали мы въ наемной коляскѣ къ водопаду, до котораго отъ города будетъ около двухъ верстъ. Пріѣхавъ туда, сошли съ горы и сѣли въ лодку. Стремленіе воды было очень быстро. Лодка наша страшно качалась; и чѣмъ ближе подъѣзжали мы къ другому берегу, тѣмъ яростнѣе мчались волны. Одинъ порывъ вѣтра могъ бы погрузить насъ въ кипящей быстринѣ. Приставъ къ берегу, съ великимъ трудомъ взлѣзли мы на высокой утесъ, потомъ опять спустились ниже, и вошли въ галлерею, построеную, такъ сказать, въ самомъ водопадѣ.

Теперь, друзья мои, представьте себѣ большую рѣку, которая, преодолѣвая въ теченіи своемъ всѣ перепоны, полагаемыя ей огромными камнями, мчится ужасною яростью, и наконецъ, достигнувъ до высочайшей гранитной преграды, и не находя себѣ пути подъ сею твердою стѣною, съ неописаннымъ шумомъ и ревомъ свергается внизъ, и впаденіи своемъ превращается въ бѣлую кипящую пѣну. Тончайшіе брызги разновидныхъ волнъ, съ безпримѣрною скоростью летящихъ одна за другою, миріадами подымаются вверхъ, и составляютъ млечныя облака влажной, для глазъ непроницаемой пыли. Доски, на которыхъ мы стояли, тряслись безпрестанно. Я весь облитъ былъ водяными частицами, молчалъ, смотрѣлъ и слушалъ разные звуки ниспадающихъ волнъ: ревущій концертъ, оглушающій душу! Феноменъ дѣйствительно величественный! Воображеніе мое одушевляло хладную стихію: давало ей чувство и голосъ: она вѣщала мнѣ о чемъ-то неизглаголанномъ! Я наслаждался —и готовъ былъ на колѣняхъ извиниться передъ Рейномъ въ томъ, что вчера говорилъ я о паденіи его съ такимъ неуваженіемъ. Долѣе часа стояли мы въ сей галлереѣ; но это время показалось мнѣ минутою. Переѣзжая опять черезъ Рейнъ, увидѣли мы безчи-

сленныя радуги, производимыя солнечными лучами въ водяной пыли: что составляетъ прекрасное, великолѣпное зрѣлище. Послѣ сильныхъ движеній, бывшихъ въ душѣ моей, мнѣ нужно было отдохнуть. Я сѣлъ на Цирихскомъ берегу, и спокойно разсматривалъ картину водопада съ его окрестностями. Каменная стѣна, съ которой низвергается Рейнъ, вышиною будетъ около семидесяти пяти футовъ. Въ срединѣ сего паденія возвышаются двѣ скалы, или два огромные камня, изъ которыхъ одинъ, не смотря на усиліе волнъ, стремящихся сокрушить его, стоитъ непоколебимъ — (подобно великому мужу, скажетъ Стихотворецъ, непреклонному среди бѣдствій, и щитомъ душевной твердости отражающему всѣ удары злаго рока)— а другой камень едва держится на своемъ основаніи, будучи разрушаемъ водою. На противоположномъ крутомъ берегу представлялись мнѣ старый замокъ Лауфенъ, церковь, хижины, виноградные сады и дерева: все сіе вмѣстѣ составляло весьма пріятный ландшафтъ.

Для сравненія приводимъ описаніе[1]) Рейнскаго водопада, составленное Жуковскимъ.

Рейнскій Водопадъ.

(*1789, окт. 2*).

Онъ поразилъ меня, но не плѣнилъ, какъ нѣкоторые другіе Швейцарскіе водопады, гораздо болѣе живописные. Если смотрѣть на него, какъ на водопадъ, если видѣть всю полную картину паденія; то онъ не имѣетъ ничего особенно поразительнаго. Спереди онъ не иное что, какъ невысокій водяной уступъ, шумящій и пѣнный, посреди котораго чернѣетъ нѣсколько утесовъ, изрытыхъ силою воды; сверху видишь всю рѣку, тихо идущую къ тому уступу, съ котораго она падаетъ, и сила паденія почти непримѣтна: плѣняешься блескомъ солнца на водѣ и радугою въ пѣнномъ туманѣ. Но разительное, неописанное зрѣлище представляется глазамъ, когда смотришь на паденіе вблизи, съ галлереи, построенной на берегу у самаго водопада: тутъ уже нѣтъ водопада, нѣтъ картины; стоишь въ хаосѣ пѣны, грома и волнъ, не имѣющихъ никакого образа. И это зрѣлище безъ солнца еще величественнѣе, нежели при солнцѣ: лучи, освѣщая волны, даютъ имъ нѣкоторую видимую, знакомую форму; но безъ лучей все теряетъ образъ: мимо тебя летаютъ съ громомъ, свистомъ и ревомъ какіе-то необъятные призраки, которые бросаются впередъ, клубятся, вьются, подымаются облакомъ

[1]) *Описаніемъ* называется изображеніе предмета въ одномъ извѣстномъ, опредѣленномъ состояніи, въ данный только моментъ, безъ указанія не измѣненія, бывшія въ немъ прежде или послѣ.

дыма, взлетаютъ снопомъ шипящихъ водяныхъ ракетъ, одинъ другому пересѣкаютъ дорогу и, встрѣчаясь, расшибаются въ дребезги—словомъ, картина неописанная.

В. Жуковскій.

3. Ферней.

Кто будучи въ Женевской Республикѣ, не почтетъ за пріятную должность быть въ Фернеѣ, гдѣ жилъ славнѣйшій изъ Писателей нашего вѣка. Я ходилъ туда пѣшкомъ съ однимъ молодымъ Нѣмцомъ. Бывшій Вольтеровъ замокъ построенъ на возвышенномъ мѣстѣ, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ деревни Ферней, откуда идетъ къ нему прекрасная аллея. Передъ домомъ на лѣвой сторонѣ увидѣли мы маленькую церковь, съ надписью: *Вольтеръ Богу.*

«Вольтеръ былъ одинъ изъ ревностныхъ почитателей Божества (говоритъ Лагарпъ [1]) въ похвальномъ словѣ Фернейскому мудрецу). Si Dieu n'existait pas il faudrait l'inventer (естьли бы не существовалъ Богъ, то надлежало бы Его выдумать) — сей прекрасный стихъ написанъ имъ въ старости, и показываетъ его Философію».

Человѣкъ, вышедшій къ намъ на встрѣчу, не хотѣлъ было вести насъ въ домъ, говоря, что господинъ его, которому извѣстная наслѣдница Вольтерова продала сей замокъ, не велѣлъ никого пускать туда; но мы увѣрили его въ нашей благодарности, и въ минуту отворилась намъ дверь во святилище, въ тѣ комнаты, гдѣ жилъ Вольтеръ, и гдѣ все осталось такъ, какъ при немъ было. Комнатные приборы хороши и довольно богаты. Въ той горницѣ, гдѣ стоитъ Вольтерова кровать, было погребено его сердце, которое госпожа Денисъ увезла съ собою въ Парижъ. Остался одинъ черный монументъ, съ надписью: son ésprit est partout et son coeur est ici (духъ его вездѣ, сердце его здѣсь), выше: mes manes sont consolés, puisque mon coeur est au milieu de vous (тѣнь моя утѣшена, ибо сердце мое посреди васъ). На стѣнахъ висятъ портреты: первый нашей Императрицы (шитый на шелковой матеріи съ надписью: presenté à Mr. Voltaire par l'Auteur, — и на сей портретъ смотрѣлъ я съ бо́льшимъ примѣчаніемъ и съ бо́льшимъ удовольствіемъ, чѣмъ на другіе); второй покойнаго Прусскаго короля; третій Лекеня, славнаго Парижскаго актера; четвертый самого Вольтера, и (пятый) Маркизы де Шатле, которая была ему другомъ, и болѣе нежели другомъ. Между гравированными изображеніями замѣтилъ я портретъ Невтона, Буало, Мармонтеля, д'Аламберта, Франклина, Гельвеція, Климента XIV, Дидрота и Делиля. Прочіе эстампы и

[1]) *Лагарпъ*—Франц. писатель (1759—1803). Извѣстенъ своею критическою дѣятельностію; замѣчателенъ его «Курсъ Литературы».

картины не важны. Спальня Вольтерова служила ему и кабинетомъ, изъ котораго онъ поучалъ, трогалъ и смѣшилъ Европу. Такъ, друзья мои! должно признаться, что никто изъ Авторовъ осьмагонадесять вѣка не дѣйствовалъ такъ сильно на своихъ современниковъ, какъ Вольтеръ. Къ чести его можно сказать, что онъ распространилъ сію взаимную терпимость въ Вѣрахъ, которая сдѣлалась характеромъ нашихъ временъ, и наиболѣе посрамилъ гнусное лжевѣріе, которому еще въ началѣ осьмагонадесять вѣка приносились кровавыя жертвы въ нашей Европѣ [1]. — Вольтеръ писалъ для читателей всякаго рода, для ученыхъ и неученыхъ; всѣ понимали его, и всѣ плѣнялись имъ. Никто не умѣлъ столь искусно показывать смѣшнаго во всѣхъ вещахъ и никакая Философія не могла устоять противъ Вольтеровой ироніи. Публика всегда была на его сторонѣ, потому что онъ доставлялъ ей удовольствіе смѣяться! Вообще въ сочиненіяхъ Вольтеровыхъ не найдемъ мы тѣхъ великихъ идей, которыя Геній Натуры, такъ сказать, непосредственно вдыхаетъ въ избранныхъ смертныхъ; но сіи идеи и понятны бываютъ только немногимъ людямъ, и потому самому кругъ дѣйствія ихъ весьма ограниченъ. Всякой любуется пареніемъ весенняго жаворонка; но чей взоръ дерзнетъ за орломъ къ солнцу? Кто не чувствуетъ красотъ *Заиры?* но многіе ли удивляются Отеллу [2]?

Положеніе Фервейскаго замка такъ прекрасно, что я позавидовалъ Вольтеру. Онъ могъ бы изъ оконъ своихъ видѣть *Бѣлую* Савойскую *гору*, высочайшую въ Европѣ, и прочія снѣжныя громады вмѣстѣ съ зелеными равнинами, садами и другими пріятными предметами. Фернейской садъ разведенъ имъ самимъ, и показываетъ его вкусъ. Всего болѣе полюбилась мнѣ длинная алея; при входѣ въ нее кажется, что она примыкаетъ къ самымъ горамъ. Большой, чистый прудъ служитъ зеркаломъ для высокихъ деревъ, осѣняющихъ берега его.

Имя Вольтерово твердятъ всѣ жители Фернея.

4. Парижъ.

(27 марта, 1790).

Мы приближались къ Парижу, и я безпрестанно спрашивалъ, скоро ли увидимъ его? Наконецъ открылась обширная равнина, а

[1]) Но я не могу одобрить Вольтера, когда онъ отъ суевѣрія не отличалъ истинной Христіанской Религіи, которая, по словамъ одного изъ его соотечественниковъ, находится къ первому въ такомъ же отношеніи, въ какомъ находится правосудіе къ ябедѣ.

[2]) Тогда я такъ думалъ.

на равнинѣ во всю длину ея, Парижъ!... Жадные взоры наши устремились на сію необозримую громаду зданій—и терялись въ ея густыхъ тѣняхъ. Сердце мое билось. «Вотъ онъ, (думалъ я)—вотъ городъ, который въ теченіе многихъ вѣковъ былъ образцомъ всей Европы, источникомъ вкуса, модъ—котораго имя произносится съ благоговѣніемъ учеными и неучеными, Философами и щеголями, художниками и невѣждами, въ Европѣ и въ Азіи, въ Америкѣ и въ Африкѣ—котораго имя стало мнѣ извѣстно почти вмѣстѣ съ моимъ именемъ; о которомъ такъ много читалъ я въ романахъ, такъ много слыхалъ отъ путешественниковъ, такъ много мечталъ и думалъ!... Вотъ онъ!... я его вижу, и буду въ немъ!»—Ахъ, друзья мои! сія минута была одною изъ пріятнѣйшихъ минутъ моего путешествія! Ни къ какому городу не приближался я съ такими живыми чувствами,—съ такимъ любопытствомъ, съ такимъ нетерпѣніемъ!—Товарищъ нашъ Французъ, указывая на Парижъ своею тростью, говорилъ намъ: «Здѣсь, на правой сторонѣ, видите вы предмѣстіе Монъ-Мартръ и Дю-Тампль; противъ насъ св. Антонія; а на лѣвой сторонѣ за Сеною предмѣстіе Ст. Марсель, Мишель и Жерменъ. Эта высокая готическая башня есть древняя церковь Богоматери; сей новый великолѣпный храмъ, котораго архитектурѣ вы конечно удивляетесь, есть храмъ Святой Женевьевы, покровительницы Парижа; тамъ вдали возвышается съ блестящимъ куполомъ «l' Hôtel Royal des Invalides», одно изъ огромнѣйшихъ Парижскихъ зданій, гдѣ короли и отечество покоятъ заслуженныхъ престарѣлыхъ воиновъ».

Скоро въѣхали мы въ предмѣстіе Св. Антонія; но что же увидѣли? Узкія, нечистыя, грязныя улицы, худые домы и людей въ раздраныхъ рубищахъ. «И это Парижъ?» (думалъ я)—«городъ, который издали казался столь великолѣпнымъ?»—Но декорація совершенно перемѣнилась, когда мы выѣхали на берегъ Сены; тутъ представились намъ красивыя зданія, домы въ шесть этажей, богатыя лавки. Какое многолюдство! какая пестрота! какой шумъ! Карета скачетъ за каретою;—безпрестанно кричатъ: gare! gare! и народъ волнуется какъ море.

Сей неописанный шумъ, сіе чудное разнообразіе предметовъ, сіе чрезвычайное многолюдство, сія необыкновенная живость въ народѣ, привели меня въ нѣкоторое изумленіе.—Мнѣ казалось, что я какъ маленькая песчинка попалъ въ ужасную пучину и кружусь въ одномъ вихрѣ.

Переѣхавъ черезъ Сену, въ улицѣ *Генего*, остановились мы подлѣ Hôtel.Britannique. Тамъ, въ третьемъ этажѣ, нашлись для насъ двѣ комнаты, свѣтлыя и чисто прибранныя, за которыя должно платить по два лундора въ мѣсяцъ. Хозяйка осыпала насъ учтиво-

стями; бѣгала, суетилась, назначала мѣсто для нашихъ кроватей, сундука, чемодана и при всякомъ словѣ говорила: aimables étrangers — любезные иностранцы, почтенные иностранцы! Купецъ, сопутникъ нашъ, пожелалъ намъ всевозможныхъ удовольствій въ Парижѣ, и уѣхалъ къ себѣ домой; а мы въ полчаса успѣли отобѣдать, причесаться, одѣться, — заперли свои комнаты, вышли на улицу и смѣшались съ толпами народными, которыя какъ морскія волны вынесли насъ къ славному *Новому мосту*, pont neuf, гдѣ стоитъ прекрасный монументъ любезнѣйшаго изъ королей Французскихъ, Генриха IV. Можно ли было пройти мимо его? Нѣтъ, ноги мои сами собою остановились; взоръ мой самъ собою устремился на образъ Героя, и нѣсколько минутъ не могъ съ него совратиться.

Оставя Беккера у подножія Генриховой статуи, я пошелъ къ г. Брегету, который живетъ недалеко отъ Новаго мосту. Жена его приняла меня передъ каминомъ, и, услышавъ мое имя, тотчасъ вынесла мнѣ письмо — письмо, отъ моихъ любезныхъ!... Вообразите радость вашего друга!... вы здоровы и благополучны!... Всѣ безпокойства въ одну минуту забылись: я сталъ веселъ какъ безпечный младенецъ, читалъ 10 разъ письмо — забылъ Госпожу Брегетъ, и не говорилъ съ нею ни слова — душа моя въ сію минуту занималась одними отдаленными друзьями. — *Кажется, что вы очень обрадовались*, сказала хозяйка, *это пріятно видѣть.* — Тутъ я опомнился, началъ передъ нею извиняться, но очень не складно; хотѣлъ разсказывать ей о Женевѣ, гдѣ она родилась — но не могъ, и наконецъ ушелъ. Беккеръ увидѣлъ меня бѣгущаго; увидѣлъ письмо въ рукѣ моей; увидѣлъ мое лице — и обрадовался сердечно — потому что онъ любитъ меня. Мы обнялись на Новомъ Мосту подлѣ монумента — и мнѣ казалось, что самъ мѣдный Генрихъ, смотря на насъ, улыбался. Pont neuf! я никогда тебя не забуду!

Сердце мое было довольно и весело — я ходилъ съ Беккеромъ по неизвѣстному городу, изъ улицы въ улицу, безъ проводника, безъ намѣренія и безъ цѣли — и все, что встрѣчалось глазамъ нашимъ, занимало меня пріятнымъ образомъ.

Солнце сѣло: наступила ночь и фонари засвѣтились на улицахъ. Мы пришли въ *Палерояль*, огромное зданіе, которое принадлежитъ Герцогу Орлеанскому, и которое называется столицею Парижа.

Вообразите себѣ великолѣпный квадратный замокъ, и внизу его аркады, подъ которыми въ безчисленныхъ лавкахъ сіяютъ всѣ сокровища свѣта, богатства Индіи и Америки, алмазы и діаманты, серебро и золото; всѣ произведенія Натуры и Искусства; все, чѣмъ когда-нибудь Царская пышность украшалась; все изобрѣтенное роскошью для услажденія жизни!.. И все это, для привлеченія глазъ, разложено прекраснѣйшимъ образомъ, и освѣщено яркими, разно-

цвѣтными огнями, ослѣпляющими зрѣніе.—Вообразите себѣ множество людей, которые толпятся въ сихъ галлереяхъ, и ходятъ взадъ и впередъ только для того, чтобы смотрѣть другъ на друга!—Тутъ видите вы и кофейные домы, первые въ Парижѣ, гдѣ также все людьмв наполнено; гдѣ читаютъ вслухъ газеты и журналы, шумятъ, спорятъ, говорятъ рѣчи и проч.

Голова моя закружилась—мы вышли изъ галлереи, и сѣли отдыхать въ каштановой аллеѣ, въ Jardin du Palais Royal. Тутъ царствовали тишина и сумракъ. Аркады изливали свѣтъ свой на зеленыя вѣтви; но онъ терялся въ ихъ тѣняхъ. Изъ другой аллеи неслись тихіе, сладостные звуки нѣжной музыки; прохладный вѣтерокъ шевелилъ листочки на деревьяхъ.

Все казалось мнѣ очарованіемъ. Я погрузился въ пріятвую задумчивость....

5. Большая Опера въ Парижѣ.

Съ пріѣзду моего въ Парижъ всѣ вечера безъ исключенія проводилъ я въ спектакляхъ, и потому около мѣсяца не видалъ сумерекъ. Какъ они хороши весною, даже и въ шумномъ, немвловидномъ Парижѣ!

Цѣлый мѣсяцъ быть всякой день въ спектакляхъ! быть, и не насытиться ни смѣхомъ Таліи, ни слезами Мельпомены!... и всякой разъ наслаждаться ихъ пріятностями съ новымъ чувствомъ!... Самъ дивлюсь; но это правда!

Правда и то, что я не имѣлъ прежде достаточнаго понятія о Французскихъ театрахъ. Теперь скажу, что они доведены, каждый въ своемъ родѣ, до возможнаго совершенства, и что всѣ части спектакля составляютъ здѣсь прекрасную гармонію, которая самымъ пріятнымъ образомъ дѣйствуетъ на сердце зрителя.

Въ Парижѣ пять главныхъ театровъ: Большая Опера, такъ называемый Французской Театръ (les François), Италіянской (les Italiens), графа Прованскаго (théatre de Monsieur) и Variétés—и всякой день играютъ на нихъ, и всякой день (подивитесь Французамъ!) бываютъ они наполнены людьми, такъ что въ 6 часовъ вы едва ли гдѣ-нибудь найдете мѣсто.

Кто былъ въ Парижѣ, говорятъ Французы, и не видалъ Большой Оперы, подобенъ тому, кто былъ въ Римѣ и не видалъ Папы. Въ самомъ дѣлѣ, она есть нѣчто весьма великолѣпное, и наиболѣе по своимъ блестящимъ декораціямъ и прекраснымъ балетамъ. Здѣсь видите вы — то поля Елисейскія, гдѣ блаженствуютъ души праведныхъ; гдѣ вѣчная весна зеленѣетъ; гдѣ слухъ вашъ плѣняется тихими звуками лиръ; гдѣ все любезно, восхитительно — то мрач-

ный Тартаръ, гдѣ вздохи умирающихъ волнуютъ страшный Ахеронъ; гдѣ шумъ чернаго Коцита и Стикса заглушается стенаніемъ и плачемъ бѣдствія; гдѣ волны Флегетона пылаютъ; гдѣ Танталъ, Иксіонъ и Данаиды вѣчно страдаютъ, и не видятъ конца своимъ мученіямъ; гдѣ свѣтлая Лета томнымъ журчаніемъ призываетъ несчастныхъ къ забвенію житейскихъ заботъ и горестей. Здѣсь видите, какъ Орфей скитается въ черныхъ лѣсахъ подземнаго царства; какъ Фуріи терзаютъ Ореста; какъ Язонъ сражается съ огнемъ, съ пламенемъ и съ чудовищами; какъ раздраженная Медея, проклиная неблагодарность людей, летитъ съ громомъ и молніею на вершину Кавказа; какъ Египтяне въ печальныхъ хорахъ оплакиваютъ смерть добродѣтельнаго Царя своего, и какъ горестная Нефта, подъ великолѣпнымъ памятникомъ супруга, клянется вѣчно благотворить его въ сердцѣ своемъ.

Все сіе такъ живо, такъ естественно, что я тысячу разъ забывался и принималъ искусственное подражаніе за самую натуру. Едва могъ вѣрить глазамъ своимъ, видя быструю перемѣну декорацій. Въ одно мгновеніе рай превращается въ адъ; въ одно мгновеніе проливаются моря, тамъ, гдѣ луга зеленѣли, гдѣ цвѣты разцвѣтали, и гдѣ пастухи на свирѣляхъ играли; свѣтлое небо покрывается густымъ мракомъ, черныя тучи несутся на крыльяхъ ревущей бури, и зритель трепещетъ въ душѣ своей; еще одинъ мигъ, и мракъ исчезаетъ, и тучи скрываются, и бури умолкаютъ, и сердце ваше свѣтлѣетъ вмѣстѣ съ видимыми предметами.

6. Го-Бюиссонъ.

(Въ 4 часа по-полудни).

Въ Иль-де-Франсѣ плоды уже зрѣлы — въ Пакардіи зелены, въ окрестностяхъ Булони все еще цвѣтетъ и благоухаетъ. Перемѣна климата чувствительна на каждой милѣ — и воображеніе, что я удаляюсь безпрестанно отъ благословенныхъ странъ юга, горестно для души моей. Натура видимо блѣднѣетъ къ сѣверу.

Теперь сижу одинъ подъ каштановымъ деревомъ, шагахъ въ двадцати отъ почтоваго двора, — смотрю черезъ луга и поля на синѣющееся вдали море и на городъ Кале, окруженный болотами и песками.

Странное чувство! Мнѣ кажется, будто я пріѣхалъ на край свѣта — тамъ необозримое море — конецъ земли — природа хладѣетъ, умираетъ — и слезы мои льются ручьями.

Все тихо, все печально; почтовый дворъ стоитъ уединенно; вокругъ его чистое поле. Товарищи мои сидятъ на травѣ, подлѣ на-

шей кареты, не говоря между собою ни слова; постильйоны впрягають лошадей; вѣтеръ воетъ, и листья уныло шумятъ надъ головой моей.

Кто видитъ мои слезы? кто беретъ участіе въ моей горести! кому изъясню чувства мои? Я одинъ.... одинъ! Друзья! гдѣ взоръ вашъ? гдѣ рука ваша? гдѣ ваше сердце? Кто утѣшитъ печальнаго?

О, милыя узы отечества, родства и дружбы! я васъ чувствую, несмотря на отдаленіе — чувствую, и лобызаю съ нѣжностью!...

Дикой, переселенный изъ мрачныхъ Канадскихъ лѣсовъ въ великолѣпный городъ Европы, на сцену всѣхъ блестящихъ искусствъ, видитъ богатство и пышность—видитъ, и плѣняется;—но черезъ минуту очарованіе исчезаетъ — хладъ остается въ его сердцѣ, и онъ желаетъ возвратиться въ бѣдные шалаши лѣсовъ Канадскихъ, гдѣ грудь его согрѣвалась питательными лучами любви и дружбы.

Товарищи мои садятся въ карету—черезъ часъ будемъ въ Кале.

7. Лондонъ.

(*Іюля... 1790*).

Трое Русскихъ, М*, Д* и я, въ 11 часовъ утра сошли съ берега Темзы, сѣли на ботикъ и поплыли въ Гриничь. День прекрасный — мы спокойны и веселы — плывемъ подъ величественными арками мостовъ, мимо безчисленныхъ кораблей, стоящихъ на обѣихъ сторонахъ въ нѣсколько рядовъ: одни съ распущенными флагами приходятъ и втираются въ тѣсную линію; другіе съ поднятыми флагами готовы летѣть на край міра. Мы смотримъ, любуемся, разсуждаемъ — и хвалимъ прекрасную выдумку денегъ, которыя столько чудесъ производятъ въ свѣтѣ и столько выгодъ доставляютъ въ жизни. Кусокъ золота — нѣтъ, еще лучше: клочекъ бумаги, присланный изъ Москвы въ Лондонъ, какъ волшебный талисманъ, даетъ мнѣ власть надъ людьми и вещами: захочу, имѣю — скажу, сдѣлано. Все, кажется, ожидаетъ моихъ повелѣній. Вздумалъ ѣхать въ Гриничь — стукнулъ изъ рукѣ бѣленькими кружками — и гордые Англичане исполняютъ мою волю, пѣнятъ веслами Темзу, и доставляютъ мнѣ удовольствіе видѣть разнообразныя картины человѣческаго трудолюбія и Природы. — Разговоръ нашъ еще не кончился, а ботикъ у берега.

Первый предметъ, который явился глазамъ нашимъ, былъ самый предметъ нашего путешествія и любопытства: Гриничская Госпиталь, гдѣ признательная Англія осыпаетъ цвѣтами старость своихъ мореходцевъ, орудіе величества и силы ея. Немногіе Цари живутъ такъ великолѣпно, какъ Англійскіе престарѣлые матрозы. Огромное зданіе состоитъ изъ двухъ замковъ, спереди раздѣлен-

ныхъ красивою площадью, и назади соединяемыхъ колоннадами и Губернаторскимъ домомъ, за которымъ начинается большой паркъ. Сѣдые старцы, опершись на балюстрадъ террасы, видятъ корабли, на всѣхъ парусахъ летящіе по Темзѣ: что́ можетъ быть для нихъ пріятнѣе! сколько воспоминаній для каждаго! Такъ и они въ свое время разсѣкали волны, съ Ансономъ, съ Кукомъ! — Съ другой стороны, плывущіе на корабляхъ матрозы смотрятъ на Гриничь и думаютъ: «тамъ готово пристанище для нашей старости! Отечество благодарно; оно призритъ и успокоитъ насъ, когда мы въ его службѣ истощимъ силы свои!»

Всѣ внутреннія украшенія дома имѣютъ отношеніе къ мореплаванію: у дверей глобусы, въ куполѣ залы компасъ; здѣсь Эвръ летитъ съ востока и гонитъ съ неба звѣзду утреннюю; тутъ Австеръ, окруженный тучами и молніями, льетъ воду; Зефиръ бросаетъ цвѣты на землю; Борей, размахивая драконовыми крыльями, сыплетъ снѣгъ и градъ. Тамъ Англійскій корабль, украшенный трофеями, и главнѣйшія рѣки Британіи, отягченныя сокровищами; тамъ изображенія славнѣйшихъ Астрономовъ, которые своими открытіями способствовали успѣхамъ Навигаціи. — Имена патріотовъ, давшихъ денегъ Вильгельму III на заведеніе Госпитали, вырѣзаны на стѣнѣ золотыми буквами. Тутъ же представленъ и сей любезный Англичанинъ Король, попирающій ногами самовластіе и тиранство. Между многими другими, по большой части аллегорическими, картинами, читаете надписи: Anglorum spes magna — salus publica — securitas publica.

Каждый изъ насъ долженъ былъ заплатить около рубля за свое любопытство; не больно давать деньги въ пользу такого славнаго заведенія. У всякаго матроза, служащаго на Королевскихъ и купеческихъ корабляхъ, вычитаютъ изъ жалованья 6 пенсовъ въ мѣсяцъ на содержаніе Госпитали; за то всякій матрозъ можетъ быть тамъ принятъ, естьли докажетъ, что онъ не въ состояніи продолжать службы, или былъ раненъ въ сраженіи, или способствовалъ отнять у непріятеля корабль. Теперь ихъ 2000 въ Гриничѣ, и каждой получаетъ въ недѣлю 7 бѣлыхъ хлѣбовъ, 3 фунта говядины, 2 ф. баранины, $1\frac{1}{2}$ ф. сыру, столько же масла, гороху, и шиллингъ на табакъ.

Я напомню вамъ слово, сказанное въ Лондонѣ Петромъ Великимъ Вильгельму III, и достойное нашего Монарха. Король спросилъ, что Ему болѣе всего полюбилось въ Англіи? Петръ I отвѣчалъ: «то, что Госпиталь заслуженныхъ матрозовъ похожъ здѣсь «на дворецъ, а дворецъ Вашего Величества похожъ на Госпиталь». Въ Англіи много хорошаго; а всего лучше общественныя заведенія, которыя доказываютъ благодѣтельную мудрость Правленія.

Salus publica есть подлинно девизъ его. Англичане должны любить свое отечество.

8. Семейственная жизнь въ Англіи.

У насъ правило: вѣчно быть въ гостяхъ, или принимать гостей. Англичанинъ говоритъ: я хочу быть счастливымъ дома, и только изрѣдка имѣть свидѣтелей моему счастію. Какія же слѣдствія? Свѣтскія дамы, будучи всегда на сценѣ, привыкаютъ думать единственно о театральныхъ добродѣтеляхъ. Со вкусомъ одѣться, хорошо войти, пріятно взглянуть, есть важное достоинство для женщины, которая живетъ въ гостяхъ, а дома только спитъ или сидитъ за туалетомъ. Нынѣ большой ужинъ, завтра балъ: красавица танцуетъ до пяти часовъ утра; и *на другой день до того ли ей, чтобы заниматься своими нравственными должностями?* Напротивъ того Англичанка, воспитываемая для домашней жизни, пріобрѣтаетъ качество доброй супруги и матери, украшая душу своими тѣми склонностями и навыками, которые предохраняютъ насъ отъ скуки въ уединеніи, и дѣлаютъ одного человѣка сокровищемъ для другаго. Войдите здѣсь по утру въ домъ: хозяйка всегда за рукодѣльемъ, за книгою, за клавесиномъ, или рисуетъ, или пишетъ, или учитъ дѣтей, въ пріятномъ ожиданіи той минуты, когда мужъ, отправивъ свои дѣла, возвратится съ биржи, выдетъ изъ кабинета и скажетъ: теперь я твой! теперь я вашъ! Пусть назовутъ меня, чѣмъ кому угодно; но признаюсь, что я безъ какой-то внутренней досады не могу видѣть молодыхъ супруговъ въ свѣтѣ, и говорю мысленно: «Несчастные! что вы здѣсь дѣлаете? Развѣ дома среди вашего семейства, въ объятіяхъ любви и дружбы, вамъ не сто разъ пріятнѣе, нежели въ этомъ пусто-блестящемъ кругу, гдѣ не только добрыя свойства сердца, но и самый умъ едва ли не безъ дѣла; гдѣ знаніе какой-то приличности составляетъ всю науку; гдѣ быть *не страннымъ* есть верхъ искусства для мущины, и гдѣ днѣ, три женщины бываютъ для того, чтобы удивлялись красотѣ ихъ, а всѣ прочія.... Богъ знаетъ, для чего; гдѣ съ большими издержками и хлопотами люди проводятъ нѣсколько часовъ въ утомительной игрѣ ложнаго веселья? Естьли у васъ нѣтъ дѣтей, мнѣ остается только жалѣть, что вы не умѣете наслаждаться другъ другомъ, и не знаете, какъ мило проводить цѣлые дни съ любезнымъ человѣкомъ, дѣля съ нимъ дѣло и бездѣлье, въ полной душевной свободѣ, въ мирномъ расположеніи сердца. А естьли вы родители, то пренебрегаете одну изъ святѣйшихъ обязанностей человѣчества. Въ самую ту минуту, когда ты, безпечная мать, при-

гаешь въ контръ-дансѣ, маленькая дочь твоя падаетъ, можетъ быть, изъ рукъ неосторожной кормилицы, чтобы на всю жизнь сдѣлаться уродомъ, или семилѣтній сынъ, оставленный съ наемнымъ учителемъ и слугами, видитъ какой-нибудь дурной примѣръ, который сѣетъ въ его сердцѣ порокъ и несчастіе. Сидя за клавесиномъ, среди блестящаго общества, ты, красавица, хочешь нравиться, и поешь какъ малиновка; но малиновка не оставляетъ птенцовъ своихъ! Одна попечительная мать имѣетъ право жаловаться на судьбу, естьли не хороши дѣти ея; а та, которая свѣтскія удовольствія предпочитаетъ семейственнымъ, не можетъ называться попечительною.

9. Вестминстеръ.

Славная Вестминстерская зала (Westminsterhall) построена еще въ одиннадцатомъ вѣкѣ, какъ нѣкоторые Историки утверждаютъ. Она считается самою огромнѣйшею въ Европѣ и сводъ ея держится самъ собою, безъ столбовъ. Въ ней торжествуется коронація Англійскихъ Монарховъ: въ ней бываютъ и чрезвычайныя засѣданія Верхняго Парламента, когда онъ судитъ Государственнаго Пера. Такимъ образомъ случилось мнѣ видѣть тамъ судъ Гастингса, Hasting's trial, который уже тридцать лѣтъ продолжается и который былъ для меня любопытенъ. Доставъ билетъ черезъ нашего Посла, я занялъ мѣсто въ верхней галлереѣ, среди множества зрителей. Мы долго ждали. Наконецъ явился Фоксъ, въ черномъ Французскомъ кафтанѣ, съ кипою бумагъ; а за нимъ Боркъ, сухощавой старикъ въ очкахъ, также въ черномъ кафтанѣ и съ бумагами. Вы знаете, что Нижній Парламентъ, именемъ народа, обвиняетъ Гастингса, бывшаго губернатора Ост-Индіи, въ разныхъ преступленіяхъ и выбралъ Адвокатами Борка, Фокса и Шеридана, чтобы доказывать вины его въ судилищѣ Лордовъ. Отворились большія двери, — и судьи, члены Верхняго Парламента, вошли тихо и торжественно другъ за другомъ въ своихъ мантіяхъ, а Духовные, то-есть Епископы, въ высокихъ шапкахъ, и сѣли по мѣстамъ. Фоксъ сталъ напротивъ Лорда Канцлера, и началъ говорить рѣчь, которая продолжалась цѣлые.... четыре часа. Онъ исчислялъ всѣ доказательства Гастингсова корыстолюбія, всѣ его беззаконныя дѣла, оскорбительныя для чести, для имени Англійскаго народа; говорилъ сильно, иногда съ жаромъ, и отдыхалъ единственно тогда, когда надлежало представить улики въ подлинникѣ. Въ такомъ случаѣ Боркъ заступалъ мѣсто его и читалъ бумаги; а Риторъ садился на стулъ, утираясь бѣлымъ платкомъ, и черезъ 5 минутъ снова начиналъ говорить. Я не столько жалѣлъ Фоксовой груди, сколько бѣдныхъ Лор-

довъ—слушать, по крайней мѣрѣ сидѣть столько времени на одномъ мѣстѣ, безъ движенія, съ важностію, съ видомъ вниманія! Фоксъ требовалъ отъ иныхъ не бездѣлки, а жизни Гастингсовой, называлъ его воромъ, злодѣемъ, чудовищемъ—и въ присутствіи его самого. Гастингсъ старикъ лѣтъ за шестьдесятъ, сѣдой, худенькой, въ голубомъ Французскомъ кафтанѣ, сидѣлъ на креслахъ подлѣ самаго Ритора, который надъ его головою требовалъ его головы! Но умный старикъ казался совершенно покойнымъ, равнодушнымъ; даже худо слушалъ, посматривая то на судей, то на своихъ двухъ Адвокатовъ, которые съ великою прилежностью записывали обвиненія сидя подлѣ Кліента. Онъ увѣренъ, что его оправдаютъ; но виноватъ ли онъ подлинно? спросите вы. Противъ человѣчества, виноватъ; противъ Англіи, нѣтъ. Гастингсъ не злодѣй въ сердцѣ своемъ; но зная тайную политику Англійскаго министерства, зная выгоды Ост-Индской компаніи, жертвовалъ, можетъ быть, собственными благородными чувствами тому предмету, для котораго послали его въ Индію; тиранствовалъ, чтобы утвердить тамъ власть Англичанъ, и стараясь умножать доходы компаніи, умножилъ, можетъ быть, и свои — за что однакожъ Министры не предадутъ его въ жертву Парламентскимъ говорунамъ. Англичанинъ человѣколюбивъ у себя; а въ Америкѣ, въ Африкѣ, и въ Азіи едва не звѣрь; по крайней мѣрѣ съ людьми обходится такъ какъ съ звѣрями; накопитъ денегъ, возвратится домой, и кричитъ: *не тронь меня; я человѣкъ!* Торжество Англійскаго правосудія состоитъ единственно въ томъ, что Гастингса бранятъ, разоряютъ, именемъ закона; Риторы истощаютъ свое краснорѣчіе, занимаютъ публику, журналистовъ; Лорды зѣваютъ, дремлютъ на большихъ креслахъ; всякій дѣлаетъ свое дѣло — и довольно! Что принадлежитъ до Фоксова таланта, то я назову его скорѣе *складною говорливостію*, нежели краснорѣчіемъ; слова текутъ рѣкою, но нѣтъ сильныхъ Ораторскихъ движеній; много разительной логики, только много и лишняго. Въ Шериданѣ болѣе пінтическаго жара, но менѣе логической силы, какъ говорятъ Критики; а славный Боркъ уже старѣется.—Наконецъ Фоксъ кончилъ, поклонился и сошелъ съ каѳедры. Одинъ изъ Гастингсовыхъ адвокатовъ сказалъ Перамъ: «Милорды! Генералъ NN не успѣлъ представить вамъ отзыва въ пользу нашего Кліента; уѣхалъ въ свое отечество въ Швейцарію, для поправленія здоровья; но онъ скоро возвратится...» Тутъ Боркъ выступилъ впередъ и примолвилъ съ важнымъ видомъ: «Милорды! пожелаемъ Господину Генералу щастливаго пути и лучшаго здоровья!» Всѣ Лорды, всѣ зрители засмѣялись; встали — и пошли домой. *Н. Карамзинъ.*

Примѣч. — Мы начинаемъ отдѣлъ «Путешествій» знаменитыми «Письмами Р. Путешественника», соч. Н. М. *Карамзина* (1766—1826) потому, что

«Письма» положили начало новѣйшей Р. литературѣ, потому что они создали нашъ теперешній слогъ, потому что они — образцовѣйшее созданіе нашей словесности и всегда пребудутъ полны жизни, занимательности, силы и свѣжести. Карамзинъ въ своихъ «Письмахъ» коснулся всего: природы, исторіи, политики, литературы, искусства, науки, общественной жизни, театра, семейнаго быта; каждый предметъ имъ очерченъ ярко и увлекательно. До сихъ поръ эти «Письма», особенно въ нѣкоторыхъ мѣстахъ (напр. объ Англіи), сохраняютъ интересъ новизны и поражающей правды. Мы думаемъ, что никто изъ нашихъ путешественниковъ не сгаралъ такой жаждою любознательности, какъ Карамзинъ, никто не говоритъ такъ чистосердечно, какъ Карамзинъ и никто не умѣетъ такъ умно представить все видѣнное и слышанное. Потомъ, мы еще полагаемъ, что ни одно произведеніе Карамзина не показываетъ такъ всесторонне всю душу его какъ «Письма». Здѣсь весь Карамзинъ съ его умомъ, алчущимъ познаній, съ его убѣжденіями, прямыми честными, поражающими новостію взгляда,—съ воображеніемъ, увлекающимся даже мелкими чертами предмета, съ его сердцемъ, чувствительнымъ, чистымъ, кроткимъ и благимъ,—съ его характеромъ, твердымъ, неумолимымъ,—съ его любовію къ отечеству, сильною и несокрушимою какъ смерть... Перечитать воспитаннику всѣ «Письма Р. Пут.» Карамзина, перечитать со вниманіемъ значитъ поставить себя въ умственномъ и нравственномъ отношеніи чрезвычайно высоко...

Темы. — Отдѣлить въ «Письмахъ» картины природы отъ разсказовъ о человѣкѣ. — Предметы наблюдательности Карамзина. — Общественная жизнь. — Отношеніе Путешественника къ великимъ людямъ. — Сочувствіе уму и образованности. — Часть историческая. — Сравненіе чужаго со своимъ. — Сентиментальность. — Языкъ и слогъ.

ПИСЬМА ИЗЪ ФРАНЦІИ [1]).

1. Прибытіе Вольтера въ Парижъ [2]).

Прибытіе Вольтера въ Парижъ произвело точно такое въ народѣ здѣшнемъ дѣйствіе, какъ бы сошествіе какого-нибудь божества на землю. Почтеніе, ему оказываемое, ничѣмъ не разнствуетъ отъ обожанія. Я увѣренъ, что если бы глубокая старость и немощи его не отягчали, и онъ захотѣлъ бы проповѣдывать теперь новую какую секту, то бы весь народъ къ нему обратился. Ваше сіятельство [3]) изъ послѣдующаго усмотрѣть изволите, можно ль иное заключить изъ пріема, который сдѣлала ему публика.

По прибытіи его сюда, сколько стихотворцы, ему преданные пишутъ въ его славу, столько ненавидящіе его посылаютъ къ нему

[1]) Писаны въ 1777 — 78 г.
[2]) Писано 20 марта 1778 г.
[3]) Письмо къ графу П. И. Панину.

безъимянныя сатиры. Первыя печатаются, а послѣднія нѣтъ; ибо правительство запретило особливымъ указомъ печатать то, что Вольтеру предосудительно быть можетъ. Такое уваженіе сдѣлано ему столько за великіе его таланты, сколько и ради старости. Сей восьмидесяти-пятилѣтній старикъ сочинилъ новую трагедію: «Ирена, или Алексій Комнинъ,» которая и была представлена. Нельзя никакъ сравнить ее съ прежними; но публика приняла ее съ восхищеніемъ. Самъ авторъ за болѣзнію не видалъ первой репрезентаціи. Онъ только вчера въ первый разъ выѣхалъ; былъ въ академіи, потомъ въ театрѣ, гдѣ нарочно представляли его новую трагедію.

При въѣздѣ со двора карета его препровождена была до академіи безчисленнымъ множествомъ народа, непрестанно рукоплескавшаго. Всѣ академики вышли на встрѣчу. Онъ посаженъ былъ на директорскомъ мѣстѣ, и минуя обыкновенное балотированіе, выбранъ единодушнымъ восклицаніемъ въ директоры на апрѣльскую четверть года. Когда сходилъ онъ съ лѣстницы и садился въ карету, тогда народъ закричалъ, чтобы всѣ снимали шляпы. Отъ академіи до театра препровождали его народныя восклицанія. При вступленіи въ ложу публика аплодировала многократно съ неописаннымъ восторгомъ, а спустя нѣсколько минутъ старшій актеръ Бризаръ вошелъ къ нему въ ложу съ вѣнкомъ, который и надѣлъ ему на голову. Вольтеръ тотчасъ снялъ съ себя вѣнокъ и съ радостными слезами въ слухъ сказалъ Бризару: Ah, Dieu, vous voulez donc me faire mourir! Трагедія играна была гораздо съ большимъ совершенствомъ, нежели въ прежнія представленія. По окончаніи ея, новое зрѣлище открылось. Занавѣсъ опять былъ поднятъ. Всѣ актеры и актрисы, окружа бюстъ Вольтеровъ, увѣнчавали его лавровыми вѣнками. Сіе приношеніе публика препроводила рукоплесканіемъ, продолжавшимся близь четверти часа. Наконецъ представлявшая Ирену актрисса, г-жа Вестрисъ, обратясь къ Вольтеру, читала похвальные стихи. Для показанія своего удовольствія публика велѣла повторить чтеніе стиховъ, и аплодировала съ великимъ крикомъ. Какъ же скоро Вольтеръ сѣлъ въ свою карету, то народъ, остановивъ кучера, закричалъ: «des flambeaux, des flambeaux!» По принесеніи факеловъ, велѣли кучеру ѣхать шагомъ и безчисленное множество народа съ факелами проводило его до самаго дома, крича непрестанно: vive Voltaire!

Сколь ни много торжествъ имѣлъ г. Вольтеръ въ теченіе вѣка, но вчерашній день былъ безъ сомнѣнія наилучшій въ его жизни, которая одна скоро пресѣчется, ибо сколь онъ теперь благообразенъ, ваше сіятельство увидѣть изволите по приложенному здѣсь его портрету, весьма на него похожему.

2. Парижъ [1]).

Парижъ можетъ по справедливости назваться сокращеніемъ цѣлаго міра. Сіе титло заслуживаетъ онъ по своему пространству и по безконечному множеству чужестранныхъ, стекающихся въ него отъ всѣхъ концевъ земли. Жители Парижскіе почитаютъ свой городъ столицею свѣта, а свѣтъ своею провинціею. Бургонію, напримѣръ, считаютъ близкою провинціею, а Россію дальнею. Французъ, пріѣхавшій сюда изъ Бордо и Россіянинъ изъ Петербурга, называются равномѣрно чужестранными. По ихъ мнѣнію, имѣютъ они не только наилучшіе въ свѣтѣ обычаи, но наилучшій видъ лица, осанку и ухватки, такъ что первый и учтивѣйшій комплиментъ чужестранному состоитъ не въ другихъ словахъ, какъ точно въ сихъ: Monsieur, vous n'avez point l'air étranger du tout, je vous en fait bien mon complement! (вы совсѣмъ не похожи на чужестраннаго; поздравляю васъ!) Возмечтаніе ихъ о своемъ разумѣ дошло до такой глупости, что рѣдкій Французъ не скажетъ самъ о себѣ, что онъ преразуменъ. Видя, что разумъ вездѣ рѣдокъ, и что въ одной Франціи имѣетъ его всякій, примѣчалъ я весьма прилежно, нѣтъ ли какой разницы между разумомъ Французскимъ и разумомъ человѣческимъ; ибо казалось мнѣ, что весьма унизительно бы было для человѣческаго рода, еслибъ надобно было необходимо родиться Французомъ, чтобы быть неминуемо умнымъ человѣкомъ. Дабы сдѣлать изысканіе, примѣнилъ я къ здѣшнимъ умницамъ знаменованіе разума въ цѣломъ свѣтѣ. Я нашелъ, что для нихъ оно слишкомъ длинно; они гораздо его для себя поукоротили. Чрезъ слово разумъ, по большей части, понимаютъ они одно качество, а именно остроту его, не требуя отнюдь, чтобы она управляема была здравымъ смысломъ. Сію остроту имѣетъ здѣсь всякій безъ выключенія, слѣдственно всякій безъ затрудненія умнымъ здѣсь признается. Всѣ сіи умные люди на 2 части раздѣляются: тѣ, которые не очень словоохотны и какихъ одинакожъ весьма мало, называются philosophes; а тѣмъ, которые врутъ неумолкно, и каковы почти всѣ, дается титулъ aimables. Судятъ всѣ обо всемъ рѣшительно. Мнѣніе перваго есть наилучшее; ибо спорить не любятъ, и тотчасъ съ великими комплиментами соглашаются, потому что не быть одного мнѣнія съ тѣмъ, кто сказалъ ужъ свое, хотя бы и преглупое, почитается здѣсь совершеннымъ незнаніемъ жить: и такъ, чтобы слыть умѣющимъ жить, всякій отказался имѣть о вещахъ свое собственное мнѣніе. Изъ сего заключить можно, что

[1]) Писано 14 іюня 1778 г.

за истиною не весьма здѣсь гоняются. Не о томъ дѣло, что̀ сказать, а о томъ, ка̀къ сказать. Я часто примѣчалъ, что иной говоритъ цѣлый часъ къ удовольствію своихъ слушателей, не будучи ими вовсе понимаемъ, и точно для того, что самъ себя не разумѣетъ. Со всѣмъ тѣмъ по окончаніи вранья называютъ его aimable et plein d'ésprit. Сколько излишне здѣсь говоря думать, столько нужно какъ наскорѣе перенять самыя мелочи въ обычаяхъ, потому что нѣтъ вѣрнѣе способа прослыть на вѣкъ дуракомъ, потерять репутацію, погибнуть невозвратно, какъ если, напримѣръ, спросить при людяхъ между обѣдомъ и ужиномъ. Кто не согласится скорѣе умереть съ жажды, нежели напившись влачить въ презрѣніи остатокъ своей жизни? Сіи мелочи составляютъ цѣлую науку, занимающую время и умы большей части путешественниковъ. Они тѣмъ ревностнѣе въ нее углубляются, что живутъ между націею, гдѣ ridicule всего страшнѣе. Нужды нѣтъ, если говорятъ о человѣкѣ, что онъ имѣетъ злое сердце, негодный нравъ; но если скажутъ, что онъ ridicule, то человѣкъ дѣйствительно пропалъ, ибо всякій убѣгаетъ его общества. Нѣтъ способнѣе Французовъ усматривать смѣшное, и нѣтъ націи, въ которой бы самой было столь много смѣшнаго. Разумъ ихъ никогда самъ на себя не обращается, а всегда устремленъ на внѣшніе предметы, такъ что всякій, обращая на смѣхъ другаго, никакъ не чувствуетъ, сколько самъ смѣшонъ. Упражняясь весь вѣкъ свой, можно сказать, ни въ себѣ, но внѣ себя, никто слѣдовательно не проницаетъ въ подробность, а довольствуется смотрѣть на одну вещей поверхность; ибо познавать подробности невозможно, не разсматривая дѣйствій своего собственнаго разума, чтобы видѣть, не ошибаюсь ли самъ въ моихъ разсужденіяхъ. Я думаю, что сія причина мѣшаетъ здѣшней націи успѣвать въ наукахъ, требующихъ постояннаго вниманія, и что отъ того считаютъ здѣсь одного математика на двѣсти стихотворцевъ, разумѣется дурныхъ и хорошихъ. Европа почитаетъ Французовъ хитрыми. Не знаю, не предразсудокъ ли заставляетъ имѣть сіе о нихъ мнѣніе? Кажется, что вся ихъ прославляемая хитрость отнюдь не та, которая располагается и производится разсудкомъ, а та, которая объемлется вдругъ воображеніемъ, и очень скоро наружу выходитъ. Слушаться разсудка и во всемъ прибѣгать къ его суду,—скучно; а Французы скуки терпѣть не могутъ. Чего не дѣлаютъ они, чтобы избѣжать скуки, то есть, чтобы ничего не дѣлать! И дѣйствительно, всякій день здѣсь праздникъ. Видя съ утра до ночи безчисленное множество людей въ безпрерывной праздности, удивиться надобно, когда что здѣсь дѣлается. Не упоминая о садахъ, всякій день пять театровъ наполнены. Всѣ столько любятъ забавы, сколько труды ненавидятъ; а особливо черной работы

народъ терпѣть не можетъ. За то нечистота въ городѣ такая, какую людямъ, не вовсе оскотинившимся, переносить весьма трудно. Почти нигдѣ нельзя отворить окошко лѣтомъ отъ зараженнаго воздуха. Чтобы имѣть все подъ руками и ни зачѣмъ дальше не ходить, подъ всякимъ домомъ подѣланы лавки. Въ одной блистаетъ золото и наряды, а подлѣ нея, въ другой вывѣшена битая скотина съ текущею кровью. Есть улицы, гдѣ въ сдѣланныхъ по бокамъ стокахъ течетъ кровь, потому что не отведено для бойни особливаго мѣста. Такую же мерзость нашелъ я и въ прочихъ городахъ Франціи, которые всѣ такъ однообразны, что кто былъ въ одной улицѣ, тотъ всѣ города видѣлъ. Парижъ передъ прочими имѣетъ только то преимущество, что наружность его несказанно величественнѣе, а внутренность сквернѣе. Напрасно говорятъ, что причиною нечистоты многолюдство. Во Франціи множество маленькихъ деревень, но ни въ одну нельзя въѣзжать, не зажавъ носа. Со всѣмъ тѣмъ привычка, отъ самаго младенчества жить въ грязи по уши, дѣлаетъ, что обоняніе Французовъ ни мало отъ того не страждетъ. Вообще сказать можно, что въ разсужденіи чистоты перенимать здѣсь нечего, а въ разсужденіи благонравія еще меньше. Удостовѣрясь въ сей истинѣ, искалъ я причины, что привлекаетъ сюда такое множество чужестранцевъ.

Общества; но смѣло скажу, что нѣтъ ничего труднѣе, какъ чужестранцу войти въ здѣшнее общество, слѣдовательно и вышло ихъ очень мало. Внутреннее ощущеніе здѣшнихъ господъ, что они даютъ тонъ всей Европѣ, вселяетъ въ нихъ гордость, отъ которой защититься не могутъ всею добротою душъ своихъ; ибо дѣйствительно въ большей ихъ части душевныя расположенія весьма похваляются. Сколько надобно стараній, исканій, низостей, чтобы впущену быть въ знатный домъ, гдѣ однакожъ ни словомъ гостя не удостоиваютъ. Имѣя сей примѣръ передъ собою въ моихъ любезныхъ согражданахъ, разсчелъ я, что по краткости времени моего здѣсь пребыванія, не для чего покупать такъ дорого знакомство, или справедливѣе сказать, собственное свое уваженіе. Я нашелъ множество другихъ интереснѣйшихъ вещей къ моему упражненію, а видѣть здѣшнихъ вельможъ и ихъ обращеніе довольствовался я при случаяхъ, удачею мнѣ представлявшихся. Впрочемъ, чтобъ Вашему Сіятельству имѣть ясное понятіе, какъ здѣсь наши и прочіе вояжеры принимаются, то надлежитъ себѣ представить въ Петербургѣ нѣкоторыхъ иностранныхъ князей... Всякій, увидясь съ ними, взглянетъ на нихъ ласково, за визитъ пришлетъ карточку, равно какъ и дамы наши отдаютъ женамъ ихъ визиты; но кто имѣетъ, или имѣть захочетъ съ ними всегдашнее общество? Вотъ точное здѣсь положеніе между прочими и нашихъ госпожъ и господъ, относительно знат-

ныхъ здѣшнихъ домовъ. Чувствую, что Богъ создалъ насъ не хуже ихъ людьми; каково же быть Волохами? Не понимаю, какъ можно, почитая самого себя, кланяться, добиваться и ставить за превеликое счастіе и честь такія знакомства, въ которыхъ не можетъ быть никакого удовольствія, потому что есть большое униженіе.

Ученые люди; но изъ невѣроятнаго множества чужестранцевъ, можетъ быть тысячный человѣкъ пріѣхалъ сюда съ намѣреньемъ воспользоваться своимъ здѣсь пребываніемъ для приращенія знаній своихъ. А притомъ и о здѣшнихъ ученыхъ можно по справедливости сказать, что весьма мало изъ нихъ соединили свои знанія съ поведеніемъ. Я почти познакомился со всѣми. *Томасъ* [1]), сочинитель переведеннаго мною похвальнаго слова Марку Аврелію, *Мармонтель* [2]) и еще нѣкоторые ходятъ ко мнѣ въ домъ. Весьма учтивое и пріятельское ихъ со мною обхожденіе не ослѣпило глазъ моихъ на ихъ пороки. Исключая Томаса, котораго кротость и честь мнѣ очень понравились, нашелъ я почти во всѣхъ другихъ много высокомѣрія, лжи, корыстолюбія и подлѣйшей лести. Конечно ни одинъ изъ нихъ не поколеблется сдѣлать презрительнѣйшую подлость для корыстолюбія или тщеславія. Я не нахожу чтобы въ свѣтѣ такъ мало другъ на друга походило, какъ философія на философовъ.

Чтожъ принадлежитъ до спектаклей, то комедія возведена здѣсь на возможную степень совершенства. Нельзя смотрѣть ее, не забыться до того, чтобъ не почесть ея истинною исторіею, въ тотъ моментъ происходящею. Я никогда себѣ не воображалъ видѣть подражаніе натурѣ столь совершеннымъ. Словомъ, комедія въ своемъ родѣ есть лучшее, что я въ Парижѣ видѣлъ. Напротивъ того, трагедію нашелъ я посредственною. По смерти Лекеневой, она гораздо поупала. Оперу можно назвать великолѣпнѣйшимъ зрѣлищемъ. Декораціи и танцы прекрасны, но пѣвцы прескверны. Удивился я, какъ можно безстыдно такъ ревѣть, а еще болѣе какъ можно такой ревъ слушать съ восхищеніемъ.

Ахенъ [3]).

Разсудка Французъ не имѣетъ, и имѣть его почелъ бы несчастіемъ своей жизни; ибо оный заставилъ бы его размышлять, когда онъ можетъ веселиться. Забава есть одинъ предметъ его желаній. А какъ на забавы потребны деньги, то для пріобрѣтенія ихъ упо-

[1]) 1732 — 1785.
[2]) 1723 — 1799.
[3]) Писано 18 сент. 1778 г.

требляетъ всю остроту, которою его природа одарила. Острота, неуправляемая разсудкомъ, не можетъ быть способна ни на что, кромѣ мелочей, въ которыхъ и дѣйствительно Французы берутъ верхъ передъ цѣлымъ свѣтомъ. Обманъ у нихъ почитается правомъ разсудка. По всеобщему ихъ образу мыслей, обмануть не стыдно; но не обмануть глупо. Смѣло скажу, что Французъ никогда самъ себѣ не проститъ, если пропуститъ случай обмануть, хотя въ самой бездѣлицѣ. Божество его — деньги. Изъ денегъ нѣтъ труда, котораго бы не поднялъ, и нѣтъ подлости, которой бы не сдѣлалъ. Къ большимъ злодѣяніямъ не способенъ. Самые убійцы становятся таковы тогда только, когда умираютъ съ голоду; какъ же скоро Французъ имѣетъ пропитаніе, то людей не рѣжетъ, а довольствуется обманывать. Корыстолюбіе несказанно заразило всѣ состоянія, не исключая самыхъ философовъ нынѣшняго вѣка. Въ разсужденіи денегъ не гнушаются и они человѣческою слабостью. Д'Аламберты, Дидероты въ своемъ родѣ такіе же шарлатаны, какихъ видалъ я всякій день на бульварѣ; всѣ они народъ обманываютъ за деньги, и разница между шарлатаномъ и философомъ только та, что послѣдній къ сребролюбію присовокупляетъ безпримѣрное тщеславіе. Я докажу опытомъ справедливость моего примѣчанія. Пріѣхалъ въ Парижъ братъ Г. З. — а [1]), полковникъ Неранчичъ, человѣкъ впрочемъ честный, но совсѣмъ незнакомый съ науками. Служилъ онъ весь вѣкъ въ гусарскихъ полкахъ, никогда не бралъ книгъ въ руки, и никогда картъ изъ рукъ не выпускалъ. Лишь только провѣдали д'Аламбертъ, Мармонтель и прочіе, что онъ братъ Г. З — а, то не почли уже за нужное освѣдомляться о прочихъ его достоинствахъ, а явились у него въ передней засвидѣтельствовать свое нижайшее почтеніе. Мое къ нимъ душевное почтеніе совсѣмъ истребилось послѣ такого подлаго поступка. Разсчетъ ихъ ясно видѣнъ: они сею низостью ласкались чрезъ Неранчича достать подарки отъ нашего Двора. Рука, отъ которой бы они ихъ получили, удовлетворила бы ихъ тщеславіе,— а подарки — корыстолюбіе. Сколько я понимаю, вся система нынѣшнихъ философовъ состоитъ въ томъ, чтобы люди были добродѣтельны независимо отъ религіи: но они, которые ничему не вѣрятъ, доказываютъ ли собою возможность своей системы? Кто изъ мудрыхъ вѣка сего, побѣдивъ всѣ предразсудки, остался честнымъ человѣкомъ? Кто изъ нихъ, отрицая бытіе Божіе, не сдѣлалъ интереса единымъ Божествомъ своимъ и не готовъ жертвовать ему всею своею моралью? Одно тщеславіе ихъ простирается до того, что сами науки сдѣлались источникомъ непримиримой вражды.

Фонъ-Визинъ.

[1]) *Зоричъ*, любимецъ Императрицы Екатерины II, генералъ-маіоръ и разныхъ орденовъ кавалеръ.

Примѣч. — Письма *Фонъ-Визина* (1744—1794) представляютъ совершенную противоположность «Письмамъ» Карамзина. Сравн. отзывы обоихъ писателей о характерѣ Французовъ, объ ученыхъ людяхъ, о жизни общественной, о театрѣ и пр.— О «Письмахъ» Фонъ-Визина кн. *Вяземскій* говоритъ: «Нѣкоторыя изъ писемъ автора нашего, писанныхъ изъ Франціи къ графу П. И. Панину, давно уже извѣстны и пользуются у насъ большимъ уваженіемъ, которое мы никакъ раздѣлить не можемъ. Вѣроятно, они были писаны не для печати: этимъ оправдываются встрѣчающіяся въ нихъ небрежности въ слогѣ и въ языкѣ; но тѣмъ строже судимъ мы мнѣнія писателя, который, въ частной и пріятельской перепискѣ, могъ свободно высказывать впечатлѣнія и мнѣнія свои въ ихъ естественной наготѣ. Должно признаться, что нѣкоторыя изъ наблюденій путешественника справедливы, а именно тѣ, кои относятся до политическаго положенія Франціи. Здѣсь жестокія обвиненія наблюдателя оправданы были послѣдовавшею революціею. Но за то въ наблюденіяхъ его о характерѣ Французовъ, объ образѣ жизни ихъ, и въ характеристикѣ знаменитыхъ писателей, какая неумѣренность, какая оскорбительная рѣзкость въ сужденіяхъ, сколько желчи и даже изступленія!

«Даламберта, Дидерота, Мармонтеля описываетъ онъ шарлатанами, обманывающими народъ за деньги, бродягами, таскающимися по переднимъ вельможъ для выпрашиванія милостыни. Можно было судить о сихъ писателяхъ съ безпристрастіемъ и строгостію: таковому суду подлежали они во многихъ отношеніяхъ. Много грѣховъ было на ихъ совѣсти и умѣ. Но одно есть судъ праведный, хотя и неумолимый, и другое злоба и ожесточеніе. Одному покоряешься, потому что оно законно и убѣдительно; на другое негодуешь, потому что оно — дѣйствіе ослѣпленной страсти. Посмотрите, какъ выводитъ онъ въ своихъ письмахъ ученаго и безкорыстнаго Даламберта, коего безкорыстіе обратило вниманіе Европы. Всѣмъ извѣстно, что онъ отказался отъ обольстительнаго приглашенія Екатерины, желавшей ему поручить воспитаніе Наслѣдника Престола, и отъ убѣдительныхъ увѣщаній Прусскаго короля, предлагавшаго ему мѣсто въ Берлинской Академіи. Мы знаемъ, что изъ благодарности и привязанности къ своей кормилицѣ, призрѣвшей его отверженное и безпріютное младенчество, гласно называлъ онъ ее своею матерью и жилъ подъ смиреннымъ кровомъ ея около тридцати лѣтъ, когда извѣстность его, почетное положеніе въ обществѣ и связи его съ первыми лицами открывали ему выгоды общежитія, коими онъ легко могъ бы пользоваться. Неужели Фонъ-Визинъ не зналъ того, что знала вся Европа, не зналъ, что Императрица, предлагая Даламберту 100,000 рублей ежегоднаго оклада, приглашала его пріѣхать въ Петербургъ со всѣми пріятелями своими, обѣщая ему и имъ всѣ удобности жизни и можетъ быть, прибавляетъ она, «болѣе свободы и спокойствія, нежели имѣете вы у себя». «Вы не поддаетесь, продолжаетъ Она, убѣжденіямъ Прусскаго короля и благодарности, которою ему обязаны; но у короля нѣтъ сына. Признаюсь, Я такъ дорожу воспитаніемъ сына Моего, и вы мнѣ столь нужны, что Я, можетъ быть, слишкомъ пристунаю къ вамъ». Но ни обольщенія столь блестящей фортуны и званія столь почетнаго, ни обольщенія Государыни, ласкавшей самолюбіе его, не могли поколебать философа: онъ былъ вѣренъ независимости, отечеству и друзьямъ. Почтешь-ли слѣдующій отзывъ отзывомъ литератора: «Изъ всѣхъ ученыхъ болѣе всѣхъ удивилъ меня Даламбертъ: я воображалъ лице важное, почтенное, а нашелъ премерзскую фигуру и преподленькую физіогномію»! И что же могло побудить Фонъ-Визина противорѣчить такимъ образомъ общему мнѣнію, общему убѣжденію? Вотъ что: пріѣздъ въ Парижъ Русскаго полковника, брата одного изъ Петербургскихъ временщиковъ, къ которому явились

Даламбертъ, Мармонтель и другіе, для засвидѣтельствованія нижайшаго почтенія и будто съ тѣмъ, чтобы чрезъ него достать подарки отъ нашего Двора. Нѣтъ ничего мудренаго, что люди, взысканные милостію Екатерины, что Дидеротъ, ею облагодѣтельствованный, что Даламбертъ, преданный Ей благодарностію, что Мармонтель, коего сочиненія жгли въ Парижѣ въ то время, какъ Екатерина переводила ихъ въ Россіи, искали случая изъявить Ей чувства преданности своей въ лицѣ Русскихъ путешественниковъ, которые, по возвращеніи своемъ, могли довести о томъ до Ея свѣдѣнія. Но вовсе несбыточно, чтобъ, напримѣръ, Даламбертъ, который самъ переписывался съ Императрицею и кромѣ того въ другѣ своемъ Вольтерѣ имѣлъ надежнаго посредника, сталъ искать по переднимъ случая обратить на себя благосклонное вниманіе Екатерины, которое уже и такъ было ему опытами доказано.

«Во время пребыванія путешественника въ Парижѣ, пріѣзжалъ Волтеръ. Восторги, поклоненіе, апоѳеозъ заживо, которыми привѣтствовали его согражданe, сіе торжество, напоминающее народныя празднества древней Греціи, не возбудили никакого сочувствія въ душѣ писателя. Крики упоенной публики въ театрѣ «Vive Voltaire»! признаны имъ *неблагопристойными*. Вмѣсто того, чтобы мысленно участвовать въ торжествѣ, приносящемъ въ лицѣ Вольтера честь всѣмъ литературнымъ заслугамъ, онъ, какъ будто чуждый симъ заслугамъ и сей славѣ, дивился, что народъ можетъ гордиться своимъ писателемъ и приносить ему дань удивленія и любви. Любопытно сравнить отзывы нашего путешественника о Франціи съ отзывами другихъ отличныхъ чужеземцевъ, посѣщавшихъ сію землю около той же эпохи. Парижъ былъ въ то время родъ вселенскаго собора умовъ и знаменитостей, куда изъ разныхъ концевъ Европы стекались для совѣщанія о важныхъ вопросахъ наукъ, искусствъ и философіи; родъ избраннаго салона, куда отборные члены человѣческаго общества спѣшили послѣ трудовъ, совершенныхъ ими въ пользу отечества и ближнихъ, вкушать удовольствія просвѣщеннаго досуга, возвышенныя наслажденія, которыя можно назвать плодами одной зрѣлой образованности, одного зрѣлаго общежитія. Имена *Болинброка* [1]), *Юма* [2]), *Гиббона* [3]), *Адама Смита* [4]), *Франклина* [5]), *Стерна* [6]) *Беккаріи* [7]), принцевъ крови, коронованныхъ главъ и многихъ другихъ встрѣчаются въ протоколахъ Парижскаго общества.

[1]) *Болинброкъ* (XVIII в.) — Англійскій министръ и философъ. «Онъ говорилъ о вѣрѣ въ Бога, о государствѣ и церкви такимъ образомъ, что нельзя не признать въ немъ предшественника Вольтера». *Шлоссеръ:* Исторія Восемнадцатаго Столѣтія. Спб. 1858, т. I, стр. 328 и т. д. Замѣчательны его сочиненія политическія: Письма объ исторіи Англіи, Письма о патріотизмѣ, Разсужденіе объ идеѣ короля—патріота.— *Геттнеръ*: Исторія литературы XVIII в. Спб. 1863, т. I, стр. 297.

[2]) *Юмъ* (XVIII в.) — философъ и историкъ. Написалъ: Трактатъ о природѣ человѣка, Розысканіе о человѣч. разумѣ, Исторію Англіи со времени восшествія на престолъ дома Стюартовъ и пр.

[3]) *Гиббонъ* (1737—1794)—Англійскій историкъ. Онъ написалъ «Исторію разрушенія и упадка Римской имперіи».

[4]) *Адамъ Смитъ* (1723—1790)—Англійскій знаменитый политикъ-экономистъ. Его сочиненіе: «Изслѣдованія о природѣ и причинахъ благосостоянія народовъ».

[5]) *Франклинъ* (XVIII в.) — Американскій естествоиспытатель. Извѣстенъ открытіемъ громоотводовъ и электрическаго змѣя.

[6]) *Стернъ* (1713—1768) — знаменитый Англійскій юмористическій писатель. Его романы: «Тристрамъ Шенди» и «Чувствительное путешествіе». См. *Геттнера.*

[7]) *Беккарія* (1735—1793)—Итальянскій философъ — правовѣдъ. Трактатъ его

«Въ опроверженіе злословія Фонъ-Визина о корифеяхъ Французской литературы, приведемъ свидѣтельство княгини Дашковой. Она пріѣзжала въ Парижъ на нѣсколько дней и видѣлась почти съ однимъ Дидеротомъ.

«Я очень любила въ Дидеротѣ, говоритъ она въ своихъ запискахъ, даже и запальчивость его, которая была въ немъ плодомъ смѣлаго воззрѣнія и чувства; откровенность его, искренняя любовь, которою любилъ онъ друзей своихъ, геній его, проницательный и глубокомысленный, участіе и уваженіе, всегда имъ мнѣ оказанныя, привязали меня къ нему на всю жизнь, я оплакала смерть его и не престану оплакивать ее до послѣдняго дыханія жизни. Худо умѣли цѣнить эту необыкновенную голову: добродѣтель и правота руководствовали всѣми его поступками и общее благо было исканіемъ и страстью его постоянными. Если опрометчивостью своею впадалъ онъ иногда въ заблужденіе, то и тогда бывалъ искрененъ и самъ себя обманывалъ». — Мнѣ пріятно было рѣзкимъ приговорамъ Фонъ-Визина противопоставить благонамѣренный отзывъ нашей же соотечественницы; это будетъ отъ лица Русскихъ примирительное, очистительное жертвоприношеніе памяти мужей, которые имѣли свои заблужденія и погрѣшности, но ознаменовали земное поприще свое заслугами просвѣщенію и слѣдовательно человѣчеству. Можно указать еще и на Письма Русскаго путешественника, Карамзина. Писанныя безъ педантства, безъ догматической важности, они содержатъ болѣе истинъ и тонкихъ наблюденій о Францiи и Французахъ, нежели письма Фонъ-Визина, которыя писаны будто съ каѳедры, во услышаніе и трепетъ грѣшниковъ. Въ одномъ только Карамзинъ сходится съ нимъ, — во мнѣніи о физической нечистотѣ Парижа». (Фонъ-Визинъ. Спб. 1848, стр. 121 — 134).

РАФАЭЛЕВА МАДОННА [1]).

Я смотрѣлъ на нее нѣсколько разъ; но видѣлъ ее только однажды такъ, какъ мнѣ было надобно. Въ первое мое посѣщеніе я даже не захотѣлъ подойти къ ней: я увидѣлъ ее издали, увидѣлъ, что предъ нею торчала какая-то фигурка, съ пудренною головою, что эта проклятая фигурка еще держала въ своей дерзкой рукѣ кисть и безпощадно ругалась надъ великою душею Рафаэля, которая вся въ этомъ чудесномъ твореніи. Въ другой разъ испугалъ меня чичероне галлереи (который за червонецъ показывалъ путешественникамъ картины, и къ которому я не разсудилъ прибѣгнуть): онъ стоялъ предъ нею съ своими слушателями и, какъ попугай, болталъ вытверженный наизустъ вздоръ. Наконецъ однажды, только было я расположился дать волю глазамъ и душѣ, подошла ко мнѣ

«О преступленіяхъ и наказаніяхъ» былъ первый возгласъ противъ жестокости карательной системы.

[1]) Эта статья писана въ 1821 году. Она составляетъ отрывокъ изъ *путевыхъ* записокъ поэта *Жуковскаго*, Дрезденской Галлереѣ.

одна моя знакомка и принялась мнѣ нашептывать на ухо, что она передъ Мадонною видѣла Наполеона, и что ея дочери похожи на Рафаэлевыхъ Ангеловъ. Я рѣшился придти въ галлерею, какъ можно ранѣе, чтобы предупредить всѣхъ посѣтителей. Это удалось. Я сѣлъ на софу противъ картины и просидѣлъ цѣлый часъ, смотря на нее. Надобно признаться, что здѣсь поступаютъ съ нею такъ же непочтительно, какъ и совсѣми другими картинами. Во-первыхъ она, не знаю, для какой Готтентотской причины, уменьшена: верхняя часть полотна, на которомъ она написана, и съ нею верхняя часть занавѣса, изображеннаго на картинѣ, загнуты назадъ; слѣдовательно и пропорція и самое дѣйствіе цѣлаго теперь уничтожены и не отвѣчаютъ намѣренію живописца. Второе, она вся въ пятнахъ, не вычищена, худо поставлена, такъ что сначала можешь подумать, что копіи, съ нея сдѣланныя, чистыя и блестящія, лучше самаго оригинала. Наконецъ (что не менѣе досадно) она, такъ сказать, теряется между другими картинами, которыя, окружая ее, развлекаютъ вниманіе: напримѣръ, рядомъ съ нею стоитъ портретъ сатирическаго поэта Аретина [1]), Тиціановъ, прекрасный — но какое сосѣдство для Мадонны! И такова сила той души, которая дышетъ и вѣчно будетъ дышать въ этомъ божественномъ созданіи, что все окружающее пропадаетъ, какъ скоро посмотришь на нее со вниманіемъ. Сказываютъ, что Рафаэль, натянувъ полотно свое для этой картины, долго не зналъ, что на немъ будетъ: вдохновеніе не приходило. Однажды онъ заснулъ съ мыслію о Мадоннѣ, и вѣрно какой-нибудь Ангелъ разбудилъ его. Онъ вскочилъ: *она здѣсь!* закричалъ онъ, указавъ на полотно и начертилъ первой рисунокъ. И въ самомъ дѣлѣ, это не картина, а видѣніе: чѣмъ долѣе глядишь, тѣмъ живѣе увѣряешься, что передъ тобою что-то неестественное происходитъ (особливо если смотришь такъ, что ни рамы, ни другихъ картинъ не видишь). И это не обманъ воображенія: оно не обольщено здѣсь ни живостію красокъ, ни блескомъ наружнымъ. Здѣсь душа живописца, безъ всякихъ хитростей искусства, но съ удивительною простотою и легкостію, передала холстинѣ то чудо, которое во внутренности ея совершилось. Я описываю ее вамъ, какъ совершенно для васъ неизвѣстную. Вы не имѣете о ней никакого понятія, видѣвши ее только въ спискахъ, или въ Миллеровомъ эстампѣ. Не видавъ оригинала, я хотѣлъ купить себѣ въ Дрезденѣ этотъ эстампъ; но, увидѣвъ, не захотѣлъ и посмотрѣть на него:

---

[1]) *Аретино* (1492—1557) — Итальянскій писатель. Своими панегириками, ѣдкими сатирами пріобрѣлъ такую славу, что Карлъ V, Францискъ и другіе, опасаясь насмѣшекъ, наперерывъ старались привлечь его къ себѣ дарами. Аретино былъ искреннимъ другомъ *Тиціана*, одного изъ знаменитыхъ Итальянскихъ живописцевъ (1477—1576). Тиціанъ считается первымъ колористомъ въ свѣтѣ.

онъ, можно сказать, оскорбляетъ святыню воспоминанія. Часъ, который провелъ я передъ нею, этою Мадонною, принадлежитъ къ счастливымъ часамъ жизни, если счастіемъ должно почитать наслажденіе самимъ собою. Я былъ одинъ; вокругъ меня все было тихо; сперва съ нѣкоторымъ усиліемъ вошелъ въ самого себя: потомъ ясно началъ чувствовать, что душа распространяется; какое-то трогательное чувство величія въ нее входило; неизобразимое было для нее изображено, и она была тамъ, гдѣ только въ лучшія минуты жизни быть можетъ. *Геній чистой красоты былъ съ нею:*

Онъ лишь въ чистыя мгновенья
Бытія слетаетъ къ намъ,
И приноситъ откровенья
Благодатныя сердцамъ.
Чтобъ о небѣ сердце знало
Въ темной области земной,
Намъ туда сквозь покрывало
Онъ даетъ взглянуть порой;
А когда насъ покидаетъ,
Въ даръ любви, у насъ въ виду,
Въ нашемъ небѣ зажигаетъ
Онъ прощальную звѣзду.

Не понимаю, какъ могла ограниченная живопись произвести необъятное; предъ глазами полотно, на немъ лица, обведенныя чертами, и все стѣснено въ маломъ пространствѣ, и, несмотря на то, все необъятно, все неограничено! И точно приходитъ на мысль, что эта картина родилась въ минуту чуда: занавѣсъ раздернулся, и тайна неба открылась глазамъ человѣка. Все происходитъ на небѣ: оно кажется пустымъ и какъ будто туманнымъ, но это не пустота и не туманъ, а какой-то тихій, неестественный свѣтъ, полный Ангелами, которыхъ присутствіе болѣе чувствуешь, нежели замѣчаешь: можно сказать, что все, и самый воздухъ, обращается въ чистаго Ангела въ присутствіи этой небесной, мимоидущей Дѣвы. И Рафаэль прекрасно подписалъ свое имя на картинѣ: внизу ея, съ границы земли, одинъ изъ двухъ Ангеловъ устремилъ задумчивыя глаза въ высоту; важная, глубокая мысль царствуетъ на младенческомъ лицѣ: не таковъ ли былъ и Рафаэль въ то время, когда онъ думалъ о своей Мадоннѣ? Будь младенцемъ, будь Ангеломъ на землѣ, чтобы имѣть доступъ къ тайнѣ небесной. И какъ мало средствъ нужно было живописцу, чтобы произвести нѣчто такое, чего нельзя истощить мыслію! Онъ писалъ не для глазъ, все обнимающихъ по мгновеніе и на мгновеніе, но для души, которая, чѣмъ болѣе ищетъ, тѣмъ болѣе находитъ. Въ Богоматери, идущей по небесамъ, непримѣтно никакого движенія; но чѣмъ болѣе смотришь на нее, тѣмъ

болѣе кажется, что она приближается. На лицѣ ея ничто не выражено, то есть, на номъ нѣтъ выраженія *понятнаго*, имѣющаго *опредѣленное имя*; но въ немъ находишь, въ какомъ-то таинственномъ соединеніи, все: спокойствіе, чистоту, величіе и даже чувство, но чувство, уже перешедшее за границу земнаго, слѣдовательно мирное, постоянное, не могущее уже возмутить ясности душевной. Въ глазахъ ея нѣтъ блистанія (блестящій взоръ человѣка всегда есть признакъ чего-то необыкновеннаго, случайнаго; а для нея уже нѣтъ случая — все совершилось); но въ нихъ есть какая-то глубокая, чудесная темнота; въ нихъ есть какой-то взоръ, никуда особенно не устремленный, но какъ будто видящій необъятное. Она не поддерживаетъ Младенца; но руки ея, смиренно и свободно служатъ ему престоломъ: и въ самомъ дѣлѣ, эта Богоматерь есть не иное что, какъ одушевленный престолъ Божій, чувствующій величіе сидящаго. И Онъ, какъ Царь земли и неба, сидитъ на этомъ престолѣ. И въ его глазахъ есть тотъ же никуда не устремленный взоръ; но эти глаза блистаютъ, какъ молніи, блистаютъ тѣмъ вѣчнымъ блескомъ, котораго ничто ни произвести, ни измѣнить не можетъ. Одна рука Младенца съ могуществомъ Вседержителя оперлась на колѣно, другая какъ будто готова подняться и простереться надъ небомъ и землею. Тѣ, передъ которыми совершается это видѣніе, Св. Сикстъ и мученица Варвара, стоятъ также на небесахъ: на землѣ этого не увидишь. Старикъ не въ восторгѣ: онъ полонъ обожанія мирнаго и счастливаго, какъ святость; Святая Варвара очаровательна своею красотою: великость того явленія, котораго она свидѣтель, дала и ея стану какое-то разительное величіе: но красота лица ея человѣческая, именно потому, что на немъ уже есть выраженіе *понятное*: она въ глубокомъ *размышленіи*; она глядитъ на одного изъ Ангеловъ, съ которымъ какъ будто дѣлится таинствомъ мысли. И въ этомъ нахожу я главную красоту Рафаэля картины (если слово *картина* здѣсь у мѣста). Когда бы живописецъ представилъ обыкновеннаго человѣка зрителемъ того, что на картинѣ его видятъ одни Ангелы и Святые: онъ или далъ бы лицу его выраженіе изумленнаго восторга (ибо восторгъ есть чувство здѣшнее: оно на минуту, быстро и неожиданно отрываетъ насъ отъ земнаго), или представилъ бы его падшаго на землю съ признаніемъ своего безсилія и ничтожества. Но состояніе души, уже покинувшей землю и достойной неба, есть глубокое, постоянное чувство, возвышенное и просвѣщенное мыслію, постигнувшею тайны неба, безмолвное, неизмѣняемое счастіе, которое все заключается въ двухъ словахъ: *чувствую и знаю!* И эта-то блаженствующая мысль царствуетъ на всѣхъ лицахъ Рафаэлевой картины, (кромѣ, разумѣется, лица Спасителева и Мадонны): всѣ въ размы-

шленіи, и Святые и Ангелы. Рафаэль какъ будто бы хотѣлъ изобразить для глазъ верховное назначеніе души человѣческой. Одинъ только предметъ напоминаетъ въ картинѣ его о землѣ. Это Сикстова тіара, покинутая на границѣ здѣшняго свѣта. Вотъ то, что думалъ я въ тѣ счастливыя минуты, которыя провелъ передъ Мадонною Рафаэля.

Какую душу надлежало имѣть, чтобы произвести подобное! Бѣдный Мюллеръ! Онъ умеръ, сказывали мнѣ, въ домѣ сумасшедшихъ. Удивительно-ли? Онъ сравнилъ свое подраженіе съ оригиналомъ, и мысль, что онъ не понялъ великаго, что онъ его обезобразилъ, что оно для него недостижимо, убила его. И въ самомъ дѣлѣ надобно быть или безразсуднымъ, или просто механическимъ маляромъ безъ души, чтобы осмѣлиться списывать эту Мадонну: одинъ разъ душѣ человѣческой было подобное откровеніе; дважды случиться оно не можетъ.

В. Жуковскій.

ПУТЕШЕСТВІЕ ПО СИЦИЛІИ

въ 1822 году.

Этна.

Мы оставили второй поясъ Этны, называемый: лѣсный, — и вступили въ безплодный. Сіе послѣднее названіе не выражаетъ того совершеннаго отсутствія жизни, которое представляется взорамъ, глядя на эту часть Этны. Что можетъ-быть чернѣе, ужаснѣе сихъ падающихъ и оцѣпенѣвшихъ рѣкъ лавы?.. Тутъ почувствовали мы сильную перемѣну въ атмосферѣ; вѣтеръ налетѣлъ на насъ съ ужасной силою, и мы едва могли удерживать наши плащи. Крутизна и разбросанныя груды лавы дѣлали путь нашъ часъ отъ часу труднѣе. Я чувствовалъ сильное волненіе въ крови, не смотря на холодъ, проникавшій меня; а товарищъ мой примѣтно терялъ свои силы и перемѣнялся въ лицѣ. По мѣрѣ нашего восхожденія, оставленный нами лѣсъ опускался все болѣе и болѣе, — и наконецъ, когда онъ совсѣмъ скрылся, — въ какомъ страшномъ уединеніи увидѣли мы себя! Какая адская чернота простиралась вокругъ! Она, казалось, поглощала насъ! Нигдѣ не видно было слѣдовъ бытія; вѣтеръ стремился намъ на встрѣчу съ крутой вершины; свисты его заглушали наши рѣчи; но ясное небо, усѣянное звѣздами, кои сіяли необычайнымъ свѣтомъ, утѣшало нѣсколько взоры

и смиряло нѣкоторое внутренее безпокойствіе, видя себя какъ бы на краю земной природы, въ преддверіи новаго міра. Но даже и утѣшительныя звѣзды скрывались иногда за широкими облаками дыма, межъ тѣмъ какъ подземные удары потрясали подъ нами основаніе, — и тогда, я не знаю, на что походила сія надъоблачная точка земли!

Мы не могли надивиться искусству лошаковъ, ступавшихъ такъ твердо по изрытой поверхности каменистой лавы; хотя они и обрывались нѣсколько разъ, но никогда не падали, что могло-бъ быть для насъ пагубно.. Окруженные такими предметами, мы подымались выше и выше; воздухъ дѣлался чрезвычайно рѣдокъ. Не смотря на сильное движеніе въ крови, я не былъ обезпокоенъ; но положеніе моего товарища нѣсколько тревожило меня.

Луна не переставала покровительствовать насъ въ продолженіе всего опаснаго пути; она освѣщала близкія пропасти. Серебряный шаръ ея находился уже почти перпендикулярно надъ нами, когда мы медленно приближались къ конечности безобразныхъ утесовъ лавы, изъ которыхъ иные вставали высокими конусами. Промежду ихъ начиналъ расширяться природный путь, который составлялся уже изъ волканическаго песку, и наконецъ мы выѣхали на пространную площадь, надъ коей еще высоко господствовалъ огромный двурогій конусъ; дымъ излеталъ изъ него большими клубами, съ глухимъ шумомъ. Сей-то конусъ составлялъ вѣнецъ Этны и заключалъ въ себѣ страшную ея пасть. Едва только успѣли мы перевести духъ, утомленные отъ безпрестаннаго восхожденія въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ, какъ вдругъ потряслась подъ нами земля и нѣсколько огненныхъ полосъ вылетѣли съ густыми облаками дыма изъ вершины конуса, освѣтивъ ужасное сіе мѣсто. Но вообразите наше удивленіе, когда пройдя нѣсколько шаговъ во мракѣ, мы увидѣли, не подалеку отъ насъ, движущіяся существа въ бѣломъ облаченіи, съ острыми на головѣ шапками, бѣлаго же цвѣта, — и держащія длинные шесты... Мы поражены были симъ чуднымъ явленіемъ. Мнѣ казалось, что я вижу таинственныхъ гномовъ, нашедшихъ изъ средоточія земли чрезъ страшное отверстіе Этны; все здѣсь способствовало къ сверхъ-естественнымъ заключеніямъ... Послѣ перваго удивленія, Антоній объяснилъ намъ, что существа сіи суть не что иное, какъ любопытные простолюдины, облеченные въ бѣлое суконное одѣяніе, съ капюшономъ для защиты отъ холодныхъ вѣтровъ. Получа это объясненіе, мы пожалѣли, что не знали прежде о сей одеждѣ, которая была бы намъ весьма полезною. Мы взаимно обрадовались, найдя человѣковъ у сего преддверія ада.

Тогда мы достигли конца *безплоднаго* пояса и находились при

подошвѣ *огненнаго*. Понесенные нами доселѣ труды были ничто въ сравненіи съ тѣмъ, что насъ ожидало. Мы мѣрили безпокойнымъ взоромъ огромный конусъ, страшно бушующій, — къ коему мы мало по малу приближались.

Находясь уже на 9200 футъ отъ морской поверхности, намъ оставалось еще подняться на 1300 футовъ, составляющіе высоту конуса. Съ какою радостію увидѣли мы, въ семъ жилищѣ вѣтровъ и пламени, выстроенное убѣжище для утомленныхъ путешественниковъ! Честь сія принадлежитъ г-ну Жемеллару; онъ первый дерзнулъ поставить на такой ужасной высотѣ пріютъ для дерзкаго человѣка. Во всемъ мірѣ нѣтъ другаго строенія на такомъ возвышеніи, ибо знаменитое убѣжище на горѣ Сен-Бернардѣ находится 1500 футами ниже; правда, что сіе послѣднее обитаемо; межъ тѣмъ какъ Этнейское, находясь въ ежеминутномъ ожиданіи совершеннаго уничтоженія, принимаетъ только на нѣсколько часовъ подъ кровъ свой изумленныхъ гостей. Ключъ отъ этой хижины хранится всегда у г-на Жемеллара, который вручаетъ его путешественникамъ. Обрадованные, мы взошли въ двѣ пустыя комнаты; онѣ показались намъ чертогомъ, когда мы развели огонь, раскурили трубки, раскупорили бутылки и начали варить кофе. Намъ приходилось только часа полтора на отдохновеніе, ибо оставалось не болѣе трехъ часовъ до разсвѣта, и мы должны были встрѣтить восходъ солнца на высотѣ конуса. Антоній совѣтовалъ намъ уснуть около часу времени и обѣщалъ разбудить насъ въ самую пору.

Rizzate-vi! rizzate! Вставайте! вставайте! громко кричалъ Антоній надъ нами. Съ воображеніемъ, полнымъ ужасами Этны, и волнуемый любопытствомъ, я быстро проснулся и помогъ ему разбудить моего товарища. Снарядъ нашъ былъ не долгъ; вооружась шестами, мы отправились въ путь... Мракъ уже примѣтно рѣдѣлъ, звѣзды утопали въ утреннемъ туманѣ; весь Земной шаръ ограничивался для насъ токмо тою мрачною долиною, на коей мы стояли; кругомъ насъ носились облака; а гдѣ ихъ не было, испуганный взоръ терялся въ бездонной пустынѣ... Межъ тѣмъ, столбы дыма, вылетавшіе изъ стонущей горы, разстилали надъ нами черный покровъ. Картина сія воспламеняла воображеніе своею чудесностью; все это казалось мнѣ, едва освѣжившемуся отъ сна, игрою разгоряченной мечты.

Домикъ Жемеллара отдаленъ отъ конуса на четверть версты самою страшною долиною, составленною изъ взволнованной охладѣлой лавы, которая обнимаетъ самый домикъ. И такъ, прямо изъ дверей начинался нашъ путь по оной. Трудно вообразить что-нибудь уродливѣе сихъ черныхъ, острыхъ, искривленныхъ грудъ съ глубокими трещинами; стопы ваши какъ-бы колеблются въ недоумѣніи, куда

ступить, — вездѣ такъ страшно, такъ опасно порѣзаться или попасть въ разсѣлину. Добрый Антоній и другой житель Этны не переставали намъ помогать со всѣмъ усердіемъ. Шестъ и рука опытнаго вождя часто удерживали меня отъ паденія. Мы страдали болью въ ногахъ отъ остроты каменистой лавы; товарищъ мой задыхался отъ усталости: рѣдкость воздуха вредила ему болѣе, нежели самая усталость, — и наконецъ онъ такъ изнемогъ, что принужденъ былъ отказаться отъ предпріятія; я съ сожалѣніемъ разлучился съ нимъ, — и продолжалъ путь.

Наконецъ, ужасная долина была уже за нами; я стоялъ уже у подошвы роковаго конуса, мѣряя взоромъ мрачную крутизну. Добрый Антоній предложилъ мнѣ рюмку рому, и, ударивъ по рукамъ, мы потянулись на высоту... Вся эта конечная гора составлена изъ волканическихъ пепла, песка и мелкихъ скоріевъ; съ каждымъ шагомъ, сіи смѣшенныя вещества осыпались съ грохотомъ подъ стопами нашими, безпрестанно скользящими внизъ; все то, за что я ни брался, чтобы поддержаться, уступало малѣйшему прикосновенію и также сыпалось. По сему можно судить, какъ мучителенъ и медлененъ таковый путь. Межъ тѣмъ, порывистый вѣтеръ начиналъ насъ обдавать ѣдкими сѣрными испареніями: черезъ каждые пять или шесть шаговъ, я принужденъ былъ ложиться на знойный пепелъ и переводить дыханіе, которое безпрестанно захватывалось зловредною атмосферою. Весь занятый своимъ трудомъ, изнемогая подъ онымъ, я не замѣчалъ происходившаго вокругъ меня въ природѣ; лишь устремлялъ часто отчаянный взоръ на дымную вершину, которая казалось, все удалялась отъ меня; межъ тѣмъ Антоній преподавалъ мнѣ наставленія, какъ поступать на краю жерла; онъ опасался болѣе всего силы вѣтра, который не переставалъ бушевать. Чего не можетъ преодолѣть терпѣніе, соединенное съ любопытствомъ? — уже болѣе нежели половина конуса была нами пройдена; я подкрѣплялъ разумомъ тѣлесное мое изнеможеніе, видя, что вершина уже не далека; межъ тѣмъ тонкое облако проходило мимо насъ и окропило меня влагою.

Но я былъ ободренъ при концѣ моего пути, увидя тѣхъ четырехъ Сициліянцевъ, кои столь удивили меня ночью, сидящихъ уже, въ бѣлыхъ облаченіяхъ своихъ, на крайней высотѣ, за свѣтлымъ облакомъ; тогда они точно походили на какихъ-то духовъ, или на жрецовъ Зороастра, ожидающихъ появленія солнца для поклоненія оному.... Случайное зрѣлище сіе имѣло нѣчто особенно великое. Межъ тѣмъ и мы входили въ облако, которое шло прямо на насъ; въ то время, какъ оно облекало насъ холодною сыростію, я чувствовалъ, что земля горѣла подо мною, — тѣмъ болѣе, что я имѣлъ уже только нѣчто похожее на обувь. — Облака дыма перелива-

лись высоко черезъ наши головы; а пепелъ, попираемый нами, примѣтно дѣлался горячѣе. Наконецъ, край страшной пасти былъ уже въ нѣсколькихъ шагахъ отъ насъ; онъ весь былъ покрытъ сѣрою, самой яркой желтизны, и широко расходился на два высокіе рога. По всей окружности вился къ верху, или разстилался струями, дымъ; ѣдкость его прерывала дыханіе, а сильный вѣтеръ едва позволялъ намъ ползти по горячей сѣрѣ, прожигающей одежду; я былъ внѣ себя, приближаясь къ сему адскому мѣсту. Съ каждымъ изверженіемъ дымныхъ тучъ, внутренность волкана ужасно ревѣла, и ревъ сей разносился по воздуху. — «Берегитесь! берегитесь!» — кричалъ мнѣ почти на ухо Антоній, по причинѣ вѣтра; — вы на краю пропастя; не вставайте на ноги, — вѣтеръ можетъ унести васъ...» Сего было довольно для предостереженія моего..... Мнѣ была видна одна только страшная вершина; облака закрывали окружность, и розовый туманъ одѣвалъ небо; крутизна была необычайная; я боялся, чтобы порывы вѣтра не умчали меня въ пространство эфира; — онъ казался мнѣ бездоннымъ океаномъ вѣчности, и что я стою на краю оной.

Но какія слова, какая кисть выразятъ зрѣлище, представшее изумленнымъ моимъ очамъ, когда едва переводя дыханіе, я доползъ до края — и бросилъ взоръ на разкрывшуюся передо мной бездну!..... Я оцѣпенѣлъ..... Хладъ пробѣжалъ по жиламъ..... и я превратился весь въ зрѣніе. Самое пламенное воображеніе не произведетъ ничего ужаснѣе сей адской бездны, сего входа въ преисподнее царство тьмы.

Крутые края конуса, возвышаясь четырмя шпицами, расширялись на большое пространство, и составляли глубокій бассейнъ, посреди коего разверзается бездонная пасть страшной величины и черноты. Вѣтеръ, дувшій съ нашей стороны, отстранялъ столпы дыма и позволялъ испуганному взору проникать въ необъятное отверстіе, — тамъ кружились дымные вихри и съ шумомъ вылетали поверхъ облакъ, кои часто, какъ-бы съ ужасомъ отстранялись отъ нихъ. Накипѣвшая сѣра, дышащая зноемъ, прожигала подъ нами разостланные плащи. За сею пропастью, составляющей главный кратеръ, возвышалось нѣсколько холмовъ, изъ-за коихъ видна была половина другаго кратера; четыре столпа дыма возвѣщали четыре отверстія; но главное было то, которое находилось передо мною съ сѣверной стороны; а прочія были закрыты неровностями и густымъ дымомъ. Въ тихую погоду, отважные сходятъ осторожно съ боковъ конуса къ жерлу, коего края образуютъ площадку; но это ни къ чему не ведетъ, ибо тогда жерло худо видно, — межъ тѣмъ, какъ съ высшаго рога, на коемъ я сидѣлъ, открывается вся страшная глубина волкана. Можетъ быть и я пожелалъ бы сойдти въ бас-

сейнъ; но благоразумный Антоній никакъ не соглашался, — и самая краснорѣчивая причина, удерживавшая меня отъ того, состояла въ томъ, что сильный вѣтеръ едва позволялъ намъ сидѣть, и то не безъ опасности; а въ бассейнѣ, гдѣ хотя вѣтеръ и тише, вихри сѣрныхъ испареній могли бы насъ лишить дыханія въ одно мгновеніе.

Я не могъ отвести глазъ отъ сего ужаснаго предмета; но уже наставало новое зрѣлище, совершенно другаго великолѣпія. Солнце готово было воспрянуть изъ безднъ моря; Антоній возвѣстилъ мнѣ это, и я склонилъ взоры свои долу. Весь туманъ, облекавшій землю во время моего восхожденія, подымался тогда къ верху, и составлялъ тѣ облака, кои налетали на насъ; но тогда земля и море были уже свободны отъ оныхъ; я не могъ еще различить предметовъ; все было подернуто прелестною синевою въ неизмѣримой глубинѣ. Но весь востокъ, слитый съ моремъ, горѣлъ уже алымъ свѣтомъ; — и вдругъ пукъ лучей, блеснувъ какъ молнія, разсыпался по всему восточному краю моря. Въ одно мгновеніе отдѣлились воды отъ земли. Наконецъ показался край солнца!.. Красный шаръ его, казалось, слѣдовалъ колебанію волнъ. Тутъ я воображалъ, что я призванъ быть зрителемъ сотворенія новой планеты. Такъ и при созданіи своемъ, земля радостно улыбалась первымъ лучамъ юнаго солнца; наконецъ все обозначилось очарованнымъ моимъ взорамъ! Сердце мое билось небесною радостью. Я видѣлъ себя сидящимъ на вершинѣ ужасной пирамиды, упирающейся основаніемъ въ море и возносящей мрачное чело выше облакъ. Конечно *Пиндаръ* [1]) былъ тогда на сей точкѣ, когда онъ назвалъ Этну *столпомъ неба!* Она, казалось, господствовала надъ земнымъ шаромъ; то удивительно ли, если я, господствуя надъ нею, считалъ себя въ нѣкоторыя минуты находившимся внѣ земной сферы. Я какъ бы ужасался своей дерзости! Съ одной стороны разверзался передо мною адъ со всѣми его ужасами; а съ другой, необозримый міръ возраждался изъ хаоса... Но я долженъ пресѣчь на минуту продолженіе сего описанія, превышающаго силы смертнаго, чтобы обратить вниманіе читателя на чудесный феноменъ, образовавшійся подлѣ меня. Едва только лучи солнца коснулись вершины Этны, какъ вдругъ тѣнь ночи сбѣжала съ ея двурогаго конуса, который отразился на западѣ въ клубахъ дыма и облачныхъ паровъ, — и тогда, новая гора повисла на воздухѣ... Я не зналъ, куда мнѣ обратиться, посреди таковыхъ чудесъ; но чрезъ нѣсколько минутъ, сей феноменъ исчезъ, и я вновь занялся дальнымъ міромъ.

---

[1]) *Пиндаръ* — Греч. поэтъ (VI в. до Р. Х.). О немъ см. во 2 т. нашей Хрестоматіи, изд. II-е, стр. 210 — 212, 223 и д.

Тамъ все уже пришло въ гармонію. Вся Сицилія, которая казалось отсюда быть созданною токмо для подножія Этны, покоясь на разгарающихся зыбяхъ моря, являлась какъ бы на картѣ напоминая древнее ея названіе, — *Тринакрія*, трехъ-угольною своею формою.

Занимая центръ необозримой панорамы вселенной, она процвѣтала какъ садъ. Взоръ обнималъ все пространство острова отъ мыса *Пелора* до мыса *Лилибея;* а отъ сего — до мыса *Пахина.* Я даже могъ узнавать положеніе самыхъ отдаленныхъ городовъ, какъ-то: *Палермы*, *Марсалы*, *Агригента*, *Сиракузъ*..... Къ западу извивались берега Агригента, Мацары и Марсалы, противъ коей видѣнъ посреди моря островъ Пантеларія и едва виднѣется берегъ Африки; но я не мало удивился, что западное море Сициліи съ городомъ Трапани и Эгатскими островами заслонялись хребтами горы Эриксъ. Безъ сомнѣнія на всемъ Земномъ шарѣ нельзя найти зрѣлища равнаго сему. Я уже болѣе двухъ часовъ занятъ былъ сими высокими предметами, какъ вдругъ увидѣлъ недалеко отъ вершины влекущагося моего товарища, котораго я полагалъ давно уже отдыхающимъ въ домѣ. Видя сколь любопытство превозмогало въ немъ тѣлесныя его силы, я послалъ къ нему на встрѣчу Антонія, и съ помощію двухъ сильныхъ людей, былъ онъ доведенъ до края пропасти; но едва только бросилъ онъ взоръ на жерло, какъ дыханіе его было захвачено сѣрными испареніями, и онъ упалъ почти безъ чувствъ на тлѣющій пепелъ; я велѣлъ медленно свести его ниже, и тамъ уже онъ очувствовался и поспѣшилъ спуститься къ подошвѣ.

Я не могъ рѣшиться оставить сей единственный пунктъ земнаго шара. Я попеременно ужасался разверстою подо мной бездною, коей ревъ потрясалъ всю конечность волкана, на коей я сидѣлъ, — или восхищался несравненною картиною вселенной. Холодъ проникалъ меня, межъ тѣмъ какъ курящійся пепелъ прожигалъ мое платье. Нѣсколько подалѣе лежали груды снѣга. Зима, неизвѣстная Сициліи, царствуетъ только на сей адской вершинѣ и борется съ огнемъ!..

Вѣтеръ продолжалъ свирѣпѣть съ тою же силою, такъ что я опасался перемѣнить мѣсто, дабы не быть увлечену или въ мрачную пропасть, или въ неизмѣримость воздуха. Здѣсь погибъ Агригентскій философъ *Эмпедоклъ* [1]), который учился постигать Натуру близъ страшной ея Лабораторіи. (Огонь, по его мнѣнію, былъ главнѣйшею дѣйствующею стихіею изъ четырехъ, имъ признанныхъ). Онъ даже обиталъ на Этнѣ, и находящіяся у подошвы конуса развалины (о коихъ я скажу ниже) называются и по-нынѣ *Башнею Фи-*

[1]) *Эмпедоклъ* — Греческій философъ (жилъ въ V в. до Р. Хр.). Преданіе говоритъ, что Эмпедоклъ, вслѣдствіе любознательности своей, упалъ въ кратеръ Этны.

лософа. Платонъ два раза восходилъ на вершину Этны, и въ первый разъ нарочно прибылъ изъ Аѳинъ, чтобы видѣть сей великій феноменъ.

Проведя почти 5 часовъ на вершинѣ Этны, взирая сквозь облакъ на земныя области, дыша атмосферою, не принадлежащею человѣку, я начиналъ уже чувствовать изнеможеніе; сѣрныя испаренія и рѣдкость воздуха тяготили мою грудь, дыханіе мое становилось принужденнымъ, сердце сильно билось, и холодъ оковывалъ судорогами мои члены. Солнце, столь пламенное на землѣ Сициліи, — здѣсь совсѣмъ не грѣло. Я по неволѣ долженъ былъ помышлять о нисхожденіи. Находящійся съ нами ромъ принесъ намъ большую пользу въ семъ случаѣ. Прежде нежели оставить навсегда сію подоблачную бездну, я хотѣлъ болѣе и болѣе напечатлѣть въ памяти своей всѣ подробности оной; мы направились съ Антоніемъ по дымящимся краямъ, весьма тихо, по причинѣ сильнаго вѣтра, и болѣе ползли, чѣмъ шли, какъ вдругъ, надѣясь на прикрывавшее насъ одно возвышеніе, мы осмѣлились встать прямо на ноги; но не успѣли еще хорошо утвердиться, какъ налетѣвшій порывъ вѣтра сшибъ меня подъ ноги Антонія, который, не могши удержаться, упалъ на меня, и мы покатились по смрадной сѣрѣ во внутренность бассейна. Я не въ силахъ выразить чувство ужаса, объявшее меня тогда; вотще старались мы удержаться о горячіе куски сѣры, отъ испаренія коихъ мы задыхались: — они обрывались подъ нами, и если бъ вѣтеръ не былъ косвенный и не потерялъ бы своей силы въ бассейнѣ, коего высокія стѣны закрыли насъ, — то вѣроятно мы бы погибли. Но съ прекращеніемъ вѣтра, Антоній, первый удержался объ одну курящуюся неровность, отчего и я остановился на немъ. Спасенные симъ случаемъ, мы были внѣ опасности, ибо вихри дыма захватывали наше дыханіе; но къ счастію, направленіе вѣтра было съ нашей стороны: если бъ оно перемѣнилось, то въ одно мгновеніе насъ бы не стало. Пришедъ въ себя, ни мало не теряя времени, опытный Антоній, зная всѣ проходы, повлекъ меня съ собою изъ сего ада, коего жерло было въ четырехъ или пяти саженяхъ отъ насъ; — я не занялся тогда разсматриваніемъ его ужасовъ, невольно завлеченный столь близко къ оному; но сколь возможно скорѣе старались достичь краевъ, и перейдя уже ихъ, замѣтили мы, что лишились шляпъ и посоховъ; — взглянувъ въ бассейнъ, мы ихъ не видали; только одинъ изъ нашихъ посоховъ лежалъ близко отъ страшнаго жерла, а шляпы, вѣроятно, сдѣлались добычею волкана; — быстро спустились мы по крутому скату конуса, и менѣе нежели въ полчаса были уже въ безобразной долинѣ, отдѣляющей конусъ отъ домика Жемеллара. Тутъ моя обувь сама собою отказалась мнѣ служить; я перемѣнилъ её на новую, которая

была въ мѣшкѣ у Антонія; но не имѣя посоховъ, мы съ чрезвычайнымъ трудомъ добрались до домика по острымъ грудамъ.

Два часа отдохновенія возстановили мои силы. Мой товарищъ также поправился; но понесъ съ собою болѣзнь, отъ коей не скоро освободился. Тогда было около двухъ часовъ по полудни, когда мы оставляли ужасное святилище Этны, безпрестанно оглядываясь на оное. Мы проѣхали мимо остатковъ древняго зданія, называемаго *Башнею Философа* и находящагося въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ домика Жемелларо, въ долинѣ del frumento. Сіи развалины состоятъ изъ основанія стѣнъ, которыя сложены изъ большихъ кусковъ обтесанной лавы, вмѣстѣ съ кирпичами. Тутъ же видны нѣсколько кусковъ бѣлаго мрамора, и можно еще различить, что зданіе имѣло видъ параллелограма. Многіе полагаютъ оное жилищемъ философа Эмпедокла, и названіе *Башни Философа* утвердило это мнѣніе; но нельзя думать, чтобы она была чьимъ-либо жилищемъ: ибо чрезвычайная рѣдкость атмосферы, сѣрныя испаренія и сильные вѣтры не долго бъ продлили человѣческую жизнь на этомъ мѣстѣ. Даже въ гостепріимныхъ уединеніяхъ на горахъ Сен-Бернардѣ, Ценисѣ и Сен-Пломбѣ, кои выстроены гораздо ниже домика Жемелларо, — монахи очередуются между собою въ пребываніи тамъ, по причинѣ несвойственнаго для человѣческой натуры, воздуха.

Съ бóльшимъ правдоподобіемъ можно положить, что сіи развалины суть остатки храма *Юпитера, побѣдителя Гигантовъ*, по свидѣтельству *Страбона* [1]), *Плинія* [2]) и *Лукреція* [3]). Пиндаръ называетъ Юпитера: *Этнейскимъ*. Извѣстно также, что и Вулканъ имѣлъ храмъ на Этнѣ; но Эліенъ говоритъ, что оный окруженъ былъ *тѣнистыми древами*, почему должно думать, что онъ находился въ *лѣсномъ* или *плодоносномъ* поясахъ. Жерло Этны служило тогда, древнимъ, для гаданій; они бросали туда въ жертву животныхъ или металлическія печати; если жерло не выбрасывало ихъ вонъ, то это почиталось счастливымъ предзнаменованіемъ, въ противномъ же случаѣ — пагубнымъ.

Отсюда мы спустились къ ужасной пропасти, называемой Valle del Bue, куда низвергается цѣлая рѣка лавы, какъ бы захваченная внезапнымъ холодомъ. Видъ съ сей высоты не перестаетъ быть волшебнымъ: сколько пирамидальныхъ волкановъ высятся отъ не-

---

[1]) *Страбонъ* — Греч. географъ (жилъ въ I в. до и по Р. Хр.). Оставилъ географич. сочиненія въ 17 книгахъ. Путешествовалъ по Малой Азіи, Сиріи, Египту, Греціи, Италіи.

[2]) *Плиній* Старшій (жилъ въ I в. по Р. Хр.) — знаменитый Римскій натуралистъ.

[3]) *Лукреціи* (въ I в. до Р. Хр.) — Римскій поэтъ. Онъ написалъ поэму «О сущности вещей».

объятной подошвы горы и составляють одно зданіе Этны! Когда мы спускались съ безплоднаго пояса, то жаръ дѣлался часъ отъ часу несноснѣе, тѣмъ болѣе, что волканическій составъ и черный цвѣтъ лавы жадно вбираютъ въ себя лучи солнца и отражаютъ зной. Лишенные широкихъ шляпъ, я и Антоній ѣхали обвязанные платками, кои очень дурно насъ защищали. Лѣсной поясъ послужилъ намъ отрадой; тѣнь дубовъ и каштановъ была для насъ усладительна. Лѣсъ сей не представлялъ намъ тогда того страшнаго вида, въ какой онъ былъ облеченъ ночью; но со всѣмъ тѣмъ нельзя было безъ ужаса глядѣть на потоки лавы, ниспровергшіе цѣлые ряды столѣтнихъ деревъ; иныя безобразно торчали изъ-подъ тяжести грудъ, ихъ подавлявшихъ, другія сохранили еще слѣды ужаснаго пожара; но тѣмъ пріятнѣе было глядѣть на тѣ, кои, полные сочной юности, далеко разстилали свои вѣтви. Навѣсъ одного изъ таковыхъ дубовъ избрали мы для отдохновенія; онъ могъ бы защитить тѣнью своею цѣлый хороводъ Дріадъ, коихъ представляютъ пляшущими, сплетясь рука съ рукой, вокругъ древнѣйшихъ деревъ. Знаменитое каштановое дерево, называемое: о ста лошадяхъ (de' cento covalli) и находящееся около Санта-Венеры, нынѣ представляетъ токмо корни седми деревъ, соединенныхъ вмѣстѣ и имѣвшихъ въ объемѣ 178 футъ. Близъ него есть и другіе огромные каштаны, изъ коихъ одинъ называемый (del Re) *Царской*, имѣетъ 38 или 39 футъ въ окружности.

На пути изъ лѣсу до Николози, мы изнемогали отъ жару, посреди знойной долины, заваленной пепломъ и скоріями волкана Монте-Россо, красный цвѣтъ коего усугубленъ былъ лучами палящаго солнца. Я не мало удивился, увидя неподалеку отъ сей страшной горы нѣсколько гибкихъ лозъ винограда, растущихъ въ волканическомъ пескѣ. Жители Николози начинаютъ уже мало по малу превращать сіе мѣсто въ садъ, забывая прошедшія злоключенія. Вотъ какъ они сажаютъ виноградъ: провертѣвъ въ волканическомъ пескѣ нѣсколько отверстій, они наполняютъ ихъ землею, и посадивъ туда виноградники, поливаютъ сначала нѣсколько разъ, а потомъ оставляютъ натурѣ докончить начатое. Чрезвычайное плодоносіе волканической почвы вознаграждаетъ выше чаянія труды поселянъ.

А. Норовъ [1]).

[1]) Бывшій министръ Народнаго Просвѣщенія, авторъ «Путешествія по Св. Мѣстамъ».

СТРАНСТВОВАТЕЛЬ ПО СУШѢ И МОРЯМЪ.

1. Землетрясеніе въ Кашемирѣ.

(1828 года).

Едва ли мы отступимъ отъ правды, если скажемъ, что нѣтъ въ мірѣ земли прекраснѣе долины Кашемира, и стихи Томаса Мура [1]) (Лалла Рука), порожденные пылкимъ воображеніемъ поэта, все еще не достигаютъ истины въ изображеніи всепоражающей красоты природы Кашемира.

Долина Кашемира образована Гималайскимъ хребтомъ и находится на 5000 тыс. футовъ высоты отъ поверхности моря! Обставленная вдали громадными горами, она доступна для человѣка только нѣсколькими особенными входами, представляя такимъ образомъ міръ отдѣленный, сосѣдній небу, міръ чудесный, который суевѣрные Индійцы почитаютъ первобытнымъ раемъ. Всего болѣе поражаетъ васъ Кашемирская долина, когда вы вступаете въ нее отъ Джалема, отъ раскаленныхъ равнинъ въ край прохлады и нѣги, исполненный всѣми произведеніями раскаленнаго юга и мощной природы сѣвера. Здѣсь вы увидите въ какомъ-то чудномъ и поражающемъ соединеніи исполинскій кедръ и восточную пальму, необыкновенной величины яворъ и березу, сосну и обвивающуюся вокругъ нея виноградную лозу, какъ бы обрадовавшуюся такой небывалой на югѣ гостьѣ. Присоедините къ этому пестрые ряды цвѣтовъ, которыми усѣяны земляныя крыши жилищъ Кашемирскихъ, что подало поводъ къ мысли о висячихъ садахъ; яркую зелень, свойственную одной горной полосѣ и тихую, ничѣмъ и никогда неколеблемую гладь озера Виларъ (Уаларъ), на которомъ спокойно красуется ненюфаръ, и все это подъ чуднымъ небомъ, изъ-за котораго глядятся бѣлѣющія вершины Гималая на Кашемиръ, на свое любимое дѣтище.

Здѣсь все не такъ, какъ у насъ: вечеръ не слѣдуетъ за днемъ, мракъ ночи ниспадаетъ непосредственно, какъ бы силою волшебства, и новый міръ очарованій настаетъ. Увы! теперь не услышите болѣе голосовъ Кашемирскихъ красавицъ. Нѣтъ! человѣкъ здѣсь угнетенъ и унылъ. За то по прежнему раздается пѣснь сладкозвучнаго бульбуль, соловья, который, по силѣ голоса, по гармоніи на-

---

[1]) *Томасъ Муръ* (1779—1852) — Англійскій поэтъ. Отрывокъ изъ его поэмы «Лалла-Рукъ» подъ названіемъ «Пери и Ангелъ» переведенъ на Р. языкъ *Жуковскимъ*.

пѣва и даже по наружному виду, отличается отъ нашего, и трогательная пѣснь ванго. По прежнему раздаются крики попугаевъ и павлиновъ и вопли обезьянъ, и жаворонокъ шлетъ пѣснь свою изъ-подъ небесъ. По-прежнему красуется роза Кашемира, справедливо служащая для сравненія совершенства красоты на востокѣ. Наши розы — жалкія выродки розы Кашемирской.

Вѣка три тому назадъ, отецъ Ксавье, Испанскій іезуитъ, первый принесъ въ Европу вѣсть о Кашемирѣ. Онъ сопутствовалъ императору Акберу [1]) въ его побѣдахъ. Разсказы Ксавье принимали за сказки. Александръ Македонскій, во время своего всесокрушительнаго похода черезъ Азію, наслышавшійся о чудесахъ природы Гималайской долины, тщетно силился проникнуть въ нее. По какому-то странному стеченію обстоятельствъ, 12 колоссальныхъ алтарей, воздвигнутыхъ имъ на южномъ берегу древняго Гефиза (Беагъ) и означающихъ крайній предѣлъ его похода на востокъ, приходятся именно съ той стороны, съ которой съ юга можно проникнуть въ Кашемиръ.

Слѣдя за побѣдоносными арміями трехъ великихъ завоевателей Азіи, шедшихъ почти по одному и тому же пути, Александра, Тамерлана [2]) и шаха Надира [3]), невольно поражаешься мыслію, какъ могла столь многочисленная масса народа передвигаться, и съ такою удивительною быстротой, черезъ зыбучія болота Кундуза, черезъ хребты горъ, представляющихъ такъ мало выходовъ и наконецъ черезъ рѣки. Какія точныя понятія о краѣ нужно было имѣть Александру и какое геніальное соображеніе, чтобы переправить армію черезъ Индъ, именно близъ Аттока (древняго Таксила), единственнаго пункта, гдѣ Индъ довольно тихъ и гдѣ возможно было навести мостъ. Какую нужно было имѣть силу характера, чтобы держать въ повиновеніи многочисленную армію среди повсемѣстныхъ лишеній, нуждъ самыхъ отчаянныхъ, борьбы съ природой, съ туземными народами, и все это вдали отъ родины, къ которой были устремлены всеобщія желанія и надежды.

Положеніе Кашемира можно опредѣлить по довольно точнымъ измѣреніямъ 34°мъ 7′30″ сѣверной долготы (другіе опредѣляютъ 34° 22′ 58″, и можетъ быть правильнѣе нашего). Онъ внѣ предѣловъ періодическихъ дождей, которые, какъ извѣстно, застигнули армію Александра Македонскаго въ Пенджабѣ и заставили его предпри-

---

[1]) Одинъ изъ могущественныхъ императоровъ Монгольской имперіи. Вступилъ на престолъ 1556 г., ум. 1605. Покровительствовалъ наукамъ и искусствамъ.

[2]) *Тамерланъ* (Тимуръ), предводитель Татарской орды, завоеватель Средней Азіи, Индіи и Персіи. Ум. 1405 г.

[3]) Род. 1688 г., ум. 1747.

нять обратный путь. Полоса дождей не простирается далѣе вершины Ротанъ-Панджала и очень рѣдко переходитъ через Пиръ-Панджалъ. Въ теченіе всей осени почти не видно дождя въ Кашмирѣ, но росы ниспадаютъ обильно и поддерживаютъ необыкновенное плодородіе земли.

Кашемирская долина носитъ явные признаки своего подводнаго пребыванія. Народная легенда говоритъ, что Казіапа, сынъ Марики, сына Будды, нисшедшій на землю въ томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ Кашемирская долина и гдѣ было глубокое озеро Сати-Сэра, увидѣлъ, какъ страждутъ люди отъ Жиладео, духа водъ, и сжалился надъ людьми. Но прежде чѣмъ онъ могъ ниспровергнуть злаго духа, прошло много времени и сдѣлано было много чудесъ съ обѣихъ сторонъ, пока наконецъ Вишну, вышедшій изъ терпѣнія, не помогъ Казіапу раздвинуть горы и выпустить озеро; тогда Жиладео остался какъ ракъ на мели и безъ труда былъ наказанъ Казіапомъ, а можетъ и совсѣмъ уничтоженъ, за подлинно не знаю.

Баронъ Гюгель, соглашаясь съ своей стороны, что Кашемирская долина составляла прежде озеро, говоритъ, что не воды исчезли, но дно озера поднялось и это не особеннымъ физическимъ потрясеніемъ, но посредствомъ наносовъ песку и илу, образовавшихъ сначала отмели, потомъ вовсе вытѣснившихъ воды озера. Это заключеніе намъ кажется не совсѣмъ правдоподобнымъ. Не говорю уже о томъ, что почва земли не имѣетъ слѣдовъ наноснаго образованія позднѣйшихъ временъ, но спрашиваю, куда же была вытеснута эта масса воды? Озеро Вилларъ, на которое Гюгель указываетъ, какъ на доказательство своей гипотезы, едва ли не опровергаетъ ее. Правда, образовавшіяся отъ сплетенія корней и стеблей водяныхъ растеній и потомъ занесенныхъ землей и устланныя растительностію пловучія массы покрыли во многихъ мѣстахъ озеро, но за то оно, какъ утверждаютъ старожилы, раздалось въ ширину, и масса воды въ немъ не уменьшилась. Не основательнѣй ли будетъ приписать уничтоженіе воды землетрясенію, которое дѣйствуетъ тамъ съ невѣроятной разрушительностью и такъ сказать на нашихъ глазахъ произвело важные естественные перевороты, изсушило одни протоки, породило другіе. Этимъ поясняется также народная легенда, которую мы разсказали.

Кашемирская долина, скрывавшаяся отъ завоеваній древнихъ побѣдителей своею недоступностью, привлекала постоянно алчность новыхъ сосѣдей. Она переходила изъ рукъ Индійцевъ къ Монголамъ и потомъ, попеременно, то къ Авганамъ, то къ Сейкамъ, въ рукахъ которыхъ и теперь находится; но кто знаетъ, не перейдетъ ли она въ скоромъ времени къ другимъ властителямъ, болѣе сильнымъ и постояннымъ въ своихъ завоеваніяхъ. Можно только одно сказать по-

ложительно, что уже нельзя ее довести до состоянія болѣе жалкаго, какъ то̀, въ которомъ она находится.

Былъ полдень, а темнота увеличивалась поминутно; въ природѣ была тишина, не та тишина,—свидѣтельница сладкаго отдыха, которымъ по временамъ наслаждается природа, истомленная постоянною дѣятельностію; но тишина страшная, которой робѣетъ человѣкъ и звѣрь, предвѣстница бури и гибели. Къ городу приближался путникъ, унылый, утомленный дальнею дорогой. По временамъ онъ озиралъ окрестность, и страшная существенность печалила его еще болѣе. На роковомъ деревѣ, *косипара*, служившемъ плахою для преступниковъ, висѣло нѣсколько человѣкъ. Не было живаго существа вокругъ; дикія птицы умолкли и казалось изчезли; домашнія стаями вырывались изъ-подъ кровель жилищъ и тяжелымъ летомъ неслись вдаль; природа видимо затѣвала что-то ужасное. Это страданіе, эта агонія страны сильно дѣйствовали на путника.

Путникъ былъ Яксартъ-ханъ, родственникъ Достъ-Мухамедъхана и слѣдовательно Фетъ-хана и родной племянникъ Магометъ-Азисъ-хана, бывшаго владѣтеля Кашемира......

У самыхъ городскихъ воротъ путникъ услышалъ человѣческій голосъ; но это не былъ откликъ часоваго. «Алахъ экберъ!» говорилъ нищій, простирая руку къ путнику, котораго молодость и благородная наружность, общая фамиліи Достъ-Мухаммета, давали ему надежду на дневный кусокъ. Яксартъ бросилъ ему монету.

— Скажи, пожалуйста, спросилъ онъ, вымеръ ли народъ въ вашей странѣ, или только притаился въ ожиданіи чуда, которое ему готовитъ небо.

«Не чудо, а кару! Смотри, видѣлъ ли ты небо, страшнѣе этого? Грудь надрывается—и тоска невольно тянетъ къ землѣ».

— Что же все это значитъ?—

«Правители гнетутъ народъ, народъ клянетъ правителей, и гдѣ же тутъ мѣсто для молитвы, о которой не напоминаютъ болѣе благочестивые люди, потому что ихъ нѣтъ; только ропотъ и клятвы доходятъ до неба, и небо видимо рѣшилось потрясти этихъ властителей и, можетъ быть, навести на путь народъ».

— Бѣдный народъ! бѣдный Кашемиръ!

И это тотъ городъ, что̀ служилъ постояннымъ мѣстомъ отдыха и нѣги для императоровъ востока, на который они расточали свои огромныя сокровища, желая возсоздать рай на землѣ! Еще видны остатки ихъ царскихъ жилищъ, но ихъ окружаютъ печаль и стоны; народныя площади стали еще шире, но онѣ не кипятъ болѣе народомъ. Все пусто. Давно ли стукъ токарныхъ и ткацкихъ становъ раздавался повсюду! На всей долинѣ 150000 жит. были заняты вы-

дѣлкой дюшали [1]), или шалей, какъ называютъ ихъ въ Европѣ. Каменныя издѣлія были превосходны. Городъ, какъ въ день праздника, благоухалъ розами отъ выдѣлываемой вездѣ эссенціи, которая, не имѣя того сильнаго, удушающаго запаха, какъ розовое масло, выдѣлываемое въ Турціи и Персіи, дышала всею свѣжестью вполнѣ распустившейся розы, розы Кашемира! А теперь!...

— Кто правитъ въ городѣ? спросилъ Яксартъ. —

«Все тотъ же Магомметъ-ханъ».

Въ это время послышался отдаленный гулъ, потомъ раскатъ, другой, земля дрогнула, всколебалась, и общій крикъ, общій вопль, словно сдавленный дотолѣ и вдругъ прорвавшійся, раздался! Народъ хлынулъ отовсюду; городскія стѣны пошатнулись, закачались; башни мечетей, дома распадались; народъ гибнулъ подъ развалинами, и стоналъ надъ развалинами; но это былъ только первый ударъ землетрясенія. Яксартъ кинулся къ дому правителя, который уцѣлѣлъ; еще ударъ, и часть дома низверглась: оставался одинъ фронтонъ, который повисъ словно на воздухѣ, и на немъ стояла женщина, въ отчаяніи ломая руки, какъ духъ терзающійся надъ всеобщимъ разрушеніемъ. Это была Фатьма (любимая женщина Яксарта). Черезъ груды камней и обломки дерева, Яксартъ пробирался къ ней, и бѣдная женщина столько же страшилась приближенія посторонняго человѣка въ виду всѣхъ и можетъ быть самого Магомметъ-хана, какъ и предстоявшей гибели; но въ это время удары землетрясенія слѣдовали такъ быстро одинъ за другимъ, что земля нѣкоторое время представляла видъ взволнованнаго моря, какъ справедливо доносилъ правитель Реджитъ-Сингу. Во многихъ мѣстахъ образовались глубокіе обвалы, какъ бы для того, чтобы преградить дорогу спасающемуся народу. Рѣка Джелаламъ, или Батъ (древній Гидасписъ), вышла изъ береговъ и съ шумомъ и быстротою несла камни, увлекала трупы. Только, какъ объяснить тайну этого естественнаго явленія, — озеро Вилларъ (Уалларъ) было тихо и покойно, какъ бы ничего не происходило вокругъ. Народъ кинулся къ нему и вдругъ на берегахъ его образовались цѣлыя толпы, безъ пріюта, безъ пищи.

Прошелъ день. Природа казалось успокоилась отъ своего возстанія. Порывъ ужаса прошелъ, и отчаяніе, самое безнадежное, наступило. Народъ сталъ возвращаться въ городъ; еще возвышалось

---

[1]) Нынче шали дѣлаютъ въ Дели, Земли, даже въ нѣкоторыхъ городахъ Средней Азіи, но всѣ онѣ уступаютъ Кашемирскимъ шалямъ, и Азіатцы, не зная чѣмъ объяснить это, приписываютъ достоинство шалей Кашемира тамошней водѣ. До 40 т. человѣкъ занято нынче этой работой въ Кашемирѣ. Пара лучшей доброты шалей обходится работающимъ въ 3000 р. ассигнаціями и продается за 4000 и даже нѣсколько дешевле на мѣстѣ.

много домовъ, но по нимъ прошли шайки нищихъ, которымъ было все равно какъ и гдѣ не гибнуть, и оставшись въ городѣ, ограбили что могли. Полиція, и безъ того слишкомъ слабая, теперь не существовала. Правитель первый потерялъ голову и, лишившись всего ему близкаго подъ развалинами своего дома, вопилъ болѣе прочихъ. Трупы валялись въ городѣ, стоны раздавались всюду; кто искалъ сына, кто брата, а природа прояснилась, какъ въ радостный праздникъ; но это не надолго: опять стемнѣло и опять застонала, загудѣла земля — и землетрясеніе повторилось со всѣмъ ужасомъ. Народъ кинулся къ своему спасителю, Виллару, но въ это время посреди тихаго озера образовался водоворотъ и черезъ нѣсколько минутъ правый берегъ обрушился вмѣстѣ съ людьми, и озеро хлынуло въ обвалъ. Народъ разбѣжался куда и какъ могъ.

Землетрясеніе продолжалось втеченіи трехъ мѣсяцевъ, съ нѣкоторыми перемежками. Казалось природа хотѣла показать человѣку, невыразумѣвшему всей силы ея созиданія, всю мощь разрушенія — и человѣкъ понялъ ее! Едва ли когда она проявлялась въ такомъ ужасномъ, всеразрушающемъ видѣ; земля представляла истерзанный, изувѣченный, покрытый развалинами трупъ. Ударъ потрясъ и горы, и нѣсколько обломковъ камней съ грохотомъ скатилось на долину.

Настала зима, которая въ Кашемирѣ замѣтнѣй, чѣмъ въ окрестныхъ мѣстахъ. Всеобщая нищета и стужа породили холеру. Народъ бѣдствовалъ невыносимо, а магараджа Реджитъ-Сингъ послалъ въ Кашемиръ подкрѣпленіе своему гарнизону съ требованіемъ подати, простиравшейся до 3,000,000 р. ассигнаціями, суммы во всякое время значительной, если взять во вниманіе грабительство правителя и содержаніе гарнизона, которое падаетъ на народъ, но въ то время, когда отъ всего народонаселенія Кашемирской долины, простиравшагося за милліонъ жителей, едва оставалось 100,100 [1]), уцѣлѣвшихъ въ нѣкоторыхъ деревняхъ, или разсѣянныхъ по лѣсамъ и не имѣющихъ средствъ къ собственному пропитанію, — въ то время эта подать была рѣшительно неуплатима.

Яксартъ-ханъ оставался въ Кашемирѣ. Фатьму онъ вынесъ изъ подъ рушившихся отвсюду зданій; но вскорѣ увидѣлъ, что ему невозможно долѣе скрыватся и, главное, скрывать свое сокровище, потому что правительство магараджи возвратилось въ городъ. Онъ тайно, со своими приверженцами, отправился въ Шецаръ, взялъ съ собою Фатьму. Шецаръ на Кашемирской же долинѣ и едва ли немногимъ уступалъ въ населеніи самому Кашемиру, въ которомъ считалось, разумѣется прежде, до 100,000 жителей.

[1]) Теперь это народонаселеніе опять возрасло до 200,000 жителей.

Путники наши безпрепятственно вошли въ городъ; видно было, что землетрясеніе здѣсь дѣйствовало съ меньшей силой; еще возвышалось много домовъ, но въ городѣ было пусто, улицы поросли травой, дворы стояли настежь; обезьяны безбоязненно перепрыгивали съ крыши на крышу и своими уродливыми тѣлодвиженіями и гримасами дразнили путниковъ. Яскартъ и друзья его взошли въ домъ, въ другой; но тамъ было также пусто какъ и на улицахъ, отдавалось гнилью, и только всполохнутая дикая птица нарушала тишину своимъ полетомъ, или забытый, уже разрушившійся трупъ напоминалъ о страшномъ событіи въ городѣ.

Наконецъ, въ отдаленномъ кварталѣ, они встрѣтили людей: два высохшихъ скелета, въ глазахъ которыхъ еще теплилась жизнь, лежали на солнцѣ и по истомѣ ихъ видно было, что они, за невозможностью избѣжать общей участи, предались голодной смерти, ища напрасно средствъ противостать гибели: это были поклонники Будды. Напрасно наши странники обращались къ нимъ съ вопросомъ, отвѣта не было. Вскорѣ они увидѣли мальчика, который убѣжалъ отъ нихъ, какъ дикій. Но все-таки они рады были, что увидѣли хоть признаки населенія; далѣе примѣтили еще двѣ тощія человѣческія фигуры, словно выходцевъ изъ долины Іосафата въ день страшнаго суда, и тѣ скрылись; наконецъ они встрѣтили стараго друга Яксартъ-хана, который обнялъ его, проводилъ къ себѣ и за скудною трапезой, состоявшей изъ синара (trapa bicornis), единственной пищи Кашемирскихъ пастуховъ, разсказалъ объ ужасѣ землетрясенія и страшныхъ послѣдствій холеры. Кварталъ этотъ уцѣлѣлъ, потому что прервалъ всякое сообщеніе съ городомъ, такъ по крайней мѣрѣ думали его жители; прочіе или вымерли или разбѣжались. Но не спасся и этотъ остатокъ живущихъ: была ль занесена холера пришедшими, которые посѣщали зараженные домы, или была-ль то воля Божія, только болѣзнь низошла сюда и смерть пріосѣнила крыломъ эту горсть людей. Фатьма заболѣла и умерла. Невыносимо тяжела была жизнь для Яксарта; отчаяніе овладѣло имъ, но друзья спасли его; когда пришелъ гаризонъ магараджи въ этотъ пустой городъ, они снарядили Яксарта купцомъ и отправили въ Ладахъ. Чтобы точнѣе взыскать подать, новый начальникъ сдѣлалъ строгую перепись въ городѣ: оказалось въ 2350 домахъ 40 человѣкъ жителей....

Яскартъ-ханъ, черезъ Яркендъ и Кашгаръ, прибылъ въ Кульжу, Китайскій пограничный городъ на западѣ, гдѣ встрѣтился со мною и разсказалъ эту черную страницу своей жизни, какъ выразился онъ.

Землетрясеніе въ Кашемирской долинѣ, продолжавшееся около трехъ мѣсяцевъ, конечно непостоянно, но, весьма часто повторяв-

шимися ударами, составляетъ необыкновенное естественное явленіе. Желая пояснить его, я собиралъ возможныя, относящіяся къ нему, свѣдѣнія, и могу сказать, что выставленныя здѣсь данныя точны и числа по возможности вѣрны.

Для тѣхъ, кого занимаетъ судьба Яксартъ-хана, прибавлю, что въ одной изъ тюремъ ханства Средней Азіи, онъ примирился съ Казимъ-беемъ, родственникомъ Достъ-Мухамметъ-хана и съ однимъ изъ сыновей его, а черезъ нихъ и съ самимъ Достъ-Мухамметомъ и въ послѣдствіи игралъ роль во всеобщемъ возстаніи въ Авганистанѣ. Жизнь тревогъ и битвъ сдѣлалась любимою его сферою со времени потери Фатьмы, о которой онъ не переставалъ воспоминать, а можетъ быть и теперь еще вспоминаетъ.

Егоръ Ковалевскій [1]).

2. Караванъ въ степи [2]).

По соединеніи своемъ въ одно, весь караванъ состоялъ изъ 1500 купеческихъ верблюдовъ и 1000 принадлежавшихъ базарчіямъ, изъ которыхъ большая часть должна была впослѣдствіи отдѣлиться отъ насъ.

Какая безконечная пустыня! Горе страннику безъ путеводителя: ни холма, по которому бы онъ замѣтилъ направленіе пути, ни ручья, гдѣ бы утолить жажду, ни пріюта отъ бури, ни защиты отъ звѣря. Одинъ Киргизъ усвоилъ себѣ это безбрежное пространство степи; здѣсь онъ дома, хотя бы переходилъ отъ устья Эмбы до вершины Аягузы, отъ береговъ Каспійскихъ на Иртышъ; все служитъ ему указателемъ пути: звѣзда, направленіе вѣтра, наклоненіе травы; каждая мулла (мазарка, Киргизская могила) ему знакома. Пищей для него служитъ въ случаѣ нужды коренья, кусокъ кожи, лоскутъ его сальной одежды; воду Киргизъ находитъ въ извѣстныхъ ему мѣстахъ, углубившись не болѣе какъ на полъ-аршина отъ поверхности, а нѣтъ, онъ обойдется и безъ нея; ни одно животное не въ состояніи перенести того, что можетъ перенести Киргизъ; окрѣпшій привычкой безпрерывной нужды, онъ подавилъ въ себѣ всѣ страсти, онъ довелъ свои чувства до того огрубѣлаго состоянія,

---

[1]) Извѣстный оріенталистъ. Написалъ много замѣчательныхъ сочиненій о востокѣ, особенно важны слѣд.: Странствователь по сушѣ и морямъ (1843—5), Путешествіе во Внутреннюю Африку (1849), Путешествіе въ Китай (1853). Въ 1866 г. издалъ прекрасную книгу: Графъ Блудовъ и его время. Теперь онъ Предсѣдателемъ Общества для вспоможенія литераторамъ и ученымъ.

[2]) Отрывокъ изъ статьи: «Поѣздка въ Кульжу». Караванъ отправлялся изъ Семипалатинска (пограничный городъ въ Западной Сибири, на Иртышѣ) по Киргизской степи.

которое равняетъ его съ животнымъ въ нравственномъ отношеніи, между тѣмъ какъ въ отношеніи физическомъ и по дару инстинкта, онъ превосходитъ большую часть животныхъ, съ которыми ему приходится имѣть дѣло чаще, чѣмъ съ людьми.

Какое грустное однообразіе: сегодня какъ завтра, завтра какъ вчера. Далеко до разсвѣта пробуждаетъ васъ ревъ верблюдовъ, изрѣдка прерываемый словами «чокъ, чокъ» или дребезжащимъ голосомъ караванъ-баши. Скорость вьюченья верблюдовъ, разставленія джулумы, да еще кипяченіе чайника составляетъ славу и гордость караванныхъ людей; въ часъ все готово: джулумы сняты и навьюченные верблюды отправлены; огоньки, дотолѣ прикрытые джулумами, вырвавшись на свободу, вспыхиваютъ ярко и переигрываютъ со звѣздами своимъ блескомъ; темнота ночи дѣлается еще чернѣе. Наконецъ пускаются и вершники въ догонку за своими верблюдами; оглянитесь назадъ: еще мерцаютъ огоньки, но какъ все глухо и пусто тамъ, гдѣ, за нѣсколько минутъ до того, кипѣла цѣлая движущаяся община, съ ея желаніями, ея страстями.

Разсвѣтъ. — Верблюды тянутся тихимъ, мѣрнымъ шагомъ, на пространствѣ нѣсколькихъ верстъ, между тѣмъ какъ вершники, то обгоняютъ ихъ крупной конской ступью, то ѣдутъ впереди и потомъ, своротивъ въ сторону, останавливаются на отдыхъ, пока не пройдетъ хвостъ каравана. Такихъ приваловъ мы дѣлали два и три въ день, и въ то время, какъ неразсѣдланныя лошади щипали скудную траву, мы, раскинувшись па пушистомъ снѣжку, а гдѣ его не было — на голой землѣ, спали крѣпко, особенно около полудня, когда пригрѣвало солнце.

Проѣзжая мимо нити каравана я любилъ прислушиваться къ пѣснямъ, которыя тихо и на унылый ладъ лились отовсюду; правда, большая часть изъ нихъ заключала предметы слишкомъ матеріальные: Киргизъ почти всегда импровизируетъ свои пѣсни: онъ поетъ, что вспадетъ ему на глаза или на мысль, а какъ предметъ его нѣжнѣйшихъ помысловъ и взглядовъ — верблюдъ, лошадь, бараны, то Киргизъ преимущественно и населяетъ ими свой міръ фантазіи; не рѣдко однако воспѣваетъ онъ и любовь батырей, ихъ дѣла, напоминающія нѣсколько Европейскихъ героевъ рыцарскихъ временъ, и въ безпорядкѣ нижетъ чудовищные образы своего воображенія и предметы повседневной жизни на причудливую нить своей пѣсни, которая тянется иногда по нѣсколько часовъ сряду и обрывается, большею частію, неконченная. Сравненіе, любимый образъ выраженія Киргизовъ, какъ и всѣхъ народовъ нравственно младенчествующихъ, для которыхъ одно простое изложеніе предмета темно. Въ пѣсняхъ ихъ звучитъ часто риѳма. Размѣръ принаровленъ къ ихъ напѣву.

Я помню твердо одну пѣсню, которую импровизировалъ Киргизъ, приближаясь къ своимъ ауламъ, и передамъ ее какъ умѣю. Сжатость Татарскаго языка требуетъ шестистопнаго стиха въ Русскомъ переводѣ, а хорей наиболѣе приличествуетъ размѣру подлинника.

Караванъ поднялся изъ подъ Аирруки;
Конь мой бѣлый ржетъ и не дается въ руки.
Солнце выслало зарю и вслѣдъ само идетъ
Встрѣчу мѣсяцу, а мѣсяцъ скучился, не ждетъ.
Конь мой мечется, почуявъ дымъ аульный,
И на дымъ понесся быстро мой разгульный;
Сердце чуяло родной, аульный кровъ давно,
И вздрогнуло, но затихло бѣдное оно;
Конь мой, конь! не мчись, тебя никто не встрѣтитъ!
Сердце вѣщее мое тебѣ отвѣтитъ:
Кто насъ ждалъ, — теперь не ждетъ!
Она ушла, и не придетъ!...

Часа въ три по-полудни, иногда позже, или нѣсколько ранѣе, смотря по близости корма и воды для верблюдовъ, караванъ останавливается: тѣ же заботы о верблюдѣ, этомъ добродѣтельнѣйшемъ изъ всѣхъ животныхъ.

Разъ, какъ-то, при вступленіи въ горы Аиджинъ-Арханъ, на ночлегѣ, раздался въ караванѣ голосъ караванъ-баши, предостерегавшій правовѣрныхъ, чтобъ были осторожнѣе и бдительнѣе, потому что разъѣзды видѣли вдали огни, разложенные конечно барантовщиками. За всѣмъ тѣмъ караванъ, выступившій по обыкновенію ночью, принужденъ былъ вскорѣ раздробиться, проходя ущельями и закраинами горъ. Вожаки скакали въ разныхъ направленіяхъ, отдѣлившіяся толпы перекликались, раздѣленные верблюды и лошади ревѣли и ржали; но голосъ караванъ-баши покрывалъ все. Мы, то спускались, то подымались на горы, или проходили опушкой небольшаго перелѣска. Въ темнотѣ ночи все было ново и занимательно для насъ, и вдругъ, какъ бы для оживленія этой дикой картины, раздался въ головѣ каравана страшный гикъ, по которому бѣдные купцы тотчасъ узнали бараиту; нѣсколько смѣльчаковъ кинулись было впередъ, но нигдѣ не видно было нападающихъ; общій шумъ и смятеніе увеличилось; раздалось нѣсколько ружейныхъ выстрѣловъ, пущенныхъ на удачу, и вскорѣ все смолкло. Скупили верблюдовъ: въ самомъ хвостѣ каравана не оказалось десятка верблюдовъ съ ихъ вьюками. «Дѣло Аманъ-Ахмета», сказалъ одинъ Киргизъ-вожатый, — «и вѣрно былъ не больше какъ съ двумя, тремя человѣками. Батырь, что и говорить!»

Но развертываясь мало-по-малу, вскорѣ опять раскинулась пе-

редъ нами степь въ прежнемъ безконечномъ единообразіи; даль струилась, переливаясь отблескомъ солнца, и не рѣдко услаждала утомленный взоръ и воображеніе чудесами миража: такъ надежда рисуетъ иногда волшебные замки предъ взорами бѣднаго затворника и онъ готовъ ей вѣрить, хотя въ душѣ своей убѣжденъ, что это обманъ, нравственный миражъ. — Природа приняла свой обычный видъ.

Спустившись въ долину, мы стали встрѣчать отдѣльные табуны лошадей, овецъ и верблюдовъ; вскорѣ увидѣли скачущихъ отвсюду Киргизовъ; ихъ гиканье, дикій видъ и вто разнородное вооруженіе не могли не поразить насъ съ перваго взгляда; весь караванный людъ скупился, какъ стая голубей, сполохнутыхъ налетомъ ястреба. Но по необходимости встрѣтились лицемъ къ лицу Киргизы и караванные купцы, и мирныя привѣтствія и льстивыя слова посыпались отовсюду; крѣпко пожимали они другъ другу руки и жались сердцемъ къ сердцу; вы подумали бы, что тѣ и другіе были самыми искренними друзьями; но эта дружба основывалась на корыстолюбіи однихъ, на слабости и робости другихъ; первые измѣряли взорами силы противниковъ и съ алчною завистью старались проникнуть взоромъ внутрь вьюковъ, чтобы оцѣнить ихъ богатства; вторые глядѣли съ отвращеніемъ на эту ватагу разбойниковъ, отъ которыхъ придется откупаться, не смотря на то, что число людей при караванѣ, не считая Киргизовъ-вощиковъ, на помощь которыхъ караванъ также могъ надѣяться въ случаѣ нужды, простиралось на этотъ разъ до 400 человѣкъ, очень хорошо вооруженныхъ; одинъ угрожающій видъ ихъ разметалъ бы эту сволочь, кое-какъ вооруженную копьями, изрѣдка луками и очень рѣдко ружьями, и то большею частію съ фителями вмѣсто замковъ, но и на одну угрозу очень рѣдко достаетъ смѣлости у Татаръ и Ташкентцевъ, которые неоспоримо самый робкій народъ въ мірѣ, кромѣ развѣ Бухарскихъ таджиковъ и жидовъ.

Вскорѣ явился самъ султанъ, Акманъ, и, послѣ нѣкоторыхъ объясненій съ караванъ-башемъ, согласился принять караванъ подъ свое покровительство во время перехода черезъ его родъ. Это значило, что онъ одинъ будетъ въ это время воровать въ караванѣ, и то безъ насилія, а ужъ чужимъ не дастъ его въ обиду. Караванъ-баши и тому былъ радъ.

Дорога отъ южныхъ границъ Западной Сибири (отъ Бухтармы, Семипалатинска) къ городамъ, принадлежащимъ нынче Китайской Имперіи и расположеннымъ на западной ея границѣ (Кульжѣ, Чугучаку), издревле составляла торговую дорогу и нѣкогда кипѣла дѣятельностію. Эту черту можно бы продлить на сѣверъ, по юговосточнымъ отклонамъ Алтая, и гораздо далѣе на югъ, въ Индію.

Многія свидѣтельства древнихъ, многіе остатки памятниковъ, находимые на поверхности земли и въ землѣ, различныя преданія, подтверждаютъ наше предположеніе, и ученый Риттеръ, если не вполнѣ послѣдовалъ, то вполнѣ постигъ этотъ историческій фактъ.

Не смотря на отличіе этого края отъ прочихъ частей Киргизъ-Казачьей Степи, на его сравнительную роскошь, нельзя не примѣтить здѣсь общей черты Азіатскихъ степей: это какое-то разслабленіе, одряхленіе природы. — Повсюду иссохшія ложбины бывшихъ рѣкъ, повсюду разрушеніе горъ, наконецъ повсемѣстное присутствіе окаменѣлыхъ раковинъ и другихъ принадлежностей моря, свидѣтельствуютъ о какомъ-то переворотѣ, чрезвычайномъ и уже послѣпотопномъ.

Горы начались еще далеко до рѣки Аягузы, куда караванъ прибылъ черезъ двѣ недѣли послѣ выхода своего изъ Семипалатинска.

Отъ Семипалатинска до Чугучака не болѣе 400 верстъ, и можно бы было перевозить товары въ маленькихъ повозкахъ. До Кульжи, прямымъ путемъ, можно считать 820, и менѣе 100 верстъ кругу, который дѣлаютъ караваны, заходящіе въ Чугучакъ, во главное затрудненіе представляютъ въ послѣднемъ случаѣ Китайскіе чиновники, которые уже отъ самаго Чугучака берутъ караванъ подъ свое покровительство, какъ выражаются они.

Послѣ многихъ толковъ въ караванѣ, рѣшились идти въ Кульжу и подняться прямо на хребетъ Тарбагатайскій.

Есть нѣсколько всходовъ на высоты Тарбагатая. Безносиковъ поднимался у Алетъ-аму и былъ очень недоволенъ путемъ. Большею частію переходятъ хребетъ близъ Хабаръ-аму, по сѣверному отклону Тарбагатайскаго кряжа, гдѣ дорога нѣсколько положе. Тутъ и мы перешли его. — Караванъ нашъ много страдалъ въ горахъ; бѣдныя лошади, со вьюками въ 6 пудъ и болѣе, едва могли всходить на гряду утесовъ и скользили по нимъ, обрывая копыта, или проходили по узкимъ ущельямъ, цѣпляясь за выдававшіеся камни и за кустарникъ, которымъ усѣянъ путь. Хуже всего было переходить вершины рѣки Базаръ, которая отсюда течетъ въ Норъ-Зайсанъ; но мы нашли для себя потѣху въ этомъ медленномъ и трудномъ переходѣ: это охота, для которой изобиліе дичи, особенно дикихъ козъ, представляло богатое и неначатое поприще. — На другой день караванъ вступилъ въ область снѣга.

Обошедши берегомъ озеро Ала-куль, которое имѣетъ до 100 верстъ въ длину (по показаніямъ другихъ 80 и 120) и покрыто многими островами, черезъ нѣсколько дней послѣ, караванъ примѣтилъ сѣрѣющееся вдали четырехъ-угольное зданьице. Это былъ Китайскій форпостъ, котораго названія не припомню, съ 30 человѣками гарнизона, принадлежавшій той военной линіи, которая

идетъ изъ Чугучака въ Кульжу и называется «новою военною дорогою.»

Тутъ Китайскіе офицеры осмотрѣли и пересчитали людей, лошадей, тюки, барановъ, словомъ все, принадлежащее каравану, и конвоируя его отъ форпоста къ форпосту, передавали одни другимъ все это не иначе, какъ счетомъ и съ роспиской.

Такъ достигнулъ наконецъ караванъ до Кульжи, послѣ сорокадневнаго перехода отъ Семипалатинска.

Я не говорилъ о тѣхъ лишеніяхъ, о множествѣ непріятностей, чтобы не сказать болѣе, которыя представляются на этомъ пути; не говорилъ о частыхъ поборахъ, производимыхъ, въ видѣ подарковъ, султанами и беями тѣхъ родовъ, мимо которыхъ караванъ проходитъ; на все это долженъ разсчитывать купецъ, и ко всему быть готовымъ добровольный путешественникъ; и потому, мы нисколько не удивляемся, находя въ путевомъ журналѣ одного изъ нихъ слѣдующую отмѣтку, помѣщенную, какъ кажется, между цѣнами бязей и наблюденіемъ погоды, какъ обстоятельство весьма обыкновенное.

20 числа: «Я отлучился въ юрту, чтобы напиться молока, за что Китайскій приставъ ударилъ меня два раза нагайкой очень больно».

25 числа: «Китайскій чиновникъ пріѣхалъ въ караванъ и билъ кого попало, и проч.» Впрочемъ, не должно осуждать Китайцевъ въ жестокомъ обращеніи съ посторонними. Замѣтимъ, что Китайцы не могли, покрайней мѣрѣ не должны были подозрѣвать подъ Азіатскою одеждою Европейца, а съ Азіатцами какъ же поступать, какъ не по-Азіатски?

Егоръ Ковалевскій.

ПИСЬМА ОБЪ ИСПАНІИ.

Примѣч. — «Письма» эти — результатъ путешествія по Испаніи въ 1845 году; они сначала были напечатаны въ «Современникѣ», а потомъ въ 1857 году изданы отдѣльною книгою. «Письма» Боткина [1]) представляютъ разнообразный и любопытнѣйшій матеріалъ для чтенія. Авторъ даетъ нѣсколько очерковъ исторической жизни Испанцевъ: мы видимъ ихъ героическую семисотлѣтнюю войну съ Маврами, страшные инквизиціонные суды, возстаніе противъ Наполеона въ 1808 году, — изображаетъ путешественникъ картину современной Испаніи: ея печальный административный порядокъ. Испанія — страна несчастная по своему историческому и административному положенію: таковъ общій взглядъ, развиваемый въ книгѣ Боткина. Особенно губили Испанію инквизиторы. Графа Олавиде, за то, что онъ осмѣ-

[1]) Современный писатель.

лился предоставлять свободу совѣсти, противился обращенію протестантовъ въ католиковъ, — за то, что читалъ Вольтера, — іезуиты, торжественно, въ присутствіи друзей обвиняемаго (герцоговъ, грандовъ, генераловъ, высокихъ чиновъ), сѣкли розгами по плечамъ во время пѣнія *Miserere* [1]), и осудили на осьмилѣтнее заточеніе въ монастырь (стр. 90 — 96). Это было въ XVIII вѣкѣ, когда царствовала въ Россіи Екатерина II... Ужасенъ анекдотъ о Филиппѣ III (XVI — XVII в.). Увидѣлъ король Еврея, котораго вели на сожженіе. Замѣтивъ его хладнокровіе, ясный, сіяющій видъ, Филиппъ III воскликнулъ: «вѣрно у него совѣсть чиста! Какъ жаль, что этотъ человѣкъ долженъ умереть». Слова короля были переданы великому инквизитору. Тотъ изрекъ слѣд. приговоръ: «Палачъ долженъ пустить королю кровь изъ руки— и кровь эта должна быть сожжена». Приговоръ былъ исполненъ въ точности... Поразительные эти факты показываютъ всю глубину золъ, въ которую ввергали отцы — іезуиты Испанію. Они сожигали людей тысячами: въ концѣ XV в. инквизиторъ Торквемада сжигалъ ежегодно по двѣ тысячи человѣкъ; инквизиторъ Деса (XVI в.) въ продолженіи восьми лѣтъ осудилъ до 40 тыс. человѣкъ, изъ которыхъ 2,600 были сожжены; при Карлѣ V инквизиторъ Хименесъ сжегъ 3,564 человѣка...

Кромѣ историческаго матеріала, «Письма» Боткина представляютъ обильный матеріалъ этнографическій и чисто-описательный. Нравы Испанцевъ, исполненные простоты и національной гордости, постоянно восхищаютъ нашего путешественника; онъ съ большою любовію и сочувствіемъ говоритъ объ ихъ гостепріимствѣ и утонченной вѣжливости (стр. 55—56, 326—330 и д.), о чувствѣ личнаго достоинства (57), о равенствѣ сословій и всеобщемъ уваженіи къ дворянству (63—66, 83—85), о благородной откровенности и деликатной непринужденности, царствующихъ здѣсь на всеобщихъ гуляньяхъ (стр. 194). Разсказъ о корридѣ быковъ, этомъ любимѣйшемъ удовольствіи *всѣхъ* жителей Испаніи, занимаетъ у Боткина не малое количество страницъ (стр. 119—384) и показываетъ въ поразительной, яркой картинѣ дикіе, языческіе инстинкты такого благороднаго племени, какъ Испанскій народъ.

Описанія или картины разнообразной природы Испаніи, то удушающей Африканскимъ жаромъ, то охлаждающей вѣчно шумящими фонтанами и постоянно бѣгущими ручьями, то наводящей тоску своей пустынностію, безъ малѣйшаго признака жизни, часто на 8 и 10 верстъ, то восхищающей роскошной растительностію юга, — эти описанія у Боткина исполнены высокой поэзіи. Вообще наши путешественники — мастера рисовать чудныя картины природы. О пустынности Испаніи авторъ говоритъ на стр. 8 и 9, 11 — 13, 76—77, о пламенномъ климатѣ на стр. 116 и во многихъ мѣстахъ. Самое прелестное мѣсто въ этой странѣ — Гранада (стр. 407 — 410). Великолѣпно описаны Боткинымъ буря въ Гибралтарѣ (стр. 248—252) и горы Испаніи (322—325).

Въ книгѣ нашего путешественника обращено большое вниманіе на памятники искусства. Въ этомъ отношеніи весьма занимательны его описанія мечети въ Кордовѣ (110—113), собора въ Севильѣ (175) и картинъ Мурильйо (151 и д.), этого великаго Испанскаго живописца, жившаго въ XVII в.

О «Письмахъ» Боткина см. статью въ Современникѣ за 1857, № 2.

---

[1]) Псаломъ: «Помилуй мя, Боже»! *Miserere*, какъ музыкальное произведеніе, соч. *Аллегри* (1580 — 1652).

1. Бой Быковъ.

Ничто не можетъ дать такого полнаго понятія о наслажденіяхъ, страстяхъ, характерѣ и физіономіи Испанскаго народа, какъ *corrida de toros*, самое высшее, самое любимое изъ его удовольствій. Никакая заманчивая афиша, никакая новая пьеса не возбудятъ въ народѣ такого живаго любопытства, какъ это простое и всегда однообразное объявленіе о бѣгѣ быковъ; извощикъ, *cigarrera* [1]), водоносъ пообѣдаютъ кускомъ хлѣба съ чеснокомъ или даже вовсе не будутъ обѣдать, но ужъ ни зачтó не пропустятъ бѣга. За четыре дни красныя афиши извѣщаютъ объ имѣющемъ быть *corso de toros;* тутъ же подробно объявляется, сколько быковъ будутъ поодиначкѣ выпущены въ циркъ, съ означеніемъ, съ какого каждый пастбища и кому принадлежитъ; затѣмъ слѣдуютъ имена *picadores* (сражающихся на лошади съ копьями) и *matadores* (убивающихъ быка шпагами), участвующихъ въ боѣ.

Plaza de toros находится за городомъ: это—большой циркъ, выстроенный амфитеатромъ и окруженный ступенями, безъ крыши, вслѣдствіе чего мѣста въ тѣни дороже мѣстъ па солнцѣ; для высшаго общества назначена верхняя галлерея: это—самыя дорогія мѣста. Деревянный барьеръ, укрѣпленный толстыми столбами, отдѣляетъ отъ поля сраженія пространство шага на два ширины: здѣсь убѣжище *toreros*,— общее названіе каждаго участвующаго въ циркѣ въ боѣ съ быкомъ. Когда быкъ сильно тѣснитъ или настигаетъ ихъ, они, поставя ногу на уступъ, сдѣланный въ заборѣ, прыгаютъ черезъ него съ удивительною быстротою и ловкостью.

Больше десяти тысячъ зрителей занимаютъ ступени и галлерею амфитеатра, и, не смотря на всѣ эти оживленныя лица, па страстность движеній, разговоровъ, физіономій, вамъ бы трудно было узнать здѣсь тѣхъ Испанцевъ, которыхъ вы считаете такимъ важнымъ и серьезнымъ пародомъ. Никакой театръ въ мірѣ не можетъ дать малѣйшаго понятія о томъ страстномъ ожиданіи, объ этомъ тревожномъ одушевленіи, какимъ исполнена публика передъ начатіемъ бѣга: да и дѣло здѣсь, правда, идетъ не о Рубини, не о Гризи или Фредерикѣ Леметрѣ, а о Севильѣ-Пикадорѣ, о Чикланеро, *la primera espada de Espana* (первая шпага Испаніи), послѣ знаменитаго Монтеса, а наконецъ и самые дикіе быки: это тоже трагедіи очень почтенныя! Докторъ и хирургъ прибыли, священникъ съ дарами занялъ мѣсто въ кулисахъ театра, пикадоры уже на лошадяхъ въ аренѣ; коррехидоръ (начальникъ города) подалъ знакъ изъ своей ложи, и труба заиграла, ворота барьера отворились.

[1]) Женщина, работающая на сигарной фабрикѣ.

Быкъ, выходя изъ своего темнаго стойла, ослѣпленъ свѣтомъ, оглушенъ криками толпы: бодро выбѣгаетъ онъ на арену, съ любопытствомъ поднимаетъ голову, осматривается. Онъ пошелъ въ сторону — это плохой быкъ: хорошій быкъ долженъ тотчасъ же броситься на пикадора. Быкъ снова останавливается, съ удивленіемъ смотритъ вокругъ, понурилъ голову и сталъ взметывать песокъ передними ногами. По всему видно, что онъ не хочетъ биться; надобно раздражить его. *Chulos* подбѣгаютъ, размахивая своими кàпами [1]); пикадоръ подъѣзжаетъ, становится передъ нимъ: быкъ долженъ биться.

Пикадоръ сидитъ на скверной лошади, глаза у ней завязаны. Онъ вооруженъ копьемъ, котораго остріе, длиной съ булавку, можетъ только уколоть, но не ранить быка. Пикадоръ становится всегда такъ, чтобъ имѣть быка съ правой стороны: когда быкъ бросается на лошадь и нагибаетъ голову для удара, пикадоръ долженъ остановить этотъ взмахъ упоромъ копья *непремѣнно* въ затылокъ, и въ ту же минуту отъѣхать влѣво. Если лошадь легка и поворотлива, а пикадоръ силенъ и искусенъ, то ударъ минуетъ лошадь: но это случается очень рѣдко. Если же пикадоръ не умѣетъ хорошо стать, если ударъ копья сдѣланъ неловко и немѣтко — горе ѣздоку, а главное — горе лошади! Быкъ поднимаетъ ее на рога и опрокидываетъ вмѣстѣ съ ѣздокомъ. Но въ это мгновеніе *chulos* окружаютъ ихъ: одни поднимаютъ пикадора, другіе, махая красными кàпами передъ глазами быка, стараются отвлечь его вниманіе отъ пикадора: глупое животное бросается на нихъ, *chulos* мгновенно разсыпаются въ стороны.

Обыкновенно въ циркѣ два пикадора; два и три другихъ ждутъ за барьеромъ, чтобъ замѣнить ихъ въ случаѣ смерти, раны или сильнаго ушиба. Двѣнадцать *chulos* разсыпаны по аренѣ; они всѣ пѣшкомъ и должны безпрестанно помогать другъ другу. Одни изъ нихъ, какъ я сказалъ, отвлекаютъ быка, другіе поднимаютъ пикадора и раненую лошадь: рога быка цѣликомъ проткнули ей животъ... Вы думаете, что она не двинется уже съ мѣста! Напротивъ: что нужды, что бѣдное животное ранено на смерть, что кровь льется изъ двухъ зіяющихъ ранъ, что внутренности его висятъ и влачатся по землѣ, что его ноги путаются въ нихъ, — ничего: пока лошадь можетъ держаться на ногахъ, она годится еще для одного удара. Если лошадь подняться не въ состояніи, пикадоръ выходитъ съ арены и тотчасъ же въѣзжаетъ на нее на свѣжей лошади.

Андалузскіе быки знамениты своею дикою яростью: они невы-

[1]) *Capa* на языкѣ цирка называется кусокъ красной ткани, махая которою chulo раздражаетъ быка.

соки, съ ногами очень тонкими и такъ легки, что догоняютъ лошадь на бѣгу и иногда перепрыгиваютъ черезъ трехъ-аршинный барьеръ; шерсть у нихъ гладкая и лоснящаяся, рога длинные и заостренные. Если быкъ хорошъ, — на языкѣ цирка это значитъ не трусъ, — то онъ оставляетъ на мѣстѣ пять и шесть лошадей и какъ мячи катаетъ пикадоровъ по землѣ. Тогда-то раздаются страстныя рукоплесканія: *bravo*, *bravo*, *toro!* кричатъ со всѣхъ сторонъ. Но не умеръ ли пикадоръ? не ушибся ли, не раненъ ли? Э! объ этомъ никто не заботится; это дѣло священника и хирурга. Правда, что это не часто случается, да главное въ томъ, что объ этомъ никто не думаетъ. Но какъ хорошъ, какъ красивъ быкъ, когда, опрокинувъ трехъ, четырехъ пикадоровъ, онъ одинъ гордо бѣгаетъ по завоеванной аренѣ! *Chulos* не смѣютъ болѣе раздражать его; его бѣшеные, налившіеся кровью глаза, исполнены дикаго торжества; арена пуста, на ней лежатъ только трупы убитыхъ имъ лошадей; въ ярости онъ снова поднимаетъ ихъ на окровавленные рога свои, взбрасываетъ, раздираетъ....

Подаютъ знакъ бандерильерамъ.

Ловкіе, быстрые, увертливые, одѣтые великолѣпно, — шелковые чулки, башмаки, атласная съ шитьемъ куртка, — бандерильеры *(banderilleros)* выбѣгаютъ на арену, держа въ рукахъ двѣ коротенькія палочки, или, точнѣе, стрѣлки съ загнутымъ остріемъ, обернутыя цвѣтной разрѣзанной бумагою. Бандерильеръ прямо бѣжитъ къ быку, который, удивленный такою дерзостью, вскачь бросается на него. Ужъ быкъ держитъ его между рогами, но въ ту самую минуту, когда онъ наклоняетъ голову, чтобъ поднять его на рога, бандерильеро втыкаетъ ему двѣ свои стрѣлки по обѣимъ сторонамъ шеи, быстрымъ, мгновеннымъ, невѣроятно увертливымъ движеніемъ корпуса уклоняется отъ удара и убѣгаетъ. Замѣтьте, что онъ не можетъ воткнуть свои стрѣлки иначе, какъ ставши совершенно близко и прямо передъ быкомъ, почти между рогами его. Какое-нибудь развлеченіе, малѣйшая нерѣшимость, сомнѣніе тотчасъ могутъ погубить его. За однимъ бандерильеро, при мнѣ, быкъ бросился въ погоню; ужъ бандерильеро поднималъ одну ногу на барьеръ, какъ быкъ настигъ его и взбросилъ на воздухъ... бандерильеро всталъ невредимъ, только атласная куртка на лѣвомъ боку была разорвана: онъ попалъ между рогами. Если бандерильеро, втыкая стрѣлки, по несчастію упалъ, то долженъ лежать безъ движенія. Быкъ рѣдко бьетъ лежачаго, не изъ великодушія, а потому, что, нанося ударъ, онъ бо́льшею частію закрываетъ глаза и такимъ образомъ пройдетъ по человѣку, не замѣтя его. Но иногда онъ останавливается, начинаетъ его обнюхивать, точно ли онъ мертвъ, и потомъ, отойдя нѣсколько, наклоняетъ голову, чтобъ поднять его

на рога. Но *chulos* и товарищи бандерильеро тотчасъ же отвлекаютъ его въ сторону.

Надобно видѣть быка, который, чувствуя въ шеѣ боль отъ воткнутыхъ крючковъ стрѣлокъ, носится съ ними по аренѣ, трясетъ ихъ, прыгаетъ, яростно мычитъ; тутъ прибѣгаетъ другой бандерильеро и втыкаетъ ему двѣ другія стрѣлки, потомъ третій, четвертый. Если же быкъ не изъ храбрыхъ, если онъ не тотчасъ же нападаетъ на пикадоровъ, а болѣе отходитъ отъ нихъ въ сторону, — *fuego*, *fuego!* огня, огня! раздается со всѣхъ сторонъ, — надобно раздражить быка огнемъ. Тогда бандерильеры втыкаютъ ему стрѣлки, обвитыя фейерверкомъ съ фитилемъ изъ тлѣющаго трута. Фейерверкъ загарается, трещитъ, хлопаетъ, жжетъ шею быка, — и что за прыжки, что за удивительные скачки тогда дѣлаетъ быкъ, и что за безумный хохотъ овладѣваетъ зрителями!

Наконецъ ярость животнаго достигла высшей степени, и теперь только должна начаться настоящая битва, битва одинъ на одинъ: звукъ трубы вызываетъ матадора. Бѣшеное животное мечется по аренѣ, *chulos* и *banderilleros* скрылись, арена пуста. Тогда входитъ на нее матадоръ въ самомъ великолѣпномъ Андалузскомъ костюмѣ; красный плащъ небрежно накинутъ на лѣвое плечо; въ правой рукѣ держитъ онъ короткую шпагу, въ лѣвой красное покрывало *(muleta)*. Онъ идетъ съ важностію, каждый шагъ его обдуманъ и разсчитанъ. Онъ шпагой отдаетъ честь коррехидору, городовому правленію и останавливается.

Тутъ наступаетъ минута торжественная. Быкъ, задыхаясь отъ бѣшенства, завидя матадора, бѣжитъ на него и, словно почуя страшнаго врага, вдругъ останавливается, наблюдаетъ его, разсчитываетъ свой ударъ. Чикланеро молодъ, прекрасенъ, одѣтъ въ атласъ, бархатъ и золото, гибокъ, сложенъ удивительно. Онъ сбрасываетъ съ плеча красный плащъ; каждое движеніе его исполнено рѣшительности и хладнокровія. Подумайте объ игрѣ, которую играетъ этотъ человѣкъ, подумайте, что рѣдкій матадоръ умираетъ въ постелѣ, а почти всѣ оканчиваютъ жизнь свою на полѣ битвы! и отчего зависитъ его жизнь? отъ одного невѣрнаго шага, отъ одного чуть-чуть уклончиваго движенія быка, отъ малѣйшаго камешка, который покатится у него подъ ногами. Ошибка въ разсчетѣ на одинъ шагъ, и его ждетъ неизбѣжная смерть.

Но въ корридорахъ есть свои законы, какъ въ дуэли; нарушить ихъ также постыдно, какъ постыдно измѣннически убить своего противника; напримѣръ, матадоръ долженъ наносить быку ударъ неиначе, какъ въ то мѣсто, гдѣ оканчивается шея и начинается спинной хребетъ. Ударъ долженъ быть сверху внизъ. Въ тысячу разъ почетнѣе для матадора умереть, нежели нанести ударъ снизу,

сбоку или сзади. Шпага матадора не длинна, но широка, толста и остра съ обѣихъ сторонъ; рукоять ея очень мала, для того, чтобъ при ударѣ можно было упирать ее въ ладонь. Но чтобъ убить быка, матадоръ долженъ сперва узнать въ подробности его характеръ. Отъ этого знанія зависятъ не только слава и мастерство, но самая жизнь матадора. Каждый быкъ имѣетъ свой особенный характеръ, который необходимо узнать.

Нельзя представить себѣ ничего увлекательнѣе этого страшно волнующаго зрѣлища, когда матадоръ и быкъ приближаются другъ къ другу; каждый наблюдаетъ за своимъ противникомъ. Безпрестанно мѣняютъ они свои маневры, словно отгадывая взаимныя намѣренія. Иногда быкъ не тотчасъ устремляется на матадора, а подходитъ медленно, чтобъ взять себѣ больше пространства и напасть на своего противника только тогда, когда онъ будетъ къ нему такъ близко, что не можетъ уклониться отъ натиска. Словно по какому-то предчувствію, быкъ не вдругъ бросается на матадора: или, можетъ быть, это спокойное, грозное по своему хладнокровію ожиданіе его удара внушаетъ быку нѣкоторую робость. Почти всегда онъ останавливается передъ матадоромъ и всматривается въ него; съ видомъ угрозы трясетъ головою, скребетъ копытомъ землю и не хочетъ двинуться впередъ; иногда начинаетъ медленно отступать, стараясь привлечь матадора на средину цирка, гдѣ онъ не въ состояніи отъ него уйти. Иной быкъ, вмѣсто того, чтобъ по обыкновенію нападать прямо, подходитъ съ боку медленно, прикидываясь усталымъ, и, разсчитавъ удобное для удара разстояніе, вдругъ, мгновенно бросается на матадора. Но это исключеніе; большею частію быкъ останавливается прямо передъ нимъ. Оба стоятъ какъ вкопанные; каждый слѣдитъ за движеніями противника. Малѣйшее движеніе головою, ухомъ, взглядъ въ сторону, все это для опытнаго и искуснаго матадора вѣрные признаки намѣреній его врага. Матадоръ взмахиваетъ мулеткой и опускаетъ ее, закрывая ею отъ отъ быка свои ноги. Это движеніе раздражило быка, онъ бросается на матадора: сила взмаха такова, что ударъ, кажется, разбилъ бы цѣлую стѣну.... легкимъ, почти незамѣтнымъ движеніемъ тѣла уклонился матадоръ отъ удара, подставивъ ему свою мулету и поднявъ ее надъ рогами бѣшенаго животнаго.

Но матадоръ только еще изучаетъ своего врага; нѣсколько разъ повторяетъ онъ эти такъ называемыя *pases de muleta*, и, уже вполнѣ узнавши быка, располагается нанести ему смертельный ударъ. Онъ становится прямо противъ него и ждетъ. Эти минуты надобно видѣть, надобно испытать ихъ: восклицанія, остроты умолкаютъ; десять тысячь зрителей словно каменѣютъ; ни одинъ вздохъ не прерываетъ мертвой, томительной тишины. Въ эти минуты юное, пре-

красное лице Чикланеро покрывалось матовою блѣдностью, изъ которой ярко сверкали его большіе, черные глаза; ноздри расширялись. Быкъ дѣлаетъ шагъ впередъ и снова останавливается; они такъ близко другъ къ другу, что матадоръ уже прицѣливается шпагою... ещё секунда — и быкъ бросается... но въ то самое мгновеніе, какъ быкъ дѣлаетъ головой размахъ, чтобъ поднять матадора на рога, онъ, черезъ его наклоненную голову, вонзаетъ ему всю шпагу въ то мѣсто, гдѣ оканчивается шея и начинается хребетъ... быкъ вдругъ прерываетъ свой взмахъ, нѣсколько капель крови брызнули ему на шею, ноги его дрожатъ, подгибаются,—быкъ падаетъ безъ движенія. Надобно видѣть, что за минута бѣшенаго восторга слѣдуетъ за томительными, невыносимо-тяжкими минутами битвы! Словно каждый избавился отъ давившаго его кошемара; дикій, необузданный энтузіазмъ овладѣваетъ зрителями, какъ будто каждый празднуетъ свое избавленіе отъ смертной опасности. Что передъ этимъ восторгомъ всѣ возможные восторги театральной публики! никогда никакой актеръ въ мірѣ не получалъ себѣ такой награды. Съ лицемъ, на которомъ немедленно исчезаетъ блѣдность, обходитъ матадоръ циркъ, привѣтствуемый зрителями. Къ нему летятъ шляпы, его встрѣчаютъ восторженныя рукоплесканія: *bravo, bravo, Chiclanero!* понятно, что для такихъ минутъ обожанія рискуютъ жизнію.

Но отличный ударъ случается не всегда; на двѣнадцати убитыхъ быкахъ я видѣлъ его только четыре раза. Если ударъ вѣренъ, то есть, если лезвее, пройдя между шеей и хребтомъ, достало до сердца, быкъ тотчасъ падаетъ, словно пораженный молніею; но чаще всего матадоръ принужденъ раза два, иногда три, повторять свой ударъ. Можетъ быть, въ энтузіазмѣ зрителей за отличный ударъ участвуетъ и благодарность за избавленіе ихъ отъ непріятнаго зрѣлища смертныхъ страданій быка; чрезвычайно тяжело видѣть, какъ сильно раненый быкъ начинаетъ шататься по аренѣ, пренебрегая *капами chulos*, жалобно мычитъ, захлебываясь своею кровью, ищетъ мѣста умереть, сгибаетъ переднія ноги, ложится, протягиваетъ голову и умираетъ; если же смертныя судороги продолжаются, къ нему сзади подкрадывается *cachetero* и даетъ ударъ кинжала въ затылокъ, чтобы покончить его страданія. Замѣчательно, что у быка всегда есть любимое мѣсто въ аренѣ,—это то̀, на которомъ онъ остановился тотчасъ по выходѣ изъ стойла въ арену. Иногда съ трудомъ можно заставить его съ него сойти. Большею частію онъ идетъ умирать на это мѣсто или ложится возлѣ убитой имъ лошади. Послѣ этого отворяются одни изъ воротъ барьера, выѣзжаетъ пара роскошно убранныхъ муловъ, вывозятъ постепенно трупы убитыхъ лошадей и быка; на кровавые слѣды посыпаютъ песку и выпускаютъ новаго быка; такъ продолжается до

шести и даже до восьми быковъ. Это называется полубѣгомъ *(media corrida)*; въ прежнее время полная коррида состояла изъ 16-ти быковъ.

Я не въ состояніи описать того мучительнаго, невыносимаго волненія, которое овладѣло мною при боѣ матадора съ первымъ быкомъ; при второмъ, третьемъ, четвертомъ оно все усиливалось. Бой каждаго быка не есть одно повтореніе предъидущаго: я ужъ сказалъ, что каждый быкъ имѣетъ свои особенности, свой характеръ, и потому бой съ каждымъ представляетъ свои случайности, свои неожиданности, каждый бой есть отдѣльная, новая драма. А этотъ красивый, великолѣпный юноша съ своею маленькою шпагою противъ животнаго, разъяреннаго до бѣшенства, — юноша, котораго жизнь зависитъ отъ малѣйшей невѣрности руки, потому что во время удара одинъ рогъ быка проходитъ у него подъ мышкою и разъ даже вырвалъ у него платокъ, выставившійся изъ кармана на груди.... волненіе мое сдѣлалось невыносимымъ, но я не въ силахъ былъ отвести свои глаза отъ цирка, въ головѣ у меня мутилось, я готовъ былъ упасть въ обморокъ и не могъ дождаться смерти пятаго быка. Когда я вышелъ изъ цирка, солнце закатывалось, въ воздухѣ разливался чудный золотистый паръ, вечерній прохладный вѣтерокъ напоенъ былъ запахомъ апельсинныхъ деревьевъ....

При этихъ страшно потрясающихъ зрѣлищахъ присутствуютъ не одни мужчины, но и женщины, даже дѣти, вѣроятно, вслѣдствіе привычки, — зрѣлище крови, этотъ отвратительный видъ раненыхъ въ животъ лошадей, влачащихъ свои падающія внутренности, наконецъ эта томящая душу опасность матадора, кажется, не производятъ ни малѣйшаго впечатлѣнія на чувствительность Испанокъ. На ихъ прекрасныхъ лицахъ видно одно только страстное вниманіе; мнѣ разсказывали, что когда одинъ Французъ при видѣ смертельно раненой лошади не могъ удержать жалобнаго восклицанія, — одна очень хорошенькая женщина, оборотясь, бросила на него презрительный взглядъ, прибавивъ: «сердце изъ сливочнаго масла».

Видъ самаго цирка, эти тысячи головъ, волнующихся, какъ море, эти страстныя движенія, эти крики, рукоплесканія, свистъ, — все это живо одушевлено, величаво, напоминаетъ объ играхъ Римскаго цирка. Въ самомъ дѣлѣ трудно предположить, чтобы Мавры со своими рыцарственными, утонченными нравами могли завѣщать Испаніи эти дикія игры; скорѣе — это темное преданіе, оставшееся въ Испаніи отъ Римскаго цирка. Эта кровавая забава, въ которой человѣкъ играетъ своею жизнію, это равнодушіе толпы къ гладіатору, котораго она за минуту осыпала восторженными рукоплесканіями, этотъ энтузіазмъ толпы къ бѣшеному животному и холод-

ность къ раненому человѣку, — развѣ это не Римское, не языческое? А христіанскій священникъ, приходящій съ дарами присутствовать при этихъ варварскихъ забавахъ, которыя онъ, такъ сказать, освящаетъ своимъ присутствіемъ — не свидѣтельствуетъ ли это, какъ законъ милосердія и любви безсиленъ еще надъ дикими инстинктами этого энергическаго и благороднаго племени, великолѣпнаго и кровожаднаго, изящнаго и еще столь глубоко-варварскаго.

2. Соборъ въ Севильѣ.

Второе чудо Севильи, послѣ великаго Мурильо — соборъ. Въ концѣ XIV вѣка соборный причетъ вздумалъ на мѣстѣ Арабской мечети, обращенной въ церковь, построить новый храмъ, но такой, подобнаго какому не было бы въ цѣломъ мірѣ. Неизвѣстно, кто былъ его архитекторомъ, но замѣчательно то, что на постройку его почтенный причетъ отдалъ всѣ свои доходы, оставя себѣ одно только необходимое, и черезъ 90 лѣтъ міръ имѣлъ зданіе, по огромности своей уступившее впослѣдствіи одному только храму св. Петра въ Римѣ. Каковы же были доходы Севильскаго соборнаго причета! Внутренность храма состоитъ изъ пяти сводовъ самаго чистаго готическаго стиля, раздѣленныхъ колоннами; средній сводъ высоты неимовѣрной: внутренность готическихъ храмовъ Германіи, Франціи, Англіи, даже самаго Миланскаго собора, бѣдна передъ этою страшною громадою; колонны, толщиною съ башни, кажутся тонкими и легкими въ неимовѣрной высотѣ этихъ сводовъ; 80 огромныхъ расписанныхъ оконъ освѣщаютъ храмъ; боковыя трубы органа походятъ на трубы пароходовъ; но подъ сводами храма звуки этихъ поистинѣ Іерихонскихъ трубъ разносятся мелодически. Вокругъ идутъ придѣлы, каждый въ обыкновенную церковь, но колоссальность зданія такова, что ихъ не замѣчаешь. Главный алтарь *(retablo)* посреди церкви и съ трехъ сторонъ, во всю страшную вышину, покрытъ рѣзьбою изъ дерева въ самомъ фантастическомъ готическомъ вкусѣ: это—безчисленныя башни, ниши, статуи, вѣтви, самой тщательной работы.

Художественное богатство собора поразительно, тѣмъ болѣе, что кромѣ Мурильо (здѣсь между прочимъ его св. Антоній, — созданіе удивительное) имена Сурбарана, Кампана, Моралеса, Вальдеса, Эрреры, Кано, вовсе неизвѣстны намъ, — а между тѣмъ все это художники первоклассные, исполненные той энергической, смѣлой жизни, о которой не знала Итальянская школа. Картины ихъ наполняютъ придѣлы, залы, галлереи, — не знаешь, куда смотрѣть: я цѣлую недѣлю ходилъ въ соборъ и каждый день выходилъ оттуда

съ новымъ изумленіемъ: столько разсыпано тутъ искусствъ, великолѣпія, изящества, разсыпано съ тою величавою, небрежною роскошью, о которой можетъ дать понятіе одна Италія. Описывать Севильскій соборъ нѣтъ возможности; для этого надо было бы написать цѣлую книгу. Въ придѣлахъ его соединены всѣ стили: и строгій готическій, и «возрожденія», и особенный Испанскій, называемый здѣсь *plateresco*, отличающійся самою безумною расточительностію украшеній; тутъ есть и рококо,—каждый вѣкъ строилъ свой предѣлъ и свой *retablo*, и при всемъ томъ соборъ еще не вполнѣ отдѣланъ. Эти храмы среднихъ вѣковъ строились какими-то титанами: въ наше время подобныя зданія невѣроятны, невозможны... Но въ противоположность всѣмъ готическимъ церквамъ въ Европѣ, наружность собора очень проста: безъ великолѣпныхъ порталей, безъ кружевныхъ башенъ; колокольнею ему служитъ бывшій Арабскій минаретъ, построенный въ X вѣкѣ Арабскимъ архитекторомъ аль-Геборъ, будто бы изобрѣтателемъ алгебры. Въ XVI вѣкѣ архитекторъ Эскоріала, Эррера, поднялъ ее на нѣсколько этажей; теперь это самая оригинальная, изящная колокольня въ мірѣ.

Я нарочно три воскресенья провелъ въ соборѣ, чтобы посмотрѣть на Испанскую набожность,—и всѣ три воскресенья число присутствовавшихъ при обѣдняхъ едва превышало пятьдесятъ человѣкъ, да и то бо́льшею частію были старухи и старики; огромный храмъ былъ совершенно пустъ. Вотъ вамъ эта нѣкогда знаменитая религіозность Испанская, вошедшая въ пословицу.

Темы. — Этотъ отрывокъ представляетъ примѣръ описанія памятника искусства. — Порядокъ описанія: — 1) Постройка храма (историческая замѣтка). — 2) Внутренность храма: пять сводовъ, средній сводъ — его высота, колонны — ихъ толщина и высота, окна, трубы органа — сравненіе, придѣлы, главный алтарь — описаніе его, художественное богатство, впечатлѣніе автора—невозможно описать Севильскій соборъ, разные стили въ придѣлахъ.— 3) Замѣчаніе о средневѣковыхъ храмахъ. — 4) Наружность собора. — Замѣчаніе объ Испанской набожности.

3. Гранада и Альгамбра.

Въ жизнь мою не забуду того впечатлѣнія, какое испыталъ я, когда на другой день послѣ моего пріѣзда сюда пошелъ я по Гранадѣ. Представьте себѣ, въ продолженіи пяти мѣсяцевъ привыкнувъ видѣть около себя природу суровую, почти всюду сожженную солнцемъ, небо постоянно яркое и знойное, не находя мѣста, гдѣ бы прохладиться отъ жару — вдругъ неожиданно найти городъ, утонувшій въ густой, свѣжей зелени садовъ, гдѣ на каждомъ шагу бѣгутъ ручьи, и разносится прохлада.... нѣтъ! это можно оцѣ-

нить только здѣсь, подъ этимъ Африканскимъ солнцемъ. По городу только и слышался шумъ воды и журчанье фонтановъ въ садахъ. Здѣсь первая комната въ каждомъ домѣ—садъ. Часто попадаются садики снаружи, обнесенные желѣзными рѣшотчатыми заборами и наполненные густыми купами цвѣтовъ, надъ которыми блестятъ струйки фонтановъ; цвѣты и на террасахъ и на балконахъ [1]); а когда я подошелъ къ холму Альамбры, до самаго верху покрытому густою рощею, я не умѣю передать этого ощущенія. Три дня горной дороги верхомъ, подъ этимъ знойнымъ солнцемъ, просто сожгли меня; голова моя и все тѣло горѣли. Передо мной было море самой свѣжей зелени; прохлада, отраднѣйшая прохлада охватила меня. Лучи солнца не проникали сквозь гущу листьевъ; ручьи журчали со всѣхъ сторонъ; по дорожкамъ фонтаны били самою чистою, холодною водою. Чѣмъ выше я поднимался, тѣмъ прохладнѣе становилась тѣнь. Никогда я не видалъ такого разнообразія, такой свѣжести зелени! Дикій виноградъ обвивался около дубовъ, олеандръ сплетался съ сѣвернымъ серебристымъ тополемъ, изъ плакучей ивы весело торчали вѣтви душистаго лавра, гранаты возлѣ вязовъ, алоэ возлѣ липъ и каштановъ:—всюду смѣшивалась растительность юга и сѣвера. Вотъ климатъ Гранады и вотъ одно изъ ея очарованій: это огонь и ледъ, зной и прохлада, и чѣмъ жаръ жгучѣе, тѣмъ сильнѣе таетъ снѣгъ на Сіеррѣ, и тѣмъ стремительнѣе бѣгутъ ручьи и фонтаны. Это сліяніе воды и огня дѣлаетъ климатъ Гранады единственнымъ въ мірѣ. Прибавьте къ этому, что если вѣтеръ со стороны Сіерры Невады, то, не смотря на весь зной солнца, воздухъ наполненъ прохладой. Въ этихъ густыхъ аллеяхъ рѣдко кого встрѣчаешь—самая пустынная тишина; но все вокругъ журчитъ и шелеститъ, словно роща живетъ и дышетъ. Мѣстами стоятъ скалы, покрытыя зеленымъ мхомъ; по нимъ тоненькими сверкающими ленточками бѣгутъ ключи. Это не походитъ ни на какой садъ въ Европѣ,—это задумчивость сѣвера, слитая съ влажною, сверкающею красотою юга. Я легъ на прохладный мохъ перваго попавшагося камня и долго лежалъ, вслушиваясь въ журчанье ручьевъ, словно въ какія-то неясныя, но сладкія душѣ, мелодіи. Какъ понималъ я скорбь Мавровъ, когда изгоняли ихъ изъ Гранады! Въ 1772 г. пріѣзжалъ въ Испанію посолъ отъ Марокскаго владѣ-

[1]) Нигдѣ я не видалъ такой страсти къ цвѣтамъ, какъ въ Гранадѣ. Кромѣ того, что каждая женщина непремѣнно носитъ въ волосахъ свѣжіе цвѣты, здѣсь даже принадлежитъ къ хорошему тону по праздникамъ выходить изъ дому съ хорошимъ букетомъ въ рукахъ и дарить изъ него по нѣскольку цвѣтовъ встрѣчающимся знакомымъ дамамъ. По праздникамъ боченки продавцевъ воды обвиты виноградными вѣтвями, а тѣ, которые возятъ ихъ на ослѣ, даже иословъ убираютъ виноградомъ.

теля. Онъ былъ Мавръ и попросилъ позволенія ѣхать назадъ через Гранаду. Войдя въ Альамбру, онъ началъ молиться, заплакалъ и, ударяя себя въ грудь, горестно вскричалъ: «Какъ могли мои предки потерять такое блаженство!»

В. Боткинъ.

Темы. — Этотъ отрывокъ представляетъ примѣръ превосходнаго описанія природы. — Покажите составныя его части: — 1) Впечатлѣніе автора. — Что его поразило? — Рѣзкая противоположность природы. Что же было прежде и что онъ увидѣлъ теперь? — 2) Описаніе Гранады: — шумъ воды и журчанье фонтановъ, садъ въ комнатѣ, садики снаружи домовъ, страсть къ цвѣтамъ. — 3) Холмъ Альамбры: общій его видъ, уподобленіе, прохлада, гуща листьевъ, фонтаны, разнообразіо зелени (виноградъ и дубъ, олеандръ и тополь, ива и лавръ, гранатъ и вязы, алоэ и липы: какіе эпитеты придаются каждому растенію? — 4) Климатъ Гранады. — 5) Тишина въ аллеяхъ. — Чѣмъ она нарушается? — Скалы. — Ключи. — Уподобленія. — Личныя впечатлѣнія автора. — Историческая замѣтка. — Вліяніе природы на человѣка. — Въ чемъ заключается литературное достоинство этого описанія? — Въ его стройности, картинности, выразительныхъ уподобленіяхъ и языкѣ.

ДВѢ НЕДѢЛИ ВЪ ЛОНДОНѢ.

1. Англійскій Парламентъ.

Старое средневѣковое зданіе парламента, какъ извѣстно, сгорѣло нѣсколько лѣтъ назадъ [1]) и теперь парламентъ засѣдаетъ въ новомъ, выстроенномъ въ готическомъ стилѣ, живописномъ и величавомъ, если глядѣть на него издали. Но вблизи впечатлѣніе неудовлетворитено, не смотря на крайнее обиліе всякаго рода готическихъ украшеній, покрывающихъ его наружность. Вообще зданіе никакъ нельзя считать хорошимъ образчикомъ современной готической архитектуры: это собственно классическій скелетъ, одѣтый въ готическія украшенія, для прикрытія котораго именно и потребовалось такое излишество украшеній. Башни слишкомъ тяжелы и нисколько нейдутъ къ цѣлому. Залы, въ которыхъ засѣдаютъ Верхняя и Нижняя Палаты, раздѣлены между собою широкою галлереей и переходъ отъ одной Палаты къ другой заключается въ шагахъ сорока. Зала Верхней Палаты нѣсколько менѣе Нижней и великолѣпно отдѣлана въ готическомъ стилѣ, рѣзнымъ деревомъ съ позолотою. Роскошный тронъ, съ котораго королева читаетъ свою рѣчь при каждомъ открытіи парламента, придаетъ ей необыкно-

---

[1]) Писано въ 1859 году.

венно величавый видъ. Отступивъ отъ трона нѣсколько шаговъ, по обѣимъ сторонамъ залы расположены длинные диваны, задніе ряды выше переднихъ. Въ Нижней Палатѣ точно такое же расположеніе, съ той только разницей, что въ Верхней диваны обиты краснымъ сукномъ, а здѣсь зеленымъ сафьяномъ, и вмѣсто трона стоитъ огромное кресло съ деревяннымъ рѣзнымъ балдахиномъ: это кресло предсѣдателя (speaker). Президентъ же Палаты Лордовъ, которымъ всегда бываетъ лордъ-канцлеръ, мѣняющійся съ каждымъ министерствомъ, сидитъ не на креслѣ, а на диванѣ безъ спинки, котораго подушку составляетъ мѣшокъ съ шерстью, бывшій символъ существеннаго богатства Англіи, нынѣ уже опереженный другими ея продуктами. Вообще Палата Лордовъ имѣетъ видъ парадности и гостинности, Палата Общинъ, напротивъ, по суровоой простотѣ своей — характеръ дѣловой ежедневности. Хотя въ обѣихъ Палатахъ есть мѣсто для публики, но помѣститься въ нихъ можетъ очень не много. Въ Палатѣ Общинъ эти мѣста отведены въ верхней галлереѣ, противъ президента и помѣститься въ нихъ могутъ не болѣе 60 или 70 человѣкъ. Въ той же галлереѣ, со стороны президента находятся мѣста для стенографовъ газетъ; но обѣимъ же сторонамъ этой галлереи мѣста для членовъ палаты, ибо всѣ они не могутъ помѣститься внизу. Въ акустическомъ отношеніи обѣ залы палаты очень плохи, такъ что даже и при хорошихъ ушахъ слушателя и громкомъ голосѣ говорящаго — дурно слышно, и даже стенографы, находящіеся надъ самымъ мѣстомъ президента, часто жалуются на невнятность рѣчей.

Я два раза былъ въ засѣданіи Палаты Лордовъ, и оба раза Палата была чуть не пустая; въ первый разъ въ ней было двадцать шесть лордовъ, а во второй тридцать семь; мнѣ сказали, что это еще очень много и что развѣ въ какія-нибудь важныя засѣданія бываетъ больше. Членовъ Палаты Лордовъ никогда не бываетъ въ полномъ сборѣ, потому что каждый перъ можетъ поручать свой голосъ другому перу, на что не имѣютъ права члены Палаты Общинъ. Такимъ образомъ десять или пятнадцать перовъ могутъ представлять собой болѣе двухъ сотъ человѣкъ. У герцога Веллингтона бывало такимъ образомъ болѣе шестидесяти голосовъ въ карманѣ. Поэтому засѣданіе Палаты Лордовъ можетъ быть законнымъ даже въ присутствіи только пяти человѣкъ съ порученными имъ голосами, тогда какъ въ Палатѣ Общинъ нужно для этого не менѣе пятидесяти. Съ своими двадцатью шестью членами, разсѣянными по диванамъ, зала Палаты Перовъ показалась мнѣ совсѣмъ пустою. Изъ министровъ только были лордъ Гранвиль и герцогъ Соммерсетъ. Канцлеръ, лордъ Кембль, какъ президентъ Палаты, въ мантіи и огромномъ парикѣ, сидѣлъ на своемъ президентскомъ диванѣ безъ

спинки. Канцелярія Палаты состоитъ изъ трехъ человѣкъ, большее и меньшее значеніе которыхъ обозначалось тоже париками, ибо черныя мантіи ихъ одинаковы. Старшій изъ нихъ г. Шоу-Лефеврь, къ которому я имѣлъ письмо отъ Т., познакомившагося съ нимъ прошлаго года, былъ въ парикѣ съ большимъ количествомъ завитковъ, нежели у двухъ остальныхъ. Этотъ г. Шоу-Лефеврь замѣчателенъ для насъ Русскихъ тѣмъ, что недавно — ему уже лѣтъ шестьдесятъ, — одинъ и безъ всякаго учителя выучился по-Русски, и хотя говорить не можетъ, но читаетъ Русскія книги и понимаетъ ихъ; у него есть маленькая Русская библіотека. Члены палаты, какъ я сказалъ, разсѣяны были по диванамъ залы и сидѣли въ шляпахъ, разговаривая между собою. Изъ епископовъ былъ только одинъ, рѣзко отличавшійся отъ всѣхъ по своей одеждѣ: у него были широчайшіе бѣлые рукава, сдѣланные буфами; онъ одинъ только былъ безъ шляпы. Среди залы стоялъ огромный столъ; по лѣвую сидѣли министры, по правую члены оппозиціонные. Въ Палатѣ Лордовъ говоря не обращаются къ президенту, какъ въ Палатѣ Общинъ, а къ членамъ, и потому условное слово sir, которымъ начинаютъ рѣчь въ Палатѣ Общинъ, здѣсь не существуетъ. Здѣсь говоря обращаются къ членамъ: my lords. Рядомъ съ министрами сидѣли и другіе члены: все было нецеремонно и свободно; никто бы, взглянувъ на эти чуть не пустые диваны, не сказалъ, что это одно изъ условныхъ государственныхъ учрежденій Англіи, никто бы не повѣрилъ, что безъ согласія этихъ двадцати или тридцати человѣкъ не можетъ быть дѣйствительнымъ никакой актъ парламента, ни одинъ законъ. И когда раздумаешь обо всемъ этомъ, — странное впечатлѣніе производитъ эта великолѣпная и почти пустая зала. Ничто не можетъ быть проще на видъ этой высшей аристократіи Англіи; между нею было нѣсколько весьма молодыхъ людей; а пожилые походили на удалившихся отъ дѣлъ членовъ нашихъ Англійскихъ клубовъ, только, къ сожалѣнію, не имѣли ихъ барственнаго вида. Иные члены были со шпорами, они пріѣхали сюда съ прогулки верхомъ, и у входа въ парламентъ отведено особое мѣсто для верховыхъ лошадей, которыя стоятъ тамъ подъ присмотромъ своихъ жокеевъ.

Палата Лордовъ, какъ политическая сила, теперь далеко не имѣетъ своего прежняго значенія. Эта сила существенно заключается теперь въ Палатѣ Общинъ, и все постепенное движеніе Англійскаго общества болѣе и болѣе тяготѣетъ въ эту сторону. Но нельзя не удивляться, съ какимъ мудрымъ тактомъ принимаетъ свое положеніе Палата Лордовъ. Разъ отстоявъ гражданскія права Англичанъ и заставивъ короля Іоанна въ 1215 году подписать знаменитую Magna Charta, высшая Англійская аристократія до сихъ поръ имѣетъ

такую популярвость въ народѣ, что, не смотря на всѣ событія конца прошлаго вѣка, на всѣ демократическія идеи нашего, — она пользуется величайшимъ уваженіемъ. Въ этомъ отношеніи исторія Англійской аристократіи есть одна изъ любопытнѣйшихъ особенностей Англіи: только этою исторіей и можно объяснить любовь Англійскаго народа къ своей аристократіи, тотъ совершенно противоположный характеръ, какой имѣла и имѣетъ она въ сравненіи съ аристократіей Французской и Нѣмецкою, столь не любимыми у себя. Стремиться къ политической власти есть безъ сомнѣнія свойство всякаго высшаго сословія; но Англійская аристократія опиралась для этого не на одни свои титла и богатства: кромѣ того, что для огражденія самостоятельности своей она должна была постоянно опираться на средніе классы и черезъ то дѣлать ихъ участниками своихъ правъ, она всегда была самымъ просвѣщеннымъ, самымъ независимымъ, по мнѣніямъ своимъ, классомъ въ странѣ. Послѣднимъ и великимъ переломомъ для Палаты Лордовъ былъ билль о реформѣ народнаго представительства, прошедшій въ 1832 году. Они попробовали было противиться ему — и преклонились передъ настоятельнымъ требованіемъ общественнаго мнѣнія. Палата Лордовъ ясно понимала, что съ расширеніемъ народнаго представительства и съ очисткой его отъ опустѣлыхъ, древныхъ мѣстечекъ, вся политическая сила должна перейти въ Палату Общинъ. И эта гордая своею исторіей Палата Лордовъ такъ хорошо поняла свое положеніе среди возмужавшихъ, разбогатѣвшихъ и стремящихся къ политической дѣятельности среднихъ классовъ, что теперь равнодушно смотритъ на всякое дальнѣйшее расширеніе народнаго представительства.

Засѣданія Верхней Палаты, во все время моего нынѣшняго краткаго пребыванія въ Лондонѣ, лишены были всякаго политическаго значенія. Министерство Пальмерстона не имѣетъ въ Палатѣ Лордовъ ни одного замѣчательнаго таланта. При прошломъ министерствѣ Дерби было бы интересно слышать самого лорда Дерби, обладающаго дѣйствительнымъ ораторскимъ талантомъ, хотя лордъ Джонъ-Россель, на митингѣ Лондонскихъ избирателей, и назвалъ его краснорѣчіе «бѣднымъ мыслями». Такъ какъ главные вопросы внутренней и внѣшней политики сосредоточиваются исключительно въ Палатѣ Общинъ, то засѣданія Палаты Лордовъ рѣшительно походятъ на засѣданія pro forma и ведутся въ родѣ разговоровъ въ гостиной. При мнѣ на всѣ почти вопросы отвѣчалъ одинъ лордъ Гранвиль, и отвѣчалъ кратко и сухо, кажется, болѣе изъ вѣжливости и приличія, нежели изъ желанія разъяснить предметъ, да и сами лорды очень хорошо понимаютъ, что не здѣсь мѣсто для дальняго разъясненія вопросовъ. Побывъ здѣсь разъ, я уже и не думалъ

возвращаться сюда, по письму г. Шоу-Лефевра, въ которомъ онъ приглашалъ меня зайти въ Палату на другой день въ пять часовъ, заставило меня отправиться туда. Этому приглашенію одолженъ я былъ тѣмъ, что слышалъ двухъ ветерановъ парламента, лорда Линдгорста и лорда Брума, теперь уже маститыхъ старцевъ, но игравшихъ нѣкогда первоклассную роль въ политическихъ битвахъ. Первому изъ нихъ восемьдесятъ шесть, второму восемьдесятъ лѣтъ. Такъ какъ въ нѣкоторыхъ судебныхъ случаяхъ Палата Лордовъ представляетъ собой высшую судебную инстанцію, то съ даннаго времени существуетъ обычай возводить глубокихъ законовѣдцевъ въ перское достоинство, и съ помощью ихъ свѣдѣній дѣйствительно дѣлать Палату высшимъ трибуналомъ законовѣдѣнія. Но для этого необходимо, чтобы такой законовѣдецъ непремѣнно прошелъ черезъ Палату Общинъ, ибо здѣсь одного знанія законовъ недостаточно, а при этомъ надо еще имѣть ораторскій талантъ и показать себя бойцомъ (debater). Все это вмѣстѣ требуетъ страшныхъ трудовъ и здоровья. Въ адвокатуру вступаютъ здѣсь преимущественно изъ небогатыхъ среднихъ классовъ, и тѣмъ не менѣе она приводитъ въ Палату Лордовъ, то есть въ самую высшую аристократію. Такого рода перы извѣстны подъ названіемъ: перовъ законниковъ и ученыхъ лордовъ.

Засѣданіе Палаты Лордовъ открылось въ пять часовъ, и едва только лордъ-канцлеръ, облеченный въ свой огромный парикъ и мантію, занялъ свое мѣсто предсѣдателя, какъ старикъ, съ рѣзкими, энергическими чертами лица, въ обыкновенномъ и густоволосомъ парикѣ и въ довольно поношенномъ сюртукѣ, всталъ, снялъ шляпу и началъ говорить. Это былъ лордъ Линдгорстъ. Онъ не можетъ почти ходить безъ поддержки, но, слыша этотъ звучный, твердый голосъ, видя этотъ энергическій жестъ, трудно повѣрить, чтобъ этому человѣку было восемьдесятъ шесть лѣтъ. До сихъ поръ, когда въ Палатѣ Лордовъ представляется какой-либо юридическій вопросъ, лордъ Линдгорстъ считается высшимъ авторитетомъ въ Англіи и, дѣйствительно, онъ говоритъ лучше, краснорѣчивѣе и дѣльнѣе всѣхъ. Сохранять въ такой старости всю твердость и бодрость ума (самъ нецеремонный Times сказалъ о немъ недавно, что слова его слушаетъ нація, какъ голосъ «мудраго»), всю ясность мысли, всю живость современныхъ интересовъ: такія явленія свойственны кажется одной только Англо-саксонской породѣ. Кто, взглянувъ на Пальмерстона и послушавъ его въ Нижней Палатѣ, повѣритъ, что ему семьдесятъ пять лѣтъ? Отчего такая физическая и нравственная сила въ этихъ Англійскихъ старикахъ? Что́ здѣсь поддерживаетъ такъ бодрость духа? Умственная ли, дѣятельная жизнь, или вообще Англійскій образъ жизни? И не одно здоровье сохраняютъ эти люди,

а что́ гораздо важнѣе, живое участіе въ современныхъ интересахъ, независимое, свободное воззрѣніе на предметы. Въ обыкновенномъ устройствѣ человѣческой жизни всегда бываетъ такъ, что человѣкъ рѣдко умираетъ вдругъ, а большею частію по-немногу: сначала умретъ въ немъ одно чувство, потомъ другое, такъ что, приближаясь къ гробу, мы часто сохраняемъ одну только жизненность, а то, что составляло въ насъ цѣльнаго человѣка, то есть всѣ наши лучшія стремленія и нравственныя требованія, все это уже исчезло умирая по-немногу и постепенно, оставя насъ только при одной сухой, бездушной и уже по-истинѣ презрѣнной старости. Вѣроятно такая же судьба постигаетъ и здѣшнихъ старцевъ, но по крайней мѣрѣ въ политической дѣятельности, они вовсе не становятся тѣми нравственно-тупыми и слѣпыми людьми, какими почти всегда дѣлаются старики на-материкѣ Европы, совершенно теряя всякій дѣльный и ясный взглядъ на вещи. Рѣчь лорда Линдгорста касалась предостереженія отъ загадочныхъ вооруженій Наполеона. Но онъ предостерегалъ въ томъ, что вся Англія очень ясно видитъ и понимаетъ, что̀ давно составляетъ здѣсь предметъ преній въ клубахъ и частыхъ разговоровъ. Англія боится не окончательнаго результата войны съ Франціей, напротивъ, она увѣрена въ этомъ результатѣ, но боится золъ, которыя можетъ причинить ей эта война: она чувствуетъ, что война эта была бы неумолимая. Когда Линдгорстъ говорилъ, какъ его суровое, энергическое и въ самой дряхлости своей прекрасное, лицо соотвѣтствовало рѣшительному жесту его руки, его звучному, твердому голосу! Каждая фраза была сжата, сосредоточена, словно отчеканена. Парламентскій языкъ обыкновенно очень уклончивъ; всякая мысль въ немъ непремѣнно заключаетъ въ себѣ нѣсколько вставочныхъ предложеній, которыя или смягчаютъ, или поясняютъ ее. Отъ этого буквальный переводъ Англійскихъ рѣчей почти невозможенъ, ибо̀ ни о сжатости формы, ни о красотѣ ея Англичане не заботятся. Стиль ихъ рѣчей почти разговорный; какъ они говорятъ въ комнатѣ, такъ говорятъ и публично. Литературность, отдѣлка фразы, старательное мастерство выразиться, столь здѣсь цѣнимыя въ статьяхъ, считаются словно недостойными, когда Англичанинъ выступаетъ говорить публично. Но тѣмъ онъ сильнѣе дѣйствуетъ, когда является самъ собой, безъ всякаго старанія и желанія: этимъ-то и отличается истинный ораторскій талантъ отъ академическаго, отсюда-то и происходитъ его чарующее дѣйствіе на слушателя. Все это есть у Линдгорста, и эти величественныя руины заставляютъ предполагать, какой это былъ могучій боецъ въ свое время.

Едва лордъ Линдгорстъ надѣлъ шляпу, какъ высокій худощавый старикъ, съ округленными чертами продолговатаго лица, нѣ-

сколько вздернутымъ, мягкимъ носомъ и совершенно бѣлыми густыми волосами, всталъ, снялъ шляпу, подошелъ къ столу и началъ говорить. Это былъ лордъ Брумъ. Не смотря на свои восемьдесятъ лѣтъ, онъ гораздо моложавѣе и свѣжѣе лорда Линдгорста. Брумъ теперь уже прошедшая знаменитость, но роль, которую игралъ онъ въ Нижней Палатѣ по поводу перваго билля о реформѣ, никогда не забудется въ Англіи. Это былъ одинъ изъ самыхъ главныхъ и великихъ бойцовъ за реформу, и кромѣ того одинъ изъ первоклассныхъ ораторовъ Англіи. Жизнь этого человѣка, до того времени, когда онъ назначенъ былъ лордомъ-канцлеромъ, даже Англичане приводятъ въ примѣръ изумительной, сверхъ-естественной дѣятельности. Они говорятъ, что, приготовляясь къ защитѣ, передъ Палатою Лордовъ, королевы Каролины, жены покойнаго короля Георга, Брумъ, бывшій тогда простымъ адвокатомъ, не спалъ въ продолженіи трехъ сутокъ. Кромѣ множества рѣчей, сказанныхъ имъ по самымъ разнообразнымъ предметамъ, сочиненія его составляютъ болѣе десяти томовъ, плодъ большихъ юридическихъ и историческихъ работъ. Онъ былъ нѣсколько лѣтъ сотрудникомъ Эдинбургскаго Обозрѣнія. Уже болѣе двадцати лѣтъ, какъ Брумъ сошелъ со своего поприща, но тѣмъ не менѣе при всякомъ важномъ вопросѣ раздается его голосъ и въ Палатѣ Лордовъ, и на разныхъ митингахъ, и на публичныхъ обѣдахъ. Онъ особенно уважаемъ низшими классами, для воспитанія которыхъ такъ много сдѣлано имъ.

Съ первыхъ же словъ лорда Брума и по манерѣ его говорить видно, что это опытный и смѣлый боецъ; но они не походили на обыкновенную, Англійскую парламентскую манеру, всегда спокойную, и безъ всякихъ внѣшнихъ признаковъ паѳоса. Величайшая скромность, внутреннее спокойствіе, съ какимъ Англичане говорятъ публично, всегда невольно располагаетъ въ пользу говорящаго. Какая противоположность въ этомъ отношеніи съ бывшею Французскою палатой, гдѣ рѣдкій депутатъ не впадалъ въ декламаторство, ораторскую позу и монументальные жесты. Все это рѣшительно не свойственно и даже противоположно Англійской манерѣ говорить, которая если грѣшитъ чѣмъ, то развѣ сухостью; но и это бросается въ глаза только въ людяхъ совершенно бездарныхъ, между тѣмъ какъ рѣчь недаровитаго, а иногда даже и даровитаго Француза невольно возмущала своимъ декламаторскимъ, фразистымъ тономъ. Англичанинъ всегда хочетъ сказать что-нибудь дѣльное, практическое; онъ занятъ тѣмъ, что̀ онъ скажетъ, а не тѣмъ, какъ онъ скажетъ. Но при всей естественности манеры Брума, нельзя не замѣтить въ ней бывшаго адвоката; эта развязность движеній, эта са-

моувѣренность и небрежность позы обличали какой-то особенный навыкъ, профессію.

Лордъ Брумъ, подошедъ къ столу, положилъ на него прошеніе отъ Лондона, Ворстера (Worcester) и другихъ городовъ, по поводу народнаго воспитанія. Мнѣ кажется, будетъ не лишнимъ привести здѣсь небольшой отрывокъ изъ его рѣчи объ этомъ предметѣ, показывающій, въ какомъ положеніи находится народное воспитаніе въ Англіи, и отношеніе къ нему правительства. «Я былъ предсѣдателемъ комитета народнаго воспитанія, существовавшаго въ 1816, 1817 и 1818 годахъ, трудами котораго предметъ народнаго воспитанія возвысился на ту степень важности и интереса, какую до сихъ поръ сохраняетъ онъ въ общественномъ мнѣніи. По порученію этого комитета, я внесъ въ парламентъ билль, но остановленъ былъ отъ дальнѣйшаго слѣдованія возраженіями диссентеровъ, которые, впрочемъ, всегда были ревностными сподвижниками въ дѣлѣ народнаго воспитанія. Возраженія ихъ были такого рода, что я долженъ былъ взять билль обратно. Съ тѣхъ поръ много прошло времени, пока снова представился случай обратить вниманіе парламента на этотъ предметъ. Дѣло въ томъ, что до 1818 года въ Англіи было 19,400 недѣльныхъ школъ и 5,400 воскресныхъ; первыя посѣщали 674,000, а вторыя 525,000 дѣтей и прежде нежели правительство истратило хотя одинъ пенни на этотъ предметъ, въ Англіи уже обучалось 1,500,000 въ недѣльныхъ школахъ и 1,250,000 въ воскресныхъ». Затѣмъ Брумъ коснулся успѣховъ въ воспитаніи, обнаружившихся съ тѣхъ поръ, какъ правительство опредѣлило на этотъ предметъ особый капиталъ [1]), предоставя имъ распоряжаться комитету тайнаго совѣта. «Но предложенъ былъ другой планъ, котораго, я полагаю, не слѣдуетъ упускать изъ виду, а именно: дать право городовымъ совѣтамъ собирать налогъ на воспитаніе дѣтей подъ контролемъ этихъ же городовыхъ совѣтовъ, и налогъ этотъ употреблять на воспитаніе дѣтей всякихъ сектъ, предоставя самимъ родителямъ рѣшать, въ какомъ именно вѣроисповѣданіи дѣти ихъ должны быть наставляемы. Подписавшіе представленное нынѣ мною прошеніе (petition) поставляютъ на видъ то обстоятельство, что средніе классы имѣютъ такое же право на вниманіе правительства, какъ и рабочіе классы. Конечно, высшіе классы и ихъ школы сами могутъ заботиться о себѣ. Но такъ какъ при системѣ, установленной совѣта комитета о воспитаніи, школы рабочихъ классовъ получили то преимущество, что въ нихъ введенъ надзоръ (инспекція) за содержателями и учителями, то представившіе поданное мною нынѣ прошеніе просятъ, чтобы и школамъ среднихъ классовъ пре-

[1]) До милліона ф. с. Это только на воспитаніе дѣтей низшихъ классовъ.

доставлены были тѣ же преимущества (то-есть инспекція), какія школы высшихъ классовъ имѣютъ безъ всякаго вмѣшательства правительства, и которыя школы рабочихъ классовъ получили при системѣ, введенной комитетомъ совѣта. Было бы желательно, чтобы школы, въ которыхъ воспитываются и дѣти среднихъ классовъ, также подчинены были вѣдѣнію и надзору комитета совѣта, то-есть, чтобы всякій содержатель школы могъ обращаться въ комитетъ для инспекцій своей школы, и если послѣ инспекціи положеніе школы найдено будетъ удовлетворительнымъ,—чтобъ ему выдавали въ этомъ свидѣтельство. Такія свидѣтельства непремѣнно будутъ имѣть все значеніе академическихъ ученыхъ степеней и стали бы поощрять содержателей училищъ на дѣльное выполненіе своихъ обязанностей, а другихъ на принятіе на себя должности учителей. Въ особенности же школы среднихъ классовъ нуждаются въ хорошихъ наставницахъ, рѣшительно необходимыхъ для того, чтобъ учащіяся дѣвочки со временемъ дѣлались хорошими женами и матерьми. Вообще, недостаточность воспитанія существуетъ въ такихъ мѣстахъ, гдѣ оно всего нужнѣе. Въ большихъ городахъ оно недостаточнѣе, чѣмъ въ селеніяхъ и мѣстечкахъ и въ такой пропорціи, какъ 13 къ 11. Въ Лондонѣ эта недостаточность больше, чѣмъ гдѣ-либо. Разумѣется, ничто, похожее на притѣсненія, тутъ не должно имѣть мѣста, тѣмъ болѣе, что несогласно было бы ни съ здравою политикой, ни съ истинною религіей — выставлять человѣку на видъ выгоду отъ какой бы то ни было вѣры, или исповѣдыванія. Преслѣдуемая истина всегда по этому самому выше поднимаетъ свою голову и непремѣнно усиливается, а преслѣдовать заблужденіе значитъ только замедлять его паденіе».

Брума поддержалъ епископъ Линкольнскій, выразивъ совершенное согласіе съ его мнѣніями. Вопросъ о свободѣ совѣстй сдѣлался въ наше время до такой степени рѣшеннымъ вопросомъ, что ему уже не противорѣчатъ здѣсь и сами епископы. На рѣчь Брума отвѣчалъ изъ министровъ лордъ Гранвиль, и отвѣтъ его удивилъ меня. Не забудьте, что средніе классы ходатайствуютъ у правительства о надзорѣ за ихъ школами, то-есть сами просятъ правительство, чтобъ оно вмѣшалось въ воспитаніе ихъ дѣтей: случай этотъ показываетъ, до какой степени простирается здѣсь система правительства не вмѣшиваться въ общественныя дѣла: «Я совершенно убѣжденъ, отвѣчалъ лордъ Гранвиль, что значительная сумма, экономически и дѣльно употребленная на воспитаніе народа, была бы благотворнѣйшею мѣрой для этой страны, потому что воспитаніе матеріально содѣйствуетъ тишинѣ и порядку. Многіе знаменитые люди утверждали, что долгъ государства — воспитывать рабочіе классы для поддержанія порядка и тишины въ странѣ. Но

далеко не въ такой степени лежитъ на государствѣ обязанность вмѣшиваться въ воспитаніе высшихъ или среднихъ классовъ. Я согласенъ, что учебная часть въ нѣкоторыхъ школахъ среднихъ классовъ гораздо хуже, чѣмъ въ народныхъ школахъ, но я бы не желалъ къ трудамъ комитета совѣта о воспитаніи прибавить еще новый трудъ надзора за школами среднихъ классовъ». Тѣмъ все и кончилось. Это значило: пусть средніе классы сами, какъ знаютъ, устраиваютъ надзоръ за своими школами.

Въ Палатѣ Общинъ былъ я три раза. Доступъ въ нее не легокъ, не потому чтобъ онъ связанъ былъ съ какими-нибудь затрудненіями, а вслѣдствіе того, что мѣстъ для публики очень не много. Если какое засѣданіе обѣщаетъ быть интереснымъ, то мѣста эти наполняются за нѣсколько часовъ до открытія засѣданія. Есть еще мѣста внизу, для иностранныхъ посольствъ и перовъ, но туда впускаютъ только по запискамъ отъ посланниковъ, или черезъ члена парламента. Благодаря знакомому Т., г. М. М., къ которому я имѣлъ отъ него рекомендательное письмо, доступъ въ Нижнюю Палату сталъ для меня нетруднымъ. Впрочемъ за неимѣніемъ знакомаго члена, обратясь предварительно къ смотрителю, находящемуся при публичной галлереѣ, можно за три или четыре шиллинга получить тамъ мѣсто почти навѣрное. Онъ уже какъ-нибудь да сбережетъ его. Въ интересныхъ случаяхъ это средство даже вѣрнѣе записки отъ члена. Засѣданія парламента подходили уже къ концу и были чисто дѣловыми. Для скорѣйшаго отправленія дѣлъ, Нижняя Палата имѣла по два засѣданія въ день, утреннее и вечернее. Жаркая битва торіевъ съ вигами была уже кончена: министерство Пальмерстона усѣлось спокойно до будущей весны; партіи отдыхали отъ недавняго побоища и, сбираясь съ новыми силами, избѣгали схватокъ, ни къ чему не ведущихъ. При входѣ въ зданіе парламента, прежде всего поражаетъ васъ отсутствіе часовыхъ и вообще всякой военной силы или военнаго мундира. Скромный и постоянно услужливый полисменъ одинъ стоитъ у входа въ зданіе; при входѣ въ галлерею, ведущую въ библіотеку и ресторацію палаты, стоитъ другой, и наконецъ два полисмена въ круглой залѣ, черезъ которую входятъ въ палату. Въ этой залѣ всегда порядочная толкотня. Черезъ нее входитъ публика въ верхнюю галлерею, а тѣ, кто не попалъ туда, здѣсь же ждутъ своей очереди, ибо всякій, хотя на минуту выходящій, тотчасъ же замѣщается другимъ. Кромѣ того, тутъ всегда толпится много такихъ, которые стараются черезъ членовъ пробраться на мѣста внизу, или пришли переговорить съ кѣмъ-нибудь изъ членовъ. Входъ, какъ въ зданіе парламента, такъ и въ эту залу совершенно свободенъ; до самыхъ дверей палаты никто васъ не спроситъ, куда и зачѣмъ вы идете. Вся эта простота, необычайная

скромность, обыденность обстановки уже показываетъ, до какой степени парламентъ здѣсь вошелъ въ нравы и въ простую привычку публики. Когда г-нъ М. М. помѣстилъ меня на одинъ изъ дивановъ, отведенныхъ для членовъ Верхней Палаты, я обвелъ глазами залу и длинные ряды дивановъ ея, наполненные людьми въ шляпахъ. Большая часть изъ нихъ сидѣли полулежа, или совершенно растянувшись, или положивъ ноги на передніе диваны; каждый былъ, какъ дома; разнообразіе въ одеждѣ, въ цвѣтахъ лѣтнихъ сюртуковъ, пальто и шляпахъ, доходило до пестроты; во всемъ, совершеннѣйшее отсутствіе всякой оффиціальности и этикета. Эта будничность и небрежность обстановки такъ странно на меня подѣйствовали, что я долженъ былъ съ нѣкоторымъ усиліемъ привести себѣ въ сознаніе то, что я дѣйствительно нахожусь въ Англійскомъ парламентѣ, и что эта зала и эти растянувшіеся по диванамъ люди въ шляпахъ составляютъ могущественнѣйшій авторитетъ Англіи, на который вся Европа обращаетъ свое сосредоточенное вниманіе. Мы читаемъ въ газетахъ о паденіи, или вступленіи въ должность министровъ, слышимъ слова: «Англійское правительство», «парламентъ», но Богъ знаетъ, какъ укладываются въ нашихъ головахъ всѣ эти совершенно-чуждыя намъ представленія. Передо мной былъ теперь самый фактъ всѣхъ этихъ представленій, та самая лабораторія, гдѣ творится сила, дающая жизнь всѣмъ этимъ словамъ. Вотъ эти двѣ громадныя партіи, на которыя раздѣляются Англія — эти виги и торіи, — сидящія другъ противъ друга и такъ зорко слѣдящія одна за другой. На выборахъ каждая партія имѣетъ знамена и банты своихъ цвѣтовъ, а здѣсь только по мѣстамъ можно различить ихъ. Передъ предсѣдателемъ стоялъ огромный столъ; по одну его сторону сидѣли министры, и вся эта сторона дивановъ занята членами, поддерживающими министерство; другая сторона занята оппозиціей. Столъ этотъ также служитъ мѣстомъ, куда сидящіе возлѣ него, какъ министры, такъ и оппозиція, кладутъ свои портфели, бумаги, а иногда и свои ноги... Такъ вотъ оно, это правленіе, основанное на силѣ убѣжденія, на жаркихъ и упорныхъ преніяхъ, — правленіе, гдѣ рѣшаются всемірные вопросы, — нѣсколько лишнихъ голосовъ той или другой стороны могутъ низвергнуть цѣлое министерство, измѣнить политику страны, объявить войну... Одна такая страшная нравственная отвѣтственность должна была пріучить Англичанъ къ серьезности и осмотрительности въ характерѣ; и самъ Брайтъ, радикалъ на митингахъ, — остороженъ и сдержанъ въ парламентѣ.

Когда я пришелъ въ Палату, предсѣдателя еще не было, но онъ скоро показался, предшествуемый двумя носителями жезла, на одномъ концѣ котораго сдѣлана большая золотая корона, символъ

королевской власти. Жезлъ положили на столъ передъ председателемъ; онъ сѣлъ на свое кресло и проговорилъ: «Order, order.» Это значитъ, что засѣданіе открыто, и что дѣла, назначенныя по этому засѣданію, должны идти своимъ чередомъ. Изъ всѣхъ членовъ только одинъ председатель былъ безъ шляпы: онъ сидѣлъ въ длинномъ парикѣ, концы котораго спускались ниже плечъ. Въ это время вошелъ человѣкъ въ сѣрой шляпѣ, съ чисто-Еврейскимъ лицемъ и нервическою, озабоченною и усталою физіономіей; на концѣ его подбородка маленькій клокъ сѣроватыхъ волосъ; онъ одѣтъ очень чисто и щеголевато. Задумчиво, большими шагами, прошелъ онъ пространство, раздѣляющее диваны на двѣ стороны, и сѣлъ прямо противъ лорда Джона-Росселя. Я тотчасъ узналъ его по каррикатурамъ, которыми трубитъ надъ нимъ Punch; это—Дизраэли, бывшій министръ финансовъ въ торійскомъ правительствѣ, а теперь предводитель оппозиціи. Нынѣшній день лордъ Джонъ-Россель, по требованію оппозиціи, обѣщалъ дать объясненія о видахъ правительства, касательно мироваго трактата, заключеннаго въ Виллафранкѣ. Палата быстро наполнялась членами; скоро всѣ уже диваны были заняты и стали наполняться членскія мѣста въ верхней галлереѣ. Засѣданіе между тѣмъ шло своимъ порядкомъ: въ это время представлялись прошенія (petitions). Членъ, имѣвшій подать таковое, подходилъ съ нимъ къ столу и, прочитавъ, клалъ его на столъ. Въ Палатѣ стоялъ шумъ и говоръ, и никто этихъ прошеній не слушалъ, начиная съ самаго президента, который въ это время разговаривалъ то съ тѣмъ, то съ другимъ изъ подходившихъ къ нему членовъ. Прошенія эти сдаютъ потомъ въ особый комитетъ, избранный Палатой изъ среды себя, тамъ разсматриваютъ и потомъ докладываютъ Палатѣ. Здѣсь присутствіе въ комитетахъ палаты такъ обязательно для выбранныхъ туда членовъ, что не посѣщающій своего комитета членъ, по приговору Палаты, подвергается заключенію въ тюрьму, нарочно для этого сдѣланную въ зданіи парламента. Наконецъ, представленіе петицій прекратилось. Въ это время Палата была полна и внизу и вверху. Изъ министровъ, которые всѣ сидѣли по лѣвую сторону стола, всталъ одинъ, снялъ шляпу и подошелъ къ столу: то былъ лордъ Джонъ-Россель. Онъ держалъ въ рукѣ связку бумагъ, которую положилъ на столъ: то были копіи съ послѣднихъ депешъ его по Италіянскимъ дѣламъ. «Sir», началъ онъ, по обычаю обращаясь къ президенту, но первыхъ словъ его не возможно было явственно слышать за шумомъ разговоровъ; только минуты черезъ двѣ, когда увидали, что онъ началъ говорить, въ Палатѣ настала совершеннѣйшая тишина. «Я желалъ бы отложить объясненіе о нашихъ иностранныхъ сношеніяхъ, и, конечно, отложилъ бы его, если бы мы не были при концѣ за-

сѣданій парламента. Даже и въ такомъ случаѣ я отложилъ бы его, если бъ имѣлъ сколько-нибудь въ виду окончательное устройство этихъ дѣлъ.....» Но я считаю излишнимъ сообщать здѣсь длинную рѣчь лорда Джона-Росселя, давно извѣстную по газетамъ и теперь уже не имѣющую большаго интереса. Онъ говорилъ болѣе часа.

Россель, младшій сынъ герцога Бедфордскаго; титло это имѣетъ теперь старшій братъ его, перъ; Россель же лордъ только по одному названію, которое не даетъ ему права быть членомъ Палаты перовъ. Ему теперь шестьдесятъ шесть лѣтъ, но, не смотря на замѣтную слабость его организма, онъ еще довольно свѣжъ. Лице его овально; сѣро-сѣдоватые волосы его остались только на затылкѣ и вискахъ, черты лица мягки и кротки. Говоритъ онъ тихо, медленно, плавно, мало-звучнымъ голосомъ, ровно, безъ всякаго ударенія на слова. Въ черномъ, мѣшковатомъ сюртукѣ, въ широкомъ, двухбортномъ жилетѣ изъ желтаго пике, съ своею добродушнѣйшею, честною физіономіей, лордъ Джонъ-Россель возбуждаетъ невольное уваженіе къ себѣ. Всѣ его движенія, въ продолженіе слишкомъ часовой его рѣчи, заключались въ томъ, что онъ складывалъ на груди свои руки, одна на другую, и потомъ снова опускалъ ихъ; опирался обѣими руками на столъ и потомъ отдалялся отъ него; ни одного сколько-нибудь рѣзкаго или рѣшительнаго движенія; даже не было у него этихъ обыкновенныхъ всѣхъ Англичанамъ удареній двумя пальцами правой ладони въ ладонь лѣвой. Болѣе спокойной, плавной, безстрастной манеры говорить, нельзя себѣ представить. Лордъ Джонъ-Россель давно уже на политическомъ поприщѣ одинокъ изъ главныхъ предводителей либеральной партіи; но кромѣ политики, онъ много занимался и литературой, написалъ романъ, трагедію и даже издалъ книжку своихъ стихотвореній. Замѣчу кстати, что нигдѣ литература не находится въ такой чести, какъ въ Англіи, нигдѣ не возбуждаетъ она такого всеобщаго интереса, какъ здѣсь. Здѣсь едва ли есть хоть одинъ человѣкъ, имѣющій претензію на джентельменство, который бы не попробовалъ себя въ той или въ другой формѣ. Всякій сколько-нибудь замѣчательный политическій человѣкъ непремѣнно имѣетъ на своей совѣсти или книжку юношескихъ стихотвореній, или романъ, или статьи въ обозрѣніяхъ. Но возвращаюсь къ засѣданію.

Въ продолженіи рѣчи лорда Джона-Росселя, сидѣвшій противъ него Дизраэли безпрестанно дѣлалъ замѣтки на клочкѣ бумаги. «Впрочемъ, сказалъ въ заключеніи лордъ Джонъ-Россель, каковы-бы ни были затрудненія, — я думаю мнѣ позволительно сказать, не смотря на то, что достопочтенный джентельменъ, сидящій противъ меня (Дизраэли), говорилъ о возрожденіи Италіи, какъ о вопросѣ едва ли стоящемъ серіознаго вниманія, — позвольте мнѣ будетъ

сказать, что если страна, столь прекрасная своимъ физическимъ видомъ, столь богато одаренная природой, столь обильная геніяльными людьми всякаго рода, страна, судьба которой была предметомъ горькихъ пѣсенъ, начиная съ Петрарки въ XIV до Летарди въ XIX вѣкѣ, если, говорю, такая страна можетъ быть сдѣлана счастливою, и сынамъ ея открыто будетъ широкое поприще для ихъ талантовъ и энергіи, такъ что и имъ возможно будетъ приносить свою долю на прогресъ этой Европейской семьи, къ которой принадлежатъ они, — а я убѣжденъ, что это будетъ богатая доля, — если, говорю, такой предметъ будетъ достигнутъ, тогда, сэръ, что касается до меня, я не обинуясь скажу, что правительство Ея Величества стало бы радоваться такому результату.» Этими словами лордъ Джонъ-Россель кончилъ длинную рѣчь свою. Не смотря на его тихій голосъ, на его спокойную фигуру, видно было, что эти слова не были реторическими фразами. Во все продолженіе рѣчи его царствовала мертвая тишина, изрѣдка прерывавшаяся тихими восклицаніями «*слушайте*,» раздававшимися на министерской сторонѣ при особенно интересныхъ мѣстахъ, и смѣхомъ отъ разсказанныхъ имъ анекдотовъ объ Австрійской политикѣ въ Италіи. Одобрительные крики (въ Палатѣ не аплодируютъ) вигской стороны раздались, когда лордъ Джонъ-Россель кончилъ говорить и надѣлъ шляпу.

Едва Россель надѣлъ шляпу, какъ Дизраэли снялъ свою и всталъ, выждая пока стихнутъ одобрительные крики виговъ. Никакая министерская должность не можетъ сравняться съ трудными обязанностями предводителя оппозиціи. Хотя рѣшительные случаи, отъ которыхъ падаютъ министерства, представляются рѣдко, но отъ предводителя партіи, отъ его политическаго такта, предусмотрительности, умѣнья управлять своею партіей и воспользоваться обстоятельствами зависитъ многое, и обыкновенно выборъ предводителя дѣлается послѣ тщательныхъ соображеній. Иногда даже и ораторскій талантъ при этомъ не принимается въ соображеніе. Покойный лордъ Бентинкъ, послѣ котораго Дизраэли сталъ предводителемъ торійской партіи въ Палатѣ Общинъ, вовсе не имѣлъ ораторскаго таланта, но по личнымъ своимъ качествамъ, по привѣтливости своей, по неусыпному вниманію, какое онъ обращалъ на каждаго члена своей партіи, по постоянной дисциплинѣ, какую поддерживалъ въ ней — оставилъ по себѣ память одного изъ лучшихъ вождей партій. Тѣ, которые полагаютъ, что въ Англіи безъ аристократическаго имени и богатства нельзя достигнуть никакого важнаго мѣста, могутъ видѣть въ Дизраэли опроверженіе своему мнѣнію. Происходящій отъ Еврейскаго семейства, переселившагося въ прошломъ вѣкѣ въ Англію, сынъ перекрестившагося Еврея, за-

нимавшагося литературой, — Дизраэли, безъ богатства, одними своими талантами достигъ высокаго поста предводителя торійской партіи и уже два раза былъ министромъ финансовъ.

Я не стану говорить ни объ отвѣтѣ Дизраэли, ни о рѣчи Пальмерстона, который отвѣчалъ ему: все это теперь не имѣетъ уже интереса. Но одна общая черта поразила меня въ здѣшнихъ политическихъ людяхъ: хотя все здѣсь основано на преніяхъ, и слѣдовательно краснорѣчіе должно бы играть первостепенную роль, но ни одинъ изъ нихъ, ни одинъ членъ рѣшительно не думаетъ о томъ, чтобы быть краснорѣчивымъ, никто не имѣетъ ни малѣйшей претензіи быть ораторомъ. Всякій хочетъ высказать доводы, какіе имѣетъ, и высказавши ихъ, садится. Къ сожалѣнію, я долженъ ограничиться только тѣмъ, что слышалъ самъ, а я не слыхалъ ни одного изъ тѣхъ, которые имѣютъ здѣсь ораторскую репутацію, какъ напримѣръ лордъ Дерби, Бульверъ, Кобденъ, Брайтъ. Изъ всѣхъ, кого я слышалъ, у Дизраэли больше всѣхъ ораторскаго таланта; но говоритъ онъ непріятно. Это непріятное впечатлѣніе происходитъ прежде всего отъ его движеній руками и корпусомъ, движеній рѣзкихъ, иногда даже тривіальныхъ, которые тѣмъ болѣе бросались въ глаза, что всѣ другіе члены парламента говорили безъ всякихъ движеній, спокойно, какъ будто только для исполненія должности. Но замѣчательно, что всѣ почти говорятъ хорошо, то есть у всѣхъ слово всегда готово для выраженія мысли. И въ парламентѣ и въ «клубахъ преній» я постоянно удивлялся этому умѣнію расположить свою рѣчь, этой послѣдовательности въ изложеніи, этому дару слова, этой простотѣ и естественности тона и манеры, этому рѣшительному отсутствію всякаго котурна и фразистости. Правда, все это относится не къ воображенію, а къ мысли: говорящій постоянно скрытъ за предметомъ. Но это не спасаетъ иногда ораторовъ отъ самыхъ комическихъ положеній: въ это же засѣданіе, послѣ напряженнаго вниманія, съ какимъ Палата слушала Росселя, Дизраэли и Пальмерстона, очевидно нуженъ былъ отдыхъ; много членовъ вышло изъ залы, другіе предались разговорамъ. Въ это время встаетъ какой-то тори, изъ среднихъ рядовъ, и, снявъ шляпу, начинаетъ говорить. Никто на него не обращаетъ вниманія, и голосъ его теряется въ шумѣ разговоровъ. Напрасно со стороны тори раздается: «слушайте, слушайте!» Виги отвѣчаютъ, смѣясь, болѣе громкимъ: «слушайте,» которое уже окончательно заглушаетъ говорящаго. «Да позвольте, господа, вскрикиваетъ несчастный ораторъ, я исполняю мой долгъ!» «Слушайте, слушайте!» кричатъ съ хохотомъ виги, и шумъ усиливается. Поговоривъ такимъ образомъ минутъ десять, ораторъ махнулъ рукой и сѣлъ. Но въ Times на другой день не сказано было объ этомъ ни

лова, и рѣчь его была напечатана вполнѣ. Очевидно, что онъ прислалъ ее въ редакцію послѣ, для прочтенія своимъ избирателямъ.

Пальмерстонъ говорилъ очень изящно: я разумѣю внѣшнюю его форму, но собственно ораторскаго таланта у него нѣтъ. Сила его рѣчей заключается въ дѣльности и ироніи; въ послѣдней онъ имѣетъ удивительный талантъ и мастерски пользуется имъ противъ своихъ противниковъ. До сихъ поръ онъ самый популярный человѣкъ въ Англіи, хотя трудно опредѣлить, на чемъ основана его популярность. Но такой абсолютной популярности, какою пользовался нѣкогда Робертъ Пиль, теперь въ Англіи не имѣетъ никто. Популярность Пальмерстона, кажется, основывается на довѣріи къ его практической опытности въ дѣлахъ и на либерализмѣ его внѣшней политики, но уваженіе, какимъ онъ пользуется въ общественномъ мнѣніи, не завидно; въ народѣ зовутъ его надувало, hableur.

Тема. — Сравн. разсказъ *Боткина* о посѣщеніи парламента съ разсказомъ *Карамзина* о томъ же предметѣ (см. выше «Письма Р. Путешественника.)»

2. Вечеръ у лорда Пальмерстона.

Пальмерстонъ средняго роста, черты его лица очень изящны и тонки, съ плутоватымъ и нѣсколько насмѣшливымъ выраженіемъ. Въ манерахъ и движеніяхъ его виденъ настоящій grand seigneur, вышлифованный парламентскими нравами и тѣми условіями, какія налагаетъ дисциплина партій. Только выраженіе его рта очень непріятно, и не даромъ сказалъ о немъ Punch: «Не хорошъ гиппопотамъ, но вообще онъ пріятнѣе, чѣмъ Пальмерстонъ.» Густые, до бѣлизны сѣдые волосы свои, которыхъ сильно не достаетъ на верху головы, онъ носитъ мастерски, взбивая ихъ на вискахъ и прикрывая ими свою лысину. Его шея поражаетъ своею длиной и, вѣроятно, вслѣдствіе этого онъ носитъ толстый и высокій галстукъ, въ родѣ жабо, какъ носили лѣтъ тридцать назадъ. Вся его изящная и легкая фигура обнаруживаетъ бывшаго щеголя и денди; только подъ густыми, нависшими бровями маленькие огненные глаза, только они заставляютъ предполагать, сколько еще умственной бодрости въ этомъ щеголеватомъ, и, повидимому, безпечномъ старикѣ. Впрочемъ, я называю его старикомъ только изъ вниманія къ его семидесяти пяти годамъ, но собственно говоря, онъ вовсе не имѣетъ старческаго вида: такъ его щеголеватая наружность, бодрость движеній и особенно яркій огонь глазъ совершенно сглаживаютъ его лѣта. Благодаря г-ну М. М., мнѣ случилось быть на вечерѣ у Пальмерстона, или точнѣе у леди Пальмерстонъ, ибо на билетѣ было напечатано: Lady Palmerston at home, а внизу напи-

сано число мѣсяца. Этотъ вечеръ былъ то, что̀ здѣсь называется раутъ. Гости начали съѣзжаться въ десять часовъ, а въ двѣнадцать стали уже разъѣзжаться. Общество не имѣло никакого характера исключительности: тутъ были члены Верхней и Нижней Палатъ, издатели журналовъ, attachés разныхъ посольствъ, нѣкоторые посланники и проч. Пальмерстонъ почти до половины двѣнадцатаго стоялъ въ передовой комнатѣ, близъ двери, и принималъ гостей, каждому подавая руку. На немъ была синяя лента ордена Св. Патрика. Простота въ уборкѣ комнатъ и во всей обстановкѣ поразила меня. Въ комнатѣ, на право изъ передоной, на кругломъ столѣ стояли два большіе чайника, одинъ съ чаемъ, другой съ горячею водой, и двѣ корзинки съ печеніемъ. Слуга, стоявшій у стола, наливалъ чай желающимъ, — этимъ все и ограничивалось. Во всѣхъ комнатахъ ни одной картины, кромѣ большаго портрета самого лорда Пальмерстона, писаннаго пастелью, и въ весьма улучшенномъ видѣ. Въ главной гостиной на столикахъ лежали нѣсколько альбомовъ съ посредственными акварелями. Старые шелковые обои комнатъ и стиль мебели, зеркала и бронзы напоминали вкусъ двадцатыхъ годовъ нашего вѣка. Кончивъ пріемъ, Пальмерстонъ перешелъ въ гостиную и былъ тотчасъ же окруженъ дамами. Когда я въ двѣнадцать часовъ сошелъ въ низъ, разъѣздъ уже начался. Такая же простота обстановки и въ домѣ лорда Гранвиля, у котораго я обѣдалъ и потомъ провелъ вечеръ, благодаря рекомендательному письму къ нему отъ А. Н. Б. Тутъ все отзывалось давностію и простотой домашняго комфорта. Лордъ Гранвиль къ обѣду надѣлъ ленту и звѣзду ордена Подвязки; здѣсь надѣваютъ ихъ только на парадные обѣды и вечера, а въ петличкѣ ленточки не носятъ. Тутъ между прочимъ, былъ одинъ молодой лордъ А., чрезвычайно образованный; онъ нѣсколько лѣтъ провелъ въ Германіи, посѣщая лекціи Мюнхенскаго и Гейдельбергскаго университетовъ, зналъ хорошо древности. Послѣ обѣда леди Гранвиль разливала кофе въ кабинетѣ хозяина; всѣ украшенія этой комнаты состояли въ шкапахъ съ книгами и въ двухъ портретахъ старыхъ канцлеровъ.

В. Боткинъ.

ФРЕГАТЪ ПАЛЛАДА.

Примѣч. — «Фрегатъ Паллада», соч. *Гончарова*[1]), представляетъ «очерки кругосвѣтнаго путешествія» автора. Цѣлію путешествія была Японія, съ кото-

---

[1]) Современный писатель.

рою наше правительство намѣревалось заключить торговый трактатъ. Путь военному кораблю «Фрегатъ Паллада» лежалъ изъ Балтійскаго и Нѣмецкаго моря по Атлантическому океану черезъ Мысъ Доброй Надежды къ южнымъ оконечностямъ Азіи, а оттуда къ сѣверу, по Восточному океану, вдоль береговъ Китая въ Нагасаки, единственную Японскую гавань, открытую для Европейцевъ. Изъ Японіи фрегатъ пошелъ въ Охотское море, а оттуда сухимъ путемъ черезъ Аянъ, Якутскъ и Иркутскъ Гончаровъ возвратился въ Петербургъ. Авторъ находился въ путешествіи отъ 1852 по 1854 годъ включительно. Въ этомъ путешествіи Гончаровъ видѣлъ три океана: Атлантическій, Индѣйскій и Тихій; два раза переходилъ черезъ экваторъ и тропики; имѣлъ случай изучать разнообразнѣйшую природу — тропическую и суровую (въ Сибири 44 градуса мороза переносилъ); встрѣчалъ разныя народонаселенія: Англичанъ, Голландцевъ, Испанцевъ, Негровъ, Малайцевъ, Индѣйцевъ, Китайцевъ, Японцевъ, Ликейцевъ, Корейцевъ, Тунгузовъ, Якутовъ, — и написалъ любопытнѣйшую книгу, посящую названіе «Фрегатъ Паллада».

Это сочиненіе весьма важно въ четырехъ отношеніяхъ: во-первыхъ по живому и увлекательно-художественному описанію картинъ природы и быта народовъ; во-вторыхъ — по юмористическому изложенію. Гончаровъ, какъ справедливо замѣтилъ покойный Дружининъ, въ очеркѣ путешествій явился авторомъ Ивана Савича Поджабрина, Обыкновенной Исторіи и Обломова, т. е. съ тѣми сторонами творчества, которыя составляютъ отличительныя черты его таланта. Гончаровъ и въ «Фрегатѣ Палладѣ» есть юмористъ. Онъ подмѣчаетъ мелкія черты въ жизни природы и человѣка; онъ не пренебрегаетъ явленіями повседневнаго быта, повидимому пустаго, безцвѣтнаго; онъ постоянно сопоставляетъ высокое съ малымъ, важное съ мелочнымъ; и то и другое для юмориста одинаковое имѣетъ значеніе. Котъ Васька, деньщикъ Ѳаддеевъ, составъ обѣда, свинья Африканская, похожая на Русскую, франтъ-воробей, — всѣ эти самыя будничныя явленія жизни останавливаютъ точно такое же вниманіе путешественника, какъ и фантастическое тропическое небо, обаятельно дѣйствующій на всѣхъ южный край, «волнъ златыхъ кипящій сонмъ» Атлантическаго океана, Сибирскія, покрытыя серебромъ, лѣса и другія великія и поражающія своими чудесами картины природы. Путешествіе Гончарова въ-третьихъ весьма важно по своему глубокому патріотизму. Писатель видѣлъ роскошную природу, жилъ посреди центра цивилизаціи (въ Англіи), но нигдѣ не забывалъ своей милой Россіи. Слушайте, что онъ пишетъ изъ Лондона: «Передъ глазами все еще мелькаютъ родныя и знакомыя крыши, *окна*, лица, обычаи. Увижу новое, чужое, и сейчасъ въ умѣ прикину на свой аршинъ. Я вѣдь ужъ сказалъ вамъ (т. е. друзьямъ), что искомый результатъ путешествія—это параллель между чужимъ и своимъ. Мы такъ глубоко вросли корнями у себя дома, что *куда и какъ надолго бы я ни заѣхалъ, я всюду унесу почву родной Обломовки на ногахъ, и никакіе океаны не смоютъ ея*». (Фрегатъ Паллада, изд. 2, т. I, стр. 99—100). Письмо (отъ 24 мая 1853 г.) изъ Сингапура (островокъ у оконечности Малакскаго полуострова) начинается такъ: «Гдѣ *я*, о, гдѣ *я*, друзья мои? Куда бросила меня судьба отъ нашихъ *березъ и елей, отъ снѣговъ и льдовъ*, отъ злой зимы и безхарактернаго лѣта? Я подъ экваторомъ, подъ отвѣсными лучами солнца, на межѣ Индіи и Китая, въ царствѣ вѣчнаго, безпощадно-знойнаго лѣта. Глазъ, привыкшій къ необозримымъ полямъ *ржи*, видитъ плантаціи сахара и риса; вѣчно-зеленая *сосна* смѣнилась неизмѣнно-зеленымъ бананомъ, кокосомъ; *клюква и морошка* уступили мѣсто ананасамъ. Я на родинѣ ядовитыхъ перцовъ, пряныхъ кореньевъ, слоновъ, тигровъ, львовъ и пр.» (Т. I, стр. 405—6). Родина вкела

въ себѣ путешественника всегда и всюду; при всякомъ удобномъ случаѣ онъ вспоминаетъ ее и рисуетъ ея любезныя, скромныя, тихія картины. Представивши типъ жизни новѣйшаго Англичанина, Гончаровъ даетъ образчикъ, неподражаемо характеристическій, жизни Русскаго барина, спящаго «на трехъ перинахъ» (т. I, стр. 89—99); изобразивъ непріятности морскаго путешествія, онъ представляетъ прелестный очеркъ путешествія сухимъ путемъ по неизмѣримой Россіи (т. II, стр. 135—6); шкуна, ставшая на мель вблизи Шанхая, приводитъ путешественнику на мысль экипажъ, у котораго сломилась «ось среди непроходимой грязи» (т. II, стр. 155—6); быстрый ходъ фрегата при попутномъ вѣтрѣ сравнивается съ ѣздою на тройкѣ борзыхъ лошадей... Всюду Гончарову рисуется «святая», завѣтная ему Россія....

Въ четвертыхъ путешествіе нашего автора весьма важно по языку. Языкъ Гончарова — разговорный, простой, живой, удивительно-обработанный.

Въ педагогическомъ отношеніи трудно найти книгу болѣе драгоцѣнную, какъ «Фрегатъ Паллада.» Дружининъ пишетъ: «Книга Гончарова будетъ прочтена каждымъ Р. человѣкомъ. *Мать можетъ смѣло дать ее въ руки своей дочери*, гувернеръ ученику; и отрокъ, и юноша, и старикъ равно найдутъ въ ней все, что даетъ успѣхъ каждому полезному произведенію, то есть живой языкъ, интересные факты и картины природы, изображенныя рукой опытнаго мастера». (Современникъ 1856, № 1, ст. о Гончаровѣ).

Въ ученомъ отношеніи книга Гончарова не представляетъ никакихъ новыхъ данныхъ; вообще писатель имѣлъ въ виду прежде всего свои личныя, собственныя впечатлѣнія, а не научное, обстоятельное изображеніе предметовъ, имъ видѣнныхъ. Наблюденія и впечатлѣнія свои Гончаровъ излагалъ въ видѣ писемъ къ своимъ друзьямъ. Эти письма сначала печатались въ разныхъ журналахъ (Отеч. Зап., Современникѣ, Морскомъ Сборникѣ, Русскомъ Вѣстникѣ), а потомъ изданы отдѣльно въ двухъ томахъ въ 1862 году.

О «Фрегатѣ Палладѣ» мы знаемъ четыре статьи: *Дружинина* въ Современникѣ за 1856, № 1, — *Дудышкина* въ Отеч. Зап. 1856, № 1, — неизвѣстнаго *автора* въ *Разсвѣтѣ* 1859, т. 1, — *Де-Пуле* въ Москов. Вѣд. 1859.

1. Лондонъ.

Лондонъ по преимуществу городъ поучительный, то есть нигдѣ, я думаю, нѣтъ такого множества средствъ пріобрѣсть дешево и незамѣтно всякихъ знаній. Безконечное утро, съ девяти часовъ до шести, промелькнетъ — не видишь какъ. На каждомъ шагу манятъ отворенныя двери зданій, гдѣ увидишь что-нибудь любопытное: машину, рѣдкость, — услышишь лекцію естественной исторіи. Есть учрежденіе, гдѣ показываютъ результаты всѣхъ новѣйшихъ изобрѣтеній: дѣйствіе паровъ, образчикъ воздухоплаванія, движенія разныхъ машинъ. Есть особое временное зданіе, въ которомъ помѣщенъ громадный глобусъ. Части свѣта представлены рельефно, не снаружи шара, а внутри. Зрители ходятъ по лѣстницѣ и останавливаются на трехъ площадкахъ, чтобъ осмотрѣть всю землю. Ихъ сопровождаетъ профессоръ, который читаетъ бѣглую лекцію географіи, естественной исторіи и политическаго раздѣленія земель. Мало того: тутъ же, въ залѣ, есть замѣчательный географическій

музеумъ, преимущественно Англіи и ея колоній. Тутъ цѣлыя страны изъ гипса, съ выпуклыми изображеніями горъ, морей, и потомъ всѣ пособія къ изученію всеобщей географіи, съ Аравитянъ, Римлянъ, Грековъ, карты отъ Марка Паоло [1]) до нашихъ временъ. Есть библіографическія рѣдкости.

Самый Британскій музеумъ — развѣ не есть огромная сокровищница, въ которой не только ученый, художникъ, даже просто фланёръ, зѣвака, почерпнетъ какое-нибудь знаніе, уйдетъ съ идеей, обогатитъ память свою не однимъ фактомъ? И сколько такихъ заведеній по всѣмъ частямъ, и почти даромъ! Между прочимъ, я посвятилъ съ особеннымъ удовольствіемъ цѣлое утро обозрѣнію зоологическаго сада. Здѣсь уже я видѣлъ не муміи и не чучелы животныхъ, какъ въ музеумѣ, а живую тварь, собранную со всего міра. Здѣсь до значительной степени можно наблюдать нѣкоторыя стороны жизни животныхъ почти въ естественномъ состояніи. Это постоянная лекція, наглядная, осязательная, въ лицахъ, со всѣми подробностями, и отличная прогулка въ то же время. Сверхъ того, всякому посѣтителю въ этой прогулкѣ предоставлено полное право наслаждаться сознаніемъ, что онъ «царь творенія» — и все это за шиллингъ.

Наконецъ, если нечего больше осматривать, осматривайте просто магазины: многіе изъ нихъ тоже своего рода музеумы — товаровъ. Обиліе, роскошь, вкусъ и раскладка товаровъ поражаютъ до унынія. Богатство подавляетъ воображеніе. Кто и гдѣ покупатели? спрашиваешь себя, заглядывая и боясь войти въ эти мраморные, малахитовые, хрустальные и бронзовые чертоги, передъ которыми вся Шехеразада [2]) покажется дѣтской сказкой. Передъ четырехъаршинными зеркальными стеклами можно стоять по цѣлымъ часамъ и взглядываться въ эти кучи тканей, драгоцѣнныхъ камней, фарфора, серебра.

2. Выходъ въ Атлантическій Океанъ.

Я рѣшительно путешествую. Я все ждалъ перемѣны, препятствія; мнѣ казалось, судьба одумается и не пошлетъ меня дальше; поэтому нерѣшительно дѣлалъ въ Англіи приготовленія къ отъѣзду, не запасалъ многаго, что́ нужно для дальняго вояжа, и

[1]) *Итальянскій путешественникъ* XIII—XIV в. — Его записки о востокѣ изданы въ XV в.

[2]) *Шехеразада* — дочь великаго визиря. Она — главное дѣйствующее лице въ Арабскихъ сказкахъ, носящихъ названіе: «Тысяча и одна ночь». Чтобы избѣгнуть казни отъ Персидскаго царя, Шехеразада разсказывала ему въ продолженіе тысячи и одной ночи сказки; царь каждый день откладывалъ казнь; наконецъ такъ былъ увлеченъ умомъ дочери визиря, что объявилъ ее своею женою. Шехеразадой въ переносномъ смыслѣ называется все чудесное, сверхъестественное.

взялъ кое-что, годное больше для житья на берегу. Но вотъ океанъ: переступишь за его порогъ — и возврата нѣтъ! Я изъ Англіи писалъ вамъ, какъ мы плавали по каналу, какъ насъ подхватилъ въ немъ свѣжій вѣтеръ и держалъ тамъ четверо сутокъ. Письмо это, со многими другими, взялъ Англійскій лоцманъ, который провожалъ насъ по каналу и потомъ съѣхалъ на рыбачьемъ ботѣ у самаго Лизарда. 11 января (1853 г.) вѣтеръ утихъ, погода разгулялась, море улеглось и немножко посинѣло, а то все было до крайности сѣро, мутно; только волны, поднимаясь, показывали свои аквамаринныя верхушки. Вотъ миляхъ въ трехъ бѣлѣетъ стройная, какъ станъ женщины, башня Эддистонскаго маяка. Онъ построенъ на морѣ, на камнѣ, въ нѣсколькихъ миляхъ отъ берега. Бурунъ съ моря хлещетъ, говорятъ, въ бурю до самаго фонаря. Нѣсколько разъ вѣтеръ смѣялся надъ усиліями человѣка, сбрасывая башню въ море; но человѣкъ терпѣливо, на обломкахъ стараго, строилъ новое зданіе крѣпче и ставилъ фонарь, и теперь зажигаетъ опять огонь и, въ свою очередь, смѣется надъ вѣтромъ. Вотъ и Лизардъ: пустой, голый, и гладкій утесъ, далеко ушедшій въ море отъ береговъ. Отъ подошвы его разстилается свѣтлая площадь океана.

Всѣ были въ верху, пока ссаживали лоцмана. Я, прислонившись къ шпилю, смотрѣлъ на океанъ и о чемъ-то задумался. Вдругъ меня кто-то схватилъ за руку, стиснулъ ее и началъ неистово трясти. Что за шутка? А! это лоцманъ прощается. Смотрю: лакированная шляпа и синяя куртка пошли дальше, обходя всѣхъ такимъ порядкомъ. Всякаго молча схватитъ онъ за руку, точно укуситъ, киваетъ головой и потомъ къ слѣдующему. Я далъ ему письмо, которое у меня было готово: онъ схватилъ и опустилъ его въ карманъ, кивнувъ тоже головой. Какой карманъ! Я успѣлъ бросить туда взглядъ: точно колодезь; тамъ лежало писемъ тридцать, но они едва покрывали дно. Мы быстро подвигались къ океану. «Дѣдушка»! спросилъ кто-то нашего А. А.: «когда же будемъ въ океанѣ»? — «Мы теперь въ немъ» отвѣчалъ онъ. «Такъ ужъ изъ канала вышли»? спросилъ другой, глядя по обѣимъ сторонамъ канала. — «Нѣтъ еще: вѣдь это каналъ и есть, гдѣ мы». — Кто жъ васъ разберетъ? отвѣчали ему недовольные. — «Положите мѣтку», сказалъ дѣдушка: «когда назадъ пойдемъ, такъ я вамъ и скажу, гдѣ кончится каналъ и гдѣ начало океана.... Смотрите, смотрите»! сказалъ мнѣ дѣдушка, указывая на море. — «Что такое»? спросилъ я, глядя во всѣ стороны. «Неужели не видите? Да вотъ смотрите: не дальше кабельтова [1]) отъ насъ». Смотрю: то тамъ, то самъ брыз-

[1]) *Кабельтовъ* — названіе каната малаго якоря. По длинѣ кабельтова означаютъ разстояніе во 100 саженъ.

петъ изъ воды тонкой струей фонтанчикъ и пропадетъ. Потомъ опять. «Не можетъ быть, чтобъ здѣсь были киты»! сказалъ я. — «Не настоящіе киты, а мелочь изъ ихъ породы», замѣтилъ дѣдушка.

Я цѣлое утро не сходилъ съ юта [1]). Мнѣ хотѣлось познакомиться съ океаномъ. Я уже отъ поэтовъ зналъ, что онъ «безбреженъ, мраченъ, угрюмъ, безпредѣленъ, неизмѣримъ и неукротимъ», а учитель географіи сказалъ нѣкогда, что онъ просто — Атлантическій. Теперь я жадно вглядывался въ его физіономію, какъ вглядываются въ человѣка, котораго знали по портрету. Мнѣ хотѣлось повѣрить портретъ съ подлинными чертами лежавшаго передо мной великана, во власть котораго я отдавался на долгое время. «Какой же онъ въ самомъ дѣлѣ»? думалъ я, поглядывая кругомъ. «Что таится въ этомъ неизмѣримомъ омутѣ? Чѣмъ океанъ угоститъ пловцовъ?...» Онъ былъ покоенъ: по немъ едва шевелились легкими рядами волны, какъ будто ряды тихихъ мыслей, пробѣгающихъ по лицу; страсти и порывы молчали. Попутный вѣтеръ и умѣренное волненіе такъ ласково манили дальше, а тамъ... «Гдѣ же онъ неукротимъ»? думалъ я опять: «На старческомъ лицѣ ни одной морщинки». Необозримъ онъ, правда: зришь его не больше, какъ миль на шесть покругъ, а тамъ спускается на него горизонтъ въ видѣ довольно грязной занавѣски. Поверхность шара и на этомъ пространствѣ образуетъ дугу, закрывающую даль. «Могучъ, мраченъ—гм! посмотримъ, посмотримъ» и, оглядѣвъ море справа, я оборотился на-лѣво и устремилъ взглядъ прямо въ физіономію... Ѳаддеева. Онъ стоялъ передо мной съ фуражкой въ рукѣ. «Что ты»?— «Поди, ваше высокоблагородіе, обѣдать, я давно зову тебя, да не слышишь». Я тѣмъ охотнѣе принялъ это приглашеніе, что наверху было холодно. Сѣверный вѣтеръ дышалъ такой прохладой, что въ байковомъ пальто отъ него трудно было спрятаться.

За столомъ дѣдъ сидѣлъ подлѣ меня и былъ очень веселъ; онъ даже предложилъ мнѣ выпить вмѣстѣ рюмку вина, по случаю вступленія въ океанъ. «Поздравляю съ океаномъ» сказалъ онъ. — «Вы очень рады ему, вѣроятно, какъ старому знакомому»? спросилъ я. «Да, мы другъ друга знаемъ», отвѣчалъ онъ, «и точно радъ я: теперь на карту хоть не гляди; по ночамъ можно спать: камней, банокъ, береговъ—долго не дождемся». — «А буря»? — «Какая буря»?— «Ну, штормъ», поправился я. «Это не по моей части», сказалъ онъ. «Я буду спать, а И. С. и вотъ И. И. пѣть. Да что такое штормъ въ океанѣ? Если еще при попутномъ вѣтрѣ, такъ это значитъ мчаться во весь духъ на лихой тройкѣ, не перемѣняя лошадей»!

Внизу, за обѣдомъ, потомъ за чашкой кофе и сигарой, а тамъ

[1]) *Ютъ* — часть верхней палубы судна отъ задней мачты до самой кормы.

за книгой и забыли про океанъ... да не то, что про океанъ, а забыли и о фрегатѣ.

Примч. — Этотъ отрывокъ предлагается съ цѣлію уяснить одну изъ характеристическихъ особенностей таланта Гончарова, какъ писателя, — его *юморъ*. — Прежде всего ученикъ долженъ показать составныя части отрывка. Составныя части слѣд.: 1) Площадь океана и его вліяніе на автора. — 2) Лоцманъ. — 3) Карманъ лоцмана. — 4) Разговоръ съ дѣдомъ. — 5) Первый взглядъ на океанъ: опредѣленіе океана поэтами и учителемъ географіи, описаніе океана самимъ авторомъ — океанъ покоенъ, необозримъ. — 6) Приглашеніе Ѳаддеева. — 7) Обѣдъ и разговоръ съ дѣдомъ. — Содержаніе разговора даетъ понятіе объ океанѣ: какое? — 8) Забыли про океанъ. — Передавши содержаніе отрывка, очень естественно спросить: на какіе же предметы преимущественно обратилъ свое вниманіе писатель? На самые обыкновенные, повседневные, будничные, простые. — Лоцманъ, карманъ, физіономія денщика, обѣдъ, сигара, чашка кофе — вотъ что занимало путешественника при выходѣ въ океанъ. А сказано ли что-нибудь про океанъ — этотъ величественный предметъ природы? Сказано. — Что именно? — Произвелъ ли океанъ свое дѣйствіе на автора? Произвелъ. Доказательства? — Юморъ, значитъ, въ предлагаемомъ отрывкѣ состоитъ во а) картинномъ изображеніи мелочныхъ явленій быта, а во 2) въ сопоставленіи величественной картины природы съ обыкновенными явленіями быта; карманъ лоцмана занимаетъ юмориста точно также какъ и океанъ; отъ океана, необоримаго, спокойнаго, онъ устремляетъ взоръ прямо въ физіономію... денщика... и рисуетъ самую будничную сцену: обѣдъ....

3. Плаваніе въ Атлантическихъ Тропикахъ.

14 февраля (1853 г.) начались тѣ штили, которыхъ напрасно боялись у экватора. Опять пошли по узлу [1]), по полтора, иногда совсѣмъ не шли. Сначала мы не тревожились, ожидая, что не сегодня, такъ завтра задуетъ по-живѣе. Но проходили дни, ночи, паруса висѣли, фрегатъ только качался почти на одномъ мѣстѣ, иногда довольно сильно, отъ крупной зыби, предвѣщавшей, по-видимому, вѣтеръ. Но это только слабое и отдаленное дуновеніе, гдѣ-то въ счастливомъ мѣстѣ пронесшагося вѣтра. Появлявшіяся на горизонтѣ тучки, казалось, несли дождь и перемѣну: дождь точно лилъ потоками, непрерывный, а вѣтра не было. Черезъ часъ солнце блистало по прежнему, освѣщая до самаго горизонта густую и неподвижную площадь океана.

Покойно, правда, было плавать въ этомъ безмятежномъ царствѣ тепла и безмолвія: оставленная на столѣ книга, чернильница, стаканъ — не трогались; вы ложились безъ опасенія умереть подъ тяжестію комода или полки книгъ, — по сорокъ слишкомъ дней въ морѣ! Берегъ сдѣлался господствующею нашею мыслію, и мы не мало

[1]) *Узелъ* — выраженіе морское, значитъ верста и три четверти.

обрадовались, вышедши 16 февраля утромъ изъ южнаго тропика. Разсчитывали на дующіе около того времени вестовые вѣтры, но и это ожиданіе не оправдалось. Въ воздухѣ мертвая тишина, нарушаемая только хлопаньемъ грота [1]). Ночью, съ 21 на 22 февраля, я отъ жара ушелъ спать въ кають-компанію и легъ на диванѣ подъ открытымъ люкомъ [2]). Меня разбудилъ неистовый топотъ, въ родѣ трепака, свистъ и крики. На лице упало нѣсколько брызгъ. «Шквалъ! говорятъ: ну, теперь задуетъ»! Ничего не бывало, шквалъ прошелъ, и фрегатъ опять задремалъ въ штилѣ. Такъ дождались мы масляницы и провели ее довольно вяло, хотя П. А. дѣлалъ все, чтобъ чѣмъ-нибудь напомнить этотъ веселый моментъ Русской жизни. Онъ напекъ блиновъ и икру замѣнилъ сардинами. Сливки, взятыя изъ Англіи въ числѣ прочихъ презервовъ, давно обратились въ какую-то густую массу, и онъ убѣдительно просилъ принимать ее за сметану. Пѣсни, напоминавшія Татарское иго, и буйные вопли, quasi веселые, оглашали болѣе, нежели когда-нибудь, океанъ. Унылые напѣвы казались болѣе естественными, какъ выраженіе нашей общей скуки, порождаемой штилями. Нельзя же однако, чтобъ масляница у Русскаго человѣка не вызвала хоть одной улыбки, будь это и среди знойныхъ зыбей Атлантическаго океана. Такъ и тутъ, задумчиво расхаживая по юту, я вдругъ увидѣлъ какое-то необыкновенное движеніе между матросами: это не рѣдкость на суднѣ, и я думалъ сначала, что они тянутъ какой-нибудь брасъ [3]). Но что это? совсѣмъ не то. Они возятъ другъ друга на плечахъ около мачтъ. Празднуя масляницу, они не могли не вспомнить катанья по льду и замѣнили его ѣздой другъ на другѣ ловчѣй, нежели П. А. икру замѣнилъ сардинами. Глядя, какъ забавляются, катаясь другъ на другѣ, и молодые, и усачи съ просѣдью, расхохочешься этому естественному, національному дурачеству.

Въ этой, по-видимому, сонной и будничной жизни выдалось однакожъ одно необыкновенное, торжественное утро. 1 марта, въ воскресенье, послѣ обѣдни и обычнаго смотра команды, бѣлья, одежды, послѣ вопросовъ, всѣмъ ли матросы довольны, нѣтъ ли у кого-нибудь и на кого-нибудь претензіи, всѣ офицеры и матросы собрались на палубѣ. Всѣ обнажили головы: адмиралъ вышелъ съ книгой и вслухъ прочелъ морской уставъ Петра Великаго.

Потомъ опять все пошло въ обычную колею, и дни текли однообразно. Въ этомъ спокойствіи, уединеніи отъ цѣлаго міра, въ теплѣ и сіяніи, фрегатъ принималъ видъ какой-то отдаленной Рус-

[1]) *Гротъ* — большой прямой парусъ на средней мачтѣ.

[2]) *Люкъ* — полукруглое окно.

[3]) *Брасъ* — канатъ.

ской деревни. Встанешь утромъ, никуда не спѣша, съ полнымъ равновѣсіемъ въ силахъ душв, съ отличнымъ здоровьемъ, съ свѣжею головой и аппетитомъ; выльешь на себя нѣсколько ведеръ воды, прямо изъ океана, и гуляешь, пьешь чай, потомъ сядешь за работу. Солнце ужъ высоко. Жаръ палитъ: въ деревнѣ вы не пойдете въ этотъ часъ, ни рожь посмотрѣть, ни на гумно, вы сидите подъ защитой маркизы на балконѣ, и все прячется подъ кровъ, даже птицы,—только стрекозы отважно рѣютъ надъ колосьями. И мы прячемся подъ растянутымъ тентомъ [1]), отворивъ настежъ окна и двери каютъ. Вѣтерокъ чуть-чуть вѣетъ, ласково освѣжая лице и открытую грудь. Матросы уже отобѣдали,—они обѣдаютъ рано, до полудня, какъ и въ деревнѣ, послѣ утреннихъ работъ,—и группами сидятъ, или лежатъ между пушекъ. Иные шьютъ себѣ бѣлье, платье, сапоги, тихо мурлыча пѣсенку; съ бака [2]) слышатся удары молота на наковальнѣ. Пѣтухи поютъ, и далеко разносятся ихъ голосъ среди этой ясной тишины и безмятежности. Слышатся еще какіе-то фантастическіе звуки, какъ будто отдаленный, едва уловимый ухомъ, звонъ колоколовъ... Въ чуткомъ воображеніи, полномъ грезъ и ожиданій, носятся на фонѣ этой синевы небесъ какіе-то отдаленные звуки....

Выйдешь на палубу, взглянешь и ослѣпнешь на минуту отъ нестерпимаго блеска неба, моря. Отъ мѣди на кораблѣ, отъ желѣза отскакиваютъ снопы лучей; палуба, — и та нестерпимо блещетъ и уязвляетъ глазъ своею бѣлизной. Скоро обѣдать; а что̀ будетъ за обѣдомъ? Кстати Т. на вахтѣ [3]), спросить его. «Что̀ сегодня, П. А.?» Онъ только было разинулъ ротъ отвѣчать, какъ вошелъ капитанъ и велѣлъ поставить лисели [4]). Ему показалось, что подуло немного посвѣжѣе. «На лисель-фалы» [5])! командуетъ П. А. дѣтскимъ басомъ и смотритъ не на лисель-фалы, а на капитана. Тотъ тихонько улыбается и шагаетъ со мною по палубѣ. Вотъ капитанъ замѣтилъ что-то на бакѣ и пошелъ туда. «Что-жъ за обѣдомъ?» спросилъ я П. А., пользуясь отсутствіемъ капитана. «Супъ съ катышками, говоритъ П. А.: вы любите этотъ супъ?» — Да, ничего, если зелени побольше положить, отвѣчаю я. «Радъ бы душей, отвѣчаетъ онъ, со свойственнымъ ему чувствомъ и краснорѣчіемъ,—повѣрьте, я бы всѣмъ, всѣмъ готовъ пожертвовать, сна не пожалѣю, лишь бы только зелени въ супѣ было побольше, да не могу, видитъ Богъ, не могу... Ну, такъ и быть, для васъ... Эй, вахтенный!

[1]) *Парусина*, растягиваемая надъ верхней палубой для предохраненія отъ жара.

[2]) *Бакъ* — часть верхней палубы судна отъ передней мачты до носа.

[3]) *Вахта* — очередной караулъ на военномъ суднѣ для управленія имъ.

[4]) *Лисель* — парусъ, поднимаемый съ боку прямыхъ парусовъ.

[5]) *Фалы* — канаты.

поди скажи Карпову, чтобы спросилъ у Янцева еще зелени и положилъ въ супъ! Видите, это для васъ, сказалъ онъ: пусть бранятъ меня, если не достанетъ зелени до Мыса Доброй Надежды». Я съ чувствомъ пожалъ ему руку. «А еще что?» нѣжно спросилъ я, тронутый его добротой. «Еще... курица съ рисомъ...» «Опять!» горестно воскликнулъ я. «Что́ дѣлать, что́ мнѣ дѣлать? войдите въ мое положенiе: у меня пять барановъ осталось, три свиньи, пятнадцать утокъ и всего тридцать куръ: изо ста—тридцать, подумайте: вѣдь мы съ голоду умремъ!» Видя мою задумчивость, онъ не устоялъ. «Завтра, такъ и быть, велю зарѣзать свинью...» — «На вахтѣ не разговариваютъ: опять лисель-спиртъ хотите переломить!» вдругъ раздался сзади насъ строгiй голосъ воротившагося капитана. «Это не я-съ, это И. А.!» тотчасъ же пожаловался на меня П. А., приложивъ руку къ козырьку. «Поправь лисель-фалъ!» закричалъ онъ грозно матросамъ. Капитанъ опять отвернулся. П. А. отошелъ отъ меня. «Вы не досказали», замѣтилъ я ему. Онъ боязливо поглядѣлъ во всѣ стороны. «Жаркое — утка, грозно шипѣлъ онъ черезъ ютъ, стараясь не глядѣть на меня, — пирожное...» Бѣлая фуражка капитана мелькнула близь юта и исчезла. «Пирожное—оладьи съ инбирнымъ вареньемъ — отстаньте отъ меня, вы все въ бѣду меня вводите!» съ злобой прошепталъ онъ, отходя отъ меня какъ можно дальше, такъ что чуть не шагнулъ за бортъ. «Дессерта не будетъ, заключилъ онъ почти про себя. З. и Б. по ночамъ все поѣли, такъ что въ воскресенье дамъ по апельсину, да по два банана на человѣка». Иногда и не спросишь его, но онъ самъ не утерпитъ. «Сегодня я велѣлъ ветчину достать, скажетъ онъ, — и вынуть горошекъ изъ презервовъ» и т. д. доскажетъ снисходительно весь обѣдъ.

Послѣ обѣда, часу въ третьемъ, вызывались музыканты на ютъ, и мотивы Верди [1]) и Беллини [2]) разносились по океану. Но послѣ обѣда лѣниво слушали музыку, и музыканты вызывались больше для упражненiя, чтобъ протверживать свой репертуаръ. Въ этомъ климатѣ сьеста необходима; на сѣверѣ въ самый жаркiй день, вы легко проспдите въ тѣни, не устанете и не изнеможете, даже займетесь дѣломъ. Здѣсь одѣтые въ легкое льняное пальто, безъ галстуха и жилета, сидя подъ тентомъ, безъ движенiя, вы потеряете отъ томительнаго жара силу и какъ ни бодритесь, а тѣло клонится къ дивану, и вы во снѣ должны почерпнуть освѣженiе организму.

[1]) *Верди* — Итальянскiй оперный композиторъ (р. 1814). Извѣстны его оперы: Ломбардцы, Эрнани, Макбетъ, Риголетто, Трубадуръ, Травiата, Балъ-Маскарадъ и друг.

[2]) *Беллини* — Итальянскiй оперный композиторъ (1802 — 1834). Его оперы: Сомнамбула, Норма, Пуритане и др.

Природа между тѣмъ доживала знойный день: солнце клонилось къ горизонту. Смотришь далеко, и все ничего не видно вдали. Мы прилежно смотрѣли на просторную гладь океана и молчали, потому что нечего было сообщить другъ другу. Выскочитъ развѣ стая летучихъ рыбъ и, какъ воробьи, пролетитъ надъ водой: мгновенно всѣ руки протянутся, глаза загорятся. «Смотрите, смотрите!» закричатъ всѣ, но всѣ и безъ того смотрятъ, какъ стадо бонитовъ гонится за несчастными летуньями, играя фіолетовою спиной на поверхности. Исчезнетъ это явленіе, и все исчезнетъ, и опять хоть шаромъ покати. Сонъ и спокойствіе объемлютъ море и небо, какъ идеалъ отрадной, прекрасной, не мучительной смерти, какою хотѣлось бы успокоиться измученному страстями и невзгодами человѣку. Оттого, кажется, душа повергается въ такую торжественную и безотчетно сладкую думу, такъ поражается она картиной прекраснаго, величественнаго покоя. Картина оковываетъ мысль и чувство; все молчитъ и не колыхнется и въ душѣ, какъ вокругъ. «Что-то плыветъ!» вдругъ однажды сказалъ кто-то, указывая въ даль, и всѣ стали смотрѣть по указанному направленію. Нѣкоторые сбѣгали за зрительными трубами. «Да, подтвердилъ другой:—я вижу черную точку». Молчаніе. Точка увеличивалась. «Ящикъ какой-то», говорятъ потомъ. «Ящикъ... Боже мой! что въ немъ!» Дыханіе замираетъ отъ ожиданія. Воображеніе рисуетъ, Богъ знаетъ, чтó. Ящикъ все ближе и ближе. «Курятникъ!» воскликнулъ одинъ. Молчаніе. «Да, точно курятникъ, подтвердилъ другой, вглядѣвшись окончательно:—вѣрно на какомъ-нибудь суднѣ вышли куры, вотъ и выбросили курятникъ за бортъ»[1]). «Позвольте, замѣтилъ одинъ скептикъ: не отъ лимоновъ ли этотъ ящикъ?» «Нѣтъ, возразилъ другой наблюдатель: видите — онъ съ рѣшеткой». И долго провожали мы глазами проплывшій мимо насъ курятникъ, догадываясь и разсуждая, брошенный ли это по ненадобности ящикъ, или обломокъ сокрушившагося корабля.

Часу въ пятомъ купали команду. На воду спускали парусъ, который наполнялся водой, и матросы прыгали съ борта, какъ въ яму. Но за ними надобно было зорко смотрѣть: они всѣ старались выпрыгнуть за предѣлы паруса и поплавать на свободѣ въ океанѣ. Нечего было опасаться, что они утонутъ, потому что всѣ плаваютъ мастерски,—но боялись акулъ. И такъ однажды съ марса закричалъ матросъ: «большая рыба идетъ!» Къ купальщикамъ тихо подкрадывалась акула; ихъ всѣхъ выгнали изъ воды, а акулѣ сначала бросили бараньи внутренности, которыя она мгновенно поглотила, потомъ кольнули ее острогой, и она ушла подъ киль, оставивъ слѣдомъ по себѣ кровавое пятно. Около нея, какъ змѣи, ви-

[1]) *Бортъ* — каждая изъ продольныхъ сторонъ корабля.

ляли въ водѣ всегда сопровождающія ее двѣ, или три рыбы, прозванныя лоцманами. П. А., во время купанья, тоже являлся усерднымъ дѣйствующимъ лицемъ. Какъ ротный командиръ, онъ носился по всѣмъ палубамъ и побуждалъ лѣнивыхъ матросовъ лѣзть въ воду. «Пошелъ, пошелъ! кричалъ онъ: ты что не раздѣваешься? А гдѣ Витулъ, гдѣ Ѳаддеевъ? маршъ въ воду! Позвать всѣхъ коконъ (поваровъ) сюда и перекупать ихъ».

Въ шестомъ часу, по окончаніи трудовъ в сьесты, общество плавателей выходило на верхъ освѣжиться, и тутъ-то широко распахивалась душа для страстныхъ и нѣжныхъ впечатлѣній, какими дарили насъ невиданныя на сѣверѣ чудеса. Да, чудеса эти не покорились никакимъ выкладкамъ, цифрамъ, грубымъ прикосновеніямъ науки и опыта. Нельзя записать тропическаго неба и чудесъ его, нельзя вычислить и измѣрить этого необъятнаго ощущенія, которому отдаешься съ трепетною покорностью. Гдѣ вы, гдѣ вы, Владиміръ Григорьевичъ (т. е. *Бенедиктовъ*, поэтъ)? Плывите скорѣй сюда и скажите, какъ назвать этотъ нѣжный воздухъ, который, какъ теплыя волны, омываетъ, нѣжитъ и лелѣетъ васъ, — этотъ блескъ неба въ его фантастическомъ неописанномъ уборѣ, — эти цвѣта, среди которыхъ утопаетъ вечернее солнце? Океанъ въ золотѣ, или золото въ океанѣ; багровый пламень, чистый, ясный, прозрачный, вѣчный, непрерывный пожаръ, безъ дыма, безъ малѣйшей былинки, напоминающей землю.

На этомъ пламенно-золотомъ, необозримомъ полѣ лежатъ цѣлые міры волшебныхъ городовъ, зданій, башенъ, чудовищъ, звѣрей: все изъ облаковъ. Вотъ, смотрите: громада исполинской крѣпости рушится медленно, безъ шума; упалъ одинъ бастіонъ, за нимъ валится другой; тамъ опустилась, подавляя собственный фундаментъ, высокая башня и опять тихо отливается въ форму горы, острововъ, съ лѣсами, съ куполами. Не успѣло воображеніе воспринять этотъ рисунокъ, а онъ уже таетъ и распадается, и на мѣсто его воздвигся откуда-то корабль и повисъ на воздушной почвѣ; изъ огромной колесницы уже сложился станъ исполинской женщины; плеча еще цѣлы, а бока уже отпали, и вышла голова верблюда; на нее напираетъ и поглощаетъ все рядъ солдатъ, несущихся цѣлымъ строемъ... Изумленный глазъ смотритъ вокругъ, не увидитъ ли Руки, которая, играя, строитъ воздушныя видѣнія. Тихо, нѣжно и лѣниво ползутъ эти тонкіе и прозрачные узоры въ золотой атмосферѣ, какъ мечты тянутся въ дремлющей душѣ, слагаясь въ плѣнительные образы и разлагаясь опять, чтобъ слиться въ фантастической игрѣ...

Пусть живописцы найдутъ у себя краски, пусть хоть назовутъ эти цвѣта, которыми угасающее солнце окрашиваетъ небеса. Посмотрите: фіолетовая пелена покрыла небо и смѣшалась съ пур-

пуромъ; прошло мгновеніе, и сквозь нее проступаетъ болѣзненно-зеленый, яшмовый оттѣнокъ: онъ, въ свою очередь, овладѣлъ небомъ. А зáмки, башни, лѣса, розовые, палевые, коричневые, сквозятъ отъ послѣднихъ лучей быстро исчезающаго солнца, какъ освѣщенный храмъ... Вы недвижны, безмолвны, млѣете передъ радужными слѣдами солнца: оно жаркимъ прощальнымъ лучемъ раздражаетъ нервы глазъ, но вы погружены въ туманѣ поэтической думы; вы не отводите взора; вамъ не хочется выйти изъ этого млѣнія, изъ нѣги покоя. Очнувшись, со вздохомъ скажешь себѣ: ахъ, еслибъ всегда и вездѣ такова была природа, также горяча и такъ величаво и глубоко покойна! Еслибъ такова была и жизнь!.. Вѣдь бури, бѣшеныя страсти—не норма природы и жизни, а только переходный моментъ, безпорядокъ и зло, процессъ творчества, черная работа для выдѣлки спокойствія и счастія въ лабораторіи природы... Солнце не успѣло еще догорѣть, вы не успѣли еще додумать вашей думы, а оглянитесь назадъ: на западѣ еще золото и пурпуръ, а на востокѣ сверкаютъ и блещутъ уже милліоны глазъ—звѣзды, звѣзды и звѣзды, и между ними скромно и ровно сіяетъ Южный Крестъ! Темнота, какъ шапка, накрыла васъ: острова, башни, чудовища — все пропало. Звѣзды искрятся сильно, нескромно, дерзко, какъ будто спѣшатъ пользоваться промежуткомъ отъ солнца до луны; ихъ прибываетъ все больше и больше, онѣ проступаютъ сквозь небо. Та же невидимая Рука, которая чертила воздушныя картины, поспѣшно зажигаетъ огни во всѣхъ углахъ тверди, и — засіялъ вечерній пиръ. Новыя силы, новыя думы и новая нѣга проснулись въ душѣ. Опять, какъ вчера, она ищетъ въ огняхъ—разума, жадно читаетъ огненныя буквы и порывается туда...

Но вотъ луна: она не тускла, не блѣдна, не задумчива и не туманна, какъ у насъ, а чиста и прозрачна, какъ хрусталь, не воспѣта, какъ у насъ, поэтами, слѣдовательно дѣвственна. Хлынулъ по морю и по небу ея пронзительный свѣтъ; она усмирила дерзкое сверканье звѣздъ и воцарилась кротко и величаво до утра. А океанъ, вы думаете, заснулъ? Нѣтъ; онъ кипитъ и сверкаетъ пуще звѣздъ. Подъ кораблемъ разверзается пучина пламени; съ шумомъ вырываются потоки золота, серебра и раскаленныхъ углей. Вы ослѣплены, оглушены, объяты сладкими творческими снами... вперяете неподвижный взглядъ въ небо: тамъ пацивается, то золотомъ, то кровью, то будто изумрудной влагой, Конопусъ, яркое свѣтило корабля Арго, двѣ огромныя звѣзды Центавра. Но вы съ любовью успокоиваетесь отъ ихъ нестерпимаго блеска на четырехъ звѣздахъ Южнаго Креста: онѣ сіяютъ скромно и, кажется, смотрятъ на васъ такъ пристально и умно. Южный Крестъ... Увидя его въ первый, второй и третій разъ, вы спросите: чтó въ немъ особен-

наго? Долго станете вглядываться и кончите тѣмъ, что, съ наступленіемъ вечера, взглядъ вашъ будетъ искать его перваго; потомъ, обозрѣвши всѣ появившіяся звѣзды, вы опять обратитесь къ нему и будете почасту и подолгу покоить на немъ ваши глаза.

Наступаетъ, за знойнымъ днемъ, душно-сладкая, долгая ночь, съ мерцаньемъ въ небесахъ, съ огненнымъ потокомъ подъ ногами, съ трепетомъ нѣги въ воздухѣ. Боже мой! Даромъ пропадаютъ эти ночи: ни серенадъ, ни вздоховъ, ни пѣнья соловьевъ! Только фрегатъ напряженно движется и изрѣдка простонетъ, да хлопнетъ обезсиленный парусъ, или подъ кормой плеснетъ волна и опять все торжественно и прекрасно-тихо!

Смотрите вы на всѣ эти чудеса, міры и огни, и, ослѣпленные, оглушенные, уничтоженные величіемъ, но богатые и счастливые небывалыми грёзами, — стоите, какъ статуя, и шепчете задумчиво: «нѣтъ, этого не сказали мнѣ ни карты, ни Англичане, ни Американцы, ни мои учители; говорило мнѣ, но блѣдно и смутно, только одно чуткое поэтическое чувство; оно таинственно манило меня еще ребенкомъ сюда и шептало:

Вотъ Азія, міръ праотца Адама,
Вотъ юная Колумбова земля!
И ты свершишь пловучіе наѣзды
Въ тѣ древнія и новыя мѣста,
Гдѣ въ небесахъ другія блещутъ звѣзды,
Гдѣ свѣтъ лістъ созвѣздіе Креста [1])...

Берите же, любезный другъ, свою лиру, свою палитру, свой роскошный, какъ эти небеса, языкъ, языкъ боговъ, которымъ только и можно говорить о здѣшней природѣ, и спѣшите сюда, — а я винюсь въ своемъ безсиліи и боязненно умолкаю.

Темы. — Штилевая полоса. — Масляница на фрегатѣ. — Чтеніе морскаго устава. — Сравненіе фрегата съ Р. деревнею. — Образъ жизни на фрегатѣ. — Мелкія черты быта. — Разговоръ объ обѣдѣ (юмористическая сцена).—Вліяніе зноя на человѣка (всеобщій покой и неподвижность). — Предметы развлеченія. — Купанье среди океана. — *Картины тропической природы.* — Общая мысль описанія. — Составныя части описанія: воздухъ, блескъ неба, цвѣтъ его при захожденіи солнца. — *Океанъ днемъ.* — Подробнѣйшее описаніе каждой части. — Фантастической видъ *неба:* крѣпость, гора, островъ, куполъ, корабль, верблюдъ и пр. — Изъ чего строятся такія видѣнія? — Цвѣтъ неба при захожденіи солнца: фіолетовый, пурпуровый, зеленый,—видъ замковъ, башенъ, лѣсовъ. — *Звѣзды:* — вечерній пиръ. — *Луна:* пріемы, употребленные авторомъ при описаніи ея—отрицательные и положительные. — *Океанъ ночью.* — Южный Крестъ. — Вліяніе природы на человѣка: сколько разъ въ продолженіе всего описанія путешественникъ говоритъ объ этомъ вліяніи? Почему нѣсколько разъ? — Какую мысль пробуждаетъ въ человѣкѣ роскошная природа?—Сравн.

[1]) Въ посланіи *Бенедиктова* къ Гончарову.

со стихотворенiемъ Лермонтова: «Когда волнуется желтѣющая нива» (II т. нашей Христом., изд. 2, стр. 491). — Общее заключенiе описанiя природы. — Предлагаемое описанiе тропическаго неба и моря самое стройное и логически выполненное.—Авторъ въ началѣ его указалъ на невозможность изобразить всѣ чудеса тропическаго неба и моря, — этою же мыслiю и закончилъ свою художественую картину.

4. На Мысѣ Доброй Надежды.

На четвертый день (послѣ прибытiя въ бухту у Мыса Д. Над.) и я собрался съѣхать на берегъ, съ нашими докторами и съ Б. К.: первые собрались ботанизировать, а мы съ Б. К. мѣшать имъ. По берегамъ кое-гдѣ были разбросаны каменья, но такiе, что изъ каждаго можно построить препорядочный домикъ. Когда я собрался ѣхать, и Ѳаддеевъ явился ко мнѣ: «Позвольте и мнѣ съ вами, В. В.», сказалъ онъ. «Куда?»—«Да въ Африку-то», отвѣчалъ онъ. «Что ты станешь тамъ дѣлать?» — «А вонъ на ту гору охота влѣзть». Ступивъ на берегъ, мы попали въ толпу Малайцевъ, Негровъ, *Африканцевъ*, какъ называютъ себя бѣлые, родившiеся въ Африкѣ. Одни работали въ адмиралтействѣ, другiе праздно глядѣли на море, на корабли, на прiѣзжихъ, или просто такъ, на что случится. За нами шли наши слуги: кто несъ ружье, кто сѣтку ловить насѣкомыхъ, кто молотокъ — разбивать каменья. «Смотрите, говорили мы другъ другу: уже нѣтъ ничего нашего, начиная съ человѣка: все другое: и человѣкъ, и платье его, и обычай». Плетни устроены изъ кустовъ кактуса и алоэ: не дай вамъ Богъ схватиться за кустъ — что наша крапива! не только честный человѣкъ, но и воръ не перелѣзетъ черезъ такой заборъ: миллiонъ едва замѣтныхъ глазу иглъ вонзится въ руку. И камень не такой, и песокъ рыжiй, и травы странныя: одна какая-то кудрявая, другая въ палецъ толщиной, третья бурая какъ мохъ, или дымчатая. Пошли за городъ, по мелкому и чистому песку, на взморье: подъ ногами хрустѣли раковины. Все не наше, не такое, твердили мы, поднимая то раковину, то камень. Промелькнетъ воробей — гораздо наряднѣе нашего, франтъ, а сейчасъ видно, что воробей, какъ онъ ни франти. Тотъ же летъ, тѣ же манеры, и такъ же копается, какъ нашъ во всякой дряни, разбросанной по дорогѣ. И ласточки, и вороны есть; но не тѣ: ласточки сѣрѣе, а ворона чернѣе гораздо. Собака залаяла, и то не такъ, отдаетъ чужимъ, какъ будто на иностранномъ языкѣ лаетъ. По улицамъ бѣгали черномазые кудрявые мальчишки, толпились черныя, или коричневыя женщины, Малайцы, въ высокихъ соломенныхъ шляпахъ, похожихъ на колокола, но съ болѣе раздвинутыми или поднятыми нѣсколько кверху полями. Только свинья такъ же неопрятна, какъ и у насъ, и такъ же неистово чешетъ бокъ объ

уголъ, какъ будто хочетъ своротить весь домъ, да кошка, сидя въ палисадникѣ, среди миртъ, преусердно лижетъ лапу и потомъ мажетъ ею себѣ голову.

Темы.—Что говоритъ авторъ о себѣ, о своихъ спутникахъ и Ѳаддеевѣ?— Африканскіе народы. — *Описаніе Африканской природы*: — общая мысль (уже нѣтъ ничего нашего); развитіе общей мысли при указаніи на плетни (изъ чего они?), камни, песокъ (каковы камни и песокъ?), травы (ихъ видъ, цвѣтъ, толщина), раковины, воробья, ласточекъ, воронъ, лай собаки, мальчишекъ и женщинъ. — Что говоритъ Гончаровъ о воробьѣ, ласточкахъ, воронѣ и пр.— Какія Африканскія животныя похожи на Русскихъ? — Что между ними общаго? — Юморъ автора въ описаніи Ѳаддеева, воробья и свиньи. — Сравненія автора: — кактусъ и крапива, плетни и заборы, шпицы и колокола. — Показалъ ли авторъ въ этомъ описаніи знаніе Русскаго повседневнаго быта? — На какіе предметы животнаго царства Африки указываетъ Гончаровъ? — Растительнаго? — Минеральнаго?

5. Роскошь и Комфортъ.

Роскошь — порокъ, уродливость, неестественное уклоненіе человѣка за предѣлы естественныхъ потребностей, развратъ. Развѣ это не правда? развѣ не развратъ и не уродливость платить тысячу золотыхъ монетъ за блюдо изъ птичьихъ мозговъ, или за филе изъ рыбы, не потому, чтобъ эти блюда были тоньше вкусомъ прочихъ, не дорогихъ, а потому, что этихъ мозговъ и рыбъ не напасешься? Развѣ не безуміе отобѣдать на такомъ сервизѣ, какого нѣтъ ни у кого, хоть бы пришлось отдать за него половину имѣнія? Развѣ не глупость заковывать себя въ золото и каменья, изъ которыхъ поворотиться трудно, или надѣвать кружева, чуть не изъ паутины, и бояться сѣсть, облокотиться? Венеціанскіе граждане (если только слово «граждане» не насмѣшка здѣсь) дѣлали все это; но они сидѣли на жесткихъ скамьяхъ, спали на своихъ колючихъ глазетовыхъ постеляхъ, ходили и ѣздили ощупью, въ темнотѣ, и едва-ли имѣли хоть немного приблизительное къ нынѣшнему, вѣрное понятіе объ искусствѣ жить, то есть извлекать изъ жизни весь смыслъ, весь здоровый и свѣжій сокъ. Нѣтъ, тщеславіе и грубое излишество въ наслажденіяхъ — вотъ отличительныя черты роскоши. Оттого роскошь не долговѣчна: она живетъ лихорадочною и эфемерною жизнью; никакіе Крезы не достигаютъ до Геркулесовыхъ столповъ въ ней; она падаетъ, истощившись безъ насыщенія, увлекая паденіемъ и торговлю. Рядомъ съ роскошью всегда таится невидимый ея врагъ — нищета, которая сторожитъ минуту, когда мишурная богиня зашатается на пьедесталѣ; она быстро, въ циническихъ лохмотьяхъ своихъ, сталкиваетъ царицу, садится на ея престолъ и гложетъ великолѣпные остатки.

Вспомните не одну Венецію, Испанію: ужъ, кажется, трудно

выдумать нараднѣе эпанчу, а въ какую дырявую мантію нарядилась она послѣ! Да одна ли Испанія и Венеція?...

Гдѣ роскошь, тамъ нѣтъ торговли; это конвульсивные, отчаянные скачки черезъ препятствія, courses aux clochers: перескачетъ, схватитъ призъ и сломаетъ ноги.

Не таковъ комфортъ: какъ роскошь есть безуміе, уродливое и неестественное уклоненіе отъ указанныхъ природой и разумомъ потребностей, такъ комфортъ есть разумное, выработанное до строгости и тонкости удовлетвореніе этимъ потребностямъ. Для роскоши нужны богатства; комфортъ доступенъ при обыкновенныхъ средствахъ. Богачъ уберетъ свою постель валансьенскими[1]) кружевами; комфортъ потребуетъ тонкаго и свѣжаго полотна. Роскошь садится на пикрюстированномъ золоченомъ креслѣ, ѣстъ на золотѣ, или уже непремѣнно на серебрѣ; комфортъ требуетъ не золоченаго, но мягкаго, покойнаго кресла, хотя и не изъ рѣдкаго дерева; для стола онъ довольствуется фаянсомъ, или, много, фарфоромъ. Роскошь потребуетъ рѣдкой дичи, фруктовъ не по сезону; комфортъ будетъ придерживаться обыкновеннаго стола, но за то онъ потребуетъ его вездѣ, куда ни заброситъ судьба человѣка; и въ Африкѣ и на Сандвичевыхъ островахъ и на Норд-Капѣ — вездѣ нужны ему свѣжіе припасы, мягкая говядина, молодая курица, старое вино; вездѣ онъ долженъ находить то сукно и шелкъ, въ которое одѣвается въ Парижѣ, въ Лондонѣ, въ Петербургѣ; вездѣ къ его услугамъ долженъ быть готовъ сапожникъ, портной, прачка. Роскошь старается, чтобъ у меня было то́, чего не можете имѣть вы; комфортъ, напротивъ, требуетъ, чтобъ у васъ я нашелъ то́, что привыкъ видѣть у себя. Задача всемірной торговли и состоитъ въ томъ, чтобъ удешевить эти предметы, сдѣлать доступными вездѣ и всюду тѣ средства и удобства, къ которымъ человѣкъ привыкъ у себя дома. Это разумно и справедливо; смѣшно сомнѣваться въ будущемъ успѣхѣ. Торговля распространялась всюду и продолжаетъ распространяться, разнося по всѣмъ угламъ міра плоды цивилизаціи; вопросъ этотъ важнѣе, нежели какъ кажется съ перваго раза. Комфортъ и цивилизація почти синонимы, или точнѣе, первое есть неизбѣжное, разумное послѣдствіе втораго. И торговля не падетъ никогда, удовлетворяя, хотя тонкимъ, но разумнымъ потребностямъ большинства, а не безумнымъ прихотямъ немногихъ. Дѣло вполовину уже и сдѣлано. Куда Европеецъ только занесетъ ногу, вездѣ вы подъ знаменемъ безопасности, обилія, спокойствія и того благосостоянія, которымъ наслаждаетесь дома, протягивая, конечно, ножки по одёжкѣ.

---

[1]) *Валансьенъ* — городъ и крѣпость во Франціи. Производитъ самый лучшій батистъ и кружева.

Примѣч. — Этотъ отрывокъ представляетъ примѣръ превосходнаго философскаго опредѣленія роскоши и комфорта, — опредѣленія, основаннаго на фактахъ историческихъ и глубокомъ знаніи великосвѣтскаго быта. — Въ то же время мы здѣсь видимъ образецъ риторическихъ фигуръ: олицетвореніе и антитеза. Роскошь (отвлеченный предметъ) изображена живымъ существомъ (олицетвореніе); роскоши вездѣ противополагается комфортъ (антитезъ). — Вообще, мы полагаемъ весьма полезнымъ при чтеніи прозаическихъ отрывковъ обращать вниманіе воспитанниковъ на стилистику, заставлять ихъ объяснять слова и выраженія, — съ цѣлію пріучить ихъ сознательно читать и потомъ сознательно писать. Объясненіе словъ и оборотовъ рѣчи въ стилистическомъ отношеніи развиваетъ логическій складъ мысли ученика.

6. Русскіе въ Японіи.

Въ ту минуту, какъ мы вошли въ пріемную залу [1]), отодвинулись, точно кулисы, ширмы съ противоположной стороны, и оттуда выдвинулись медленно, одинъ за другимъ, всѣ полномочные. Показался нѣсколько-согбенный старикъ; отъ старости ротъ у него постоянно былъ немного открытъ. За нимъ другой, лѣтъ сорока-пяти, съ большими карими глазами, съ умнымъ и бойкимъ лицемъ. Третій, очень пожилой человѣкъ, худощавый и смуглый, съ поникшимъ взоромъ, какъ будто проведшій всю жизнь въ затворничествѣ, и немного съ птичьимъ лицемъ. Четвертый среднихъ лѣтъ: у этого было очень обыкновенное лице, какихъ много, не выражающее ничего, какъ лопата. На такихъ лицахъ можно сразу прочесть, что, кромѣ ежедневныхъ будничныхъ заботъ, они о другомъ думаютъ мало. Они стали всѣ четверо врядъ и мы взаимно раскланялись. Съ правой стороны, подлѣ полномочныхъ, помѣстились оба Нагасакскіе губернатора, а по лѣвую еще четыре, пріѣхавшіе изъ Едо, по-видимому, важныя лица; сзади полномочныхъ сѣли ихъ оруженосцы, держа богатыя сабли въ рукахъ; на лѣво, у оконъ, усажены были въ рядъ чиновники, вѣроятно, тоже изъ Едо; по-крайней мѣрѣ мы знакомыхъ лицъ между ними не замѣтили. Я сталъ разсматривать каждое лице отдѣльно и долженъ былъ сознаться, что картинки, на которыхъ рисуютъ отдаленныхъ народовъ, еще невполнѣ передаютъ дѣйствительность. Нарисуй я эти четыре стоящія передъ нами фигуры — и вы не повѣрите мнѣ. Всѣ четверо полномочные были въ широкихъ мантіяхъ, изъ богатой, толстой, какъ лубокъ, шелковой съ узорами матеріи, которая едва сжималась въ складки; рукава къ кисти были чрезвычайно широкіе; спереди, отъ самаго подбородка до пояса, висѣлъ изъ этой же матеріи нагрудникъ; внизу обыкновенный халатъ и юбка, конечно шел-

[1]) Дѣло было въ 1853 году, въ послѣднее число мѣсяца, въ городѣ Нагасаки.

ковые же. У старика матерія зеленая, у втораго бѣлая, въ родѣ моаръ, только съ рѣдкими полосами. У всѣхъ полномочныхъ, и у губернаторовъ тоже, на головѣ поставлена была на маковку, вверхъ дномъ, маленькая, черная, съ гранью, коропка, очень похожая формой на дамскія рабочія корзиночки и, пожалуй, на кузовки, съ которыми у насъ бабы ходятъ за грибами. Коробки эти дѣлаются, какъ я послѣ узналъ, изъ папье-маше. У двоихъ чиновниковъ, помѣщавшихся налѣво отъ полномочныхъ, коробки были одинакой съ ними формы, а у слѣдующихъ двухъ одна треугольная, другая квадратная, обѣ плоскія. У старшихъ коронки прикрѣплялись пропущенными подъ подбородокъ бѣлыми, а у младшихъ черными снурками. Все бы еще ничего; но у третьяго полномочнаго, у обоихъ губернаторовъ и еще у одного чиновника, шелковые панталоны продолжались на аршинъ далѣе ногъ. Губернаторы едва шли, съ трудомъ поднимая ноги. Эта одежда присвоена какому-то чину или должности. Вообще весь этотъ костюмъ былъ самый парадный, какъ наши полные мундиры. Глядя на фигуру стоящаго въ полной формѣ Японца, съ нѣсколько-поникшей головой, въ этой мантіи, съ коробочкой на лбу и въ безконечныхъ панталонахъ, поневолѣ подумаешь, что какой-нибудь проказникъ когда-то задалъ себѣ задачу одѣть человѣка какъ можно неудобнѣе, такъ чтобъ ему нельзя было не только ходить и бѣгать, но даже шевелиться. Японцы такъ и одѣты: шевелиться въ этой одеждѣ мудрено. Она выдумана затѣмъ, чтобъ сидѣть и важничать въ ней. И когда видишь Японцевъ, сидящихъ на пяткахъ, то скажешь только, что эта вся аммуниція какъ нельзя лучше пригнана къ сидячему положенію и что тогда она не лишена своего рода величія и красоты. Эти куски богатой шелковой матеріи, волнами обильно обвивающіе тѣло, прекрасно драпируются около лѣнивой живой массы, сохраняющей важность и неподвижность статуи.

Обѣ стороны молча съ минуту поглядѣли другъ на друга, измѣряя глазами съ ногъ до головы — мы ихъ, они насъ. Нашъ знакомый, Овосава Бунгоно, недавно еще съ такимъ достоинствомъ и гордостью принявшій насъ, перешелъ на второй планъ; онъ лицемъ приходился прямо въ ухо старику и стоялъ, потупя взглядъ, не поворачиваясь ни направо, ни налѣво. Онъ то скромно потуплялъ глаза, то косился на насъ. И было за что; ему оставалось отдежурить всего какой-нибудь мѣсяцъ и ѣхать въ Едо, а теперь онъ, по милости нашей, сидитъ полтора года и Богъ знаетъ сколько времени еще просидитъ. Другой губернаторъ, Мизно Чикогоно, былъ съ лица не мудрецъ, но съ злымъ выраженіемъ.

Полномочные показали видъ, что хотятъ говорить, и мгновенно,

откуда ни возмись, подползли къ ихъ ногамъ, изъ двухъ разныхъ угловъ, какъ ужи, Эйноске и Кичибе.

Они приложили лбы къ полу и слушали въ этомъ положеніи едва дыша. Началъ старикъ. Мы такъ и впились въ него глазами: старикъ очаровалъ насъ съ перваго раза; такіе старички есть вездѣ, у всѣхъ націй. Морщины лучами окружали глаза и губы; въ глазахъ, голосѣ, во всѣхъ чертахъ свѣтилась старческая, умная и привѣтливая доброта — плодъ практической мудрости. Всякому, кто ни увидитъ этого старичка, захотѣлось бы выбрать его въ дѣдушки; кромѣ того, у него были манеры, обличающія порядочное воспитаніе.

Онъ началъ говорить, но губы и языкъ уже потеряли силу: онъ говорилъ медленно; говоръ его походилъ на тихое и ровное переливаніе изъ бутылки въ бутылку жидкости. Кичибе приподнялъ голову, подвинулся немного и потомъ уже перевелъ привѣтствіе. Старикъ поздравлялъ адмирала съ пріѣздомъ и желалъ ему добраго здоровья. Адмиралъ отвѣчалъ тоже привѣтствіемъ. Кичибе поклонился въ землю и перевелъ. Старикъ заговорилъ опять форменное привѣтствіе командиру судна; но эти оффиціальныя выраженія чувствъ, очень хорошія въ устахъ Овосавы, какъ-то не шли къ нему. Онъ смотрѣлъ такъ ласково и доброжелательно на насъ, какъ будто хотѣлъ сказать что-нибудь другое, искреннее. И дѣйствительно, послѣ сказалъ. Но теперь онъ продолжалъ привѣтствія К. Н. Посьету, взявшему на себя трудъ быть переводчикомъ, наконецъ всѣмъ офицерамъ. Только кончилъ старикъ, какъ чиновникъ, стоявшій съ лѣвой стороны и бывшій чѣмъ-то въ родѣ церемоніймейстера, кликнулъ шопотомъ: «Эйноске», и показалъ на втораго полномочнаго. Эйноске быстро подползъ къ ногамъ втораго и приложилъ лобъ къ полу; тотъ повторилъ тѣ же привѣтствія и въ такомъ же порядкѣ. Переводчики ползкомъ подскочили къ третьему и четвертому полномочнымъ и наконецъ къ губернатору. Всѣ они поочереди повторяли поздравленія, твердо произнося Русскія имена. Имъ отвѣчено было адмираломъ благодарственнымъ привѣтствіемъ отъ себя и отъ всѣхъ. Все это дѣлалось стоя. Всѣ были въ парадѣ: шелковыхъ юбокъ не оберешься. Видно, что собраніе было самое торжественное. Кичибе и Эйноске были тоже въ шелку: креповая черная, или голубая мантилья съ бѣлыми гербами, шелковый халатъ, такая же юбка и бѣлые бумажные чулки.

Пока говорили эти привѣтствія, я опять забылся, какъ въ первое свиданіе съ губернаторомъ: это было только второе въ томъ же родѣ, но съ болѣе яркимъ колоритомъ. Глазъ и мысль не успѣли привыкнуть къ новости зрѣлища. Мнѣ не вѣрилось, что все это дѣлается на яву. Въ иную минуту казалось, что я ребенокъ, что

няня разсказала мнѣ чудную сказку о неслыханныхъ людяхъ, а я заснулъ у ней на рукахъ и потомъ вижу все это во снѣ. Да гдѣ же это я въ самомъ дѣлѣ? кто кругомъ меня, съ этими бритыми лбами, смуглыми, какъ у мумій, щеками, съ поникшими головами и полуопущенными вѣками, въ длинныхъ, широкихъ одеждахъ, изображаемыхъ на старыхъ картинахъ, неподвижные, едва шевелящіе губами, изъ-за которыхъ болѣзненно, съ подавленными вздохами, вырываются неуловимые для нашего уха глухіе звуки? Ужъ не древніе ли покойники встали изъ тысячелѣтнихъ гробницъ и собрались на совѣщаніе? Ходятъ ли они, улыбаются ли, поютъ ли, пляшутъ ли? знаютъ ли нашу человѣческую жизнь, наше горе и веселье, или забыли въ долгомъ снѣ, какъ живутъ люди? Что это за домъ, за комната: окна заклеены бумагой, въ комнатѣ тускло и сыро, какъ въ склепѣ; кругомъ золоченыя ширмы, съ изображеніемъ аистовъ — эмблемы долголѣтія? Крышу поддерживаетъ рядъ простыхъ, четвероугольныхъ деревянныхъ столбовъ; она безъ потолка, изъ тесанныхъ досокъ, домъ первобытной постройки, какъ его выдумали люди. Гдѣ же я? Обманъ, которымъ я тѣшилъ себя, продолжался не долго: вонъ одинъ отжившій, самый древній, именно старикъ, вынулъ изъ-за пазухи пачку тонкой бумаги, отодралъ листъ и высморкался въ него, потомъ бросилъ бумажку, какъ въ бездну, въ свой неизмѣримый рукавъ. «А! это живые!»

Насъ попросили *отдохнуть* и выпить чашку чаю въ ожиданіи, пока будетъ готовъ обѣдъ. Ну, слава Богу! я успокоился совсѣмъ: я среди живыхъ людей: здѣсь ѣдятъ. Японскій обѣдъ! Съ какою жадностью читалъ я, бывало, описаніе чужихъ обѣдовъ, т. е. чужихъ народовъ, вникалъ во всѣ мелочи, говорилъ, помните, и вамъ, какъ бы желалъ пообѣдать у Китайцевъ, у Японцевъ? но вотъ и эта мечта моя исполнилась. Я pique-assiette отъ Лондона до Едо. Что̀ будетъ, ка̀къ подадутъ, ка̀къ сядутъ — все это занимало насъ.

Въ «отдыхальнѣ» подали чай, на который просили обратить особенное вниманіе. — Это толченый чай, самаго высокаго сорта: онъ родится на одной горѣ, о которой подробно говоритъ Кемпфъ. Часть этого чая идетъ собственно для употребленія двора Сіогуна и Микадо, а часть, пониже сортъ, для высшихъ лицъ. Его толкутъ въ порошокъ, кладутъ въ чашку съ кипяткомъ — и чай готовъ. Чай превосходный, крѣпкій и ароматическій, но намъ онъ показался не совсѣмъ вкусенъ, потому что былъ безъ сахару. Мы однакожъ превознесли его до небесъ. Послѣ чая подали трубки и табакъ, потомъ конфекты, опять въ такихъ же, чрезвычайно гладко обтесанныхъ, сосновыхъ ящикахъ, у которыхъ даже углы были не составные, а цѣлые. Что за чистота, за тщательность въ отдѣлкѣ! а между тѣмъ ящикъ этотъ дѣлается почти на одну минуту: чтобъ

подать въ немъ конфекты и потомъ отослать къ гостю домой, а тотъ конечно бросвтъ. Конфекты были — тертый горошекъ съ сахарнымъ пескомъ, опять морковь, кажется, да еще что-то въ этомъ родѣ, потомъ разныя подобія рыбы, яблока и т. п., все изъ краснаго и бѣлаго риса.

Около насъ сидѣли на полу переводчики; изъ баніосовъ я видѣлъ только Хагивари, да Ойе-Саброскв. При губернаторѣ они боялись взглянуть на насъ, а можетъ быть и не очень уважали, пока изъ Едо не прислали полномочныхъ, которые дѣлаютъ намъ торжественный и почетный пріемъ.

Тогда и прочіе зашевелились, не знаютъ гдѣ посадить, жмутъ руку, улыбаются, угощаютъ.

Черезъ полчаса церемоніймейстеръ пришелъ звать насъ къ обѣду. Онъ извинялся, что тѣснота не позволяетъ обѣдать всѣмъ вмѣстѣ, и что общество разсядется по разнымъ комнатамъ. Адмирала, И. С. У., К. Н. П. и меня ввели опять въ пріемную залу; съ нами обѣдали только двое старшихъ полномочныхъ, остальные вышли вонъ. Зала такъ просторна, что въ ней могли бы пообѣдать, безъ всякой тѣсноты, шестьдесятъ человѣкъ; но Японцы для каждаго изъ насъ поставили по особому столу. Полномочные сидѣли на своихъ возвышеніяхъ, на которыя имъ и ставили блюда. Вотъ появилось ровно шесть слугъ, по числу гостей, каждый съ подносомъ, на которомъ лежало что-то завернутое въ бумагѣ, рыба, какъ мнѣ казалось. Они поставили подносы, вышли на минуту, потомъ вошли опять и унесли ихъ: передъ нами остались пустые, ничѣмъ не покрытые, столы, сдѣланные, нарочно для насъ, изъ кедроваго дерева.

«Ну, обычай не совсѣмъ патріархальный» подумалъ я: «что бы это значило?» — «Это нашъ обычай», сказалъ старикъ: «подавать блюдо съ «этимъ» на столъ и уносить: *это* у насъ — символъ пріязни». *Это* — была какая-то тесьма, видомъ похожая на вязигу. Я принялъ было её за морскую траву, но она оказалась перепонкой какой-то улитки, которою она прилипаетъ къ скаламъ. Такъ вотъ видите: это у нихъ и есть символъ симпатіи, привязанности, или буквально «прилипчивости».

Опять появилось шестеро, точно въ сказкѣ — молодцовъ, сказалъ бы я, если бы была малѣйшая тѣнь красоты. Я былъ бы снисходителенъ, не требовалъ бы многаго, но, къ сожалѣнію, не было ничего, похожаго на человѣческую красоту въ цѣломъ собраніи. Старикъ былъ красивѣе всѣхъ своею старческою, обворожительною красотою ума и добродушія, да второй полномочный еще могъ нравиться умомъ и смѣлостью лица, пожалуй и Овосава хорошъ, съ затаенною мыслію, или чувствомъ на лицѣ, и если съ чувствомъ, то вѣрно непріязни къ намъ. Остальные же всѣ—хоть не смотрѣть.

Эйноске развѣ не дуренъ, и то потому, что похожъ на Европейца и носитъ на лицѣ слѣдъ мысли и образованія. Но, Боже мой! въ какомъ онъ положеніи, и Кичибе тоже! Они распростерлись на полу между нами и полномочными, какъ двѣ лягавыя собаки, готовясь... ѣсть — вы думаете? нѣтъ, переводить.

Слуги между тѣмъ продолжали ставить передъ каждымъ гостемъ лакированныя подставки, величиной со скамеечки, что́ дамы ставятъ у насъ подъ ноги. Слуга подходилъ ловко и мѣрно поднималъ подставку, въ знакъ почтенія, наравнѣ съ головой, падалъ на колѣни, и съ ловкимъ, мѣрнымъ движеніемъ ставилъ тихонько передъ гостемъ. Шесть разъ подходили слуги и поставили шесть подставокъ, но никто ничего еще не трогалъ, всѣ подставки тѣсно уставлены были деревянными, лакированными чашками, величиной и формой похожими на чайныя, только безъ ручки; каждая чашка покрыта была деревяннымъ же блюдечкомъ. Тутъ были также синія фарфоровыя обыкновенныя чашки, все съ кушаньемъ, и еще не большія, съ соей. Ко всему этому поданы были двѣ палочки. «Ну, это значитъ быть безъ обѣда», думалъ я, поглядывая на двѣ гладкія, бѣлыя, совсѣмъ тупыя спицы, которыми нельзя взять ни твердаго, ни мягкаго кушанья. Какъ же и чѣмъ ѣсть? На сосѣда моего У., видно, пашло такое же раздумье, а можетъ быть заговорилъ голодъ, только онъ взялъ обѣ палочки и, въ грустномъ раздумьѣ, пристально разглядывалъ ихъ. Полномочные разсмѣялись и наконецъ рѣшились приняться за обѣдъ. Въ это время вошли опять слуги и каждый несъ на подносѣ серебряную ложку и вилку, для насъ. «Въ доказательство того, что все подданное употребляется въ пищу, сказалъ старикъ, мы начнемъ первые. Не угодно ли открыть чашки и кушать, что́ кому понравится?»

«Ну-ка, что́ въ этой чашкѣ?» шепнулъ я сосѣду, открывая чашку: рисъ вареный, безъ соли. Соли нѣтъ, не видать, и хлѣба тоже нѣтъ. Я подержалъ чашку съ рисомъ въ рукахъ и поставилъ на свое мѣсто. «Вотъ въ этой что?» думалъ я, открывая другую чашку: въ ней была какая-то темная похлебка; я взялъ ложку и попробовалъ — вкусно, въ родѣ нашихъ бураковъ, и коренья есть.

«Мы употребляемъ рисъ при всякомъ блюдѣ, заключилъ второй полномочный: не угодно ли кому-нибудь перемѣнить, если поданный уже простылъ?» Церемоніймейстеръ, съ широкимъ, круглымъ лицемъ, съ плоскимъ и нѣсколько вздернутымъ, широкимъ же арабскимъ носомъ, стоя подлѣ возвышенія, на которомъ сидѣли оба полномочные, взглядомъ и едва замѣтнымъ жестомъ, распоряжался прислугою.

Сзади Эйноске сидѣли на пяткахъ двое слугъ, одинъ съ чайни-

комъ, другой съ деревянной лакированной кружкой, въ которой былъ горячій рисъ.

Мы между тѣмъ переходили отъ чашки къ чашкѣ, изрѣдка перекидываясь другъ съ другомъ словомъ. «Попробуйте, говорилъ мнѣ въ полголоса П., какъ хорошъ винегретъ изъ раковъ въ синей чашкѣ. Раки посыпаны тертой рыбой, или икрой; тамъ зелень, еще что-то». «Я ее всю съѣлъ, отвѣчалъ я; а вы пробовали сырую рыбу?» — «Нѣтъ, гдѣ она?» — «Да вотъ нарѣзана длинными тесьмами...» — «Ахъ! неужели это сырая рыба? а я почти половину съѣлъ!» говорилъ онъ съ гримасой.

Въ другой чашкѣ была похлебка съ рыбой, въ родѣ нашей селянки. Я открылъ, не помню, пятую или шестую чашку: въ ней кусочекъ рыбы плавалъ совершенно въ чистомъ и свѣтломъ бульонѣ, какъ горячая вода. Я думалъ, что это уха, и проглотилъ ложки четыре, но мнѣ показалось невкусно. Это дѣйствительно была горячая вода — и больше ничего. Сосѣдъ мой старался ѣсть палочками и возбуждалъ, да и мы всѣ тоже не одну улыбку окружавшихъ насъ Японцевъ. Но разъ многіе закрывали ротъ рукавомъ, глядя, какъ недовѣрчиво и пытливо мы вглядываемся въ кушанья, и какъ сначала осторожно пробуемъ ихъ. Но я съ третьей чашки пересталъ пробовать и съѣлъ остальное безъ всякаго анализа, и все одной и той же ложкой, прибѣгая часто къ рису, за недостаткомъ хлѣба. Помню, что была жареная рыба, вареныя устрицы, а можетъ быть и моллюскъ какой-нибудь, похожій вкусомъ на устрицу. О. А. Г. сказывалъ, что тутъ были трепанги; я ѣлъ что-то черное, слизистое, но не знаю что. Попадалось мнѣ что-то сладкое, груша, кажется, облитая краснымъ сладкимъ соусомъ, потомъ хрустѣло на зубахъ соленое и моченое: соленое — рѣдька, замѣняющая Японцамъ соль. Въ синей фарфоровой чашкѣ натискано было какое-то тѣсто, отзывавшееся яичницей, тутъ же вареная морковь. Потомъ въ горячей водѣ было крылышко утки, съ вареной зеленью. Сзади всѣхъ подставокъ, поставлена была особо еще одна поставка передъ каждымъ гостемъ и на ней лежала цѣлая жареная рыба, съ загнутымъ къ верху хвостомъ и головой. Давно я собирался придвинуть ее къ себѣ и протянулъ было руку, но второй полномочный замѣтилъ мое движеніе. «Эту рыбу почти всегда подаютъ у насъ на обѣдахъ», замѣтилъ онъ, «но ее никогда не ѣдятъ тутъ, а отсылаютъ гостямъ домой съ конфектами». Одно путное блюдо и было, да и то не ѣдятъ! Ахъ, ужъ эти мнѣ эмблемы, да символы!

Слуга подходилъ ко всѣмъ и протягивалъ руку: я думалъ, что онъ хочетъ отбирать пустыя чашки, отдалъ ему три, а онъ чрезъ минуту принесъ мнѣ ихъ опять, съ тѣми же кушаньями. Что мнѣ дѣлать? Я подумалъ, да и принялся опять за похлебку; сталъ было

приниматься вторично за вареную рыбу, но собесѣдники мои перестали дѣйствовать, и я унялся. Хозяевамъ очень нравилось, что мы ѣдимъ; старикъ ласково поглядывалъ на каждаго изъ насъ и отъ души смѣялся усиліямъ моего сосѣда ѣсть палочками.

Къ концу обѣда слуги явились съ дымившимися чайниками. Мы съ любопытствомъ смотрѣли, что тамъ такое.— «Теперь надо выпить сакѝ», сказалъ старикъ, и слуги стали наливать въ красныя, почти плоскія лакированныя чашки разогрѣтый напитокъ. Мы выпили по чашечкѣ. Намъ еще прежде, между прочей провизіей, доставлено было нѣсколько кувшиновъ этого сакѝ и тогда она намъ не понравилась. Теплый онъ лучше; похоже вкусомъ на слабый выдохшійся ромъ. *Сакѝ* — перегнанное вино изъ риса. Потомъ налили опять. Мы было стали отговариваться, но старикъ объявилъ, что надо выпить до трехъ разъ. Мы выпили и въ третій разъ, и они тоже. Послѣ сакѝ вновь принесли дымившійся чайникъ; я думалъ, не опять ли сакѝ, но старикъ предложилъ, не хотимъ ли мы теперь выпить — «горячей воды»! Это что за шутка? Нашелъ лакомство! «Нѣтъ, не хотимъ», отвѣчали ему. Однакожь я подумалъ, что ужъ если обѣдать по-Японски, такъ надо вполнѣ обѣдать, и потому попробовалъ и горячей воды! все также не хорошо, какъ еслибъ я попробовалъ ее и за Русскимъ столомъ. «Ну, не хотите ли полить рисъ горячей водой и съѣсть»? предложилъ старикъ. И этого не хотимъ. Между тѣмъ оба полномочные подставили плоскодонныя чашки, имъ налили кипятку и они выпили. Они объяснили, что они утоляютъ жажду горячей водой.

Хозяева были любезны. Пора назвать ихъ: старика зовутъ Тсутсуй Хизе-но-Ками Сама, втораго Кавадзи-Сойемон-но-Ками… нѣтъ, не Ками, а Дзіо Сама, это все равно: Дзіо и Ками означаютъ равный титулъ; третій Алао Тосаппо Ками Сама; четвертаго… забылъ, послѣ скажу. Впрочемъ оба послѣдніе приданы только для числа и большей важности, а въ сущности они сидѣли съ поникшими головами и молча слушали старшихъ двухъ, а можетъ быть и не слушали, а просто засѣдали.

Послѣ обѣда подали чай, съ какимъ-то оригинальнымъ запахомъ; гляжу: на днѣ гвоздичная головка—какое варварство, и еще въ странѣ чая!

Старикъ все поглядывалъ на насъ дружески, съ улыбкой.

«Мы пріѣхали изъ-за многихъ сотенъ», началъ онъ мямлить, «а вы изъ-за многихъ тысячъ миль. Мы никогда другъ друга не видали, были такъ далеки между собою, а вотъ теперь познакомились, сидимъ, бесѣдуемъ, обѣдаемъ вмѣстѣ. Какъ это странно и пріятно»! Мы не знали, какъ благодарить его за это привѣтливое выраженіе общаго тогда намъ чувства. И у насъ были тѣ же мы-

сли, то же впечатлѣніе отъ странности такихъ сближеній. Мы благодарили ихъ за пріемъ, хвалили обѣдъ. Я сдѣлалъ замѣчаніе, что нахожу въ нѣкоторыхъ блюдахъ сходство съ Европейскими, и вижу, что Японцы, какъ люди порядочные, кухней не пренебрегаютъ. Въ самомъ дѣлѣ, рыба подъ бѣлымъ соусомъ — хоть куда. Еслибъ ко всему этому дать хлѣба, такъ можно даже наѣсться почти досыта. Безъ хлѣба какъ-то странно было на желудкѣ: сытъ не сытъ, а ѣсть больше нельзя. Послѣ обѣда одолѣваетъ не дремота, какъ обыкновенно, а только задумчивость. Но я смѣялся, вспомнивъ, что пишутъ о Японскомъ столѣ и, между прочимъ, что они будто готовятъ кушанья на касторовомъ маслѣ. А у нихъ деревянное масло употребляется рѣдко, и только съ зеленью; все же прочее жарится и варится на водѣ, съ примѣсью саки и сои. Потомъ сказали мы хозяевамъ, что изъ всѣхъ народовъ крайняго Востока, Японцы считаются у насъ, по описаніямъ, первыми по умѣнью жить, по утонченности нравовъ, и что мы теперь видимъ это на опытѣ.

Наконецъ кончился обѣдъ. Все унесли и чрезъ пять минутъ подали чай и конфекты въ знакомыхъ уже намъ ящикахъ. Тамъ были подобія бамбуковыхъ вѣтвей изъ леденца, лентъ, сердецъ, потомъ рыбы, этой альфы и омеги Японскаго стола, отъ нищаго до вельможи, далѣе, какой-то тертый горошекъ съ сахарнымъ пескомъ и рисовые конфекты.

Когда убрали наконецъ все, адмиралъ сказалъ, что онъ желалъ бы сдѣлать полномочнымъ два вопроса по дѣлу, которое его привело сюда, и проситъ отвѣта сегодня же. Старикъ вынулъ пачку бумаги, тщательно отобралъ одинъ листокъ, высморкался, спряталъ бумажку въ рукавъ, потомъ кротко возразилъ, что, по Японскимъ обычаямъ, при первомъ знакомствѣ, разговоры о дѣлахъ обыкновенно откладываются, что этого требуютъ приличія и законы гостепріимства. Адмиралъ замѣтилъ, что это отнюдь не помѣшаетъ возникающей между нами пріязни; что вопросы эти не потребуютъ какихъ-нибудь мудреныхъ отвѣтовъ, а просто двухъ словъ, да или нѣтъ. Мы видѣли, что имъ лѣнь говорить о дѣлѣ. Вообще, и важные сановники, и неважные, послѣ обѣда выражались больше междометіями, которыхъ невозможно передать словами. Грудные звуки раздавались изъ всѣхъ угловъ. О дѣлѣ неприлично говорить, а это ничего!

Въ этомъ у насъ съ ними оказалась рѣзкая разница въ понятіяхъ о приличіи. Мы душимъ междометія въ груди, съ опасностью задохнуться, а они не скрываютъ, что хорошо покушали. Мнѣ какъ-то не вѣрилось, когда я читалъ объ этомъ у Тунберга, но теперь уже нисколько не сомнѣваюсь. Адмиралъ согласился наконецъ прислать два вопроса на другой день, на бумагѣ, но съ тѣмъ, чтобъ

они къ вечеру же отвѣчали на нихъ. «Какъ же мы можемъ обѣщать это», возразили они, «когда не знаемъ, въ чемъ состоятъ вопросы»? Имъ сказано, что мы знаемъ вопросы и знаемъ, что можно отвѣчать. Они обѣщали сдѣлать, что можно, и мы расстались большими друзьями. Съ музыкой, въ такомъ же порядкѣ, какъ пріѣхали, при ясной и теплой погодѣ, воротились мы на фрегатъ.

Ѳаддеевъ, бывшій въ числѣ нашихъ слугъ, сказалъ, что и ихъ всѣхъ угостили, и на этотъ разъ хорошо. «Чего жъ вамъ дали»? спросилъ я. — «Красной и бѣлой каши: — да что, в. в., съ души рветъ». — «Отчего»? «Да рыба — словно кисель, безъ соли, хлѣба нѣтъ»!

Вслѣдъ за нами явилось множество лодокъ, и старшій чиновникъ спросилъ, довольны ли мы, а болѣе затѣмъ, чтобъ пріѣхать назадъ и сказать, что онъ доставилъ насъ въ цѣлости на фрегатъ. Случись съ нами что-нибудь, несчастіе, непріятность, хотя бы отъ нихъ и не зависѣло отвратить её, имъ бы досталось. Чрезъ часъ каюты наши завалены были ящиками; въ большомъ рыба, что подавали за столомъ, старая знакомая, въ другомъ — сладкій и очень вкусный хлѣбъ, въ третьемъ — конфекты. «Вынеси рыбу вонъ», сказалъ я Ѳаддееву. Вечеромъ спросилъ, «куда онъ её дѣлъ»? — «Съѣлъ съ товарищами», говоритъ — «Чтожь хороша»? — «Есть душокъ, а хороша», отвѣчалъ онъ. *И. Гончаровъ.*

Темы. — Составныя части разсказа: — 1) Полномочные: видъ каждаго ихъ одежда, замѣчаніе автора. — 2) Поздравленія. — 3) Личныя впечатлѣнія автора. — Описаніе пріемной залы: окна, темнота и сырость, ширмы, крыша и столбы, нѣтъ потолка. — 4) Отдыхальня: чай, ящики съ конфектами. — Что говорится объ этихъ предметахъ? — 5) Обѣдъ у Японскихъ вельможъ. — Составныя части описанія, или порядокъ описанія: а) *приготовленіе къ обѣду* (особый столъ для каждаго, шесть слугъ, подносы, символъ пріязни, лакированныя подставки, образъ постановки кушанья, чашки, палочки, щекотливое положеніе Русскихъ и улыбки Японцевъ, ложки и вилки); б) *самый обѣдъ* (кушанья, невозможность опредѣлить составъ блюдъ, рыба съ загнутымъ хвостомъ); в) *конецъ обѣда* (саки, горячая вода). — 6) Имена хозяевъ. — 7) Время послѣ обѣда: — Чай и разговоры, конфекты, нежеланіе полномочныхъ говорить о дѣлѣ, междометія, возвращеніе на фрегатъ, замѣчаніе Ѳаддеева.

Когда ученикъ разскажетъ устно или письменно содержаніе каждой части отрывка, тогда можно предложить слѣд. работы: *Первая* — характеристика Японскаго народа. — Тутъ надо указать на его патріархальные, младенческіе обычаи (описаніе комнаты, улыбки при всѣхъ, междометія, бумага вмѣсто носоваго платка), на его неподвижность и недовѣріе къ иноземцамъ (одежда, составъ обѣда, отказъ говорить о дѣлѣ), на рабское положеніе человѣка (Эйноске и Кичибе, слуги), церемоніальность и формализмъ (привѣтствія полномочныхъ). — *Вторая работа:* Характеристика разсказа Гончарова: его юморъ, сравненія съ Русскимъ бытомъ явленій Японской жизни, умѣнье подмѣчать мелкія черты, сочувствіе просвѣщенію, искренность.

ИТАЛІЯ [1]).

1. Процессія.

3-го іюня была здѣсь [2]) одна изъ самыхъ блистательныхъ католическихъ процессій. Это праздникъ Corpus Domini, установленный именно противъ Лютера, которому всѣ эти католическія процессіи и парады казались лишними. Католики на этотъ разъ хотѣли поразить и ослѣпить Лютеранъ всѣмъ блескомъ своего могущества; въ ушахъ звенитъ, въ глазахъ зеленѣетъ — отъ этой безконечной процессіи. Еще наканунѣ, улицы, куда проникаютъ лучи солнца, были накрыты парусиной. Я экстренно велѣлъ себя разбудить въ восьмомъ часу. Утромъ, хозяинъ мой, разумѣется тщетно ломился въ мою дверь. Любопытство мое испарилось въ сладкомъ снѣ.

Между тѣмъ, вся Флоренція уже съ разсвѣтомъ была на ногахъ; часовъ въ девять и я внялъ гласу вопіющаго хозяина: онъ торжественно увѣдомлялъ, что процессія возымѣла начало въ семь часовъ. Я считалъ ее уже проигравною. Ничего не бывало. Я вышелъ къ церкви Trinita. Солнце сіяло; несмѣтныя толпы пестрѣли на улицахъ, усыпанныхъ лаврами и миртами. Всѣ окна, всѣ балконы были украшены алыми, голубыми, желтыми тканями и густо унизаны зрителями и зрительницами, въ яркихъ праздничныхъ нарядахъ. Тысячи вѣеровъ были въ непрерывномъ движеніи.

Процессія текла съ глухимъ шумомъ по узкимъ улицамъ. Колокольный звонъ не умолкалъ. Носовыя ноты пѣнія казались рѣзкими для непривычнаго уха. Огромныя пестрыя лоскутья духовныхъ знаменъ колебались въ воздухѣ. Знаменосецъ, въ бѣломъ хитонѣ, какъ ни упиралъ въ свой животъ древко, оно было такъ тяжело, что грозило повалить монаха на мостовую.

Я нашелъ удобнымъ зайти въ отель, гдѣ кстати было нѣсколько Русскихъ, и изъ бель-этажа продолжалъ любоваться этой безконечной, набожной фалангой. Монахи всѣхъ орденовъ и всѣхъ цвѣтовъ, черные, бѣлые, коричневые, сѣрые и даже пламеннаго цвѣта, шли

---

[1]) Сочиненіе г. Яковлева «Италія» имѣетъ предметомъ своимъ — обозрѣніе преимущественно памятниковъ искусства. Авторъ всюду обнаруживаетъ многостороннее и обстоятельное знаніе его. Начитанность автора видна на каждомъ шагу. Кромѣ искусства, путешественникъ съ любовію говоритъ о красотахъ природы Италіи и ея нравахъ. Слогъ г. Яковлева роскошный, еффектный; онъ служитъ выраженіемъ того глубокаго увлеченія памятниками искусства, которые видѣлъ и изучалъ туристъ. Первая часть сочиненія «Италія» издана въ 1853 г.; вторая часть еще не выходила, но нѣкоторыя статьи ея помѣщены въ разныхъ журналахъ.

[2]) Во Флоренціи.

попарно, отрядами. Впереди каждаго отряда несли колоссальный крестъ, съ пригвожденнымъ къ нему изображеніемъ блѣднаго тѣла Спасителя. Между этими монашескими взводами была тьма мальчиковъ. Я забылъ сказать, что всѣ эти люди скрывались подъ опущенными на лицо капишонами, съ отверстіями для глазъ, что похоже на маски и имѣло весьма неестественный видъ. Но подъ этими суровыми и скромными костюмами вертѣлось пружинное Итальянское тѣло. Важность процессіи значительно умѣрялась веселостью этихъ школьниковъ, наряженныхъ въ хламиды; эти beaux masques исподтишка толкались, нѣкоторые даже срывали другъ у друга колпаки, подставляли ноги прохожимъ. И никому не казалось это неумѣстнымъ. Духовные пѣли, монахи весело разговаривали между собою, поглядывая вправо и влѣво, кивая и улыбаясь знакомымъ, замѣченнымъ на балконахъ; капуцины на походѣ нюхали табакъ, останавливались напиться у продавцевъ воды, отставали отъ процессіи и снова догоняли ее; зрители толковали, и весьма шумно.

Отрядамъ и знаменамъ конца не было. Я успѣлъ просмотрѣть газеты и позавтракать. Наконецъ — хоръ музыкантовъ покрылъ крикливыя литаніи пѣвцовъ. Нѣсколько отрядовъ пѣхоты шли бодро, весело и развязно. Меня поразило это отсутствіе автоматическихъ дѣйствій, съ которыми глазъ мой такъ свыкся въ Германіи. Далѣе — бѣлый шатеръ, несомый духовенствомъ, и подъ шатромъ какой-то весь сіяющій золотомъ и драгоцѣнными каменьями, представитель папы. Тотчасъ за шатромъ слѣдовалъ самъ герцогъ, со свѣчкой въ рукахъ, съ преклоненной обнаженной сѣдой головой. Двѣ полы его бѣлой мантіи несли пажи; далѣе пестрые камергеры, разноцвѣтные сановники, потомъ еще монахи, всадники, музыканты, марширующіе солдаты, — и наконецъ къ этой длинной процессіи примкнули массы празднаго народа.

Горожанки были въ бархатныхъ кофточкахъ, въ бѣлыхъ переднихахъ на аломъ или синемъ платьѣ. Особенно граціозно носятъ онѣ на головѣ мужскую поярковую шляпу, съ коротенькими черными перьями.

День заключился конскими скачками, лотереей, иллюминаціей и фейерверкомъ. Подобными праздниками, болѣе или менѣе блестящими, Италія богаче другихъ странъ. Въ Римѣ, напримѣръ, церквей и капеллъ числомъ болѣе, чѣмъ дней въ году, такъ-что ежедневно можно быть у праздника.

Вездѣ и всегда народъ любилъ торжественные дни. Жаркій климатъ особенно располагаетъ къ частному отдохновенію. Въ языческихъ Аѳинахъ болѣе восьмидесяти дней въ году было отнято у промышленности и полевыхъ работъ. Даже императору Клавдію казалось необходимымъ въ Римѣ отмѣнить многія торжества.

Въ злополучныя времена феодальнаго рабства, число праздничныхъ дней размножилось неимовѣрно. И это было сущимъ благодѣяніемъ для страждущихъ классовъ общества: въ праздники вассалы могли отдохнуть отъ преслѣдованія сильнаго. Это были краткія перемирія нескончаемой междоусобицы. По праздникамъ прекращались не только работы, но и всякія непріязненныя дѣйствія.

Когда политическій бытъ Европы улучшился, епископы не разъ пытались отмѣнять лишніе праздники, но рѣдко успѣшно. Народъ крѣпко держался своего права повеселиться.

Нынѣ времена измѣнились. Бѣдные люди стали помышлять о правѣ трудиться.

Властямъ въ западной Европѣ приходится теперь уже запрещать трудъ по воскресеньямъ днямъ. Но это не помогаетъ дѣлу, а дѣло въ томъ, что многіе добрые люди, работая по шестнадцати и даже по восемнадцати часовъ изъ сутки, не могутъ до-сыта накормить свое маленькое семейство.

Изъ статьи «Флоренція», напечатанной въ Сынѣ Отечества 1856, № 30.

2. Братство Милосердія.

Не разъ, сидя въ одной изъ лучшихъ Флорентинскихъ кофеенъ, я слышалъ одинъ, два или три удара колокола: эти звуки были какіе-то пронзительные, зловѣщіе. Въ-самомъ-дѣлѣ, по первому же удару, три-четыре человѣка изъ посѣтителей кофейни, не допивъ чашки кофе, не дочитавъ газеты, поспѣшно уходили. Однажды, изящный аббатъ, мой обычный собесѣдникъ, оставилъ меня, извиняясь, на половинѣ фразы.

На вопросъ, что это значитъ, мнѣ отвѣчали: извините, «Колоколъ Милосердія» призываетъ очередныхъ членовъ этого братства къ исполненію своихъ обязанностей.

Это Благотворительное Общество основано простыми ремесленниками въ 1244 году. Во времена частыхъ бѣдствій, какія Флоренція терпѣла отъ чумы, когда изъ сотни человѣкъ оставался въ живыхъ одинъ, когда страждущіе оставались безъ помощи, мертвые — безъ могилы, когда мужъ покидалъ жену, мать бѣжала отъ дѣтей, надо было много мужества, глубокихъ религіозныхъ убѣжденій, для того, чтобы въ эти тяжкія дни привести въ дѣйствіе великій принципъ братства.

То, о чемъ Парижъ хлопочетъ на словахъ, въ половинѣ девятнадцатаго столѣтія, во Флоренціи существуетъ уже слишкомъ шестьсотъ лѣтъ.

Уставъ Общества подвергался измѣненіямъ, но всѣ они неиз-

мѣнно клонились къ одной цѣли: какъ можно быстрѣе облегчать участь несчастныхъ. Управленіе дѣлами Братства, распоряженіе суммами для вспоможеній (потому-что приношенія значительны), ввѣрено совѣту изъ 72 членовъ, называющихся capidi guardia; въ ихъ вѣдѣніи состоятъ 280 дневальныхъ изъ всѣхъ классовъ общества; 40 человѣкъ изъ нихъ дежурятъ каждую недѣлю. Имъ помогають, при случаѣ, болѣе тысячи человѣкъ *добровольныхъ*.

Первый ударъ колокола возвѣщаетъ небольшое несчастіе, ferita, рана; второй ударъ — ferita mortale, смертельную рану, третій — смерть.

Очередные члены, по первому звуку, спѣшатъ въ домъ Братства, что на соборной площади, узнаютъ въ чемъ дѣло, надѣваютъ черную одежду, накидываютъ на голову капшонъ съ отверстіями для глазъ и рта — и, во всякій часъ дня и ночи, являются всюду, гдѣ несчастіе надѣется на любовь къ ближнему.

Знатнѣйшія лица вмѣняютъ себѣ въ честь принадлежать къ Братству Милосердія. Но, вѣроятно по демократическимъ преданіямъ прежнихъ вѣковъ, когда патриціи, i grandi, были удаляемы отъ всѣхъ публичныхъ должностей, и нынче Флорентинскіе аристократы не допускаются къ управленію дѣлами Братства, а могутъ только быть простыми его членами; тѣмъ не менѣе они ревностно исполняютъ свои смиренныя обязанности.

Во Флоренціи никто не удивляется, развѣ одни иностранцы, когда видятъ аристократа, который при первомъ ударѣ призывнаго колокола, оставляетъ блестящее собраніе, не дотанцовавъ кадрили, или въ театрѣ не дослушавъ любимой аріи, не долюбовавшись пируэтами, и спѣшитъ, куда призываетъ его несчастіе.

Смиренно закрывъ лица капшономъ, богачъ наравнѣ съ бѣднякомъ переносятъ раненыхъ въ больницу, мертвыхъ на кладбище. Братья Милосердія обязаны сопровождать преступника на мѣсто казни; по счастью, безчеловѣчныя наказанія давно уничтожены въ Тосканѣ, если не законами, то нравами.

Великій герцогъ тоже считается членомъ Братства Милосердія, и не почетнымъ, а дѣйствительнымъ. Увѣряютъ, что и ему случается надѣвать черный капшонъ, этотъ «мундиръ человѣчества», и инкогнито, бокъ о бокъ съ какимъ-нибудь честнымъ работникомъ, стоять у койки умирающаго бѣдняка и утѣшать сиротъ. Посѣщеніе высокой особы обнаруживается послѣ только по приношенію, оставленному гдѣ-нибудь на ветхомъ табуретѣ.

Изъ статьи «Флоренція», напечат. въ Сынѣ Отеч. 1856, № 33.

3. Базилика Св. Петра.

Я стою на мосту св. Ангела. Двадцать вѣковъ Тибръ бѣжитъ подъ этими массивными арками, и не сдвинулъ съ мѣста ни камня; только помостъ не разъ былъ истоптанъ проходившими по немъ народами.

Десять крылатыхъ колоссовъ, въ клубящихся одеждахъ, несущіе каждый по орудію истязанія Христова, поставлены на этомъ мосту въ эпоху Берниніевскаго [1]) безвкусія.

По берегамъ Тибра тѣснятся массы домовъ, высокихъ, узкихъ, почернѣвшихъ и чуждыхъ всякой симметріи. Одни изъ нихъ окунули свои фундаменты въ волны; другіе, отступя отъ рѣки, дали передъ собою пріютъ деревцу или кустарнику. Это отнюдь не лицевая сторона Рима; но посмотрите, какъ картинны эти, нависшіе надъ водой, балконы, эти плоскія крыши съ балюстрадами, лѣстницы снаружи зданій, и окна, пробитыя въ живописномъ безпорядкѣ.

За мостомъ встаетъ къ небу громадный памятникъ Адріана, колоссальнѣйшая гробница въ мірѣ послѣ Египетскихъ пирамидъ. Колоннады, окружавшія эту ротонду въ нѣсколько ярусовъ и сотни ея статуй, — все давно исчезло. Римляне, осаждаемые Готами, бросали эти колонны и статуи на голову варваровъ.

Мавзолей цесаря превращенъ въ крѣпость папъ. Крылатая статуя архангела Михаила, съ мечемъ въ рукѣ, сіяетъ на вершинѣ памятника: теперь—это замокъ св. Ангела. Думалъ ли Адріанъ, сооружавшій свою фамильную гробницу въ вѣкъ возрожденія древняго искусства, думалъ ли онъ, что папы будутъ въ ней хоронить заживо своихъ политическихъ противниковъ, а съ вершины монумента — спускать блистательные фейерверки [2])?!

Отъ замка св. Ангела къ собору св. Петра ведутъ двѣ невзрачныя улицы, Borgo Nuovo и Borgo Vecchio, которыя слѣдовало бы, по указанію Наполеона, слить въ одинъ монументальный проспектъ.

Площадь Rusticucci, эта передняя овальной площади св. Петра, обнятой колоннадами, открываетъ во всемъ величіи громадный куполъ, такъ смѣло поднятый къ небу геніемъ восьмидесятилѣтняго Микель-Анджело [3]).

---

[1]) *Бернини* — Итал. архитекторъ (XVI — XVII в.). Лучшая его работа — колонада передъ церковію Св. Петра въ Римѣ.

[2]) Нынѣ замокъ въ рукахъ Французовъ; въ немъ хранятся большіе запасы пороха, по этому жирандола устраивается на площади del Popolo.

[3]) *Микель-Анджело Буонаротти* (1474—1563)—великій Итал. художникъ. Въ 1546 г. ему поручено было довершить постройку Собора Св. Петра. Необыкновенный сводъ собора — его созданіе, хотя самъ зодчій за смертію своею и не дожилъ до окончательной постройки свода.

Съ каждымъ шагомъ къ обелиску, къ фонтанамъ въ волшебномъ кругѣ колоннадъ, — куполъ базилики постепенно погружается исчезая за фасадомъ.

Надъ правой колоннадой высоко возносится огромный дворецъ: это Ватиканъ на своемъ холмѣ. Надъ лѣвой колоннадой, въ золотистой атмосферѣ, раскинулись пинны виллы Панфили.

Это неожиданно разнообразитъ картину.

Невольно останавливаешься у громаднаго обелиска и у прекрасныхъ фонтановъ. Нельзя не заглядѣться на эти могучіе водяные снопы, шумно разсыпающіеся жемчугомъ надъ колоссальными гранитными чашами и падающіе изъ нихъ каскадами въ круглые бассейны.

Римское солнце, щедро золотившее колоннады, увѣнчанныя статуями, набрасывало на фонтаны яркія радуги.

Тѣнь обелиска, этой гранитной стрѣлки колоссальнѣйшихъ въ мірѣ солнечныхъ часовъ, близилась къ меридіану, проведенному по мостовой мраморной полосою.

Великолѣпная пустыня площади не оживлялась ничѣмъ, кромѣ этихъ фонтановъ, которыхъ шумная игра не прерывается ни днемъ, ни ночью, въ продолженіе двухъ слишкомъ столѣтій.

До паперти еще далеко; вы едва начинаете различать по сторонамъ ея двѣ колоссальныя статуи Петра и Павла; вы едва переступили за черту обелиска, глядите вверхъ: куполъ уже исчезъ, въ голубомъ воздухѣ рисуется только аттикъ, съ его тринадцатью статуями; передъ вами — дворецъ, академія, театръ, но не храмъ.

Невзрачный фасадъ Карла Мадерно [1]) скрываетъ за собою дивныя сооруженія Браманте [2]), Рафаэля [3]) и Микель-Анджело.

Открытыя арки предхрамія и окна безъ рамъ, но съ балконами, представляютъ зданіе какъ бы неоконченнымъ. Съ средняго изъ этихъ семи балконовъ, папа, по старому обычаю, благословляетъ городъ и свой міръ.

Колокола собора скрыты; за то на концахъ аттика чернѣютъ огромные циферблаты, двое часовъ для симметріи, а на фризѣ надпись, гласящая, что Павелъ V Боргезе [4]) соорудилъ этотъ фасадъ во славу князя апостоловъ.

---

[1]) *Карлъ Мадерно* (1556—1629) — Итальянскій архитекторъ, окончившій постройку церкви Св. Петра.

[2]) *Браманте* (1444—1514)—архитекторъ и живописецъ. По его планамъ положено основаніе церкви Св. Петра.

[3]) *Рафаэль* (1483—1520)—геніальнѣйшій художникъ; по смерти Браманте, составилъ новый планъ церкви Св. Петра, но за смертію не могъ привести его въ исполненіе.

[4]) Жилъ въ началѣ XVII в.

Какъ вы ни приготовлены, чтеніемъ и разсказами, къ громадности Римской базилики, съ перваго взгляда она васъ не поражаетъ. Зданіе кажется обыкновеннымъ; почему? Потому что форма его не соотвѣтствуетъ размѣрамъ.

Большія массы требуютъ величавыхъ формъ. А здѣсь фасадъ— простой параллелограмъ, съ порталомъ въ четыре колонны и нѣсколько пиластръ.

Напрасно говорятъ вамъ, что колонны въ тридцать метровъ вышиною, что на каждомъ листкѣ этихъ капителей могутъ усѣсться по нѣсколько челонѣкъ: вы помните, что четырехколонный порталъ приличенъ маленькой часовнѣ.

Браманте и Рафаэль предполагали украсить фасадъ собора портикомъ Пантеона. Архитекторы Павла V-го отвергли этотъ проэктъ, кажется, изъ необходимости устроить ложу, изъ которой папа даетъ благословеніе urbi et orbi. Можетъ быть также, что христiане не хотѣли входить въ свой соборъ языческимъ перистилемъ [1]).

Новѣйшіе Римляне рѣшились превзойти древнихъ, и подняли цѣлый пантеонъ на воздухъ; но на этой значительной высотѣ величаная ротонда является уменьшенною: глазамъ не вѣрится, что этотъ куполъ однихъ размѣровъ съ Пантеономъ.

Открытыми арками вы вступаете въ предхраміе: этотъ портикъ вдоль всего фасада кажется узкой галлереей; но измѣрьте ее шагами, и вы убѣдитесь, что тутъ умѣстились бы двѣ порядочныя церкви.

Справа и слѣва, вдали на стѣнахъ вы видите какъ бы фресковыя [2]) изображенія всадниковъ; по приближеніи къ нимъ, живопись превращается въ барельефы, и наконецъ только вы убѣждаетесь, что это колоссальныя конныя статуи Константина и Карла Великаго, двухъ благодѣтелей папъ.

Я видѣлъ живопись, достигающую эффекта пластики; но въ первый разъ вижу мраморные колоссы, кажущіеся плоскими фресками. Художникъ конечно не разсчитывалъ на невыгоды оптическаго обмана отдаленія.

Предхраміе свидѣтельствуетъ о великолѣпіи святилища. Плафонъ [3]) блещетъ золотомъ, стѣны и пиластры—дорогими мраморами. Шаги ваши звучатъ по мраморному помосту.

Пять вратъ ведутъ въ храмъ. Одинъ изъ этихъ входовъ остается закладеннымъ въ продолженіи четверти столѣтія, до эпохи церков-

---

[1]) *Перистиль* — крытая галлерея, поддерживаемая столбами.

[2]) *Фреска* — стѣнная картина, писанная водяными красками.

[3]) Нижняя поверхность потолка, свода, купола, покрытая слоемъ штукатурки или архитектоническими украшеніями.

наго юбилея, когда эти врата открываются подъ ударами серебрянаго молотка самаго папы.

Надъ среднимъ входомъ помѣщена знаменитая мозаика [1]) Джiотто — Naviulla di Santo-Pietro (ладья св. Петра), остатокъ Константиновской базилики.

На огромной бронзовой двери Флорентинскіе мастера пятнадцатаго вѣка трижды изобразили Леду въ объятіяхъ съ ея лебедемъ. Непостижимая проказа художника!

Главный входъ прикрытъ тяжелой кожаной завѣсой, которую услужливо отведетъ вамъ чичероне, поджидающій здѣсь любознательныхъ иностранцевъ. Онъ обязуется въ полтора часа времени ознакомить васъ съ храмомъ, котораго не изучите и въ полтора года.

Зданіе такъ необъятно, что вы можете видѣть его не иначе, какъ по частямъ.

Взоръ вашъ, блуждая подъ исполинскими сводами, естественно ищетъ отдыха на мраморныхъ фигурахъ мавзолеевъ, на мозаичныхъ картинахъ.

Разстоянія здѣсь такъ велики, что всѣ эти статуи, гробницы и орнаменты, при всей своей колоссальности, кажутся предметами обыкновенныхъ размѣровъ.

Я вижу чашу со святой водою, поддерживаемую двумя малютками херувимами.

Подхожу ближе... и эти полнощекія, пухлыя малютки превращаются въ исполиновъ саженнаго роста. Каждый ихъ пальчикъ толщиною въ вашу руку.

Вотъ вамъ масштабъ зданія.

Въ глубинѣ перспективы, въ потокахъ свѣта, падающихъ сверху, блещутъ четыре витые столпа бронзоваго балдахина надъ престоломъ св. Петра.

Этотъ балдахинъ кажется отстоитъ отъ васъ на нѣсколько шаговъ, но вы устанете считать ихъ прежде, чѣмъ дойдете до балюстрады [2]) у его подножія, и замѣтите на ней сто-двѣнадцать лампадъ, не угасающіе надъ подземной часовней Апостола.

Стоя у ступеней балдахина, вы никакъ не сообразите, что онъ вышиною съ величайшій дворецъ въ Римѣ, и однакожъ этотъ исполинъ крестомъ своимъ не досягаетъ и основанія купола.

Въ парусахъ мозаичныя изображенія Евангелистовъ представляются фигурами естественнаго роста; а вамъ докладываютъ, что

---

[1]) Искусство составлять разныя изображенія изъ цвѣтныхъ кусочковъ камней, эмали, дерева и пр., вставленныхъ плотно въ соединяющую ихъ мастику.

[2]) Перила.

одно перо въ рукѣ св. Луки чуть не въ сажень. Въ куполѣ, между мозаиками, вы едва примѣтите золотыя звѣзды, а васъ увѣряютъ, что каждая такая звѣзда имѣетъ столько-то футовъ въ поперечникѣ.

Вотъ статуя св. Вероники [1] — это колоссъ въ сорокъ футовъ вышиною. Вы взглянете на митру надъ трономъ Апостола... и вамъ повторяютъ, что она съ васъ ростомъ... и вы должны нѣмѣть отъ изумленія.

Громадность базилики постигается не столько чувствами, сколько соображеніями ума.

Ничего подобнаго не представляетъ ни древнее, ни новое зодчество.

Античные храмы, при несравненно меньшихъ размѣрахъ, казались колоссальными. Готическіе соборы, ограниченнѣйшими средствами представляются уносящимися въ небо, выражаютъ идею безконечности.

Въ ватиканскомъ храмѣ самыя могущественныя средства употреблены на достиженіе посредственнаго эффекта!

Все здѣсь страшно колоссально; но все представляется глазу въ естественныхъ размѣрахъ.

Нѣкоторые энтузіасты не преминули восхищаться даже и тѣмъ, что архитекторы утаили колоссальность базилики. Но безпристрастіе вмѣнитъ въ заслугу строителей развѣ только то, что, при всей колоссальности зданія, въ размѣрахъ всѣхъ его частей соблюдена полная гармонія.

На мраморѣ помоста отмѣчена длина огромнѣйшихъ Европейскихъ соборовъ. Когда вы миновали послѣдніе отмѣтки Лондонской церкви св. Павла и Миланскаго собора, передъ вами еще остается почти цѣлая треть храма.

Пройдя во всю длину его, отъ главнаго входа до трона св. Петра, я насчиталъ ровно триста шаговъ.

Куполъ громаденъ и кажется необъятнымъ, неизмѣримымъ.

Вы не хотите слушать безстрастнаго чичероне, который спокойно говоритъ вамъ, что высота базилики четыреста тридцать пять футовъ, считая отъ помоста подземной церкви до креста, вѣнчающаго куполъ.

Tu es Petrus et super hanc petram aedificabo ecclesiam meam, et tibi dabo claves regni coelorum [2]).

[1]) *Св. Вероника,* по преданію Римско-Католической Церкви, подала платокъ Спасителю, несшему крестъ. Спаситель отеръ имъ потъ на лицѣ своемъ, и на платкѣ отпечатлѣлось изображеніе Его лица. Этотъ платокъ хранится въ церкви Св. Петра въ Римѣ. *Изъ Словаря Толля.*

[2]) Ты еси Петръ, и на камени семъ созижду церковь мою, и вручу тебѣ ключи царствія небеснаго.

Все это изреченіе пяти футовыми мозаичными золотыми литерами начертано на фризѣ, обвивающемъ нижнюю часть купола.

Потоки свѣта льются изъ шестнадцати гигантскихъ оконъ въ куполѣ, раздѣленныхъ между собою тридцатью двумя пилястрами.

Вы изумлены этой массой воздуха, какой не видали ни въ одномъ зданіи.

Но огромный кругъ купола вы измѣрите вблизи, когда обойдете очертаніе его, сдѣланное цвѣтнымъ мраморомъ въ помостѣ.

Взнесенный на высоту куполъ уже значительно уменьшенъ; сводъ его, только благодаря прозрачности Римскаго воздуха, не пропадаетъ въ дымкѣ отдаленія; мозаичный ликъ Предвѣчнаго едва виднѣется съ высоты въ сіяніи голубаго дня.

Русскій архитекторъ замѣтилъ, что Иванъ Великій могъ бы тутъ встать и свободно поклониться на всѣ четыре стороны.

Строители сами испугались этой пустоты, этой массы воздуха, какой не бывало въ предѣлахъ зданія.

Рѣшено было, вопреки обычая, устроить главный престолъ по срединѣ храма, надъ почетной могилой Апостола.

Урбанъ VIII [1] сорвалъ всѣ античныя бронзовыя украшенія съ Пантеона, и эту массу металла отдалъ на сооруженіе пышнаго балдахина надъ престоломъ св. Петра.

Бернини, воздвигая этотъ памятникъ подъ чудеснымъ куполомъ, былъ видимо объятъ священнымъ ужасомъ: ему видѣлась тѣнь великаго Микель-Анджело.

Порываясь создать нѣчто невиданное, художникъ, въ напряженіи творческихъ силъ, успѣлъ, кажется, только соединить здѣсь всѣ причуды своей фантазіи, всю изысканность, всѣ заблужденія вкуса, разсѣянныя въ другихъ его произведеніяхъ.

Невозможно представить себѣ колоссальную вычурность этихъ четырехъ витыхъ столповъ, изукрашенныхъ каннелурами [2], арабесками [3], гирляндами и херувимами. Все это вылито изъ бронзы, блещетъ позолотой; но все это весьма далеко отъ спокойнаго величія Микель-Анджеловскаго купола.

Въ глубинѣ храма, на обычномъ мѣстѣ главнаго алтаря, вы видите колоссальный тронъ св. Петра, поднятый на плеча четырехъ отцовъ церкви.

---

[1] Жилъ въ XVI — XVII в.

[2] *Каннелуры* (Франц. слово) — углубленія въ видѣ желоба, находящіяся въ колоннѣ и идущія по ней сверху внизъ.

[3] *Арабески* — архитект. украшенія, состоящія изъ гирляндъ, вѣнковъ, вѣтокъ, плодовъ и пр. Арабы всегда употребляли такого рода украшенія, оттуда и названіе произошло.

Надъ всей этой горой бронзы, въ золотомъ сіяньи паритъ мистическая голубица, изображенная на длинномъ стеклѣ окна, которое особенно эффектно, когда въ него пробиваются лучи заходящаго солнца.

Въ соборѣ св. Петра покоится множество папъ, королей и принцевъ церкви, но не много людей великихъ.

Васъ поразитъ своей пышностью монументъ, нагроможденный надъ прахомъ какого-нибудь папы, сидѣвшаго на ватиканскомъ тронѣ всего одинъ мѣсяцъ; но едва ли вы найдете здѣсь, подъ однимъ изъ алтарей, скромную могилу преобразователя духовной музыки, геніальнаго Палестрины [1]), чье вдохновеніе донынѣ гремитъ подъ сводами собора.

Не потревожу праха всѣхъ этихъ папъ, которыхъ гробницы украшаютъ базилику, и можетъ быть болѣе чѣмъ сами они, при жизни, украшали тронъ ватиканскій. Эти мавзолеи изъ мрамора и бронзы — пышности неслыханной. Вѣчные монументы надъ забытыми смертными. Блескъ и грація украшеній видимо силятся устранить суровыя мысли о ничтожествѣ почившихъ, о лживости славы.

Не поучительнѣе ли всѣхъ этихъ великолѣпныхъ мавзолеевъ — простые, тяжелые гранитные саркофаги въ склепахъ ватиканскихъ. Ихъ жесткіе углы, ихъ прямыя линіи выражаютъ холодъ и неподвижность смерти. Эти скромныя гробницы возбуждаютъ болѣе участіе, потому что спящіе подъ ними требуютъ одного забвенія. А это забвеніе такъ нужно многимъ папамъ.

Передъ гробницею Александра VII [2]) чичероне разсказываетъ анекдотъ о Христинѣ. Шведская королева восхищалась Берниніевой статуей Истины.

— Благословеніе Богу, сказалъ сопровождавшій ее кардиналъ, что в. в. такъ цѣните истину, которая не всегда пріятна особамъ нашего сана.

— Я думаю, отвѣтила Христина: потому что не всѣ истины — мраморныя.

Соборъ населенъ колоссальными статуями католическихъ святыхъ; но о нихъ можно сказать вмѣстѣ съ Винкельманомъ [3]): «это большія глыбы мрамора, которыя неотесанныя стоили по пяти сотъ скуди [4]) каждая. Кто видѣлъ одну, тотъ видѣлъ всѣ».

---

[1]) *Палестрина* (XVI в.) — одинъ изъ знаменитыхъ духовныхъ композиторовъ. Лучшее его произведеніе: Stabat mater.

[2]) Жилъ въ XVII вѣкѣ.

[3]) *Винкельманъ* — извѣстный Германскій археологъ. Жилъ въ XVII вѣкѣ.

[4]) Золотая монета въ Италіи и Испаніи; въ Папской области равняется 5 фр. 35 сантим., въ Пьемонтѣ — 7 фр. и 7 сант.

Я промѣнялъ бы ихъ на пару львовъ, которыхъ Канова [1]) положилъ у гробницы Клемевта XIV.

Аллегорія, дочь Эллады, царствуетъ въ христіанскомъ Римѣ повсюду, отъ катакомбъ, гдѣ она выражается въ легкой живописи, до базилики св. Петра, гдѣ она выражается мраморными колоссами.

Подъ предлогомъ аллегоріи въ соборъ проникли во множествѣ полунагія или совсѣмъ нагія статуи, напоминающія храмы политеизма.

Вблизи самаго трона апостола Петра, справа и слѣва, лежатъ женскія фигуры ослѣпительной красоты. Вамъ говорятъ, что это статуи Правосудія и Милосердія надъ гробомъ папы Павла III [2]).

Кто узналъ бы гробницу восьмидесятилѣтняго старца, который усовершенствовалъ инквизицію, утвердилъ буллой орденъ іезуитовъ, отстаивалъ Римскую ѳеократію на Тріентскомъ соборѣ, отлучилъ отъ церкви Англійскаго короля Генриха VIII, что однакожъ не помѣшало Англіи окончательно отложиться отъ Римской опеки, и который, наконецъ, велѣлъ изобразить картину страшнаго суда въ Сикстовой капеллѣ.

Вы забываете тутъ и папъ и могилы. Передъ вами жизнь во всемъ блескѣ обольстительной красоты.

Въ четырехъ нишахъ хора статуи четырехъ основателей монашескихъ орденовъ: св. Франциска, св. Доминика, св. Бенуа и св. Иліи, котораго кармелиты считаютъ основателемъ этого братства.

Ни въ одномъ соборѣ не видалъ я такого множества исповѣдаленъ. Это рѣзныя деревянныя кельи съ дверью спереди, съ окошечками по сторонамъ.

Здѣсь исповѣдываютъ на всѣхъ Европейскихъ языкахъ, конечно исключая Русскаго.

Исповѣдники, въ извѣстные часы, сидятъ въ этихъ кельяхъ, и въ ожиданіи кающихся, читаютъ книжку, не могу сказать какого именно содержанія.

И много страницъ перелистывается, пока не явится какая-нибудь синьора, и не начнетъ нашептывать ему эпизодъ изъ своей сердечной хроники.

Но окошечко, для отвращенія всякаго соблазна, прикрыто рѣшеткой.

Приходитъ пастухъ, обожженный солнцемъ Лаціума, на колѣняхъ подползаетъ онъ къ исповѣдальнѣ, притронется лбомъ къ плитѣ помоста и ждетъ.

---

[1]) О *Кановѣ* см. II т. нашей Христоматіи, изд. 2, стр. 300.

[2]) Жилъ въ XVI вѣкѣ.

Исповѣдникъ прикасается своей багеткой [1]) къ головѣ кающагося, и тотъ встаетъ, освобожденный отъ грѣховъ.

Такъ въ древнемъ Римѣ преторъ или консулъ прикасались багеткой къ головѣ раба, и рабъ считался свободнымъ.

Въ одной изъ боковыхъ капеллъ служили обѣдню, гремѣлъ органъ, но звуки его терялись подъ сводами сосѣдняго предѣла, гдѣ работники стучали молотками, убирая драпировками пиластры къ предстоявшему празднику, и этотъ шумъ не долеталъ до молящихся.

Нѣсколько человѣкъ подметали мраморный помостъ и шли одинъ за другимъ, какъ косари на сѣнокосѣ.

Любопытные путешественники, хотя и ходили толпами, однако никому не мѣшали, и громкіе возгласы многихъ чичероне не заставляли оглянуться колѣнопреклоненныхъ женщинъ.

Я сѣлъ передъ Рафаэлевымъ Преображеніемъ, увѣковѣченнымъ мозаикой, и могъ предаться своимъ мыслямъ какъ въ глубокомъ уединеніи.

Вдали чуть слышались ноты духовной музыки, но стукъ молотковъ, говоръ рабочихъ, шаги посѣтителей замирали вмѣстѣ съ своимъ эхомъ; вдали люди двигались не слышимо, какъ тѣни.

Храмъ казался пустыннымъ; но эти пространства далеко не наполняются и двумя-тремя тысячами посѣтителей.

Въ соборѣ незамѣтно душной, спертой, пыльной атмосферы, какая существуетъ въ зданіяхъ этого рода. Даже десятки тысячъ посѣтителей почти не измѣняютъ температуры подъ этими исполинскими сводами.

Базилика св. Петра имѣетъ, такъ сказать, свой особенный климатъ: здѣсь никогда не бываетъ ни жара, ни холода.

Въ огромныхъ пространствахъ базилики, въ воздухѣ царствуетъ затишье, ненарушаемое никакими токами. Каково бы ни было состояніе температуры за стѣнами базилики, лѣто или зима, — внутри этого архитектурнаго міра, подъ золотыми звѣздами этого купола, времена года, кажется, не знаютъ перемѣны, воздухъ никогда не лишается своей прозрачности, своей мягкости.

Въ дни знойнаго сирокко, посреди этихъ мраморовъ, найдете прохладу: въ зимніе дни, здѣсь забываете объ аквилонѣ, пролетающемъ черезъ горы, покрытыя снѣгомъ.

«Не старайся выискивать ошибки и несовершенства въ произведеніяхъ искусства, прежде чѣмъ не научишься находить и созерцать въ нихъ прекрасное.»

---

[1]) *Багетка* (франц. слово) — планочка для убранства комнатъ занавѣсками и шпалерами.

Этими словами Винкельмана я обыкновенно привѣтствую молодыхъ художниковъ, встрѣчаемыхъ въ соборѣ святаго Петра.

Подъ грандіознымъ куполомъ такъ сильно чувствуется присутствіе генія Браманте и Микель-Анджело, что самая смѣлая критика смиряется и нѣмѣетъ; даже всѣ несообразности, всѣ извращенія вкуса цѣлой фаланги второстепенныхъ мастеровъ кажутся мелкими и незамѣтными, какъ вычурныя куртины подъ исполинскими деревьями вѣковаго сада.

На душу нисходитъ здѣсь дивное чувство довольства и покоя. Человѣкъ со всѣми его страстями является здѣсь во всемъ своемъ ничтожествѣ: человѣкъ здѣсь видитъ все свое ничтожество.... и всю свою мощь.... онъ здѣсь едва замѣтная точка, но вся эта архитектурная гора сооружена его геніемъ.

Все здѣсь прочно, массивно, незыблемо. Громадное зданіе создано изъ камня и металла; стѣны, пиластры цвѣтнаго полированнаго мрамора, отражаются въ мраморномъ помостѣ. Картины и образа — все каменное.

Своды блещутъ золотомъ и мозаиками. Капеллы и мавзолеи расточаютъ дорогіе мраморы, порфиръ, яшму, лазурикъ, бронзу, слоновую кость, бархатъ. И на всемъ этомъ лежитъ какой-то теплый тонъ, художественное единство, которымъ гармонируются всѣ эти богатства. И надо замѣтить, что самая изысканная пышность кажется здѣсь близкою къ простотѣ.

Все здѣсь вѣчнѣе мѣди, aere perennius.... Строители были убѣждены, что воздвигаютъ храмъ для религіи вѣчной. Они не подозрѣвали, что трудятся для реформаціи.

Постройка ватиканскаго храма требовала милліоновъ.... Папы усилили продажу индульгенцій — и это подняло Лютера....

Соборъ св. Петра, построенный въ ватиканской долинѣ, затопляемой Тибромъ, утрачиваетъ не мало величія отъ невыгодъ своего положенія. Съ лѣвой стороны, надъ колоннадой, вы видите скаты Яникульскаго холма, съ паркомъ виллы Панфили; справа налегъ на храмъ ватиканскій холмъ, со своимъ дворцомъ — музеемъ; поодаль господствуетъ и надъ Ватиканомъ и надъ соборомъ гора Маріо.

Очевидно не зодчіе избирали эту мѣстность.

Это было несчастіемъ для искусства въ эпоху его упадка.

Преданіе о могилѣ Апостола опредѣлило мѣсто для построенія храма на низменностяхъ при-тибрскихъ; забыто было древнее преданіе приносить жертвы на высотахъ,—преданіе религіозное и вмѣстѣ артистическое, которое перешло отъ Грековъ къ древнимъ Римлянамъ.

Какимъ чудомъ былъ бы храмъ, построенный Брамантомъ, Ра-

фаэлемъ и Микелемъ-Анджело, и вэнесенный надъ Римомъ на высоты холма Пинчіо или горы Маріо.

4. На куполѣ св. Петра.

Восхожденіе на вершину ватиканской Базилики, на эту архитектурную гору, крайне облегчено разумными строителями, но невѣроятно затрудняется формальностію блюстителей. Надо хлопотать о покупкѣ билета отъ magiordomo (билетъ выдается на шесть особъ) и платить нѣсколькимъ проводникамъ.

Въ десять часовъ утра мы встрѣтились подъ колоннадой собора. День былъ блистательный. Но жары здѣсь довольно сносны даже при 25 градусахъ въ тѣни. Римляне не запомнятъ такого умѣреннаго лѣта.

Однакожъ подниматься на вершину собора совѣтовали намъ до полудня—иначе въ мѣдномъ шарѣ подъ крестомъ можно испечься.

По отлогой горкѣ, съ небольшими уступами вмѣсто ступеней, легко и спокойно мы стали подыматься на эту страшную вышину. Стѣны лѣстницы, блещущей свѣтомъ и образцовой чистотой, папы вздумали украшать именами разныхъ королей и принцевъ, совершавшихъ это восхожденіе. Каждое имя сопровождается титулами, числомъ и слѣдующею фразой: «Onorò bi sua visite la cupola Vaticana e sali nella palla.» (Почтилъ своимъ посѣщеніемъ Ватиканскій куполъ). Какая-нибудь сверхъ-естественная особа, побывавъ въ фонарѣ надъ куполомъ и истребивъ обыкновенно приготовляемый тамъ завтракъ, спускается внизъ и видитъ, что этотъ подвигъ уже начертанъ золотыми литерами на мраморной доскѣ. Въ Римѣ самая лесть принимаетъ характеръ монументальный.

Мы вышли на платформу или плоскую крышу собора: это — цѣлая площадь, поднятая на воздухъ. Стоящій на ней куполъ — это цѣлый храмъ, второй пантеонъ, поднятый на крышу собора.

Два малые осьмиугольные купола являются здѣсь часовнями порядочной величины. Статуи Іисуса и двѣнадцати Апостоловъ, украшающіе аттикъ фасада, — это каменные гиганты. За то люди и экипажи на площади представляются мошками. Даже колоннады, обелискъ между двухъ фонтановъ кажутся игрушками.

Отсюда мы вошли внутрь собора. Легкія перила, не замѣтныя снизу, устроены на антаблементѣ, у подножія купола. Громадность его поразительна. Мозаичные ангелы, кажущіеся снизу трехмѣсячными дѣтьми, — фигуры футовъ въ двѣнадцать. Перо Евангелиста на одномъ изъ парусовъ — ростомъ съ добрую сажень.

Но загляните въ бездну, открытую подъ вами, бездну, отъ ко-

торой васъ отдѣляютъ тонкіе желѣзные прутья перилъ. Люди и мелкіе предметы исчезаютъ тамъ безъ слѣда: алтари, колоссальныя статуи, мавзолеи являются миніатюрными.

Мы вышли опять на платформу, поглядѣть на залитую жаркимъ солнцемъ панораму Рима.

Тутъ же мы посѣтили нѣсколько залъ, гдѣ хранятся деревянныя модели собора, сдѣланныя съ большимъ искусствомъ. Модель геніальнаго Браманте изящнѣе всѣхъ. Онъ предполагалъ построить соборъ въ формѣ Греческаго креста, съ куполомъ по срединѣ и четырьмя малыми куполами по угламъ.

На крышѣ собора вы находите цѣлое селеніе, вовсе не замѣтное ни съ площади, ни съ окрестностей Ватикана.

Въ каменныхъ домикахъ, на этой вышинѣ, поселены десятки добрыхъ и ловкихъ рабочихъ, обязанныхъ содержать въ порядкѣ и образцовой чистотѣ громадное произведеніе Микель-Анджело, заглаживать малѣйшіе удары, наносимые ему временемъ. Эти люди родятся, живутъ, работаютъ и умираютъ на крышѣ Базилики. Они обзавелись здѣсь всѣмъ хозяйствомъ; сюда проведена вода: прозрачная струя водомета не изсякаетъ.

Вотъ ихъ дѣтки, играющія въ тѣни купола, или бѣгающія по лѣстницамъ, между двойными его стѣнами. По плитамъ этой крыши спокойно расхаживаетъ даже мулъ, носящій разныя тяжести, и для него на Соборѣ есть хлѣвъ. Вы глядите на этого мула здѣсь, какъ на рѣдкость, но онъ, видимо, не понимаетъ своего высокаго положенія и ведетъ себя, какъ на обыкновенномъ дворѣ.

И вся эта колонія съ ея домиками, съ ея суетящимися жителями, съ ребятишками и мулами — также мало замѣтна на колоссальномъ зданіи, какъ какія-нибудь букашки на головѣ слона.

Sanpietrini — таково названіе этихъ постоянныхъ жителей Собора. Это настоящій экипажъ громаднаго корабля: лазая безпрестанно вверхъ и внизъ по стѣнамъ зданія, вися на веревкахъ въ безднахъ купола и храма, Sanpietrini могли бы служить образцами ловкости и смѣлости матросамъ любаго корабля.

Съ дѣтства они привыкаютъ хладнокровно измѣрять высоты и глубины храма.

На своихъ, почти невидимыхъ, снастяхъ, эти смѣльчаки цѣпляются по стѣнамъ и по сводамъ, по куполу, до самаго фонаря, и, когда нужно, вылѣзаютъ изъ отверстія шарика на самый крестъ, вѣнчающій зданіе.

Они ухаживаютъ за колоссами, метлой и щеткой чистятъ всѣ статуи Апостоловъ, святыхъ, папъ и отцевъ церкви.

На большіе праздники Sanpietrini хлопочутъ объ убранствѣ собора, какъ искуснѣйшіе обойщики. Вися на веревочныхъ лѣстни-

цахъ, они вѣшаютъ тяжелыя драпировки на карнизы и пиластры. Они-то приготовляютъ иллюминаціи, играющія немаловажную роль въ фастахъ католицизма.

По легкой витой лѣствицѣ, между двойными стѣнами, мы поднялись до верху цилиндрической части купола и вошли внутрь храма, на второй балконъ, окаймляющій карнизъ, надъ которымъ начинаетъ округляться сводъ купола: отсюда уже страшно взглянуть внизъ.

Но мы еще далеко отъ вершины этой архитектурной горы. Слѣдовало идти, сломившись на бокъ, между двумя дугами, между наклоняющимися стѣнами двойнаго купола.

Я предпочелъ этой мучительной лѣстницѣ гигантскіе уступы внутренняго купола и взлѣзъ по нимъ прямымъ путемъ до фонаря: этотъ фонарь — цѣлая часовня.

Отсюда еще разъ мы заглянули въ соборъ: въ его безднѣ все было смутно и темно.

За то какая блистающая, безпредѣльная панорама охватила насъ со всѣхъ сторонъ, когда мы вышли на самый верхній балкончикъ зданія, окружающій lanternino, то есть фонарь надъ куполомъ.

Какая ширь горизонта! что за блескъ воздуха!

Ни съ какой высоты Римъ не представляется торжественнѣе и мертвѣе. Сюда не доносилось ни звука пошлой городской жизни.

Римъ новый сливался съ Римомъ древнимъ.

Великолѣпные палаццы, памятники непотизма и чудовищные остовы памятниковъ цесарскаго деспотизма представлялись равно безмолвными, отжившими.

Мертвая Кампанья, эта обожженная пустыня, окружающая Римъ, казалась еще мертвѣе.

На сѣверо-востокѣ возвышалась одинокая громада Соракта, точно исполинскій курганъ, сложившійся изъ костей народовъ, приходившихъ терзать Италію.

Только Сабинскія горы, изъ-за которыхъ выглядывали снѣговыя верхи Апеннинъ, въ чудномъ голубомъ блескѣ сіяли вѣчною красотою, какъ будто только что создавныя и готовыя принять въ свои разсѣлины племя новое, разумное и свободное.

На западѣ, за лѣсистымъ прибрежьемъ Остіи, мерцало море, готовое привесть сюда всѣ блага цивилизаціи, выработанныя чужимъ потомъ, чужою кровью.

Отсюда только вы можете обозрѣть разомъ лирически-безпорядочный планъ Ватикана. Это не дворецъ, а собраніе палаццовъ, флигелей, двориковъ, галлерей, садовъ, павильоновъ, связанныхъ между собою случайно.

Ватиканъ разростался вѣками; папы строили его каждый по планамъ своего архитектора; — отсутствіе общей мысли очевидно.

Наконецъ по витой лѣсенкѣ мы поднялись подъ крышу фонаря; здѣсь въ комнаткѣ, украшенной намалеванными драпировками, мы отдохнули и подкрѣпили свои силы фольеттой вина, хлѣбомъ и абрикосами, принесенными въ корзинкѣ, прикрытой листкомъ Diario di Roma (Дневникъ Рима).

Нѣсколько ступенекъ деревянныхъ, потомъ лѣсенка изъ двадцати желѣзныхъ прутьевъ, ведутъ въ шарикъ, palla. Подо мной теперь — вся громада Базилики св. Петра, весь Римъ. Надо мною — только крестъ, да небо....

Пишу эти замѣтки, опираясь на желѣзныя связи. Свѣтъ сюда проникаетъ достаточно въ узкія отдушины.

Въ этотъ шаръ можно бы натискать человѣкъ пятнадцать; діаметръ его до четырехъ аршинъ.

Отсюда можно вылѣзть на двѣнадцати-аршинный крестъ; но на это способны одни Sanpietrini, которые, при устройствѣ иллюминацій, безстрашно садятся верхомъ на его поперечины.

Но душно; мѣдныя стѣны сферической камеры начинаютъ раскаляться; надо уйти отсюда до полудня, иначе можно задохнуться.

Почернѣвшія, горячія стѣны исчерчены надписями. Рѣдкій путешественникъ не расписывается здѣсь. Изъ тысячи автографовъ нельзя не замѣтить одной фразы, начертанной первоначально мѣломъ, а потомъ на вѣчно врѣзанной въ мѣди:

«Былъ здѣсь Николай, и молился о благоденствіи матушки Россіи».

(Изъ статьи «Вѣчный Городъ», напечат. въ Библіот. для Чтенія за 1858, № 4).

В. Яковлевъ.

КОРАБЛЬ РЕТВИЗАНЪ.

Примѣч. — Сочиненіе Григоровича «Корабль Ретвизанъ» весьма мало извѣстно, потому что до сихъ еще поръ, къ величайшему нашему сожалѣнію, не издано отдѣльною книгою, а напечатано пока въ разныхъ журналахъ (Морской Сборникъ 1859, № 5, 11 и 12; 1860, № 2, 3 и 4; 1861, № 10 и 1862, № 5 и 6; Современникъ 1860, № 3 «Парижскія Впечатлѣнія»; «Время» 1861, № 5 «Уголокъ Андалузіи»). Оно содержитъ въ себѣ подробное описаніе пребыванія автора въ Кронштадтѣ, Копенгагенѣ, Шербургѣ, Парижѣ, Кадиксѣ, Севильѣ, Ниццѣ и Генуѣ. Путешественникъ пробылъ годъ (1858—1859) въ Европѣ и Европейскихъ моряхъ. Кромѣ указанныхъ мѣстностей, авторъ даетъ отчетъ и о другихъ мѣстахъ, въ которыхъ онъ былъ. Жизнь на кораблѣ описана весьма подробно. «Корабль Ретвизанъ», по богатству

матеріала и интересу изложенія, долженъ занять одно изъ видныхъ мѣстъ въ нашей литературѣ путешествій. Отличительными чертами путеописанія Григоровича служатъ: оригинальность, живость и наглядность, юморъ и откровенность. *Оригинальность* путешественника заключается въ томъ, что онъ прямо и рѣшительно отказывается выписывать изъ книгъ разныя свѣдѣнія о тѣхъ предметахъ, о которыхъ говоритъ. Нашъ авторъ вноситъ въ свой дневникъ только то, что видѣлъ или слышалъ. Разныя историческія замѣтки почти не входятъ въ его разсказъ. Иное дѣло представляетъ собою книга Боткина «Письма объ Испаніи»: тамъ авторъ усердно пользовался разнаго рода источниками... «Фрегатъ Паллада» содержитъ въ себѣ не мало заимствованнаго матеріала... У Григоровича въ этомъ отношеніи — полнѣйшая оригинальность. *Живость и наглядность* путешествія автора состоитъ въ обиліи подробностей и мелочей, которымъ преисполнено его сочиненіе. Подробности осязательнѣе даютъ понятіе о предметѣ описанія и разсказа путешественника. Эта живость особенно ярка тамъ, гдѣ авторъ описываетъ памятники искусства и жизнь на морскомъ кораблѣ. Искусство — любимый предметъ Григоровича; уже давно извѣстны его глубокія познанія по этой части. Описаніе «статуй Торвальдсена» и «Собора въ Севильѣ», приводимое нами ниже, лучше всѣхъ нашихъ словъ объяснитъ воспитаннику пониманіе искусства нашимъ авторомъ и умѣнье говорить о немъ съ людьми не спеціальными. — *Юморъ* Григоровича проявляется во всемъ сочиненіи, а особенно тамъ, гдѣ онъ рисуетъ мелкія черты быта, напр. питье водки матросами, повара Пупо и пр. — *Откровенность* путешественника видна тоже во всемъ произведеніи — тамъ ли, гдѣ онъ разсказываетъ о своемъ отвращеніи къ морю,—тамъ ли, гдѣ онъ описываетъ черепаховый супъ, оказавшійся простою яичницею,— тамъ ли, гдѣ онъ говоритъ о неумѣньѣ своемъ изъясняться по-Испански и—языкѣ посредствомъ жестовъ... Чтеніе произведенія Григоровича «Корабль Ретвизанъ» доставляетъ величайшее наслажденіе по всѣмъ означеннымъ причинамъ, и мы еще разъ заявляемъ свое искреннее сѣтованіе о томъ, что это прекрасное произведеніе во первыхъ не окончено, а во вторыхъ не издано отдѣльною книгою напечатанное уже.

1. Копенгагенъ и Торвальдсенъ.

Уже одна дорога изъ Корсёра [1]) въ Копенгагенъ, — прелесть! Прелесть здѣсь не только въ ландшафтахъ, сколько въ общемъ впечатлѣніи, которое оставляетъ страна. Если хотите даже, пейзажъ очень обыкновенный; сѣрое небо показывало его намъ, въ добавокъ,— въ самомъ непривлекательномъ свѣтѣ. При всемъ томъ, нѣтъ возможности оторваться отъ оконъ вагона.

Чтó за поля, чтó за луга и чтó за жизнь на этихъ лугахъ и поляхъ, если бъ вы только видѣли! Во многихъ мѣстахъ хлѣбъ былъ уже снятъ и убранъ; но и тутъ все смотритъ также чисто какъ на пашняхъ, только что воздѣланвыхъ подъ озимь. Жнивье, пройденное вездѣ граблями, уходило ровною, тучною пеленою; нигдѣ не было слѣда неряшливости, запустѣнія; каждая десятина обнесена кру-

[1]) Маленькій Датскій городокъ.

гомъ канавой, куда проведена вода; валъ густо обсаженъ кустарниками и деревьями, — преимущественно букомъ и рябиной, красныя гроздья которой весело пестрѣютъ въ потемнѣвшей осенней зелени; справа и слѣва, поминутно мелькали изъ-за садиковъ каменные крестьянскіе домы — бѣлые какъ молоко и крытые черепицей. Часто попадался рабочій народъ: всѣ были въ толстыхъ суконныхъ курткахъ, надѣтыхъ на теплые шерстяные камзолы; останавливаясь на станціяхъ, мы подходили къ нимъ ближе: всѣ смотрѣли бодро, весело, здорово какъ-то! И какъ не быть имъ довольными! Въ-чужѣ забирала завидть, глядя на ихъ лошадей, такихъ же здоровыхъ, бодрыхъ и выхоленныхъ какъ сами хозяева; на протяженіи трехъ часовъ, мы не встрѣтили ни одной замореной коровы, ни одной клячи, ни одной веревочной постромки, ни одного земледѣльческаго орудія, которое бы не было хорошо, дѣльно сдѣлано. Поля по всѣмъ направленіямъ перерѣзаны [illegible] всѣ города и даже не говоря уже о шоссе, котор[illegible] большія [illegible] дачи, — самые эти проселки убиты вездѣ щебенкой и отличаются отъ большихъ дорогъ тѣмъ только, что послѣднія шире. Раза два, три мы проѣзжали лѣсомъ; мѣстами деревья рѣдѣли, и яркой отблескъ заходящаго солнца, которое глядѣло между тучами, — освѣщалъ внутренность лѣса.

— Да это парки! говорилъ я В. Ѳ. Т*, — посмотрите: нѣтъ нигдѣ валяющагося или подрубленнаго дерева, висящей вѣтки; не видать даже валежника и сухихъ вѣтвей на деревьяхъ; все расчищено какъ въ паркахъ!..

— Здѣсь всѣ лѣса такъ содержатся; вы здѣсь другаго лѣса не увидите, возразилъ В. Ѳ., который много разъ былъ въ Даніи и былъ страстный охотникъ, отлично знакомъ былъ съ ея лѣсами.

А между тѣмъ ночь заслоняла пейзажъ и вскорѣ, сквозь совершенно уже сгустѣвшій сумракъ, сверкнули вдали огни Копенгагена.

На станціи, точно также какъ въ Гамбургѣ и даже въ Килѣ, — ожидаютъ толпа носильщиковъ и отличныя удобныя коляски, которыя нанимаются здѣсь по очень дешевой таксѣ; онѣ замѣняютъ наши колиберы. Мы проѣхали длинный форштадтъ, буквально — залитый газомъ; при блескѣ освѣщенія мостовая лоснилась какъ паркетъ; мы катили какъ по маслу, не смотря на то, что коляска была нагружена чемоданами, сидѣло въ ней четыре человѣка, считая кучера, и везла ее одна лошадь.

При въѣздѣ въ городъ, на площади возвышается монументъ.

— Что это за памятникъ? спросили мы у кучера.

— Памятникъ, который поставилъ народъ по складчинѣ въ память своего освобожденія.

Не удивляйтесь такимъ *разсужденіямъ* кучера. *Нѣтъ страны въ*

цѣломъ свѣтѣ, гдѣ бы общее народное просвѣщеніе было такъ велико какъ въ Даніи; въ этомъ случаѣ ей уступаетъ Саксонія и Пруссія. Въ Даніи девять грамотныхъ противъ одного безграмотнаго; такой пропорціи грамотности не существуетъ ни въ одномъ Европейскомъ государствѣ.

Памятникъ воздвигнутъ въ 1788 году народомъ, въ благодарность за освобожденіе и права, данныя ему королемъ. Мраморный пьедесталъ украшенъ обелискомъ; по угламъ мраморныя аллегорическія статуи вѣрность, земледѣлія, храбрость и любви къ отечеству.

Мы согласились встать завтра чѣмъ свѣтъ, и потому прямо отправились на ночлегъ въ гостинницу.

Начну свое описаніе съ откровеннаго признанія, что чувствую

Слабость къ Копенгагену и вообще къ Даніи.

[illegible] совемъ раздѣлите, я надѣюсь: она основывается на нравственной силѣ [illegible] кого народа, который, при самыхъ скудныхъ данныхъ,—успѣлъ сдѣлать такъ много и для себя лично и для страны своей.

Еще въ 1478 году въ Копенгагенѣ положено основаніе университета; въ 1788 году во всей Даніи произошло освобожденіе народа отъ крѣпостнаго состоянія и даны ему особыя права; въ 1831 году король Фридрихъ VI дозволилъ свободу книгопечатанія.

Конечно и такія сѣмена не принесли бы теперешняго плода, если бы почва не была плодородна.

Всѣ эти обстоятельства, при плодородіи почвы Датской націи, быстро просвѣтили страну, пробудили и въ народѣ чувство человѣческое, дали ему сознательное чувство національной гордости, которая всегда толкаетъ впередъ націю и творитъ вокругъ себя великое дѣло.

Съ перваго взгляда Копенгагенъ представляетъ характеръ строгаго какого-то протестантскаго города. Такой характеръ идетъ впрочемъ столицѣ сѣверной страны. Сѣрый цвѣтъ преобладаетъ надъ другими; дома узки, очень высоки, съ большими четырехъ-угольными окнами на манеръ Голландскихъ, и высокими черепичными крышами; улицы тѣсны; нѣсколько сумрачный характеръ ихъ смягчается впрочемъ живописными панорамами, которыя часто открываются при поворотѣ изъ улицы на свѣтлую площадь, обстановленную изящными архитектурными зданіями, съ площади — на каналъ, запруженный судами; смягчается также эта суровость пестротою толпы и общимъ движеніемъ города.

Копенгагенъ поражаетъ своимъ богатствомъ, — не тѣмъ внѣшнимъ богатствомъ, которое ослѣпляетъ глаза, но настоящимъ, заключающимся въ удобствахъ, благоустройствѣ и томъ разумномъ

комфортѣ, который составляетъ необходимую потребность истинно-просвѣщеннаго народа и служитъ выраженіемъ высокой степени цивилизаціи.

Степень цивилизаціи выражается здѣсь также присутствіемъ повсюду художества. Служитъ ли здѣсь художество выраженіемъ внутренней потребности, національнаго вкуса, или явилось оно здѣсь только какъ результатъ высокой степени просвѣщенія, — на это трудно отвѣтить. Дѣло въ томъ, что Копенгагенъ, по богатству заключающихся въ немъ изящныхъ произведеній, памятниковъ, архитектурныхъ замѣчательныхъ зданій, можетъ опять таки стать на ряду съ первокласными столицами Европы.

Удивительнѣе всего, что художественное богатство Копенгагена создано почти однимъ лицемъ; — лице это — Торвальдсенъ (1770—1844). Какъ ни великъ Торвальдсенъ, что могъ бы [illegible] стремленій и сдѣлать, если бы сама нація не [illegible] постоянно не [illegible] ему руки. Нація создала академію; въ академіи этой образовался скульпторъ; нація на свой счетъ отправила его въ Италію. Торвальдсенъ дѣлается первымъ скульпторомъ нашего времени. Онъ умираетъ; по завѣщанію, оставляетъ онъ городу своему все свое состояніе. Городъ объявляетъ подписку, и на деньги цѣлой націи, — воздвигается музей Торвальдсена; въ музеѣ помѣщены всѣ произведенія скульптора; онъ служитъ въ то же время мавзолеемъ художнику. Не будь у Датчанъ сильнаго національнаго чувства, не имѣй они любви къ искусству, они конечно не стали бы хлопотать и жертвовать огромныхъ суммъ на тѣ постройки и памятники, которые при жизни своей предлагалъ Торвальдсенъ, — имѣвшій постоянно въ виду украшенія роднаго своего города.

Удивительно, какъ иногда одна геніальная частная личность можетъ наполнить собою весь городъ. Гуляя по Копенгагену, вы на всемъ чувствуете присутствіе Торвальдсена. Онъ сдѣлалъ для Копенгагена то же, что великій мастеръ дѣлаетъ прикасаясь къ недоконченной картинѣ любимаго ученика: тамъ выгнулъ онъ сухую линію, здѣсь срѣзалъ темный уголъ и положилъ вмѣсто него свѣтлый лучезарный ликъ, тутъ далъ легкій воздушный тонъ тяжелой массѣ, въ другомъ мѣстѣ бросилъ тѣнь, которая контрастомъ своимъ придала легкость всему окружающему.

Духъ Рафаэлевъ въ теперешнемъ Римѣ далеко не такъ сильно чувствуется, какъ духъ Торвальдсена въ Копенгагенѣ; въ Римѣ отъ Рафаэля остались только: Мадонна Фолиньо (городъ), Преображеніе и фрески Ватикана и Фарнезины (вилла); весь геній Торвальдсена почилъ на Копенгагенѣ; всѣ церкви, памятники, замѣчательныя частныя зданія, дворцы, — наполнены его произведе-

ніями; посуда и даже самыя грубыя чашки и плошки, которыя продаются на улицахъ, испещрены абрисами его композицій; дѣтскія игрушки напоминаютъ фигуры Торвальдсена; на всѣхъ площадяхъ продаются гипсовыя медали съ его портретомъ и слѣпками съ его барельефовъ. Вы покупаете глиняную трубку, — и на трубкѣ встрѣчаете копію съ головы которой-нибудь изъ статуй національнаго скульптора. Во всемъ этомъ видна нѣжвая любовь къ своему, проглядываетъ сильное національвое чувство, что-то милое, трогательное.

Надо идти въ музей, носящій его имя, чтобы вполнѣ обнять [illegible]зную силу этого Титана современной скульптуры.

Это огромное, нѣско[illegible] отъ церкви. [illegible]оватое зданіе въ древнемъ архаическомъ Греческомъ вкусѣ. Наружныя [illegible] украшевы фресками въ три цвѣта; онѣ представляютъ пріѣздъ Торвальдсена на родвну, выгрузку его работъ изъ судовъ, перенесеніе ихъ на мѣсто и т. д. Мы поднялись на широкое крыльцо съ пятью монументальными дверями; средняя ведетъ на главную парадную лѣстивцу.

Внутреннее расположеніе комнатъ, украшеніе стѣнъ и плафоновъ почти то же, что въ нашемъ эрмитажѣ. Потолки идутъ сводами и росписаны художниками Датской академіи на манеръ Помпеянской и во вкусѣ Титовыхъ бань. Внутри зданія дворикъ, обсаженный растеніями; посреди его—возвышеніе, убранное цвѣтами: — это могила, въ которой хранятся бренные останки великаго скульптора.

Я думаю, болѣе грандіознаго, болѣе славнаго памятника — не имѣлъ еще до сихъ поръ ни одинъ человѣкъ.

Торвальдсена окружаетъ болѣе трехъ сотъ произведеній, имъ самимъ созданныхъ; большая часть этихъ произведеній заказана его соотечественниками и правительствомъ Даніи, — знакъ, какъ умѣли цѣнить его еще при жизни, — и къ довершенію всего, — зданіе, т. е. памятникъ, — сооружено на деньги, собранныя по подпискѣ цѣлой націи!

Но вѣроятно ли, чтобы одинъ человѣкъ могъ исполнить болѣе трехъ сотъ произведеній?

Такой вопросъ очень основательно можетъ встрѣтиться со стороны тѣхъ изъ нашихъ соотечественниковъ, которые знакомы только съ дѣятельностью нашихъ современныхъ художниковъ. Причину огромной дѣятельности Торвальдсена надо искать прежде всего въ его геніи; геній всегда плодовитъ; въ геніальномъ человѣкѣ всегда присутствуетъ страсть къ предмету его дѣятельности; въ немъ ни-

когда, даже подъ старость, — не угасаетъ священный огонь, никогда не слабѣетъ та внутренняя творческая сила, которая постоянно ведетъ его выше и выше на пути къ совершенствованію; такія личности не удовлетворяются первыми успѣхами, не успокоиваются послѣ первыхъ опытовъ, не засыпаютъ на первомъ ученическомъ лавровомъ листочкѣ.

Поощреніе соотечественниковъ и Датскаго правительства, конечно, поддерживало скульптора, поддерживало его и нравственно и матерьяльно; но нельзя также приписывать одному этому поощренію неусыпную его дѣятельность; съ первыхъ же произведеній въ Италіи, — Торвальдсенъ обратилъ на себя всеобщее вниманіе; онъ не имѣлъ бы свободнаго дня, еслибъ даже не работалъ вовсе для Даніи. Нѣтъ значительной галлереи, гдѣ бы не было его произведенія; множество церквей, — даже Петръ въ Римѣ, — щеголяютъ его статуями.

Для людей, сколько-нибудь знакомыхъ съ законами искусства, плодовитость Торвальдсена ни мало не удивительна. Если не одинъ скульпторъ XV и XVI вѣка, въ самую дѣятельную и блистательную эпоху процвѣтанія искусства, не произвелъ столько статуй сколько Торвальдсенъ, то это потому только, что тогда не существовало раздѣленіе труда въ той степени по крайней мѣрѣ, какъ теперь существуетъ. Художникъ не довольствовался вылѣпить статуи изъ глины, въ чемъ собственно и заключается главное дѣло, потому, что эта вылѣпка изъ глины, — и есть самое созданіе; на немъ лежалъ также весь матеріальный трудъ; онъ самъ лично высѣкалъ статуи изъ мрамора. Въ наше время трудъ художника значительно упростился; рѣзецъ и молотокъ для него вещи второстепенныя; ими управляютъ искусные работники; и если художникъ, какъ напримѣръ, Торвальдсенъ, беретъ рѣзецъ, такъ для того только, чтобы окончательно пройти статую, дать ей тѣльность, жизнь и положить на нее печать своей индивидуальности, — безъ чего статуя, какъ бы ни была хорошо сочинена, — останется все-таки холоднымъ фабричнымъ произведеніемъ.

Статуи Торвальдсена занимаютъ 21 комнату; тѣ изъ нихъ, которыхъ оригиналъ не находится въ Копенгагенѣ, замѣнены превосходными гипсовыми слѣпками; онѣ расположены въ хронологическомъ порядкѣ, по времени, какъ выходили изъ мастерской.

Въ первой комнатѣ меня поразилъ надгробный памятникъ Пію VII (оригиналъ въ церкви Петра въ Римѣ). Папа сидитъ въ креслахъ; справа и слѣва двѣ аллегорическія фигуры: премудрость небесная и Божественная сила; внизу два генія поддерживаютъ знаки папскаго достоинства. Я такъ и ахнулъ отъ удивленія.

Такъ вотъ наконецъ, эти могущественныя, громадно-грандіозныя

произведенія скульптуры, — которыми я до сихъ поръ любовался только по эстампамъ!

Но пора остановиться; продолжая такимъ образомъ, мы бы никогда не кончили. И наконецъ, грѣхъ говорить было и на лету о произведеніяхъ Торвальдсена. Скажемъ только, что въ музеѣ его, — 59 статуй, 73 бюста, 144 барельефа и десять фризъ большаго размѣра. Второй этажъ зданія вмѣщаетъ эскизы великаго скульптора, работы его юности, первые опыты, коллекцію камней, древнихъ мраморовъ, Этрурскихъ вазъ, эстамповъ, книгъ, картинъ; — все, что собрано Торвальдсеномъ и завѣщено имъ Даніи. По завѣщанію оставилъ онъ также значительную сумму денегъ на поддержку художниковъ въ отечествѣ.

Не вправѣ ли Данія гордиться художникомъ своимъ столько же, сколько гордится она высокою личностью своего соотечественника! Въ исторіи Даніи нѣтъ лица, которое прославило ее столько, сколько прославилъ Торвальдсенъ. Произнесите въ какой угодно части свѣта имя Торвальдсена, — вамъ скажутъ: «А, это знаменитый Датчанинъ!» — и при этомъ, вспомнятъ и Данію и Копенгагенъ. Скажите, что вы ѣдете въ Данію, — вамъ скажутъ: «Вы тамъ увидите произведенія славнаго Торвальдсена!» Имя его неразрывно связано съ именемъ его отечества. Подобно тому, какъ имена Гомера, Фидія, Апеллеса и другихъ знаменитыхъ художниковъ Греціи пережили имена вождей, пережили ученія, пережили узаконенія и самую исторію, — слава Торвальдсена переживетъ не только все существующее теперь въ Даніи, но по всей вѣроятности и самое воспоминаніе о ней.

Этотъ Копенгагенъ такой впрочемъ городъ, въ которомъ, даже не любя искусства, — никакъ отъ него не отдѣлаешься. Если Мюнхенъ слыветъ Аѳинами Германіи, Копенгагенъ, — по всей справедливости, долженъ быть названъ Аѳинами сѣвера. Но какъ пропустить напримѣръ Христіансбургскій дворецъ, этотъ художественный Пантеонъ, вмѣщающій въ себѣ произведенія почти всѣхъ художниковъ Даніи? Кромѣ того, тамъ отличная картинная галлерея, коллекція памятниковъ древности, — особенно сѣверныхъ Скандинавскихъ (числомъ болѣе девяти тысячъ), собраніе рѣдкостей всякаго рода, эстамповъ, книгъ, моделей. Какъ не сказать слова о церкви Петра, которая то же для извѣстнаго скульптора Видевельта, что церковь Богоматери для Торвальдсена? Академія художествъ съ ея національной картинной галлереей! а дворцы: Фредериксбургъ и Фреденсбургъ, — наполненные художественными сокровищами, — особенно послѣдній!

Но stop! stop! — Пора кончить! искусства и художества не составляютъ въ настоящемъ случаѣ главной нашей цѣли; говорить

о нихъ мы можемъ изрѣдка, и то въ уголкахъ и между строчками. Цѣль нашихъ записокъ рисовать корабельную жизнь, схватывать общія черты странъ, мимо которыхъ проходимъ, наблюдать обычаи чужеземныхъ береговъ, и, какъ я уже вамъ сказывалъ, стараться, по возможности, вести параллель между этими обычаями и обычаями нашего роднаго берега.

2. Балъ въ Ниборгѣ.

Балъ, — былъ какъ балъ; — все происходило самымъ обыкновеннымъ порядкомъ, кромѣ того только, что дамы были одѣты такъ просто, какъ никогда не одѣваются у насъ въ самыхъ глухихъ захолустьяхъ провинціи. Единственная роскошь и щегольство, которую позволяютъ себѣ Датскія дамы, заключается въ бѣльѣ и обуви. Изъ числа сорока платьевъ на этомъ балѣ, — врядъ ли было четыре шелковыхъ. Многія изъ этихъ дамъ,—я увѣренъ,—были однакожъ несравненно богаче многихъ нашихъ сто-душныхъ помѣщицъ. Дѣло въ томъ, что у первыхъ нѣтъ крѣпостныхъ Филекъ и Ѳомокъ, которые бы приносили имъ оброкъ, обусловливаемый однимъ капризомъ, нѣтъ у нихъ также крѣпостныхъ Стёшекъ и Матрёшекъ, которыхъ отдаютъ въ модные магазины съ тѣмъ, чтобы потомъ они всю жизнь даромъ шили и кроили платья барынѣ. Кромѣ того, сколько можно было замѣтить въ трехнедѣльное пребываніе въ Даніи, — Датскія дамы вовсе не тщеславны; тѣ изъ нихъ, которыя бѣдны, — не понимаютъ даже по-видимому, чтобы нужно было это скрывать какъ постыдную семейную тайну.

— Скажите пожалуйста, спросилъ я у дамы, которой меня представили еще до поѣздки моей въ Копенгагенъ, и потому собственно представили, что она говорила по-Французски, — какъ объяснить себѣ фактъ, что всѣ ваши мужчины болѣе или менѣе говорятъ по-Нѣмецки и по-Французски, тогда какъ дамы не знаютъ другаго языка, кромѣ Датскаго?...

— Фактъ объясняется очень просто, — сказала дама, — обязанности службы или домашнія дѣла заставляютъ нашихъ мужей ѣздить по всему королевству; они поминутно въ столкновеніи съ Нѣмцами и безпрерывно почти живутъ въ обществѣ; мы проводимъ нашу жизнь безвыходно дома, никуда рѣшительно не ѣздимъ и никого не видимъ, кромѣ своего тѣснаго провинціяльнаго кружка.

— Но кружокъ этотъ съ весны до глубокой осени разъѣзжается по деревнямъ....

— Остается тогда семейство; намъ никогда не скучно. Въ Даніи вообще ведутъ жизнь семейную,—особенно въ провинціи; ску-

чать некогда: мы сами занимаемся нашимъ хозяйствомъ, нашимъ домомъ; но это последнія наши ваботы; наши мальчики и дѣвочки воспитываются большею частью дома; образованіемъ ихъ занимаются у насъ женщины... Нѣтъ, мы рѣшительно никогда не скучаемъ,— право некогда!...

Завтра чуть-ли не весь Ниборгъ званъ на «Ретвизанъ»; завтра предстоятъ слѣдовательно обѣдъ, суматоха, грохотъ.

И—дѣйствительно. Грохотъ, который на «Ретвизанѣ» начинается обыкновенно съ разсвѣтомъ, начался на другой день еще ранѣе, кажется. Едва успѣлъ я заснуть, какъ уже надъ головою моею послышались плескъ и журчаніе воды и скобленіе палубы, сопровождаемое невыносимымъ хрустѣньемъ того каменнаго гороха, который называютъ здѣсь пескомъ и о которомъ я уже говорилъ вамъ. На сколько вчерашній день былъ днемъ торжества стараго коменданта, на столько нынѣшній, благодаря вознѣ, стиркѣ, мытью и скобленью,—долженъ былъ, кажется, быть днемъ торжества нашего добраго О. Р. Ш *.

Послѣ чая, возня еще болѣе усилилась; въ ней приняли участіе всѣ наши офицеры. Во всѣхъ движеніяхъ и на всѣхъ лицахъ написана была какъ словно одна мысль, одна фраза: «Гг., сегодня наша очередь, не ударимъ лицемъ въ грязь, не посрамимъ чести «Ретвизана» и Русскаго флага!...» Глядя на всю эту озабоченность, можно было думать, что дѣло идетъ о приготовленіяхъ къ защитѣ «Ретвизана» противъ соединенныхъ флотовъ цѣлаго свѣта.

Я и два-три офицера остались въ каютъ-компаніи: слѣдовало нарисовать на бумагѣ и раскрасить нѣсколько Датскихъ гербовъ, долженствовавшихъ украсить собою обѣденный столъ.

Войдя часовъ въ двѣнадцать во вторую палубу, я ахнулъ отъ удивленья: огромныя пушки съ ихъ станками, ядра и картечь,— оружіе развѣшанное по потолку,—все исчезло; борты направо и налѣво были завѣшаны пестрыми флагами. Верхній люкъ, покрытый краснымъ флагомъ, разливалъ праздничный веселый свѣтъ на длинные столы, вокругъ которыхъ суетились наши офицеры, разставлявшіе корзины съ плодами, бокалы, посуду и бутылки. Боже мой! сколько тутъ было бутылокъ! Спиртоваго газа, закупореннаго въ этихъ бутылкахъ, безъ сомнѣнія достаточно было, чтобы взорвать на воздухъ три «Ретвизана»; я въ жизнь не видалъ такого разнообразія ярлыковъ и печатей; въ этомъ безконечномъ строѣ бутылокъ, въ этихъ грудахъ плодовъ было дѣйствительно что-то фантастическое, сказочное; я ждалъ, что съ минуты на минуту послышится роговая музыка, войдетъ царь Салтанъ, держа одной рукою дочь свою Миритрису Салтановну, другой рукою ведя жениха ея,

прекраснаго рыцаря Францпля; за ними повалитъ многочисленная свита придворныхъ, рыцарей, нянюшекъ, шутовъ и карловъ, и все замкнется стражей съ алебардами и страшно щетинистыми усами...

Гости, къ неописанной радости офицеровъ, начали съѣзжаться къ началу четвертаго часа: это давало возможность показать дамамъ еще разъ «Ретвизанъ».

Въ четыре часа общество было въ полномъ сборѣ, всѣ сѣли за столъ и грянула музыка.

Ѣли, пили, говорили спичи, точь-въ-точь какъ наканунѣ; разница состояла въ томъ, что на «Ретвизанѣ», послѣ каждаго тоста, вмѣсто музыкальнаго туша, стрѣляли изъ пушекъ. Дамы, по-видимому, предпочитали музыку; но старый комендантъ при каждомъ салютѣ, преисполнялся все болѣе и болѣе воинственнымъ духомъ; онъ кричалъ Vivat! — и махалъ въ воздухѣ бокаломъ, часто не замѣчая, что бокалъ былъ полонъ вина. Датскіе офицеры слѣдовали его примѣру. Они подходили поочереди къ каждому изъ насъ, обнимались, цѣловались и говорили, что день этотъ будетъ для нихъ вѣчно памятнымъ.

Нѣтъ причины думать, чтобы они не были искренны: «что у пьянаго на умѣ, то у трезваго на языкѣ», говоритъ пословица. Во все время какъ мы стояли передъ Ниборгомъ, они доказывали намъ свое сочувствіе всѣмъ, чѣмъ только могли. Сочувствіе это имѣетъ свою причину; Датчане не забыли, кажется, что Россія, во время царствованія покойнаго Императора Николая I, вступилась за нихъ противъ Голштинін. Впрочемъ и тогда еще сами Русскіе не разъ старались выразить Датчанамъ, какъ много цѣнятъ ихъ добродушіе и какъ охотно за нихъ вступаются.

«Ретвизанъ» долженъ былъ въ тотъ же день, въ семь часовъ, сняться съ якоря.

3. Похороны на кораблѣ.

Рано утромъ привелось видѣть сцену, которая долго останется у меня въ памяти.

Матросъ скончался въ прошлую ночь. Тѣло покойника до сегодняшняго утра стояло подъ образами; сегодня его хоронили. Человѣкъ шесть матросовъ, сопровождаемые почтеннымъ нашимъ священникомъ, вынесли покойника на верхнюю палубу. Тѣло было плотно зашито въ саванъ; къ ногамъ прикрѣплена была чугунная баластина....

Деревянная рѣшетка, закрывающая главный средній бортъ «Ретвизана», была снята; на бортъ положили длинную доску, конецъ которой далеко выдавался надъ водою; на доску опустили тѣло по-

койника; два унтеръ-офицера придерживали доску. Ванты усыпаны были народомъ; офицеры окружали бывшаго своего сослуживца. Въ то время какъ священникъ читалъ молитвы, — я невольно нагнулся впередъ и взглянулъ внизъ на море. Волны глухо шумѣли, то высоко подымаясь и всплескивая пѣну, то роя вокругъ себя мрачныя глубокія бездны...

— Помяни, Господи, во Царствіи Твоемъ раба Твоего Андрея... тихо проговорилъ священникъ.

— Аминь! прошептали въ толпѣ.

— Спускай!... сказалъ кто-то.

Доска наклонилась къ морю; тѣло медленно начало скатываться; еще секунда, — и оно пропало въ волнахъ....

Вы представить себѣ не можете, какое впечатлѣніе грусти, даже страха, оставили на меня эти похороны. Что ни говори, человѣку свойственно только жить и умирать на землѣ; когда человѣка хоронятъ въ землю, разлука его съ людьми кажется все не такъ ощутительною; покойникъ ближе къ своимъ, какъ словно и свои къ нему ближе; ихъ раздѣляетъ слой почвы всего въ два аршина; но тутъ, на морѣ, куда онъ дѣлся? Гдѣ онъ?... Въ какую пустыню, въ какое страшное одиночество занесло его?... Въ сущности, конечно, не все ли это равно? Но когда приходитъ самое дѣло, когда случается быть очевидцемъ такихъ похоронъ, — сердце и привычка всегда говорятъ громче философіи....

4. Па-де-Калэ.

Къ полудню, съ правой руки открылась длинная полоса земли: — это былъ берегъ Англіи. Вода между тѣмъ замѣтно измѣняла свой цвѣтъ: изъ ярко-зеленой она сдѣлалась мутно бѣловатой, — точно подлили молока въ море; это значило, что мы проходили мимо того мѣста, гдѣ Темза вливается въ Каналъ.

Въ шесть часовъ можно было различать дымъ надъ трубами Дувра и въ то же время, съ-права, ясно обозначался берегъ Франціи, освѣщенный солнцемъ.

Мы плыли въ центрѣ просвѣщенія и цивилизаціи!

Не знаю, ѣздили-ль вы за границу, читатель, и если ѣздили, то какого рода были ваши ощущенія, когда приближались вы къ цѣли поѣздки и что думали вы, когда въ ушахъ вашихъ начали раздаваться имена Франціи.... Англіи.... Темзы... На меня, по крайней мѣрѣ, все это дѣлало сильное впечатлѣніе; говоря откровенно и безъ лицемѣрія, когда я прислушивался къ этимъ именамъ и вглядывался въ эти два берега, грудь волновалась сильно и сердце би-

лось скорѣе обыкновеннаго. Все наше общество стояло на ютѣ, — и надо думать — раздѣляло болѣе или менѣе мои чувства; никакими мольбами нельзя было ни у кого выпросить бинокля или зрительной трубки. По всему юту шелъ веселый говоръ; одни передавали свои прежнія заграничныя впечатлѣнія и, воодушевляемые близостію берега, дѣлали фантастическіе проэкты на будущее; кто стоялъ за Лондонъ и Англію, кто за Парижъ и Францію; со всѣхъ сторонъ слышались толки, возгласы, пересуды и мнѣнія; даже тѣ, которые никогда не бывали въ чужихъ краяхъ, чувствовали теперь наплывъ радости и вдругъ, сами не зная почему, дѣлались сообщительными противъ своего обыкновенія.

Каждый, жившій сколько-нибудь умственною жизнію, не разъ, конечно, порывался къ этимъ берегамъ и мысленно по нимъ странствовалъ; — и вотъ берега эти всего теперь въ какихъ-нибудь восьми миляхъ! А между тѣмъ, просвѣщеніе давало уже себя чувствовать.

Капитану нужно было отправить письмо въ Англію. Такъ какъ старый лоцманъ кончилъ свое дѣло и долженъ былъ оставить насъ передъ Портсмутомъ, капитанъ просилъ его передать письмо и положилъ передъ нимъ золотой.

— Что же это за деньги? спросилъ Кутль.

— Вамъ.... чтобы заплатить на почтѣ, поспѣшилъ прибавить капитанъ.

— Но тутъ цѣлый фунтъ; письмо стоитъ всего шиллинъ.

— Чтожъ дѣлать! у меня нѣтъ мелочи....

— Вотъ есть о чемъ хлопотать! сказалъ Кутль съ добродушной улыбкой: — плата, которую я получилъ съ вашего корабля, очень хороша; меня шиллинъ не разоритъ.... я отправлю письмо на свои деньги....

— Но все таки....

— Stop! перебилъ Кутль, безцеремонно взявъ капитана за руку, — если вы ужъ непремѣнно хотите поблагодарить меня за хлопоты, вотъ что сдѣлайте; у васъ вѣрно есть рисунокъ вашего корабля; дайте мнѣ его, — я буду очень благодаренъ!

Желаніе его было тотчасъ же исполнено, и онъ отправился совершенно довольный.

Вотъ вамъ еще другое доказательство, что мы проходимъ черезъ центръ просвѣщеннаго міра: отъ Гревзенда до Дувра, на пространствѣ четырнадцати миль, живутъ постоянно 1200 человѣкъ; всѣ они члены общества *Trinity*, Св. Троицы; цѣль общества подавать всякаго рода помощь судамъ и пассажирамъ, проходящимъ черезъ Каналъ.

5. Соборъ въ Севильѣ.

Какъ бы ни было сильно впечатлѣніе, которое оставляетъ Севилья, — справедливость требуетъ сказать, что городъ собственно играетъ тутъ послѣднюю роль. Испанская поговорка: «кто не видалъ Севильи, тотъ не видалъ чуда», справедлива ровно на столько, на сколько относится къ собору, къ національному музею, наполненному драгоцѣннѣйшими картинами Севильской школы, къ Альказару — старому Мавританскому дворцу, къ церкви la Caridad, но главное къ собору. Это зданіе не только чудо Испаніи, но чудо Европы.

Сверху онъ представляется цѣлымъ кварталомъ сѣрыхъ каменныхъ зданій, соединенныхъ въ одно цѣлое. Сначала глазамъ не вѣришь, что всѣ эти террасы, окруженныя каменными балясинами[1]) и идущія одна за другою, что это безчисленное множество верхушекъ, сводовъ и каменныхъ куполовъ, что весь этотъ лѣсъ башенъ, готическихъ стрѣлокъ, контрфорсовъ[2]) — принадлежитъ одному строенію.

Размѣры собора еще болѣе увеличиваются, когда сойдешь внизъ и начнешь оглядывать его у основанія. Въ наружности его нѣтъ и не могло быть одинаковаго обще-характернаго стиля. Онъ начатъ еще Арабами; главная часть мечети и теперь совершенно цѣла; она выходитъ на дворъ, сохранившій прежнее свое назначеніе сада; цѣлъ даже фонтанъ, гдѣ мусульмане совершали омовеніе: дворъ обсаженъ громадными апельсинными деревьями; они, говорятъ, посажены еще Арабами. Въ четырнадцатомъ столѣтіи къ мечети, обращенной въ церковь, начали пристраивать новый храмъ. Соборный причетъ, владѣвшій тогда несмѣтными сокровищами, принесъ въ жертву на постройку его всѣ свои доходы, оставя для себя только необходимое. Такъ опредѣлено было *по обѣщанію.* Основаніемъ плану служила такая мысль: «построить храмъ, какого еще не было на землѣ христіанской, которому бы міръ удивился!» Надо сказать, — цѣль была вполнѣ достигнута. Для выполненія ея конечно много способствовали громадныя средства, но сравнительно съ тѣмъ, что осуществилось, средствъ однихъ было мало; къ такому результату могло только привести религіозное фанатическое увлеченіе, которое тогда вдохновляло каждое отдѣльное лице и управляло всѣмъ обществомъ. Съ постепеннымъ ослабленіемъ религіознаго чувства въ Испаніи, постройка собора замедлялась и наконецъ во-

[1]) *Балясина* — то же, что и рѣшетки.
[2]) *Контрфорсы* — подпорки.

все остановилась; теперь, по всей вѣроятности, онъ уже никогда не кончится.

Приподнявъ кожанный фартукъ, которымъ завѣшиваются здѣсь церковныя двери, и войдя во внутренность собора, человѣкъ, кто бы онъ ни былъ, чувствуетъ себя приплюснутымъ, уничтоженнымъ, превращеннымъ въ муху.

Пять длинныхъ стрѣльчатыхъ сводовъ чистѣйшаго стиля первой эпохи готики, скрещиваясь между собою, составляютъ потолокъ; его поддерживаютъ ряды колоннъ, которыя у капителей [1]) кажутся тоненькими, между тѣмъ, какъ у основанія онѣ толщиною съ башню; средній сводъ высоты необъятной; подъ нимъ свободно могла бы умѣститься Ивановская колокольня; по всей окружности собора, вдоль внутреннихъ стѣнъ, идутъ счетомъ восемьдесятъ придѣловъ и отдѣльныхъ часовень; многіе изъ нихъ могутъ служить большими церквами; въ общей громадѣ размѣровъ ихъ почти не замѣчаешь. Все это строилось отдѣльными лицами или семействами изъ поколѣнія въ поколѣніе, и строилось со времени основанія собора до конца прошлаго столѣтія. Тутъ можете вы прослѣдить всевозможные стили архитектуры, отъ строгаго готическаго до напыщеннаго рококо [2]), который, попавъ подъ руки Испанскимъ художникамъ, превзошелъ богатствомъ орнаментаціи и фантазіей всѣ границы самаго необузданнаго воображенія. Скульптурныя изображенія сценъ изъ Ветхаго и Новаго Завѣта и святыхъ изъ бронзы, кости, серебра, мрамора и дерева; рѣзьба изъ всевозможныхъ камней и деревъ; колонны, карнизы и фронтоны изъ порфира, яшмы, хрусталя, мрамора и обожженной расписной глины; мозаики и рѣдкія картины, — украшаютъ безчисленныя ниши и выступы этихъ придѣловъ; престолы ихъ уставлены кромѣ того распятіями, маленькими статуйками, дрогоцѣнными подсвѣчниками, складнями, дарохранительницами, цвѣтами въ вазахъ самой тонкой, художественной работы. Стѣны между этими отдѣльными часовнями украшены статуями, барельефами и картинами первоклассныйшихъ живописцевъ и скульпторовъ Испаніи; тутъ между прочимъ и знаменитый св. Антоній Падуанскій Мурильо, — картина, которую многіе считаютъ лучшимъ его произведеніемъ.

Но желаніе дать обо всемъ этомъ хотя даже приблизительное понятіе было бы безуміемъ. Бывая здѣсь каждый день впродолженіе круглаго года, все таки невозможно всего высмотрѣть. Умъ те-

[1]) Вѣнцы колоннъ.

[2]) *Рококо* — отъ слова *rocaille* (раковина). Въ стилѣ рококо господствуютъ украшенія на подобіе раковины. Украшенія состоятъ изъ вѣтвей, гирляндъ, плодовъ, и пр.

ряется, голова идетъ кругомъ при одномъ воспоминанія такого страшнаго изобилія чудесъ искусства; они разсыпаны здѣсь съ тою невѣроятною щедростью, о которой могутъ дать понятіе однѣ развѣ церкви Италіи и Сициліи.

Соборъ освѣщается восьмьюдесятью тремя окнами, расписанными сюжетами изъ Священнаго Писанія; живопись принадлежитъ лучшей эпохѣ процвѣтанія живописи на стеклѣ; оригиналами служили рисунки первыхъ Итальянскихъ, Нѣмецкихъ и Испанскихъ мастеровъ времени возрожденія. Такъ какъ окна расположены на значительной высотѣ и обходятъ вокругъ внутреннія стѣны, — солнце освѣщаетъ ихъ попеременно, проходя свой дневной кругъ. Въ какое время ни войдешь въ соборъ, лучи солнца, пронизывая съ той или другой стороны окна и окрашиваясь яркими цвѣтами, спускаются радужными полосами въ сумрачный полусвѣтъ величаваго зданія; изламываясь на прихотливыхъ, мелкихъ граняхъ колоннъ, проходя сквозь облака ладона, закрадываясь въ глубокіе смуглые барельефы и завитки изъ дерева, захватывая мѣстами мозаику и позолоту, — бросая пестрыя пятна на каменныя плиты пола съ изображеніемъ гербовъ и надписей, на живописныя группы преклоненныхъ молельщиковъ,—лучи эти дополняютъ магическій эффектъ собора, невольно приводятъ самаго равнодушнаго зрителя къ ощущенію чего-то близкаго экстазу.

На мои глаза, главное чудо этого общаго чуда — это иконостасъ (retablo) и хоръ, — мѣсто, гдѣ органъ и куда во время службы собирается причетъ для пѣнія псалмовъ и молитвъ. Они расположены другъ противъ друга и занимаютъ середину главнаго свода.

Retablo отгороженъ высокой бронзовой рѣшеткой во вкусѣ богатѣйшаго renaissance; за нею, во всю ширину свода, отъ колоннъ до колоннъ идутъ мраморныя ступени, оканчивающіяся площадкой; тутъ главный престолъ. Глаза ослѣпляются звѣздами изъ драгоцѣнныхъ камней, мерцаніемъ огней сотенъ паникадилъ, блескомъ налоевъ, шитыхъ жемчугомъ и золотомъ, богатствомъ утвари, столько же драгоцѣнной по работѣ, сколько по цѣнности. За престоломъ, все пространство между колоннами замыкается иконостасомъ, который въ вышину равняется высотѣ свода. Онъ весь изъ дерева; ряды барельефовъ идутъ одинъ за другимъ; о числѣ ихъ можете судить уже по тому, что на retablo изображенъ весь Ветхій и Новый Завѣтъ; каждый барельефъ обрамленъ широкой деревянной рѣзной каймой, изрытой какъ медовый сотъ, покрытый херувимчиками, фигурами, ангелами, святыми; все это путается съ листьями, плодами, орнаментами, фантастическими химерами; страшное богатство воображенія озадачиваетъ не менѣе, чѣмъ самое выполненіе; каждый узоръ рѣзца показываетъ сознательнаго, сильнаго мастера; ничтож-

нѣйшая мелочь пройдена съ любовью, а между тѣмъ все бойко, смѣло, свободно отъ рутины, дышетъ чѣмъ-то индивидуальнымъ, проникнуто огнемъ истиннаго вдохновенія. Барельефы, въ которыхъ фигуры вышиною около аршина, выполнены чуть ли еще не съ бо́льшимъ мастерствомъ.

Хоръ точно также весь деревянный. Вы входите въ замкнутое пространство, открытое только сверху; оно вокругъ исполосовано высокими монументальными сѣдалищами, усыпанными изящнѣйшей рѣзьбою; все, что только могла придумать готика, все, что присоединило къ ней потомъ пламенное воображеніе Испанскихъ художниковъ, является здѣсь въ самомъ полномъ, пышномъ видѣ. Толстые томы гравюръ, десятки тысячъ фотографій, цѣлыя коллекціи гипсовыхъ слѣпковъ конечно не передадутъ вполнѣ невѣроятное изобиліе этихъ деталей [1]), которыя при безконечномъ разнообразіи формъ сливаются все-таки въ одно гармоническое, очаровательное цѣлое.

Глядя на такія работы, невольно падаешь духомъ, когда мысленно перенесешься къ тому, что теперь производится въ томъ же родѣ....

Искусство рѣзьбы изъ дерева, не мѣшаетъ замѣтить, неотъемлемо принадлежитъ Испаніи; оно процвѣтало здѣсь съ незапамятныхъ временъ и вѣроятно перешло вмѣстѣ съ Испанцами въ Фландрію. Въ рѣдкой деревенской церкви не встрѣчаются здѣсь хорошіе образчики скульптуры изъ дерева. Лучшіе художники, Беррухетъ, ученикъ Микель-Анджело и основатель Мадритской школы, Бехера, Алонзо-Кано и другіе не пренебрегали деревомъ; изъ такого рода произведеній нерѣдко встрѣчаются здѣсь истинные chefs-d'oeuvre.

Надъ хорами возвышается одинъ изъ самыхъ большихъ католическихъ орга̀новъ; трубы его, толстыя какъ колонны, украшены также деревянной рѣзьбою. Въ хорѣ участвуетъ болѣе ста пятидесяти человѣкъ, не считая сотни дѣтей, которыя подтягиваютъ дискантомъ, занимаясь въ то же время перелистываньемъ пудовыхъ нотныхъ книгъ, воздвигнутыхъ на вертящихся скульптурныхъ налояхъ.

Случалось, въ это самое время войдешь въ соборъ: человѣческіе голоса и звуки орга̀на теряются въ отдаленьи; прислушиваешься, — точно поютъ нѣсколько серафимовъ, которые спрятались гдѣ-нибудь подъ завиткомъ или гранью въ неизмѣримой вышинѣ главнаго свода.

Между хоромъ и retablo возвышается бронзовый подсвѣчникъ;

[1]) Подробность (detail).

его примешь сначала за памятникъ, поставленный надъ могилою какого-нибудь важнаго прелата; онъ служитъ поддержкою восковой свѣчки, въ которой двѣ тысячи пятьдесятъ фунтовъ вѣсу; это цѣлая мачта! Въ годъ сжигается въ соборѣ двадцать тысячъ фунтовъ воску и столько же фунтовъ масла; краснаго вина на совершеніе тайны причащенія выходитъ до восьмнадцати тысячъ литровъ [1]); всякій день въ восьмидесяти предѣлахъ происходитъ до пяти сотъ службъ. Поэтому предоставляю вамъ сдѣлать окончательный выводъ о размѣрахъ Севильскаго собора. Размѣрамъ этимъ, надо замѣтить, отвѣчаетъ богатство сокровищъ, которыя намъ показывали въ ризницѣ: здѣсь буквально нагромождены горы золота, серебра, жемчуга и драгоцѣнныхъ камней; мы видѣли между прочимъ огромныя часовни и модели храмовъ изъ золота и серебра; ихъ выносятъ иногда во время церковныхъ процессій; одно изъ нихъ помѣщается на особыхъ народныхъ носилкахъ, которыя могутъ поднять не менѣе сорока человѣкъ. Рѣзные шкафы, обступающіе кругомъ стѣны ризницы, биткомъ набиты драгоцѣнною утварью и ризами, которымъ цѣны нѣтъ. Словомъ, описать соборъ и все, что въ немъ заключается, невозможно; повторяю вамъ: при одномъ воспоминаніи голова идетъ кругомъ и мысли путаются! *Д. Григоровичъ* [2]).

Темы. — Главная мысль описанія: соборъ въ Севильѣ — чудо Европы.— Составныя части описанія: — 1. Наружный видъ Собора (сверху, у основанія). — 2. Постройка Храма. — 3. Первое впечатлѣніе автора при входѣ въ соборъ. — 4. Внутренность храма. — Эта главная часть описанія можетъ быть подраздѣлена на нѣсколько составныхъ частей: своды, колонны (ихъ высота), придѣлы (ихъ число, размѣры, постройка), стили архитектуры, художественное богатство собора (скульптура, рѣзьба, матеріалъ колоннъ, карнизовъ и фронтоновъ, мозаика, богатство на престолахъ и на стѣнахъ). — Невозможность дать полное описаніе чудесъ искусства. — Окна, живопись на нихъ и освѣщеніе собора. — Иконостасъ. (Подробное описаніе его: рѣшетка, ступени, главный престолъ, драгоцѣнные камни, паникадила, налои, утварь, высота иконостаса, матеріалъ, украшенія, тщательность отдѣлки). — Хоръ. — Впечатлѣнія автора при сравненіи прежней поры художества съ нынѣшнею. — Органъ и пѣвчіе. — Бронзовый подсвѣчникъ. — Восковая свѣчка. — Количество сожигаемаго воска, масла и вина, количество службъ.— Для чего авторъ входитъ въ такія подробности? — Ризница. — 5. Общее заключеніе: описать соборъ невозможно.

Соборъ въ Севильѣ по Григоровичу и Боткину. — Описаніе Боткина напечатано выше въ статьѣ «Письма объ Испаніи».— Различіе между ними.— Чѣмъ начинаетъ свое описаніе Григоровичъ и чѣмъ Боткинъ? — Внутренность храма у кого изображена подробнѣе? У кого нагляднѣе? Какъ описаны окна у одного и какъ у другаго? Различіе въ описаніи органа, при-

[1]) Кружекъ.
[2]) Современный писатель, авторъ романовъ и повѣстей: «Рыбаки», «Переселенцы», «Проселочныя Дороги», «Антонъ Горемыка», «Пахарь» и пр.

дѣловъ, главнаго алтаря (мы слѣдуемъ порядку мыслей Боткина), художественнаго богатства, впечатлѣній обоихъ путешественниковъ, стилей. — Чѣмъ оканчиваетъ свое описаніе Боткинъ и чѣмъ Григоровичъ? Чье же описаніе лучше?

ГОДЪ НА СѢВЕРѢ.

Примѣч. — «Годъ на Сѣверѣ» Максимова содержитъ въ себѣ описаніе Бѣлаго Моря съ его прибрежьями (часть первая книги) и сѣверныхъ рѣкъ— Печоры, Мезени, Пинеги и Двины (часть вторая). Авторъ обратилъ особенное вниманіе на бытъ народа, обитающаго па Сѣверѣ Россіи; онъ подробно описываетъ разные туземные промыслы, какъ-то: тюленій, заячій, нерпичій, солиной, бѣлужій, тресковый, ловъ семги, сельдяной, моржовый, мѣховой (горностаи, куницы, песцы), птичій (гуси, гагары, утки) и другіе; вникаетъ въ образъ жизни разныхъ инородцевъ, именно: Кореловъ, Лопарей, Зырянъ, Самоѣдовъ, — а также и Русскихъ обитателей того края. Обычаи и нравы, разнаго рода преданія и суевѣрія, невѣжество и образованность, семейный бытъ: все путешественникъ наблюдалъ и изучалъ, на сколько ему возможно было то сдѣлать. Авторъ разнообразитъ свое повѣствованіе многими историческими разсказами; такъ онъ весьма часто говоритъ о посѣщеніи сѣвернаго края Петромъ Великимъ (записываетъ даже преданія объ этомъ великомъ Государѣ, — преданія, собранныя на мѣстѣ), о возмущеніи Соловецкихъ старцевъ, — разсказываетъ исторію города Колы, Кеми, Сумскаго посада, Новой Земли, Колгуева, Архангельска, — говоритъ объ историческихъ ссыльныхъ: Аввакумѣ, Матвѣевѣ, Голицынѣ, Щербатовѣ, Брауншвейгскомъ семействѣ, Филаретѣ Никитичѣ; съ удовольствіемъ читаются преданія о Ломоносовѣ, слышанныя путешественникомъ на родинѣ великаго человѣка. Весьма важное значеніе получаетъ книга г. Максимова во-первыхъ по своему этнографическому матеріалу, и во-вторыхъ — по народному языку. Въ нашей литературѣ не было сочиненія, въ которомъ находилось бы съ одной стороны такъ много фактовъ, живо представляющихъ бытъ сѣверныхъ обитателей, а съ другой — видно было такое глубокое познаніе народнаго языка. У г. Максимова почти вся книга написана языкомъ простаго народа; онъ не только внесъ въ свое повѣствованіе слова и обороты мѣстные, живые, свѣжіе, выразительные, — но и цѣлые разсказы ведетъ нарѣчіемъ туземнымъ. Въ филогическомъ отношеніи «Годъ на Сѣверѣ» — книга драгоцѣнная.

Г. Максимовъ былъ на Сѣверѣ въ 1855—56 годахъ. Онъ ѣздилъ въ эту сторону по порученію Морскаго Министерства. Вообще Р. литература многимъ обязана просвѣщенному начальству этого Министерства: Путешествіе Гончарова «Фрегатъ Паллада» путешествіе Григоровича «Корабль Ретвизанъ», путешествіе Максимова «На Востокѣ», какъ и «Годъ на Сѣверѣ» своимъ появленіемъ обязаны единственно участію названнаго Министерства. Оно отправило указанныхъ литераторовъ въ края, ими прекрасно описанные.

1. Поѣздка въ Соловецкій Монастырь.

Шумливо бѣжитъ въ недальное море порожистая, не широкая рѣка Кемь, извиваясь прихотливыми колѣнами, обставленная высо-

кими гранитными берегами; бойко бѣжитъ по ней и нашъ карбасъ, подгоняемый крутымъ, не на шутку-расходившимся югозападнымъ вѣтромъ. Недавно оставленный нами городъ Кемь, то закроется отъ насъ ближней *varakой*, высокой крутизной каменнаго, безплоднаго берега, то покажетъ, какъ бы для послѣдняго свиданія, часть деревянныхъ домовъ дальной набережной, то Лепъ-островъ съ его деревянной церковью древней постройки, и, наконецъ, совсѣмъ пропадаетъ изъ виду, когда уходятъ далеко вправо и влѣво берега рѣки, на этотъ разъ какіе-то низенькіе, какіе-то черные, мрачные съ виду. Казалось, что вотъ сейчасъ же разольется передъ нами громадная ширина Бѣлаго моря и начнутъ метаться, одна на другую, крупныя, соленыя, для непривычнаго страшныя съ виду волны. Какъ будто нарочно для этого и правая крутизна ближняго мыса, затянувшись туманомъ, отошла далеко назадъ; самый вѣтеръ надувалъ наши два паруса полнѣе и крѣпче; чайки выкрикали чаще и тоскливѣе; море ширилось все больше и больше и бросало въ насъ уже крѣпко-соленымъ брызгами. Мы находились въ настоящемъ морѣ и почти открытомъ, если бы не выступали вправо и налѣво высокіе, словно обточенные, скалистые и щелистые острова изъ группы Кузововъ. Дальніе краснѣютъ тускло, какъ будто надрѣзанные, прохваченные снизу полосой воды, какъ дальное облако, неподвижно врѣзанное въ сѣрый горизонтъ; ближніе изъ нихъ ярко высяются своимъ грязнымъ, сѣроватымъ гранитомъ съ прозеленью тщедушнаго сосняка, съ прожелтью выжженной солнцемъ, выцвѣтшей травы, ягеля (оленьяго моха), листьевъ ягоды вороницы и морошки; нѣкоторые изъ этихъ острововъ не кажутъ ничего, кромѣ камня, темнаго цвѣта выбоинъ-щелей и потомъ опять камня сѣровато-краснаго и сѣровато-желтаго. На одномъ изъ нихъ прицѣпилась избушка-таможня.

Намъ завязалось повѣтерье. Карбасъ, нѣсколько накренившись на бокъ, бѣжалъ довольно спѣшно, бойко разсѣкая не сильныя, но частыя волны. Мы продолжали ѣхать между островами, оканчивая то тридцативерстое пространство, которое занято ими, начивая отъ устья рѣки Кеми. Остальныя тридцать верстъ (изо всѣхъ шестидесяти отъ города Кеми до монастыря) идутъ уже *полымъ*, по здѣшнему, т. е. открытымъ, свободнымъ отъ всякихъ острововъ, моремъ.

Хорошо было сидѣть мнѣ въ чистенькомъ, таможенномъ карбасѣ, предложенномъ мнѣ предупредительностью добраго Кемскаго городничаго. Родъ каюты, навѣсъ надъ кормою, сдѣланный на подобіе кибитки, обитъ былъ зеленымъ сукномъ; тѣмъ же сукномъ были обиты скамейки по сторонамъ. На полу была подослана шкура бѣлаго медвѣдя, мягкая, удобная для леханья и сидѣнья; навѣсъ не угрожалъ ударами по головѣ, какъ во всѣхъ другихъ поморскихъ

карбасахъ, лаженныхъ кое-какъ: только бы сошло дѣло съ рукъ. Тамъ сквозной вѣтерѣ дуетъ безнаказанно; тамъ отъ дождя навѣсы не спасаютъ и вѣчно, и всегда одолѣваетъ одурящій запахъ трески, которой запасаются дѣвки—гребцы. Здѣсь на этотъ разъ ничего изъ подобнаго не было, даже и женщинъ-гребцовъ замѣнили на этотъ разъ 6 мужиковъ, сильныхъ на рукахъ, бойкихъ и острыхъ на языкъ. Они подобрали весла и, по обычаю всѣхъ Архангельскихъ поморовъ, тотчасъ же принялись за ѣду. Несутся въ мою будку отрывки изъ ихъ разговоровъ.

Одинъ сообщаетъ прочимъ, что онъ вотъ уже пятый разъ въ нынѣшній годъ ѣздитъ въ монастырь, и съѣздитъ, можетъ быть, и еще четыре раза.

— Чего ужъ больно равохотился? спрашиваетъ его другой гребецъ. Али весело очень, въ привычку вошелъ?

— И въ привычку вошелъ, и усердіе имѣю: я и въ запрошедшій годъ два раза былъ тамъ, хоть и аглечкой бродилъ — небось, не побоялся. Я вѣдь болѣе по портному дѣлу, на монастырскихъ работниковъ жилетки шью: любятъ очень. Поживешь на острову три дни положенныхъ, жилетокъ до пяти и обработаешь; а деньги и за греблю, и за шитье получу: вдвое, стало-быть, въ барышахъ и бываю.....

— Стало, тебѣ тамъ и помолиться некогда?

— Какая ужъ тутъ тебѣ молитва? извѣстно!

Острякъ (т. е. портной) заглянулъ ко мнѣ въ будку:

— Ваше высокородіе!

— Что хочешь сказать?

— Вотъ вы теперича изволите въ обитель преподобныхъ въ первый разъ ѣхать?

— Да.

— А знаете ли, какія тамъ дивныя дѣла случаются?

— Нѣтъ, не знаю.

— На зиму, изволите видѣть, мѣсяцовъ на восемь острова Соловецкіе совсѣмъ запираетъ; на нихъ тогда ни входу, ни выѣзду не бываетъ во все это время. Сначала мутятъ море бури такія, что и смѣлый и умѣлый не суется. Попробовалъ архимандритъ за почтой въ Кемь послать — всѣ потонули. Съ октября мѣсяца у береговъ припаи ледяные дѣлаются. Такъ ли, братцы?

— Припаи верстъ на пять бываютъ отъ берега, подтвердилъ кто-то.

— Бываютъ и больше. Вотъ на ту пору вѣтры морскіе, самые такіе крѣпкіе, зимніе отъ припаевъ этихъ ледяныхъ, льдины, торо́сья такіе, отрываютъ и носятъ, что шальныхъ, изъ стороны въ

сторону. Промежъ льдинъ этихъ не протолкаешься: изотрутъ утлой корбасенко въ щепу.

— А Михей-то Назаровъ въ четвертомъ году пробрался! замѣтилъ кто-то.

— Ну, братъ, ты мнѣ про это не разсказывай! Про Михея Назарова законъ не писанъ: онъ, вѣдь, блажной. Головушку-то свою гдѣ-гдѣ онъ не совалъ; онъ, вѣдь, братъ, зачурованный. Его и на томъ свѣтѣ черти-то голыми руками не ухватятъ: такой ужъ!

И всѣ засмѣялись.

— Такъ вотъ я къ тому рѣчь свою веду, ваше высокородіе, что монастырь на всю осень, на всю зиму, на всю весну запертъ бываетъ; никакихъ такихъ сношеній съ нимъ нѣтъ. На ту пору они арестантовъ изъ казаматовъ выпускаютъ: которые гуляютъ по монастырю, которые въ церковь заходятъ. Въ маѣ вотъ (разсказываютъ монахи) какъ начнетъ отходить земля, побѣгутъ съ горъ потоки: прилетаетъ чайка, одна сначала, передовая. Сядетъ она на соборную колокольню и кричитъ долго-предолго, шибко-прешибко, покричитъ часокъ другой-третій, улетаетъ. Дня черезъ два, черезъ три, налетаетъ этихъ чаекъ несосвѣтимая сила, проходу отъ нихъ нѣту: сами увидите! Живутъ онѣ на острову все лѣто, дѣтей (чабарами зовутъ) тутъ же и выводятъ. Монахи и богомольцы ихъ хлѣбомъ кормятъ и чайки эти совсѣмъ ручными дѣлаются; а пугливая, дикая птица отъ рожденія. Вотъ вамъ и первое диво!

Всѣ гребцы при этихъ словахъ переглянулись. Портной продолжалъ:

— Осенью прилетаютъ вброны; съ чайками драку затѣваютъ и идетъ у нихъ тутъ кровопролитіе большое: чаекъ много бываетъ побито, чайки улетаютъ съ острова всѣ до одной: остаются хозяевами вороны во всю зиму, а по ранней веснѣ и они тоже улетаютъ. Тутъ драки не бываетъ. Такъ, вѣдь, вотъ диво-то какое!

Острова, между-тѣмъ, стали замѣтно рѣдѣть; быстро уходили они одинъ за другимъ назадъ; крѣпкій вѣтеръ гналъ насъ все впередъ скоро и сильно. Сильно накренившееся на бокъ судно отбивало боковыя волны и разрѣзало переднія смѣло и прямо. Выплыветъ островъ и начнетъ мгновенно сокращаться, словно его кто тянетъ назадъ; выясняется и отходитъ взадъ другой — рѣшительная груда огромныхъ камней, набросанныхъ въ замѣчательномъ безпорядкѣ одинъ на другой; и сказывается глазамъ вслѣдъ за нимъ третій островъ, покрытый мохомъ и ельникомъ. На острову этомъ бродятъ олени, завезенные сюда съ Кемскаго берега изъ города на все лѣто. Олени эти теряютъ здѣсь свою шерсть, спасаются отъ оводовъ, которые мучатъ ихъ въ другихъ мѣстахъ до крайняго истощенія силъ. И здѣсь они, по словамъ гребцовъ, успѣваютъ одичать

за все лѣто до такой степени, что трудно даются въ руки. Ловятъ ихъ тогда, загоняя въ загороди и, набрасывая петли на рога, которые успѣваютъ уже тогда наростн вновь, сбитые животными лѣтомъ. Между оленями видны еще бараны, тоже Кемскіе, и тоже свезенные сюда съ берега на лѣто.

Ѣдемъ мы уже два часа слишкомъ. Прямо противъ нашего карбаса, на ясномъ, безоблачномъ небѣ, изъ моря выплываетъ свѣтлое маленькое облачко, не ясно очерченное и представляющее довольно странный, оригинальный видъ. Облачко это, по мѣрѣ дальнѣйшаго выхода нашего изъ острововъ, превращалось уже въ простое бѣлое пятно и все-таки попрежнему вонзенное, словно прибитое къ небу.

Гребцы перекрестились.

— Соловки́ видны! — былъ ихъ отвѣтъ на мой спросъ.

— Верстъ еще тридцать будетъ до нихъ, замѣтилъ одинъ.

— Будетъ, безпремѣнно будетъ, отвѣчалъ другой.

— Часамъ къ десяти вечера, надо-быть, будемъ! (Мы выѣхали изъ Кеми въ три часа по полудни.)

— А пожалуй, что будемъ!...

— Какъ не быть, коли все такая погодка потянетъ; берись-ко, братцы, за весла: скорѣй пойдетъ дѣло, скорѣе доѣдемъ.

Гребцы, видимо соскучившіеся бездѣльнымъ сидѣніемъ, охотно берутся за весла, хотя вѣтеръ, замѣтно стихая, все еще держится въ парусахъ. Вода стоитъ самая *кроткая*, т. е. находится въ томъ своемъ состояніи, когда она отливомъ своимъ умѣла подладиться подъ попутный вѣтеръ. Острова продолжаютъ сокращаться; судно продолжаетъ качать и замѣтно сильнѣе по мѣрѣ того, какъ мы приближаемся къ двадцати-пяти верстной салмѣ (проливъ), отдѣляющей монастырь отъ послѣднихъ острововъ изъ группы Кузововъ. Наконецъ, мы въѣзжаемъ и въ эту салму; вѣтеръ ходитъ сильнѣе; качка становится крѣпче и мѣшаетъ писать, продолжать замѣтки. Несетъ насъ впередъ необыкновенно быстро, монастырь выясняется сплошной бѣлой массой. Гребцы бросаютъ весла, чтобы не *дразнить* вѣтеръ; по прежнему крутятся и отлетаютъ прочь съ пѣной волны, уже не такія частыя и мелкія, какъ тѣ, которыя сопровождали насъ между Кузовами. Налѣво, далеко взадъ, остались въ туманѣ Горѣлые Острова; на голомяни, вдали моря на право, бѣлѣютъ два паруса, принадлежащіе, говорятъ, Мурманскимъ шнякамъ, везущимъ въ Архангельскъ треску и палтусину первосолками....

Набѣжало облако и спрыснуло насъ бойкимъ, крупнымъ дождемъ, заставившимъ меня спрятаться подъ будку. Дождь тотчасъ же перестал и побѣжалъ непроглядным туманомъ направо, затянулъ отъ нашихъ глазъ острова Заяцкіе, принадлежащіе къ группѣ Соловецкихъ.

— Тамъ монастырскіе живутъ; церковь построена; при церкви монахъ живетъ предряхлый, самый немощный: онъ и за скотомъ смотритъ, онъ и съ аглечкими споръ имѣлъ, не давалъ имъ скотины; тамъ-то и козелъ тотъ живетъ, что не давался супостатамъ въ руки....

Такъ объясняли мнѣ гребцы.

По морю продолжаетъ бродить изводень, который и раскачиваетъ наше судно гораздо сильнѣе, чѣмъ прежде. Вѣтеръ стихъ; ѣдемъ на веслахъ; паруса болтаются то въ одну сторону, то въ другую; вѣтеръ какъ-будто хочетъ установиться снова, но какой — неизвѣстно. Ждали его долго и не дождались никакого. Взводень мало-по-малу укладывается, начинаетъ меньше раскачивать карбасъ, рябитъ уже некрутыми и невысокими волнами. Волны эти, по временамъ, нѣтъ—нѣтъ, да и шибнутъ въ бортъ нашего карбаса, переваляетъ его съ одного боку на другой, и вдругъ въ правой бортъ какъ-будто начало бросать камнями, крупными камнями; стукъ затѣялся сильный. Гребцы крѣпче налегли на весла; волны прядали одна черезъ другую въ какомъ-то неопредѣленномъ, неестественномъ безпорядкѣ. Море, на значительное пространство впередъ, зарябило широкой полосой, сталось словно рыбья чешуя, хотя впереди и кругомъ давно уже улеглась вода гладкимъ зеркаломъ.

— Сувоемъ ѣдемъ, на мѣсто такое угодили, гдѣ обѣ воды встрѣтились: пóлая (приливъ) съ убылой (отливомъ). Иной разъ такъ и осилить его не съумѣешь: особо на крутыхъ; а то и тонутъ — объясняли мнѣ гребцы, когда, наконецъ, прекратились эти метанья волнъ въ килевыя части карбаса, и мы выѣхали на гладкое море, на которомъ уже успѣлъ на то время улечься недавній, сильный взводень.

Монастырь кажется все яснѣе и яснѣе: отдѣлилась колокольня отъ церквей, выдѣлились башни отъ стѣны; видно еще что-то многое. Заяцкіе острова, на право, яснѣются также — замѣчательно подробно. Мы продолжаемъ идти греблей. Монастырь всецѣло забѣлѣлъ между группою деревьевъ и представлялъ одинъ изъ тѣхъ видовъ, которыми можно любоваться и залюбоваться. Видъ его былъ хорошъ, на сколько можетъ быть хороша группа каменныхъ зданій, и особенно въ такомъ мѣстѣ, и послѣ того, когда прежде глазъ встрѣчалъ только голые, безплодные гранитные острова и повсюдное безлюдье и тишь. Въ общемъ монастырь былъ очень похожъ на всѣ другіе монастыри Русскіе: разница была только въ томъ, что стѣна его пестрѣла огромными камнями, неотесанными, безпорядочно вбитыми въ стѣну словно нечеловѣческими руками и силою. Пестрота эта картинностью и — если такъ можно выразиться —

дикостью своею увлекла меня. Прихвалили монастырскую ограду и гребцы мои.

Въ половинѣ десятаго часа монастырь былъ верстахъ въ двухъ, на которыя обѣщали всего полчаса ходу. Ровно въ десять часовъ мы уже идемъ Соловецкой губой, между рядомъ гранитныхъ коргъ съ несмѣтнымъ множествомъ деревянныхъ крестовъ. Тѣми же крестами уставлены и всѣ три берега, развернувшіеся по сторонамъ. Въ губѣ стоятъ ладьи и мелкія суда; могутъ, говорятъ, подходить къ самой монастырской пристани самыя крупныя суда: до того глубока губа!

У пристани толпится кучка народу; изъ нея выдѣляется фигура монаха въ затрапезномъ платьѣ. Монахъ оказался гостинникомъ. Онъ ввелъ насъ въ номеръ, который не могъ похвалиться ни особенною чистотой, ни особеннымъ просторомъ. Говорятъ, что привелось бы поселиться съ пятью—шестью сосѣдями въ этой узенькой, маленькой комнатѣ, и что теперь я одинъ здѣсь потому только, что *богомольцевъ поотвалило*, какъ объяснилъ мнѣ монахъ-гостинникъ, побѣжавшій докладывать о новопріѣзжемъ отцу-архимандриту Александру.

Я остался одинъ и, Богъ вѣсть, сколько темныхъ, нерадостныхъ мыслей пришло мнѣ въ голову на ту пору. Вотъ куда, думалось мнѣ на тотъ разъ, забросила меня капризная, темная судьба, вопреки всѣхъ предположеній и мечтаній. Это, казалось мнѣ, грань крайняя: дальше идти было можно, но уже не далеко....

«Сію минуту (писалось мною въ дневникѣ) ушелъ отъ меня какой-то допотопный варваръ, инвалидный офицеръ въ пьяномъ видѣ, смѣнившій своего предмѣстника, который, по его словамъ, завтра долженъ былъ сѣсть на карбасъ и ѣхать въ Архангельскъ. Много говорилъ онъ мнѣ всякаго вздору: говорилъ, что если онъ Архангельскій, а я Костромской, то мы земляки; что солдатъ солдату братъ, офицеръ офицеру тоже. Чудакъ принялъ меня за ревизора и никакъ не хотѣлъ вѣрить, что я присланъ отъ Морскаго Министерства, а не отъ Министерства Государственныхъ Имуществъ, и что пріѣхалъ я не землю межевать.... Хорошъ бы этакой-то гусь явился къ настоящему ревизору; и пришла же блажь для перваго знакомства съ монахами нализаться до сплетенія языка и немощи.... И вотъ — темная, дальная, скучная, безталанная сторона и безвыходная уѣздная жизнь: вся изъ однообразія, грязи, плѣсени и неизлечимыхъ наростовъ, получившихъ каменистое свойство и характеръ гнилаго чирья, переставшаго уже ныть и болѣть. Сердце мучится сомнѣніемъ, невѣдѣніемъ будущаго, и не смѣешь смѣяться, и больно и стыдно за виноватаго, пойманнаго съ поличнымъ, и не глядѣлъ бы ни на что!...»

Потомъ Максимовъ весьма подробно говоритъ о двукратномъ посѣщеніи монастыря Петромъ Великимъ въ 1694 и 1704 годахъ. Государь велъ себя въ монастырѣ по всегдашнему своему обычаю просто, безъ всякой пышности, вступилъ въ обитель безъ звону и благовѣсту; самъ стоялъ на клиросѣ съ пѣвчими и пѣлъ басомъ; ходилъ по тюрьмамъ, разсматривалъ грамоты, жалованныя монастырю и угощалъ архимандрита съ монахами. Далѣе путешественникъ описываетъ монастырскія часовни.

Прямо противъ монастырскихъ воротъ находится третья часовня, называемая Просфоро-Чудовою.

— На этомъ мѣстѣ (объясняли мнѣ монахи) Новгородскіе купцы обронили просфору, которую далъ имъ праведный отецъ нашъ Зосима. Пробѣгала мимо собака, хотѣла ѣсть, но огонь, исшедши изъ просфоры, попалилъ ее.

Въ верстѣ отъ монастыря четвертая часовня, Таборская, построена на томъ мѣстѣ, гдѣ погребены умершие и убитые изъ Московскаго войска, осаждавшаго монастырь съ 1667 года по 1677 годъ.

Поводомъ къ возстанію Соловецкихъ старцевъ, какъ извѣстно, послужило исправленіе патріархомъ Никономъ церковныхъ книгъ.

Далѣе авторъ подробно разсказываетъ о возмущеніи Соловецкихъ старцевъ. Потомъ переходитъ къ описанію современнаго состоянія монастыря.

Осматривая настоящее состояніе монастыря и вникая во всѣ подробности его внутренняго и внѣшняго устройства, почти на каждомъ шагу встрѣчаемъ имя св. митрополита Филиппа, бывшаго здѣсь съ 1548 до 1566 годъ игуменомъ. Въ эти восемнадцать лѣтъ онъ успѣлъ сдѣлать многое, что до сихъ поръ имѣетъ всю силу матеріальнаго своего значенія. Поставленный въ исключительное положеніе, любимецъ Грознаго Царя, щедраго на подарки и милостыню, самъ сынъ богатаго отца изъ старвиннаго боярскаго рода Колычевыхъ, св. Филиппъ не стѣсвялъ себя въ матеріальныхъ средствахъ для того, чтобы удовлетворять всѣмъ своимъ стремленіямъ и помысламъ. Онъ исключительно посвятилъ дѣтельность на то, чтобы островъ Соловецкій, до того времени сильно запущенный, сдѣлать возможно удобнымъ для обитанія: прорылъ канавы, вычистилъ сѣнокосные луга и увеличилъ ихъ въ числѣ; провелъ черезъ лѣса, горы и болота дороги; устроилъ для больной братіи больницу; учредилъ по-возможности лучшую и здоровую пищу; внутри монастыря, подлѣ сушила устроилъ каменную водяную мельницу и для нея провелъ воду изъ 52 дальнихъ озеръ главнаго Соловецкаго острова; въ братской и общей кухнѣ устроилъ колодезь, въ который проведена изъ Святаго озера вода, черезъ подземную трубу, подъ крѣпостною стѣною. Помпа колодезя этого зимою подогрѣвается на-

рочно устроенною печью. Другая печь приготовляетъ теперь въ одинъ разъ до 200 хлѣбовъ [1]).

Сверхъ всего этого, онъ умножилъ домашній рогатый скотъ, и на островахъ Му́ксалмахъ выстроилъ для него особый коровій дворъ; онъ же развелъ на островѣ Лапландскихъ оленей, которые живутъ тамъ и до настоящаго времени; выстроилъ просторныя церкви и огромную трапезу, вмѣщающую сверхъ тысячи человѣкъ гостей и братій; близъ монастыря сдѣлалъ насыпи и разныя машины къ облегченію трудовъ работниковъ; построилъ кирпичные заводы; замѣнилъ старинныя чугунныя плиты — *клепала*, *била* — колоколами; правителямъ поморскихъ волостей, тіунамъ, слугамъ и доводчикамъ назначилъ жалованье, и пр. и пр.

Монастырь и въ настоящее время находится въ такомъ состояніи, что не нуждается во многомъ: только пшеница, вино, рожь и нѣкоторое количество соли для монастыря покупное, а все почти остальное онъ имѣетъ свое. При легкомъ взглядѣ монастырь поражаетъ необъятнымъ богатствомъ; не заглядывая въ сундуки его, которые, говорятъ, ломятся отъ избытка серебра, золота, жемчу́говъ и другихъ драгоцѣнностей, легко видѣть, что сверхъ годичнаго расхода на братію, у него остается еще огромный залишекъ, который пускается въ ростъ на проценты. При мнѣ высыпали изъ кружекъ богомольческихъ подаяній, скопившихся въ полтора почти мѣсяца, до 25,000 р. асс.; но что нынѣшній годъ, говорили, одинъ изъ *неурожайныхъ*, затѣмъ что первый мирный; въ *урожайные* годы вынимаютъ до 95,000. Эту цыфру монахи считаютъ среднею величиною. Сверхъ того, каждый богомолецъ покупаетъ просфору, платитъ за чернила, которыми пишутся имена родныхъ на исподкѣ просфоры, платитъ за писанье, если только онъ не умѣетъ. Годовые богомольцы платятъ деньги. Лубочные виды монастыря стоятъ 25 к. сер., вмѣсто 5 коп. назначенныхъ; маленькій кипарисный образъ стоитъ 75 коп.; за стихи, описывающіе бомбардированіе Англичанъ убійственными виршами и переписанные довольно четко на листѣ, просили съ меня 1 руб. 50 коп. сереб. Товары въ лавочкѣ для богомольцевъ, съ скуднымъ количествомъ предметовъ, дорогв неприступно: палочка плохаго сургуча стоитъ 20 коп. (въ монастырѣ почтовое отдѣленіе.) Спутникъ мой на Анзеры (въ скитъ) желалъ записать въ синодикъ на поминовенье своихъ родныхъ. Мо-

[1]) При многолюдствѣ богомольцевъ, въ печь эту ставятъ двѣ квашни въ день; хлѣбъ день отлеживается, на другой день поѣдается весь. Остатки ѣдятъ рабочіе, остатки же этихъ остатковъ превращаются въ сухари. Прежде было обыкновеніе давать каждому богомольцу по широкому ломтю на дорогу; теперь это, говорятъ, вывелось изъ употребленія. Въ квасной запасается 50 бочекъ по 200 ведеръ каждая.

нахъ, сидѣвшій съ перомъ, объявилъ, что они берутъ 30 коп. сер. за годичное поминовеніе и 1 руб. 50 коп. на вѣчныя времена. Спутникъ мой рѣшился на первое; писалъ долго и много; при разсчетѣ долженъ заплатить 6 р. сер.; оказалось, что 30 к. сер. берется съ каждаго вписаннаго имени.

— Хорошо еще, что я призабылъ многихъ, а то нахваталъ бы сотню; жутко бы тогда пришлось! — замѣтилъ мой спутникъ.

Торговля производится всюду, чуть ли не во всѣхъ монастырскихъ углахъ: на паперти Анзерскаго скита продаютъ лубочный видъ этого скита, на Анзерской горѣ Голгоѳѣ (въ скиту же) продаютъ видъ Голгофскаго скита, и вездѣ кое-какія книги, и вездѣ стихи монаха. Можно купить сапоги изъ нерпичьей [1]) кожи; можно купить и широкій монашескій поясъ изъ той же кожи, довольно хорошо выдѣланной въ самомъ монастырѣ. Въ самомъ же монастырѣ пишутся и иконы, шьется платье не только на монаховъ, но и на штатныхъ служителей, обязанныхъ черными и болѣе трудными работами [2]). Въ монастырѣ вылавливается морской звѣрь, вытапливается его сало, выдѣлывается его шкура; есть невода для бѣлугъ, есть сѣти для нерпы и бѣльковъ; въ монастырскую губу приходитъ въ несмѣтномъ числѣ лучшій сортъ Бѣломорскихъ сельдей, небольшихъ, нѣжныхъ мясомъ, жирныхъ. Только крайне-плохой засолъ, какая-то запущенность этого дѣла мѣшаютъ пускать ихъ въ продажу; выловленныя сельди лѣтомъ уходятъ на братскую уху, выловленныя осенью частью потребляются, частію идутъ въ прокъ на зиму. Полотно для монашескаго бѣлья не покупное: оно сносится богомольными женщинами съ разныхъ концовъ огромной Россіи; онѣ же приносятъ и нитки. Коровы для молока, творогу и масла въ монастырѣ свои; бараны, живущіе на Заяцкомъ острову, даютъ шерсть для зимнихъ монашескихъ тулуповъ и мясо для трапезы штатныхъ монастырскихъ служителей въ скоромные дни. Лошадей монастырь имѣетъ также своихъ. Между монахами и штатными служителями есть представители всякаго рода мастерства: серебряники, слесаря,

---

[1]) *Нерпа* — млекопитающееся животное, изъ отряда ластоногихъ, семейства и рода тюленей; достигаетъ 8—10 футовъ длины.

[2]) Большая половина рабочихъ живетъ по обѣту; обѣты даютъ они при случаѣ опасностей, которыми такъ богато негостепріимное Бѣлое море. Тюленій промыселъ, называемый *выволочнымъ*, соблазнительный по богатству добычи, опасный по отправленію, губитъ много людей. Звѣря бьютъ на дальнихъ льдинахъ; льдины эти часто отрываются вѣтрами и *выволакиваются* въ море вмѣстѣ съ промышленниками. Счастливые изъ нихъ прибиваются къ острову Сосновцу или къ Терскому берегу, и они-то даютъ, въ благодарность за спасеніе, обѣтъ безплатно работать на монастырь три — пять лѣтъ. Большая часть уносится въ океанъ на неизбѣжную гибель.

мѣдники, оловянишники, портные, сапожники, рѣзчики! Всѣ другія мастерства, не требующія особенныхъ познаній, раздѣлены на послушанія, таковы: рыбаки, продавцы, пекари, мельники, маляры.

Въ этомъ отношеніи монастырь представляетъ цѣлое отдѣльное общество, независимое, сильное средствами, и, притомъ, значительно многолюдное. Ежегодные обильные вклады и правильное хозяйство обѣщаютъ монастырю впереди несчетные годы.

На третій день моего пріѣзда въ монастырь, я былъ разбуженъ по утру громкими криками, раздавшимися подъ окнами нашей гостиницы и по корридорамъ ея.

— Что тамъ такое? спрашиваю я гостинщика.

— Гонятъ жонокъ — богомолокъ сельдей чистить. Сейчасъ приплылъ карбасъ съ свѣжей рыбой; ужо на уху она пойдетъ — объяснялъ онъ.

— А уготовляли-ли вы себѣ цѣльбоносное купаніе во Святомъ озерѣ вчера? спросилъ онъ меня потомъ.

Я отвѣчалъ отрицательно.

— Всѣ богомольцы, немедля, по прибытіи, совершаютъ сей обрядъ во душевное спасеніе и тѣлесное здравіе. Отъ многихъ недуговъ полезна вода, и сколь она холодна и благотворна, то такой уже говорятъ и не обрѣтается въ иныхъ мѣстахъ, кромѣ честныя обители сея.

— Что же это, батюшка, обязательно для всѣхъ?

— Неволи не полагается; но всякъ творитъ по мѣрѣ силъ. Немотствующіе не купаются. У насъ, по монастырскимъ обычаямъ, всѣ богомольцы, искупавшись въ Святомъ озерѣ, идутъ ко гробу преподобныхъ отецъ Зосимы и Савватія и ходатайствуютъ у нихъ объ умилостивленія Творца Всевышняго. Затѣмъ всякій полагаетъ отправиться воздать молитву при гробѣ преподобнаго Елеазара во скиту, сооруженномъ имъ на острову Анзерскомъ, и оттуда идутъ на гору Голгофу, гдѣ поминаютъ молитвою прешедшихъ отцевъ и братію въ панихидѣ при гробѣ преподобнаго отца Іисуса Голгофскаго. Засимъ, на третій день, посѣщаются всѣ часовни, мѣста коихъ освятили своими стопами угодники Божіи: одну въ 3-хъ верстахъ отъ обители, близъ Исакіевой горы, гдѣ первоначально поселились преподобные Зосима и Германъ, и всѣ семь пустынь...

При послѣднихъ словахъ его раздался звонъ въ малый колоколъ.

— Это что такое?

— Кончилась литургія: къ трапезѣ звонятъ; пожалуйте! Въ сей день полагаются скоромныя кушавья.

Я отправился. Огромная трапеза была полна народу; монахи пѣли.

Между богомольцами не видать было женщинъ: всѣ онѣ, по монастырскому обычаю, угощаются въ особой залѣ, такъ-называемой келарской. Раздалось чтеніе житій святыхъ того дня, производимое съ особаго амвона чередным монахомъ. При перемѣнѣ кушаньевъ, при звонѣ колокольчика, читалась съ амвона и прислуживающими послушниками молитва: «Господи, Іисусе Христе, Боже нашъ, помилуй насъ». Трапезующіе должны были отвѣчать «аминь»; всѣмъ возбранялись разговоры, всѣ обязаны были ѣсть изъ общей чашки; у всѣхъ были деревянныя ложки съ вырѣзною благословящею рукою. Мнѣ попалась ложка съ надписаніемъ:

На трапезѣ благословенной
Кушать братіи почтенной.

У сосѣда моего на ложкѣ было написано просто «во здравіе братів». Вся посуда была оловянная. Кушанье солить или обливать уксусомъ обязаны были послушники. На этотъ разъ вся трапеза состояла изъ четырехъ блюдъ: холодное — соленыя сельди съ лукомъ, перцомъ и уксусомъ; треска со сметаной в квасомъ; уха, удивительно вкусная, изъ сегодня выловленныхъ сельдей; и каша гречневая съ коровьимъ масломъ и кислымъ молокомъ. Въ концѣ трапезы разносились кусочки просфоры, освященной въ концѣ пѣніемъ и разрѣзанной при томъ же пѣніи и тогда же. Пѣвчіе пѣли потомъ молитвы и отпускъ — и затѣмъ всѣ расходились.

Несмѣтное число чаекъ усыпало весь дворъ монастырскій: кажется, на это время слетѣлись они со всего острова и его береговъ. Монахи и многіе богомольцы бросали имъ куски хлѣба. Чайки до того были безбоязненны, что хватали хлѣбъ этотъ изъ рукъ; многія клевали проходящихъ за ноги, за полы платья; крикъ былъ невыносимый, и все это, взятое вмѣстѣ, представляло странную, хотя и своеобразную, картину. Нѣкоторые изъ монаховъ пошли удить рыбу на озерахъ, другіе — смотрѣть на море, гдѣ въ это время разыгрывались знакомыя, обыденныя сцены: вотъ чайка учитъ своего чабара летать; чабаръ старается дѣлать то же, что и мать: машетъ крыльями, бѣжитъ скоро впередъ, но спотыкается, ударяется утинымъ своимъ носомъ въ землю, привскакиваетъ, но въ воздухѣ держится недолго: собственная тяжесть не пускаетъ его отъ земли дальше четверти аршина. За другимъ чабаромъ слѣдитъ мать, и смотритъ, какъ онъ влѣзъ въ воду и окунывается, хлопая въ водѣ крыльями и обмачивая голову; чабаръ на водѣ держится легко. Дальше все прежнее: мальчишки — работники, *безбрадые трудники*, по словамъ гостинщика, бродятъ безъ дѣла по берегу, одѣтые въ монастырскіе подрясники съ широкими кожаными поясами и въ плисовыхъ круглыхъ колпакахъ на головѣ. Мальчишки

шалятъ; взрослые штатные служители важно толкуютъ съ богомольцами; часы выколачиваютъ половину; чайки кричатъ, и гулъ ихъ отдается эхомъ въ стѣнахъ монастырскихъ; кто-то запѣлъ: «Воскресеніе Христово видѣвше...»

Вернувшись въ свой номеръ, я попросилъ лошадей, чтобы ѣхать на Анзерскій островъ. Потребовали три руб. сер., и мы отправились. Дорога пошла по Соловецкому острову гладкимъ, исправленнымъ полотномъ; по сторонамъ ея потянулся лѣсъ со всею обычною обстановкою, невычищенный, со множествомъ валежника неприбраннаго. Во многихъ мѣстахъ лѣсъ этотъ отдавалъ рѣшительною дичью; все въ немъ напоминало лѣса нашихъ Приволжскихъ губерній: тѣ же высокія деревья словно и не полярныя, не Архангельскія, та же спутанность сортовъ и видовъ ихъ: тутъ и березовая полоса, перепутанная съ ивнякомъ, тутъ и соснякъ съ кустами густаго цѣпкаго Волжскаго можжевельника, соснякъ перепутанъ съ ельникомъ; даже кое-гдѣ между ними проглянула лиственница. Между деревьями, по кочкамъ, иногда мшистымъ, иногда обтянутымъ травою, разсыпались кусты ягодъ вороницы и можжевельника; кое-гдѣ красовался цвѣтами шиповникъ; во многихъ мѣстахъ зацвѣтала малина и даже краснѣла уже ягодами. Въ воздухѣ разлита была чарующая свѣжесть, которою дышешь—не надышешься; то вдругъ прольется струя цѣлебной смолки, то здоровый запахъ травы, то вдругъ опять пролетитъ нѣжная, эфирная струйка, пущенная зажившими цвѣтами шиповника. Луга, выглянувшіе между деревьями, усыпаны были цвѣтами и рисовались такимъ же пестрымъ ковромъ, который такъ обыкновененъ вездѣ, кромѣ Архангельскаго края. Мѣстность Соловецкаго острова—рѣшительный контрастъ со всѣми сосѣдними ей: природа словно огорчилась, истощенная въ береговыхъ тундрахъ и болотахъ, и, собравши послѣднія оставшіяся силы, произвела на острову новый, особенный міръ, въ которомъ такъ всѣмъ привольно и такъ все сродни и знакомо дальному, заѣзжему человѣку! Вотъ пошла дорога подъ гору, на мостикъ, перекинутый черезъ бойкій ручеекъ; вотъ побѣжала она въ гору, взрытую по мѣстамъ колеями; вотъ канавы, прорытыя по сторонамъ полотна ея и опять та же лѣсная чаща и между нею болото такое же ржавое, такое же зыбкое, какъ вездѣ и всюду въ Россіи, богатой и горами, и болотами, и роскошными лугами. Вотъ прекратился лѣсъ, открылась поляна, на полянѣ посѣяна рожь. Рожь уже наливается, наливъ идетъ къ концу; васильки въ полной силѣ; вправо отъ дороги, между рѣдко разставленными деревьями, черезъ поляну, засыпанную хвоемъ, выглянуло озеро большое, рыбное, на этотъ разъ свѣтлое, зеркальное. Лѣсная чаща продолжаетъ по прежнему окружать насъ со всѣхъ сторонъ и дышетъ на насъ своимъ здоровымъ, цѣлебнымъ дыханіемъ; въ ней

запѣла даже гдѣ-то птичка, другая... третья... и четвертая. Весело на душѣ, летятъ всѣ черныя мысли прочь, забываешь обо всемъ прежнемъ и живешь только настоящимъ. Пусть бы дальше и больше тянулась эта дорога съ вѣчно-увлекающими видами, со своею свѣжестью; пусть никакое тревожное воспоминаніе не безпокоитъ теперь воображенія. А воспоминаній этихъ накопилось такъ много, ими такъ сильно утомлена и пресыщена душа, что прежній путь по прибережьямъ кажется какъ-будто сномъ, какой-то сказкой, выслушанной еще въ дѣтствѣ и теперь съ трудомъ припоминаемой.

Ѣхали мы лѣсомъ часа два. За лѣсомъ началось поле, на концѣ котораго стоитъ избушка, и въ ней живутъ два монаха-перевозчика. У избушки этой надо было остановить лошадей и садиться въ карбасъ, на которомъ предстоялъ путь чрезъ салму (проливъ) въ 4 версты 300 саженъ. Вѣтру никакого не заводилось; привелось ѣхать на греблѣ, между тѣмъ, какъ быстрина теченія здѣсь поразительна. Къ тому же, на то время, *вода* на томъ берегу *распалась*, какъ выразился нашъ перевозчикъ, т. е. пошла на прибыль, начался приливъ и обѣщалъ намъ на встрѣчу *сувои;* но сувой былъ не силенъ, и мы хотя и медленно, но прошли его при помощи только двухъ веселъ. По пути намъ моремъ играла бѣлуга у самаго карбаса и такъ близко, что можно было разсмотрѣть, какъ опрокидывала она свое огромное сальное тѣло въ воду, выгибая надъ водой спину и выкидывая на шеѣ фонтаномъ воду. Провожающіе насъ монахи говорятъ, что она удивительно быстро ходитъ, и если ужъ одной удалось прорвать неводъ, такъ всѣ другія уйдутъ за ней мгновенно.

Черезъ полтора часа ѣзды мы были уже на берегу Анзерскаго острова, подлѣ часовни, на мѣстѣ которой, говорятъ, основатель скита Елеазарій работалъ въ избушкѣ деревянную посуду и потомъ продавалъ ее приходившимъ на Мурманъ поморамъ. Приготовленную посуду онъ, по преданію, выставлялъ на пристани, а самъ удалялся въ лѣса отъ людей. Приплывавшіе поморы брали ее, а въ отплату оставляли хлѣбъ и другіе съѣстные припасы. Отъ часовни этой мы шли $2^1/_2$ версты пѣшкомъ до Анзерскаго скита, раскинутаго въ ложбинѣ со своими каменными кельями (въ нихъ живетъ 14 монаховъ) и таковою же небольшою церковью. Вблизи скита этого ловятся лучшіе Соловецкіе сельди и семга, и производятся по осенямъ промыслы тюленей и морскихъ зайцевъ.

На острову Анзерскомъ жилъ нѣсколько лѣтъ Никонъ.

Пустынножительство въ этомъ скитѣ существуетъ на томъ же положеніи, какъ и въ монастырѣ Соловецкомъ.

Въ Анзерскомъ скиту насъ посадили опять въ линейку, чтобы везти на Голгофу, въ Іисусо-Голгофскій скитъ, до котораго считаютъ $6^1/_2$ верстъ; на второй верстѣ началась эта высокая, словно сахар-

ная голова, гора Голгофа, чрезвычайно крутая, вулканическаго вида. Дорога побѣжала ввитомъ между высокими деревьями, въ виду озеръ, разлввшихся у подошвы горы. Словно поставленная на облакахъ, бѣлѣлась надъ нашими головами скитская церковь далеко-далеко на верху. Здѣсь первоначально жилъ Елеазаръ, а послѣ него іеросхимонахъ Іисусъ, водрузившій здѣсь крестъ и положившій такимъ образомъ первое основаніе скита въ 1712 году. По завѣщанію его, въ скиту воспрещено употребленіе рыбы и молочной пищи, кромѣ субботы и воскресенья, и установлено неусыпное чтеніе Псалтыря. Братіи здѣсь жило въ то время 8 человѣкъ.

Видъ съ горы и со скитской колокольни поразителенъ: море протянулось во всей своей пустынности и ушло въ безграничную даль океана. Неоглядная даль эта сливается въ ближайшей сторонѣ съ бойкою, богатою лѣсною и луговою растительностію острова, съ другой, дальней, ограничвается группою островов Муксалмовскихъ. На нихъ пасется монастырскій скотъ. Между Большими и Малыми Муксалмами разливалась салма съ необыкновенною быстротою теченія, усиленною еще сверхъ того присутствіемъ пороговъ. Пороги эти носятъ названіе Желѣзныхъ Воротъ, трудно одолимыхъ гребнымъ карбасомъ въ сухую воду и една доступныхъ, по быстротѣ теченія, при приливѣ, или полой водѣ, по туземному. Въ самомъ узкомъ мѣстѣ этихъ воротъ, съ одного берега на другой, перекинутъ мостъ для перехода скота и оленей. За Муксалмами выясняется группа островов Заяцкихъ съ бѣлою церковью, и вотъ правѣе ихъ и ближе весь зеленый и огромный Соловецкій, и опять громадная, неоглядная масса воды, сверкающей на полномъ свѣтѣ полуденнаго, лѣтняго солнца. Вотъ на морѣ этомъ чернѣетъ корга, едва не заливаемая прибылой водой, та корга, на которой ловятъ монахи морскихъ звѣрей по осенямъ и вимамъ. Съ колокольни, на которой вѣчно ходитъ круговой вѣтеръ, хотя бы подъ горою и на морѣ была полная тишь и гладь, глазъ бы не оторвалъ отъ всего, что рисуется и красуется внизу. Гора Голгофа до того высока, что видна съ моря верстъ за 50, по словамъ туземцевъ, и до того своеобразна, что чаекъ, одолѣвающихъ крикомъ внизу, въ Анзерскомъ скиту — въ здѣшнемъ Голгофскомъ не могли прикормить. Не водятся также здѣсь и голуби: и только вороны да орлы способны прилетать сюда вить гнѣзда и кормиться отъ сытной и обильной братской трапезы.

Въ Голгофскомъ скиту не служатъ молебновъ; служатъ однѣ панихиды.

На обратномъ пути, въ Анзерскомъ скитѣ, намъ предложили варенцу и сливокъ, которыхъ здѣсь, по словамъ монаховъ, въ изобиліи.

— Тяжелы были времена для обители въ запрошедшие годы, разсказывалъ мнѣ Анзерскій монахъ. Въ скиту нашемъ стекла дрожали отъ пальбы непріятельскихъ пушекъ. Страшный дымъ стоялъ все время надъ монастыремъ; думали уже мы, что случился пожаръ и загорѣлась какая-либо изъ башенъ. Дымъ, стоявшій надъ монастыремъ, минутъ черезъ пятнадцать, разносило вѣтромъ и сердца наши испытывали веліе веселіе, радовались надеждою. Пришедшіе монахи сказывали на другой день, что гроза миновала и молитвами преподобныхъ отецъ нашихъ Зосимы, Савватія и Германа Соловецкихъ, Елеазара Анзерскаго и Іисуса Голгофскаго, обитель спаслась и только испытала нѣкоторыя поврежденія.

Поврежденія эти, сохраненныя еще па мой проѣздъ, состояли, какъ сказано, въ неисправимыхъ поврежденіяхъ Архангельской гостинницы. Одно ядро прошибло крышу и опалило образъ у дверей холоднаго собора; другое пробило въ одномъ мѣстѣ стѣну; многія разшибли церковныя и келейныя окна. Всѣ эти ядра, собранныя въ значительномъ числѣ, показывали богомольцамъ выставленными по прилавку на соборной паперти. Пушки, изъ которыхъ стрѣлялъ монастырь, отецъ-архимандритъ Александръ предполагалъ позолотить и выставить при входѣ въ св. ворота. Также позолочены были и тѣ ядра, изъ которыхъ одно упало въ соборной церкви и не разорвалось, и другое, засѣвшее въ соборной главѣ и чуть несброшенное внизъ, по неосторожности, кровельщикомъ, впослѣдствіи, когда поправлялись главы и кровля.

Вотъ, что можно услышать отъ Соловецкихъ монаховъ, съ присоединеніемъ того, что осталось въ воспоминаніяхъ самого отца-архимандрита Александра объ недавномъ бомбардированіи монастыря Англичанами.

Эскадра Англійская, какъ извѣстно, останавливалась около Заяцкихъ острововъ. Отсюда отправлены были въ монастырь парламентёры съ просьбою снабдить ихъ пароходы баранами. Архимандритъ отказалъ. Англичане высадились на одинъ изъ Заяцкихъ острововъ, и именно на тотъ, гдѣ паслись въ то время бараны; часть ихъ была поймана, не давался долго одинъ козелъ, но когда былъ схваченъ, лизалъ руки у враговъ, своихъ владѣтелей. За такую ласковость Англичане отпустили козла, не взявши его съ собою. Монастырю, во всякомъ случаѣ, угрожала опасность. Англичане, державшіеся той системы, чтобы не стрѣлять и не начинать ссоры съ беззащитными селеніями, сожгли въ то же время Пу́шлахту и Ка̀ндалакшу, только послѣ того, когда видѣли, что жители выбѣжали съ ружьями и стрѣляли по нимъ. Англичане знали, что монастырь — сильная крѣпость, что въ крѣпости этой есть нѣкоторое количество инвалидной команды, есть пушки и боевые снаряды и есть, сверхъ

всего, огромный запасъ провизіи. Къ тому же изъ монастыря полученъ былъ отказъ въ снабженіи мясомъ. Архимандритъ зналъ, что бомбардированіе неизбѣжно. Незадолго до него, командиръ эскадры поручилъ Заяцкому монаху, отправившемуся въ монастырь, передать настоятелю подарокъ. Подарокъ этотъ была штуцерная пуля со всѣмъ припасомъ.

— Попѣнялъ я имъ, что посылаютъ пулю, разсказывалъ этотъ монахъ: «Послали бы вы, я говорю, отцу-архимандриту ружье Англійское, хорошее». — А пусть (говорятъ) пріѣдетъ самъ — подаримъ! — «А мнѣ подарите ружье?» спрашивалъ я. — Тебѣ, говорятъ, не надо ружья. — Подавая мнѣ пульку, командиръ, переглянувшись съ другимъ, стоявшимъ рядомъ, усмѣхнулся [1]).

Собралъ отецъ-архимандритъ совѣтъ изъ монашествующей братіи и объявилъ имъ о своемъ намѣреніи ѣхать для личныхъ переговоровъ съ непріятелями. Одни отсовѣтывали, другіе утверждали въ этомъ намѣреніи. Отецъ Александръ рѣшился на послѣднее и, благословивши и распростившись со слезами съ братіею, сѣлъ въ монастырскій карбасъ, управленіе которымъ довѣрилъ онъ самому опытному кормщику, а въ помощь ему выбралъ самыхъ сильныхъ изъ всего количества штатныхъ монастырскихъ служителей.

При холодномъ, противномъ вѣтрѣ, противъ котораго съ трудомъ держался баркасъ и едва спасала теплая двойная одежда, ѣхалъ отецъ Александръ до непріятельскихъ пароходовъ. И только на разсвѣтѣ (отправившись послѣ вечеренъ) онъ могъ достигнуть до нихъ. Выкинутъ былъ парламентёрскій флагъ; съ парохода непріятельскаго спущена была шлюпка для переговоровъ. Настоятель согласился сѣсть только въ такомъ случаѣ, когда увидѣлъ, что на шлюпку вскочило много.

— Отчего ты не давалъ намъ барановъ? спрашивалъ переговорщикъ [2]).

— Оттого, что вы враги наши! отвѣчалъ архимандритъ.

— Мы бы тебѣ заплатили деньги.

— Денегъ мнѣ вашихъ не надо, потому что я монахъ и не нуждаюсь въ деньгахъ. Я всѣмъ обезпеченъ отъ обители.

— Мы тебя возьмемъ въ плѣнъ и увеземъ съ собою.

---

[1]) Пульку эту показывалъ мнѣ отецъ-архимандритъ: она была свинцовая, конусообразная, съ мѣдною крышечкою, въ которую былъ насыпанъ порохъ и закрытъ бумажкой; подъ крышечкой — огнестрѣльная бумага. Пулю эту архимандритъ предполагалъ завѣщать монастырю на память.

[2]) Переводчикъ этотъ чисто говорилъ по-Русски; сказывалъ, что воспитывался и жилъ въ Архангельскѣ, гдѣ и привыкъ такъ бойко говорить по-Русски; сказывался простымъ солдатомъ, хотя, по словамъ отца-архимандрита, и имѣлъ на фуражкѣ кокарду.

— Въ плѣнъ вы меня взять не смѣете, потому что я подъ парламентёрскимъ флагомъ пріѣхалъ къ вамъ, да и что вамъ во мнѣ, и зачѣмъ вы меня такъ далеко повезете?...

— Далъ бы ты намъ барановъ, мы бы васъ не трогали...

— Дать я вамъ всего этого не могу, да и не позволитъ братія.

— А если самъ захочешь?

— Самъ не хочу, и не дамъ, и братіи не позволю, потому что мы, хотя и монахи, но принадлежимъ своему отечеству, любимъ его и молимся за своего Государя.

— Ну, такъ мы будемъ стрѣлять...

— А мы будемъ молиться...

— Стрѣлять мы будемъ завтра.

— Стало быть, такъ я и знать буду и также точно скажу и братіи. Поѣду и приготовлюсь по обрядамъ церкви.

Оставивъ Англичанъ съ положительнымъ отказомъ, отецъ-архимандритъ собралъ всю свою братію и приказалъ ей, исповѣдью и причащеніемъ св. Таинъ, приготовиться къ завтрашнему дню. На другой день, въ самый день бомбардированія, причастился и самъ и, не дожидаясь начала пальбы, началъ литію съ тѣмъ, чтобы при пѣніи ея обойти вокругъ монастырскихъ стѣнъ. Лишь только потянулось шествіе по стѣнамъ и не совершило еще и половины крестнаго хода, раздался оглушительный громъ отъ пальбы, завизжали пули, нѣкоторыя изъ нихъ носились надъ головами богомольцевъ, незначительная часть которыхъ успѣла пробраться на то время въ монастырь. И вдругъ—въ одно мгновеніе (которое, по словамъ очевидцевъ, неизгладимо останется въ нихъ памяти)—раздался сзади шествія страшный крикъ, и почти всѣ задніе ряды повалились ничкомъ на землю. Оказалось, что ядро прошибло стѣну и пролетѣло надъ головами богомольцевъ, не сдѣлавъ имъ особеннаго вреда. Въ то же время другое ядро ударило въ соборную главу и влетѣло въ церковь, другое пробило кровлю и попалило образъ. Гулъ и пальба не прекращались долго, даже и въ то время, когда крестный ходъ вернулся въ соборъ. Наконецъ все стихло; архимандритъ совершалъ благодарственное молебное пѣніе. Англійская эскадра отправилась въ Кемь.... При этомъ присовокупляютъ, что во время пальбы, на монастырскомъ дворѣ не видали убитою ни одной чайки.

Хотя теперь уже, можетъ быть, уничтоженъ и послѣдній слѣдъ поврежденій, произведенныхъ въ монастырѣ непріятелемъ, но, думаю, воспоминанія и разсказы о немъ слышатся богомольцами и до сихъ еще поръ также обильно, какъ слышалъ и я. Тогда для монаховъ было это свѣжо, но мнѣ измѣняетъ память; все, что осталось въ ней, я передаю какъ могу и помню. Sapienti sat.

15 іюля 1856 года былъ послѣдній день моего пребыванія въ

монастырѣ. Въ послѣдній разъ видѣлъ я привѣтливаго, гостепріимнаго, словоохотливаго отца-архимандрита, и простился съ нимъ; въ послѣдній разъ видѣлъ я двухъ схимниковъ съ пожелтѣвшими, словно воскъ, лицами, въ ризахъ, обшитыхъ спереди и сзади крестами, съ сѣдыми, какъ серебро, волосами. Схимники выходили за трапезу.

Карбасъ мой былъ уже готовъ — и мы отправились..... Влѣво отъ насъ выплывало изъ-за острововъ судно; на мачтѣ этого судна засверкала, отъ лучей солнца, золотая звѣздочка, вѣроятно, крестъ, безъ котораго не бываетъ ни одной монастырской лодьи, назначенной перевозить богомольцевъ изъ Архангельска, изъ Сумы и иногда изъ Кеми. И всѣ мы рады этому судну, и всѣхъ занимаетъ оно, и рисуются въ моемъ утомленномъ воображеніи слѣдующія картины:—

Видится мнѣ дряблая, разбитая ногами и голосомъ старушонка, въ крашенинномъ сарафанѣ, съ остроносой сорокой на головѣ, баба плаксивая, богомольная: зывела она сыновей, дождалась и баловливыхъ внуковъ. И вотъ, въ товариществѣ попоза Гараніюшки блаженника-дурачка, да Матвѣюшки, что позапрошлый годъ медвѣдь ломалъ да не изломалъ совсѣмъ, сама съ клюкой, Христовымъ именемъ пробирается въ невѣдомый ей край.

И дребезжитъ ея разбитый голосъ подъ волоковыми окнами спопутныхъ городовъ, селъ и деревушекъ. Въ деревушкахъ видятъ у старухи котомку за плечами, старенькіе лаптишки подъ котомкой— въ избу зовутъ:

— Богомолушка, кормилица?

— Нѣшто, родимые.

— Куда Богъ несетъ?

— А къ Соловецкимъ, родители, за грѣхи свои Богу помолиться.

— Далеко, кормилушка, далеко. Возьми-ко, сердобольная, гривенку: поставь и за насъ свѣчку тамъ, — не погнушайся, богоданная! А вотъ тебѣ пятакъ за проходъ, пирогъ на дорогу; да присядь-ко, косатушка, пообѣдай.

Бредетъ эта старушоночка и цокаетъ, разсказываетъ про свою родню за густыми сосновыми лѣсами Ветлужскими и кедровыми лѣсами Вологодскими: молитъ она милостинки и у вагана-шенкурца и у холмогора-заугóльника; приходитъ, наконецъ, и въ длинный Архангельскъ, но уже не съ пустыми руками, хотя и съ разбитыми, сильно отяжелѣвшими, ногами. Поскупится она заплатить, изъ бережливости и скопидомства, лишній грошъ, ее заставятъ щипать паклю или прясть канатное прядево — и безъ денегъ свезутъ...

И вотъ она на палубѣ огромнаго судна — монастырской лодьи плоскодонной, безобразной, со старой оснасткой и покроемъ — посреди густой толпы богомольнаго люда. Ѣдетъ тутъ и бородатый раздобрѣвшій купецъ, которому удалось хватить горячую копѣйку

на выгодномъ казенномъ подрядѣ; ѣдетъ тутъ и оставленный за штатомъ недальній чиновникъ изъ духовнаго званія, распѣвающій въ досужее время церковныя стихиры и не пропустившій на своемъ вѣку ни одной заутрени и обѣдни въ воскресный день; ѣдетъ тутъ и сухой монахъ дальняго монастыря изъ-подъ Кіева, отправленный со сборною памятью и игуменскимъ благословеніемъ.. Ѣдутъ тутъ: и свѣтская Архангельская дама, вдова, съ томными глазами, со вкрадчивымъ разговоромъ и въ костюмѣ, имѣющемъ претензію на замѣтное кокетство, и бойкая щебетунья-баба солдатка изъ Соломбалы, и длинный семинаристъ богословскаго класса, и дальній сельскій попъ, низконоклонный, угодливый, приниженный.

Паруса уже налажены, снасти подобраны, остается только вытащить рычагомъ якорь. Всѣ богомольцы стоятъ безъ шапокъ и чего-то ждутъ съ сосредоточеннымъ вниманіемъ и при сдержанномъ молчаніи. Вотъ роздается сладенькій голосокъ кормщика:

— Молись, господа! Молись, благословёны — въ путь-дорогу пора. Читай, Кондратушка, молитву на путь шествующимъ!

Вслѣдъ затѣмъ раздается звонкій, выровненный, развитой до поразительной чистоты, голосъ монастырскаго служки. Богомольцы творятъ молитвы на городскія церкви и потомъ на всѣ четыре стороны, изъ которыхъ на каждой непремѣнно блеститъ по одному — по два церковныхъ креста.

Судно трогается и бѣжитъ, если вѣтеръ крѣпко-попутный, и плыветъ лѣниво и вяло, плохо лавируя, если повѣтерье — говоря по морскимъ выраженіямъ — кормщику въ зубы. Бѣжитъ монастырское судно вблизи Лѣтняго берега Бѣлаго моря къ Ухтъ-Наволоку и далѣе открытымъ моремъ.

Трудными Повѣнецкими дорогами съ Онежскаго озера идутъ другія партіи богомольцевъ изъ ближнихъ къ Петербургу губерній. То пробираются они по узкимъ тропинкамъ, черезъ гранитныя скалы, выкрытыя тундрой съ оленьимъ мохомъ и лѣсами съ дряблыми деревьями; то плывутъ они по зеркальнымъ, глубокимъ озерамъ въ утлыхъ, неудобныхъ лодкахъ или на посадъ Суму, или на деревню Соро́ку — людныя и богатыя селенія поморскаго прибрежья Бѣлаго моря. Здѣсь ихъ также принимаютъ на ладьи или монастырскія, или обывательскія. Въ нерѣдкихъ случаяхъ ѣдутъ богомольцы и въ мелкихъ судахъ, карбасахъ.

Темы. — Планъ статьи. — Отдѣлить описанія отъ разсказовъ. — Извлечь матеріалъ географическій. — Матеріалъ этнографическій. — Матеріалъ историческій. — Матеріалъ филологическій: языкъ и слогъ. — Черты общественныя. — Часть лирическая (субъективная) въ разсказѣ. — Картины природы.

2. Моя поѣздка къ океану.

— Ишь, вѣдь, какой холодище завязался, а тамъ у окіяна еще лютѣй [1])!....

Но едва ли противъ какого холоду не устоитъ тяжелая, неловкая, безобразная, но страшно-теплая Самоѣдская одежда, получившая право гражданства и у Русскихъ туземцевъ. Безъ этой одежды нѣтъ возможности ѣздить по нашему холодному Сѣверу и волей-неволей всякій долженъ надѣвать на ноги сначала мѣховые чулки (шерстью къ тѣлу и длиною выше колѣнъ) изъ оленьей шкуры, называемые *липты*, потомъ *пимы* — родъ сапоговъ, красиво сшитыхъ изъ разношерстныхъ (шерстью наружу) лентъ мѣховыхъ (ка́мусовъ), снятыхъ съ оленьихъ ногъ и разукрашенныхъ по-мѣстамъ разноцвѣтными лоскутками суконъ, и, наконецъ, при крѣпкихъ морозахъ, сверхъ всего этого, калоши — *тóборы*, *тóпаки*, по туземному названію. Распашныя шинели, шубы здѣсь также не имѣютъ никакого смысла и необходимо замѣняются *мáлицой*, — мѣховымъ, шерстью къ тѣлу (изъ оленя же) мѣшкомъ, у котораго снизу широкое отверстіе — полы, отороченныя мѣховой разношерстной же лентой — *пяндой*, а сверху узенькое отверстіе, въ которое съ трудомъ пролѣзаетъ голова и которое имѣетъ мѣховой воротникъ. Теплая, похожая на стихарь, малица, во время сильныхъ вьюгъ и морозовъ, неудовлетворительна и потому покрывается *совикомъ* — такой же малицой, но съ тѣмъ главнымъ отличіемъ, что у совика къ воротнику пришитъ мѣховой же колпакъ (куколь, по-туземному) и притомъ совикъ надѣвается шерстью наружу. Куколь его не исключаетъ, впрочемъ, употребленія теплой шапки, которая шьется колпакомъ съ длинными ушами (также пестро-изукрашенными) изъ шкуры молодыхъ оленей — пыжиковъ. Въ такомъ безконечно-теплом нарядѣ можно было ѣхать не только къ океану, но, пожалуй, даже и на Новую-Землю, и при томъ въ какой угодно холодъ.

До того мѣста, которое мы назначили цѣлью поѣздки, на этотъ разъ было верстъ сорокъ, т. е. ровно на три доха для бойко, въ припрыжку, бѣжавшихъ оленей. Дохъ, или духъ, этотъ состоялъ въ томъ, что проводникъ мой, сидѣвшій на облучкѣ слѣва, собиралъ въ руку вожжу — метыние — до половины длины ея: передовой олень дергалъ вправо и увлекалъ за собой всѣхъ остальныхъ четырехъ, которые мгновенно и останавливались, какъ вкопанные. Они тяжело и порывисто дышали, пуская паръ клубомъ, жадно схватывали мягкій пухъ съ лежавшаго подъ ногами ихъ снѣга, опять усиленно собирали духъ въ теченіи какихъ-нибудь десяти минутъ.

[1]) Слова проводника г. Максимова.

Провожатый мой выводилъ ихъ впередъ, выравнивалъ шестомъ своимъ, бѣжалъ нѣсколько впередъ въ припрыжку, мгновенно вскакивалъ затѣмъ на облучокъ, и олени, положивъ свои вѣтвистые рога картинно на спину, снова пускались легонькой, рысистой побѣжкой дальше, до новаго доха, черезъ 15—20 верстъ. Эти 20 верстъ ѣхали мы меньше часу времени, тѣмъ-болѣе, что (какъ говорилъ проводникъ) запряжены были важенки (самки), болѣе легкія на ходу и рѣже пускаемыя въ ѣзду, чѣмъ работящіе быки (взрослые самцы—олени).

Вотъ уже мы близки къ цѣли: дали послѣдній дохъ оленямъ и ѣдемъ послѣ него довольно долго. Вонъ вдали шевелится весь тотъ снѣгъ, который казался до того неподвижно-растянутымъ полотномъ, и шевелится онъ на всемъ неоглядномъ пространствѣ, раскинутомъ впереди до безконечности. До ушей долетаетъ сначала глухой гулъ, и потомъ, по мѣрѣ приближенія къ *зажившему* морю, выдѣляются изъ этого шума отдѣльные звуки: то какъ будто неистово-щелкаетъ что-то, то раздается невыносимый визгъ и трескъ, то какъ будто раскатистый всплескъ какого-то громаднаго морскаго чудовища. Далеко разносистые, попеременно смѣняющіе одинъ другой, рѣзкіе звуки продолжаютъ увлекать вниманіе. Бѣлая, сплошная даль засѣрѣла; видятся отдѣльныя льдины, неподвижная окраина берега, темныя полосы воды и кругомъ безлюдье и дичь, которая какъ будто тоже приготовилась смотрѣть и слушать. Страшна казалась эта мрачная даль, хотя и была она полна жизни дикой, своеобычной. Мы остановились; проводникъ мой оговаривается при этомъ:

— Ну, ужъ дальше ѣхать нельзя: дальше небо досками заколочено и колокольчики не звонятъ...

Но дальше, какъ извѣстно, цѣлые ледяные острова, увѣнчанные до облаковъ поднимающимися ледяными же скалами въ 400 и болѣе футовъ высотою и въ 100 и болѣе миль въ окружности. Цѣлую вѣчность бродятъ они съ одного конца Ледовитаго моря до другаго — Американскаго, перенося на своихъ хребтахъ моржей, тюленей и ужившагося съ полярнымъ холодомъ и тепло-одѣтаго бѣлкуя. Съ ужаснымъ громомъ разламываются эти ледяные исполины, разсыпаясь мелкой пылью, которая пѣнитъ и бурлитъ воду иногда на пяти-верстномъ разстояніи. Чудныя картины являютъ они въ иную пору — картины, напоминающія изумрудные дворцы волшебныхъ сказокъ, когда зажгутся и заиграютъ отъ лучей солнца всѣ эти ледяныя арки, столбы, конусы и въ каждой капелькѣ которыхъ играетъ оно всѣми семью роскошными цвѣтами радуги. Но теперь... теперь страшно непривычному уху, глазу и воображенію, не пріурочившимъ себя къ подобнымъ картинамъ и неосвоившимся съ

ними съ-издѣтства. Шумъ и безтолковый гулъ, несущійся со стороны моря, начинаетъ замѣтно стихать; но, по прежнему, обгоняя одинъ другой, носятся въ моемъ воображеніи дальніе родные виды и картины, Богъ-вѣсть, чѣмъ и зачѣмъ вызванные на эту пору, какъ будто въ контрастъ настоящему зрѣлищу: и любящая родная семья, и искренній, дружескій, дорогой кружокъ семьи пріятельской, отдѣленные теперь отъ меня двухъ-тысячнымъ безпривѣтнымъ пространствомъ. И еще дороже и цѣннѣе кажется все дорогое наболѣвшему сердцу, и еще благотворнѣе, в еще живѣе и нагляднѣе рисуется мирная, сосредоточенная въ кружкѣ и обусловленная обычной колеей жизнь, знакомая и родная съ-издѣтства. А тутъ, о-бокъ, живетъ расходившееся море, но живетъ какою-то безцѣльною, повидимому, непонятною жизнію, заключенное въ тѣсныхъ рамкахъ замершей и уже окончательно безслѣдно-вымершей природы. Живутъ еще олени и живетъ проводникъ — подневольные мученики капризовъ чужаго произвола; но олени, выпряженные, пробиваютъ копытами намерзшій снѣгъ, инстинктивно отыскивая подъ нимъ лакомую и единственную пищу свою — сочный и сытный бѣлый мохъ; но проводникъ, сосредоточенно-молчаливый, обрубаетъ топоромъ вѣтвистый рогъ у одного оленя и невольно вызываетъ этимъ меня на вопросъ:

— Зачѣмъ ты это дѣлаешь?

— Да, вишь, мѣшаютъ, заплетаетъ! — отвѣчаетъ онъ рѣзко и сердито.

— А лучше бы по моему, такъ оставилъ: красивѣй.

— И что красивѣй! — знамо, красивѣй, да вишь мѣшаютъ: съ другими сплетаются, опять же ёрку задѣваютъ по дорогѣ. Сами, вѣдь, они на зиму-то сбиваютъ ихъ! — продолжалъ разсуждать проводникъ, какъ будто награждая себя за долгое, часовое молчаніе во все то время, когда кормились привезшіе насъ на это безлюдье олени.

И отрубленные рога брошены подлѣ дороги. Окружающая насъ, безпривѣтная среда продолжаетъ тяготить своимъ безлюдьемъ по прежнему. Печора замѣтно успокоивается: отливъ кончился, разломанный ледъ далеко отнесло въ даль; прибрежье мрачно чернѣетъ отъ наступающихъ сумерекъ, которыя казались бы глубокою, черною, волчьею ночью, если бы поразительная бѣлизна снѣга не бросала отъ себя просвѣта на все пространство. Чуть-чуть мерещился вдали огонекъ ближняго къ намъ выселка въ двѣ избы; олени наши отдохнули, проводникъ удовлетворилъ своему желанію оставить одного изъ нихъ безъ праваго рога. Мы поѣхали назадъ.

3. Сѣверное Сіяніе.

Морозъ крѣпчалъ и становился едва выносимымъ: то щипнетъ онъ лице и заставитъ спрятать его подъ куколь совика, то припуститъ холодную струю подъ теплый мѣхъ малицы и пробѣжитъ мелкими струйками по всему тѣлу. Но ни малѣйшаго вѣтра; къ тому же и самый воздухъ какъ будто застылъ сплошной ледяной массой, и страшно и холодно, и по прежнему сосредоточенно-молчаливо, поталкивая другъ друга въ бокъ, бѣгутъ олени въ неоглядную даль, разстилающуюся передъ ними, и по прежнему безпрестанно толкаетъ проводникъ хареемъ (длинный березовый шестъ) то того въ бокъ, задъ, или ногу, то другаго, третьяго и четвертаго. На подорожной качкѣ тряхнетъ насъ сильно и свалитъ въ рыхлый мягкій снѣгъ; проводникъ при этомъ посовѣтуетъ спустить ноги внизъ и крѣпче держаться за ременную петельку, и ничего не скажетъ, когда вывалитъ насъ обоихъ, когда ляжетъ чунка (санки на высокихъ копыльяхъ) наша на бокъ и спутается веревочная упряжь ея.

Справа и слѣва, спереди и сзади, опять залегаетъ неоглядная снѣжная степь, на этотъ разъ оттѣненная довольно сильнымъ мракомъ, который въ одно мгновеніе покрылъ все пространство, доступное зрѣнію, и, словно густой, темный флеръ, опустился на окольность. Но вдругъ мракъ этотъ исчезъ, началось какое-то новое, сначала смутно-понимаемое впечатлѣніе, потомъ какъ будто когда-то извѣданное: весь снѣгъ со сторонъ мгновенно покрылся сильно багровымъ, кровянымъ свѣтомъ; но не прошло какихъ нибудь пяти мгновеній — все это слетѣло, снѣгъ продолжалъ свѣтиться своимъ матово-бѣлымъ свѣтомъ. Не долго, думалось мнѣ, будетъ онъ бѣлѣться: вотъ обольетъ всю окольность лазуревымъ, зеленымъ, фіолетовымъ, всѣми цвѣтами красивой радуги, вотъ заиграютъ топазы, яхонты, изумруды!.. И рисуются уже дворцы въ настроенномъ подъ общій ладъ воображеніи, какъ въ волшебныхъ сказкахъ, пожалуй даже, какъ театральныхъ Армидахъ, Фаустахъ...

— Сполóхъ играетъ! — давно уже и нѣсколько разъ повторялъ между тѣмъ проводникъ мой. Я инстинктивно обернулся назадъ, къ сѣверной сторонѣ неба; но тамъ уже прежній мракъ, кромѣшный мракъ, словно мрачное дождевое, ненастливое облако залегло и ширилось на всю четверть круга видимаго горизонта, какъ-бы нарочно заслоняя отъ насъ такъ сильно нахваленное и такъ давно выжидаемое мною сѣверное сіяніе. Какъ-бы нарочно, для него цѣлыхъ двѣ недѣли не было ни пургъ, ни хивусовъ, ни зáметелей и стоялъ леденящій холодъ по всѣмъ окрестностямъ Пустозерска—обстоятель-

ство, какъ извѣстно, необходимое для того, чтобы игралъ сполохъ, т. е. былъ бы видѣнъ во всѣхъ полярныхъ прибрежьяхъ. И гдѣ же лучше (думалось мнѣ) видѣть его, какъ не здѣсь, у океана, въ безбрежной степи, въ какихъ нибудь 400—450 верстахъ отъ страшной Новой Земли? И вотъ, какъ будто на зло, темное облако заслоняло его теперь. Становилось, не шутя, и обидно, и досадно. Я покручинился ямщику, но тотъ отвѣчалъ успокоительно:

— Теперь непремѣнно взыграетъ, благо началъ; вотъ олешкамъ стану дохъ давать — гляди сколько хочешь! Вонъ тебѣ — любуйся! прибавилъ онъ потомъ, и еще что-то, и много чего-то... Но я уже всего этого ничего не слышалъ: я былъ прикованъ глазами къ чудному, невиданному зрѣлищу, открывшемуся теперь изъ темнаго облака: оно мгновенно разорвалось и мгновенно же засіяло ослѣпительными цвѣтами, цѣлымъ моремъ цвѣтовъ, которые переливались изъ одного въ другой и, какъ-будто искры, сыпались безконечно сверху, искры снизу, искры съ боковъ... Ничего не разберешь, ничего не сообразишь для одного, цѣльнаго впечатлѣнія; все мѣшается и путается... въ глазахъ рябитъ и становится больно. Дашь глазамъ отдыхать на сторонѣ, но тамъ встрѣчаютъ они прежній мракъ, обрамляющій чудное, невиданное зрѣлище; обращаешься опять къ нему, но уже тамъ явились новые виды. Какъ будто огромная, всемірная кузница пущена теперь въ ходъ, и только не видишь рабочихъ, не слышишь молотовъ за дальностью, близорукостью, видишь одинъ громадный горнъ, бѣгающія въ немъ искры — и все это горитъ такимъ яркимъ свѣтомъ, какой едва ли придется видѣть въ другомъ изъ чудныхъ зрѣлищъ чудной природы, кромѣ сѣвернаго сіянія, проживи хоть и болѣе тридцати, пятидесяти лѣтъ. Такъ думалось мнѣ на ту пору и невольно шли на память безсознательно выученные въ дѣтствѣ, теперь, при наглядномъ сравненіи, поразительно-вѣрные стихи Ломоносова, который знакомъ былъ съ красотою явленій полярнаго неба въ ранней юности.

Далѣе авторъ приводитъ оду Ломоносова «Вечернее размышленіе о Божіемъ величествѣ». (См. II т. нашей Христоматіи, изд. 2, стр. 262).

— На Маткѣ (т. е. на Новой Землѣ), сказываютъ старики наши, больно-страшно сполохи играютъ; да и по деревнямъ пора тоже сильные. Въ иную зиму все небо горитъ, столбы ходятъ да сталкиваются промежъ себя, словно солдаты дерутся, а упадутъ — таково красиво станетъ! Эдакъ чаще! А что видишь теперь—такъ рѣдко-же, все больше зарей дальней кажутъ. Самые страшные въ большой холодъ живутъ, и тогда словно свѣта представленье, и привычнымъ мы нашимъ дѣломъ, а крѣпко пугаемся. На Маткѣ-то,

слышь, старики сказываютъ, трещитъ даже сполóхъ — отъ, словно взъ ружей щелкаетъ. Страшно, очень ужъ страшно! — разсуждалъ мой проводникъ на пути нашемъ въ село.

С. Максимовъ [1]).

ПУТЕШЕСТВІЕ НАСЛѢДНИКА ЦЕСАРЕВИЧА [2]) ПО РОССІИ въ 1863 году.

Поѣздка въ село Иваново [3]).

Мы тронулись въ шести почтовыхъ экипажахъ, по большой дорогѣ, обсаженной густыми развалистыми березами. Насъ окружала красивая мѣстность, но къ сожалѣнію, намъ не удобно было любоваться ею, сначала за густою пылью песчаной дороги, потомъ за липкою грязью, которая поминутно брызгала на насъ изъ-подъ копытъ. Но впечатлѣнія этой поѣздки были таковы, что они никогда не изгладятся изъ памяти пишущаго эти строки. Вся эта дорога отъ Костромы до с. Иванова, на 113 верстъ протяженія, была непрерывнымъ торжественнымъ шествіемъ, непрерывнымъ рядомъ такихъ впечатлѣній, которыхъ до того времени не доводилось испытывать. Сторона, по которой мы ѣхали, принадлежитъ къ самымъ населеннымъ мѣстностямъ Россіи, и населена чисто Русскимъ племенемъ безъ всякой примѣси. Представьте, что все это населеніе поднялось на встрѣчу Царскому Сыну и Наслѣднику, обступило всю дорогу, и окружило весь путь его заявленіями горячаго чувства. Это чувство выражалось съ такою младенческою простотою, что самое холодное сердце не могло оставаться равнодушнымъ. А выражалось оно, можно сказать, на каждомъ шагу, въ каждомъ селѣ, въ каждой деревнѣ, на каждомъ почти перекресткѣ большой дороги, потому что и изъ сосѣднихъ деревень, которыя не на самой дорогѣ лежатъ, выходило на дорогу поголовно все населеніе. Въ городахъ видѣли мы громадное собраніе народа, въ которомъ сливались всѣ безразлично. Здѣсь народъ являлся намъ тѣми отдѣльными группами, въ которыхъ разселился волостями, селеніями в отдѣльными семьями; каждый у своего поселка, у своего дома, и каждый со всѣмъ домомъ своимъ встрѣчалъ и провожалъ Царскаго

---

[1]) Современный писатель.
[2]) Николая Александровича, умершаго въ 1865 году.
[3]) Владимірской губерніи.

Сына. Въ каждомъ мѣстѣ и во всякой группѣ чувство выражалось по своему; повсюду одна и та же мысль, но съ тѣми разнообразными оттѣнками выраженія, которые придаетъ ему личное разнообразіе. Первыя селенія за Костромою украшены были на городской образецъ подобіями флаговъ; на длинныхъ шестахъ крестьяне развѣшивали лучшіе платки свои и куски цвѣтныхъ матерій. Ѣдемъ дальше, вдали виднѣется густая, пестрая толпа по обѣ стороны дороги; на одной сторонѣ стоятъ сплошнымъ рядомъ мужчины, на другой бабы и дѣвушки съ дѣтьми. Еще нѣсколько верстъ — вышло все населеніе изъ сосѣднихъ деревень и построило ворота изъ бревенъ и жердей, украсило ихъ цвѣтною драпировкой, и надпись сдѣлало на верху воротъ, а крестьянскія дѣвушки стоятъ съ пучками цвѣтовъ и бросаютъ ихъ въ коляску и по дорогѣ. Въ однихъ мѣстахъ ряды пропускаютъ насъ, оставаясь на мѣстахъ съ криками и поклонами и съ веселыми улыбками. Въ другихъ все населеніе въ разсыпную бѣжитъ за экипажами, бросаютъ шапки вверхъ, хватаются за коляску и кричатъ *ура* разными голосами. Въѣзжаешь въ село: у самого въѣзда собралась толпа на встрѣчу. Ѣдешь по селу: у каждаго домика поставленъ столъ, покрытый бѣлою скатертью; на столѣ круглый хлѣбъ съ солонкой, а передъ хлѣбомъ каждый поставилъ завѣтную свою икону, и хозяева стоятъ — каждый у своего столика и кланяются. У иного домика стоитъ одна старуха: видно не изъ чего ей было снарядить столъ; она держитъ въ рукахъ свою икону на бѣлой подстилкѣ. Проѣзжаемъ полемъ: въ сторонѣ, за лѣскомъ, нѣсколько старухъ вышли изъ сосѣдней деревни и стоятъ съ своею иконой; посреди поля, съ клюкой, на колѣняхъ, слѣпой старикъ и кланяется въ землю. Словомъ сказать, на каждой верстѣ представлялись намъ новыя группы, новыя изъявленія чувства народнаго. Нельзя было равнодушно смотрѣть на лица, обступавшія насъ на дорогѣ; то были чистыя, каждому Русскому родныя и пріятныя черты Великороссійскаго племени, которымъ сплошь населенъ этотъ край: бѣлолицые, круглолицые, русый волосъ, полный разрѣзъ глаза, ясный и добрый взглядъ и сіяющая веселіемъ улыбка. Всѣ одѣлись въ лучшія платья; повсюду видѣнъ былъ народъ зажиточный и нарядный....

Еще версты за двѣ до с. Иванова встрѣтилъ насъ народъ, толпившійся по обѣ стороны дороги. Онъ вышелъ изъ села на встрѣчу Великому Князю, но коляска ускакала впередъ, и когда онъ проѣхалъ одинъ, его не узнали; потомъ, узнавъ о своей ошибкѣ, всѣ бросились назадъ, и мы въѣхали въ село посреди множества бѣгущихъ людей и скачущихъ экипажей. Не доѣзжая Иванова, мы остановились по сю сторону рѣки, въ Вознесенскомъ посадѣ, въ домѣ купца Зубкова, приготовленномъ для Его Высочества. Домъ стоитъ

на самомъ краю посада. Передъ домомъ широкій лугъ, а за лугомъ красуется, точно большой городъ, Иваново съ высокими куполами и колокольнями церквей. Домъ Зубкова, съ высокимъ балкономъ, стоитъ на дворѣ, за рѣшоткою; сюда хлынулъ весь народъ, и до поздней ночи толпа не отходила отъ дому. Мы не могли налюбоваться красивымъ видомъ изъ оконъ и съ балкона на широкій лугъ и на село Иваново, неправильно разбросанное по горамъ и оврагамъ за рѣчкою Уводью. Высокія бѣлокаменныя церкви его красовались посреди домовъ и зелени на заднемъ планѣ. Но когда стемнѣло, когда зажгли передъ домомъ богато украшенные щиты и транспаранты, и засверкали въ дали огоньки иллюминацій,—стало такъ хорошо, что не хотѣлось отойти отъ окна. На площади, передъ домомъ, поставили музыку, и сюда собрался весь народъ на гулянье и на праздникъ. Заиграли «Боже царя храни» и потомъ завелись хороводы, затянулась Русская хоровая пѣсня. Весело было прислушиваться къ этимъ звукамъ, знакомымъ каждому напѣвомъ и смотрѣть на хороводы, заплетавшіеся при ночномъ освѣщеніи. Отъ времени до времени звуки пѣсенъ перерывались громкимъ «ура!»; потомъ снова запѣвалъ голосъ: «какъ по морю, морю синему» — и сотня голосовъ, подхватывая, заводили хороводъ, и снова раздавалась изъ конца въ конецъ дружная пѣсня, смѣшиваясь съ говоромъ и веселымъ смѣхомъ гуляющаго народа.

Поздно уже было. Великій Князь, утомленный дорогою и глубокими впечатлѣніями цѣлаго дня, отправился на отдыхъ. Мы не могли еще уснуть и долго сидѣли у оконъ своихъ въ верхнихъ комнатахъ дома. У каждаго изъ насъ дума была переполнена всѣмъ тѣмъ, что мы видили и слышали, чему были свидѣтелями въ этотъ знаменательный день. Народная мысль и чувство народное выразились передъ нами въ этотъ день съ такимъ дивнымъ согласіемъ, въ такой поразительной цѣлости и простотѣ, въ такой красотѣ любви народной къ Хранителю своего единства и судебъ своихъ, что мы были потрясены и не умѣли еще справиться съ наплывомъ свѣжихъ впечатлѣній. Намъ захотѣлось собраться всѣмъ вмѣстѣ и другъ другу высказаться горячимъ словомъ сочувствія. Этого вечера, конечно, не забудетъ никто изъ насъ: такъ было отрадно чувствовать, что насъ собрала и соединила одна вѣра въ силу и въ будущность великаго народа Русскаго, связало одно горячее желаніе успѣха и возрастанія — безцѣнному отечеству.

На слѣдующее утро, въ 8 часовъ, Великій Князь поѣхалъ осматривать ситценую фабрику г. Зубкова, хозяина великолѣпнаго дома, назначеннаго для помѣщенія Его Высочества, и оттуда на выставку произведеній села Иванова. Она была весьма изящно устроена и, какъ слѣдовало ожидать, представляла выборъ исключительно почти

бумажныхъ издѣлій. Ситцы были великолѣпные и самыхъ разнообразныхъ сортовъ. Прекрасны были ситцы, назначаемые въ Среднюю Азію. Всѣ производители имѣли своихъ представителей, начиная съ богатыхъ, снабженныхъ всѣми новѣйшими машинами ситцевыхъ фабрикъ Зубкова, Гарелина и другихъ новѣйшихъ фабрикантовъ, до произведеній мелкихъ «кустарниковъ». Были здѣсь и разныя издѣлія крестьянскія изъ окрестныхъ деревень. Поразила насъ всѣхъ охотничья дробь, выставленная въ числѣ крестьянскихъ издѣлій. Эта промышленность—совершенно покуда новая—но она заслуживаетъ полнаго вниманія, какъ явное и громко говорящее доказательство, что вѣроятно много еще можетъ родиться отраслей народнаго труда изъ тѣхъ отбросовъ, которыми до сихъ поръ не умѣли воспользоваться. Дробь эта добывается изъ остатковъ бѣлилъ и другихъ матеріаловъ, употребляемыхъ для окраски и бѣленія. Изъ этихъ остатковъ возстановляется свинецъ и идетъ на дробь, производство которой составляетъ довольно выгодную отрасль крестьянскаго труда.

Съ выставки Великій Князь поѣхалъ на фабрику Я. Ѳ. Гарелина, которая по устройству точно также ничего не оставляетъ желать лучшаго, какъ и фабрика г. Зубкова. Новѣйшія открытія, не болѣе 4, 5-ти мѣсяцевъ сдѣланныя во Франціи и Англіи, у нихъ быстро примѣняются къ дѣлу. Видно, что фабриканты слѣдятъ за всѣми усовершенствованіями, и лучшаго производства желать трудно. Ежели и есть въ чемъ разница противъ заграничныхъ, такъ это въ цѣнахъ, да и то происходитъ часто оттого, что изъ-за границы идутъ къ намъ ситцы по большей части уже выходящіе изъ моды, и вслѣдствіе этого сбываемые иностранными фабрикантами чуть не за полъ-цѣны.

О Вознесенскомъ посадѣ и селѣ Ивановѣ столько разъ было и говорено и писано, что мы считаемъ излишнимъ входить еще разъ въ подробности происхожденія и исторіи этихъ двухъ замѣчательныхъ во всѣхъ отношеніяхъ мѣстностяхъ Владимірской губ. Но пользуясь тѣми интересными данными, которыя сообщены были Государю Цесаревичу г. Гарелинымъ, мы постараемся передать въ краткомъ очеркѣ обзоръ промышленной ихъ дѣятельности. Въ нынѣшнемъ 1863 году состоитъ въ Вознесенскомъ посадѣ: ситцевыхъ фабрикъ 24; миткалевыхъ 7; бумагопрядильная 1; химическихъ заводовъ 6; чугунно-литейный 1; бѣлильныхъ заведеній 3; свѣчное 1; ватное 1; красильное 1. (Всего 45).

На этихъ фабрикахъ и заводахъ выработывается ситцевъ и платковъ до 818,000 кусковъ, на . . . . 6,500,000 руб.

Бумажной пряжи до 25,000 пудовъ на . . . . 700,000 »

Химическихъ матеріаловъ на . . . . 360,000 »

На бѣлильныхъ заведеніяхъ выбѣливается суровыхъ миткалей на . . . . 10,000 руб.
Ваты до 180 пудовъ, на . . . . 1,000 »

Весь оборотъ простирается въ годъ на . . . 7,571,000 руб.

На всѣхъ этихъ фабрикахъ и заводахъ считается 18 паровыхъ машинъ въ 380 силъ, а мастеровыхъ и рабочихъ 3,734 человѣка.

Въ селѣ Ивановѣ считается 47 ситцевыхъ фабрикъ, одна миткалевая, 8 бѣлильныхъ заведеній, 8 галандровыхъ и аппретурныхъ, 1 механическое, 1 литейное и 4 граверныхъ.

Ивановскими фабрикантами выработывается ежегодно до 694,000 кусковъ ситца и платковъ, на сумму 4,200,000 руб.

Но эти суммы, выражающія собой объемъ производства главной отрасли промышленности, далеко не опредѣляютъ всѣхъ промышленныхъ силъ замѣчательной мѣстности. Не должно забывать, что почти всѣ окрестныя села Шуйскаго, Владимірскаго, Суздальскаго, Ковровскаго, Вязниковскаго, Гороховскаго, Юрьевскаго, Ростовскаго, Кинешемскаго, Ярославскаго, Костромскаго, Нерехотскаго уѣздовъ, тѣсно связаны съ промышленною дѣятельностью Иванова, потому что имъ раздаетъ бо́льшая часть ситцевыхъ фабрикантовъ пряжу для выдѣлки миткалей или же покупаютъ миткаль у разныхъ окрестныхъ фабрикантовъ и ткачей; не забудемъ, сколько еще значительныхъ промышленныхъ заведеній находятся въ окрестныхъ селахъ, Тейковѣ, Лежновѣ и другихъ замѣчательныхъ населеніяхъ и деревняхъ Шуйскаго, Ковровскаго и Нерехотскаго уѣздовъ, которыя находятся въ самой тѣсной связи съ богатыми фабрикантами Ивановскими и Вознесенскими. Не забудемъ, наконецъ, сколько вызываетъ такого объема и размѣровъ промышленность разнаго рода занятій постороннихъ, тѣсно съ нимъ связанныхъ, и мы легко поймемъ, почему все окрестное населеніе такъ и тянетъ, такъ и льнетъ къ этому золотому дну, гдѣ каждый, имѣющій только здоровыя руки, да желаніе трудиться, найдетъ вѣрныя заработки. Тутъ необходимы и ткачи, и бѣлильщики, и набойщики, и рисовальщики ситцевыхъ манеровъ, и рѣщики на деревѣ, граверы на стальныхъ моллетахъ, накатчики ихъ на мѣдные цилиндры и т. д. и т. д.,— устанешь и пересчитывать весь этотъ разнохарактерный людъ, работающій на фабрикахъ, для фабрикъ и тѣсно съ ними связанный. Дѣти отъ 8—12 лѣтъ, старики и старухи вмѣстѣ со взрослыми находятъ себѣ работу и разматываютъ бумагу на шпули. А сколько связано съ этою мѣстностью еще другихъ промысловъ! извозъ, доставка дровъ на фабрики, постройки, продажа съѣстныхъ припасовъ и необходимыхъ для фабрикъ матеріаловъ. Глядя на все это, соображая здѣшніе обороты, достигающіе десятковъ милліоновъ, и тѣсную связь Вознесенскаго посада и Иванова съ

Москвой, съ Ростовомъ, съ Нижнимъ,—соображая далѣе, сколько сюда ежегодно подвозится необходимыхъ для фабричнаго дѣла матеріаловъ красильныхъ, пряжи и т. д. (на $1^1/_2$ слишкомъ милл. р.), должно было бы предполагать, что о путяхъ здѣсь позаботились, и не оставили въ первобытномъ жалкомъ состояніи нашихъ проселочныхъ дорогъ. Къ сожалѣнію, дѣло это находится въ самомъ печальномъ положеніи. Ближайшія къ Иванову и Вознесенскому посаду Волжскія пристани,—это село Сидоровское въ 45-ти и г. Плесъ въ 60 верстахъ, ближайшее же растояніе отъ Московско-Нижегородской желѣзной дороги (станція Новки, Ковровскаго уѣзда) въ 65 верстахъ, но къ этимъ тремъ пунктамъ нѣтъ еще искусственныхъ, хорошихъ путей, а все привозится и отвозится по колеямъ, гатямъ и трущобамъ, представляющимъ собой въ весеннее и осеннее время не пути сообщенія, а естественныя преграды и для возчиковъ и для проѣзжающихъ. Особенно затруднителенъ послѣдній путь, до Нижегородской желѣзной дороги, при отсутствіи хорошихъ мостовъ черезъ разныя рѣчки и болотистыя низменности. Проведеніе желѣзной дороги отъ станціи Новковъ до села Сидоровскаго на Волгѣ значительно облегчило бы доставку кладей и проѣздъ пассажировъ. Предположеніе это существуетъ, но къ сожалѣнію, а еще болѣе къ стыду здѣшняго богатаго промышленнаго населенія, мало встрѣтило между ними сочувствія. Между тѣмъ въ Петербургѣ и за границей многіе капиталисты заявляли готовность найти на сооруженіе этого пути средства, если бы только правительство гарантировало 5% дохода. Но не въ одномъ этомъ, видно равнодушіе къ общественному дѣлу въ этой богатой промышленной мѣстности.

На фабрикахъ посада и села Иванова сожигается ежегодно далеко за 100,000 саженей дровъ, не говоря уже о значительномъ количествѣ лѣса, необходимаго для построекъ. Лѣса рѣдѣютъ быстро въ окрестностяхъ, такъ что приходится ихъ возить далѣе, чѣмъ за 30 верстъ, и черезъ нѣсколько лѣтъ вѣковые эти лѣса истребятся. Соображая потребность въ лѣсѣ и быстрое ихъ истребленіе, нѣтъ вѣроятности и надѣяться на возможность выращенія истребленныхъ лѣсовъ. Такое безотрадное будущее заставитъ, вѣроятно, фабрикантовъ обратиться къ разработкѣ торфа, при существованіи огромныхъ торфяныхъ болотъ, въ окрестностяхъ села Иванова и посада. Есть также признаки каменнаго угля въ Ковровскомъ уѣздѣ, но къ сожалѣнію, ни землевладѣльцы наши, ни фабриканты не обращаютъ на это покуда никакого вниманія, и будутъ ждать, вѣроятно, той минуты, когда лѣса совершенно истребятся, и когда придется либо закрывать заведенія, либо броситься на разработку горючаго матеріяла, во что бы то ни стало. Во что тогда обойдется эта лихорадочная заботливость и усиленная дѣятельность — объ этомъ никто

не хочетъ подумать. Въ нынѣшнемъ году дрова продавались въ Вознесенскомъ посадѣ и въ селѣ Ивановѣ: одноподѣнная сажень разнолѣска, по 3 руб. 50 коп., и эта цѣна непремѣнно должна возвыситься.

Странное явленіе представляетъ Вознесенскій посадъ и село Иваново. Вы въѣзжаете въ большое село, но внѣшнему виду ничѣмъ не отличающееся отъ нашихъ селъ, видите массу трубъ фабричныхъ, встрѣчаете настоящіе дворцы Ивановскихъ купцовъ—магнатовъ, стоящіе рядомъ съ покачнувшимися на бокъ избушками, и ѣдете грязными, немощенными улицами, черезъ поломанные и сгнившіе мостики: однимъ словомъ, полное отсутствіе чувства опрятности, чистоты и того комфорта, который бываетъ потребностью всякаго развитаго и зажиточнаго общества. На народное образованіе, на школы мало обращено вниманія. На 15,000 слишкомъ жителей два приходскихъ училища: одно женское училище 2 разряда, и одна частная школа; больница одна, на 50 кроватей, и не въ блестящемъ положеніи; медиковъ, сравнительно съ массою рабочаго народонаселенія, мало. Объясняютъ это, правда, не охотой самаго населенія лѣчиться въ больницѣ, но все же разсказы объ этомъ Ивановцевъ поражаютъ васъ непріятно, особенно при видѣ громадныхъ дворцовъ, на отдѣлку которыхъ идутъ сотни тысячъ. Но эта черта не исключительно принадлежитъ Иванову. Ее мы находимъ вездѣ, и много придется всѣмъ намъ пережить измѣненій въ нашемъ общественномъ быту, прежде чѣмъ выведутся многія не нормальныя въ хозяйственномъ организмѣ явленія, прежде чѣмъ явится потребность и желаніе устроить себѣ удобство и въ общественной жизни, безъ которой всегда останется шаткимъ и невѣрнымъ индивидуальное благосостояніе. Ясвымъ тому доказательствомъ служитъ недолговѣчность нашихъ торговыхъ фирмъ, этого украшенія, этой гордости дѣйствительно развитаго промышленнаго народа.

Впрочемъ, многіе изъ этихъ неустройствъ можно также отнести къ двойственному характеру самой мѣстности, гдѣ одна, и значительная часть, была помѣщичьимъ имѣніемъ, а другая посадомъ. Всѣмъ хорошо также извѣстны нескончаемые споры и распри между жителями Иванова и посада. Вѣроятно близко то время, когда обѣ части сольются въ одинъ городъ и этимъ преобразованіемъ, можно надѣяться, устроится правильная городская жизнь и городское благоустройство. Въ посадѣ напр. нѣтъ до сихъ поръ общественной пожарной команды и лошадей. Имѣются только, на случай пожаровъ, общественные пожарные инструменты. Люди же и лошади наряжаются изъ обывателей. Нѣкоторые фабриканты имѣютъ, впрочемъ, свои инструменты. Для застрахованія имущества отъ огня, находятся здѣсь агенты страховыхъ обществъ: С.-Петербургскаго,

Московскаго, Ливерпульскаго и Лондонскаго, но, Слава Богу, здѣсь начинают сильно поговаривать о необходимости взаимнаго застрахованія, для чего и составляется проэктъ особенною временною коммиссіей изъ гражданъ посада и жителей села Иванова.

Уставная грамота введена въ селѣ Ивановѣ 23 Апрѣля 1863 года. Земли поступило въ надѣлъ крестьянамъ, по 2 десят. 1056 саж. на ревизскую душу. Въ общемъ же составѣ значится усадебной, пахатной, сѣнокосной и выгонной земли 5756 десятинъ 486 кв. саж., въ томъ числѣ усадебной подъ селомъ Ивановымъ 235 десят. 255 саж. Помѣщику платится оброка по 7 р. 20 к. съ души; всѣхъ же повинностей оброчныхъ, подушныхъ, земскихъ и мірскихъ по раскладкѣ взимается по 22 р. съ тягла.

Отъ Гарелина Великій Князь поѣхалъ еще на одно маленькое заведеніе вдовы Гандуриной. Его Высочество желалъ лично посмотрѣть производство «кустарное,» которое хотя и держится еще, но которому скоро придется, вѣроятно, пасть въ неравномъ бою съ машинами и съ фабриками богатыхъ капиталистовъ. Насчитываютъ еще до 36 такихъ заведеній въ Ивановскомъ округѣ. Вошли мы въ скромное, тѣсное помѣщеніе, гдѣ Его Высочество встрѣтила вдова съ хлѣбомъ и солью, окруженная многочисленными дѣтьми, изъ которыхъ старшіе уже при дѣлѣ и ведутъ его по слѣдамъ отца. Послѣ шипящаго пара, грома машинъ, послѣ огромныхъ моекъ миткалей, гдѣ промываютъ въ сутки цѣлыя десятки тысячъ аршинъ, послѣ всего этого гама, шума и гигантскихъ размѣровъ производства, странно было видѣть прародительское производство ситца, какъ два работника скромно печатали на ручныхъ станкахъ ситцы, какъ на шестѣ руками опускали въ краску. Вѣка, казалось, прошли между двумя пороизводствами, между фабрикой Зубкова и избой Гандуриной, а вѣдь какъ еще недавно цѣлое Иваново работало почти такимъ же способомъ. Мелкое производство держится покуда исключительно тѣмъ, что машинное печатаніе не нашло еще способа употреблять больше извѣстнаго числа колеровъ, тогда какъ ручное производство можетъ употреблять гораздо болѣе. Но еще одинъ шагъ, и бѣдное кустарное производство должно будетъ уступить. Уже теперь ему трудно бороться съ машиной и капиталомъ, производящимъ въ огромныхъ размѣрахъ. Мы присутствуемъ при послѣднихъ минутахъ старшинаго производства. Помянемъ же добромъ его; оно положило начало благоденствію Иванова и окружающихъ его мѣстностей.

На обратномъ пути съ фабрикъ, Его Высочество заѣзжалъ въ Ивановскій соборъ. Все Иваново расположено узкими и неправильными улицами, по окраинамъ и спускамъ овраговъ. Пока Его Высочество былъ въ соборѣ, мы остановились подъ горою и любова-

лись живою картиной, которую представляла пестрая толпа народная, рассыпавшаяся около насъ кучками по всей дорогѣ, по высокой паперти в лѣствицѣ у входа въ соборъ, на высокой соборной колокольнѣ, по окраинамъ овраговъ и на крышахъ ветхихъ деревянныхъ домовъ и лавочекъ. Страшно было, что ветхія деревянныя подпорки и столбики не выдержатъ тяжести; но все обошлось благополучно. Лишь только тронулась отъ паперти коляска Великаго Князя, все, что лѣпилось по крышамъ, по угламъ и у воротъ, все, что спокойно стояло на улицѣ, — поскакало внизъ и бросилось съ горы вслѣдъ за экипажами.

Пребываніе въ Ивановѣ заключилось завтракомъ у Я. Ѳ. Гарелина, на которомъ присутствовали всѣ главнѣйшіе фабриканты Иванова и Вознесенскаго посада и Шуйскіе депутаты, пріѣхавшіе поздравить его Высочество съ пріѣздомъ; были пріѣзжіе и изъ Москвы.

Послѣ завтрака мы тронулись въ обратный путь черезъ Нерехту, и опять на тѣхъ же мѣстахъ ожидали насъ толпы народныя и семейныя группы, на встрѣчу и на проводы: только народу собиралось еще больше прежняго, потому что со вчерашняго дня прибавилось людей изъ ближнихъ и дальнихъ мѣстъ. Вчерашнія картины и сцены повторились передъ нами съ новыми оттѣнками чувства, искавшаго себѣ новыхъ выраженій. Въ селахъ, изъ церквей выходили на встрѣчу процессіи съ иконами и хоругвями; изъ домовъ выставляли хлѣбъ-соль. У одного изъ столиковъ Его Высочество останавливался и отломилъ кусочекъ хлѣба къ неописанной радости хозяевъ. Въ коляску и на дорогу бросали вѣнки и связки изъ васильковъ и полевыхъ фіалокъ; въ одномъ селеніи дорога, на разстояніи нѣсколькихъ саженей, было утыкана цвѣтами, которые нарочно насажали стеблемъ въ песокъ. За Нерехтой пришлось ѣхать намъ уже подъ вечеръ; вечеръ былъ тихій и теплый, что придавало еще болѣе спокойствія и торжественности всему, что мы видѣли. Всего не опишешь. Картины живо смѣнялись одна за другою въ населенномъ краю. Едва проходила одна сцена, какъ начиналась другая. Вотъ на выдержку впечатлѣнія какихъ нибудь 5—6 верстъ. Дорога поворачиваетъ влѣво, спускаясь въ долину между двумя лѣсистыми горками; издали завидѣли насъ косцы, работавшіе на лугу за лѣсомъ, бросили работу и, положивъ косы на плеча, бѣгутъ что есть мочи, и цѣлый полкъ крестьянскихъ мальчиковъ, парней и дѣвокъ вмѣстѣ съ ними; издали сверкаютъ на солнцѣ ихъ отточенныя косы; вотъ настигли наконецъ и долго бѣгутъ вслѣдъ за нами, около экипажей, сначала рядомъ, потомъ въ разсыпную и кричатъ вслѣдъ «ура». Еще верста: помѣщичій домикъ стоитъ у самой дороги, и вся семья выходитъ на встрѣчу.

Старый хозяинъ остался дома и смотритъ намъ вслѣдъ, прислонясь къ забору своего садика; двѣ барышни съ маленькими дѣтьми прошли впередъ по дорогѣ; онѣ шли тихо, но вотъ экипажи неожиданно остановились у церкви; изъ церкви показалась процессія съ иконами и хоругвями. Великій Князь вышелъ и пошелъ въ церковь; барышни бросаются бѣгомъ впередъ; видно какъ онѣ рады и какъ боятся опоздать. Онѣ не опоздали, и, раскраснѣвшись отъ бѣга, довольныя, оправляются у паперти. Народъ повалилъ въ церковь; осталась только кучка стариковъ и старухъ у ограды въ ожиданіи выхода. Мы къ нимъ подходимъ; два старика плачутъ отъ радости, что дождались и увидѣли Наслѣдника. Солдатка старуха вынесла на рукахъ малолѣтную внучку. Вотъ повалилъ народъ изъ церкви съ крикомъ; у коляски дожидается пожилой крестьянинъ; онъ принесъ армякъ и бережно разостлалъ его на дорогѣ у самой подножки, и, наклонившись, расправляетъ его ровнѣе по землѣ: ему хочется, чтобы дорогой Гость прошелъ черезъ армякъ его, когда сядетъ въ коляску. Сѣли, тронулись — еще версты двѣ — опять остановка — деревня Челпанова. Великій Князь вышелъ изъ экипажа и пошелъ въ волостное правленіе, — и видно какъ всѣ рады, что онъ вздумалъ остановиться. Передъ нами гора: она вся побѣлѣла, потому что бабы въ ожиданіи проѣзда всю гору устлали холстами своей работы, чтобы по ихъ холстамъ проѣхалъ Наслѣдникъ.

Такъ уже къ 9 часамъ вечера мы доѣхали до Волги и до перевоза.

По возвращеніи въ Кострому, 4 іюля, утромъ, Его Высочество посѣтилъ Костромское губернское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе, и съ интересомъ слѣдилъ за всѣмъ засѣданіемъ, которое продолжалось часа полтора, подъ предсѣдательствомъ начальника губерніи, г. Рудзевича.

Побѣдоносцевъ и Бабстъ [1]).

КОРЕННАЯ.

1. Вносъ иконы.

Коренную икону вносятъ въ девятую пятницу послѣ Святой; почему и самой ярмаркѣ народъ даетъ имя девятой пятницы. Богомольцы сходятся въ Курскъ, и оттуда подымаютъ икону, послѣ

[1]) Профессоры Московскаго Университета.

торжественнаго молебна. Она выходитъ часовъ въ двѣнадцать дня, а въ Коренную входитъ около семи часовъ. По дорогѣ ее останавливаютъ для молебновъ въ разныхъ церквахъ, а на половинѣ пути, въ селѣ Каменевѣ, дѣлается большой перевалъ. Вся дорога отъ Курска до Коренной, на пространствѣ двадцати семи верстъ, покрывается народомъ: одни ѣдутъ впередъ иконы для встрѣчи ея, другіе сопутствуютъ, третьи нагоняютъ; экипажей много, но гораздо болѣе народа; даже богатые люди часто даютъ обѣты провожать икону пѣшкомъ. Въ прежніе годы стекалось даже до 100 и 120 тысячъ народу; съ каждымъ же годомъ число поклонниковъ значительно уменьшается, и ярмарка падаетъ. Теперь бываетъ по 20, по 30 тысячъ богомольцевъ — никакъ не больше.

Я нарочно выѣхалъ за нѣсколько верстъ отъ ярмарки, чтобы полюбоваться съ дѣтства знакомымъ зрѣлищемъ; множество экипажей и пѣшеходовъ уже стремились на встрѣчу иконѣ. Мы встрѣтили ее версты за двѣ до заставы. Густые столбы желтой и сизой пыли быстро двигались между рядами придорожныхъ ракитъ, сливаясь съ такимъ же пыльнымъ горизонтомъ. Сначала выяснились изъ этого мутнаго облака отдѣльныя группы и экипажи, опережавшіе икону, они дѣлались все чаще и чаще, и, наконецъ, съ глухимъ, тяжелымъ гуломъ повалила сплошная, какъ боевая рать, масса народа. Тарантасъ мой вмѣстѣ съ другими экипажами остановился у окольныхъ ракитокъ, отъ невозможности прорѣзаться сквозь эту живую, быстро напиравшую, стѣну.

Всѣ мы стали на ноги, чтобы лучше видѣть движеніе процессіи. Толпа, такая же сплошная, такая же однообразная, съ тѣмъ же могучимъ шумомъ, пронеслась подъ нашими ногами, затопивъ далеко впередъ и назадъ, покуда глазъ могъ обнять, все русло большой дороги. Головы, головы, головы.... и все обнаженныя! Какъ волны океана проплывали онѣ мимо, уступая мѣсто новымъ и новымъ, и все такимъ же. Трудно различить что-нибудь въ этомъ переливаніи многихъ тысячъ головъ; въ глазахъ рябитъ и мерцаетъ; только и разглядишь, что облитыя потомъ темнокрасныя лица, въ окладѣ бѣлыхъ рубахъ и бѣлыхъ повязокъ, да лѣсъ поднятыхъ вверхъ длинныхъ палокъ подъ походными сумками. Толпы шли чрезвычайно скоро и споро, будто движимыя не своею силою.

Такъ должны были двигаться ополченія первыхъ Крестоносцевъ, когда еще не оскудѣла вѣра, возставившая Петра-Пустынника. Мѣстами только прерывалось однообразіе безмолвнаго, нѣсколько грознаго шествія, прерывалось именно тамъ, гдѣ несли фонари, постоянно провожающіе икону. Тѣсныя, сбитыя кучки народа, человѣкъ по шестидесяти каждая, поспѣшно несли на плечахъ своихъ длинныя и тяжелыя носилки, посрединѣ которыхъ грузно качались

украшенныя крестами и жестяными архангелами стеклянныя башни, сверкавшія внутри блѣдно-краснымъ пламенемъ колыхающихся свѣчей. Гирлянды яркихъ ноготковъ обливали когда-то посеребренную крышу и колонны этихъ фонарей; на нихъ же висѣли мотки, холсты, цвѣтныя ленты, кушаки и всякія другія домашнія приношенія богомольныхъ бабъ. Тяжесть этихъ гигантскихъ фонарей очень большая; толпа несущихъ постоянно смѣняется и пополняется свѣжимъ народомъ, но всякій считаетъ священною обязанностью пронести хоть нѣсколько сажень на собственныхъ плечахъ фонари Богородицы.

Нѣкоторые стараются хоть рукой прикоснуться до длинной дрожвы, хоть видъ принять, что онъ также несетъ. Отъ этого издали кажется, будто подъ каждымъ фонаремъ словно густой темный рой виситъ. Шесть такихъ высокихъ, яркихъ, сверкающихъ огнемъ и солнцемъ фонарей, величественно двигаются въ нѣкоторомъ разстояніи другъ отъ друга впереди иконы. За ними толпа дѣлается еще плотнѣе, еще грознѣе. Походный кіотъ иконы устроенъ также на подобіе башни, поддерживаемой носилками, но башня эта сразу отличается отъ фонарей богатствомъ своихъ украшеній и собранныхъ пожертвованій. Подъ эти носилки можно подступить съ бою, послѣ отчаянныхъ усилій и съ большою опасностью. Многіе идутъ подъ самою башнею между дрогами носилокъ, согнувъ спины; это значитъ пройдти подъ иконою—средство, предпринимаемое съ цѣлью излеченія болѣзней и вообще полученія милости отъ чудотворной иконы. Вокругъ разукрашеннаго кіота качаются красныя цеховыя знамена, церковныя хоругви, идутъ священники въ запыленныхъ облаченіяхъ и хоры пѣвчихъ. Было, дѣйствительно, что-то живое и царственное въ этомъ образѣ Царицы Небесной, торжественно входившей въ свое избранное жилище, въ сопровожденіи народа своего. Все это быстро протекло мимо; толпа опять повалила однообразная и густая, какъ морской прибой; экипажи стали показываться чаще. Я велѣлъ повернуть тарантасъ лугомъ и поѣхалъ кратчайшею дорогою въ Коренную, чтобы успѣть встрѣтить икону на гостиной площади, гдѣ уже давно ждали ее оффиціальныя лица, архіерей и посѣтители ярмарки.

Однако, я нѣсколько ошибся въ разсчетѣ: дорога оказалась ни чуть не ближе, и притомъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ совершенно загромождена. Когда я пріѣхалъ къ рядамъ, я уже замѣтилъ, что икона пришла и молебенъ начался. Все огромное пространство конной площади, заставленное возами, лошадьми, стогами сѣна, было оживлено совершенно инымъ манеромъ, чѣмъ бываетъ обыкновенно.

Оглушающая толкотня и гоготня тысячерукой и тысячеустной торговли замѣнилась теперь совершеннымъ безмолвіемъ. Бабы, му-

живи, дѣти—все теперь стояло на возахъ, скирдахъ, балаганныхъ крышахъ, съ обнаженными головами, съ лицами, напряженно обращенными въ одну сторону, къ одной точкѣ. Немногіе опоздавшіе поспѣшно пробивались между телегъ и лошадей къ гостиной площади. Я съѣхалъ съ конной въ улицу, которая тоже была до краевъ наполнена народомъ, бѣжавшимъ и стоявшимъ. Площадь, на которой обыкновенно происходитъ торжественная встрѣча иконы, съ одной стороны охватывается обширнымъ амфитеатромъ гостинаго ряда, а съ другой принимаетъ въ себя лучами нѣсколько улицъ, изъ которыхъ выливалъ теперь народъ. Одна изъ улицъ идетъ прямо подъ гору къ берегамъ рѣки Тускари, къ монастырю. Площадь въ настоящую минуту была словно до краевъ залита тѣсною, пестрою массою головъ; но со всѣмъ тѣмъ народъ прибывалъ изъ сосѣднихъ улицъ все болѣе и болѣе; это можно было замѣтить по тяжелому и безпокойному колыханію цѣлой толпы. Длинныя галлереи и арки пестрѣли дамскими нарядами, военными мундирами, зонтиками, мускатерами. На крышахъ всѣхъ окружныхъ домовъ и лавокъ стояли люди. Цѣлыя толпы взгромоздились на тюки товаровъ, на огромные пустые ящики около магазиновъ и тарантасовъ, верхи каретъ, телеги и брички. Перекладины, на которыхъ висѣли поставленные для продажи колокола, были унизаны импровизированными всадниками, тщательно ихъ осѣдлавшими. Словомъ, не было ни одного окна, ни одного уступа, на которомъ бы не прикрѣпился какой-нибудь ухитрившійся любопытный. Всѣ стояли безмолвно, безъ шапокъ, устремивъ глаза на амвонъ посреди площади.

Только тамъ было нѣсколько аршинъ свободнаго пространства. Архіерейская митра торжественно сіяла своими жемчугами; золотыми искрами переливались на солнцѣ священническія ризы и расшитые мундиры чиновниковъ, рѣзко отдѣляясь отъ пестраго, но однообразнаго моря мужицкихъ одеждъ, въ которомъ они казались потонувшими. Хоругви и красныя цеховыя знамена полукружіемъ двинулись къ амвону и тихо вѣяли на солнцѣ. Фонари стояли въ разныхъ мѣстахъ площади, опущенные пока на землю, но готовые опять предшествовать иконѣ въ ея шествіи къ монастырю. Архіерейскій хоръ во всемъ своемъ составѣ пѣлъ у амвона; но, не смотря на всеобщее безмолвіе, до краевъ площади доносились только временно отрывочные взрывы его: то густой и грозный ревъ басовъ, то послѣднія, пѣвучія замиранія вытягивающихъ дискантовъ.

Вотъ величественно повернулась сіяющая жемчужная митра, на которую смотрятъ эти тысячи глазъ; черная борода мелькнула подъ митрою, и надъ головами толпы поднялся чудотворный образъ въ своемъ драгоцѣнномъ окладѣ. Тысячи рукъ взмахнули въ воздухѣ, творя крестъ; тысячи обнаженныхъ головъ заколыхались въ глубокихъ по-

клонахъ и по площади пробѣжалъ какой-то дружный и мощный гулъ отъ шопота молитвъ, произносимыхъ тысячами устъ. Еще повернулась митра, еще разъ поднялся образъ надъ тѣснящеюся внизу толпою, и опять всѣ стали креститься и кланяться, и опять дрогнулъ воздухъ отъ шопота народной молитвы. На всѣ четыре стороны перекрестилъ архіерей площадь и опустилъ икону. Среди глубочайшей тишины, низкою, но могучею нотою октава архидіакона пронеслась до самыхъ отдаленныхъ концовъ площади; казалось, что она шла гдѣ-то глубоко, взрѣзая землю и потрясая воздухъ, прямо, какъ разсѣкающій мечъ, и все разростаясь. Издали видна была на амвонѣ громадная, плечистая фигура архидіакона. Онъ провозглашалъ многолѣтіе такъ громко, что даже хоръ, подхватившій его возгласъ вдругъ и со всѣхъ своихъ силъ, казался не громче этого богатырскаго соло. Вдругъ все разомъ пошатнулось и смѣшалось. Амвона и золотыхъ одеждъ какъ не бывало; смурая, запыленная толпа потекла и черезъ амвонъ, и черезъ всю площадь къ монастырю; невѣдомо кѣмъ поднятые фонари быстро заколыхались впереди. Все повалило къ монастырю съ неудержимымъ напоромъ стихіи. Колокола звонили что было мочи: звонилъ монастырь, звонила Долговская церковь, сосѣдняя съ Коренной, но болѣе всего звонили десятки большихъ и малыхъ колоколовъ, привезенныхъ къ продажѣ: тамъ цѣлые рои ребятишекъ уцѣпились за каждый языкъ и трезвонили до безпамятства.

2. Кладезная Церковь.

Видъ съ горы Тускарь, черезъ золотыя главы монастыря, пріютившагося внизу, особенно свѣжъ и хорошъ. Капризные извивы рѣки, опушаемые купами деревъ, сверкаютъ то ближе, то дальше, змѣею пробѣгая просторные яркіе луга. Густой лѣсъ зеленымв террасами опускается къ рѣкѣ, свѣжій и кудрявый, не смотря на свои сотни лѣтъ. Онъ обложилъ весь берегъ вязами, ясенями, дубами, липами, закрылъ овраги, холмы, лощины, и гигантскою шапкою повисъ надъ рѣкою. На подгорѣ, какъ разъ поперекъ, стоитъ монастырскій домъ съ воротами посрединѣ и надворотнею церковью. Это—фасовый корпусъ цѣлаго четырехугольника, окружающаго главный дворъ монастырскій. Прежде здѣсь былъ не такой правильный корпусъ, не дикой модной краски, и церковь не была такой стройной: здѣсь была длинная и низкая кишка съ опустившимся бокомъ, со множествомъ окошечекъ неправильной формы, и разнаго калибра, съ выступами и башенками; она была крыта старыми черепицами, разрисована всѣми красками, какими разрисовываются крестьянскія

писанки къ св. празднику, такъ что издали видъ былъ какой-то мраморный.

Помню маленькое, глубокое окошечко, почти вровень съ землею; въ него заглядывали съ таинственнымъ ужасомъ морщинистыя физіономіи бабъ, ожидая, что тамъ явится или духъ нечистый, или видѣніе какое. Говорили, что тамъ живетъ схимникъ, который ѣстъ въ день одну просфору и пьетъ немного воды изъ впадины деревяннаго распятія. Давнымъ давно я видѣлъ тамъ блѣдное лице со спутанными волосами и сухощавую руку, протянувшуюся за просфорой. У воротъ постоянно сидѣлъ старый полинявшій монахъ въ грубой рясѣ, и равнодушно качалъ свой кошелекъ. Мы, дѣти, въ неразумѣ своемъ, бывало, идемъ къ нему подъ благословеніе, снявъ шапки; мы считали каждаго монаха за священника, и очень удивлялись, когда отецъ Зиновій отклонялъ наши руки, и кланялся намъ съ какою-то особенно-скучною улыбкою. На лѣстницѣ, ведущей во дворъ, было любимое пребываніе нищенокъ. Тутъ видѣлъ я кликушу съ нервнымъ и слезнымъ лицемъ, рыдающую, съ кровавыми бѣлками; тутъ сидѣла бородатая яга-баба, нищенка съ лапообразными звѣрскими руками, вся въ сѣдыхъ бородавкахъ, эта жалкая и безсердечная старуха, которой боялись даже прохожіе, постоянно ворчала и ругалась; однако высохшая какъ индійскій факиръ, коричневая и маленькая старушонка съ пустою морщинистою кожею, въ которой какъ въ мѣшкѣ билось нѣсколько косточекъ, стонала рядомъ съ нею безъ всякаго страха. Прежде тутъ было много теремовъ, высокихъ и узкихъ, съ крышечками и балкончиками, съ точеными толстыми перилами, съ темными, таинственными закоулками, переходцами и чердачками. Бывало, сидятъ двѣ дремотныя черныя фигуры въ прямыхъ, высокихъ колпакахъ, съ сѣдыми бородами; ветхіе, замшившіеся старцы, ветераны и старожилы монастырскіе, побывавшіе и въ Соловкахъ, и на Валаамѣ, и въ Кіевопечерской Лаврѣ. Они по безграмотности навсегда обречены остаться простыми монахами и служить другимъ, ибо и стѣны монастыря не допускаютъ абсолютной демократіи. Долго, какъ изваянія, сидятъ они въ тѣни своего крылечка или у тѣснаго окна, подпершись рукою и тихо бесѣдуютъ. Архимандричьи покои большіе, съ парадной лѣстницею; видны царскіе портреты, картины духовнаго содержанія въ золотыхъ рамахъ, ярко окрашенныя стѣны, лампадки. Туда снуютъ монахи; тамъ у крыльца стоятъ безъ шапокъ нѣсколько служекъ. Вотъ главная церковь посреди. Она также новая, большая, красная; но далеко не то, что старая. Та стояла сотни лѣтъ, и когда ее повалили, оказалось, что она простояла, на зло архитекторамъ, совсѣмъ безъ фундамента.

Съ благоговѣніемъ дѣтскаго воспоминанія, пошелъ я съ раска-

ленныхъ камней двора въ открытыя настежъ стеклянныя двери, осѣненныя деревьями. Это мнѣ давно знакомое, когда-то сердечно-дорогое мѣсто. Отсюда начинается спускъ въ Кладезную церковь, стоящую на самой подошвѣ берега, подъ горой, до такой степени глубоко, что даже съ монастырскаго двора, затемняющаго нижнія части всего склона, видѣнъ только ея крестъ съ бѣлою маковкою, среди мягкихъ зеленыхъ верхушекъ ясени. Галлерея, ведущая къ святому колодезю, была бы въ Европѣ одной изъ интереснѣйшихъ достопримѣчательностей-туристамъ. Она спускается двѣнадцатью или десятью террассами, которыхъ уступы ясны и снаружи, такъ что все длинное зданіе галлереи представляется гигантскою лѣстницею, если глядѣть на нее съ боку, отъ лѣса. Множествомъ широкихъ каменныхъ ступенекъ сбѣгаетъ эта галлерея въ маленькую, полутемную церковь. Вся стѣна галлереи, обращенная къ лѣсу, почти сплошь стеклянная; широкія стеклянныя двери, отворенныя настежъ, вносятъ изъ лѣсу волны свѣжаго оживляющаго воздуха; въ окна глядятъ слегка качающіяся макушки вязовъ, ясеней, липъ, сквозящія золотомъ; это первые одинокіе посты, черезъ тридцать шаговъ отъ которыхъ стоитъ сама темная, дышащая прохладою чаща вѣковаго лѣса. Люди кажутся небольшими, и голосъ ихъ не слышенъ, если остановиться на верхней ступенькѣ галлереи, и глянуть внизъ. Своды, уступами уходящіе въ глубину, расписаны ярко, хотя довольно грубо; на внутренней стѣнѣ — непрерывный рядъ фресокъ, съ явственными и подробными надписями. Въ нихъ вся исторія, всѣ благочестивыя легенды иконы Коренской Богоматери. Рисунки только что обновлены, какъ и вообщѣ вся отдѣлка монастыря; позы и фигуры потеряли много прежней наивности, но весьма мало выиграли въ художественномъ отношеніи. Дико видѣть эту неприличную яркость и свѣжесть красокъ новаго времени, въ сочетаніи съ безсиліемъ и невѣжественностію кисти, простительными только въ XVI столѣтіи. То, что составляетъ душу и достоинство наивной Византійской школы — эти посильныя выраженія различныхъ сердечныхъ настроеній человѣка, настроенія молитвеннаго или ужасающаго, или любящаго — ничего этого, конечно, не ищите въ реставрированныхъ фрескахъ. А навѣрное, художникъ, съ торжествомъ отдергивая полотно своего оконченнаго фреска, презрительно сравнивалъ его съ полинявшими очерками старыхъ, еще неисправленныхъ картинъ. И навѣрное, монастырская братія и богомольная публика обители искренно любовались новинкою, и удивлялись художнику. «Теперь хорошо», говорилъ при мнѣ отставной, съ улыбкою удовольствія озираясь по сторонамъ: «теперь вся паперть будто смѣется. Вишь ее какъ расписали».

По ступенькамъ лѣстницы, какъ и въ каждомъ уголкѣ мона-

стыря, уже успѣли пристроиться богомольцы; спускаешься внизъ съ трудомъ между ихъ толпами, нецеремонно расположившимися кто на ночлегъ, кто на трапезу.

Повалившись прямо на камень, не развязавъ платковъ, ни лаптей, ни походныхъ сумокъ, все еще въ сѣдой пыли большой дороги, и крѣпко сжавъ въ рукѣ свои высокія палки, спятъ, раскрывши ротъ и жарко вздыхая, одинокія путницы. Идущіе въ церковь, въ свою очередь, безцеремонно шагаютъ надъ ихъ потными лицами, худыми и темными, какъ сырая мѣдь. Другіе расположились болѣе комфортабельно, на колѣняхъ другъ у друга, на армякахъ, на сумкахъ; хлебаютъ холодныя щи изъ глиняныхъ кувшиновъ деревянными ложками, размачиваютъ въ черепкѣ донесенные изъ дому сухари. Нищенки злобно ворчатъ и ругаются другъ съ другомъ, оттѣсняя богомолокъ отъ стѣны, къ которой каждому хочется прислониться. Небольшія группы стоятъ передъ фресками, и внимательно вглядываются въ нихъ. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ слышится мѣрный голосъ импровизированнаго чтеца, который кое-какъ осиливаетъ подпись картины; растроганныя бабы кругомъ него сочувственно качаютъ головами. Одинъ рыжій мужикъ, повидимому сельскій староста, рѣжетъ подпись громко и увѣренно, отчеканиваетъ каждый слогъ, словно стопудовою гирею, и, окончивъ громче всего послѣднее слово, съ нескрываемымъ торжествомъ уходитъ изъ толпы.

Какая поэтическая легенда, и какъ похожа на сотни подобныхъ! Я всегда съ теплымъ чувствомъ смотрю на это восхищеніе деревенскихъ старухъ, изъ разныхъ глухихъ мѣстъ пространной земли нашей, когда онѣ очутятся среди дешевыхъ чудесъ какой-нибудь популярной народной святыни. Здѣсь ихъ Луврская галлерея, ихъ Вандики и Рафаэли, здѣсь для нихъ небесный Іерусалимъ съ самоцвѣтными каменьями, и опера, и музеи, и публичные курсы. Все, что не проза для ихъ скудной жизни, все, чего нѣтъ слѣда въ ихъ трудолюбивомъ быту — все они находятъ здѣсь. Здѣсь общество со всѣхъ концовъ земли, здѣсь праздность, никогда имъ невѣдомая, здѣсь всяческое благолѣпіе — все имъ показывается, все для нихъ представляется за ихъ немногіе гроши, которые донесли они въ своей тряпицѣ, или выручили за трудовой свой товаръ. Вотъ передъ ними лѣсъ — темный, дремучій; каждое дерево явственно; они сразу поймутъ, что это — лѣсъ, въ лѣсу пещера, въ пещерѣ горитъ лампадка, а передъ лампадкою молится на колѣняхъ съ простертыми къ небу руками святой человѣкъ въ ризѣ — іерей Боголѣпъ.

Толпа двигается, умиленная, ступенькой ниже, и видитъ опять ночь и лѣсъ, и опять стоитъ іерей Боголѣпъ въ своей ризѣ, во всемъ своемъ видѣ честномъ; онъ нашелъ въ лѣсу у корня стараго дуба (отъ того Коренская икона) икону Знаменія Божіей Матери;

и когда подняли икону — на томъ мѣстѣ вдругъ пробился ключъ святой воды. Вода бѣжитъ фонтаномъ — старуха съ трепетнымъ благоговѣніемъ смотритъ на картину и изумляется, какъ живо все написано. Она только что сподобилась напиться изъ святаго колодца и опустить въ него мѣдную копѣйку; она прикладывалась и къ пню отъ святаго дуба, который ростетъ у самой стѣны Кладезной церкви. А легенда проходитъ передъ нею въ живыхъ для нея образахъ, ясная и вмѣстѣ съ тѣмъ таинственная. Вотъ приходятъ Татары въ шлемахъ, съ большими мечами, съ злыми лицами; жгутъ часовню, гдѣ виситъ явленная икона, но икона чудеснымъ образомъ остается невредима, и варвары въ ужасѣ бѣгутъ. Два Татарина уводятъ въ плѣнъ св. іерея, одинъ разрубаетъ икону надвое; старуха пала въ нѣмомъ смятеніи: ее пугаетъ свирѣпый видъ Татарина, длинные усы и поднятый кривой мечъ, но она содрогнулась отъ негодованія и жалости, когда передъ ея глазами онъ разсѣкъ на двѣ части «Царицу Небесную». И она двигается по ступенькамъ ниже и ниже, усиленно вслушиваясь въ чтеніе солдата-нищаго, видя передъ собою все тотъ же лѣсъ, все тѣ же чудеса и страхи. Вотъ опять передъ ней іерей Боголѣпъ, спасенный чудомъ, къ ея искренней радости, изъ полона Татарскаго. Онъ ищетъ по лѣсу старой часовни своей и находитъ разрубленную надвое икону. Святой человѣкъ плача соединяетъ обѣ половины, и икона вдругъ сростается. Толпа охаетъ и крестится, солдатъ наставительно объясняетъ, какъ до сей поры видать на лицѣ Матушкиномъ рубецъ отъ меча Татарскаго, и какъ одна половина этого лика не совсѣмъ приходится къ другой.

Дальше и дальше развертывается свитокъ чудесъ. Жители Рыльска, провѣдавъ о чудотворной силѣ Коренской иконы, воздвигаютъ ей храмъ и съ торжествомъ переносятъ ее къ себѣ; но Матушка не хочетъ мѣнять своей лѣсной пустыни на благолѣпіе городское. По утру жители съ ужасомъ находятъ пустымъ то мѣсто, гдѣ стояла Коренская икона, и она опять начинаетъ прославляться на своемъ дубовомъ корнѣ, у своего цѣлебнаго ключа. Много разъ повторяются попытки перенести икону и въ Курскъ, и въ Рыльскъ, и въ Путивль, но все по прежнему безуспѣшно. А между тѣмъ немощные исцѣляются, невѣрующій князь Шемяка, помолившись чудотворной иконѣ, прозрѣваетъ; благочестивый царь Өеодоръ слышитъ о славѣ иконы и требуетъ ее въ Москву; тамъ ее украшаютъ богатыми ризами, одаряютъ имѣніями и съ торжествомъ отпускаютъ домой. На этомъ обрывается рядъ картинъ, плѣняющихъ фантазію деревенскаго люда; вы вступаете въ темную церковь, которой полъ также образуетъ вдругъ глубокій уступъ, приближаясь къ алтарю. Въ полутьмѣ искрятся золотые оклады иконостаса, на которыхъ играетъ

красный отблескъ множества свѣчекъ и лампадокъ, горящихъ передъ образами. Слышится густое монашеское пѣніе и гулъ земныхъ поклоновъ о плиты пола.

Передъ самымъ алтаремъ внизу квадратное отверстіе, обнесенное рѣшеткою. Вокругъ него тоже лампады и высокіе подсвѣчники съ сотнями горящихъ свѣчей; толпа народа съ тихимъ шопотомъ наклоняется надъ рѣшоткою и въ прозрачную воду святаго колодезя падаютъ одна за другою монеты, звеня о желѣзное дно то тонкимъ бренчаніемъ серебра, то глухимъ и тяжелымъ стукомъ мѣдныхъ пятаковъ. Если посмотрѣть черезъ рѣшотку на воду, то дно колодезя кажется такимъ близкимъ и словно серебрянымъ отъ множества набросанныхъ денегъ. Старичокъ-священникъ, съ желтыми волосами и бородой, въ полинявшей малиновой ризѣ и въ мѣдныхъ очкахъ, окруженный тѣсною группою молельщиковъ, служитъ молебны чудотворной иконѣ. Одна группа быстро смѣняетъ другую, но сѣдой іерей не перемѣняется: съ тѣмъ же спокойствіемъ и съ тою же старческою неспѣшностію повторяетъ онъ трогательныя воззванія къ Царицѣ Небесной; тѣмъ же дрожащимъ и неровнымъ голосомъ вычитываетъ положенное мѣсто Евангелія и кадитъ вокругъ своимъ звенящимъ кадиломъ. Сколько я ни заходилъ въ Кладезную церковь, всегда находилъ этого терпѣливаго молельщика передъ налоемъ въ священническомъ облаченіи.

Сама чудотворная икона тоже здѣсь, въ этой маленькой церкви. Народъ, не участвующій въ молебнахъ, постоянно притекаетъ къ ней изъ верхней галлереи и, облобызавъ образъ со множествомъ земныхъ поклоновъ, выходитъ боковыми дверьми въ тѣнистое мѣстечко надъ самою Тускарью къ святому дубу, корень котораго далъ свое имя иконѣ, и монастырю, и ярмаркѣ. Отъ дуба уцѣлѣлъ только пень, превратившійся почти въ гнилушку; впрочемъ, нѣсколько упругихъ и свѣжихъ побѣговъ съумѣли пробиться и сквозь этотъ тлѣющій трупъ, который теперь держится только ими.

Пень обдѣлали въ грубую деревянную часовню, на стѣнѣ которой Суздальское изображеніе дуба; сидитъ монахъ съ кружкою, и копеечныя приношенія сыплятся и тутъ изъ трудовой мошны бѣдняковъ. Низкій берегъ Тускари, на которомъ стоитъ Кладезная церковь, совсѣмъ сырой и просто подрытъ ключами. У самой стѣны церкви уже опять колодезь, и съ такою же прозрачною сладкою водою, какою славится святой колодезь, обдѣланный въ церкви. Дѣйствительно цѣлебная вода, дѣйствительно святой источникъ! Объ этомъ лучше всего знаютъ тѣ тысячи бѣдняковъ, которые проходятъ сотни верстъ, чтобы провожать Царицу Небесную въ девятую пятницу. Двадцать семь верстъ они несутъ на своихъ плечахъ фонари и кіоты въ самый разгаръ жаркаго дня и убійственной пыли.

Ихъ запекшіяся уста съ радостію припадаютъ къ ледянымъ струямъ источника, и истомленный организмъ ощущаетъ его чудотворную силу.

Господи! сколько народа тѣснится вокругъ колодезя! Черные кувшины, покрытые холоднымъ потомъ, выносятся на головахъ, бочонки опускаются на веревкахъ въ глубокій срубъ, съ мѣрнымъ урчаніемъ вбираютъ въ себя воду; кружки и ведра зачерпываются черезъ плеча сосѣдей и расплескиваются на этихъ же самыхъ плечахъ. Бабы жадно припадаютъ къ приносимымъ кувшинамъ, и даже со стороны видно, съ какимъ наслажденіемъ переливается холодная струя въ ихъ худощавыхъ, загорѣлыхъ глоткахъ; съ трудомъ переводя духъ, онѣ крестятся и причитываютъ множество благодареній напоившему ихъ мужику. Весь склонъ горы между галлереями лѣсовъ, сверху до самой Тускари, покрытъ сидящимъ и лежащимъ народомъ; какъ маковое поле пестрѣетъ эта живописная толпа краснымъ, бѣлымъ и желтымъ цвѣтомъ. Сумки и палки торчатъ кругомъ; удивительная прелесть въ этихъ толпахъ богомольцевъ, отдыхающихъ безъ пристанища кругомъ монастыря. Яркое и жаркое солнце заливаетъ; бабы съ темными, но добродушными лицами, худыя, утомленныя, обливаясь пóтомъ, сидятъ кружкáми, односелянки къ односелянкамъ, и раскладываютъ свои котомки. Сколько тутъ всякихъ костюмовъ: Малороссійскія казачки, Великорускія паневы, Курскіе сарафаны, Китайчатые капоты дворовыхъ женщинъ, но болѣе всего туземнаго Курскаго населенія, болѣе всего этихъ бѣлыхъ платковъ, назади лопатою, спереди двумя рожками, этихъ давно знакомыхъ синихъ и темныхъ сарафановъ. Артели нищихъ, съ самыми типичными физіономіями, нечесанныхъ, съ пустыми бѣлками вмѣсто глазъ, съ отсохшими руками, со сведенными ногами, сидятъ правильными шеренгами, держа передъ собою поливанныя, деревянныя чашки, узорчато раскрашенныя, и мѣрно кланяясь подъ тактъ своихъ Лазаревыхъ пѣсенъ. Черты ихъ лицъ, особенно слѣпцовъ, удивительно строги и серьезны, а басовое протяженное пѣніе придаетъ имъ какое-то религіозное выраженіе. Одна артель старается перещеголять другую звучностію и красотою своего пѣнія и привлечь къ себѣ публику. Баранки, куски хлѣба, копѣйки быстро наполняютъ ихъ вмѣстительные мѣшки; ни одна ничтожнѣйшая подачка не ускользнетъ отъ сосредоточеннаго вниманія слѣпаго пѣвца, который въ незамѣтное мгновеніе подхватитъ, ощупаетъ и оцѣнитъ вещь, и такъ же быстро скроетъ ее въ своемъ мѣшкѣ, не переставая вытягивать октавою свои жалобно-однообразныя ноты и не измѣняя ни малѣйшимъ образомъ своего сурово-задумчиваго выраженія. Врядъ ли гдѣ, кромѣ Коренной, можно встрѣтить такую замѣчательную коллекцію нищихъ по профессіи; въ прежніе годы

ихъ было столько, что около монастыря женщинѣ или ребенку почти нельзя было пройти. Они съ такою дерзостью и назойливостью бросались за милостынею и выхватывали все изъ рукъ, что мужчинамъ часто приходилось отбивать отъ нихъ дамъ палкою и кулаками. Были даже нерѣдко случаи похищенія дѣтей нищими, и вырыванье изъ рукъ покупокъ или стаскиванье съ плечъ шалей считались дѣломъ весьма обыкновеннымъ. Теперь далеко не то; и Коренскіе нищіе могутъ быть теперь интересны только для жаприста, какъ незамѣнимый матеріалъ для этюдовъ. Въ Тускари, которая широкой лентой огибаетъ подошву горы, отличное купаніе; такъ уютно можно раздѣться подъ старыми береговыми вязами и броситься горячимъ тѣломъ въ холодъ синей рѣки.

Прежде тутъ постоянно купались цѣлыя толпы народа. Цѣлыя толпы стояли по поясъ въ водѣ, не двигаясь, наслаждаясь прохладою послѣ пыли и жара; верховые въѣзжали на лошадяхъ въ средину рѣки и также неподвижно стояли тамъ.

Пловцы переплывали на тотъ берегъ съ шумомъ и плескомъ. Теперь мало кто купался, и то въ сторонѣ около дрянныхъ полотняныхъ загородокъ.

Я спросилъ одного мужика, отчего въ такой жаръ никто не купается.

— Дорого, баринъ, отвѣтилъ мужикъ, укоризненно качая головою. — За каждый разъ копеечку отдай, а купаться-то не разъ тебѣ захочется, коли сутки на жарѣ здѣсь пролежишь; нашему брату копеечка дорога: намъ еще за четыреста верстъ идти.

— Кто же беретъ здѣсь деньги за купанье?

— Кто?—Монахи! Мѣсто монастырское, монахи и берутъ. На откупъ отдали водопой и купанье, оттого и лошадей не водитъ сюда никто.

Такихъ нововведеній, впрочемъ, немного въ монастырѣ. Напротивъ, я искренно изумлялся, до какой степени доходитъ распущенность и неподвижность Русскаго быта: сколько лѣтъ, даже сотенъ лѣтъ сноситъ Русскій мужикъ своими копейками, своими домашними холстами, своей пряжей, капиталы, на которые поддерживается Коренской монастырь. И до сихъ поръ ни разу никто не подумалъ о самыхъ насущныхъ удобствахъ для богомольцевъ. Какъ при князѣ Шемякѣ, такъ и теперь лежатъ терпкіе Русскіе люди въ повалку на горячихъ камняхъ и размачиваютъ въ водѣ гнилые сухари. Уже не говоря о благотворительности, хотя бы антрепренёрство приняло въ этомъ корыстное участіе. Вѣдь во всякой другой землѣ, кромѣ нашей, сотни конкурентовъ оспоривали бы другъ у друга выгодную честь устроить дешевые пріюты для этихъ десятковъ тысячъ, притекающихъ за иконою. Уже нечего говорить, что сторона менѣе

реальная, сторона вкуса, внѣшняго изящества — сиднемъ сидитъ сидячимъ не 30, и даже не 300 лѣтъ. Какихъ бы прелестей нельзя было устроить изъ этой удивительной мѣстности; только бы вкусъ, только бы привычка къ опрятности и красотѣ жизни, только бы энергическую работящую голову! Какіе бы разсадники великолѣпнѣйшихъ цвѣтовъ, какіе грунтовые сараи, теплицы, питомники заварилъ бы здѣсь безпокойный Нѣмецъ; онъ бы съумѣлъ употребить большія средства монастыря на всевозможныя плантаціи, акклиматизаціи, ирригаціи. У него не было бы этихъ сырыхъ, плѣсенью покрытыхъ стѣнъ въ храмахъ, этой обвалившейся штукатурки на только что отдѣланномъ корпусѣ, этихъ невыметенныхъ, полынью заросшихъ, косорогами изрытыхъ дворовъ.

Въ іюнѣ мѣсяцѣ, за десять дней до Петрова-дня, въ разгарѣ цвѣтенія всѣхъ нашихъ травъ, я не видѣлъ въ цѣлой Коренной ярмаркѣ не только ни одного цвѣтничка передъ домомъ, но даже ни одного букета, ни одного цвѣтка, а между тѣмъ, это — время нарядовъ и франтовства не только для барышенъ, но даже и для бабъ Русскихъ, для десятковъ тысячъ бабъ. Ни одной торговки цвѣтами, ни одной цвѣточной лавки. А весь панскій рядъ наполненъ между тѣмъ соломенными жардиньерками, тирольками, мускетерками, гарибальдійками съ букетами кисейныхъ розъ, бархатныхъ фіалокъ, виноградныхъ кистей изъ слюды, ржаныхъ колосьевъ, созрѣвшихъ подъ ножницами m-me Адель, и даже съ бабочками и улитками изъ моднаго магазина купчихи Гладковой.

Пустая вещь, повидимому, но она даетъ обидное понятіе о націи; отсутствіе вкусовъ, бѣдность потребностей, грубость привычекъ... такъ и потянетъ Бухарою, Букеевскою ордою, калмыкомъ... (Изъ «Отеч. Зап.» 1864 года). *Е. М.*

НАША СТАРАЯ РОДИНА.

(*Натаніэля Готорна* [1]).

1. Обѣды въ Англіи.

Смотря на Англичанина главнымъ образомъ, какъ на совершенство въ развитіи животной стороны человѣка, видя въ немъ только олицетвореніе

[1]) *Натаніэль Готорнъ* (род. 1804 г.) — знаменитый Американскій, современный писатель. Онъ путешествовалъ въ Англіи и описалъ ее великолѣпно.

ростбифа и пива, Готорнъ, конечно, считаетъ первымъ лучшимъ Англійскимъ учрежденіемъ — обѣдъ. По его мнѣнію, идея объ обѣдѣ такъ глубоко вкоренилась въ умѣ и сердцѣ Англичанина, что онъ наврядъ ли помирится съ будущей жизнью, если тамъ не будетъ его любимѣйшаго препровожденія времени.

День, тѣмъ болѣе вѣковѣчный, покажется ему слишкомъ утомительнымъ безъ этого блаженства, которымъ онъ пользовался на своемъ островкѣ. Счастье его будетъ неполное. Впрочемъ, вѣроятно, сдѣлано будетъ особое распоряженіе исключительно для Англичанъ. Великій Мильтонъ былъ одинаковаго съ нами мнѣнія и, конечно, хотѣлъ утѣшить своихъ соотечественниковъ, когда изображалъ, съ какимъ большимъ аппетитомъ архангелъ обѣдалъ у Адама; онъ ѣлъ только плоды, но это по той причинѣ, что въ первое время своего хозяйства Ева не могла угостить его ничѣмъ лучшимъ.

Дѣйствительно — продолжаетъ Готорнъ — у этого народа, столь гордящагося своимъ разумомъ, обѣдъ имѣетъ какую-то особую святость, которая вовсе не зависитъ отъ количества или качества кушаній. Пускай на столѣ стоятъ однѣ только бараньи котлеты, и Англичанинъ будетъ ѣсть ихъ съ такимъ же уваженьемъ, какъ и самыя изысканныя блюда. Американцы не понимаютъ, что такое обѣдъ: они ѣдятъ, а никогда не обѣдаютъ. Обѣдъ,—это самый лучшій цвѣтокъ цивилизаціи. И даже въ Англіи не всѣ умѣютъ обѣдать въ полномъ, возвышенномъ значеніи этого слова. Много разъ я обѣдывалъ въ Англіи у знатоковъ и любителей, и только разъ, хотя и то не вполнѣ, понималъ, или, скорѣе, инстинктивно сознавалъ, что обѣдъ былъ верхъ совершенства. И тогда я чувствовалъ не только скотское удовольствіе насыщенія, но своего рода эстетическое наслажденіе; какъ въ картинахъ, статуяхъ, поэмахъ, такъ и въ хорошемъ обѣдѣ есть какая-то неуловимая, художественная прелесть. И это происходитъ опять-таки не отъ самыхъ кушаній, но скорѣе отъ настроенія сидящихъ за столомъ, отъ всей обстановки; во всемъ должна царствовать самая полная гармонія.

Дѣйствительно, обѣдъ — такое древнее Англійское учрежденіе, такъ въѣлось въ нравы и обычаи, что безъ него немыслимо никакое дѣло общественное или частное. Эти періодическіе и постоянные банкеты чрезвычайно важны, какъ средство для соединенія людей различныхъ мнѣній. Главное отличительною чертою ихъ служатъ тосты и спичи, которые прославили Англичанъ по всему свѣту. Готорна очень поразило, что при общей привычкѣ говорить, Англичане выражаются въ своихъ спичахъ такъ краснорѣчиво.

Удивительно—говоритъ онъ—какъ отрывочно и нескладно они говорятъ, пренебрегая всякою художественною отдѣлкою и довольствуясь только тѣмъ, чтобъ выходилъ смыслъ. Мнѣ казалось, что

они дѣлали по разсчету, а не по недостатку способностей. Англичанинъ, желающій заслужить одобреніе своихъ слушателей, никогда не долженъ говорить красно́: они этого терпѣть не могутъ и съ недовѣріемъ смотрятъ на краснобая. Чѣмъ сильнѣе и тяжелѣе его мысли, тѣмъ лучше, только бы онѣ были ясны и рѣзки. Отчасти я готовъ согласиться съ ними, и еслибъ я хоть сколько-нибудь цѣнилъ краснорѣчіе, то одинаково рукоплескалъ бы и Англійскому и Американскому. Когда Англійскій ораторъ кончитъ свой спичъ, вы невольно чувствуете, что вы слушали человѣка, а не актёра. Его мысли, его изложеніе просты, естественны, хотя, вѣроятно, эта кажущаяся естественность пріобрѣтается такимъ же искусствомъ, какъ и пламенное краснорѣчіе Американца.

Говоря о торжественныхъ Англійскихъ обѣдахъ, конечно, нельзя пройти молчаніемъ знаменитыхъ банкетовъ лорда-мэра. На одномъ изъ нихъ Готорнъ имѣлъ честь присутствовать.

По данному сигналу—говорилъ онъ—мы (человѣкъ 300) вошли въ громадную залу, которую, право незнаю почему, называютъ Египетскою, развѣ только потому, что ея классическая архитектура прямо противуположна массивному стилю пирамидъ. Музыка заиграла тушъ, зала играла тысячами огней, посрединѣ во всю длину стояли два стола и еще одинъ поперекъ. На огромномъ пространствѣ бѣлаго полотна искрился хрусталь, блестѣло серебро. Мы безъ труда нашли свои мѣста и капелланъ лорда-мэра призвалъ благословеніе Божіе на трапезу — обрядъ, который всегда свято исполняется въ Англіи, какъ за банкетомъ вельможи, такъ и за самой трудной ѣдой ремесленника, но я боюсь, что это дѣлается не изъ религіознаго чувства. Супъ, конечно, былъ черепаховой, и по древнему обычаю, каждому гостю позволялось взять по 2 тарелки, не смотря на то, что вообще царствовалъ самый строгій этикетъ. Послѣ супа, по преданіямъ старины глубокой, непремѣнно надо выпить маленькую рюмку пунша съ ромомъ. Это питье было такъ хорошо приготовлено, что дѣйствительно стоило поѣсть супу для того, чтобы его запить. Остальной обѣдъ былъ подробно расписанъ на картѣ, напечатанной на очень тонкой бѣлой бумагѣ съ золотыми бордюрами. Самыя же кушанья были всѣ поставлены на столъ, и гости сами рѣзали и передавали ихъ другъ другу. Эта старинная, благородная метода, конечно, имѣетъ много неудобствъ, но за то вы видите передъ собою весь банкетъ. Я, право, не удивляюсь, что Англичанинъ, съ удовольствіемъ смотрящій на призовыхъ быковъ, какъ бы предвкушая будущій ростбифъ, вполнѣ цѣнитъ всю гастрономическую прелесть пожрать глазами весь обѣдъ, прежде чѣмъ приняться за тѣ кусочки, которые вамъ выпадутъ на долю. Мнѣ достались великолѣпные жареные грибы, и кусокъ шотландскаго те-

терева. Всѣ другія блюда изгладились изъ моей памяти. Музыка продолжала играть, подстрекая насъ къ новымъ трудамъ наравнѣ съ виномъ, которое лакеи то и дѣло подливали гостямъ по-видимому забывшимъ, что за каждымъ пиромъ наступаетъ и завтра. А пока есть это грозное завтра, осторожный человѣкъ никогда не можетъ вполнѣ насладиться своимъ обѣдомъ. Послѣ часа или двухъ самой прилежной работы, явился десертъ, а послѣ него обносили вокругъ стола серебряную чашу съ розовой водой, въ которую каждый гость обмакивалъ кончикъ своей салфетки и по всей комнатѣ распространялось благоуханіе.

Во время обѣда, по стариннымъ обычаямъ, за кресломъ лордамэра стоялъ рыцарь въ латахъ и шлемѣ. Когда на столѣ появились послѣ-обѣденныя вина, то другое не менѣе блистательное оффиціальное лице изъ кресла лорда-мэра громкимъ, торжественнымъ тономъ пересчиталъ всѣхъ важнѣйшихъ гостей лорда-мэра, баронетовъ, генераловъ, членовъ парламента и взаключеніе возгласилъ: «Всѣ вы, милостивые государи и государыни, лордъ-мэръ пьетъ за ваше здоровье, въ кубкѣ любви и посылаетъ ее вамъ!». Съ этими словами, дѣйствительно, кубокъ любви и не одинъ, а нѣсколько кубковъ, — тихо начали свое шествіе вокругъ стола. Древняя церемонія эта состоитъ въ томъ, что лордъ-мэръ встаетъ, беретъ кубокъ въ обѣ руки и подаетъ его своему сосѣду; тотъ также встаетъ и открываетъ крышку кубка, тогда лордъ-мэръ пьетъ, сосѣдъ закрываетъ крышку, принимаетъ кубокъ и обращается къ своему сосѣду. Такимъ образомъ вскорѣ всѣ присутствующіе связаны въ одну громадную цѣпь любви. Когда кубокъ дошелъ до меня, то я разсмотрѣлъ его критически: это былъ древній, дорогой кубокъ, вмѣщавшій въ себѣ около кварты вина. Взявъ въ соображеніе всю трудность, которую надо было преодолѣть, прежде чѣмъ коснуться губами кубка, казалось, что гости довольствовались очень умѣренной порціей. Дѣйствительно, большая часть вина еще оставалась въ кубкѣ, и потому, вѣроятно, всѣ только дотрогивались губами до краевъ. Объяснить эту умѣренность можно было только или нежеланіемъ пить въ общей чашѣ со всѣми или дурнымъ количествомъ самаго вина. Чтобъ вполнѣ ознакомиться съ предметомъ, я хватилъ здоровый глотокъ и болѣе, конечно, не захотѣлъ. Вино оказалось очень сквернымъ медкомъ, подмѣшаннымъ водою и подслащеннымъ. Во всякомъ случаѣ это вино было отличное для церемоніи, и конечно, для питья никогда не предназначалось.

Теперь начались тосты и спичи, которые, по обыкновенію, были до глупости тяжелы и серьезны. Я, право, не понимаю, зачѣмъ людямъ, только что окончившимъ хорошій обѣдъ, развеселившимъ себя шампанскимъ и старымъ портвейномъ, ни съ того, ни съ сего

вдругъ портитъ дѣло скучнѣйшими рѣчами? Еслибъ, напротивъ, эти рѣчи послѣ шампанскаго заискрились красноуміемъ, еслибъ портвейнъ разбудилъ юморъ старой, веселой Англіи, тогда бы я понялъ зачѣмъ люди говорятъ спичи послѣ обѣда, и съ большимъ удовольствіемъ сталъ бы ихъ слушать. Страшная утилитарность современнаго направленія произвела самую радикальную и горестную перемѣну въ древнемъ обычаѣ публичныхъ обѣдовъ. Бывало, лѣтъ сто тому назадъ, люди собирались, чтобъ повеселиться; теперь сходятся, чтобъ за бутылкой вина толковать о серьёзныхъ дѣлахъ, о цыфрахъ, хотятъ соединить и разумъ и вино, полезное съ пріятнымъ, «въ результатѣ выходитъ ни то ни другое».

2. Свадьбы.

Вслѣдъ за поразительной картиной нищеты, Готорнъ переноситъ насъ въ одно изъ тѣхъ образцовыхъ Богоугодныхъ заведеній для старыхъ и молодыхъ, больныхъ и здоровыхъ, которыми такъ славится Англія. Мы не послѣдуемъ туда за нимъ: подобныя заведенія были уже столько разъ описаны, и очеркъ Готорна не представляетъ никакихъ новыхъ оригинальныхъ чертъ. Лучше перейдемъ къ мастерской художественной картинѣ двухъ свадебъ, которою онъ кончаетъ эту часть своихъ очерковъ.

Я какъ-то зашелъ — разсказываетъ онъ — въ Манчестерскій соборъ, во время пасхи, когда пасторы совершаютъ всѣ требы даромъ; у алтаря стояла цѣлая толпа постоянныхъ обитателей той среды, которую я только-что описалъ. Вѣнчали вдругъ нѣсколько паръ. Мужчины были въ своихъ вседневныхъ, рабочихъ курткахъ, прорванныхъ на локтяхъ; женщины натягивали на себя шали, чтобъ прикрыть лохмотья и наготу; всѣ они, нечесанные, немытые, ничѣмъ не походили на тѣ образы невѣсты и жениха, къ которымъ мы привыкли. Какой-то роковой вѣтеръ согналъ ихъ въ кучу, и эту кучу всю вдругъ, а не попарно, вѣнчалъ пасторъ. Смотря издали, казалось, что онъ каждаго мужчину вѣнчалъ съ каждою женщиною и каждую женщину съ каждымъ мужчиной; впрочемъ, еслибъ это было и на самомъ дѣлѣ, то врядъ-ли эта ошибка увеличила бы зло. Получивъ благословеніе гурьбой, новобрачные раздѣлились по парамъ и удалились въ тѣ мрачные, чердаки и подвалы, гдѣ имъ предстояло провести всю остальную свою жизнь. Пасторъ торжественно улыбнулся, дьячокъ кашлянулъ, а привратница громко захохотала; даже новобрачные, казалось, видѣли что-то очень смѣшное въ этой свадьбѣ. Но, что касается до меня, то я рѣдко видѣлъ болѣе грустное, непріятное зрѣлище. Нѣсколько времени спустя, я снова проходилъ мимо стариннаго собора; колокола весело гудѣли: по лѣстницѣ сходила блестящая сва-

дебная процессія; у воротъ ждала почтовая карета четверкою. Между тѣмъ какъ одного пастора и одной службы хватило для соединенія неразрывными узами горя и нищеты цѣлой дюжины несчастныхъ, теперь епископъ и четыре пастора потребовались для скрѣпленія золотой цѣпи Гименея, которая бы связала два любящія аристократическія сердца. Женихъ дышалъ добротой и старинной Англійской гордостью; невѣста, въ своемъ воздушномъ бѣломъ платьѣ, едва касалась атласнымъ башмачкомъ мрачныхъ камней паперти. Толпа несчастныхъ, вѣчно зѣвающая на подобныя зрѣлища, громко выражала свое восхищеніе отъ красоты невѣсты и мужественной осанки жениха; она призывала благословеніе неба на молодую чету, вѣроятно изъ благодарности за богатую милостыню. Если только матеріальныя блага могутъ доставить счастье, то новобрачныхъ должно было ожидать въ будущемъ одно только безоблачное блаженство. Они прямо изъ церкви ѣхали въ богатый, роскошный замокъ, окруженный чуднымъ паркомъ, благоухающими цвѣтами, живописными прогулками, и все это тѣмъ болѣе казалось ихъ собственностью, что оно переходило впродолженіи многихъ поколѣній и вѣковъ отъ отца къ сыну и каждый владѣлецъ прибавлялъ что-нибудь къ прежнему великолѣпію. Можетъ ли быть послѣ этого, чтобъ ихъ право собственности не было свято? Справедлива или несправедлива, хороша или дурна та система, которая—одной юной четѣ даетъ все, а милліонамъ ничего? Вотъ въ чемъ вопросъ. Придетъ день, рано или поздно, когда Англійская аристократія, не смотря на всю кажущуюся ея безопасность, станетъ лицемъ къ лицу съ этимъ роковымъ вопросомъ.

Изъ всего сказаннаго нами и изъ приведенныхъ отрывковъ, кажется, достаточно ясно обрисовывается взглядъ знаменитаго Американскаго романиста на Англію и Англичанъ. Намъ бы теперь слѣдовало сказать нѣсколько словъ объ изложеніи и манерѣ Готорна, но предоставляемъ самимъ читателямъ произнести сужденіе объ этомъ предметѣ. (Изъ «Отеч. Зап.» 1864 г., № 5).

АЛЬПІЙСКІЕ ЛЕДНИКИ.

Восхожденіе на Монбланъ въ 1857—58 году.

(Тиндалля [1]).

Мы пересѣкли Большую Площадку и наконецъ достигли основанія весьма крутаго склона, ведущаго вверхъ къ Корридору. Тутъ,

[1]) *Тиндаль* — самый популярный естествоиспытатель въ Англіи, посвятилъ

какъ бы произведенный сдвигомъ, возвышался отвѣсный обрывъ, съ верхняго края котораго висѣли громадные ледяные сталактиты. Прежде чѣмъ дойти до этого мѣста, я подмѣтилъ на лицѣ нашего проводника истомленное выраженіе, которое усилилось при видѣ предстоявшаго намъ восхожденія. До тѣхъ поръ онъ постоянно шелъ впереди, что, конечно, всего утомительнѣе. Я увидѣлъ, что теперь приходится мнѣ стать вожатымъ, и такъ я сказалъ ему нѣсколько ободрительныхъ словъ и поставилъ его за собою. Замѣтивъ на склонѣ нѣсколько точекъ, на которыхъ можно было отдохнуть, я быстро переходилъ отъ одной къ другой. Поверхность снѣга отчасти растаяла на солнцѣ и затѣмъ смерзлась, образуя плотную кору, выносившую до нѣкоторой степени нашу тяжесть, но по временамъ внезапно прорывавшуюся, такъ что нога увязала по колѣно. Происходящее отъ этого сотрясеніе и усиліе, необходимое для того, чтобы вытащить ногу, были чрезвычайно утомительны. Стали жаловаться на быстроту моей ходьбы и на несовершенство моихъ слѣдовъ. Я убавилъ шагу и чтобы мои слѣды были широки и надежны, я топталъ по мерзлой корѣ снѣга и вдавливалъ ноги въ лежавшую подъ ней мягкую массу — процессъ, ужасно утомительный. Я такимъ образомъ шелъ впереди до основенія Красныхъ Скалъ, до которыхъ упомянутый сдвигъ продолжался въ видѣ трещины, черезъ которую въ одномъ мѣстѣ перекидывался весьма непрочный на видъ снѣговой мостъ. Симонъ выступилъ впередъ; я обратилъ его вниманіе на состояніе снѣга и предложилъ взлѣзть на Красныя Скалы; но съ живостью, ему не свойственною, онъ отвѣчалъ, что это невозможно; мостъ былъ единственнымъ нашимъ путемъ, и мы должны были испытать его. Мы схватились за веревку и твердо всадили наши ноги въ снѣгъ, чтобъ удержать нашего проводника, если бы мостъ провалился, но къ нашему удивленію, мостъ вынесъ его тяжесть, и мы всѣ пробрались по немъ. Склонъ, по которому намъ теперь приходилось подняться, не былъ покрытъ снѣгомъ и его поверхность была твердый ледъ. Онъ былъ опасно крутъ и такъ какъ онъ кончался внизу отвѣснымъ обрывомъ, о которомъ я упомянулъ, то скользнувши внизъ, мы слетѣли бы съ него и разбились на куски о лежащій внизу ледъ [1]). Симонъ, все державшійся

нѣсколько лѣтъ изученію Альпійскихъ ледниковъ и ему, послѣ Агассиса и Форбеса, наука наиболѣе обязана разъясненіемъ важнаго вопроса о происхожденіи и движеніи ледяныхъ массъ.

Книга Тиндалля любопытна для ученаго глубоко-научными замѣтками и объясненіями, въ ней находящимися, въ то же время увлекательностію разсказа и общепонятностію изложенія способна приковать вниманіе всякаго любознательнаго человѣка.

[1]) «Всякій, кто знакомъ съ Монбланомъ, пойметъ какую мы сдѣлали ошибку.

впереди, сталъ высѣкать во льду ступени, широкія и глубокія, такія, которыя могли бы намъ пригодиться и при возвращеніи. Но не споркіе удары его топора обнаруживали его усталость: я взялъ у него изъ рукъ орудіе и сталъ на его мѣсто. Ступень вырубалась за ступенью, но вершина Корридора, казалось, все удалялась отъ насъ. Гирстъ былъ сзади, безъ занятій. Онъ *почувствовалъ* подъ какимъ угломъ мы поднимались; онъ видѣлъ край пропасти, до котораго можно было доскользнуть въ четверть минуты, и въ первый разъ во время этой экспедиціи у него закружилась голова. Онъ закурилъ сигару, и это его успокоило.

Я высѣкъ шестьдесятъ ступенекъ на этомъ склонѣ, и каждая ступень, по часамъ Гирста, стоила намъ минуты. Передъ нами еще возвышался Mur de la Côte, и на немъ, какъ гласили печатные гиды, иногда необходимы двѣсти, даже триста ступенекъ. Если шестьдесятъ ступенекъ отняли у насъ часъ, сколько времени потребуютъ двѣсти? Разсчетъ чрезвычайно неутѣшительный, ибо срокъ, въ который мы разсчитывали достигнуть вершины, уже прошелъ, а главныя трудности были еще впереди. Прорубивъ себѣ дорогу по твердому льду, мы достигли снѣга. Я опять принялся топтать его, чтобъ оставить надежные слѣды, и при этомъ занятіи въ первый разъ замѣтилъ сколько трачу силъ. Мысль о совершенномъ истощеніи до тѣхъ поръ не приходила мнѣ на умъ, и я нисколько не позаботился о сбереженіи своихъ силъ. Я постоянно разсчитывалъ, что *воля* вывезетъ меня, даже если мышцы откажутся, но теперь убѣдился, что человѣкъ все-таки подверженъ дѣйствію механическихъ законовъ; никакое усиліе воли, никакое могущество духа не можетъ возвысить мышечной силы далѣе извѣстнаго предѣла. Душа, конечно, можетъ возбуждать дѣятельность тѣла, но ея дѣло возбуждать и прилагать силу, но не создавать ее.

Протаптываясь впередъ по мерзлой корѣ, я былъ принужденъ останавливаться черезъ короткіе промежутки времени; затѣмъ я снова пускался въ путь, повидимому подкрѣпленный, но черезъ нѣсколько минутъ убѣждался, что силъ моихъ уже не стало, и снова принужденъ былъ отдохнуть. Такимъ образомъ достигъ я вершины Корридора; тутъ Гирстъ сталъ во главѣ шествія, и я почувствовалъ нѣкоторое облегченіе, медленно шагая позади его и пользуясь слѣдами, оставленными имъ въ снѣгу. Онъ такъ довелъ насъ до Mur de la Côte, мысль о которомъ такъ долго наводила на насъ мрачныя мысли; тутъ мы оставили за собою веревку, и во время

Вышедши изъ Гранъ-Мюле, мы слишкомъ высоко перешли черезъ ледникъ, и вообще держались слишкомъ близко къ Dôme du Goûté».

остановки, я спросилъ Симона, чувствуетъ ли онъ желаніе добраться до вершины?

— «*Bien sûr,* отвѣчалъ онъ, — *mais!* Умъ нашего проводника былъ такъ устроенъ, что *mais*, повидимому, было необходимо для его спокойствія. Я протянулъ ему руку и сказалъ:

— «Симонъ, мы должны это сдѣлать! Одно лишь обстоятельство могло помѣшать намъ: мы употребили на восхожденіе болѣе чѣмъ вдвое обычнаго времени, конецъ дня былъ недалекъ, и затянуть наше нисхожденіе до ночи было бы дѣломъ рискованнымъ.

Мы подошли къ стѣнѣ (Mur de la Côte) и нашли ее далеко не такъ затруднительною, какъ мы ожидали. Вбивая желѣзные шпеньки нашихъ сапогъ въ насѣчки, сдѣланныя топоромъ, и остріе нашихъ палокъ въ склонъ выше нашихъ ногъ, мы подвигались ровнымъ шагомъ, пока не достигли конца склона, и вершина горы ясно обрисовалась надъ нами. Мы поздравили съ этимъ другъ друга; но Симонъ, вѣроятно боясь, чтобы наша радость не вышла изъ предѣловъ, замѣтилъ: — Mais le sommet est encore bien loin! — Это — увы! — было слишкомъ справедливо. Снѣгъ опять сдѣлался мягкимъ, и наши усталыя ноги попрежнему погружались въ него. Нашъ проводникъ шелъ впереди, вслухъ выражая свои сомнѣнія въ возможности достичь вершины, и наконецъ бросился на снѣгъ, восклицая: — Il faut y renoncer! Тутъ Гирстъ взялъ на себя снова возжечь энтузіазмъ проводника, послѣ чего Симонъ всталъ, восклицая: — Ah! comme ça me fait mal aux genoux! и пошелъ впередъ. Двѣ скалы пробиваются сквозь снѣгъ, между вершиною стѣны и верхушкою горы. Первую называютъ Petits Mulets, вторую — послѣднею Скалою (Derniers Rochers). На первой мы остановились отдохнуть и покончили съ нашимъ скуднымъ запасомъ вина и съѣстнаго. Съ нами не оставалось ни капли вина, ни куска хлѣба; наши водочныя фляжки также были почти пусты, и такъ намъ приходилось рѣшиться на подъемъ до вершины и послѣдующій спускъ до Гранъ-Мюле, не имѣя въ виду ни малѣйшаго подкрѣпленія. Двѣ почти безсонныя ночи и два утомительные дня сильно клонили меня къ дремотѣ, я легъ на смѣсь снѣга и гранита, и тотчасъ заснулъ. Однако же мой другъ скоро разбудилъ меня. — Вы меня испугали, сказалъ онъ, — я нѣсколько минутъ прислушивался и ни разу не слышалъ вашего дыханія. Я въ дѣйствительности глубоко вдыхалъ горный воздухъ, но такъ тихо, что этого не было слышно.

Тутъ я наполнилъ снѣгомъ нашу пустую бутылку и положилъ ее на солнце, чтобы найдти немного воды при возвращеніи; затѣмъ мы встали: было половина третьяго. Мы уже шли въ гору болѣе двѣнадцати часовъ, и я разсчелъ, что достигнемъ ли мы вершины,

или нѣтъ, мы можемъ еще посвятить часъ на попытки. Къ прежде уже овладѣвшей нами усталости присоединилось новое явленіе — сердцебіеніе. Оно безпрестанно заставляло насъ вздрагивать и по временамъ усиливалось до того, что возбуждало опасеніе. Я счелъ число шаговъ, которое мы могли сдѣлать не отдыхая, и нашелъ, что послѣ каждыхъ двадцати, а иногда пятнадцати шаговъ, мы были принуждены остановиться. При каждой остановкѣ мое сердце стучало съ явственнымъ звукомъ, пока я опирался на свою палку, и прекращеніе этого стука было знакомъ идти впередъ. Мое дыханіе было быстро, но легко и безъ стѣсненія. Я постарался удостовѣриться, не ослабло ли берцовое сочлененіе вслѣдствіе уменьшеннаго атмосфернаго давленія, и не давитъ ли сильнѣе тѣло на окружающія связки, но не могъ убѣдиться въ этомъ. Я также обратился за утѣшеніемъ къ размышленію, старался припомнить, какіе великіе результаты достигнуты накопленіемъ малыхъ усилій, и увѣрялъ себя, что таковъ и настоящій случай, что рядъ переходовъ въ двадцать шаговъ долженъ наконецъ донести насъ до вершины. Однако вопросъ о времени долго придавалъ дѣлу сомнительный характеръ, и пока мы не перешли послѣдней скалы, мы пробирались впередъ съ строгимъ равнодушіемъ людей, исполняющихъ свой долгъ и не заботящихся о послѣдствіяхъ. Тутъ, однако же, лучъ надежды озарилъ наши души; вершина, очевидно, приближалась. Симонъ выказывалъ болѣе живости; наконецъ успѣхъ сдѣлался несомнѣннымъ, и въ половинѣ четвертаго мой товарищъ и я пожали другъ другу руки на вершинѣ....

На слѣдующій годъ Тиндаль предпринялъ новое восхожденіе на Монбланъ. Приведемъ изъ его описанія двѣ — три подробности.

Нашъ путь нѣсколько времени шелъ между красивыми трещинами съ синими стѣнами, пока наконецъ мы не достигли краевъ такой трещины, которая возбудила въ насъ иныя чувства, чѣмъ восхищеніе. Намъ слѣдовало перебраться черезъ нее. На противоположной сторонѣ былъ крутой ледяной скатъ, кончавшійся къ низу снѣговымъ навѣсомъ, почти покрывавшимъ весь провалъ, и подходившимъ почти на ярдъ къ нашему краю трещины. Бальма выступилъ впередъ со своимъ топоромъ, и попытался устроить точку опоры на навѣсѣ. Онъ осторожно ударялъ по немъ, но топоръ проходилъ сквозь снѣгъ, образуя отверстіе, въ которое была видна темнота провала. Нашъ проводникъ былъ одинъ, безъ веревки или другаго средства спасенія: онъ сбилъ снѣгъ такъ, что образовалъ изъ него родъ стремени, на которое онъ ступилъ. Но стремя обрушилось, (оно было надъ самою срединою провала), онъ же съ удивительнымъ тактомъ и хладнокровіемъ успѣлъ опереться

на столько на уступающую массу, чтобы переброситься назадъ на берегъ пропасти. Затѣмъ мы достали веревку и обвязали ее вокругъ пояса одного изъ носильщиковъ; другая ступенька была осторожно выбита въ снѣговомъ навѣсѣ, мы его переправили, при чемъ онъ посредствомъ топора уменьшалъ свой собственный вѣсъ. Онъ постепенно утвердился на крутизнѣ, и, достигши достаточной высоты, онъ высѣкъ двѣ широкія ступени, на которыхъ могъ стать безопасно. Тутъ онъ прижался грудью къ крутизнѣ, и вслѣдъ за нимъ былъ посланъ другой человѣкъ, который держался за веревку, привязанную къ первому. Такъ мы перешли всѣ, всякій по очереди перетягивая слѣдующаго на веревкѣ. Это было послѣднее наше затрудненіе и мы за тѣмъ медленно побрели сквозь снѣгъ Корридора къ Стѣнѣ (Mur de la Côte)....

Я скоро послѣдовалъ за ними (путниками). На половинѣ спуска съ Калотты я увидѣлъ, что Бальма́, шедшій сажень на сто впереди отъ меня, остановился, погрузилъ свои руки въ снѣгъ и принялся сильно тереть ихъ. Меня поразила внезапность, съ которою онъ это сдѣлалъ, но я не имѣлъ понятія о томъ что́ это значитъ: я скоро догналъ его; онъ казался испуганнымъ и продолжалъ тереть и бить себѣ руки, беспрестанно погружая ихъ въ снѣгъ. Я все еще думалъ, что это скоро пройдетъ, ибо слишкомъ довѣрялъ опытности этого человѣка, чтобы думать, что онъ могъ допустить себя до серіозной опасности. Но оно не проходило, и мнѣ пришла въ голову страшная возможность, что онъ лишится рукъ. Онъ, наконецъ, истощился отъ усилій, сталъ шататься какъ пьяный человѣкъ, и упалъ на снѣгъ. Мистеръ Уилльсъ и я взяли каждый одну изъ его рукъ и продолжали тереть и бить ее. Я боялся, что мы повредимъ ему своими ударами, но онъ все повторялъ: «N'ayez pas peur, frappez toujours, frappez fortements!» Мы такъ и дѣлали, пока мистеръ Уилльсъ не утомился и одинъ изъ носильщиковъ не заступилъ его мѣсто. Между тѣмъ Бальма̀ по временамъ щипалъ и кусалъ себѣ пальцы, чтобъ испытать ихъ состояніе; но ощущенія не было. Онъ очевидно самъ потерялъ надежду; и при видѣ его отчаянія, мною овладѣло чувство, котораго я не испытывалъ съ дѣтства: сердце мое надрывалось, и мнѣ хотѣлось плакать. Мысль, что я нѣкоторымъ образомъ буду виновенъ въ гибели его рукъ, была ужасна для меня; планы для помощи ему съ обычною быстротой мысли смѣнялись въ моей головѣ; но никакіе планы не могли возвратить ему рукъ. Наконецъ, возвращающееся ощущеніе въ одной рукѣ обнаружилось мучительною болью: «Je souffre!» восклицалъ онъ по временамъ, слова̀, которыя въ устахъ человѣка его желѣзнаго терпѣнія имѣли болѣе чѣмъ обыкновенное значеніе. Но боль была лучше омертвѣнія и была хорошимъ знакомъ въ настоящемъ

случаѣ. Мы продолжали спускаться, онъ же все теръ себѣ руки снѣгомъ и водкой, безпрестанно погружая ихъ въ массу, по которой мы шли. Въ Шамуни его пользовалъ искусный медикъ, и онъ поплатился лишь потерею шести ногтей; руки его уцѣлѣли.

С. Рачинскій.

ЗАПИСКИ РУЖЕЙНАГО ОХОТНИКА

ОРЕНБУРГСКОЙ ГУБЕРНІИ.

Лѣсъ [1].

Вся лѣсная дичь живетъ, болѣе или менѣе, въ лѣсу; нѣкоторыя же породы никогда его не покидаютъ. И такъ, я предварительно разсмотрю и опредѣлю, сколько умѣю, разность лѣсовъ и лѣсныхъ породъ.

Я сказалъ о водѣ, что она «краса природы»; почти то же можно сказать о лѣсѣ. Полная красота всякой мѣстности состоитъ именно въ соединеніи воды съ лѣсомъ. Природа такъ и поступаетъ: рѣки, рѣчки, ручьи и озера почти всегда обростаютъ лѣсомъ или кустами. Исключенія рѣдки. Въ соединеніи лѣса съ водою заключается другая, великая цѣль природы. Лѣса хранители водъ: деревья закрываютъ землю отъ палящихъ лучей лѣтняго солнца, отъ взсушительныхъ вѣтровъ; прохлада и сырость живутъ въ ихъ тѣни и не даютъ изсякнуть текучей или стоячей влагѣ. Убыль рѣкъ, въ цѣлой Россіи замѣчаемая, происходитъ, по общему мнѣнію, отъ истребленія лѣсовъ [2].

---

[1] Эта и слѣдующая статьи представляютъ примѣръ собственно описаній. Мы, наравнѣ съ другими, не считаемъ *описанія* особеннымъ родомъ сочиненій, потому что оно, — какъ основной элементъ, какъ форма, — входитъ во всякій родъ и видъ произведеній: описанія бываютъ и въ романахъ, и въ драмахъ, и въ ораторскихъ рѣчахъ, въ исторіи, вездѣ и всюду. Не считая описанія особеннымъ родомъ сочиненій, мы и не назначили для него особой рубрики. Но какъ на практикѣ почти постоянно употребляется слово «описаніе», то мы приводимъ предлагаемые два примѣра съ цѣлями чисто-педагогическими.

[2] Есть много селеній, навсегда потерявшихъ воду отъ истребленія лѣса, которыхъ нѣкогда обростали головы ихъ рѣчекъ или родниковыхъ ручьевъ. Нѣкоторыя деревни замѣнили ихъ колодцами, а нѣкоторыя переселились на другія мѣста. Я видѣлъ примѣръ, какъ значительное село, сидѣвшее на прекрасной родниковой рѣчкѣ (Большой Сююшъ), которая поднимала постоянно мукомольный поставъ, въ одинъ годъ лишилась воды. Это случилось очень просто: въ жестокую буранную зиму, крестьяне, чтобы не ѣздить далеко, вырубили на дрова березникъ

Всѣ породы деревьевъ смолистыхъ, какъ-то: сосна, ель, пихта и пр. называются *краснымъ лѣсомъ* или *краснолѣсьемъ*. Отличительное ихъ качество состоитъ въ томъ, что вмѣсто листьевъ они имѣютъ иглы, которыхъ зимою не теряютъ, а перемѣняютъ ихъ исподволь, постепенно, весною и въ началѣ лѣта; осенью же онѣ становятся полнѣе, свѣжѣе и зеленѣе; слѣдовательно встрѣчаютъ зиму во всей красѣ и силѣ. Лѣсъ, состоящій исключительно изъ одвихъ сосенъ, называется *боромъ*. Всѣ остальныя породы деревъ, теряющія свои листья осенью и возобновляющіи ихъ весною, какъ-то: дубъ, вязъ, осокорь, липа, береза, осина, ольха и другія, называются *чернымъ лѣсомъ* или *чернолѣсьемъ*. Къ нему принадлежатъ ягодныя деревья: черемуха и рябина, которыя достигаютъ иногда значительной вышины въ толщины. Къ чернолѣсью же надо причислить всѣ породы кустовъ, которыя также зимой теряютъ свои листья: калину, орѣшникъ, жимолость, волчье лыко, шиповникъ, черноталъ, обыкновенный тальникъ и проч.

Красный лѣсъ любитъ землю глинистую, иловатую, а сосна — преимущественно песчаную; на чистомъ черноземѣ встрѣчается она въ самомъ маломъ числѣ, развѣ гдѣ-нибудь по горамъ, гдѣ обнажился суглинокъ и каменный плитникъ. Я не люблю краснаго лѣса, его вѣчной однообразной и мрачной зелени, его песчаной или глинистой почвы; можетъ быть отъ того, что я съ самыхъ малыхъ лѣтъ привыкъ любоваться веселымъ, разнолиственнымъ чернолѣсьемъ въ тучнымъ черноземомъ. Въ тѣхъ уѣздахъ Оренбургской губерніи, гдѣ прожилъ я большую половину своего вѣка, сосна рѣдкость. И такъ, я стану говорить объ одномъ чернолѣсьѣ.

По большой части чернолѣсье состоитъ изъ смѣшенія разныхъ древесныхъ породъ, и это смѣшеніе особенно пріятно для глазъ; но иногда попадаются мѣста отдѣльными гривами или *колками*, гдѣ преобладаетъ какая-нибудь порода: дубъ, липа, береза или осина, растущія гораздо въ большемъ числѣ, въ сравненіи съ другими древесными породами, и достигающія объема строеваго лѣса. Когда разнородныя деревья растутъ вмѣстѣ и составляютъ одну зеленую массу, то всѣ кажутся равно хороши, но въ отдѣльности одни другимъ уступаютъ. Хороша развѣсистая, бѣлоствольная, свѣтло-зеленая, веселая береза, но еще лучше стройная, кудрявая, круглолистая, сладко-душистая во время цвѣта, не ярко, а мягко-зеленая липа, прикрывающая своими лубьями и обувающая своими

и олешникъ (ольховой лѣсъ), густо росшій около кругловидной паточины, изъ которой вытекало болѣе двадцати родниковъ, составлявшихъ рѣчку Сюютъ; весна была сухая; всѣ, обнаженныя отъ лѣсной тѣни, родники, лѣтомъ иссякли, и рѣчка пересохла. Только въ третій годъ, когда чивая ольха опять подросла, начали вновь открываться родники, и только лѣтъ черезъ десять потекла рѣчка по прежнему.

лыками православный Русскій народъ. Хорошъ и кленъ съ своими лапами-листами (какъ сказалъ Гоголь); высокъ, строенъ и красивъ бываетъ онъ, но его мало растетъ въ знакомыхъ мнѣ уѣздахъ Оренбургской губерніи, и не достигаетъ онъ тамъ своего огромнаго роста. Коренастъ, крѣпокъ, высокъ и могучъ, въ нѣсколько обхватовъ толщины у корня, бываетъ многостолѣтній дубъ, рѣдко попадающійся въ такомъ величавомъ видѣ; мелкій же дубнякъ не имѣетъ въ себѣ ничего особенно привлекательнаго: зелень его темна или тускла, вырѣзные листья, плотные и добротные, выражаютъ только признаки будущаго могущества и долголѣтія. Осина [1]) и по наружному виду и по внутреннему достоинству считается послѣднимъ изъ строевыхъ деревъ. Не замѣчаемая никѣмъ, трепетнолистная осина бываетъ красива и замѣтна только осенью: золотомъ и багрянцемъ покрываются ея рано увядающіе листья, и, ярко отличаясь отъ зелени другихъ деревъ, придаетъ она много прелести и разнообразія лѣсу во время осенняго листопада.

«Зарость» или «поросль», то-есть, молодой лѣсъ пріятенъ на взглядъ, особенно издали. Зелень его листьевъ свѣжа и весела; но въ немъ мало тѣни; онъ тонокъ и такъ бываетъ частъ, что сквозь него не пройдешь. Со временемъ большая часть посохнетъ отъ тѣсноты, и только сильнѣйшія овладѣютъ всею питательностью почвы и тогда начнутъ расти не только въ вышину, но и въ толщину.

Чернѣя издали, стоятъ высокіе, тѣнистые, старые *темны лѣса*; но подъ словомъ старый не надо разумѣть состарѣвшійся, дряхлый, лишенный листьевъ; видъ такихъ деревъ во множествѣ былъ бы очень печаленъ. Но въ природѣ все идетъ постепенно. Большой лѣсъ всегда состоитъ изъ дерева разныхъ возрастовъ; отживающія свой вѣкъ и совершенно сухія, во множествѣ другихъ, зеленыхъ и цвѣтущихъ—незамѣтны. Кое-гдѣ лежатъ по лѣсу огромные стволы, сначала высохшихъ, потомъ подгнившихъ у корня и наконецъ сломленныхъ бурею, дубовъ, липъ, березъ и осинъ [2]). При своемъ паденіи они согнули и поломали молодыя, сосѣднія деревья, которыя несмотря на свое уродство, продолжаютъ расти и зеленѣть, живописно искривясь на бокъ, протянувшись по землѣ или скорчась въ дугу. Трупы лѣсныхъ великановъ, тлѣя внутри, долго сохраняютъ наружный видъ; кора ихъ обростаетъ мохомъ и даже травою; мнѣ

---

[1]) Народъ говоритъ: «горькая осина» и употребляетъ эти слова въ бранномъ смыслѣ. Кора осины точно горька, но зайцы предпочтительно любятъ глотать молодой осинникъ.

[2]) Дубъ живетъ многія столѣтія; липа — болѣе 150 лѣтъ; береза — за сто, а осина — менѣе ста лѣтъ. Общій признакъ старости деревъ, даже при зеленыхъ, но уже рѣдкихъ листьяхъ — повисшіе книзу главные сучья; этотъ признакъ всего замѣтнѣе въ березѣ, когда ей исполнится сто лѣтъ.

нерѣдко случалось въ торопяхъ вскочить на такой древесный трупъ— и провалиться ногами до земли сквозь его внутренность: облако гнилой пыли, похожей на пыль сухаго дождевика, обхватывало меня на нѣсколько секундъ... Но это нисколько не нарушаетъ общей красоты зеленаго, могучаго лѣснаго царства, свободно растущаго въ свѣжести, сумракѣ и тишинѣ. Отраденъ видъ густаго лѣса въ знойный полдень, освѣжителенъ его чистый воздухъ, успокоительна его внутренняя тишина и пріятенъ шелестъ листьевъ, когда вѣтеръ порой пробѣгаетъ по его вершинамъ! Его мракъ имѣетъ что-то таинственное, неизвѣстное; голосъ звѣря, птицы и человѣка измѣняются въ лѣсу, звучатъ другими странными звуками. Это какой-то особый міръ, и народная фантазія населяетъ его сверхъестественными существами: *«лѣшими»* и *«лѣсными дѣвками»*, такъ же какъ и рѣчные и озерные омута—*«водяными чертовками»*; но жутко въ большомъ лѣсу во время бури, хотя внизу и тихо; деревья скрипятъ и стонутъ, сучья трещатъ и ломаются. Невольный страхъ нападаетъ на душу и заставляетъ человѣка бѣжать на открытое мѣсто.

На вѣтвяхъ деревъ, въ чащѣ зеленыхъ листьевъ и вообще въ лѣсу, живутъ пестрыя, красивыя, разноголосыя, безконечно-разнообразныя породы птицъ: токуютъ глухіе и простые тетерева; пищатъ рябчики; хрипятъ на тягахъ вальдшнепы; воркуютъ, каждая по своему, всѣ породы дикихъ голубей; взвизгиваютъ и чокаютъ дрозды; заунывно, мелодически перекликаются иволги [1]; стонутъ рябыя кукушки; постукиваютъ, долбя деревья, разноперые дятлы; трубятъ желны, трещатъ сойки, свиристели, лѣсные жаворонки, дубоноски [2], и все многочисленное, крылатое, мелкое пѣвчее племя наполняетъ воздухъ разными голосами и оживляетъ тишину лѣсовъ; на сучьяхъ и въ дуплахъ деревъ птицы вьютъ свои гнѣзда, кладутъ яйца и выводятъ дѣтей; для той же цѣли поселяются въ дуплахъ куницы и бѣлки, враждебныя птицамъ и шумные рои дикихъ пчелъ [3].

---

[1]) Иволги еще имѣютъ другой противоположный крикъ или визгъ, пронзительный и непріятный для слуха. Находя въ этихъ звукахъ сходство съ отвратительнымъ крикомъ грызущихся кошекъ, народъ называетъ иволгу «дикою кошкой».

[2]) Едва ли здѣсь не обмолвка поэта: по крайней мѣрѣ подъ Москвою, да очень вѣроятно и въ Оренбургской губ., свиристель, лѣсной жаворонокъ и дубоносъ не могутъ встрѣтиться вмѣстѣ, потому-что дубоносъ здѣсь только веснуетъ, лѣсной жаворонокъ только лѣтуетъ, а свиристель только зимуетъ; притомъ же свиристель и дубоносъ не поютъ. *К. Рулье.*

[3]) Дуплястое дерево, занимаемое пчелами, называется *«борть»*. Замѣтивъ отверстіе, въ которое лазятъ пчелы, его выдалбливаютъ и обдѣлываютъ *должеями*, чтобъ можно было вынимать ихъ и свободно доставать соты душистаго зеленаго меда, извѣстнаго подъ именемъ «липца». Бортевые промыслы въ Оренбургской губерніи были прежде весьма значительны, но умножившееся народонаселеніе и невѣжественная жадность при доставаньи меда, который нерѣдко вынимаютъ весь,

Травъ и цвѣтовъ мало въ большомъ лѣсу; густая, постоянная тѣнь неблагопріятна растительности, которой необходимы свѣтъ и теплота солнечныхъ лучей; чаще другихъ виднѣются зубчатый папоротникъ, плотные и зеленые листья ландыша, высокіе стебли отцвѣтшаго лѣснаго левкоя, да краснѣетъ кучками зрѣлая костяника; сырой запахъ грибовъ носится въ воздухѣ, но всѣхъ слышнѣе острый и, по моему, очень пріятный запахъ груздей, потому что они родятся семьями, *гнѣздами*, и любятъ *моститься* (какъ говорятъ въ народѣ) въ мелкомъ папоротникѣ, подъ согнивающими прошлогодними листьями.

Въ такомъ чернолѣсьѣ живутъ, болѣе или менѣе постоянно, медвѣди, волки, зайцы, куницы и бѣлки [1]. Между бѣлками попадаются очень бѣлесоватыя, почти бѣлыя, называемыя почему-то *«горлянками»* и *«бѣлки-летяги»* [2]); послѣднія имѣютъ съ обѣихъ сторонъ, между переднею и заднею лапкою, кожаную тонкую перепонку, которая, растягиваясь, помогаетъ имъ прыгать съ дерева на дерево, на весьма большое разстояніе. Во время такого прыжка, похожаго на полетъ, я убилъ однажды летягу на воздухѣ, и вышло, что я застрѣлилъ *звѣря въ летъ*. Хищныя птицы также въ лѣсахъ выводятъ дѣтей, устроивая гнѣзда на главныхъ сучьяхъ и самаго древеснаго ствола: большіе и малые ястреба, луни, бѣлохвостики, кобчики и другія. Въ густой тѣни лѣсныхъ трущобъ таятся и плодятся совы, сычи и длинноухіе филины, плачевный, странный, дикій крикъ которыхъ, въ ночное время, испугаетъ и непугливаго человѣка, запоздавшаго въ лѣсу. Что же мудренаго, что народъ считаетъ эти крики *ауканьемъ* или *хохотомъ* лѣшаго?

Если случится ѣхать лѣсистой дорогою, черезъ зеленые перелѣски и душистыя поляны, только-что выѣдешь на нихъ, какъ является въ вышинѣ копчикъ, о которомъ я сейчасъ упомянулъ. Если онъ имѣетъ гнѣздо не подалеку, то обыкновенно сопровождаетъ всякаго проѣзжаго, даже прохожаго, плавая надъ нимъ широкими, смѣлыми кругами въ высотѣ небесной. Онъ сторожитъ изумительно воркими своими глазами: но вылетитъ-ли какая-нибудь маленькая птичка изъ-подъ ногъ лошади или человѣка. Съ быстротою молніи нападаетъ изъ-поднебесья на вспорхнувшуюся пташку, и если она

не оставляя запаса на зиму — губятъ дикихъ пчелъ, которыхъ и безъ того истребляютъ медвѣди, большіе охотники до меда, нѣкоторыя породы птицъ и жестокость зимнихъ морозовъ.

[1]) Въ нѣкоторыхъ, болѣе лѣсныхъ уѣздахъ Оренбургской губерніи, гдѣ растутъ породы и смолистыхъ деревъ, водятся олени, рыси и россомахи; въ гористыхъ мѣстахъ — дикія козы, а въ камышахъ и камышистыхъ уренахъ по Уралу — кабаны.

[2]) Совершенно отдѣльный родъ звѣрька — волетуха, встрѣчается въ Подмосковныхъ губерніяхъ, и еще недавно жилъ въ Московской. *К. Р.*

не успѣетъ упасть въ траву, спрятаться въ листьяхъ дерева или куста, то копчикъ вонзитъ въ нее острые когти и унесетъ въ гнѣздо къ своимъ дѣтямъ. Если же не удастся схватить добычу, то онъ взмоетъ вверхъ крутой дугою, опять сдѣлаетъ *ставку* и опять упадетъ внизъ, если снова подымется таже птичка, или будетъ испугана другая. Копчикъ бьетъ сверху, черкаетъ какъ соколъ, на котораго совершенно похожъ. Иногда случается, что отъ большихъ дѣтей вылетаютъ на ловлю оба копчика, самка и чегликъ, и тогда они могутъ позабавить всякаго зрителя и веохотника. Нельзя безъ пріятнаго удивленія и не невольнаго участія смотрѣть на быстроту, легкость и ловкость этой небольшой красивой хищной птицы. Странно, но самому жалостному человѣку какъ-то не жаль бѣдныхъ птичекъ, которыхъ онъ ловитъ! Такъ хорошъ, изященъ, увлекателенъ процессъ этой ловли, что непремѣнно желаешь успѣха ловцу. Если одному копчику удастся поймать птичку, то онъ сейчасъ уноситъ добычу къ дѣтямъ, а другой остается и продолжаетъ плавать надъ человѣкомъ, ожидая и себѣ поживы. Случается и то, что оба копчика, почти въ одно время поймаютъ по птичкѣ и улетятъ съ ними; но черезъ минуту одинъ непремѣнно явится къ человѣку опять. Копчикъ загадочная птица: на волѣ ловитъ чудесно, а ручной ничего не ловитъ. Я много разъ пробовалъ *вынашивать* копчиковъ (тоже, что дрессировать собаку) и гнѣздарей и слетковъ; выносить ихъ весьма легко; въ три, четыре дня онъ привыкнетъ совершенно, и будетъ ходить на руку, даже безъ *вабила* (кусокъ мяса); стоитъ только свиснуть, да махнуть рукой, стоитъ копчику только завидѣть охотника и заслышать его свистъ — онъ уже на рукѣ, и если охотникъ не протянетъ руки, то копчикъ сядетъ на его плечо или голову, — живой же птички никакой не беретъ. Эта особенность его извѣстна всѣмъ охотникамъ; но я не вѣрилъ, пока многими опытами не убѣдился, что это совершенная правда [1]). Потерявъ всякую надежду, чтобъ копчикъ сталъ ловить, я обыкновенно выпускалъ его на волю, и долго видѣли его летающаго около дома и слышали жалобный пискъ, означающій, что онъ голоденъ. Получалъ ли копчикъ прежнюю способность ловить на волѣ, или умиралъ съ голоду, — не знаю.

Лѣсъ и кусты, растущіе около рѣкъ по такимъ мѣстамъ, которыя заливаются полою водою, называются уремою [2]). Уремы бы-

---

[1]) И все-таки это неправда! Изъ «Книги Сокольничья пути» очевидно, что копчиками травили: и такъ мы не умѣемъ ихъ только вынашивать.

Поздн. прим. сочинителя.

[2]) Отсюда конечно происходитъ названіе Ремеза, особеннаго вида синицы, живущаго по уремамъ, и столь извѣстнаго въ народѣ своимъ кошелеобразнымъ гнѣздомъ. *Р. К.*

ваютъ различны: по большимъ рѣкамъ и рѣкамъ средней величины, берега которыхъ всегда песчаны, урема состоитъ предпочтительно изъ вяза, осокоря, ракиты или ветлы и нарѣдка изъ дуба, достигающихъ огромнаго роста и объема; черемуха, рябина, орѣшникъ и крупный шиповникъ почти всегда имъ сопутствуютъ, разливая кругомъ, во время весенняго цвѣтенія, сильный ароматическій запахъ. Вязъ не такъ высокъ, но толстый, свилеватый пень его бываетъ въ окружности до трехъ саженъ; онъ живописно-раскидистъ и прекрасна не яркая, густая зелень овальныхъ, какъ будто тисненыхъ его листьевъ. За то осокорь достигаетъ исполинской вышины; онъ величавъ, строенъ и многолиственъ: его блѣдно-зеленые листья похожи на листья осины и также легко колеблются на длинныхъ стебелькахъ своихъ при малѣйшемъ, незамѣтномъ движеніи воздуха. Его толстая и, въ то же время, легкая, мягкая, красная внутри кора идетъ на разныя мелочныя подѣлки, всего болѣе на поплавки къ рыболовнымъ сѣтямъ, неводамъ и удочкамъ. Такія уремы не бываютъ густы, имѣютъ много глубокихъ заливныхъ озеръ, богатыхъ всякою рыбою и водяною дичью. Вездѣ по берегамъ рѣкъ и озеръ, по песчанымъ пригоркамъ и косогорамъ, предпочтительно передъ другими лѣсными ягодами, растетъ въ изобиліи *ежевика* (въ нѣкоторыхъ губерніяхъ ее зовутъ *«куманикой»*), цѣпляясь за все своими гибкими, ползучими, слегка колючими вѣтками; съ весны зелень ея убрана маленькими бѣлыми цвѣточками, а осенью — черно-голубыми или сизыми ягодами превосходнаго вкуса, похожими наружнымъ образованьемъ и величиною на крупную малину. Хороша такая урема; огромныя деревья любятъ просторъ, растутъ не часто, подъ ними и около нихъ по размѣру тѣни, нѣтъ молодыхъ древесныхъ побѣговъ, и потому вся на виду величавая красота ихъ.

Уремы другаго рода образуются по рѣкамъ, которыхъ нельзя причислить къ рѣкамъ средней величины, потому что они гораздо меньше, но въ то же время быстры и многоводны; по рѣкамъ, протекающимъ не въ безплодныхъ, песчаныхъ, а въ зеленыхъ и цвѣтущихъ берегахъ, по черноземному грунту: тамъ рѣдко встрѣтишь вязъ, дубъ и осокорь, тамъ растетъ березникъ, осинникъ и ольха [1]; тамъ, кромѣ черемухи и рябины, много всякихъ кустовъ: калины, жимолости, боярышника, тальника, смородины и другихъ. Эти-то уремы особенно мнѣ нравятся. Многія деревья, и предпочтительно таловые кусты, пронизаны, протканы и живописно обвиты до самаго

[1] Ольха самое чивое къ росту дерево; она любитъ почву сырую и обыкновенно густо растетъ по берегамъ небольшихъ рѣчекъ и ручьевъ. Если же грунтъ болотистъ, то покрываетъ и горностые скаты. Ольха достигаетъ довольно большаго роста и толщины, но дерево ея мягко, хрупко и непрочно; однако столяры употребляютъ его, распиливъ на филенги, для обклейки разной мебели.

верха цѣпкими побѣгами дикаго хмѣля и обвѣшаны, сначала, его зелеными листьями, похожими на виноградные листья, а потомъ полевыми, золотыми шишками, похожими на виноградныя кисти, внутри которыхъ таятся мелкія, круглыя, горькія на вкусъ *хмѣльныя* сѣмена. Множество соловьевъ, варакушекъ и всякихъ пѣвчихъ птичекъ живетъ въ зеленыхъ, густорастущихъ кустахъ такой уремы. Соловьи заглушаютъ всѣхъ. День и ночь не умолкаютъ ихъ свисты и раскаты. Садится солнце и *ночники* смѣняютъ до утра усталыхъ девныхъ соловьевъ. Только тамъ, при легкомъ шумѣ бѣгущей рѣки, посреди цвѣтущихъ и зеленѣющихъ деревьевъ и кустовъ, теплóмъ и благовоніемъ дышущей ночи, имѣютъ полный смыслъ и обаятельную силу соловьиныя пѣсни... но они болѣзненно дѣйствуютъ на душу, когда слышишь ихъ на улицѣ, въ пыли и шумѣ экипажей, или въ душной комнатѣ, въ говорѣ людскихъ рѣчей.

По небольшимъ рѣкамъ и рѣчкамъ, особенно по низменной и болотистой почвѣ, уремы состоятъ изъ одной ольхи и таловыхъ кустовъ, по большей части сквозь проросшихъ мелкимъ камышемъ. Изрѣдка кое-гдѣ торчатъ кривобокія березы, которыя не боятся мокрыхъ мѣстъ, равно какъ и сухихъ. Такія уремы бываютъ особенно густы, часты и болотисты; иногда имѣютъ довольно маленькихъ озерковъ и представляютъ полное удобство къ выводу дѣтей для всей болотной и водяной дичи; всякіе звѣри и звѣрьки находятъ въ нихъ также безопасное убѣжище [1]).

И этотъ лѣсъ, такъ поверхностно, недостаточно много описанный, эту красу земли, прохладу въ зной, жилище звѣрей и птицъ, лѣсъ, изъ котораго мы строимъ дома и которымъ грѣемся въ долгія, жестокія зимы, — не бережемъ мы въ высочайшей степени. Мы богаты лѣсами, но богатство вводитъ насъ въ мотовство, а съ нимъ недалеко до бѣдности: срубить дерево безъ всякой причины, у насъ ничего не значитъ. Положимъ, что въ настоящихъ лѣсныхъ губерніяхъ, при всемъ старанія не такъ многочисленнаго ихъ населенія, лѣса не выведутъ; но во многихъ другихъ мѣстахъ, гдѣ нѣкогда расли лѣса, остались голыя степи, и солома замѣнила дрова. То же можетъ случиться и въ Оренбургской губерніи. Не говорю о томъ, что крестьяне вообще поступаютъ безжалостно съ лѣсомъ, что вмѣсто валежника и бурелома, безполезно тлѣющаго, за которымъ надо похлопотать, потому что онъ толстъ и тяжелъ, — крестьяне обыкновенно рубятъ на дрова молодой лѣсъ; — что у старыхъ деревъ

[1]) Въ Оренбургской губерніи урему, поросшую разными мелкими кустиками, постоянно заливаемую, *занимаемую* весной полою водою, называютъ иногда *займищемъ;* а урему, состоящую исключительно изъ однихъ таловыхъ кустовъ, плотно растущихъ — *талы.*

обрубаютъ на топливо одни сучья и вершину, а голые стволы оставляютъ сохнуть и гнить; что косятъ траву или пасутъ стада, безъ всякой необходимости, тамъ, гдѣ пошли молодые, лѣсные побѣги и даже заросли. Все это еще не въ такой степени губительно, какъ *выварка* поташа и сидѣніе или *сидка* дегтя: для поташа пережигаютъ въ золу преимущественно ильму, липу и вязъ, не щадя впрочемъ и другихъ древесныхъ породъ; а для дегтя снимаютъ березку, то-есть, верхнюю кожу березы. Хотя эта съемка, сначала кажется не такъ губительною, потому что береза гибнетъ не вдругъ, а снятая осторожно, лѣтъ черезъ десять, наращаетъ новую кожу, которую снимаютъ вторично; но станутъ ли наемные работники осторожно *бить бересту*, то-есть, снимать съ березы кожу? и притомъ ни одна, съ величайшею осторожностью *снятая* береза не достигаетъ уже полнаго развитія: она хилѣетъ, постепенно умираетъ, не доживъ своего вѣка.

Изъ всего растительнаго царства, дерево болѣе другихъ представляетъ видимыхъ явленій органической жизни и болѣе возбуждаетъ участія. Его огромный объемъ, его медленное возрастаніе, его долголѣтіе, крѣпость и прочность древеснаго ствола, питательная сила его корней, всегда готовыхъ къ возрожденію погибающихъ сучьевъ и къ молодымъ побѣгамъ отъ погибшаго уже пня, и наконецъ многосторонняя польза и красота его должны бы, кажется, внушить уваженіе и пощаду... но топоръ и пила промышленника не знаютъ ихъ, а временныя выгоды увлекаютъ и самихъ владѣльцевъ... Я никогда не могъ равнодушно видѣть не только вырубленной рощи, но даже паденія одного большаго подрубленнаго дерева; въ этомъ паденіи есть что-то невыразимо-грустное: сначала звонкіе удары топора производятъ только легкое сотрясеніе въ древесномъ стволѣ; оно становится сильнѣе съ каждымъ ударомъ и переходитъ въ общее содроганіе каждой вѣтки и каждаго листа; какъ только топоръ прохватываетъ до сердцевины, звуки становятся глуше, больнѣе... еще ударъ, послѣдній: дерево осядетъ, надломится, затрещитъ, зашумитъ вершиною, какъ будто задумается куда упасть и наконецъ начнетъ склоняться на одну сторону, сначала медленно, тихо, и потомъ, съ возрастающей быстротою, и шумомъ, подобнымъ шуму сильнаго вѣтра, рухнетъ на землю!.. Многіе десятки лѣтъ достигало оно полной силы и красоты, и въ нѣсколько минутъ гибнетъ, нерѣдко отъ пустой прихоти человѣка!

С. Аксаковъ.

ЗАВОЛЖСКІЕ ОЧЕРКИ.

Лѣсной пожаръ.

Засоренныя лѣсныя рѣки не допускаютъ сплава изъ такихъ мѣстъ, гдѣ деревья или гибнутъ отъ пожаровъ, или сгниваютъ на корню, не только не доставляя никакой пользы, но заваливая лѣса, и чрезъ то дѣлая ихъ неприступными для тушащихъ во время лѣсныхъ пожаровъ, которые наводятъ ужасъ на людей и животныхъ неукротимою своею яростью, питаемою этими сухими матеріалами, никѣмъ не убираемыми.

На мой пай досталось не разъ быть свидѣтелемъ и дѣйствующимъ лицемъ въ этой ужасающей драмѣ, и я, живя на одномъ изъ множества оазисовъ [1]), разбросанныхъ среди огромныхъ лѣсовъ, усылалъ иногда семью свою верстъ за 20 въ степное прибрежье Ветлуги, при приближеніи этого страшнаго бѣдствія, о которомъ публика въ городахъ разговариваетъ съ нестерпимымъ для меня равнодушіемъ. Но если бъ волшебствомъ какимъ перенести эту равнодушную публику, со всѣмъ ея имуществомъ, изъ-за преферанса или другаго развлеченія, въ сосѣдство огромнаго лѣснаго пожара, на небольшой оазисъ около ста десятинъ открытой мѣстности, окруженной неисходными лѣсами, объятыми пламенемъ, которое стремится охватить со всѣхъ сторонъ этотъ оазисъ и, такъ сказать, задушить въ дыму, испечь живьемъ все живущее, сжечь домы, хлѣбъ и все имущество несчастныхъ, у коихъ тутъ же сгараютъ даже всѣ надежды на пропитаніе; то я послушалъ бы потомъ, какъ эта проученная публика, прокопченая насквозь, съ выкуренными глазами, опаленною одеждой и потерявъ все состояніе, стала бы разсказывать равнодушнымъ слушателямъ о драмѣ, въ которой она была участницею!? Мнѣ горько и забавно слышать въ городѣ, какъ разсуждаютъ фешьонебельные люди со свѣтскими дамами, о духотѣ и тяжести воздуха, съ досадой говоря, что это отъ несноснаго лѣснаго пожара!.. Какъ будто лѣсной пожаръ точно такое же неудобство, какъ случайно открытый душникъ, изъ котораго пахнуло дымомъ; тогда какъ эта адская драма раззоряетъ иногда на многіе десятки лѣтъ, многіе десятки тысячъ народу и уничтожаетъ растительность и тучность почвы для многихъ поколѣній! Правду сказать — въ смѣси людей, домашнихъ животныхъ, медвѣдей и волковъ, въ ужасѣ сталкивающихся иногда въ одну общую груду на этихъ маленькихъ

[1]) Лѣсныя деревни съ полями своими разбросаны въ необъятныхъ лѣсахъ нашихъ совершенно также, какъ оазисы въ необъятныхъ степяхъ.

оазисахъ, окруженныхъ пламенемъ, — гдѣ все дышащее склоняется надъ водою, чтобъ освѣжать дыханіе влажными испареніями, промачивать горло и промывать глаза, разъѣденные дымомъ; гдѣ пламя врывается нерѣдко въ средину поля огненными волнами, пожирая хлѣбъ на корню — недостаетъ только *львовъ* и *львицъ*, чтобъ составилась полная группа, достойная кисти художника!.. Многіе лѣсные пожары, при всей обширности своей, не производили на меня значительнаго впечатлѣнія, ибо случились въ тихое, безвѣтреное время, не слишкомъ въ большую засуху, проходя лѣсомъ довольно чистымъ и рѣдкимъ, гдѣ по близости деревень снѣжій валежникъ подбирали на продажу, на топку овиновъ и печей, на вигороди и заборы дворовъ. При этихъ условіяхъ, пожаръ идетъ низомъ и медленно, да и при вѣтрѣ, когда идетъ верхомъ, но безъ значительной засухи и по чистому, рѣдкому лѣсу, не загроможденному валежникомъ, видъ его не имѣетъ ничего слишкомъ поразительнаго; но для объясненія публикѣ того ужаснаго впечатлѣнія, которое иногда производитъ онъ, разскажу о пожарѣ, бывшемъ при мнѣ въ страшную засуху, когда въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, въ іюльскіе жары, бури и грозы проходили безъ капли дождя, и когда всѣ ищины, рѣчные наволоки, поемники и даже топкія болота обратились въ какой-то пепелъ, покрытый сгорѣвшею травой, а лѣсной мохъ хрустѣлъ подъ ногами.

Надо замѣтить, что самая деревня, въ которой живу я, и еще шесть, принадлежащихъ женѣ моей, разбросаны, какъ я уже говорилъ, небольшими оазисами въ невсходныхъ лѣсахъ, смежныхъ съ Макарьевскими и Семеновскими, гдѣ на каждую десятину открытой, пашенской или луговой мѣстности, вѣроятно, придется около сотни десятинъ лѣсовъ господскихъ и казенныхъ, и гдѣ при самой большой изъ деревень не болѣе двухъ сотъ десятинъ полей, расположенныхъ, какъ обыкновенно въ лѣсныхъ мѣстностяхъ, съ одной стороны деревни, всегда примыкающей другою стороною къ лѣсу, отстоящему отъ крестьянскихъ дворовъ и гуменъ не далѣе 50 или 100 саженъ. Я былъ захваченъ пожаромъ въ жары, при страшной сухости грунта въ лѣсахъ и болотахъ, и уславъ немедленно семью, какъ говорилъ уже, верстъ за 20, въ степное прибрежье Ветлуги, былъ свидѣтелемъ того страшнаго пожара, который намѣренъ описать публикѣ, чтобъ дать ей приблизительное понятіе о драмѣ, разыгрывающейся въ то время, когда ей достается испытывать въ городахъ своихъ непріятный запахъ дыма, духоту въ воздухѣ, нѣкоторый мракъ, застилающій солнечные лучи, и когда самое солнце кажется какимъ-то красно-багровымъ шаромъ, а не блестящимъ свѣтиломъ, на которое въ другое время нельзя взглянуть безнаказанно.

Пожаръ пришелъ къ намъ изъ сосѣднихъ лѣсовъ, объятыхъ имъ

на сотню верстъ в приближался ломаными линіями и остроугольниками. Двѣнадцать тысячъ десятинъ лѣсу, на которыхъ разсѣяны сказанныя деревни, попались въ средину, между двухъ огромныхъ остроугольниковъ приближавшагося пожара и охваченныя съ трехъ сторонъ напирающимъ пламенемъ, которое угрожало совершеннымъ разореніемъ семи деревнямъ нашимъ, и потому мнѣ надлежало отстаивать: собственный лѣсъ жены моей съ братьями, семь деревень со всѣмъ ихъ имуществомъ и усадьбу нашу, безпрерывно осыпаемыя пламенными *галками* [1]), разносимыми бурей.

Кромѣ собственныхъ крестьянъ, ко мнѣ явилась не одна тысяча работниковъ изъ чрезполоснаго имѣнія братьевъ жены моей и наконецъ, по требованію моему, высланныхъ становымъ приставомъ изъ чужихъ дачъ.

Уже бани нѣкоторыхъ деревень сгорѣли, и пожаръ нерѣдко врывался въ хлѣбныя поля, истребляя все на пути своемъ. Хотя крестьяне и вывезли имущества на паровыя поля и наскоро закидали землею, но безпрестанно осыпаемое падающими съ неба пламенными лапами хвойныхъ деревъ, имущество это нисколько не считалось въ безопасности и караульные, сидя по очереди на кровляхъ домовъ и дворовъ, безпрерывно ожидали деревенскихъ пожаровъ, ибо зной дѣлался нестерпимъ на возвышенностяхъ и заставлялъ всѣхъ оставлять посты свои и искать освѣженія около неизсякшихъ еще рѣчушекъ, при которыхъ расположена большая часть деревень.

Опишу какъ самый пожаръ, такъ и средства тушенія, употребляемыя опытными лѣсниками, если только есть какая-либо надежда отстоять лѣсъ и нашлись свободныя руки, кромѣ занятыхъ спасеніемъ деревень и имуществъ.

Но прежде чѣмъ приступимъ къ этому описанію, я долженъ сознаться, что одаренъ натурой воспріимчивой и чувствительной до слезливости, такъ что хорошій стихъ, задушевный разсказъ, несчастіе птички въ баснѣ Крылова, или разорванное платье пастора, какъ описалъ его Щокке, могутъ надорвать меня плачемъ; а въ хорошей драмѣ, при эстетическомъ исполненіи, я просто неблагопристоенъ, и въ одной только Одесской оперѣ, въ кругу Итальянцевъ, считалъ себя въ безопасности отъ насмѣшекъ, ибо тамъ сочувствіе бываетъ иногда даже опасно сосѣдямъ, которыхъ истинный сынъ прекраснаго полуострова трясетъ за одежду, обнимаетъ и чуть не душитъ въ своемъ энтузіазмѣ, съ плачемъ, жестами и возгласами, для многихъ забавными или досадными и неприличными, но для меня совершенно нормальными!...

Вотъ почему взглядъ мой на лѣсной пожаръ (особенно въ тог-

[1]) Головни.

дашнихъ моихъ обстоятельствахъ) инымъ покажется преувеличеннымъ или поэтизированнымъ, даже, можетъ быть, надутымъ и напыщеннымъ; но вѣдь у всякаго свой взглядъ на вещи!

Я буду описывать *подъ тогдашнимъ моимъ впечатлѣніемъ, при всеобщемъ отчаяніи;* а читатель соображай какъ хочешь!

И такъ при тушеніи лѣсныхъ пожаровъ я обыкновенно употреблялъ средство встрѣчнаго огня, которое, къ сожалѣнію, не всегда допускается въ не господскихъ лѣсахъ, почему тушеніе ихъ и бываетъ большею частію неудачно, развѣ тихая погода, широкая рѣка или сильный дождь помогутъ тушащимъ. Встрѣчный огонь пускается вотъ какъ:

Собираютъ по возможности такое количество людей, какое можно собрать, не разбирая пола и возраста (разумѣется не ребятишекъ), и ведутъ всю эту ватагу на встрѣчу лѣсному пожару по всему его протяженію.

Выборные люди, лучше другихъ знающіе мѣстность или опытнѣйшіе въ пожарныхъ случаяхъ, рѣшаютъ, по направленію и обширности огня, отъ какихъ мѣстъ слѣдуетъ пустить встрѣчный огонь, чтобъ остановить ярость напирающей по вѣтру грозной стихіи, сплошнымъ пламенемъ пожирающей на пути своемъ весь сухой верескъ, валежникъ отъ вѣтроломовъ и разныхъ лѣсныхъ промысловъ, сухой мохъ, торфъ, стоячія сухары и самые сучья свѣжихъ деревьевъ, по которымъ взлетая, какъ и степный Змѣй Горынычь, съ быстротою неимовѣрною, чему способствуетъ раскаленная атмосфера, предшествующая пожару и изсушающая хвою и листья зеленыхъ деревьевъ отъ макушки до половины дерева, гораздо прежде чѣмъ пламя подступитъ подъ пни корчащихся, трещащихъ и обливающихся смолою сучьевъ.

Хрускъ, трескъ, шипѣнье, свистъ и визгъ, предшествующіе пожару, далеко возвѣщаютъ о немъ, и при грозѣ, въ сухіе газы, жаркимъ днемъ, въ густомъ чапыжникѣ иль на бору, заваленномъ валежникомъ, видъ обширнаго лѣснаго пожара бываетъ поразительно-величественъ!

Прибавьте къ этому вой урагана, завыванье волковъ и другихъ звѣрей, спасающихся отъ гибели, раскаты грома, блескъ молніи, озаряющей мглу небесную; стонъ падающихъ исполиновъ, пламенными радіусами разсѣкающихъ воздухъ; дымъ, клубящійся мглистыми, багряно-синими, крово-красными волнами; кипучіе и пылающіе смольные фонтаны, тончайшими струйками бьющіе изъ каждаго излома лопнувшей коры огромныхъ хвойныхъ мачтовниковъ; пожираемыя пламенемъ, громадныя ребра необъятныхъ костровъ (вѣтроломовъ по нашему), нагроможденныхъ въ хаотическомъ безпорядкѣ исполинскими грудами въ десятокъ и болѣе сажень выши-

ною, въ нѣсколько десятковъ верстъ протяженія и въ сотню саженъ поперечника. Эти страшные костры покуда еще не обхвачены пламенемъ, имѣютъ видъ отвратительныхъ остововъ до-потопныхъ пресмыкающихся [1]), въ непрерывной вереницѣ переплетенныхъ громадными, полуистлѣвшими, грязнобѣлыми костями своими, съ которыхъ отгнившая шкура гнусными лохмотьями виситъ и качается по волѣ вѣтра. И не въ пожарахъ костры эти могутъ привести ночнаго путника въ содроганіе, представляя нерѣдко самые фантастическіе образы фосфорическимъ свѣтомъ своимъ, но въ это время они просто ужасны!..

Ночью отъ росы и затишья, пожаръ обыкновенно стихаетъ и этимъ временемъ надо пользоваться, если днемъ была неудача, и приступать снова къ странному, для небывалыхъ, средству тушенія, что называется *клинъ клиномъ* выгонять.

Разставивъ народъ вдоль избранныхъ направленій, при чемъ, по возможности, пользуются дорогами, проселками, мочажинами [2]), ручьями и тому подобнымъ — всѣ, отъ мала до велика начинаютъ сбивать матыгами и заступами зернъ, по сказаннымъ направленіямъ, и стараются образовать канавку или вѣрнѣе лунку шириною около аршина, и отъ самой лунки начинаютъ зажигать сухой мохъ и подготовленные небольшіе костры сухихъ лапъ, шишекъ и проч.

Однимъ словомъ, стараются искусственно поджечь всю линію, обойденную лункой и идущую вдоль дорогъ и всего выше сказаннаго. Зажигаемый искусственный пожаръ, ненаходя горючихъ матеріаловъ по протяженію лунки, дорогъ и проч., и не имѣя достаточной силы, при ползучемъ, въ началѣ, огонькѣ своемъ, перебросить пламя по вѣтру, чрезъ канавку, оберегаемую всѣми рабочими, немедленно тушащими непріязненныя попытки его (для чего каждый рабочій имѣетъ въ рукахъ метелку изъ свѣже-нарубленныхъ, длинныхъ березокъ), ширится противъ вѣтра и ползетъ на встрѣчу коренному пожару — и такимъ образомъ отжигаетъ все пройденное пространство, такъ что наземные матеріалы уже не могутъ питать ярость кореннаго пожара, но по мѣрѣ расширенія своего и согрѣванія атмосферы, искусственный огонь становится сильнѣе и сильнѣе; пройдя нѣсколько десятковъ саженъ въ ширину по всей отжигаемой линіи, онъ самъ уже дѣлается *пожаромъ*, а не искусственнымъ огонькомъ и стремится все быстрѣе и быстрѣе на встрѣчу противнику, несмотря на противодѣйствіе вѣтра, которымъ лишь опредѣляется направленіе отрываемыхъ, горящихъ лапъ и путь кореннаго пожара, идущаго по свѣжимъ, не отожженнымъ мѣстамъ, но не

---

[1]) Какъ описываютъ натуралисты ящеровъ саженъ въ сорокъ длиною.

[2]) Мокрыя, сырыя мѣста.

можетъ помѣшать медленному расширенію пламени, ползущаго съ травки на травку и только замедляемаго имъ въ наступательномъ дѣйствіи.

Наконецъ искусственный пожаръ вступаетъ въ палящую, огнедышащую атмосферу гонимаго вѣтромъ настоящаго пожара и яростно бросается на встрѣчу ему; бой по всей линіи оглашаетъ окрестность, по мѣрѣ смѣшенія противныхъ силъ. Эти мгновенія бываютъ торжественны!... Тутъ чудятся и артиллерійскіе залпы, и взрывы, и пламенные зубчатые строи лѣсныхъ великановъ, напирающіе другъ на друга и борющіеся всѣми, крутимыми жаромъ, переплетенными своими вѣтвями!... Однимъ словомъ — картина величественная, поразительная для глазъ и для слуха!... Пламя вздымается стѣна на стѣну и, при страшныхъ порывахъ, проявляетъ мгновенно исчезающіе смерчи или столпы клубящагося пламени, винтообразно взвивающагося къ небу, и послѣ этой общей схватки, гдѣ рухнулъ не одинъ величавый титанъ, презиравшій ярость всѣхъ ураганoвъ, все затихаетъ; пламя садится, и смрадъ, не сжигаемый имъ, покрываетъ окрестность, чадитъ, выкуриваетъ глаза и стелется низомъ во мракѣ: одни необъятныя груды вѣтроломныхъ костровъ долго пламенѣютъ еще въ смрадномъ чаду, и отъ времени до времени садясь и рушась, извергаютъ милліоны искръ, исполинскими, фейерверочными снопами разсыпающихся надъ пожарищемъ. Картина изъ грозновеличественной дѣлается грустною, тяжелою и печальною, какъ послѣ битвы. Такъ кончается лѣсной пожаръ, если неосмотрительные сторожа не пропустятъ его черезъ лунку, или при сильномъ вѣтрѣ и продолжительной засухѣ опавшая, сухая хвоя со стоячихъ деревьевъ не проложитъ новаго пути для ехиднаго, пресмыкающагося пламени, которое тотчасъ, даже чрезъ нѣсколько недѣль, затаенное въ дуплахъ и старыхъ пенькахъ, но раздутое вѣтромъ, выползаетъ изъ тайниковъ своихъ, и съ иглы на иглу, съ обломка на обломокъ, перебирается до свѣжаго лѣсу, гдѣ повторяетъ всѣ свои ужасы, если не будетъ перехвачено во время.

Всего чаще и легче переходитъ оно въ тѣхъ мѣстахъ, которыя ближе къ лункѣ и первоначально отжигаемымъ линіямъ, гдѣ искусственное пламя ползло смиренно и не поспѣвало сжигать стоячихъ деревьевъ, но сушило ихъ и ускоряло осыпаніе хвои, которая, въ свою очередь, служитъ проводникомъ для новаго пожара.

Вотъ почему, если возможно, надо проводить отжигаемыя линіи чрезъ мелколѣсіе, легко и быстро подрубаемое вслѣдъ за искуственнымъ огнемъ, въ который и должно бросать этотъ малодятникъ, чтобы по обсыпающейся съ него хвоѣ вновь не перебрался затаенный огонь. Еще лучше, по прекращеніи пожара, уничтожить совершенно на нѣсколько сажень отъ лунки и всей бывшей охранитель-

ной линіи, все сгараемое, подрубивъ и сжегши, или, при нѣкоторой цѣнности дровъ, стащивъ въ костры весь уцѣлѣвшій лѣсъ и лежачія колоды, для употребленія по надобности.

Надо замѣтить, что верхоной пожаръ случается только при значительномъ вѣтрѣ, гонящемъ пламя стремительно; обыкновенно же пожаръ идетъ низомъ и поднимается лишь по однимъ сухарамъ и то весьма мѣшкотно; бываютъ одпакоже случаи, когда пожаръ не только бѣжитъ по вершинамъ, но переносится бурею изъ мѣста въ мѣсто, на большія пространства, что и называютъ, кажется, огненными клубами или шарами. Клубы эти ни что иное, какъ свившіяся, скрученныя жаромъ, пылающія лапы хвойныхъ породъ, оторванныя бурею или паденіемъ деревъ. Эти свившіяся лапы, частію обращенныя уже въ раскаленный уголь, частію еще горящія, чрезвычайно легки и несутся по вѣтру на большія пространства, роняя на пути своемъ пламенные обломки, возбуждающіе безпрерывные, новые поджоги, которые разрастаются въ свою очередь и представляютъ впереди главнаго пожара множество мелкихъ. Послѣдніе грозятъ охватить со всѣхъ сторонъ тушащихъ, положеніе которыхъ дѣлается чрезвычайно опаснымъ и заставляетъ отступить отъ всѣхъ попытокъ къ спасенію лѣса. Это было со мною въ описанномъ пожарѣ, переносившемся нѣсколько разъ чрезъ отжигаемыя линіи и понудившемъ отстаивать лишь деревни и имущества, окончательно спасенныя все-таки не людьми, а Богомъ, ниспославшимъ, въ милосердіи своемъ, почти неожиданный дождь на всю ночь. Вотъ почему, я предлагалъ верстовыя просѣки по теченію рѣкъ, по межѣ частныхъ владѣльцевъ съ казною и еще кое-гдѣ, по соображенію мѣстности, лишь бы не слишкомъ рѣдко; а по рѣкамъ началъ бы эти просѣки съ тѣхъ мѣстъ, откуда возможенъ весенній сплавъ при прочищенномъ руслѣ [1]).

Вотъ покуда все о лѣсныхъ пожарахъ, развѣ какой обиженный духъ-покровитель лѣсовъ снова нашепчетъ кой-что забытое; но расквитавшись съ лѣшимъ, пострадавшимъ отъ пожаръ, надо похлопотать и о горѣ, причиняемомъ ему топорами, *безданно и безпошлинно*, чего онъ крайне не жалуетъ, увѣренный, что при порядкѣ, владѣнія его гораздо долѣе сохранились бы.

Графъ Н. Толстой.

[1]) При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что пожаръ, разросшійся на нѣсколько верстъ при сильномъ вѣтрѣ, тушить почти нѣтъ никакой возможности — и надо лишь думать о спасеніи деревень, гдѣ обыкновенно свозятъ все имущество въ одно мѣсто на средину поля, и закидываютъ землей; только продолжительный дождь, или широкая рѣка, при безлѣсныхъ берегахъ, могутъ остановить такой пожаръ. Верстовыя просѣки замѣнили бы этотъ послѣдній случай.

4. ИСТОРІЯ.

Взглядъ *Гервинуса:* «Бытописаніе въ древніе и Средніе Вѣка придерживалось болѣе хронологическаго способа изложенія, объективныхъ пріемовъ; новое время, разработывающее въ поэзіи драму, почти необходимо склоняется въ исторіи къ субъективной разработкѣ. Ибо историку новой эпохи трудно освободиться отъ общаго убѣжденія касательно пріемовъ изложенія, по которому факты и матерьялъ важны настолько, насколько они служатъ идеѣ автора. И составитель хронологической или прагматической [1]) исторіи имѣетъ теперь также мало правъ на званіе историка, какъ эпосъ и драма, въ силу своей только формы, на значеніе истинно-поэтическаго произведенія. Подобно эпику, который беретъ изъ матеріала только то, что̀ стоитъ между собой въ необходимой связи, и устраняетъ то, что̀ могло бы превратить его произведенія въ растянутый романъ, и историкъ останавливается въ цѣпи фактовъ на необходимомъ, и боится впасть въ безсвязность и безцѣльность лѣтописца. Какъ художникъ стремится къ первоначальнымъ, идеальнымъ формамъ тѣла, а поэтъ къ идеальнымъ типамъ характера, такъ и историкъ долженъ изучить чистый образъ событій и смѣло и вѣрно выдѣлять изъ случайностей все существенно-важное. А въ исторіи важно то, что̀ совмѣщается съ исторической идеею.

«Когда историкъ при разборѣ историческихъ событій обращаетъ вниманіе и на пути судьбы, какъ то дѣлаетъ каждый мыслящій человѣкъ въ своей обыденной жизни, когда онъ старается замѣтить въ безсвязномъ ходѣ явленій законы обще-міроваго строя, безъ которыхъ исторія лишена всякаго смысла, тогда вся хаотическая масса

---

[1]) *Прагматизмомъ* въ исторіи называется объясненіе причинъ и слѣдствій тѣхъ или другихъ событій, указаніе *единства*, связи между происшествіями.

сама собою разлагается на извѣстныя группы, изъ которыхъ каждая получаетъ опредѣленныя границы и всѣ между тѣмъ связаны другъ съ другомъ историческими идеями, въ которыхъ рѣзко обнаруживаются пути Провидѣнія. Эти идеи незримо идутъ рука объ руку съ событіями и внѣшними явленіями; онѣ проникаютъ въ исторію, вводятъ въ нее опредѣленныя формы. Историкъ, который изслѣдуетъ ихъ сущность и значеніе, какъ возникновеніе и первое появленіе, ихъ стремленіе къ побѣдѣ и господству, ихъ исчезновеніе предъ другими, вновь возникшими идеями, — такой историкъ ведетъ свое дѣло мастерской рукою и открываетъ намъ въ исторіи то, чего никогда не откроютъ изслѣдователи человѣческой жизни, подступающіе къ предмету съ фаталистическими, натуръ-историческими, теологическими и прагматическими теоріями. Значеніе и вліяніе этихъ идей, даже просто вліяніе ихъ, ускользаетъ по большей части отъ взора историковъ и судей, но никогда не ускользаютъ отъ здраваго смысла людей. Когда они неожиданно вводятъ въ жизнь человѣчества новыя направленія и съ особенной силой открываютъ тѣмъ пути судебъ, когда, по опредѣленію *Лессинга* [1], начинаются великіе періоды въ воспитаніи человѣчества, тогда люди, въ силу внутренней потребности, прибѣгаютъ къ идеальнымъ объясненіямъ: они не хотятъ понимать такія чудныя событія обычнымъ разсудочнымъ путемъ. По такому же весьма естественному чувству избѣгаютъ обыкновенно прагматическихъ объясненій тѣхъ геніальныхъ личностей, которыя въ жизни и наукѣ начинали собою новыя направленія. Мыслящій историкъ, изслѣдуя такія идеи въ событіяхъ и располагая по нимъ факты, раздѣляетъ по этому случаю задачу всѣхъ мыслящихъ людей вообще, которые, выступая на общественное поприще, должны сознательно стать на сторону идей, правящихъ исторіею его времени, ибо тогда только наша дѣятельность увѣнчается полнымъ успѣхомъ, когда мы пойдемъ неуклонно по пути, предназначенному судьбою для нашего времени, между тѣмъ какъ ставъ въ оппозицію къ ней, мы утратимъ плоды всѣхъ нашихъ трудовъ и усилій. И наблюдая борьбу человѣческой свободы съ законами необходимости, мы открываемъ величайшія драмы, когда видимъ однихъ великихъ людей, какъ бы вступающихъ въ договоръ съ судьбою и точно воплотившихъ въ себя новыя идеи (Лютеръ напр.), — и другихъ, слишкомъ рано задумавшихъ возвести человѣ-

[1]) *Лессингъ* (1724—1781)—извѣстный Германскій ученый, критикъ, поэтъ. Изъ ученыхъ сочиненій замѣчателенъ «Лаокоонъ, или о границахъ между поэзіею и живописью»; изъ критическихъ—«Драматургія»,—рядъ статей о Франц. и Нѣмецкой драмѣ, — между поэтическими произведеніями считаются образцовыми: Эмилія Галотти, Натанъ Мудрый. См. брошюру г. Чернышевскаго «Лессингъ, его время, его жизнь и дѣятельность».

чество на высшую ступень развитія (Гусса напримѣръ) и проявившихъ мученическій вѣнецъ, и третьихъ наконецъ, въ лицѣ которыхъ вступаютъ въ равную борьбу старое и новое направленія (какъ то было въ эпоху Брута и Цезаря). Въ юношескія эпохи человѣчества появляются отдѣльныя великія личности какъ носители такихъ идей; это-то обстоятельство и придаетъ древней исторіи такую пластичность и рѣзкость сравнительно съ новѣйшей, въ которой перемѣшиваются всѣ духовныя стремленія и въ которой тѣмъ необходимѣе разъясненіе этихъ путеводныхъ идей.

«Мы дадимъ наглядный примѣръ. Европейская исторія за послѣдніе годы представляетъ глубокую внутреннюю связь по идеямъ, но въ ней нѣтъ никакого внѣшняго пункта соединенія. И какъ открыть внутреннюю связь событій за эти годы, не овладѣвъ ихъ историческими идеями? Мы можемъ наблюдать здѣсь вблизи и въ очію дѣятельность и броженіе идей. Долго тлѣвшія, онѣ вспыхиваютъ здѣсь и тамъ, въ тысячи мѣстахъ, въ милліонахъ людей, но всѣ онѣ представляютъ изумительное единство природы и цѣли. Можно возразить, что вызванныя ими явленія подготовлены внѣшними очевидными фактами; но весьма вѣроятно, что эти внѣшніе факты, подготовлявшіе ихъ, не вызвали бы ихъ никогда и что самые дѣйствительные изъ нихъ въ свою очередь подготовились продолжительною внутренней работой теперь обнаружившихся идей. Въ самомъ дѣлѣ, частью спокойная и незримая сила, частью внезапность, съ какою она превратила безплодную почву въ плодородную и всюду пробудила полную жизнь, и та быстрота, съ какой она распространяется повсемѣстно, не прибѣгая къ телеграфамъ и пропагандамъ, — все это ярко высказываетъ непостижимость и чудесность новыхъ идей. Конечно, онѣ не могутъ не подлежать законамъ естественнаго развитія, и первое возникновеніе ихъ совершилось вѣроятно не безъ причинъ и поводовъ, — но напрасны останутся всѣ наши изслѣдованія объ ихъ зарожденіи. Мы можемъ прослѣдить историческимъ путемъ, какъ онѣ возникаютъ и являются, какъ онѣ ростутъ и достигаютъ преобладанія, — и этимъ удовлетворяется историкъ; ему приходится имѣть дѣло съ тѣмъ, въ чемъ видны движеніе, жизнь, прогрессъ; ему кажется, что начало и конецъ должны быть скрыты отъ людей, ибо въ противномъ случаѣ земля не скрывала бы сѣмени, лоно матери—зародыша, могила—вѣчности; онъ видитъ въ идеяхъ вмѣстѣ и силу и цѣль, и вдумываясь въ эти творческія силы, избѣгаетъ тысячи заблужденій, въ которыя впадаетъ обыкновенно изслѣдователь конечныхъ причинъ и слѣдствій.

«Принявъ въ своемъ произведеніи руководящею нитью зарожденіе и возрастаніе такихъ идей, историкъ достигнетъ желаемаго единства. Онъ не вноситъ идеи въ свой предметъ, но она сама

вытекаетъ изъ него и представляется наблюдательному смыслу того историка, который не задумываясь весь отдается своему предмету и умѣетъ вглядѣться въ него чисто-историческимъ путемъ. И затѣмъ онъ выбираетъ изъ множества фактовъ то, что можетъ нагляднѣе и обстоятельнѣе представить его идеи, и выбранное онъ располагаетъ по найденной нити, съ большею свободой, съ большею поэтической художественностью, чѣмъ могъ бы о томъ подумать лѣтописецъ.

«Мало можно насчитать произведеній такого высшаго рода бытописанія, и даже это малое только приблизительно совершенно. Исторія не только рѣдко разработывалась съ этой точки зрѣнія, но даже рѣдко разсматривалась, и самые періоды всемірной исторіи никогда еще не были расположены сообразно ея требованіямъ. Проясненіе внутренняго міра, духовнаго и нравственнаго, расширеніе внѣшнихъ предѣловъ историческаго міра, или, что тоже, большія внутреннія и внѣшнія потребности, или однимъ словомъ—болѣе широкій кругозоръ, открывающійся очамъ людей,—вотъ что раздѣляетъ съ одной стороны чисто-Греческій и чисто-Римскій міръ, еще не тронутый чуждымъ вліяніемъ, и съ другой—новѣйшее время. И этотъ поворотъ, эта смѣна древнихъ людей новыми, явно обнаруживается въ первый разъ въ Сократѣ, который первый обратилъ философію на внутренній міръ человѣка, въ Александрѣ, который расширилъ историческій міръ и началъ разрушать кастовое различіе между людьми, и въ Аристотелѣ, основателѣ всѣхъ наукъ. Здѣсь начало переходнаго періода, продолжавшагося до распространенія историческихъ предѣловъ по всему земному шару и до свободнаго проясненія духа въ эпоху реформаціи; этотъ переходный періодъ и есть Средніе Вѣка, время между древней и новой эпохой,—Средніе Вѣка, въ имени которыхъ новѣйшіе историки еще ни разу не дали себѣ отчета.

«Распредѣливъ означеннымъ порядкомъ главнѣйшіе отдѣлы Европейской исторіи, мы убѣдились бы самымъ неопровержимымъ образомъ, что только у трехъ народовъ Европы сложилось зерно исторической жизни. Чисто-Греческая эпоха—душа древняго міра; исторія Италіи измѣнитъ совершенно свой характеръ, если разсматривать ее въ эпоху древняго (Римскаго) и новѣйшаго развитія какъ ось, вокругъ которой вращается новый и древній міръ, какъ сцену, на которой все сосредоточивается въ то переходное время, на которой долѣе чѣмъ гдѣ-либо удерживаются старыя идеи, и ранѣе чѣмъ гдѣ-либо возникаютъ новыя. Затѣмъ въ новѣйшее время на первый планъ выступаютъ чисто-Германскія племена съ своею задачей—распространеніемъ реформаціонныхъ идей. Такимъ образомъ только Греки, Итальянцы, Германцы получили чисто-человѣческое

нравственное развитіе, не получивъ за то политическаго; только они были самобытными насадителями и охранителями искусства и науки, и они только произвели дѣйствительно великихъ историковъ. На конечныхъ пунктахъ періода, названнаго нами посредствующимъ, переходнымъ временемъ, въ продолженіе которыхъ суровая борьба между природой и культурой не давала развиться истинному бытописанію, на конечныхъ пунктахъ его стоятъ *Ѳукидидъ* и *Макіавелли* [1]). Они жили въ эпохи зарожденія такихъ идей, какія рѣдко переживаются человѣчествомъ. Въ Пелопонесской войнѣ разгоралась борьба между двумя Греческими государствами, которыя такъ живо воплотили въ себѣ два главныя направленія нравственной природы человѣка, по одному изъ которыхъ половина человѣчества ищетъ спасенія и блаженства въ полнотѣ и удовлетвореніи потребностей, по другому—другая половина полагаетъ его въ отреченіи и лишеніяхъ. Какъ мало знаютъ міръ и исторію тѣ, которые упрекаютъ Ѳукидида въ томъ, что онъ все предшествовавшее этой борьбѣ ставитъ недосягаемо ниже ея! Ибо въ ней впервые раскрываются тѣ духовныя силы, которыя не могли раскрыться на востокѣ и которыя Эллада не имѣла случая раскрыть раньше. Въ этой борьбѣ лежитъ зародышъ никогда не утихавшаго спора партій, который продолжался между *циниками* [2]) и *киренаиками* [3]), между христіанами и язычниками, и продолжался въ политическомъ мірѣ, религіи, философіи до самой эпохи реформаціи, съ которой онъ начинаетъ мало-по-малу терять свою силу. Макіавелли стоитъ на порогѣ того времени, когда разливается широкимъ потокомъ стремленіе къ просвѣщенію, свободѣ и человѣческимъ правамъ, и это новое направленіе до сего времени, въ теченіи трехъ слишкомъ вѣковъ, составляетъ путеводную нить всѣхъ событій. Путь, которымъ Ѳукидидъ и Макіавелли уловили зарождающіяся великія идеи своего времени и примкнули къ нимъ, и построили на нихъ свои произведенія, путь, которымъ одинъ изъ нихъ съумѣлъ создать изъ исторіи войны небольшихъ государствъ картину общечеловѣческихъ судебъ, а другой—такую же картину изъ исторіи отдѣльнаго государства,—этотъ путь и остается навсегда путемъ всѣхъ послѣдующихъ историковъ.

«Въ произведеніяхъ этихъ историковъ читатель стоитъ постоянно

---

[1]) *Макіавелли* (1469—1527)— Итальянскій писатель. Его сочиненія: «Князь», «Комментаріи на Тита Ливія», «Исторія Флоренціи». Извѣстенъ и какъ поэтъ. О Макіавелли см. статью Маколея въ изданіи его сочиненій Табленомъ.

[2]) *Циники*—философы, поставившіе завѣтною своею идеею имѣть какъ можно менѣе потребностей. Основателемъ школы такой у Грековъ былъ Антисфенъ (V в. до Р. Х.), а знаменитымъ философомъ Діогенъ.

[3]) *Киренаики*—философы, считавшіе наслажденіе высшимъ благомъ. Основатель школы Аристиппъ (IV в. до Р. Х.).

на исторической почвѣ, въ дѣйствительномъ мірѣ, но въ то же время онъ находитъ въ нихъ и философское содержаніе, и художественную форму, и чувствуетъ на себѣ обаяніе художественнаго произведенія. Пользу, извлекаемую имъ изъ отдѣльныхъ фактовъ, онъ сочтетъ за ничто въ сравненіи съ тѣмъ цѣлостнымъ впечатлѣніемъ, которое производятъ на него эти сочиненія. Они дѣйствуютъ не только на умъ, который всюду и все разъединяетъ и дѣлитъ, но и на сердце, которое во всемъ безраздѣльно; они понятны не отдѣльнымъ стремленіямъ, страстямъ, чувствамъ, но всему человѣку; они не возбуждаютъ въ немъ пристрастной симпатіи къ тому или другому факту, не разомъ подвигаютъ его къ страстнымъ рѣшеніямъ и вообще къ непреложнымъ актамъ воли; они научаютъ выносить пользу изъ разсказа, но гораздо болѣе научаютъ подражать разсказчикамъ, которые судятъ о мірѣ съ такимъ чистымъ мужественнымъ устоемъ и такъ здраво глядятъ на него. Въ дѣлѣ практической политики Макіавелли могъ слѣдовать тому пути, по которому примѣненія дѣлались на основаніи далеко не общихъ фактовъ исторіи, и можетъ быть Макіавелли зашелъ здѣсь слишкомъ далеко, но въ его историческомъ трудѣ можетъ быть только одна цѣль—пробудить вообще историческій смыслъ въ читателяхъ и развить въ нихъ пониманье практической жизни, какъ-то бываетъ въ логическихъ и лингвистическихъ занятіяхъ: отдѣльныя правила исчезаютъ изъ памяти, послѣ того какъ раскроется вполнѣ сила мысли и рѣчи. Ибо, какъ цѣль всякаго художественнаго произведенія поэзіи — пробудить не одно какое-либо благородное чувство, одушевить не къ одному какому-либо прекрасному поступку, но облагородить всего человѣка, такъ и историческій трудъ не даетъ какихъ-либо отдѣльныхъ поученій, но учитъ людей вообще понимать дѣйствительный міръ, вращаться въ немъ смѣло и свободно, и сознательно дѣйствовать среди всѣхъ человѣческихъ отношеній.

«Исторія открываетъ высшій порядокъ вещей, но первое дѣло адепта ея—запастись ученостью, съ помощью которой онъ можетъ современемъ овладѣть предметомъ. Онъ заранѣе долженъ быть тѣмъ, чѣмъ хочетъ сдѣлать его исторія, и тотъ ничего не совершитъ въ ней, кто ничто самъ по себѣ. Исторія, смотря потому какъ она написана, можетъ быть самымъ высокимъ и самымъ пошлымъ предметомъ въ мірѣ: все зависитъ оттого, что сдѣлаетъ изъ нея историкъ; это то же что разнообразное примѣненіе жизни, отраженіе которой и есть исторія. Историкъ долженъ обладать замѣчательнымъ знаніемъ и быть самъ высокой жизни; онъ долженъ вполнѣ обнимать весь кругъ человѣческой жизни, ему не можетъ быть чуждо ничто человѣческое; всѣ области практики, искусства и знанія входятъ въ его задачу. И потому ему необходимо совмѣстить въ себѣ

стремленія человѣческаго духа; ему должно быть ясно и понятно и то, какъ дѣйствуетъ поэтъ и чего ищетъ художникъ. Это признаетъ даже человѣкъ, на авторитетъ котораго я всегда ссылаюсь неохотно, и мнѣ тѣмъ пріятнѣе привести его здѣсь, что безъ всякаго сомнѣнія, его мнѣніе не можетъ быть ошибочно, по крайней мѣрѣ изъ пристрастія къ исторіи, по ремеслу. «Что такое трагедія съ своими отдѣльными характерами—говоритъ *Жанъ-Поль* [1])—въ сравненіи съ полною трагедіей исторіи? Исторія, охватывая все человѣчество, требуетъ отъ историка всѣхъ силъ, политическихъ, поэтическихъ и т. д., всѣхъ соединенныхъ силъ Макіавелли, *Платона* [2]) и *Гомера* [3]). *Гёте* [4]) и *Шиллеръ* [5]) говорили, что поэзіи человѣкъ долженъ безраздѣльно посвящать себя, и каждый вполнѣ отдающійся своему предмету можетъ сказать то же, но исторія съ бо̀льшимъ основаніемъ и правомъ. Поэта можно сравнить съ юношей, который раскрываетъ передъ нами идеальный міръ, тогда какъ философъ разумно провѣряетъ прожитую жизнь и ея движенія и спокойно созерцаетъ ихъ. Между тѣмъ и другимъ историкъ производитъ на насъ впечатлѣніе многосторонне-дѣйствующаго и дѣятельнаго мужа; и какъ Гёте воплощаетъ въ себѣ вѣчную юность, такъ Ѳукидидъ представляетъ первообразъ зрѣлаго мужества, непреклонный среди потрясеній времени, неподвижный среди разрушительныхъ волненій, разумно повелѣвающій тѣмъ, что̀ осиливаетъ другихъ. Но періодъ мужества—центръ человѣческой жизни, и не безъ глубокаго смысла употребляется во многихъ языкахъ слово «мужъ» въ значеніи человѣка. Такимъ образомъ сама исторія опредѣляетъ историку мѣсто въ ряду съ поэтомъ и философомъ. Она сама составляетъ какъ бы ось человѣческаго образованія, полюсы котораго — поэзія и философія, и появленіе исторіи относится къ посредствующему періоду между періодами поэзіи и философіи: Ѳукидидъ жилъ позднѣе Гомера, но ранѣе Аристотеля.

«Поставленный такимъ образомъ въ центрѣ явленій, какъ распорядитель ихъ, лицемъ къ лицу съ человѣчествомъ, которое онъ

---

[1]) *Жанъ-Поль Рихтеръ* (1763 — 1825) — Нѣмецкій писатель, отличавшійся огромною начитанностію, юморомъ и странными сужденіями.

[2]) *Платонъ* (въ V в. до Р. Хр.) — великій Греч. философъ. Свое ученіе передалъ въ разговорахъ. На Р. языкъ перевелъ проф. Карповъ.

[3]) *Гомеръ* (въ половинѣ X вѣка до Р. Хр.) — великій Греч. поэтъ. См. о немъ въ I т. нашей Христоматіи, изд. 2, стр. 264 — 303.

[4]) *Гете* (1749 — 1832) — знаменитый Германскій поэтъ. Отрывокъ изъ его трагедіи «Фаустъ» напечат. въ III т. нашей Христом. изд. 2, стр. 382 — 391.

[5]) *Шиллеръ* (1759 — 1805) — извѣстнѣйшій Германскій поэтъ. Лирич. его стихотворенія напечатаны во II т. нашей Христом., а отрывокъ изъ драмы «Орлеанская Дѣва», — въ III т.

долженъ изобразить, историкъ самъ долженъ быть представителемъ человѣчества, и дѣйствительно онъ явится только у того народа, который ближе другихъ подходитъ къ общечеловѣческому характеру и въ такія времена, которыя остаются вѣрны этому характеру. Въ груди своей онъ сохранитъ первообразъ человѣка; полнѣйшая простота нравовъ — вотъ его нравственная точка зрѣнія; здравый человѣческій смыслъ и врожденное остроуміе — вотъ его интеллектуальная точка зрѣнія. Исторія не выноситъ ничего неблагороднаго. Точно также и умственная односторонность; она нигдѣ не объявляется въ такомъ невыгодномъ свѣтѣ, какъ въ исторіи. Можетъ быть въ поэзіи и въ философіи интересно бываетъ прослѣдить странныя умозаключенія какого-нибудь индивидуума, но эксцентрическія мнѣнія и натянутыя положенія не совмѣстимы съ идеей истиннаго историка; историкъ гибнетъ въ скептицизмѣ и въ противорѣчіи съ общимъ здравымъ смысломъ человѣчества. И такого простаго взгляда на вещи требуемъ мы отъ новѣйшихъ историковъ, которые полагаютъ славу въ своеобразности, оригинальности, особенности болѣе, чѣмъ во всемъ чисто и обще-человѣческомъ. Онъ долженъ даже не высказывать своего простаго и скромнаго сужденія и ограничиться скромною ролью быть всѣмъ и ничѣмъ не казаться; онъ долженъ, по выраженію *Бакона* [1]), быть чреватымъ мудростью, но не быть ея воспріемникомъ. Ему нельзя разсчитывать ни на то, что онъ станетъ во главѣ какой-либо новой школы, ни на то, что возбудитъ въ комъ-нибудь признательность; ибо у толпы нѣтъ обыкновенно смысла для усвоенія простѣйшихъ историческихъ законовъ, и за три столѣтія на основаніи, положенномъ еще Макіавелли для познанія законовъ нравственнаго міра, едва-едва только положено нѣсколько камней! Тысячи научныхъ проблемъ разрѣшаются историкомъ съ меньшимъ трудомъ, ибо на великихъ совершенныхъ индивидуумахъ онъ можетъ яснѣе изслѣдовать то, что легко ускользаетъ отъ другихъ, принужденныхъ наблюдать въ болѣе ограниченномъ мірѣ, но онъ долженъ оставлять всѣ притязанія тамъ, гдѣ могъ бы по праву гордиться и оспаривать. Онъ долженъ совмѣстить въ себѣ возвышенное пареніе генія съ обдуманнымъ ходомъ таланта. Ибо что смѣлѣе предпріятія — изслѣдовать строй міра и разгадать устрояющую руку Божества въ безпорядочномъ хаосѣ событій? Какого глубокаго внутренняго значенія исполнится жизнь историка, который выполнитъ подобную задачу! какъ строго прослѣдитъ онъ сцѣпленія въ своей судьбѣ, какъ ясно онъ пойметъ свою собственную

[1]) *Баконъ* Веруламскій (1561 — 1626) — Англійскій мыслитель. Онъ считается отцемъ опытной философіи. Знаменитое его изреченіе: «знаніе есть сила» извѣстно всякому образованному человѣку. О Баконѣ см. статьи въ сочиненіяхъ Грановскаго и Маколея.

жизнь! Быстро пролетая вѣка и тысячелѣтія, онъ долженъ постоянно тащить съ собою балластъ, для облегченія складывая съ себя по временамъ тяжелыя обязанности поэта и историка; съ геніальною силою комбинаціи соединить обдуманное прилежаніе — вотъ главное требованіе отъ историка.

«Историкъ принужденъ рыться въ пыльныхъ актахъ, быть судьею жизни, науки, политики: желая писать о Каѣ Юліѣ, онъ долженъ изучить многотомныя книги и въ самомъ себѣ имѣть частицу цезаревскаго духа, если онъ хочетъ вѣрно судить о Цезарѣ. Онъ долженъ обладать й даромъ самой тонкой наблюдательности, ибо ему приходится слѣдить за скрытой игрой человѣческихъ интригъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ онъ долженъ въ самомъ простомъ характерѣ предчувствовать великія тайны Провидѣнія; онъ долженъ обозрѣвать самыя утонченныя и самыя простыя отношенія людей, носить въ себѣ органъ пониманія для естественнаго состоянія общества и въ то же время не быть несправедливымъ къ высшимъ ступенямъ жизни, въ періоды болѣе утонченной культуры; онъ найдетъ въ себѣ силы, подобно трагику — изобразить страстное поколѣніе героевъ; подобно идиллику — безыскусственную массу крестьянъ. Онъ будетъ сопровождать мемуариста въ пріюты порока, и при этомъ останется чистъ душею и духомъ. Онъ долженъ быть безъ всякихъ предразсудковъ, но онъ удержится отъ личной борьбы съ ними, и прежде чѣмъ оплакать или заклеймить презрѣніемъ самые вопіющіе предразсудки и заблужденія человѣчества, онъ объяснитъ ихъ, но съ оправдывающей исторической точки зрѣнія той эпохи и ея потребностей. Неподкупный и безпристрастный, онъ никогда не отступитъ отъ истины, хотя бы она противорѣчила его сердцу, но между тѣмъ не будетъ ни безхарактеренъ, ни низменъ, не будетъ принадлежать къ числу тѣхъ, которые не признаютъ Божества. Онъ не сдерживается ни вѣрой, ни властью, ни отчизной, и между тѣмъ какъ бы онъ писалъ исторію, не имѣя внутренняго чувства къ связямъ религіи, къ народности, отечеству и закону? Съ твердымъ духомъ, неподкупностью и обдуманностью, которую онъ всюду проведетъ, онъ будетъ передавать и обсуживать событія.

«Кто серьозно взвѣситъ эти требованія, отъ которыхъ истинное бытописаніе не можетъ отступить ни на шагъ, и дѣйствительно пойметъ ихъ, тому не покажется удивительнымъ, что писать исторію рѣшаются обыкновенно люди, не взвѣсившіе и непонявшіе этихъ требованій и тѣмъ менѣе способные слѣдовать и сколько-нибудь удовлетворить имъ; и кто взвѣситъ ихъ и все-таки рѣшится на такое предпріятіе, у того нельзя не видѣть мужества мухи, которая изъ любви къ свѣту летитъ къ огню, не боясь опалить себѣ крылья». (Изъ статьи «Теоретическій очеркъ Исторіи». Время 1861, т. VI).

ИСТОРІЯ АѲИНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ ОТЪ УБІЕНІЯ ИППАРХА ДО СМЕРТИ МИЛЬТІАДА.

Мараѳонская Битва (490 г. до Р. Х.).

Знаменитая Мараѳонская битва описана съ точностью *Иродотомъ*[1]), писателемъ почти современнымъ,—потому, что онъ родился только 6 лѣтъ послѣ сего событія. О ней упоминаютъ многіе другіе позднѣйшіе историки, но ихъ разсказъ обнаруживаетъ недостатокъ критики. Такое строгое сужденіе въ особенности надобно произнесть надъ *Климентомъ Александрійскимъ*[2]), повѣствованіе котораго можно скорѣе отнести къ фантазіи, чѣмъ къ дѣйствительности. Мы ограничимся здѣсь извѣстіями одного Иродота.

Мильтіадъ воспользовался и мѣстностью и знаніемъ Персидской тактики и сдѣлалъ такія приготовленія, что могъ вѣрно разсчитывать на побѣду. Относительно первой, не забудемъ, что Мараѳонское поле было узкою равниною, заключенною съ одной стороны утесистыми горами, а съ другой моремъ, и что прямо на югъ отъ него шла большая дорога, весьма удобная для отступленія. Что же касается до самаго Персидскаго войска, то въ его устройствѣ была особенность, которую Мильтіадъ очень хорошо изучилъ въ Херсонисѣ: во время битвы средину занимали всегда Саки и собственно Персы, оба крыла напротивъ составляли отряды побѣжденныхъ народовъ. На этихъ двухъ данныхъ Мильтіадъ основалъ планъ сраженія. Онъ построилъ свое войско такимъ образомъ, что длина передняго его ряда совершенно равнялась длинѣ ряда Персидскаго и долженствовала занять предъ самою битвою всю черту отъ Катронія до моря. Это послѣднее обстоятельство было весьма важнымъ потому, что оно лишало Персовъ возможности обойти Грековъ и употребить въ дѣло конницу. Правымъ крыломъ предводительствовалъ полемархъ, пользуясь симъ отличіемъ по существовавшимъ тогда законамъ. Всѣ десять филъ, со своими стратигами,

[1]) *Иродотъ* или Геродотъ (жилъ въ V в. до Р. Х) — знаменитый Греческій историкъ, «отецъ исторіи». Онъ въ девяти книгахъ, посвященныхъ музамъ, описалъ исторію древнихъ Азіатскихъ и Африканскихъ народовъ, а также — исторію Греціи отъ ея начала до окончанія Персидскихъ войнъ. Исторію свою Геродотъ читалъ на Олимпійскихъ играхъ и производилъ глубокое впечатлѣніе на Грековъ. «На славныхъ играхъ Олимпійскихъ умолкалъ шумъ, говоритъ Карамзинъ, и толпы безмолствовали вокругъ Геродота, читающаго преданія вѣковъ». *Ѳукидидъ* плакалъ...

[2]) *Климентъ Александрійскій* (жилъ во II и III в. по Р. Х.) — знаменитый ученый. Извѣстны его сочиненія: Строматы и Педагогъ.

примыкали одна къ другой, не оставляя между собою промежутка, и считались съ правой руки къ лѣвой. Послѣднее мѣсто на лѣвой сторонѣ назначено было Платэйцамъ. Если однако длина Аѳинскаго войска соотвѣтствовала длинѣ Персидскаго, то распредѣленіе обоюдныхъ силъ было совершенно различнымъ. Мильтіадъ чрезвычайно ослабилъ средину, назначивъ въ нее, по словамъ *Плутарха* [1]), только двѣ филы: Леонтидскую и Антіохидскую; всѣ же прочія филы вмѣстѣ съ Платэйцами онъ помѣстилъ на оба крыла, чрезъ что и доставилъ имъ если не перевѣсъ, то равенство съ двумя крылами непріятеля. Такимъ образомъ опора Персидскаго войска, густые отряды Персовъ и Саковъ, стояли безъ пользы противъ самаго малаго числа Аѳинянъ, между тѣмъ какъ слабыя два крыла ихъ, состоявшія изъ полковъ покоренныхъ народовъ, весьма неохотно сражавшихся, находились противъ главной силы Аѳинянъ.

Означенное здѣсь расположеніе дѣлаетъ честь Мильтіаду и обнаруживаетъ глубокій военный умъ его. Видя невозможность побѣдить вдвое сильнѣйшаго непріятеля, этотъ геніальный полководецъ вознамѣрился раздѣлить его войско, отвлечь лучшую часть на нѣкоторое время отъ главной битвы, разбить оставшуюся на мѣстѣ и наконецъ, обративъ всѣ свои силы противъ первой, нанесть и ей рѣшительное пораженіе. Мильтіадъ надѣялся, что Персы, пробивъ средину Аѳинской линіи, будутъ преслѣдовать отступающихъ и удалятся отъ Мараѳонскаго поля; но что въ то же время оба его крыла побѣдятъ своихъ противниковъ и принудятъ ихъ къ бѣгству; тогда сіи два крыла могли бы соединиться, встрѣтить возвращающихся Саковъ и Персовъ и, будучи почти въ равномъ съ ними числѣ, несомнѣнно поразить ихъ самихъ. Но если напротивъ Датисъ и Артафернъ, увидѣвъ отступленіе средины Греческаго войска, остановятъ свою пѣхоту и обратятъ ее на подкрѣпленіе прочихъ отрядовъ, а противъ разбитыхъ двухъ филъ отправятъ отличную свою конницу; то весь этотъ остроумный планъ Мильтіада рушится и послужитъ гибелью Аѳинянамъ. Онъ предвидѣлъ сей результатъ, а потому и принялъ намѣреніе тогда только начать сраженіе, когда Персидская конница будетъ отослана за продовольствіями. Счастіе благопріятствовало ему и въ этомъ случаѣ: Іоняне, бывшіе въ Персидскомъ войскѣ, вскорѣ увѣдомили его, что конница выступила изъ лагеря. Тогда Мильтіадъ болѣе не медлилъ, поставилъ войско въ боевой порядокъ и подалъ знакъ къ нападенію. Онъ приказалъ пойти бѣглымъ шагомъ, чтобы занять указанное мѣсто между Катроніемъ и моремъ, до прибытія къ оному

[1]) *Плутархъ* (жилъ въ первомъ и второмъ в. по Р. Х.) — Греческій историкъ. Извѣстенъ біографіями древнихъ Греч. и Римскихъ мужей.

Персонъ. Аѳиняне исполнили его приказанія съ ревностью и точностію гражданъ, идущихъ на битву за свободу своего отечества, спустились съ горы, быстро достигли назначенной черты и смѣло устремились на непріятеля. Персы въ свою очередь также вышли изъ лагеря и встрѣтили ихъ съ твердостью. Сраженіе началось вдругъ на всей линіи. Оно было долго и упорно, но наконецъ Персы и Саки пробили средину Аѳинскаго войска, и, увлеченные сею побѣдою, преслѣдовали отступавшихъ. Въ то же самое время однако оба крыла Аѳинянъ поразили своихъ противниковъ и принудили также къ наступленію. Но Мильтіадъ далъ приказъ остановить преслѣдованіе и вновь построилъ всѣ филы въ боевой порядокъ. Онъ соединилъ оба крыла вмѣстѣ и поставилъ ряды вдоль Мараѳонскаго поля, лицемъ къ морю и тыломъ къ горѣ Катронію. Это прекрасное движеніе его и доставило ему побѣду. Персидскій отрядъ, возвращавшійся по морскому берегу, претерпѣлъ сильное боковое нападеніе отъ Аѳинянъ, равныхъ теперь съ нимъ по числу, но стоявшихъ въ отличномъ положеніи.

Этотъ ударъ былъ рѣшительнымъ; изумленные Персы и Саки не выдержали такого напора, смѣшались, разстроились и разсыпались. Всѣ искали спасенія въ бѣгствѣ, и толпами спѣшили къ кораблямъ, одни по берегу, другіе чрезъ болото. Мильтіадъ воспользовался этимъ мгновеніемъ и далъ знакъ къ преслѣдованію. Тогда началось пораженіе, которое было тѣмъ ужаснѣе, что смятеніе было неописанно. Самое страшное убійство происходило въ нынѣшнемъ сѣверномъ болотѣ, гдѣ погибло нѣсколько тысячь непріятелей. Распространяя повсюду смерть, Аѳиняне достигли наконецъ пристани и требовали огня, въ надеждѣ сжечь Персидскій флотъ; но не успѣли въ этомъ: большая часть Персидскаго войска сѣла на корабли и тотчасъ безвредно отплыла. Этимъ спасеніемъ Персы обязаны Иппію, который, еще до сраженія, приготовилъ корабли ко мгновенному отходу, поставивъ ихъ кормою къ берегу и носомъ къ морю, такъ что ихъ отчалили даже безъ поворота.

Между тѣмъ, какъ Аѳинскіе граждане такъ блистательно сражались при Мараѳонѣ, предатели неусыпно дѣйствовали въ городѣ, хотя во мракѣ и тайнѣ. Они уже приготовили измѣну, и увѣренные въ побѣдѣ Мидянъ, радовались напередъ гибели демократовъ, какъ вдругъ прибыла вѣсть о пораженіи Датиса и Артаферна. Казалось, она долженствовала бы остановить ихъ замыслы, но вышло противное. Вмѣсто унынія она произвела смѣлость такъ, что заговорщики рѣшились на крайность. Они надѣялись, что Персидскій флотъ можетъ прибыть къ Фалиру прежде Аѳинянъ, требовавшихъ отдохновенія, что, высадясь на берегъ, войско пойдетъ къ столицѣ и, при помощи ихъ самихъ, вступитъ въ нее безъ сопротивленія.

Для сей цѣли они выставили на вершинѣ Акрополя щитъ, служившій условленнымъ знакомъ между ими и Персами. Увидя его съ моря, послѣдніе направили тотчасъ путь къ Аѳинамъ и, обогнувъ Сунійскій мысъ, явились въ виду города и бросили якорь предъ Фалирскою пристанью. Но Мильтіадъ бодрствовалъ. Онъ зналъ о заговорѣ, предвидѣлъ опасность, а потому, оставивъ на Мараѳонскомъ полѣ одну только Антіохидскую филу, подъ начальствомъ Аристида, для погребенія убитыхъ и надсмотра за ранеными и за всею добычею, онъ немедлено послѣ сраженія, самымъ усиленнымъ переходомъ поспѣшилъ къ Фалиру и успѣлъ прибыть туда прежде Персидскаго флота. По нечаянному случаю, Аѳинское войско и здѣсь, точно такъ, какъ при Мараѳонѣ, заняло своимъ станомъ мѣсто, такъ же посвященное герою Ираклу и называемое Киносаргомъ. Это быстрое и неожиданное движеніе Мильтіада спасло его отечество. Персидскіе военачальники не рѣшились болѣе испытывать счастія въ сраженіи и поплыли обратно въ Азію.

Иппія заплатилъ жизнію за свое предательство. По свидѣтельству *Юстина* [1]) и Цицерона, онъ былъ убитъ въ сраженіи. Боги, наказавшіе его преступленіе, ясно предвѣщали ему погибель. Иродотъ говоритъ, что въ ночь, предшествовавшую высадкѣ войска на Мараѳонское поле, Иппія видѣлъ во снѣ, будто бы онъ лежалъ со своею матерью. Онъ весело проснулся и разсказывалъ свой сонъ съ удовольствіемъ, видя въ немъ предвѣщаніе, что онъ самъ возвратится на родину и спокойно окончитъ жизнь въ собственномъ дворцѣ своемъ. Но на другой день, при расположеніи лагеря, съ нимъ сдѣлался такой сильный кашель, что одинъ зубъ его выпалъ и потерялся въ пескѣ. Не смотря на всѣ возможныя старанія, Иппія не могъ найти зуба и со вздохомъ сказалъ окружавшимъ его: «эта земля не наша; мы не покоримъ ее; мой сонъ предсказываетъ мнѣ смерть.» Кара боговъ исполнилась.

По словамъ Иродота число убитыхъ Персовъ было 6400 человѣкъ, что составляетъ почти треть всего войска, по нашему счету. Такая потеря весьма легко объясняется ходомъ самаго сраженія, въ которомъ воины, гонимые паническимъ страхомъ, толпились въ величайшемъ смятеніи въ болотѣ и были беззащитно убиваемы. Показаніе Иродота такимъ образомъ правдоподобно. Съ такою же точностію сей историкъ говоритъ и о числѣ убитыхъ Аѳинянъ: ихъ было 192. Здѣсь разумѣются впрочемъ только одни граждане. Между ними пали многіе значительные люди въ государствѣ; таковы были: Полемархъ, Каллимахъ, воевода Стисилай и Кинэгиръ,

---

[1]) *Юстинъ*—Римскій историкъ (во II и III в. по Р. Х.)—написалъ извлеченіе изъ исторіи Трога Помпея, не дошедшей до насъ.

братъ поэта *Эсхила* [1]). Послѣднему отрубили руку въ то самое время, когда онъ схватилъ корму непріятельскаго корабля, чтобы завладѣть онымъ.

Бѣгство Персовъ было столь стремительнымъ, что они покинули свой роскошный лагерь и думали только о спасеніи жизни. Всѣ эти богатства и кромѣ того семь кораблей сдѣлались добычею Аѳинянъ и щедро вознаградили труды ихъ. Мильтіадъ избралъ Аристида для надзора за нею во время своего отсутствія и не обманулся въ своихъ ожиданіяхъ. Въ это рѣшительное мгновеніе своей жизни, Аристидъ не измѣнилъ великодушію и не плѣнился золотомъ, серебромъ, драгоцѣнными одеждами и оружіями, которыя его окружали. Подъ его надсмотромъ все осталось неприкосновеннымъ. Но не всѣ обладали такимъ возвышеннымъ чувствомъ; въ особенности запятналъ себя Аѳинскій вельможа Каллія, занимавшій высокое званіе дадуха въ Елевзинскихъ таинствахъ. Когда уже сраженіе было выиграно, и непріятель бѣжалъ въ безпорядкѣ, одинъ Персіанинъ, принявъ Каллію, по жреческой его одеждѣ, за царя, преклонилъ предъ нимъ колѣна и, указывая на груду золота, спрятанную въ ямѣ, просилъ о спасеніи жизни. Но Каллія убилъ его и завладѣлъ сокровищемъ. Этотъ поступокъ его былъ поводомъ прозванія *Λακκόπλουτος* (богатый ямою), которое дано было ему въ насмѣшку и осталось на всегда въ его потомствѣ.

Спартанское правительство не измѣнило своему обѣщанію и отправило въ Аттику, тотчасъ послѣ полнолунія, отрядъ въ 2,000 человѣкъ. Эти доблестные воины оказали необыкновенную ревность и достигли Аѳинъ въ три дня по выступленіи изъ Лакедэмона. Такое усердіе лучше всего свидѣтельствуетъ объ ихъ доброй волѣ и служитъ доказательствомъ, что прежній отказъ происходилъ дѣйствительно отъ причинъ религіозныхъ. Но не смотря на всѣ напряженія, они прибыли поздно и, къ величайшему своему удивленію, услышали въ Аѳинахъ объ одержанной наканунѣ побѣдѣ. Тогда они хотѣли по крайней мѣрѣ посмотрѣть самое поле сраженія и увидѣть Персовъ, хотя мертвыхъ. Это желаніе знаменательно потому, что до того времени даже имя Персовъ наводило ужасъ, такъ что Аѳиняне были первые между Греками, которые безъ страху встрѣтили Мидійскую одежду. Спартанцы отправились къ Мараѳону и тамъ могли лично удостовѣриться въ пораженіи Мидянъ и удовлетворить свое любопытство. Поздравивъ наконецъ Аѳинянъ съ побѣдою и отдавъ имъ справедливо заслуженныя похвалы, они возвратились въ отечество.

[1]) Знаменитый Греч. трагическій поэтъ (525—456). Его біографія и двѣ трагедіи «Прикованный Прометей» и «Персы» напечатаны въ III т. нашей Христом., изд. 2, стр. 20—60.

Такова была Мараѳонская побѣда. Это блистательное дѣло обязано своимъ успѣхомъ Мильтіаду, который съ глубокою обдуманностію начерталъ планъ и съ рѣшительностію, но и со спокойствіемъ привелъ его въ исполненіе.

Онъ воспользовался отсутствіемъ непріятельской конницы и нанесъ врагамъ пораженіе. Это обстоятельство было важнымъ и такъ хорошо всѣми понято, что даже перешло въ пословицу: лучшая похвала Мильтіаду. «Ушли всадники», говорили въ Аѳинахъ о разбитомъ непріятельскомъ строѣ. Этотъ полководецъ однако нашелъ въ своихъ согражданахъ достойныхъ себѣ сподвижниковъ; только съ ними онъ и могъ одержать такую побѣду. Порядокъ, послушаніе и храбрость Аѳинянъ явились здѣсь въ полномъ блескѣ. Самое даже извѣстіе о спасеніи отечества доставлено было въ Аѳины рѣдкимъ поэтическимъ образомъ. Одинъ изъ воиновъ, Ѳерсиппъ, еще до совершеннаго окончанія битвы, побѣжалъ во всемъ вооруженіи въ городъ, прибылъ туда и, сказавъ: «радуйтесь», упалъ и тотчасъ померъ. Аѳиняне такъ были тронуты симъ поступкомъ, что оставили собственное его имя и называли всегда только Евкліемъ (*Εὐκλῆς*), т. е. славнымъ.

Мараѳонская побѣда спасла не только Аттику, но и всю Грецію отъ Персидскаго владычества; нашествіе этихъ варваровъ предвѣщало порабощеніе, грозило гибелью Еллинской образованности и, въ случаѣ успѣха, лишило бы міръ тѣхъ прекрасныхъ и великихъ произведеній ума, которыя не перестаютъ и никогда не перестанутъ быть наставниками въ просвѣщеніи. Отбивъ Персовъ, Аѳиняне оказали услугу всему человѣчеству и увѣнчались безсмертною славою.

Когда наконецъ непріязненный флотъ скрылся, и опасность миновалась, воодушевленіе и восторгъ распространился по всей республикѣ, и народъ былъ въ радостномъ упоеніи. Но среди веселья и удовольствій, взоры всѣхъ обратились къ богамъ покровителямъ, и живое чувство благочестія и благодарности наполнило сердца гражданъ. И въ этомъ отношеніи, великодушіе Аѳинянъ является въ прекрасномъ видѣ.

Прежде всего съ большою честію преданы были землѣ тѣла убитыхъ гражданъ, Платэйцевъ и рабовъ, павшихъ въ сраженіи, и надъ ихъ могилами насыпаны два кургана: одинъ въ память Аѳинянъ, другой — рабовъ и Платэйцевъ. На вершинѣ перваго поставлены были столбы съ именами погребенныхъ и ихъ фамиліи. Эти курганы и надписи сохранялись въ древности ненарушимо, такъ что *Павзаній* [1]) видѣлъ и описалъ ихъ почти семь столѣтій спустя послѣ сего событія.

[1]) *Павзаній* (жилъ въ II в. по Р. Хр.) — Греч. географъ и историкъ. Оста-

Они совершили потомъ съ пышностію и торжествомъ религіозные обряды и своими молебствіями, пѣніемъ, храмовыми ходами и жертвоприношеніями старались отблагодарить боговъ и героевъ за ниспосланную имъ защиту. Предъ сраженіемъ, полемархъ далъ обѣтъ заклать, въ честь богини Артемиды, столько козъ, сколько падетъ Персовъ; но число убитыхъ оказалось до такой степени великимъ, что не было возможности исполнить сію жертву. Тогда гражданское вѣче опредѣлило избрать только 500 козъ, съ тѣмъ однако, чтобы совершать сей обрядъ ежегодно во всѣ позднѣйшія времена.

Храмъ Артемиды находился на лѣвомъ берегу Илисса, по восточную сторону города, противъ источника, именовавшагося прежде Каллироею, прекрасно текущей, а потомъ Еннеакрупомъ, девять ключей. Это предмѣстіе называлось Агрою и было знаменито праздникомъ «малыхъ Елевзинскихъ таинствъ», который соблюдался тамъ всякую весну въ мѣсяцѣ Анѳестеріонѣ. Оно избрано было и теперь для принесенія Артемидѣ благодарственныхъ молебствій, назначенныхъ 6-го Воэдроміона, три недѣли послѣ сраженія и за недѣлю до начала большихъ Елевзинскихъ таинствъ. Праздникъ открылся торжественнымъ ходомъ изъ города въ храмъ Агротеры, и былъ безъ сомнѣнія однимъ изъ самыхъ блистательныхъ и великолѣпныхъ, которые когда-либо учреждались въ Аѳинахъ. Изображеніе богини сопровождали жрецы, высшіе сановники и множество гражданъ; ему предшествовали козы, опредѣленныя на закланіе и ведомыя храмовыми служителями. Присоединимъ къ тому пѣніе, музыку, горящіе свѣчи и факелы и наконецъ радость, сіяющую на всѣхъ лицахъ, и мы получимъ прекрасную картину народнаго счастія. Послѣ принесенія жертвы, шествіе возвратилось въ городъ, но народъ остался близь храма и провелъ день въ шумномъ веселья и пиршествѣ.

Подобными поклоненіями они почтили бога Пана, ниспославшаго имъ помощь безъ мольбы, по собственному влеченію. У самой подошвы Акрополя, въ сѣверозападномъ углу находится еще и теперь большая пещера, входящая въ гору подлѣ ключа, называемаго древними Клепсидрою. Аѳиняне поставили въ углубленіи жертвенникъ въ честь Аполлона. Такъ она оставалась до Мараѳонскаго сраженія. Тогда они произвели тамъ новое большое углубленіе и воздвигли еще жертвенникъ для прославленія Пана. Съ этихъ поръ начали оказывать этому богу почести и предлагать дары; и первымъ былъ самъ Мильтіадъ, принесшій мраморное его изо-

вилъ описаніе Греціи въ 10 книгахъ, — весьма важное сочиненіе въ ученомъ отношеніи.

браженіе съ слѣдующею надписью, сочиненною поэтомъ *Симонидомъ* [1]):

«Мильтіадъ поставилъ меня, козлоногаго Пана, Аркадца, сподвижника Аѳинянъ противъ Мидянъ».

Мало по малу пещера наполнилась таковыми приношеніями и, судя по многимъ углубленіямъ въ стѣнѣ, предназначеннымъ для статуй, и по гвоздямъ, до нынѣ сохранившимся и служившимъ къ укрѣпленію разнаго рода даровъ, можно принять безошибочно, что они были весьма значительны. Даже найдена была статуя Пана близъ сего мѣста въ саду. Она находится теперь въ общественной библіотекѣ, въ городѣ Кембриджѣ, и можетъ быть та самая, которую посвятилъ Мильтіадъ. Но гордость Аѳинянъ не допустила, чтобы одинъ гражданинъ отличился предъ цѣлою республикою, а потому нѣсколько опредѣлило изваять въ честь сего бога еще статую отъ имени государства. Это рѣшеніе было исполнено, и подъ кумиромъ читалась надпись:

«Изъ Паросскаго камня, у Кремля Паллады воздвигли Аѳиняне побѣдоносцаго Пана».

Въ скоромъ времени добрый Аркадецъ сталъ самымъ народнымъ богомъ въ Аѳинахъ: ему совершались ежегодныя жертвоприношенія; его воспѣвали сколіями; предъ его кумиромъ теплилась никогда неугасимая лампада и наконецъ его чтили лампадефоріями, т. е. играми, на коихъ молодые люди состязались бѣгомъ, съ горящими факелами. Первыя игры праздновались тотчасъ послѣ побѣды, и счастливый случай сохранилъ намъ отрывокъ пѣсни, въ которой юноши, покрытые оливковымъ вѣнкомъ, освященнымъ въ Пандросіѣ, прославляли своего покровителя. Она начинается воззваніемъ къ сему богу:

«Панъ, владыко славной Аркадіи, любитель пляски, спутникъ рѣзвыхъ смѣющихся нимфъ;

«Панъ, всегда радующійся нашему веселью, нашимъ пѣснямъ! Мы одержали желанную побѣду; ее даровали намъ боги и принесли изъ Пандросія вѣнецъ пріятный Аѳинѣ».

Аѳиняне не забыли въ своемъ благочестіи и Дельфійскаго Аполлона и поднесли Пиѳіи многіе драгоцѣнные дары, которые сохранялись въ храмѣ, даже въ бытность тамъ Павзанія. Этотъ писатель говоритъ, что, во время своего посѣщенія, онъ видѣлъ золотые щиты, прибитые на верху храмовыхъ столбовъ, сокровищницы, называемыя ѳисаврами, кумирами Аполлона и Аѳины, изваянія пенатовъ филъ, отечественныхъ героевъ: Ерехѳея, Кекропа, Пандіона,

---

[1]) *Симонидъ* — Греческій поэтъ. Отрывки изъ его элегій напечатаны во II т. нашей Христом., изд. 2, стр. 140.

Леоса, Антіоха, Эгея, Акаманта; статуи Кодра, Өисея, Филэя и наконецъ изображеніе самаго Мильтіада. На покрытіе издержекъ всѣхъ сихъ приношеній опредѣлена была, по древнему обычаю, часть десятины Мараөонской добычи, которая оставалась неприкосновенною до тѣхъ поръ, пока великій художникъ Фидія не привелъ въ исполненіе обѣта своихъ согражданъ.

Другая весьма значительная часть той же десятины посвящена была богинѣ Аөинѣ и точно такъ же не была тронута, пока не явился художникъ, достойный сего прекраснаго предпріятія. Геній Фидіи создалъ кумиръ, въ которомъ колоссальность соединялась съ изящностію и во всемъ видѣ котораго было такъ много божескаго, что вся Греція не переставала ему удивляться. Фидія изобразилъ богиню вооруженною, въ шлемѣ, съ копьемъ въ правой рукѣ и поднятымъ щитомъ въ лѣвой. Ея взоръ обращенъ былъ къ городу и она казалась предводительницею, шествующею на защиту своихъ поклонниковъ. Она поставлена была въ Акрополѣ, близъ колесницы, воздвигнутой въ честь пораженія Халкидцевъ, противъ главнаго входа, между Пропилеями и Парөенономъ. Въ самой статуѣ считалось до 55 футовъ, а съ подножіемъ до 75, такъ что она превышала и ворота и самый храмъ, и ея шлемъ и оконечность копья видны были мореходцамъ, плывшимъ у Суніейскаго мыса. Такъ представленная, богиня прозвана была Аөиною передовою, и это имя есть прекрасный символъ Мараөонской побѣды. Прежде всѣхъ Грековъ Аөиняне встрѣтились съ Персами, прежде всѣхъ они сражались съ этими Азіатцами и своею грудью отстояли свободу цѣлой Греціи; они были такимъ образомъ «передовыми Еллиновъ при Мараөонѣ», какъ называетъ ихъ поэтъ Симонидъ, въ одной эпиграммѣ. Въ воспоминаніе этого блистательнаго подвига они дали своей богинѣ названіе «передовая», т. е. первая воительница противъ Персовъ, побѣдительница при Мараөонѣ. Это имя увѣковѣчивало самое событіе. Но желая прославить себя, Аөиняне не щадили издержекъ и избрали лучшихъ художниковъ для исполненія статуи. Фидія отлилъ ее изъ бронзы, Парразій начертилъ рисунокъ Кентавромахіи для щита и наконецъ Мисъ вычеканилъ его и окончилъ изваяніе. Кумиръ Аөины Паллады былъ украшеніемъ священнаго Кремля и охраненіемъ республики. Аөиняне любили его и гордились имъ, описывали его въ стихахъ и прозѣ и даже выбивали медали съ его изображеніемъ. Признательная богиня не забыла сихъ почестей и спасла городъ въ то время, когда онъ, безъ войска, безъ помощи, претерпѣлъ столь же ужасное нашествіе Алариха съ Готөами, каковымъ было прежде Мидійское. *Зосимъ*[1]) говоритъ, что

[1]) *Зосимъ* (въ V в. по Р. Хр.) — Греч. историкъ. Написалъ «Исторію Римскаго государства».

когда Аларихъ завоевалъ Пирей, и готовился къ приступу, то на стѣнѣ явилась богиня въ такомъ величіи и столь грозною, что онъ не смѣлъ сдѣлать нападенія, просилъ самъ о мирѣ, вступилъ въ городъ, какъ союзникъ и, не причинивъ никакого вреда, вывелъ войско изъ Аттики.

Наконецъ Аѳиняне обоготворили самый подвигъ свой, и изъ остальной части добычи опредѣлили построеніе храма. Они вскорѣ соорудили его близъ Агры и Илиссы и посвятили «Славѣ».

Отблагодаривъ боговъ за ниспосланную благость, Аѳиняне хотѣли прославить собственную свою храбрость и праздновали побѣду съ большимъ великолѣпіемъ.

Въ слѣдующемъ 489 году, въ архонство Аристида, даны были торжественныя игры, на коихъ воспѣвались подвиги гражданъ и геройство павшихъ на полѣ битвы. Поэтами были Эсхилъ и Симонидъ, состязавшіеся о наградѣ. Симонидъ побѣдилъ своего соперника и былъ увѣнчанъ.

Но восторгъ, упоеніе были столь велики, что ни сооруженіе храмовъ, ни воздвиженіе кумировъ, ни пѣсни поэтовъ, ничто не могло удовлетворить имъ, они желали сохранить память о семъ событіи изображеніемъ онаго живописью; а потому вскорѣ послѣ сраженія, гражданское вѣче опредѣлило заказать картины и выставить ихъ въ какой-нибудь стоѣ.

Въ древней Греціи и Италіи былъ всеобщій обычай строить на площадяхъ и рынкахъ крытые, окруженные столбами, ходы, предназначаемые для отдохновенія и бесѣды. Они назывались у Грековъ стоями, у Римлянъ портиками, и были украшаемы статуями, картинами, разнаго рода художественными произведеніями. Въ нихъ всегда собиралось значительное общество: одни для защиты отъ непогоды, другіе для свиданія, а дѣловые люди для оборотовъ и условій. Таковыя зданія находились также въ Аѳинахъ и въ числѣ ихъ одно, стоявшее на старомъ рынкѣ и называвшееся стоею Писіанактійскою, по имени своего представителя Писіанакта. Эту стою избрали вѣче для помѣщенія въ ней картинъ, представлявшихъ Мараѳонское сраженіе. Обстоятельства не позволили начать тотчасъ сіе предпріятіе и, по изслѣдованіямъ остроумнаго критика Летрона, только послѣ освобожденія отъ нашествія Ксеркса, около 479 года, Аѳиняне могли рѣшительно приступить къ нему. Картины были заказаны двумъ живописцамъ Панэну и Микону и исполнены съ такимъ искусствомъ, что всегда считались украшеніемъ стои. Онѣ были нарисованы на деревѣ и изображали битву въ трехъ дѣйствіяхъ, составлявшихъ три отдѣльныхъ картины. Въ первой написано было начало сраженія, когда еще не было перевѣса ни на одной сторонѣ: здѣсь главное вниманіе обращалъ на себя Миль-

тіадъ, котораго художникъ представилъ съ простертою рукою, указывающимъ на непріятеля; около его виднѣлись между Аѳинянами Эсхилъ, Кинэгиръ, Епизилъ и Каллимахъ, а между Персами Датисъ и Артафернъ. Въ средней картинѣ побѣда на сторонѣ Аѳинъ: Персы обратились въ бѣгство и топятся въ болотѣ. Наконецъ въ третьей, послѣдней картинѣ уже окончательное пораженіе Мидянъ и отплытіе кораблей. Въ этомъ отдѣлѣ являются боги и герои покровители, доставившіе побѣду: Аѳина, Ираклъ, Ѳисей и наконецъ Мараѳонъ, давшій названіе городу и полю. Въ то же время выставлены были въ сей стоѣ нѣкоторыя другія картины и между ними: взятіе Трои Полигнота, которую этотъ знаменитый живописецъ подарилъ республикѣ. Всѣ онѣ такъ украсили зданіе, что Аѳиняне измѣнили его названіе и вмѣсто стои Писіанактійской, стали ее звать Разноцвѣтною. Впослѣдствіи времени, философъ *Зинонъ* [1]) избралъ ее мѣстомъ своего преподаванія, почему приверженцы его ученія именуются Стоиками.

Мы видѣли прежде, что Платэйцы были единственными союзниками Аѳинянъ и достойными ихъ сподвижниками на полѣ сраженія. Республика не забыла эту услугу, и съ того времени, по словамъ Геродота, при жертвахъ, приносимыхъ каждыя пять лѣтъ, молились о благополучіи Аѳинянъ и Платэйцевъ.

Сами Платэйцы употребили часть своей добычи на сооруженіе статуи Аѳины. Этотъ кумиръ стоялъ въ храмѣ сей богини и былъ также работы Фидія. Туловище, руки и ноги его были сдѣланы изъ Пэнтемискаго мрамора, голова изъ позолоченнаго дерева, у подножія находилось изображеніе Аримниста, вождя Платэйцевъ при Мараѳонѣ.

Такъ славили Аѳиняне свою побѣду и чествовали самихъ себя! Это воодушевленіе свое они передали потомкамъ, которые всегда гордились симъ подвигомъ и вспоминали о немъ даже послѣ паденія республики, во время императоровъ.

Слова «Мараѳонъ и Мараѳонскій воинъ (*Μαραθωνομάχης*)» сдѣлались какъ бы волшебными и приводили въ восторгъ каждаго гражданина.

Но среди всѣхъ сихъ праздниковъ и увеселеній, среди всеобщей радости и игръ, даже въ пѣсняхъ поэтовъ, мы напрасно будемъ искать человѣка, который былъ виновникомъ этого счастія. Имя Мильтіада, генію коего республика обязана своимъ спасеніемъ, не произнесено ни одинъ разъ; всюду встрѣчаемъ Аѳинянъ, нигдѣ Мильтіада. Такое молчаніе есть самая замѣчательная черта въ этомъ

---

[1]) *Зинонъ*, или Зенонъ (въ IV в. до Р. Хр.) — Греч. философъ, основатель Стоической системы въ философіи, отличался суровою жизнію.

событіи и обнаруживаетъ республиканскій духъ того времени. По понятіямъ древнихъ Грековъ республика уничтожаетъ личность; а потому и подвиги гражданина, сколь бы они ни были доблестными, принадлежатъ и доставляютъ славу не ему, а государству. Самыя великія заслуги и пожертвованія признаются только обязанностію и повиновеніемъ законамъ. Такъ думали и поступали Спартанцы, и Симонидъ прекрасно выразилъ ихъ образъ мысли въ извѣстной надписи, поставленной на могилѣ павшихъ при Фермопилахъ. «Возвѣсти, прохожій, Лакедэмонянамъ, что мы здѣсь лежимъ, повинуясь ихъ законамъ».

М. Куторга [1]).

ДЕНЬ ВЪ РИМСКОМЪ ЦИРКѢ.

(*Августа Данца* [2]).

Во время императора Траяна одинъ богатый гражданинъ Віенны, города въ нынѣшней Франціи, завѣщалъ значительную сумму денегъ на ежегодныя игры. Требоній Руфинъ, бывшій въ то время во главѣ городоваго правленія Віенны, воспротивился исполненію этой части его завѣщанія. Привязанные къ зрѣлищамъ всякаго рода, жители Віенны отстаивали завѣщаніе, и дѣло дошло наконецъ до императора, который назначилъ для его изслѣдованія особую коммиссію и самъ принялъ въ ней предсѣдательство. Большинство членовъ этой коммиссіи, соглашаясь съ мнѣніемъ Руфина, не дозволило ежегодныхъ игръ въ Віеннѣ на томъ основаніи, что онѣ такъ же развратили бы нравы жителей этого города, какъ Римскія игры были причиною нравственной порчи всѣхъ народовъ міра.

Съ этимъ рѣшеніемъ коммиссіи вполнѣ согласно мнѣніе благороднѣйшихъ Римлянъ со временъ Августа до Гадріана; всѣ они единодушно считали игры и битвы цирка главнѣйшею причиною и источникомъ испорченности вкуса и суровости нравовъ. И мы, узнавши, какое мѣсто занимали эти игры въ жизни Римскаго народа во время имперіи, и какую безумную страсть внушали ему, должны будемъ согласиться съ мнѣніемъ благороднѣйшихъ людей того времени.

Во время имперіи вся жизнь Римскаго народа вращалась около однихъ общественныхъ праздествъ и игръ цирка. Для того, чтобы

---

[1]) Профессоръ Всеобщей Исторіи въ С.-Петербургскомъ университетѣ, современный писатель.

[2]) Профессоръ Іенскаго университета.

вполнѣ оцѣнить гибельное вліяніе послѣднихъ, вспомнимъ, что уже во время агоніи Римской республики онѣ, вмѣстѣ съ безденежною раздачею хлѣба, были главнѣйшимъ средствомъ въ рукахъ честолюбцевъ, искавшихъ власти. Для достиженія этой цѣли нужно было угождать Римской городской толпѣ, удовлетворяя всѣмъ ея потребностямъ, — а эта толпа, простиравшаяся въ первое время имперіи до 1,250,000 человѣкъ, состояла почти вся изъ бѣдняковъ, у которыхъ не было никакой собственности, никакихъ средствъ существованія, потому что, гордые своимъ званіемъ Римскихъ гражданъ, всякую работу и всякій промыселъ считали они ниже своего достоинства и въ то же время хотѣли жить не только беззаботно, но еще среди веселій. Такому положенію и такимъ склонностямъ Римскаго народонаселенія цезари старались удовлетворять раздачею хлѣба по самымъ дешевымъ цѣнамъ и доставленіемъ разныхъ удобствъ жизни и безпрерывныхъ увеселеній. Уже Августъ содержалъ или поддерживалъ половину городскаго народонаселенія раздачею хлѣба и денегъ; и эта раздача происходила не единовременно, не въ рѣдкіе лишь случаи скоропреходящей дороговизны, но постоянно, ежегодно, такъ что чье имя однажды было внесено въ листы, тотъ всю жизнь пользовался благодѣяніями казны. Можно сказать не боясь преувеличенія, что бо́льшая часть Римскаго народонаселенія состояла на жалованьи Августа. Въ годы голода и дороговизны щедрость его доходила до того, что онъ безденежно раздавалъ хлѣбъ на большую часть года всѣмъ гражданамъ Рима. Вмѣстѣ съ тѣмъ бѣднѣйшее городское населеніе съ невѣроятною щедростью надѣлялось и деньгами. При счастливыхъ событіяхъ эти денежные подарки раздавались въ размѣрахъ еще болѣе обширныхъ. Такъ въ короткій промежутокъ семнадцати лѣтъ трижды одарялъ Августъ все мужское населеніе Рима, включая въ него и малыхъ дѣтей, каждаго по 400 сестерцій (около 20 руб. серебр.)—что̀ составляло каждый разъ огромную сумму почти въ 12 милліоновъ руб. серебромъ.

Еще неумѣреннѣе были требованія Римскихъ жителей относительно удовольствій и увеселеній разнаго рода. Жить безъ заботъ и наслаждаться безъ труда — вотъ цѣна, которою искупалось забвеніе историческихъ воспоминаній. И по тому же закону, который увлекаетъ луну въ обращеніи земли, нравственный упадокъ Рима увлекалъ всѣ города и провинціи Имперіи на ту же гибельную стезю. Наслажденіе сдѣлалось послѣднею цѣлью жизни, и кто доставлялъ его въ наибольшей мѣрѣ, тотъ становился властелиномъ міра. Еще въ концѣ республиканскаго періода начались великолѣпныя сооруженія съ цѣлью доставить удобства и наслажденія жителямъ Рима. Цезари, сооружая неизмѣримыя по величинѣ и великолѣпію термы, не

имѣли, по мѣткому замѣчанію *Нибура* [1]), другой цѣли въ виду, какъ доставить народу въ стѣнахъ самого города тѣ же удовольствія и увеселенія, какія прежде доступны были только богатымъ вдали отъ Рима, въ Баіяхъ и въ виллахъ на берегу моря. Всѣ наслажденія и пріятности жизни на водахъ, всѣ эти гимнастическія упражненія, игры и изысканныя забавы, къ которымъ влекла мода праздный народъ, все это соедвнялось въ предѣлахъ тѣхъ громадныхъ зданій, гдѣ каждый могъ гулять и искать удовольствій съ утра до вечера. Тогда какъ въ прежнее время отдѣльныя лица домогались народной милости тѣмъ, что доставляли ему на нѣсколько дней право безвозмездно пользоваться баней и масломъ, современникъ Августа Агриппа воздвигъ для всегдашняго безденежнаго пользованія тѣ термы, художественное великолѣпіе которыхъ восхваляется всѣми древними. Однакожь и ихъ слава померкла передъ громаднѣйшими и великолѣпнѣйшими послѣдующими постройками, и наконецъ почти въ каждомъ округѣ города воздвигнуты были императорами драгоцѣнныя термы, колоссальныя развалины которыхъ еще и теперь повергаютъ насъ въ удивленіе.

Уже въ послѣдніе дни республики во всѣхъ частяхъ города въ обворожительномъ блескѣ возникали величавыя зданія для увеселеній народа. Такъ на короткій срокъ одного мѣсяца Маркъ Скавръ соорудилъ деревянный театръ, который вмѣщалъ до 80,000 жителей. Сцена была украшена 360 колоннами изъ драгоцѣннѣйшаго мрамора и 3,000 статуй изъ бронзы, всѣ стѣны были одѣты мраморными плитами, мозаикой и позолоченными досками. По случаю похоронныхъ праздниковъ, въ честь отца, Цезарь доставилъ трибуну К. Скрибонію Куріону средства на сооруженіе двухъ знаменитыхъ по своей величинѣ деревянныхъ театровъ. Оба соприкасавшіеся своею заднею стороною полукруга съ мѣстами для зрителей могли быть въ одно мгновеніе съ 20 тысячами зрителей обращены такъ, что по отпаденіи сцены они составляли одинъ громадный амфитеатръ.

Во времена имперіи троякимъ образомъ удовлетворялась страсть народа ко всякимъ зрѣлищамъ. Долгое время для сценическихъ представленій сооружался на короткій срокъ театръ изъ дерева, иногда, какъ показываетъ примѣръ Скавра, съ необыкновеннымъ великолѣпіемъ, и тотчасъ же по окончаніи представленій назначался въ сломку. Еще во время Помпея нравы были такъ строги,

---

[1]) *Нибуръ* (1776—1831) — знаменитый Германскій историкъ. Главнѣйшій его историч. трудъ: Римская Исторія. Здѣсь авторъ критически провѣрилъ всѣ сказанія о первыхъ пяти вѣкахъ Римскаго государства и высказалъ сомнѣніе въ ихъ истинности. О Нибурѣ см. статью въ соч. *Грановскаго.*

что, построивши первый каменный театръ, онъ счелъ за нужное вверху его воздвигнуть храмъ Венерѣ Побѣдительницѣ, чтобы мѣста для зрителей казались лѣстницею къ этому храму. Но и во время величайшаго процвѣтанія Римской роскоши для этихъ менѣе любимыхъ сценическихъ игръ служили во всей громадной столицѣ лишь три театра, если не причислять къ нимъ четвертаго меньшаго-одеона, назначеннаго для музыкальныхъ концертовъ и потому крытаго. Многочисленнѣе были цирки, въ которыхъ давались зрѣлища, съ бо́льшею страстію любимыя Римскимъ народомъ. Наконецъ три колоссальные амфитеатра были построены лишь съ тою цѣлью, чтобы здѣсь съ бо́льшимъ удобствомъ наслаждался народъ тѣми же зрѣлищами, которыя прежде давались въ циркѣ.

До 533 года отъ основанія города, въ Римѣ былъ одинъ только циркъ, который по своей громадности до позднѣйшаго времени назывался «величайшимъ» (Circus maximus). Этотъ циркъ, первое заложеніе котораго приписывается старшему Тарквинію, простирался вдоль по лощинѣ между Палатинскимъ и Авентинскимъ холмами въ томъ мѣстѣ, гдѣ теперь находятся небольшая церковь Santa Maria въ Космединѣ и садъ Рончіани. Первое устроеніе этого цирка Тарквиніемъ едва ли состояло въ какихъ-либо сооруженіяхъ: безъ сомнѣнія въ то время было только отгорожено и выровнено мѣсто для бѣга коней и колесницъ. Каждому изъ 30 старинныхъ отдѣловъ Римскаго народа назначено было особое мѣсто, на которомъ они сами уже строили для себя сѣдалища. Это было не что иное, какъ деревянныя подмостки, служившія на время игръ. Младшій Тарквиній вѣроятно первый построилъ настоящее зданіе цирка; но только въ 425 году были устроены вмѣстилища для колесницъ, которыя замыкали собою возвышавшіяся другъ надъ другомъ мѣста для зрителей, какъ теперь занавѣсъ отдѣляетъ сцену отъ зрителей. Эти карцеры, построенные первоначально изъ дерева, потомъ изъ туфа, наконецъ изъ мрамора, назывались также oppidum, крѣпостцей, потому что снабжены были стѣнами и небольшими башенками. Въ нихъ до начала бѣга стояли колесницы и лошади, и кромѣ того было множество отдѣленій для звѣрей всякаго рода.

Со времени Цезаря и Августа колоссальное зданіе цирка становилось все болѣе и болѣе блестящимъ и великолѣпнымъ. *Діонисій Галикарнасскій* [1]) такъ его описываетъ: «Съ теченіемъ времени этотъ циркъ сталъ красивѣйшимъ зданіемъ въ цѣломъ Римѣ. Вну-

---

[1]) *Діонисій Галикарнасскій* (жилъ въ I в.). — Извѣстенъ историч. и учеными сочиненіями. Его «Римская Археологія» заключаетъ въ себѣ исторію Рима до первой Пунической войны», а «Ars rhetorica и «De compositione verborum» весьма важны въ риторическомъ и филологическомъ значеніи.

треннее пространство его, на которомъ происходили ристанія, и которое, будучи усыпано пескомъ, называлось ареной, простиралось на 2187 ф. въ длину и около 650 ф. въ ширину; такимъ образомъ все зданіе занимало около 5 осьминниковъ земли. Вокругъ арены возлѣ мѣстъ для зрителей тянется каналъ (эврипъ) шириною въ 10 ф. и во столько же глубиною, весь наполненный водой. Только съ той стороны, гдѣ карцеры, нѣтъ такого рва. За этимъ рвомъ вокругъ всей арены идутъ три соприкасающіеся ряда камеръ со сводами. Надъ крайнимъ рядомъ камеръ возвышаются еще два этажа такихъ же камеръ, а надъ среднимъ рядомъ — одинъ этажъ. По верху этихъ камеръ со сводами, въ видѣ трехъ-ярусного амфитеатра окружающихъ арену, устроены мѣста для зрителей, идущія свизу вверхъ на подобіе лѣстницъ. Въ двухъ нижнихъ ярусахъ эти мѣста сдѣланы изъ камня, въ верхнемъ — изъ дерева».

Послѣднимъ обстоятельствомъ объясняется, почему циркъ не разъ могъ быть жертвою пожаровъ, и какимъ образомъ при Антонинѣ Благочестивомъ во время игръ въ честь Аполлона одна часть ступеней обрушилась, при чемъ погибло до 1100 зрителей. На этихъ ступеняхъ, по показанію Діонисія, могло помѣститься до 150 тысячъ зрителей, по Плинію же до 260 тысячъ. Передъ арками карцеровъ стояли двѣ небольшія статуи Меркурія; онѣ держали цѣпь или канатъ, не позволявшій конямъ выдвигаться впередъ, пока не давался сигналъ для начала ристаній. Вмѣсто цѣпи или каната проводилась иногда борозда, наполнявшаяся известью; за ней *мараторы* держали лошадей до времени бѣга. По серединѣ арены почти во всю длину ея шла стѣна, *спина* (spina), въ 12 футовъ шириною и 4 фута вышиною. По обоимъ ея концамъ стояли три небольшія колонны, *меты* (metæ), служившія цѣлію. Между ними и каналомъ съ трехъ сторонъ и карцерами съ четвертой могли свободно проѣзжать четыре колесницы рядомъ. Верхняя поверхность этой оси цирка (spina) украшалась статуями. При первой метѣ, которая обращена была къ карцерамъ, стояли другія семь небольшихъ колоннъ, на вершинѣ которыхъ находились овальные шарики, называвшіеся яйцами, ova. Для того чтобъ отмѣчать, сколько разъ объѣхали колесницы вокругъ спины, каждый разъ снимался съ этихъ колоннъ такой шарикъ. Каждое ристаніе состояло изъ семи круговъ около спины; поэтому тотъ оставался побѣдителемъ, кто при седьмомъ кругѣ скорѣе другихъ достигалъ меты. Семь такихъ круговъ назывались однимъ выпускомъ, mysus. Въ особенныхъ случаяхъ, преимущественно же когда кромѣ ристаній предполагались еще и другія игры въ циркѣ, спина снималась, и меты и ova оставались одни на аренѣ.

На ряду съ играми циркъ употреблялся еще и для того, чтобы

выказать любовь къ пышности и расточительность цезарей. Такъ Пробъ велѣлъ пересадить на середину арены множество огромныхъ, вырытыхъ съ корнемъ, деревъ; этотъ волшебный лѣсъ былъ наполненъ тысячью страусовъ, сервъ, ланей и дикихъ веприй, — и все это предоставлено въ добычу народу. При Каринѣ циркъ былъ обращенъ въ Ѳракійскую гору, окрашенъ дорогими плодовитыми деревьями и орошенъ источникомъ, который низвергался на арену съ самой вершины скалы.

Эти отдѣльныя черты, переданныя намъ изъ разныхъ временъ, могутъ дать понятіе о томъ, что происходило въ Римскомъ циркѣ. Но только подробныя извѣстія о безумной къ этимъ играмъ страсти Калигулы даютъ возможность перенестись на цѣлый день въ Римскій циркъ и мысленно пережить всѣ приготовленія къ нему, всѣ радости, и горестныя явленія, какими этотъ день сопровождался. Мелкіе камни, которые я собралъ для этой мозаической картины, суть достовѣрныя данныя, в при нхъ соединеніи я позволилъ себѣ только то, что позволено — ежели можно сравнивать малое съ великимъ — ландшафтному живописцу, изображающему какой-нибудь пейзажъ на память съ помощію своего альбома и не навлекающему на себя порицанія, ежели для наполненія пустаго перваго плана онъ помѣститъ дерево, котораго нѣтъ въ дѣйствительности. Я только предполагалъ, что то, что *каждый разъ* случалось, случилось и тотъ день, который я пытался изобразить, и думаю, что отъ этого нисколько не пострадаетъ *внутренняя* истина.

Избираю для такого изображенія блестящую эпоху игръ при императорѣ Каіѣ, болѣе извѣстномъ подъ именемъ Калигулы. Калигула имѣлъ счастіе, по смерти своего предшественника Тиберія, найти въ казнохранилищѣ около 150 милліоновъ руб. сер., а чернь Римская вмѣняла ему въ особенную заслугу, что онъ въ девять мѣсяцевъ истратилъ эту огромную сумму на увеселенія и празднества всякаго рода. Онъ предположилъ себѣ въ полномъ и еще невиданномъ блескѣ возвратить Римлянамъ тѣ увеселенія, которыхъ они, къ великому своему прискорбію, лишены были въ мрачное правленіе Тиберія. Онъ постановилъ — достойнымъ образомъ воскресить эти игры въ день своего рожденія 31 августа.

Превосходныя дороги, устроенныя его предшественниками и соединявшія большую часть Римскаго царства со столицею міра, давали возможность съ помощію императорскихъ почтъ отвсюду, даже изъ самыхъ отдаленныхъ провинцій имперіи, съ невѣроятною быстротою собрать все то, чѣмъ цезарь надѣялся изумить своихъ Римлянъ. По всей имперіи пришли въ движеніе легкія двухколесныя, запряженныя тремя мулами, колымаги, служившія обыкновенно для пассажировъ и нагружаемыя не болѣе какъ двумя стами фунтами;

это движеніе имѣло цѣлью или возложить на правителей провинцій покупки, предположенныя цезаремъ, или возвѣстить по всей имперіи о предстоящемъ празднествѣ и вызвать въ Римъ на состязаніе искуснѣйшихъ возницъ, бойцовъ и укротителей звѣрей. Намѣстники Африканскихъ и Азіятскихъ провинцій получали приказаніе немедленно устроить ловли звѣрей, и самыхъ дикихъ и рѣдкихъ изъ нихъ въ клѣткахъ доставить въ Римъ, либо на корабляхъ, либо на четырехъ-колесныхъ телѣгахъ, запрягавшихся восемью мулами и перевозившихъ обыкновенно тяжелую почту съ одной станціи на другую. Намѣстники должны были озаботиться и тѣмъ, чтобы ни въ одномъ городѣ не было остановки звѣрямъ и ихъ вожатаямъ болѣе какъ на семь дней.

Какъ ни полны были императорскія конюшни, однакожь Римскіе богачи спѣшили выхлопотать себѣ у императора такъ называемую evectio, т. е. позволеніе безденежно пользоваться почтовыми учрежденіями имперіи для того, чтобъ отвсюду — изъ Италіи, Сициліи, Каппадокіи и Аравіи — вывозить благороднѣйшихъ лошадей для предстоящихъ состязаній. Правда, лошади, назначаемыя для ристаній, покупались и содержались на счетъ государства, однакожь партіи цирка, богатые частные люди и самъ императоръ имѣли еще собственныхъ своихъ лошадей и выставляли ихъ на состязаніе въ циркѣ. Такія лошади были не старше пяти лѣтъ, безукоризненнаго склада и цвѣта, и потому цѣна имъ никогда не бывала ниже 1,500 руб. сер. на наши деньги. И не смотря на то, по увѣренію *Варрона* [1]), такихъ лошадей было въ Римѣ не менѣе 400 тысячъ. Въ цѣломъ Римѣ не было другаго разговора кромѣ какъ о предстоящихъ играхъ, и чѣмъ болѣе приближался день игръ, чѣмъ болѣе узнавались новыя покупки, тѣмъ оживленнѣе становился споръ объ исходѣ бѣговъ и о предполагаемыхъ побѣдителяхъ. На огромныя суммы бились объ закладъ о торжествѣ того или другаго возницы. Праздная чернь обступала городскія ворота, чтобъ посмотрѣть на рѣдкости, отвсюду привозимыя для увеселенія народа.

Еще большее оживленіе замѣтно было въ тѣхъ кружкахъ, которые принимали прямое участіе въ играхъ. Наиболѣе заняты были въ продолженіе цѣлыхъ мѣсяцевъ до начала игръ владѣтели возницъ и сами возницы.

Для того, чтобы сдѣлать яснымъ устройство игръ, которое со всѣми своими злоупотребленіями продолжалось до времени Юстиніана и при немъ было поводомъ къ великому мятежу въ Константинополѣ, во время котораго Юстиніанова гвардія изрубила 30,000

---

[1]) *Варронъ* Маркъ Теренцій (во II в. до Р. Хр.) — ученѣйшій мужъ своего времени. До насъ дошли три книги его сочиненія «De re rustica».

человѣкъ, необходимо прибавить слѣдующія черты. Великія игры въ циркѣ давались на счетъ государства, или назначенными для того высшими сановниками на собственный ихъ счетъ, но сами наѣздники или возницы, aurigae, правившіе колесницами въ циркѣ, были или рабы, или вольноотпущенники и чужестранцы, которые пріѣзжали въ тотъ городъ, гдѣ давались игры цирка. Большинство авригъ было всегда изъ рабовъ, и ими промышляли богатые Римляне. Владѣтель большаго числа такихъ несвободныхъ возницъ назывался *dominus gregis*, т. е. господинъ труппы, отряда возницъ, а труппа, находящаяся подъ его властью, называлась *familia quadrigaria* (*quadrigaria* — колесница, запряженная четырьмя конями). Тѣ, кто обязанъ былъ на свой счетъ давать игры, нанимали на время игръ у этихъ владѣтелей столько возницъ, сколько требовалось, а вмѣстѣ съ ними и лошадей, ливреи, колесницы и все нужное для игръ. Содержатели возницъ имѣли во времена имперіи право безвозмезднаго пользованія почтами для того, чтобы изъ всѣхъ странъ древняго міра собирать въ Римъ лучшихъ лошадей и искуснѣйшихъ возницъ или вербовать ихъ чрезъ своихъ повѣренныхъ въ ближайшихъ къ Риму мѣстностяхъ. Самый бѣгъ сначала состоялъ изъ состязанія только двухъ колесницъ, возницы которыхъ различались разнаго цвѣта одеждою, бѣлою и красною. Въ послѣдствіи, когда обыкновенно пускались четыре колесницы рядомъ, прибавлены были еще два цвѣта, свѣтло-голубый и свѣтло-зеленый. Невинное участіе, какое сначала принималъ народъ въ торжествѣ того или другаго цвѣта, при императорахъ стало причиною неистовыхъ раздоровъ для всего Римскаго народонаселенія. Когда начинали давать игры въ колоссальныхъ размѣрахъ, содержатели возницъ стали соединяться въ компаніи или общества; такихъ обществъ по числу разноцвѣтныхъ ливрей на возницахъ было обыкновенно четыре, и они назывались *factiones* или партіями цирка. А послѣ того какъ значительнѣйшіе граждане стали лично принимать участіе въ играхъ, и болѣе богатые Римляне держали на свой счетъ авригъ и колесницы, чтобы пускать ихъ на состязанія въ циркѣ, то въ знатномъ обществѣ обратилось въ моду брать сторону того или другаго цвѣта и посѣщать манежи той или другой партіи; даже сами императоры открыто принимали сторону одного изъ главныхъ цвѣтовъ голубаго или зеленаго. Люди хорошаго тона непремѣнно должны были записываться членами въ той или другой партіи.

Тѣ авриги, которые не были рабами, но за плату нанимались у одной изъ партій, хотя и держались обыкновенно одного какого-нибудь цвѣта, однакожь за большую плату нерѣдко продавали свои услуги другой, даже враждебной, партіи.

Каждая изъ этихъ четырехъ партій имѣла свой особый конный

дворъ или манежъ, въ которомъ хранилась вся ея утварь и стояли лошади. Въ этихъ же манежахъ жили и многочисленныя, принадлежащія партіи, служащія лица. Во главѣ ихъ стоялъ *quaestor factionis;* онъ завѣдывалъ приходомъ и расходомъ, и выигранныя суммы раздѣлялъ между содержателями возницъ. Возлѣ нихъ жили принадлежавшие особо каждой партіи медики, которые оказывали пособіе потерпѣвшимъ или на состязаніяхъ въ циркѣ, или во время предшествующихъ тому упражненій. *Margaritarii* имѣли подъ своимъ сбереженіемъ дорогія вещи и украшенія, *tentores*—платья авригъ; наконецъ ремесленники всякаго рода должны были заботиться о починкѣ и возобновленіи платья и колесницъ. При такомъ устройствѣ императоры имѣли возможность безъ всякаго приготовленія давать блестящія игры.

Въ этихъ-то манежахъ началось безпрерывное, живое движеніе, лишь только императоръ Кай назначилъ игры. Возницы и новыя лошади были тщательно обучаемы, а лучшихъ изъ нихъ подвергали заклинаніямъ чародѣевъ. Покровители той или другой партіи проводили здѣсь все свое время, чтобъ вдоволь надивиться успѣхамъ возницъ и дрессировкѣ лошадей. Самъ императоръ, могущественный покровитель зеленой партіи и до безумія преданный играмъ, по цѣлымъ днямъ съ утра до вечера оставался въ конюшняхъ и въ нихъ даже располагался обѣдать. Въ числѣ императорскихъ коней особенно замѣчателенъ былъ одинъ конь благороднѣйшей породы, по имени Инцитатъ. Онъ былъ любимцемъ Калигулы; часто получалъ отъ него приглашеніе въ гости, и когда ему случалось принимать свой кормъ у императора, то овесъ и питье подавались ему не иначе, какъ въ золотой посудѣ. Въ мраморномъ стойлѣ своемъ Инцитатъ ѣлъ изъ яслей, сдѣланныхъ изъ слоновой кости, и императоръ подарилъ ему наконецъ, кромѣ пурпуровой попоны и недоуздка, украшеннаго драгоцѣнными камнями, цѣлый домъ, вполнѣ меблированный и снабжённый нужною прислугою: знатныхъ Римлянъ, которыхъ цезарь принуждалъ ухаживать за своею любимою лошадью, Инцитатъ приглашалъ къ себѣ въ гости и въ вознагражденіе за ихъ вѣжливость великолѣпно ихъ угощалъ.

Среди этихъ приготовленій къ ристаніямъ привозились мало-по-малу въ Римъ и тѣ звѣри, которые пойманы были въ отдаленнѣйшихъ провинціяхъ и содержались въ огромномъ каменномъ зданіи, назначенномъ для ихъ жительства и дрессировки. Оно находилось внѣ города между Новентанскими и Тибурскими воротами, и до сихъ поръ его развалины еще свидѣтельствуютъ о чрезмѣрной его величинѣ. Кай Цезарь измѣнилъ всегдашній обычай, не велѣлъ напередъ показывать народу рѣдчайшихъ звѣрей и допустилъ исключеніе лишь для одной громадной змѣи, которая не должна

была участвовать въ давно ожиданныхъ играхъ. Звѣри, назначаемые для травли, оставались въ своихъ клѣткахъ; тѣ же, которые должны были изумлять народъ своей дрессировкой, были поручаемы звѣреукротителямъ, mansuetariis. Эти мастера начинали свое дѣло съ того, что вымазывали пасть дикимъ львамъ, медвѣдямъ, пантерамъ, особымъ сокомъ; этотъ сокъ, по замѣчанію *Эліана* [1]), имѣлъ такую вяжущую силу, что звѣри становились неспособными кусаться.

Эліанъ упоминаетъ о способѣ вполнѣ укрощать ихъ голодомъ и разнообразіемъ корма. До какого искусства доходили эти мансуэтаріи въ дѣлѣ укрощенія, показываетъ примѣръ Аннона, левъ котораго носилъ поноску подобно собакѣ, и еще болѣе примѣръ льва Вероники, который, по разсказу Эліана, служилъ ей вмѣсто горничной, разглаживалъ языкомъ морщины, обѣдалъ съ нею за однимъ столомъ, умѣренно и съ обычными разстановками. Эліанъ увѣряетъ даже, будто онъ видѣлъ слона, который писалъ хоботомъ на доскѣ Латинскія буквы и всегда правильно.

Возлѣ этого звѣринца ежедневно толпились любопытныя массы народа, чтобы въ предвкушеніи назначеннаго празднества насладиться по крайней мѣрѣ стонами и громовымъ рычаніемъ рѣдкихъ животныхъ. Калигула самъ наблюдалъ за успѣхами своихъ дикихъ питомцевъ и далъ при этомъ ужасающій образчикъ своей жестости. Его біографъ *Светоній* [2]) разсказываетъ, что при одномъ такомъ случаѣ смотритель звѣринца жаловался Калигулѣ на дороговизну скота, припасаемаго для прокормленія такого множества дикихъ звѣрей. Калигула равнодушно отвѣчалъ, что въ такомъ случаѣ можно кормить звѣрей преступниками, — и они были поставлены въ одинъ длинный рядъ передъ цезаремъ. Случилось такъ, что на обоихъ концахъ этого ряда узниковъ, содержавшихся за различныя преступленія, стояли лысые. Не обращая вниманія на вину каждаго, Калигула приказалъ отъ одной лысой головы до другой, то-есть, цѣлый рядъ, бросить на пищу звѣрямъ.

Вотъ приближается день игръ. Со всѣхъ сторонъ міра стекаются въ Римъ зрители, и Марціалъ совершенно справедливо спрашиваетъ, гдѣ тотъ народъ, который бы не имѣлъ своего представителя въ числѣ зрителей. Ѳракійцы, Сарматы, Египтяне, Арабы, сыны Ливійской пустыни и Эѳіопляне — всѣ сбираются въ Римъ. Домы богатые и знатные наполняются гостями, становятся еще многолюднѣе, чѣмъ бывало во времена Цицерона, который уже тогда говорилъ о

---

[1]) *Эліанъ* Клавдій (жилъ въ III в. по Р. Х.)—Римскій историч. писатель. Онъ собралъ разные анекдоты въ одно цѣлое и назвалъ ихъ «Разныя Исторіи».

[2]) *Светоній* Кай Транквилъ (въ I и II в. по Р. Х.) — Римскій историческій писатель. Главное его сочиненіе «Жизнь 12-ти первыхъ Римскихъ цезарей».

Сизеннѣ, что во время игръ цирка домъ его былъ наполненъ знатнѣйшими гостями. Кто не находилъ пристанища въ домѣ своего друга, того помѣщали гдѣ-нибудь на ночь вблизи цирка: въ этомъ и состояла главнѣйшимъ образомъ услужливость хозяина относительно гостей. Наконецъ приходитъ вечеръ наканунѣ праздника, и толпы любопытныхъ изъ ближайшихъ окрестностей Рима стекаются въ городъ. Ночной шумъ все усиливается вокругъ цирка. Конюшня роскошнаго Инцитата находилась возлѣ самаго цирка, а такъ какъ на утро онъ долженъ доказать свою силу, то цезарь боится за ночное спокойствіе своего любимца. Онъ отправляетъ отрядъ войска для соблюденія глубочайшей тишины вблизи конюшни. Только въ залахъ несчастныхъ преступниковъ, которые на другой день должны вынести смертельный бой съ дикими звѣрями, только здѣсь еще слышенъ оглушающій шумъ. Изъ мрачныхъ темницъ выпустили ихъ въ пространныя залы для того, чтобы, по суровому обычаю того времени, наканунѣ страшной борьбы угостить ихъ на государственный счетъ всѣмъ, что только пожелаетъ ихъ безчувственность или отчаяніе.

Около полуночи городская толпа уже ломится съ шумомъ въ циркъ, чтобъ занять лучшія даровыя мѣста. Всадники и знатныя дамы среди суматохи. Шумъ при вторженіи въ циркъ и борьба за мѣста и дикое бушеваніе въ темныхъ, безконечныхъ пространствахъ цирка пробудили отъ сна Калигулу. Такъ какъ на другое утро онъ намѣренъ былъ лично открыть игры въ качествѣ возницы, то онъ имѣлъ столько же правъ на отдохновеніе ночью, какъ Инцитатъ, и потому велѣлъ безпокойную толпу выгнать палками изъ цирка. Въ темнотѣ ночи и въ толпѣ бѣжавшихъ отъ ударовъ задавлены были двадцать Римскихъ всадниковъ и столько же дамъ, кромѣ (такъ разсказываетъ Светоній) безчисленнаго множества простыхъ людей. Но любопытство Римлянъ нисколько не было остановлено этимъ ужаснымъ происшествіемъ. На разсвѣтѣ дня циркъ былъ весь наполненъ, какъ и прежде.

Разсмотримъ теперь пока до начала игръ огромное зданіе цирка. Мы стоимъ у большаго входа, у самаго крайняго изгиба полукруга. Справа и слѣва у насъ два меньшіе входа. Главныя большія ворота ведутъ въ средину арены, и черезъ нихъ вступаетъ пышная помпа, которою открываются игры, на арену. Надъ этими большими воротами находится maenianum, ложа императора. Прямо противъ нихъ на другомъ концѣ цирка видно большое зданіе съ тринадцатью входами, обращенными на арену, изъ которой средній входъ назначенъ для возвращенія въ oppidum скаковыхъ лошадей, колесницъ и прочаго аппарата игръ; остальныя двѣнадцать воротъ назначены для выпуска на арену колесницъ, лошадей и дикихъ звѣ-

рей. Большое зданіе надъ этими тринадцатью входами заключаетъ въ себѣ частію квартиры служащихъ при циркѣ, частію ложи. Если мы взглянемъ, все еще стоя передъ циркомъ, вверхъ на внѣшнюю сторону окружающаго арену зданія, то стѣны цирка состоятъ изъ трехъ одинъ надъ другимъ лежащихъ рядовъ аркъ столь большаго размѣра, что высота наружныхъ стѣнъ цирка возвышается надъ самыми высокими зданіями. Въ самомъ нижнемъ ряду, лежащемъ на землѣ, находятся разныя лавки и мастерскія, и всякая потребность сластолюбивыхъ и расточительныхъ Римлянъ находитъ себѣ здѣсь удовлетвореніе; во-второмъ ряду находятся жилища, а третій, верхній, рядъ образуетъ широкую крытую галлерею.

Вотъ уже наступилъ день, и прежде, чѣмъ войдемъ мы во внутренность цирка, мы прогуляемся по этимъ аркадамъ, въ которыхъ огромное населеніе Рима находитъ всѣ предметы своего потребленія, отъ самыхъ простыхъ до самыхъ изысканныхъ изобрѣтеній роскоши.

Далѣе Данцъ перечисляетъ эти предметы.

Между тѣмъ циркъ наполнился вплоть до самаго верхняго ряда, и вотъ мы черезъ большія ворота входимъ на арену. Вмѣсто обыкновеннаго песку усыпана она нынѣ истолченнымъ въ порошокъ зеленымъ малахитомъ, яркая зелень котораго пестрится красными полосами киновари; потому что цезарь, ревностный приверженецъ зеленой партіи, съ которою соединилась красная, въ первый разъ нынѣ хочетъ выступить какъ возничій, и притомъ въ ливреѣ зеленой партіи, prasina factio.

Кругомъ арены, за исключеніемъ той стороны, откуда выбѣгаютъ колесницы, обходитъ эврипъ, этотъ наполненный водою каналъ, имѣющій десять футовъ ширины и столько же глубины, окруженный стѣною на двѣнадцать футовъ вышины, вокругъ которой идутъ перила; а за ними сидятъ сенаторы; въ первый разъ нынѣ на ихъ каменныхъ скамьяхъ лежитъ по подушкѣ. За ихъ мѣстами поднимаются лѣстницею вверхъ пятьдесятъ рядовъ мѣстъ, до самой верхней галлереи, которая образуетъ самый высокій ярусъ цирка. Мѣста всѣ каменныя, они имѣютъ 1 футъ 4 дюйма вышины и $2^1/_2$ фута ширины. Они такъ широки для того, чтобы можно было входящимъ пройти къ своимъ мѣстамъ сзади другихъ, которые пришли и сѣли прежде. Эти ряды мѣстъ раздѣлены на отдѣленія лѣстницами, ведущими на циркъ изъ 64 дверей. Всякое такое отдѣленіе между двумя лѣстницами называется клиномъ, и императоры, равно какъ и сановники, которые давали игры, берегли часто всѣ мѣста одного такого отдѣленія для чужестранцевъ и друзей. Двери, которыми входили на лѣстницы, идущія между мѣстами

для зрителей, вели въ пространные корридоры, родъ нашихъ фойе, широкими выходами, по широкимъ лѣстницамъ; онѣ были такъ хорошо расположены, что никогда при выходѣ не могло быть тѣсноты. Вдоль рядовъ, у ногъ сидящихъ зрителей, проведены небольшіе жолоба, чтобы отводить воду, въ случаѣ, если внезапный дождь польется въ некрытый циркъ.

Все еще приходятъ новые зрители, и назначенные для указанія мѣстъ дезигнаторы съ своими ликторами стараются сохранить порядокъ. Друзья императора приходятъ поздно, въ надеждѣ на сбереженныя для нихъ мѣста, и видятъ, что ихъ мѣста уже заняты; они обращаются къ одному изъ дезигнаторовъ, и тотъ посылаетъ одного изъ своихъ ликторовъ сказать дерзкому, занявшему чужое мѣсто: «surge» (встань). Но и кромѣ того безпрестанно бываетъ перемѣна мѣста.

Уже ночью втѣснялись бѣднѣйшіе Римляне въ циркъ, дабы занять лучшія нижнія мѣста и уступить ихъ потомъ за извѣстную плату тѣмъ, которые опаздывали. Болѣе богатые Римляне, которымъ не хотѣлось еще ночью доставать себѣ мѣста, охотно платили за мѣста этимъ спекуляторамъ, которые и назывались потому locarii.

Прежде, чѣмъ позаботимся мы занять для себя удобное мѣсто, посмотримъ еще разъ, стоя внизу на аренѣ, на этотъ огромный приливъ зрителей. Прямо надъ ареною сидятъ сенаторы въ полной формѣ, безъ которой дезигнаторъ не пуститъ ихъ на сенаторскія мѣста; но отъ солнца и дождя надѣли они поверхъ своего сенаторскаго платья толстый плащъ съ капуцеею. Молодые сенаторы, какъ послушные ученики своего учителя въ наукѣ любви, поэта Овидія, предпочли неузнанные сѣсть въ болѣе отдаленныхъ рядахъ, гдѣ въ пестромъ смѣшеніи всѣ состоянія старались убить время до начала игръ въ разговорахъ и шуткахъ всякаго рода. Позади зрителей начинается дѣятельность различныхъ промысловъ, получившихъ свое начало частію отъ безнравственности большаго города, частію отъ предразсудковъ и скуки. Дѣятельнѣе всѣхъ математики, которые стараются сократить длинное время для ожидающихъ зрителей предсказаніями за небольшую плату. Народъ называлъ общимъ именемъ математиковъ всѣхъ странствовавшихъ въ Римѣ предсказателей, халдеевъ и маговъ. Самыя строгія мѣры сената и императоровъ не могли очистить городъ отъ этихъ промышленниковъ; наказанія, имъ назначаемыя, возвышали только вѣру въ ихъ искусство, такъ что наконецъ ловкій магъ сталъ необходимою принадлежностію знатнаго дома. Между ними толкаются мальчики, прибыльно торгующіе самыми простыми вещами. Одинъ

предлагаетъ орѣхи, другой другія лакомства, третій носитъ кувшинъ съ водою.

Наконецъ по долгомъ ожиданіи одинъ изъ зрителей возвѣщаетъ, что праздничная помпа двинулась и скоро будетъ у цирка. Группа болтающихъ расходится; всѣ спѣшатъ къ своимъ мѣстамъ. Возьмемъ и мы одно мѣсто, откуда можно было бы обозрѣть начинающіяся игры. Звукъ трубъ возвѣщаетъ прибытіе Императора, и вслѣдъ за тѣмъ показывается начало необозримой процессіи: идутъ ликторы и императорскіе тѣлохранители — конные и пѣшіе, за ними ѣдетъ самъ цезарь въ цвѣтахъ зеленой партіи на колесницѣ изъ слоновой кости, запряженной шестью лошадьми въ рядъ. Цезарь самъ правитъ лошадьми; подлѣ него находится какъ служитель въ зеленой ливреѣ Вителлій, впослѣдствіи бывшій тоже императоромъ. При вступленіи цезаря на арену, перваго императора, который лично принимаетъ участіе въ ристаніяхъ, поднимаются сенаторы и слагаютъ пенулу. Раздается громко нескончаемый крикъ народа. Еще при первыхъ императорахъ образовался въ Римѣ особенный обычай встрѣчать императора (при его вступленіи въ публичное собраніе) льстивыми восклицаніями въ опредѣленномъ числѣ и въ гармоническомъ риѳмѣ. Чтобы не было недостатка при этомъ въ числѣ повтореній, чтобы не было ошибки въ тактѣ, по всему цирку разставлены были люди, которые должны были монотонно пѣть эти привѣтствія, а за ними уже повторялъ ихъ unisono народъ. Съ педантическою точностію разсказываетъ намъ объ этомъ Вопискъ въ жизнеописаніи младшаго Клавдія. Когда Клавдій вступилъ въ циркъ, то ему прокричали шестьдесятъ разъ: «да сохранятъ тебя боги для насъ!» — сорокъ разъ: «мы всегда желали такого цезаря, какъ ты!» — наконецъ восемьдесятъ разъ: «ты нашъ отецъ, братъ, другъ, ты хорошій сенаторъ и истинный цезарь!»

Когда народъ привѣтствовалъ Калигулу подобными восклицаніями, цезарь, медленно объѣзжая кругомъ арену, благодарилъ хлыстомъ. Сто колесницъ, запряженныхъ четвернею, слѣдовали за императоромъ; шествіе замыкали двѣ колесницы, изъ которыхъ одна запряжена была четырмя верблюдами, другая четырмя слонами. Медленно, при радостныхъ восклицаніяхъ народа, подвигалась эта процессія къ противуположнымъ воротамъ, чтобы начать ристаніе изъ малыхъ воротъ карцеровъ. Цезарь въ зеленомъ платьѣ самъ открываетъ ристаніе; считая недостойнымъ вступать въ состязаніе съ рабами, онъ велитъ тремъ сенаторамъ одѣться въ платье прочихъ партій и быть своими конкуррентами. Семь разъ должны колесницы объѣхать мету, отправляясь отъ лѣвой стороны къ правой. Калигула остался побѣдителемъ. Народъ, по странному обычаю цирка, съ радостными восклицаніями бросалъ вверхъ платье, безъ

котораго можно было обойтись. Тертуліанъ замѣчаетъ, что въ избыткѣ удовольствія нѣкоторые энтузіасты скидали съ себя все и, по окончаніи игръ, оставляли циркъ вовсе безъ платья.

Неронъ первый пріобрѣлъ славу формальной организаціи клакеровъ въ циркѣ. Когда онъ пѣлъ въ Неапольскомъ театрѣ, случайно въ гавани находилось множество кораблей, пришедшихъ изъ Египта съ хлѣбомъ. Матросы и люди, находившіеся на этихъ корабляхъ, восхищенные тѣмъ, что видѣли своего цезаря пѣвцомъ на сценѣ, выразили свое удовольствіе особымъ музыкальнымъ шумомъ по Александрійскому обычаю. Неронъ, обрадованный этимъ новымъ способомъ одобренія, не хотѣлъ отказаться отъ этого удовольствія и въ Римѣ. По возвращеніи своемъ, онъ выбралъ самыхъ молодыхъ и сильныхъ всадниковъ и кромѣ того, пять тысячъ изъ простыхъ гражданъ, крѣпкорукихъ въ собственномъ смыслѣ слова, велѣлъ обучить ихъ тремъ способамъ александрійскаго рукоплесканія и начальникамъ этихъ клакёровъ платилъ по 2,300 руб. сер. жалованья.

Калигула, довольный славою побѣдителя двухъ — трехъ сенаторовъ въ кучерскомъ искусствѣ, и своею неловкостью сдѣлавши хромымъ на всю жизнь Вителлія, смотрѣлъ теперь на ристанія изъ императорской ложи. Между тѣмъ въ карцерахъ кинутъ былъ жребій, кому изъ возницъ начинать ристаніе. Когда жребій опредѣлилъ первыхъ четырехъ, по одному изъ каждой партіи, открылись четыре малыя ворота карцеровъ, и четыре колесницы выѣхали на нѣсколько шаговъ впередъ до цѣпи, которую держали двѣ небольшія статуи Меркурія. Колесницы были запряжены четвернею лошадей въ рядъ, изъ которыхъ двѣ были въ дышлѣ, а другія двѣ, какъ мы говоримъ, бѣжали на пристяжкѣ. Лучшая лошадь должна была быть на лѣвой сторонѣ отъ кучера, потому что при поворотѣ около меты ей приходилось дѣлать самый малый изгибъ. Оттого во многихъ надписяхъ, въ которыхъ упоминаются имена одержавшихъ побѣду возничихъ и лошадей, называется всегда имя только одной лошади. Въ числѣ другихъ жребій выпалъ также возничему Цецинны Волатеррана, богатаго всадника и приверженца голубой партіи. Во время путешествія въ Римъ изъ своего помѣстья въ Греціи онъ бралъ на дорогѣ въ домѣ каждаго своего пріятеля по ласточкѣ и теперь ласточкамъ этимъ повязалъ на шею голубыя ленты. Когда по окончаніи ристанія, его лошади одержали побѣду, и возничій получилъ изъ рукъ судей состязанія золотой вѣнокъ, тогда, при величайшемъ удовольствіи зрителей, выпустилъ онъ ласточекъ, и онѣ полетѣли изъ цирка по домамъ своимъ съ вѣстью о побѣдѣ.

Когда жгучее Римское солнце августа мѣсяца поднялось выше

стѣнъ цирка, цезарь приказалъ покрыть циркъ огромнымъ шелковымъ покрываломъ, великолѣпно вышитымъ золотомъ. Но около полудня, когда двадцать уже перемѣнилось по двѣ пары возничихъ, цезарь вдругъ повелѣлъ снять покрывало и запретить зрителямъ оставлять циркъ. Съ четверть часа наслаждался цезарь мученіемъ Римлянъ, и потомъ далъ новый знакъ. Въ ту же минуту покрылся циркъ густымъ влажнымъ облакомъ. Огромные насосы подъ ареною и въ верхней галлереѣ цирка оросили все пространство мелкимъ дождемъ благовонныхъ водъ. Въ то же время по маленькимъ желобкамъ въ ногахъ зрителей потекли ручьи благоухающей кроковой эссенціи, и тѣнистое покрывало снова закрыло циркъ, какъ будто Калигула хотѣлъ дать Римлянамъ вкусить нѣсколько адскихъ мукъ и потомъ возвратить ихъ къ наслажденіямъ рая.

Въ полдень кончился бѣгъ колесницъ; взмокшія лошади были вымыты и вычищены, и раздѣлены награды. Получившему первую награду давали золотой вѣнокъ и болѣе 1,500 руб. серебр. звонкой монетой; получившему вторую и третью награду — соразмѣрно менѣе. При каждомъ ристаніи слѣдовательно раздавалось 25 первыхъ, 25 вторыхъ и 25 третьихъ наградъ. Несвободные возничіе отдавали свои награды квестору общества, который и раздѣлялъ ихъ потомъ между членами общества. Глашатай прозозглашалъ имена побѣдителей, и Калигула давалъ побѣдителямъ, принадлежавшимъ къ зеленой партіи, кромѣ обыкновенныхъ наградъ, еще дорогихъ лошадей.

Въ промежутокъ времени, когда игры въ полдень прекратились, зрители обыкновенно оставляли циркъ, чтобы позавтракать въ съѣстныхъ лавкахъ. Въ день рожденія Калигулы свидѣтели его побѣды должны были быть его гостями. Онъ самъ зовтракалъ съ своими друзьями и любимцами въ императорской ложѣ. Для другихъ зрителей, какъ это было уже при Тиберіѣ, тысяча столовъ со всѣми возможными яствами поставлены были на аренѣ, и цезарь изъ своей ложи наслаждался пестрымъ смѣшеніемъ и суматохою сенаторовъ, всадниковъ, дамъ и черни, которыя послѣ двѣнадцатичасоваго лишенія со всею энергіею голода боролись вокругъ императорскихъ столовъ.

Но вотъ столы приняты, и зрители возвратились на свои мѣста. Скоро начнется охота. Начинается она такъ-называемою безкровною охотою, гдѣ показывается изумленному народу только послушаніе дрессированныхъ звѣрей. Укротители звѣрей выходятъ сначала съ двумя львами и съ извѣстнымъ числомъ зайцевъ; львы преслѣдуютъ зайцевъ, ловятъ ихъ и снова пускаютъ бѣжать. Мальчики разъѣзжаютъ кругомъ на буйволахъ; въ звѣринѣ рыбы прихо-

дятъ и уходятъ на голосъ своихъ приставовъ; по огромному канату, протянутому съ верхней галлереи цирка — внизъ на арену, съѣзжаетъ одинъ на слонѣ. Канатъ снимаютъ, выносятъ на арену шесть столовъ, кладутъ передъ каждымъ два матраца, на столахъ въ золотыхъ и серебряныхъ сосудахъ ставятъ кушанья. Изъ карцеровъ выходятъ двѣнадцать слоновъ, шесть въ мужской, шесть въ женской одеждѣ; попарно идутъ они и садятся за столы и по данному знаку начинаютъ обѣдъ. Заключаются эти забавы, какъ пишетъ Эліанъ, ристаніемъ обезьянъ, которыхъ Римляне всегда привѣтствовали съ необыкновенною радостію. Четыре обезьяны, одѣтыя въ цвѣта четырехъ партій цирка, съ хлыстами на подобіе воинчихъ, привязываются къ четыремъ неукротимымъ лошадямъ. Императоръ подаетъ знакъ, и безконечный смѣхъ сопровождаетъ несчастныхъ всадниковъ, при скачкѣ которыхъ остается нерѣшеннымъ, всадникъ ли болѣе досаденъ лошади, или лошадь всаднику.

Шесть часовъ уже продолжаются игры, и усталые зрители требуютъ болѣе пикантнаго. Вотъ подаютъ знакъ къ кровавой охотѣ.

Первый актъ кровавой охоты составляетъ бой враждебныхъ звѣрей. Открываются въ карцерахъ двѣ клѣтки; изъ одной выбѣгаетъ на арену бѣшеный слонъ, возбужденный спиртными напитками; изъ другой вырывается другой колоссъ, носорогъ, раздраженный горячимъ желѣзомъ и громомъ трубъ. Начинается бой, и носорогъ остается побѣдителемъ. Служители цирка тащутъ съ арены слона съ распоротымъ животомъ, еще трепещущаго и стонущаго. Послѣ того носорогъ низлагаетъ еще огромнаго медвѣдя и уводится, привѣтствуемый народомъ, какъ побѣдитель. Теперь отворяются ближайшія къ эврипу ворота карцеровъ, и съ изумленіемъ видитъ народъ устремившуюся въ воды эврипа исполинскую Нильскую лошадь; въ неравный бой съ нею вступаетъ медвѣдь. Въ заключеніе боя звѣрей между собою отворяются вдругъ всѣ двери карцеровъ, и множество медвѣдей, львовъ, тигровъ, гіенъ и леопардовъ выбѣгаютъ на арену и разрываютъ другъ друга въ ожесточенномъ бою. *Діанъ Кассій* [1]) говоритъ, что въ этотъ день рожденія Калигулы истреблено такимъ образомъ восемьсотъ различныхъ звѣрей. Убитые, полуразорванные звѣри выносятся и бросаются на улицы. «Голодная толпа Римской черни, (какъ говоритъ Апулей [2]) которой отказано было въ счастіи быть въ самомъ циркѣ, стоитъ голодная у его входовъ, ревомъ своимъ аккомпанируетъ радостнымъ воскли-

---

[1]) *Діонъ Кассій* (во II в. по Р. Хр.) — Греч. историкъ. Написалъ «Исторію Рима».

[2]) *Апулей* (во II в. по Р. Хр.) — Римскій ораторъ и философъ. Извѣстенъ его сатирическій романъ «Золотой Оселъ».

цаніямъ, раздающимся изъ цирка, и съ жадностію нападаетъ на мертвыхъ и полумертвыхъ звѣрей, чтобы утащить къ себѣ домой этотъ лакомый обѣдъ». — «Потому что необразованная бѣдность», говоритъ тотъ же Апулей, «безъ разбора ѣстъ все, что только наполняетъ желудокъ, и охотнѣе всего таскаетъ въ свою берлогу жирныхъ медвѣдей».

Начинается второй актъ кровавой охоты. Въ одну минуту 50 страусовъ, 32 жирафа, 20 зебровъ, 15 лосей, 100 оленей, 20 слоновъ, 40 дикихъ лошадей, 60 буйволовъ наполняютъ арену, а 36 крокодиловъ — эврипъ. На арену выходятъ охотники, обитатели всѣхъ странъ древняго міра, всякій со своимъ оружіемъ, какъ требуетъ обычай его страны и родъ охоты, которою онъ занимается. Этотъ примѣръ еще подалъ Сулла, который, впервые введя въ циркъ львиную охоту, выписалъ также и охотниковъ изъ Абиссиніи. Одни носятъ ножикъ, дротики и стрѣлы, другіе сѣти и силки. Какъ страстный охотникъ, цезарь самъ принимаетъ участіе въ этой охотѣ; онъ стрѣляетъ изъ своей ложи звѣрей, подбѣгающихъ близко. Охота кончилась. Арена покрыта трупами рѣдкихъ звѣрей; и ожидающая передъ циркомъ толпа съ ревомъ изумленія хватаетъ невиданные еще никогда куски и съ торжествомъ тащитъ дорогую добычу по улицамъ Рима, возбуждая зависть въ тѣхъ, которые, столь же жадные, были не столь счастливы.

До сихъ поръ разрывали только звѣри другъ друга, до сихъ поръ народъ удивлялся только искусству охотниковъ, несомнѣнныхъ побѣдителей въ бою со звѣрями. Въ крови, потоками своими покрывшей дорогую насыпь арены изъ малахита и киновари, не было еще ни одной капли крови человѣческой. Зрители устали смотрѣть на этотъ кровавый бой; чтобы не побѣдила ихъ усталость, нужно было новое, сильнѣйшее раздраженіе. Огромныя лужи крови засыпаются свѣжимъ пескомъ и приготовляется бой людей съ кровожадными звѣрями.

Эти бойцы, называвшіеся bestiarii, были или преступники, присужденные къ этой казни, или отчаянные смѣльчаки, которые за деньги нанимались тѣми, которые давали игры; подобно гладіаторамъ давали они страшную клятву не прежде оканчивать бой, какъ со смертію звѣря или своею собственною. Какъ преступники, такъ и эти охотники обучались въ особенныхъ школахъ различнымъ родамъ боя. Преступникъ, приговоренный къ битвѣ со звѣрями, долженъ былъ сражаться, пока погибалъ; если въ продолженіи года онъ не былъ разорванъ, то онъ погибалъ въ той залѣ цирка, гдѣ собираемы были мертвыя тѣла. Ремесло добровольныхъ бойцовъ за деньги противъ звѣрей было въ презрѣніи до позднѣйшаго времени. Но при императорахъ выходили на этотъ бой со звѣрями даже мо-

лодые всадники, не бравшіе за это денегъ, изъ одного молодечества; уже при погребеніи дочери Цезаря между преступниками вышелъ на этотъ бой сынъ одного претора.

Первую часть этой кровавой забавы составляла охота безъ оружія. Начинали три бойца съ тремя буйволами. Каждый боецъ выбиралъ себѣ буйвола, на котораго онъ нападалъ и потомъ бѣжалъ отъ него. Искусство бойца состояло въ ловкости и умѣньи не уставать, а конецъ боя въ томъ, что боецъ прыгалъ на спину измученнаго продолжительнымъ преслѣдованіемъ звѣря, по шеѣ буйвола спускался къ его головѣ и, сильно дернувши его за рога, повергалъ на землю. — Послѣ этой игры, которая оканчивалась довольно невинно, выступали бойцы противъ львовъ и медвѣдей, вооруженные только большими полотнами и крѣпкими сѣтями; такой боецъ, постоянно убѣгая передъ своимъ страшнымъ противникомъ, старается набросить на него полотно такъ, чтобы утащить звѣря въ клѣтку безъ вреда себѣ. Теперь бой сталъ уже не такъ выгоденъ для человѣка: не одинъ боецъ лежитъ поверженный и изорванный на части своимъ неумолимымъ противникомъ. Въ народѣ пробудилась жажда крови, и цезарь даетъ давно желанный знакъ къ открытію послѣдняго, самаго отвратительнаго акта кровавой охоты. Къ этому страшному бою приведены сотни плѣнныхъ изъ всѣхъ частей государства; вооруженные ножами и мечами, выходятъ они на арену. Отворяются клѣтки карцеровъ, и 200 голодныхъ медвѣдей и 400 другихъ звѣрей изъ Африки, львы, тигры и гіенны, съ страшнымъ ревомъ и воемъ бросаются на свои жертвы. Въ одну минуту противники встрѣтились и вступили въ бой. Крикъ и ревъ сражающихся, страшные вопли людей, разрываемыхъ звѣрями, и стонъ раненыхъ звѣрей почти заглушаются неистовыми криками народа. Побѣдивши въ одномъ бою, боецъ обращается къ народу съ мольбою избавить его отъ втораго бою, но глухъ къ его просьбамъ народъ, ослѣпленный безумною страстію къ кровопролитію. Неумолимый, даетъ онъ знакъ, что боецъ долженъ сражаться до смерти.

На этотъ разъ бой былъ несчастенъ для бестіаріевъ; они погибли всѣ, и не доставало плѣнныхъ, чтобы продолжать бой съ оставшимися звѣрями. Калигула, который еще въ дѣтствѣ ничѣмъ такъ не утѣшался, какъ зрѣлищемъ мукъ и казней преступниковъ, при чемъ онъ, какъ самъ послѣ хвасталъ, пріобрѣлъ ту твердость, съ которою глазъ не отворачиваясь можетъ смотрѣть на самыя ужасающія вещи,—Калигула смотритъ на страшное побоище, гдѣ львы и гіенны разрываютъ и пожираютъ полуживыхъ еще бойцевъ. Ему кажется, что голодъ звѣрей еще не удовлетворенъ, что не довольно еще текло крови, и онъ даетъ страшное приказаніе, которое, къ

чести человѣческой природы, можно было бы счесть вымысломъ, если бы Діонъ Кассій не подтвердилъ истину этого происшествія во всѣхъ подробностяхъ, — онъ приказываетъ, чтобы служители цирка схватили дюжину изъ средины бѣднаго народа, который, не имѣя опредѣленныхъ мѣстъ, съ жаднымъ любопытствомъ тѣснился на лѣстницахъ, и бросили ихъ на съѣденіе звѣрямъ. При исполненіи этого повелѣнія, оцѣпенѣлъ отъ ужаса Римскій народъ, безчувственный впрочемъ ко всякому мученію бойцевъ. Но не одинъ не осмѣлился сдѣлать даже мины просьбы, не говоря уже о какомъ-нибудь выраженіи неудовольствія голосомъ. Празднество дня рожденія Калигулы, повидимому, требовало такой жертвы.

Наконецъ и эта часть послѣполуденныхъ забавъ Римскаго народа кончилась. Оставшіеся въ живыхъ звѣри горячимъ желѣзомъ вгоняются назадъ въ карцеры. Разорванные трупы бойцевъ крючьями стаскиваются съ арены въ огромное spoliarium (залу, гдѣ собирались мертвыя тѣла), трупы звѣрей выбрасываются голодной толпѣ у дверей цирка.

Страшная сцена, наполнившая нѣмымъ ужасомъ даже привыкшую къ крови публику Римскаго цирка, должна была быть истреблена въ памяти Римлянъ послѣднимъ актомъ игръ, и богаче и блистательнѣе чѣмъ когда-нибудь этотъ день заключенъ былъ охотою direptiones causa, т. е. подарками народу разныхъ драгоцѣнныхъ вещей.

Во второй разъ напоенная кровью арена усыпается свѣжимъ пескомъ. Въ срединѣ находится большое мѣсто, продолговатый четвероугольникъ, покрытый досками, *пегма;* подъ нимъ пространная галлерея съ машинами для вытягиванія изъ глубины на высоту арены разнаго рода предметовъ. Крыша пегмы снимается, и поднимается оттуда небольшой лѣсъ зеленыхъ деревьевъ. Къ этимъ деревьямъ привязано множество рѣдкихъ птицъ. Въ то же время тысяча страусовъ, еще болѣе оленей, свиней, дикихъ овецъ и домашней птицы всякаго рода и величины выгоняются изъ всѣхъ дверей цирка. Отворяются ворота на обоихъ концахъ цирка, и жаждущая этой минуты толпа впускается на арену: всякій можетъ брать, что̀ доставитъ ему счастіе, ловкость и сила. Огромное поле арены, недавно еще покрытое трупами, превращается теперь въ сцену безумной и смѣшной драки. Зрители цирка наслаждаются теперь комическимъ зрѣлищемъ, какъ одни тянутся за высоко повѣшенною добычею, какъ другіе ловятъ летающихъ птицъ, третьи гоняются за свиньями, толкаются, отнимаютъ другъ у друга. Громкій смѣхъ, безконечная радость! Но этого мало; чтобы увеличить суматоху, изъ императорской ложи и изъ ложъ надъ карцерами кидаютъ въ народъ тессеры, т. е. марки съ назначеніемъ обѣдовъ въ трактирѣ, денегъ, хлѣба,

мебели и всякаго рода утвари. Въ мѣста сенаторовъ, чтобы этихъ достойныхъ господъ не исключить изъ общей драки, бросаются геммы, перлы, разнаго рода украшенія, а при позднѣйшихъ императорахъ бросались даже билеты на полученіе въ подарокъ рабовъ, домовъ и большихъ помѣстьевъ. Несмотря на выгоды этихъ подарковъ, *Сенека* [1]) совѣтуетъ всякому благоразумному оставлять циркъ тотчасъ, какъ только начинается раздача этихъ подарковъ, потому что вѣрнѣе всего можно разсчитывать только на толчки и раны. Наконецъ, чтобы поднять до высшей степени комизмъ этой драки на аренѣ, бросаютъ въ толпу платья, отъ самыхъ простыхъ и грубыхъ до самыхъ тонкихъ и изящныхъ; самый счастливый приноситъ домой какой-нибудь лоскутъ отъ нихъ, какъ бы образчикъ, чтобы показать своимъ домашнимъ, что вотъ какую славную вещь досталъ было онъ себѣ.

Между тѣмъ наступилъ вечеръ. Цезарь поднимается со своими друзьями изъ ложи, чтобы посвятить остатокъ дня сластолюбію. Съ шумомъ пустѣетъ пространство цирка; народъ, еще спорящій за остатки выброшенной добычи, сгоняется съ арены, и огромное зданіе цирка снова тихо и уединенно поднимается въ полумракѣ теплой лѣтней ночи. Ночная тишина прерывается только стукомъ повозокъ, на которыхъ обезображенные трупы бойцевъ арены перевозятся изъ подвала цирка на вѣчный покой. (Изъ классическаго сборника г. *Леонтьева* «Пропилеи»).

ИСТОРІЯ ЗАВОЕВАНІЯ АНГЛІИ НОРМАННАМИ.

(Августина Тьерри).

Примѣч.— *Августинъ Тьерри* (1795—1856)—знаменитый Французскій историкъ—можетъ назваться мученикомъ науки. Съ горячею любовію занимаясь историческими изысканіями, онъ потерялъ зрѣніе, былъ пораженъ параличемъ, сдѣлался физически до того слабъ и безсиленъ, что не могъ перейти изъ одной комнаты въ другую,—но жестокія тѣлесныя страданія почти не коснулись его духовныхъ силъ. Все для науки: и здоровье и жизнь—таковъ урокъ, завѣщанный Августиномъ Тьерри молодому поколѣнію... «Умственное страданіе, говоритъ онъ, помогаетъ пережить самыя тяжкія испытанія, благородно провести жизнь... Да, въ мірѣ есть нѣчто выше матеріальныхъ наслажденій, выше богатства, выше даже здоровья—*преданность наукѣ*»... Будучи самъ не въ состояніи писать, онъ работалъ съ помощію жены и секретарей. Тьерри весьма много заботился объ изящномъ выраженіи своихъ

[1]) *Сенека Луцій Анней* (въ I в. по Р. Х.)—знаменитый Римскій философъ, стоикъ, учитель Нерона, и имъ же приговоренный къ смерти за участіе въ заговорѣ.

мыслей: въ день онъ диктовалъ не болѣе 15-ти, 20-ти строкъ, и тѣ выправлялъ и отдѣлывалъ, пока не оставался ими вполнѣ доволенъ. Вотъ почему творенія человѣка, трудившагося всю жизнь, заключаются только въ *пяти* небольшихъ томахъ.

Извѣстны слѣд. его сочиненія: «Письма объ исторіи Франціи», гдѣ Августинъ Тьерри ясно показалъ, что покореніе Римлянами Галліи и потомъ нашествіе Германцевъ представлены писателями совершенно въ превратномъ видѣ; «Исторія завоеванія Англіи Норманнами», въ которой авторъ уяснилъ, что всѣ волненія въ Англіи происходили отъ вторженія Норманновъ въ эту страну, гдѣ побѣжденные и побѣдители до сихъ поръ не могутъ ужиться; «Разсказы о временахъ Меровинговъ (VI в.)». Разсказы изложены увлекательно. Такъ и видишь передъ собой страшную судьбу, тяготѣвшую надъ династіею Меровинговъ, «этихъ полудикихъ завоевателей, рожденныхъ въ наслажденіяхъ роскоши и искушеніяхъ власти, не знавшихъ, — по словамъ историка, — страстямъ своимъ ни мѣры, ни воздержанія». Особенно врѣзывается въ память грустный и кроткій образъ Галесвинты, несчастной супруги короля Гильперика, ея раздирающая душу разлука съ матерью, жалкая жизнь при дворѣ чувственнаго мужа и насильственная ея смерть.

Августинъ Тьерри — глава *художественной* исторической школы. Художественною школою называется такая, которая представляетъ событія историческія живо, наглядно, — которая не только разсказываетъ о фактахъ минувшаго, но рисуетъ ихъ передъ нами въ яркой картинѣ. Художественные историки не пренебрегаютъ и мелкими, повседневными чертами, лишь бы онѣ изображали лице или событіе въ осязательной ясности. Всѣ пріемы поэта дозволяютъ себѣ историки-живописцы или послѣдователи художественной школы. Природа, занимательный анекдотъ, народное преданіе, семейная обстановка: все беретъ художникъ-историкъ для показанія лица живымъ и близкимъ читателю.

Августинъ Тьерри именно историкъ-художникъ. Онъ отличается отъ другихъ историковъ нашего времени живымъ пониманіемъ чувствъ и стремленій отдаленныхъ эпохъ. Никто такъ ясно не понималъ дѣйствій человѣческихъ, никто не возсоздавалъ такъ живо давно-умершія поколѣнія, никто не принималъ такого сердечнаго участія въ радостяхъ и печаляхъ людей прошлыхъ эпохъ, какъ разбираемый нами авторъ. Въ разсказахъ Тьерри мы встрѣчаемъ живыя существа, подобныя намъ, — страсти такія же, какія и насъ волнуютъ. Вотъ почему съ такимъ удовольствіемъ прочитываются образованными людьми произведенія этого историка.

На Р. языкъ переведены: Разсказы о временахъ Меровинговъ (1840) и Исторія завоеванія Англіи Норманнами (въ Сборникѣ: Историки и Публицисты). — Біографія А. Тьерри и разборъ его сочиненій: Сынъ Отеч. 1857, № 31, стр. 94, — Москов. Вѣд. 1857, №№ 12 и 17, — Живописная Р. Библіот. 1857, № 5.

Распространеніе Христіанства на сѣверѣ Англіи.

Вскорѣ послѣ смерти Августина (въ 605 г.) и его покровителя Этельберта, при ихъ преемникахъ, Меллитѣ, архіепископѣ Кентерберійскомъ и Эдбальдѣ, сынѣ Этельберта, королѣ Кента, сестра по-

слѣдняго, Этельберга, вышла за мужъ за языческаго короля страны, лежащей на сѣверъ отъ р. Гумбера (т. е. Нортумберланда). Молодая отправилась (около 615 г.) изъ Кентской земли, въ сообществѣ священника, по происхожденію Римлянина, по имени Павлина, который заранѣе былъ посвященъ въ архіепископы г. Іорка, сообразно планамъ папы Григорія, который надѣялся, что жена христіанка обратитъ мужа идолопоклонника. Король Нортумберланда, Эдвинъ, дозволилъ ей исповѣдывать христіанскую религію подъ руководствомъ сопровождавшаго ее Павлина; его смуглое и худощавое лице, черные волосы были предметомъ изумленія бѣлокурыхъ туземцевъ. Когда жена Эдвина сдѣлалась матерью, Павлинъ объявилъ торжественно королю Англо-саксовъ, что онъ для нея испросилъ у Бога милость родить безболѣзненно, но только при томъ условіи, что дитя будетъ крещено именемъ Христа. Въ восторгѣ быть отцемъ, язычникъ дозволилъ все, что желала его жена; что же касается до себя, онъ не хотѣлъ и слышать о предложеніи креститься, однако позволилъ свободно говорить тѣмъ, которые желали обратить его, разсуждалъ съ ними, и иногда ставилъ ихъ въ затруднительное положеніе.

Чтобы склонить его, сколько будетъ возможно, увѣровать въ небесное благо обѣщаніемъ земныхъ благъ, изъ Рима пришло письмо папы Бонифація, посланное на имя *славнаго* Эдвина. «Передаю вамъ, писалъ первосвященникъ, благословеніе вашего покровителя, блаженнаго Петра, князя апостоловъ, а именно полотняную рубашку, украшенную золотымъ шитьемъ, и плащъ тонкой анконской шерсти». Этельберга получила также, какъ залогъ благословенія апостола Петра, вызолоченный, слоновой кости, гребень и серебряное зеркало. Дары были приняты благосклонно; но они нисколько не поколебали Эдвина, умъ котораго могъ быть только побѣжденъ силою нравственныхъ доводовъ.

Въ жизни этого Сакса былъ необыкновенный случай, который, какъ онъ полагалъ, остается въ тайнѣ, никому недоступной; но эта тайна была открыта, вѣроятно, въ интимныхъ бесѣдахъ съ женою. Въ своей юности, и прежде нежели онъ сдѣлался королемъ, ему пришлось разъ подвергнуться большой опасности: захваченный въ расплохъ врагами, жаждавшими его смерти, онъ попалъ въ ихъ руки. Въ темницѣ, гдѣ онъ томился, не надѣясь на пощаду, его разгоряченному воображенію во снѣ явилось неизвѣстное лице, которое, приближаясь съ строгимъ видомъ, говорило ему: «Что обѣщалъ бы ты тому, кто захотѣлъ бы и могъ бы спасти тебя?» — «Все, что будетъ когда-нибудь въ моей власти», отвѣчалъ Саксъ. «Хорошо, возразилъ неизвѣстный; если тотъ, который можетъ спасти, потребуетъ отъ тебя только жить по его совѣтамъ, послѣ-

дуешь ли ты этимъ совѣтамъ?» Эдвинъ поклялся въ томъ, и видѣніе, протянувъ руку и возложивъ ее на голову плѣнника, сказало: «Когда подобное видѣніе представится тебѣ, вспомни эту минуту и этотъ разговоръ». Эдвинъ избавился отъ бѣды счастливымъ случаемъ; но воспоминаніе о сновидѣніи осталось напечатлѣннымъ въ его умѣ.

Однажды, когда Эдвинъ былъ одинъ въ своей комнатѣ, вдругъ отворяется дверь и онъ видитъ, что къ нему кто-то подходитъ, не говоря ни слова, такъ же важно, какъ призракъ его сна, и налагаетъ руку на голову. То былъ Павлинъ, которому свыше по словамъ Бэды (VII—VIII в.), было открыто это вѣрное средство для побѣды надъ упорствомъ язычника, и побѣда была совершенная. Саксъ, пораженный изумленіемъ, палъ ницъ на землю, и Римлянинъ, сдѣлавшись его повелителемъ, поднялъ его съ добродушіемъ. Эдвинъ обѣщалъ сдѣлаться христіаниномъ; но обѣщалъ за себя одного, говоря, что подданные его сами увидятъ, что должно имъ дѣлать. Павлинъ попросилъ его собрать великій народный совѣтъ, называвшійся на Саксонскомъ языкѣ Виттена-Гемотъ, собраніе старѣйшинъ, которое происходило у Германскихъ королей, во всѣхъ важныхъ случаяхъ, и на которомъ присутствовали судьи, богатые владѣтели земель, высшее военное сословіе и жрецы. Король Эдвинъ изложилъ передъ этимъ собраніемъ побудительныя причины, заставившія его перемѣнить религію и, обращаясь къ каждому изъ присутствовавшихъ, спрашивалъ отдѣльныя мнѣнія о новомъ ученіи.

Верховный жрецъ заговорилъ первый: «Мое мнѣніе таково, что наши боги не имѣютъ власти, и вотъ я думаю, почему: ни одинъ человѣкъ изъ всего народа не служилъ имъ съ большей ревностью, чѣмъ я; и не смотря на то, я далеко не самый богатый и не болѣе другихъ награжденъ; наши боги, по моему мнѣнію, не имѣютъ власти».

Затѣмъ поднялся начальникъ войска и говорилъ такъ: «Государь, ты припомнишь, можетъ быть, случай, который иногда происходитъ въ зимніе дни, и когда ты сидишь за столомъ вмѣстѣ, со своими начальниками и воинами, когда разведутъ большой огонь, въ комнатѣ сдѣлается тепло, а на дворѣ идетъ дождь, снѣгъ, воетъ вѣтеръ. Вдругъ влетаетъ птичка въ одну дверь и, быстро пронесясь по залѣ, исчезаетъ другою дверью; минута этого перелета ея по комнатѣ для нея полна блаженства: она не чувствуетъ ни дождя, ни бури; но эта минута коротка; птичка пролетѣла во мгновеніе ока и отъ зимы перешла опять въ зиму. Таковою мнѣ представляется жизнь человѣка на землѣ, и его минутное поприще сравнительно съ продолженіемъ времени, которое предшествовало его рожденію, и послѣдуетъ за его смертію. Это время мрачно и мысль

о немъ непріятна для насъ; оно смущаетъ невозможностью знать о немъ; и такъ, если новое ученіе можетъ дать намъ какое-нибудь понятіе объ этомъ времени, то оно заслуживаетъ быть принятымъ нами».

Послѣ того, какъ высказались и другіе начальники, Римлянинъ представилъ свое ученіе, и собраніе, подавъ голоса, какъ то дѣлается при утвержденіи народныхъ законовъ, отказалось торжественно отъ религіи древнихъ боговъ. Но когда миссіонеръ предложилъ ниспровергнуть самые истуканы, никто между новыми христіанами не чувствовалъ себя достаточно убѣжденнымъ, чтобы пренебречь наказаніемъ, которое могло послѣдовать за оскверненіемъ древней святыни — никто, исключая верховнаго жреца. Онъ попросилъ у короля вооруженіе и жеребца, чтобы тѣмъ самымъ нарушить законъ своего сословія, запрещавшій жрецамъ военное платье и дозволявшій ѣздить только на кобылѣ. Опоясанный мечемъ и потрясая дротикомъ, онъ понесся ко храму и при всемъ народѣ, который принялъ его за сумашедшаго, нанесъ ударъ въ стѣны и изображенія. Тогда выстроили деревянный домъ, гдѣ крестился Эдвинъ и съ нимъ множество народу. Павлинъ, пріобрѣтя такимъ образомъ въ дѣйствительности епископство, котораго онъ носилъ одно имя, посѣтилъ страны Деиры и Берникіи, крестя въ водахъ Свале и Глена тѣхъ, которые спѣшили повиноваться повелѣнію собранія своихъ старѣйшинъ (628 г.).

Политическое вліяніе огромнаго королевства Нортумберланда привлекло къ принятію христіанства населеніе Эстъ-Англіи или восточныхъ Англовъ, жившихъ на югѣ отъ р. Гумбера и на сѣверъ отъ Эссекса. Этотъ народъ былъ уже отчасти просвѣщенъ южными Римскими епископами; но христіанство и язычество находились тамъ въ такомъ равновѣсіи, что король Эстъ-Англіи, Редвальдъ, поставилъ два алтаря въ одномъ храмѣ, одинъ Христу, а другой — Германскимъ божествамъ, и поклонялся имъ поочередно. Тридцать лѣтъ спустя послѣ распространенія христіанства на берегахъ Гумбера (685 г.) одна женщина обратила короля Мерсіи, страны, простиравшейся тогда отъ Гумбера до Темзы. Древній культъ долѣе всего сохранился у южныхъ Англо-саксовъ: они отказались отъ него только въ самомъ концѣ VII вѣка. (Изъ «Исторіи Среднихъ Вѣковъ», изд. *Стасюлевича*. Спб. 1863, т. I, стр. 546 и д.).

Примѣч. — Сравн. съ разсказомъ Нестора о крещеніи Руси. (См. выше, на стр. 16).

ИСТОРІЯ ФИЛИППА II, КОРОЛЯ ИСПАНСКАГО.

(*Прескотта*).

Примѣч. — *Вильямъ Прескоттъ*, Американскій писатель (1797—1859), принадлежитъ къ числу историковъ художественной школы, во главѣ которой находится *Августинъ Тьерри*. Нѣтъ мастера, ему равнаго, въ искусствѣ представлять событія въ одной полной, законченной картинѣ. Онъ умѣетъ возбуждать участіе къ событіямъ и лицамъ, почти не высказывая, на которой сторонѣ онъ самъ, къ кому онъ питаетъ симпатію или противоположное тому чувство. Читая Маколея, или Карамзина, сейчасъ узнаешь, что первый принадлежитъ къ партіи виговъ, а второй — провозвѣстникъ и защитникъ государственнаго начала: при чтеніи Прескотта не видать, кто онъ, какія его сердечныя привязанности и любимыя идеи. Прескоттъ соблюдаетъ полное безпристрастіе, или лучше—безстрастіе. Къ нему идетъ характеристика Пимена:

«Такъ точно дьякъ, въ приказахъ посѣдѣлый,
Спокойно зритъ на правыхъ и виновныхъ,
Добру и злу внимая равнодушно,
Не вѣдая ни жалости, ни гнѣва».

Замѣчательнѣйшія сочиненія Прескотта слѣд.: «Мальтійскіе Рыцари XVI вѣка», «Исторія Фердинанда и Изабеллы», «Завоеваніе Мексики», «Покореніе Перу» и «Исторія Филиппа II, короля Испанскаго». Всѣ эти сочиненія переведены на Р. языкъ и помѣщены въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ; послѣднее напечатано въ сборникѣ гг. Дудышкина и Краевскаго, носящемъ названіе: «Историки и Публицисты».

Мы выбрали для Христоматіи отрывокъ изъ послѣдняго произведенія Прескотта. Филиппъ II, король Испанскій, жилъ въ XVI вѣкѣ. Онъ отличался религіозностію и отсутствіемъ вѣротерпимости. Онъ торжественно велѣлъ жечь Протестантовъ. Одинъ изъ нихъ, подходя къ костру, воскликнулъ: «какъ вы можете, Ваше Величество, лично присутствовать при сожженіи вашихъ невинныхъ подданныхъ?»

— Если бы мой собственный сынъ,—отвѣчалъ Филиппъ,—былъ такой же негодный человѣкъ, какъ ты, я принесъ бы дровъ сжечь его. — Этотъ фактъ весьма ярко характеризуетъ суровую личность Филиппа II.

О Прескоттѣ: «Отеч. Зап.» 1858, № 4.

Смерть дона-Карлоса.

(*1568 года*).

Причины ареста. — Строгость заключенія. — Его невоздержность. — Смерть Карлоса. — Свидѣтельство Льйоренте. — Другія свидѣтельства. — Подозрительныя обстоятельства. — Ссора во дворцѣ. — Погребеніе Карлоса.

Арестъ дона-Карлоса произвелъ сильное волненіе во всемъ государствѣ. Таинственность, покрывавшая его судьбу, безъ сомнѣнія,

много тому содѣйствовала. Носились самые странные слухи о причинѣ этого ареста: одни говорили, что принцъ покушался на жизнь отца, другіе — что онъ замышлялъ смерть Рюй-Гомеза; одни утверждали, что онъ хотѣлъ возбудить мятежъ, принимая сторону взбунтовавшихся Фламандцевъ, другіе подозрѣвали его въ ереси. Многіе, однакожъ, смотрѣли на этотъ необыкновенный случай съ другой стороны и осуждали болѣе отца, чѣмъ сына. «За его улыбкой тотчасъ слѣдовалъ кинжалъ», говоритъ историкъ Филиппа: «поэтому одни называли его мудрымъ, другіе жестокимъ». Карлосъ — прибавляли они — никогда не былъ любимъ Филиппомъ. Онъ могъ быть дерзкимъ, безразсуднымъ въ словахъ и мысляхъ, но не сдѣлалъ никакого проступка, который бы оправдывалъ жестокость отца. Короли — говорили они — всегда подозрительнымъ окомъ смотрятъ на своихъ наслѣдниковъ и не довѣряютъ имъ, тогда какъ благоразуміе требуетъ искать ихъ довѣрія и представлять имъ участіе въ правленіи. «Были и такіе», замѣчаетъ лѣтописецъ того времени, «которые поступали благоразумнѣе своихъ сосѣдей: они положили палецъ на уста и хранили молчаніе».

Въ теченіе нѣсколькихъ дней Филиппъ не выпускалъ изъ Мадрита почты: онъ желалъ самъ увѣдомить иностранные дворы объ этомъ событіи. 24-го разослалъ онъ циркуляры къ высшимъ духовнымъ сановникамъ, къ грандамъ Испаніи и къ гражданамъ главныхъ городовъ королевства. Содержаніе циркуляровъ было весьма неопредѣленно. Онъ говорилъ только объ арестѣ и объяснялъ его тѣми общими причинами, о которыхъ сообщилъ уже совѣту. Въ тотъ же день были отправлены депеши къ различнымъ дворамъ Европы. Хотя выраженія, употребленныя Филиппомъ, также неопредѣленны и таинственны, однакожъ въ этихъ депешахъ заключается болѣе указаній, нежели въ письмахъ къ подданнымъ. Наиболѣе вниманія заслуживаетъ, конечно, та депеша, въ которой всего яснѣе высказаны причины, побудившія Филиппа арестовать Карлоса. Такое письмо написалъ онъ къ Португальской королевѣ, сестрѣ Карла V, къ которой Филиппъ питалъ глубокое уваженіе.

«Хотя давно было ясно», писалъ онъ, «что необходимо принять нѣкоторыя мѣры въ отношеніи къ принцу, однако чувства отца заставляли меня прибѣгать къ инымъ средствамъ; теперь обстоятельства довели меня до этой крайности: дѣла наконецъ пришли въ такое положеніе, что, желая выполнить обязанности христіанина и короля, я вынужденъ былъ подвергнуть моего сына строгому заключенію. Я долженъ былъ пожертвовать Богу своею плотію и кровію, потому что ставлю служеніе Ему и счастіе моего народа выше всѣхъ человѣческихъ разсужденій. Прибавлю только, что я рѣшился на это не вслѣдствіе дурнаго поведенія моего сына, или неуваже-

нія его ко мнѣ, и что мѣры, принятыя мною, не имѣютъ смысла наказанія, ибо наказанія, какъ бы ни были важны причины, ихъ вызвавшія, имѣютъ свое время и предѣлы. Равнымъ образомъ этою мѣрою я не имѣю въ виду исправить безпорядочную жизнь принца. Я дѣйствую на иныхъ основаніяхъ, и мнѣ нужно было, какъ я уже замѣтилъ, выполнить обязанности мои въ отношеніи къ Богу и къ подданнымъ».

Также темно выражался Филиппъ въ письмѣ къ Зуньигѣ, посланнику при папскомъ дворѣ.

Существуютъ два документа, изъ которыхъ тотъ, или другой могъ бы открыть дѣйствительныя причины заключенія Карлоса. Испанскій посланникъ Зуньига увѣдомилъ Филиппа, что папа, неудовлетворенный донесеніемъ, требовалъ отъ него болѣе полныхъ и опредѣлительныхъ свѣдѣній. Желаніе папы имѣло для Филиппа силу приказанія, потому что онъ особенно уважалъ Пія V, какъ защитника и распространителя инквизиціи. Никогда, говорятъ современники, король не проходилъ мимо портрета его святѣйшества, не снимая шляпы. Тотчасъ же написалъ онъ папѣ письмо, въ которомъ подробно изложилъ дѣло. Письмо было написано шифрами. Объясненіе шифровъ, въ случаѣ, если святой отецъ не будетъ въ состояніи ихъ прочесть, поручено было Гранвеллѣ, находившемуся тогда въ Римѣ. Это письмо, вѣроятно, существуетъ въ Ватиканѣ.

Другой документъ — самый процессъ. Король, арестовавъ сына, тотчасъ же назначилъ особую судную коммиссію. Она состояла изъ кардинала Эспинозы, принца Эболи и королевскаго совѣтника Бривіеска де-Муньятонеса, которому поручено было составить обвинительный актъ. Выписаны были изъ архивовъ Барселоны акты знаменитаго процесса, веденнаго однимъ изъ предковъ Филиппа, Іоанномъ II Арагонскимъ, противъ его прекраснаго и злополучнаго сына, который тоже носилъ имя Карлоса. Эти акты, переведенные съ Каталонскаго на Кастильское нарѣчіе, послужили зловѣщимъ образомъ настоящему процессу, принявшему форму суда надъ государственнымъ измѣнникомъ. Разсматривая ходъ этого замѣчательнаго процесса, вовсе не видимъ, чтобъ принцъ имѣлъ защитниковъ. Большая часть показаній была, кажется, направлена противъ него. Правда, до насъ дошли весьма скудныя свѣдѣнія объ этомъ процессѣ. Сколько извѣстно, кромѣ короля и членовъ секретнаго судилища, едва ли еще кто-нибудь видѣлъ эти бумаги. Въ 1592 году, говоритъ историкъ Кабрера, по повелѣнію Филиппа, онѣ были положены въ тщательно запертый зеленый ящикъ и спрятаны въ Симанкскомъ архивѣ, гдѣ, вѣроятно, находятся и по-нынѣ и, быть можетъ, со временемъ сдѣлаются предметомъ изслѣдованій будущаго историка.

За неимѣніемъ этихъ документовъ, мы должны прибѣгнуть къ догадкамъ и надѣемся, что многія обстоятельства помогутъ намъ при рѣшеніи трудной задачи. Изъ иностранныхъ министровъ, находившихся тогда при Мадридскомъ дворѣ, никто не трудился такъ много надъ разъясненіемъ этого дѣла, какъ папскій нунцій Кастанео, епископъ Россанскій, оставившій довольно обширную переписку. Это былъ хитрый и дальновидный человѣкъ, которому положеніе въ обществѣ и довѣріе Филиппа много помогли въ его розысканіяхъ. По повелѣнію короля, кардиналъ Эспиноза передалъ нунцію обыкновенное объясненіе причинъ, по которымъ Карлосъ былъ арестованъ. «Странно!» сказалъ нунцій: «разсказываютъ вездѣ, будто принцъ покушался на жизнь отца.» «Это еще не такъ важно», отвѣчалъ кардиналъ: «короля легко было бы защитить; но дѣло гораздо хуже, если только что-нибудь можетъ быть хуже этого. Король два года наблюдалъ за своимъ сыномъ и, убѣдившись, что никакія средства не могли отвлечь его отъ гибельнаго пути, по которому шелъ этотъ безумецъ, рѣшился прибѣгнуть къ крутой мѣрѣ».

Въ глазахъ верховнаго инквизитора ересь или только склонность къ ней должна была показаться преступленіемъ болѣе важнымъ, чѣмъ покушеніе на жизнь отца. Дѣйствительно, такое впечатлѣніе произвелъ разсказъ кардинала на нунція, который съ этого времени началъ вникать въ обстоятельства, доказывающія отступничество Карлоса отъ католической церкви. Тосканскій министръ также упоминаетъ въ своихъ письмахъ о распространившемся подозрѣваніи принца въ ереси.

Каковы бы, впрочемъ, ни были причины поведенія Филиппа, нельзя не согласиться, что въ основаніи этого поведенія лежало сильное отвращеніе къ сыну. Различіе характеровъ еще вначалѣ поставляло ихъ въ ложныя отношенія другъ къ другу. На вѣтренность и безпутство Карлоса отецъ смотрѣлъ строгими глазами, прикрывая свои собственныя слабости маскою благопристойности. Запальчивый характеръ Карлоса, раздраженнаго недовѣріемъ отца, удаленіемъ отъ дѣлъ и шпіонствомъ, натурально высказался въ дѣйствіяхъ, которыя могли быть приписаны только безумію и оправдать употребляемое противъ него насиліе. Лица, приближенныя ко двору, скоро убѣдились, что Филиппъ рѣшился никогда не возвращать принцу свободы и совершенно устранить его отъ престола предковъ.

Втораго марта дана была Филиппомъ подробная инструкція, изъ которой мы увидимъ, какъ поступали съ заключеннымъ принцемъ. Карлосъ былъ ввѣренъ особенному надзору Рюй-Гомеза, отъ котораго всѣ лица, находившіяся при Карлосѣ, получали инструкціи.

Шести другимъ придворнымъ порученъ былъ надзоръ за принцемъ. Двое изъ нихъ попеременно должны были всю ночь дежурить въ его комнатѣ. Когда одинъ изъ нихъ спалъ, другой долженъ былъ наблюдать за принцемъ. Это напоминаетъ намъ замысловатое наказаніе, употребляемое въ Китаѣ, гдѣ за преступникомъ постоянно слѣдятъ агенты правосудія, не сводя съ него глазъ.

Въ теченіе дня эти лица должны были находиться при Карлосѣ и занимать его бесѣдою, тщательно уклоняясь отъ всего, что касалось правительства и въ особенности его заключенія. На всякій вопросъ въ этомъ родѣ они должны были быть глухи и нѣмы. Имъ было также воспрещено передавать какія-либо порученія принца и выполнять его приказанія за стѣнами комнаты. Все, что происходило во дворцѣ, должно оставаться тайною для принца, развѣ только самъ король позволитъ сообщить ему что-нибудь. Его снабдили служебникомъ и другими книгами духовнаго содержанія. Никакое свѣтское сочиненіе не допускалось въ его темницу.

Это послѣднее распоряженіе, повидимому, обнаруживаетъ въ Карлосѣ еретическія наклонности, которыя необходимо было побѣдить религіознымъ чтеніемъ, если только это благочестивое чтеніе не служило приготовленіемъ къ смерти. Кромѣ означенныхъ шести дворянъ, единственныя лица, допускавшіяся въ его комнату, были: медикъ, камердинеръ или barbero и прислужникъ. Послѣдній былъ выбранъ изъ monteros или отряда королевскихъ тѣлохранителей. Семеро другихъ солдатъ имѣли спеціальную обязанность приносить кушанья въ прихожую и подавать ихъ дежурному, который относилъ ихъ въ комнату принца. Въ коридорѣ находился постоянный караулъ изъ двѣнадцати алебардщиковъ. Всѣ лица, опредѣленныя къ службѣ при Карлосѣ, отъ самаго знатнаго вельможи до послѣдняго слуги, должны были принести торжественную клятву въ точномъ исполненіи королевскихъ распоряженій, и за все была возложена отвѣтственность на принца Эболи. Чтобъ лучше выполнить свою обязанность, Эболи, по приказанію Филиппа, поселился, вмѣстѣ со своей супругой, во дворцѣ — въ комнатахъ, смежныхъ съ комнатой принца.

Какъ ни строги были постановленія короля, они выполнялись съ примѣрною точностью. Тетка Филиппа, королева Португальская, въ письмѣ къ нему, полномъ чистосердечія и любви, предлагала пріѣхать въ Мадридъ, для того, чтобъ раздѣлить заключеніе своего внука и съ материнскою заботливостью развлекать его въ печальномъ заточеніи. «Но», пишетъ Французскій министръ, «король избавилъ ее отъ этого труда.» Императоръ и императрица Германскіе, въ письмахъ своихъ къ Филиппу, изъявляли надежду, что заключеніе Карлоса измѣнитъ его поведеніе къ лучшему, и что, вѣроя-

тно, скоро можно будетъ возвратить ему свободу. За этимъ письмомъ слѣдовало еще нѣсколько въ томъ же тонѣ, пока Филиппъ не кончилъ этой переписки, объявивъ наотрѣзъ, что бракъ его сына съ принцессою Анною никогда не состоится, и что принцу никогда не будетъ возвращена свобода.

Королева Изабелла, супруга Филиппа, и сестра его, Іоанна, глубоко тронутыя судьбою Карлоса, напрасно силились выпросить у короля позволеніе посѣтить принца. Когда донъ-Жуанъ Австрійскій явился во дворецъ въ траурной одеждѣ, желая, такимъ-образомъ, выразить соболѣзнованіе о судьбѣ инфанта, Филиппъ холодно принялъ его и приказалъ надѣть обыкновенную одежду.

Нѣкоторые города Испаніи готовились послать къ королю депутатовъ, чтобъ передать свое сожалѣніе о несчастіи, постигшемъ королевское семейство; но Филиппъ далъ имъ понять, что такъ-какъ онъ дѣйствовалъ для блага народа, то соболѣзнованіе ихъ не имѣетъ смысла. Депутаты Арагоніи, Каталоніи и Валенсіи уже были на пути въ Мадридъ съ порученіемъ освѣдомиться о причинѣ заключенія принца и ходатайствовать объ освобожденіи его; но имъ такъ рѣшительно было объявлено неудовольствіе короля, что они сочли за лучшее возвратиться восвояси, не смѣя вступить въ столицу.

Словомъ, всѣ увидѣли, что напрасно было бы и начинать рѣчь объ этомъ дѣлѣ. Мало-по-малу Карлосъ и его исторія были забыты, какъ забывается все на свѣтѣ. «Теперь такъ мало говорятъ о принцѣ», пишетъ Французскій посланникъ Фуркево, «что можно подумать, что уже прошли десятки лѣтъ, какъ его нѣтъ въ живыхъ.» Имя его, правда, еще занимало въ эктеніи свое мѣсто между именами королевской фамиліи; но король запретилъ духовенству дѣлать какіе бы то ни было намеки на принца въ проповѣдяхъ; «да и никто», прибавляетъ тотъ же посланникъ, «не осмѣливался осуждать поведеніе Филиппа»: такъ велико было превосходство, которое онъ пріобрѣлъ своею мудростью. Подданные волей или неволей покорялись ему, и если они въ душѣ не любили его, то наружнымъ образомъ выражали ему безпредѣльную преданность.

Между многими вещами, вынесенными изъ комнаты принца, находилась шкатулка съ его частными бумагами. Въ этихъ бумагахъ найдено много писемъ, которыя должно было доставить по адресамъ, послѣ его отъѣзда изъ Испаніи. Одно изъ нихъ адресовано къ Филиппу. Карлосъ признавался, что причиною его бѣгства было суровое обращеніе съ нимъ короля. Другія письма адресованы разнымъ вельможамъ и нѣкоторымъ городамъ. Всѣ они были подобнаго же содержанія. Напомнивъ присягу, данную ему, какъ наслѣднику престола, онъ обѣщалъ имъ даровать различныя привиллегіи,

когда скипетръ перейдетъ въ его руки. Между этими бумагами нашли еще одну, весьма замѣчательную по содержанію. То былъ списокъ всѣхъ лицъ, которыхъ Карлосъ считалъ своими друзьями и врагами. Въ первой категоріи первое мѣсто принадлежало его мачихѣ, Изабеллѣ, и дядѣ, дону-Жуану Австрійскому. О нихъ говорилъ онъ съ горячей любовью. Въ спискѣ враговъ, которыхъ «надлежало преслѣдовать до смерти», были слѣдующія имена: Филиппа, принца и принцессы Эболи, кардинала Эспиновы, герцога Альбы и другихъ. О содержаніи этихъ бумахъ мы узнаёмъ изъ донесенія нунція папѣ. Всѣ бумаги, говорятъ, были отданы на разсмотрѣніе судной коммиссіи и, безъ сомнѣнія, составили важную часть обвиненій противъ Карлоса. Нунцій, вѣроятно, получилъ эти свѣдѣнія отъ кого-нибудь изъ близкихъ къ этому дѣлу. Ни одинъ изъ членовъ трибунала не осмѣлился бы повѣрить кому бы то ни было тайны процесса, безъ дозволенія Филиппа, который, можетъ-быть, и согласился на обнародованіе данныхъ, клонившихся къ оправданію его поведенія. Если эти данныя переданы вѣрно, то, надо признаться, разсудокъ Карлоса былъ въ самомъ безпорядочномъ состояніи.

Со времени ареста принца король велъ такую же затворническую жизнь, какъ и его сынъ. Онъ не выходилъ изъ дворца, не посѣщалъ своихъ любимыхъ резиденцій — Аранжуеса и Пардо, даже перестaлъ слѣдить за постройкой Эскуріала, что доставляло ему необыкновенное наслажденіе. Онъ находился подъ вліяніемъ постояннаго страха: съ-часу-на-часъ ожидалъ возмущенія въ народѣ, или, по-крайней-мѣрѣ, между приверженцами Карлоса. При малѣйшемъ шумѣ во дворцѣ — говоритъ историкъ Филиппа — онъ подходилъ къ окну и смотрѣлъ, не вспыхнуло ли возмущеніе, не думаетъ ли кто освободить заключеннаго. Впрочемъ, ему нечего было опасаться народа, привыкшаго безусловно повиноваться. Но опасеніе, возбуждаемое Карлосомъ въ отцѣ, было для него дурнымъ предзнаменованіемъ.

Эти опасенія не склонили Филиппа къ облегченію ареста, который производилъ на Карлоса, пылкаго и строптиваго юношу, пагубное вліяніе. Сначала онъ впалъ въ бѣшенство и, говорятъ, не разъ покушался на самоубійство, но, видя безплодность этихъ попытокъ, началъ успокоиваться и какъ-будто свыкаться съ своей судьбою. Тогда бѣшенство смѣнилось печалью и отчаяннымъ уныніемъ. Онъ сдѣлался еще безпечнѣе, чѣмъ прежде — не только не читалъ доставленныхъ ему духовныхъ книгъ, но даже не выполнялъ ни одной религіозной обязанности, отказывался исповѣдываться и не допустилъ къ себѣ духовника. Это равнодушіе, если не совершенное отреченіе отъ религіи, сильно встревожило Фи-

липпа, который, готовя сыну физическую смерть, заботился объ его духовномъ здравіи. Онъ поручилъ Суарезу, милостыннику принца, который нѣкогда имѣлъ на него вліяніе, написать къ нему увѣщательное письмо. Мы не можемъ пройдти молчаніемъ этотъ замѣчательный документъ.

Въ началѣ письма Суарезъ говоритъ, что безпутство лишило принца друзей и защитниковъ, что настоящее его положеніе нисколько не улучшило его поведенія, а, напротивъ, сдѣлало еще хуже. «Что скажетъ свѣтъ» — продолжаетъ духовникъ — «когда онъ узнаетъ, что вы отказались исповѣдываться, когда передъ нимъ откроются и другія ужасныя преступленія, въ которыхъ вы оказались виновнымъ? А изъ нихъ нѣкоторыя таковы, что, еслибъ вы не были инфантъ, инквизиція должна была бы рѣшить, истинный ли вы христіанинъ, или нѣтъ. Съ сокрушеніемъ сердца долженъ я сказать вашему высочеству, что вамъ угрожаетъ не только потеря вашего высокаго положенія въ этомъ мірѣ, но—еще хуже, погибель души.» Въ заключеніе, онъ умоляетъ Карлоса подчиниться волѣ Бога и короля, представителя Бога на землѣ.

Но эти увѣщанія имѣли такъ же мало вліянія на несчастнаго принца, какъ и просьбы его приближенныхъ. Постоянное напряженіе мыслей, сосредоточенныхъ на одинъ предметъ, спертый воздухъ темницы и недостатокъ движенія, окончательно разстроили его здоровье: онъ худѣлъ съ каждымъ днемъ, лихорадка давно уже истощала его; чтобъ уменьшить невыносимый жаръ, онъ прибѣгалъ къ отчаяннымъ средствамъ, которыя, по словамъ папскаго нунція, вели его къ смерти хотя медленнымъ, но вѣрнымъ путемъ. Онъ поливалъ водою полъ своей комнаты, что̀ крайне-непріятно было товарищамъ его заключенія, и цѣлые часы прохаживался полураздѣтый и босой по охлажденному полу. Въ теченіе ночи онъ нѣсколько разъ приказывалъ класть въ свою постель грѣлку, наполненную льдомъ и снѣгомъ, и оставлялъ ее тамъ по нѣскольку часовъ. Когда же и этого было мало, онъ выпивалъ огромное количество снѣговой воды. Пища также служила ему смертоноснымъ оружіемъ. Случалось, что въ теченіе нѣсколькихъ дней онъ не бралъ ничего въ ротъ и потомъ въ одинъ разъ съѣдалъ цѣлый пастетъ изъ четырехъ куропатокъ и запивалъ его тремя и болѣе галлонами воды, холодной какъ ледъ.

Никакой организмъ не могъ бы выдержать такого насилованія природы: ослабленный долгимъ бездѣйствіемъ, желудокъ не могъ переваривать пищи, и у Карлоса открылась постоянная рвота, а потомъ кровавый поносъ; вмѣстѣ съ тѣмъ силы его быстро истощались. Одному только доктору Оливаресу дозволено было навѣщать больнаго. Онъ совѣтовался со своими собратьями въ комна-

тахъ Рюй-Гомеза; но никакія лекарства не могли возвратить энергіи истощенному организму: дни Карлоса уже были сочтены.

Это извѣстіе менѣе всѣхъ обезпокоило самого Карлоса, который нетерпѣливо ждалъ смерти, какъ освобожденія. Съ этой минуты онъ, казалось, отрѣшился отъ всѣхъ земныхъ помысловъ и погрузился въ созерцаніе предстоящей ему загробной жизни. Онъ потребовалъ къ себѣ духовника Чавра и Суареза, своего милостынника, которые старались облегчить его увѣщаніями. Послѣднія сцены этой печальной драмы переданы нунціемъ.

«Внезапно, силою божественной благодати, въ сердцѣ принца произошла чудесная перемѣна. Его рѣчь, доселѣ праздная и пустая, сдѣлалась рѣчью человѣка разсудительнаго. Онъ велѣлъ позвать къ себѣ духовника и благочестиво исповѣдался. Болѣзнь его была такого рода, что онъ не могъ принять святыхъ таинъ, но благоговѣйно преклонился предъ ними, обнаруживъ глубокое раскаяніе. Принцъ продолжалъ принимать лекарства и въ то же время высказывалъ самое глубокое презрѣніе къ земной жизни и такое стремленіе къ небу, что, казалось, Провидѣніе къ предсмертному часу сберегло для него всю силу своей благодати».

Карлосъ, казалось, былъ увѣренъ, что доживетъ до всенощнаго бдѣнія, предшествующаго празднику св. Іакова, покровителя Испаніи. Когда ему сказали, что до праздника остается еще четыре дня, онъ отвѣчалъ: «сколько же продлятся мои страданія?» Передъ смертью онъ желалъ видѣть отца; но духовникъ, говорятъ, отклонилъ монарха отъ этого свиданія, основываясь на томъ, что Карлосъ былъ въ такомъ счастливомъ состояніи духа, что надобно стараться не нарушать его и не обращать вниманія принца на предметы этого міра. Филиппъ, воспользовавшись минутою, когда Карлосъ спалъ или лежалъ безъ чувствъ, вошелъ въ его комнату и, тихо пройдя позади принца Эболи и великаго пріора Антоніо-де-Толедо, протянулъ руку къ постели и благословилъ умирающаго сына, совершивъ крестное знаменіе.

Но ни мачихѣ Карлоса, ни теткѣ его, Іоаннѣ, не было дозволено усладить предсмертныхъ минутъ принца. Онъ умеръ, какъ жилъ во все время своего заключенія — подъ холоднымъ взглядомъ враговъ. Но онъ примирился со всѣми: ослабѣвающія уста его произнесли прощеніе отцу, Рюй-Гомезу и Эспинозѣ, которые совѣтовали королю лишить его свободы.

Смерть приближалась быстрыми шагами. Карлосъ съ трудомъ выслушивалъ напутственныя увѣщанія духовника своего и слабымъ, едва внятнымъ шопотомъ молился передъ распятіемъ, которое держалъ постоянно въ рукахъ. Двадцать четвертаго іюля, вскорѣ послѣ полуночи, ему сказали, что наступилъ канунъ св. Іакова. Кар-

лосъ приподнялся съ радостною улыбкою, попросилъ духовника дать ему въ руку освященную свѣчу и, слабо ударяя себя въ грудь, какъ бы призывая милосердіе неба, упалъ навзничь и испустилъ послѣднее дыханіе, безъ всякаго страданія. «Никогда католикъ», говоритъ Нобилв, «не умиралъ такъ по-католически».

Такъ разсказываютъ о смерти Карлоса папскій нунцій и Тосканскій посланникъ, и со словъ ихъ повторяютъ эту исторію, съ незначительными измѣненіями, всѣ тогдашніе и позднѣйшіе писатели Кастиліи. Но мы встрѣчаемъ одно странное обстоятельство: въ переписке Французскаго посланника находимъ всѣ обстоятельства, предшествовавшія смерти Карлоса и слѣдовавшія за нею, между тѣмъ, какъ письма, содержащія въ себѣ обстоятельства самой смерти, исчезли изъ архивовъ. Было ли это слѣдствіемъ простаго случая, или распоряженія — рѣшить невозможно. Но положительно можно сказать, что никто за стѣнами дворца не могъ получить болѣе достовѣрныхъ свѣдѣній о томъ, что дѣлается въ темницѣ инфанта, какъ эти два, упомянутыя нами, лица, особенно нунцій, потому что оба они имѣли полную возможность слышать разсказы людей, находившихся при Карлосѣ. Однакожъ они могли говорить не иначе, какъ съ разрѣшенія Филиппа, который, должно полагать, хотѣлъ объявить всему свѣту, что сынъ его умеръ по-христіански.

Совершенно другаго рода разсказъ находимъ у Льйоренте, бывшаго секретаремъ инквизиціи и имѣвшаго доступъ ко множеству весьма важныхъ матеріаловъ. Хотя этотъ разсказъ довольно многословенъ, однакожъ онъ такъ важенъ, что я не могу умолчать о немъ.

По словамъ этого писателя, судъ надъ Карлосомъ былъ оконченъ только за нѣсколько дней до его смерти, о чемъ, впрочемъ, не зналъ подсудимый, не имѣвшій возлѣ себя ни одного совѣтника. Девятаго іюля коммиссія пришла къ заключенію, что, судя по всѣмъ даннымъ, принцъ виновенъ въ измѣнѣ, ибо замышлялъ убить отца и овладѣть престоломъ Нидерландовъ. Въ донесеніи, которое было представлено Филиппу, Муньятонесъ говоритъ, что оба эти преступленія, по законамъ, влекутъ за собою смертную казнь; но такъ какъ инфантъ находится внѣ обыкновенныхъ законовъ, то его величество можетъ смягчить наказаніе, или даже помиловать преступника, если найдетъ то согласнымъ съ выгодами государства. Это рѣшеніе было одобрено Рюй-Гомезомъ и Эспинозой.

Король отвѣчалъ, что, хотя родительское чувство и влечетъ его къ принятію предложенія министровъ, однако совѣсть говоритъ ему, что благо народа требуетъ не передавать правленія человѣку, который питаетъ въ своемъ сердцѣ такія порочные замыслы. Поэтому онъ, какъ отецъ, принимаетъ предложеніе, но, какъ государь, ви-

дитъ необходимость поступить по закону. Послѣ того король прибавилъ, что, вѣроятно, ему не нужно будетъ прибѣгать къ насилію, такъ какъ здоровье принца теперь въ критическомъ состояніи, и только надобно ослабить осторожность въ пищѣ, и тогда невоздержаніе принца скоро сведетъ его въ могилу. Одного только онъ желалъ, чтобъ принцъ передъ смертью исповѣдался и примирился съ небомъ. «Вотъ величайшее доказательство любви Филиппа къ сыну и къ Испаніи», заключаетъ секретарь инквизиціи.

Эти изліянія родительской нѣжности привели Рюй-Гомеза и Эспинозу къ тому выводу, что ничѣмъ нельзя такъ угодить королю, какъ ускореніемъ смерти инфанта. Рюй-Гомезъ передалъ свое заключеніе Оливаресу въ двусмысленной формѣ. Эта форма, хотя и не мѣшала доктору понять намѣренія принца Эболи, однакожъ скрывала великость преступленія отъ глазъ человѣка, который долженъ былъ совершить его. Никто, конечно, не могъ превзойдти въ способности къ дѣламъ подобнаго рода принца Эболи, съ юности находившагося при дворѣ и приготовившагося воспитаніемъ къ притворству и коварству. Докторъ понялъ требованіе: онъ долженъ былъ привести своего паціента въ такое состояніе, чтобъ смерть его казалась естественною и не компрометировала короля. Онъ выразилъ полную готовность исполнить волю своего государя и двадцатаго іюля предписалъ дозу чистительнаго лекарства принцу, который вскорѣ почувствовалъ себя гораздо хуже и, къ великому утѣшенію отца, потребовалъ духовника. Такимъ образомъ, душа была спасена, а тѣло убито. Таковъ разсказъ Льйоренте.

Другой историкъ того времени, Страда, который, какъ иностранецъ, былъ чуждъ побужденій, заставлявшихъ Испанцевъ скрывать истинныя обстоятельства смерти принца, употребляетъ такое выраженіе въ своемъ разсказѣ, какъ будто онъ думалъ, что принцъ умеръ естественнымъ образомъ, именно: «если дѣйствительно онъ не умеръ насильственной смертью». Принцъ Оранскій, въ своемъ смѣломъ оправданіи нисколько не колеблясь, называетъ Филиппа убійцей своего сына. Брантомъ, записывавшій всѣ ходячіе слухи безъ разбора, передаетъ язвительныя остроты и эпиграммы, которыми его соотечественники осыпали Филиппа за участіе въ смерти принца, и прибавляетъ, что, по свидѣтельству одного Испанца, занимавшаго высокое мѣсто, принцъ, наперекоръ мнѣнію совѣта, былъ осужденъ отцемъ и потомъ найденъ въ своей комнатѣ мертвымъ, съ полотенцемъ на шеѣ. Различныя мнѣнія объ образѣ смерти принца — лучшее доказательство неосновательности всѣхъ ихъ. Наконецъ, одинъ позднѣйшій писатель утверждаетъ, будто бы Карлосу даровано было право выбрать родъ смерти — разсказъ, который могъ бы найдти·

себѣ болѣе приличное мѣсто въ одной изъ многихъ драмъ, проистекшихъ изъ таинственной исторіи принца!

Должно признаться, что изъ всѣхъ этихъ показаній ни одно не заслуживаетъ положительнаго довѣрія. Однако, историкъ нашего времени не долженъ оставлять безъ вниманія общей молвы, которая наводитъ на слѣдующія размышленія. Съ первой минуты заключенія, какъ читатель видѣлъ выше, было рѣшено, что Карлосъ уже никогда не получитъ свободы. Всѣ обстоятельства заточенія были такого рода, что невольно думаешь о его непродолжительности. «Для низверженнаго вѣнценосца разстояніе отъ трона до гроба невелико», сказалъ Макіавелли. Карлосъ еще не былъ вѣнценосцемъ; но были нѣкоторыя условія, сократившія срокъ его заточенія. Окружавшіе не довѣряли ему: король, арестовавъ сына, чувствовалъ себя менѣе безопаснымъ, чѣмъ прежде, когда принцъ пользовался полной свободой. «Министры, ненавидимые Карлосомъ», говоритъ нунцій, «были убѣждены, что вступленіе его на престолъ предвѣщаетъ имъ неминуемое паденіе»; опасенія и интересы влекли ихъ къ устраненію инфанта, и, въ этомъ отношеніи, мы убѣждены, они не могли встрѣтить противодѣйствія въ характерѣ Филиппа. Въ его исторіи нѣтъ примѣровъ, чтобъ онъ отступилъ предъ какимъ-нибудь препятствіемъ, или чтобъ сжалился надъ жертвой, попавшей въ его руки.

Сверхъ того, Филиппъ въ дѣлахъ религіи слѣдовалъ убѣжденію, что цѣль оправдываетъ средства. Вспомнимъ, что Карлосъ былъ обвиненъ въ отступничествѣ отъ вѣры и, что въ 1559 году, во время торжественнаго auto da fé, въ Вальядолидѣ, король, въ присутствіи всего двора и членовъ инквизиціи, сказалъ одному изъ осужденныхъ, что, «еслибъ сынъ его былъ такимъ еретикомъ, онъ самъ сложилъ бы для него костеръ». Поэтому какую причину смерти Карлоса мы ни признали бы—насиліе, или его собственную невоздержность—Филиппъ не освобождается отъ отвѣтственности: если онъ не обагрилъ рукъ кровью сына, то жестокостью довелъ его до отчаянія, которое повлекло за собою смерть.

За нѣсколько дней до смерти, Карлосъ написалъ завѣщаніе, въ которомъ умолялъ отца простить и благословить его; онъ поручалъ заботливости его своихъ слугъ, завѣщалъ нѣсколько драгоцѣнныхъ вещей двумъ или тремъ своимъ друзьямъ, а все остальное — разнымъ церквамъ и монастырямъ. По его желанію, тѣло его облекли въ францисканское платье и положили въ гробъ, обитый чернымъ бархатомъ и богатою парчою. Въ седьмомъ часу того же вечера останки Карлоса были перенесены изъ комнаты, гдѣ онъ умеръ, на мѣсто погребенія.

Принцъ Эболи, графы Инфантадо, Ріо-Секо и другіе главнѣй-

шіе гранды несли гробъ Карлоса на своихъ плечахъ. Дворецъ былъ наполненъ монахами, высшими духовными сановниками, иностранными посланниками, дворянами, придворными и чиновниками. Тамъ были также лица, находившіяся въ послѣднее время при Карлосѣ. Къ нѣкоторымъ изъ нихъ онъ не питалъ большой любви. Вѣрные стражи его заточенія явились теперь, чтобъ проводить его въ вѣчное жилище. Прежде, чѣмъ двинулась процессія, между нѣсколькими лицами произошелъ споръ по поводу мѣстъ. Этотъ духъ тщеславія, казалось, долженъ былъ бы смириться предъ торжественнымъ дѣломъ, въ которомъ они принимали участіе и которое должно было имъ напомнить, что въ гробѣ не существуетъ никакихъ отличій. Но, къ счастію, этотъ вопросъ разрѣшенъ былъ самимъ Филиппомъ, который изъ отвореннаго окна смотрѣлъ на эту сцену и спокойно, какъ всегда, отдалъ приказанія. Король не участвовалъ въ процессіи. Печальное шествіе потянулось по улицамъ Мадрида, покрытымъ толпами народа. При видѣ торжественнаго погребальнаго шествія, жители Мадрида выражали свое сожалѣніе о принцѣ, котораго надѣялись видѣть на Кастильскомъ престолѣ и ошибки котораго были преданы забвенію его несчастной судьбой. Процессія направилась къ собору San Domingo Real, избранному Карлосомъ мѣстомъ вѣчнаго покоя. Въ присутствіи многочисленной толпы, здѣсь была отслужена панихида съ великой торжественностью. Филиппъ, не довѣряя благоразумію проповѣдниковъ, или боясь, чтобъ его поведеніе не подверглось слишкомъ смѣлой критикѣ, запретилъ произносить надгробныя рѣчи. Въ теченіе девяти дней, въ память инфанта, служились панихиды; утромъ и вечеромъ отправлялась служба въ присутствіи высшихъ сановниковъ государства и высшаго дворянства, одѣтыхъ въ глубокій трауръ. Королева Изабелла и принцесса Іоанна были въ числѣ немногихъ, проливавшихъ слезы о ранней смерти несчастнаго юноши. Въ церковной стѣнѣ, на клиросѣ, сдѣлана была ниша, и въ нее опущены останки принца; но они не долго покоились тамъ; въ 1573 году Филиппъ перевезъ ихъ въ Эскуріалъ, и подъ мрачными сводами этого великолѣпнаго храма прахъ Карлоса смѣшался съ прахомъ Австрійской династіи.

Послѣ смерти сына, Филиппъ написалъ письмо къ своему посланнику въ Римѣ, Зуньгѣ. Онъ выразилъ желаніе, чтобъ памяти Карлоса не оказывали никакихъ почестей, не надѣвали траура, и чтобъ его святѣйшество не считалъ себя обязаннымъ посылать къ нему письма съ выраженіемъ соболѣзнованія. Зуньга исполнилъ волю Филиппа; но онъ не могъ воспрепятствовать служенію панихиды, соотвѣтствовавшей высокому сану умершаго. Въ церкви св. Іакова былъ поставленъ катафалкъ и отслужена торжественная

служба въ присутствіи посланника и находившихся при немъ лицъ. Двадцать-одинъ кардиналъ, въ томъ числѣ и Гранвелла, участвовали въ церемоніи. Но не было произнесено никакой надгробной рѣчи; на гробницѣ Карлоса не было никакой надписи, исчисляющей многочисленныя добродѣтели, обыкновенно приписываемыя умершимъ.

Вскорѣ послѣ смерти дона-Карлоса, обитель св. Іеронима скрыла на довольно-долгое время Филиппа отъ взоровъ его подданныхъ. «Онъ чувствовалъ свою утрату какъ отецъ», пишетъ папскій нунцій, «но переносилъ ее съ терпѣніемъ христіанина». Вслѣдъ затѣмъ къ иностраннымъ дворамъ отправлены были депеши, извѣщавшія о смерти инфанта. Въ письмѣ къ герцогу Альбѣ король дозволяетъ себѣ вполнѣ выразить свои личныя чувства: «Богу угодно было воззвать къ себѣ моего любезнаго сына, принца Карлоса, и вы можете представить, въ какомъ я нахожусь уныніи и печали. Онъ умеръ по-христіански: за три дня до смерти принялъ онъ святое причастіе и выразилъ полное раскаяніе. Вотъ все, что́ служитъ мнѣ утѣшеніемъ; ибо я надѣюсь, что Богъ воззвалъ его къ себѣ, что онъ можетъ быть съ Нимъ всегда, и Онъ будетъ милостивъ ко мнѣ и ниспошлетъ мнѣ силы перенесть это бѣдствіе съ твердостью и терпѣніемъ христіанина».

Такъ погибъ на зарѣ жизни двадцати-трехъ-лѣтній Карлосъ, принцъ Астурійскій. Никто въ его время не являлся въ свѣтъ съ такими блестящими предзнаменованіями. Онъ былъ наслѣдникомъ могущественнѣйшей въ христіанскомъ мірѣ монархіи. Испанцы замѣчали въ его характерѣ признаки будущаго величія и надѣялись современемъ увидѣть въ немъ монарха, достойнаго соперника Карла V. Но Карлосъ родился подъ несчастною звѣздою, которая противодѣйствовала всѣмъ дарамъ природы и обратила ихъ въ проклятіе для него. Болѣзнь увеличила природную раздражительность и упрямство. Встрѣченный холодно и недовѣрчиво, онъ впалъ въ безуміе, которымъ объясняется его поведеніе и оправдывается необходимость принять нѣкоторыя мѣры, чтобъ остановить его странности. И если мы не рѣшаемся обвинить Филиппа въ смерти сына, то можемъ ли оправдать его жестокость и освободить отъ отвѣтственности за ея послѣдствія?

ИСТОРІЯ АНГЛІИ.

(*Маколея*).

Примѣч.— Маколей, Томасъ Бабингтонъ (1800 — 1859) — одинъ изъ великихъ историковъ Англійскихъ. Въ 1857 г. онъ за свои литературные труды получилъ титулъ пера Англіи... Лучшая біографія и оцѣнка произведеній Маколея на Русскомъ языкѣ принадлежитъ профессору *Вызинскому*. Приводимъ изъ нея отрывокъ: «Можно бы найти довольно примѣровъ людей, которые владѣли такимъ же богатымъ запасомъ знанія, какъ Маколей, которые отличались подобнымъ ему умомъ, но не было и нѣтъ никого, кто бы стоялъ выше его даромъ изложенія, и ничье перо не превзойдетъ его въ изображеніи того, что онъ зналъ, понималъ и чувствовалъ. Онъ былъ художникъ въ полномъ смыслѣ этого слова. Чрезвычайно живое воображеніе, впечатлительность, творческая фантазія, способность открывать во всемъ поэтическія стороны, необыкновенный даръ слова — все это было въ немъ.

«Исторія становилась подъ его рукою произведеніемъ искусства. Съ рѣдкимъ искусствомъ анализа и юмора, онъ воскрешалъ передъ нами жизнь прошедшаго во всей ея разнообразной пестротѣ, показывалъ намъ людей прошедшаго въ нхъ историческомъ костюмѣ, давалъ видѣть, какъ они жили, говорили и дѣйствовали, страдали и боролись, интриговали и молились, и даже какъ они охотились и пировали. Все движется и кипитъ жизнію.

«У него есть особая манера рисовать характеры посредствомъ сравненій разныхъ людей между собою. Онъ сопоставляетъ Кромвеля съ Наполеономъ, Якова I Стюарта съ императоромъ Клавдіемъ, Макіавелли съ Монтескье, Мирабо съ демагогомъ Вилькесомъ и идеаломъ государственнаго мужа, лордомъ Чатамомъ, и всегда отъ этого сопоставленія черты характера выходятъ ярче, живѣе, поразительнѣе. О чемъ бы ни пришлось говорить ему, онъ безпрестанно прибѣгаетъ для объясненія предмета къ самымъ разнороднымъ примѣрамъ, сравненіямъ, историческимъ аналогіямъ, параллелямъ, намекамъ, контрастамъ. Такое изложеніе называется исторической иллюстраціею. Нельзя указать ни на кого, ни въ одной литературѣ, кто бы могъ сравниться съ нимъ въ этомъ искусствѣ. Онъ неподражаемо умѣетъ представить на одной страницѣ то, на что другіе потребовали бы большой главы»!

Маколей сначала пріобрѣлъ себѣ извѣстность «Опытами» историческими (въ нихъ предлагается характеристика разныхъ личностей: Мильтона, Аддисона, Бакона, Питта, Фридриха Великаго, Байрона, Макіавелли и др.). Всемірную славу Маколей составилъ себѣ «Исторіею Англіи» при короляхъ Іаковѣ II, Вильгельмѣ III и королевѣ Аннѣ. Сочиненіе это имѣло громадный успѣхъ. Больше 12,000 экз. разошлось въ одной Англіи, не считая Соединенныхъ Штатовъ и колоній. Стереотипныя изданія распространили его въ огромномъ количествѣ по всей Европѣ. «Исторія Англіи» переведена на всѣ Европ. языки; на Русскомъ издалъ ее г. *Тибленъ*. При первомъ томѣ напечатана указанная выше статья проф. Вызинскаго (она была прежде помѣщена въ Р. Вѣстникѣ 1860, № 1).

Вильгельмъ Оранскій.

Принцъ Вильгельмъ Оранскій. — Его наружность. — Его отрочество и воспитаніе. — Его богословскія мнѣнія. — Его воинскія качества. — Его любовь къ опасности. — Его плохое здоровье. — Холодность его манеръ и сила его чувствъ.

Мѣсто, которое Вильгельмъ Генрихъ, принцъ Оранско-Нассаускій занимаетъ въ исторіи Англіи и человѣчества, такъ важно, что не лишнимъ будетъ изобразить рѣзкія черты этого характера.

Ему шелъ тогда (въ 1687 г.) тридцать седьмой годъ. Но и тѣломъ и духомъ онъ казался старше другихъ людей того же возраста. Дѣйствительно, можно было бы сказать, что онъ никогда не былъ молодъ. Его наружность знакома намъ почти такъ же хорошо, какъ и его полководцамъ и совѣтникамъ. Ваятели, живописцы и медальеры употребили все свое искусство, чтобы передать его черты потомству; а черты его были таковы, что художникъ не могъ не потрафить ихъ, и таковы, что увидѣвши разъ, нельзя было никогда ихъ забыть. При его имени, намъ тотчасъ представляется худощавый и хилый станъ, высокій и широкій лобъ, носъ, загнутый на подобіе орлинаго клюва, глаза, въ блескѣ и зоркости не уступавшіе орлинымъ, многодумное и нѣсколько угрюмое выраженіе лица, твердо и нѣсколько сурово сжатыя губы, блѣдныя и впалыя щеки, глубоко изборожденныя недугомъ и заботами. Этотъ задумчивый, строгій и торжественный видъ едва ли могъ бы принадлежать счастливому или веселому человѣку. Но онъ несомнѣннымъ образомъ показываетъ способность, которой подъ силу самыя трудныя предпріятія, и мужество, которому ни по-чемъ превратности счастья и опасности.

Природа щедро одарила Вильгельма качествами великаго правителя, а воспитаніе развило эти качества въ необыкновенной степени. Съ крѣпкимъ природнымъ смысломъ и рѣдкою силою воли, онъ, когда умъ его только что началъ пробуждаться, очутился круглымъ сиротою, главою большой, но подавленной и упавшей духомъ партіи, наслѣдникомъ обширныхъ и безграничныхъ притязаній, возбуждавшихъ страхъ и отвращеніе олигархіи, которая тогда господствовала въ Соединенныхъ провинціяхъ. Простой народъ, искренно привязанный въ теченіе столѣтія къ его дому, всякій разъ, при встрѣчѣ съ нимъ, заявлялъ несомнѣннымъ образомъ, что считалъ его законнымъ своимъ главою. Искусные и опытные министры республики, смертельные враги его фамиліи, являлись каждый день свидѣтельствовать ему притворное почтеніе и наблюдать за развитіемъ его ума. Они тщательно подмѣчали первыя проявленія его

честолюбія и записывали каждое сказанное имъ неосторожное слово. Онъ не имѣлъ при себѣ ни одного совѣтника, на котораго могъ бы положиться. Едва исполнилось ему пятнадцать лѣтъ, какъ подозрительное правительство удалило изъ его дома всѣхъ слугъ, преданныхъ его интересамъ, или мало-мальски пользовавшихся его довѣріемъ. Онъ протестовалъ съ энергіей, необыкновенной въ его лѣта, но протестъ оказался безплоднымъ. Внимательные наблюдатели видѣли, какъ слезы не разъ закипали въ глазахъ молодаго государственнаго плѣнника. Его отъ природы нѣжное здоровье разстроилось на время отъ душевныхъ волненій, причиненныхъ безотраднымъ положеніемъ. Такія положенія смущаютъ и разслабляютъ слабыхъ, но вызываютъ наружу всю силу сильныхъ. Окруженный ловушками, въ которыхъ обыкновенный юноша погибъ бы, Вильгельмъ научился ступать бережно и въ то же время твердо. Задолго до возмужалости, онъ уже умѣлъ хранить тайны, отдѣлываться отъ любопытства сухими и осторожными отвѣтами и скрывать всѣ страсти подъ неизмѣнною личиною важнаго спокойствія. Между тѣмъ въ свѣтскомъ и ученомъ отношеніи онъ сдѣлалъ мало успѣховъ. Манеры Голландской аристократіи того времени не отличались изяществомъ, которое доведено было до совершества между Французскими дворянами и которое, въ нѣсколько меньшей степени, украшало собою Англійскій дворъ; а манеры Вильгельма были совершенно Голландскія. Даже соотечественники считали его нелюбезнымъ. Иностранцамъ онъ часто казался грубымъ. Въ сношеніяхъ съ людьми вообще онъ обнаруживалъ непривычку или пренебреженіе къ тѣмъ тонкостямъ обхожденія, которыя удвоиваютъ цѣну милости и смягчаютъ горечь отказа. Онъ мало интересовался литературою или наукою. Открытія *Ньютона* [1]) и *Лейбница* [2]), стихотво-

---

[1]) *Ньютонъ* (1642 — 1727) — великій Англ. математикъ и натуралистъ. См. II т. нашей Христом., изд. 2, стр. 270.

[2]) *Лейбницъ* (1646 — 1716) — великій Германскій мыслитель, государственный мужъ, математикъ, историкъ, поэтъ, род. въ Лейпцигѣ, ум. въ Ганноверѣ. Это былъ всеобъемлющій геній. Первое его сочиненіе было: «Новый способъ преподавать и изучать правовѣдѣніе». Онъ является здѣсь какъ реформаторъ и указываетъ на недостатки въ изученіи права. Главнѣйшее сочиненіе Лейбница «Теодицея» (Essais de Theodicée sur la bontè de Dieu, la liberté de l'homme et l'origine du mal, 1710). Средоточіе, около котораго вращается ученіе Лейбница,—есть понятіе о субстанціи. Субстанція, говоритъ онъ, душа, энергія; сущность субстанціи — это дѣятельность, ей присущая. Понятіе силы, силы дѣятельной, неразлучно съ понятіемъ о субстанціи. Субстанція есть существо, способное къ дѣятельности. Начало философіи Лейбница таково: только сила есть бытіе. Гдѣ нѣтъ силы, тамъ нѣтъ бытія. Эта сила и есть то, что мы называемъ душею. Единицы, *монады* — источникъ всего существующаго. Вся природа наполнена монадами. Самая послѣдняя частица матеріи содержитъ въ себѣ цѣлый міръ, каждая частица есть прекрасный садъ, на-

ренія *Драйдена* [1]) и Буало были неизвѣстны ему. Драматическія представленія утомляли его; онъ охотно отворачивался отъ сцены, чтобъ поговорить о государственныхъ дѣлахъ въ то время, какъ *Тартюфъ* [2]) жалъ руку Эльмиры. У него былъ талантъ къ сарказму, и онъ нерѣдко, совершенно безсознательно, обнаруживалъ природное краснорѣчіе, правда, неуклюжее, но сильное и оригинальное. У него, однако, не было ни малѣйшаго поползновенія прослыть остроумцемъ или ораторомъ. Его вниманіе исключительно устремлялось на тѣ занятія, которыя образуютъ энергическихъ и проницательныхъ дѣловыхъ людей. Съ дѣтскихъ лѣтъ любилъ онъ слушать бесѣды о важныхъ дипломатическихъ, финансовыхъ и военныхъ вопросахъ. Геометрію зналъ онъ на столько, на сколько необходимо было для постройки равелина или горнверка. Языки, благодаря своей удивительно сильной памяти, зналъ онъ на столько, на сколько необходимо было для умѣнья понимать и вести, безъ посторонней помощи, всякаго рода разговоръ и переписку. Голландскій языкъ былъ его природнымъ языкомъ. Онъ понималъ по-Латини, по-Итальянски и по-Испански. Онъ говорилъ и писалъ по-Французски, по-Англійски и по-Нѣмецки, неизящно, правда, и неправильно, но бѣгло и вразумительно. Никакое другое качество не могло имѣть болѣе важнаго значенія для человѣка, жизнь котораго должна была пройти въ составленіи великихъ союзовъ и въ командованіи разноплеменными арміями.

Одинъ разрядъ философскихъ вопросовъ былъ навязанъ его вниманію обстоятельствами и, кажется, интересовалъ его болѣе, чѣмъ можно было ожидать отъ общаго строя его характера. Между протестантами Соединенныхъ провинцій, какъ и между протестантами нашего острова, существовали двѣ великія религіозныя партіи, которыя почти вполнѣ совпадали съ двумя великими политическими партіями [3]). Представители муниципальной олигархіи были армині-

---

полненный деревьями и растеніями. Въ природѣ нѣтъ ничего мертваго, но все живо, одушевлено.—Его «Теодицея» надѣлала много шуму въ Европѣ; онъ высказываетъ въ ней свои мысли о *единой церкви*. Во времена Лейбница были жаркіе споры между Кальвинистами и Лютеранами; онъ задумалъ единеніе Протестантовъ и написалъ «Теодицею».—Въ 1697 г. Лейбницъ видѣлъ въ Ганноверѣ Петра Великаго, и съ тѣхъ поръ обращался къ нему съ просьбою о разныхъ ученыхъ предметахъ (напр. о наблюденіи надъ магнитною стрѣлкою въ Россіи); въ свою очередь и Петръ переписывался съ философомъ объ открытіи въ Россіи Академіи Наукъ. См. о Лейбницѣ въ «Современникѣ» 1848, № 2.

[1]) *Драйденъ*, или Дрейденъ (1631—1701) — Англійскій поэтъ — писалъ язвительныя сатиры на виговъ.

[2]) *Тартюфъ* — комедія Мольера. Эльмира — одно изъ главныхъ лицъ комедіи. О Мольерѣ см. въ III т. нашей Христом., изд. 2, стр. 168 и д.

[3]) Т. е. вигами и торіями.

яне [1]) и въ глазахъ простаго народа почти ничѣмъ не отличались отъ папистовъ. Принцы Оранскіе, напротивъ, покровительствовали Кальвинистскому духовенству и не малою долею популярности обязаны были своему рвенію о догматахъ предопредѣленія и неизмѣнной благодати, рвенію, не всегда просвѣщенному знаніемъ и не всегда умѣренному гуманностью. Вильгельмъ съ дѣтства тщательно былъ обученъ богословской системѣ, которой держалась его фамилія, и относился къ этой системѣ съ пристрастіемъ, превосходившимъ даже то чувство, какое обыкновенно питаютъ люди къ своей наслѣдственной вѣрѣ. Тому примѣру нетерпимости, который подавали нѣкоторые изъ его предшественниковъ, онъ не подражалъ. Ко всякому гоненію питалъ онъ рѣшительное отвращеніе, которое заявлялъ не только тамъ, гдѣ заявленіе очевидно требовалось политическими соображеніями, но и въ тѣхъ случаяхъ, когда, повидимому, интересы его выиграли бы отъ притворства или молчанія. А между тѣмъ его богословскія мнѣнія были еще рѣшительнѣе, чѣмъ мнѣнія его предковъ. Догматъ о предопредѣленіи былъ краеугольнымъ камнемъ его религіи. Вильгельмъ не рѣдко объявлялъ, что, если бы ему пришлось отказаться отъ этого догмата, онъ долженъ былъ бы отказаться съ нимъ отъ всякой вѣры въ верховной Промыслъ и сдѣлаться просто эпикурейцемъ. За исключеніемъ этого единственнаго пункта, вся жизненная сила его могучаго духа съ раннихъ поръ обратилась отъ умозрительныхъ къ практическимъ вопросамъ. Способности, необходимыя для веденія важныхъ дѣлъ, созрѣли у него въ тотъ періодъ жизни, когда онѣ едва начинаютъ расцвѣтать у обыкновенныхъ людей. Со временъ Октавія міръ не видѣлъ такого примѣра скороспѣлой политической мудрости. Искусные дипломаты изумлялись, слушая мѣткія замѣчанія семнадцатилѣтняго принца о государственныхъ дѣлахъ, и еще болѣе изумлялись, видя, что этотъ юноша, даже тамъ, гдѣ отъ него можно было ожидать сильной пылкости, сохранялъ, подобно имъ, невозмутимое хладнокровіе. Восемнадцати лѣтъ онъ засѣдалъ между отцами отечества, серьезный, осторожный и разсудительный, подобно самому маститому изъ нихъ. Двадцати одного года, въ періодъ унынія и страха, онъ былъ поставленъ во главѣ управленія. Двадцати трехъ лѣтъ, онъ славился по всей Европѣ какъ воинъ и политикъ. Онъ попралъ внутреннія факціи, сдѣлался душею могущественной коалиціи и съ честью подвизался на полѣ битвы противъ нѣкоторыхъ изъ величайшихъ полководцевъ того времени.

---

[1]) *Арминіяне.* Арминій — Голландецъ — (1560—1609) дошелъ до убѣжденія въ ложности Кальвинскаго ученія о предопредѣленіи и свободѣ, открыто возсталъ противъ него и пріобрѣлъ себѣ много друзей, и враговъ. Въ 1625 году Арминіянамъ даны правительствомъ гражданскія права. Изъ словаря *Толля.*

Личныя его наклонности были наклонностями скорѣе воина, нежели государственнаго человѣка; но онъ, подобно прадѣду своему, молчаливому принцу, который основалъ Батавскую республику, занимаетъ гораздо болѣе высокое мѣсто между государственными людьми, нежели между воинами. Исходъ сраженій, разумѣется, не можетъ быть безошибочнымъ мѣриломъ способностей полководца; и особенно несправедливо было бы прилагать это мѣрило къ Вильгельму, такъ какъ ему почти всегда приходилось сражаться противъ полководцевъ, которые были вполнѣ мастерами своего дѣла, и противъ войскъ, которыя въ дисциплинѣ далеко превосходили его войска. Однако есть основаніе думать, что онъ, какъ боевой генералъ, отнюдь не могъ равняться даже съ нѣкоторыми изъ тѣхъ, которые далеко уступали ему въ умственныхъ способностяхъ. Тѣмъ, кому онъ довѣрялъ, онъ говорилъ объ этомъ предметѣ съ благородною откровенностью человѣка, который совершилъ великія дѣла и который легко могъ признать за собою нѣкоторые недостатки. По его словамъ, онъ никогда не готовился къ военному званію. Онъ былъ еще мальчикомъ, когда его поставили во главѣ арміи. Между его офицерами не было ни одного, способнаго обучить его ратному дѣлу. Собственныя его ошибки и послѣдствія ихъ были единственными его уроками. «Я отдалъ бы, воскликнулъ онъ однажды, добрую часть моихъ имѣній за то, чтобъ прослужить нѣсколько кампаній подъ начальствомъ принца Конде, прежде чѣмъ мнѣ пришлось командовать противъ него». Очень можетъ быть, что обстоятельство, помѣшавшее Вильгельму достичь особеннаго искусства въ стратегіи, имѣло вообще благопріятное дѣйствіе на энергію его ума. Если его битвы не были битвами великаго тактика, за то онѣ дали ему право называться великимъ человѣкомъ. Никакое злополучіе ни на минуту не могло лишить его твердости или полнаго присутствія духа. Его пораженія исправлялись съ такою изумительною быстротою, что, прежде чѣмъ враги его успѣвали отслужить благодарственный молебенъ, онъ уже снова готовъ былъ къ бою; сверхъ того, неудачи никогда не лишали его уваженія и довѣрія его солдатъ. Этимъ уваженіемъ и довѣріемъ онъ не мало обязанъ былъ личной своей храбрости. Храбрость въ той степени, которая необходима, чтобы солдатъ не опозорился въ теченіе кампаніи, имѣется или, при надлежащей выучкѣ, можетъ явиться у огромнаго большинства людей. Но храбрость, какою обладалъ Вильгельмъ, представляетъ дѣйствительно рѣдкое явленіе. Онъ былъ испытанъ всяческими испытаніями: войною, ранами, тяжкими и гнетущими недугами, бушующими морями, крайнею и постоянною опасностью отъ руки убійцъ, опасностью, которая потрясала очень крѣпкіе нервы, опасностью, которая жестоко поколебала даже ада-

мантовую твердость Кромвеля. Однако никто никогда не могъ открыть такого предмета, котораго бы принцъ Оранскій боялся. Его совѣтники съ трудомъ могли уговорить его принимать предосторожности противъ пистолетовъ и кинжаловъ заговорщиковъ. Старые моряки изумлялись спокойствію, которое онъ сохранялъ среди ревущихъ буруновъ у опаснаго берега. Въ бою храбрость его обращала на себя вниманіе даже между десятками тысячъ храбрыхъ воиновъ, вызывала благородное одобреніе у непріятельскихъ армій и никогда не заподозрѣвалась даже несправедливостью враждебныхъ фракцій. Во время первыхъ своихъ кампаній онъ подвергался опасности какъ человѣкъ, искавшій смерти; всегда былъ первымъ при нападеніи и послѣднимъ при отступленіи; съ мечемъ въ рукѣ, дрался въ самой густой толпѣ и, не взирая ни на пулю, засѣвшую въ его рукѣ, ни на кровь, струившуюся по его кирасѣ, стойко держался на мѣстѣ и махалъ шляпою подъ самымъ жаркимъ огнемъ. Друзья заклинали его беречь жизнь, безцѣнную для его родины. Знаменитѣйшій его противникъ, великій Конде, послѣ кровопролитнаго сраженія при Сенефѣ, замѣтилъ, что принцъ Оранскій во всѣхъ отношеніяхъ велъ себя какъ старый генералъ, за исключеніемъ того, что подвергался опасности какъ молодой новобранецъ. Вильгельмъ не признавалъ себя виновнымъ въ безразсудной отвагѣ. Онъ говорилъ, что былъ всегда на опасномъ мѣстѣ по чувству долга и по холодному разсчету требованій общественной пользы. Войска, которыми онъ командовалъ, были мало привычны къ войнѣ и боялись рукопашной схватки съ опытными Французскими солдатами. Нужно было, чтобы ихъ вождь показалъ имъ, какъ выигрываются ораженія. И дѣйствительно, не разъ случалось, что битва, казавшаяся безнадежно проигранною, оканчивалась успѣшно, благодаря неустрашимости, съ какою онъ собиралъ свои разстроенные батальоны и собственноручно убивалъ трусовъ, подававшихъ примѣръ бѣгства. Иногда, впрочемъ, онъ какъ будто находилъ какое-то странное удовольствіе рисковать собою. Замѣчено было, что расположеніе его духа никогда не бывало такъ хорошо, а манеры такъ граціозны и развязны, какъ среди шума и кровопролитія битвы. Даже въ забавахъ искалъ онъ упоенія опасностью. Карты, шахматы и бильярдъ не доставляли ему никакого удовольствія. Охота была любимымъ его развлеченіемъ, и чѣмъ болѣе было въ ней риску, тѣмъ болѣе она ему нравилась. Онъ иногда заставлялъ своего коня дѣлать такіе скачки, что отважнѣйшіе его товарищи не рѣшались слѣдовать за нимъ. Самыя смѣлыя Англійскія забавы считалъ онъ, кажется, изнѣженными и тосковалъ въ большомъ Виндзорскомъ паркѣ по дичи, которую привыкъ травить въ Гельдернскихъ лѣсахъ: по волкамъ,

дикимъ кабанамъ и огромнымъ оленямъ съ рогами о шестнадцати вѣтвяхъ.

Отважность его духа была тѣмъ замѣчательнѣе, что тѣлосложеніе его было необыкновенно—нѣжно. Съ дѣтскаго возраста онъ былъ слабъ и болѣзненъ. Въ цвѣтѣ лѣтъ къ недугамъ его присоединилась жестокая оспа. Онъ страдалъ одышкой и имѣлъ расположеніе къ чахоткѣ. Его слабая грудь изнемогала отъ постояннаго хриплаго кашля. Онъ не могъ уснуть, не подложивши подъ голову нѣсколькихъ подушекъ, и почти не могъ дышать въ мало-мальски нечистомъ воздухѣ. Его часто мучили жестокія головныя боли. Напряженіе силъ быстро утомляло его. Доктора постоянно поддерживали надежды его враговъ, то и дѣло назначая срокъ, далѣе котораго, по всѣмъ сколько-нибудь достовѣрнымъ соображеніямъ медицинской науки, невозможно было, чтобы его разстроенный организмъ могъ выдержать. Однако, въ теченіе всей жизни Вильгельма, которая была однимъ продолжительнымъ недугомъ, сила его духа ни разу, во всѣхъ важныхъ случаяхъ, не переставала поддерживать его страждущее и немощное тѣло.

Природа надѣлила его пылкими страстями и живою впечатлительностью: но свѣтъ и не подозрѣвалъ силы его чувствъ. Отъ взоровъ толпы его радости и печали, симпатіи и антипатіи скрывались личиною флегматическаго хладнокровія, вслѣдствіе чего онъ прослылъ за самаго холоднаго изъ людей. Тѣ, которые приносили ему хорошія вѣсти, рѣдко могли подмѣтить въ немъ признаки удовольствія. Тѣ, которые видѣли его послѣ пораженія, тщетно искали на его лицѣ слѣдовъ огорченія. Онъ хвалилъ и бранилъ, награждалъ и наказывалъ съ суровымъ спокойствіемъ Могокскаго вождя; но тѣмъ, которые хорошо его знали и близко его видѣли, извѣстно было, что подъ ледяною оболочкою постоянно пылалъ жестокій огонь. Гнѣвъ рѣдко лишалъ его способности самообладанія. Но когда ему случалось дѣйствительно разгнѣваться, первый взрывъ его страсти былъ ужасенъ. Почти нельзя было тогда подступать къ нему. Впрочемъ, въ этихъ рѣдкихъ случаяхъ, какъ только онъ приходилъ въ себя, онъ немедленно давалъ тѣмъ, кого оскорбилъ, такое полное удовлетвореніе, что у нихъ чуть не рождалось желанія, чтобы онъ снова пришелъ въ бѣшенство. Его расположеніе было также стремительно, какъ и его гнѣвъ. Кого онъ любилъ, того любилъ онъ со всею энергіею сильной души. Когда смерть разлучала его съ предметомъ любви, немногочисленные свидѣтели его отчаянія трепетали за его разсудокъ и жизнь. Для очень небольшаго кружка задушевныхъ друзей, на вѣрность и скромность которыхъ онъ могъ безусловно полагаться, онъ былъ совершенно другимъ человѣкомъ, не похожимъ на того сдержаннаго и стоическаго Вильгельма, кото-

раго толпа считала лишенным человѣческихъ чувствъ. Онъ былъ ласковъ, радушенъ, откровененъ, даже обходителенъ и шутливъ, охотно просиживалъ за столомъ цѣлые часы и принималъ живое участіе въ веселой бесѣдѣ. *Думшинъ.*

ИСТОРІЯ ЦИВИЛИЗАЦІИ ВЪ АНГЛІИ.

(*Бокля*).

Примѣч. — *Генри Томасъ Бокль* (1822—1862)—знаменитый Англійскій историкъ — извѣстенъ своею «Исторіею цивилизаціи въ Англіи» (вышла 1861 г.). Авторъ предположилъ себѣ написать исторію своего отечества «такъ полно и обстоятельно, какъ только позволитъ ему современное состояніе историческаго матеріала».

«Такъ какъ все прошедшее, говоритъ Бокль, состоитъ изъ внутреннихъ или внѣшнихъ фактовъ, то ясно, что все разнообразіе событій, или, другими словами, всѣ тѣ измѣненія, которыми наполнена исторія, суть неизбѣжныя слѣдствія двоякой дѣятельности: вліянія внѣшнихъ явленій на нашъ внутренній міръ и наоборотъ вліянія нашего внутренняго міра на внѣшнія явленія». Основное начало его историческаго взгляда состоитъ въ томъ, что дѣйствія человѣка и человѣческихъ обществъ подчинены столь же непреложнымъ законамъ, какъ явленія внѣшней природы. Изъ явленій природы, которыя оказываютъ наибольшее вліяніе на развитіе человѣческихъ обществъ, Бокль называетъ четыре: климатъ, пищу, почву и наконецъ характеръ природы вообще (т. е. эстетическое вліяніе природы, дѣйствующее на фантазію и религіозныя ученія древнихъ). Подробное изслѣдованіе вліянія этихъ четырехъ родовъ естественныхъ дѣятелей на цивилизацію Индіи, Египта, центральной Америки, Бразиліи, Мексики и Перу, представляетъ въ книгѣ Бокля весьма много интереснаго и новаго.

Бокль, кромѣ того, признаетъ умственныя начала преимущественно движущимъ рычагомъ цивилизаціи. Умственное развитіе остановило религіозныя гоненія, умственное развитіе постепенно уменьшаетъ войны—это величайшее зло въ человѣчествѣ. По этому поводу мы приведемъ подлинныя мысли Бокля: «На низкой ступени общественнаго развитія даровитѣйшіе люди въ государствѣ стремятся въ армію и гордятся своимъ воинскимъ званіемъ. По при развитіи общества, открываются новые пути дѣятельности и новые роды занятій, представляющіе талантливымъ людямъ болѣе средствъ къ раскрытію своихъ способностей. Вслѣдствіе того, въ наиболѣе цивилизованныхъ странахъ, какъ напримѣръ въ Англіи, отецъ семейства, имѣющій сына съ отличными способностями, назначаетъ его непремѣнно къ гражданской дѣятельности, гдѣ талантъ и прилежаніе награждаются лучше. Явленіе это въ исторіи становится особенно яснымъ, когда мы сравнимъ между собою времена, отдаленныя большими промежутками. Въ древности полководцы были не только люди съ значительнымъ образованіемъ, но столько же искусные въ политикѣ, какъ въ военномъ дѣлѣ, однимъ словомъ, передовые во всѣхъ отношеніяхъ. Такъ въ Греціи трое лучшихъ государственныхъ людей—Солонъ, Ѳемистоклъ

и Эпаминондъ были въ то же время и замѣчательнѣйшіе полководцы. Сократъ, мудрѣйшій изъ древнихъ, былъ солдатомъ и, наконецъ, Антисфенъ, знаменитый основатель школы циниковъ — тоже. Архитъ, давшій новое направленіе Пиѳагорской философіи, и Мелиссъ, развившій философію Элеатовъ, были оба извѣстные военачальника и столько же славны въ литературѣ, какъ и въ военномъ дѣлѣ. Периклъ, Алкивіадъ, Димосѳенъ и Эсхинъ, знаменитѣйшіе изъ ораторовъ, были въ то же время и воинами. Поэты: Архилогъ, Тиртей и Алкей; величайшіе трагики: Эсхилъ и Софоклъ, наконецъ знаменитые историки: Ѳукидидъ, Ксенофонтъ и Полибій — были воинами, однимъ словомъ — лучшіе люди Греціи во всѣхъ родахъ принадлежали тамъ къ военному званію и успѣвали соединить свою безсмертную литературную дѣятельность съ суровыми обязанностями воина. Напротивъ, въ новомъ свѣтѣ воинское званіе, хотя оно заключаетъ въ себѣ цѣлые милліоны и покрываетъ всю Европу, съ 16 вѣка не произвело десятка писателей, сколько-нибудь близкихъ къ исчисленнымъ выше древнимъ. Декартъ, воинъ и вмѣстѣ глубокій философъ, составляетъ едва ли не исключительное явленіе».

Широкій и непредубѣжденный взглядъ на историческія явленія открываетъ намъ, что въ каждомъ цивилизованномъ государствѣ прогрессъ вообще зависитъ единственно отъ трехъ условій: во-первыхъ отъ объема знаній его лучшихъ передовыхъ людей; во-вторыхъ отъ направленія, принятаго знаніемъ, т. е. рода тѣхъ предметовъ, на которые преимущественно устремлено оно, наконецъ, въ-третьихъ, отъ степени распространенія этого знанія и отъ свободы, съ которою проникаетъ оно во всѣ классы общества.

Таковы, по мнѣнію Бокля, три главнѣйшіе рычага цивилизаціи, которымъ должны уступать всѣ другія силы, живущія и борящіяся въ человѣческихъ обществахъ.

На Русскомъ языкѣ «Исторія Цивилизаціи въ Англіи» явилась въ двухъ переводахъ; одинъ принадлежитъ гг. Буйницкому и Ненарокомову (С.-Пб. 1862), а другой изданъ подъ редакціею г. Бестужева-Рюмина (С.-Пб. 1864).

О Боклѣ: Библіот. для Чтенія 1861, № 4; Отеч. Зап. 1861, № 3. Предисловіе къ изданію Тиблена. — Взглядъ, противоположный Боклю, выраженъ въ статьѣ профес. *Герье:* Очеркъ развитія историч. наукъ. Р. Вѣстникъ 1866.

Вліяніе законовъ природы на устройство общества и характеръ отдѣльныхъ лицъ.

Изслѣдуя, какіе естественные дѣятели имѣютъ наиболѣе сильное вліяніе на родъ человѣческій, мы найдемъ, что эти дѣятели могутъ быть сгруппированы подъ четыре разряда, а именно: климатъ, пища, почва и общій видъ природы; подъ послѣднимъ названіемъ я разумѣю всѣ тѣ явленія, которыя, поражая преимущественно зрѣніе, дѣйствуютъ черезъ посредство, какъ этого, такъ и другихъ чувствъ, на соединеніе понятій и такимъ образомъ служатъ въ разныхъ странахъ источникомъ различій въ образѣ мыслей народовъ. Къ одному изъ этихъ четырехъ разрядовъ можетъ быть отнесено каж-

дое изъ внѣшнихъ явленій, дѣйствію которыхъ человѣкъ подвергается. Дѣйствіе послѣдняго изъ нихъ, или того, что я назвалъ видомъ природы, состоитъ главнымъ образомъ въ возбужденіи воображенія и во внушеніи тѣхъ безчисленныхъ предразсудковъ, которые служатъ важнѣйшимъ препятствіемъ къ развитію знаній. Такъ какъ въ младенчествѣ народа сила этихъ предразсудковъ неодолима, то обыкновенно разнообразіе въ этомъ разрядѣ явленій производитъ соотвѣтствующія различія въ народныхъ характерахъ и придаетъ національнымъ вѣрованіямъ особенности, которыя, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, невозможно изгладить. Три другіе дѣятеля: климатъ, пища и почва, насколько я знаю, не имѣютъ подобнаго прямаго вліянія; но они породили болѣе важныя послѣдствія по отношенію къ общему устройству общества и были источникомъ многихъ изъ значительныхъ и очевидныхъ различій между націями, часто объясняющихся коренною разницею между породами, на которыя раздѣляется родъ человѣческій. Но между тѣмъ какъ первообразныя различія между породами составляютъ не болѣе какъ предположеніе, отмѣты, порождаемыя разнообразіемъ климата, пищи и почвы, допускаютъ удовлетворительное объясненіе, и, когда мы поймемъ ихъ, окажется, что ими поясняются многія изъ трудностей, затемняющихъ изученіе исторіи. Вотъ почему я прежде всего намѣренъ изслѣдовать законы, управляющіе этими тремя дѣятелями, насколько дѣйствіе ихъ связано съ человѣкомъ въ его общественномъ состояніи. Начертавъ дѣйствіе этихъ законовъ, насколько это возможно при настоящемъ состояніи естественныхъ наукъ, я разсмотрю четвертаго дѣятеля — общій видъ природы и постараюсь указать важнѣйшія отличія, естественно порожденыя его разнообразіемъ въ каждой сторонѣ.

Начиная такимъ образомъ съ климата, пищи и почвы, нельзя не замѣтить, что эти три природныя силы немало зависятъ одна отъ другой, т. е. существуетъ тѣсная связь между климатомъ страны и пищею, производимою въ большомъ обиліи этою страною; съ другой стороны на пищу дѣйствуетъ почва, ее производящая, возвышенность или низменность страны, состояніе атмосферы — словомъ, всѣ тѣ условія, соединеніе которыхъ извѣстно подъ именемъ физической географіи, въ обширномъ, общепринятомъ смыслѣ этого слова.

При такой тѣсной связи между этими тремя дѣятелями, кажется лучше не разсматривать каждаго изъ нихъ отдѣльно, а изучать каждое изъ послѣдствій, производимыхъ ихъ совокупнымъ дѣйствіемъ. Такимъ образомъ, мы скорѣе достигнемъ полнаго понятія о цѣломъ вопросѣ и, избѣжавъ искусственнаго раздробленія явленій, по сущности своей нераздѣлимыхъ, будемъ имѣть возможность ви-

дѣть, какъ сильно въ раннюю пору общественнаго развитія вліяетъ природа на судьбы человѣка.

Изъ всѣхъ вліяній, производимыхъ на народъ климатомъ, пищею и почвою, самое раннее и во многихъ отношеніяхъ самое важное—накопленіе богатствъ. Хотя развитіе знаній оказываетъ вліяніе на это явленіе, но тѣмъ не менѣе при зачаткѣ обществъ оно предшествуетъ самому знанію. Пока каждый человѣкъ принужденъ собирать всѣ средства, нужныя для его существованія, у него нѣтъ ни охоты, ни времени для времени высшихъ занятій; наука еще не можетъ создаться тогда; самымъ высшимъ предѣломъ развитія въ такія эпохи бываетъ экономія труда при посредствѣ грубыхъ и несовершенныхъ орудій, изобрѣтеніе которыхъ доступно самымъ варварскимъ народамъ.

Въ такомъ положеніи общества накопленіе богатствъ является первымъ важнымъ шагомъ; ибо безъ богатствъ нѣтъ досуга, безъ досуга нѣтъ знаній. Если народъ потребляетъ ровно столько же, сколько производитъ, тогда нѣтъ остатка; слѣдовательно нельзя накопить капитала и нечѣмъ питаться незанятымъ классамъ. Но если производится больше, чѣмъ потребляется, то оказывается остатокъ, возрастающій самъ собою по извѣстнымъ законамъ и составляющій фондъ, изъ котораго немедленно или впослѣдствіи, начинаетъ содержаться каждый, кто самъ не участвуетъ въ созданіи средствъ къ поддержанію жизни. Тогда дѣлается возможнымъ появленіе классовъ, занятыхъ умственнымъ трудомъ; ибо только тогда является накопленіе цѣнностей, при посредствѣ котораго люди могутъ потреблять то, чего они не произвели и, слѣдовательно, получаютъ возможность заняться тѣмъ, чѣмъ прежде препятствовало имъ заниматься удовлетвореніе насущныхъ потребностей.

Такимъ образомъ, накопленіе богатствъ должно быть первымъ изъ великихъ общественныхъ улучшеній, ибо безъ него не могло быть ни вкуса, ни досуга къ пріобрѣтенію знаній, отъ котораго, какъ я докажу ниже, зависитъ развитіе цивилизаціи. Теперь, очевидно, что у народа совершенно невѣжественнаго быстрота накопленія богатствъ обусловливается только естественными особенностями страны. Въ позднѣйшую эпоху, когда богатства уже составляютъ капиталъ, начинаютъ дѣйствовать другія причины; но пока этого не случится, развитіе зависитъ отъ двухъ обстоятельствъ: во-первыхъ, отъ энергіи и правильности, съ которыми ведется трудъ и, во-вторыхъ, отъ того, насколько трудъ вознаграждается щедростью природы. Обѣ эти причины суть тоже результаты предъидущихъ физическихъ обстоятельствъ. Плоды, приносимые трудомъ, зависятъ отъ плодородія почвы, которое обусловливается частью химическимъ составомъ ея, частью тѣмъ, въ какой степени она оро-

шается водами рѣкъ и другими естественными способами, а частью теплотою и влажностью атмосферы. Съ другой стороны, энергія и правильность, съ которыми ведется работа, вполнѣ зависятъ отъ вліянія климата. Это доказывается двумя способами: во-первыхъ, очень яснымъ соображеніемъ, что если жаръ слишкомъ силенъ, то человѣкъ не только не расположенъ, но даже до нѣкоторой степени неспособенъ къ той дѣятельной работѣ, которую охотно бы исполнялъ въ болѣе умѣренномъ климатѣ; во-вторыхъ, соображеніемъ, менѣе обратившимъ на себя вниманіе, но столь же важнымъ, — что климатъ дѣйствуетъ на трудъ не только ослабленіемъ или укрѣпленіемъ работника, но и посредствомъ вліянія, которое онъ производитъ на правильность привычекъ. Такимъ образомъ, мы не видимъ народа, живущаго въ очень сѣверныхъ широтахъ, который бы обладалъ постояннымъ и упорнымъ трудолюбіемъ, отличающимъ жителей умѣренныхъ странъ. Причина этого сдѣлается ясною, когда припомнимъ, что въ болѣе сѣверныхъ странахъ суровость погоды, а въ иныя времена недостаточность свѣта препятствуютъ человѣку продолжать свои обычныя занятія внѣ дома. Вслѣдствіе того, рабочіе классы, отвлеченные отъ своихъ постоянныхъ занятій, становятся болѣе склонны къ безпорядочности; цѣпь ихъ занятій прерывается и они теряютъ то побужденіе къ труду, которое бываетъ непремѣннымъ слѣдствіемъ постоянной и непрерывной работы. Здѣсь кроется источникъ народнаго характера, болѣе прихотливаго и измѣнчиваго, чѣмъ тотъ, который замѣчаемъ у народовъ, имѣющихъ, по климату своей страны, возможность правильно продолжать свою постоянную работу. Дѣйствительно, начало это такъ сильно, что дѣйствіе его мы можемъ замѣтить при самыхъ противоположныхъ обстоятельствахъ. Трудно представить себѣ большее различіе въ правленіи, законахъ, религіи и обычаяхъ, чѣмъ то, которое существуетъ между Швеціей и Норвегіей съ одной, Испаніей и Португаліей съ другой стороны. Но эти четыре страны имѣютъ между собою одно важное сходство. Въ нихъ рѣшительно невозможенъ постоянный земледѣльческій трудъ; въ двухъ южныхъ странахъ трудъ этотъ прерываетъ жаръ, сухость атмосферы и порождаемое этими обстоятельствами состояніе почвы. Въ двухъ сѣверныхъ странахъ тотъ же результатъ производятъ суровость зимы и короткость дня. Вслѣдствіе этого четыре названныя страны, не смотря на все различіе въ остальныхъ отношеніяхъ, сходны между собою въ непостоянствѣ и причудливости характера ихъ жителей. Такимъ образомъ они составляютъ поразительный контрастъ болѣе правильнымъ и постояннымъ обычаямъ, которые установились въ странахъ, гдѣ климатъ представляетъ меньше пре-

пятствій рабочимъ классамъ и принуждаетъ ихъ къ постоянному непрерывному труду.

Вотъ естественныя причины, которыя управляютъ созданіемъ богатствъ. Конечно, есть и другія причины, дѣйствіе которыхъ значительно и, которыя, при болѣе развитомъ состояніи общества, имѣютъ равное, а иногда и сильнѣйшее вліяніе. Но это относится къ позднѣйшему періоду; если же мы изучаемъ исторію накопленія богатствъ въ раннюю пору общества, то находимъ, что оно вполнѣ зависитъ отъ почвы и климата: почва опредѣляетъ плодъ, приносимый извѣстнымъ количествомъ работы; климатъ — энергію и постоянство самой работы. Достаточно перваго взгляда на прошедшія событія, чтобы доказать огромную силу этихъ двухъ естественныхъ условій; ибо въ исторіи нѣтъ примѣра страны, создавшей собственными усиліями цивилизацію, безъ того, чтобы которое—либо изъ этихъ условій не существовало у нея въ самой благопріятной формѣ. Въ Азіи цивилизація всегда ограничивалась тою обширною полосою, гдѣ плодородная наносная почва обезпечивала человѣку необходимую долю богатствъ, безъ которой умственное развитіе не можетъ начаться. Эта громадная область простирается, съ небольшими перерывами, отъ восточной части южнаго Китая до западныхъ береговъ Малой Азіи, Финикіи и Палестины. Къ сѣверу отъ этой огромной полосы тянется длинная линія безплодныхъ земель, изстари населенныхъ грубыми кочующими племенами, которыхъ неплодородная почва держала въ бѣдности и которыя не выходили изъ невѣжества, пока не оставляли эту почву. Въ какой мѣрѣ это зависитъ отъ естественныхъ причинъ, очевидно изъ того факта, что тѣ-же самыя Монгольскія и Татарскія орды основывали въ разныя времена великія монархіи въ Китаѣ, Индіи и Персіи и во всѣхъ такихъ случаяхъ достигали степени цивилизаціи нисколько не низшей той, на которой стояли другія древнія царства. Плодоносныя долины Южной Азіи природа одарила всѣми источниками богатства, и здѣсь-то варварскія племена пріобрѣли нѣкоторую степень утонченности, создали національную литературу и устроили своеобразный политическій бытъ; ничего подобнаго не могли они произвести на своей родинѣ. Точно также Арабы въ своемъ отечествѣ были, благодаря крайней безплодности почвы, всегда грубымъ, необразованнымъ народомъ; въ этомъ случаѣ, какъ и во всѣхъ другихъ, крайняя необразованность является плодомъ крайней бѣдности. Но въ VII в. они завоевали Персію, а въ VIII в. — лучшую часть Испаніи, въ IX в. — Пенджабъ и, наконецъ, почти всю Индію. Едва утвердились они въ своихъ новыхъ жилищахъ, какъ національный характеръ ихъ подвергся значительному измѣненію. Тѣ, кто на родинѣ были не болѣе какъ грубые дикари, получили въ

первый разъ возможность собирать богатства и, слѣдов., дѣлать успѣхи въ образованности. Въ Аравіи они были кочующими пастухами; въ своихъ новыхъ жилищахъ они сдѣлались основателями могущественныхъ государствъ: они строили города, основывали школы, собирали библіотеки; слѣды ихъ могущества до сихъ поръ видны въ Кордовѣ, Багдадѣ и Дели. Къ Аравіи съ сѣвера примыкаетъ и отдѣляется только водами узкаго Чермнаго моря обширная песчаная равнина, которая покрываетъ всю Африку подъ этими широтами и оканчивается лишь у береговъ Атлантическаго океана. Эта обширная страна, подобна Аравіи, ни что иное, какъ безплодная пустыня, и потому жители ея, подобно жителямъ Аравіи, оставались необразованными дикарями, не пріобрѣли никакихъ знаній, единственно потому, что не могли накоплять богатствъ. Вся восточная часть этой пустыни орошается водами Нила, илъ котораго покрываетъ песчаную почву плодородными полосами; такимъ образомъ, трудъ получаетъ обильное, даже чрезвычайное вознагражденіе. Вслѣдствіе того въ странѣ этой накопленіе богатства пошло быстро; за нимъ вскорѣ послѣдовало развитіе знаній, и узкая долина Нила сдѣлалась мѣстомъ рожденія Египетской цивилизаціи, которая, не смотря на то, что ея значеніе сильно преувеличено, составляетъ поразительный контрастъ съ варварствомъ другихъ Африканскихъ народовъ, изъ которыхъ ни одному не удалось образоваться или даже сколько-нибудь выйти изъ невѣжества, присужденнаго имъ скудостью природы.

Эти соображенія ясно показываютъ, что изъ двухъ первоначальныхъ причинъ цивилизаціи плодородіе почвы оказывало наиболѣе вліянія на древній міръ; но въ Европейской цивилизаціи другая великая причина, климатъ, была самою сильною, и, мы видѣли, что она имѣла вліяніе частію на способность работника къ труду, а частію на правильность или неправильность его привычекъ.

Затѣмъ Бокль разсматриваетъ вліяніе на жизнь человѣка пищи. На пищу и значеніе ея въ жизни народной авторъ обратилъ особенное вниманіе. Здѣсь онъ представляетъ разительные данные для подтвержденія главной своей идеи — вліянія физическихъ законовъ на устройство обществъ земледѣльческихъ и образованія характера. Въ Индіи напр. самое питательное хлѣбное растеніе есть рисъ; онъ вознаграждаетъ земледѣльца обильно: даетъ 60 зеренъ на одно посѣянное; въ Өиваидѣ (въ Египтѣ) питательное растеніе, по имени дурра, даетъ на одно зерно 260 зеренъ. — Такое изобиліе въ пищѣ повело къ неравному распредѣленію богатства на востокѣ между разными сословіями, — къ уменьшенію задѣльной платы, къ возвышенію одной касты и униженію, рабству другой, а также—къ умноженію народонаселенія. Обозрѣвъ старый свѣтъ съ указанныхъ точекъ зрѣнія, историкъ переходитъ къ новому. Здѣсь онъ говоритъ о вліяніи тепла, влажности и пассатныхъ вѣтровъ на цивилизацію. Слѣдуетъ поэтическая картина Бразиліи.

Пассатные вѣтры дуютъ на восточномъ берегу Южной Америки; появляясь съ востока и перейдя черезъ Атлантической океанъ, приносятъ съ собою на вемлю пары, собранные ими по пути. Эти пары, достигнувъ берега, сгущаются, въ періодическіе промежутки, въ дождевыя тучи; такъ какъ движеніе ихъ къ западу задерживается гигантскою цѣпью Андовъ, черезъ которые перейти они не могутъ, то всю свою влагу они изливаютъ на Бразилію, которая часто затопляется самыми разрушительными потоками. Эти обильные дожди, въ соединеніи съ обширною системою рѣкъ, отличающею восточную часть Америки, сопровождаемые жаромъ, пробуждаютъ въ почвѣ дѣятельность, безпримѣрную въ другихъ частяхъ свѣта. Бразилія, шириною почти равняющаяся Европѣ, покрыта невѣроятно богатою растительностью. Дѣйствительно, производительность здѣсь такъ обильна и роскошна, что природа какъ бы тщеславится своею силою. Бóльшая часть этой громадной страны покрыта густыми и перепутывающимися лѣсами, деревья которыхъ, усыпанныя цвѣтами несравненной красоты, блистающими тысячью красокъ, приносятъ безконечное множество плодовъ. На ихъ вершинахъ сидятъ птицы съ великолѣпными перьями, вьющія гнѣзда въ мрачной глубинѣ вѣтвей. Внизу, у корней растетъ приземистый кустарникъ; стволы покрываютъ вьющіяся растенія и паразиты; все это полно жизни. Здѣсь встрѣчаются миріады насѣкомыхъ всѣхъ родовъ, пресмыкающіяся самыхъ странныхъ и рѣдкихъ формъ, змѣи и ящерицы, кожа которыхъ блистаетъ роковою красотою: всѣ они находятъ средства къ пропитанію въ обширной мастерской и кладовой природы. Какъ бы для того, чтобы въ этой странѣ чудесъ ни въ чемъ не было недостатка, лѣса пересѣкаются громадными лугами, которые, благодаря жару и влажности, питаютъ своей травой безчисленныя стада дикаго скота, тучнѣющаго отъ нея; между тѣмъ близлежащія долины, богатыя другими формами жизни, служатъ убѣжищемъ болѣе хищнымъ и болѣе свирѣпымъ животнымъ, которыя поѣдаютъ другъ друга и которыхъ человѣкъ не можетъ, кажется, надѣяться истребить [1]).

Таковъ избытокъ жизни, отличающій Бразилію отъ всѣхъ другихъ странъ земнаго шара. Но, посреди этого великолѣпія и красоты природы, для человѣка нѣтъ мѣста. Онъ осужденъ на ничтожество величіемъ, окружающимъ его. Силы, противящіяся ему, до того громадны, что онъ никогда не былъ способенъ бороться съ ними, противодѣйствовать ихъ дружному гнету. Все пространство Бразиліи, не смотря на его громадныя кажущіяся выгоды, постоянно оставалось нецивилизованнымъ, а его жители—блуждающими дика-

[1]) Прекрасный примѣръ описанія природы.

рями, неспособными противодѣйствовать тѣмъ препятствіямъ, которыя поставила на пути ихъ самая щедрота природы. Туземцы, какъ всѣ младенчествующіе народы, имѣютъ отвращеніе къ предпріимчивости; незнакомые съ искусствами, посредствомъ которыхъ отстраняются естественныя препятствія, они никогда не пробовали бороться съ затрудненіями, останавливавшими ихъ общественное развитіе. Дѣйствительно, эти затрудненія такъ важны, что въ теченіе трехсотъ лѣтъ на борьбу съ ними тщетно были употребляемы всѣ средства Европейской науки. Только въ прибрежную часть Бразиліи принесена изъ Европы нѣкоторая цивилизація, до которой туземцы никогда не достигли бы собственными усиліями. Но и эта цивилизація, сама по себѣ очень несовершенная, никогда не проникала въ глубь страны, гдѣ до сихъ поръ сохранилось положеніе дѣлъ, подобное тому, которое существовало тамъ постоянно. Народъ невѣжественный, а потому грубый, не знающій никакого стѣсненія, не признающій закона, продолжаетъ жить въ прежнемъ, глубоко-укоренившемся варварствѣ. Въ странѣ этой естественныя причины такъ дѣятельны и дѣйствуютъ съ такой страшною силою, что до сихъ поръ было невозможно избѣгнуть послѣдствій ихъ соединенной дѣятельности. Успѣхи земледѣлія останавливаются непроницаемыми лѣсами, а жатвы истребляются безчисленными насѣкомыми. Горы слишкомъ высоки, чтобы взбираться на нихъ; рѣки слишкомъ широки, чтобы дѣлать черезъ нихъ мосты; все стремится къ тому, чтобы задержать человѣческій умъ и стѣснить его возрастающее стремленіе. Такимъ образомъ, силы природы связали духъ человѣка. Нигдѣ въ другомъ мѣстѣ нельзя встрѣтить столь грустнаго противорѣчія между величіемъ міра внѣшняго и ничтожествомъ внутренняго. И духъ, устрашенный борьбою, не только не способенъ къ движенію впередъ, но безъ посторонней помощи сталъ бы даже, безъ сомнѣнія, упадать. Даже и теперь, при всѣхъ улучшеніяхъ, постоянно вводимыхъ изъ Европы, нѣтъ никакихъ признаковъ истиннаго прогресса; не смотря на постоянное прибытіе колонистовъ, обработывается менѣе $1/_{50}$ всей земли; обычаи народа отличаются прежнимъ варварствомъ; что же касается до числа жителей, то замѣчательно, что въ Бразиліи — странѣ, въ которой естественныя силы могущественнѣе, чѣмъ въ какой-либо другой, гдѣ такое изобиліе растеній и животныхъ, гдѣ почва орошается огромными рѣками, гдѣ берега изрѣзаны отличными гаванями, въ этой обширной области, пространство которой въ двѣнадцать разъ больше пространства Франціи, населеніе не превышаетъ 6.000,000 чел.

Это соображеніе достаточно объясняетъ, почему во всей Бразиліи не сохранилось памятниковъ даже несовершенной цивилизаціи; нѣтъ свидѣтельства, чтобы народъ въ какое-либо время возвы-

шался надъ тѣмъ состояніемъ, въ которомъ нашлв его, когда страна была въ первый разъ открыта. Но совершенно протввоположна Бразиліи другая страна, которая, хотя находится на томъ же материкѣ и подъ тѣми же широтами, подчинена особымъ естественнымъ условіямъ и потому была сценою нныхъ общественныхъ явленій. Это — знаменитое Перуанское царство, которое заключало въ себѣ всю область южнаго тропика и которое, по обстоятельствамъ, уже указаннымъ нами, было естественно единственною областью Южной Америки, въ которой могла развиться какая-либо цивилизація. Въ Бразиліи жаркій климатъ соединяется съ двоякимъ орошеніемъ, производимымъ во-первыхъ обширною рѣчною системою, характеризующею восточный берегъ, а во-вторыхъ — обильною влагою, оставляемою пассатными вѣтрами. Отъ этого соединенія произошло то безпримѣрное плодородіе, которое относительно человѣка идетъ далѣе цѣли и чрезмѣрнымъ обиліемъ своимъ останавливаетъ его развитіе, но которое при меньшемъ излишествѣ могло бы способствовать этому развитію, ибо, какъ мы ясно видѣли, если производительныя силы природы дѣйствуютъ далѣе извѣстнаго предѣла, то неполныя знанія необразованнаго человѣка не способны совладать съ ними или обратить ихъ въ свою пользу. Но если дѣятельность этихъ силъ ограничивается извѣстными предѣлами, въ которыхъ ими можно пользоваться, то возникаетъ порядокъ вещей, подобный тому, какой мы указали въ Азіи и Африкѣ, гдѣ щедрость природы не только не препятствуетъ общественному развитію, но еще благопріятствуетъ ему, поощряя накопленіе богатствъ, безъ нѣкоторой доли которыхъ прогрессъ невозможенъ.

Вотъ почему, оцѣнивая естественныя условія, которыми въ началѣ опредѣляется цивилизація, мы должны обращать вниманіе не только на щедрость, но еще на то, что можно бы назвать *укротимостью* природы, т. е. мы должны принимать во вниманіе столько же легкость, съ которою можно пользоваться средствами природы, сколько и самое количество этихъ средствъ. Прилагая это къ Мексикѣ, Перу, мы увидимъ, что относительно такого соединенія онѣ счастливѣе другихъ странъ Америки. Хотя ихъ средства гораздо незначительнѣе средствъ Бразиліи, но подчинить эти средства было гораздо легче. Вмѣстѣ съ тѣмъ жаркій климатъ привелъ въ дѣйствіе другіе законы, которые, какъ мы уже старались показать, имѣли сильное вліяніе на всѣ раннія цивилизаціи. Замѣчательно — хотя это, кажется, не обратило на себя ничьего вниманія, — что настоящая южная граница Перу, относительно градусовъ широты, соотвѣтствуетъ древней сѣверной границѣ Мексики, такъ какъ обѣ эти границы проходятъ не достигая тропика: границею Мексики служитъ 21° с. ш., границею Перу $21^1/_2$° ю. ш.

Такова изумительная правильность, которую представляетъ сама исторія, если изучать ее съ достаточно широкой точки зрѣнія. И если сравнимъ Мексику и Перу съ тѣми странами Стараго Свѣта, о которыхъ мы уже упоминали, то увидимъ, что здѣсь, какъ во всѣхъ цивилизаціяхъ, предшествовавшихъ Европейской, общественныя явленія подчинены были естественнымъ законамъ. Во-первыхъ, отличительныя свойства національной пищи, тѣ же самыя, которыя мы встрѣчали въ самыхъ цвѣтущихъ частяхъ Азіи и Африки. Хотя не многія изъ питательныхъ растеній, принадлежащихъ Старому Свѣту, были найдены въ Новомъ, но ихъ мѣсто заняли другія, въ точности соотвѣтствующія рису и финикамъ, т. е. отличающіяся тѣмъ же изобиліемъ, той же легкостью размноженія, тѣмъ же богатствомъ сбора и потому приводящія къ тѣмъ же общественнымъ результатамъ. Въ Мексикѣ и Перу однимъ изъ самыхъ важныхъ питательныхъ веществъ былъ постоянно маисъ, который, какъ можно полагать на основаніи всѣхъ соображеній, былъ отличительною принадлежностью Американскаго материка. Маисъ, подобно рису и финикамъ, есть произведеніе лишь жаркаго климата, и хотя говорятъ, что онъ растетъ на высотѣ 7,000 ф., но его рѣдко можно встрѣтить за 40°, и его размноженіе быстро уменьшается съ уменьшеніемъ температуры; такъ, напримѣръ, въ Новой Калифорніи онъ родится среднимъ числомъ самъ—семьдесятъ и самъ—восемьдесатъ; собственно же въ Мексикѣ онъ родится самъ—триста и самъ—четыреста, а при особенно благопріятныхъ обстоятельствахъ самъ—восемьсотъ.

Народъ, который питается продуктомъ, размножающимся съ такою чрезвычайною легкостью, не имѣетъ нужды упражнять свои промышленныя способности; вмѣстѣ съ тѣмъ населеніе имѣетъ полную возможность множиться, что ведетъ къ цѣлому ряду общественныхъ и политическихъ послѣдствій, подобныхъ тѣмъ, какія мы видѣли въ Индіи и Египтѣ. Кромѣ того, вмѣстѣ съ маисомъ въ Америкѣ употребляютъ другіе роды пищи, къ которымъ прилагаются тѣ же замѣчанія. Картофель, породившій въ Ирландіи столько вредныхъ послѣдствій, способствуя сильному размноженію населенія, принадлежитъ, говорятъ, Перу, — хотя это отвергается очень важнымъ авторитетомъ (Гумбольдтомъ); во всякомъ случаѣ несомнѣнно то, что онъ былъ найденъ въ изобиліи при открытіи страны Европейцами. Въ Мексикѣ картофель былъ неизвѣстенъ до прибытія Испанцевъ; но Мексиканцы и Перуанцы питались плодами банана, растенія, плодородіе котораго до того чрезмѣрно, что еслибъ у насъ не было точныхъ и несомнѣнныхъ свидѣтельствъ, то ему можно бы было не повѣрить. Это замѣчательное растеніе тѣсно связано въ Америкѣ съ естественными законами климата: плоды его составляютъ

предметъ первой важности для пропитанія человѣка, тамъ, гдѣ температура превосходитъ извѣстную норму. О питательности банана достаточно замѣтить, что акръ, имъ засѣянный, можетъ прокормить болѣе пятидесяти человѣкъ, тогда какъ въ Европѣ акръ, засѣянный пшеницею, можетъ прокормить только двухъ. Что же касается до плодородія банана, то вычислено, что — при тожественности обстоятельствъ — онъ въ сорокъ четыре раза плодороднѣе картофеля и во сто тридцать три раза плодороднѣе пшеницы.

Теперь легко понять, почему во всѣхъ важныхъ отношеніяхъ, цивилизація Мексики и Перу была совершенно подобна цивилизаціямъ Индіи и Египта. Въ этихъ четырехъ странахъ, точно также, какъ въ нѣкоторыхъ другихъ странахъ южной Азіи и центральной Америки, существовалъ запасъ знаній, ничтожный въ сравненіи съ Европейской цивилизаціей, но очень замѣчательный, если сопоставить его съ грубымъ невѣжествомъ, преобладавшимъ у другихъ сосѣднихъ и современныхъ народовъ. Но во всѣхъ наименованныхъ странахъ замѣтна одинаковая неспособность распространить даже ту скудную цивилизацію, которою онѣ дѣйствительно владѣли, замѣтно полное отсутствіе чего-либо похожаго на демократическій духъ: одинаковый деспотизмъ со стороны высшихъ и одинаково презрѣнное раболѣпіе со стороны низшихъ членовъ. Какъ мы уже ясно видѣли, всѣ эти цивилизаціи находились подъ вліяніемъ нѣкоторыхъ естественныхъ условій, которыя, хотя и благопріятны для накопленія богатствъ, неблагопріятны для ихъ справедливаго распредѣленія. А такъ какъ знанія человѣческія были еще въ младенчествѣ, то не было возможности бороться противъ этихъ естественныхъ дѣятелей или воспрепятствовать тому вліянію ихъ на общественный организмъ, которое я старался указать. Какъ въ Мексикѣ, такъ и въ Перу, искусства, въ особенности тѣ изъ нихъ, которыя служатъ роскоши высшихъ классовъ, развивались съ большимъ успѣхомъ. Дома людей высшаго класса были наполнены украшеніями и утварью изумительной работы; стѣны ихъ комнатъ были покрыты великолѣпными коврами; ихъ платья и украшенія свидѣтельствовали объ издержкахъ почти невѣроятныхъ; ихъ драгоцѣнныя вещи изящныя и разнообразныя, ихъ богатыя и широкія одежды, обшитыя рѣдкими перьями, привезенными изъ отдаленнѣйшихъ областей государства, — все свидѣтельствовало о громадности ихъ богатствъ и тщеславной расточительности, съ которою эти богатства тратились. Непосредственно за этимъ классомъ слѣдовалъ народъ; положеніе его легко себѣ представить. Въ Перу онъ одинъ платилъ подати, ибо богатые и жрецы были отъ нихъ изъяты. Но такъ какъ при подобномъ состояніи общества народу было невозможно пріобрѣтать собственность, то онъ былъ обязанъ покрывать издержки

правительства личнымъ трудомъ, который находился въ полномъ распоряженіи государства. Въ то же время правители страны сознавали, что съ подобною системою чувство личной свободы было несогласимо, и потому придумали законы, которыми личная воля была подчинена надзору даже въ самыхъ мелочныхъ вещахъ. Народъ былъ такъ стѣсненъ, что не могъ не только переселяться свободно, но даже измѣнять свой костюмъ безъ дозволенія высшихъ властей. Каждому человѣку законъ предписывалъ, чѣмъ онъ долженъ заниматься, во что одѣваться, на комъ жениться и какими удовольствіями пользоваться. У Мексиканцевъ положеніе дѣлъ было точно такое же: изъ одинаковыхъ естественныхъ условій вытекали одинаковыя общественныя слѣдствія. Съ самой существенной для исторіи стороны — въ положеніи народа Мексика и Перу были сходны между собою. Не смотря на разности меньшей важности, обѣ страны сходились въ томъ, что признавали только два разряда народа: высшій — тирановъ, низшій — рабовъ. Таково положеніе, въ которомъ нашли Мексику Европейцы и къ которому она стремилась съ самыхъ раннихъ поръ. Положеніе это было до того невыносимо, что, какъ мы знаемъ изъ достовѣрныхъ свидѣтельствъ, неудовольствіе, порожденное имъ въ народѣ, было одною изъ причинъ, которыя, облегчая успѣхъ Испанскихъ завоевателей, ускорили паденіе Мексиканскаго государства.

Чѣмъ далѣе идемъ въ этомъ изслѣдованіи, тѣмъ поразительнѣе становится сходство между всѣми цивилизаціями, процвѣтавшими предъ тою эпохою человѣческаго развитія, которую можно назвать Европейскою. Раздѣленіе народа на касты было бы невозможно въ великихъ Европейскихъ странахъ; но оно существовало съ глубокой древности въ Египтѣ, въ Индіи и, повидимому, въ Персіи; то же самое учрежденіе было чрезвычайно строго поддерживаемо въ Перу; доказательствомъ того, до какой степени оно соотвѣтствуетъ состоянію общества, служитъ то обстоятельство, что въ Мексикѣ, гдѣ касты никогда не были признаны закономъ, тѣмъ не менѣе существовалъ обычай, чтобы сынъ занимался тѣмъ же, чѣмъ занимался и отецъ. Это было политическимъ знаменіемъ неподвижнаго и консервативнаго духа, который, какъ увидимъ послѣ, отличаетъ каждую страну, гдѣ высшіе классы исключительно присвоили себѣ власть. Религіознымъ знаменіемъ того же духа было безпредѣльное уваженіе къ древности и ненависть ко всякому измѣненію, на которыя величайшій изъ писателей (Гумбольдтъ) объ Америкѣ указываетъ какъ на точку соприкосновенія между туземцами Мексики и Индостана. Къ этому можно прибавить, что люди, изучавшіе исторію древнихъ Египтянъ, замѣтили и у этого народа подобное же стремленіе. Вилькинсонъ, который, какъ хорошо извѣстно, особенно внимательно изу-

чалъ памятники Египтянъ, говоритъ, что они менѣе всякаго другаго народа способны были измѣнять свое богопочитаніе, а Геродотъ, странствовавшій по ихъ землѣ 2300 лѣтъ тому назадъ, увѣряетъ насъ, что они сохраняли старые обычаи и никогда не принимали новыхъ.

Съ другой точки зрѣнія сходство между этими отдаленными странами такъ же любопытно, ибо очевидно происходитъ отъ причинъ, общность которыхъ указана выше. Такъ какъ въ Мексикѣ и Перу низшіе классы были въ полномъ распоряженіи высшихъ, то слѣдствіемъ этого была такая же легкомысленная трата труда, какую мы замѣтили въ Египтѣ и памятниками которой служатъ остатки дворцовъ и храмовъ, еще до сихъ поръ существующіе въ нѣкоторыхъ странахъ Азіи. И Мексиканцы, и Перуанцы воздвигали громадныя зданія, которыя такъ же безполезны, какъ зданія Египтянъ, и которыхъ не можетъ произвести ни одна страна, если только трудъ народа не оплачивается дурно и не направляется дурно. Стоимость этихъ памятниковъ тщеславія неизвѣстна, но должна быть громадна, ибо Американцы, не зная употребленія желѣза, не могли прибѣгать къ средствамъ, значительно сокращающимъ работу. Впрочемъ, сохранилось нѣсколько подробностей, изъ которыхъ можно составить понятіе объ этомъ вопросѣ. Возьмемъ, напр., дворцы ихъ царей. Мы находимъ, что въ Перу построеніемъ царскаго дворца было занято, въ теченіе пятидесяти лѣтъ, 20,000 человѣкъ; на Мексиканскій дворецъ требовалось не менѣе 200,000, поразительные факты, которые, если бы даже погибли другія свидѣтельства, дали бы намъ возможность оцѣнить положеніе страны, гдѣ для такихъ ничтожныхъ цѣлей потрачено такъ много силъ.

Предшествующіе факты, почерпнутые изъ несомнѣнныхъ источниковъ, доказываютъ силу естественныхъ законовъ, которые, въ самыхъ цвѣтущихъ изъ внѣ-европейскихъ странъ, способствовали накопленію богатствъ, но извратили ихъ распредѣленіе и такимъ образомъ обезпечили за высшимъ классомъ монополію одного изъ важнѣйшихъ элементовъ политической и общественной власти. Вслѣдствіе того, во всѣхъ этихъ цивилизаціяхъ большинство народа не получило никакой пользы отъ національнаго развитія; при узкости основаній развитія, само развитіе было непрочно. Вотъ почему, когда появились извнѣ неблагопріятныя условія, вся система, естественно, должна была пасть. Въ такихъ странахъ общество, раздѣленное внутри самого себя, не можетъ держаться. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что еще задолго до кризиса дѣйствительнаго разрушенія такія одностороннія и неправильныя цивилизаціи начали упадать, такъ что ихъ собственное вырожденіе способствовало успѣхамъ чуждыхъ завоевателей и обусловило паденіе тѣхъ древнихъ царствъ,

которыя, при другой, болѣе здравой, системѣ легко могли бы быть спасены [1]).

Таково было вліяніе, произведенное на великія цивилизаціи внѣ Европы особенностями національной пищи, мѣстныхъ климатовъ и почвъ. Теперь остается мнѣ разсмотрѣть вліяніе другихъ физическихъ причинъ, которыя я соединяю подъ общимъ названіемъ вида природы. Дѣйствіе этихъ причинъ, какъ мы скоро увидимъ, наводитъ насъ на весьма обширныя и разносторонвія изслѣдованія о вліяніи внѣшняго міра на расположеніе людей къ извѣстному складу мыслей — вліяніи, придающемъ особый характеръ религіи, изящнымъ искусствамъ, литературѣ, однимъ словомъ—всѣмъ главнымъ проявленіямъ человѣческаго ума. Приведеніе въ извѣстность того, какимъ образомъ это происходитъ, составляетъ необходимое дополненіе къ оконченнымъ нами выше изслѣдованіямъ. Какъ мы видѣли, что пища, климатъ и почва главнымъ образомъ вліяютъ на накопленіе и распредѣленіе богатства, точно также мы увидимъ, что характеръ природы дѣйствуетъ на накопленіе и распредѣленіе умственнаго капитала. Въ первомъ случаѣ, мы имѣемъ дѣло съ матеріальными интересами человѣка, а во второмъ—съ его нравственными интересами. Первую изъ этихъ сторонъ я развилъ, на сколько могъ, а можетъ быть, и вообще на столько, сколько позволяетъ настоящее положеніе нашихъ знаній. Но другая сторона — опредѣленіе отношенія, существующаго между характеромъ природы и умомъ человѣка, требуетъ такихъ обширныхъ соображеній и такой массы разнородныхъ матеріаловъ, что я очень боюсь за успѣхъ моихъ стараній.

Виды природы, если ихъ разсматривать съ этой точки зрѣнія, могутъ быть раздѣлены на два разряда: къ первому мы относимъ тѣ, которые наиболѣе способны возбудить воображеніе, а ко второму тѣ, которые обращаются къ разсудку, въ обыкновенномъ смыслѣ этого слова, то есть возбуждаютъ часто логическую дѣятельность ума. Хотя справедливо, что въ совершенно развитомъ и благоустроенномъ умѣ, воображеніе и разсудокъ играютъ каждый свою роль и помогаютъ другъ другу, тѣмъ не менѣе справедливо также и то, что въ большинствѣ случаевъ разсудокъ слишкомъ слабъ, чтобы останавливать воображеніе и обуздывать его опасное своеволіе.

По отношенію къ вліянію естественныхъ явленій, очевидно, что

[1]) Все, напечатанное до сихъ поръ, приведено нами по переводу г. *Бестужева-Рюмина*. См. сочиненіе Бокля въ изданіи *Тиблена*. Спб. 1864, т. I, стр. 29—37, 77—89. Далѣе слѣдуетъ продолженіе статьи по переводу гг. *Буйницкаго* и *Ненарокомова*. Бокль: Исторія Цивилизаціи въ Англіи. Спб. 1862, т. I, стр. 132—166.

все, внушающее намъ чувства ужаса или сильнаго изумленія, все, возбуждающее въ умѣ идею о чемъ-то неясно сознаваемомъ и превышающемъ наши силы, — все это имѣетъ особую способность воспламенять воображеніе и подчинять его власти болѣе медленныя и болѣе созвательныя дѣйствія разсудка. Встрѣчаясь съ подобными явленіями, человѣкъ сравниваетъ свои силы съ могуществомъ и величіемъ природы, и приходитъ къ грустному сознанію своего ничтожества. Онъ чувствуетъ себя подчиненнымъ природѣ. Со всѣхъ сторонъ безчисленныя препятствія окружаютъ его и стѣсняютъ его личную волю. Его умъ, ужасаясь того, чего онъ не постигаетъ и не можетъ постичь, едва осмѣливается изучать частности, изъ которыхъ слагается такое поразительное величіе. Напротивъ того, тамъ, гдѣ явленія природы представляются въ меньшемъ размѣрѣ и съ меньшею силою, человѣкъ пріобрѣтаетъ довѣріе къ самому себѣ. Онъ чувствуетъ болѣе склонности положиться на свои собственныя силы; онъ можетъ, какъ бы вездѣ пройти и проявлять свою власть во всѣхъ направленіяхъ. А какъ, въ этомъ случаѣ, явленія становятся болѣе доступными, то онъ имѣетъ возможность производить надъ ними опыты и наблюдать ихъ во всѣхъ подробностяхъ; въ немъ поощряется духъ любознательности и анализа, и онъ расположенъ возводить явленія природы къ общимъ началамъ и объяснять ихъ законами, которыми они управляются.

Разсматривая, такимъ образомъ, человѣческій умъ подъ вліяніемъ характера природы, мы встрѣчаемъ замѣчательный фактъ — что всѣ великія цивилизаціи древности находились или между тропиками, или непосредственно возлѣ нихъ, т. е. тамъ, гдѣ характеръ природы самый величественный и самый грозный и гдѣ она вообще представляетъ наиболѣе опасностей для человѣка. Дѣйствительно, въ Азіи, въ Африкѣ и въ Америкѣ, внѣшній міръ возбуждаетъ болѣе страха, чѣмъ въ Европѣ. Это относится не только къ постояннымъ и неизмѣннымъ явленіемъ, каковы, напримѣръ, горы и другія великія естественныя преграды, но и къ явленіямъ временнымъ, каковы землетрясенія, бури, ураганы, моровыя язвы — всѣ они въ этихъ странахъ встрѣчаются весьма часто и производятъ ужасныя бѣдствія. Эти постоянныя и весьма серіозныя опасности имѣютъ вліяніе подобное тому, какое производитъ величіе природы — и то и другое способствуетъ усиленію дѣятельности воображенія. Такъ какъ собственно область воображенія составляетъ все невзвѣстное, то каждое событіе для насъ непонятное служитъ прямымъ возбужденіемъ силамъ нашей фантазіи. Въ тропическихъ странахъ, явленія такого рода встрѣчаются чаще, чѣмъ гдѣ-либо, и изъ этого слѣдуетъ, что въ тѣхъ странахъ воображеніе имѣетъ большую возможность восторжествовать надъ другими

силами ума. Нѣсколько примѣровъ дѣйствія этого начала представятъ намъ его въ болѣе ясномъ видѣ и приготовятъ читателя къ основаннымъ на немъ доводамъ.

Изъ всѣхъ тѣхъ физическихъ явленій, которыя увеличиваютъ сумму представляющихся человѣку опасностей, землетрясенія конечно принадлежатъ къ самымъ поразительнымъ, какъ по сопровождающимъ ихъ смертнымъ случаямъ, такъ и по неожиданности ихъ. Есть причины предполагать, что имъ всегда предшествуютъ атмосферическія перемѣны, которыя непосредственно поражаютъ нервную систему и, такимъ образомъ, прямымъ физическимъ путемъ, производятъ повреждeніе умственныхъ силъ. Какъ-бы то ни было, но нѣтъ никакого сомнѣнія, что землетрясенія имѣютъ послѣдствіемъ расположеніе людей къ извѣстнымъ сближеніямъ понятій и образованіе въ нихъ особаго умственнаго склада. Ужасъ, который они внушаютъ, возбуждаетъ воображеніе до болѣзненнаго состоянія и, пересиливая разсудокъ, располагаетъ людей къ суевѣрнымъ мечтаніямъ. Весьма любопытно при этомъ то̀, что повтореніе явленія не только не притупляетъ этихъ чувствъ, но даже усиливаетъ ихъ. Въ Перу, гдѣ землетрясенія, повидимому, встрѣчаются чаще, чѣмъ гдѣ-либо, каждое повтореніе этого явленія увеличиваетъ всеобщій ужасъ, такъ что иногда положеніе становится почти невыносимымъ. Такимъ образомъ умъ безпрерывно приводится въ состояніе робости и безпокойства, и люди, подвергаясь самымъ серіознымъ опасностямъ, которыхъ они не могутъ ни избѣжать, ни понять, проникаются убѣжденіемъ въ своей безпомощности и въ недостаточности своихъ умственныхъ силъ. Въ такой же точно мѣрѣ возбуждается воображеніе и укрѣпляется вѣра въ сверхъестественное вмѣшательство. Человѣческія силы оказываются недостаточными и потому призываются силы, которыя выше человѣческихъ; признается присутствіе существъ таинственныхъ и невидимыхъ и развиваются въ народѣ тѣ чувства благоговѣнія передъ высшими силами и сознаніе своего безсилія, на которыхъ основано всякое суевѣріе и безъ которыхъ никакое суевѣріе не можетъ существовать.

Дальнѣйшие примѣры въ подтвержденіе нашей мысли могутъ быть найдены даже и въ Европѣ, гдѣ подобныя явленія сравнительно весьма рѣдки. Землетрясенія и изверженія волкановъ въ Италіи и на Пиринейскомъ полуостровѣ бываютъ чаще и опустошительнѣе, чѣмъ въ другихъ странахъ Европы; и тамъ именно суевѣріе и достигло наибольшаго развитія и суевѣрныя сословія пользуются наибольшимъ значеніемъ. Въ этихъ именно странахъ духовенство, ранѣе чѣмъ во всѣхъ другихъ, основало свое господство; здѣсь явились худшія искаженія христіанскаго ученія, и су-

евѣріе долѣе и крѣпче всего держалось. Къ этому можно присовокупить еще одно обстоятельство, доказывающее существованіе тѣсной связи между грозными явленіями природы и преобладаніемъ воображенія. Говоря вообще, изящныя искусства обращаются болѣе къ воображенію, а наука къ разуму въ тѣсномъ смыслѣ. При этомъ замѣчательно, что всѣ самые великіе живописцы и почти всѣ великіе ваятели, которые являлись въ Европѣ въ новѣйшее время были уроженцы Итальянскаго и Испанскаго полуостровов. На поприще наукъ, Италія безъ сомнѣнія также произвела нѣсколько замѣчательно-даровитыхъ дѣятелей, но число ихъ совершенно ничтожно въ сравненіи съ числомъ ея художниковъ и поэтовъ. Что же касается до Испаніи и Португаліи, то въ литературѣ этихъ двухъ странъ въ высокой степени преобладаетъ поэзія, и школы ихъ произвели нѣкоторыхъ изъ величайшихъ живописцевъ, какихъ только когда-либо видѣлъ міръ. Съ другой стороны, чисто-мыслящія способности всегда находились тамъ въ пренебреженіи и весь полуостровъ, съ самыхъ древнихъ и до настоящихъ временъ, не внесъ въ исторію естественныхъ наукъ ни одного имени, которое бы достигло первостепенной извѣстности, не далъ намъ ни одного человѣка, котораго труды составили бы эпоху въ развитіи Европейскаго знанія.

Самый процессъ, посредствомъ котораго характеръ природы, когда онъ очень грозенъ, возбуждаетъ воображеніе и, поощряя суевѣріе, препятствуетъ развитію знанія, можетъ быть представленъ еще нагляднѣе, при помощи одного или двухъ примѣровъ. Въ невѣжественномъ народѣ всегда существуетъ побужденіе приписывать всякую серіозную опасность сверхъ-естественному вмѣшательству, а какъ этимъ возбуждается сильное религіозное чувство, то случается постоянно, что люди не только покоряются этой опасности, но даже дѣлаютъ изъ нея божество. Такъ поступаютъ нѣкоторыя племена Индусовъ въ Малабарскихъ лѣсахъ, и каждый, кто изучалъ состояніе дикихъ племенъ, укажетъ на множество подобныхъ примѣровъ. Дѣйствительно, это чувство доходитъ до того, что въ нѣкоторыхъ странахъ жители, изъ религіознаго страха, отказываются истреблять дикихъ звѣрей и вредныхъ змѣй и такимъ образомъ вредъ, приносимый этими животными, составляетъ основаніе ихъ же безопасности.

Такимъ образомъ, древнія цивилизаціи тропическихъ странъ должны были бороться съ безчисленными затрудненіями, не существующими въ умѣренномъ поясѣ, гдѣ издавна процвѣтаетъ Европейская цивилизація. Нападенія враждебныхъ человѣку животныхъ, опустошенія, производимыя ураганами, бурями, землетрясеніями, и другія опасности постоянно тяготѣли надъ этими странами и дѣй-

ствовали на характеръ ихъ народностей. Собственно потеря жизни людей была еще меньшимъ изъ золъ, а главный вредъ состоялъ въ томъ, что въ умѣ человѣческомъ возбуждались сближенія понятій, которыя доставляли воображенію преобладаніе надъ разсудкомъ, внушали народу духъ безсознательнаго благоговѣнія, вмѣсто духа любознательности и поощряли въ немъ расположеніе пренебрегать изслѣдованіемъ естественныхъ причинъ представляющихся явленій, и приписывать ихъ дѣйствію причинъ сверхъестественныхъ.

Соединивъ всѣ эти факты, мы можемъ положительно сказать, что во всѣхъ цивилизаціяхъ, существовавшихъ внѣ Европы, всѣ естественныя условія, какъ бы нарочно, содѣйствовали къ тому, чтобы усилить власть воображенія и ослабить значеніе разсудка. При имѣющихся у насъ нынѣ матеріалахъ, можно было бы прослѣдить этотъ обширный законъ до самыхъ отдаленныхъ послѣдствій его, и показать, какимъ образомъ въ Европѣ дѣйствовалъ другой законъ, діаметрально ему противоположный, въ силу котораго въ ней всѣ естественныя явленія были направлены къ тому, чтобы ограничить дѣятельность воображенія, придать смѣлость разсудку, и такимъ образомъ внушить человѣку довѣріе къ его собственымъ средствамъ и облегчить расширеніе круга его знаній посредствомъ возбужденія въ немъ того смѣлаго, пытливаго, научнаго духа, который постоянно стремится впередъ и отъ котораго долженъ зависѣть весь грядущій прогрессъ.

Два основныя предложенія были, я надѣюсь, мною доказаны, а именно: 1) что существуютъ нѣкоторыя естественныя явленія, которыя дѣйствуютъ на человѣческій умъ тѣмъ, что возбуждаютъ воображеніе, и 2) что такія явленія гораздо многочисленнѣе внѣ Европы, чѣмъ въ предѣлахъ ея. Если же оба эти предложенія будутъ допущены, то изъ нихъ неизбѣжно слѣдуетъ, что въ тѣхъ странахъ, гдѣ воображеніе подверглось такому возбужденію, должны были произойти какія-либо особыя послѣдствія — если только дѣйствіе этого возбужденія не было нейтрализировано другими причинами. Но встрѣтились или нѣтъ противодѣйствующія причины — это не имѣетъ никакого значенія относительно вѣрности самой теоріи, которая основывается на двухъ высказанныхъ нами предложеніяхъ. И такъ, въ научномъ отношеніи, сдѣланный нами выводъ общаго начала совершенно полонъ; и можетъ быть, осторожнѣе было бы съ нашей стороны оставить его въ этомъ видѣ, чѣмъ пытаться подкрѣпить его дальнѣйшими примѣрами, такъ какъ всѣ отдѣльные факты могутъ быть ошибочно изложены и непремѣнно бываютъ оспариваемы тѣми, кому не нравится подкрѣпляемый ими выводъ. Но, чтобы ближе ознакомить читателя съ тѣми началами,

которыя я выставилъ, мнѣ кажется не лишнимъ привести нѣсколько примѣровъ проявленія ихъ на дѣлѣ. Поэтому я вкратцѣ укажу на дѣйствіе, произведенное ими въ трехъ великихъ областяхъ дѣятельности человѣческаго ума: литературѣ, религіи и искусствѣ. Я постараюсь показать, какимъ образомъ, въ каждомъ изъ этихъ отдѣловъ, главныя характеристическія черты подверглись вліянію характера природы; а чтобы упростить это изслѣдованіе, возьму съ каждой стороны два самые яркіе примѣра и сравню проявленія человѣческаго ума въ Греціи съ проявленіями его въ Индіи, такъ какъ для этихъ двухъ странъ мы имѣемъ самые обширные матеріалы и такъ какъ въ нихъ физическія противуположности наиболѣе разительны.

И такъ, если мы взглянемъ на древнюю литературу Индіи, даже въ лучшіе періоды ея, то найдемъ самые очевидные признаки неограниченнаго преобладанія воображенія. Во-первыхъ, мы видимъ разительный фактъ, что всѣ роды прозаической литературы находились тамъ почти въ совершенномъ пренебреженіи: всѣ лучшіе писатели посвящали свои труды поэзіи, какъ отрасли болѣе согласной съ умственнымъ настроеніемъ націи. Индійскія сочиненія по части грамматики, юриспруденціи, исторіи, медицины, математики, географіи и метафизики почти всѣ облечены въ поэтическую форму и написаны по извѣстной системѣ правильнаго стихосложенія. Вотъ почему, при совершенномъ пренебреженіи прозы, поэзіею занимались такъ усердно, что Санскритскій языкъ можетъ похвалиться бо́льшимъ числомъ и бо́льшею сложностью метровъ, чѣмъ любой изъ Европейскихъ языковъ какого бы то ни было времени.

Эта особенность въ формѣ Индійской литературы сопровождается соотвѣтствующею особенностью въ ея духѣ. Можно сказать, безъ преувеличенія, что вся эта литература какъ будто бы направлена къ тому, чтобы вести открытую борьбу съ человѣческимъ разсудкомъ. Во всѣхъ возможныхъ случаяхъ выказывается избытокъ воображенія, доходящій до болѣзненности. Это въ особенности замѣтно въ тѣхъ произведеніяхъ, которыя наиболѣе національны, каковы Рамаяна, Магабаратъ [1]. Но мы находимъ тѣ же свойства и въ Индійскихъ географіи и хронологіи, между тѣмъ какъ эти науки, повидимому, менѣе всѣхъ другихъ допускаютъ порывы фантазіи. Нѣсколько примѣровъ, извлеченныхъ изъ самыхъ достовѣрныхъ Индійскихъ источниковъ, дадутъ вамъ возможность сравнить это направленіе съ совершенно противуположнымъ ему направленіемъ Европейскаго ума и дадутъ читателю нѣкоторое понятіе о томъ

[1] Названіе Индѣйскихъ поэмъ. См. I т. нашей Христ., изд. 2, стр. 240—248.

размѣрѣ, до котораго можетъ дойти легковѣріе, даже въ цивилизованномъ народѣ.

Изъ всѣхъ различныхъ видовъ искаженія истины воображеніемъ, нѣтъ ни одного, который бы сдѣлалъ такъ много вреда, какъ преувеличенное уваженіе къ прошедшимъ временамъ. Это благоговѣніе къ древности противно всякому здравому смыслу; это не болѣе какъ избытокъ поэтическаго влеченія ко всему отдаленному и неизвѣстному. Поэтому понятно, что въ тѣ времена, когда разсудокъ былъ сравнительно въ бездѣйствіи, это влеченіе было гораздо сильнѣе, чѣмъ теперь; и нѣтъ никакого сомнѣнія, что оно все будетъ ослабѣвать, и что въ такой же мѣрѣ будетъ усиливаться стремленіе къ прогрессу; такимъ образомъ благоговѣніе къ прошедшему замѣнится упованіемъ на будущее. Но въ прежнее время это благоговѣніе рѣшительно преобладало, и безчисленное множество слѣдовъ его встрѣчается въ литературѣ и народныхъ вѣрованіяхъ всѣхъ странъ. Такъ, напримѣръ, это чувство внушило поэтамъ представленіе о золотомъ вѣкѣ, въ продолженіи котораго міръ царствовалъ на землѣ, всѣ вредныя страсти безмолствовали и преступленія были неизвѣстны.

Такъ какъ подобныя понятія усвоиваются воображеніемъ вопреки убѣжденій разсудка, то сравнительная сила ихъ, въ каждой странѣ, становится однимъ изъ тѣхъ мѣрилъ, по которымъ мы можемъ судить о степени преобладанія фантазіи надъ другими способностями. Приложивъ это мѣрило къ литературѣ Индіи, мы найдемъ разительное подтвержденіе уже выведенныхъ нами заключеній. Сверхъестественныя событія древности, изображеніями которыхъ изобилуютъ Санскритскія книги, такъ длинны и такъ сложны, что слишкомъ много потребовалось бы мѣста даже для слабаго очерка ихъ; но есть одинъ разрядъ этихъ странныхъ вымысловъ, который заслуживаетъ особаго вниманія и можетъ быть очерченъ въ немногихъ словахъ. Я говорю о необыкновенномъ числѣ лѣтъ, до котораго, по мнѣнію Индійцевъ, люди будто бы доживали въ прежнія времена. Въ этомъ случаѣ какъ и во всѣхъ другихъ, фантазія Индуса выше всякаго подражанія. Такъ среди огромнаго числа другихъ подобныхъ фактовъ, мы читаемъ въ Индійскихъ книгахъ, что въ древности жизнь обыкновенныхъ людей продолжалась 80,000 лѣтъ, а святые люди жили и болѣе 100,000 лѣтъ. Нѣкоторые умирали нѣсколько ранѣе, другіе нѣсколько позже, но въ самыя цвѣтущія времена древности, если взять всѣ классы людей вмѣстѣ, среднимъ продолженіемъ жизни было 100,000 лѣтъ. Объ одномъ царѣ, по имени Юдиштирѣ, сказано мимоходомъ, что онъ царствовалъ 27,000 лѣтъ, между тѣмъ какъ правленіе другаго, по имени Аларка, продолжалось до 66,000 лѣтъ. Оба эти царя были похищены

смертью во цвѣтѣ лѣтъ, такъ какъ есть примѣры, что первые поэты жили до полумилліона лѣтъ. Но самый замѣчательный примѣръ представляетъ одно лице, игравшее весьма важную роль въ Индійской исторіи, которое было въ то же время царемъ и святымъ. Этотъ знаменитый мужъ жилъ во время чистоты нравовъ и добродѣтели, и дѣйствительно былъ онъ долголѣтенъ на землѣ; при воцареніи, ему было два милліона лѣтъ; затѣмъ онъ царствовалъ 6,300,000 лѣтъ, по прошествіи которыхъ отказался отъ престола и прожилъ еще 100,000 лѣтъ.

То же самое безграничное уваженіе къ древности заставляло Индусовъ относить всякое важное событіе къ самымъ отдаленнымъ временамъ; при этомъ у нихъ часто выходитъ такое число лѣтъ, предъ которымъ рѣшительно теряешься. Великое собраніе законовъ ихъ, называемое Институтами Мену, составлено конечно менѣе 3,000 лѣтъ тому назадъ; но Индійскіе хронологи далеко не того мнѣнія: они приписываютъ своему законодательству такую древность, которую здравому Европейскому уму трудно даже себѣ представить. По самымъ лучшимъ туземнымъ источникамъ, откровеніе людямъ этихъ законовъ послѣдовало около двухъ тысячъ милліоновъ лѣтъ до нашего времени.

Все это составляетъ лишь одно изъ проявленій той любви къ отдаленному, того стремленія къ безконечному и того равнодушія къ настоящему, которыми отличается умъ Индуса, во всѣхъ его проявленіяхъ. Не только въ литературѣ, но и въ религіи и въ искусствѣ, это направленіе преобладаетъ. Подавлять разсудокъ и давать волю воображенію—вотъ общее правило Индусовъ. Въ догматахъ ихъ религіи, въ характерѣ ихъ боговъ и даже въ строеніи храмовъ, мы видѣли, до какой степени величественныя и грозныя зрѣлища внѣшняго міра наполняли умы людей тѣми образами величія и страха, которые они стараются воспроизвести въ видимой формѣ и которымъ они обязаны главными особенностями своего національнаго развитія.

Наше воззрѣніе на процессъ установленія этого вліянія можетъ быть разъяснено сравненіемъ съ противоположнымъ состояніемъ Греціи. Въ Греціи, мы видимъ страну, представляющую самый яркій контрастъ съ Индіей. Произведенія природы, которыя въ Индіи являются въ ужасающемъ величіи, въ Греціи несравненно менѣе размѣромъ, слабѣе и во всѣхъ отношеніяхъ менѣе грозны для человѣка. Въ великомъ центрѣ Азіатской цивилизаціи, энергія человѣческаго рода стѣснена и какъ бы запугана окружающими явленіями. Рядомъ съ опасностями, неразлучными съ тропическимъ климатомъ, тамъ являются тѣ громадныя горы, которыя какъ будто бы касаются небесъ; изъ скатовъ ихъ вытекаютъ могучія рѣки, кото-

рыхъ никакое искусство не можетъ отклонить отъ ихъ направленія и чрезъ которыя еще не перекидывался никакой мостъ. Тамъ же находятся непроходимые лѣса, цѣлыя страны, поросшія нескончаемымъ тростникомъ, а за ними безплодныя и безпредѣльныя пустыни — все это внушаетъ человѣку сознаніе его слабости и неспособности бороться съ силами природы. Земля съ обѣихъ сторонъ омывается огромными морями, гдѣ свирѣпствуютъ бури несравненно болѣе разрушительныя чѣмъ въ Европѣ, и отличающіяся такой внезапностью порывовъ, что невозможно оберечься отъ ихъ дѣйствія. Какъ будто все, въ этой странѣ, направлено къ тому, чтобы стѣснять дѣятельность человѣка: вся береговая линія, отъ устьевъ Ганга до южной оконечности полуострова, не представляетъ ни одной безопасной и помѣстительной гавани, ни одного порта, который могъ бы дать убѣжище судамъ, тогда какъ здѣсь такія убѣжища, можетъ быть, болѣе чѣмъ гдѣ-либо необходимы.

Въ Греціи, весь видъ природы до такой степени отличенъ отъ Азіатскаго, что самыя условія существованія человѣка измѣняются. Греція, подобно Индіи, составляетъ полуостровъ: но въ то время, какъ въ Азіатской странѣ все величественно и грозно, въ Европейской все мелко и слабо. Вся Греція занимаетъ пространство нѣсколько меньшее, чѣмъ Португальское королевство, то есть около сороковой доли того, что теперь называется Индостаномъ. Находясь въ самой доступной части небольшаго моря, Греція могла имѣть легкое сообщеніе къ востоку съ Малою Азіею, къ западу—съ Италіею, къ югу—съ Египтомъ. Опасности всякаго рода въ ней были гораздо менѣе многочисленны, чѣмъ въ странахъ тропическихъ цивилизацій. Климатъ былъ здоровѣе, землетрясенія были менѣе часты, ураганы не такъ опустошительны; дикіе звѣри и вредныя животныя встрѣчались въ меньшемъ числѣ. И относительно другихъ характеристическихъ чертъ природы сохраняется тотъ же законъ. Величайшія горы въ Греціи составляютъ по вышинѣ менѣе одной трети Гималайскаго хребта, такъ что онѣ нигдѣ не достигаютъ до предѣла вѣчнаго снѣга. Что же касается рѣкъ, то не только между ними нѣтъ ничего похожаго на громадныя массы воды, текущія съ Азіатскихъ горъ, но и вообще природа Греціи такъ скупа въ этомъ отношеніи, что ни въ сѣверной, ни въ южной Греціи мы не находимъ ничего, кромѣ нѣсколькихъ потоковъ, легко переходимыхъ въ бродъ и въ лѣтнее время весьма часто высыхающихъ.

Эти разительныя различія между матеріальными явленіями обѣихъ странъ произвели соотвѣтственныя различія и въ ассоціаціяхъ понятій ихъ жителей. Такъ какъ всѣ идеи должны происходить отчасти же отъ того, что внушается уму внѣшнимъ міромъ, то такое важное измѣненіе въ одной изъ причинъ естественно должно

было произвести измѣненіе и въ послѣдствіяхъ. Въ Индіи, всѣ окружающія человѣка явленія были направлены къ тому, чтобы внушить ему страхъ, а въ Греціи они внушали ему довѣріе. Въ Индіи человѣкъ былъ запуганъ, въ Греціи — онъ былъ ободряемъ. Въ Индіи препятствія всякаго рода были такъ многочислены, такъ страшны и, повидимому, такъ необъяснимы, что представляющіяся въ жизни затрудненія могли быть разрѣшаемы только постояннымъ обращеніемъ къ непосредственному дѣйствію сверхъестественныхъ причинъ, и такъ какъ эти причины выходятъ изъ области разсудка, то всѣ силы воображенія постоянно были заняты изученіемъ ихъ; само воображеніе было чрезмѣрно напряжено, такъ, что дѣятельность его стала опасною; она стѣснила дѣятельность разсудка, и общее равновѣсіе умственныхъ силъ было нарушено. Въ Греціи противоположныя обстоятельства привели къ противоположнымъ результатамъ. Здѣсь природа менѣе страшила человѣка, менѣе вмѣшивалась въ дѣла его и была менѣе таинственна. Поэтому въ Греціи человѣческій умъ былъ менѣе напуганъ и менѣе суевѣренъ; онъ сталъ изучать физическія причины явленій; развитіе естественныхъ наукъ стало возможнымъ, и человѣкъ, доходя постепенно до сознанія своей силы, приступилъ къ изслѣдованію всего, что онъ видѣлъ, съ тою смѣлостью, которой нельзя было бы и ожидать въ тѣхъ странахъ, гдѣ давленіе природы нарушало его независимость и внушало ему идеи, съ которыми дѣйствительное знаніе несовмѣстимо.

Вліяніе этихъ двухъ различныхъ умственныхъ складовъ на религію народа должно быть очевидно для всякаго, кто только сравнивалъ религію Индійскую съ Греческою. Миѳологія Индіи, какъ и всякой другой тропической страны, основана на ужасѣ, и притомъ самаго фантастическаго свойства. Доказательства всеобщности этого чувства изобилуютъ въ священныхъ книгахъ Индусовъ, въ ихъ преданіяхъ и даже въ самомъ наружномъ видѣ и аттрибутахъ ихъ боговъ. И такъ глубоко это чувство напечатлѣлось въ умѣ всего народа, что самыми уважаемыми божествами неизмѣнно являются тѣ, съ которыми картины ужаса наиболѣе тѣсно связаны. Такъ, напримѣръ, поклоненіе Сивѣ распространено болѣе всѣхъ другихъ ученій и, что касается до древности его, то есть причины полагать, что оно заимствовано браминами у первобытныхъ Индійцевъ. Во всякомъ случаѣ оно весьма древне и весьма популярно. Сива, вмѣстѣ съ Брамой и Вишну, составляютъ извѣстную Индійскую троицу. Слѣдовательно, намъ нечего удивляться тому, что съ этимъ божествомъ связаны такія картины ужаса, какія могла создать только тропическая фантазія. Сива представляется уму Индѣйца въ видѣ страшнаго существа, опоясавшаго змѣями, съ чело-

вѣческимъ черепомъ въ рукѣ и ожерельемъ изъ человѣческихъ костей. У него три глаза; свирѣпость его нрава обозначается тѣмъ, что онъ одѣтъ тигровой кожей. Его представляютъ блуждающимъ какъ безумный, съ страшною змѣею кобра-ди-капелла на лѣвомъ плечѣ. У этого чудовищнаго созданія пораженной ужасомъ фантазіи, есть жена — Дурга, иногда называемая Кали, иногда же и другими именами. Все тѣло ея темно-синее, а ладони рукъ красныя, въ знакъ ея постоянной жажды крови. У нея четыре руки и въ одной изъ нихъ она носитъ черепъ исполина; языкъ виситъ изо рта, къ поясу прикрѣплены руки ея жертвъ, а шея украшена человѣческими головами, которыя нанизаны въ видѣ страшной цѣпи.

Если мы затѣмъ обратимся къ Греціи, то даже въ періодѣ дѣтства ея религіи, не найдемъ и слабѣйшаго слѣда чего-либо подобнаго. Такъ какъ въ Греціи было менѣе причинъ для страха, то и выраженіе его не такъ часто встрѣчалось, и потому Греки вовсе не были расположены вносить въ свою религію тѣ чувства ужаса, которыя были такъ естественны въ Индусахъ. Азіатская цивилизація имѣла постоянное стремленіе къ тому, чтобы увеличивать разстояніе, отдѣляющее человѣка отъ боговъ; стремленіе же Греческой цивилизаціи заключалось въ томъ, чтобы уменьшать это разстояніе. Оттого-то въ Индостанѣ каждый изъ боговъ отличался чѣмъ-нибудь чудовищнымъ: у Вишну было четыре руки, у Брамы пять головъ и т. д. Напротивъ, Греческіе боги всегда изображались въ совершенно человѣческой формѣ. Въ Греціи никакой художникъ не могъ бы обратить на себя общественное вниманіе, если бы онъ вздумалъ изображать боговъ въ какомъ-нибудь другомъ видѣ. Онъ могъ представлять ихъ могущественнѣе и прекраснѣе людей, но все-таки они должны были быть людьми. Аналогія между божествомъ и человѣкомъ, которая возбуждала религіозныя чувства Грековъ, совершенно убила бы эти чувства у Индусовъ.

Это различіе между художественными проявленіями обѣихъ религій сопровождалось совершенно подобнымъ же различіемъ между ихъ теологическими преданіями. Въ Индійскихъ книгахъ, всѣ силы воображенія истощаются на разсказы о дѣйствіяхъ боговъ; чѣмъ очевиднѣе была невозможность какого-нибудь подвига, тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ его приписывали богамъ. Греческіе же боги имѣли не только человѣческую форму, но и аттрибуты, занятія и вкусы людей. Азіатцы, для которыхъ всякое явленіе природы было предметомъ благоговѣнія, привыкли къ этому чувству такъ сильно, что никогда не осмѣливались уподоблять свои дѣйствія дѣйствіямъ своихъ боговъ. Напротивъ, Европейцы, ободряемые безопасностью и спокойствіемъ въ матеріальномъ мірѣ, не боялись проводить параллель, которая ужаснула бы ихъ, еслибы они жили

среди опасностей тропическаго края. Поэтому-то Греческія божества до такой степени отличны отъ Индійскихъ, что, сравнивая тѣ и другія, мы какъ будто бы переходимъ въ другой міръ. Греки возводили свои наблюденія надъ человѣкомъ въ общія начала и въ такомъ видѣ прилагали ихъ къ богамъ. Холодность женщинъ олицетворялась въ Діанѣ, красота въ Венерѣ, гордость въ Юнонѣ, умственное развитіе въ Минервѣ. То же начало прилагалось и къ обыкновеннымъ занятіямъ боговъ. Нептунъ былъ мореходецъ, Вулканъ — кузнецъ; Аполлонъ иногда являлся музыкантомъ, иногда поэтомъ, иногда пастухомъ. Что касается до Купидона, то онъ былъ рѣзвый мальчикъ, играющій своимъ лукомъ и стрѣлами; Меркурія же представляли безразлично, или надежнымъ посломъ, или простымъ, общеизвѣстнымъ воромъ.

Точно то же стремленіе къ сближенію человѣческихъ силъ съ силами, стоящими выше человѣчества, проявляется и въ другой особенности Греческой религіи. Я хочу сказать, что въ Греціи мы въ первый разъ встрѣчаемъ поклоненіе героямъ, то-есть возвышеніе смертныхъ на степень божества. По тѣмъ началамъ, которыя мы уже изложили, этого явленія никакъ нельзя было бы ожидать въ тропической странѣ, гдѣ видъ всей окружающей природы долженъ былъ постоянно напоминать человѣку о его безсиліи. Поэтому естественно, что боготвореніе человѣка не встрѣчается въ древней Индійской религіи; равнымъ образомъ было оно неизвѣстно Египтянамъ, Персамъ и, на сколько мы можемъ судить, и Арабамъ. Но въ Греціи человѣкъ, будучи менѣе униженъ, менѣе, такъ сказать, отброшенъ въ тѣнь внѣшнимъ міромъ, былъ болѣе высокаго мнѣнія о своей силѣ, и человѣческая природа не стояла такъ низко, какъ въ другихъ странахъ. Послѣдствіемъ этого было то̀, что почитаніе людей являлось однимъ изъ признанныхъ элементовъ народной религіи Грековъ въ самый ранній періодъ Греческой исторіи, и вообще оно повидимому было такъ сродно Европейцамъ, что повторилось и въ другихъ частяхъ Европы. Другія обстоятельства, имѣющія совершенно отличный характеръ, постепенно искореняютъ этотъ видъ идолопоклонства; но существованіе его особенно достойно вниманія, какъ одинъ изъ безчисленныхъ примѣровъ уклоненія Европейской цивилизаціи отъ всѣхъ ей предшествовавшихъ.

Такимъ образомъ въ Греціи все было направлено къ возвышенію достоинства человѣка, между тѣмъ какъ въ Индіи, все стремилось къ униженію его. Чтобы выразить въ короткихъ словахъ все предшествовавшее, можно сказать, что Греки имѣли большое уваженіе къ человѣческимъ силамъ, а Индусы къ силамъ высшихъ существъ. Первые обращали больше вниманія на извѣстное и полезное, а вторые на неизвѣстное и таинственное. По этому самому,

воображеніе, которое Индусы, подавляемые величіемъ и могуществомъ природы, никогда не старались обуздывать, теряло свое преобладаніе въ маленькомъ полуостровѣ древней Греціи. Здѣсь, въ первый разъ во всей исторіи міра, воображеніе было въ нѣкоторой степени ограничено разсудкомъ. Не то, чтобы оно ослабѣло или истощились его жизненныя силы, но оно было обуздано, укрощено, его порывы умѣрены, его безумства наказаны. Но что его энергія сохранилась, этому мы имѣемъ полное доказательство въ тѣхъ произведеніяхъ Греческаго ума, которыя дошли до нашихъ временъ. И такъ былъ полный выигрышъ: способность ума все изслѣдовать и во всемъ сомнѣваться развилась, а между тѣмъ не уничтожились и благоговѣйные поэтическіе инстинкты воображенія.

Я избралъ Индію и Грецію, какъ типы для предыдущаго сравненія, потому что свѣдѣнія, которыя мы имѣемъ объ этихъ странахъ, особенно обширны и особенно тщательно разработаны. Но все, что мы знаемъ о прочихъ цивилизаціяхъ тропическихъ странъ, подтверждаетъ справедливость высказанныхъ мною взглядовъ на дѣйствіе, производимое явленіями природы. Въ центральной Америкѣ выкопано было изъ земли много предметовъ древности, и все, что было отрыто, доказываетъ, что и тамъ, какъ въ Индіи, народная религія представляла собою систему полнаго и ничѣмъ не смягченнаго ужаса. Ни тамъ, ни въ Мексикѣ, ни въ Перу, ни въ Египтѣ, народъ не желалъ представлять свои божества въ человѣческомъ образѣ, ни приписывать имъ человѣческіе аттрибуты. Даже храмы ихъ суть громадныя зданія, возведенныя нерѣдко съ большимъ искусствомъ, но проявляющія очевидное намѣреніе поразить умъ страхомъ и составляющіе разительный контрастъ съ легкими небольшими постройками, которыя Греки употребляли для религіозныхъ назначеній. Такимъ образомъ, даже въ стилѣ архитектуры мы видимъ дѣйствіе того же начала. Опасности, окружавшія цивилизацію тропическихъ странъ, наводили ее болѣе на идеи безконечнаго, между тѣмъ какъ безопасность, въ которой развивалась цивилизація Европейская, вела ее къ конечному. Чтобы исчерпать всѣ послѣдствія этого великаго контраста, нужно было бы показать, какъ связаны между собою идеи безконечнаго, фантастическаго и методы синтеза и вывода, и какъ имъ съ другой стороны противополагаются идея конечнаго, скептицизмъ и методы анализа и наведенія. Полное развитіе всѣхъ этихъ сближеній и противоположеній вывело бы меня далеко за предѣлы плана настоящаго введенія и, можетъ быть, превысило бы средства, представляемыя моими познаніями. И такъ я долженъ отдать на безпристрастный судъ читателя то, что составляетъ, я самъ сознаю это, лишь слабый очеркъ; но очеркъ этотъ, можетъ быть, доставитъ матеріалы для дальнѣйшаго размышленія

и даже, если надежда меня не ослѣпляетъ, можетъ открыть историкамъ новое поприще изысканій, напоминая имъ, что вездѣ на насъ лежитъ рука природы и что исторія ума человѣческаго только тогда можетъ сдѣлаться понятною, когда мы свяжемъ ее съ исторіею и явленіями матеріальнаго міра.

Лудовикъ IX.

Мы привыкли разумѣть подъ именемъ Среднихъ Вѣковъ тысячелѣтіе, отдѣляющее паденіе Западной Римской имперіи отъ открытія Новаго Свѣта и начала Реформаціи. Но идеи и формы, составляющія характеристическую особенность Среднихъ вѣковъ, принадлежатъ не всѣмъ отдѣламъ этого обширнаго періода. Феодализмъ, рыцарство, общины, борьба папской и императорской власти, готическіе соборы, поэзія трубадуровъ и миннезенгеровъ, однимъ словомъ, главныя явленія, въ которыхъ вполнѣ сказалось внутреннее содержаніе средневѣковой исторіи, составляющія какъ бы цвѣтъ и плодъ ея, развились большею частію не ранѣе XI и отцвѣли къ концу XIII столѣтія. Пять предшествующихъ вѣковъ можно назвать періодомъ образованія, приготовленія отличительныхъ формъ средневѣковой жизни; два послѣдніе вѣка, XIV и XV, представляютъ намъ эпоху разложенія; они служили переходомъ къ новой исторіи.

Не трудно будетъ угадать общій характеръ того общества, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, взглянувъ на него съ его наружной стороны. Перенеситесь мыслію въ любое изъ государствъ тогдашней Европы, бросьте на него хоть бѣглый взглядъ, и вы тотчасъ поймете, что война составляетъ главное занятіе, почти исключительную заботу всего населенія. Начнемъ съ городовъ, этихъ средоточій дѣятельной жизни и промышленности для народовъ древняго и новаго міра. Средневѣковой городъ обнесенъ зубчатою стѣною и окруженъ рвомъ. На колокольнѣ или башнѣ стоитъ недремлющій сторожъ, озирающій безпокойными глазами окрестность. Отдѣльные дома похожи на крѣпости. Чрезъ улицы, на ночь, протягиваются цѣпи. Это обиліе предосторожностей обличаетъ вѣчную опасность, постоянную возможность нападенія. Врагъ грозитъ отвсюду. Когда его нѣтъ внѣ города, купившаго деньгами или кровью минутный покой у сосѣднихъ бароновъ, тогда онъ подымается внутри стѣнъ: цехи воюютъ съ патриціями, одна часть общины идетъ на другую. Переходя отъ городскаго къ сельскому населенію, мы встрѣтимъ тѣ же явленія. Почти каждый холмъ, каждая крутая возвышенность увѣнчана крѣпкимъ замкомъ, при постройкѣ котораго,

очевидно, не удобство жизни, не то что мы теперь называемъ комфортомъ, а безопасность была главной цѣлью. Воинственный характеръ общества рѣзко отразился на этихъ зданіяхъ, которыя, вмѣстѣ съ желѣзнымъ доспѣхомъ, составляли необходимое условіе феодальнаго существованія. Къ высокимъ башнямъ господскаго замка робко жмутся бѣдныя, ждущія отъ него защиты и покровительства, хижины вилланов. Даже обители мира, монастыри, не всегда представляли надежное убѣжище своимъ жителямъ. Подобно городу и замку, монастырь былъ часто окруженъ укрѣпленіями, свидѣтельствовавшими, что святое назначеніе мѣста недостаточно защищало его противъ хищности окрестныхъ владѣльцевъ или наемныхъ дружинъ, которыя въ мирное время обращались въ разбойничьи шайки. Внутреннее содержаніе соотвѣтствовало наружному виду. Въ средневѣковой Европѣ не было народовъ, въ настоящемъ смыслѣ слова, а были враждебныя между собою сословія, которыхъ начало восходитъ къ эпохѣ распаденія Западной Римской имперіи и занятія ея областей Германскими племенами. Изъ пришельцевъ образовались почти исключительно высшіе, изъ покореннаго или туземнаго населенія низшіе классы новыхъ государствъ. Насильственное основаніе этихъ государствъ провело рѣзкую черту между ихъ составными частями. Граждане Французской общины принимали къ сердцу дѣла Нѣмецкихъ и Италіянскихъ городовъ, но у нихъ не было почти никакихъ общихъ интересовъ съ феодальною аристократіею собственнаго края. Въ свою очередь баронъ рѣдко унижалъ себя сознаніемъ, что въ городѣ живутъ его соотечественники. Онъ стоялъ неизмѣримо выше ихъ, и едва ли съ бо́льшимъ высокомѣріемъ смотрѣлъ на беззащитнаго и безправнаго виллана. При такихъ особенностяхъ быта, у каждаго сословія должно было разниться собственное воззрѣніе на всѣ жизненныя отношенія, и высказаться въ литературѣ. Рыцарскія эпопеи проникнуты этимъ исключительно духомъ. Возьмите любой романъ Карловингскаго [1]) или прочихъ цикловъ: вы увидите, что въ немъ нѣтъ и не можетъ быть мѣста героямъ другаго сословія, кромѣ феодальнаго. То же самое можно сказать о рыцарской лирикѣ. Она поетъ не простую, доступную каждому человѣческому сердцу любовь, а условное чувство, развившееся среди искусственнаго быта, понятное только рыцарю, да еще можетъ быть горожанамъ южной Франціи и Италіи. За то среди городскаго населенія процвѣтала своя, непріязненная феодализму, литература. Здѣсь-то родилась сказка

---

[1]) *Карловингскій* циклъ (кругъ, разрядъ) поэмъ изображаетъ судьбу *Карла* Великаго и его паладиновъ. Одинъ изъ разсказовъ этого цикла «Пѣснь о Роландѣ» напечатанъ въ I т нашей Христоматіи, изд. 2, стр. 305 — 328.

(fabliau), въ которой язвительный и сухой умъ горожанина осмѣивалъ не одни только идеи и доблести, составлявшія какъ бы исключительную принадлежность рыцаря, но вообще всѣ идеалы, всѣ поэтическія стороны Средняго Вѣка. Въ труверахъ [1]) можно узнать праотцевъ Рабле [2]) и Вольтера. Была, повидимому, одна сфера, гдѣ усталый раздоромъ и войною умъ находилъ покой и примиреніе. Мы говоримъ о наукѣ, выросшей подъ сѣнью западныхъ монастырей и носящей названіе схоластики. Это имя, означающее собственно науку Среднихъ Вѣковъ, не пользуется большимъ почетомъ въ наше время. Подъ нимъ привыкли разумѣть пустыя, лишенныя живаго содержанія діалектическія формы. Не такова была схоластика въ эпоху своей юности, когда она выступила на поле умственныхъ битвъ столь же воинственная и смѣлая, какъ то общество, среди котораго ей суждено было совершить свое развитіе. Заслуга и достоинство схоластики заключается именно въ ея молодой отвагѣ. Бѣдная положительнымъ знаніемъ, она была исполнена вѣры въ силы человѣческаго разума и думала, что истину можно взять съ бою, какъ феодальный замокъ, что для смѣлой мысли нѣтъ ничего невозможнаго. Не было вопроса, предъ которымъ она оробѣла бы, не было задачи, предъ которой она сознала бы свое безсиліе. Она, разумѣется, не рѣшила этихъ задачъ и вопросовъ, поставленныхъ роковою гранью нашей любознательности, но воспитала въ Европейской наукѣ благородную пытливость и крѣпкую логику, составляющія ея отличительныя примѣты и главное условіе ея успѣховъ. Вотъ права схоластики на вѣчную признательность новыхъ поколѣній, хотя намъ нечему болѣе учиться въ огромныхъ фоліантахъ, которые содержатъ въ себѣ труды средневѣковыхъ мыслителей.

Изъ короткой характеристики, которую я имѣлъ честь вамъ представить [3]), вы легко поймете, что раздраженная и взволнованная дѣйствительностью мысль не обрѣтала покоя и въ той области, гдѣ, по настоящему, должны разрѣшаться всѣ противорѣчія нашего существованія, въ ясномъ сознаніи ихъ примиряющаго закона. Въ наукѣ шла та же борьба, что̀ и въ жизни. Въ концѣ XI столѣтія уже начался споръ между реалистами и номиналистами, отозвавшійся вскорѣ въ богословіи и получившій впослѣдствіи великое значеніе. Въ XIII вѣкѣ, т. е. въ эпоху, о которой мнѣ предстоитъ

[1]) *Труверы* — народные поэты сѣверной Франціи; они были творцами эпической поэзіи средневѣковой.

[2]) *Раблѐ*, или Рабеле (1483—1553) — Франц. сатирикъ. Лучшія его сатирич. романы: Гаргантуа и Пантагрюель. См. Исторію Всеобщей Литературы. *Шерра*. Спб. 1863.

[3]) Статья *Грановскаго* «Людовикъ IX» составляетъ одну изъ четырехъ публичныхъ лекцій, читанныхъ профессоромъ въ 1851 году.

сегодня бесѣдовать съ вами, этотъ споръ перешелъ на другую почву. Парижскій университетъ, отстаивая логическій элементъ въ средневѣковой наукѣ, велъ ожесточенную борьбу съ мистическими стремленіями Францисканцевъ и Доминиканцевъ. О направленіи тогдашняго мистицизма можно судить по уцѣлѣвшимъ отрывкамъ изъ сочиненій генерала Францисканскаго ордена, Іоанна Пармскаго. Онъ произноситъ безусловный приговоръ надъ собственностью, надъ свѣтскимъ государствомъ, надъ семействомъ, надъ внѣшнею дѣятельностью, и призываетъ всѣхъ къ жизни исключительно созерцательной, дабы скорѣе свершились земныя судьбы человѣка. Папа долженъ былъ положить конецъ этимъ преніямъ, тѣмъ болѣе опаснымъ, что они находили сочувствіе внѣ школы, въ народныхъ массахъ, жадно принимавшихъ всякое новое ученіе, толкуя его сообразно своимъ понятіямъ. Въ началѣ XIII столѣтія подавлена была ересь Альбигенская. Та же участь постигла Нѣмецкихъ Штедингов и разнообразныя, но равно враждебныя западной церкви секты, возникшія во Фландріи и въ Италіи. Папство одолѣло, опираясь на свѣтскія власти; но побѣжденныя ереси продолжали существовать втайнѣ, не отказывались отъ своихъ надеждъ и ждали только удобнаго случая, дабы возстать съ свѣжею силою. Неужели этому хаотическому, но исполненному безконечной энергіи, міру суждено было истощить свои силы въ безвыходныхъ борьбахъ и неразрѣшимыхъ вопросахъ? Отдѣльный человѣкъ и цѣлое общество равно нуждается въ порядкѣ и законѣ; для нихъ равно невыносимо безначаліе въ области несвязанныхъ никакимъ единствомъ явленій. Такое единство пытались дать средневѣковому міру вожди его: императоръ и папа. Поставленные развитіемъ исторіи и глубокимъ сознаніемъ нравственныхъ потребностей своего времени во главѣ общественнаго мнѣнія западной Европы, намѣстники св. Петра стремились къ одной цѣли съ преемниками Карла Великаго. Но каждая изъ этихъ властей требовала себѣ первенства и главной роли въ задуманномъ дѣлѣ. Къ прежнимъ раздорамъ присоединился новый, котораго причиною была неосуществимая потребность мира и порядка. Ни Римскимъ папамъ, ни Германскимъ императорамъ не суждено было удовлетворить этой потребности, высказавшейся также и въ крестовыхъ походахъ. Это движеніе носитъ двоякій характеръ: съ одной стороны, оно было вызвано преобладаніемъ религіознаго чувства; съ другой стороны,—современнымъ состояніемъ Европейскаго общества. Всѣ тогдашнія сословія съ равнымъ жаромъ устремились въ страну, освященную земною жизнію Искупителя и каждое несло съ собою свои надежды. Каждое изъ нихъ думало осуществить, на той священной почвѣ, свой политическій идеалъ. Горожане и виллавы уходили отъ феодальнаго гнета; бароны манила

возможность создать чистое феодальное государство, не стѣсняясь обломками историческихъ учрежденій, уцѣлѣвшихъ въ Европѣ; идеаломъ клерика, возложившаго на себя знаменіе крестовосцевъ, было ѳеократическое государство, неудавшееся Григорію VII. Цѣли эти не были достигнуты. Горько обманутые въ своихъ надеждахъ народы запада перестали думать о завоеваніи Азіи и устремили свою дѣятельность въ другую сторону, на другіе предметы. Если бы Европу XIII столѣтія могла привести къ единству одна геніальная личность, то задача была бы скоро рѣшена. Въ такихъ личностяхъ не было недостатка. Вспомните о послѣднемъ императорѣ изъ дома Гогенштауфеновъ, о Фридрихѣ II. Эта странная, можно сказать, страдавшая избыткомъ силъ, личность не нашла себѣ мѣста въ современной ей обстановкѣ. Ни по идеямъ, ни по взгляду на жизнь, Фридрихъ не принадлежалъ тому поколѣнію, среди котораго жилъ, и на разстояніи нѣсколькихъ вѣковъ протягивалъ руку людямъ новаго времени. Отсюда произошли всѣ его неудачи. Великій законодатель, мыслитель, воинъ, поэтъ, стоялъ внѣ своей эпохи, былъ въ ней представителемъ только идей отрицательныхъ, враждебныхъ средневѣковому порядку вещей. Современники ненавидѣли и любили его страстно, по всѣмъ безъ изъятія былъ онъ непонятенъ, всѣмъ равно внушалъ недовѣріе и страхъ. Я приведу здѣсь многознаменательный примѣръ. Послѣднее войско, которое Фридрихъ велъ въ 1250 г. противъ Рима, состояло большею частью изъ Арабовъ и другихъ Магометанскихъ наемниковъ. Надобно однако прибавить, что и Римскіе первосвященники въ борьбѣ съ императорами не всегда употребляли средства, дозволенныя христіанскому пастырю.

Среди этихъ воинственныхъ и бурныхъ поколѣній суждено было дѣйствовать Лудовику IX. Сравнивая съ суровыми лицами другихъ дѣятелей того времени задумчивый и скорбный ликъ Лудовика, мы невольно задаемъ себѣ вопросъ объ особенномъ характерѣ его дѣятельности. Въ чемъ заключалась тайна его вліянія и славы? Въ великихъ ли дарованіяхъ? Нѣтъ. Многіе изъ современниковъ не только не уступали, но превосходили его дарованіями. Въ великихъ ли успѣхахъ и счастіи? Нѣтъ. Дважды, при Мансурѣ и подъ Тунисомъ, похоронилъ Французскій король цвѣтъ своего рыцарства. Въ новыхъ ли идеяхъ, которыхъ онъ былъ представителемъ? Но онъ не внесъ никакихъ новыхъ идей въ государственную жизнь Франціи, а напротивъ употребилъ всѣ свои силы на поддержаніе и укрѣпленіе существовавшихъ до него учрежденій. Значеніе его было другаго рода. Позвольте мнѣ разсказать вамъ одно, исполненное дивной красоты, средневѣковое сказаніе. Это сказаніе о святой чашѣ (Graal). У Іосифа Аримаѳейскаго была драгоцѣнная, выдолбленная имъ изъ цѣльнаго камня, чаша: изъ нея, говоритъ сказаніе, вку-

шалъ Спаситель послѣднюю земную пищу свою за Тайной Вечерею; въ нее же пролилась Божественная кровь со креста. Около этой таинственной чаши совершается непрерывающееся чудо. Человѣкъ, смотрящій на нее, не старѣется, не знаетъ земныхъ немощей и не умираетъ, хотя бы сладостное созерцаніе продолжалось двѣсти лѣтъ, говоритъ легенда. Но доступъ къ чашѣ труденъ: онъ возможенъ только высочайшему цѣломудрію, благочестію, смиренію и мужеству, однимъ словомъ—высшимъ доблестямъ, изъ которыхъ сложился нравственный идеалъ Средняго Вѣка. Таковы должны быть блюстители «Грааля». Молитва и война составляютъ ихъ призваніе и подвигъ въ жизни, но война священная, за вѣру, а не изъ суетныхъ житейскихъ цѣлей. Въ стремленіи приблизиться къ такому идеалу, западная церковь облагородила феодализмъ до рыцарства и соединила послѣднее съ монашествомъ въ извѣстныхъ орденахъ Тампліеровъ, Странно-пріимцевъ и другихъ, возникшихъ въ эпоху крестовыхъ походовъ. Но всякій орденъ есть общество, слѣдовательно нѣчто безличное, отвлеченное, и потому нравственная мысль Среднихъ Вѣковъ не могла быть вполнѣ удовлетворена военно-духовными братствами, въ которыхъ отдѣльная личность постоянно стояла ниже возлагаемыхъ на нее требованій и какъ бы оправдывала собственную немощь заслугами цѣлаго ордена. Съ другой стороны намъ извѣстно, какъ рано измѣнили эти ордена своему первоначальному назначенію и поддались искушеніямъ политическаго могущества и свѣтскихъ наслажденій. Примѣромъ могутъ служить Тампліеры. Идеалу средневѣковой доблести суждено было воплотиться въ лицѣ Лудовика IX.

Лудовикъ былъ воспитанъ умною и строгою матерью своею, Бланкою Кастильскою. Всѣ четыре сына ея получили одно воспитаніе; но природныя наклонности взяли верхъ, и юноши вступили въ жизнь съ разными характерами. У нихъ была впрочемъ одна общая черта, состоявшая въ глубокомъ благочестіи. Но у Карла Анжуйскаго даже это высокое свойство обнаруживалось въ какой-то жесткой и мрачной формѣ. Современники, почти единогласно, говорятъ о его суровомъ и задумчивомъ нравѣ. По словамъ Дж. Виллани [1]), онъ почти не спалъ, мало ѣлъ и никогда не улыбался. Между памятниками, изображающими время и личность Лудовика IX, особенно замѣчательны два, изъ которыхъ я заимствовалъ большую часть подробностей предлагаемой вамъ характеристики. Я говорю здѣсь о «Запискахъ Жуанвиля» и «Жизни св. Лудовика», написанной духовникомъ королевы Маргариты. Главная прелесть и ориги-

[1]) *Виллани*, Джіованни—историкъ XIII в. Написалъ Исторію Флоренціи отъ основанія города до 1348 года.

нальность Жуанвилевыхъ разсказовъ заключается въ рѣзко выдающейся противоположности между повѣствователемъ и его героемъ. Жуанвиль былъ храбрый рыцарь и, по тогдашнему времени, довольно начитанный человѣкъ, съ простымъ и даже нѣсколько прозаическимъ взглядомъ на жизнь. Тѣмъ поразительнѣе для внимательнаго читателя тотъ поэтическій отпечатокъ, которымъ, вѣроятно, безъ воли и вѣдома автора, отличается его сочиненіе. Жуанвиль простодушно разсказываетъ все видѣнное имъ въ бытность его при Лудовикѣ; но поэзія предмета согрѣла его фразу, сообщила ей красоту и порою возвышенность, какихъ не было въ природѣ самаго повѣствователя. Я думаю, что отношенія короля къ сенешалу Шампаніи нельзя лучше объяснить какъ слѣдующимъ анекдотомъ. Однажды Лудовикъ, поучая бесѣдою вѣрнаго служителя, спросилъ у него: что̀ бы ты предпочелъ—смертный грѣхъ или проказу? Лучше тридцать грѣховъ чѣмъ проказу, поспѣшно отвѣчалъ рыцарь, къ крайней печали благочестиваго государя. Жуанвиля нельзя однако упрекнуть въ недостаткѣ религіознаго чувства, но онъ былъ не въ состояніи подняться до той высоты, на какой стоялъ причисленный западной церковью къ лику святыхъ король Французскій. Читая дошедшія до насъ біографіи послѣдняго, нельзя не спросить себя, гдѣ находилъ онъ время для управленія государствомъ? Ежедневно посѣщалъ онъ всѣ Божественныя службы, проводилъ значительную часть дня въ одинокой и горячей молитвѣ, немилосердно бичевалъ себя, читалъ творенія Святыхъ отцевъ, охотно бесѣдовалъ съ учеными богословами и вообще съ людьми, посвятившими себя наукѣ. Онъ повѣрялъ имъ свои сомнѣнія и требовалъ отъ нихъ разрѣшенія вопросовъ, смущавшихъ его душу. Не въ однѣхъ молитвахъ и благочестивыхъ бесѣдахъ высказывалось глубоко-религіозное настроеніе этой души. Нужно ли говорить о его щедрости къ бѣднымъ, о его частыхъ посѣщеніяхъ больницъ, о выстроенныхъ имъ храмахъ? Не безъ ужаса разсказываютъ современники о бѣдствіяхъ, поразившихъ крестоносцевъ въ Египтѣ. Испорченные, отвратительные видомъ и запахомъ трупы умершихъ отъ язвы воиновъ остались бы непогребенными на чужой землѣ, ибо испуганное духовенство отказывало имъ въ послѣднемъ христіанскомъ обрядѣ. Король, собственнымъ примѣромъ, пристыдилъ малодушныхъ и заставилъ ихъ исполнить тяжкій долгъ, присутствуя лично при каждомъ отпѣваніи. Тѣла умершихъ братій не внушали ему омерзѣнія. Вамъ, вѣроятно, извѣстно, какъ сильно свирѣпствовала въ Средніе Вѣка страшная болѣзнь, которую называютъ проказою. Люди, пораженные этимъ недугомъ, навсегда отлучались отъ общества; церковь разрывала, посредствомъ особеннаго обряда, ихъ связи съ остальнымъ міромъ; жилища, гдѣ ихъ обыкновенно со-

держали, были предметомъ общаго страха. Но Лудовикъ не раздѣлялъ и въ этомъ случаѣ общаго чувства: онъ ходилъ за прокаженными и собственными руками омывалъ ихъ язвы. Я могъ бы привести нѣсколько примѣровъ такого рода, но боюсь, что вамъ трудно будетъ выслушать безъ содроганія простое описаніе этихъ дѣлъ царственнаго подвижника. За то западные народы предупредили Римскаго первосвященника и еще при жизни Лудовика назвали его святымъ. Слава его не ограничилась впрочемъ западною Европою; она проникла на Востокъ: послы изъ Арменіи приходили въ лагерь крестоносцевъ и просили о дозволеніи видѣть святаго короля.

Посмотримъ на Лудовика IX съ другой стороны. Мы увидимъ, что вся жизнь его, во всѣхъ ея направленіяхъ, проникнута однимъ глубокимъ и горячимъ чувствомъ христіанской правды. Поставленный среди воинственныхъ поколѣній, для которыхъ высшею цѣлію дѣятельности была военная слава, Лудовикъ не любилъ войны. Онъ не отличался той блестящею, безъ нужды вызывавшею опасности отвагою, которая составляла одну изъ принадлежностей рыцарства; его мужество было спокойное и холодное. Оно вытекало изъ обдуманнаго убѣжденія и не было слѣдствіемъ страсти. Первыя войны свои онъ велъ съ Англичанами и мятежными вассалами. Лудовикъ одолѣлъ и тѣхъ и другихъ, возстановилъ нарушенныя права свои, но довольствовался непосредственнымъ результатомъ побѣды, и не подумалъ о распространеніи власти или владѣній. Еще менѣе могла соблазнить его возможность отмстить врагамъ. Съ раннихъ лѣтъ мысль его была занята войнами въ Палестинѣ, гдѣ христіанскому рыцарю открылось поприще вполнѣ достойное его подвиговъ. Я не буду повторять всѣхъ извѣстныхъ подробностей о его крестовыхъ походахъ, но есть черты, которыхъ нельзя пропустить, потому что онѣ проливаютъ яркій свѣтъ на характеръ великаго короля. Въ то время, когда бѣдствія крестоносцевъ въ Египтѣ достигли до высочайшей степени, и не было болѣе спасенія войску, запертому между Ниломъ и Мамелюками, Лудовикъ отказался отъ предноложеннаго ему средства возвратиться одному въ крѣпкую Даміету, гдѣ его ожидала совершенная безопасность. Въ плѣну у Мамелюковъ, среди ужасовъ и страданій всякаго рода, онъ одинъ, изъ всѣхъ Французскихъ рыцарей, сохранилъ полное спокойствіе и ясность духа. Вскорѣ послѣ пораженія крестоносцевъ, Мамелюки возстали противъ своего султана, убили его и съ дикими воплями бросились къ своимъ плѣннымъ. Одинъ изъ убійцъ показалъ Лудовику вырванное у погибшаго султана сердце, и спросилъ: что дашь ты мнѣ за сердце врага твоего? Король молча отвернулся. Прочіе христіане думали, что насталъ ихъ послѣдній часъ и готовились къ смерти.

Жуанвиль откровенно признается, что не могъ принести должнаго покаянія, потому что не могъ отъ страха припомнить ни одного грѣха. «По той же причинѣ не помню я ничего изъ сказаннаго мнѣ тогда конетаблемъ Кипрскимъ», прибавляетъ простодушный біографъ Лудовика IX. Есть сказаніе, достовѣрность котораго подлежитъ сомнѣнію, но любопытно, какъ выраженіе народной мысли. Въ Европѣ разнесся слухъ, что Мамелюки, убивъ своего султана, предложили его мѣсто Лудовику IX. На возвратномъ пути съ Востока, галера, на которой плылъ Французскій король, потерпѣла значительныя поврежденія и подверглась большой опасности. На помощь ей подоспѣла другая галера. Король прежде всего спросилъ, есть ли на новомъ суднѣ мѣсто и для другихъ бывшихъ съ нимъ пассажировъ? Получивъ отрицательный отвѣтъ, онъ остался на поврежденной галерѣ. Я знаю, сказалъ онъ, что, спасши меня и семейство мое, вы не будете заботиться объ остальныхъ моихъ спутникахъ. Понятно, почему народъ заживо называлъ его святымъ. Послѣднее военное предпріятіе его было направлено противъ Туниса. Лудовикъ былъ боленъ и такъ слабъ еще до начала похода, что едва могъ держаться на конѣ. Жуанвиль часто долженъ былъ носить его на рукахъ. Но несчастія, испытанныя въ Египтѣ, произвели, повидимому, неизгладимое впечатлѣніе на храбраго сенешала: онъ не принималъ участія въ Африканскомъ походѣ и не былъ свидѣтелемъ кончины Лудовика, умершаго подъ стѣнами Туниса. — Сказаннаго мною будетъ, полагаю я, достаточно для опредѣленія характера, какой носила военная дѣятельность Лудовика IX. Онъ былъ рыцарь, въ самомъ возвышенномъ, идеальномъ значеніи этого слова, и полагалъ конечною цѣлью войны торжество истинной вѣры и возстановленіе нарушеннаго права.

Политическая дѣятельность Лудовика IX не разъ подвергалась не только нареканію, но и насмѣшкамъ. Въ самомъ дѣлѣ, эта дѣятельность не можетъ не показаться странною, если мы будемъ разбирать ее съ точки зрѣнія обыкновеннаго житейскаго благоразумія, опредѣляющаго достоинство поступковъ ихъ непосредственнымъ успѣхомъ или неудачею. Внукъ Филиппа Августа началъ съ того, что усомнился въ законности своихъ правъ и подвергъ ихъ строгому испытанію. Предшественники его не могли быть очень разборчивы въ выборѣ средствъ, и пользовались всякимъ удобнымъ случаемъ къ утвержденію своей власти. Лудовикъ предложилъ себѣ вопросъ, на какомъ основаніи Капетинги владѣли землями, перешедшими къ нимъ отъ другихъ владѣльцевъ? Болѣе всего тревожило его сомнѣніе относительно областей, отнятыхъ его дѣдомъ у Іоанна Безземельнаго. Онъ положилъ конецъ этой внутренней тревогѣ договоромъ 1258 года, по которому добровольно возвратилъ

сыну Іоаннову, Генриху III, четыре богатыя провинціи. На возраженія совѣтниковъ своихъ, Лудовикъ отвѣчалъ, что онъ отказывается отъ этихъ провинцій, потому что они незаконно ему достались и для того, чтобы Генрихъ былъ настоящимъ ленникомъ. Чтобы понять глубокій смыслъ этого отвѣта, надобно составить себѣ ясное понятіе о родѣ отношеній, существовавшихъ между феодальнымъ господиномъ и его вассаломъ. Ленная связь состояла не изъ однихъ юридическихъ условій, но заключала въ себѣ чисто-нравственное начало обоюдной любви и вѣрности. Отсюда происходили частыя нарушенія этой связи, которую Лудовикъ хотѣлъ поднять до ея высшаго духовнаго значенія. Разумѣется, что такое идеальное стремленіе не могло быть всѣми понято по достоинству, и встрѣтило много порицателей среди общества, привыкшаго къ насилію. Стоитъ заглянуть въ пѣсни трувера Рютбёфа. Даже въ глазахъ простаго народа, кротость благочестиваго государя принимала иногда видъ слабости. «Ты не король, а монахъ», сказала однажды Лудовику женщина, получившая отказъ на какую-то незаконную просьбу. Жители возвращенныхъ Генриху III областей не могли простить Лудовику этой уступки, и долго не признавали установленнаго, въ честь его, западною церковью праздника. Замѣчательно также враждебное отношеніе къ нему скептической, проникнутой античными стихіями, Италіи. Граждане Флоренціи ясно обнаружили неприличную христіанамъ радость, при полученіи извѣстій о пораженіи и плѣнѣ крестоносцевъ подъ Мансурою. Но огромное большинство Европейскаго населенія глубоко чтило Лудовика, хотя вѣроятно не въ состояніи было вполнѣ оцѣнить всю чистоту и все безкорыстіе его намѣреній.

Лудовикъ IX обратилъ особенное вниманіе на судебное устройство Франціи. Нигдѣ не обнаруживались такъ ясно недостатки феодальнаго государства, какъ въ этой сферѣ. Коренное, основанное на глубокомъ раздѣленіи сословій, начало средневѣковаго суда было очень просто: каждый долженъ быть судимъ судомъ своихъ перовъ, т. е. людей, равныхъ ему по происхожденію. Дѣла вассаловъ разбирались при дворѣ ихъ леннаго господина и подъ его предсѣдательствомъ, судомъ, составленнымъ изъ перовъ истца и отвѣтчика. Но бароны неохотно исполняли эту часть своихъ феодальныхъ обязанностей, и уклонялись отъ судебныхъ съѣздовъ, сопряженныхъ съ разными неудобствами и опасностію. Недовольный приговоромъ подсудимый не рѣдко вызывалъ на поединокъ не только противника, но свидѣтелей и судей. Большая часть тяжбъ рѣшалась судебнымъ поединкомъ, который взялъ верхъ надъ всѣми другими доказательствами. Лудовикъ запретилъ прибѣгать къ этому средству въ собственныхъ и церковныхъ владѣніяхъ. Власть фео-

дальныхъ судовъ ограничена опредѣленіемъ тѣхъ случаевъ, которые исключительно подлежали разбору судовъ королевскихъ. Сверхъ того лица, недовольныя рѣшеніемъ мѣстныхъ феодальныхъ судовъ, получили право жалобы, т. е. аппеляціи въ суды королевскіе. Если бы кто-нибудь изъ первыхъ Капетинговъ задумалъ такое нововведеніе, то встрѣтилъ бы упорное, вѣроятно неодолимое сопротивленіе. Исчисленныя мною мѣры Лудовика не вызвали однако сильнаго противодѣйствія, потому что онъ лично внушалъ неограниченное довѣріе, и никто не подозрѣвалъ его въ честолюбивыхъ разсчетахъ, въ намѣреніи усилить власть свою къ ущербу другихъ. Въ тѣсной связи съ судебнымъ поединкомъ находилось право феодальной войны. Когда два владѣльца ссорились между собою и начинали войну, то въ ней обыкновенно принимали участіе всѣ ихъ родственники и друзья. Такимъ образомъ, мелкая распря, вспыхнувшая на одномъ концѣ Франціи, немедленно отзывалась на другомъ. Король постановилъ, приводя, кажется, въ исполненіе мысль, принадлежавшую его дѣду, чтобы отнынѣ между поводомъ къ войнѣ и ея началомъ протекало 40 дней (la quarantaine du roi); нарушитель постановленія подлежитъ наказанію, какъ государственный измѣнникъ. Этимъ не ограничился законодатель: онъ предоставилъ каждому лицу феодальнаго сословія право обращаться прямо къ верховной власти, въ случаѣ предстоявшей ему борьбы съ противникомъ, болѣе сильнымъ или богатымъ. Разумѣется, такой переворотъ въ укоренившихся привычкахъ средневѣковой аристократіи не могъ совершиться разомъ, для этого нужно было много времени и много усилій, но Лудовикъ IX подалъ примѣръ, отъ котораго не отступали болѣе его преемники. Его постановленія, относительно судебныхъ поединковъ и частныхъ войнъ, легли въ основаніе позднѣйшаго законодательства. Помощники Лудовика въ этихъ преобразованіяхъ были пользовавшіеся его особеннымъ уваженіемъ и довѣріемъ ученые юристы. Преобразованія, которыхъ они были виновниками, конечно, не входили въ виды короля, думавшаго только объ облагороженіи и прочнѣйшемъ утвержденіи феодальныхъ учрежденій большею правдою и нравственностью. Онъ зналъ, что рыцари плохіе судьи, и замѣнялъ ихъ, по возможности, людьми, изучавшими право, какъ науку. Послѣдствія обнаружились уже по смерти Лудовика. Выведенные имъ на поприще практической дѣятельности, юристы составили цѣлое сословіе, непріязненное идеямъ и формамъ Средняго Вѣка. Они противопоставили строго-логическія и общеприложимыя опредѣленія Римскаго права мѣстнымъ и своенравнымъ обычаямъ, которые развились въ основныхъ Германскихъ государствахъ западной Европы. Они засудили средневѣковое папство, въ лицѣ Бонифація VIII, духовное рыцарство—въ Там-

плiерахъ. Феодальное дворянство и община равно испытали ихъ влiянiе. Судьба Французскихъ юристовъ XIV и XV ст. не лишена нѣкотораго трагическаго величiя и поэзiи. Стараясь создать крѣпкую и стройную монархiю, по образу Римской имперiи, они должны были вести постоянную и жестокую борьбу съ непривыкшими подчинять себя государственнымъ цѣлямъ силами феодально-общиннаго мiра. Почти каждый новый король принужденъ былъ жертвовать вѣрнѣйшими совѣтниками своего предшественника ненависти вассаловъ, смутно понимавшихъ, что дѣло шло объ ихъ независимости. Но упраздненныя такимъ образомъ мѣста въ совѣтѣ и судахъ королевскихъ не долго оставались порожними. Сынъ казненнаго клерка смѣло садился на мѣсто отца и дѣйствовалъ въ томъ же духѣ и направленiи, не заботясь, повидимому, о предстоявшей ему участи. Лудовикъ IX не могъ предвидѣть политическаго значенiя, какое получили впослѣдствiи юристы Римскаго права, и дорожилъ только ихъ судебною дѣятельностью. Не считаю нужнымъ повторять вамъ слишкомъ извѣстный разсказъ Жуанвиля о томъ, какъ король, окруженный мужами опытными въ наукѣ права, самъ рѣшалъ тяжбы своихъ подданныхъ, и произносилъ приговоры подъ знаменитымъ Венсенскимъ дубомъ. Король и правда сдѣлались въ то время однозначащими словами для Францiи. Въ цѣломъ государствѣ, кромѣ его, не было нелицепрiятнаго судьи, потому что онъ одинъ стоялъ внѣ или лучше сказать выше всякихъ корыстныхъ стремленiй. Идея монархической власти облекалась въ нравственное сiянiе неподкупнаго правосудiя.

Мы видѣли глубоко-религiозное настроенiе Лудовиковой души. Можно бы подумать, что слѣдствiемъ такого настроенiя была излишняя уступчивость сословiю, которое въ западной Европѣ нерѣдко теряло изъ виду свое освященное призванiе и предавалось чисто-мiрскимъ исканiямъ и помысламъ. Въ самомъ дѣлѣ, никто изъ королей Французскихъ не оказывалъ большаго уваженiя къ духовенству и не хранилъ такъ бережно его права, какъ Лудовикъ IX; но съ другой стороны немногiе умѣли такъ твердо отстаивать права свѣтской власти. Въ спорѣ между императоромъ и папою Лудовикъ громко порицалъ послѣдняго. Когда Французскiе епископы жаловались ему, что отлученье отъ церкви не производитъ достаточнаго дѣйствiя, онъ отвѣчалъ: «не отлучайте отъ церкви ради корыстныхъ разсчетовъ и страстей вашихъ, и тогда я буду готовымъ исполнителемъ вашихъ приговоровъ». Для всякаго другаго государя, кромѣ Св. Лудовика, распри съ духовенствомъ могли быть въ то время опасны. Къ чести папъ надобно сказать, что они почти всегда были на сторонѣ благочестиваго короля противъ честолюбивыхъ епископовъ. Здѣсь не мѣсто входить въ разборъ извѣстiй о такъ

называемой прагматической санкціи, которою Лудовикъ будто бы опредѣлилъ духовныя отношенія Франціи къ Римскому двору. Вопросъ о подлинности этого акта еще не рѣшенъ окончательно. Но допустивъ даже подлогъ, нельзя не признать, что въ этомъ памятникѣ высказалось только общественное мнѣніе о томъ, какъ поступилъ бы Лудовикъ IX при разграниченіи правъ своихъ съ правами папы и духовенства.

Но отчего же, среди столь обширной и богатой результатами дѣятельности, это благородное лице носитъ почти постоянное выраженіе внутренней глубокой грусти? Въ дружескихъ разговорахъ Лудовика съ Жуанвилемъ, въ бесѣдахъ его съ учеными, которыми онъ любилъ окружать себя, въ дошедшихъ до насъ словахъ его молитвы — часто слышится скорбный голосъ души, недовольной дѣйствительностью, не обрѣтшей въ ней удовлетворенія своимъ требованіямъ. Нигдѣ это чувство не высказалось такъ просто, какъ въ слѣдующихъ словахъ духовника королевы Маргариты. Позвольте мнѣ привести это мѣсто въ подлинникѣ: я боюсь испортить его переводомъ: «Li benoiez rois désirroit merveilleusement grâce de larmes, et se compleignoit à son confesseur de ce que larmes li défailloient, et li disoit débonnerement, humblement et privéement, que quant l'on disoit en la litanie ces moz: Biau sire Diex, nous te prions que tu nous doignes fontaine de larmes, li sainz rois disoit devotement: O Sire Diez, je n'ose requerre fontaine de larmes; ainçais me soufisissent petites gouttes de larmes à arouser la sécheresse de mon coeur... Et aucune fois reconnut-il à son confesseur privéement que aucune fois li donna à notre sir larmes en avoison: les quelles, quant il les sentait courre per sa face souef (doucement), et entrer dans sa bouche, elles li semblaint si savoureuses et trés douces, non pas seulement au cuer, mès a la bouche». Недовольный міромъ Лудовикъ нѣсколько разъ обнаруживалъ намѣреніе отказаться отъ власти и искать покоя въ стѣнахъ монастыря. Но жизнь, которую онъ велъ во дворцѣ своемъ, была такъ чиста и строга, что могла служить достойнымъ образцомъ для тогдашняго духовенства. Государственная дѣятельность не тяготила Лудовика, ибо онъ, по преимуществу, былъ мужемъ долга и подвига. Въ отношеніяхъ его къ семейству раскрывались, не внесенныя нами въ эту краткую характеристику, свойства нѣжной и любящей души, которой суждено было совмѣстить всѣ добродѣтели государя, рыцаря, инока и простаго гражданина.

Скорбь св. Лудовика исходила изъ сознанія непрочности міра того, на поддержаніе котораго онъ употребилъ лучшія силы свои. Онъ не могъ не чувствовать несостоятельности средневѣковыхъ формъ жизни. Поддерживая одной рукой разлагавшійся порядокъ вещей, Лудовикъ IX другою закладывалъ зданіе новой гражданственности. Собствен-

нымъ чувствомъ права и введеніемъ въ суды юристовъ, проникнутыхъ идеями Римскаго законодательства, онъ убилъ феодальную неправду. Святостію жизни и нравственною чистотою, онъ осуществлялъ самый возвышенный изъ нравственныхъ идеаловъ Средняго Вѣка, но чрезъ это самое укрѣпилъ монархію, полное развитіе которой было несовмѣстно съ сохраненіемъ средневѣковыхъ учрежденій, потому что за ними каждое сословіе укрывало свои корыстныя и исключительныя притязанія. Народъ привыкъ видѣть въ королѣ верховнаго, чуждаго всякаго пристрастія, судью. Въ великія эпохи своей исторіи, во дни блестящихъ торжествъ и тяжелыхъ испытаній, Французскіе короли называли себя не даромъ сынами св. Лудовика. Его дѣломъ было нравственное значеніе Французской монархіи. Предшественники его дѣйствовали силою и искусствомъ; къ этимъ двумъ орудіямъ, онъ присоединилъ третье, — право. Онъ внушилъ къ монархическому началу довѣріе, котораго долго не могли поколебать ни грѣхи, ни несчастія его преемниковъ. Читая нѣкоторые изъ законодательныхъ памятниковъ его царствованія, и смотря на нихъ съ современной намъ точки зрѣнія, нельзя иногда не удивиться жестокости наказаній, опредѣленныхъ за проступки, которые нынѣ караются только общественнымъ презрѣніемъ. Но въ такихъ случаяхъ Лудовикъ IX былъ вѣренъ основному началу всей своей дѣятельности: онъ смотрѣлъ на государство, какъ на христіанскую общину, и не давалъ въ немъ мѣста грѣху. Въ сферѣ науки онъ допустилъ споръ и разногласіе, самъ посѣщалъ аудиторіи Парижскаго университета и охотно слушалъ лекціи и пренія знаменитыхъ наставниковъ. Но споръ съ еретиками, обличеніе ихъ словомъ, предоставлялъ онъ исключительно ученымъ; міранинъ въ подобныхъ случаяхъ долженъ былъ, по его мнѣнію, дѣйствовать одним мечемъ, не подвергая своего беззащитнаго ума ненужному искушенію.

Разсматривая съ вершины настоящаго погребальное шествіе народовъ къ великому кладбищу исторіи, нельзя не замѣтить на вождяхъ этого шествія двухъ особенно рѣзкихъ типовъ, которые встрѣчаются преимущественно на распутіяхъ народной жизни, въ такъ называемыя переходныя эпохи. Одни отмѣчены печатью гордой и самостоятельной силы. Эти люди идутъ смѣло впередъ, не спотыкаясь на развалинахъ прошедшаго. Природа одаряетъ ихъ особенно чуткимъ слухомъ и зоркимъ глазомъ, но не рѣдко отказываетъ имъ въ любви и поэзіи. Сердце ихъ не отзывается на грустные звуки былаго. За то за ними право побѣды, право историческаго успѣха. Бо́льшее право на личное сочувствіе историка имѣютъ другіе дѣятели, въ лицѣ которыхъ воплощается вся красота и все достоинство отходящаго времени. Они его лучшіе представители и доблестные защитники. Къ числу такихъ принадлежитъ Лудовикъ IX. Онъ былъ

завершителемъ средневѣковой жизни, осуществленіемъ ея чистѣйшихъ идеаловъ. Но ни тѣмъ, ни другимъ, ни поборникамъ старыхъ, ни водворителямъ новыхъ началъ, не дано совершить ихъ подвига во всей его чистотѣ и задуманной опредѣленности. Изъ ихъ совокупной дѣятельности Провидѣніе слагаетъ нежданный и невѣдомый имъ выводъ. Счастливъ тотъ, кто носитъ въ себѣ благое убѣжденіе и можетъ заявить его внѣшнимъ дѣломъ. На великихъ и малыхъ, незамѣтныхъ простому глазу, дѣятеляхъ исторіи лежитъ, общее всѣмъ людямъ, призваніе трудиться въ потѣ лица. Но они несутъ отвѣтственность только за чистоту намѣреній и усердіе исполненія, а не за далекія послѣдствія совершеннаго ими труда. Онъ ложится въ исторію какъ таинственное сѣмя. Восходъ, богатство и время жатвы принадлежитъ Богу. Не будемъ же ставить въ вину Лудовику IX его заблужденіе. Думая поддержать феодальное государство, онъ влагалъ въ него несродныя ему начала и готовилъ великую монархію Лудовика XIV. Онъ не докончилъ своего личнаго дѣла и не видалъ его завершенія, подобно тѣмъ средневѣковымъ водчимъ, которые завѣщали новому времени недостроенные, полные чудной и таинственной красоты, готическіе соборы.

Т. Грановскій.

Примѣч. — Тимоѳей Николаевичъ *Грановскій* (1813 — 1855) — бывшій знаменитый профессоръ всеобщей исторіи въ Москов. университетѣ. Онъ принадлежитъ къ числу историковъ художественной школы, о которой мы говорили выше. Онъ соединялъ вѣрность ученаго пониманія съ увлекательнымъ изложеніемъ. Сочиненія Т. Н. Грановскаго изданы въ двухъ томахъ. (М. 1866 г.). Въ первомъ томѣ, начинающемся статьею проф. Кудрявцева о Грановскомъ, помѣщены, между прочимъ, слѣд. статьи: О современномъ состояніи и значеніи всеобщей исторіи, О родовомъ бытѣ у древнихъ Германцевъ, Судьбы Еврейскаго народа, Аббатъ Сугерій (диссертація), Четыре историч. характеристики: Тимуръ, Александръ Великій, Лудовикъ IX и Бэконъ; во второмъ томѣ напечатаны критическія статьи и рецензіи, напр. Латинскіе императоры, біографическій очеркъ Нибура и пр. — Грановскій производилъ обаятельное дѣйствіе на студентовъ и своими лекціями, какъ профессоръ и своею благородною, доброю, доступною для всѣхъ личностью, какъ человѣкъ. По смерти Грановскаго, общее искреннее сочувствіе къ увлекательнымъ его лекціямъ и могущественному его вліянію на молодое поколѣніе выразилось въ статьяхъ о незабвенномъ профессорѣ, написанныхъ признательными его учениками: И. С. Тургеневымъ, С. М. Соловьевымъ и П. Н. Кудрявцевымъ. Соловьевъ о Грановскомъ говоритъ: «Какъ любимаго, ненаглядпаго ребенка любили и лелѣяли его въ кругу близкихъ товарищей и друзей». (Журн. Мин. Народ. Просвѣщ. 1856, № 2). Грановскій — кроткая и любящая душа. Онъ вездѣ искалъ свѣта и добра. Въ названномъ выше сочиненіи о значеніи всеобщей исторіи, профессоръ говоритъ: «При каждомъ историческомъ проступкѣ, она (исторія) приводитъ обстоятельства, смягчающія вину преступника, кто бъ ни былъ онъ — цѣлый народъ или отдѣльное лице. Да будетъ намъ позволено сказать, что тотъ не историкъ, кто не способенъ перенести въ прошедшее живаго чувства любви къ ближнему и узнать брата въ отдѣленномъ отъ него

вѣками иноплеменникѣ. Тотъ не историкъ, кто не съумѣлъ прочесть въ изучаемыхъ имъ лѣтописяхъ и грамотахъ начертанныя въ нихъ яркими буквами истины: въ самыхъ позорныхъ періодахъ жизни человѣчества есть искупительныя, видимыя намъ на разстояніи столѣтій стороны, и на днѣ самаго грѣшнаго предъ судомъ современниковъ сердца таится какое-нибудь одно лучшее и чистое чувство». (Соч. Т. Н. Грановскаго. Спб. 1866, т. I, стр. 45—46). Грановскій высказывалъ глубокія и передовыя идеи о всеобщей исторіи, — тѣ самыя идеи, которыя потомъ у насъ стали, вопреки истинѣ, считать достояніемъ Бокля. Необходимость изученія внѣшней природы для пониманія судебъ исторической жизни (главная идея Бокля) выражена прямо и ясно Грановскимъ въ его статьѣ о значеніи всеобщей исторіи и подкрѣплена такими учеными авторитетами, какъ Риттеръ и Бэръ; приложимость статистическихъ законовъ къ исторіи опять таки указана Грановскимъ въ той же самой статьѣ и при этомъ приводится Кетле: на того же ученаго ссылается и Бокль. Все различіе въ томъ, что Грановскій не подчиняетъ дѣятельность человѣческую такому могущественному вліянію природы, какъ то дѣлаетъ Бокль. Нашъ профессоръ и учитель считаетъ весьма сильнымъ дѣятелемъ, столь же сильнымъ какъ и природа, — разумъ человѣческій. «У исторіи двѣ стороны: въ одной является намъ свободное творчество духа человѣческаго, въ другой — независимыя отъ него, данныя природою, условія его дѣятельности. Новый методъ долженъ возникнуть изъ внимательнаго изученія фактовъ міра духовнаго и природы въ ихъ взаимодѣйствіи. Только такимъ образомъ можно достигнуть до прочныхъ, основныхъ началъ, т. е. до яснаго знанія законовъ, опредѣляющихъ движеніе историческихъ событій. Можетъ быть, мы найдемъ тогда въ этомъ движеніи правильность, которая теперь ускользаетъ отъ нашего вниманія». (Соч. Т. Н. Грановскаго. Т. I, стр. 43). Мысль Грановскаго о значеніи идеи, — какъ движущей силы въ развитіи человѣческихъ обществъ, — весьма обстоятельно развита профессоромъ Герье въ его статьѣ «Очеркъ развитія историческихъ наукъ».

Темы. — Съ педагогической точки зрѣнія статья Грановскаго «Лудовикъ IX» можетъ быть разобрана такимъ образомъ: 1) Взглядъ историка на Средніе Вѣка. 2) Наружная сторона средневѣковаго общества: — городъ, сельское населеніе, монастыри. 3) Внутренняя сторона общества: — вражда между сословіями, литература, наука (схоластика), борьба въ наукѣ, мистицизмъ, папство, борьба между папой и императорами, крестовые походы. 4) Фридрихъ II. 5) Лудовикъ IX: — а) особенный характеръ его дѣятельности. Изображеніе его историкъ начинаетъ риторической фигурою вопрошенія; б) сказаніе о Св. Чашѣ; в) Лудовикъ — идеалъ средневѣковой доблести. Это — общая мысль, положенная въ основаніе характеристики короля. Слѣдуетъ ея развитіе въ отношеніи къ воспитанію короля (вставочный разсказъ о Жуанвилѣ), благочестію, добрымъ дѣламъ, самоотверженію, военной дѣятельности (король въ плѣну у Мамелюковъ, король на галерѣ), политической и судебной, въ отношеніи къ духовенству, недовольству Лудовика міромъ; г) Лудовикъ — создатель новой гражданственности: онъ убилъ феодальную неправду, укрѣпилъ монархію, возвысилъ нравственность, поднялъ науку. 6) Общее заключеніе: его главныя мысли. — Симпатія историка Лудовику IX. — Статья раздѣляется на *двѣ главныя* части: часть первая — общая картина средневѣковаго общества; часть вторая — характеристика Лудовика IX. Каждая главная часть подраздѣлена на составныя доли, и все сочиненіе представляетъ художественное цѣлое.

ИСТОРІЯ РОССІИ СЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ.

Религія Восточныхъ Славянъ.

Религія восточныхъ Славянъ поразительно сходна съ первоначальною религіею Арійскихъ племенъ: она состояла въ поклоненіи физическимъ божествамъ, явленіямъ природы и душамъ усопшихъ, родовымъ, домашнимъ геніямъ. Основываясь на опредѣленныхъ указаніяхъ современниковъ, мы находимъ у нашихъ Славянъ, при поклоненіи многимъ различнымъ явленіямъ природы подъ разными именами божествъ, поклоненіе одному верховному божеству, къ которому остальныя находились въ подчиненномъ отношеніи: это верховное божество, по свидѣтельству одного изъ древнѣйшихъ писателей о Славянахъ, Прокопія, было божествомъ молніи, которое нашъ лѣтописецъ называетъ Перуномъ. Явленіе грозы, молніи, есть самое поразительное изъ явленій природы: не мудрено, что первобытный человѣкъ далъ ему первое мѣсто между всѣми другими явленіями; онъ не могъ не замѣтить благотворнаго вліянія грозы на жизнь природы; не могъ не замѣтить, что свѣтъ молніи независимо во всякое время обнаруживаетъ свое могущество, тогда какъ напр. дѣйствія солнца ограничены, подвержены извѣстному закону, могутъ обнаруживаться только въ извѣстное время, уступая владычество другому, противоположному, и слѣдовательно враждебному началу, мраку; солнце затмѣвалось, *погибало* въ глазахъ первобытнаго человѣка: молнія никогда въ глазахъ его не теряла своего могущества, не побѣждалась другимъ началомъ; свѣтъ молніи сопровождается обыкновенно живительнымъ для природы дождемъ: отсюда необходимое представленіе, что Перунъ ниспосылаетъ дождь жаждущей природѣ, которая безъ того погибла бы отъ жгучихъ лучей солнца: такимъ образомъ молнія являлась для язычника силою производящею, съ характеромъ божества высшаго, дѣйствующаго, *правящаго* по преимуществу, умѣряющаго, исправляющаго вредъ, наносимый другими божествами, когда какъ солнце напр. и для поклоняющагося ему язычника являлось чѣмъ-то страдательнымъ, не имѣющимъ распорядительной силы въ природѣ, подчиненнымъ. Наконецъ значеніе верховнаго божества — правителя — молнія получила въ глазахъ язычника, по причинѣ своей страшной карательной силы, дѣйствующей быстро и непосредственно.

Имѣемъ право думать, что Перунъ у языческихъ Славянъ носилъ еще другое названіе *Сварога* [1]). Верховное божество Сварогъ-

[1]) *Сварогъ*, Индѣйское *сварга*, сложено изъ двухъ частей: *свар* — небо, свѣтъ, и изъ окончанія *га*, означающаго хожденіе; слѣд. сварга имѣетъ смыслъ пребыва-

Перунъ порождало двухъ сыновей, двухъ Сварожичей: солнце и огонь [1]). Поклоненіе солнцу, какъ видно, было сильно распространено между Славянами: въ Словѣ о Полку Игоревѣ Русскіе называются внуками Дажбога; если такъ, то къ нему имѣемъ право относить извѣстныя названія въ нашихъ пѣсняхъ: *Дидъ* (дѣдъ), *Ладо;* послѣднее названіе, означающее свѣтъ, красоту, миръ, лю-

---

нія на небѣ или хожденія по небу (см. брошюру *Ѳ. Буслаева* — О вліяніи христіанства на Слав. языкъ, стр. 50). Въ Ипатьевскомъ спискѣ лѣтописи читаемъ слѣдующее о Сварогѣ: «И бысть по потопѣ и по раздѣленьи языкъ, поча царствовати первое Местромъ отъ рода Хамова, по немъ Ереміи. по немъ Феоста, иже и Сварога нарекоша Егуптяне; царствующу сему Феостѣ въ Егуптѣ, во время царства его, спадоша клещѣ съ небесѣ, пача ковати оружье». Славянскій Сварогъ объясняется здѣсь отождествленіемъ его съ древнимъ Ѳеостомъ или Ефестомъ, Вулканомъ, Египетскимъ Фтасъ; Ефестъ есть богъ молніи, ковачь небеснаго, божественнаго оружія; въ его царствованіе «спадоша клещѣ съ небесѣ, пача ковати оружье»; по богъ молніи, богъ оружія, есть Перунъ. Что Сварогъ-Перунъ, богъ молніи, былъ верховнымъ богомъ, распорядителемъ, раздаятелемъ всего, на это ясно указываетъ одна Сербская пѣсня, въ которой такъ говорится о могуществѣ молніи.

«Стаде муня даре дијелити:
Даде Богу небесне висине,
Свѣтом Петру Петровске врутине,
А Іовану леда и снијега,
а Николи на води слободу,
а Илији муніе и стријеле».

На связь Сварога — Перуна съ оружіемъ указываетъ обычай клясться передъ Перуномъ, полагая оружіе (Полн. Собр. Русск. Лѣт. 1, 23); вмѣстѣ съ оружіемъ клали и золото, приговаривая: «Аще ли отъ тихъ самѣхъ прежереченыхъ не сохранимъ: да имѣемъ клятву отъ бога, въ его же вѣруемъ, въ Перуна и въ Волоса, скотья бога, и да будемъ золоти яко золото, и своимъ оружьемъ да исѣчени будемъ». Слова: «да будемъ золотя яко золото» объясняютъ такъ: «изсохнемъ, сгоримъ отъ небеснаго огня». (См. Буслаева: О вл. христ. стр. 13). Сварогъ — Перунъ въ народномъ воображеніи представлялся божествомъ воителемъ, котораго оружіе особенно было направлено противъ злыхъ духовъ: вѣроятно дѣйствію послѣднихъ приписывали сгущеніе атмосферы, прекращавшееся послѣ грозы. Такъ и теперь простолюдины, во время грозы, затворяютъ окна, опрокидываютъ сосуды, даже чайныя чашки и рюмки, увѣряя, что злые духи, гонимые молніей, стараются скрыться въ какое-нибудь отверстіе. Такъ точно воителемъ представляется Индѣйскій Индра громовержецъ, низносылающій дождь на землю; воюетъ онъ противъ злыхъ духовъ, которые небесную воду скрываютъ въ густыхъ облакахъ; Индра разсѣкаетъ эти черныя облака и такимъ образомъ спускаетъ дождь. Касательно происхожденія слова: *Перунъ*, замѣчаютъ, что Литовскій глаголъ perieti означаетъ: производить посредствомъ теплоты, рождать. Отъ Санскритскаго корня *par* произошли у Славянъ двѣ формы: дѣйствительная *Перунъ*, и страдательная *паренъ*, рожденный, сынъ.—Записка Микуцкаго въ Извѣстіяхъ II Отдѣл. Академіи, листъ 7.

[1]) Въ приведенномъ выше мѣстѣ Ипатьевскаго списка лѣтописи читаемъ далѣе: «И по семъ (т. е. по Сварогѣ) царствова сынъ его, именемъ Солнце, его же наречють Дажьбогъ... Солнце царь сынъ Свароговъ, иже есть Дажьбогъ». Братомъ Солнца, сыномъ Свароговымъ, называется также и огонь: «Огневи молятъся, зовуть его Сварожичемъ». (*Востокова:* Описаніе Румянцовскаго Музеи. 228).

бовь, радость, всего приличнѣе можетъ относиться къ солнцу [1]); другой припѣвъ: Люль, Лель означаетъ также дѣда [2]). Кромѣ названій Ладо и Дажбога къ солнцу же не безъ основанія относятся имена Хорса [3]), Сура или Тура, Волоса [4]). — Вмѣстѣ съ солнцемъ обоготворялись мѣсяцъ и звѣзды, находившіеся къ солнцу, какъ видно, въ родственныхъ отношеніяхъ; обоготворялись также вода и воздухъ [5]).

---

[1]) Очень естественно, имя *Лада* и *Лады* давалось также супругамъ, которыхъ небесная чета—Ладо и Лада (солнце и луна) были первообразомъ; употребляется же ласкательное: *мой свѣтъ!*

[2]) По-Древански *дѣдъ* lgōlga, т. е. *ljolja*; отсюда Богъ называется nos lgolga, т. е. нашъ дѣдъ. На значеніе солнца, какъ отца народа, указываетъ извѣстная пѣсня:

Солнышко, солнышко,	Твои дѣтки плачутъ,
Выгляни въ окошечко,	Пить, ѣсть просятъ.

По-Литовски *didio* или *didelis*, по-Латышски *lels* значитъ великій. Кромѣ божества эпитетомъ *великій* вѣроятно означался и родоначальникъ; съ Литовскимъ didis и Латышскимъ lels совпадаютъ Славянскія слова: дѣдъ, дядя, *леля*; у Полабцевъ отецъ, *лѣла* по-Церковно-славянски тетка. — Записка *Микуцкаго* въ Извѣстіяхъ II Отдѣленія Академіи, листъ 7. У Арійцевъ Солнце (Surja) представляется также какъ производитель и питатель людей.

[3]) О тождествѣ Хорса и Дажбога см. статью *О. Бодянскаго* въ Чтен. Моск. Ист. Общ. 1846, № 2.

[4]) См. статью профессора *Срезневскаго* — объ обожаніи Солнца у Древнихъ Славянъ (Жур. Мин. Нар. Просвѣщ. 1846, 51). — *Волосъ* первоначально могъ быть божествомъ солнца, но какъ объяснить, что онъ является подлѣ двухъ именъ божествъ солнца (Хорса и Дажбога), съ совершенно особымъ характеромъ, какъ скотій богъ въ противуположность Перуну, богу людей? Намъ кажется, что Волосъ принялъ преимущественно характеръ скотьяго бога, потерявъ значеніе солнца, въ слѣдствіе Финскаго вліянія: у Финновъ есть божество, которое считается господиномъ надъ животнымъ царствомъ, кромѣ человѣка; это божество носитъ общее имя *Сторъ* — юнкара, что значитъ Великій господинъ; Самоѣды и теперь боятся называть свое верховное божество его настоящимъ именемъ (Num, Nom, Nap), и охотнѣе употребляютъ эпитетъ *Jileumbaerje*, т. е. хранитель скота. У Финновъ животное пользовалось особеннымъ уваженіемъ, какого не замѣчаемъ у Славянъ и другихъ Европейскихъ народовъ, слѣд. у Финновъ скорѣе могло образоваться понятіе объ особомъ божествѣ для скотовъ. Замѣтимъ также, что св. Аврамій разрушилъ кумиръ Велесовъ на Финскомъ сѣверѣ, въ Ростовѣ; св. Власій, смѣнившій въ народныхъ понятіяхъ Волоса, особенно почитается теперь на Финскомъ же сѣверѣ (*Снегирева:* Р. простонар. праздники. III, 156); наконецъ, въ Словѣ о Полку Игоревѣ мы находимъ, что пѣвецъ Боянъ называется Волосовымъ внукомъ, изъ чего можно заключить, что пѣвцы находились подъ особеннымъ покровительствомъ этого божества; здѣсь замѣтимъ, что по-Фински *runa* значитъ и пѣснь и письмо, и матерія, и символъ, что *витія* въ нашемъ древнемъ языкѣ значитъ пѣснотворецъ; *витьство* употреблялось въ смыслѣ колдовства (Буслаева: — О вліяніи христ. 172 и слѣд.), колдовствомъ же особенно отличались Финны.

[5]) См. *Кеппена:* — Библіогр. листы, № 7, стр. 88. Кромѣ Перуна и Хорса — Дажбога, въ Кіевѣ, во времена Владиміра, стояли кумиры Стрибога, Симарглы

Если Славяне поклонялись явлевіямъ природы, то легко догадаться, при какихъ случаяхъ, въ какое время года будутъ они торжествовать свои религіозные праздники. Такъ напр. они праздновали въ ковцѣ Декабря, когда солвце пачинаетъ брать силу, дни пачинаютъ прибывать; этотъ праздникъ, совпадающій теперь съ праздникомъ Рождества Христова, носитъ преимущественно названіе *Коляды;* существенный обрядъ праздника состоитъ въ хожденін славить (божество), и сбирать подаяніе; какъ видно, во времена языческія, приношевія собирались для общей жертвы [1]). Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Коляда извѣстна подъ названіемъ Авсеня или Таусеня, что можно принимать измѣневнымъ *Ясень*, также, по всѣмъ вѣроятностямъ, имя солнца [2]). Второй праздникъ торжествовался въ началѣ весны, но такъ какъ это время приходится въ Великій постъ, то, по принятіи христіанства, празднованіе перевесено на конецъ Рождественскаго мясоѣда, и отчасти на Свѣтлое Воскресенье. Итакъ маслявица есть языческій весенвій праздникъ [3]).

(Сима и Регла) и Мокоша. О первомъ, какъ богѣ вѣтровъ, можно заключить изъ Слова о Полку Игоревѣ, гдѣ вѣтры называются Стрибоговыми внуками; объ остальныхъ же двухъ мы, въ настоящее время, не можемъ предложить ничего вѣрнаго. По мнѣнію покойнаго (профессора) Прейса (см. донесеніе его г. Министру Народнаго Просвѣщенія изъ Праги, отъ 26 декабря, 1840, Ж. М. Н. Пр. 1841, часть XXIX), чтеніе Сема (Сима) и Регла должно быть предпочтено чтенію Симарглы; Сима и Регла Прейсъ считаетъ за одно съ Ассирійскими божествами *Εργελ* и *Ασιμαϑ*, какъ они читаются въ Библіи (кн. Царствъ IV, 17, 30). Симъ оказывается божествомъ огня. Мокошъ считаетъ Прейсъ божествомъ женскаго рода, Астартою, при чемъ указываетъ на древнее слово *мокачный*, употребленное нѣсколько разъ у *Данiила Паломника* (Русскаго писателя XII вѣка).

[1]) Это видно изъ того, что въ Хорутанскомъ нарѣчіи *колдовати* (колядовати) до сихъ поръ значитъ приносить жертву, *калдовавецъ*—жрецъ, *калдовница*—жертвенникъ (см. брошюру *Срезневскаго*: Святилища и обряды языческаго богослуженія древ. Славянъ, стр. 66). Во время коляды на столъ кладутъ рукоять плуга, для того, чтобы мыши и кроты не портили нивы; этимъ обрядомъ объясняется странное преданіе о *плугѣ:* въ навечеріи Богоявленія кликали *плугу*. Сообщ. профессоръ *Буслаевъ*.

[2]) Изъ пѣсенъ *Колядныхъ* замѣчательна слѣдующая:

Уродилась коляда
Накануне Рождества
За рѣкою за быстрою.
Въ тѣхъ мѣстахъ огни горятъ,
Огни горятъ великіе;
Вокругъ огней скамьи стоятъ,
Скамьи стоятъ дубовыя;
На тѣхъ скамьяхъ добры молодцы,
Добры молодцы, красны дѣвицы,
Поютъ пѣсни коледушки;
Въ срединѣ ихъ старикъ сидитъ,
Онъ точитъ свой булатный ножъ,
Возлѣ котла козелъ стоитъ:
Хотятъ козла зарѣзати.

Другія Колядскія пѣсни напечатаны во II т. нашей Хрестоматіи, изд. 2-е, стр. 8—11.

[3]) На отношеніе масляницы къ солнцу указываетъ слѣдующее обыкновеніе: на огромныхъ саняхъ возятъ наряженнаго мужика, который сидитъ на колесѣ

Встрѣча весны и проводы зимы празднуются у всѣхъ Славянскихъ народовъ почти съ одинакими обрядами: употребляется заклинаніе весны съ разными привѣтами; въ Малороссіи и у западныхъ Славянъ зима или смерть олицетворяется въ образѣ женщины, подъ именемъ Мары, Мараны, Марены, чучелу которой сожигаютъ. Весну встрѣчаютъ обыкновенно на *Красной Горкѣ*. Тутъ начинаются хороводы или короводы, религіозное значеніе которыхъ и отношеніе къ солнцу не подлежитъ сомнѣнію.

Третій праздникъ имѣетъ мѣсто 23 іюня, и извѣстенъ подъ именемъ Ивана *Купалы*, потому что происходитъ на Ивановъ день. Этотъ праздникъ, какъ и два упомянутые выше, есть общій не только всѣмъ Славянскимъ, но и многимъ чужеплеменнымъ народамъ [1]). Хотя по обрядамъ праздника можно догадываться, что онъ относился къ тремъ стихійнымъ божествамъ — обоимъ Сварожичамъ, солнцу и огню и водѣ; однако можно относить его и къ одному солнцу. Естественно могло произойти вѣрованіе, что солнце, дающее силу растеніямъ, особенно даетъ её, когда само достигаетъ высшей силы; это вѣрованіе должно было повести къ обычаю собирать травы въ лѣтній праздникъ солнца, и приписывать имъ чудодѣйственную силу. Съ другой стороны, солнце, производя сильное вліяніе на все существующее, должно было производить его и на воду; отсюда вѣра въ цѣлительность купанья во время лѣтняго солнцестоянія. Наконецъ зажиганіе костровъ было необходимо для всякаго ночнаго собранія, ночныхъ игръ, было необходимо также и для жертвоприношеній; прыганіе же черезъ зажженные костры имѣло значеніе очищенія. Вотъ почему ночь на Ивановъ день сопровождается: 1) собираніемъ травъ, 2) купаніемъ, 3) зажиганіемъ костровъ и прыганіемъ чрезъ нихъ. Естественно также, и потому обще не однимъ только Славянскимъ народамъ, принесеніе въ жертву, сожженіе *бѣлаго* пѣтуха, птицы привѣтствующей разсвѣтъ, угодной солнцу. Ночь Купалы исполнена, по мнѣнію простолюди-

---

наверху столба, утвержденнаго посреди саней (см. *Снегирева:* Русск. простонародные праздники. II, 127, 128); колесо же было у языческихъ народовъ изображеніемъ солнца; притомъ на сѣверѣ во время масляницы поютъ также коляду, что указываетъ на отношеніе масляницы къ зимнему празднику солнца.

[1]) Что касается названія *Купалы*, то проф. (Москов. универс.) Буслаевъ сообщилъ намъ слѣдующее словопроизводство: «Корень *куп* имѣетъ значеніе бѣлаго, яраго, откуда *купавый* — бѣлый. Какъ ярый соединяетъ въ себѣ понятіе бѣлаго и кипучаго: такъ и при купалѣ оказывается глаголъ кыпѣти, кыпати (звуки *у* и *ы* чередуются). Какъ со смысломъ яраго соединяется понятіе желанія; такъ и при нашемъ кыпѣти находимъ Латинское *cupio;* наконецъ какъ буй, ярый — дикій, переходитъ въ значеніе неукротимаго, грознаго, бѣшенаго, гнѣвнаго, такъ и *сир* въ Санскритѣ имѣетъ значеніе: яриться, злиться; кромѣ того *сир* въ Санскритѣ имѣетъ значеніе: блистать.

новъ, чародѣйныхъ явленій: рыбаки увѣряютъ, что поверхность рѣки бываетъ тогда подернута серебристымъ блескомъ; деревья переходятъ съ мѣста на мѣсто, и шумомъ вѣтвей разговариваютъ между собою; утверждаютъ еще, что кто имѣетъ при себѣ папоротникъ, тотъ можетъ понимать языкъ каждаго творенія, можетъ видѣть, какъ сходятся дубы и составляютъ свою бесѣду, можетъ слышать, какъ разговариваютъ они про богатырскіе свои подвиги. Въ Ивановъ день солнце выѣзжаетъ изъ своего чертога на трехъ коняхъ—серебряномъ, золотомъ и брилліантовомъ, на встрѣчу своему супругу, мѣсяцу; въ проѣздъ свой оно пляшетъ, и разсыпаетъ по небу огненныя искры [1]). И въ лѣтній праздникъ повторяется обрядъ истребленія чучелы Мары — холода, смерти: её топятъ въ водѣ.

Разсмотрѣвъ поклоненія стихійнымъ божествамъ, теперь обратимся къ другой половинѣ Славянской миѳологіи, именно къ поклоненію геніямъ и душамъ усопшихъ. При вѣрѣ въ загробную жизнь, естественно было придти къ тому мнѣнію, что душа умершаго родоначальника и по смерти блюдетъ за благосостояніемъ рода: отсюда происхожденіе духовъ покровителей для цѣлаго рода и каждаго родича — *рода* и *рожаницъ* [2]). Что подъ именемъ рода разумѣ-

---

[1]) *Терещенко:* Бытъ Русскаго Народа. Т. V, стр. 79. Это замѣчательное сочиненіе Терещенки, на которое ссылается проф. Соловьевъ, состоитъ изъ *семи* частей. Въ *первой* находятся слѣд. статьи: народность, жилища, домоводство, нарядъ, образъ жизни и музыка. Во *второй* описываются свадьбы въ древности и въ нынѣшнее время въ разныхъ губерніяхъ. Въ *третьей* заключается: времясчисленіе, крещеніе, похороны, поминки и Дмитревская суббота. Въ *четвертой:* игры дѣтскія, хороводы. Въ *пятой:* первое марта, встрѣча весны, красная горка, радуница, кукушка, Купало, Ярило, обжинки, бабье лѣто и братчины. Въ *шестой* описываются обрядные праздники разнымъ святымъ, недѣля Вай, Пасха, Русальная недѣля, Семикъ, Троицынъ день, Первое апрѣля и первое мая. Въ *седьмой*—Святки и Масляница.

[2]) *«Молятся роду и рожаницамъ...»*—«беззаконная трапеза, мнимая роду и рожаницамъ», читаемъ въ древнихъ христіанскихъ поученіяхъ (*Востокова:* Опис. Румянцевскаго Муз. № CLXXXI). Хорутане вѣрятъ, что всякій человѣкъ, какъ только родится, получаетъ въ небѣ свою звѣзду, а на землѣ свою рожаницу. Важное мѣсто о родѣ и рожаницахъ найдено профессоромъ *Шевыревымъ* въ одномъ сборникѣ въ библіотекѣ Кириллова монастыря. (См. брошюру «Поѣздка въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь». 11, 33): «Оттуда же ізвыкоша елени класти требы, артемиду і артемидѣ. рекше роду і рожаницѣ. таціи же егуптяне. Тако і до Словѣнъ доіде се слово і ти начаша требы класти. роду и роженицамъ преже Перуна бога ихъ. а переже того клали требу упиремъ и берегинямъ». Изъ этого извѣстія видимъ, что поклоненіе роду и рожаницамъ смѣнило поклоненіе Упырямъ и Берегинямъ; перемѣнилось названіе, значеніе осталось одно и то же: *Упырь* соотвѣтствуетъ роду, *Берегиня* — рожаницѣ; но извѣстно, что Упырь есть мертвецъ. Изъ этого же извѣстія видно, что треба, покормъ, жертва преимущественно назначалась для душъ умершихъ людей, и что отъ обычая покорма Упырямъ и Береги-

лась душа умершаго родоначальника, доказываетъ во-первыхъ связь съ упыремъ, а во-вторыхъ извѣстіе, что подъ именемъ рода послѣ разумѣли духъ, привидѣніе, которымъ стращали дѣтей; характеръ же привидѣнія обыкновенно принимаютъ души умершихъ и божества, тѣсно съ нимъ связанныя [1]). Въ значеніи рода божества — покровителя, является щуръ, дѣдъ, прадѣдъ, что ясно изъ употребительнаго *пращуръ;* щуръ предполагаетъ форму *чуръ*, подъ которымъ именемъ собственно и извѣстно божество, охраняющее родъ, домъ. Это божество призывается и теперь безсознательно въ опасностяхъ, особенно, когда простолюдинъ думаетъ, что онъ подверженъ злобѣ духовъ: «Чуръ меня! Чуръ меня»! говоритъ онъ тогда. Можно положить, что Чуръ и Родъ одно и то же; можно думать также, что съ упадкомъ родоваго быта и съ успѣхомъ христіанства на счетъ язычества, Родъ или Чуръ перешелъ въ Домоваго [2]).

Младенствующій народъ не могъ понимать духовнаго существованія за гробомъ, и представлялъ души праотцевъ доступными для всѣхъ ощущеній этого бѣлаго свѣта; думали, что зима есть время ночи, мрака для душъ усопшихъ; но какъ скоро весна начинаетъ смѣнять зиму, то прекращается и ночной путь для душъ, которыя поднимаются къ небесному свѣту, возстаютъ къ новой жизни. Это мнѣніе естественно проистекало изъ поклоненія природнымъ божествамъ—солнцу, лунѣ и проч., которыхъ вліяніе должно было простираться на весь міръ, видимый и невидимый [3]). Въ первый празд-

---

нимъ уже перешли къ жертвѣ Перуну. — «И бабы каши варятъ на собраніе рожаницамъ». Сборникъ Рум. Муз. № CCCLXXIV.

[1]) Дѣти бѣгаютъ рода.

[2]) См. мою статью въ 1-й кн. Архива, изд. *Калачовымъ;* тамъ же подробнѣе о Домовомъ, изслѣдованіе гг. *Буслаева* и *Афанасьева*. Къ доказательствамъ связи между домовымъ и душею усопшаго предка прибавимъ, что домовой въ видѣ Бадняка является у южныхъ Славянъ въ домъ вечеромъ 24 Декабря, когда въ первый праздникъ новорожденнаго солнца мертвые уже вставали изъ гробовъ. Для сравненія и объясненія приведемъ Финикійскую генеалогію Санхоніатона: отъ Вѣтра и жены его Ночи произошли *Αἰών καὶ Πρωτόγονος*, первые смертные люди, а отъ нихъ родъ и рожаница—*γένος καὶ γένεα*, которые населили Финикію. Ясно слѣд., что родъ и рожаница у Финикіянъ были предки, первая чета, отъ которой пошло племя. У насъ при раздробленіи родовъ и при особности каждаго, каждый *родъ* имѣлъ и чтилъ своего особаго рода и рожаницу или рожаницъ, потому что у каждаго родоначальника было по нѣскольку женъ; потомъ, при полнѣйшемъ дробленіи родовъ, при образованіи семей, домовъ, *родъ* перешелъ естественно въ *домоваго*. Колѣно значитъ родъ, племя, и старшій въ семьѣ, что вполнѣ объясняетъ таковое же значеніе рода. Опытъ Областнаго Словаря, (изданіе Академіи Наукъ), стр. 88.

[3]) На это указываетъ слѣд. причитаніе: «Ужь ты, солнце, солнце, ясное! ты взойди, взойди съ полуночи, ты освѣти свѣтомъ радостнымъ всѣ могилушки; чтобы нашимъ покойничкамъ не во тмѣ сидѣть, не съ бѣдой горевать, не съ тоской вѣковать. Ужь ты, мѣсяцъ, мѣсяцъ, ясный! ты взойди, взойди съ вечера, ты освѣти

никъ новорожденнаго солнца, въ первую зимнюю Коляду, мертвые уже вставали изъ гробовъ и устрашали живыхъ: отсюда и теперь время святокъ считается временемъ странствованія духовъ. Масляница, весенній праздникъ солнца, есть вмѣстѣ и поминовенная недѣля, на что прямо указываетъ употребленіе блиновъ, поминовеннаго кушанья [1]). Съ древней Масляницы, т. е. съ начала весны живые здороваются съ усопшими, посѣщаютъ ихъ могилы, и праздникъ *Красной Горки* соединяется съ *Радуницею*, праздникомъ свѣта, солнца для умершихъ [2]); думаютъ, что души покойниковъ встаютъ тогда, во время поминовенія изъ темницъ (гробовъ), и раздѣляютъ поминовенную пищу вмѣстѣ съ принесшими [3]).

Въ непосредственной связи съ вѣрованіемъ, что весною души умершихъ встаютъ для наслажденія новою жизнію природы, находится праздникъ Русалокъ или русальная недѣля. *Русалки* вовсе не суть рѣчныя или какія бы то ни было нимфы; имя ихъ не происходитъ отъ русла, но отъ *русый* (свѣтлый, ясный [4]); русалки суть не иное что, какъ души умершихъ, выходящія весною насладиться оживленною природою. Народъ теперь вѣритъ, что русалки суть души младенцевъ, умершихъ безъ крещенія [5]); но когда всѣ

свѣтомъ радостнымъ всѣ могилушки, чтобы нашимъ покойничкамъ не крушить во тмѣ своего сердца ретиваго, не скорбѣть во тмѣ по свѣту бѣлому, не проливать во тмѣ горючихъ слезъ» и проч. См. *Сахарова:* Сказанія Русск. народа. 11, 23.

[1]) Въ старину первый блинъ отдавался нищимъ на поминъ усопшимъ. Въ степныхъ селеніяхъ первый блинъ кладутъ на слуховое окно для душъ родительскихъ, при чемъ приговариваютъ: «Честные наши родители! вотъ для вашей душки блинокъ». (*Снигирева*: II, 120; Сахарова: II, 72). Обряды, какіе наблюдаютъ въ приготовленіи блиновъ, указываютъ на религіозное значеніе этого кушанья: выходятъ вечеромъ готовить опару на рѣчки, колодези и озера, когда появятся звѣзды; приготовленіе первой опары содержится въ величайшей тайнѣ отъ всѣхъ домашнихъ и постороннихъ; призывается мѣсяцъ выглянуть въ окно и подуть на опару. У Арійцевъ роды имѣли священную обязанность предлагать трапезы своимъ мертвецамъ по крайней мѣрѣ въ каждое новомѣсячіе.

[2]) Литовское *Rauda* погребальная пѣсня. Праздникъ поминовенія усопшихъ по-Литовски — *Chautury*; слово *хавтура* осталось у насъ до сихъ поръ съ тѣмъ же значеніемъ.

[3]) Зарываютъ красныя яйца въ выкопанныя надъ могилой ямки; въ Бѣлоруссіи на могилѣ, политой медомъ и водой, раскладываютъ кушанья и привѣтствуютъ покойниковъ: «Святые радзицели! хадзице къ намъ хлѣба и соли кушать». Ср. Полн. Собр. Р. Л. II, 104: «Михалка князи (Юрьевича) ударяша ратніи двѣма копьи въ стегно, а третьимъ въ руку, но Богъ молитвою отца его избави отъ смерти». Князь Юрій Долгорукій никогда не былъ причтенъ церковью къ лику святыхъ. У другихъ народовъ то же: въ «Indiculus superstitionum et paganiarum ad concilium Liptinense» читаемъ объ обычаѣ считать всѣхъ умершихъ святыми. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ до сихъ поръ называютъ прадѣда праведникомъ. Этногр. Сбор. I, 178, 290.

[4]) *Буслаева:* О вліяніи христіанства на Слав. яз. стр. 15, 20.

[5]) *Мура* у Славянскаго народонаселенія Турецкой Имперіи есть душа мла-

Славяне умирали безъ крещенія, то души ихъ всѣхъ должны были становиться русалками? Русалки появляются съ Страстнаго четверга (когда встарину, по Стоглаву, по-рану солому палили и *кликали мертвыхъ*), какъ только покроются луга весенней водой, распустятся вербы. Если онѣ и представляются прекрасными, то всегда однако носятъ на себѣ отпечатокъ безжизненности, блѣдности. Огни, выходящіе изъ могилъ, суть огни русалокъ; онѣ бѣгаютъ по полямъ приговаривая: «Бухъ! бухъ! соломенный духъ. Мене мати породила, некрещену положила». Русалки до Троицына дня живутъ въ водахъ: на берега выходятъ только поиграть. У всѣхъ языческихъ народовъ путь водный считался проводникомъ въ подземное царство и изъ него назадъ, поэтому и русалки являются изъ воды, живутъ сперва въ рѣкахъ, и показываются при колодцахъ [1]). Съ Троицына дня до Петрова поста русалки живутъ на землѣ, въ лѣсахъ, на деревьяхъ, любимомъ пребываніи душъ по смерти [2]). Русальныя игры суть игры въ честь мертвыхъ, на что указываетъ пе-

---

денца, умершаго безъ крещенія или безъ обрѣзанія. См. статью *Княжескаго:* Болгарскія повѣрья, въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1846 года.

[1]) Въ Новгородѣ-Сѣверскомъ есть уважаемый народомъ родникъ *Заручайская Криница*, или Сухомлянская, иначе родникъ Ярославовъ, впадающій въ Десну: на срубѣ этой криницы, на разсвѣтѣ, въ зеленую недѣлю, по народному повѣрью, сидятъ *Криницы*, прекрасныя дѣвушки съ русыми волосами, которые онѣ разчесываютъ. (*Снегирева:* Русск. простонародные праздники. 1, 172). Касательно связи душъ усопшихъ съ водою въ языческихъ вѣрованіяхъ Славянъ очень важны замѣчанія *Ходаковскаго* (см. Русск. Историч. Сборн. т. 191, стр. 370 и слѣд.). Авторъ, говоря о сопкахъ или древнихъ могилахъ, замѣчаетъ: «Сколько я могъ видѣть оныхъ, всѣ насыпаны по берегамъ рѣкъ, рѣчекъ и озеръ, и даже параллельно по излучинамъ и изгибамъ оныхъ. Въ поляхъ, удаленныхъ отъ воды, нигдѣ не случалось мнѣ замѣтить оныхъ. Можетъ быть причиною тому, что первѣйшія осѣдлости были только на порѣчьяхъ и на озерахъ; во-вторыхъ, что совершеніе похоронныхъ обрядовъ не могло обойтись тогда безъ воды, которая по такому жъ случаю была потребна въ Доростолѣ Святославу Игоревичу, и которая служитъ путемъ для усопшихъ въ вѣчное обиталище, по мнѣнію, сохранявшемуся въ разныхъ странахъ Славянскихъ у простаго народа». Тамъ же читаемъ: «въ южной Руси праздникъ: *Навьскій* день заключается тѣмъ, что бросаютъ на воду шелуху отъ крашеныхъ яицъ для донесенія покойнымъ о торжествѣ св. Пасхи». Въ связи замѣтимъ, что въ народѣ есть мнѣніе, будто не надобно оставлять въ цѣлости яичной скорлупы: иначе русалки сдѣлаютъ изъ нея себѣ лодки и будутъ плавать на зло людямъ. Вспомнимъ о приготовленіи блинной опары у воды. Въ сказкѣ о трехъ побратимахъ говорится о русалкѣ, которая живетъ на томъ особенномъ свѣтѣ, куда путь или через широкое море, или чрезъ нору сквозь землю. Русская Бесѣда (журналъ). III, Смѣсь, стр. 100. Днемъ, посвященнымъ памяти усопшихъ, какъ видно, была пятница. См. Этногр. Сборн. I, 215. Отсюда новыя повѣрья относительно пятницы, стр. 326.

[2]) Въ житіи Муромскаго князя Константина читаемъ (*Карамзинъ:* примѣч. 236): «Кони закалающе, и по мертвыхъ ременныя плетенія древолазная съ ними въ землю погребающе».

ряживаніе, маски,—обрядъ, который не у однихъ Славянъ былъ необходимъ при праздникѣ тѣнямъ умершихъ: человѣку свойственно представлять себѣ мертвеца чѣмъ-то страшнымъ, безобразнымъ, свойственно думать, что особенно души злыхъ людей превращаются въ страшныя безобразныя существа для того, чтобы пугать и дѣлать зло живымъ. Отсюда естественный переходъ къ вѣрованію въ переселеніе душъ и въ оборотней; если душа по смерти можетъ принимать различные образы, то, силою чародѣйства, она можетъ на время оставлять тѣло, и принимать ту или другую форму [1]). Есть извѣстіе, что у Чеховъ на перекресткахъ совершались игрища въ честь мертвыхъ съ переряживаніемъ. Это извѣстіе объясняется обычаемъ нашихъ восточныхъ Славянъ, которые, по лѣтописи, ставили сосуды съ прахомъ мертвецовъ на распутіяхъ, перекресткахъ; отсюда до сихъ поръ въ народѣ суевѣрный страхъ передъ перекрестками, — мнѣніе, что здѣсь собирается нечистая сила.

У Русскихъ Славянъ главнымъ праздникомъ Русалокъ былъ *Семикъ*, великъ-день Русалокъ; въ это время, при концѣ весны, совершались проводы послѣднихъ [2]). Конецъ русальной недѣли, Троицынъ день, былъ окончательнымъ праздникомъ русалокъ: въ этотъ день русалки уже падаютъ съ деревьевъ, перестаетъ для нихъ пора весеннихъ наслажденій [3]). Въ первый понедѣльникъ Петрова поста бывало въ нѣкоторыхъ мѣстахъ игрище — провожанье русалокъ въ могилы [4]). Въ тѣсной связи съ русалками находятся водяные дѣ-

---

[1]) «Се же есть первое, тѣло свое хранитъ мертво, и летаетъ орломъ и ястребомъ, и ворономъ, и дятломъ, рыщутъ лютымъ звѣремъ и вепремъ дикимъ, волкомъ, летаютъ зміемъ, рыщутъ рысію и медвѣдемъ». *Калайдовича*: Іоаннъ Ексархъ Болгарскій. с. 211.

[2]) Мы упоминали уже о томъ, что масляница была также праздникомъ въ честь умершихъ; доказательствомъ этому, кромѣ употребленія блиновъ, служитъ еще связь семика съ масляницей, связь, сохранившаяся у народа: Семикъ считается пріятелемъ масляницы; на лубочныхъ картинахъ онъ принимаетъ ее и величаетъ. Очень вѣроятно, что до христіанства радуница соединялась съ масляницей. Въ семикъ погребали и поминали убогихъ; изъ *Стоглава* (вопросъ 23) видно, что въ Троицкую субботу (на русальной недѣлѣ) по селамъ и погостамъ сходились мужи и жены на жальникахъ и плакались по гробамъ съ великимъ кричаньемъ: «и егда учнутъ скоморохи, и гудцы, и прегудницы играти, они же отъ плача преставше, начнутъ скакати и плясати и въ ладони бити». Битье въ ладони есть обычай русалокъ.

[3]) Пѣсни говоритъ:

«Русалочки, земляночки
На дубъ лѣзли, кору грызли,
Свалилися, забилися».

Здѣсь важно выраженіе *земляночки*, указывающее на русалокъ, какъ на жительницъ земныхъ нѣдръ.

[4]) «Женщины снаряжали изъ соломы два чучела, въ видѣ женщинъ. Вечеромъ

душки, лѣшіе, кикиморы и проч. Мертвецы были извѣстны еще подъ именемъ *навья*, и представлялись въ видѣ существъ малорослыхъ, карликовъ (людки) [1]).

Вотъ главныя, первоначальныя черты вѣрованій восточныхъ Славянъ. (I томъ, II глава). *С. Соловьевъ.*

Примѣч.—«Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ», сочиненіе профессора Р. Исторіи въ Москов. университетѣ, представляетъ собою новое движеніе въ разработкѣ отечественной исторіи. Соловьевъ отнесся къ своей задачѣ совсѣмъ иначе, нежели Карамзинъ. Внутренній бытъ народа и государства, объясненіе фактовъ изъ внутреннихъ причинъ — вотъ исходное начало труда Соловьева. Свой взглядъ на исторію профессоръ высказываетъ въ предисловіи къ I тому своего сочиненія: «Не дѣлить, не дробить Р. Исторію на отдѣльныя части, періоды, но соединять ихъ; слѣдить преимущественно за связью явленій, за непосредственнымъ преемствомъ формъ, не раздѣлять началъ, но разсматривать ихъ во взаимодѣйствіи, стараться объяснять каждое явленіе изъ внутреннихъ причинъ, прежде чѣмъ выдѣлить его изъ общей связи событій и подчинить внутреннему вліянію—вотъ обязанность историка въ настоящее время, какъ понимаетъ ее авторъ предлагаемаго труда». Предложенная въ Хрестоматіи статья «Религія Восточныхъ Славянъ» ясно показываетъ, какъ историкъ смотритъ на явленія религіозныя: онъ объясняетъ ихъ смыслъ, останавливаетъ вниманіе на внутреннихъ причинахъ того или другаго вѣрованія. Статьи «Куликовская битва», «Митрополитъ Филиппъ», напечатанныя въ Хрестоматіи, служатъ подтвержденіемъ того же взгляда профессора: событіе и лице разсматриваются со стороны ихъ смысла, идеи, значенія. Если бы мы прочли всѣ *восемнадцать* [2]) томовъ «Исторіи» Солов-

выходили женщины и дѣвицы на улицу, раздѣлялись на двѣ половины, и тихими хороводами приближались къ концу улицъ. Здѣсь распѣвались поперемѣнно хороводныя пѣсни. Во время пѣнія хороводница съ чучелою плясала. Послѣ пѣсенъ игроки сближались. Здѣсь открывалась война. Соломенную чучелу, русалку, дѣвицы принимали на свои руки для защиты, а женщины, стоя кругомъ ихъ, нападали на другой хороводъ, или защищались сами отъ нападенія. Бойцы изъ улицы переселялись на поле, гдѣ оканчивалось побоище растерзаніемъ чучелъ и разбрасываніемъ соломы по полю. Въ это время дѣвицы причитывали похоронныя завыванія, а отчаянныя, распустивъ косы, припадали къ землѣ, какъ бы къ могиламъ». Сахар. II, 94.

[1]) Подъ 1092 годомъ въ лѣтописи: «Предивно бысть Полотьскѣ: въ мечтѣ ны бываше въ нощи тутънъ, стоняше по улици, яко человѣци рищюще бѣси; аще кто вылѣзаше изъ хоромины, хотя видѣти, абье уязвенъ бударе невидимо отъ бѣсовъ язвою, и съ того умираху, и не смяху излазити изъ хоромъ. По семь же начаша въ дне являтися на конихъ, и не бѣ ихъ видѣти самѣхъ, но конь ихъ видѣти копыта; и тако уязвляху люди Полотьскыя и его область; тѣмъ и человѣци глаголаху: яко навье бьютъ Полочаны». Изъ послѣднихъ словъ видно, что въ понятіяхъ народа злые духи, бѣсы, преимущественно представлялись мертвецами.—О связи мертвеца съ карликомъ, навья nârnaian см. у *Буслаева* «О вліян. христ.» стр. 64. Изъ этого сближенія словъ мы видимъ, что духи въ видѣ карлвковъ, Славянскіе людки, были не иное что, какъ души умершихъ; это представленіе, что души умершихъ имѣютъ форму человѣка, только въ уменьшенномъ видѣ, осталось до сихъ поръ въ живописи.

[2]) Послѣдніе томы — о временахъ Петра Великаго.

ева, мы все убѣждались бы въ одной и той же идеѣ: на первомъ планѣ у профессора—смыслъ, внутреннее значеніе факта, а не внѣшняя его сторона. Явленія первоначальной жизни Р. народа историкъ объясняетъ родовымъ бытомъ, дальнѣйшія событія въ исторіи — единовластіемъ, стремленіемъ къ нему, или удаленіемъ отъ него. Загадочный характеръ Грознаго авторъ мастерски объяснилъ даннымъ ему превратнымъ воспитаніемъ и боярскими притязаніями, имѣющими цѣлію ослабить развитіе единовластія и т. д. [1]). Поставивъ во главѣ угла изображеніе внутренняго быта Россіи и указаніе смысла тѣхъ или другихъ явленій жизни, Соловьевъ обратилъ особенное вниманіе на очерки литературы извѣстнаго періода. Литературные памятники авторъ разсматриваетъ съ удивительною добросовѣстностію, полнымъ знаніемъ дѣла и рѣдкимъ критическимъ анализомъ. Подъ перомъ Соловьева литература, дѣйствительно, дѣлается выраженіемъ эпохи, ея печатію. Вездѣ историкъ занимателенъ, когда обозрѣваетъ памятники литературные того или другаго періода,—но особенно достоинъ изученія тамъ, гдѣ разбираетъ памятники слова, относящіеся къ эпохѣ Грознаго [2]). Читая такія блестящія характеристики литературныхъ памятниковъ, которыя представляетъ «Исторія» Соловьева въ разныхъ томахъ, и на которыя критика не обратила должнаго вниманія, мы пришли къ убѣжденію, что профессоръ могъ бы написать прекрасный курсъ исторіи Древней Р. литературы, въ которомъ мы сильно нуждаемся, отсутствіе котораго составляетъ вопіющій недостатокъ въ нашей педагогикѣ. Мы рѣшаемся сказать даже болѣе рѣзкую правду: если бы Соловьевъ извлекъ изъ своей «Исторіи Россіи» только очерки литературы въ разныя эпохи и выдалъ ихъ особою книгою, въ томъ самомъ видѣ какъ они напечатаны,—то и тогда это руководство было бы по-истинѣ классическимъ, т. е. самымъ лучшимъ, самымъ совершеннымъ изъ всѣхъ, которыя теперь въ ходу... Самое изложеніе и языкъ «Исторіи Россіи» весьма оригинальны и замѣчательны. Изложеніе весьма простое, всякому мало-мальски образованному человѣку понятное; рѣчь походитъ на разговорную; языкъ разнообразенъ до возможной степени. Каждая эпоха у Соловьева говоритъ своимъ языкомъ. Онъ такъ мастерски умѣетъ вставлять въ свой разсказъ слова, обороты и цѣлыя статьи, что вѣкъ какъ будто говоритъ самъ за себя,—ты видишь его лицемъ къ лицу. Языкъ XI — XII столѣтія и языкъ XVIII вѣка, — Петровское время,—являются въ «Исторіи» Соловьева со своею собственною физіономіею, со своими характеристическими, отличительными чертами.— Что касается до художественности, до Карамзинской живописи, — ея у Соловьева мало: она есть по мѣстамъ, — но вообще говоря—слишкомъ мало. Онъ словно пренебрегаетъ литературною обработкою слога и языка. *К. Аксаковъ*, поэтъ, лингвистъ, критикъ, историкъ, — разбирая VII томъ «Исторіи» Соловьева, говоритъ: «въ этой I главѣ VII тома трудъ историка становится иногда уже трудомъ не только не изслѣдователя, но даже и не изыскателя, а трудомъ почти что переписчика... Такимъ образомъ передъ нами является какъ бы историческая Христоматія; но Христоматія можетъ годиться только для дѣтей, да и при Христоматіи все же требуется болѣе системы, нежели сколько мы находимъ здѣсь у Соловьева». (Русская Бесѣда 1858, кн. 2, ч. I, стр. 4, критика. Соч. К. С. Аксакова. Т. I). Такой рѣзкій приговоръ произнесенъ за перѣдкое отсутствіе у историка елемента художественнаго....

Темы. — Разборъ отрывка изъ «Исторіи» Соловьева: Религія Восточныхъ

[1]) См. VI т. Исторіи Россіи.
[2]) См. VII т. Исторіи Россіи.

Славянъ. — Въ чемъ состояла религія Вост. Славянъ? — Какую роль играли въ религіи явленія природы? — Смыслъ культа Перуну. — Что такое Коляда? Смыслъ этого праздника. — Что такое Масляница? Смыслъ этого праздника. — Объясненіе праздника Купалы. — Поклоненіе геніямъ и душамъ родоначальниковъ: Родъ и Рожаницы, Домовой. — Святки и Радуница. — Русалки. — Семикъ. — Какая же *главная идея* всей статьи?

Для образованія болѣе яснаго понятія о различіи между историкомъ—мыслителемъ и поэтомъ, можно, по прочтеніи предложеной статьи, назначить такую *тему: Русалка по Тургеневу и Соловьеву.*—Въ I т. нашей Христоматіи ученики найдутъ разсказъ Тургенева «Бѣжинъ Лугъ», гдѣ, между прочимъ, говорится о русалкѣ. — Сличить два повѣствованія объ одномъ и томъ же предметѣ. — Кто разсказываетъ у Тургенева о русалкѣ?—Гдѣ видѣлъ русалку Гаврила?— Что о ней говорится? Русалка хохочетъ, плачетъ, щекочетъ людей, боится креста, ищетъ сердечной связи съ людьми. — Какой ея видъ внѣшній? Она свѣтлая, серебряная, а волосы зеленые.—Находимъ ли у Соловьева что-нибудь подобное о мѣстѣ появленія русалки, ея дѣйствіяхъ, о ея внѣшнемъ видѣ?— Почему русалка боится креста? Нѣтъ ли у Соловьева объясненія этому дѣйствію?— Какое же *различіе* между историкомъ и поэтомъ? — У историка мы видимъ рядъ фактовъ о русалкѣ: дано имъ объясненіе, или нѣтъ? — У поэта тоже находимъ рядъ сказаній о русалкѣ: дано имъ объясненіе или нѣтъ? — Вообще «Бѣжинъ Лугъ» и «Религія Восточныхъ Славянъ» сходны между собою. Въ чемъ же заключается сходство и различіе?

СѢВЕРНОРУССКІЯ НАРОДОПРАВСТВА [1]).

Вѣче.

Вся автономія Великаго-Новгорода опиралась на вѣчѣ, — народномъ собраніи. По старымъ Русскимъ понятіямъ, вѣче, въ обширномъ значеніи, не было чѣмъ-нибудь опредѣленнымъ, юридическимъ; подъ этимъ названіемъ вообще разумѣлось народное сходбище; и потому вѣчемъ называлось и такое сходбище, которое съ нашей точки зрѣнія можетъ назваться законнымъ, то есть правосознательное собраніе народа, разсуждающаго о своихъ дѣлахъ, и такое, которое выдѣляется изъ прочей массы народа, кружокъ, иногда и въ противорѣчіи съ общею волею народа — мятежный сконъ. Такъ въ Кіевской Лѣтописи, подъ 1169-мъ годомъ записано, что Новгородцы на-

---

[1]) Сочиненіе въ двухъ томахъ. С.-П.-Б. 1863. Въ первомъ томѣ напечатано пять главъ: Отношеніе Великаго Новгорода къ прочимъ землямъ Русскимъ и ко княжескому роду, Вятка, Отношенія Пскова къ Новгороду, землямъ и князьямъ Русскимъ, Борьба Новгорода и Пскова съ Тевтонскимъ племенемъ, Инородцы. Во второмъ томѣ четыре главы: Описаніе городовъ: Новгорода и Пскова, Общественная жизнь и нравы Великаго-Новгорода и Пскова, Торговля, Церковь. Предлагаемая нами статья заимствована изъ 2-го тома, стр. 35 и д.

чали вѣча дѣятв по дворамъ тайво на князя своего. Въ Новгородской Лѣтописв названъ вѣчемъ — заговоръ недовольнаго кружка черни противъ архимандрита Есипа. Въ этомъ смыслѣ и сходбище военной рати на полѣ войны также называлось вѣче. Когда случались разноголосицы въ Новгородѣ, и разомъ возникали противныя другъ другу собранія народа, каждое изъ нихъ равнымъ образомъ называлось вѣче. Такъ въ 1384 году, по поводу спора о князѣ Патрвкіѣ: одно вѣче собралось, по обычаю, на Ярославовомъ дворѣ, другое — на Софійской сторонѣ; то же повторилось по поводу посадвика Есипа Захарьина въ 1388 году, когда Софійская сторона была противъ посадника, а Торговая за него. При такой неопредѣленности значенія вѣча, не мудрено, что тогда, какъ единодержавный порядокъ сталъ брать верхъ, понятіе о вѣче переходило въ понятіе о мятежѣ, и слово: вѣчники, — въ Москвѣ стало значить то же что: буяны, разбойники. Но при неопредѣленности общаго значенія слова «вѣче», существовало однако въ Новгородѣ, отдѣльно отъ всякаго вѣча, «большое вѣче»; т. е. полное законное собраніе, и оно-то юридически составляло верхъ законной власти и правленія Великаго-Новгорода. Къ сожалѣнію, подробностей относящихся къ его существованію такъ мало, что многіе важнѣйшіе вопросы остаются пока неразрѣшенными. Право собранія большаго вѣча представляетъ ту же неопредѣленность. Это право не принадлежало только сановникамъ, облеченнымъ властью или правительственною обязанностію. Созвать вѣче, — значило представить дѣло на обсужденіе народа, и потому всякій, кто считалъ себя въ правѣ говорить предъ народомъ, могъ и созвать вѣче. Ударъ въ вѣчевой колоколъ былъ знакомъ, что есть требованіе народнаго голоса. Случалось, созывалъ вѣче князь; но это не по какому-нибудь особенно признанному за нимъ праву, а потому, что князь, какъ правитель, естественно, имѣетъ и поводы, и необходимость говорить съ народомъ. Вѣроятно, вѣча собирались и посадниками, которые, будучи предводителями, находились въ необходимости совѣтоваться съ народомъ. Неизвѣстно, существовали ли какія-нибудь правила, чтобы не допускать неправильныхъ созывовъ вѣча; могли не существовать вовсе; предполагалось, что съ такимъ дѣломъ шутить было опасно, и слѣдовательно всякій побоялся бы безпокоить напрасно весь народъ. Случалось, однако, что смѣльчаки, надѣясь на подобранную заранѣе партію, созывали вѣче и, поддерживаемые своими сторонниками, проводили свои планы — низвергали власти, устанавливали иныя. Такихъ называли коромольниками. Такимъ-то образомъ созывались вѣча тогда, когда возставшая толпа, по наущенію умѣвшихъ ее возбудить, низпровергала власти, и преслѣдовала партіи, къ которымъ была не расположена.

Вѣче устанавливало приговоры по управленію, договоры съ князьями и съ иностранными землями, объявляло войны, заключало миръ, призывало князей, избирало владыкъ; дѣлало распоряженія о сборѣ войска и охраненіи страны; уступало въ собственность или кормленье земли; опредѣляло торговыя права и качество монеты; иногда ставило міромъ церкви и монастыри; установляло правила и законы: было такимъ образомъ законадательною властью, а вмѣстѣ съ тѣмъ являлось судебною, особенно въ дѣлахъ, касающихся нарушенія общественныхъ правъ. Относительно права участія на вѣчѣ и порядка собранія, нѣтъ такихъ подробныхъ свѣдѣній, которыя бы могли дать объ этомъ ясное понятіе. Всѣ граждане, какъ богатые, такъ и бѣдные, какъ бояре, такъ и черные люди, имѣли право быть на вѣчѣ дѣятельными членами. Цензовъ не существовало. Но только ли одни Новгородцы — жители города, или всей Новгородской Земли могли участвовать на вѣчѣ, — не вполнѣ извѣстно; изъ классовъ народныхъ, упоминаемыхъ въ грамотахъ, видно, что тамъ участвовали посадники, бояре, купцы, житые и черные люди. Оставляемъ въ сторонѣ посадниковъ: они могли участвовать потому, что были прежде сановниками — тутъ ясно само собою. Бояре-землевладѣльцы были, сами собою, уже представители не города, а всей земли; бояринъ могъ жить въ своемъ имѣніи гдѣ нибудь на Води, или на Двинѣ, и пріѣхать оттуда подавать голосъ на вѣчѣ. Отходъ изъ Новгорода въ Новгородскую Землю не лишалъ права гражданства: мы видимъ примѣръ, что отошедши на Вагу, Онисифоръ Лукичъ былъ послѣ воеводою и посадникомъ. Жившіе на Двинѣ, въ отдаленной землѣ, бояре, назывались все-таки Новгородцами, и были между ними дѣти посадниковъ, сохранявшіе это наименованіе. Точно также и купцы составляли классъ по занятію, а не по мѣсту жительства, и, слѣдовательно, могли проживать не въ Новгородѣ, а въ пригородѣ, и также подавать голосъ; такъ точно мы и встрѣчаемъ купцовъ, называемыхъ Новгородцами, но которые проживали въ Торжкѣ и въ Русѣ, — потому что тамъ строили церкви. Житые люди участвовали на вѣчѣ какъ жители концовъ, потому что при отправкѣ посольствъ обыкновенно выбирались житые люди отъ концовъ (хотя, впрочемъ, есть примѣры, что и бояре отъ концовъ выбирались). Что касается до черныхъ людей, то участіе ихъ несомнѣнно; но какъ оно совершалось, неизвѣстно: тѣ ли участвовали кто былъ въ городѣ, или изъ волостей присылали какъ-нибудь выборныхъ. Неизвѣстно, въ какой степени, и когда, и какъ участвовали въ Новгородскомъ вѣчѣ пригороды и волости. Есть указанія, что, вмѣстѣ съ Новгородцами, участвовали въ рѣшеніи дѣлъ и пригородные жители; напр. когда Всеволода изгоняли, то призывали Псковичей и Ладожанъ. Въ 1270 г.

совокупилась въ Новгородѣ — говоритъ лѣтописецъ — вся Новгородская волость: Ладожане, Корела, Ижора, Плесковичи. Когда пригорожане были недовольны княземъ Патрикіемъ, то сошлись въ Новгородѣ и подняли за себя половину города. Эти неясныя указанія не позволяютъ сдѣлать заключенія, что пригороды постоянно участвовали на вѣчѣ корпоративно; но несомнѣнно, что жившіе въ пригородахъ могли участвовать какъ Новгородцы, а не какъ пригорожане. Неизвѣстно, былъ ли какой-нибудь способъ повѣрки приходившихъ на вѣче, для предупрежденія прихода тѣхъ, которые права на это не имѣли. Едва ли былъ. Мѣсто отправленія собраній на воздухѣ и способъ сзыва звономъ колокола заставляютъ предполагать неудобство къ этому; при томъ же, когда вѣча собираемы были частными людьми, тамъ ужъ не могло быть повѣрки. И такъ естественно, что масса рѣшала дѣло. Неизвѣстно, былъ ли какой способъ сбора голосовъ или дѣло рѣшалось par acclamation.— Судя по чертамъ описанія послѣдняго вѣча во Псковѣ, возвышеніе, куда вели ступени, служило трибуною. Съ него говорили къ народу. Оно находилось у вѣчевой башни: въ ней помѣщалась вѣчевая изба — т. е. канцелярія вѣча. Рѣшеніе вѣча называлось приговоромъ и записывалось въ грамоту: для этого существовала должность вѣчваго дьяка (секретаря). Къ грамотѣ прикладывалась печать.

Печати были свинцовыя и привѣшивались къ грамотамъ снурками. Едва ли существовали постоянно одинакія печати для вѣча. На договорной грамотѣ съ Тверскимъ великимъ княземъ Борисомъ, XV вѣка, двѣ печати: на одной надпись: *печать Новгородская*, а на оборотной сторонѣ ея изображеніе животнаго, похожаго на лошадь; на другой печати надпись: *печать Великаго-Новгорода*, а на оборотной сторонѣ ея, изображеніе животнаго, которое, какъ кажется, хотѣли изобразить львомъ. На разныхъ грамотахъ по нѣскольку печатей разныхъ: иногда владычняя, иногда посадниковъ и тысяцкихъ. На грамотѣ 1317 г. число печатей простирается до одиннадцати. Въ старину грамоты писались съ именемъ того князя, который на ту пору княжилъ въ Новгородѣ. Но съ тѣхъ поръ какъ Новгородъ призналъ надъ собою верховное первенство великаго князя, вѣчевыя грамоты писались безъ имени князя — отъ имени степеннаго посадника, тысяцкаго, бояръ, житыхъ и черныхъ людей и всего Великаго Новагорода, а иногда съ прописью въ началѣ благословенія владыки. Выше было разсказано, какъ великіе князья въ XII вѣкѣ претендовали на такое отсутствіе своего имени въ грамотахъ. Независимо отъ большаго вѣча, каждый конецъ долженъ былъ имѣть свое частное вѣче: это видно изъ того, что концы писали свои грамоты, имѣли свои печати, въ случаѣ недоразумѣнія

переговаривались другъ съ другомъ: это было бы невозможно безъ собраній. Обыкновенно большое вѣче сбиралось на Торговой сторонѣ, на Ярославовомъ дворищѣ, — но также, на Софійской у св. Софіи, особенно, когда дѣло шло объ избраніи владыки, или вообще о дѣлахъ церковныхъ: часто передъ такимъ вѣчемъ собиралось предварительное вѣче на Ярославовомъ дворищѣ. Должно быть, вѣчевой звонъ имѣлъ что-нибудь особое, по чему можно было узнать его среди множества колоколовъ: колоколъ висѣлъ на Ярославовомъ дворѣ, на башнѣ; когда вѣче собиралось на Софійскомъ дворѣ, Дѣтинцѣ, созывали вѣче звономъ Софійскаго большаго колокола.

Во Псковѣ большое вѣче имѣло тѣ же основанія, какъ и Новгородское. Оно собиралось въ Крому близъ Дѣтинца. Вѣчевой колоколъ висѣлъ на башнѣ у св. Троицы. *Н. Костомаровъ* [1]).

ИСТОРІЯ ГОСУДАРСТВА РОССІЙСКАГО.

1. Славная битва Куликовская (1380 г.).

6 Сентября войско наше приближилось къ Дону, и Князья разсуждали съ Боярами, тамъ ли ожидать Моголовъ, или итти далѣе? Мысли были несогласны. Ольгердовичи, Князья Литовскіе, говорили, что надобно оставить рѣку за собою, дабы удержать робкихъ отъ бѣгства; что Ярославъ Великій такимъ образомъ побѣдилъ Святополка и Александръ Невскій Шведовъ. Еще и другое, важнѣйшее обстоятельство было опорою сего мнѣнія: надлежало предупредить соединеніе Ягайла съ Мамаемъ. Великій Князь рѣшился — и, къ ободренію своему, получилъ отъ Св. Сергія письмо, въ коемъ онъ благословлялъ его на битву, совѣтуя ему не терять времени. Тогда же пришла вѣсть, что Мамай идетъ къ Дону, ежечасно ожидая Ягайла. Уже легкіе наши отряды встрѣчались съ Татарскими, и гнали ихъ. Димитрій собралъ Воеводъ, и сказавъ имъ: «часъ суда Божія наступаетъ», 7 Сентября велѣлъ искать въ рѣкѣ удобнаго броду для конницы и наводить мосты для пѣхоты. Въ слѣдующее утро (Сентября 8) былъ густой туманъ, но скоро разсѣялся: войско перешло за Донъ, и стало на берегахъ Непрядвы, гдѣ Димитрій устроилъ всѣ полки къ битвѣ. Въ срединѣ находились Князья Литовскіе, Андрей и Димитрій Ольгердовичи, Θеодоръ Романовичъ

---

[1]) Современный историческій писатель, бывшій проф. Р. исторіи въ С. Петербургскомъ Университетѣ.

Бѣлозерскій и Бояринъ Николай Васильевичъ; въ собственномъ же полку Великокняжескомъ Бояре Іоаннъ Родіоновичъ Квашня, Михаилъ Брянокъ, Князь Іоаннъ Васильевичъ Смоленскій; на правомъ крылѣ Князь Андрей Ѳеодоровичъ Ростовскій, Князь Стародубскій того же имени и бояринъ Ѳеодоръ Грунка; на лѣвомъ Князь Василій Васильевичъ Ярославскій, Ѳеодоръ Михайловичъ Моложскій и Бояринъ Левъ Морозовъ; въ Сторожевомъ полку Бояринъ Михаилъ Іоанновичъ, внукъ Акинѳовъ, Князь Симеонъ Константиновичъ Оболенскій, братъ его Князь Іоаннъ Торусскій и Андрей Серкизъ; а въ засадѣ Князь Владиміръ Андреевичъ, внукъ Калитинъ, Димитрій Михайловичъ Волынскій, побѣдитель Олега и Болгаровъ, мужъ славный доблестію и разумомъ, — Романъ Михайловичъ Брянскій, Василій Михайловичъ Кашинскій и сынъ Романа Новосильскаго. Димитрій, стоя на высокомъ холмѣ и видя стройные, необозримые ряды войска, безчисленныя знамена, развѣваемыя легкимъ вѣтромъ, блескъ оружія и доспѣховъ, озаряемыхъ яркимъ осеннимъ солнцемъ, — слыша всеобщія громогласныя восклицанія: «Боже! даруй побѣду Государю нашему!» и вообразивъ, что многія тысячи сихъ бодрыхъ витязей падутъ чрезъ нѣсколько часовъ, какъ усердныя жертвы любви къ отечеству, Димитрій въ умиленіи преклонилъ колѣна, и простирая руки къ златому образу Спасителя, сіявшему вдали на *черномъ знамени* Великокняжескомъ, молился въ послѣдній разъ за Христіанъ и Россію; сѣлъ на коня, объѣхалъ всѣ полки и говорилъ рѣчь къ каждому, называя воиновъ своими вѣрными товарищами и *милыми братьями*, утверждая ихъ въ мужествѣ и каждому изъ нихъ обѣщая славную память въ мірѣ, съ вѣнцемъ мученическимъ за гробомъ.

Войско тронулось, и въ шестомъ часу дня увидѣло непріятеля среди обширнаго поля Куликова. Съ обѣихъ сторонъ Вожди наблюдали другъ друга, и шли впередъ медленно, измѣряя глазами силу противниковъ: сила Татаръ еще превосходила нашу. Димитрій, пылая ревностью служить для всѣхъ примѣромъ, хотѣлъ сражаться въ передовомъ полку: усердные Бояре молили его остаться за густыми рядами главнаго войска, въ мѣстѣ безопаснѣйшемъ. «Долгъ Князя»—говорили они—«смотрѣть на битву, видѣть подвиги Воеводъ и награждать достойныхъ. Мы всѣ готовы на смерть; а ты, Государь любимый, живи и предай нашу память временамъ будущимъ. Безъ тебя нѣтъ побѣды». Но Димитрій отвѣтствовалъ: «Гдѣ вы, тамъ и я. Скрываясь назади, могу ли сказать вамъ: *братья! умремъ за отечество?* Слово мое да будетъ дѣломъ! Я вождь и начальникъ: стану впереди и хочу положить свою голову въ примѣръ другимъ». Онъ не измѣнилъ себѣ и великодушію: громогласно читая Псаломъ: *Богъ намъ прибѣжище и сила*, первый ударилъ на

враговъ, и бился мужественно какъ рядовой воинъ; наконецъ отъѣхалъ въ средину полковъ, когда битва сдѣлалась общею.

На пространствѣ десяти верстъ лилася кровь Христіанъ и невѣрныхъ. Ряды смѣшались: индѣ Россіяне тѣснили Моголовъ, индѣ Моголы Россіянъ; съ обѣихъ сторонъ храбрые падали на мѣстѣ, а малодушные бѣжали: такъ нѣкоторые Московскіе неопытные юноши — думая, что все погибло — обратили тылъ. Непріятель открылъ себѣ путь къ Большимъ или Княжескимъ знаменамъ, и едва не овладѣлъ ими: вѣрная дружина отстояла ихъ съ напряженіемъ всѣхъ силъ. Еще Князь Владиміръ Андреевичъ, находясь въ засадѣ, былъ только зрителемъ битвы, и скучалъ своимъ бездѣйствіемъ, удерживаемый опытнымъ Димитріемъ Волынскимъ. Насталъ девятый часъ дня: сей Димитрій, съ величайшимъ вниманіемъ примѣчая всѣ движенія обѣихъ ратей, вдругъ извлекъ мечь, и сказалъ Владиміру: «теперь наше время». Тогда засадный полкъ выступилъ изъ дубравы, скрывавшей его отъ глазъ непріятеля, и быстро устремился на Моголовъ. Сей нежданный ударъ рѣшилъ судьбу битвы: враги изумленные, разсѣянные, не могли противиться новому строю войска свѣжаго, бодраго, и Мамай, съ высокаго кургана смотря на кровопролитіе, увидѣлъ общее бѣгство своихъ; терзаемый гнѣвомъ, тоскою, воскликнулъ: «великъ Богъ Христіанскій!» и бѣжалъ въ слѣдъ за другими. Полки Россійскіе гнали ихъ до самой рѣки Мечи, убивали, топили, взявъ станъ непріятельскій и несмѣтную добычу, множество телегъ, коней, вельблюдовъ, навьюченныхъ всякими драгоцѣнностями.

Мужественный Князь Владиміръ, Герой сего незабвеннаго для Россіи дня, довершивъ побѣду, сталъ *на костяхъ* или на полѣ битвы, подъ чернымъ знаменемъ Княжескимъ, и велѣлъ трубить въ воинскія трубы: со всѣхъ сторонъ съѣзжались къ нему Князья и Полководцы, но Димитрія не было. Изумленный Владиміръ спрашивалъ: «гдѣ братъ мой и *первоначальникъ* нашей славы?» Никто не могъ дать объ немъ вѣсти. Въ безпокойствѣ, въ ужасѣ Воеводы разсѣялись искать его, живаго или мертваго; долго не находили: наконецъ два воина увидѣли Великаго Князя лежащаго подъ срубленнымъ деревомъ. Оглушенный въ битвѣ сильнымъ ударомъ, онъ упалъ съ коня, обезпамятѣлъ и казался мертвымъ; но скоро открылъ глаза. Тогда Владиміръ, Князья, чиновники, преклонивъ колѣна, воскликнули единогласно: «Государь! ты побѣдилъ враговъ!» Димитрій всталъ: видя брата, видя радостныя лица окружающихъ его и знамена Христіанскія надъ трупами Моголовъ, въ восторгѣ сердца изъявилъ благодарность Небу; обнялъ Владиміра, чиновниковъ; цѣловалъ самыхъ простыхъ воиновъ, и сѣлъ на коня, здравый веселіемъ духа, и не чувствуя изнуренія силъ. — Шлемъ и латы

его были изсѣчены, но обагрены единственно кровію невѣрныхъ: Богъ чудеснымъ образомъ спасъ сего Князя среди безчисленныхъ опасностей, коимъ онъ съ излишнею пылкостію подвергался, сражаясь въ толпѣ непріятелей и часто оставляя за собою дружину свою. Димитрій, провождаемый Князьями и Боярами, объѣхалъ поле Куликово, гдѣ легло множество Россіянъ, но въ четверо болѣе непріятелей, такъ что, по сказанію нѣкоторыхъ Историковъ, число всѣхъ убитыхъ простиралось до двухъ сотъ тысячь. Князья Бѣлозерскіе, Ѳеодоръ и сынъ его Іоаннъ, Торусскіе Ѳеодоръ и Мстиславъ, Дорогобужскій Димитрій Монастыревъ, первостепенные Бояре Симеонъ Михайловичь, сынъ Тысячскаго Николай Васильевичь, внукъ Акинѳовъ Михаилъ, Андрей Серкизъ, Волуй, Бренко, Левъ Морововъ и многіе другіе положили головы за отечество: а въ числѣ ихъ и Сергіевъ инокъ Александръ Пересвѣтъ, о коемъ пишутъ, что онъ еще до начала битвы палъ въ единоборствѣ съ Печенѣгомъ, богатыремъ Мамаевымъ, сразивъ его съ коня и вмѣстѣ съ нимъ испустивъ духъ; кости сего и другаго Сергіева Священновитязя, Осляби, покоятся донынѣ близъ монастыря Симонова. Останавливаясь надъ трупами мужей знаменитѣйшихъ, Великій Князь платилъ имъ дань слезами умиленія и хвалою; наконецъ, окруженный Воеводами, торжественно благодарилъ ихъ за оказанное мужество, обѣщая наградить каждаго по достоинству, и велѣлъ хоронить тѣла Россіянъ. Послѣ, въ знакъ признательности къ добрымъ сподвижникамъ, тамъ убіеннымъ, онъ уставилъ праздновать вѣчно ихъ память въ Субботу Димитровскую [1]), доколѣ существуетъ Россія.

Ягайло въ день битвы находился не болѣе какъ въ 30 или въ 40 верстахъ отъ Мамая: узнавъ ея слѣдствіе, онъ пришелъ въ ужасъ и думалъ только о скоромъ бѣгствѣ, такъ, что легкіе наши отряды нигдѣ не могли его настигнуть. Со всѣхъ сторонъ счастливый Димитрій, однимъ ударомъ освободивъ Россію отъ двухъ грозныхъ непріятелей, послалъ гонцевъ въ Москву, въ Переславль, Кострому, Владиміръ, Ростовъ и другіе города, гдѣ народъ, свѣдавъ о переходѣ войска за Оку, денно и нощно молился во храмахъ. Извѣстіе о побѣдѣ столь рѣшительной произвело восхищеніе неописанное. Казалось, что независимость, слава и благоденствіе нашего отечества утверждены ею навѣки; что Орда пала и не возстанетъ; что кровь Христіанъ, обагрившая берега Дона, была послѣднею жертвою для Россіи, и совершенно умилостивила Небо. Всѣ поздравляли другъ друга, радуясь, что дожили до временъ столь счастливыхъ, и славили Димитрія, какъ втораго Ярослава Великаго и новаго Александра, единогласно назвавъ его *Донскимъ*, а Владиміра Андрее-

[1]) Между 18 и 26 числомъ Октября. Примѣч. *Карамзина.*

нича *Храбрымъ*, и ставя Мамаево побоище выше Алтскаго и Невскаго. Увидимъ, что оно, къ сожалѣнію, не имѣло тѣхъ важныхъ, прямыхъ слѣдствій, какихъ Димитрій и народъ его ожидали; но считалось знаменитѣйшимъ въ преданіяхъ нашей Исторіи до самыхъ временъ Петра Великаго или до битвы Полтавской: еще не прекратило бѣдствій Россіи, но доказало возрожденіе силъ ея, и въ несомнительной связи дѣйствій съ причинами отдаленными служило основаніемъ успѣховъ Іоанна III, коему судьба назначила совершить дѣло предковъ, менѣе счастливыхъ, но равно великихъ.

Шествіе его (Димитрія) отъ поля Куликова до вратъ Кремлевскихъ было торжествомъ непрерывнымъ. Вездѣ народъ встрѣчалъ побѣдителя съ веселіемъ, любовію и благодарностію; вездѣ гремѣла хвала Богу и Государю. Народъ смотрѣлъ на Димитрія какъ на Ангела-хранителя, ознаменованнаго печатію Небеснаго благоволенія. Сіе блаженное время казалось истиннымъ очарованіемъ для добрыхъ Россіянъ. (V т. Исторіи Госуд. Россійскаго, гл. I).

Н. Карамзинъ.

Примѣч. — Для сравненія приводимъ описаніе битвы Куликовской по *Соловьеву:*

Куликовская Битва.

Шестаго сентября достигли Дона. Тутъ приспѣла грамота отъ преподобнаго игумена Сергія, благословеніе отъ святаго старца идти на Татаръ: «что бъ еси, господине, таки пошелъ, а поможетъ ти Богъ и Святая Богородица», писалъ Сергій. Устроили полки, начали думать: одни говорили: «Ступай, князь, за Донъ;» а другіе: «Не ходи, потому что враговъ много, не одни Татары, но и Литва и Рязанцы». Димитрій принялъ первое мнѣніе, и велѣлъ мостить мосты и искать броду; въ ночь 7-го сентября начало переправляться войско за Донъ; утромъ на другой день, 8 сентября, на солнечномъ восходѣ, былъ густой туманъ, и когда въ третьемъ часу просвѣтлѣло, то Русскіе полки строились уже за Дономъ, при устьѣ Непрядвы. Часу въ двѣнадцатомъ начали показываться Татары: они спускались съ холма, на широкое поле Куликово; Русскіе также сошли съ холма и сторожевые полки начали битву, какой еще никогда не бывало прежде на Руси: говорятъ, что кровь лилась какъ вода на пространствѣ десяти верстъ, лошади не могли ступать по трупамъ, ратники гибли подъ конскими копытами, задыхались отъ тѣсноты. Пѣшая Русская рать уже лежала какъ скошенное сѣно, и Татары начали одолѣвать. Но въ засадѣ въ лѣсу стояли еще свѣжіе Русскіе полки подъ начальствомъ князя Владиміра Андреевича и воеводы Московскаго, Димитрія Михайловича

Волынскаго Боброка. Владиміръ, видя пораженіе Русскихъ, началъ говорить Волынскому: «Долго-ль намъ здѣсь стоять, какая отъ насъ польза? смотри, уже всѣ христіанскіе полки лежатъ мертвы!» Но Волынскій отвѣчалъ, что еще нельзя выходить изъ засады, потому что вѣтеръ дуетъ прямо въ лице Русскимъ. Но чрезъ нѣсколько времени вѣтеръ перемѣнился: «Теперь пора!» сказалъ Волынскій— и засадное ополченіе бросилось на Татаръ. Это появленіе свѣжихъ силъ на сторонѣ Русскихъ рѣшило участь битвы: Мамай, стоявшій на холмѣ съ пятью знатнѣйшими князьями и смотрѣвшій оттуда на сраженіе, увидалъ, что побѣда склонилась на сторону Русскихъ и обратился въ бѣгство: Русскіе гнали Татаръ до рѣки Мечи [1]) и овладѣли всѣмъ ихъ станомъ.

Возвратившись съ погони, князь Владиміръ Андреевичъ сталъ на костяхъ и велѣлъ трубить въ трубы: всѣ оставшіеся въ живыхъ ратники собрались на эти звуки, но не было Великаго князя Димитрія; Владиміръ сталъ расспрашивать: не видалъ ли кто его? одни говорили, что видѣли его жестоко раненнаго, и потому должно искать его между трупами; другіе, что видѣли, какъ онъ отбивался отъ четырехъ Татаръ и бѣжалъ, но не знаютъ, что послѣ съ нимъ случилось; одинъ объявилъ, что видѣлъ, какъ Великій князь раненый пѣшкомъ возвращался съ боя. Владиміръ Андреевичъ сталъ со слезами упрашивать, чтобъ всѣ искали Великаго князя, обѣщалъ богатыя награды тому, кто найдетъ. Войско разсѣялось по полю: нашли трупъ любимца Димитріева, Михаила Андреевича Бренка, котораго передъ началомъ битвы Великій князь поставилъ подъ свое черное знамя, велѣвъ надѣть свои латы и шлемъ; остановились надъ трупомъ одного изъ князей Бѣлозерскихъ, похожаго на Димитрія; наконецъ двое ратниковъ, уклонившись въ сторону, нашли Великаго князя, едва дышущаго, подъ вѣтвями недавно срубленнаго дерева. Получивши вѣсть, что Димитрій найденъ, Владиміръ Андреевичъ поскакалъ къ нему и объявилъ о побѣдѣ; Димитрій съ трудомъ пришелъ въ себя, съ трудомъ распознавалъ, кто съ нимъ говоритъ и о чемъ; панцырь его былъ весь избитъ, но на тѣлѣ не было ни одной смертельной раны [2]). Лѣтописцы говорятъ, что такой битвы, какъ Куликовская, еще не бывало прежде на Руси; отъ подобныхъ битвъ давно уже отвыкла Европа. Побоища подобнаго рода происходили и въ западной ея половинѣ въ началѣ такъ называемыхъ Среднихъ Вѣковъ, во время страшныхъ столкновеній между Европейскими и Азіатскими ополченіями: таково было

---

[1]) *Рѣка Красивая Меча* Тульской губерніи Ефремовскаго, Богородицкаго и Крапивнинскаго уѣздовъ. Примѣч. *Соловьева.*

[2]) Полн. Собр. Русск. Лѣт. IV, 75; Никонов. IV, 86.

побоище Каталонское, гдѣ полководецъ Римскій спасъ западную Европу отъ Гунновъ; таково было побоище Турское, гдѣ вождь Франкскій спасъ западную Европу отъ Аравитянъ. Западная Европа была спасена отъ Азіатцевъ, но восточная ея половина надолго еще осталась открытою для ихъ нашествій; здѣсь въ половинѣ IX-го вѣка образовалось государство, которое должно было служить оплотомъ для Европы противъ Азіи; въ XIII-мъ вѣкѣ этотъ оплотъ былъ, повидимому, разрушенъ; но основы Европейскаго государства спаслись на отдаленномъ сѣверовостокѣ; благодаря сохраненію этихъ основъ, государство въ полтораста лѣтъ успѣло объединиться, окрѣпнуть — и Куликовская побѣда послужила доказательствомъ этой крѣпости; она была знакомъ торжества Европы надъ Азіею; она имѣетъ въ исторіи Восточной Европы точно такое же значеніе, какое побѣды Каталонская и Турская имѣютъ въ исторіи Европы Западной и носитъ одинакій съ ними характеръ, характеръ страшнаго, кроваваго побоища, отчаяннаго столкновенія Европы съ Азіею, долженствовавшаго рѣшить великій въ исторіи человѣчества вопросъ — которой изъ этихъ частей свѣта восторжествовать надъ другою?

Таково всемірно-историческое значеніе Куликовской битвы; собственно въ Русской Исторіи она служила освященіемъ новому порядку вещей, начавшемуся на сѣверовостокѣ. Полтораста лѣтъ назадъ Татарскія полчища встрѣтились впервые съ Русскими князьями въ степи, на берегахъ Калки: здѣсь была въ сборѣ южная Русь, которая носила преимущественно названіе Руси; здѣсь было много храбрыхъ князей и богатырей; здѣсь былъ самый храбрый изъ князей, Мстиславъ Мстиславичъ Торопецкій: но этотъ самый Мстиславъ завелъ распрю *(котору)* съ братьею, и погубилъ войска. На сѣверѣ исполнилось то, чего такъ боялся отецъ Мстиславовъ: младшіе братья-князья стали *подручниками* старшаго, Великаго князя, и когда этотъ князь вывелъ ихъ противъ Татаръ на берега Дона, то не было между ними никакихъ которъ, и побѣда осталась за Русью.

Но Куликовская побѣда была изъ числа тѣхъ побѣдъ, которыя близко граничатъ съ тяжкимъ пораженіемъ. Когда, говоритъ преданіе, Великій князь велѣлъ счесть, сколько осталось въ живыхъ послѣ битвы, то бояринъ Михайла Александровичъ донесъ ему, что осталось всего сорокъ тысячъ человѣкъ, тогда какъ въ битву вступило больше четырехъ сотъ тысячъ. Если историкъ и не имѣетъ обязанности принимать буквально послѣдняго показанія, то для него важно выставленное здѣсь отношеніе живыхъ къ убитымъ. Четверо князей (двое Бѣлозерскихъ и двое Торускихъ), тринадцать бояръ и Троицкій монахъ Пересвѣтъ были въ числѣ убитыхъ. Вотъ

почему въ украшенныхъ сказаніяхъ о Мамаевомъ побоищѣ мы видимъ, что событіе это, представляясь, съ одной стороны, какъ великое торжество, съ другой представляется какъ событіе плачевное, *жалость*. Была на Руси радость великая, говоритъ лѣтописецъ; но была и печаль большая по убитыхъ отъ Мамая на Дону; оскудѣла совершенно вся земля Русская воеводами и слугами и всякимъ воинствомъ и отъ этого былъ страхъ большой по всей землѣ Русской. (III т. Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ).

С. Соловьевъ [1]).

Примѣч. и темы. — *Сравненіе разсказа о битвѣ Куликовской по Карамзину и Соловьеву.* Прежде ученики должны показать *планъ* разсказа у того и другаго историка. — Затѣмъ обратить вниманіе на *различіе* между ними. — Въ этомъ отрывкѣ Карамзинъ представляетъ *Димитрія героемъ Куликовской битвы*, между тѣмъ какъ у Соловьева лице Димитрія поставлено въ тѣни, — оно стушевывается. — Правда ли? — Ученики должны еще разъ перечитать повѣствованіе Соловьева и Карамзина. — У Карамзина сказано, что Димитрій, стоя на холмѣ, молился за войско передъ сраженіемъ, и потомъ подкрѣплялъ воиновъ своимъ умнымъ словомъ: говоритъ ли объ этомъ хотя что-нибудь Соловьевъ? — Трудно повѣрить, чтобы Димитрій, приведшій свое войско на жертву за спасеніе отечества, не обратился съ молитвою къ Богу передъ началомъ ужаснаго боя, — чтобы онъ не старался поддержать въ войскѣ мужества, зная, что Русскіе вступаютъ въ *первую* открытую битву со всѣми силами Татарскими, — битву, которая должна была рѣшить судьбу Россіи, — въ битву съ тѣми Татарами, которыхъ трепетала вся Европа... Чѣмъ врагъ грознѣе, тѣмъ приготовленія къ открытой борьбѣ съ нимъ должны быть обдуманнѣе. — Въ разсказѣ Карамзина мы видимъ, что Димитрій жертвовалъ собою, желая показать примѣръ мужества и любви къ отечеству, дабы тѣмъ возбудить въ войскѣ подобныя же высокія чувства: видно ли все это въ разсказѣ Соловьева?... — Какъ оба историка представляютъ Димитрія *послѣ* битвы? — У кого болѣе находится подробностей объ этомъ происшествіи? — Поднялъ ли Соловьевъ Димитрія съ поля сраженія, или оставилъ его на немъ? Объ личномъ участіи Димитрія въ битвѣ Соловьевъ говоритъ отъ себя или передаетъ разсказами другихъ? — А Карамзинъ какъ поступаетъ? — *Самый актъ битвы* у историковъ изображенъ весьма различно. У кого *подробнѣе* представлена битва? У Карамзина. — У кого *естественнѣе*? У Карамзина. — Если вѣрить Соловьеву, то въ началѣ битвы побѣда была на сторонѣ Татаръ и что Русская пѣхота легла какъ скошенное сѣно. Мы не видимъ здѣсь со стороны Русскихъ ни малѣйшаго сопротивленія, ни тѣни мужества. Но такое описаніе боя — не вѣроятно: — не вѣроятно, не естественно, чтобы Русскіе, сражаясь за свободу отечества, не бились съ отчаянною храбростію. У Карамзина самый актъ битвы представленъ естественнѣе: «Индѣ Россіяне тѣснили Моголовъ, индѣ Моголы Россіянъ; съ обѣихъ сторонъ храбрые падали на мѣстѣ, а малодушные бѣжали», пишетъ Исторіографъ. Изъ этого видно, что Карамзинъ не отдаетъ преимущества ни Татарамъ, ни Русскимъ, что онъ уважаетъ храбрость самихъ враговъ, но не скрываетъ мужества и Русскихъ, — и весьма естественно, что Татары должны были храбро сражаться, для того,

[1]) Професоръ Р. исторіи въ Москов. университетѣ, современый писатель.

чтобы удержать за собою власть па Русскую землю, — въ свою очередь и Русскіе должны были вести героическій бой, дабы, наконецъ, искупить свободу отечества. — *О грамотѣ св. Сергія говорятъ оба историка* съ тѣмъ различіемъ, что Соловьевъ представляетъ и выписку изъ нея, — а Карамзинъ — что́ дѣлаетъ? — *О Владимірѣ Андреевичѣ* сравните разсказы Карамзина и Соловьева. — Послѣ разсказа о битвѣ Куликовской Соловьевъ показываетъ двоякое ея значеніе: всемірно - историческое и частное, касающееся Россіи. — Въ чемъ же заключалось первое значеніе? — Въ чемъ второе? — Объясните своими словами. — А говоритъ Карамзинъ о значеніи Куликовской битвы? Гдѣ и въ какихъ словахъ? — *Образъ изложенія* у историковъ весьма различенъ. У Карамзина мы видимъ рядъ картинъ въ разсказѣ, напр. видъ вооруженнаго войска, молитва Димитрія колѣнопреклоненнаго, Димитрій подъ срубленнымъ деревомъ. — Рѣчь Карамзина періодическая, стройная; языкъ его изобилуетъ многими древними оборотами, напр.: часъ суда Божія наступаетъ, индѣ Россіяне тѣснили Моголовъ, неопытные юноши обратили тылъ, движенія обѣихъ ратей, сталъ на костяхъ, первоначальникъ славы, положилъ голову за отечество, и пр. — Особенности правописанія Карамзина. — У Соловьева нѣтъ картинности въ изложеніи, но его разсказъ отличается простотою, а языкъ — разговорными оборотами, напр.: устроили полки, начали думать; одни говорили: «ступай, князь, за Донъ», а другіе — «не ходи».

Послѣ сравненія Куликовской битвы, по Карамзину и Соловьеву, мы приходимъ къ слѣд. выводамъ: 1) Карамзинъ изображаетъ Куликовскую битву подробнѣе, естественнѣе и живѣе, нежели Соловьевъ; 2) характеръ Димитрія представленъ Карамзинымъ гораздо обстоятельнѣе и лучше, нежели Соловьевымъ: какія же черты характера приданы Димитрію?...; 3) въ разсказѣ Карамзина мы видимъ высокое чувство патріотизма автора, Соловьевъ же не высказываетъ его въ приведенномъ отрывкѣ; 4) изложеніе Карамзина художественнѣе, а изложеніе Соловьева — проще; 5) рѣчь Карамзина періодическая, обработанная, не только въ цѣломъ, но и въ частностяхъ, — про Соловьева этого сказать нельзя....

2. Великодушіе Митрополита Филиппа (1566 — 68 г.).

Среди хладныхъ волнъ Бѣлаго моря, на островѣ Соловецкомъ, въ пустынѣ дикой, но знаменитой въ Россіи святостію своихъ первыхъ труженниковъ, Савватія и Зосимы, сіялъ добродѣтелями Игуменъ Филиппъ, сынъ Боярина Колычова, возненавидѣвъ суету міра въ самыхъ цвѣтущихъ лѣтахъ юности, и служа примѣромъ строгой жизни для Иноковъ-отшельниковъ. Государь слышалъ о Филиппѣ: дарилъ его монастырю сосуды драгоцѣнные, жемчугъ, богатыя ткани, земли, деревни; помогалъ ему деньгами въ строеніи каменныхъ церквей, пристаней, гостинницъ, плотинъ: ибо сей Игуменъ былъ не только мудрымъ наставникомъ братіи, но и дѣятельнымъ хозяиномъ острова, дотолѣ дикаго, неприступнаго: очистилъ лѣса, проложилъ дороги, осушилъ болота каналами; завелъ оленей, домашній скотъ, рыбныя ловли, соляныя варницы; украсилъ, сколько могъ, пустыню; смягчилъ суровость климата, сдѣлавъ воздухъ благо-

раствореннѣе. Безсмертный Сильвестръ кончилъ дни свои въ монастырѣ Соловецкомъ, любимый, уважаемый Филиппомъ. Вѣроятно, что они вмѣстѣ сѣтовали о перемѣнѣ Іоаннова нрава; вѣроятно, что первый открывалъ игумену свою душу, нѣкогда блаженную исправленіемъ юнаго Царя, устройствомъ и счастіемъ Царства: сіи бесѣды могли приготовить Филиппа къ великому его подвигу, хотя онъ, ревностію труженика удаленный на *край вселенныя*, и не могъ ожидать такой славы. Никто безъ сомнѣнія не мыслилъ объ немъ, кромѣ Іоанна: отвергнувъ Германа, Царь вздумалъ — мимо Святителей, мимо всѣхъ Архимандритовъ — возвести Филиппа на Митрополію, желая изъявить тѣмъ свое особенное уваженіе къ Христіанскимъ добродѣтелямъ, и показать, что самыя отдаленныя пустыни не скрываютъ ихъ отъ глазъ его. Филиппъ, Царскою милостивою грамотою призываемый въ Москву для *совѣта духовнаго*, отслужилъ Литургію, причастилъ всю братію, и со слезами выѣхалъ изъ своей любимой Обители, какъ бы предчувствуя, что одно мертвое тѣло его туда возвратится. За три версты отъ Новагорода встрѣтили смиреннаго Соловецкаго Игумена всѣ жители сей древней столицы съ привѣтствіемъ, съ дарами и съ моленіемъ, да ходатайствуетъ за нихъ предъ трономъ: ибо носился слухъ, что Іоаннъ угрожаетъ имъ гнѣвомъ. Царь принялъ Филиппа съ отмѣнною честью, обѣдалъ, бесѣдовалъ съ нимъ дружелюбно, и наконецъ объявилъ, что ему быть Митрополитомъ. Пустынный Инокъ изумился, плакалъ, не хотѣлъ сей блестящей тягости; убѣждалъ его не *ввѣрять бремени великаго ладіи малой*. Царь былъ непреклоненъ. Тогда Филиппъ предложилъ условіе; сказалъ Царю: «Повинуюся твоей волѣ; но умири же совѣсть мою: да не будетъ Опричнины! да будетъ только единая Россія! ибо всякое раздѣленное Царство, по глаголу Всевышняго, запустѣетъ. Не могу благословлять тебя искренно, видя скорбь отечества». Іоаннъ имѣлъ власть надъ собою: остановилъ движеніе гнѣва въ сердцѣ своемъ; отвѣтствовалъ тихо: «Развѣ не знаешь, что мои хотятъ поглотить меня; что ближніе готовятъ мнѣ гибель»? и доказывалъ необходимость сего учрежденія; но скоро выведенный изъ терпѣнія смѣлыми возраженіями старца, велѣлъ ему умолкнуть. Всѣ думали, что Филиппъ, подобно Герману, будетъ удаленъ съ безчестіемъ: увидѣли противное. Іоаннъ на сей разъ не хотѣлъ дать ему славы гонимаго за добродѣтель: желалъ склонить его къ безмолвію, явить слабымъ въ глазахъ Россіи, сдѣлать какъ бы соучастникомъ въ новыхъ правилахъ своего царствованія. Главные Пастыри Церковные служили для этого орудіемъ. Повинуясь волѣ Іоанновой, они убѣждали Филиппа принять санъ Митрополита безъ всякаго условія, думать единственно о благѣ Церкви, не гнѣвить Государя дерзостію, но утолить гнѣвъ его и премѣнить въ милосер-

діе кротостію; доказывали, что мнимая твердость Филиппа въ семъ случаѣ будетъ дѣйствіемъ гордости, несогласной съ духомъ истиннаго слуги Христова; что долгъ Святителя есть молиться и наставлять Царя единственно во спасеніе души, а не въ дѣлахъ Царства. Нѣкоторые изъ Святителей внутренно одобряли Филиппову смѣлость, но сами не имѣли ее; другіе — именно, Пименъ Новгородскій, Филоѳей Рязанскій — искали мірской чести и раболѣпствовали страстямъ Іоанновымъ. Убѣжденія ихъ поколебали Филиппа, не устрашеннаго Царскимъ гнѣвомъ, не ослѣпленнаго блескомъ Архипастырства, какъ доказало слѣдствіе, но, можетъ быть, смятеннаго мыслію отвергнуть сей верховный санъ дѣйствительно по внушенію тайной гордости, по упрямству и недовѣрчивости къ Провидѣнію, Которое властвуетъ надъ Царями и не даетъ имъ выступать за черту Его вышнихъ уставовъ, безъ сомнѣнія мудрыхъ, хотя и неизъяснимыхъ для ума человѣческаго. Филиппъ отвѣтствовалъ: «да будетъ, что угодно Государю и Церковнымъ Пастырямъ»!

Написали грамоту, въ коей сказано, что новый, избираемый Митрополитъ далъ слово Архіепископамъ и Епископамъ не вступаться въ Опричнину Государеву и не оставлять Митрополіи подъ тѣмъ предлогомъ, что Царь не исполнилъ его требовані[illegible] запретилъ ему мѣшаться въ дѣла мірскія. Святители утвердили сію хартію своими подписями, и Филиппъ, заявленный врагъ Опричнины, былъ немедленно возведенъ на Митрополію, къ общему удовольствію народа, къ досадѣ развратныхъ любимцевъ Іоанновыхъ. Казалось, что Государь одержалъ счастливую побѣду надъ собою, воздавъ честь добродѣтели. Митрополитъ уступилъ, но обнаруживъ свою важную мысль: Россіяне увидали, чего онъ желаетъ, и могли надѣяться на будущее, имѣя такого Первосвятителя. Всѣ добрые слушали съ восторгомъ привѣтственную рѣчь новаго Митрополита къ Іоанну, истинно пастырскую: о долгѣ Державныхъ быть отцами подданныхъ, блюсти справедливость, уважать заслуги; о гнусныхъ льстецахъ, которые тѣснятся къ престолу, ослѣпляютъ умъ Государей, служатъ ихъ страстямъ, а не отечеству, — хвалятъ достойное хулы, порицаютъ достохвальное; о тлѣнности земнаго величія; о побѣдахъ *невооруженной любви*, которыя пріобрѣтаются государственными благодѣяніями и еще славнѣе *побѣдъ ратныхъ*. Казалось, что самъ Іоаннъ внималъ съ умиленіемъ гласу наставника, уже давно молчавшему въ семъ храмѣ; что сей нѣкогда любезный для него гласъ напомнилъ ему время счастливое и далъ вкусить сладость, имъ забвенную. — Первые дни и мѣсяцы протекли въ мирѣ, въ надеждахъ для столицы. Затихли жалобы на Кромѣшниковъ: чудовище вздремало. Царь ласкалъ Митрополита, а сей добродѣтельный старецъ, какъ бы опасаясь забыть Соловецкую пустыню и строгій обѣтъ

своей юности, началъ строить въ Москвѣ церковь во имя ея святыхъ, Зосимы и Савватія.

Но сія тишина, дѣйствіе или угрызеній совѣсти или притворства Іоаннова, была предтечею новой бури. Тиранъ изъ Слободскаго вертепа своего свирѣпо глядѣлъ на Москву.

Далѣе Карамзинъ описываетъ «третію эпоху убійствъ», т. е. рядъ казней, совершенныхъ Іоанномъ и — неистовствъ, произведенныхъ опричниками. Казни и опричники навели ужасъ на Москву: «граждане боялись выходить изъ домовъ. Въ безмолвіи Москвы тѣмъ страшнѣе раздавался свирѣпый вопль палачей Царскихъ».

Безмолствовалъ и добродѣтельный Митрополитъ для гражданъ и Бояръ отчаянныхъ; но Богъ видѣлъ его сердце, а Царь слышалъ тайныя увѣщанія, самыя жестокія укоризны, къ несчастію безполезныя: убѣгалъ, не хотѣлъ видѣть его. Добрые Вельможи приходили къ Филиппу, рыдали, указывали ему на окровавленныя стогны: онъ утѣшалъ горестныхъ, именемъ Отца Небеснаго; далъ имъ слово не щадить своей жизни для спасенія людей, и сдержалъ оное.

Однажды въ день Воскресный, въ часъ Обѣдни, Іоаннъ, провождаемый нѣкоторыми Боярами и множествомъ Опричниковъ, входитъ въ Соборную Церковь Успенія: Царь и вся дружина его были въ черныхъ ризахъ, въ высокихъ шлыкахъ. Митрополитъ Филиппъ стоялъ въ церкви на своемъ мѣстѣ: Іоаннъ приблизился къ нему и ждалъ благословенія. Митрополитъ смотрѣлъ на образъ Спасителя, не говоря ни слова. Наконецъ Бояре сказали: «Святый Владыко! се Государь, благослови его!» Тутъ, взглянувъ на Іоанна, Филиппъ отвѣтствовалъ: «Въ семъ видѣ, въ семъ одѣяніи странномъ не узнаю Царя православнаго; не узнаю и въ дѣлахъ Царства...... О Государь! мы здѣсь приносимъ жертвы Богу, а за Олтаремъ льется невинная кровь Христіанская. Отколѣ солнце сіяетъ на небѣ, не видано, не слыхано, чтобы Цари благочестивые возмущали собственную Державу столь ужасно! Въ самыхъ невѣрныхъ, языческихъ Царствахъ есть законъ и правда, есть милосердіе къ людямъ, а въ Россіи нѣтъ ихъ! Достояніе и жизнь гражданъ не имѣютъ защиты. Вездѣ грабежи, вездѣ убійства и совершаются именемъ Царскимъ! Ты высокъ на тронѣ; но есть Всевышній, Судія нашъ и твой. Какъ предстанешь на судъ Его? обагренный кровію невинныхъ, оглушаемый воплемъ ихъ муки? ибо самые камни подъ ногами твоими вопіютъ о мести! Государь! вѣщаю яко Пастырь душъ. Бойся Господа единаго!» Іоаннъ трепеталъ отъ гнѣва; ударилъ жезломъ о камень и сказалъ голосомъ страшнымъ: «Чернецъ! доселѣ я излишно щадилъ васъ, мятежни-

ковъ: отнынѣ буду, каковымъ меня нарицаете!» и вышелъ съ угрозою.—На другой день были новыя казни.

Убѣгая Митрополита, Царь однакожь видѣлъ его въ церкви. Въ день Св. Апостоловъ, Прохора и Никанора, 28 Іюля, Филиппъ служилъ въ Новодѣвичьемъ монастырѣ и ходилъ по стѣнѣ съ крестами: тутъ былъ и Царь съ Опричниками, изъ коихъ одинъ шелъ за нимъ въ *тафьѣ*: Митрополитъ, увидѣвъ сіе безчиніе, остановился и съ негодованіемъ сказалъ о томъ Государю; но Опричникъ уже спряталъ свою тафью. Царя увѣрили, что Филиппъ выдумалъ сказку, желая возбудить народъ противъ любимцевъ Государевыхъ. Іоаннъ забылъ всю пристойность: торжественно ругалъ Митрополита, называлъ лжецомъ, мятежникомъ, злодѣемъ; клялся, что уличитъ его во всемъ—и приступилъ къ дѣлу, по совѣту съ коварнымъ Духовникомъ своимъ, Благовѣщенскимъ Протоіереемъ Евстафіемъ, тайнымъ Филипповымъ ненавистникомъ. Немедленно отправились въ Соловки Епископъ Суздальскій Пафнутій, Архимандритъ Андрониковскій Ѳеодосій и Князь Василій Темкинъ, прежде воинъ именитый, тогда ревностный слуга тиранства, подобно Басмановымъ и другимъ. Надлежало ли такъ далеко искать клеветниковъ гнусныхъ? Но Царь хотѣлъ омрачить добродѣтель въ самомъ ея свѣтломъ источникѣ; гдѣ Филиппъ прославился ею, тамъ открыть его мнимое лицемѣріе и нечистоту душевную: сія мысль казалась Іоанну искусною хитростію. Послы Царскіе то ласкали, то ужасали Монаховъ Солоnецкихъ, требуя, чтобы они безстыдно лгали на своего бывшаго Игумена: всѣ говорили, что Филиппъ святъ дѣлами и сердцемъ; но сыскался одинъ, который дерзнулъ утверждать противное: ихъ Глава, Игуменъ Паисій, въ надеждѣ сдѣлаться Епископомъ. Изобрѣли доносы, улики, представили Іоанну, и велѣли Митрополиту явиться на судъ. Царь, Святители, Бояре сидѣли въ молчаніи. Игуменъ Паисій стоялъ и клеветалъ на святаго мужа съ неслыханною дерзостію. Вмѣсто оправданія безполезнаго, Митрополитъ тихо сказалъ Паисію, что злое сѣяніе не принесетъ ему плода вожделѣннаго; а Царю: «Государь, Великій Князь! ты думаешь, что я боюсь тебя или смерти: нѣтъ! достигнувъ глубокой старости безпорочно, не знавъ въ пустынной жизни ни мятежныхъ страстей, ни козней мірскихъ, желаю такъ и предать духъ свой Всевышнему, моему и твоему Господу. Лучше умереть невиннымъ мученикомъ, нежели въ санѣ Митрополита безмолвно терпѣть ужасы и беззаконія сего несчастнаго времени. Твори, что тебѣ угодно. Се жезлъ Пастырскій; се бѣлый клобукъ и мантія, коими ты хотѣлъ возвеличить меня. А вы, Святители, Архимандриты, Игумены и всѣ служители Олтарей! пасите вѣрно стадо Христово; готовьтеся дать отчетъ, и страшитеся Небеснаго Царя еще болѣе, нежели земнаго.» Онъ хотѣлъ

удалиться: Царь остановилъ его; сказалъ, что ему должно ждать суда, а не быть своимъ судіею; принудилъ его взять назадъ утварь Святительскую и еще служить Обѣдню въ день Архангела Михаила (8 Ноября). Когда же Филиппъ въ полномъ облаченіи стоялъ предъ Олтаремъ въ храмѣ Успенія, явился тамъ Бояринъ Алексѣй Басмановъ съ толпою вооруженныхъ Опричниковъ, держа въ рукѣ свитокъ. Народъ изумился. Басмановъ велѣлъ читать бумагу: услышали, что Филиппъ Соборомъ Духовенства лишенъ сана Пастырскаго. Воины вступили въ Олтарь, сорвали съ Митрополита одежду Святительскую, облекли его въ бѣдную ризу, выгнали изъ церкви *метлами* и повезли на дровняхъ въ Обитель Богоявленія. Народъ бѣжалъ за Митрополитомъ, проливая слезы: Филиппъ съ лицемъ свѣтлымъ, съ любовію благословлялъ людей и говорилъ имъ: «молитеся!» На другой день привели его въ судную палату, гдѣ былъ самъ Іоаннъ, для выслушанія приговора: Филиппу, будто бы уличенному въ тяжкихъ винахъ и волшебствѣ, надлежало кончить дни въ заключеніи. Тутъ онъ простился съ міромъ, великодушно, умилительно; не укорялъ судей, но въ послѣдній разъ молилъ Іоанна сжалиться надъ Россіею, не терзать подданныхъ,—вспомнить, какъ царствовали его предки, какъ онъ самъ царствовалъ въ юности, ко благу людей и собственному. Государь, не отвѣтствуя ни слова, движеніемъ руки предалъ Филиппа воинамъ. Дней восемь сидѣлъ онъ въ темницѣ, въ узахъ; былъ перевезенъ въ Обитель Св. Николая *Стараго*, на берегу Москвы—рѣки; терпѣлъ голодъ и питался молитвою. Между тѣмъ Іоаннъ истреблялъ знатный родъ Колычевыхъ: прислалъ къ Филиппу отсѣченную голову его племянника, Ивана Борисовича, и велѣлъ сказать: «се твой любимый сродникъ: не помогли ему твои чары!» Филиппъ всталъ, взялъ голову, благословилъ и возвратилъ принесшему. Опасаясь любви гражданъ Московскихъ ко сверженному Митрополиту — слыша, что они съ утра до вечера толпятся вокругъ Обители Николаевской, смотрятъ на келлію заключеннаго и разсказываютъ другъ другу о чудесахъ его святости — Царь велѣлъ отвезти страдальца въ Тверскій монастырь, называемый Отрочимъ, и немедленно избралъ новаго Митрополита, Троицкаго Архимандрита, именемъ Кирилла, къ досадѣ Пимена, имѣвшаго надежду заступить мѣсто Филиппа.

Въ Декабрѣ 1569 года онъ съ Царевичемъ Іоанномъ, со всѣмъ Дворомъ, со всею любимою дружиною выступилъ изъ Слободы Александровской, миновалъ Москву и пришелъ въ Клинъ, первый городъ бывшаго Тверскаго Великаго Княженія. Думая, вѣроятно, что всѣ жители сей области, покоренной его дѣдомъ, суть тайные враги Московскаго Самодержавія, Іоаннъ велѣлъ смертоносному Легіону своему начать войну, убійства, грабежъ, тамъ, гдѣ никто не мыслилъ

о непріятелѣ, никто не зналъ вины за собою; гдѣ мирные подданные встрѣчали Государя какъ отца и защитника. Домы, улицы наполнились трупами; не щадили ни женъ, ни младенцевъ. Отъ Клина до Городни и далѣе истребители шли съ обнаженными мечами, обагряя ихъ кровію бѣдныхъ жителей, до самой Твери, гдѣ въ уединенной тѣсной келліи Отроча — монастыря еще дышалъ Св. старецъ Филиппъ, молясь (безъ услышанія!) Господу о смягченіи Іоаннова сердца: тиранъ не забылъ сего сверженнаго имъ Митрополита и послалъ къ нему своего любимца, Малюту Скуратова, будто бы для того, чтобы взять у него благословеніе. Старецъ отвѣтствовалъ, что благословляютъ только добрыхъ и на доброе. Угадывая вину Посольства, онъ съ кротостію примолвилъ: «я давно ожидаю смерти: да исполнится воля Государева!» Она исполнилась: гнусный Скуратовъ задушилъ Св. мужа; но, желая скрыть убійство, объявилъ Игумену и братіи, что Филиппъ умеръ отъ несноснаго жара въ его келліи. Устрашенные Иноки вырыли могилу за Олтаремъ, и въ присутствіи убійцы погребли сего великаго Іерарха Церкви Россійской, украшеннаго вѣнцемъ Мученика и славы: ибо умереть за добродѣтель есть верхъ человѣческой добродѣтели, и ни Новая, ни Древняя Исторія не представляютъ намъ Героя знаменитѣйшаго. Чрезъ нѣсколько лѣтъ (въ 1584 году) святыя мощи его были перенесены въ Обитель Соловецкую, а послѣ (въ 1652 году) въ Москву, въ храмъ Успенія Богоматери, гдѣ мы и нынѣ съ умиленіемъ имъ покланяемся. (IX т. Исторіи Госуд. Россійскаго, гл. II).

Н. Карамзинъ.

Митрополитъ Филиппъ.

Духовенство Русское могущественно содѣйствовало утвержденію единовластія; но когда Московскіе единовластители вступили въ послѣднюю борьбу съ остатками старины, съ притязаніями князей и дружины, то духовенство приняло на себя обязанность — среди этой борьбы сдерживать насиліе, не допускать торжествующее начало употреблять во зло свою побѣду; усердно помогая Московскому государю сломить притязанія князей и членовъ дружины, духовенство въ то же время брало этихъ князей и членовъ дружины подъ свой покровъ, блюло надъ ихъ жизнію, какъ членовъ церкви: такъ утвердился обычай, что митрополитъ и вообще духовенство печаловались за опальныхъ и брали ихъ на поруку. Митрополитъ Макарій, получившій митрополію вслѣдствіе торжества Шуйскихъ, являлся, по просьбѣ молодаго Іоанна, ходатаемъ предъ Шуйскими за Воронцова, причемъ подвергался оскорбленіямъ; онъ пережилъ Шуйскихъ, пережилъ волненія, послѣдовавшія за ихъ паденіемъ,

умѣлъ не сталкиваться съ Сильвестеромъ и, если вѣрить Курбскому, защищалъ послѣдняго при его паденіи, видѣлъ возобновленіе казней, и умеръ въ 1563 году; онъ хотѣлъ нѣсколько разъ оставить митрополію, но былъ удерживаемъ царемъ и владыками. Преемникомъ Макарія былъ монахъ Чудова монастыря Аѳанасій, бывшій прежде духовникомъ государевымъ. Выговаривая себѣ неограниченное право казнить своихъ лиходѣевъ, учреждая опричнину, Іоаннъ жаловался на духовенство, что оно покрывало виновныхъ, и требовалъ у него отреченія отъ обычая печаловаться. Аѳанасій былъ свидѣтелемъ учрежденія опричнины, получилъ позволеніе отпечаловать боярина Яковлева, князя Воротынскаго, и въ 1566 году оставилъ митрополію по болѣзни. Въ преемники Аѳанасію былъ назначенъ Германъ, архіепископъ Казанскій; но бесѣды его, по словамъ Курбскаго, не понравились любимцамъ Іоанновымъ; Германа отстранили и вызвали Соловецкаго игумена Филиппа, сына боярина Колычева; Филиппъ объявилъ, что онъ согласится быть митрополитомъ только подъ условіемъ уничтоженія опричнины; Іоаннъ разсердился; наконецъ Филиппъ уступилъ убѣжденіямъ, что его обязанность нейти прямо противъ царской воли, но утолять гнѣвъ государя при каждомъ удобномъ случаѣ. Филиппъ далъ запись: «въ опричнину ему и въ царскій домовый обиходъ не вступаться, а послѣ поставленья, за опричнину и за царскій домовый обиходъ митрополіи не оставлять». Но, отказавшись отъ вмѣшательства въ опричнину, Филиппъ не отказался отъ права печаловаться. Начались казни; опричнина буйствовала; вельможи, народъ умоляли митрополита вступиться въ дѣло; онъ зналъ, что народъ привыкъ видѣть въ митрополитѣ печальника и не хотѣлъ молчать. Тщетно Іоаннъ избѣгалъ свиданій съ митрополитомъ, боясь печалованій; встрѣчи были необходимы въ церквахъ, и здѣсь-то происходили страшныя сцены заклинаній: «Только молчи, одно тебѣ говорю: молчи, отецъ святый!» говорилъ Іоаннъ, сдерживая духъ гнѣва, который владѣлъ имъ: «молчи и благослови насъ!» — Филиппъ: «Наше молчаніе грѣхъ на душу твою налагаетъ и смерть наноситъ». — Іоаннъ: «Ближніе мои встали на меня, ищутъ мнѣ зла; какое дѣло тебѣ до нашихъ царскихъ совѣтовъ?» — Филиппъ: «Я пастырь стада Христова!» — Іоаннъ: «Филиппъ! не прекословь державѣ нашей, чтобъ не постигъ тебя гнѣвъ мой; или лучше оставь митрополію!» — Филиппъ: «Я не просилъ, не искалъ чрезъ другихъ, не подкупомъ дѣйствовалъ для полученія сана: зачѣмъ ты лишилъ меня пустыни?» — Царь выходилъ изъ церкви въ большомъ раздумьѣ; это раздумье было страшно опричникамъ; они рѣшили погубить Филиппа и нашли сообщниковъ между духовными, во владыкахъ Новгородскомъ, Суздальскомъ, Рязанскомъ, Благовѣ-

щенскомъ протопопѣ, духовникѣ царскомъ: послѣдній явно и тайно носилъ рѣчи неподобныя Іоанну на Филиппа; отправились въ Соловецкій монастырь, привезли оттуда преемника Филиппова, игумена Паисія, доносы котораго легли въ основаніе обвиненій на судѣ соборномъ; защитниковъ Филиппу не было, все молчало. 8 Ноября 1568 года опричники съ безчестіемъ вывели Филиппа изъ Успенскаго собора, народъ бѣжалъ за нимъ со слезами. Мѣстомъ изгнанія для Филиппа назначенъ былъ Тверской Отрочь монастырь. Въ 1569 году, проѣзжая Тверь на походѣ на Новгородъ, Іоаннъ заслалъ къ Филиппу одного изъ самыхъ приближенныхъ опричниковъ, Малюту Скуратова, взять благословеніе; но Филиппъ не далъ его, говоря, что благословляютъ только добрыхъ и на доброе; опричникъ задушилъ его. Такъ палъ непобѣжденнымъ великій пастырь Русской церкви, мученикъ за священный обычай печалованія. (VI т. Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ, гл. IV).

С. Соловьевъ.

Примѣч. и темы. — Разсказы двухъ историковъ о митрополитѣ Филиппѣ даютъ поводъ сравнить ихъ между собою. Прежде слѣдуетъ ученику показать *составныя части* повѣствованія Карамзина, а потомъ — Соловьева. Есть ли здѣсь, въ самомъ богатствѣ матеріала различіе? У кого больше сказано про Св. Филиппа? — Разсказъ Карамзина представляетъ *всю* почти жизнь митрополита: а разсказъ Соловьева что̀ представляетъ? — Указавъ на составныя части разсказа, надо приступить къ его *разбору*, анализу. Въ разсказахъ Карамзина мы видимъ рядъ картинъ, рядъ образовъ, ярко живописующихъ лице митрополита Филиппа; мы находимъ въ повѣствованіи историка множество подробностей, которыя невольно дѣйствуютъ на воображеніе читателя, и такой историкъ называется историкомъ-художникомъ, историкомъ-живописцемъ. У Соловьева на первомъ планѣ картина, образъ—или что-нибудь другое? У Соловьева разсказъ о св. Филиппѣ начинается указаніемъ на *значеніе духовенства* въ древней Руси. Въ чемъ же заключалось значеніе духовенства? А это значеніе — образъ, или смыслъ, идея факта? — Всѣ тѣ немногіе факты, которые находимъ въ повѣствованіи Соловьева, выражаютъ одну главную идею автора — Св. Филиппъ палъ жертвою священнаго *обычая печалованія*... И такъ, гдѣ Карамзинъ ищетъ картины, образовъ, «исторической живописи», тамъ Соловьевъ добирается до идеи, до смысла, — а такой историкъ называется историкомъ-прагматикомъ, историкомъ-мыслителемъ. Карамзинъ роскошною кистію, какъ художникъ, рисуетъ картину событія или жизнь лица, а Соловьевъ глубокимъ анализомъ объясняетъ смыслъ, идею картины: оба историка должны быть изучаемы съ одинаковымъ вниманіемъ. Обратите вниманіе на языкъ Карамзина и Соловьева въ предложенномъ разсказѣ. Отмѣтя слова и выраженія древнія у того и другаго, обратите вниманіе на періодическую рѣчь перваго и разговорную втораго, на эпитеты перваго, на рѣзкость его выраженій (какъ Карамзинъ называетъ Іоанна и его опричниковъ)? Рѣзкость выраженій терпима ли въ повѣствованіи историческомъ? Есть ли историкъ судія прошлаго? Есть ли рѣзкость въ языкѣ Соловьева?

3. Лжедимитрій I.

Вступленіе въ столицу. — Благодѣянія. — Преобразованіе Думы.— Любовь Самозванца къ Генриху IV. — Милосердіе. — Похвальное Слово Разстригѣ.— Шепотъ о Разстригѣ. — Обличенія. — Шуйскій. — Возстаніе Москвы. — Гибель Басманова. — Свидѣтельство Царицы-Инокини.—Судъ, допросъ и казнь Лжедимитрія. — Разсѣяніе Самозванцева праха.

20 Іюня (1605 г.), въ прекрасный лѣтній день, Самозванецъ вступилъ въ Москву торжественно и пышно. Впереди Поляки, литаврщики, трубачи, дружина всадниковъ съ копьями, пищальники, колесницы заложенныя шестериями и верховыя лошади Царскія, богато убранныя; далѣе барабанщики и полки Россіянъ, Духовенство съ крестами и Лжедимитрій на бѣломъ конѣ, въ одеждѣ великолѣпной, въ блестящемъ ожерельѣ, цѣною въ 150,000 червонныхъ: вокругъ его 60 Бояръ и Князей; за ними дружина Литовская, Нѣмцы, Казаки и Стрѣльцы. Звонили во всѣ колокола Московскіе. Улицы были наполнены безчисленнымъ множествомъ людей; кровли домовъ и церквей, башни и стѣны также усыпаны зрителями. Видя Лжедимитрія, народъ падалъ ницъ съ восклицаніемъ: «Здравствуй отецъ нашъ, Государь и Великій Князь Димитрій Іоанновичь, спасенный Богомъ для нашего благоденствія! Сіяй и красуйся, о солнце Россіи»! Лжедимитрій всѣхъ громко привѣтствовалъ и называлъ своими добрыми подданными, веля имъ встать и молиться за него Богу. Не взирая на то, онъ еще не вѣрилъ Москвитянамъ: ближніе чиновники его скакали изъ улицы въ улицу, и непрестанно доносили ему о всѣхъ движеніяхъ народныхъ: все было тихо и радостно. Но вдругъ, когда Лжедимитрій чрезъ Живой мостъ и ворота Москворѣцкія выѣхалъ на площадь, сдѣлался страшный вихрь: всадники едва могли усидѣть на коняхъ; пыль взвилась столбомъ и заслѣпила имъ глаза, такъ, что Царское шествіе остановилось. Сей случай естественный поразилъ воиновъ и граждапъ; они крестились въ ужасѣ, говоря другъ другу: «Спаси насъ, Господи, отъ бѣды! Это худое предзнаменованіе для Россіи и Димитрія»! Тутъ же люди благочестивые были встревожены соблазномъ: когда Разстрига, встрѣченный Святителями и всѣмъ Клиромъ Московскимъ на Лобномъ мѣстѣ, сошелъ съ коня, чтобы приложиться къ образамъ, Литовскіе музыканты играли на трубахъ и били въ бубны, заглушая пѣніе молебна. Увидѣли и другую непристойность: вступивъ за Духовенствомъ въ Кремль и въ Соборную церковь Успенія, Лжедимитрій ввелъ туда и многихъ иновѣрцевъ, Ляховъ, Венгровъ: чего никогда не бывало, и что казалось народу оскверненіемъ храма. Такъ Рзстрига на самомъ первомъ шагу изумилъ столицу легкомысленнымъ неуваже-

ніемъ къ святынѣ!... Оттуда спѣшилъ онъ въ церковь Архистратига Михаила, гдѣ съ видомъ благоговѣнія преклонился на гробъ Іоанновъ, лилъ слезы и сказалъ: «О родитель любезный! ты оставилъ меня въ сиротствѣ и гоненіи; но святыми твоими молитвами я цѣлъ и державствую»! Сіе вскусное лицедѣйствіе было не безполезно: народъ плакалъ и говорилъ: «то истинный Димитрій!» Наконецъ Разстрига въ чертогахъ Іоанновыхъ сѣлъ на престолъ Государей Московскихъ. (Т. XI, стр. 212—214).

Угодивъ всей Россіи милостями къ невиннымъ жертвамъ Борисова тиранства, Лжедмитрій старался угодить ей и благодѣяніями общими: удвоилъ жалованье сановникамъ и войску; велѣлъ заплатить всѣ долги казенные Іоаннова царствованія, отмѣнилъ многія торговыя и судныя пошлины; строго запрещалъ всякое мздоимство и наказалъ многихъ судей безсовѣстныхъ; обнародовалъ, что въ каждую Среду и Субботу будетъ самъ принимать челобитныя отъ жалобщиковъ на Красномъ крыльцѣ. Онъ издалъ также достопамятный законъ о крестьянахъ и холопяхъ: указалъ всѣхъ бѣглыхъ возвратить ихъ отчинникамъ и помѣщикамъ, кромѣ тѣхъ, которые ушли во время голода, бывшаго въ Борисово царствованіе, не имѣвъ нужнаго пропитанія; объявилъ свободными слугъ, лишенныхъ воли насиліемъ, безъ крѣпостей, внесенныхъ въ государственныя книги. Чтобы оказать довѣренность къ подданнымъ, Лжедмитрій отпустилъ своихъ иноземныхъ тѣлохранителей и всѣхъ Ляховъ, давъ каждому изъ нихъ въ награду за вѣрную службу по сороку злотыхъ, деньгами и мѣхами, но тѣмъ не удовлетворилъ ихъ корыстолюбію: они хотѣли болѣе, не выѣзжали изъ Москвы, жаловались и пировали!

Плѣненный обычаями той земли, гдѣ началась его жизнь пышная, и гдѣ все казалось ему блестящимъ, превосходнымъ въ сравненіи съ Россіею, Лжедмитрій не удовольствовался введеніемъ новыхъ чиновъ и наименованій: онъ спѣшилъ, въ духѣ сего подражанія, измѣнить составъ нашей древней государственной Думы: указалъ засѣдать въ ней, сверхъ Патріарха (что въ важныхъ случаяхъ и дотолѣ бывало), четыремъ Митрополитамъ, семи Архіепископамъ и тремъ Епископамъ, надѣясь, можетъ быть, обольстить тѣмъ мірское честолюбіе Духовенства, а болѣе всего желая слѣдовать уставу Королевства Польскаго; назвалъ всѣхъ мужей Думныхъ Сенаторами, умножилъ число ихъ до семидесяти, самъ ежедневно тамъ присутствовалъ, слушалъ и рѣшалъ дѣла, какъ увѣряютъ, съ необыкновенною легкостью. Пишутъ, что онъ, имѣя даръ краснорѣчія, блисталъ имъ въ Совѣтѣ, говорилъ много и складно, любилъ уподобленія, часто ссылался на Исторію, и разсказывалъ, что самъ видѣлъ въ иныхъ земляхъ, то есть, въ Литвѣ и въ Польшѣ; изъявлялъ

особенное уважение къ королю Французскому, Генриху IV; хвалился, подобно Борису, милосердіемъ, кротостію, великодушіемъ, и твердилъ людямъ ближнимъ: «я могу двумя способами удержаться на престолѣ: тиранствомъ и милостію; хочу испытать милость и вѣрно исполнить обѣтъ, данный мною Богу: не проливать крови». Такъ говорилъ убійца непорочнаго Ѳеодора и благодѣтельной Маріи...! Разстригу славили: Московскій Благовѣщенскій Протоіерей, Терентій, сочинилъ ему похвальное слово, какъ Вѣнценосцу доблему, *носящему на языкѣ милость*, а Патріархъ Іерусалимскій униженною грамотою извѣстилъ его, что вся Палестина ликуетъ о спасеніи Іоаннова сына, предвидя въ немъ будущаго своего избавителя, и что три лампады денно и нощно пылаютъ надъ гробомъ Христовымъ во имя Царя Димитрія. (Тамъ же, стр. 216 — 219).

Въ самомъ началѣ новаго царствованія, когда Москва еще гремѣла хвалою Димитрія, уже многіе люди шептали между собою о дѣйствительномъ сходствѣ его съ Діакономъ Григоріемъ; хвала умолкала отъ безразсудности и худыхъ дѣлъ Царя, а шепотъ становился внятнѣе — и скоро взволновалъ столицу. Первымъ уличителемъ и первою жертвою былъ Инокъ, который сказалъ всенародно, что мнимый Димитрій извѣстенъ ему съ дѣтскихъ лѣтъ подъ именемъ Отрепьева, учился у него грамотѣ и жилъ съ нимъ въ одномъ монастырѣ: Инока тайно умертвили въ темницѣ. Нашелся и другой, опаснѣйшій свидѣтель истины — тотъ, кому Судьба вручила месть праведную, но коего часъ еще не наступилъ: Князь Василій Шуйскій. Въ смятеніи ужаса признавъ бродягу Царемъ, вмѣстѣ съ иными Боярами, онъ менѣе всѣхъ могъ извиняться заблужденіемъ, ибо собственными глазами видѣлъ Іоаннова сына во гробѣ. Терзаясь ли горестію и стыдомъ, или имѣя уже дальновидные тайные замыслы властолюбія, Шуйскій не долго безмолствовалъ въ столицѣ: сказалъ ближнимъ, друзьямъ, пріятелямъ, что Россія у ногъ обманщика; внушалъ и народу, чрезъ своихъ повѣренныхъ, купца Ѳеодора Конева и другихъ, что Годуновъ и Святитель Іовъ объявляли совершенную правду о Самозванцѣ, еретикѣ, орудіи Ляховъ и Папистовъ. Еще Лжедимитрій имѣлъ многихъ ревностныхъ слугъ: Басмановъ узналъ и донесъ ему о семъ ковѣ, опасномъ знатностію виновника. Взяли Шуйскаго съ братьями подъ стражу и велѣли судить, какъ дотолѣ еще никого не судили въ Россіи: Соборомъ, избраннымъ людямъ всѣхъ чиновъ и званій. Лѣтописецъ увѣряетъ, что Князь Василій въ семъ единственномъ случаѣ жизни своей явилъ себя героемъ: не отрицался; смѣло, великодушно говорилъ истину, къ искреннему и лицемѣрному ужасу судей, которые хотѣли заглушить ее воплемъ, проклиная такія хулы на Вѣнценосца. Шуйскаго пытали: онъ молчалъ; не назвалъ никого изъ соумышленни-

ковъ, и былъ одинъ приговоренъ къ смертной казни: братьевъ его лишали только свободы. Въ глубокой тишинѣ народъ тѣснился вокругъ Лобнаго мѣста, гдѣ стоялъ осужденный Бояринъ (какъ бывало въ Іоанново время!) подлѣ сѣкиры и плахи, между дружинами воиновъ, Стрѣльцевъ и Козаковъ; на стѣнахъ и башняхъ Кремлевскихъ также блистало оружіе, для устрашенія Москвитянъ, и Петръ Басмановъ, держа бумагу, читалъ народу отъ имени Царскаго: «Великій Бояринъ, Князь Василій Ивановичь Шуйскій, измѣнилъ мнѣ, законному Государю вашему, Димитрію Іоанновичу всея Россіи; коварствовалъ, злословилъ, ссорилъ меня съ вами, добрыми подданными: называлъ Лжецаремъ; хотѣлъ свергнуть съ престола. Для того осужденъ на казнь: да умретъ за измѣну и вѣроломство»! Народъ безмолствовалъ въ горести, издавна любя Шуйскихъ, и пролилъ слезы, когда несчастный Князь Василій, уже обнажаемый палачемъ, громко воскликнулъ къ зрителямъ: «братья! умираю за истину, за Вѣру Христіанскую и за васъ». Уже голова осужденнаго лежала на плахѣ.. Вдругъ слышатъ крикъ: *стой!* и видятъ Царскаго чиновника, скачущаго изъ Кремля къ Лобному мѣсту, съ Указомъ въ рукѣ: объявляютъ помилованіе Шуйскому. Тутъ вся площадь закипѣла въ неописанномъ движеніи радости: славили Царя, какъ въ первый день его торжественнаго вступленія въ Москву; радовались и вѣрные приверженники Самозванца, думая, что такое милосердіе даетъ ему новое право на любовь общую; негодовали только дальновиднѣйшіе изъ нихъ, и не ошиблись: могъ ли забыть Шуйскій пытки и плаху? Узнали, что не вѣтреный Лжедимитрій вздумалъ тронуть сердца симъ неожиданнымъ дѣйствіемъ великодушія, но что Царица-Инокиня слезнымъ моленіемъ убѣдила мнимаго сына не казнить врага, который искалъ головы его!... Совѣсть, вѣроятно, терзала сію несчастную пособницу обмана: спасая мученика истины, Мароа надѣялась уменьшить грѣхъ свой предъ людьми и Богомъ. Вмѣстѣ съ нею ходатайствовали за осужденнаго и нѣкоторые Ляхи, видя, сколь живое участіе принимали Москвитяне въ судьбѣ его, и желая снискать тѣмъ ихъ благодарность. — Всѣхъ трехъ Шуйскихъ, Князя Василія, Дмитрія, Ивана, сослали въ пригороды Галицкіе; имѣніе ихъ описали, домы опустошили. (Тамъ же, стр. 228 — 232).

17 Мая (1606 г.), въ четвертомъ часу дня, прекраснѣйшаго изъ весеннихъ, восходящее солнце освѣтило ужасную тревогу столицы: ударили въ колоколъ сперва у Св. Иліи, близъ двора гостинаго, и въ одно время загремѣлъ набатъ въ цѣлой Москвѣ, и жители устремились изъ домовъ на Красную площадь, съ копьями, мечами, самопалами, Дворяне, Дѣти боярскіе, Стрѣльцы, люди Приказные и торговые, граждане и чернь. Тамъ, близъ Лобнаго мѣста, сидѣли Бояре на коняхъ, окруженные сонмомъ Князей и Воеводъ, въ шле-

махъ и латахъ, въ полныхъ доспѣхахъ, и представляя въ лицѣ своемъ отечество, ждали народа. Стеклося безчисленное множество людей, и ворота Спасскія растворились: Князь Василій Шуйскій, держа въ одной рукѣ мечь, въ другой Распятіе, въѣхалъ въ Кремль, сошелъ съ коня, въ храмѣ Успенія приложился къ святой иконѣ Владимірской, и воскликнулъ къ тысячамъ: «во имя Божіе идите на злаго еретика!» указалъ имъ дворецъ, куда съ грознымъ шумомъ и крикомъ уже неслися толпы, но гдѣ еще царствовала глубокая тишина! Пробужденный звукомъ набата, Лжедимитрій въ удивленіи встаетъ съ ложа, спѣшитъ одѣться, спрашиваетъ о причинѣ тревоги: ему отвѣтствуютъ, что, вѣроятно, горитъ Москва; но онъ слышитъ свирѣпый вопль народа, видитъ въ окно лѣсъ копій и блистаніе мечей; зоветъ Басманова, ночевавшаго во дворцѣ, и велитъ ему узнать предлогъ мятежа. Сей Бояринъ, духа твердаго, могъ быть предателемъ, но только однажды: измѣнивъ Государю законному, уже стыдился измѣнить Самозванцу, и тщетно желавъ образумить, спасти легкомысленнаго, желалъ, по крайней мѣрѣ, не разлучаться съ нимъ въ опасности. Басмановъ встрѣтилъ толпу уже въ сѣняхъ: на вопросъ его, куда она стремится? въ нѣсколько голосовъ кричатъ: «веди насъ къ Самозванцу! выдай намъ своего бродягу!» Басмановъ кинулся назадъ, захлопнулъ дверь, велѣлъ тѣлохранителямъ не пускать мятежниковъ, и въ отчаяніи прибѣжавъ къ Разстригѣ, сказалъ ему: «Все кончилось! Москва бунтуетъ; хотятъ головы твоей: спасайся! Ты мнѣ не вѣрилъ!» Вслѣдъ за нимъ ворвался въ Царскіе покои одинъ Дворянинъ безоружный, съ голыми руками, требуя, чтобы мнимый сынъ Іоанновъ шелъ къ народу, дать отчетъ въ своихъ беззаконіяхъ: Басмановъ разсѣкъ ему голову мечемъ. Самъ Лжедимитрій, изъявляя смѣлость, выхватилъ бердышъ у тѣлохранителя Шварцгофа, растворилъ дверь въ сѣни, и грозя народу, кричалъ: «я вамъ не Годуновъ!» Отвѣтомъ были выстрѣлы, и Нѣмцы снова заперли дверь; но ихъ было только 50 человѣкъ, и еще, во внутреннихъ комнатахъ дворца, 20 или 30 Поляковъ, слугъ и музыкантовъ: иныхъ защитниковъ, въ сей грозный часъ, не имѣлъ тотъ, кому наканунѣ повиновались милліоны! Но Лжедимитрій имѣлъ еще друга: не находя возможности противиться силѣ силою, въ ту минуту, когда народъ отбивалъ двери, Басмановъ вторично вошелъ къ нему — увидѣлъ Бояръ въ толпѣ, и между ими самыхъ ближнихъ людей Разстригиныхъ: Князей Голицыныхъ, Михайла Салтыкова, старыхъ и новыхъ измѣнниковъ; хотѣлъ ихъ усовѣстить; говорилъ объ ужасѣ бунта, вѣроломства, безначалія; убѣждалъ ихъ одуматься; ручался за милость Царя. Но ему не дали говорить много: Михайло Татищевъ, имъ спасенный отъ ссылки, завопилъ: «злодѣй! иди въ адъ вмѣстѣ съ твоимъ Ца-

ремъ!» и ножемъ ударилъ его въ сердце. Басмановъ испустилъ духъ, и мертвый былъ сброшенъ съ крыльца.... судьба, достойная измѣнника и ревностнаго слуги злодѣйства, но жалостная для человѣка, который могъ и не захотѣлъ быть честію Россіи!

Уже народъ вломился во дворецъ, обезоружилъ тѣлохранителей, искалъ Разстриги и не находилъ: дотолѣ смѣлый и неустрашимый, Самозванецъ, въ смятеніи ужаса кинувъ свой мечь, бѣгалъ изъ комнаты въ комнату, рвалъ на себѣ волосы, и, не видя инаго спасенія, выскочилъ изъ палатъ въ окно на Житный дворъ — вывихнулъ себѣ ногу, разбилъ грудь, голову, и лежалъ въ крови. Тутъ узнали его Стрѣльцы, которые въ семъ мѣстѣ были на стражѣ, и не участвовали въ заговорѣ: они взяли Разстригу, посадили на фундаментъ сломаннаго дворца Годуновскаго, отливали водою, изъявляли жалость. Самозванецъ, омывая теплою кровію развалины Борисовыхъ чертоговъ (гдѣ жило нѣкогда счастіе, и также измѣнило своему любимцу), пришелъ въ себя: молилъ Стрѣльцевъ быть ему вѣрными, обѣщалъ имъ богатство и чины. Уже стеклося вокругъ нихъ множество людей: хотѣли взять Разстригу; но Стрѣльцы не выдавали его и требовали свидѣтельства Царицы-Инокини, говоря: «если онъ сынъ ея, то мы умремъ за него; а если Царица скажетъ, что онъ Лжедимитрій, то воленъ въ немъ Богъ». Сіе условіе было принято. Мнимая мать Самозванца, вызванная Боярами изъ кельи, торжественно объявила народу, что истинный Димитрій скончался на рукахъ ея въ Угличѣ; что она, какъ жена слабая, дѣйствіемъ угрозъ и лести была вовлечена въ грѣхъ безсовѣстной лжи: неизвѣстнаго ей человѣка назвала сыномъ, раскаялась и молчала отъ страха, но тайно открывала истину многимъ людямъ. Призвали и родственниковъ ея, Нагихъ: они сказали то же, вмѣстѣ съ нею винясь предъ Богомъ и Россіею. Чтобы еще болѣе удостовѣрить народъ, Мареа показала ему изображеніе младенческаго лица Димитріева, которое у нее хранилось и ни мало не сходствовало съ чертами лица Разстригина.

Тогда Стрѣльцы выдали обманщика, и Бояре велѣли снести его во дворецъ, гдѣ онъ увидѣлъ своихъ тѣлохранителей подъ стражею: заплакалъ и протянулъ къ нимъ руку, какъ бы благодаря ихъ за вѣрность. Одинъ изъ сихъ Нѣмцевъ, Ливонскій Дворянинъ, Фирстенбергъ, тѣснился сквозь толпу къ Самозванцу, и былъ жертвою озлобленія Россіянъ: его умертвили; хотѣли умертвить и другихъ тѣлохранителей: но Бояре не велѣли трогать сихъ честныхъ слугъ—и въ комнатѣ, наполненной людьми вооруженными, стали допрашивать Лжедимитрія, покрытаго бѣднымъ рубищемъ: ибо народъ уже сорвалъ съ него одежду Царскую. Шумъ и крики заглушали рѣчи; слышали только, какъ увѣряютъ, что Разстрига, на вопросъ: «кто ты,

злодѣй?» отвѣчалъ: «вы знаете: я Димитрій» — и ссылался на Царицу-Инокиню; слышали, что Князь Иванъ Голицынъ возразилъ ему: «ея свидѣтельство уже намъ извѣстно: она предаетъ тебя казни». Слышали еще, что Самозванецъ говорилъ: «несите меня на Лобное мѣсто: тамъ объявлю истину всѣмъ людямъ». Нетерпѣливый народъ ломился въ дверь, спрашивая, винится ли злодѣй? Ему сказали, что винится — и два выстрѣла прекратили допросъ вмѣстѣ съ жизнію Отрепьева (его убили Дворяне Иванъ Воейковъ и Григорій Волуевъ). Толпа бросилась терзать мертваго; сѣкли мечами, кололи трупъ бездушный и кинули съ крыльца на тѣло Басманова, восклицая: «будьте неразлучны и въ адѣ! вы здѣсь любили другъ друга!» Яростная чернь схватила, извлекла сіи нагіе трупы изъ Кремля и положила близъ Лобнаго мѣста: Разстригу на столѣ, съ маскою, дудкою и волынкою, въ знакъ любви его къ скоморошеству и музыкѣ; а Басманова на скамьѣ, у ногъ Разстригиныхъ. (Тамъ же, стр. 291 — 297).

Тѣло Самозванца, бывъ три дни предметомъ любопытства и ругательствъ на площади, было вывезено и схоронено въ убогомъ домѣ, за Серпуховскими воротами, близъ большой дороги. Но Судьба не дала ему мирнаго убѣжища и въ нѣдрахъ земли. Съ 18 до 25 Мая были тогда жестокіе морозы, вредные для садовъ и полей: суевѣріе приписывало такую чрезвычайность волшебству Разстриги и видѣло какія-то ужасныя явленія надъ его могилою: чтобы пресѣчь сію молву, тѣло мнимаго чародѣя вынули изъ земли, сожгли на Котлахъ, и смѣшавъ пепелъ съ порохомъ, выстрѣлили имъ изъ пушки, въ ту сторону, откуда Самозванецъ пришелъ въ Москву съ великолѣпіемъ! Вѣтеръ развѣялъ бренные остатки злодѣя. (Тамъ же, стр. 308). *Н. Карамзинъ.*

Примѣч. — Карамзинъ, Николай Михайловичъ (1766 — 1826), одинъ изъ образованнѣйшихъ и трудолюбивѣйшихъ нашихъ писателей, оставилъ образцовое произведеніе, которое называется «Исторія Государства Россійскаго». *Двадцать три* года, въ уединеніи, вдали отъ общества и даже ближайшихъ друзей [1]), трудился Карамзинъ надъ изображеніемъ минувшей судьбы нашего отечества: всесторонне изучилъ лѣтописи Русскія, акты, извѣстія иностранцевъ о Россіи, всѣ бывшія до него ученыя сочиненія Русскихъ и иностранныхъ писателей и представилъ Исторію, — великое произведеніе въ нашей литературѣ, — «трудъ, которому (приводимъ слова М. П. Погодина) отдалъ свою жизнь, — трудъ, который могъ совершить только онъ, силою своего таланта, воли, удивительныхъ, необыкновенныхъ способностей ума и сердца [2])».

---

[1]) «До такой степени углубился въ свой предметъ, преимущественно на первыхъ порахъ, что сдѣлался несноснымъ даже для друзей своихъ. Онъ ни объ чемъ не могъ думать, ни объ чемъ не могъ говорить, ничего не могъ понимать, кромѣ предмета своихъ занятій». *Погодинъ*: Н. М. Карамзинъ. М. 1866, ч. II, стр. 26.

[2]) Н. М. Карамзинъ. М. 1866, ч. II, стр. 133.

«Исторія» Карамзина состоитъ изъ 12-ти томовъ [1]) и обнимаетъ событія нашего отечества отъ его основанія до 1611 года. Карамзинъ *первый* въ одной живой картинѣ изобразилъ жизнь нашихъ предковъ: ихъ войны, политическія дѣла, религію, образованіе, обычаи, суевѣрія. Огромное число лицъ и мѣстностей въ его «Исторіи» (см. Ключъ *Строева:* онъ состоитъ изъ двухъ большихъ томовъ) показываетъ, какого усидчиваго труда стоило писателю его произведеніе. Нѣкоторыя лица представлены у Карамзина съ удивительною картинностію, напр. Владиміръ Мономахъ, Димитрій Донской, Іоаннъ III, Іоаннъ IV, Митрополитъ Филиппъ, Борисъ Годуновъ, Лжедимитрій. Многія отдѣльныя событія разсказаны съ увлекательностію поэта, напр. крещеніе Руси, славная битва Куликовская, покореніе Казани, монашеская жизнь Іоанна въ Александровской слободѣ, восшествіе Бориса на престолъ и пр. Имѣя отъ природы нѣжное сердце, Карамзинъ особенно-трогателенъ тамъ, гдѣ изображаетъ женскія царственныя лица, съ ихъ добрыми и слабыми сторонами: таковъ историкъ, когда съ глубокимъ чувствомъ любви и сожалѣнія разсказываетъ о жизни Ксеніи, несчастной дочери Бориса Годунова (т. XI — 38, 212 и д.), а также — о страшной судьбѣ Маріи, достойной сожалѣнія матери царевича Димитрія (т. X, 5, 121; XI — 205, 216, 294 — 5).

Изображая жизнь нашего отечества съ небывалою до того времени живостью, полнотою, и поразительною вѣрностію, «Исторія» Карамзина произвела сильное впечатлѣніе на Русское общество. Приводимъ отрывокъ изъ сочиненій *Пушкина,* бывшаго современникомъ выхода въ свѣтъ первыхъ осьми томовъ труда исторіографа: «Появленіе Исторіи Государства Россійскаго, пишетъ великій поэтъ нашъ,—надѣлало много шуму и произвело сильное впечатлѣніе. 3,000 экземпляровъ разошлись въ одинъ мѣсяцъ, чего не ожидалъ и самъ Карамзинъ. Свѣтскіе люди (и женщины) бросились читать исторію своего отечества. Нѣсколько времени нигдѣ ни о чемъ иномъ не говорили. Примѣчанія къ Р. Исторіи свидѣтельствуютъ обширную начитанность Карамзина, пріобрѣтенную имъ уже въ тѣхъ лѣтахъ, когда для обыкновенныхъ людей кругъ образованія и познаній давно заключенъ и хлопоты по службѣ замѣняютъ усилія къ просвѣщенію... У насъ никто не въ состояніи изслѣдовать огромное созданіе Карамзина, за что никто не сказалъ спасибо человѣку уединившемуся въ ученый кабинетъ, во время самыхъ лестныхъ успѣховъ и посвятившему цѣлыхъ 12-ть лѣтъ жизни безмолвнымъ и неутомимымъ трудамъ... Повторяю, что Исторія Государства Россійскаго есть не только созданіе великаго писателя, но и подвигъ честнаго человѣка [2])».

Жуковскій вотъ что писалъ Дмитріеву о появленіи «Исторіи» Карамзина: «Онъ читалъ намъ описаніе взятія Казани. Какое совершенство! И какая эпоха для Русскаго появленіе этой Исторіи! какое сокровище для языка, для поэзіи, не говорю уже о той дѣятельности, которая должна будетъ родиться въ умахъ. Эту Исторію можно назвать *воскресителемъ прошедшихъ вѣковъ бытія нашего народа.* По сію пору они были для насъ только мертвыми муміями, и всѣ Исторіи Русскаго народа, доселѣ извѣстныя, можно назвать только

---

[1]) Въ 1816 году Карамзинъ представилъ Государю 8 томовъ своей «Исторіи», и Императоръ щедро наградилъ автора. «Вамъ, писалъ Карамзинъ брату, я думаю извѣстно чрезъ газеты, что Государь пожаловалъ мнѣ и чинъ и ленту и деньги на печатаніе Исторіи. Положено печатать трудъ мой въ Петербургѣ, и жить мнѣ лѣтомъ въ Царскомъ Селѣ: такъ сказалъ Государь». Атеней 1858, № 25, стр. 605. Первые восемъ томовъ вышли въ свѣтъ 1818 г.

[2]) Соч. А. С. Пушкина. Изд. Исакова. Т. IV, стр. 52.

гробами, въ которыхъ мы видѣли лежащими эти безобразныя муміи. Теперь всё оживится, подымутся, и получатъ величественный, привлекательный образъ. Счастливы дарованія, теперь созрѣвающія! Они начнутъ свое поприще, вооруженныя съ ногъ до головы [1])»...

Не смотря на такую громкую славу, Карамзинъ, какъ скромный и благородный Р. ученый, самъ не высоко ставилъ свой великій трудъ: «Пусть никто не читаетъ моей «Исторіи», — пишетъ онъ: она есть, и довольно съ меня.... За неимѣніемъ читателей могу читать себѣ и бормотать сердцу, гдѣ и что хорошо. Въ своемъ тихомъ восторгѣ не думаю ни о современникахъ, ни о потомствѣ: я независимъ и наслаждаюсь только своимъ трудомъ».

Темы.—Разборъ предложенныхъ отрывковъ изъ «Исторіи Государства Россійскаго». — Во-первыхъ со стороны *содержанія*: укажите образцы разсказа, или повѣствованія.—Укажите на описанія.—Представьте образцы разговоровъ. —Нѣтъ ли разсужденій въ приведенныхъ отрывкахъ?—Нѣтъ ли рѣчей (ораторскихъ) въ нихъ? — И такъ «Исторія» Карамзина весьма разнообразна по содержанію своему: въ ней мы находимъ различные роды и виды сочиненій.— Разборъ, во-вторыхъ, со стороны *слога.*—Какая рѣчь у Кармзина: періодическая или отрывистая?— Представьте образцы разныхъ періодовъ (винословныхъ, уступительныхъ, противоположныхъ и пр.).—Отмѣтьте древнія слова и выраженія во всѣхъ отрывкахъ.— Обратите вниманіе на имена существительныя: не представляютъ ли они какой-нибудь особенности? — Остановитесь на именахъ прилагательныхъ: всегда ли историкъ ставитъ ихъ передъ именами существительными? Какія окончанія въ прилагательныхъ любитъ Карамзинъ? — Вникните въ синтаксическія особенности языка историка, касательно согласованія, управленія, положенія подлежащаго, сказуемаго въ предложеніи и пр.—При разрѣшеніи всѣхъ предложенныхъ темъ совѣтуемъ учителю пользоваться книгою *Ѳ. И. Буслаева* «О преподаваніи отечественнаго языка» (М. 1867. Изд. 2). Здѣсь, на стр. 129—160, указано педагогическое значеніе «Исторіи» Карамзина, сдѣлана выписка выраженій, любопытныхъ для синонимики, частію для грамматики и стилистики, — представлены выписки выраженій изъ древнихъ памятниковъ, находящихся во всѣхъ 12-ти томахъ, сличено повѣствованіе Карамзина съ Несторомъ, Словомъ о Полку Игоревѣ, Сказаніемъ о Мамаевомъ Побоищѣ, Похвальнымъ словомъ Димитрію и Псковскою Лѣтописью.

Объ «Исторіи Государства Россійскаго» писали:—*Н. А. Полевой.* Очерки Русской Литературы. С. П. Б. 1839. — *Ѳ. И. Буслаевъ.* О преподаваніи отечественнаго языка. М. 1867. Изд. 2-е, стр. 129—160, 237—269. — *С. М. Соловьевъ.* Отеч. Зап. 1851—2 годовъ. Тутъ напечатанъ рядъ статей.—*М. П. Погодинъ.* Н. М. Карамзинъ. М. 1867. Тутъ разобрана «Исторія» Карамзина со стороны критики, искусства и науки *). Сверхъ того указанъ самый процессъ работы, чуть не изо дня въ день **). Разборъ труда Карамзина со стороны критики, искусства и науки прежде напечатанъ былъ Погодинымъ въ Похвальномъ Словѣ его исторіографу, сказанномъ при открытіи ему памятника въ Симбирскѣ. Этотъ разборъ потомъ занесенъ въ примѣчанія къ Христоматіи *г. Галахова* (прежнія изданія, до 1861 года). — *Бестужевъ-Рюминъ.* Журналъ Министерства Нар. Просвѣщ. 1867, № I. Прекрасная статья! Она читана была на актѣ С. П.-Б. Университета по поводу столѣтняго юбилея (1866) Карамзина, и во многомъ дополняетъ разборъ Погодина.

[1]) Н. М. Карамзинъ. Соч. *Погодина.* М. 1866, ч. II, стр. 141 — 2.

*) Н. М. Карамзинъ. М. 1866, ч. II, стр. 185—196.

**) Тамъ же, стр. 27 и д.

ДОМАШНІЙ БЫТЪ РУССКИХЪ ЦАРЕЙ ВЪ XVI И XVII СТ. [1]).

Обрядъ Государевой жизни, комнатной и выходной.

Представимъ, въ короткомъ очеркѣ, *обрядъ* древней царской жизни, *комнатной* и *выходной*, т. е. собственно домашней и общественной, если можно такъ обозначить всѣ тѣ случаи повседневнаго порядка, когда государь являлся среди своего синклита и всего народа, присутствуя, какъ первое лице, при совершеніи общихъ церковныхъ и праздничныхъ дѣйствъ и обрядовъ. Прежде всего мы войдемъ въ *Комнату* государя, или въ то внутреннее отдѣленіе дворца, которое *Котошихинъ* [2]) называетъ палатами *покоевыми*, тоесть жилыми. Раннее утро заставало государя въ Крестовой, въ которой молебный иконостасъ, весь уставленный иконами, богатоукрашенными золотомъ, жемчугомъ и дорогими каменьями, давно уже освѣщался множествомъ лампадъ и восковыхъ свѣчей, теплившихся почти передъ каждымъ образомъ. Государь вставалъ обыкновенно часа въ четыре утра. Постельничій, при пособіи спальниковъ и стряпчихъ, подавалъ государю платье и *убиралъ* его. Умывшись, государь тотчасъ же выходилъ въ Крестовую, гдѣ его ожидали духовникъ или *крестовый попъ* и *крестовые дьяки*. Духовникъ или крестовый священникъ благословлялъ государя крестомъ, возлагая на чело и ланиты, при чемъ государь прикладывался ко кресту и потомъ начиналъ утреннюю молитву. Въ то же время одинъ изъ крестовыхъ дьяковъ, поставлялъ предъ иконостасомъ на налоѣ образъ святаго, память котораго праздновалась въ тотъ день. По совершеніи молитвы, которая продолжалась около четверти часа, государь прикладывался къ этой иконѣ, а духовникъ окроплялъ его святою водою. Весьма любопытно, что святая вода, которую употребляли въ этомъ случаѣ, привозилась иногда изъ весьма отдаленныхъ мѣстъ, изъ монастырей и церквей, прославленныхъ чудотворными иконами. Вода эта называлась «праздничною», потому что освящалась въ храмовые праздники, совершаемые въ память тѣхъ святыхъ, во имя которыхъ сооружены были храмы. Почти каждый монастырь и даже многіе приходскіе храмы, по отправленіи такого празднества, доставляли *праздничную святыню*, икону праздника, просфору и св. воду въ *вощанкѣ*, восковомъ сосудцѣ, въ царскій

---

[1]) Издано отдѣльною книгою въ М. 1862 г. — Прежде по статьямъ печаталось это сочиненіе въ Москов. Вѣд. 1845—47 г. и въ Отеч. Зап. 1851—58 г.

[2]) *Котошихинъ*, или Кошихинъ — Русскій писатель XVII вѣка. Онъ оставилъ записки «О Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича» — сочиненіе, весьма важное для характеристики внутренняго быта царя, бояръ и вообще народа.

дворецъ, гдѣ посланные подносили ее лично самому государю. Иногда эта святыня подносилась на выходѣ государя въ церквахъ, во время богомолья. Такимъ образомъ праздничная святая вода не истощалась круглый годъ, в утреннія молитвы государя почти всегда сопровождались окропленіемъ святою водою недавняго освященія въ какомъ-либо отдаленномъ или близкомъ монастырѣ. Послѣ моленья крестовый дьякъ читалъ духовное *слово*, — поученіе, изъ особаго сборника словъ, распредѣленныхъ для чтенія въ каждый день на весь годъ. Сборники эти извѣстны были подъ именемъ Златоустовъ, Златоструевъ, Измарагдовъ, Торжественниковъ. Они составлялись изъ поученій отцевъ церкви, и преимущественно Іоанна Златоуста, отчего и назывались Златоустами.

Окончивъ утреннюю крестовую молитву, государь посылалъ ближняго человѣка къ царицѣ въ хоромы спросить ее *о здоровьѣ*, какъ почивала? потомъ самъ выходилъ здороваться съ нею въ ея переднюю или столовую. Послѣ того они вмѣстѣ слушали въ одной изъ верховыхъ церквей заутреню, а иногда в раннюю обѣдню. Между тѣмъ съ утра же рано собирались во дворецъ всѣ бояре, окольничіе, думные и ближніе люди — «челомъ ударить государю», и присутствовать въ царской думѣ. Они собирались обыкновенно въ *Передней*, гдѣ и ожидали царскаго выхода изъ внутренняго покоя или Комнаты. Нѣкоторые, пользовавшіеся особою довѣренностію государя, выждавъ время, входили и въ Комнату. Увидѣвъ пресвѣтлыя царскія очи, въ церкви ли во время службы, или въ комнатахъ, смотря потому, въ какое время являлись на пріѣздѣ, они всегда кланялись передъ государемъ въ землю, даже по нѣскольку разъ. «А какъ они на пріѣздѣ кланяются, замѣчаетъ Котошихинъ, и государь въ то время стоитъ или сидитъ въ шапкѣ, и противъ ихъ боярскаго поклоненія шапки съ себя не снимаетъ никогда. А котораго дни они бояре въ пріѣздѣ своемъ запоздаютъ, или по нихъ посылаетъ, а они будутъ къ нему не вскорѣ, или что малое учинятъ не по его мысли, и онъ на нихъ гнѣвается словами, или велитъ изъ палаты выслать вонъ, или посылаетъ въ тюрьму, и они за свои вины потому жъ кланяются въ землю, многажды, доколѣ проститъ». За особенную милость, являемую государемъ, бояре кланялись ему въ землю до тридцати разъ сряду. Такъ, умилённый царскимъ благоволеніемъ большой воевода князь Трубецкой, на отпускѣ въ Польскій походъ [1]), въ 1654 г. поклонился передъ государемъ въ землю тридцать разъ.

Поздоровавшись съ боярами, поговоривъ о дѣлахъ, государь, въ сопровожденіи всего собравшагося синклита, шествовалъ, часу въ

[1]) Исторія Россіи г. Соловьева, т. X, стр. 359.

девятомъ, къ поздней обѣднѣ въ одну изъ придворныхъ церквей. Если же тотъ день былъ праздничный, то выходъ дѣлался въ соборъ, или къ празднику, то-есть въ храмъ или монастырь, сооруженный въ память праздуемаго святаго. Въ общіе церковные праздники и торжества государь всегда присутствовалъ при всѣхъ обрядахъ и церемоніяхъ. По этому и выходы въ этихъ случаяхъ были гораздо великолѣпнѣе, торжественнѣе. Обѣдня продолжалась часа два. Въ удобное время и здѣсь государь принималъ отъ думныхъ людей доклады, разговаривалъ о дѣлахъ съ боярами, отдавалъ приказанія. Бояре также разсуждали между собою, какъ будто бы они находились въ думѣ. При всемъ томъ едва ли кто былъ такъ приверженъ къ богомолью и къ исполненію всѣхъ церковныхъ обрядовъ, службъ, молитвъ, какъ цари. *Коллинсъ* [1]) разсказываетъ о царѣ Алексѣѣ, что онъ въ постъ стоялъ въ церкви часовъ по пяти или шести сряду, клалъ иногда по тысячѣ земныхъ поклоновъ, а въ большіе праздники по полуторы тысячи.

Послѣ обѣдни *въ Комнатѣ* въ обыкновенные дни государь слушалъ доклады, челобитныя и вообще занимался текущими дѣлами. Съ докладами входили начальники приказовъ и сами ихъ читали предъ государемъ. Думный дьякъ докладывалъ челобитныя, вносимыя въ Комнату и помѣчалъ рѣшенія. Присутствовавшіе въ Комнатѣ бояре во время слушанія дѣлъ не смѣли садиться. «А когда лучится государю сидѣти въ покояхъ своихъ, говоритъ Котошихинъ, и слушаетъ дѣлъ или слова разговорные говоритъ, и бояре стоятъ передъ нимъ всѣ, а пристанутъ стоя, и они выходятъ отдыхать сидѣть на дворъ...» въ Переднюю или въ сѣни, а иногда и на площадку передъ царскими хоромами. Когда, особенно по пятницамъ, государь открывалъ обыкновенное *сидѣнье съ бояры*, или засѣданіе думы, то бояре садились по лавкамъ, отъ царя поодаль, бояре подъ боярами, окольничіе подъ окольничими; думные дворяне, также, кто кого *породою* ниже, а не по службѣ, т. е. не по старшинству пожалованія въ чинъ, такъ-что иной и сегодня пожалованный, напр., изъ спальниковъ или стольниковъ въ бояре, садился, по породѣ, выше всѣхъ тѣхъ бояръ, которые были ниже его породою. Думные дьяки обыкновенно стояли, а инымъ временемъ, особенно если *сидѣнье* съ бояры продолжалось долго, государь и имъ повелѣвалъ садиться.

Засѣданіе и слушаніе дѣлъ въ Комнатѣ оканчивалось около двѣнадцати часовъ утра. Бояре, ударивъ челомъ государю, разъѣзжа-

[1]) *Коллинсъ*, — врачъ царя Алексѣя Михайловича — отъ 1659 до 1666 г. — Онъ издалъ въ Англіи весьма любопытное сочиненіе, подъ названіемъ «Нынѣшнее состояніе Россіи», давъ ему видъ письма къ другу. Сочиненіе касается разныхъ сторонъ быта Р. царя и народа. Оно на Р. языкѣ напечатано въ Чтеніяхъ Общества Исторіи и Древностей. 1846, № I.

лись, а государь шелъ къ *столовому кушанью*, или обѣду, къ которому иногда приглашалъ и нѣкоторыхъ изъ бояръ, самыхъ уважаемыхъ и близкихъ; но большею частью государь кушалъ одинъ. Обыкновенный столъ его не былъ такъ изысканъ и роскошенъ, какъ столы праздничные, посольскіе и другіе.

Въ домашней жизни цари представляли образецъ умѣренности и простоты. По свидѣтельству иностранцевъ, къ столу царя Алексѣя Михайловича подавались всегда самыя простыя блюда, ржаной хлѣбъ, немного вина, овсяная брага, или легкое пиво съ корчнымъ масломъ, а иногда одна только корвчная вода. Но и этотъ столъ никакого сравненія не имѣлъ съ тѣми, которые государь держалъ во время постовъ. «Великимъ постомъ, говоритъ Коллинсъ, царь Алексѣй обѣдалъ только по три раза въ недѣлю, а именно: въ четвертокъ, субботу и воскресенье, въ остальные же дни кушалъ по куску чернаго хлѣба съ солью, по соленому грибу или огурцу и пилъ по стакану полпива. Рыбу онъ кушалъ только два раза въ Великій постъ. Кромѣ постовъ, онъ ничего мяснаго не ѣлъ по понедѣльникамъ, средамъ и пятницамъ; однимъ словомъ, ни одинъ монахъ не превзойдетъ его въ строгости постничества. Можно считать, что онъ постился восемь мѣсяцевъ въ годъ, включая шесть недѣль Рождественскаго поста и двѣ недѣли другихъ постовъ». Такое усердное соблюденіе постовъ было выраженіемъ строгой приверженности государя къ Православію, ко всѣмъ уставамъ и обрядамъ Церкви. Свидѣтельство иностранца вполнѣ подтверждается и Котошихинымъ. «Въ постные дни, говоритъ онъ, въ понедѣльникъ и въ среду и въ пятницу, и въ посты, готовятъ про царскій обиходъ ѣствы рыбные и пирожные съ масломъ съ деревяннымъ и съ орѣховымъ, и съ льнянымъ, и съ конопляннымъ; а въ Великой и въ Успеньевъ посты готовятся ѣствы: капуста сырая и грѣтая, грузди, рыжики соленые, сырые и грѣтые и ягодные ѣствы, безъ масла, кромѣ благовѣщеніева дни — *и ѣстъ царь въ тѣ посты, въ недѣлю, во вторникъ, въ четвергъ, въ субботу, поодиножды на день, а пьетъ квасъ, а въ понедѣльникъ и въ среду и въ пятницу во всѣ посты не ѣстъ и не пьетъ ничего*, развѣ для своихъ и царицыныхъ и царевичевыхъ и царевниныхъ имянинъ».

Впрочемъ, не смотря на такое постничество и умѣренность, за обыкновеннымъ столомъ государя, въ *мясные* и *рыбные* дни, подавалось около семидесяти блюдъ [1]), но почти всѣ эти блюда расхо-

[1]) Столъ патріарха отличался тоже обиліемъ блюдъ. «Декабря въ 25 день (1698 г.) въ недѣлю (Воскресенье) на праздникъ Рождества Христова, святѣйшему патріарху (Адріану) подавано въ келью столоваго кушенья: Папошникъ, Окунь росолной изъ живыхъ, Сигъ бочешной подъ хрѣномъ, Лодога бочешная подъ хрѣномъ, Уха сборная изъ живыхъ, Щука колодка изъ живыхъ, Лещь росолной изъ живыхъ,

дились на *подачи* боярамъ, окольничимъ и другимъ лицамъ, которымъ государь разсылалъ эти подачи, какъ знакъ своего благоволенія и почести. Для близкихъ лицъ онъ иногда самъ выбиралъ извѣстное любимое блюдо. Подавались сначала холодныя и печенья, разное *тѣльное*, потомъ жареное, и затѣмъ уже похлебки и ухи, или *ушное.*

Порядокъ и обрядъ комнатнаго стола заключался въ слѣдующемъ: столъ накрывалъ дворецкій съ ключникомъ; они настилали скатерть и ставили судки, то есть солоницу, перечницу, уксусницу, горчичникъ, хрѣноватикъ. Въ ближайшей комнатѣ предъ столовою накрывался также столъ для дворецкаго, собственно буфетъ или *кормовой поставецъ*, на который кушанье ставилось прежде, нежели подавалось государю. Обыкновенно каждое блюдо, какъ только оно отпускалось съ поварни, всегда отвѣдывалъ поваръ въ присутствіи самого дворецкаго или стряпчаго. Потомъ блюда принимали ключники и несли во дворецъ въ предшествіи стряпчаго, который охранялъ кушанье. Ключники, подавая ѣствы на кормовой поставецъ дворецкому, также сначала отвѣдывали, каждый съ своего блюда. Затѣмъ кушанье отвѣдывалъ самъ дворецкій и сдавалъ стольникамъ нести предъ государя. Стольники держали блюда на рукахъ, ожидая когда потребуютъ. Отъ нихъ кушанье принималъ уже крайчій, точно также отвѣдывалъ съ каждаго блюда и потомъ ставилъ на столъ. То же самое наблюдалось и съ винами: прежде, нежели они доходили до царскаго чашника, ихъ также нѣсколько разъ отливали и пробовали, смотря потому, черезъ сколько рукъ они проходили. Чашникъ, отвѣдавъ вино, держалъ кубокъ въ продолженіи всего стола и каждый разъ, какъ только государь спрашивалъ вино, онъ отливалъ изъ кубка въ ковшъ и предварительно самъ выпивалъ, послѣ чего ужъ подносилъ кубокъ царю. Всѣ эти предосторожности установлены были изъ страха отравы и порчи и объясняются исторіею отношеній Московскаго самодержавія къ княжеской и боярской средѣ.

Звено бѣлужье сиговое свѣжее, Щука парова изъ живыхъ, Линь пароной изъ живыхъ, Уха плотичья изъ живыхъ, Огнива бѣлужья въ ухѣ, Капуста шаткован, Шти съ тешею, Три пирога долгихъ съ кашей да съ яицы, Два пирога круглыхъ щучи тѣлесы, Пирогъ косой съ сыромъ, Пироги подовыя съ яицы, Пироги пышки, Оладьи путныя, Блюдо пироговъ на троицкое дѣло, Блюдо пироговъ карасей, Блюдо пряжья, Сырники, Селди свѣжія въ тѣстѣ, Пирожки маленькія съ тѣломъ, Яишница, Збитень, Стерлядь пароная изъ живыхъ, Сигъ пароной отворачиваной, Схабъ бѣлужей паровой свѣжей, Оладья тѣлная, Семга подъ лимоны, Щука паровая свѣжая, Лещь пароной свѣжей, Стерлядь пароная свѣжая, Схабъ бѣлужей просольной, Оладья тѣлная, Кисель холодной съ сливками, Кисель горячей съ масломъ, Схабъ бѣлужей паровой свѣжей, Полголовы бѣлужей просолной, Полголовы осетри, Лещь на маслѣ изъ живыхъ, Язь на маслѣ изъ живыхъ, Кашка молошная со пшеномъ сорочинскимъ.» (Сборникъ *Муханова*. Спб. 1866. Изд. 2, стр. 556).

Для винъ передъ столовою устроивался также особый *поставецъ сытнаго дворца.*

Послѣ обѣда государь ложился спать и обыкновенно почивалъ до вечеренъ, часа три. Въ вечерню снова собирались во дворецъ бояре и прочіе чины, въ сопровожденіи которыхъ царь выходилъ въ верховую церковь къ вечерни. Послѣ вечерни иногда также слушались дѣла или собиралась Дума. Но обыкновенно все время послѣ вечерни до *вечерняго кушанья*, или ужина, государь проводилъ уже въ семействѣ или съ самыми близкими людьми. Время это было отдыхомъ, и потому оно посвящалось домашнимъ развлеченіямъ и увеселеніямъ, свойственнымъ вѣку и вкусамъ тогдашняго общежитія. Но, къ сожалѣнію, всѣ свѣдѣнія наши въ этомъ случаѣ ограничиваются одними только голыми указаніями расходныхъ записокъ, изъ которыхъ весьма трудно составить что-либо полное, цѣлое, и сколько-нибудь удовлетворительное въ отношеніи желаемыхъ подробностей и красокъ. По свидѣтельству иностранцевъ, цари отличались большею любознательностью, которая ставила ихъ въ кругъ самыхъ образованныхъ людей того времени. По характеру же нашего древняго образованія, потребность знанія могла удовлетворяться только чтеніемъ, — вотъ почему чтеніе составляло одно изъ любимѣйшихъ занятій во время отдыха. Но, какъ поборники и хранители православія, цари предпочтали чтеніе духовно-назидательное и церковно-историческое. Изъ такихъ только книгъ составлялись и библіотеки ихъ; въ этомъ полагалась основа всякаго знанія; это была въ собственномъ смыслѣ наука для того времени. Духовно-назидательныя слова или поученія отцевъ церкви, житія святыхъ, разныя историческія и полемическія церковныя сочиненія представляли главнѣйшій интересъ для всякаго образованнаго человѣка въ то время. Извѣстно, какими глубокими познаніями въ этомъ отношеніи обладалъ царь Иванъ Васильевичъ Грозный. Но, изучая во всей подробности церковную исторію и догматы православія, цари удѣляли не мало времени отечественнымъ лѣтописямъ и сказаніямъ, которыя даже и составлялись подъ ихъ редакціею. Весьма много также интереса представляли въ то время свѣдѣнія космографическія и политическія: первыя черпались изъ космографій переводныхъ, вторыя преимущественно изъ посольскихъ записокъ и разсказовъ пословъ. Со временъ царя Алексѣя Михайловича стали вывозить и *куранты*, или тогдашніе Европейскіе журналы, которые постоянно и переводились для чтенія государю.

Кромѣ чтенія, цари любили живую бесѣду, любили разсказы бывалыхъ людей о далекихъ земляхъ, объ иноземныхъ обычаяхъ и особенно о старинѣ. Англичанинъ Коллинсъ говоритъ, что царь Алексѣй Михайловичъ держалъ во дворцѣ стариковъ, имѣвшихъ по сту

лѣтъ отъ роду и очень любилъ слушать ихъ разсказы о старинѣ. Это были такъ называемые *верховые* (придворные) *богомольцы*, весьма уважаемые за ихъ благочестивую жизнь и древность лѣтъ. Они жили подлѣ царскихъ хоромъ въ особомъ отдѣленіи дворца и на полномъ содержаніи и попеченіи государя. Въ длинные зимніе вечера государь призывалъ ихъ къ себѣ въ комнату, гдѣ въ присутствіи царскаго семейства, они повѣствовали о событіяхъ и дѣлахъ, происходившихъ на ихъ памяти, о дальнихъ странствіяхъ и походахъ. Это были живые лѣтописатели, которые своими разсказами пополняли скудость писанныхъ лѣтописей, гдѣ всѣ мѣстныя и временныя, то-есть характерныя краски почти всегда покрывались холоднымъ и сухимъ складомъ оффиціальной грамоты. Особенное уваженіе государя къ этимъ старцамъ простиралось до того, что государь нерѣдко самъ бывалъ на ихъ погребеніи, которое всегда отправлялось съ большою церемоніею, обыкновенно въ Богоявленскомъ монастырѣ на Троицкомъ кремлевскомъ подворьѣ. Такъ, въ 1669 году, апрѣля 9, государь хоронилъ богомольца Венедикта Тимоѳеева: на погребеніи его были Паисій папа и патріархъ Александрійскій и судія Вселенскій, Троицкій и Чудовской архимандриты, десять священниковъ, архидьяконъ, одиннадцать дьяконовъ, кромѣ разныхъ причетниковъ и пѣвчихъ. Присутствіе царя на подобныхъ церемоніяхъ всегда ознаменовывалось щедрою милостынею, которая раздавалась нищимъ, разнымъ бѣднымъ людямъ и по тюрьмамъ колодникамъ и заключеннымъ. Милостыня раздавалась также въ третины, девятины, полусорочины и сорочины — періоды, въ которые отпѣвалась обыкновенно панихида по усопшемъ и дѣлались поминки. Весьма щедро жаловалъ государь и духовенство, бывавшее на этихъ погребеніяхъ.

Верховые богомольцы назывались также и *верховыми нищими*, въ числѣ ихъ были и *юродивые*. Царица и взрослыя царевны имѣли также при своихъ комнатахъ *верховыхъ богомольщицъ* и *юродивыхъ*. Глубокое, всеобщее уваженіе къ этимъ старцамъ и старицамъ, Христа ради юродивымъ, основывалось на ихъ святой богоугодной жизни и благочестивомъ значеніи, какое они имѣли для нашей древности. Общество благоговѣло предъ ними, чтило ихъ какъ пророковъ и провозвѣщателей Божіей воли, какъ неуклонныхъ и нелицепріятныхъ обличителей. Верховые богомольцы пѣвали государю *Лазаря* и всѣ тѣ духовные стихи, которые можно еще слышать и теперь отъ странствующихъ слѣпцовъ... Были еще при царскомъ дворѣ *слѣпцы-домрачеи*, которые распѣвали, безъ сомнѣнія, сказки и басни о богатыряхъ св. Владиміра [1]), съ аккомпаниментомъ до-

[1]) Нѣкоторыя пѣсни о богатыряхъ св. Владиміра (или былины) напечатаны въ I т. нашей Христоматіи.

мры, струннаго инструмента въ родѣ гитары. Они же играли и Русскія пѣсни. Встрѣчаются извѣстія и о *бахаряхъ*, которые говорили, т. е. разсказывали пѣсни и сказки, весьма любимыя нашими предками. Бахарь былъ почти необходимымъ лицомъ въ каждомъ зажиточномъ домѣ.

Въ числѣ обыкновенныхъ и самыхъ любимыхъ развлеченій государя была игра въ шахматы, и однородныя съ нею игры *тавлеи*, *саки* и *бирки*. По свидѣтельству иностранцевъ, во дворцѣ каждый день играли въ шахматы. Сколько обыкновенна и въ какой силѣ была эта игра, мы можемъ судить ужъ потому, что при дворцѣ въ Оружейной Палатѣ состояли на службѣ особыя мастера, токари, которые занимались единственно только приготовленіемъ и починкою шахматовъ, отчего и назывались *шахматниками*.

Вообще развлеченія и увеселенія того времени были не такъ бѣдны, какъ мы предполагаемъ; они отличались только особымъ характеромъ, который, какъ мы ужъ замѣтили, соотвѣтствовалъ времени и вкусамъ тогдашняго общежитія.

Во дворцѣ была особая *Потѣшная Палата*, въ которой разнаго рода *потѣшники* забавляли царское семейство пѣснями, музыкою, пляскою, танцованьемъ по канату и другими эквилибристическими «дѣйствіями». Отлагая всѣ подробности о подобныхъ забавахъ для особой главы, мы упомянемъ, что въ числѣ этихъ потѣшниковъ были *веселые* (скоморохи), *гусельники*, *скрыпотчики*, *домрачеи*, *накрачеи*, *органисты*, *цымбальники*, и т. п. Извѣстно также, что въ дворовомъ штатѣ царя состояли *дураки — шуты*, и у царицы *дурки—шутихи*, *карлы* и *карлицы*. Они пѣли пѣсни, кувыркались и предавались разнаго рода веселостямъ, которыя служили немалымъ потѣшеніемъ государеву семейству. По словамъ иностранцевъ, это была самая любимая забава царя Ѳеодора Ивановича.

Весьма часто государь проводилъ время въ разсматриваніи разныхъ работъ золотыхъ дѣлъ мастеровъ, ювелировъ или алмазниковъ, иконописцевъ, серебренниковъ, оружейниковъ и вообще всѣхъ ремесленниковъ, которые что-либо изготовляли для украшенія царскаго дворца или для собственнаго употребленія государя. Зимою, особенно по праздникамъ, цари любили смотрѣть медвѣжье поле, то-есть бой охотника съ дикимъ медвѣдемъ. Раннею весною, лѣтомъ и во всю осень они часто выѣзжали въ окрестности Москвы на соколиную охоту. Эта потѣха подымалась нерѣдко съ самаго утра и потому измѣняла обыкновенный порядокъ дня. Вообще лѣто государь проводилъ большею частью въ загородныхъ дворцахъ, развлекаясь охотою и хозяйствомъ. Зимою онъ хаживалъ иногда самъ на медвѣдя, на лося, охотился за зайцами.

Оканчивая день, послѣ вечерняго кушанья, государь снова шелъ въ Крестовую и точно также, какъ и утромъ, молился около четверти часа. Когда государь почивалъ, то въ томъ же покоѣ ложился и *постельничій*, который всегда убиралъ и охранялъ царскую постелю, а иногда *стряпчій съ ключомъ* и одинъ или два спальника, самыхъ приближенныхъ. Въ смежной комнатѣ ложились еще шестеро другихъ лицъ изъ стряпчихъ и спальниковъ, извѣстныхъ своею вѣрностью и преданностью. Въ третьей комнатѣ помѣщалось нѣсколько стряпчихъ и дневальныхъ жильцовъ. У внѣшнихъ дверей сторожили *истопники*.

Представивъ въ краткомъ очеркѣ обрядъ комнатной жизни государя, перейдемъ теперь къ обозрѣнію богомольныхъ царскихъ выходовъ, которые составляютъ одну изъ самыхъ характеристическихъ сторонъ древняго царскаго быта.

Благочестивые Московскіе цари, подобно императорамъ Византійскимъ и, безъ сомнѣнія, въ подражаніе имъ, совершали богомольные выходы въ каждый церковный праздникъ, присутствовали при всѣхъ обрядахъ и торжествахъ, отправляемыхъ Церковью въ теченіе года. Эти выходы придавали церковнымъ празднествамъ еще болѣе блеска и торжественности.

Государь являлся народу въ несказанномъ великолѣпіи, которое засвидѣтельствовано даже всѣми иностранцами, видѣвшими подобные выходы. И это было необходимо въ то время по самому значенію древняго царскаго сана. Притомъ церемонія, обрядъ, составляли одно изъ главнѣйшихъ условій тогдашняго общественнаго быта, и потому каждый шагъ внѣ дома, а тѣмъ болѣе въ быту государей, по необходимости становился церемоніальнымъ, торжественнымъ. Самые обыкновенные, почти каждодневные выходы царя къ обѣднѣ и вообще къ церковной службѣ въ извѣстные праздники, были ни что иное, какъ церемоніальныя шествія, которыя по этому возвѣщались нерѣдко, смотря по важности празднества, особымъ колокольнымъ звономъ, который и назывался *выходнымъ*.

Къ обѣднѣ государь выходилъ обыкновенно пѣшкомъ, если было близко и позволяла погода, или въ каретѣ, а зимою въ саняхъ, всегда въ сопровожденіи бояръ и прочихъ служилыхъ и дворовыхъ чиновъ. Великолѣпіе и богатство выходной одежды государя соотвѣтствовали значенію торжества или праздника, по случаю котораго дѣлался выходъ, а также и состоянію погоды въ тотъ день. Лѣтомъ онъ выходилъ въ легкомъ шелковомъ опашнѣ и въ золотой шапкѣ съ мѣховымъ околомъ, зимою въ шубѣ и въ горлатной лисьей шапкѣ, осенью и вообще въ ненастную, мокрую погоду — въ суконной однорядкѣ. Въ рукахъ всегда былъ посохъ каповый, инроговый (единороговый) или индѣйскій, изъ черного дерева. Во

время большихъ празднествъ и торжествъ, каковы были Рождество Христово, Богоявленіе, недѣля Вай, Свѣтлое Воскресенье, Троицынъ день, Успеніе и нѣкоторые другіе, государь облекался въ *нарядъ царскій*, къ которому принадлежали: царское платно, собственно порфира, царскій становой кафтанъ, царская шапка или корона, діадима или бармы, наперсный крестъ и перевязь, возлагаемые на грудь; вмѣсто посоха царскій жезлъ. Все это блистало золотомъ, серебромъ и дорогими каменьями. Самые башмаки, которые надѣвалъ государь въ это время, были также богато вынизаны жемчугомъ и украшены каменьями. Тяжесть этого наряда, безъ сомнѣнія, была очень значительна и потому на подобныхъ церемоніяхъ государя всегда поддерживали подъ руки стольники, а иногда и бояре изъ ближнихъ людей.

Свита, окружавшая государя, была также одѣта болѣе или менѣе богато, смотря по значенію празднества и соотвѣтственно одеждѣ государя. Для этого изъ дворца отдавался приказъ, въ какомъ именно платьѣ быть на выходѣ. Еслижь бояринъ былъ не достаточенъ и не имѣлъ богатой одежды, то на время выхода такую одежду ему выдавали изъ царской казны. Впослѣдствіи при царѣ Өеодорѣ Алексѣевичѣ изданъ былъ даже особый указъ, 1680 года декабря 19, которымъ назначено было именно, въ какіе господскіе праздники и въ какомъ платьѣ быть во время царскихъ выходовъ.

Общимъ для всѣхъ выходнымъ платьемъ назначена была *ферезея*, верхнее платье, родъ опашня. По богатству матерій, ферезеи раздѣлены были на три разряда: *золотые*, изъ золотыхъ матерій, *бархатные* и *объяринные*, шелковыхъ матерій моаре.

Въ *золотыхъ* ферезеяхъ указано было быть на выходахъ въ день Новаго лѣта (1 Сентября), на Рождество Христово, на Богоявленіевъ день, на Благовѣщеніевъ день, на Свѣтлое Христово Воскресеніе, на Вознесеньевъ день, на Троицынъ день, въ день Входа въ Іерусалимъ, въ день Өеодора Стратилата и въ день мученицы Агаөіи (царскіе ангелы), въ день Нерукотвореннаго Спасова Образа, въ день Успенія Пресвятыя Богородицы, въ день Ризы Господни.

Въ *бархатныхъ* ферезеяхъ: на Рождество Пресвятыя Богородицы, въ день Воздвиженія Честнаго Креста, въ день Пресвятыя Богородицы Казанскія, въ день Пресвятыя Богородицы Введенія, въ день Пресвятыя Богородицы Знаменія, въ день Срѣтенія Господня, въ день Страшнаго Суда, на Сборное Воскресеніе, на Покровъ Пресвятыя Богородицы, въ день Архангела Михаила, въ день Николая Чудотворца, въ день Петра, Алексѣя, Іоны и Филиппа Моск. Чудотв., на Обрѣзаніе Господне, въ день Іоанна Богослова, въ день Іоанна Бѣлоградскаго, на Святую недѣлю, на Ангелы государскіе (то есть царскаго семейства).

Въ *объяринныхъ:* въ день Сергія Чудотворца, въ день Іоанна Златоустаго, въ день Саввы Сторожевскаго, въ день Григорія Богослова, въ день трехъ Святителей, въ день Черниговскихъ Чудотворцевъ, въ день великомученика Георгія, въ день царевича Іоасафа, въ день Царевича Димитрія, въ день Про-

рока Иліи, въ воскресные дни, также на святкахъ отъ Рождества Христова до Богоявленіева дни и въ сочельники, въ навечеріи Рождества Христова и Богоявленія.

Во время шествія свита раздѣлялась рядами; люди меньшихъ чиновъ шли впереди, по старшинству, по два или по три человѣка въ рядъ, а бояре, окольничіе, думные и ближніе люди слѣдовали за государемъ. На всѣхъ выходахъ въ числѣ царской свиты находился постельничій *со стряпнею*, то есть съ разными предметами, которые требовались на выходъ и которые несли за постельничимъ стряпчіе, именно: *полотенцо* или носовой платокъ, *стулъ* со *зголовьемъ* или подушкою, на которомъ садился государь; *подножье*, родъ ковра, на которомъ становился государь во время службы; *солношникъ* или зонтъ, защищавшій отъ солнца и дождя, и нѣкоторые другіе предметы, смотря по требованію выхода. Когда государь выходилъ на богомолье въ приходскую или монастырскую церковь, то впередъ несли особое *мѣсто*, которое обыкновенно становилось въ церквахъ для царскаго пришествія. Оно было обито сукномъ и атласомъ краснаго цвѣта, по хлопчатой бумагѣ, съ шелковымъ или золотымъ галуномъ. Стряпчіе вообще прислуживали государю, принимали, когда было нужно, посохъ, шпагу и пр. На малыхъ выходахъ они выносили только полотенце (платокъ) и подножье, теплое или холодное, смотря по времени года.

Царь Иванъ Васильевичъ выходилъ къ обѣдни въ сопровожденіи *рындъ*. Итальянецъ Барберини описываетъ подобный выходъ (1565 г.) слѣдующимъ образомъ: отпустя пословъ, государь собрался къ обѣднѣ. Пройдя залы и другіе дворцовые покои, онъ сошелъ съ дворцоваго крыльца, выступая тихо и торжественно, и опираясь на богатый серебряный вызолоченный жезлъ. За нимъ слѣдовало около восьми сотъ человѣкъ свиты въ богатѣйшихъ одеждахъ. Шелъ онъ посреди четырехъ молодыхъ людей, имѣвшихъ отъ роду лѣтъ по тридцати, но сильныхъ и рослыхъ: это были сыновья знатнѣйшихъ бояръ; двое изъ нихъ шли впереди его, а двое другихъ позади, но въ нѣкоторомъ отдаленіи и на равномъ разстояніи отъ него. Они одѣты были всѣ одинаково: на головахъ у нихъ были высокія шапки изъ бѣлаго бархата, съ жемчугомъ и серебромъ. Одежда на нихъ была изъ серебряной ткани, съ большими серебряными же пуговицами до самыхъ ногъ: подбита она была горностаями; на ногахъ сапоги бѣлые, съ подковами, каждый на плечѣ несъ красивый большой топоръ, блестѣвшій серебромъ и золотомъ.

Если выходъ совершался въ какой-либо монастырь или церковь внѣ Кремля и притомъ зимою, то государь *шелъ* обыкновенно въ саняхъ или, по древнему выраженію, *шелъ санъми*. Сани были большія, нарядныя, то-есть раззолоченныя, расписанныя красками

и обитыя Персидскими коврами. Возницею или кучером был въ этомъ случаѣ стольникъ изъ ближнихъ людей; но такъ-какъ въ старину ѣздили безъ вожжей, то возница сидѣлъ обыкновенно верхомъ. Другой ближній стольникъ *стоялъ на ухабѣ* или въ запяткахъ. Такъ обыкновенно выѣзжалъ царь Михаилъ Ѳеодоровичъ. Царь Алексѣй Михайловичъ выѣзжалъ съ большею пышностью. У его саней на *наклесткахъ*, то есть по сторонамъ мѣста, гдѣ сидѣлъ государь, стояли знатнѣйшіе бояре, одинъ справа, другой слѣва, на *оглобляхъ* у санняго передняго щита стояли ближніе стольники, также одинъ съ правой стороны, другой съ лѣвой. Около государя, за саньми, шли бояре, окольничіе и прочіе сановники. Весь поѣздъ сопровождался отрядомъ стрѣльцовъ, въ числѣ ста человѣкъ съ батогами въ рукахъ «для тѣсноты людской».

Впрочемъ, порядокъ царскихъ богомольныхъ выходовъ не всегда былъ одинаковъ и измѣнялся сообразно празднеству или особому торжеству, на которомъ присутствовалъ государь.

Ни одинъ праздничный царскій выходъ не отправлялся съ такимъ торжествомъ и великолѣпіемъ, какъ выходъ въ день Богоявленія. Государь являлся въ этотъ день народу въ полномъ блескѣ своего сана, со всѣмъ великолѣпіемъ и пышностью, которыя во многомъ напоминали обычаи Востока. По словамъ иностранцевъ, стеченіе народа въ этотъ день было необыкновенное: со всего государства съѣзжались въ Москву видѣть торжественный обрядъ освященія воды, совершавшійся патріархомъ на Москвѣ-рѣкѣ. Число народа, какъ говоритъ *Маскѣвичъ* [1]), простиралось иногда до трехъ и до четырехъ сотъ тысячъ; изъ этого невѣроятнаго показанія ужъ видно, какъ велико было торжество этого дня и какое значеніе оно имѣло для Русскаго народа, еще въ глубокой древности назвавшаго этотъ день *водокрестіемъ, водокрещами*.

Въ навечеріе праздника, государь слушалъ вечерню и царскіе часы въ Столовой, иногда въ Передней или въ одной изъ придворныхъ церквей; иногда же выходилъ въ Успенскій соборъ, где царскіе часы и дѣйство многолѣтія совершались во всемъ подобно царскимъ часамъ и дѣйству наканунѣ Рождества Христова, т. е. съ обоюдными церемоніями поздравленій государя и патріарха, бояръ и духовенства, съ поздравительными рѣчами и т. д. Въ самый праздникъ, государь въ одной изъ церквей или въ Столовой слушалъ всенощное бдѣніе и потомъ предъ литургіею, выходилъ въ Успенскій соборъ для шествія на іордань къ освященію воды.

[1]) *Самуилъ Маскѣвичъ* принималъ участіе въ Клушинской битвѣ (1609 г.), былъ (въ 1610 г.) въ Москвѣ и оставилъ любопытный «Дневникъ» о томъ времени. Онъ напечатанъ Устряловымъ въ V части «Сказаній о Димитріи Самозванцѣ».

Кремлевская площадь у царскаго дворца, между соборами, вся покрывалась въ это время густою толпою. Только одно мѣсто оставалось свободно отъ Успенскаго собора до Москвы-рѣки, гдѣ находилась іордань; строй стрѣльцовъ въ цвѣтномъ служиломъ платьѣ, съ знаменами и барабанами, со всѣмъ ратнымъ строемъ, двумя линіями пролагалъ дорогу для крестнаго хода. Дорога эта шла не прямо на рѣку, какъ теперь. (Мѣсто между Благовѣщенскимъ и Архангельскимъ соборами было въ то время застроено; здѣсь находился царскій казенный дворъ). Она поворачивала влѣво отъ Успенскаго собора, шла между Иваномъ-Великимъ и Архангельскимъ соборомъ, въ ворота подъ церковью Черниговскихъ чудотворцевъ, которая находилась на мѣстѣ теперешняго плацъ-парада, на краю Кремлевской горы. Отсюда этотъ путь сворачивалъ къ Тайницкимъ воротамъ, противъ которыхъ устроивалась іордань на Москвѣ-рѣкѣ и особыя мѣста для царя и патріарха. По всему этому пути, какъ упомянуто, стояли ратнымъ строемъ стрѣльцы; а на площади между Ивановскою колокольнею, Чудовымъ монастыремъ и церковью Чудовскихъ чудотворцевъ, въ концѣ XVII ст. ставились иногда большія голанскія полковыя пищали (пушки), огражденныя рѣшетками рѣзными, точеными и расписанными разными красками. При пушкахъ стоялъ *пушкарскій чинъ* во всемъ парадѣ, съ знамены и въ цвѣтномъ платьѣ.

Часу въ 4 дня или, по нашему счету, въ 12 утра, въ то время, какъ патріархъ въ Успенскомъ соборѣ полагалъ начало службѣ, звонъ колоколовъ на Иванѣ-Великомъ возвѣщалъ народу, что государь началъ шествіе изъ своихъ комнатъ. Государь выходилъ въ соборъ, обыкновенно въ сопровожденіи бояръ и прочихъ сановниковъ, по Красному крыльцу. При его появленіи народъ, увидѣвъ пресвѣтлыя царскія очи, билъ челомъ. Государь шелъ тихо, въ обыкновенномъ выходномъ платьѣ, опираясь на посохъ индѣйскаго дерева. Иногда случалось, что онъ выходилъ въ большомъ царскомъ нарядѣ. Но обыкновенно царское платье онъ надѣвалъ въ соборѣ, въ придѣлѣ Димитрія Селунскаго. Вошедъ въ соборъ и возложивъ на себя въ этомъ придѣлѣ *царскій санъ*, государь, при пѣніи многолѣтія, молился св. иконамъ и св. мощамъ, и потомъ принималъ у патріарха благословеніе. Между тѣмъ звонъ на Иванѣ-Великомъ продолжался и прекращался только въ то время, какъ царь вступалъ на свое мѣсто.

Въ соборъ за государемъ входили одни только высшіе чины: бояре, окольничіе, думные и ближніе люди; прочіе же, начиная со стольниковъ, оставливались на рундукѣ или помостѣ отъ Успенскаго собора до Архангельскаго, по обѣ стороны, по чинамъ, младшіе ниже старшихъ. Когда изъ западныхъ вратъ собора начинался

крестный ходъ, царь выходилъ и останавливался въ южныхъ вратахъ. Патріархъ, проходя мимо, осѣнялъ его животворящимъ крестомъ, а духовныя власти отдавали ему по два поклона. Церемонія поклоновъ духовенства происходила иногда и въ соборѣ при началѣ крестнаго хода.

Торжественное шествіе открывали стрѣльцы въ числѣ 400 или 600 человѣкъ, иногда и болѣе, выборные изъ стремяннаго и другихъ полковъ, по 200 человѣкъ изъ каждаго. Они были въ цвѣтномъ лучшемъ платьѣ и шли по четыре человѣка въ рядъ, одни съ золочеными пищалями и винтовками, ложи коихъ украшены были перламутровыми раковинами; другіе съ золоченными копьями и наконецъ третьи, съ нарядными золочеными протазанами (родъ алебарды), у которыхъ ратовища или древки были обтянуты желтымъ или червчатымъ атласомъ, съ золотымъ галуномъ, и украшены шелковыми кистями. Кромѣ того, здѣсь же шли 2 пятидесятника съ обоюдными стальными топорами (алебардами), на древкахъ изъ чернаго дерева, украшенныхъ серебряными кистями. За этимъ блестящимъ отрядомъ стрѣльцовъ слѣдовалъ крестный ходъ, замыкавшійся шествіемъ патріарха. Здѣсь, въ поднесеніи хоругвей, крестовъ и св. иконъ, шли митрополиты, архіепископы, епископы, архимандриты, игумены, соборяне и весь священническій чинъ, по степенямъ, младшіе впереди, всѣ въ богатѣйшемъ облаченіи. Однихъ приходскихъ священниковъ бывало до трехсотъ и до двухсотъ дьяконовъ.

Потомъ начиналось шествіе государя, открываемое обыкновенно нижними чинами, по три человѣка въ рядъ. Впереди шли дьяки разныхъ приказовъ и всѣ тѣ чиновники, которые были въ бархатныхъ кафтанахъ; за ними дворяне, стряпчіе, стольники — въ золотыхъ, т. е. въ золотыхъ кафтанахъ; далѣе ближніе люди, думные дьяки и окольничіе въ богатыхъ шубахъ. Всѣ же тѣ, которые не имѣли такихъ богатыхъ кафтановъ, а были въ объяринныхъ или суконныхъ, отпускались на іордань прежде шествія государя, безъ сомнѣнія, для того, чтобы обыкновенными нарядами не нарушить общаго блеска и великолѣпія.

Вслѣдъ за этимъ шелъ постельничій съ *царскою стряпнею*. Впереди его человѣкъ двѣнадцать стряпчихъ несли государево платье, которое царь перемѣнялъ обыкновенно на іордани. Одинъ несъ посохъ, другой — шапку, третій — випунъ, четвертый — кафтанъ, пятый — шубу, и т. д. Кромѣ этого перемѣннаго платья, трое стряпчихъ несли на іордань царское полотенце, подножіе и стулъ или собственно кресла, и иногда, во время непогоды, солночникъ или балдахинъ.

Государь шествовалъ въ большомъ *царскомъ нарядѣ*. Сверхъ

зипуна и богатѣйшаго становаго кафтана, на немъ было царское платно, изъ дорогой золотной матеріи, съ жемчужнымъ кружевомъ, усыпаннымъ драгоцѣнными каменьями. Впослѣдствіи, особенно при царѣ Ѳедорѣ, эту одежду стали именовать *порфирою*. Царскій вѣнецъ, называвшійся, по соболиной опушкѣ, царскою шапкой, блестѣлъ драгоцѣнными каменьями: алмазами, изумрудами, яхонтами. Плечи государя покрывала богатая *діадима*, именуемая обыкновенно въ чинѣ царскаго вѣнчанія *бармами*; на груди на золотой цѣпи былъ крестъ Животворящаго Древа, а иногда золотой крестъ съ Спасовою Ризой. Въ правой рукѣ государя былъ жезлъ, богато украшенный золотомъ и каменьями. Наконецъ, бархатные или сафьянные башмаки государя были также богато унизаны жемчугомъ. Подъ-руки государя поддерживали обыкновенно двое стольниковъ, изъ ближнихъ людей. Около шли бояре и думные дворяне въ богатѣйшихъ шубахъ, въ высокихъ горлатныхъ шапкахъ. За ними шелъ окольничій, а по обѣ стороны царскаго пути шли стрѣлецкіе полковники въ бархатныхъ и объяринныхъ ферезеяхъ и въ турскихъ кафтанахъ; они оберегали государское шествіе отъ утѣсненія нижнихъ чиновъ людей. Потомъ слѣдовали гости въ золотныхъ кафтанахъ и наконецъ приказные и иныхъ чиновъ люди и народъ. Подлѣ всего этого шествія съ обѣихъ сторонъ шло 150 или 200 человѣкъ стрѣлковъ, стремяннаго полку, «въ одинъ человѣкъ», въ цвѣтныхъ кафтанахъ, что съ золочеными пищалями и пятьдесятъ или сто съ батожками, прутьями. При возвращеніи съ іордани, государь обыкновенно ѣхалъ въ саняхъ; для этого вслѣдъ за шествіемъ ѣхали большія государевы нарядныя сани, впереди которыхъ шли дьяки Конюшеннаго Приказа, а около — столповые прикащики и стремянные конюхи въ цвѣтныхъ бархатныхъ, объяриныхъ, камчатныхъ и суконныхъ кафтанахъ.

На Москвѣ-рѣкѣ, куда тихо и торжественно слѣдовало это шествіе, передъ Тайницкими воротами, надъ мѣстомъ, гдѣ должно было совершиться дѣйство погруженія въ воду честнаго креста [1]), была устроена красивая іорданная сѣнь, поддерживаемая четырьмя колоннами со гзымзомъ или карнизомъ, расписаннымъ красками, серебромъ и золотомъ, и украшенная золоченымъ же крестомъ на верху. По угламъ были изображены 4 евангелиста, а внутри апо-

[1]) Чтобы дать понятіе, какъ устраивалось это іорданное мѣсто, приведемъ слѣдующую память изъ Оружейной Палаты въ Земскій Приказъ: 1670 г., декабря 28, государь указалъ нынѣ къ поставленію ерданной сѣни ко дню праздника Святаго Богоявленія, генваря къ 6 числу, мѣсто устроить и около ердани на водѣ ледъ околоть и вычистить и въ воду *ларь* деревянный, починя, опустить и укрѣпить и во всемъ противъ прежняго учинить изъ Земскаго Приказу. И тотъ ларь и сваи съ кольцы и канаты посланы изъ Оружейной Палаты въ Земскій Приказъ.

столы и другіе святые, а также и Крещеніе Спасителя. Кромѣ того, вся іордань богато украшена была шелковыми и жестяными раскрашенными цвѣтами, зелеными листьями и даже птицами, нырѣзанными изъ мѣдныхъ листьевъ и раскрашенными также красками.

Подлѣ іордани стояли особыя мѣста для царя и патріарха. Царское мѣсто, поставляемое на іордани обыкновенно шатерничимъ, было въ видѣ небольшаго круглаго храма съ пятью главами, сдѣланными изъ слюды и украшенными золочеными крестами. Этотъ пятиглавый верхъ утвержденъ былъ на пяти точеныхъ столбахъ, расписанныхъ по золоту виноградными вѣтвями; капители и базы у столбовъ были также позолочены и посеребрены. Вверху вокругъ шелъ гзымзъ (карнизъ), съ внутренней стороны писанный травами, снаружи золоченый и украшенный сквозною рѣзьбою, также позолоченною и посеребренною. По этому карнизу въ пригожихъ мѣстахъ утверждены были высеребренныя доски, *а на нихъ писаны стихи къ ердани.* Между столбовъ находились рамы съ круглыми слюдяными окнами, писанныя по золоту и по серебру разными красками. Одна такая рама, раздѣленная на два затвора, служила дверью. Нижняя часть царскаго мѣста (тумба) утверждена была на пяти точеныхъ посеребренныхъ яблокахъ, и украшена сквозною золоченою рѣзьбою. Внутри это мѣсто задергивалось вокругъ суконнымъ или тафтянымъ занавѣсомъ. Все пространство около іорданной сѣни и царскаго и патріаршаго мѣстъ, огороженное рѣзною рѣшеткой, устлано было краснымъ сукномъ. Кромѣ рѣшетки, іордань отдѣлена была отъ народа еще двумя балюстрадами, покрытыми краснымъ сукномъ. Когда процессія приходила на іордань, и государь съ патріархомъ вступали на свои мѣста, — по сторонамъ іордани становилось обыкновенно духовенство, а подлѣ царскаго мѣста — бояре и прочіе высшіе чины. За рѣшоткою помѣщались стольники, стряпчіе, дворяне, дьяки, солдатскаго строю генералы, стрѣлецкіе полковники, и всѣ, которые были въ золотныхъ кафтанахъ; за первымъ балюстрадомъ стояли тѣ, у которыхъ не было такихъ кафтановъ, а далѣе служилые и приказные люди нижнихъ чиновъ. Все пространство по Москвѣ рѣкѣ, между Каменнымъ и Москворѣцкимъ мостами, было занято стрѣлецкими и солдатскими полками, стоявшими ратнымъ строемъ, въ цвѣтномъ платьѣ, съ знаменами, съ барабанами и съ оружіемъ. На Тайницкой башнѣ, въ виду всего войска, становился капитанъ, иногда ротмистеръ, или другой такой же чинъ съ ясачнымъ знаменемъ, которымъ давали знакъ войску, чтобъ бить въ барабаны, дѣлать честь празднеству и т. п. По берегамъ рѣки тѣснился густыми толпами народъ.

Совершеніе обряда освященія воды происходило слѣдующимъ образомъ: сначала духовныя власти и соборяне подходили къ госу-

дарю и патріарху, по степенямъ, по двое врядъ, и кланялись. Патріархъ потомъ раздавалъ всѣмъ свѣчи, начиная съ государя, и совершалъ дѣйство по чину. Въ то время, какъ онъ погружалъ въ воду Животворящій Крестъ, начальные люди всѣхъ полковъ и знаменщики съ знаменами подступали къ іордани, для окропленія знаменъ св. водою. Послѣ погруженія креста, патріархъ серебрянымъ ведромъ [1]) черпалъ воду изъ іордани, и отдавалъ ключарю; потомъ онъ наполнялъ также св. водою государеву стопу, которую относили во дворецъ и окропляли тамъ всѣ комнаты и иконы. Послѣ этого патріархъ трижды осѣнялъ государя крестомъ, кропилъ св. водою, и поздравлялъ съ торжествомъ. Государь вмѣстѣ со всѣмъ синклитомъ прикладывался ко кресту, поздравлялъ патріарха, и потомъ принималъ поздравленіе отъ духовенства, бояръ, окольничихъ, думныхъ и ближнихъ людей, причемъ одинъ изъ первостепенныхъ бояръ говорилъ поздравительную рѣчь. Послѣ того два архимандрита кропили знамена и войско, стоявшее по Москвѣ-рѣкѣ.

Крестный ходъ возвращался въ томъ же торжественномъ порядкѣ. Если ходъ бывалъ до обѣдни, то съ іордани государь иногда заѣзжалъ къ обѣднѣ на Троицкое подворье, гдѣ была церковь Богоявленія; въ противномъ случаѣ, онъ возвращался ходомъ въ Успенскій соборъ и, отслушавъ тамъ молебенъ или отпускную молитву, шествовалъ во дворецъ.

Въ «недѣлю мясопустную», то есть, въ воскресенье передъ Масляницею, послѣ заутрени, церковь наша совершала, какъ извѣстно, *дѣйство страшнаго суда*.

На площади за алтаремъ Успенскаго собора, устраивали два мѣста: одно для патріарха, другое для государя. Противъ патріаршаго мѣста ставили такъ называемый козелъ или рундукъ (подмостки), обитый краснымъ сукномъ. На этотъ рундукъ поставляли образъ Страшнаго Суда, большой налой съ паволокою подъ икону Богородицыну и подъ св. Евангеліе, и устроивали столъ для освященія воды.

Государь выходилъ въ Успенскій соборъ въ обыкновенномъ выходномъ платьѣ; тамъ, въ придѣлѣ св. Дмитрія, онъ облачался въ нарядъ царскій; потомъ, вышедъ въ соборъ, молился по обычаю, у мѣстныхъ иконъ и принималъ у патріарха благословеніе крестомъ и рукою. Изъ собора патріархъ въ облаченіи и государь шествовали на мѣсто, гдѣ быть дѣйству, съ крестнымъ ходомъ, при оглушительномъ звонѣ во всѣ колокола.

Дѣйство это совершалось по особому «чиновнику» или уставу, который сохранился въ старыхъ потребникахъ, и состояло въ пѣніи

[1]) Это ведро называлось *наливкою*.

стихиръ, въ освященіи воды и чтеніи, на четыре страны, Евангелія, послѣ котораго патріархъ отиралъ губкою образъ Страшнаго Суда и прочія иконы, вынесенныя къ дѣйству. По окончаніи дѣйства, патріархъ осѣнялъ крестомъ и кропилъ св. водою государя, властей духовныхъ и свѣтскихъ и всенародное множество, присутствовавшее при совершеніи сего обряда. Иногда дѣйство происходило въ Успенскомъ соборѣ, а за болѣзнію патріарха и совсѣмъ отмѣнялось.

Передъ выходомъ на дѣйство рано утромъ, часа за три до свѣта, государь совершалъ обходъ всѣхъ тюремъ и приказовъ, гдѣ сидѣли колодники, и всѣхъ богадѣленъ, гдѣ жили раненые, разслабленные и малолѣтные сироты. Тамъ онъ раздавалъ своеручно милостыню; освобождалъ преступниковъ. Такъ какъ подобные выходы совершались тайно, то и свѣдѣнія о нихъ мы получаемъ изъ дѣлъ Тайнаго Приказа или собственной канцеляріи государя.

Въ расходныхъ запискахъ этого Приказа 1669 года отмѣчено: «Февраля противъ 14 числа въ ночи, за 2 часа до свѣта, великій государь царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ... изволилъ ходить и жаловать своимъ государевымъ жалованьемъ милостынею, а роздано въ богадѣльни на Кулишкахъ, на Покровкѣ, въ Моисѣевской, всего 300 человѣкамъ по полтинѣ; въ Петровскую священнику да раненымъ стрѣльцамъ и солдатамъ 60 ч. по полтинѣ, по конецъ Боровицкаго мосту, въ Каменные, священнику, псаломщику, 40 ч. нищимъ, 5 ч. сиротамъ — по полтинѣ; на дворѣ, что былъ боярина Бориса Ивановича Морозова загородной, протопопу Ермилу 3 рубли, 54 ч. по полтинѣ, да двумъ малымъ по полуполтинѣ; во Власьевскую, что за Пречистенскими воротами въ Конюшенной слободѣ, 6 ч. по полтинѣ, двумъ малымъ по полуполтинѣ; собору Рождества Пресвятыя Богородицы, что у государя на сѣняхъ, священнику Никитѣ 50 рублевъ, у него жъ на дворѣ бѣднымъ и кажненнымъ 120 ч. по полтинѣ; Зиновію разслабленному, и дорогою и на аглинскомъ дворѣ и нищимъ роздано безщотно 114 р.; на тюремномъ дворѣ тюремнымъ сидѣльцамъ 828 ч. по рублю; сторожамъ 8 ч. подъ приказомъ колодникамъ, въ розбойномъ въ Черной Палатѣ, 40 ч., въ стрѣлецкомъ 18 ч., въ земскомъ и подъ приказомъ колодникомъ и въ Костромской Чети 286 ч. — по полтинѣ и пр. Всего было роздано 1,495 руб. 2 алтына. Кромѣ того, въ этотъ же день во дворцѣ въ Золотой или въ Столовой давался столъ на нищую братію. Государь самъ обѣдалъ за этимъ столомъ и со всѣми обрядами праздничныхъ столовъ угощалъ своихъ многочисленныхъ гостей. По окончаніи стола, онъ одѣлялъ всѣхъ изъ своихъ рукъ денежною милостынею. Въ то же время, по царскому указу, на тюремномъ дворѣ кормили тюремныхъ сидѣльцовъ и всѣхъ заключенныхъ; въ 1664 году тамъ кормлено было въ этотъ день 1,110 человѣкъ. *И. Забѣлинъ* [1]).

[1]) Современный историческій писатель.

ОЧЕРКЪ ДОМАШНЕЙ ЖИЗНИ И НРАВОВЪ ВЕЛИКОРУССКАГО НАРОДА ВЪ XVI И XVII СТОЛѢТІЯХЪ.

Вѣрованія.

Въ нашихъ лѣтописяхъ принятіе христіанства выставляется какъ бы безъ борьбы; кажется, будто Русь, омывшись въ купели крещенія, тотчасъ же забыла свой прежній языческій міръ со всѣми твореніями его вымысла. Не совсѣмъ такъ было на дѣлѣ. Къ сожалѣнію, намъ остались такіе отрывки духовнаго противодѣйствія остаткамъ язычества со стороны духовныхъ пастырей, что мы по нимъ не можемъ себѣ уяснить теперь ни сущности языческихъ вѣрованій, ни степени ихъ перерожденія, ни исторіи ихъ измѣненій, ни приложенія къ разнымъ видамъ внутренней и внѣшней жизни. Духовные раннимъ образомъ порицали и преслѣдовали все, что носило на себѣ память язычества — были ли то дѣйствительныя вѣрованія и убѣжденія, или только наружные обряды, игрушки, забавы, потерявшія уже прежній смыслъ и серьезное значеніе, такъ точно какъ теперь купальный огонь, вожанье козла на Масляницѣ, или Малороссійское колядованье. Изъ многаго, что осталось и теперь, мы не знаемъ, то ли значеніе оно имѣло въ XVI и XVII вѣкѣ, какъ въ XIX. Выше было показано, что въ XVI вѣкѣ купальское праздвество, какъ народная забава, съ примѣсью таинственнаго вѣрованія, отправлялось во всей силѣ. Точно также и языческое веселье: призываніе мертвыхъ выразилось въ обрядѣ жечь солому и кликать мертвыхъ, осуждаемомъ «Стоглавомъ». Въ XVII вѣкѣ во многихъ мѣстахъ отправлялись разныя увеселенія — остатки язычества. Въ 1620 году царь Михаилъ Ѳеодоровичъ велѣлъ кликать кликъ чрезъ бирючей, чтобъ люди не ходили съ кобылками, не сходились на игрища мірскія и коляды и овсеня и плуга не кликали. Но соединялся ли съ этими забавами какой-нибудь смыслъ для народа, и въ какой степени — неизвѣстно. Долѣе и полнѣе всѣхъ языческихъ вѣрованій сохранялись, кажется, остатки поклоненія роду и рожаницамъ. По свидѣтельству «Домостроя», въ XVI вѣкѣ еще вѣрили *въ родословіе*, рекше въ *рожаницы*. По толкованію въ словѣ св. Григорія въ сборникѣ, хранящемся въ Кирилло-Бѣлозерскомъ монастырѣ видно, что ученые люди стараго времени признавали родъ и рожаницъ божествами Славянъ-язычниковъ наравнѣ съ упырями и берегинями (извѣстными намъ изъ Чешскихъ памятниковъ), Перуномъ, Хорсомъ, Мокошью (о которыхъ упоминаетъ намъ Несторова лѣтопись) и вилами, нимфами, о которыхъ фантастическія преданія сохранились у Сербовъ. Обряды, сопровождавшіе поклоненіе роду

и рожаницамъ, состояли въ приношеніи этимъ фантастическимъ существамъ въ жертву хлѣба, сыра, меда, куръ и какого-то смѣшаннаго питья. Обряды эти имѣли смыслъ какъ для рожденія, такъ и для смерти человѣка. Бабы (воспринимавшія младенцевъ) варили кашу на *собраніе рожаницамъ;* въ честь имъ стригли первые волосы съ дѣтей, а въ память умершихъ ставили роду и рожаницамъ особую трапезу. Эта трапеза долго считалась необходимою, хотя въ то же время готовили кутейную трапезу, принятую церковью. Трапеза называлась трапезою роду и рожаницамъ. Изъ слова Христолюбца, можно заключить, что поклоненіе роду и рожаницамъ сопровождалось разными увеселеніями: пляскою, музыкою, пѣснями, зажиганіемъ огней; по крайней мѣрѣ объ этомъ говорится разомъ: «Не подобаетъ крестьянамъ игоръ бѣсовскихъ играти: иже есть плясьба, гудьба, пѣсни бѣсовскія, и жертвы идольскія, иже огневи молятся и виламъ, и Мокоши и Симу реглу и Перуну и роду и рожаницамъ и всѣмъ тѣмъ, иже суть имъ подобна». Что при поклоненіи роду и рожаницамъ дѣйствительно пѣли пѣсни, видно изъ Троицкаго сборника XVI вѣка, гдѣ въ укоръ говорится: «а вы поете пѣснь бѣсовскую роду и рожаницамъ». Въ одномъ старинномъ переводѣ пророка Исаіи, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ Еврейскій народъ порицается за поклоненіе идоламъ, эти идолы нѣсколько разъ названы родомъ и рожаницами, съ очевиднымъ намѣреніемъ переводчика примѣнить мѣсто пророка къ современнымъ заблужденіямъ: это показываетъ, что вѣрованіе роду и рожаницамъ держалось долго и сильно. Что собственно разумѣлось въ языческія времена подъ этими названіями, объяснить трудно и было бы здѣсь неумѣстно, если бы существованіе этого остатка язычества не удерживалось въ описываемое нами время. Подъ родомъ, кажется, слѣдуетъ понимать вообще судьбу или участь — долю (Греческое слово Εἱμαρμένη переведено словомъ *рожденіе*). Родъ употребляется всегда въ единственномъ числѣ, и слѣдовательно по древнему вѣрованію существовалъ одинъ родъ для всѣхъ; напротивъ, рожаницы всегда во множественномъ числѣ, и это показываетъ, что для каждаго полагалась своя рожаница. Существовало вѣрованіе, что въ тотъ день, когда рождался младенецъ, по вліянію рожаницы, давался ему *норовъ* и *осудъ*. Это вѣрованіе совпало вмѣстѣ съ астрологическими вѣрованіями о вліяніи планетъ на рожденіе человѣка; ибо въ одномъ азбуковникѣ о рожаницахъ говорится, что «рожаницами Еллины называли семь звѣздъ, называемыхъ планиты, и кто въ какую планиту родился, тотъ по той планите любопрятся предвозвѣщати нравъ младенца». Несомнѣнно, что рожаницы были геніи—хранители жизни. Ихъ изображали кумирами, какъ это видно изъ выраженія: «служатъ Богу и волю его творятъ, а не рожаницамъ - кумирамъ суетнымъ». Передъ этими-то кумирами отправлялись празднества и трапезы роду и рожаницамъ.

Что поклоненіе частнымъ семейнымъ, языческимъ божествамъ оставалось долѣе другихъ вѣрованій язычества, это понятно и естественно, потому что человѣкъ изъ сферы миѳологіи долѣе удерживаетъ то, что относится къ его личности и къ тѣсному кругу жизни, и напротивъ легко забываетъ преданія и складъ понятій о существѣ міра, твореніи земли, исторію боговъ и героевъ. Мы однако не знаемъ, въ какой степени, и гдѣ именно, и между кѣмъ въ XVI и въ XVII в. удержались эти поклоненія старымъ божествамъ.

Полнѣе обрисовываются для насъ языческіе обычаи у Финскихъ народовъ, населявшихъ сѣверную Русь. Такимъ образомъ въ XVI вѣкѣ въ Водской пятинѣ (нынѣшней Санктпетербургской губерніи) сельскіе жители были только по имени христіане. Они совершали моленія деревьямъ и каменьямъ, и приносили жертвы, сопровождаемыя пированіемъ. Вмѣсто священниковъ, они призывали къ себѣ Чудскихъ колдуновъ *арбуевъ:* рождался ли младенецъ — прежде позовутъ арбуя, тотъ наречетъ новорожденному имя, а потомъ уже родители зовутъ христіанскихъ духовныхъ. Не носили хоронить мертвыхъ на кладбища, а погребали ихъ на курганахъ и коломищахъ (?). Эти полу-христіане не соблюдали постовъ и въ особенности не терпѣли Петрова поста, — вѣроятно потому, что тутъ у нихъ было время языческихъ празднествъ, — убѣгали христіанскаго брака. Дѣти боярскіе, поселенные въ этихъ мѣстахъ, были обязаны наблюдать, чтобъ народъ не убѣгалъ отъ церковныхъ обрядовъ. Въ Пермской землѣ въ XVI вѣкѣ люди ходили на поклоненіе истукану золотой бабѣ; когда кого постигало бѣдствіе или болѣзнь, передъ истуканомъ колотили въ бубны и этимъ думали помочь своей бѣдѣ. Такимъ образомъ Финскіе народы на пространномъ сѣверѣ тогдашней Россіи были въ такомъ же положеніи, какъ теперь Чуваши и Черемисы, или какъ въ прежніе, болѣе отдаленные вѣка были крещеные Русскіе, когда, по свидѣтельству Іоанна Пророка, приносили жертвы болотамъ и колодцамъ, и безъ благословенія пастырей сходились и расходились съ женами. Около Казани и во всѣ стороны въ ея окрестностяхъ, въ XVI вѣкѣ, такъ называемые новокрещенные Чуваши, Черемисы и Вотяки не ходили въ церковь, не признавали постовъ и призывали къ родильницамъ не поповъ, а бабъ; хоронили на кладбищахъ Татарскихъ; по необходимости повѣнчавшись въ церкви, совершали еще разъ брачные обряды дома.

Въ описываемое нами время Русскій народъ, если и потерялъ старыя формы язычества, но сохранялъ его духъ въ самыхъ христіанскихъ вѣрованіяхъ. Безъ знанія законовъ, безъ малѣйшаго понятія о существованіи ихъ, неразвитый человѣкъ находится подъ вліяніемъ таинственныхъ силъ и во всемъ окружающемъ ищетъ

чего-то такого, на что хочетъ опереться въ своемъ безсиліи. Обычныя явленія природы наводили страхъ: явленіе кометы, затмѣніе солнца, падающіе камни производили волненіе умовъ и уныніе. Въ народномъ воображеніи существовали разныя фантастическія существа, помѣщаемыя въ природѣ. Обыкновенно, отдаленныя страны служили для воображенія мѣстопребываніемъ такихъ существъ и сценою чудесныхъ событій. Такъ на сѣверѣ Россіи, мрачномъ, суровомъ, народная фантазія помѣщала пещеру змѣи аспиды, змѣи крылатыя съ птичьимъ носомъ и съ двумя хоботами, — эта пестрая змѣя живетъ въ отдаленныхъ печорскихъ горахъ, не садится на землю, а на камень, а куда полетитъ, можетъ всю землю опустошить. Но есть заклинатели-знахари-обаянники, которые умѣютъ ее заговаривать. Аспидъ, змія крылата, носъ имѣетъ птичій и два хобота, и въ коей землѣ вселится — ту землю пусту учинитъ; живетъ въ горахъ каменныхъ, не любитъ ни трубнаго гласа: пришедше же обаянницы обаяти ю и копаютъ ямы и садятся въ ямы съ трубами и покрываются дномъ желѣзнымъ и замазываются сунклитомъ и ставятъ у себе угліе горящее: да разжигаютъ клещи, и егда вострубятъ, тогда она засвищетъ яко горѣ потрястися, и прилетѣвши къ ямѣ, ухо свое приложитъ на землю, а другое заткнетъ хоботомъ, и нашедъ диру малу, нагнетъ битися; человѣцы же ухвативши ю клещами горящими держатъ крѣпце отъ ярости же ея сокрушаются клещи не едины, не двои, и не трои, и тако сожжена — умираетъ; а видомъ она пестра всякими цвѣты и на земли не садится, только на камень. Пустынные берега широкой Волги также представлялись въ народномъ воображеніи въ чудесномъ свѣтѣ. Говорили, что выше Саратова есть гора Зміева, гдѣ обиталъ шестиглавый драконъ, налетавшій на Русь и причинявшій опустошенія; но богатырь убилъ его, а драконъ превратился въ камень. Русскіе увѣряли иностранцевъ, что на низовьяхъ Волги растетъ животно-растеніе-баранецъ; оно приноситъ плодъ, похожій на ягненка; ноги мохнатыя, роговъ нѣтъ, передняя часть, какъ у рака. Оно живетъ, не сходя съ мѣста, до тѣхъ поръ, пока имѣетъ вокругъ себя пищу. Показывали мѣховыя шапки и увѣряли удивленныхъ западныхъ Европейцевъ, что эти шапки изъ мѣха «баранца». Съ утратою миѳологическихъ образовъ, съ потерею антропоморфическихъ представленій силъ природы, еще долго остается прежній взглядъ на природу, и народъ ищетъ въ окружающихъ его явленіяхъ таинственнаго, относительно къ себѣ, смысла, не давая уже себѣ отчета, откуда истекаетъ этотъ смыслъ, или привязывая его къ новымъ вѣрованіямъ. На этомъ основаніи удерживаются въ народѣ примѣты и гаданья. Можно сказать, что жизнь каждаго Русскаго, по мѣрѣ бóльшей или меньшей личной наклонности къ мистической созерцательности, вся была управляема примѣтами. Предвѣщательность и знаменательность явленій для него была такъ широко развита, что обратилась въ си-

стему. Въ числѣ запрещенныхъ книгъ ходили по рукамъ волховники или сборники примѣтъ и гаданій, въ назиданіе людямъ. Вотъ, напримѣръ, какого рода примѣты имѣли знаменательность для воображенія: храмъ трещитъ (трескъ въ стѣнѣ), ухозвонъ—путь будетъ; длани свербятъ—пѣнязи имать; очи свербятъ—плакать будутъ; воронограй, курокликъ (пѣніе курицы)—худо будетъ; утица крякнетъ, гусь гогочетъ, окомигъ (дрожь въ рѣсницахъ), огнь бучитъ (трескъ дровъ), песъ воетъ, мышепискъ (пискъ мышей), мышь порты (платье) грызетъ, кошка въ окнѣ мышьца держитъ, сонъ страшенъ, слѣпца встрѣтитъ—изгоритъ нѣчто; огонь пищитъ, искра изъ огня, кошка мяукнетъ — падетъ человѣкъ; свѣща угаснетъ, конь ржетъ, волъ реветъ, трава шумитъ, древо скрипитъ, сорока поцекочетъ, дятелъ желна (долбитъ дерево), стѣнощелкъ (червячки въ стѣнахъ), жаба воркуетъ. Нѣкоторые примѣты служили къ предузнанію погоды и физическихъ явленій: дымъ высоко въ избѣ ходитъ (въ курной)—къ погодѣ; мышь въ жильѣ высоко гнѣздо совьетъ—снѣгъ великъ будетъ, и погода будетъ. Другія служили признаками войны, голода и другихъ народныхъ бѣдствій; наприм. «Берегъ подымается и море дичится, и вѣтры сухіе или мокрые тянутъ, и облака дождевыя и снѣжныя и вѣтряныя, и громъ гремитъ, и буря вѣетъ, и лѣсъ шумитъ, и древо о древо скрипаетъ и, волки воютъ, и бѣлки скачютъ — моръ будетъ, и война востанетъ, и вода пребудетъ, и плодовъ въ лѣтѣ въ коемъ не будетъ или умалится». Вотъ сколько примѣтъ и сверхъ того втрое было больше, чѣмъ здѣсь означено; и изъ нихъ многія сохранились до сихъ поръ. Вѣрили въ сонъ, и составляли обширную систему знаменательныхъ истолкованій; вѣрили въ чохъ, въ полазъ (вѣроятно насѣкомыхъ,—выводъ предвѣщаній изъ различныхъ ихъ движеній), вѣрили въ встрѣчу, т. е. считали встрѣчу съ одними предметами счастливымъ, съ другими несчастнымъ предзнаменованіемъ. Къ несчастнымъ въ древности принадлежали: встрѣча съ монахомъ, съ лысымъ конемъ, съ свиньею. Преподобный Ѳеодосій въ XII в. укорялъ тѣхъ, которые при такихъ встрѣчахъ ворочались назадъ. Эти примѣры изъ XII в. безъ сомнѣнія существовали въ XVI и XVII в., потому что сохранились и въ наше время. Кромѣ множества гаданій, которыя и теперь служатъ святочной забавой, встарину были цѣлыя системы гаданій, записанныя въ книгахъ и гадательныхъ тетрадяхъ. Онѣ носили общее названіе *Рафли;* къ такимъ книгамъ принадлежали «Аристотелевы врата», «Шестокрылъ» и астрологическія гаданья, занесенныя къ намъ съ запада: «Остраномы», «Зодѣй», «Альманахъ», «Звѣздочетье» — сущность послѣднихъ состояла въ отысканіи вліянія, какое имѣли на судьбу человѣка и на обстоятельства его жизни небесныя свѣтила, дни и часы: «О злыхъ часѣхъ и о нарожденіи человѣчестѣмъ въ которую звѣзду или часъ, добръ или золъ, и получая счастковъ и богатству и нищеты и въ нарожденіи добродѣтелемъ, и

злобамъ, и долголѣтству житія и скращенія смерти — и сія вся кощуны и басни суть». Въ этихъ разнообразныхъ учебникахъ волшебства заключалясь, по выраженію одного іерарха, такія вещи, «ихъ же не подобаетъ не точію описывати, но ниже помышляти, ради хулы, и многія скверности и отступничества».

Къ другимъ гаданіямъ прибѣгали въ разныхъ предначинаніяхъ, чтобы узнать удачно ли они пойдутъ, въ разныхъ неудачахъ и бѣдствіяхъ, чтобъ узнать, чѣмъ помочь. Одинъ изъ старинныхъ родовъ гаданій назывался *получай*. Какъ онъ совершался — неизвѣстно, — но его названіе заставляетъ думать, что цѣль его была — отысканіе средствъ къ пріобрѣтенію.

Самое распространенное вѣрованіе было въ могущество человѣческой воли и выражающаго ее слова. Все собственно такъ называемое нами старое чародѣйство основывалось главнымъ образомъ на убѣжденіи въ силѣ воли и слова. Волшебникъ или чародѣй въ обширномъ смыслѣ былъ человѣкъ, который силою своего слова могъ производить желаемое, узнавать будущее, измѣнять направленіе обстоятельствъ, властвовать надъ судьбою другихъ людей и даже повелѣвать силами природы. Заговоръ или *примолвленіе* игралъ главную роль въ волшебствѣ. Правда, волшебники дѣйствовали и посредствомъ разныхъ вещей; но народное понятіе приписывало силу не самымъ вещамъ, а слову, которое имъ сообщало эту силу. Сила исходила не изъ природы, а изъ человѣка, изъ его души. То была сила духовная. Даже самое леченіе или отрава людей посредствомъ травъ приписывались не цѣлебному или вредоносному свойству растеній по ихъ природѣ, а человѣку, который сообщалъ имъ это свойство своею волею, и потому леченіе травами преслѣдовалось церковью наравнѣ со всякими другими волшебствами, подъ именемъ *зелейничества*. Полагали, что растеніе, совершенно безвредное, можетъ быть убійственно, если волшебство сообщитъ ему злокачественную силу. Въ 1632 году, во время войны съ Литвою, запрещено было ввозить въ Московское государство хмѣль, потому что лазутчики донесли, что какая-то *баба-вѣдунья* наговариваетъ на хмѣль, чтобы тѣмъ хмѣлемъ, когда онъ будетъ ввезенъ въ Московію, произвести моровое повѣтріе. Волшебники носили разныя наименованія, которыя имѣли свои особенные оттѣнки, хотя часто значеніе ихъ смѣшивалось. Между такими видами волшебниковъ были волхвы, чародѣи, чаровницы, зелейщицы, обаянники, кудесники, сновидцы, звѣздочеты, облако-прогонники, облако-хранительники, вѣдуны, вѣдуньи, лихія бабы. Обаянниками назывались фокусники, которыхъ призывали или «посѣщали, хотяще нѣкая увидѣти отъ нихъ неизреченное». Они же заклинали змѣй и злыхъ животныхъ. Кудесникъ совершалъ разныя заклинанія и чародѣйственные обряды

(кудесы бьютъ) и предвѣщалъ будущее. Сновидцы разсѣвали въ народѣ разныя предзнаменованія на основаніи видѣнныхъ ими сновъ и увѣряли, что они приняли извѣщеніе свыше. Иногда они толковали сны другимъ, приходившимъ къ нимъ. Иногда разсказывали о собственныхъ видѣніяхъ. Во время народныхъ бѣдствій, они толковали народу причины несчастія, часто указывали на какія-нибудь лица, называя ихъ виновниками, и обрекали ихъ народному мщенію. Облако-прогонники, какъ ихъ называетъ «Домострой», были волшебники, которые, по народному понятію, повелѣвали дождемъ и вёдромъ и черезъ то самое могли насылать урожай или неурожай. Вѣрованіе это очень древнее, какъ видно изъ нашихъ лѣтописей по разсказу о избіеніи въ Ростовѣ въ XI вѣкѣ и въ Суздалѣ въ 1124 году женщинъ за то, что будто бы онѣ спрятали въ себя хлѣбное жито и съѣстные запасы. Въ XVI вѣкѣ разсказывали, что во время осады Казани, въ 1552 году, Татарскіе колдуны и колдуньи, стоя на стѣнахъ города, махали одеждами на Русское войско и насылали вѣтеръ и дождь. Столь же древнее было вѣрованіе въ волшебниковъ, снѣдающихъ солнце и луну (погибе солнце и бысть яко мѣсяцъ, его же глаголитъ невѣгласи снѣдаемое солнце). Въ Кормчей книгѣ эти волшебники называются волкодлаками (влъкодлаци луну изѣдоша или слъньце). Вѣдунами и вѣдуньями назывались вообще лица обоего пола, вѣдавшія тайную силу управлять обстоятельствами жизни. Всѣ лица, занимавшіяся волшебствомъ, составляли въ иныхъ мѣстахъ какъ бы особые цехи, передавали одни другимъ свое искусство и промышляли имъ, помогая тѣмъ, которые къ нимъ прибѣгали въ житейскихъ нуждахъ. Иногда этимъ занимались и мужчины, но чаще пожилыя и старыя женщины. Во всѣхъ мѣстахъ Россіи можно было отыскать ихъ. Особенное уваженіе существовало къ тѣмъ, которые жили на сѣверѣ въ Корельской землѣ. Тамъ искалъ ихъ великій князь Василій Іоанновичъ. Въ самой Москвѣ жило множество колдуній и преимущественно въ Замоскворѣчьи. Такъ въ первой половинѣ XVII вѣка тамъ были извѣстны жонки: Улька, Наська Черниговка, Дунька, Ѳеклица, Машка Козлиха, какъ видно изъ дѣла, возникшаго въ 1638 году по поводу подозрѣнія въ порчѣ царицы Евдокіи. Эти чаровницы предлагали свои услуги посредствомъ наговоровъ надъ какою-нибудь вещію. Такимъ образомъ къ Московской чародѣйкѣ Наськѣ Черниговкѣ прибѣгали женщины, страдавшія отъ побоевъ, которыми надѣляли ихъ мужья.

Другія колдуньи своими наговорами помогали купцамъ, когда у нихъ залежится товаръ. Тогда колдунья наговаривала на медъ, приговаривая: «какъ пчелы ярося роятся, такъ бы къ такому-то торговому человѣку купцы для его товару сходились». Потомъ она приказывала торговому человѣку умываться этимъ медомъ. Муж-

чины — колдуны заговаривали ратнымъ людямъ отъ стрѣльбы и отъ меча, когда тѣ шли на войну, отъ «ласковости отъ человѣкъ», когда подначальный хотѣлъ расположить своего начальника; охотникамъ на ловленіе звѣрей. Если на кого царь или князь гнѣвъ держитъ — надобно при себѣ носить подъ лѣвою пазухою правое око орла, *завязавъ въ ширинку*. Этого орла нужно поймать непремѣнно на Ивановъ день о вечернѣ, нонести на распутье между дорогъ и заколоть острою тростію. Лѣвый глазъ того же орла, смѣшанный съ коровьею кровью, рекомендовался охотникамъ и рыболовамъ: «Лѣвое око его добро смѣшать съ коровьею кровію и селезеневою, да все то изсуши, да завяжи въ синій платъ чистый. И когда хочешь ловить рыбу, и ты привяжи къ цѣпу и наловишь рыбы много. Та же вещь ко многимъ ловушкамъ годна — ко звѣринымъ и къ птичьимъ и ко всякой ловлѣ». Начинавшій судиться или позванный черезъ прістава или недѣльника къ судебному отвѣту спѣшилъ къ колдуну, который заговаривалъ языкъ и сердце противной сторонѣ. Идя на судъ, надобно снять съ березки переперъ, который трясется, и говорить: «такъ какъ сей переперъ трясется, такъ бы мой супостатъ (имрекъ) и его языкъ трепетался». Когда еще въ обычаѣ были судебные поединки, чародѣи являлись на помощь; нерѣдко спорщики готовы были помириться, но чародѣи начинали предъ ними бить кудесы и разжигали снова. Чародѣи совѣтовали такимъ образомъ занасаться силою для судебнаго поединка. «Убей змѣю черную саблею или ножемъ, да вынь изъ нея языкъ, да ввертн въ тафту зеленую и въ черную, да положи въ сапогъ въ лѣвой, а обуй на томъ же мѣстѣ. Идя прочь назадъ, не оглядывайся. А кто тебя спроситъ, гдѣ былъ ты, и ты съ нимъ ничего не говори. А когда надобно и ты въ тотъ сапогъ положи три зубчика чесноковые, да подъ правую пазуху привяжи себѣ утиральникъ, и бери съ собою когда пойдешь на судъ или на поле битвы.» Когда холопъ обкрадывалъ господъ и бѣжалъ, призывали ворожею и она произносила заклятіе надъ бѣжавшимъ.

Невозможно перечислить всѣхъ вещей, надъ которыми вѣдуны и вѣдуньи совершали свои таинственныя заклинанія и приготовленія, но между прочимъ онѣ совершались надъ кореньями, зельями, водою, огнемъ, костьми, громовыми стрѣлами, каменьями, надъ медвѣжьимъ ноготкомъ, надъ мертвою рукою, надъ рубашкой мертвеца, надъ выбраннымъ изъ-подъ человѣческой ноги слѣдомъ, надъ вѣтромъ, надъ зеркаломъ, надъ узлами, и проч. Вѣра въ чудодѣйственную силу кореньевъ была распространена въ Россія повсемѣстно. Цари и сильные міра боялись отъ кореньевъ не только вреда своему здоровью, но даже политическихъ перемѣнъ. Насылка на вѣтеръ и выборъ слѣда были чародѣйства злыя: они производились съ цѣлію сдѣлать зло человѣку, и потому ихъ боялись особенно. Въ подкрестныхъ записяхъ на вѣрность царю вѣрноподданный присягалъ, между прочимъ, *вѣдовствомъ по вѣтру ни-*

какою лиху не насылати, на слѣду не вынимати. Насылка по вѣтру состояла въ томъ, что лихой колдунъ, знавшій искусство возбуждать вѣтры и направлять ихъ куда угодно своими заговорами, производилъ вѣтеръ, потомъ бросалъ по вѣтру пыль и примолвлялъ, чтобъ такъ по вѣтру понесло пыль на такого-то человѣка, чтобъ его корчило, мяло, раздувало, сушило и проч., и проч. Если обреченная жертва попадалась подъ таковой вѣтеръ, то съ ней сбывалось все, чего желалъ ей колдунъ. Выборъ слѣда изъ-подъ ноги сохраняется до сихъ поръ. Выбранный слѣдъ замазывали въ печи или сожигали, и оттого изсыхалъ тотъ, изъ-подъ чьей ноги былъ взятъ слѣдъ. Впрочемъ, выбирали слѣдъ и не для одной цѣли, а для того, чтобъ приворожить къ себѣ. Заговоры надъ мертвыми человѣческими костями, рукою и зубами, совершались на воровство: *на татьбу мертваго зубы волшовеніе.* Тогда, какъ и теперь, воры употребляли руку трупа для усыпленія хозяевъ въ домѣ, когда хотѣли ихъ обокрасть. Встарину наговаривали также на просфору. Приносили просфору къ ворожеѣ, которая произносила надъ ней примолвленія, и этой просфорѣ сообщалась сила давать успѣхъ въ дѣлахъ тому, кто ее держитъ у себя. Одинъ изъ самыхъ обычныхъ способовъ передачи волшебной силы были наузы или узлы; надъ ними наговаривали и отдавали желающему: имъ приписывали силу предохранять отъ разныхъ несчастій. Матери брали отъ волшебниковъ чародѣйственные узлы и навязывали ихъ на дѣтей («Баба начнетъ на дѣти наузы класти, смѣривати, плююще на землю, рекше бѣса проклинать»). Этотъ древній обычай высказанъ въ нашей старой лѣтописи, въ повѣствованіи о Всеславѣ, котораго мать даже родила при участіи волшебства (отъ волхвованія); ему волхвы навязали наузъ на голову; онъ носилъ его всю жизнь, и вліянію этого чародѣйственнаго узла приписывались его воинственность и жестокость («того ради немилостивъ на кровопролитіе»). Многіе приходили къ ворожеямъ и брали отъ нихъ наузы для предохраненія отъ всякаго рода опасностей («нѣкакая бѣсовская обаянія наюзы»).

Въ старину узлы навязывали на оружіе и думали сообщать ему твердость и уничтожать силу противнаго оружія, какъ это видно изъ стариннаго заговора: «Завяжу я по пяти узловъ всякому стрѣльцу немирному, невѣрному на пищаляхъ, на лукахъ, и всякомъ ратномъ оружіи. Вы, узлы, заградите стрѣльцамъ всѣ пути и дороги, замкните всѣ пищали, спутайте всѣ луки, повяжите всѣ ратныя оружія: въ моихъ узлахъ сила могуча!» На этомъ основаніи вѣрили, что нѣкоторыя изъ ратныхъ людей умѣли такъ завязывать чужое оружіе, что ихъ самихъ не брали ни пули, ни сабли. Такое мнѣніе существовало и сохранилось въ преданіи о Стенькѣ Разинѣ. Наузы давались отъ вліянія

злыхъ чародѣевъ, и отъ зломыслія враговъ вообще, какъ видно изъ заклятій: «Завяжи, Господи, колдуну и колдуньѣ, вѣдуну и вѣдуньѣ, и упирцу, на раба Божія (такого-то) зла не мыслити отъ черица и черницы, отъ красной дѣвицы, отъ бѣловолосаго, отъ черноволосаго, отъ рыжеватаго, отъ русоволосаго, отъ одноглазаго, разноглазаго и упирца». Конечно, отъ этого стариннаго вѣрованія во всемогущество наузовъ осталось выраженіе: *завязать*, въ мысль не допустить, преградить. Это особенно видно въ Малороссійскомъ языкѣ, въ выраженіяхъ въ родѣ слѣдующихъ: «завязанный світъ!» «Мині якъ завязано» (т. е. неудается). Видно, что наузы давались не столько для того, чтобъ сообщить какую-нибудь силу тому, кому давались, сколько для того, чтобъ предохранить отъ враждебнаго дѣйствія и уничтожить его силу. Чаще всего наузы давались противъ болѣзней не какъ лекарство, а какъ предохранительное средство.

Народное воображеніе всегда старалось отыскивать фантастическія причины болѣзней. Вообще болѣзни происходили отъ вліянія злыхъ духовъ или даже сами были злыми духами, или отъ злаго умысла и силы слова, которое можетъ управлять природою человѣка какъ на добро, такъ и на зло. Лихорадка, обыкновенная болѣзнь, представлялась бѣсомъ-трясцею («недуги лѣчатъ чарами и наузы, нѣкотораго бѣса глаголемаго трясцю прогоняюще»). Этому бѣсу трясцѣ подвластны выходящія изъ огненнаго столба двѣнадцать (по другимъ семь) простоволосыхъ дѣвицъ, дщерей Иродовыхъ: (Невѣя, Синя, Легкая, Трясунница, Желтуница, Мученица, Огненная, Акиледъ, Временная, Безымянная, Осенняя, Листопадная. Имена семи — не Русскія: Лилія, Хорторія, Загрѣя, Невея, Тухія, Нешія, Злыднѣе, еще старшая Трясавица; а низшіи всѣ повинны насъ слушати (вѣроятно каждая изъ насъ). Ихъ прогоняли заговорамв, завязывали наузами и отписывали письменами. Въ этихъ письменахъ писались Эллинскія имена лихорадокъ на яблокѣ, и яблоко клали въ церкви во время литургіи. Множество разныхъ болѣзней приписывалось урокамъ, призорамъ и сглазамъ. Подъ уроками разумѣлись злодѣйственныя рѣчи; подъ послѣдними — не добрые взоры. Леченіе состояло въ томъ, чтобъ отогнать и уничтожить дѣйствіе враждебной губительной силы. Ворожеи употребляли наузы, примолвленія, разныя манипуляціи и зелья. Наузы, какъ выше сказано, были болѣе предохранительное средство; они не допускали враждебную силу дѣйствовать, когда придетъ случай. Примолвки и заговоры употреблялись какъ для предотвращенія болѣзней, такъ еще болѣе какъ прямое средство противъ недуга, уже поразившаго болящаго. Иногда заговоры говорились безъ особенныхъ обрядовъ и безъ посредства вещей, но чаще ворожеи наговаривали на какіе-нибудь предметы, особенно съѣдомые и испи-

ваемые, и сообщали имъ силою своего желанія цѣлительное свойство. Вода играла въ этихъ случаяхъ главнѣйшую роль, особенно въ тѣхъ болѣзняхъ, когда признавалось, что онѣ постигли болящаго отъ призора или сглаза: тогда надобно было смыть или обрызнуть прочь призоръ, то есть вліяніе дурнаго взора. Бросивъ въ ковшъ съ водою три угля, ворожея въ своемъ примолвленіи уговаривала воду обмыть съ хвораго хитки и притки, уроки и призоры, скорби и болѣзни, щипоты и ломоты, злу худобу, и понести за сосновый лѣсъ, за осиновый тынъ. Кромѣ цѣлящаго свойства, водѣ, употребляемой съ знаменательными обрядами, приписывали также и предохранительное; волхвы и бабы-вѣдуньи совѣтовали купаться въ рѣкахъ и озерахъ во время грозы и въ новолуніе, умываться съ серебра, а потомъ встрѣчать молодой мѣсяцъ, и этими средствами хотѣли предохранить отъ недуговъ на будущее время. Время предъ восходомъ солнца считалось особенно знаменательнымъ: тогда ходили купаться, мыли платье, ткали и пряли, вертѣли масло и дѣлали другія домашнія работы, думая, что дѣланное до солнечнаго восхода имѣетъ что-то особенно важное. Кромѣ воды, очень часто ворожеи наговаривали на вино, на чеснокъ, на уксусъ, на соль. Громовыя стрѣлки, то есть камышки на подобіе стрѣлъ, которые почитались упавшими съ неба во время удара молніи, служили у ворожей средствомъ при многихъ леченіяхъ; но церковь преслѣдовала ихъ, какъ и всякія другаго рода средства. «Стрѣлки, топоры громовныи — нечестивая, богомерзская вещь; аще недугы в подсыванія и огненныя болести лѣчить, аще и бѣсы изгоняетъ, и знаменія творитъ — проклята есть, и ти изцѣляеми ею». Если у кого-нибудь случалась жаба въ горлѣ, ворожея лечила тогда *придавливаніями* съ примолвленіями; когда больной жаловался на боль въ желудкѣ, ворожеи называли это вообще *нутряною* болѣзнію и лечили разными манипуляціями, между которыми самый обыкновенный способъ былъ накидывать горшки съ примолвленіями. Для всякихъ болѣзней были свои особыя примолвки и свои обряды, по правиламъ паталогіи знахарей. Наружное обмываніе или мазаніе больнаго тѣла было обычнымъ пріемомъ волхвовъ: для мазанія употреблялись всевозможнѣйшія вещи, какія только могли прійти необузданной фантазіи. «Мастію, коею либо мажутъ или скипидаромъ, или нефтью, или мышьякомъ, или кровію человѣческою, или молокомъ женскимъ и скотскимъ, или медомъ, или росою, или сѣрою, или дегтемъ, или хмѣлемъ».

Къ симпатическимъ средствамъ принадлежали въ XVII вѣкѣ орловъ камень, рога единорога и змѣиные рожки. Орлову камню, по современному суевѣрію, «Богъ далъ дивныя угодья таковы, что несвѣдущимъ людямъ нельзя про него и вѣры взять». Воображали, что этотъ камень находятъ въ орловомъ гнѣздѣ. «А держитъ орелъ тотъ камень въ своемъ гнѣздѣ для обереганья дѣтей своихъ, потому что тотъ

камень оберегаетъ отъ всякихъ притчей, отъ повѣтрія и отъ всякихъ золъ». Рогъ единорога считался рѣдкимъ и драгоцѣннымъ средствомъ не только для исцѣленія отъ тяжелыхъ болѣзней, но и для поддержанія цвѣтущаго здоровья вообще на всю жизнь. Это вѣрованіе о рогѣ единорога распространили иностранцы въ XVI вѣкѣ, и самъ Алексѣй Михайловичъ въ 1655 году соглашался за три такіе рога заплатить десять тысячъ рублей, соболями и мягкою рухлядью. Говорили, что онъ длиною до шести пядей и свѣтелъ, какъ свѣтло. Небогатые не могли доставать такихъ дорогихъ средствъ и употребляли такъ называемые змѣиные рожки. Ихъ толкли въ порошокъ и давали пить въ случаѣ какой-нибудь нутряной болѣзни. Эти змѣиные рожки очень часто (и вѣроятно всегда) были ничто иное, какъ простые кости. Нѣкоторыя предохранительныя симпатическія средства назначались для скотины: «около скота волхвуетъ: и съ каменемъ, и желѣзомъ, и сковородою, и съ иконами спускаютъ скоты свои». «Если хочешь скота много держать, то медвѣжью голову пронеси сквозь скотъ на Ивановъ день до солнца и вкопай посреди двора, и скотъ будетъ вестися; а если у кого скотъ мретъ, и ты съ умерлаго вели кожу содрать и продать, и что возмешь за кожу и ты вели на тѣ деньги купить сковороду желѣзную и вели на ней печь что хочешь, мясо или рыбу, и ѣшь съ той сковороды что хочешь, и скотъ твой съ тѣхъ мѣстъ не мретъ и здравъ будетъ. Кто животину купилъ приводную, мерина или корову, и приведши ко двору велѣть растянуть поясъ женскій отъ верен до верен, да замокъ положить къ верѣ, а колоду замочную къ другой верѣ, и проведши животину сквозь замокъ, замкнуть и поясъ взять опоясаться, и черезъ мужской поясъ животину водятъ же отъ верен до верен растянувши». Къ числу чародѣевъ принадлежали, какъ выше было сказано, и *зелейщики* — знатоки силы травъ и кореньевъ: у нихъ былъ свой травникъ, который они передавали другъ другу. Эти травники переходили изъ рукъ въ руки въ спискахъ. Травы собирались *знаючи*, то-есть съ таинственнымъ умѣньемъ доставать ихъ: въ какихъ мѣстахъ, въ какое время и какимъ способомъ. Купальская ночь признавалась лучшимъ временемъ для этого; нѣкоторыя травы считались цѣлительными въ извѣстныхъ болѣзненныхъ припадкахъ. По приказанію Алексѣя Михайловича, одинъ Сибирскій знахарь сообщилъ чрезъ воеводу правительству подмѣченныя имъ свойства нѣкоторыхъ травъ. Изъ этихъ извѣстій и изъ другихъ мы узнаемъ, что у знахарей были травы на всѣ болѣзни и на всѣ случаи. Корень девясила употреблялся для женанія отъ зубной боли; ирной корень настаивался на водкѣ и давался отъ удушья. Изъ травы подъ названіемъ *пѣтушковы пальцы* дѣлали припарку противъ желваковъ и другихъ затвердѣній. Отъ побоевъ и ранъ лечили питьемъ изъ звѣробоя на водкѣ; въ тѣхъ же случаяхъ употребляли винный настой травы *излюденъ* и травы *мартя*. По другому травнику отъ побоевъ и ранъ рекомендовали травы: *девятисилъ* (или девясилъ),

хмельникъ, ужикъ, и *напутникъ*. Настой послѣдней травы давали пить внутрь и примачивали имъ больныя мѣста снаружи. Иногда знахари лечили микстурою изъ разныхъ травъ, кореньевъ и животныхъ веществъ; вотъ, напримѣръ, образчикъ знахарскаго рецепта. Знаеть (онъ) около Якутска масло, ростомъ кругло, что яблоко большое, ходитъ живо, а живетъ въ глухихъ и глубокихъ озерахъ; будетъ какой человѣкъ болѣнъ нутряною (болѣзнію), или ломъ въ костяхъ, или мокрота бываетъ нутряная, и сидѣти въ банѣ и послѣ того баннаго сидѣнья сдѣлать составъ: часть того масла, большую часть нефти, часть скипидару, часть деревяннаго масла, да добыти полевыхъ кузнечиковъ зеленыхъ, что по травамъ скачутъ, да наловить коростеликовъ красныхъ, что летаютъ по полямъ, и тѣ статьи положить въ горячее вино, и дать стоять день одиннадцать или тринадцать; и послѣ того баннаго сидѣнья велѣть того больнаго человѣка тѣмъ составомъ тереть по всему тѣлу, и велѣть быть въ теплой хороминѣ, пока тотъ составъ войдетъ; и дѣлать такъ не по одно время; и то масло ѣдять и пьютъ отъ многихъ нутряныхъ болѣзней». Нѣкоторымъ травамъ приписывалось чародѣйственное вліяніе противъ душевныхъ недуговъ и вредоноснаго дѣйствія завистн одного человѣка къ другому. Тотъ же Сибирскій знахарь совѣтуетъ настаивать на винѣ или на уксусѣ земляныя груши и ѣсть ихъ сырыя въ случаѣ тоски или сердечной болѣзни; а противъ испуга или дурнаго вліянія, оставленнаго осужденіемъ завистливаго человѣка, указываетъ, какъ на цѣлительное средство, на траву, называемую *ероя:* слѣдуетъ болящаго окуривать этой травой, тереть его по лицу и, намоча въ водѣ, давать ѣсть. Были травы, которымъ приписывали значеніе универсальныхъ лекарствъ; такъ въ одномъ травникѣ XVII вѣка о травѣ *излюдинъ* (растетъ по старымъ росчистямъ, ростомъ въ пядь, собою мохната и листечки мохваты), говорится: «кто тое траву ѣстъ, и тотъ человѣкъ, живучи, никакая скорбь не узритъ тѣлу в сердцу». Трава *кудрявый купырь* имѣла силу предохранять отъ отравы того, кто ее ѣлъ натощакъ. О травѣ *плакунъ* говорится, что её надобно заранѣе пріобрѣсть для того, чтобъ искать всякую другую траву, «а безъ тое травы никакой травы не рветъ, потому что отъ нихъ помощи не будетъ». Существовало повѣрье о разрывъ-травѣ, съ помощію которой узники ломали свои оковы и воры отпирали замки. Такая трава въ травникѣ, о которомъ упомянуто выше, называется *быль:* ростетъ въ водѣ, а коренья добры; возьми и положи въ замокъ, то отомкнется. Другимъ травамъ приписывали предохранительную силу; о травѣ *Петровъ крестъ* говорится, что отъ нея «никакая скорбь не ввяжется, помилуетъ Богъ отъ всякія напасти; а въ пиръ поѣдешь, возьми её съ собою отъ еретика и напрасныя смерти». То же думали о *папертъ*, которую доставать слѣдовало только въ купальскую ночь и потомъ носить всегда при себѣ; «гдѣ найдетъ, — на того человѣка никто сердитъ не бываетъ, хотя и не другъ, а на зло и не помыслитъ». О травѣ *полотой нивѣ* суще-

ствовало такое наставленіе: «Надобно кинуть золотую или серебряную деньгу, а чтобъ желѣзнаго у тебя ничего не было; а какъ будешь рвать ее и ты пади на колѣно, да читай молитвы, да стоя на колѣнѣ хватать траву ту, обвертѣвъ ее въ тафту, въ червчатую или бѣлую, и беречь ту траву отъ мерзскаго часа; а хочешь идти на судъ или на бой, ино никто тебя не переможетъ». Траву *осотъ* рекомендовали держать торговымъ людямъ: «хочешь богатъ быть, — носи на себѣ; гдѣ не поѣдешь и во всякихъ промыслахъ Богъ поможетъ, а въ людяхъ честно вознесешися». Зелье *попутникъ*, повѣшенное на дворѣ, отгоняло всякихъ гадовъ и вредныхъ насѣкомыхъ. Травѣ *переносъ*, кромѣ такихъ же предохранительныхъ свойствъ отъ укушенія гадовъ и дѣйствія нечистыхъ духовъ, приписывалась такая сила, что если изъ нея «сердечко положи въ ротъ и поди въ воду, то отъ него вода разступится»; а травы *прострѣлъ* (сонъ трава) и *укропъ* предохраняли дома, гдѣ ихъ держали, отъ нечистыхъ духовъ.

Св. крестъ считался знаменіемъ мира и союза. Всякій договоръ или обѣщаніе по своей важности подтверждались цалованіемъ креста, а нарушеніе такого договора называлось преступленіемъ противъ крестнаго цалованія. Каждый имѣлъ на себѣ непремѣнно крестъ; духовные запрещали снимать съ шеи, когда человѣкъ идетъ купаться въ рѣку или мыться въ мыльнѣ. Коль скоро приводилось что-нибудь важное обѣщать или утвердить истину сказаннаго, снимали его съ себя и цаловали. Встарину было въ обычаѣ мѣняться грудными крестами; сдѣлавшіе такую мѣну, считали себя обязанными быть задушевными друзьями и помогать одинъ другому во всѣхъ случаяхъ жизни.

Св. мощи были всеобщимъ предметомъ поклоненія; къ нимъ стекались болящіе и искали исцѣленій. Независимо отъ поклоненія мощамъ, хранившимся въ церквахъ и монастыряхъ, многіе богатые люди имѣли у себя въ домѣ частицы мощей въ крестахъ или на образахъ; возбранялось носить крестъ съ мощами на шеѣ. Вода, которою обмывали мощи, считалась цѣлительною и употреблялась набожными людьми въ разныхъ недугахъ. Встарину очень часто появлялись мощи, и кромѣ тѣхъ, которые были открыты и признаны церковью, возникало въ разныхъ мѣстахъ поклоненіе памяти усопшихъ, которые, по образу жизни, заслуживали уваженія народа. Такъ въ 1626 году въ Пошехонскомъ уѣздѣ народъ сталъ собираться около рябины, которая выросла на могилѣ убитаго разбойниками инока Адріана, и народный говоръ гласилъ, что многіе страждущіе получали на этомъ мѣстѣ исцѣленіе.

Съ этими вѣрованіями соединялось уваженіе къ храму Божію. Строить церковь считалось дѣломъ христіанской добродѣтели и лучшимъ средствомъ ко спасенію и отпущенію грѣховъ. Нельзя было

пройти мимо церкви, не сдѣлавши треекратнаго знаменія съ поклономъ.

Благочестивый человѣкъ считалъ большимъ грѣхомъ не пойти въ церковь въ праздникъ не только къ литургіи, но къ вечернѣ и къ заутрени. Когда вы услышите клепаніе въ церкви — говоритъ одно духовное поученіе — оставляйте всякое дѣло и идите въ церковь. Слѣдовало въ церкви стоять со тщаніемъ и трепетомъ, не обращая взоровъ, потупивъ глаза и сложивъ крестообразно руки, и не вести другъ съ другомъ пустошныхъ рѣчей: «Велико милосердіе Божіе (говоритъ то же поученіе), что огонь, — не сойдетъ съ неба и не пожретъ ведущихъ разговоры во время божественнаго пѣнія». Склоняться на стѣну и переступать съ ноги на ногу отъ усталости считалось грѣхомъ; равнымъ образомъ считалось недостойно славѣ Божіей уходить изъ церкви прежде окончанія служенія. Палку оставляли внѣ церкви. Во избѣжаніе сходства съ католиками, изстари православные не становились на колѣни, но благочестивые люди усердно клали поклоны и отъ этого на лбу у нихъ были шишки. Женщины входили въ особыя двери и стояли въ особомъ притворѣ; знатныя госпожи становились въ церквахъ за рѣшетками, стояли потупя глаза въ землю и старались особенно показывать видъ скромности, когда мимо ихъ проходилъ священникъ. Простыя женщины не такъ часто ходили въ церковь, какъ мужчины, и обыкновенно на короткое время, чтобъ поклониться иконамъ. Всякому сколько-нибудь достаточному человѣку вмѣнялось въ благочестивую обязанность явиться въ храмъ Божій съ приношеніемъ, напримѣръ со свѣчею, съ просфорою, ѳиміамомъ, ладономъ, кутьею или милостынею. По толкованію набожныхъ людей, даръ тогда только принимался Богомъ, когда было приношеніе отъ праведнаго имѣнія, и когда богомолецъ не таитъ въ душѣ ни къ кому ни злобы, ни гнѣва. «Аще кто идетъ къ церкви со страхомъ Божіимъ, со всѣмъ сердцемъ, гнѣва не имѣетъ, но сіяетъ душа его яко солнце, и восходитъ молитва его яко темьянъ: тогда ангелъ мой исходитъ изъ алтаря, нося кисть въ руку своею и знаменаетъ его на челѣ и тако почіетъ на немъ Духъ Святый». Давать въ монастыри считалось особенно спасительнымъ дѣломъ: «что имате потребно — несите къ намъ, то бо все въ руцѣ Божіи влагаете». Кромѣ денежныхъ вкладовъ и недвижимыхъ имѣній, нѣкоторые дарили одежды и посылали братіи кормы, то-есть съѣстные припасы. Нѣкоторые знатные люди доставляли въ монастыри каждогодныя пропорціи. Во время болѣзни или предъ кончиною страждущіе думали уменьшить тяжесть грѣховъ вкладами въ церковь, и завѣщали иногда въ разныя церкви и монастыри особые вклады и кормленія на братію. Если умирающій не успѣвалъ распорядиться формально, то наслѣдники, зная его волю, считали долгомъ поскорѣе исполнить ее для успокоенія души усопшаго. Не-

рѣдко старый человѣкъ, чувствуя истощеніе силъ, поступалъ въ иноческій чинъ и при этомъ всегда давалъ даръ или доходъ; въ такихъ случаяхъ богатые помогали бѣднымъ, давая имъ на постриженіе. По народнымъ понятіямъ, сдѣлать вкладъ по душѣ значило проложить душѣ вѣрный путь къ спасенію, и это вѣрованіе было причиною большихъ богатствъ монастырскихъ.

Но уже распространилось достаточно ученіе о томъ, что давать на монастыри недвижимое имѣніе не только не спасительно, а даже вредно. Въ книгѣ «Златой Матицѣ», въ одномъ поученіи разсказывается, что нѣкій святый отецъ имѣлъ видѣніе объ одномъ умершемъ, котораго считали всѣ спасеннымъ, потому что онъ записалъ въ монастырь имѣніе, и который въ самомъ дѣлѣ за то самое былъ осужденъ: «и осуждена бысть душа его мучитися віатого ради, и молящися святѣй Богородицѣ и Предтечѣ Іоанну о душѣ той и слышахъ гласъ глаголющъ: «кто даетъ село, да отпустятъ то село отъ монастыря, тогда душа отпущена будетъ отъ муки».

Священники и монахи были лучшими совѣтниками и друзьями благочестивыхъ людей. Каждый имѣлъ у себя духовника, къ которому прибѣгалъ въ своихъ житейскихъ нуждахъ: приглашалъ для совѣта и утѣшенія во время какой-нибудь печали, болѣзни или царской опалы. Для духовника не было скрытой домашней тайны. Онъ былъ наставникомъ и другомъ, занималъ въ домѣ всегда первое мѣсто; для него не щадили приношеній; ему кланялись до земли. Осуждать духовныхъ считалось, по нравственному ученію, большимъ грѣхомъ: «Нѣсть вамъ подобно на священники хулы возвѣщати», говоритъ одно поученіе, «ибо по вся дни за тя, и за твою братью, и за вся вѣрныя службу творятъ и заутра, и въ полудни, и въ вечеръ молятъ Бога въ церкви и въ домѣхъ, и у креста молитвы творятъ... Ученія его (священника) слушай, и аще право учитъ, не пытай его ученія и не укоряй его, добре бо за тя Бога молитъ. Клеветы же не прінимай ни на единаго черница глаголъ; аще видиши согрѣшивша, послушай Бога рекшаго: не осуждайте, да не осужени будете; минувшу же тя на пути, не стыдися главы своея поклонити». Другое благочестивое размышленіе о судномъ днѣ восклицаетъ: «о, горе тому человѣку въ день судный, аще кто станетъ попа укоряти: не попа укоряетъ, но церковь Божію». Государи, столь неприступные, преклонялись предъ духовными властями, и Алексѣй Михайловичъ обращался съ патріархомъ Іосифомъ столь почтительно, что клапялся ему до земли. Конечно, этотъ обрядъ смиренія не мѣшалъ царямъ поступать иногда очень самовластно съ духовными лицами. Съ своей стороны духовенство, котораго было чрезвычайное множество, не пропускало случая, чтобъ не получить выгодъ отъ своихъ совѣтовъ. На большой дорогѣ и на берегу рѣкъ всегда можно было встрѣтить духовныхъ, которые, завидя проѣзжаго, спѣ-

шили благословить его крестомъ, чтобъ получить какую-нибудь награду за свое благословеніе.

Послѣ духовныхъ, благочестіе обращалось къ такъ называемымъ юродивымъ и нищимъ. Въ какомъ почетѣ были встарину юродивые, видно изъ того, что самъ Иванъ Васильевичъ Грозный терпѣливо выслушалъ горькія рѣчи юродиваго, приглашавшаго его въ постъ поѣсть мяса, на томъ основаніи, что царь ѣстъ человѣческое мясо. Кромѣ юродивыхъ мужчинъ были также юродивыя жонки, ходившія со двора на дворъ, уважаемыя хозяевами и вмѣстѣ забавлявшія хозяйскихъ дѣтей. Иногда юродивые жили при домахъ, особенно при архіерейскихъ; такъ Никонъ, когда выѣзжалъ въ дорогу, то бралъ съ собой какого-то юродиваго Василія Босаго.

Храненіе поста было для всѣхъ безусловною обязанностью. Начиная отъ царя и доходя до послѣдняго бѣдняка, всѣ строго держались употребленія пищи по предписаніямъ церкви въ извѣстныя времена. Великій постъ и Успенскій, среды и пятки соблюдались съ бóльшею строгостію, а прочіе два: Петровъ и Рождественскій (Филипово заговѣнье) слабѣе; многія благочестивыя семейства въ продолженіе четыредесятницы ѣли только въ опредѣленные недѣльные дни, а въ другіе совсѣмъ не вкушали пищи. Послѣдніе два дни передъ Пасхою почти повсемѣстно проводились безъ пищи, по церковному уставу. Постъ считался средствомъ умилостивленія Божія гнѣва и въ случаяхъ общественныхъ бѣдствій, и въ частныхъ несчастіяхъ. Въ эпоху смутнаго времени, въ 1611 году, наложили постъ на недѣлю: въ понедѣльникъ, вторникъ и среду не ѣсть ничего, а въ четвергъ и пятницу сухояденіе. Въ 1650 году, по поводу съѣденія хлѣба саранчею, наводненій, пожаровъ и скотскаго падежа, положено въ Рождественскій постъ поститься строже обыкновеннаго и ходить каждый день къ заутренѣ, литургіи и вечернѣ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ всеобщій постъ налагался на жителей въ предупрежденіе бѣдствій, о которыхъ носились слухи со стороны; такъ въ 1668 году, по случаю разнесшейся вѣсти о землетрясеніи въ Шемахѣ, въ Астрахани и Теркѣ, наложили строгій постъ. Если въ какой-нибудь общинѣ, посадской или сельской, случалась болѣзнь, скотскій падежъ, неурожай или какое-нибудь другое несчастіе, жители думали избавиться отъ него наложеніемъ строгаго поста на всѣхъ членовъ своей общины. Такъ, напримѣръ, налагались обѣтныя *пятницы*, то-есть столько-то пятницъ проводить безъ пищи. Другіе, по благочестію, сверхъ установленныхъ церковью каждонедѣльныхъ постныхъ дней—середы и пятницы, постились постоянно по понедѣльникамъ. Но если по понятіямъ маломыслящаго постъ достаточно достигался соблюденіемъ воздержанія отъ пищи и неотступленіемъ отъ налагаемыхъ обычаемъ правилъ, то для истинно-

благочестиваго наружный постъ былъ безполезенъ безъ дѣлъ христіанской любви. Въ одномъ старинномъ словѣ «о Хлѣбѣ» говорится: «Кій успѣхъ убо человѣку алкати плотію, а дѣлы разоряюще; кая убо польза немыющемуся, а нагого не одѣжуще. Кая польза есть плоть свою изсушающему, а не кормящему алчнаго; кій успѣхъ есть уды сокрушати, а вдовицъ не миловати; кій успѣхъ есть самому томитися, а сиротъ томимыхъ не избавляти». Другое поученіе съ такою рѣзкостію выражается о безплодіи соблюденія наружнаго поста безъ внутренняго благочестія: «Аще кто не пьетъ питья, ни мясъ ястъ, а всяку злобу держитъ, то не хуже есть скота; всякъ бо скотъ не ясть мясъ, ни питья пьетъ; аще ли кто на голѣ земли лежитъ, а зломыслитъ на друга, то ни тако хвалися; скотъ бо постели не требуетъ, ни постелющаго имать». Несмотря на глубоко-нравственное значеніе, какое вообще придавали строгому подчиненію церкви, Русское благочестіе основывалось больше на вниманіи къ внѣшнимъ обрядамъ, чѣмъ на внутреннемъ религіозномъ чувствѣ. Духовенство почти не говорило проповѣдей, не было училищъ, гдѣ бы юношество обучалось закону Божію.

Отдѣленные отъ прочихъ народовъ, со своей особой вѣрой, Русскіе составили себѣ дурное понятіе о другихъ христіанскихъ народахъ, а долгое страданіе подъ игомъ нехристіанъ укоренило въ нихъ непріязненность вообще къ иновѣрцамъ. Русскіе считали только однихъ православныхъ въ цѣломъ мірѣ христіанами и въ отношеніи вѣры смотрѣли съ презрѣніемъ на всѣхъ иноземцевъ; хотя они мало по малу сближались съ ними, принимали начала ихъ жизни въ свою жизнь, но вмѣстѣ съ тѣмъ, чувствуя, что они многому должны отъ нихъ учиться, вознаграждали это непріятное сознаніе національнымъ высокомѣріемъ. Греція передала намъ къ Мусульманамъ свою антипатію, которая еще болѣе усилилась на Русской почвѣ, соединившись съ воспоминаніями Татарскаго ига. Всѣ западные христіане являлись въ понятіи Русскаго подъ именемъ Нѣмцевъ; ихъ признавали некрещеными. По понятію строгаго благочестія не только дружба съ Нѣмцами, но самое прикосновеніе къ нимъ оскверняло православнаго. На этомъ основаніи, когда великіе князья и цари принимали пословъ и допускали ихъ къ рукѣ, то обмывали руку, чтобъ стереть съ нея оскверняющее прикосновеніе еретика. Духовные постоянно остерегали православныхъ отъ кумовства и братства съ Латинами и Армянами и побуждали правительство къ мѣрамъ, преграждавшимъ сближенія съ иностранцами. Въ 1620 году, духовенство просило не допускать Нѣмцевъ покупать дворы и держать у себя Русскихъ людей, потому что отъ этихъ Нѣмцевъ бываетъ православнымъ осквернение. Такъ патріархъ Никонъ, человѣкъ, возвысившійся по образованію надъ своимъ вѣкомъ, выпросилъ у царя изгнаніе изъ Бѣлаго города въ Москвѣ купцовъ иностранной вѣры. Въ особенности сильна была въ XVI и XVII вѣкѣ

ненависть къ католичеству и католическая вѣра называлась не иначе, какъ еретическвя, проклятая, и католики считались погибшими для царствія Божія людьми. Послѣ смутной эпохи ненависть эта усилилась. Русскіе хотя и считали нехристями протестантовъ, но терпѣли ихъ въ своемъ отечествѣ, а на католиковъ не могли ни смотрѣть, ни слышать объ нихъ; имъ не позволялось жить въ предѣлахъ Московскаго государства. Эту ненависть поддерживали еще поступки католиковъ въ западной Руси и событія въ Малороссіи, въ которыя втянулась Московія. Русскіе видѣли въ нихъ прямыхъ враговъ своей вѣры, покушающихся ее истребить. Когда царь Алексѣй Михайловичъ завоевалъ Вильну, то почиталъ себя въ правѣ выгонять изъ города всѣхъ уніатовъ, и требовалъ, чтобъ тѣ, которые захотятъ остаться въ городѣ, возвратились къ православію; а когда завоеванъ былъ Могилевъ, то запретили католикамъ и Евреямъ быть въ немъ чиновниками. Народъ ненавидѣлъ также наравнѣ съ католиками и жидовъ; ни одному жиду не позволено было жить въ Петербургѣ; а духовные и благочестивые люди остерегали народъ не принимать отъ Евреевъ, занимавшихся медициною, лекарствъ.

Съ непріязнію къ вноземцамъ соединялось и отвращеніе ко всему, что составляло для Русскихъ достояніе чужеземщины. Такимъ образомъ Русское благочестіе почитало преступленіемъ учиться наукамъ, искусствамъ или чужеземнымъ языкамъ: на это смотрѣли какъ на колдовство или навожденіе дьявола. Самые вельможи обращались съ иностранцами холодно и всегда старались показать, что они себя считаютъ выше ихъ. Простой народъ вѣрилъ, что все, что не Русское, пропитано дьявольскою силою, и когда иностранцы ѣхали при посольствѣ въ Москвѣ, то мужики, увидя ихъ, крестились и спѣшили запираться въ свои избы, «какъ будто бы — говоритъ одинъ Англичанинъ — мы были зловѣщія птицы или какія-нибудь пугалы»; только смѣльчаки выходили смотрѣть на иноземцевъ, какъ на рѣдкое произведеніе природы.

Правительство хотя поддавалось постоянно невыгодному взгляду на иноземщину, взгляду, который поддерживало духовенство, но въ то же время пользовалось услугами иностранцевъ и привлекало ихъ въ свою страну. Этой системѣ слѣдовали всѣ государи, одинъ за другимъ. Іоаннъ Васильевичъ Грозный былъ расположенъ къ иностранцамъ, считалъ ихъ открыто выше и лучше своего народа, производилъ себя отъ Нѣмецкой крови, и оправдывалъ передъ ними свои злодѣйства тѣмъ, что, по его выраженію, царствовалъ не надъ людьми, а надъ звѣрьми. При Алексѣѣ Михайловичѣ, не смотря на его правовѣріе, большая часть военныхъ начальниковъ была изъ иностранцевъ, и наконецъ при дворѣ начали входить иноземные обы-

чаи. Останавливая ненависть народа, правительство неоднократно издавало указы, чтобъ народъ не бранилъ Нѣмцевъ и вообще всякихъ иностранцевъ, въ томъ числѣ и Малороссіянъ поносными словами; а въ отношеніи нехристіанскихъ народовъ, входившихъ въ систему Русскаго государства, удерживало фанатизмъ прозелитизма, запрещая инородцевъ крестить насильно и покупать мальчиковъ для крещенія. Время показывало, что и въ народѣ вообще непріязнь къ иноземщинѣ не такъ была крѣпка, какъ чрезвычайна. Собственно въ Русскомъ народѣ не существовало національной непріязни къ иностранцамъ: она была только религіозная, какъ къ иновѣрцамъ, и потому иностранецъ, принявшій Русскую вѣру, пользовался всегда особеннымъ расположеніемъ. Множество плѣнниковъ входило въ число домашнихъ слугъ. Такимъ образомъ разныя народности на Руси смѣшивались съ Русскою народностію, вливая въ нее чуждые элементы. Въ числѣ служилыхъ людей повсемѣстно были Нѣмцы, Поляки, Литовцы. Сначала сближала съ иноземцами торговля въ Архангельскѣ, главномъ торговомъ пунктѣ, браки между иностранцами и Русскими женщинами сдѣлались уже не рѣдкимъ исключеніемъ. Какъ ни казалась велика непріязнь ко всему Польскому — въ смутное время едва только объявлено было о воцареніи Владислава, многіе Великорусскіе дворяне начали въ письмахъ своихъ и оффиціальныхъ бумагахъ писать полурусскимъ языкомъ, сбиваясь на ладъ западнорусской рѣчи.

Н. Костомаровъ.

ИСТОРІЯ ЦАРСТВОВАНІЯ ПЕТРА ВЕЛИКАГО [1]).

Походы на Бѣлое Море (1693 г.).

Первый походъ къ Архангельску. — Плаваніе по Бѣлому морю. — Переписка съ Царицею-матерью. — Занятія Петра въ Архангельскѣ.

«Нѣсколько лѣтъ», пишетъ Петръ, «исполнялъ я свою охоту на озерѣ Переславскомъ; наконецъ оно стало для меня тѣсно; ѣздилъ я на Кубенское озеро: оно было слишкомъ мелко. Тогда я рѣшился видѣть прямо море и сталъ просить позволенія у матери съѣздить къ Архангельску; многократно возбраняла она мнѣ столь опасный путь; но видя великое желаніе мое и неотмѣнимую охоту, не-хотя

[1]) Первые три тома этого сочиненія изданы въ 1858 году. Статья проф. *Соловьева* объ «Истор. Царствованія Петра Великаго» Устрялова напечат. въ Атенеѣ 1858, № 28.

позволила», взявъ съ сына обѣщаніе въ море не ходить, а посмотрѣть на него только съ берега. Это было въ первыхъ числахъ іюня 1693 года.

Находившійся въ то время въ Москвѣ по дѣламъ своей епархіи, архіепископъ Холмогорскій и Важскій Аѳанасій, пастырь особенно уважаемый всѣмъ царскимъ семействомъ, поспѣшилъ къ Архангельску, для пріема и встрѣчи Государя. Вслѣдъ за нимъ отправился и Петръ съ многочисленною свитою, до 100 человѣкъ. При немъ были: бояре князь Борисъ Алексѣевичъ Гагаринъ, князь Михайло Ивановичъ Лыковъ, Юрій Ивановичъ Салтыковъ, Василій Ѳедоровичъ Нарышкинъ, Алексѣй Семеновичъ Шеинъ, князь Константинъ Осиповичъ Щербатый, князь Михайло Никитичъ Львовъ, кравчій Кириллъ Алексѣевичъ Нарышкинъ, думный дворянинъ Ѳедоръ Ивановичъ Чемодановъ, постельничій Гаврило Ивановичъ Головкинъ, князь-папа Никита Моисеевичъ Зотовъ, оба генералиссимуса: князь Ѳедоръ Юрьевичъ Ромаловскій и Иванъ Ивановичъ Бутурлинъ, ближніе стольники и сержанты: князь Ѳедоръ Ивановичъ Троекуровъ, Ѳедоръ Матвѣевичъ Апраксинъ, двое Лопухиныхъ, 18 стольниковъ, генералъ Лефортъ, докторъ Захарій фонъ-деръ-Гульстъ, дьяки Виніусъ и Воиновъ, крестовый священникъ Петръ Васильевъ съ 8 пѣвчими, два человѣка карлъ Ермолай да Тимоѳей, 40 стрѣльцовъ съ тремя капитанами, подъ начальствомъ полковника Сергѣева, и 10 потѣшныхъ съ однимъ трубачемъ. Государь имѣлъ въ этомъ походѣ званіе *сержанта* Преображенскаго полка.

До Вологды онъ ѣхалъ въ каретѣ на ресорахъ, обитой внутри разноцвѣтнымъ трикомъ; въ Вологдѣ пересѣлъ въ карбасъ и поплылъ по теченію Сухоны до Устюга Великаго, оттуда Сѣверною Двиною къ Архангельску. Свита слѣдовала за нимъ въ 6 карбасахъ. Путешествіе водою было довольно медленно: оно продолжалось болѣе двухъ недѣль.

Архіепископъ Аѳанасій прибылъ въ Холмогоры нѣсколькими днями прежде, и вмѣстѣ съ Двинскимъ воеводою, ближнимъ окольничимъ Андреемъ Артамоновичемъ Матвѣевымъ, приготовилъ все необходимое для встрѣчи Государя: въ соборѣ Преображенія Господня ожидало его Холмогорское духовенство въ полномъ облаченіи; отъ Богоявленскихъ воротъ до пристани выстроились два стрѣлецкіе полка, подъ начальствомъ полковника Сливина; на обрубъ выкатили 13 пушекъ.

Какъ скоро показался изъ-за Курострова Царскій карбасъ, въ церквахъ раздался колокольный звонъ, стрѣльцы открыли ружейную пальбу, съ обруба загремѣли пушки. Государь отвѣчалъ нѣсколькими выстрѣлами, и причаливъ къ пристани, при колокольномъ звонѣ и новыхъ залпахъ, отправился въ каретѣ къ соборной церкви. У моста, подлѣ колокольни, встрѣтилъ его архіепископъ Аѳанасій, окруженный духовенствомъ, съ животворящимъ крестомъ и св. иконами. Приложившись ко кресту и св. иконамъ, Государь

вступилъ въ соборъ, отслужилъ благодарственный молебенъ, жаловалъ игуменовъ и священниковъ къ рукѣ, входилъ въ алтарь для поклоненія св. мощамъ, и, по просьбѣ Аѳанасія, изъ церкви со всею свитою отправился въ крестовую палату откушать хлѣба. Послѣ трапезы, онъ долго бесѣдовалъ съ архіепископомъ, осматривалъ архіерейскій садъ и мельницу, послѣ того ходилъ по городу, а вечеромъ гулялъ на шнякѣ по Двинѣ. На другой день отправился въ карбасахъ къ Архангельску.

Тамъ встрѣтили его также колокольнымъ звономъ, ружейною и пушечною пальбою, радостными привѣтствіями: онъ прошелъ мимо города и остановился ниже его, у Массеева острова, гдѣ построены были нарочно для пріѣзда его «государскія свѣтлицы». У пристани стояла двѣнадцатипушечная яхта св. Петръ, приготовленная для морскаго путешествія.

На другой день Царь перебрался съ ближними людьми на яхту, нетерпѣливо ждалъ попутнаго вѣтра, чтобы выйти въ море. Прежде онъ намѣревался посѣтить Соловецкую обитель, о чемъ говорилъ еще въ Москвѣ архіепископу Аѳанасію, который, по прибытіи въ Холмогоры, немедленно увѣдомилъ Соловецкаго архимандрита Фирса, какъ должно встрѣтить Государя. То же намѣреніе изъявилъ Петръ по пріѣздѣ въ Архангельскъ, и преосвященный изготовился къ походу; но вскорѣ ему объявлено, что Государь отъ морскаго путешествія его освобождаетъ, и посѣщеніе Соловецкаго монастыря отложено до слѣдующаго лѣта.

Кажется, путешествіе къ Соловкамъ отмѣнено потому, что въ это самое время представился Петру благопріятный случай посмотрѣть плаваніе настоящихъ кораблей по волнамъ океана: нѣсколько Англійскихъ и Голландскихъ судовъ, нагрузившись товаромъ, собрались въ обратный путь, подъ конвоемъ Голландскаго военнаго корабля, которымъ начальствовалъ капитанъ Іолле Іоллесъ. Царь изъявилъ желаніе итти вмѣстѣ съ ними въ море, и 4 августа рано утромъ, суда, назначенныя къ отплытію, снялись съ якоря. Вѣтеръ былъ слабый: съ трудомъ добрались они до Березовскаго устья Двины, и за безвѣтріемъ простояли тамъ 5 августа. Въ день Преображенія Господня подулъ свѣжій шалоникъ: корабли вступили подъ паруса, съ пушечною пальбою, и сѣверное море впервые увидѣло на своихъ водахъ такого гостя, какого оно никогда не видало ни прежде, ни послѣ.

Съ живѣйшимъ любопытствомъ слѣдя за всѣми движеніями Англійскихъ и Голландскихъ судовъ, любуясь ихъ стройнымъ ходомъ, красивою, доселѣ невиданною, наружностью, ловкостью и искусствомъ матросовъ, Петръ почти не замѣтилъ, что онъ отдалился отъ Архангельска болѣе чѣмъ на 300 верстъ, и что уже не далеко былъ

Сѣверный океанъ. За рѣкою Понаемъ, на Терской сторонѣ, у Трехъ острововъ, онъ распростился съ своими спутниками, отъ души пожелалъ имъ счастливаго пути, въ благословенную Голландію, гдѣ умѣютъ строить такіе корабли, и въ пятый день послѣ того, какъ снялся съ якоря у Березовскаго устья, благополучно возвратился въ Архангельскъ.

Первымъ дѣломъ Петра, по прибытіи въ Архангельскъ, было увѣдомить Царицу Наталію Кириловну о путешествіи своемъ по Бѣлому морю, съ обѣщаніемъ немедленно отправиться въ Москву, какъ скоро придутъ изъ-за моря Гамбургскіе и Голландскіе корабли. Не такой вѣсти ожидала Царица. Еще ничего не зная о морскомъ походѣ сына, она крѣпко тосковала по немъ и посылала письмо за письмомъ, чтобы узнать, когда онъ возвратится. Одно изъ такихъ писемъ сохранилось въ государственномъ архивѣ. Приводимъ его вполнѣ:

«Свѣту моему, радости моей, паче живота моего возлюбленному, другу моему» пишетъ Царица. «Здравствуй радость моя, царь Петръ Алексѣевичъ, на множество лѣтъ! А мы, радость наша, живы. О томъ, свѣтъ мой, радость моя, сокрушаюсь, что тебя, свѣта моего, не вижу. Писала я къ тебѣ, къ надеждѣ своей, какъ мнѣ тебя, радость свою, ожидать, и ты, свѣтъ мой, опечалилъ меня, что о томъ не отписалъ. Прошу отъ тебя, свѣта своего, помилуй родшую тя, какъ тебѣ, радость моя, возможно, пріѣзжай къ намъ, не мѣшкавъ. Ей, свѣтъ мой, несносная мнѣ печаль, что ты, радость, въ дальнемъ такомъ пути. Буди надъ тобою, свѣтъ мой, милость Божія, и вручаю тебя, радость свою, общей нашей надеждѣ Пресвятой Богородицѣ. Она тебя, надежда наша, да сохранитъ; а отъ меня, свѣтъ мой, радость моя, благословеніе».

Петръ отвѣчалъ слѣдующимъ собственноручнымъ письмомъ: «Государынѣ моей матушкѣ, Царицѣ Наталіи Кириловнѣ. Изволила ты писать ко мнѣ съ Васильемъ Соймоновымъ, что я тебя, государыню, опечалилъ тѣмъ, что о пріѣздѣ своемъ не писалъ: и о томъ и нынѣ подлинно отписать не могу, для того, что дожидаюсь кораблей; а какъ они будутъ, о томъ никто не вѣдаетъ, а ожидаютъ вскорѣ, потому, что больше трехъ недѣль отпущены изъ Амстердама; а какъ они будутъ, и я, искупя, что надобетъ, поѣду тотчасъ день и ночь. Да о единомъ милости прошу: чего для изволишь печалиться обо мнѣ? Изволила ты писать, что предала меня въ паству Матери Божіей: и такого пастыря имѣючи, почто печаловать? Тоя бо молитвами и предстательствомъ не точію я единъ, но и міръ сохраняетъ Господь. За симъ благословенія прошу. Недостойный Петрушка».

Между тѣмъ Архангельская почта привезла въ Москву извѣстіе о морскомъ путешествіи Царя. Царица ужаснулась. Вслѣдъ за тѣмъ она получила отъ сына письмо, которымъ онъ извѣщалъ о намѣреніи своемъ ждать Голландскихъ кораблей. Это письмо еще болѣе ее встревожило.

«Сотвори, свѣтъ мой, надо мною милость», писала скорбящая мать, «пріѣзжай къ намъ, батюшка мой, не замѣшкавъ. Ей, ей, свѣтъ мой, велика мнѣ

печаль, что тебя, свѣта моего-радости, не вижу. Писалъ ты, радость моя, ко мнѣ, что хочешь всѣхъ кораблей дожидаться, и ты, свѣтъ мой, видѣлъ которые прежде пришли: чего тебѣ, радость моя, тѣхъ дожидаться? Писалъ ты, радость моя, ко мнѣ, что былъ на морѣ, — и ты, свѣтъ мой, обѣщался мнѣ, что было не ходить».

Придумывая всѣ средства, какъ бы выманить Петра изъ Архангельска, Царица послала къ нему отъ имени сына его, трехлѣтняго царевича Алексѣя Петровича, слѣдующее письмо: «Превеликому Государю моему, батюшку!» Здравствуй радость мой батюшка, царь Петръ Алексѣевичъ, на множество лѣтъ. Сынишка твой, Алешка, благословенія отъ тебя, свѣта своего радости, прошу. А я, радость мой Государь, при милости государыни своей бабушки, Наталіи Кириловны, въ добромъ здравіи. Пожалуй, радость наша, къ намъ, Государь, не замѣшкавъ. Ради того, радость мой Государь, у тебя милости прошу, что вижу государыню свою бабушку въ печали. Не покручинься, радость мой Государь, что худо писмишко: еще, Государь, не выучился».

«Радость моя»!—отвѣчалъ Петръ Царицѣ,—«По письму твоему, ей, ей, зѣло печалился, потому: тебѣ печаль, а мнѣ какая радость? Пожалуй, сдѣлай меня бѣднаго безъ печали тѣмъ, сама не печалься. А истинно не заживусь». Съ этимъ письмомъ посланъ былъ въ Москву думный дворянинъ Ѳ. И. Чемодановъ, которому поручено донести Царицѣ подробно о занятіяхъ Государя въ Архангельскѣ. Успокоенная Чемодановымъ, Царица болѣе не настаивала на немедленное возвращеніе сына, терпѣливѣе переносила разлуку съ нимъ и хлопотала объ одномъ, чтобы на обратномъ пути онъ не надсѣлся скорою ѣздою. «Не надсади только ты меня своею печалью» отвѣчалъ Петръ: «я, слава Богу, ничѣмъ инымъ себя надсаждать не стану и поѣду по мѣрѣ, не замѣшкавъ. А амбургскіе корабли еще не бывали».

Они пришли наконецъ въ половинѣ сентября, и Царь, удовлетворивъ своему любопытству, отправился къ Москвѣ.

Такимъ образомъ, всегда непоколебимо-твердый въ своихъ намѣреніяхъ, Петръ, вопреки неотступнымъ просьбамъ и горькимъ жалобамъ матери, болѣе шести недѣль, послѣ возвращенія изъ морскаго путешествія, прожилъ въ Архангельскѣ; не одно впрочемъ любопытство видѣть Анбургскіе корабли удерживало его на берегахъ Двины. Тамъ нашелъ онъ то, чего не могъ найти ни въ одномъ Русскомъ городѣ.

Единственный въ Россіи приморскій пунктъ, доступный для западной предпріимчивости, искавшей сокровищъ въ богатой Московіи, Архангельскъ въ лѣтнее время представлялъ самую одушевленную картину торговой дѣятельности. Къ Успенской ярмаркѣ приходило обыкновенно до 100 кораблей Голландскихъ, Англійскихъ, Гамбургскихъ, Бременскихъ, съ самыми разнообразными произведеніями Европейской промышленности: съ сукнами, полотнами, шелковыми тканями, кружевами, золотыми и серебряными издѣліями, винами, аптекарскими матеріалами, галантерейными вещами; къ тому же времени рѣкою Двиною приплывали Русскія барки, нагруженныя пенькою, хлѣбомъ, поташомъ, солью, смолою, саломъ, юфтью, рыбьимъ клеемъ, икрою. Иноземные негоціанты, проживавшіе въ

Москвѣ, Ярославлѣ, Вологдѣ и другихъ городахъ, раннею весною съѣзжались въ Архангельскъ и оставались тамъ до зимняго пути. Двадцать четыре дома заняты были иностранными семействами, постоянно жившими въ Архангельскѣ, и коммиссіонерами Голландскихъ, Англійскихъ и Гамбургскихъ негоціантовъ. Для склада товаровъ, привозимыхъ изъ-за границы и изъ внутреннихъ областей Россіи, выстроено было, по повелѣнію царя Алексѣя Михайловича, иностранцами Маріелисомъ и Шарфомъ огромное каменное зданіе, болѣе версты въ окружности, обороняемое со стороны Двины шестью башнями съ бойницами, сверхъ того валомъ и палисадомъ. Въ срединѣ находились кладовыя и амбары; тутъ же были съѣзжая изба и острогъ или тюремный зѣмокъ; по сторонамъ гостиные дворы: на правой сторонѣ отъ Двины Русскій, на лѣвой Нѣмецкій.

Безпрерывный, въ продолженіе цѣлаго лѣта, приходъ иностранныхъ судовъ, разнообразный видъ ихъ, богатство привозимыхъ ими издѣлій западной промышленности, шумная дѣятельность по Двинѣ и въ городѣ, все это безъ сомнѣнія въ высшей степени занимало любознательнаго Царя. Грустно однако жь было ему подумать, что въ такомъ множествѣ судовъ не было ни одного подъ Русскимъ флагомъ. Корыстолюбивые иноземцы всѣми мѣрами старались пресѣчь Русскимъ купцамъ прямыя, непосредственныя сношенія съ западною Европою, и дѣйствовали такъ единодушно, что ни одинъ Русскій торговый человѣкъ не рѣшался послать своихъ товаровъ за море на собственный счетъ, помня неудачу предпріимчиваго Ярославца Антона Лаптева, который ходилъ въ Амстердамъ съ грузомъ дорогихъ мѣховъ, но не могъ продать ихъ ни на одинъ рубль, вслѣдствіе стачки тамошнихъ негоціантовъ, и привезъ свои мѣха въ Архангельскъ, гдѣ Нѣмцы немедленно раскупили ихъ. Русскіе умѣли строить мореходныя суда, и на рѣкѣ Вавчугѣ, впадающей въ Двину, противъ Курострова, недалеко отъ Холмогоръ, находилась значительная верфь, гдѣ братья Баженины сооружали купеческіе корабли для Англичанъ и Голландцевъ.

Петръ рѣшился заложить начало Русскому мореходству, и повелѣлъ Архангельскому воеводѣ приготовить къ отпуску за море, подъ Русскимъ флагомъ, два купеческіе корабля: одинъ снарядилъ въ путь при себѣ, другой назначилъ отправить будущимъ лѣтомъ, приказавъ нагрузить ихъ такими товарами, какіе наиболѣе требовались за границею: поташомъ, смолою, рыбьимъ клеемъ, икрою. Колебался только Государь, въ какую землю послать ихъ: въ Голландію и Англію, онъ, кажется, опасался стачекъ и козней тамошнихъ купцовъ; во Франціи не надѣялся найти должнаго уваженія Русскому флагу. Лучше однако жь казалось ему отправить корабли

во Францію. Опасенія его сбылись: посланный подъ флагомъ Голландскимъ, одинъ корабль былъ конфискованъ Французами.

Между тѣмъ, испытавъ наслажденіе морскаго путешествія, Петръ задумалъ будущимъ лѣтомъ потѣшиться на волнахъ океана со всею своею кампаніею и пріучить своихъ солдатъ къ морскимъ маневрамъ.

Во время пребыванія своего въ Архангельскѣ, Петръ жилъ постоянно на Массевомъ островѣ, на лѣвомъ берегу Двины, откуда могъ видѣть всѣ приходившія къ городу суда; въ праздничные и воскресные дни слушалъ литургію въ церкви Иліи пророка на близлежащемъ Кечостровѣ; причемъ нерѣдко самъ читалъ апостолъ и пѣлъ съ пѣвчими на крылосѣ басомъ; а по окончаніи литургіи, заходилъ къ приходскому священнику на перепутьи. Часто посѣщалъ онъ архіепископа Аѳанасія, пастыря умнаго и образованнаго, и за трапезою «многоразумно бесѣдовалъ съ нимъ о царственныхъ дѣяніяхъ, о боярахъ, о простыхъ людяхъ, въ работѣ пребывающихъ, о домовномъ строеніи, объ учрежденіи заводовъ; также о плаваніи по морямъ и рѣкамъ, кораблями и другими судами, со многимъ искусствомъ.»

Въ знакъ своего особеннаго благоволенія къ благочестивому пастырю церкви, Государь подарилъ ему свою карету и карбасъ или стругъ, на которомъ пришелъ изъ Вологды «съ парусомъ, якоремъ, со всею прикрасою и снастью судовою;» вмѣстѣ со стругомъ пожалованы и всѣ находившіеся на немъ флаги, въ томъ числѣ штандартъ съ государственнымъ Россійскимъ гербомъ и флагъ Іерусалимскій съ нашивными крестами; оба они до сихъ поръ хранятся въ крестовой архіерейской церкви. Охотно принималъ Государь приглашенія иностранныхъ купцовъ и корабельныхъ капитановъ на обѣды и вечеринки, и съ особеннымъ удовольствіемъ проводилъ у нихъ время за кубками вина заморскаго, распрашивая и развѣдывая о житьѣ-бытьѣ на ихъ родинѣ.

18 Сентября объявленъ обратный походъ въ Москву. Утромъ Государь слушалъ литургію со всѣми боярами въ церкви Иліи Пророка на Кечостровѣ; послѣ чтенія Св. Евангелія, простился съ архіепископомъ и пожаловалъ къ рукѣ Соловецкаго архимандрита, а по окончаніи литургіи самъ перевезъ преосвященнаго, въ малой шлюбкѣ, чрезъ Двину; на пути онъ тѣшился за бѣлугою, плывшею по рѣкѣ, и высадивъ архіерея на берегъ у Англійскаго моста, возвратился въ свой дворецъ; вечеромъ спустилъ блестящій фейерверкъ, а на другой день отправился въ путь.

Народъ толпился на берегу, чтобы пожелать счастливаго пути своему Государю. Съ крѣпости палили изъ пушекъ: въ церквахъ былъ колокольный звонъ. Петръ прошелъ мимо Архангельска въ

маломъ дощаникѣ, ласково привѣтствуя народъ; за нимъ слѣдовала свита въ трехъ Вологодскихъ карбасахъ. Противъ архіерейскаго дома на стругѣ, пожалованномъ архіепископу, стояли пѣвчіе въ стихаряхъ и пѣли многолѣтіе; какъ скоро поровнялся съ ними Государь, подъѣхалъ къ царскому дощанику на своемъ шнякѣ архіепископъ Аѳанасій съ хлѣбомъ, рыбою и пирогами. Государь благосклонно принялъ это приношеніе и, пригласивъ архіепископа въ свое судно, довезъ его до Архангельскаго собора; тутъ они еще разъ простились.

Прибывъ въ Холмогоры, Государь отпустилъ своихъ бояръ и всю свиту къ Москвѣ въ каретахъ, колясках и телѣгахъ; а самъ со многими людьми въ маломъ карбасѣ поѣхалъ въ Вавчугу, осмотрѣть лѣсопильный заводъ и верфь братьевъ Баженинахъ, которымъ, по всей вѣроятности, поручено было строеніе большаго купеческаго корабля, назначеннаго будущимъ лѣтомъ къ отправленію за море съ Русскими товарами; съ Вавчуги онъ выѣхалъ на Копытово и въ 9-й день сухимъ путемъ прибылъ въ Москву.

Н. Устряловъ [1]).

ЖИЗНЬ ГРАФА СПЕРАНСКАГО [2]).

Сперанскій экспедиторъ.

Кончина Екатерины II измѣнила политическое значеніе патрона Сперанскаго, какъ измѣнила и многое другое. Князь Алексѣй Борисовичъ, считавшійся, вмѣстѣ съ «великолѣпнымъ», какъ называли его современники, братомъ своимъ Александромъ Борисовичемъ, позже нашимъ посломъ при дворѣ Наполеона, за домашняго человѣка при маленькомъ Гатчинскомъ дворѣ, былъ, тотчасъ по воцареніи Императора Павла, пожалованъ въ сенаторы и, не далѣе какъ 4 декабря 1796 года, назначенъ, на мѣсто графа Самойлова, генералъ-прокуроромъ, въ рукахъ котораго сосредоточивались тогда всѣ высшія дѣла государственнаго управленія. 19-го того же декабря Павелъ пожаловалъ ему Александровскую ленту, а менѣе нежели черезъ четыре мѣсяца (5 апрѣля 1797 года) чинъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, не смотря на то, что въ предъидущемъ чинѣ Куракинъ состоялъ только съ 1 января 1795 года. Наконецъ 4 ок-

---

[1]) Современный историч. писатель, бывшій профессоръ Р. исторіи въ С. П. Б. университетѣ, академикъ.

[2]) Издано въ С. П. Б. 1861 года.

тября 1797 года онъ далъ ему бриліантовые знаки Александровскаго ордена, а 19 декабря Андреевскую ленту. Словомъ, съ небольшимъ въ годъ, Куракинъ, послѣ прежней незначительной своей должности и одной Анненской звѣзды, достигъ перваго *чина*, перваго *званія* и перваго *ордена* въ имперіи.

Перемѣною въ положеніи покровителя немедленно была рѣшена и участь покровительствуемаго. Сперанскій уже успѣлъ заглянуть въ другую сферу жизни, и прежняя тѣсная среда не удовлетворяла болѣе его тайнымъ желаніямъ. 20 декабря 1796 года, т. е. съ небольшимъ черезъ двѣ недѣли послѣ назначенія Куракина генералъ-прокуроромъ, домашній его секретарь подалъ митрополиту Гавріилу просьбу, въ которой, изъясняя, что «находитъ сообразнѣйшимъ съ своими склонностями и счастіемъ вступить въ статскую службу», просилъ уволить его изъ Александроневской семинаріи. Эта вросьба — актъ, который въ его жизни былъ важнѣе и многозначительнѣе послѣдней грамоты на графское достоинство — вся собственной его руки, еще и теперь хранится въ архивѣ семинарскаго правленія. «Жажда ученія — разсказывалъ онъ, позже, близкимъ къ нему — побудила меня перейти изъ духовнаго званія въ свѣтское. Я надѣялся ѣхать за границу и усовершенствовать себя въ Нѣмецкихъ университетахъ; но, вмѣсто того, завлекся службою»....

Митрополитъ, по порядку, не могъ удовлетворить просьбы семинарскаго учителя безъ согласія синодальнаго оберъ-прокурора графа Алексѣя Ивановича Мусина-Пушкина, а послѣдній потребовалъ, въ замѣнъ, чтобы, вмѣстѣ съ увольненіемъ изъ духовнаго вѣдомства Сперанскаго, былъ выпущенъ въ статскую службу еще другой семинаристъ, учитель дѣтей его, графа, Анненскій [1]). Дѣло, разумѣется, тотчасъ устроилось [2]), и 24 декабря, наканунѣ Рождества, митрополитъ Гавріилъ выдалъ слѣдующій аттестатъ: «Объявитель сего, магистръ Михайло Сперанскій, въ С.-Петербургской Александроневской семинаріи въ продолженіи десяти лѣтъ обучалъ [3]) раз-

---

[1]) Бывшій, впослѣдствіи, юрисконсультомъ въ министерствѣ юстиціи и недавно умершій.

[2]) Устроилось, впрочемъ — по сохранившимся въ Черкутинскомъ семействѣ (Черкутино — село Владим. губ., мѣсто родины Сперанскаго) преданіямъ, — не безъ неудовольствія со стороны митрополита Гавріила, который долго гнѣвался на своего семинариста за оставленіе имъ духовнаго вѣдомства. Прежде перехода въ гражданскую службу, Сперанскій письменно испрашивалъ согласіе на то своихъ родителей, которые отвѣчали, что предоставляютъ ему поступить по собственной его волѣ.

[3]) Здѣсь очевидная ошибка: ибо Сперанскій и привезенъ былъ въ Александроневскую семинарію, какъ по оффиціальнымъ актамъ видно, только за семь лѣтъ передъ тѣмъ (въ январѣ 1790 года), учителемъ же опредѣленъ въ маѣ 1792 года; да и какимъ учителемъ могъ-бы онъ быть въ 1786 году, когда ему самому еще не

нымъ наукамъ, какъ-то: математикѣ, краснорѣчію, физикѣ и философіи, былъ семинаріи префектомъ и исполнялъ должность свою со всею возможною ревностію и успѣхомъ, ведя себя наилучшимъ образомъ». Какъ только прошли праздники, бывшій учитель, 2 января 1797 года, поступилъ въ канцелярію генералъ-прокурора, съ чиномъ, по званію магистра, титулярнаго совѣтника и съ жалованьемъ по 750 р. въ годъ [1]).

Сперанскій, на службѣ государственной при томъ же лицѣ, при которомъ, еще наканунѣ, состоялъ почти на степени слуги, долженъ былъ представлять явленіе, конечно, странное, но странное болѣе по отношенію къ теперешнимъ нравамъ и обычаямъ; въ тогдашнее время лица, имѣвшія власть, нерѣдко выводили своихъ лакеевъ въ чиновники и обращались съ подчиненными немногимъ лучше чѣмъ съ прислугою. Впрочемъ Куракинъ, и какъ начальникъ, не забылъ прежняго своего секретаря. Удержавъ его на жительствѣ у себя въ домѣ, онъ сдѣлалъ для него все, что только любимецъ государевъ могъ тогда сдѣлать для своего любимца. Едва вѣрится, читая въ формулярѣ Сперанскаго, что 5 апрѣля 1797 года, т. е. черезъ *три мѣсяца* послѣ вступленія въ службу, онъ былъ произведенъ въ коллежскіе ассесоры, чинъ, приносившій въ то время потомственное дворянство; 1 января 1798 года — въ надворные совѣтники [2]),

---

минуло 16-ти лѣтъ! Вопросъ только въ томъ, вкралась ли эта ошибка въ аттестатъ неумышленно, или же она сдѣлана была съ намѣреніемъ, для какихъ-либо особыхъ видовъ? Должно думать послѣднее, потому что въ предложеніи генералъ-прокурора и въ опредѣленіи сената (30 декабря 1796 года) о «возложеніи» на Сперанскаго чина титулярнаго совѣтника, основаніемъ принято именно то, что онъ «десять лѣтъ находился въ званіи магистра».

[1]) Самъ Сперанскій, въ письмѣ отъ 26 января 1797 года къ архимандриту Евгенію, такимъ образомъ давалъ отчетъ въ перемѣнѣ своего положенія: «вамъ извѣстно, можетъ быть, по слуху, что я имѣлъ удачу быть префектомъ и, что всего больше, избѣгнуть всѣхъ ковней и искушеній, съ которыми я, стоя на семъ мѣстѣ, встрѣчался. Какъ бы то ни было, я ускользнулъ, и въ то же самое время имѣлъ счастіе ознакомиться въ домѣ князя Алексѣя Борисовича и былъ употребленъ къ его перепискѣ. Живя въ его домѣ, съ одной стороны я нечувствительно привыкалъ къ свѣту и его необходимой суетѣ, съ другой стороны, имѣя всегда готовое пристанище, я смѣялся вздору и лишнимъ *забобонамъ*. Такимъ образомъ, растворяя уединеніе разсѣянностію и однѣ мечты мѣняя на другія, я прожилъ до самой перемѣны въ правленіи. Князь Алексѣй Борисовичъ, сдѣлавшись генералъ-прокуроромъ, милостивѣйшимъ образомъ принялъ меня въ свою канцелярію, титулярнымъ совѣтникомъ и на 750 р. жалованья. Такимъ образомъ вѣсы судьбы моей, столь долго колебавшись, наконецъ, кажется, пріостановились; не знаю, на долго ли; но это и не наше дѣло, а дѣло Промысла, въ путяхъ коего я доселѣ еще не терялся».

[2]) Въ формулярѣ производство въ надворные совѣтники показано 1797 года, безъ означенія числа и мѣсяца; но помѣщаемое здѣсь свѣдѣніе взято изъ подлиннаго дѣла генералъ-прокурорской канцеляріи, въ которомъ находится и черновой указъ.

а 18 слѣдующаго сентября, т. е. съ небольшимъ черезъ *полтора года* отъ начала его поприща, уже и въ коллежскіе совѣтники. Предположивъ даже, что Сперанскій далеко превосходилъ всѣхъ своихъ товарищей способностями и, занявъ, почти тотчасъ по опредѣленіи своемъ на службу, немаловажный постъ экспедитора (начальника отдѣленія) [1]) генералъ-прокурорской канцеляріи, имѣлъ случай отличиться: все же источникъ такихъ безпримѣрныхъ наградъ слѣдуетъ, конечно, искать въ личномъ расположеніи къ молодому чиновнику, нежели въ какихъ-нибудь особенныхъ, необычайныхъ заслугахъ, для которыхъ и самое поле его дѣятельности еще было не довольно широко.

Вдругъ Куракинъ упалъ, и на его мѣсто, въ томъ же 1798 году, былъ назначенъ князь Петръ Васильевичъ Лопухинъ.

Сынъ князя Куракина свидѣтельствуетъ, что облагодѣтельствованный, при паденіи своего благодѣтеля, которому было велѣно жить впредь въ своихъ деревняхъ, хотѣлъ непремѣнно все бросить и слѣдовать за нимъ, но что самъ Куракинъ, не желая заграждать пути, столь успѣшно открытаго дарованіямъ молодаго человѣка, воспротивился этому и настоялъ, чтобы онъ продолжалъ службу. Между отставленнымъ генералъ-прокуроромъ и прежнимъ его секретаремъ, остававшимся при средоточіи дѣлъ, съ тѣхъ поръ установилась постоянная, самая живая переписка, которую они вели до восшествія на престолъ Александра I. Нѣтъ сомнѣнія, что въ ней было не мало любопытныхъ и важныхъ данныхъ для исторіи того времени, но онѣ, къ сожалѣнію, навсегда потеряны. Письма Сперанскаго, позже, были истреблены самимъ княземъ, всегда отличавшимся особенною осторожностію.

Милость къ новому генералъ-прокурору продолжалась еще менѣе времени, нежели къ его предмѣстнику. Недоброжелатели князя Лопухина умѣли возбудить противъ него гардеробмейстера Кутайсова, пожалованнаго впослѣдствіи графомъ, оберъ-шталмейстеромъ и Андреевскимъ кавалеромъ. Хотя сынъ Кутайсова былъ женатъ на дочери Лопухина, однако Государевъ любимецъ не отказался подать свою сильную руку для низложенія генералъ-прокурора. 7 іюля 1799 года Лопухинъ былъ замѣщенъ Александромъ Андреевичемъ Беклешовымъ, человѣкомъ, который славился природнымъ умомъ, знаніемъ дѣла и, въ особенности, правдивостію и безкорыстіемъ. Назначеніе Беклешова на этотъ важный постъ было привѣтствовано всѣми, какъ одинъ изъ счастливѣйшихъ выборовъ кратковременнаго, но обильнаго перемѣнами въ людяхъ царство-

[1]) Сначала, по вышеупомянутому опредѣленію сената 1796 года, онъ былъ помѣщенъ на вакансію «дѣлопроизводителя».

ванія. «Зналъ ли ты прежнихъ генералъ-прокуроровъ? спросилъ у него Павелъ при первомъ ихъ свиданіи: какой былъ генералъ-прокуроръ Куракинъ! Какой — Лопухинъ! Ты да я, я да ты: впередъ мы будемъ одни дѣла дѣлать» [1]).

Беклешовъ любилъ науку и ученыхъ, и потому тотчасъ понялъ и оцѣнилъ лучшаго изъ своихъ экспедиторовъ. 8 декабря 1799 года Сперанскій былъ произведенъ въ статскіе совѣтники и еще прежде того, оставаясь при своей должности въ генералъ-прокурорской канцеляріи, назначенъ правителемъ канцеляріи коммиссіи о снабженіи резиденціи припасами, съ прибавочнымъ жалованьемъ по 2.000 р. въ годъ.

Магницкій, въ своей «Думѣ» (при гробѣ графа Сперанскаго), переименовывая это установленіе въ коммиссію «о снабженіи Петербурга хлѣбомъ» и какъ бы дивясь такому неожиданному ниспаденію Сперанскаго, пишетъ: «неизвѣстна причина сей необычайной выходки въ его службѣ, но полагать надобно, что онъ принялъ сіе мѣсто только для того, чтобы въ бывшихъ тогда перемѣнахъ осмотрѣться.» Ошибка въ *первой* данной представила автору и все дѣло въ совершенно превратномъ видѣ. Новое мѣсто было, напротивъ, для Сперанскаго и новымъ, немалозначущимъ отличіемъ. Коммиссія, учрежденная подъ упомянутымъ, конечно довольно дикимъ и малосоотвѣтствовавшимъ ей названіемъ, была, въ сущности, установленіемъ чрезвычайно важнымъ. Въ кругъ ея вѣдомства, сверхъ «снабженія столицы вещьми первой необходимости, предохраненія ея и окрестныхъ мѣстъ отъ монополіи и непомѣрнаго возвышенія цѣнъ, и распорядка квартиръ для войскъ и чиновъ, получающихъ оныя отъ города,» входило вообще все то̀, «что къ благоустройству города и благосостоянію жителей относиться можетъ.» Слѣдственно она соединяла въ себѣ всѣ тѣ обязанности, которыя теперь лежатъ, раздѣльно, на военномъ генералъ-губернаторѣ и на муниципальномъ или общественномъ управленіи столицы. Важное значеніе коммиссіи явствовало и изъ того, что всѣ доклады восходили непосредственно къ Государю, и изъ самаго ея состава. Въ ней были: президентомъ — первый С.-Петербургскій военный губернаторъ и вмѣстѣ начальникъ военнаго департамента, т. е. наслѣдникъ престола цесаревичъ Александръ; членами: генералъ-прокуроръ, второй военный губернаторъ и генералъ-провіантмейстръ. И такъ постъ начальника канцеляріи въ подобномъ установленіи далекъ былъ отъ того, что̀ разумѣлъ Магницкій подъ «необычайною выходкою» въ службѣ Сперанскаго. По-

[1]) Собственный разсказъ Беклешова Павлу Ивановичу Аверину, состоявшему въ ближайшихъ къ нему отношеніяхъ.

слѣдній имѣлъ даже случай сдѣлаться здѣсь впервые извѣстнымъ будущему Императору, хотя, вѣроятно, болѣе только по имени, такъ какъ, при множествѣ другихъ занятій наслѣдника престола, должность его въ коммиссіи постоянно исправлялъ второй военный губернаторъ, графъ Паленъ. Замѣтимъ, наконецъ, что и окладъ въ 2,000 р., по тогдашнимъ размѣрамъ весьма значительный, не могъ не служить побужденіемъ бѣдному чиновнику принять это мѣсто, или даже искать его.

Достоинства новаго генералъ-прокурора не спасли его отъ участи его предшественниковъ. «Къ чести Беклешова — пишетъ И. И. Дмитріевъ въ своихъ запискахъ — должно сказать, что онъ мало уважалъ требованія случайныхъ при дворѣ, а потому часто бывалъ съ ними въ размолвкѣ и чрезъ то потерялъ свое мѣсто.» Спустя съ небольшимъ полгода послѣ своего назначенія (2 февраля 1800 г.), онъ уже былъ уволенъ не только отъ генералъ-прокурорскаго званія, но и совсѣмъ отъ службы, и его мѣсто заступилъ Петръ Хрисанѳовичъ Обольяниновъ, дотолѣ генералъ-провіантмейстеръ — званіе, которое онъ сохранилъ и при новомъ своемъ назначеніи, не смотря на рѣзкую разнородность занятій. По свидѣтельству современниковъ, честный, добросердечный, душею преданный Государю и безусловный исполнитель его воли, Обольяниновъ не имѣлъ, однако жъ, нужныхъ средствъ быть полезнымъ ни Монарху, ни общему дѣлу; человѣкъ безъ всякаго образованія, почти безграмотный, при томъ крайне вспыльчивый, онъ держался именно только своею исполнительностію. Изъ записокъ (рукописныхъ) Николая Степановича Ильинскаго, очень близкаго тогда къ новому генералъ-прокурору, его начальнику въ качествѣ генералъ-провіантмейстера[1]), видно и какія изливались на Обольянинова награды, и какое придано ему было значеніе. Въ одинъ годъ онъ получилъ: чинъ генерала отъ инфантеріи, Андреевскую ленту, табакерку съ брилліантами и слишкомъ на 120,000 руб. фарфоровыхъ и серебряныхъ сервизовъ и другихъ рѣдкихъ вещей. «Когда Обольяниновъ — пишетъ Ильинскій — пріѣзжалъ изъ Гатчины въ Петербургъ, я часто бывалъ у него: ибо всегда для меня кабинетъ его былъ открытъ. Онъ вошелъ въ такую силу и уваженіе, что не только военный губернаторъ графъ Паленъ, но и всѣ высшіе военные, статскіе и дворцовые чиновники къ нему пріѣзжали, наполняли цѣлую залу и его выхода ожидали. Даже великіе князья Александръ и Константинъ Павловичи бывали: ибо ему поручена была, сверхъ статской, и военная часть подъ нѣкоторый, хотя не формальный,

---

[1]) Потомъ Ильинскій былъ юрисконсультомъ въ министерствѣ юстиціи и умеръ въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника

но сильный надзоръ. Каретъ на площади противъ его дому [1]) бывало столько, какъ бываетъ при дворцѣ во время торжественнаго дня. Тутъ-то я грѣшный видѣлъ суету мірскаго величія и, выходя отъ него изъ кабинета, почитался важнымъ человѣкомъ.»

Сперанскій много наслышался о грубомъ и заносчивомъ правѣ новаго своего начальника. Въ городѣ ходилъ не одинъ анекдотъ о площадныхъ ругательствахъ, которыми онъ осыпалъ своихъ подчиненныхъ, и друзья молодаго чиновника пугали его предстоявшею ему будущностію. Въ позднѣйшіе годы своей жизни Сперанскій любилъ самъ разсказывать [2]), „что послѣ милостей и особеннаго отличія, которыми онъ пользовался отъ прежнихъ начальниковъ, ему, естественно, не хотѣлось стать въ общій рядъ. Но какъ и чѣмъ выказать, что онъ — не тó, что другіе? Нашъ экспедиторъ понималъ, что многое должно будетъ рѣшиться первымъ свиданіемъ, первымъ впечатлѣніемъ: и вотъ, въ назначенный день и часъ, онъ является въ переднюю грознаго своего начальника. О немъ докладываютъ, и его велѣно впустить. Обольяниновъ, когда Сперанскій вошелъ, сидѣлъ за письменнымъ столомъ, спиною къ двери. Черезъ минуту онъ оборотился и, такъ сказать, остолбенѣлъ. Вмѣсто неуклюжаго, раболѣпнаго, трепещущаго подъячаго, какого онъ, вѣроятно, думалъ увидѣть, передъ нимъ стоялъ молодой человѣкъ очень приличной наружности, въ положеніи почтительномъ, но безъ всякаго признака робости или замѣшательства, и притомъ — чтó, кажется, всего болѣе его поразило — не въ обычномъ мундирѣ, а во французскомъ кафтанѣ изъ сѣраго гроградена, въ чулкахъ и башмакахъ, въ жабо и манжетахъ, въ завиткахъ и пудрѣ, — словомъ въ самомъ изысканномъ нарядѣ того времени... Сперанскій угадалъ чѣмъ взять надъ этою грубою натурою. Обольяниновъ тотчасъ предложилъ ему стулъ и вообще обошелся съ нимъ такъ вѣжливо, какъ только умѣлъ.

При всемъ томъ, назначеніе Обольянинова едва не уничтожило карьеры, столь блистательно начавшей развиваться для Сперанскаго. Отставляя Беклешова, Павелъ, въ своемъ раздраженіи, приказалъ новому генералъ-прокурору тотчасъ уволить в всѣхъ прежнихъ чиновниковъ генералъ-прокурорской канцеляріи. Обольяниновъ началъ съ правителя канцеляріи, представивъ, на мѣсто бывшаго дотолѣ Аверина [3]), названнаго выше Ильинскаго, и Государь, на докладѣ

[1]) Онъ жилъ на углу Большой Морской и Почтамтской улицъ, въ домѣ, принадлежащемъ теперь В. Н. Карамзину.

[2]) Нѣчто подобное мы слыхали отъ самаго Михаила Михайловича; но помѣщенный здѣсь, болѣе обстоятельный, разсказъ взятъ изъ записокъ его дочери, женское перо которой ясно видно и по тону подробностей.

[3]) Петръ Ивановичъ, послѣ оберъ-прокуроръ въ сенатѣ, уже очень давно

о томъ, повторивъ прежнее повелѣніе, своеручно написалъ: «быть Ильинскому директоромъ и ему набрать новыхъ чиновниковъ, а Беклешовскихъ всѣхъ уволить, или перемѣстить въ другія вѣдомства». Ильинскій, однакоже, предпочелъ отказаться отъ предложеннаго ему труднаго и отвѣтственнаго мѣста, вслѣдствіе чего оно было ввѣрено статскому совѣтнику Безаку, человѣку очень свѣдущему и слывшему въ тогдашнемъ мірѣ за необыкновеннаго дѣльца. Одинъ только Сперанскій, рекомендованный и Ильинскимъ и другими какъ самый отличный чиновникъ, былъ исключенъ отъ общаго остракизма и оставленъ Обольяниновымъ въ прежней должности; но и для него, не смотря на первое благопріятное впечатлѣніе, служба при новомъ начальникѣ была не легка. Въ порывахъ необузданной вспыльчивости, Обольяниновъ не только безпрестанно бранился, но и щедро расточалъ угрозы кандалами, крѣпостью, каторгою, хотя все это, при его доброй натурѣ, ограничивалось болѣе только словами. Однажды, въ Гатчинѣ, одинъ изъ товарищей [1]) Сперанскаго засталъ его въ горькихъ слезахъ. «Что такое?» — Помилуйте, хоть бы сейчасъ броситься въ прудъ. Работаю день и ночь, а отъ Петра Хрисанѳовича слышу одни ругательства; сейчасъ еще, Богъ знаетъ за что, разбранилъ меня въ пухъ и обѣщалъ запрятать въ казематы на семь саженъ подъ землею. Этого вынести нельзя! — Такъ продолжалось, впрочемъ, не долго и, въ нѣсколько мѣсяцевъ, Сперанскій умѣлъ сдѣлаться, по выраженію Ильинскаго, «приближеннымъ къ особой и отличной довѣренности Обольянинова». Этой перемѣнѣ, сверхъ смѣтливости въ ловкомъ исполненіи резолюцій и приказаній, нерѣдко малосообразныхъ, содѣйствовало и стороннее вліяніе. Въ домѣ у Обольянинова жила сирота родственница, молодая дѣвица Похвиснева, только что выпущенная изъ Смольнаго монастыря. Увлеченная умомъ и пріятностію бесѣды Сперанскаго, она при каждомъ случаѣ горячо покровительствовала ему у стараго дяди, надъ которымъ имѣла большое вліяніе. 31-го декабря 1800 года Обольяниновъ вы-

умершій. Правители генералъ-прокурорской канцеляріи, въ царствованіе Императора Павла, смѣнялись также часто и скоро, какъ и сами генералъ-прокуроры. Аверинъ былъ опредѣленъ только въ іюлѣ 1799 года, на мѣсто Духовницкаго, перемѣщеннаго оберъ-прокуроромъ въ сенатъ, а Духовницкій лишь въ сентябрѣ 1798 года смѣнилъ въ этой должности Пшеничнаго, переведеннаго въ коммиссію составленія законовъ. Упоминаемъ о томъ съ нѣкоторою подробностію потому, что всѣ эти лица были первыми, по времени, непосредственными начальниками Сперанскаго. У Аверина былъ братъ, переносившій его, названный выше Павелъ Ивановичъ, который служилъ долго при Беклешовѣ (потомъ онъ былъ губернаторомъ), тоже коротко знавалъ Сперанскаго и многое помнилъ и разсказывалъ о немъ за эту эпоху.

[1]) В. К. Безродный, служившій при Обольяниновѣ по другому его званію, генералъ-провіантмейстера, и умершій, впослѣдствіи, сенаторомъ.

просилъ своему экспедитору двѣ милости вдругъ: землю въ Саратовской губерніи (2000 десятинъ) и орденъ св. Іоанна Іерусалимскаго, который жаловался тогда Русскимъ Императоромъ. Это были послѣднія награды Сперанскому въ царствованіе Павла, вскорѣ и окончившееся. Передъ тѣмъ, 28 ноября 1798 года, онъ былъ назначенъ герольдомъ, а 14 іюля 1800 года секретаремъ Андреевскаго ордена, — званіе почти безъ службы и безъ дѣла, но которое давало 1500 р. жалованья. Сперанскій былъ имъ обязанъ покровительству графа Растопчина, въ то время первоприсутствовавшаго въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ. Въ генералъ-прокурорскомъ архивѣ сохраняется слѣдующая собственноручная его записка къ Обольянинову: «Сдѣлай одолженіе, когда будешь представлять въ орденскіе секретари, на мѣсто Кондоиди — Сперанскаго». Черезъ кого послѣдній успѣлъ въ то время найти себѣ покровителя въ Растопчинѣ, не знаемъ; но знаемъ то̀, что этотъ покровитель *слабаго*, впослѣдствіи сталъ въ ряды главныхъ враговъ *сильнаго*.

Всѣ четыре генералъ-прокурора, съ Куракина до Обольянинова, при чрезвычайномъ различіи ихъ свойствъ и степени просвѣщенія, отличали его (Сперанскаго) отъ прочихъ чиновниковъ и всѣмъ имъ онъ былъ равно нуженъ. Такую же справедливость отдавалъ ему и графъ Паленъ, за службу въ коммиссіи о снабженіи резиденціи припасами. Когда пожалованіе Сперанскому, наканунѣ 1801 года, вдругъ двухъ наградъ возбудило между его товарищами громкія изъявленія зависти и неудовольствія, Паленъ сказалъ имъ: «попробуйте быть такими же *орлами* какъ онъ, и вамъ то же самое будетъ».

Баронъ М. Корфъ.

ИСТОРІЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1812 ГОДА [1].

1. Пріѣздъ Императора Александра I въ Москву.

По-утру 11 (23) іюля въ Москвѣ разнеслась вѣсть о предстоявшемъ вскорѣ, быть можетъ въ тотъ же день, прибытіи Государя. Всѣ площади, всѣ улицы наполнились народомъ. Москвитяне, скорбѣвшіе объ успѣхахъ непріятельскаго вторженія, мгновенно утѣшились, поздравляли другъ друга съ общею радостью, сговаривались идти на встрѣчу дорогому гостю. «Пойдемъ въ храмы Господни, помолимся за Государя, а оттуда за заставу», говорили они. Многіе отправились на Поклонную гору, желая вымолить позволеніе

[1] Сочиненіе Богдановича, въ трехъ томахъ, вышло въ Спб. 1859 г.

выпрячь лошадей изъ царской коляски и нести ее на себѣ. Тысячи людей различнаго званія двинулись по Смоленской дорогѣ съ громкими пѣснями и крикомъ «ура». На закатѣ солнца они были уже на 17-й верстѣ. Наконецъ, въ десятомъ часу пришло извѣстіе, что Царь остается въ Перхушковѣ (первой станціи отъ Москвы), гдѣ находился тогда и графъ Растопчинъ. Народъ разошелся, но подмосковные крестьяне села Покровскаго, нетерпѣливо ожидая проѣзда Государя, отправили въ Перхушково двухъ гонцовъ, которые, прискакавъ назадъ во всю прыть, извѣстили своихъ о выѣздѣ царскаго экипажа изъ села Перхушкова. Дѣйствительно, Императоръ Александръ, уклоняясь отъ торжественной встрѣчи въ годину скорби отечества, пожелалъ въѣхать въ столицу ночью.

Священникъ села Покровскаго, услыша желанную вѣсть, поспѣшилъ въ облаченіи на Поклонную гору съ серебрянымъ блюдомъ, на которомъ лежалъ крестъ; престарѣлый дьяконъ держалъ свѣчу, разливавшую трепетное сіяніе во мракѣ безлунной ночи. Государь вышелъ изъ коляски, положилъ земной поклонъ и, вздохнувъ отъ глубины души, облобызалъ крестъ Спасителя.

Императоръ Александръ прибылъ въ Москву около полуночи; при его величествѣ находились: оберъ-гофмаршалъ графъ Толстой, графъ Аракчеевъ, генералъ-адъютанты Балашевъ, князь Волхонскій и графъ Комаровскій, вице-адмиралъ, государственный секретарь Шишковъ. Наканунѣ государева пріѣзда уже нѣкоторые изъ Москвитянъ знали о манифестѣ къ первопрестольной столицѣ. Мы Русскіе, читая его и теперь, по прошествіи полувѣка, съ умиленіемъ и трепетомъ сердца, можемъ постигнуть, что передумали, что перечувствовали въ то время жители Москвы, всегда неизмѣнные и въ любви къ отечеству и въ преданности къ государямъ своимъ.

12 (24) іюля, едва лишь стала заниматься заря, народъ кипучею волною хлынулъ на Красную площадь. Никто не объявлялъ, но уже всѣ знали о пріѣздѣ Государя. Съ восходомъ солнца, сіявшаго ярко въ сей торжественный день, весь Кремль наполнился Русскими, жаждавшими видѣть Царя своего. Александръ I вышелъ изъ дворца въ девять часовъ утра и въ то же мгновеніе раздался гулъ колоколовъ, загремѣло «ура!» Тысячи людей воскликнули: «Веди насъ, куда хочешь; веди насъ, отецъ нашъ! Умремъ, или побѣдимъ!» Если бы Наполеонъ могъ быть свидѣтелемъ встрѣчи Россійскаго императора съ народомъ въ Москвѣ, то конечно усомнился бы въ надеждѣ покорить своей волѣ благословенную страну, гдѣ преданность къ царю, подобію Бога на землѣ, соединяетъ стремленіе многихъ милліоновъ къ благой цѣли. Александръ, умиленный, растроганный зрѣлищемъ, напоминавшимъ времена Минина и По-

жарскаго, остановился на нѣсколько мгновеній на Красномъ крыльцѣ; казалось, въ его свѣтломъ взорѣ отражалась любовь къ нему народныхъ сонмовъ. Между тѣмъ продолжался благовѣстъ. Государь шествовалъ къ Успенскому собору, сопровождаемый кликами: «Отецъ нашъ! Ангелъ нашъ! Да сохранитъ тебя Господь Богъ!» У вратъ собора преосвященный викарій Московскій Августинъ, привѣтствуя Монарха краткимъ словомъ, въ заключеніе сказалъ: «Съ нами Богъ!» По окончаніи обѣдни, было совершено благодарственное молебствіе съ колѣнопреклоненіемъ и пушечною пальбою, по случаю извѣстія о ратификаціи мира съ Турками, полученнаго Государемъ еще во время пребыванія его въ Смоленскѣ.

15 (27) іюля, по призыву Царя, собрались дворянское и купеческое сословіе въ обширныхъ залахъ Слободскаго дворца. Еще до прибытія Государя главнокомандующій графъ Растопчинъ явился въ обоихъ собраніяхъ, приказалъ прочесть высочайшій манифестъ и пламенною рѣчью призывалъ всѣхъ и каждаго къ живому участію въ великомъ дѣлѣ защиты отечества. Немедленно было рѣшено дворянами, выставя десятаго человѣка, по примѣру Смолянъ, собрать ополченіе въ 80 тысячъ человѣкъ; купцы положили сдѣлать общій сборъ и независимо отъ того открыть подписку на частныя пожертвованія. Загремѣлъ общій голосъ: «Государь! Возьми все и имущество и жизнь нашу!» Между тѣмъ Государь находился въ Слободской дворцовой церкви, гдѣ совершалось молебствіе; а потомъ, въ сопровожденіи знатнѣйшихъ лицъ духовенства, прибылъ въ залу дворянскаго собранія. Встрѣченный тамъ съ восторгомъ, Императоръ въ краткихъ словахъ объяснилъ положеніе государства, — «котораго войска при всей своей храбрости и самоотверженіи не могли отстоять отъ несоразмѣрно превосходныхъ силъ вражескихъ»,— напоминалъ, что уже не разъ государство обязано было своимъ спасеніемъ усиліямъ дворянскаго сословія, и кончилъ рѣчь свою, сказавъ: «Я твердо рѣшился истощить всѣ усилія моей обширной имперіи, прежде нежели покорюсь высокомѣрному непріятелю».

Слова Государя нашли отголосокъ въ сердцахъ Московскихъ дворянъ. Они изъявили готовность свою — выставить по десяти ратниковъ со ста душъ для образованія ополченія въ 80 тысячъ человѣкъ, обмундировать ихъ, снабдить провіантомъ и даже по возможности оружіемъ. Императоръ Александръ съ признательностію принялъ это пожертвованіе. «Инаго я не ожидалъ и не могъ отъ васъ ожидать; вы оправдали мое о васъ мнѣніе», сказалъ онъ. Затѣмъ, перейдя въ залу, гдѣ были собраны купечество и мѣщанство, Государь объяснилъ имъ, какъ отецъ преданнымъ дѣтямъ, опасность, угрожавшую государству; не скрылъ отъ нихъ, что для отраженія врага, угрожавшаго общему благосостоянію, необходимы были зна-

чительныя денежныя средства, объявилъ о заключеніи союза съ Шведами и мира съ Турціею; о предстоявшемъ возобновленіи дружественныхъ сношеній съ Англіею, готовою открыть свои гавани Русской торговлѣ; замѣтилъ, что всѣмъ надеждамъ на благосостояніе страны угрожаетъ вражеское нашествіе и повторилъ, что, будучи увѣренъ въ содѣйствіи своихъ вѣрныхъ подданныхъ, станетъ сопротивляться непріятелю до послѣдней крайности. Отвѣтомъ Царю были слова, сказанныя отъ души всѣми, имѣвшими счастіе слышать рѣчь его: «Мы готовы жертвовать тебѣ, отецъ нашъ, имуществомъ и собою». По отбытіи Государя началась подписка на пожертвованія, и въ продолженіи двухъ часовъ предложено полтора милліона рублей. Но это было только началомъ жертвъ, принесенныхъ Москвитянами на искупленіе отечества.

2. Кутузовъ.

Кутузовъ соединялъ въ себѣ всѣ условія, опредѣленныя Комитетомъ при выборѣ главнокомандующаго. Его служба началась подъ счастливыми предзнаменованіями: въ самыхъ юныхъ годахъ своихъ, замѣченный Великою Екатериною, въ послѣдствіи называвшею его «мой Кутузовъ», онъ получилъ практическое военное образованіе подъ руководствомъ образованнѣйшаго изъ тогдашнихъ Русскихъ генераловъ, Баура, былъ отличенъ Румянцевымъ и сдѣлался любимцемъ Суворова. Его имя было неразлучно съ памятью славнѣйшихъ подвиговъ Екатерининскаго вѣка; его двукратное спасеніе послѣ тяжкихъ ранъ, имъ полученныхъ, обращало на него вниманіе всей Россіи [1]).

Въ послѣдствіи Кутузовъ, будучи назначенъ чрезвычайнымъ посломъ въ Константинополь, выказалъ необыкновенныя дипломатическія способности, исполнялъ съ отличіемъ многія важныя порученія, на него возложенныя и окончилъ продолжительную войну съ Турками рѣшительнымъ ударомъ, нанесеннымъ арміи верховнаго визиря и договоромъ, расширившимъ предѣлы Россіи до Дуная и Прута.

Ко всѣмъ этимъ заслугамъ Кутузовъ присоединялъ преимущество старшинства по службѣ надъ всѣми главнокомандующими нашихъ армій; наконецъ — имя Кутузова, природнаго Русскаго, было Русское, что̀ въ Отечественную войну 1812 года имѣло большую важность.

[1]) Въ 1774 и 1788 годахъ Кутузовъ былъ раненъ пулями: одна, ударивъ въ лѣвый високъ, вылетѣла у праваго глаза; другая, попавъ въ щеку, вышла въ затылокъ.

Избравъ Кутузова, Комитетъ совершенно исполнилъ ожиданія Государя, который заранѣе предвидѣлъ, на кого падетъ выборъ и, за нѣсколько дней предъ тѣмъ, почтилъ маститаго военачальника изъявленіемъ личной своей благосклонности, возведя его въ княжеское достоинство. Такое отличіе было тѣмъ болѣе для всѣхъ неожиданно, что Кутузовъ, въ то время устраненный отъ начальства надъ войсками, не пользовался милостями императора Александра. Незадолго предъ тѣмъ, ведя переговоры съ Оттоманскою Портою, Кутузовъ безпрестанно получалъ отъ Государя письма, въ которыхъ выражалась необходимость скорѣйшаго заключенія мира. Кутузовъ усердно старался исполнить волю Государя, но не могъ превозмочь упрямства Турецкихъ дипломатовъ, которые, будучи возбуждаемы происками агентовъ Франціи и Австріи, не соглашались на условія, предложенныя Русскимъ правительствомъ. Дни проходили за днями, а дѣло нисколько не подвигалось; наконецъ, Императоръ Александръ, выведенный изъ терпѣнія медленностью переговоровъ, поручилъ адмиралу Чичагову, вмѣсто Кутузова, какъ начальство надъ Дунайскою арміею, такъ и заключеніе мира. Кутузовъ, узнавъ о томъ, ускорилъ всѣми средствами ходъ переговоровъ и слѣдствіемъ дѣятельныхъ мѣръ, имъ принятыхъ, было заключеніе Бухарестскаго трактата, 16-го (28-го) мая, за четыре дня до прибытія Чичагова.

Императоръ Александръ, не смотря на успѣшное по обстоятельствамъ заключеніе мира съ Оттоманскою Портою, былъ недоволенъ тѣмъ, что, при многихъ уступкахъ въ нашихъ требованіяхъ, Кутузовъ не успѣлъ заключить оборонительнаго и наступательнаго союза съ Турками. По мнѣнію Императора Александра, только такой союзъ могъ вознаградить насъ за потерю прямыхъ сношеній съ Сербами и доставить намъ средство пользоваться ихъ содѣйствіемъ противъ Французовъ и союзниковъ ихъ. Хотя Государь, отдавая справедливость заслугамъ Кутузова, возвелъ его еще прежде въ графское достоинство, однако же Кутузовъ испросилъ себѣ отпускъ, удалился въ одну изъ пожалованныхъ ему деревень, и пріѣхалъ въ Петербургъ уже по отбытіи Государя въ армію. Удачный походъ на Дунаѣ и миръ, заключенный въ роковой часъ разрыва съ Наполеономъ, упрочили славу Кутузова: его сужденія о современныхъ военныхъ дѣйствіяхъ находили отголосокъ въ высшемъ кругу общества, а народъ съ благоговѣніемъ смотрѣлъ на стараго, израненнаго воина, усердно молящагося въ храмахъ Божіихъ о спасеніи отечества. Когда же послѣдовалъ Высочайшій указъ объ учрежденіи ополченія, Кутузовъ единогласно былъ избранъ, 17-го (29-го) іюня, за пять дней до возвращенія Государя въ Петербургъ, начальникомъ С.-Петербургской земской силы. Такая должность вовсе не соотвѣтствовала ни заслугамъ его, ни старшинству по службѣ; но она слу-

жила дальновидному Кутузову ступенью къ новымъ подвигамъ и отличіямъ, и потому онъ принялъ эту должность съ условіемъ — «оставить ее, ежели будетъ вызванъ къ другимъ обязанностямъ, либо ежели будутъ не угодны Государю занятія его по ополченію».

Кутузовъ, сдѣлавшись начальникомъ С.-Петербургской земской силы, исполнялъ свои обязанности съ чрезвычайнымъ усердіемъ: проводилъ цѣлые дни въ пріемѣ ратниковъ, входилъ во всѣ подробности ихъ обмундированія, занимался лично ихъ образованіемъ и давалъ имъ наставленія. Всѣ взоры были обращены съ удивленіемъ и сердечнымъ участіемъ на Кутузова, нѣкогда блистательнаго посла Россійскихъ Монарховъ Екатерины и Павла, бывшаго предводителя армій, усердствующаго на пользу общую въ годину бѣдствій отечества. Такое самоотверженіе не осталось безъ воздаянія: Императоръ Александръ возвелъ, 29-го іюля, Кутузова въ княжеское достоинство, съ титуломъ свѣтлѣйшаго, и, въ слѣдъ за тѣмъ, 8-го (20-го) августа, призвавъ его къ себѣ, объявилъ ему назначеніе въ главнокомандующіе всѣми арміями и ополченіями. Кутузовъ, какъ говорилъ онъ самъ, ввечеру того же дня, къ кругу родныхъ своихъ, «услышалъ повелѣніе Государя съ христіанскимъ смиреніемъ, но безъ робости, какъ призваніе свыше». Такъ смотрѣли тогда всѣ Русскіе на высокое назначеніе заслуженнаго воина; такъ взираетъ на это событіе и нынѣ благодарная Россія.

Извѣстіе о назначеніи Кутузова главнокомандующимъ всѣми вооруженными силами, дѣйствовавшими противъ Наполеона, было встрѣчено во всей Россіи съ невыразимымъ восторгомъ. Такое расположеніе цѣлаго народа въ пользу одного лица достаточно убѣждаетъ въ необходимости назначенія Кутузова предводителемъ вооруженныхъ силъ государства.

11-го (23-го) августа Кутузовъ отправился въ армію, напутствуемый усердными мольбами всѣхъ Русскихъ. Наканунѣ своего отъѣзда, Кутузовъ слушалъ молебенъ въ Казанскомъ соборѣ, стоя на колѣняхъ, и возложилъ на себя образъ Казанской Божіей Матери, поданный ему протоіереемъ Іоанномъ. На слѣдующее утро, народъ, собравшись на дворцовой набережной, у дома своего защитника, провожалъ его въ путь, изъ котораго суждено было возвратиться, еще съ большимъ торжествомъ, бреннымъ останкамъ его. По прибытіи утромъ 16-го (28-го) въ Торжокъ, онъ встрѣтился съ генераломъ Беннигсеномъ, который, будучи устраненъ Барклаемъ-де-Толли отъ всякаго вліянія на дѣйствія, испросилъ позволеніе отправиться въ Петербургъ. Кутузовъ, предполагая назначить его своимъ начальникомъ штаба, объявилъ ему Высочайшее повелѣніе — возвратиться въ армію. Дальнѣйшій путь Кутузова былъ направленъ на Старицу и Зубцовъ къ Гжатску. По прибытіи въ окрест-

ности сего города, 17-го (29-го) августа, въ 11 часовъ утра, онъ былъ встрѣченъ множествомъ тамошнихъ жителей, которые, остановивъ его экипажъ, въ пяти верстахъ отъ Гжатска, выпрягли лошадей и везли карету на себѣ до приготовленнаго для него дома. Здѣсь первымъ его дѣломъ было — отправить назадъ въ армію офицеровъ генеральнаго штаба, высланныхъ для обозрѣнія позицій по Московской дорогѣ. «Не нужно намъ позади арміи никакихъ позицій; мы, и безъ того уже слишкомъ далеко отступили» — сказалъ Кутузовъ. Въ продолженіе полутора-часоваго пребыванія въ Гжатскѣ, онъ занимался отправленіемъ предписаній и отвѣтовъ на бумаги, съ которыми ожидали его тамъ курьеры, а потомъ отправился въ Царево-Займище, гдѣ тогда находилась главная квартира обѣихъ армій. По прибытіи туда въ 3-мъ часу пополудни, Кутузовъ, поздоровавшись съ почетнымъ карауломъ, для него приготовленнымъ, сказалъ, какъ будто про себя, но довольно громко: «Ну, какъ можно отступать съ такими молодцами!» Затѣмъ, пообѣдавъ на-скоро, онъ отправился въ лагерь верхомъ, въ сюртукѣ безъ эполетъ и бѣлой съ краснымъ околышемъ фуражкѣ, съ шарфомъ черезъ одно плечо и съ нагайкою на ремнѣ черезъ другое. Войска встрѣтили вождя, знакомаго всѣмъ старымъ служивымъ, дружнымъ ура! «Пріѣхалъ Кутузовъ бить Французовъ», говорили между собою наши солдаты. Съ быстротою молніи, во всѣ концы обширной Россіи разнеслась вѣсть, будто бы въ самое то время, огромный орелъ вознесся надъ головою Кутузова, сопровождая его при объѣздѣ лагеря. Это событіе, дѣйствительное или вымышленное, осталось въ народныхъ преданіяхъ, какъ свидѣтельство надеждъ, возбужденныхъ новымъ главнокомандующимъ. Осмотрѣвъ вмѣстѣ съ Барклаемъ позицію, Кутузовъ нашелъ ее весьма выгодною, изъявилъ рѣшимость принять сраженіе и приказалъ ускорить постройку укрѣпленій, которыя сооружались его предшественникомъ. Силы нашей арміи, не считая семи тысячъ казаковъ, простирались до 95,734 человѣкъ, а вмѣстѣ съ подкрѣпленіями тогда прибывшими въ Гжатскъ, подъ начальствомъ Милорадовича, до 111,323 человѣкъ.

Непріятель находился въ небольшомъ переходѣ отъ позиціи, занятой Русскими войсками; мы готовились остановить его. Никто въ нашей арміи не сомнѣвался въ наступленіи роковаго часа... 18-го (30-го) августа войска оставались на позиціи; на слѣдующій день, неожиданно для всѣхъ, дано было приказаніе — отступать.

3. Канунъ Бородинской Битвы.

Весь день 25-го августа прошелъ въ приготовленіяхъ къ бою. Князь Кутузовъ велѣлъ пронести вдоль линій войскъ Чудотворную

Икону Божiей Матери, спасенную усердiемъ нашихъ воиновъ во время занятiя непрiятелемъ Смоленска и съ той поры постоянно сопровождавшую Русскiя войска. Подобно тому, какъ нѣкогда было предъ Куликовскимъ побоищемъ, сто-тысячная армiя въ стройныхъ рядахъ встрѣчала ликъ своей Заступницы. Духовенство шло въ богатыхъ ризахъ, по временамъ останавливаясь и совершая молебствiе; кадила дымились, свѣчи теплились, Святая икона медленно шествовала; тысячи благочестивыхъ воиновъ падали на колѣни, творя крестное знаменiе и молясь съ усердiемъ. Главнокомандующiй, окруженный всѣмъ своимъ штабомъ, встрѣтилъ икону и поклонился ей до земли. Въ продолженiе этого дня онъ подъѣзжалъ къ нѣкоторымъ полкамъ и говорилъ съ солдатами: слова его быстро передавались въ армiи и усиливали общую готовность — положить животъ въ защиту Москвы и Россiи. Иностранные писатели говорятъ о двойной порцiи пищи и вина, розданной будто бы въ сей день нашимъ солдатамъ по приказанiю Кутузова. Дѣйствительно, благодаря усердiю добраго Русскаго народа в близости Москвы, наши войска тогда имѣли въ изобилiи все нужное; но очевидцы говорятъ, что на призывъ квартиргеровъ къ чаркѣ многiе изъ солдатъ отвѣчали: «не къ тому готовимся; не такой завтра день». Таково было общее настроенiе умовъ въ нашей армiи: не было замѣтно въ ней унынiя, но не было также и шумнаго восторга. Предстоящая битва, священная въ понятiяхъ Русскихъ, вызывала торжественную тишину и молчанiе. Не смотря на сырость воздуха, пробиравшую до костей нашихъ воиновъ, они разводили бивачные огни какъ бы нехотя.

Напротивъ того, въ непрiятельской армiи огромные костры пылали по всему пространству, занятому въ ночи войсками Наполеона. Не смотря на недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ, Французы были возбуждены надеждою прекращенiя трудовъ и лишенiй, которая манила ихъ такъ долго, и наконецъ готова была осуществиться. Только войска, совершившiя передвиженiе въ ночи, не успѣли развести огней и провели остальное время, лежа на сырой землѣ, въ ожиданiи боя.

Таковы были приготовленiя къ огромнѣйшей изъ битвъ со времени изобрѣтенiя пороха. На пространствѣ квадратной мили находилось двѣсти пятьдесятъ тысячъ человѣкъ, болѣе шестидесяти тысячъ лошадей и болѣе 1,200 орудiй. Съ одной стороны были воины, пришедшiе съ крайнихъ предѣловъ запада и юга Европы, большею частью опытные, участвовавшiе во многихъ битвахъ, и въ челѣ ихъ величайшiй полководецъ нашего времени; съ другой, стояли воины со всѣхъ областей обширнаго Русскаго царства, прибывшiе отъ Ледовитаго моря, Урала и Каспiя, изъ отдаленной Сибири и съ Кав-

каза, уступавшіе въ боевой опытности противникамъ, но закаленные въ трудахъ и лишеніяхъ и предводимые полководцемъ, на котораго возлагала надежду вся Россія.

Поутру, въ третьемъ часу, Наполеонъ, послѣ краткаго отдыха, не смотря на простуду, которую чувствовалъ еще съ вечера, снова предался кипучей дѣятельности, составлявшей отличительную черту его характера. Первыя слова его были: «Что̀ дѣлается у Русскихъ?» Получивъ въ отвѣтъ, что наши войска остались на мѣстѣ, онъ былъ очень обрадованъ и выйдя изъ своей палатки съ дежурнымъ генералъ-адъютантомъ Коленкуромъ, сказалъ собравшимся около него во множествѣ офицерамъ: «Сегодня немножко холодно, но ясно: это со̀лнце Аустерлица».

Въ пять часовъ Наполеонъ сѣлъ на коня и поскакалъ къ правому флангу войскъ, назначенныхъ для главной атаки. Все готово. Ординарцы съ приказаніями мчатся во всѣ стороны. Армія строится къ бою; ротные и эскадронные командиры читаютъ во ввѣренныхъ имъ частяхъ слѣдующій приказъ:

«Воины! Вотъ сраженіе, котораго вы столько желали. Побѣда зависитъ отъ насъ. Она необходима для насъ; она доставитъ намъ все нужное, удобныя квартиры и скорое возвращеніе въ отечество. Дѣйствуйте такъ, какъ вы дѣйствовали при Аустерлицѣ, Фридландѣ, Витебскѣ и Смоленскѣ. Пусть позднѣйшее потомство съ гордостью вспомнитъ о вашихъ подвигахъ въ сей день. Да скажутъ о каждомъ изъ васъ: «онъ былъ въ великой битвѣ подъ Москвою!»

Примѣч. — Срави. со стихотвореніемъ Лермонтова «Бородино» (II т. нашей Христ., изд. 2-е, стр. 322).

4. Вступленіе Французовъ въ Москву.

Чѣмъ ближе подходилъ непріятель къ первопрестольной столицѣ, тѣмъ усерднѣе православное духовенство, стоя на стражѣ вѣры, утверждало крѣпкихъ и укрѣпляло слабыхъ въ преданности къ Царю и любви къ Отечеству. Въ числѣ нашихъ духовныхъ пастырей сіялъ тогда высокимъ умомъ и величіемъ духа Московскій митрополитъ Платонъ [1]). Императоръ Александръ I еще во время пребыванія своего въ Москвѣ получилъ въ благословеніе отъ сего святителя образъ преподобнаго Сергія, сопутствовавшій Петру I въ походахъ его и посланіе, въ которомъ внушенный свыше Платонъ предвозвѣщалъ побѣду Россіи надъ врагами. Государь уже на обратномъ пути, въ Твери, отвѣчалъ ему: «Преосвященнѣйшій Платонъ! Я по-

[1]) *Платонъ*, митроп. Московскій, род. 1737, ум. 1812 г.

лучилъ отъ васъ письмо и при немъ образъ преподобнаго Сергія. Первое принялъ я съ удовольствіемъ, какъ отъ знаменитаго и мною столь уважаемаго пастыря церкви, второе съ благоговѣніемъ. Образъ святаго поборника Россійскихъ военныхъ силъ велѣлъ я отдать составленному для защиты отечества Московскому ополченію: да сохранитъ онъ его своимъ предстательствомъ у Престола Божія и да продлитъ молитвами своими украшенные честью и славою дни ваши. Препоручая себя молитвамъ вашимъ, пребываю къ вамъ благосклонный.»

Въ отвѣтъ на сіе посланіе священный витія писалъ къ Императору, 23 іюля (4 августа н. ст.): «Августѣйшій Монархъ, Государь Всемилостивѣйшій! Старецъ Симеонъ имѣлъ въ жизни блаженнѣйшій удѣлъ — пріать на руки свои Предвѣчнаго Младенца и изъ глубины священныя души воспѣлъ священный гимнъ Владыкѣ міра. Я, недостойный, удостоенъ отвѣта Августѣйшей особы Вашей, въ восторгѣ лобызаю Высокомонаршую десницу, ношу бремя скучной старости, но какъ бы юнѣю въ сладостныхъ чувствіяхъ, благоговѣя къ любезнѣйшему имени *Александръ*. Государь! Вы по духу христіанскаго благочестія благословили нововооружаемыхъ героевъ принесенною Вамъ отъ меня иконою чудотворца Сергія. *Много можетъ молитва праведна споспѣшествуема.* Покусится алчный врагъ простерть за Днѣпръ злобное оружіе — и этотъ Фараонъ погрязнетъ здѣсь съ полчищемъ своимъ, яко въ Чермномъ морѣ. Онъ пришелъ къ берегамъ Двины и Днѣпра провести третію новую рѣку — страшно выговорить — рѣку крови человѣческой! О! каждая крови капля воззоветъ отъ земли къ небу. *Крови брата твоего взыщу отъ руки твоея.* Франція познаетъ въ Богѣ Господа отмщеній, а Россія возчувствуетъ, исповѣдуетъ, воспоетъ къ Нему: *Авва Отче! Царю Небесный! Ты изведеши яко свѣтъ правду Монарха и судьбу Россіи яко полудне.*»

Такъ говорилъ Платонъ Благословенному блюстителю чести и славы Россіи. Но не довольствуясь словомъ предвѣчной истины, великій Святитель готовился возбудить общее усердіе личнымъ примѣромъ. Въ самый день Бородинской битвы, когда многіе Московскіе жители, устрашенные извѣстіями о приближеніи непріятеля, торопились выѣзжать изъ города, прибылъ въ первопрестольную столицу изъ мирнаго своего убѣжища Виѳаніи 75-лѣтній, изнемогающій отъ болѣзней, митрополитъ Платонъ. Еще за годъ предъ тѣмъ онъ передалъ управленіе епархіею своему викарію Августину; но вѣсть объ опасности, грозившей обрушиться надъ Москвою, вызвала великодушнаго святителя, который весьма справедливо считалъ присутствіе свое въ столицѣ полезнымъ по дни бѣдствій отечества. Вѣсть о прибытіи митрополита поселила надежду въ уны-

вавшемъ народѣ. Многіе изъ жителей Москвы, возбужденные примѣромъ его, рѣшились принять участіе въ защитѣ столицы, обрекали себя смерти и пріобщались Св. Тайнъ. По призыву Растопчина, Москвичи хотѣли идти съ церковными хоругвями на Трехгорное поле; многіе изъ нихъ, конные и пѣшіе, вооруженные кто чѣмъ успѣлъ, спѣшили туда. Разнесся слухъ, что самъ Платонъ явится на Три-горы, либо на Поклонную гору, благословить Русское воинство къ рѣшительному бою. Дѣйствительно — онъ готовъ былъ на всякую жертву; тѣлесныя силы Святителя измѣняли ему; но онъ, не смотря на то, видя Москву наполненною ранеными, оставляемою жителями, не хотѣлъ выѣхать изъ города. Напрасно старались побудить его къ тому викарій его, Августинъ, и другіе преданные ему люди, напоминая, что непріятели уже были близко. «Что сдѣлаютъ мнѣ они?» твердилъ безстрашный старецъ; наконецъ—уже 31 августа (12 сентября н. с.) согласился онъ ухать въ Виѳанію.

Москва въ это время подобилась обреченной жертвѣ. Самъ Растопчинъ, убѣдясь въ невозможности отстоять столицу, доносилъ Государю: «До 26 числа я употреблялъ всѣ средства къ успокоенію жителей и ободренію общаго духа, но поспѣшное отступленіе армін, приближеніе непріятеля и множество прибывающихъ раненыхъ, коими наполнились улицы, произвели ужасъ. Видя самъ, что участь Москвы зависитъ отъ сраженія, я рѣшился содѣйствовать отъѣзду малаго числа остававшихся жителей. Головою ручаюсь, что Бонапартъ найдетъ Москву столь же опустѣлою какъ Смоленскъ. Все вывезено: коммисаріатъ, арсеналъ. Теперь занимаюсь ранеными; ежедневно привозятъ ихъ до 1,500.»

1 (13) сентября, въ день совѣщанія въ Филяхъ, рѣшившаго участь Москвы, вся столица съ ея окрестностями имѣла видъ необозримаго военнаго стана; войска наши, заслонивъ ее со стороны обращенной къ непріятелю, сооружали укрѣпленія; жители толпами бѣжали въ арсеналъ, гдѣ въ тотъ день раздавали оружіе даромъ, и потомъ, съ восклицаніями: «да здравствуетъ батюшка нашъ Александръ Павловичъ!» спѣшили на Три-горы, ожидая тамъ найти военнаго губернатора. Въ этотъ день преосвященный Августинъ, совершая въ Успенскомъ соборѣ литургію, со слезами молилъ Господа о низложеніи врага, о спасеніи Москвы и Россіи. Соборъ былъ полонъ народа; казалось, всѣ остальные жители Москвы собрались оплакивать предстоявшія имъ бѣдствія. По окончаніи литургіи, Августинъ хотѣлъ было отправить въ Вологду оставшіяся въ Успенскомъ соборѣ драгоцѣнности, святыя мощи и чудотворныя иконы, но графъ Растопчинъ не позволилъ ему исполнить это намѣреніе, изъ опасенія поселить уныніе въ народѣ.

Наступилъ вечеръ. Одни изъ жителей Москвы отправились, съ

оружіемъ въ рукахъ, за Драгомиловскую заставу; другіе спасали свои семейства и уходили изъ столицы, не зная, удастся ли имъ найти гдѣ-либо убѣжище. Въ городѣ между остальными немногими обитателями его водворилось могильное безмолвіе. Надежда и отчаяніе, опасеніе невѣдомыхъ бѣдствій и твердая рѣшимость, всѣ эти чувства, смѣняясь одно другимъ, волновали духъ Московскихъ жителей. Въ ночи, уже по окончаніи совѣта въ Филяхъ, графъ Растопчинъ получилъ отъ князя Кутузова слѣдующее письмо: «Непріятель, отдѣлившій колонны свои на Звенигородъ и Боровскъ, и невыгодное здѣшнее мѣстоположеніе, вынуждаютъ меня съ горестію Москву оставить. Армія идетъ на Рязанскую дорогу. Посему покорно прошу васъ прислать мнѣ съ симъ же адъютантомъ моимъ Монтрезоромъ сколько можно болѣе полицейскихъ офицеровъ, которые могли бы армію проводить чрезъ разныя дороги на Рязанскую.»

Это было первое опредѣлительное свѣдѣніе, полученное Растопчинымъ о намѣреніи князя Кутузова оставить Москву. До этого времени нельзя было ни истреблять, ни вывозить изъ города средства, которыя могли послужить въ пользу для нашей арміи; и потому Растопчинъ приказывалъ отправлять только наиболѣе цѣнное казенное имущество и важнѣйшія дѣла изъ архивовъ, все же прочее оставалось въ городѣ. Когда же до вступленія непріятеля въ столицу оставалось едва нѣсколько часовъ, графъ Растопчинъ распорядился съ необыкновенною дѣятельностью. Приказано было употребить всѣ подводы, которыя нашлись въ городѣ, для вывоза больныхъ и раненыхъ. Всѣ воинскія команды, находившіяся въ Москвѣ, немедленно выступили по Рязанской дорогѣ. Полицейскимъ командамъ, подъ руководствомъ расторопныхъ чиновниковъ, было поручено разбивать бочки съ виномъ на винномъ дворѣ, жечь на Москвѣ рѣкѣ всѣ барки съ казеннымъ и частнымъ имуществомъ и истреблять коммисаріатскіе запасы, а потомъ отправиться также во Владиміръ. Нѣкоторые изъ полицейскихъ служителей были оставлены въ столицѣ для зажженія ея на нѣсколькихъ пунктахъ. Обрекая Москву въ жертву пламени, графъ Растопчинъ налагалъ на себя тяжкую отвѣтственность, потому что не имѣлъ на то повелѣнія отъ благодушнаго Государя. Но будучи удостоенъ полною Монаршею довѣренностью и поставленъ въ чрезвычайныя обстоятельства, онъ рѣшился исполнить то, что считалъ полезнымъ и славнымъ для отечества.

Въ продолженіи этого дня, преосвященный Августинъ посылалъ нѣсколько разъ къ графу Растопчину узнавать о положеніи дѣлъ; наконецъ, уже въ полночь, получилъ онъ извѣстіе объ оставленіи Москвы; вмѣстѣ съ тѣмъ назначено было ему выѣхать по дорогѣ на Владиміръ. Въ темную осеннюю ночь архипастырь, сопровождае-

мый нѣсколькими духовными особами, взявъ съ собою изъ Успенскаго собора образъ Владимірской Божіей Матери, а изъ часовни отъ Воскресенскихъ воротъ Иверскую икону, отправился изъ Москвы по указанному направленію. Кругомъ столицы разливалось зарево пылающихъ селъ и деревень; на Смоленской дорогѣ видны были бивачные огни и раздавались изрѣдка выстрѣлы. По Владимірской тянулись обозы, толпились пѣшіе вмѣстѣ съ конными. Крестьяне, встрѣчавшіеся съ архипастыремъ, вмѣсто обычнаго уваженія, изъявляли неудовольствіе къ нему, укоряя его въ томъ, что оставилъ паству свою, какъ презрѣнный наемникъ. Несправедливы были упреки эти, но не злоба внушала ихъ, а глубокая скорбь народа, привыкшаго считать Москву сердцемъ Россіи.

М. Богдановичъ [1]).

ГРАФЪ БЛУДОВЪ И ЕГО ВРЕМЯ [2]).

1. Личный характеръ Императора Александра I.

Александръ I былъ по преимуществу *человѣкъ* въ высокомъ, многообъемлющемъ смыслѣ этого слова, а потомъ уже Государь! Природа соединила въ немъ умъ обширный, сердце исполненное высокихъ побужденій, мысль пытливую, проницательную; но постоянная, усиленная борьба то съ судьбою, то съ людьми или самимъ собой нерѣдко колебала его вѣру въ собственныя силы. Недовѣрчивый къ себѣ, онъ искалъ опоры въ людяхъ, разрѣшенія сомнѣній въ тайнахъ природы, безраздѣльно предавался избраннымъ друзьямъ, предавался мистицизму, но ни въ тѣхъ, ни въ другомъ не находилъ отвѣта своему пытливому сердцу, не находилъ чего искалъ, отвращался отъ нихъ и опять заключался въ самомъ себѣ. Онъ создавалъ въ своемъ воображеніи идеалы, которые разбивались при столкновеніи съ дѣйствительностію, и тѣмъ печальнѣе казалась для него эта дѣйствительность. Его упрекали въ шаткости характера, недостаткѣ силы воли, въ противорѣчіи самому себѣ, но мы увидимъ впослѣдствіи какъ бывала несокрушима эта воля, освободившаяся отъ посторонняго вліянія. Въ первые же мѣсяцы своего царствованія, не смотря на молодость и неопытность, онъ умѣлъ сбросить съ себя то насильственное вліяніе, которымъ было думалъ пользоваться графъ Паленъ. А дѣйствія его въ отечественную войну! До-

[1]) Современный историческій писатель.
[2]) Напечатано въ Спб. 1866 г.

пустимъ еще, что въ бытность непріятеля въ предѣлахъ Россіи весь народъ, соединившись какъ одинъ человѣкъ, увлекалъ его за собою къ одной общей цѣли; но послѣ, за границей, когда вся среда, въ которой находился онъ, требовала мира съ Наполеономъ,—кто, какъ не онъ одинъ, рѣшился дать этотъ миръ только въ Парижѣ? Кто увлекъ союзниковъ, противъ ихъ желанія, въ Парижъ?

Воспитаніе, чуждое соприкосновенія съ внѣшнею жизнію, на немъ отразилось болѣе другихъ и оставило неизгладимые слѣды въ его воспріимчивомъ характерѣ. Онъ выросъ между двумя дворами — бабки и отца, непріязненными между собою, противоположными по направленію: при одномъ господствовала роскошь, расточительность, постоянныя празднества, свобода нравовъ, доходившая до излишества, но вмѣстѣ съ тѣмъ свобода мысли, часто блестящей, иногда глубокой; при другомъ—ропотъ негодованія и военный строй, замѣнявшій всѣ удовольствія. Сходились они только въ томъ, что интрига, преобладавшая при большомъ дворѣ, проникала и въ Гатчину, и даже опутывала самого Александра. Принужденный уживаться при томъ и другомъ дворѣ, вовсе къ нимъ не расположенный, могъ ли онъ не пріучиться заранѣе къ скрытности? Самое воспитаніе его ввѣрено было двумъ лицамъ, совершенно противоположныхъ началъ. Съ одной стороны, гражданинъ свободной республики, открытый и честный Лагарпъ преподавалъ ему свои правила; съ другой—испытанный въ придворной жизни, успѣвшій ужиться при трехъ царствованіяхъ, Салтыковъ [1]) (впослѣдствіи князь) внушалъ ему свои убѣжденія. Знаменитѣйшіе профессора преподавали ему разныя науки, но о нравственномъ воспитаніи мало заботились. Самъ Императоръ говорилъ Прусскому епископу Эйлерту въ 1818 г.: «пожаръ Москвы освѣтилъ мою душу и судъ Божій на ледяныхъ поляхъ наполнилъ мое сердце теплотою вѣры, какой я до тѣхъ поръ не ощущалъ. Тогда я познalъ Бога.... Искупленію Европы отъ погибели обязанъ я собственнымъ искупленіемъ.» По желанію Императрицы—бабки, онъ вступилъ въ бракъ на 16 году: могъ ли онъ понимать всю важность семейныхъ обязанностей!

Личность Государя исполнена высокаго драматизма и достойна глубокаго изученія психолога, также точно какъ царствованіе его, конечно, послужитъ цѣлой наукой для изученія политики и государственнаго управленія. Англійскій писатель Аллисонъ, въ своей

---

[1]) *Салтыковъ* (родился 1736 г., ум. 1816) при Екатеринѣ возведенъ въ графское достоинство, при Павлѣ получилъ фельдмаршальскій жезлъ, не отлучаясь отъ двора, при Александрѣ—княжеское достоинство и назначеніе предсѣдателемъ Государственнаго Совѣта. Князь Салтыковъ имѣлъ при себѣ офицерскій караулъ. Какъ бы для окончанія своего придворнаго образованія, онъ въ молодости провелъ нѣсколько времени при дворѣ Прусскаго Короля Фридриха II.

«Исторіи Европы отъ начала Французской революціи до возстановленія Бурбоновъ», справедливо выразился объ этомъ царствованіи: «по массѣ и важности соединившихся въ немъ происшествій, едва ли можно найти подобное ему въ цѣлой исторіи рода человѣческаго». Народы и государства удивлялись его славѣ, его величію, его уму и всепобѣждающей силѣ его обращенія, по никому и въ мысль не приходило, при видѣ этого счастливѣйшаго въ мірѣ Государя, задать себѣ вопросъ, что творится въ глубинѣ души его? Мы будемъ имѣть возможность, впослѣдствіи, проникнуть въ тайникъ этого сердца, — благо онъ самъ раскрываетъ его въ своихъ письмахъ и разговорахъ. Изъ нихъ, какъ изъ самыхъ дѣйствій мы увидимъ, что если онъ иногда падалъ, то потомъ подымался еще сильнѣе, еще побѣдоноснѣе. Въ позднѣйшую уже эпоху его царствованія одинъ изъ членовъ дипломатическаго корпуса писалъ о немъ [1]): «Этотъ Государь честнѣйшій человѣкъ во всемъ обширномъ значеніи слова, какого я когда-либо зналъ; онъ можетъ быть часто поступаетъ дурно, но въ душѣ его—постоянное стремленіе къ добру». Вотъ почему мы глубоко сокрушаемся, что смерть застала его въ минуту душевной слабости; мы не сомнѣваемся, мы убѣждены, что онъ вышелъ бы изъ этого временнаго нравственнаго упадка и сталъ бы тѣмъ, чѣмъ былъ нѣкогда для Россіи, или обратился бы къ частной жизни, къ чему душею стремился. Впрочемъ, въ какой бы средѣ онъ ни дѣйствовалъ, — родись простымъ гражданиномъ, онъ имѣлъ бы одинаковое вліяніе, только въ другой сферѣ. Какому-то обаятельному влеченію подпадало все, что соприкасалось къ нему, и люди, окружавшіе его, любили его съ страстнымъ увлеченіемъ.

Отъ природы умѣренный въ желаніяхъ, скромный и даже робкій, онъ подчинялъ своему вліянію другихъ именно тѣмъ, что не желалъ господствовать, не стремился къ преобладанію [2]). Еще въ

---

[1]) Депеша *виконта Фероне*, Французскаго посла при Александрѣ, къ министру иностранныхъ дѣлъ, отъ 19 мая 1823 года.

[2]) Чтобы показать отношенія къ нему народа, достаточно выписать нѣсколько строкъ изъ записокъ очевидца, котораго, конечно, никто не заподозритъ въ лести (*Серг. Н. Глинка*): «Перенеситесь мыслію въ Москву 6 декабря 1809 г. Вотъ Императоръ Александръ I выходитъ изъ саней у Тверской заставы и въѣзжаетъ въ столицу верхомъ. Слышите ли эти душевныя восклицанія: Отецъ! Отецъ нашъ! Ангелъ нашъ! Государь ѣхалъ одинъ, тѣснимый со всѣхъ сторонъ сонмами народа. Иные хватались за лошадь Императора; другіе цѣловали узду и стремена. Лошадь отъ давки народной покрыта была потомъ. Множество торопливыхъ рукъ стирали потъ платками и чѣмъ могли, чтобы передать эти памятники своимъ домашнимъ. И во все это время продолжались восклицанія: «Здравствуй надежда—Государь. Пріѣзжай къ намъ почаще. Мы каждый день, каждый часъ, нашъ родной отецъ, молимся за

дѣтствѣ часто журили его за расположеніе къ лѣни, но это было какое-то поэтическое бездѣйствіе, во время котораго онъ предавался всеувлекающему воображенію, уносясь въ міръ другой, отъ пошлой дѣйствительности; за то, если работа приходилась ему по сердцу, онъ трудился безъ устали. Частная его переписка была обширна; кромѣ того, въ архивѣ министерства Иностранныхъ дѣлъ находятся собственноручныя инструкціи его нашимъ уполномоченнымъ при иностранныхъ дворахъ министрамъ, не говоря уже о томъ, что другія исполнены рѣшительно по мысли его. Большая часть манифестовъ, особенно писанныхъ при статсъ-секретарѣ Шишковѣ, исправлены его рукою. Государь писалъ по-Русски своеобразно, сильно, хотя иногда дѣлалъ ошибки въ правописаніи; впрочемъ, его статсъ-секретарь Сперанскій, не смотря на обширное образованіе, грѣшилъ также противъ правописанія и даже чаще его. По-Французски Александръ писалъ правильно, изящно.

Впослѣдствіи, совершенная безнадежность нерѣдко овладѣвала имъ; усталыя руки невольно опускались. Припомнимъ себѣ, съ какою энергіею онъ преслѣдовалъ злоупотребленіе власти и беззаконіе суда.

Въ молодости еще онъ обнаруживалъ стремленіе къ добру и спѣшилъ на помощь ближнему, не соображая ни средствъ, ни обстоятельствъ: случилось ему услышать, что какой-то старикъ, иностранецъ, нѣкогда служившій при академіи, находится въ крайней бѣдности,—онъ поспѣшно вынулъ 25 руб. и торопился отослать ихъ къ бѣдняку, хотя у него не оставалось болѣе денегъ. Узналъ онъ, что одинъ изъ щекатуровъ, работавшихъ у дворца, упалъ съ лѣсовъ и сильно ушибся: «отослать его въ больницу, послать къ нему своего лейбъ-медика, приказать хирургу пользовать его, дать на все сіе деньги, послать больному нѣкоторую сумму, постель, свою простыню—было для него дѣломъ одной минуты». Мало этого,—онъ справлялся и заботился о больномъ каждый день, пока тотъ не выздоровѣлъ, скрывая отъ всѣхъ свой поступокъ, «который онъ считалъ долгомъ человѣчества, къ чему всякій непремѣнно обязанъ [1])». Такое настроеніе не измѣнилось впослѣдствіи, только облеклось въ другую форму. Событія, сопровождавшія пожаръ Москвы и наводненіе Петербурга, доказали это. Онъ былъ доступенъ правдѣ; болѣе,—любилъ, чтобы ему говорили открыто и смѣло, хотя бы самыя горькія истины. Едва-ли частный человѣкъ вынесъ бы терпѣ-

---

тебя Господу Богу». Вотъ Государь сходитъ съ лошади у Иверской Божіей Матери. Онъ преклоняетъ колѣно и вся Москва молится съ Царемъ своимъ!...»

[1]) *О юности Александра I. Лейпцигъ* 1862 г. журналъ, или часть журнала одного изъ воспитателей Александра I, изданный кн. Ав. Голицынымъ.

диво тѣ укоры, которыми осыпалъ его другъ вѣрный, искренній, но слишкомъ брюзгливый и самоувѣренный, Парротъ [1]). Но пусть бы еще Парротъ, любившій его страстно, могъ позволить себѣ говорить такимъ образомъ; по какому праву ворчалъ и бранился въ теченіи цѣлаго дня гр. Т.?—потому развѣ, что его обязанности дозволяли ему находиться цѣлый день во дворцѣ, и Государь снисходительно терпѣлъ эти выходки.

Александръ нѣсколько разъ выражалъ, какъ тягостна для него власть и что онъ «не рожденъ быть деспотомъ» (его собственныя слова). Въ письмѣ къ другу своему В. П. Кочубею, онъ, между прочимъ, говоритъ [2]): «Да, милый другъ, повторяю, мое положеніе вовсе неутѣшительно; для меня оно слишкомъ блистательно и не по характеру, который желаетъ только покоя и тишины. Дворъ созданъ не для меня. Я всякій разъ страдаю, когда долженъ являться на придворной сценѣ. Я сознаю, что не созданъ для такого мѣста, которое занимаю теперь и еще менѣе для того, которое предназначено мнѣ въ будущемъ; я далъ обѣтъ отдѣлаться отъ него тѣмъ или другимъ путемъ. Я долго обдумывалъ и разсматривалъ этотъ вопросъ со всѣхъ сторонъ; наконецъ пришелъ къ этому заключенію...» Далѣе: «я всегда держался того правила, что лучше совсѣмъ не браться за дѣло, чѣмъ дурно исполнять его. Слѣдуя такому правилу, я пришелъ къ рѣшенію, о которомъ говорилъ. Мой планъ состоитъ въ томъ, чтобы по отреченіи отъ этого труднаго поприща (я не могу опредѣлить время этого отреченія) поселиться съ женой на берегахъ Рейна, гдѣ буду жить спокойно, частнымъ человѣкомъ, наслаждаясь своимъ счастіемъ въ кругу друзей и въ изученіи природы... Мысли жены моей, въ этомъ случаѣ, совершенно сходятся съ моими».

Это было писано еще въ 1796 году, когда увлеченія молодости могли имѣть вліяніе на душу Александра; но даже въ ту минуту, когда престолъ незапно представился передъ нимъ, онъ въ нерѣшимости остановился... Потомъ онъ писалъ своему воспитателю и другу Лагарпу въ первые годы своего царствованія: «Когда Провидѣніе благословитъ меня возвести Россію на степень желаемаго мною благоденствія, первымъ моимъ дѣломъ будетъ сложить съ себя бремя правленія и удалиться въ какой-нибудь уголокъ Европы, гдѣ безмятежно буду наслаждаться добромъ, утвержденнымъ въ отечествѣ». Впослѣдствіи, онъ гораздо положительнѣе говоритъ и

---

[1]) *Парротъ* (1767—1852) — профессоръ физики (съ 1800 г.) въ Дерптскомъ университетѣ.

[2]) Подл. док. (на Франц. яз.) и Восшествіе на престолъ Императора Николая I, бар. *Корфа.*

даже дѣйствуетъ для достиженія этой конечной цѣли своего царствованія.

Мы только слегка очертили замѣчательную личность Императора Александра I.

2. Наводненіе 1824 года.

Въ Россіи связь народа съ Государемъ образовалась не вслѣдствіе какого-нибудь механическаго строя или отвлеченнаго, юридическаго начала, но истекаетъ изъ болѣе глубокаго источника: она прирождена Русскому народу и основана на полномъ довѣріи народа къ Царю, какъ человѣку, съ которымъ у него одни страсти, одни стремленія, который раздѣляетъ его радости и бѣдствія, какъ свои собственныя и, какъ щитомъ, прикрываетъ собою народъ отъ всѣхъ невзгодъ — внутреннихъ и внѣшнихъ. Въ какомъ иномъ государствѣ могла бы высказаться такъ искренно, такъ единодушно та глубокая скорбь, которая постигла въ послѣднее время царскую семью [1])? есть ли хижина въ Россіи, гдѣ бы она не оставила слѣда печали непритворной? Въ несчастіи эти сближенія народа съ Царемъ высказываются рѣзче и яснѣе. Мы видѣли, какъ единодушно сказался народъ Государю въ годину бѣдствій 1812 года, не смотря на недавній еще ропотъ; то же повторилось въ Ноябрѣ мѣсяцѣ 1824 года, хотя вліяніе графа Аракчеева неблагопріятно отзывалось на народѣ.

Продолжительный морской вѣтеръ нагналъ массу воды въ Неву, и она, выступивъ изъ береговъ, разлилась по улицамъ и площадямъ столицы, угрожая людямъ, нарушившимъ тишину и необитаемость ея негостепріимныхъ береговъ, всеобщимъ разрушеніемъ и уничтоженіемъ. Обломки деревянныхъ домовъ и утвари носились по улицамъ; катера спасали людей. Населеніе было въ страшной агоніи; видѣли ясно, что если морской вѣтеръ продолжится еще часа два, то городъ погибъ. Провидѣніе, на этотъ разъ, отклонило гибель; вѣтеръ началъ стихать и перемѣнять направленіе: вода убыла; но бѣдствія, которыя она оставила за собой, были огромны.

Государь, въ порывѣ своей сострадательной души, работалъ неусыпно, какъ во время наводненія, такъ и послѣ него, посѣщая жилища бѣдняковъ и принося имъ помощь вещественную и утѣшеніе. Едва вода на столько стекла, что можно было проѣхать по улицамъ, онъ отправился въ Галерную. Тутъ страшная картина разрушенія предстала передъ нимъ. Видимо пораженный, онъ остановился

[1]) Разумѣется преждевременная смерть Государя Наслѣдника Цесаревича Николая Александровича.

и вышелъ изъ экипажа; нѣсколько минутъ стоялъ онъ не произнося ни слова; слезы медленно текли по щекамъ; народъ обступилъ его съ воплемъ и рыданіемъ: «за *наши* грѣхи Богъ насъ караетъ», сказалъ кто-то изъ толпы. «Нѣтъ, за *мои»!* отвѣчалъ съ грустію Государь; самъ распорядился о временномъ пріютѣ и пособіи пострадавшимъ, оставивъ для исполненія и наблюденія одного изъ своихъ генералъ-адъютантовъ, и отправился на Литейный заводъ. Онъ подъѣхалъ къ уцѣлѣвшему зданію, вокругъ котораго толпился народъ, и, вошедши въ него, увидѣлъ другаго рода картину: на полу и нарахъ лежали двѣнадцать или болѣе труповъ, иные уже въ гробахъ, другіе ожидали еще своего вѣчнаго помѣщенія. Государь и тутъ нѣсколько времени оставался. Онъ какъ будто намѣренно пыталъ себя этимъ зрѣлищемъ, чтобы внутренними муками искупить тотъ грѣхъ, который созидало его мрачное воображеніе. Какъ-бы то ни было, но народъ опять увидѣлъ въ немъ прежняго своего Александра; подавленная любовь выразилась съ новой силой.

«Двѣ эпохи въ жизни Александра особенно способствовали къ тому, чтобы соединить существованіе его съ существованіемъ народа и утвердили многочисленныя связи, ихъ сопрягавшія. Эпохи сіи суть — событія въ 1812 и бѣдствіе Петербурга въ 1824 г. Тутъ онъ является героемъ своего отечества, мужественнымъ защитникомъ своего народа, его подпорою и спасителемъ». Эти слова принадлежатъ С. С. Уварову, который былъ однимъ изъ исполнителей воли Александра во время бѣдствій 1824 года.

На воспріимчивую душу Александра это событіе имѣло важное вліяніе; въ ней долженъ былъ совершиться переломъ въ прежней энергіи, которая уже и начала было проявляться. Къ несчастію, оно не осталось также безъ послѣдствій на его здоровье; не смотря на крѣпость свою, оно не могло безъ ущерба выдержать столько потрясеній нравственныхъ, такихъ трудовъ и усилій физическихъ.

Примѣч. — Приводимъ для сравненія описаніе наводненія изъ «Мѣднаго Всадника» *Пушкина*:

Рѣдѣетъ мгла ненастной ночи,
И блѣдный день ужъ настаетъ...
Ужасный день!
Нева всю ночь
Рвалася къ морю противъ бурь,
Не одолѣвъ ихъ буйной дури....
И спорить стало ей не въ мочь...
По-утру надъ ея брегами
Тѣснился кучами народъ,
Любуясь брызгами, горами
И пѣной разъяренныхъ водъ.
Но силой вѣтра отъ залива
Перегражденная Нева
Обратно шла гнѣвна, бурлива,
И затопляла острова;
Погода пуще свирѣпѣла;
Нева вздувалась и ревѣла,
Котломъ клокоча и клубясь —
И вдругъ, какъ звѣрь остервенясь,
На городъ кинулась. Предъ нею

Все побѣжало, все вокругъ
Вдругъ опустѣло... Воды вдругъ
Втекли въ подземные подвалы;
Къ рѣшеткамъ хлынули каналы—
И всплылъ Петрополь, какъ Тритонъ [1])
По поясъ въ воду погруженъ.
Осада! приступъ! Злыя волны,
Какъ воры, лѣзутъ въ окна; челны
Съ разбѣга стекла бьютъ кормой;
Садки подъ мокрой пеленой,
Обломки хижинъ, бревна, кровли,
Товаръ запасливой торговли,
Пожитки блѣдной нищеты,
Грозой снесенные мосты,
Гробы съ размытаго кладбища
Плывутъ по улицамъ!
Народъ
Зритъ Божій гнѣвъ и казни ждетъ.
Увы! все гибнетъ: кровъ и пища.
Гдѣ будетъ взять?
Въ тотъ грозный годъ
Покойный [2]) Царь еще Россіей
Со славой правилъ. На балконъ
Печаленъ, смутенъ вышелъ Онъ
И молвилъ: «Съ Божіей стихіей
Царямъ не совладѣть». Онъ сѣлъ,
И въ думѣ скорбными очами
На злое бѣдствіе глядѣлъ.
Стояли стогны озерами,
И въ нихъ широкими рѣками
Вливались улицы. Дворецъ
Казался островомъ печальнымъ.
Царь молвилъ—изъ конца въ конецъ,
По ближнимъ улицамъ и дальнымъ,
Въ опасный путь средь бурныхъ водъ
Его пустились генералы [3])
Спасать и страхомъ обуялый
И дома тонущій народъ.

3. Болѣзнь и смерть Александра Благословеннаго.

Незадолго до отъѣзда (въ Таганрогъ) Александръ Павловичъ вмѣстѣ съ Императрицей ѣздили въ Духовъ монастырь (Новгородской губерніи) проститься съ матерью игуменьею и та, какъ говорила впослѣдствіи Блудову, была поражена происшедшей перемѣной въ царственной четѣ. Въ день же отъѣзда, перваго Сентября (1825 г.), Государь отправился въ Александро-Невскую лавру отслужить молебенъ [4]). Это было въ 4 часа утра. Длинный рядъ монаховъ, встрѣтившій его у входа въ церковь, господствовавшая темнота вокругъ и ярко освѣщенная рака угодника Божія, виднѣвшаяся вдали, въ растворенныя врата, поразили его воспріимчивое воображеніе: онъ плакалъ во время молебна. Посѣтивъ на нѣсколько

---

[1]) *Тритонъ* — морской богъ, сынъ и спутникъ Нептуна. Его изображали получеловѣкомъ, полу-рыбою, съ рогомъ изъ раковинъ, въ который онъ трубитъ.

[2]) Поэма «Всадникъ» явилась 1833 года.

[3]) Графъ Милорадовичъ и Генералъ-Адъютантъ Бенкендорфъ.

[4]) *Послѣдніе дни жизни Императора Александра I*. С.-Петербургъ 1827 г. Письма одного изъ служителей Государя и Таганрогцевъ, и свидѣтельства современниковъ.

минутъ митрополита Серафима, зашелъ онъ къ схимнику Алексѣю, отличавшемуся подвижническою жизнію. Мрачная картина кельи, стоявшій въ ней гробъ, который служилъ постелью отшельнику и нѣсколько сказанныхъ ему словъ, оставили въ немъ еще сильнѣйшее впечатлѣніе.

Передъ выѣздомъ изъ Петербурга, Государь остановился у заставы, привсталъ въ коляскѣ и, обратившись назадъ, въ задумчивости нѣсколько минутъ глядѣлъ на столицу, какъ бы прощаясь съ нею. Было-ли то грустное предчувствіе, навѣянное посѣщеніемъ схимника, была-ль твердая рѣшимость не возвращаться болѣе Императоромъ, — кто можетъ рѣшить подобный вопросъ!

Сентября 13 Александръ Павловичъ пріѣхалъ въ Таганрогъ. Докторъ Вилліе, въ своей памятной книжкѣ, говоря объ этомъ, пишетъ: «первая часть путешествія кончена» и далѣе, подъ чертой, ставитъ слово finis. Въ то время онъ и не подозрѣвалъ того пророческаго значенія, которое заключало въ себѣ это слово: первая часть была и послѣднею [1]).

По пріѣздѣ въ Таганрогъ Елизаветы Алексѣевны, Государь окружилъ ее самою нѣжвою заботливостью, предупреждалъ ея малѣйшія желанія, старался доставлять ей разсѣяніе, и Государыня, подъ вліяніемъ этой нѣжной любви, стала оживать; здоровье ея видимо поправлялось, такъ что Государь рѣшился, хотя не безъ колебанія, принять приглашеніе графа Воронцова посѣтить Крымъ, говоря, что добрымъ сосѣдямъ слѣдуетъ жить въ согласіи. Постоянно не любившій пышности, здѣсь онъ жилъ уже совершенно просто: «надо, чтобы переходъ къ частной жизни не былъ рѣзокъ», говорилъ онъ шутя. Вмѣстѣ съ княземъ Волконскимъ, выбиралъ Государь мѣсто для постройки постояннаго дворца и очень былъ занятъ его распредѣленіемъ. Князю Волконскому онъ говаривалъ: «и ты выйдешь въ отставку и будешь у меня библіотекаремъ». Вообще Государь, возвратившись къ прежней любви и къ прежней мысли, былъ очень веселъ: казалось, *Онъ нашелъ наконецъ тотъ уголокъ въ Европѣ*, о которомъ мечталъ, и гдѣ желалъ навсегда поселиться.

Всѣмъ этимъ мечтамъ, еще болѣе отрадвымъ для Императрицы, которая была въ ту пору, не смотря на свои страданія, счастливѣйшею женщиной въ мірѣ, не суждено было осуществиться. 20-го Октября отправился Государь въ Крымъ; онъ былъ болѣе обыкно-

---

[1]) Въ бумагахъ покойнаго доктора Вилліе, между множествомъ различнаго рода записокъ и приглашеній на обѣды, вечера и консультаціи открыта была *Памятная книжка* на 1825 годъ, въ которой находятся отмѣтки Вилліе, на пробѣлахъ, противъ каждаго числа, начиная со дня выѣзда Государя изъ Петербурга до 29 Декабря. Мы очень благодарны И. В. А. за доставленіе намъ этого неизвѣстнаго еще матеріала для поясненія послѣднихъ дней жизни Александра I.

веннаго веселъ и разговорчивъ въ первые дни своего путешествія; но утомленіе отъ постоянныхъ, продолжительныхъ переѣздовъ, не рѣдко вѣтромъ, сырость вечеровъ, господствовавшія въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ лихорадки, безпрерывныя посѣщенія госпиталей, гдѣ свирѣпствовалъ тифъ, не могли не подѣйствовать на его здоровье. Въ Бакчисараѣ Государь самъ сказалъ Вилліе, что страдаетъ лихорадкой и нѣсколько ночей дурно спалъ, а онъ не любилъ жаловаться на болѣзнь. Но тутъ же отказался отъ всѣхъ лекарствъ, не терпя, такъ называемой имъ, Латинской кухни и не смотря на убѣжденія Вилліе, остался непреклоненъ; только торопился возвращеніемъ къ себѣ, домой.

5-го Ноября Государь пріѣхалъ въ Таганрогъ и провелъ весь вечеръ у Императрицы, не жалуясь на припадки лихорадки, но на другой день онъ не могъ работать и принужденъ былъ прервать докладъ князя Волконскаго. Затѣмъ болѣзнь усиливалась. 9-го Александръ Павловичъ уже дозволилъ написать вдовствующей Императрицѣ, а 11-го Великому Князю Константину Павловичу о своемъ положеніи.

Болѣзнь, повидимому, въ началѣ мало заботила Вилліе. Онъ, какъ бы мимоходомъ, отмѣчаетъ подъ 30 ч. Окт.: у Государя разстройство желудка, впрочемъ, полезное для его здоровья (Бакчисарай). И за тѣмъ слѣдуютъ ничтожныя замѣтки о предметахъ постороннихъ до 5-го Ноября; тутъ онъ уже пишетъ: ночь прошла дурно. Отказъ принять лекарство. Онъ приводитъ меня въ отчаяніе. 7-го Ноября онъ еще не можетъ отдать себѣ отчетъ—эпидемическая ли это лихорадка, крымская или другая какая, и 8-го пишетъ: «Это несомнѣнно горячка, febris gastrica biliosa» и проч. 10-го: «съ 8-го числа я замѣчаю, что Его занимаетъ что-то болѣе важное, чѣмъ мысль о выздоровленіи и смущаетъ умъ. Ему хуже».

Замѣчательна отмѣтка Вилліе противъ 14-го числа: «Все идетъ дурно, хотя у него еще нѣтъ бреду. Мнѣ хотѣлось дать acide muriatique въ питьѣ, но по обыкновенію отказано: «Ступайте прочь». Я заплакалъ; замѣтивъ мои слезы, Государь сказалъ мнѣ: «подойдите, любезный другъ, надѣюсь, что вы на меня за это не сердитесь. *У меня свои причины такъ дѣйствовать.*» Ноября 15-го Вилліе отмѣчаетъ: «какая скорбная обязанность объявить ему о близкой кончинѣ»!...

Елизавета Алексѣевна не отходила отъ его постели. По временамъ Государь, какъ будто, чувствовалъ себя легче, или по крайней мѣрѣ старался въ томъ увѣрить Императрицу, и лучъ надежды озарялъ ее на мгновеніе, но вскорѣ страшная существенность явилась. Вилліе и Волконскій сказали ей, что во всякомъ случаѣ желательно было бы, чтобы Государь пріобщился Св. Таинъ.

Императрица вздрогнула. Долго не могла она прійти въ себя; наконецъ, собрала всѣ силы, чтобы самой просить Государя исполнить долгъ христіанина. «Развѣ я такъ плохъ?» спросилъ Государь безъ малѣйшаго измѣненія ни въ лицѣ, ни въ голосѣ. «Нѣтъ, другъ мой, — отвѣчала Императрица, — но отказавшись отъ всѣхъ средствъ земныхъ, испытайте небесныя». Государь очень охотно принялъ предложеніе. Пришелъ Вилліе, и на вопросъ Государя: «я очень плохъ?» не могъ ничего отвѣчать, заливаясь слезами. Государь взялъ его руку и молча нѣсколько времени сжималъ ее. Императрицу онъ просилъ поберечь себя и нѣсколько успокоиться. Причастившись Св. Таинъ, послѣ продолжительной исповѣди, онъ сказалъ Государынѣ: «я никогда не былъ въ такомъ утѣшительномъ положеніи, въ какомъ я нахожусь теперь; благодарю сердечно». Богъ сказался ему и свѣялъ съ души грозную мысль, преслѣдовавшую его во всю жизнь, мысль, которая перѣдко среди торжества, какъ привидѣніе, возставала передъ нимъ.

За нѣсколько часовъ до смерти, страданія нѣсколько уменьшились, жаръ былъ не такъ силенъ; Государь открылъ глаза, приказалъ знаками поднять шторы у оконъ, взглянулъ на природу и остановилъ взглядъ на Императрицѣ съ выраженіемъ полнымъ любви и благодарности, взялъ ее за руку, поцѣловалъ и положилъ къ себѣ на грудь; улыбнулся князю Волконскому, и эта улыбка осталась до смерти на лицѣ его. Совершенное спокойствіе, болѣе — довольство, счастіе было разлито въ лицѣ его. Слова Елизаветы Алексѣевны въ столь извѣстномъ письмѣ ея были трогательны именно по своей глубоко прочувствованной истинѣ [1]. Черезъ нѣсколько минутъ онъ впалъ въ забытье, а черезъ нѣсколько часовъ его не стало. Государыня закрыла ему глаза трепетными руками; еще могла подвязать ему своимъ платкомъ подбородокъ, но потомъ ее, почти безчувственную, увели въ другую комнату.

Императоръ Александръ I скончался 19-го Ноября въ 10 часовъ и 50 минутъ утра (по замѣткѣ Вилліе въ 11 ч. 10 м.).

Въ то время о телеграфахъ еще не было и помину; почтамъ довѣрялись не охотно, и потому вѣсть о смерти Александра пронеслась сначала глухимъ, тревожнымъ гуломъ по Россіи. Народъ дрогнулъ. Смутно, неопредѣлительно ожидалъ онъ чего-то недобраго; ходили слухи, что Константинъ Павловичъ отказался отъ престола. Манифестъ 20-го Марта 1820 года о расторженіи брака цесаревича съ великою княгинею Анной Өеодоровной служилъ какъ

---

[1]) Вотъ, между прочимъ, что она писала: Son sourire me prouve qu'il est heureux et qu'il voit des choses plus belles qu'içi bas. (Улыбка его доказываетъ, что онъ счастливъ, что онъ узрѣлъ иное, лучшее, чѣмъ здѣсь на землѣ).

бы подтвержденіемъ слухамъ. Измѣненіе престолонаслѣдія, котораго, впрочемъ, никто положительно не зналъ, пугало людей робкихъ. Къ этому присоединились смутные слухи о существованіи какихъ-то тайныхъ обществъ въ Россіи, о которыхъ будто бы писали и Александру. Были увѣрены, что при немъ онѣ не смѣли бы поднять головы, но кто знаетъ, что̀ случится послѣ него! Вообще, будущее являлось неопредѣленнымъ, полнымъ тревогъ. Но когда извѣстіе о смерти Императора разразилось во всей своей офиціальной истинѣ и было напечатано письмо Императрицы Елизаветы Алексѣевны, тогда одинъ общій вопль народа отвѣчалъ сѣтующей державной вдовѣ. Шествіе погребальной колесницы съ тѣломъ усопшаго Императора сопровождалось цѣлымъ народомъ, стекавшимся изъ отдаленныхъ мѣстъ, — отдать послѣдній долгъ покойному.

Утромъ, 27-го, во время молебствія за здравіе Государя въ большой церкви Зимняго дворца, получено было извѣстіе о постигшемъ Россію несчастіи. Жуковскій былъ въ то время въ церкви, гдѣ Императорская фамилія, съ нѣсколькими приближенными, слушала Божественную службу; Блудовъ — въ Александро-Невской лаврѣ, гдѣ собрались всѣ чиновные люди столицы и гдѣ были толпы народа; оба они оставили свидѣтельство о томъ впечатлѣніи, которое тамъ и здѣсь произвело роковое извѣстіе. Когда, во время самаго молебна, великій князь Николай Павловичъ, котораго вызвали изъ церкви по случаю пріѣзда курьера, вернулся и подалъ знакъ рукой духовенству и пѣвчимъ: «все умолкло, оцѣпенѣло отъ удивленія, но вдругъ всѣ разомъ поняли, что Императора не стало; церковь глубоко охнула, и черезъ минуту все пришло въ волненіе; все слилось въ одинъ говоръ криковъ, рыданія, и плача...» такъ пишетъ Жуковскій. Невозможно выразить отчаянія тутъ же находившейся вдовствующей Императрицы». «Кто привезъ роковое извѣстіе въ церковь Александро-Невской лавры, я не знаю, говорилъ Блудовъ, да едва ли кто изъ присутствующихъ зналъ, только оно съ быстротою электрической искры обошло всѣхъ присутствующихъ и общій вопль, общее рыданіе прервали божественную службу».

Ег. Ковалевскій.

ВОСПОМИНАНІЕ О ТОРЖЕСТВѢ

30 августа 1834 года.

Я готовился быть свидѣтелемъ торжества великолѣпнаго; но торжество, видѣнное мною, превзошло мое ожиданіе. Оно такъ же

колоссально, какъ тотъ памятникъ, передъ которымъ происходило, и какъ Россія, которая вся въ немъ изобразилась. Я чувствовалъ вдохновеніе, но это было не творческое вдохновеніе поэта, украшающее или преобразующее существенность: то было поразительное чувство высокаго, неотдѣлимое отъ предмета, его возбуждавшаго; такое же чувство, какое потрясло мою душу, когда представились мнѣ Альпы, когда я увидѣлъ Римъ посреди его запустѣвшей равнины, когда подходилъ ко храму св. Петра и остановился подъ его изумительнымъ сводомъ. Здѣсь поэзія безмолвна, и близость предмета давитъ воображеніе, напрасно хотящее втѣснить его въ слова и звуки. Здѣсь можно только описывать, и чѣмъ простѣе, чѣмъ вѣрнѣе будетъ описаніе, тѣмъ болѣе будетъ въ немъ поэзіи.

Все соединилось, чтобы дать сему торжеству значительность глубокую. День накануне былъ утомительно-душенъ: къ ночи все небо задернулось громовыми тучами; воздухъ давилъ какъ свинецъ; тучи шумѣли; Нева подымалась, и былъ въ волнахъ ея голосъ; наконецъ запылала гроза: молніи за молніями, зажигаясь въ тысячѣ мѣстахъ, какъ будто стояли надъ городомъ, однѣ зубчатыми стрѣлами крестили небо, другія вспыхивали, какъ багровые снопы, иныя широкимъ пожаромъ зажигали цѣлую массу облаковъ, и въ этомъ безпрестанномъ, быстромъ переходѣ изъ мрака въ блескъ, чудеснымъ образомъ являлись и пропадали зданія, кровли и башни, и вырѣзывались на яркомъ свѣтѣ шатающіяся мачты кораблей, и сверкала громада колонны, которая вдругъ выходила вся изъ темноты, бросала минутную тѣнь на озаренную кругомъ ея площадь и вмѣстѣ съ нею пропадала, чтобъ снова блеснуть и исчезнуть. И въ этомъ явленіи было какое-то невыразимое знаменованіе: невольно испуганная мысль переносилась къ тѣмъ временамъ нашествія вражескаго, когда губительная гроза поднялась надъ Россіею, надъ нею разразилась и быстро исчезла, оставя ей славу и миръ. Было что-то похожее на незыблемость Промысла въ этой колоннѣ, которая, не будучи еще открытою, уже стояла на своемъ мѣстѣ посреди окружающаго ее мрака и бури, твердая, какъ тайная воля спасающаго Бога, дабы на другой день, подъ блескомъ очищеннаго неба, торжественно явиться символомъ совершившагося Божія обѣта.

И, дѣйствительно, это ночная гроза только очистила небо и какъ будто приготовила послѣдовавшее за нею торжество. Солнце на другой день взошло великолѣпно; по свѣтлой лазури еще бродили разорванныя облака, но они не скрывали ни неба, ни солнца. Въ девять часовъ утра уже вся площадь колонны окружена была безчисленными толпами народа; весь Зимній Дворецъ отъ кровли до подошвы, весь экзерциргаузъ, обращенный въ амфитеатръ, все полукруглое зданіе, противолежащее дворцу, коего подошва также

обвита была амфитеатромъ, всѣ смежные съ нимъ домы, весь бульваръ, кровля и высокая башня Адмиралтейства наполнены, унизаны, загромождены были народомъ и представляли зрѣлище удивительное, чудесно оживляемое сіяніемъ солнца, которое безпрестанно скрывалось за облаками и изъ нихъ выходило. И посреди этой одушевленной ограды широкою пустынею простиралась площадь, и длинная тѣнь колонны, на ней уединенно воздвигавшейся съ покровеннымъ своимъ пьедесталомъ, непримѣтно передвигалась по свѣтлому дну ея, какъ будто знаменуя идущее время.

А между тѣмъ вблизи, никому непримѣтно, стояла въ ружьѣ стотысячная армія. И никакое перо не можетъ описать величія той минуты, когда, по тремъ пушечнымъ выстрѣламъ, вдругъ изъ всѣхъ улицъ, какъ будто изъ земли рожденныя, стройными громадами, съ барабаннымъ громомъ, подъ звукомъ Парижскаго марша, пошли колонны Русскаго войска: вдругъ тишина обратилась во что-то не имѣющее имени; это было не шумъ, не гулъ, не звукъ, но тяжкій, мѣрный, потрясающій душу шагъ, спокойное приближеніе силы, непобѣдимой и въ то же время покорной. Густыми волнами лилося войско и заливало площадь, но въ этомъ разливѣ былъ изумительный порядокъ; глаза видѣли многочисленность и огромность движущейся массы, но самое разительное въ этомъ зрѣлищѣ было то, чего не могли видѣть глаза: тайное присутствіе воли, которая все однимъ мановеніемъ двигала и направляла. Войска сошлись, построились; Государь, объѣхавъ ряды ихъ, сталъ противъ колонны, имѣя подлѣ себя Принца Вильгельма Прусскаго; и въ эту минуту на дворцовомъ балконѣ явились хоругви, вслѣдъ за ними священный соборъ и Государыня Императрица со всѣмъ Императорскимъ Домомъ; войска отдали честь: одна быстрая молнія блеснула по всѣмъ оружіямъ, однимъ общимъ потрясеніемъ дрогнули всѣ колонны, и продолжительный громъ барабановъ покатился какъ чудное эхо. И трепетъ благоговѣнія проникнулъ душу, когда вдругъ съ начавшимся молебствіемъ невыразимая тишина повсемѣстно распространилась. Небо было чисто; солнечный свѣтъ спокойно лежалъ на неподвижномъ войскѣ, на тихомъ народѣ и на колоннѣ, которая лучезарнымъ, крестоноснымъ своимъ ангеломъ ярко отражалась отъ лазури небесной. И въ этой тишинѣ всѣмъ слышная молитва священнослужителя съ повременнымъ торжественнымъ пѣніемъ клира; и въ общемъ колѣнопреклоненіи войска, народа и передъ ними ихъ Государь: чудесное сліяніе земнаго могущества, простертаго въ прахъ, съ таинственнымъ могуществомъ креста, надъ нимъ восходящаго; и невидимое соприсутствіе чего-то безъименнаго, чего-то выражающаго все, что намъ драгоцѣнно, чего-то шепчущаго душѣ: *Россія, слава минувшая, слава грядущая;* нако-

нецъ умилительное слово *вѣчная память* и имя Александра, и вслѣдъ за нимъ упавшая завѣса коллоны, и громозвучное продолжительное *ура*, соединенное съ залпами пяти сотъ пушекъ, отъ которыхъ весь воздухъ превратился въ торжественную бурю славы.... для изображенія такой минуты нѣтъ словъ, и самое воспоминаніе о ней уничтожаетъ дарованіе описателя. Нельзя было смотрѣть безъ глубокаго душевнаго умиленія на Государя, смиренно стоящаго на колѣняхъ впереди сего многочисленнаго войска, сдвинутаго словомъ Его къ подножію сооруженнаго имъ колосса. Онъ молился о братѣ и все въ эту минуту говорило о земной славѣ сего Державнаго Брата: в монументъ, носящій Его имя, и колѣнопреклоненная Русская армія, видавшая Его въ такія великія минуты передъ своими рядами, и народъ, посреди котораго Онъ жилъ, благодушный, всѣмъ доступный, и трогательное присутствіе сего принца Прусскаго, который представлялъ намъ цѣлую дружественную націю съ благороднымъ ея Государемъ, сподвижникомъ нашего Александра, и самое воспоминаніе, въ коемъ возобновлялись времена минувшія: Бородино, роковая слава Москвы, всенародный Лейпцигскій бой, Парижъ, Наполеоновъ гробъ, обхваченный океаномъ — все, все говорило объ Немъ, а Его самого тутъ не было; и сіе отсутствіе погружало душу въ какую-то невыразимую задумчивость: она какъ будто чувствовала, что близко то мѣсто, мѣсто уединенное, мѣсто покоя, безмолвія и мрака, гдѣ Царь великій спитъ во гробѣ; и невольно перелетала она въ тотъ далекій, столь прежде незнаменитый уголокъ Россіи [1]), гдѣ тамъ смиренно, такъ въ сторонѣ отъ всякаго блеска царской славы, на рукахъ одной сокрушенной супруги, закрылъ Онъ глаза, и откуда совершилъ послѣдній свой путь чрезъ Россію, затворенный во гробѣ и безотвѣтный на призывающій Его голосъ народа. Какъ поразительна была въ эту минуту сія противоположность житейскаго величія, пышнаго, но скоропреходящаго, съ величіемъ смерти, мрачнымъ, но неизмѣннымъ; и сколь краснорѣчивъ былъ въ виду того и другаго сей ангелъ, который непричастно всему, что окружало его, стоялъ между землею и небомъ, принадлежа одной своимъ монументальнымъ гранитомъ, изображающимъ то, чего уже нѣтъ, а другому—лучезарнымъ своимъ крестомъ, символомъ того, что всегда и навѣки. По совершеніи молебствія начался ходъ вокругъ монумента; первосвятитель окропилъ его святою водою; и вслѣдъ за симъ, по одному слову всколебались всѣ колонны арміи; съ невѣроятною быстротою вся площадь очистилась; на ступеняхъ монумента остались одни немногіе ветераны Александровой арміи, прежде храбрые участники славныхъ битвъ Его времени, теперь заслужен-

[1]) Таганрогъ.

ные часовые великаго Его монумента. Начался церемоніальный маршъ: Русское войско пошло мимо Александровой колонны; два часа продолжалось сіе великолѣпное, единственное въ мірѣ зрѣлище; наконецъ войска прошли; звукъ оружія и громъ барабанный умолкли; народъ на ступеняхъ амфитеатровъ и на кровляхъ зданій исчезъ. Въ вечеру долго по улицамъ освѣщеннаго города бродили шумящія толпы; наконецъ освѣщеніе угасло; улицы опустѣли; на безлюдной площади остался величественный колоссъ одинъ съ своимъ часовымъ и все было спокойно въ сумракѣ ночи; лишь только на темномъ, звѣздами усыпанномъ, небѣ, въ блескѣ луны сіялъ крестоносный Ангелъ.

Такъ миновалось видѣніе удивительнаго дня сего: душа, имъ взволнованная, долго не могла утихнуть, какъ море послѣ бури, но море, коего каждая волна имѣла какой-то великій образъ. И дѣйствительно, то, что мы видѣли въ этотъ чудный день, было не одно торжество кратковременное, но все наше минувшее, вдругъ передъ нами повторенное. Чему надлежало совершиться въ Россіи, чтобы въ такомъ городѣ, такое собраніе народа, такое войско могли соединиться у подножія такой колонны? Тамъ, на берегу Невы, подымается скала, дикая и безобразная, и на той скалѣ всадникъ, столь-же почти огромный, какъ сама она; и этотъ всадникъ, достигнувъ высоты, осадилъ могучаго коня своего на краю стремнины; и на этой скалѣ написано Петръ, и рядомъ съ нимъ Екатерина; и въ виду этой скалы воздвигнута нынѣ другая несравненно огромнѣе, но уже не дикая, изъ безобразныхъ камней набросанная громада, а стройная, величественная, искусствомъ округленная, колонна; и ей подножіемъ служатъ бронзовые трофеи войны и мира; и на высотѣ ея уже не человѣкъ скоропреходящій, а вѣчный сіяющій Ангелъ; и подъ крестомъ сего Ангела издыхаетъ то чудовище, которое тамъ, на скалѣ, полураздавленное, извивается подъ копытами конскими; и между сими двумя монументами (вокругъ которыхъ подъемлются зданія великолѣпныя, и Нева кипитъ всемірною торговлею) однимъ мановеніемъ царскимъ сдвинута была стотысячная армія; и въ этой стотысячной арміи подъ одними орлами и Русскій и Полякъ, и Ливонецъ и Финнъ, и Татаринъ и Калмыкъ, и Черкесъ и боецъ Закавказскій; и эта армія прошла отъ Торнео до Арарата, отъ Парижа до Адріанополя, и громкому ура ея отвѣчали пушки съ кораблей Чесмы [1]) и Наварина [2])…. Не

[1]) *Чесма* — портовый городъ у западнаго берега Малой Азіи, насупротивъ острова Хіоса. Здѣсь въ 1770 году, съ 25 на 26 іюля, произошло морское сраженіе, въ которомъ Орловъ, Спиридовъ и Грейгъ сожгли цѣлый Турецкій флотъ. Начальствовалъ нашими силами Орловъ.

[2]) *Наваринъ* (Неокастронъ) — портовый городъ на югозап. берегу Мореи,

вся-ли это Россія? Россія, созданная вѣками, бѣдствіями, побѣдою? Россія, прежде безобразная скала, набросанная медленнымъ временемъ, мало по малу, подъ громомъ древнихъ междоусобій, подъ шумомъ Половецкихъ набѣговъ, подъ гнетомъ Татарскаго ига, въ бояхъ Литовскихъ, сплоченная самодержавіемъ, слитая воедино и обтесанная рукою Петра, и нынѣ стройная, единственная въ свѣтѣ своею огромностію колонна? И Ангелъ, вѣнчающій колонну сію, не то ли онъ знаменуетъ, что дни боеваго созданія для насъ миновались, что все для могущества сдѣлано, что завоевательный мечъ въ ножнахъ и не иначе выйдетъ изъ нихъ, какъ только для сохраненія; что наступило время созданія мирнаго; что Россія, все свое взявшая, извнѣ безопасная, врагу недоступная или погибельная, не страхъ, а стражъ породнившейся съ нею Европы, вступила нынѣ въ новый великій періодъ бытія своего, въ періодъ развитія внутренняго, твердой законности, безмятежнаго пріобрѣтенія всѣхъ сокровищъ общежитія; что, опираясь всѣмъ Западомъ на просвѣщенную Европу, всѣмъ Югомъ на богатую Азію, всѣмъ Сѣверомъ и Востокомъ на два океана, богатая и бодрымъ народомъ и землею для тройнаго народонаселенія, и всѣми дарами природы для животворной промышленности, она, какъ удобренное поле, кипитъ брошенною въ нѣдра ея жизнію, и готова произрастить богатую жатву гражданскаго благоденствія, ввѣренная самодержавію, коимъ нѣкогда была создана и упрочена ея сила и коего символъ нынѣ воздвигнутъ передъ нею Царемъ ея въ лицѣ сего крестоносна̀го Ангела, а имя его: *Божія Правда*.

В. Жуковскій [1]).

Темы. — *Приступъ* къ описанію: — его существенныя мысли, личныя воспоминанія Жуковскаго. — *Канунъ* празднества: — описаніе грозы, колонны, — смыслъ, придаваемый писателемъ грозѣ и колоннѣ. — *Описаніе самаго дня открытія памятника.* — Составныя части описанія: солнце и небо, площадь передъ колонною, войско, Государь, церковное шествіе, появленіе Высочайшихъ особъ, честь имъ отъ войска, молебствіе, упавшая завѣса колонны, залпы изъ пушекъ, личныя чувства писателя, воспоминаніе объ Александрѣ I, противоположность между величіемъ земнымъ и величіемъ смерти, Ангелъ, — смыслъ придаваемый ему поэтомъ, — дѣйствія послѣ молебствія, вечеръ и ночь. — *Смыслъ событія:* — все бывшее въ этотъ день представляетъ образъ всей нашей прошедшей и настоящей исторіи. Эта идея раздѣлена на двѣ части: въ первой части изображается памятникъ Петру Великому (въ немъ воплощено, по объясненію Жуковскаго, все наше минувшее); во второй части описывается Александров. колонна

извѣстенъ морскою побѣдою, одержанной 8 окт. 1827 г. Англо-Французо-*Русскимъ* флотомъ надъ Египетско-Турецкимъ.

[1]) *В. А. Жуковскій* род. 1783, ум. 1852 года. — Разныя его сочиненія напечатаны въ I, II и III т. нашей Хрестоматіи.

(она служитъ символомъ, знаменіемъ настоящаго величія Россіи). — **Затѣмъ** можно задать воспитанникамъ слѣд. вопросы: О какихъ историческихъ событіяхъ говорится въ предложенной статьѣ? Что вы знаете о «громѣ древнихъ междоусобій?» — «О шумѣ Половецкихъ набѣговъ?» — О «гнетѣ Татарскаго ига»? — Что вы знаете «о бояхъ Литовскихъ?» — На какія историческія событія указываетъ Жуковскій, когда говоритъ: «И эта армія прошла отъ Торнео до Арарата, отъ Парижа до Адріанополя?» — Какъ надо понимать выраженіе: «Россія, созданная вѣками, бѣдствіями, побѣдою?» — Удачно ли писатель представляетъ Россію до Петра «безобразною скалою?» — Укажите въ статьѣ на примѣры описанія, разсказа, — на образцы троповъ: синекдохи, олицетворенія, на образцы періодической рѣчи.

ОРАТОРСКІЯ СОЧИНЕНІЯ.

ДРЕВНЯЯ ОРАТОРСКАЯ РѢЧЬ.

Понятіе объ ораторской рѣчи. — Задача ораторской рѣчи — *убѣдить умъ* [1]) слушателей и *расположить волю* ихъ къ извѣстному образу дѣйствій. Ораторство называется иначе краснорѣчіемъ, витійствомъ (или вѣтійствомъ — отъ слова вѣщать, оттуда — возвѣщать).

Значеніе оратора въ древности. — У Грековъ и Римлянъ ораторъ былъ лицемъ общественнымъ, государственнымъ. Онъ, по словамъ *Цицерона*, долженъ былъ обо всемъ, что ни случается въ жизни человѣка, вопрошать, слышать, читать, разсуждать; потому—на его обязанности лежало не только возбуждать народъ къ войнѣ, или склонять его къ миру, но и разсуждать, какъ говоритъ *Квинтиліанъ*, объ устройствѣ пристани, о мѣрахъ и числахъ; ораторъ долженъ, какъ пишетъ Цицеронъ, говорить о пособіяхъ, податяхъ, набранныхъ по назначенію сената; ораторъ указывалъ на необходимость ввести новый законъ, или отмѣнить старый; онъ бралъ на себя защиту или обвиненіе гражданина. Древняя рѣчь произносилась или въ народныхъ собраніяхъ (на вѣчахъ), или въ сенатѣ; она походила на состязаніе оратора съ народомъ. Ораторъ иногда говорилъ рѣчь при воплахъ мятежнаго народа и посреди вооруженныхъ воиновъ, какъ то случилось съ Цицерономъ при производствѣ суда надъ Милономъ,—иногда въ присутствіи сильныхъ, коимъ говорить правду было не безопасно, напр. рѣчь Цицерона противъ Катилины. (Въ сенатѣ находились заговорщики, сообщники Кати-

---

[1]) *Платонъ* въ разговорѣ «Горгій» называетъ краснорѣчіе *δημιουργὸς πειθοῦς*, *Аристотель* въ «Риторикѣ» — орудіемъ убѣжденія, а *Цицеронъ* — facultas dicendo persuadendi.

лины; самъ Цезарь былъ на ихъ сторонѣ). Ораторы оборотами рѣчи до того увлекали слушателей, что отъявленныхъ враговъ преклоняли на свою сторону; Цицерону иногда рукоплескали (за дѣло Корнелія Бальба). Въ древности краснорѣчіе пролагало путь къ самымъ высшимъ и почетнѣйшимъ должностямъ. Пизистрату, современнику Солона (въ VI вѣкѣ до Р. Х.), краснорѣчіе доставило верховную власть между Аѳинянами; Периклъ, въ продолженіи сорока лѣтъ управлявшій Аѳинами, обязанъ своимъ возвышеніемъ сколько мудрости гражданственной, столько же (если еще не болѣе) могуществу и силѣ витійства; Димосѳенъ, увлекавшій тысячи народа за собою, исправлявшій высокія обязанности въ Аѳинахъ, имѣлъ на своей сторонѣ только одно преимущество, даръ краснорѣчія; Цицеронъ назваченъ консуломъ, названъ «отцемъ отечества», единственно благодаря могучему таланту ораторскому. Въ древности существовалъ цѣлый разрядъ людей (онъ явился послѣ Перикла), называемый *риторами*, *софистами*, которые преподавали правила краснорѣчія; составлена была полная система или теорія ораторской рѣчи: она называлась *риторикою*. Но не въ школахъ, и не въ тиши кабинета образовали даръ свой знаменитые ораторы древности—Пизистратъ, Периклъ, Димосѳенъ, а среди государственныхъ дѣлъ и преній о благѣ общемъ, въ шумныхъ народныхъ собраніяхъ, гдѣ люди всѣхъ состояній бывали слушателями и судіями. «Огромнѣйшія наши аудиторіи, — говоритъ профессоръ Давыдовъ,—не могутъ сравниться съ тѣми необъятными площадями совѣщательныхъ собраній, гдѣ произносились опредѣленія, рѣшалась участь государствъ, превозносилось могущество Греціи или Рима, предлагались или отмѣнялись законы». (Чтенія о Словесности. М. 1838. Курсъ I, стр. 107). Общія правила краснорѣчія будущій ораторъ, конечно, проходилъ у ритора, напр. Димосѳенъ учился у Изея, но могущество слова образовывалось самою жизнію, публичными преніями въ народныхъ собраніяхъ.

Свойства древняго оратора. — На свойства древняго оратора указываютъ Цицеронъ и Квинтиліанъ. Ораторомъ можетъ быть только добродѣтельный человѣкъ, говоритъ Цицеронъ [1]). Онъ долженъ быть воспламененъ какъ молнія, быстръ какъ потокъ, силенъ какъ буря (vehemens ut procella, excitatus ut torrens, incensus ut fulmen, tonat, fulgurat et rapidis eloquentiae fluctibus cuncta proruit et proturbat). Никто не можетъ быть истиннымъ ораторомъ, пишетъ

[1]) А самъ хвалился, что, защищая дѣло Клуенція, онъ мракомъ окружилъ судей. *Квинтиліанъ* не считаетъ лжи и страсти за вредныя свойства, лишь бы онѣ были совершены съ добрымъ намѣреніемъ: ибо говорить неправду и мудрымъ позволительно. Такія неправильныя воззрѣнія составляютъ, конечно, исключеніе изъ общаго правила.

тотъ же витія, не усвоивъ напередъ *всѣхъ* великихъ наукъ и искусствъ [1]. Далѣе отъ оратора требовалась *искренность*, т. е. глубокое убѣжденіе въ томъ, о чемъ онъ говоритъ передъ народомъ. Собственное внутреннее чувство оратора даетъ силу его словамъ, взорамъ, тѣлодвиженіямъ, произношенію. *Квинтиліанъ* пишетъ: «Когда хотимъ выразить страсть другаго, мы должны поставить самихъ себя на мѣсто того, кого изображаемъ; пусть рѣчь наша изливается изъ того же чувства, какое вдохновляемъ въ слушателей. Уже ли будутъ они соболѣзновать тому, о чемъ мы говоримъ хладнокровно? Ужели заставимъ плакать, если сами равнодушны?» Квинтиліанъ чистосердечно сознается, какъ онъ самъ бывалъ растроганъ, когда представлялъ страданія тѣхъ, кого ему приходилось защищать: «Я самъ бывало умилялся, до того, что не только проливалъ слезы, но измѣнялся въ лицѣ, и скорбѣлъ непритворно, чистосердечно». Касательно изложенія рѣчи, или слога, — древніе учители краснорѣчія почти единогласно требуютъ отъ оратора простоты, безъискусственности, а не изысканныхъ и напыщенныхъ оборотовъ. *Цицеронъ* пишетъ: «что можетъ быть чудовищнѣе пустаго звона словъ, хотя бы самыхъ красивыхъ, если только не соединено съ ними никакой мысли, никакого знанія?» *Діонисій Галикарнасскій* говоритъ: «Высшее витійство въ политическихъ преніяхъ близко подходитъ къ природѣ, а природа требуетъ, чтобы слово повиновалось мысли, а не мысль слову. Не знаю, къ чему могутъ служить эти украшенія, сценическая декламація, всѣ эти мелочи для совѣтодателя, говорящаго о войнѣ и мирѣ, или для человѣка частнаго, защищающаго свою жизнь въ судилищѣ. Напротивъ, знаю, что они могутъ вредить; потому что украшенія излишнія, въ дѣлахъ важныхъ, всегда бываютъ некстати и охлаждаютъ чувство сострадація». У истинныхъ ораторовъ украшенія въ рѣчи были естественнымъ проявленіемъ силы чувства и игры воображенія, они сами собою входили въ рѣчь, а не сочинялись, не выдумывались. Итакъ главными свойствами древняго оратора были: добродѣтель, воодушевленіе, образованность, искренность и простой языкъ.

Роды ораторскаго краснорѣчія. — Въ древности существовало три рода краснорѣчія: *совѣщательное* (или политическое), *повѣ-*

[1] Mea quidem sententia nemo poterit esse omni laude cumulatus orator, nisi erit *omnium rerum magnarum atque artium scientiam* consecutus. Etenim ex rerum cognitione efflorescat et redundet oportet oratio: quae nisi subest res ab oratore percerta et cognita, inanem habet quandam elocutionem et paene puerilem: (по моему мнѣнію никто не можетъ быть достойнымъ полной хвалы ораторской, не усвоивъ напередъ познанія всѣхъ великихъ наукъ и искусствъ. Ораторская рѣчь должна разцвѣтать (возникать) изъ положительнаго знанія вещей: за отсутствіемъ такого знанія ораторъ будетъ пустымъ болтуномъ, и произведенія его превратятся въ дѣтское лепетанье). *De oratore*, cap. VII, lib. I.

ствовательное (или описательное, изобразительное) и *судебное*. Предметомъ совѣщательныхъ рѣчей служили дѣла общественныя, напр. объявленіе войны, заключеніе мира, введеніе новыхъ общественныхъ мѣръ, принятіе или отмѣна новаго закона, поощреніе какой-нибудь отрасли въ народной жизни (торговли, промысла); въ рѣчахъ повѣствовательныхъ (или описательныхъ) излагалась похвала извѣстному лицу за услуги, оказанныя имъ отечеству (рѣчи привѣтственныя, похвальныя—панегирики, надгробныя); рѣчи судебныя имѣли цѣлію обвинить или защитить гражданина во имя закона. Эти три рода краснорѣчія сохранили свою силу до нашего времени. Во времена христіанскія образовался новый родъ ораторскаго краснорѣчія, — краснорѣчіе *духовное* или церковное. Указанные четыре рода витійства объемлютъ всѣ виды краснорѣчія, существующаго теперь у разныхъ народовъ.

Составныя части древней ораторской рѣчи. — Аристотель, Цицеронъ и прочіе древніе риторы приписывали всю силу ораторскаго убѣжденія *умозаключенію*. Дѣйствительно, древняя рѣчь, въ основаніи своемъ, заключала скрытое умозаключеніе (силлогизмъ). Возьмемъ въ примѣръ сущность рѣчи Цицерона за поэта Архія. Въ ней слѣдовало доказать двѣ мысли: во-первыхъ, что Архій гражданинъ; во-вторыхъ, что еслибъ онъ и не былъ гражданиномъ, достоинъ этого отличія. Значитъ здѣсь два основныхъ умозаключенія: въ первомъ бо́льшая посылка состоитъ въ указаніи требованій закона на право Римскаго гражданства; въ меньшей доказывается, что Архій выполнилъ всѣ эти требованія; во второмъ умозаключеніи бо́льшая посылка выражаетъ мысль, что ученые и поэты достойны права гражданства, въ меньшей посылкѣ изображенъ Архій, какъ ученый и поэтъ. Образцомъ ораторской силлогистики можетъ служить рѣчь того же Цицерона за Росція Америна. *Бо́льшая посылка:* подозрѣніе въ убійствѣ можетъ имѣть мѣсто только въ такомъ случаѣ, когда есть и поводъ къ учиненію сего преступленія и предполагаются всевозможные къ тому случаи. — *Меньшая посылка:* Росцій не имѣлъ ни причины, ни возможности убить отца своего; а враги и обвинители его имѣли и то и другое. — *Заключеніе:* слѣдовательно не на Росція, а на самихъ обвинителей должно падать подозрѣніе въ убіеніи отца его. Бо́льшая посылка въ ораторской рѣчи весьма часто оставляется безъ доказательствъ: ибо доказывать мысль извѣстную, по словамъ Квинтиліана, значитъ то же самое, что освѣщать свѣтлое солнце слабымъ блескомъ лампады. Въ предложенной рѣчи на Росція Америна бо́льшая посылка опущена Цицерономъ, такъ какъ мысль, въ ней выраженная, понятна сама по себѣ; ораторъ всю силу вниманія остановилъ на заключеніи умозаключенія и меньшей посылкѣ.

Изъ основнаго умозаключенія развиваются всѣ части ораторской рѣчи; меньшая посылка служитъ основаніемъ для раздѣленія и повѣствованія, а бо́льшая — для опроверженій и доводовъ; естественно въ заключеніи повторяется предложеніе, обозрѣваются доказательства въ живой картинѣ, сверхъ того ораторъ въ началѣ объясняетъ причину доказываемой истины. Отсюда происходятъ слѣдующія части ораторской рѣчи: *приступъ*, *предложеніе*, *раздѣленіе*, *повѣствованіе*, *доводы*, часть *патетическая* и *заключеніе*. Не каждая древняя рѣчь содержитъ въ себѣ всѣ поименованныя части, и не въ каждой рѣчи онѣ слѣдуютъ одна за другою въ порядкѣ, указанномъ нами; но правильно, по теоріи составленная рѣчь непремѣнно имѣла въ себѣ всѣ тѣ части, о которыхъ сказано. Теперь нѣсколько словъ о каждой части особо.

Приступъ имѣетъ цѣлію объяснить причину рѣчи, поводъ къ ней а также—привлечь вниманіе слушателей, благосклонность и расположеніе. Въ приступѣ, напримѣръ, за поэта Архія Цицеронъ показываетъ, чѣмъ онъ обязанъ Архію, какъ наставнику своему, отъ котораго получилъ все, что принесъ на пользу отечеству. Изящный приступъ зависитъ отъ самой сущности предмета: «онъ долженъ, говоритъ Цицеронъ, развиваться изъ предмета, какъ цвѣтъ изъ растенія». Древніе различали три рода приступа: *естественный*, *искусственный* и *внезапный*. Въ приступѣ перваго рода ораторъ, безъ всякихъ околичностей, начиналъ свою рѣчь прямо съ предмета, съ дѣла, о которомъ намѣренъ былъ говорить; въ приступѣ искусственномъ витія постепенно подготовлялъ слушателей къ главной темѣ своей рѣчи. Примѣромъ искусственнаго приступа можетъ служить рѣчь Цицерона противъ Рулла. Руллъ, народный трибунъ, предложилъ законъ (lex agraria), по которому децемвиры могли въ теченіи пяти лѣтъ раздѣлить завоеванныя земли между Римскими гражданами. Цицеронъ, недавно избранный въ консулы, рѣшился возстать противъ такого закона. Ему надобно было здѣсь вести дѣло весьма искусно. Читая приступъ рѣчи Цицероновой, сначала никакъ не подумаешь, что онъ — противъ закона Рулла; ораторъ сознается, что прежде и самъ онъ соглашался съ этимъ мнѣніемъ, а по зрѣломъ размышленіи дошелъ до убѣжденія, что названный законъ угрожаетъ нарушеніемъ правъ гражданскихъ и можетъ быть гибеленъ для Рима въ рукахъ честолюбцевъ. Затѣмъ витія проситъ вниманія къ своему слову и высказывается противъ закона Рулла. Народъ согласился съ Цицерономъ.—Бываютъ приступы внезапные (ex abrupto). Они дозволительны тогда, когда предметъ возбуждаетъ особенно сильное, потрясающее чувство въ ораторѣ и народѣ. При появленіи Катилины въ Сенатъ Цицеронъ имѣлъ полное право такъ начать свою рѣчь: «И такъ доколѣ, Катилина, будешь употреблять

во зло наше терпѣніе?» — Приступъ — начало рѣчи, первое слово оратора къ народу, или собранію. Въ немъ ораторъ — такъ какъ первое впечатлѣніе очень важно, — долженъ быть скромнымъ — но скромнымъ безъ униженія: пусть ободряетъ его достоинство предмета, о которомъ намѣренъ говорить. Иногда знаменитые ораторы теряли присутствіе духа, начиная приступъ. «Начиная рѣчь, — пишетъ Цицеронъ про себя, — я часто робѣлъ: лице блѣднѣло, духъ смущался, я весь дрожалъ. Однажды въ приступѣ я пришелъ въ совершенное безпамятство, и преторъ принужденъ былъ распустить собраніе».

Предложеніе заключаетъ въ себѣ главное содержаніе всей рѣчи: оно излагается, сколь возможно, кратко и ясно.

Раздѣленіе содержитъ въ себѣ весь порядокъ рѣчи. Ораторъ, раздѣляя сочиненіе на части, облегчаетъ вниманіе слушателей: они яснѣе видятъ связь предыдущаго съ послѣдующимъ. Въ раздѣленіи слѣдуетъ исчислять всѣ части такъ, чтобы члены дѣленія, вмѣстѣ взятыя, равнялись цѣлому содержанію рѣчи; необходима, кромѣ того, въ раздѣленіи постепенность, т. е. переходъ отъ простыхъ предметовъ къ труднѣйшимъ; части дѣленія должны быть выражены кратко и вразумительно. *Карамзинъ* въ похвальномъ словѣ Екатеринѣ II представляетъ такое дѣленіе: «Сограждане! Екатерина безсмертна своими *побѣдами*, мудрыми *законами* и благодѣтельными *учрежденіями*: взоръ нашъ слѣдуетъ за Нею на сихъ *трехъ* путяхъ славы».

Повѣствованіе есть изложеніе обстоятельствъ дѣла. «Темный разсказъ, — говоритъ Цицеронъ — омрачаетъ цѣлую рѣчь». Повѣствованіе должно отличаться особенною ясностію, дабы слушатели отчетливо представляли весь ходъ дѣла и могли быть убѣждены послѣдующими доводами. Для ясности въ повѣствованіи необходимо обстоятельное обозначеніе мѣста и времени, гдѣ и когда происходило происшествіе, — необходимо указаніе на лица, участвовавшія въ событіи, или бывшія его свидѣтелями, — необходимо опредѣленіе ихъ характеровъ. Образецъ ораторскаго повѣствованія представляетъ рѣчь Цицерона за Милона. Ораторъ имѣетъ цѣлію доказать, что Клодій убитъ Милономъ безъ всякаго предварительнаго злоумышленія, — что онъ убилъ Клодія, защищая свою собственную жизнь и слѣдоват. не подлежитъ никакой отвѣтственности по закону. Всѣ обстоятельства дѣла разсказаны Цицерономъ весьма искусно. Повѣствуя о путешествіи Милона съ семействомъ, ораторъ такъ мастерски ведетъ разсказъ, что слушатель не предполагаетъ въ Милонѣ никакого преступнаго умысла. Встрѣчаются два противника: Клодій и Милонъ. Служители Клодія нападаютъ на людей Милона и одного изъ нихъ убиваютъ. Ничего подобнаго не

предполагалъ Милонъ: онъ сбрасываетъ съ себя плащъ и начинаетъ защищаться отъ людей Клодія, которые со всѣхъ сторонъ его окружили. Въ общемъ смятеніи люди Милона, опять таки защищая свою жизнь, убили Клодія, и убили безъ вѣдома своего господина, безъ всякаго его въ этомъ дѣлѣ участія. Но приведемъ отрывокъ въ подлинникѣ: «Въ этотъ день Милонъ вышелъ изъ сената, по окончаніи всѣхъ дѣлъ, пришелъ домой, переодѣлся и ожидалъ, пока супруга его собиралась въ дорогу; наконецъ отправился въ путь въ ту пору, когда Клодій могъ бы возвратиться въ Римъ, если бы онъ хотѣлъ прибыть въ этотъ самый день. Милонъ встрѣчаетъ Клодія, легко одѣтаго, верхомъ, безъ повозки, безъ свиты, даже безъ жены, которая обыкновенно ѣзжала съ нимъ; между тѣмъ какъ тотъ, который обвиняется въ злоумышленіи противъ него, и будто предпринялъ путешествіе нарочно съ тѣмъ, чтобъ умертвить его, въ повозкѣ, съ тяжелымъ обозомъ, съ многолюдною свитою и семействомъ».

Доводы составляютъ философскій элементъ въ рѣчи; они построиваются на убѣжденіяхъ разума. Въ доводахъ представляются три предмета: изобрѣтеніе доказательствъ, расположеніе и выраженіе ихъ. Древніе риторы все вниманіе свое обращали на изобрѣтеніе мыслей: отсюда произошли такъ называемые *топики*, или общія мѣста (loci communes, sedes argumentorum). Эти топики состояли изъ общихъ мыслей, годныхъ на всякій случай, напр. родъ и видъ, причина и дѣйствіе, подобіе и противоположеніе, опредѣленіе и пр.—Въ похвальныхъ напр. словахъ слѣдовало указать на рожденіе героя, его родителей, родину, воспитаніе, душевныя и тѣлесныя свойства, должность, имущество и пр. Софисты на всѣ роды рѣчей составили особыя правила, а подробное приложеніе логики къ древнему краснорѣчію дошло до насъ въ сочиненіяхъ *Аристотеля* [1]) *Цицерона* [2]) и *Квинтиліана* [3]). Все изобрѣтеніе состоитъ въ развитіи понятій, которыя служатъ основаніемъ всей рѣчи, или тому умозаключенію, на которомъ она зиждется. Въ расположеніи доказательствъ употреблялось два способа: *аналитическій* и *синтетическій*. Въ первомъ способѣ ораторъ восходилъ отъ частнаго къ общему, отъ явленій къ законамъ, отъ дѣйствій къ причинамъ— короче не прямо показывалъ цѣль свою, а постепенно подготовлялъ слушателей къ ней, а во второмъ способѣ витія прямо опредѣлялъ цѣль свою, отъ общаго переходилъ къ частному, отъ причинъ къ явленіямъ.

---

[1]) Риторика его, въ трехъ книгахъ.

[2]) De inventione; Topica; de Oratore L. II.

[3]) Institutiones Oratoriae.

Прекрасный примѣръ распространенія доказательства находимъ въ рѣчи Цицерона за Милона. Ово взято отъ обстоятельствъ времени. Милонъ былъ въ числѣ кандидатовъ консульства, а Клодій убитъ за нѣсколько дней передъ выборами. Ораторъ спрашиваетъ: можно ли предполагать въ Милонѣ, при этихъ обстоятельствахъ, такое безуміе? можно ли подумать, чтобъ онъ покусился на ненавистное убійство, чѣмъ могъ отвратить отъ себя любовь народа, которою онъ столько дорожилъ? Съ перваго взгляда этотъ доводъ кажется уважительнымъ; ораторъ на немъ останавливается и живописно изображаетъ безпокойныя ожиданія кандидатовъ во время выборовъ. «Мнѣ знакомы чувства робости, безпокойства и заботливости тѣхъ, которые домогаются почестей. Въ это время боимся не только явныхъ осужденій, но и тайныхъ мыслей о себѣ; страшимся слуховъ, молвы вымышленной и ложной; наблюдаемъ лица всѣхъ и смотримъ всѣмъ въ глаза. Расположеніе и любовь народа непостоянна и перемѣнчива; она не только отвращается отъ порочныхъ, но часто негодуетъ на похвальныя дѣла избираемыхъ». Изъ этого ораторъ заключаетъ: «Милонъ, съ нетерпѣніемъ ожидавшій торжественнаго дня собранія народнаго на Марсовомъ полѣ, уже-ли съ обагренными кровью руками приступалъ къ дѣйствію, столь священному? Какъ не вѣротно это нъ такомъ человѣкѣ»?

Патетическая часть (страстная) имѣла цѣлію тронуть сердце слушателей. Патетическій происходитъ отъ слова *πάθος* — страсть (пафосъ). Древніе весьма тщательное вниманіе обращали на эту часть рѣчи; они подробно опредѣлили (напр. Аристотель въ своей Риторикѣ) характеръ каждой страсти, а равно и то, *чѣмъ* и *какъ* ее возбуждать или утолять [1]). Для вѣрнаго возбужденія страсти (пафоса), надо живописно и разительно изобразить предметъ, — а главное — надо самому находиться въ состояніи потрясенномъ, взволнованномъ силою предмета. А такъ какъ сильныя и глубокія чувства не продолжительны, — то патетическая часть рѣчи не можетъ быть длинна. Краткость и сила — отличительныя ея свойства.

Возьмемъ для примѣра одно мѣсто изъ Цицерона. Въ послѣдней рѣчи противъ Верреса онъ описываетъ жестокости, оказанныя этимъ правителемъ Сициліи Римскому гражданину Гавію. Несчастный заключенъ былъ Верресомъ въ темницу, откуда спасся бѣгствомъ, и скрылся въ Мессину. Уже собираясь отплыть, имѣлъ неосторожность угрожать Верресу, говоря, что лишь только прибудетъ онъ въ Римъ, Верресъ услышитъ о немъ и будетъ призванъ дать отвѣтъ. Начальникъ Мессины, кліентъ Верресовъ, остановилъ

---

[1]) У насъ *Ломоносовъ* въ своей Риторикѣ весьма обстоятельно развилъ этотъ предметъ. Глава о возбужденіи и утоленіи страстей — лучшая въ его руководствѣ.

Гавія и увѣдомилъ правителя о его угрозахъ. Верресъ, отблагодаривъ начальника Мессины за его вѣрность, въ бѣшенствѣ прибѣгаетъ на вѣче, велитъ привести туда Гавія; сзываетъ исполнителей казни, и, забывъ должное уваженіе къ законамъ и правиламъ Римскихъ граждань, приказываетъ обнажить Гавія, связать и тѣлесно наказать, всенародно, съ ужаснымъ ожесточеніемъ. «Тѣлесно наказанъ,— восклицаетъ Цицеронъ,—на вѣчѣ Мессинскомъ, гражданинъ Римскій, судіи!» Тутъ, при описаніи этого ужаснаго дѣла, каждое слово постепенно возвышается. «Несчастный, подъ ударами и среди мученій, только произносилъ слова: *я гражданинъ Римскій*. Этимъ священнымъ именемъ надѣялся онъ отвратить отъ себя бичеваніе. Но онъ не могъ остановить ударовъ; и даже когда правомъ гражданина умолялъ прекратить терзанія, тогда несчастному изготовляли другую позорную казнь. О, святое имя закона! безцѣнное право гражданства! Законъ Порціевъ, законы Семпроніевы! такъ попраны постановленія ваши: гражданинъ Римскій, въ провинціи Римскаго народа, въ союзномъ городѣ, тѣмъ, кому, по милости народа Римскаго, ввѣрена власть проконсульская, въ цѣпяхъ, на вѣчѣ, тѣлесно наказанъ»!

Трудно найти мѣсто совершеннѣе этого описанія. Всѣ обстоятельства, здѣсь представленныя, возбуждаютъ состраданіе къ Гавію и негодованіе противъ Верреса. Слогъ простъ; страстныя восклицанія, воззваніе къ законамъ и къ правамъ Римскаго гражданина — все это истинный языкъ страсти. Ораторъ потомъ изображаетъ ненавистную жестокость Верреса еще поразвтельнѣе. Верресъ приговорилъ Гавія на смертную казнь, не на мѣстѣ казни преступниковъ, но на берегу моря, со стороны Италіи. «Пусть умретъ онъ, говорилъ Верресъ, съ глазами обращенными къ той землѣ, къ которой взывалъ, какъ къ своему отечеству. Нѣтъ, не Гавія, не простаго гражданина, но законы и права, самое отечество казнилъ Верресъ».

Заключеніе ораторской рѣчи или повторяетъ вкратцѣ сущность всей рѣчи, или выводитъ слѣдствіе изъ всего, сказаннаго прежде, или же содержитъ въ себѣ все то, что̀ можетъ возвеличить и возвысить предметъ; иногда же ораторы заключали свою рѣчь обращеніемъ къ богамъ, напр. *Димосѳенъ* въ рѣчи «о Вѣнкѣ», *Цицеронъ* — въ первой рѣчи противъ Катилины, *Плиній младшій* — въ панегирикѣ Траяну.

О древней ораторской рѣчи и ораторахъ: *Платонъ*: см. разговоры «Горгій», «Протагоръ», «Федръ», «Гиппій», и «Эвтидемъ». Перев. проф. *Карпова*.— *Аристотель*: Риторика. Аристотелева Риторика раздѣлена на три книги. Онъ опредѣляетъ краснорѣчіе способностію видѣть въ каждомъ предметѣ все, что можетъ служить орудіемъ убѣжденія. Доводы бываютъ двухъ родовъ: или заимствуемые ораторомъ извнѣ (свидѣтели, акты), или имъ самимъ приводимые. Сила доводовъ зависитъ отъ *нравовъ* говорящаго, отъ *свойства* слушателей и образа изложенія. Обыкновенно

они излагаются въ видѣ энтимемы, или примѣра, соотвѣтствующаго силлогизму. Энтимемы извлекаются преимущественно изъ общихъ мѣстъ. Родовъ краснорѣчія три: совѣщательный, судебный и похвальный. Таково содержаніе первой книги Аристотелевой Риторики. Во второй книги Аристотель разбираетъ страсти: ихъ происхожденіе, силу и свойства; потомъ разсуждаетъ о нравахъ юношей, старцевъ, лицъ благородныхъ, богатыхъ, могущественныхъ, счастливыхъ, — о способѣ изобрѣтенія. Въ третьей книгѣ предлагаются правила слога и частей, составляющихъ рѣчь. Говоритъ, что знаменитость оратора *Исократа* (V в. до Р. Х.) побудила Аристотеля, жившаго вскорѣ послѣ него, написать правила Риторики. Аристотелева точка зрѣнія на краснорѣчіе не та, съ которой смотрѣли Исократъ и другіе современные ему риторы. Аристотель имѣлъ цѣлію направить вниманіе ораторовъ болѣе на искусство убѣждать и трогать сердца, нежели на гармонію и размѣръ періодовъ. — *Діонисій Галикарнасскій:* Censura veterum scriptorum, Ars rhetorica, De compositione verborum, De oratoribus antiquis commentarii, — лучшее критическое сочиненіе древности. — *Цицеронъ:* Двѣ книги о изобрѣтеніи; три разговора объ ораторѣ (De oratore), Брутъ или разговоръ о знаменитѣйшихъ витіяхъ, Ораторъ, Топики, О лучшемъ родѣ ораторства, О дѣленіи ораторскомъ, О тропахъ въ письмѣ къ Марку Требацію. Въ послѣднемъ сочиненіи предлагаются сокращенно въ видѣ разговора между сыномъ Цицерона и имъ самимъ всѣ правила, изложенныя въ предыдущихъ произведеніяхъ. Наука о краснорѣчіи раздѣляется здѣсь на три части: на силу оратора, самую рѣчь и предметъ рѣчи. Сила заключается въ изображеніи, расположеніи, выраженіи, памяти и произношеніи. Рѣчь состоитъ изъ приступа, изложенія или разсказа, утвержденія и заключенія. Предметомъ рѣчи бываютъ опредѣленные или неопредѣленные вопросы. Изъ всѣхъ частей ораторской рѣчи Цицеронъ самою важною считаетъ ту, въ которой предлагаются истины *общія:* «Ораторъ необыкновенный, говоритъ онъ — котораго я ищу, долженъ всегда устраниться отъ преній частныхъ объ извѣстныхъ лицахъ и объ опредѣленномъ времени: ибо удобнѣе разсуждать о *родѣ*, нежели о *части*, и что доказано вообще, то неминуемо доказано будетъ и въ частности».— *Квинтиліанъ:* Institutiones Oratoriae. Существуетъ Русскій переводъ (Никольскаго) этого замѣчательнаго произведенія. — *Плутархъ:* Десять Греческихъ ораторовъ. — Приписываемое *Тациту* сочиненіе: De causis corruptae eloquentiae. Переведено на Р. языкъ. *Глаголевъ:* De methodo inveniendi, disponendi et enuntiandi. М. 1823. Диссертація на ученую степень магистра. Всѣ идеи автора выведены изъ началъ психологіи и подтверждены разборомъ древнихъ ораторовъ. — *Ruhnkenius:* Historia oratorum Graecorum critiqua praemissa editioni Rutili Lupi de figuris sententiarum at elocutionis. Lugd. Bat. 1768. — *Фенелонъ:* Опытъ о краснорѣчіи. — *Westermann:* Geschichte der Beredsamkeit in Griechenland und Rom. Leipz. 1832—5. — *Thomas:* Essais sur les eloges. — *Jay:* Essais sur l'eloquence politique. — *Zacharia:* Anleitung zur gerichtlichen Beredsamkeit. Heidelb. 1810. — *Boinvilliers:* Principes et morceaux choisis d' éloquence judiciaire. Par. 1826. — *Burigny:* sur l'éloquence shez les Romains, въ Mem. de l' Academ. des Inscript. T. 36. — *Willemain:* Cours de litterature française. Leçons du cours de 1829. — *Amiel:* L' eloquence sous les Césars. Paris. 1864. — Объ искусствѣ краснорѣчія. *Токарева.* — Правила высшаго краснорѣчія. *Сперанскаго.* — Діалогъ объ ораторикѣ. Журн. Мин. Нар. Пр. Т. XLV. — Умозрительныя и опытныя основанія Словесности въ IV частяхъ. *А. Глаголева.* Спб. 1834. Въ III ч. отъ стр. 71 до 99 авторъ говоритъ объ ораторскомъ искусствѣ.— Чтенія о Словесности. *И. Давыдова.* М. 1838. Курсъ второй, отъ стр. 17 до 217-й, посвященъ краснорѣчію.

РѢЧЬ ДИМОСѲЕНА О ВѢНЦѢ.

Біографія Димосѳена. — Греки имѣли десять образцовыхъ ораторовъ; между ними первое по достоинству мѣсто принадлежитъ *Димосѳену. Димосѳенъ* жилъ въ IV вѣкѣ до Р. Христова (отъ 385 до 322 года). Димосѳенъ былъ великъ, какъ человѣкъ и какъ ораторъ; свое величіе, какъ человѣкъ, онъ показалъ въ той безпримѣрной борьбѣ, которую велъ съ природными физическими своими недостатками. Димосѳенъ — сынъ богатаго отца, торговавшаго кузнечными издѣліями; на осьмомъ году жизни онъ лишился отца; опекуны растратили его наслѣдство, а воспитаніемъ сироты пренебрегли... Димосѳенъ образованіемъ своихъ умственныхъ способностей обязанъ собственнымъ усиліямъ. Одинъ случай пробудилъ въ немъ любовь къ ораторскому искусству. Разъ Димосѳену удалось слышать рѣчь Каллистрата, судебнаго оратора: юноша былъ восхищенъ рѣчію витіи, и тутъ же запала въ его душу мысль посвятить себя всецѣло ораторскому краснорѣчію. Уроки краснорѣчія онъ бралъ у *Изея*, извѣстнаго въ то время ритора; рѣчи славнаго оратора *Исократа* Димосѳенъ читалъ непрерывно, а для того, чтобы научиться силѣ и изяществу выраженія онъ изучалъ исторію *Ѳукидида*, *которую переписывалъ* до *восьми* разъ... Въ то же время онъ посѣщалъ школу *Платона*, гдѣ развивалось глубокомысліе будущаго оратора. Плоды такого неусыпнаго и рѣдкаго трудолюбія весьма скоро обнаружились: Димосѳенъ на 18-мъ году своей жизни завелъ тяжбу со своими опекунами, и рѣчь его въ судѣ такое произвела впечатлѣніе, что часть утраченнаго имущества была ему возвращена. Не такъ счастливъ былъ первый выходъ Димосѳена на поприще политическаго оратора: онъ подвергся осмѣянію. Почему? По причинѣ природныхъ своихъ недостатковъ: косноязычія, слабости груди и привычки дергать однимъ плечомъ, когда говорилъ. Димосѳенъ не палъ духомъ, видя неуспѣхъ перваго появленія своего въ народномъ собраніи; онъ рѣшился истощить всю свою труда и терпѣнія, дабы побороть недостатки, удѣленные ему природой. Чтобы умѣть говорить ясно, онъ клалъ себѣ въ ротъ маленькіе камешки, ходилъ по горамъ и старался произносить какіе-нибудь стихи; дабы усилить голосъ и укрѣпить грудь, онъ выходилъ на морской берегъ и тамъ, при шумѣ волнъ, читалъ цѣлыя рѣчи: волненіе моря напоминало оратору бурныя пренія въ народныхъ собраніяхъ; чтобы отучиться отъ дурной привычки подергивать плечомъ, когда говорилъ, — великій Димосѳенъ декламировалъ подъ повѣшеннымъ мечемъ, который всякій разъ оратора укалывалъ, лишь онъ поднималъ плечо. Димосѳенъ на время прекратилъ всякую связь съ обществомъ, удалился въ пещеру, и тамъ, при тускломъ свѣтѣ лампады, обдумывалъ свои рѣчи. Такіе безустанные труды увѣнчались вожделѣннымъ успѣхомъ. Димосѳенъ, выступивъ передъ народомъ съ рѣчію за Ктесифона (Ктесифонъ, сынъ Аѳинскаго полководца, Хабріаса), восхитилъ всѣхъ и заслужилъ рукоплесканія. Въ полномъ блескѣ геній Димосѳена, какъ оратора, явился во время борьбы Грековъ съ Филиппомъ, царемъ Македонскимъ. Сила краснорѣчія великаго оратора была столь могущественна, что многія тысячи народа устремились за нимъ какъ дѣти за отцемъ. Сгарая истинною любовью къ отечеству, великій патріотъ-витія грозно обличалъ равнодушныхъ къ благамъ роднаго края. Противъ современныхъ ораторовъ, подкупленныхъ Филиппомъ, негодованію Димосѳена не было границъ... онъ прямо называлъ ихъ измѣнниками, безстыдными, дерзкими и извергами. Объ ораторѣ *Филократѣ*, давно

уже предавшемъ себя Македонскому царю, онъ такъ говорилъ: «кого вы назовете сквернѣйшимъ человѣкомъ и исполненнымъ крайняго безстыдства и дерзости? Никто, знаю, и по ошибкѣ не назоветъ другаго, кромѣ Филократа»[1]). Противъ Филиппа Димосѳенъ сказалъ *десять* рѣчей: онѣ обыкновенно называются *Филиппиками*. Чтобы показать гражданамъ примѣръ глубокой любви къ отечеству, ораторъ самъ сталъ въ ряды войска и участвовалъ въ битвѣ Херопейской (338 г.), рѣшившей участь Греціи... Когда въ 336 г. Филиппъ вслѣдствіе заговора погибъ и Греція взволновалась отъ одного края до другаго, тогда Димосѳенъ опять поднялся за дѣло родины: онъ забылъ недавнюю утрату дочери, снялъ съ себя трауръ, и увѣнчанный цвѣтами, пришелъ на площадь возвѣстить Аѳинянамъ о смерти Македонскаго царя. Напрасны были попытки оратора пробудить прежнія силы въ Греціи, воскресить героическія ея времена: Александръ окончательно уничтожилъ величие Аттики. Онъ явился подъ стѣнами Ѳивъ: городъ палъ, и замолкъ голосъ Димосѳена, увидѣвшаго безполезность спора съ «двадцати-двухъ-лѣтнимъ вождемъ, на котораго, по словамъ *Т. Н. Грановскаго*, природа и судьба расточила дары свои». (Соч. Грановскаго. М. 1866, ч. I, стр. 347). Послѣ смерти Александра Великаго, когда полагали, что Димосѳенъ не принимаетъ никакого участія въ дѣлахъ Греціи, онъ снова сталъ убѣждать Аѳинянъ къ войнѣ за свободу отечества и, дѣйствительно, Греки выступили противъ Македонянъ, но были разбиты. Ораторъ укрылся на островѣ Калавріи въ храмѣ Нептуна. Здѣсь его схватили воины Антипатра, но Димосѳенъ не хотѣлъ имъ отдаться живымъ: онъ принялъ ядъ, — и у жертвенника Нептуна умеръ... Черезъ нѣсколько времени Аѳиняне поставили великому своему витіи памятникъ съ надписью: «Если бы сила твоя равнялась твоему генію, никогда бы Марсъ Македонскій не поработилъ Греціи».

Димосѳенъ написалъ 65 приступовъ, 6 писемъ и 61 рѣчь. Между рѣчами Димосѳена превосходнѣйшею считается *рѣчь о Вѣнкѣ* (*περὶ τοῦ στεφάνου*). Аѳиняне за разныя услуги геніальнаго оратора, особенно за то, что онъ приготовилъ запасы для Аѳинъ во время войны съ Филиппомъ и возобновилъ стѣны, присудили ему *вѣнокъ*. Эсхинъ, самъ замѣчательный ораторъ, оспаривалъ у Димосѳена право на такую высокую почесть; по этому поводу и произнесъ Димосѳенъ рѣчь *о Вѣнкѣ*, которою побѣдилъ своего противника. Эсхинъ удалился изъ Аѳинъ на островъ, гдѣ у него была риторская школа. На пути Димосѳенъ догналъ Эсхина, принудилъ его взять талантъ серебра и еще разъ побѣдилъ его своимъ великодушіемъ.

Мы теперь представляемъ почти *полную* рѣчь Димосѳена «о Вѣнкѣ» въ переводѣ профессора (покойнаго) *Ордынскаго*, извѣстнаго знатока Греческой литературы. Переводъ достался намъ, благодаря вниманію къ нашему труду г. профессора Спб. университета, Г. С. *Дестуниса*, котораго любовь къ Греческой исторіи и древностямъ оцѣнена всѣми понимающими дѣло. Предлагаемая рѣчь заключаетъ въ себѣ нѣсколько выраженій особенно-рѣзкихъ и не принятыхъ въ современной намъ печати, — выраженій, оскорбляющихъ наши литературныя понятія, напр. негодяй, подлый и пр.: но мы просимъ замѣтить, что такую безцеремонность выраженія, такую вольность въ языкѣ дозволяли древніе нравы.

Первое изданіе рѣчей Димосѳена сдѣлано *Альдомъ Мануціемъ* (Aldo Manucci. Ven. 1504). Изъ другихъ издателей и переводчиковъ замѣчательны: *Іеремія Wolf*

[1]) См. рѣчь Иперида за Евксениппа, въ переводѣ проф. *Штеймана*. Ж. М. Нар. Просв. 1856, № 1.

et Ulpianus. 1532, — *Reisk:* Oratores Graeci. Lips. 1770—75, — *Faeget:* Chef-d'oeuvre de Demosthènes et d'Eschines. Paris. 1864, — *Беккеръ:* 1854 — 6, — *Дандорфъ:* 1846 — 51. — *Шеферъ:* Demosthenes und seine Zeit. Лейпц. 1856—58.

Прежде всего, Аѳиняне, приношу я мольбу всѣмъ богамъ и богинямъ [1]) о томъ, чтобы вы оказали мнѣ въ настоящемъ состязаніи такую же любовь, какую я всегда питалъ къ этому городу и ко всѣмъ вамъ; потомъ, чтобы боги внушили вамъ то, что наиболѣе послужитъ къ вашей славѣ и заявитъ вашу совѣстливость,—чтобы вы не съ противникомъ моимъ совѣтовались о томъ, какъ надлежитъ вамъ меня слушать, (это было бы невыносимо-тяжело), а съ законами и съ вашей присягою, въ которой, кромѣ всего прочаго, написано: «одинаково выслушивать обоихъ». Это значитъ не только не составлять заранѣе сужденія, не только выражать къ обоимъ соперникамъ равное расположеніе, но даже позволять имъ слѣдовать тому порядку и пользоваться тѣми средствами, какія они сами изберутъ и пожелаютъ.

Въ настоящемъ дѣлѣ я во многомъ, Аѳиняне, уступаю Эсхину, особенно же въ двухъ отношеніяхъ. Во первыхъ: я состязуюсь съ нимъ не о равномъ предметѣ: не все равно мнѣ теперь потерять ваше расположеніе, и ему не выиграть тяжбы; мнѣ... но не хочу говорить ничего непріятнаго въ началѣ рѣчи [2]); онъ же нападаетъ на меня по чувству сознанія своего превосходства [3]). Во вторыхъ, въ природѣ всѣхъ людей — ругательства и обвиненія слушать охотно, восхваляющіе же себя докучаютъ: первое, пріятное, условіе досталося Эсхину, второе же, всѣмъ, такъ сказать, надоѣдающее, осталось за мною. Но если я, остерегаясь сего, не стану говорить о прежнихъ дѣйствіяхъ моихъ, то покажется, что я не въ силахъ оправдаться въ возводимыхъ на меня обвиненіяхъ и что я не могу доказать, почему ищу я вѣнца; если же я обращусь къ моей государственной дѣятельности, то часто невольно вынужденъ буду говорить о себѣ. Поэтому попытаюсь дѣлать это, какъ можно умѣ-

---

[1]) Рѣчь начинается воззваніемъ къ богамъ, что во времена Демосѳеновы дѣлалось далеко не такъ часто, какъ у Римскихъ ораторовъ: рѣчи древнѣйшихъ Римскихъ ораторовъ, какъ напримѣръ, Катона, Гракха, всегда начинались съ такихъ воззваній.—Всѣ подстрочныя примѣчанія къ этой рѣчи, кромѣ четырехъ, которыя будутъ указаны ниже, принадлежатъ покойному *Ордынскому.* Мы вездѣ соблюдали орѳографію переводчика.

[2]) Демосѳенъ хотѣлъ было сказать: «съ вашимъ расположеніемъ связана вся моя государственная дѣятельность», и не досказалъ своей мысли, чтобы въ началѣ рѣчи не сказать чего-нибудь зловѣщаго. Извѣстно, что Греки, какъ и Римляне, суевѣрно смотрѣли на разныя примѣты, omina.

[3]) Превосходство Эсхина состояло въ томъ, что онъ, если бы проигралъ тяжбу поплатился бы только по закону тысячью драхмъ.

ревнѣе; и къ чему вынудитъ меня самая сущность дѣла, за то, по всей справедливости, должна пасть отвѣтственность на затѣявшаго сію тяжбу.

Я полагаю, Аѳиняне, всѣ вы согласитесь, что тяжба моя общая съ Ктесифонтомъ и требуетъ отъ меня отнюдь не меньшей заботливости, чѣмъ отъ Ктесифонта: лишиться чего бы то ни было прискорбно и тяжело, а особенно если у насъ отнимаетъ что-нибудь врагъ; тѣмъ прискорбнѣе еще и тяжелѣе — лишиться вашей любви и вашего расположенія, потому что пріобрѣсть ихъ есть величайшее счастіе. А такъ какъ именно о немъ идетъ теперь дѣло, то я желаю и прошу васъ всѣхъ выслушать мои оправданія во всѣхъ обвиненіяхъ безпристрастно, какъ повелѣваютъ законы, постановленные искони Солономъ: онъ по любви къ вамъ сдѣлалъ васъ судьями всякихъ тяжебныхъ дѣлъ, и не только издалъ объ этомъ законы, но и обязалъ судей присягою, не потому, какъ мнѣ кажется, чтобы не довѣрялъ вамъ, но потому, что видѣлъ всю невозможность опровергнуть обвиненія, клеветы, которыми обвинитель уже отъ того, что первый держитъ рѣчь, бываетъ силенъ; — невозможно это, если каждый судья не будетъ слѣдовать указаніямъ совѣсти, не будетъ внимать благодушно оправданіямъ обвиняемаго, который говоритъ послѣ обвинителя, и если, одинаково и безпристрастно выслушавъ обоихъ, не разберетъ всего дѣла.

Намѣреваясь нынѣ отдать отчетъ во всей моей жизни, и частной и общественной, я опять хочу воззвать къ богамъ и предъ лицемъ вашимъ молюся во-первыхъ о томъ, чтобы вы въ настоящемъ состязаніи оказали мнѣ такую же любовь, какую я всегда выражалъ къ городу и ко всѣмъ вамъ; потомъ, чтобы боги вамъ всѣмъ внушили о настоящей тяжбѣ такое рѣшеніе, которое послужило бы къ общей вашей славѣ и выразило бы личную совѣстливость каждаго изъ васъ.

Если бы Есхинъ въ обвиненіи своемъ ограничился одною сущностью дѣла, то и я бы сталъ прямо защищать предложеніе Ктесифонта. Но такъ какъ онъ не меньше словъ потратилъ на неидущіе къ дѣлу предметы и во многомъ налгалъ на меня, то я считаю необходимымъ и справедли-[1].... Аристофонъ, потомъ Филократъ, Кефифосонъ, наконецъ всѣ, кромѣ меня; я ни въ чемъ тутъ не причастенъ. Прочти ихъ. Какъ я показываю теперь разныя постановленія, такъ и ты, Эсхинъ, покажи, какимъ постановленіемъ возбудилъ я войну. Но ты сдѣлать этого не можешь. Если бы могъ, ни на что бы прежде не указывалъ. Да и Филиппъ не обвиняетъ

[1] Далѣе въ рукописи, доставленной намъ, не достаетъ нѣсколькихъ листковъ, — пропускъ, впрочемъ, незначительный, сравнительно судя со всѣмъ объемомъ рѣчи.

меня за войну, жалуется на другихъ. Прочти, чтецъ, письмо Филиппово. Въ этомъ письмѣ онъ нигдѣ не упоминаетъ о Демосѳенѣ; почему же онъ, обвиняя другихъ, не говоритъ о моихъ дѣйствіяхъ? Потому, что если бы онъ упомянулъ обо мнѣ, то упомянулъ бы о своихъ козняхъ: я часто говорилъ о нихъ въ рѣчахъ и возставалъ противу нихъ. Такъ прежде всего опредѣлилъ я отправить посольство въ Пелопонесъ, когда Филиппъ туда намѣревался пробраться; потомъ въ Евбею, когда онъ ей грозилъ; за тѣмъ предложилъ я предпринять уже походъ, а не посольство, въ Орей и въ Еретрію, когда Филиппъ посадилъ въ эти города тирановъ. Потомъ я настоялъ, чтобы отправлены были всѣ тѣ посольства, которыми спасены были Херсонесъ, Византія и всѣ наши союзники. За это вамъ досталися на долю всякія почести, похвала, слава, честь, вѣнцы, благодарность со стороны облагодѣтельствованныхъ вами; а изъ тѣхъ городовъ, которые были тѣснимы Филиппомъ, одни, послушавшись васъ въ то время, спаслися; другіе же, пренебрегши нашими предостереженіями, часто вспоминали о вашихъ предвѣщаніяхъ, и убѣдилися, что вы не только расположены къ нимъ, но даже оказалися людьми мудрыми и предсказателями: ибо вышло все такъ, какъ вы предупреждали. Конечно, Филистидъ далъ бы большія деньги, чтобы завладѣть Ореемъ, Клитархъ, чтобы завладѣть Еретріею, и самъ Филиппъ, чтобы укрѣпиться въ нихъ противу насъ, чтобы не было противъ него уликъ въ прочихъ дѣлахъ, и чтобы нигдѣ не подвергалися ни чьему разбору козни его: это всякому извѣстно, а всѣхъ болѣе тебѣ: вѣдь тогдашніе послы Клитарховы и Филистидовы, приходя сюда, у тебя останавливались, Эсхинъ, съ тобою хлѣбъ-соль водили; кого отчизна признавала врагами и гнала, какъ людей, приходившихъ съ предложеніями несправедливыми и вредными, тѣ были друзьями тебѣ. Но ничего они не добилися, а ты клевещешь на меня; говоришь, что я, взявши деньги — молчу, истративъ — кричу. Да, ты не такъ поступаешь: ты при деньгахъ кричишь, и не перестанешь кричать, если Аѳиняне не уймутъ тебя сегодня, безчестіемъ [1]. Когда въ то время вы увѣнчали меня и когда Аристонимъ написалъ предложеніе почти тѣми же буквами, какими Ктесифонтъ, когда оглашенъ былъ въ театрѣ мой вѣнецъ, когда такое оглашеніе сдѣлано было обо мнѣ уже во второй разъ, то Эсхинъ ни изустно не противорѣчилъ ему, ни письменно. Прочти, чтецъ, и это постановленіе. Найдется ли кто между вами, кто бы сказалъ, что изъ-за этого постановленія отчизна подверглась глумленію, насмѣшкамъ, или чтобы оно послужило къ стыду ея,

---

[1] Если $^4/_5$ голосовъ оправдывали обвиняемаго, то обвинитель подвергался безчестію.

какъ по словамъ Эсхина должно случиться, если я нынѣ удостоюсь вѣнца? Когда событія на свѣжей памяти и извѣстны всѣмъ, то въ случаѣ удачи они заслужатъ благодарность, а не укоръ и не наказаніе.

И такъ во всё то время по общему сознанію всѣхъ, я имѣлъ постоянно въ виду благо отчизны: ибо на совѣщаніяхъ думы мои словесныя и письменныя предложенія брали верхъ надъ другими и исполнялись, заслуживали вѣнцы отчизнѣ, мнѣ и вамъ всѣмъ; а вы устрояли жертвоприношенія и торжественные ходы богамъ.

И такъ, когда Филиппъ былъ изгнанъ изъ Евбеи вашимъ оружіемъ, дѣятельностію и постановленіями моими (надрывайся они съ досады [1]), то онъ началъ искать противъ нашей отчизны другой точки опоры. Онъ видѣлъ, что мы болѣе всѣхъ пользуемся привознымъ хлѣбомъ и потому захотѣлъ завладѣть путями сообщенія; для того забрался во Ѳракію и уговаривалъ сперва Византійцевъ, союзниковъ вашихъ, начать за одно съ нимъ войну противу васъ; но когда они на это не согласились и справедливо говорили, что не для этого заключенъ былъ союзъ, то онъ возвелъ валъ надъ Византіею и, поставивъ орудія, осаждалъ ее. Въ такихъ обстоятельствахъ, что надлежало вамъ дѣлать, я не стану спрашивать — это для всѣхъ очевидно. Но кто помогъ Византійцамъ и спасъ ихъ? Кто воспрепятствовалъ покоренію Геллеспонта въ то время? Вы, Аѳиняне! Когда я говорю *вы*, то разумѣю городъ. А кто говорилъ, писалъ, дѣйствовалъ, словомъ нещадно жертвовалъ собою городу? *Я*. Сколько отсюда проистекло пользы для всѣхъ, этого не стоитъ доказывать словами: вы извѣдали это на дѣлѣ.

Возникшая тогда война принесла вамъ великую славу, доставила во всемъ больше довольства и дешевизны, чѣмъ нынѣшній миръ, о которомъ ко вреду отчизны изъ корыстныхъ надеждъ, такъ хлопочутъ эти честные мужи [2]). Но дай Богъ, чтобы они обманулись въ надеждахъ своихъ, чтобы не имѣли успѣха затѣи ихъ. Прочти, чтецъ, постановленія Византійцевъ и Перинѳянъ, которыми они увѣнчали отчизну нашу. Прочти постановленіе Херсонесянъ. И такъ мои дѣятельность и ревность не только спасли Херсонесъ и Византію, не только воспрепятствовали Геллеспонту подпасть тогда подъ власть Филиппа, не только покрыли славою отчизну; но и заявили передо всѣмъ свѣтомъ доблесть Аѳинъ и подлость Филиппа. Всѣ видѣли, что онъ, будучи союзникомъ Византійцамъ, осаждалъ ихъ городъ: а что можетъ быть постыднѣе и гнуснѣе этого? Вы же хотя не разъ имѣли право укорять ихъ за ихъ прежніе проступки про-

[1]) Они — противники Демосѳена.

[2]) Такъ иронически называетъ Демосѳенъ Эсхина и сообщниковъ его.

тивъ васъ, не только не помнили зла, не только не выдали ихъ головою притѣснителю, но даже явилися спасителями ихъ и тѣмъ заслужили славу и любовь ото всѣхъ. А всѣ знаютъ, что вы многихъ государственныхъ людей награждали вѣнцами; но какой другой совѣтникъ или вѣтія кромѣ меня увѣнчалъ васъ, этого никто не скажетъ.

Что ни наговорилъ онъ намъ на Евбеянъ и Византійцевъ, напоминая вамъ о всякомъ ихъ неосторожномъ поступкѣ, все это клевета и ябеда, какъ потому, что слова его лживы (объ этомъ вы и безъ меня, полагаю, знаете), такъ и потому, что если бы они были вполнѣ справедливы, надобно смотрѣть на нихъ такъ, какъ я смотрю. Чтобы доказать это, я хочу изложить вамъ вкратцѣ одно или два изъ знаменательнѣйшихъ событій Аѳинъ вашего времени [1]). Вѣдь и частному человѣку и всему государству надобно по возможности соображать свою дѣятельность со славными дѣяніями предковъ.

Когда Лакедемоняне господствовали на сушѣ и на морѣ, гармостами [2]) и войсками заняли всѣ мѣстности вокругъ Аттики, — Евбею, Танагру, всю Беотію, Мегары, Егину, Клеоны, разные острова: то вы, не имѣя въ то время ни кораблей, ни стѣнъ, пошли къ Алеарту, а нѣсколько дней спустя къ Коринѳу, хотя по Декилійской войнѣ на многое могли бы тогда гнѣваться на Коринѳянъ и Ѳивянъ. Но они не поступали такъ, а вѣдь тогда, Эсхинъ, они не за друзей вступалися, да и дѣло для нихъ было не безопасно; но изъ-за этого они не выдали прибѣгшихъ къ ихъ помощи и ради славы и чести готовно ринулись въ опасность съ вѣрной и доблестной рѣшительностью. Вѣдь всѣмъ людямъ назначена предѣломъ жизни смерть, хотя бы иной и берегся, запершись въ домишкѣ; — потому доблестнымъ мужамъ надлежитъ стремиться всегда ко всему доблестному, имѣя въ виду передъ собою добрую надежду и мужественно терпѣть ту участь, какую даруетъ Богъ. Такъ поступали ваши предки, такъ поступали старѣйшіе изъ васъ: Лакедемоняне не были ни друзьями, ни доброжелателями ихъ, часто и жестоко оскорбляли нашъ городъ; а когда Ѳивяне, одолѣвъ ихъ подъ Левктрами, хотѣли совершенно стереть ихъ съ лица земли, вы этого не допустили, не испугались тогдашней силы и значенія Ѳивянъ; не размышляли, за кого вы подвергали себя опасности; не попомнили зла, причиненнаго вамъ Лакедемонянами.

Такимъ образомъ вы заявили передо всѣми Эллинами, что какъ бы кто противу васъ ни провинился, вы откладываете гнѣвъ до дру-

[1]) *«Вашего времени»* — не нужно понимать буквально, потому что не всѣ слушатели Демосѳена были современниками разсказываемыхъ ниже событій.

[2]) Такъ назывались правители, которыхъ Лакедемоняне назначали въ подвластные имъ города.

гаго случая; а когда грозитъ опасность бытію, свободѣ оскорбившихъ васъ, вы тогда зло забываете; старыхъ счетовъ не сводите. Да и не въ этомъ только случаѣ вы такъ поступали: когда Өиняне посягали на Евбею, вы не оставили ее безъ помощи, не припомнили оскорбленій, нанесенныхъ намъ Өемисономъ и Өеодоромъ подъ Орепомъ, но пособили и имъ; тогда въ первый разъ городъ имѣлъ добровольныхъ Тріерарховъ, въ числѣ которыхъ былъ и я [1]). Но объ этомъ еще рано говорить. Хорошо съ нашей стороны было уже и то, что мы спасли островъ; но еще гораздо лучше, что вы, завладѣвъ городами Евбеи, отдали ихъ тѣмъ, которые провинились противъ васъ, что мы совершенно предали забвенью ихъ обиды. Много бы я могъ указать и иныхъ случаевъ, много бы морскихъ битвъ, сухопутныхъ походовъ, какъ стараго, такъ и нашего времени, предпринимаемыхъ нашею отчизною ради свободы и блага прочихъ Эллиновъ.

Видя, какъ охотно и какъ часто она ратовала за пользы другихъ, что же я долженъ былъ совѣтовать ей, когда вопросъ шелъ нѣкоторымъ образомъ о спасеніи ея самой? Вѣроятно по Эсхинову, помнить зло противъ обратившихся къ намъ за помощью, искать разныхъ предлоговъ къ отказу, отъ которыхъ все должно было погибнуть! Не имѣлъ ли всякій тогда права убить меня, если бы я вздумалъ хотя словомъ посрамить честь отчизны? Вѣдь на такое дѣло вы не рѣшились бы:—это я знаю навѣрно. Если бы вы того захотѣли, что́ бы вамъ помѣшало? Развѣ нельзя было? Развѣ не было у васъ этихъ совѣтниковъ [2])?

Теперь хочу я обратиться къ послѣдующей моей дѣятельности. Посмотрите какъ и потомъ заботился я о благѣ отчизны.

Видя, что вашъ флотъ, Аөиняне, исчезалъ, что богачи за небольшія деньги освобождались отъ повинностей, люди же посредственнаго состоянія или бѣдные раззорялись, а потому отчизна не могла воспользоваться удобными случаями,—я издалъ законъ, понудившій богатыхъ исполнять законныя повинности, прекратилъ притѣсненія, отъ которыхъ терпѣли бѣдные, далъ возможность городу (а это всего важнѣе) во время дѣлать заготовленія [3]). Обвиненный за эти

[1]) Обстоятельства требовали поспѣшности; а тѣхъ тріерарховъ, которые назначены уже были, было недостаточно; потому вызваны были добровольные тріерархи, то-есть, было объявлено, не угодно ли кому изъ гражданъ пожертвовать на снаряженіе новыхъ тріеръ, кораблей.

[2]) Эсхина и сообщниковъ его.

[3]) Съ Олимп. 105,3 1200 богатѣйшихъ гражданъ обязывались *тріерархіею*. Они дѣлились на 20 отдѣловъ (симморій); каждый корабль поставляли, смотря по числу кораблей, 5—16 гражданъ, дѣлавшихъ издержки сообща и поровну. Такъ какъ состояніе участниковъ было неодинаково, то уже отъ этого страдали менѣе

распоряженія, я оправдался передъ вами и мой обвинитель не получилъ законной части голосовъ [1]). А сколько, полагаете вы, дали бы мнѣ главныя лица въ симморіяхъ за то, чтобы я не издавалъ этого закона или хоть по крайней мѣрѣ не приводилъ его въ дѣйствіе [2])? Столько, Аѳиняне, что я затрудняюсь даже вамъ сказать; и они имѣли бы на это основаніе.

По прежнимъ законамъ имъ было возможно нести повинности въ числѣ шестнадцати человѣкъ; сами они мало, или ничего не тратили и притѣсняли недостаточныхъ гражданъ. А по моему закону каждому пришлось нести соотвѣтственную состоянію повинность и потому иной прежде уплачивалъ 16 долю суммы, шедшей на одинъ корабль, а теперь одинъ содержалъ два корабля, и ужъ они называли себя не тріерархами, но повинными [3]). Чтобы не исполнять моего закона, чтобы не быть вынужденными нести законныя повинности, они не вѣсть что́ бы дали. Прочти, чтецъ, относящіяся къ этому дѣлу постановленія. И такъ мало ли я оказалъ добра беднымъ? Мало ли готовы бы были дать богатые для того, чтобы не исполнятѣ справедливыхъ повинностей?

Я горжусь не только тѣмъ, что не ослабилъ закона, что оправдался отъ обвиненій, но и тѣмъ, что издалъ полезный законъ, что онъ оказался такимъ на дѣлѣ.

Во всю войну посылаемы были надсмотрщики, и потому ни одинъ тріерархъ не обратился къ вамъ съ жалобами, не сидѣлъ съ оливной вѣтвію въ Мунихіи [4]), не былъ посаженъ въ темницу; ни одна тріера не погибла на открытомъ морѣ, ни одна не оказалася негодною къ употребленію при выходѣ изъ гавани, но прежнимъ

достаточные граждане: богачи, будучи главными распорядителями, требовали деньги произвольно. Демосѳенъ опредѣлилъ, чтобы имѣвшій 10 талантовъ поставлялъ одинъ корабль, имѣвшій 20 талантовъ — 2 корабля, имѣвшій 30 талантовъ — 3 корабля и т. д. Имѣвшіе же менѣе 10 талантовъ соединяли капиталы свои вмѣстѣ и поставляли одинъ корабль.

[1]) То-есть, пятой, см. прим. 1 на стр. 605.

[2]) Ближе къ подлиннику: «чтобы я позволилъ противнику моему по этому закону взять верхъ надо мною». Если кто предлагаемый законъ находилъ неправильнымъ или несоотвѣтственнымъ, то объявлялъ подъ клятвою (ὑπωμοσία), что онъ хочетъ возражать противъ закона: тогда или не собирали голосовъ, или, если голоса были уже собраны, законъ объявляли до времени недѣйствительнымъ.

[3]) То-есть, прежде богачи наживали, считали себя какъ бы начальниками каждаго отдѣла, тріерархами настоящими; а теперь несли повинности наравнѣ со всѣми гражданами.

[4]) Умолявшіе о защитѣ отъ какой-нибудь бѣды являлись съ вѣтвію, обыкновенно оливковой, перевязанной лентами, въ храмъ божества, покровительству котораго ввѣрялись, и клали вѣтвь на алтарѣ. Тріерархи и корабельщики обращались съ такою мольбою въ храмъ Артемиды Мунихійской; Мунихія — одна изъ гаваней Аѳинскихъ.

же законамъ все это часто случалося, а причиною тому было то, что бѣдняки несли повинности, и потому часто бывали за ними неустойки. Я же перенесъ тріерархіи отъ людей недостаточныхъ на достаточныхъ, и отъ того все пошло надлежащимъ образомъ. Да уже и по тому одному достоинъ я почести, что во все время моей государственной дѣятельности велъ себя такъ, что она приносила отчизнѣ славу, честь, силу; непріятнаго же, криводушнаго, лукаваго, низкаго или недостойнаго отчизны поступка я себѣ никогда не позволялъ. Такихъ правилъ держался я какъ во внутреннихъ, такъ и во внѣшнихъ дѣлахъ: я не столько искалъ благодарности богатыхъ, сколько хлопоталъ о правахъ большинства; въ дѣлахъ же внѣшнихъ дары и дружбу Филлипову не промѣнялъ на общее благо всѣхъ Еллиновъ.

Теперь, полагаю я, остается мнѣ сказать объ оглашеніи и объ отчетѣ. Что я руководствовался всегда нашимъ благомъ, но всемъ высказываю расположеніе и усердіе мое къ вамъ,—это достаточно, мнѣ кажется, видно изъ сказаннаго. Впрочемъ важнѣйшія мои дѣла я оставляю въ сторонѣ, предполагая, что прежде нужно мнѣ оправдаться, и что если я и ничего не скажу о прочихъ дѣлахъ моихъ, то все-таки совѣсть и сознаніе каждаго изъ васъ будетъ за меня.

Эсхинъ напуталъ не нѣсть что о нарушеніи мною законовъ; многаго въ рѣчи его и вы, полагаю, не поняли, и я не могъ выразумѣть. Скажу прямо и просто: я не только не отрицаю того, что я подлежу отвѣтственности, но даже всю жизнь свою отвѣчалъ и отвѣчаю за все то, что́ имѣлъ на рукахъ или дѣлалъ для васъ. Но если я изъ собственнаго своего имущества пожертвовалъ чѣмъ-нибудь народу добровольно, за то не признаю ни на одинъ день отвѣтственнымъ (слышишь Эсхинъ?) ни себя, ни кого инаго, хотя бы дѣло шло объ одномъ изъ девяти архонтовъ [1]). Существуетъ ли такой несправедливый и безчеловѣчный законъ — давшаго что-нибудь изъ собственнаго имущества, совершившаго дѣло́ человѣколюбивое, выказавшаго свою щедрость — лишать правъ на благодарность, выдавать ябедникамъ, подвергать передъ ними отвѣтственности за пожертвованіе? Такого закона нѣтъ! А если Эсхинъ говоритъ, что есть, то пусть укажетъ; я на томъ помирюся и замолчу. Но повторяю, Аѳиняне, такого закона нѣтъ, и только Эсхинъ способенъ былъ обвинить меня за то, что я, завѣдуя въ одно время театральною кассою, пожертвовалъ свои деньги [2]). «Ктесифонтъ, говоритъ онъ, похвалилъ Демосѳена въ то время, какъ онъ

[1]) Отсюда можно заключить, что архонты подвергались особенно строгой отвѣтственности.

[2]) 10,000 драхмъ.

подлежалъ еще отвѣтственности»; но, ябедникъ, онъ не за такое дѣло похвалилъ, за которое я подлежалъ бы отвѣтственности, а за то, что сдѣлалъ я пожертвованіе. «Но ты былъ и строителемъ стѣнъ», говоритъ Эсхинъ. И за это я, по всей справедливости, стоилъ похвалы, потому что я вошелъ въ издержки, а съ городомъ не считался: только счетъ требуетъ отчетности и повѣрки, а даръ заслуживаетъ только благодарности и похвалы. Потому Ктесифонтъ и сдѣлалъ обо мнѣ свое предложеніе. А что это такъ ведется не только по законамъ, но и по обычаямъ вашимъ, мнѣ легко доказать многими примѣрами. Во первыхъ Навсиклъ за то, что въ то время, какъ былъ полководцемъ, сдѣлалъ пожертвованія, часто бывалъ увѣнчанъ вами; потомъ — когда Діотимъ и Харидемъ роздали щиты на свой счетъ, тоже были увѣнчаны; далѣе — вотъ этотъ Неоптолемъ, бывшій надзирателемъ за разными работами, почтенъ былъ вами за пожертвованіе [1]). Вѣдь было бы жестоко, если бы занимающему какую-либо должность по тому самому, что онъ занимаетъ эту должность, не было возможности жертвовать чѣмъ-нибудь отечеству, или же если бы онъ за пожертвованіе вмѣсто благодарности подвергался отчету. А что я говорю правду, въ доказательство прочти, чтецъ, постановленія, сдѣланныя о нихъ, прочти. Каждый изъ нихъ по этой должности, какую занималъ, подлежалъ отвѣтственности; а за что онъ былъ увѣнчаваемъ, за то не подлежалъ; значитъ, — и я не подлежу. Вѣдь у меня тѣ же права и на то же, какъ и у другихъ. Я пожертвовалъ, — за это меня хвалятъ и за пожертвованіе отчета не требуютъ; я занималъ должность, — отдаю отчетъ въ ней, а не въ томъ, что пожертвовалъ. Но я не правильно исполнялъ свою должность, — такъ за чѣмъ же ты не обвинялъ меня открыто, когда повѣрщики подвергали меня суду? а чтобы вы видѣли, что онъ самъ подтверждаетъ, что я достоинъ вѣнца за то, за что не подвергался отвѣтственности, прочти, чтецъ, все постановленіе, сдѣланное обо мнѣ. Чего онъ не коснулся въ предложеніи Ктесифонтовомъ, тѣмъ обличится ябедничество его. Прочти.

Итакъ, вотъ что я пожертвовалъ, а ты объ этомъ вовсе не упоминаешь, и нападаешь только на то, чѣмъ рѣшила дума наградить меня за мои пожертвованія. Признавая, что законно было принять городу мое пожертвованіе, ты называешь незаконною присужденную

[1]) Навсикла вмѣстѣ съ другими полководцами посылали Аѳиняне въ 352 году на помощь Фокеянамъ. Діотимъ начальствовалъ надъ Аѳинскимъ флотомъ и принадлежалъ къ числу лицъ, выдачи которыхъ требовалъ Александръ такъ же, какъ и Харидема, одного изъ славнѣйшихъ полководцевъ того времени. Неоптолемъ вѣроятно присутствовалъ при Демосѳеновой рѣчи; потому Демосѳенъ и выражается: «вотъ этотъ Неоптолемъ».

мнѣ благодарность. Бывалъ ли еще на свѣтѣ такой подлый, богоненавистный человѣкъ, такой клеветникъ? Нѣтъ, такого, кромѣ Эсхина, не бывало.

А что касается до оглашенія въ театрѣ, то я не говорю уже о томъ, что такое оглашеніе бывало несмѣтное число разъ, что я самъ прежде часто бывалъ увѣнчиваемъ. Но ужели ты, Эсхинъ, такъ глупъ и безсмысленъ, что не можешь сообразить того, что увѣнчиваемому, гдѣ бы ни происходило оглашеніе, одна честь; но ради пользы самихъ вѣнчающихъ, оглашеніе дѣлается обыкновенно въ театрѣ? Всѣ, слыша оглашеніе, побуждаются дѣлать услуги отчизнѣ и воздающихъ благодарность хвалятъ болѣе увѣнчиваемаго. Потому городъ постановилъ такой законъ. Прочти, чтецъ, самый законъ.

Слышишь, Эсхинъ? Законъ прямо гласитъ: «если народъ или дума постановитъ, то надлежитъ въ театрѣ оглашать». Что же ты, жалкій человѣкъ, ябедничаешь? Что ты здѣсь плетешь? Что ты чемерицей не полѣчишься [1]? И тебѣ, не видѣвъ отъ меня никакой обиды, не стыдно завистливо затѣвать тяжбу, искажать законы, сокращать такіе изъ нихъ, которые слѣдовало вполнѣ привести предъ лицемъ судей, поклявшихся судить по законамъ? И поступая такъ, ты еще смѣешь разглагольствовать о свойствахъ любимца народнаго, словно заказалъ кому-либо статую, и потомъ нашелъ, что условія заказа невыполнены [2]; или же словно любимцы народные познаются по рѣчамъ, а не по дѣламъ. Ты кричишь, что взбредетъ тебѣ на умъ, словно съ повозки, какъ впрочемъ прилично тебѣ и роду твоему, но не мнѣ [3]. Да еще и вотъ что, Аѳиняне; брань отъ обвиненія отличается, полагаю, тѣмъ, что обвиненіе указываетъ на проступки, за которые законами постановлены взысканія, а брань не можетъ обойтися безъ клеветъ, какими обыкновенно осыпаютъ другъ друга личные враги. Предки наши не для того, конечно, построили сіи судилища, чтобы мы, собираясь въ нихъ, по личностямъ бранилися другъ съ другомъ не позволительными словами, но чтобы мы обличали, если кто провинится въ чемъ предъ отчизною. Понимая это, ты все-таки, Эсхинъ, вмѣсто того, чтобы обвинять меня, рѣшился ругать. Но и здѣсь онъ не возметъ надо мною верха. Перейду къ ругательствамъ его, сдѣлавъ предвари-

[1]) Отъ сумасшествія и слабоумія древніе лѣчили чемерицею.

[2]) Какъ закащикъ требуетъ отъ мастера, чтобы онъ сдѣлалъ статую по условіямъ заказа, такъ Эсхинъ требовалъ отъ Демосѳена, чтобы онъ выполнялъ такія условія, какія Эсхину вздумалось сочинить.

[3]) Въ нѣкоторые праздники ѣздили на повозкахъ лица, осыпавшія насмѣшками встрѣчныхъ. Этотъ обычай послужилъ началомъ Аѳинской комедіи. Такъ какъ Эсхинъ прежде былъ актеромъ, то Демосѳенъ ругательства его и считаетъ приличными для него и для рода его.

тельно ему слѣдующій вопросъ: какъ назвать тебя, Эсхинъ? Врагомъ отчизны, или моимъ? Очевидно, моимъ. Но ты оставилъ въ сторонѣ то, за что если бы я оскорбилъ тебя чѣмъ-нибудь, надлежало бы тебѣ по законамъ искать на мнѣ суда, требовать отчета, обвинять; ты напалъ на меня за то, въ чемъ я совершенно невиненъ — и по законамъ и по времени [1], — и потому, что всѣ прежнія мои дѣйствія много разъ были обсуждаемы, и потому, что никогда не была доказана никѣмъ моя виновность предъ отчизною, и потому, что въ общественныхъ дѣлахъ чьихъ-либо городъ необходимо бываетъ болѣе или менѣе сопричастенъ.

А потому смотри, какъ бы не оказалось, что ты въ сущности врагъ отчизны и моимъ врагомъ только прикидываешься.

Всѣмъ предписывается подавать мнѣніе правдивое и согласное съ присягою. Потому слѣдуетъ мнѣ, хоть я и не охотникъ ругаться, по поводу его клеветъ, сказать вкратцѣ о немъ самомъ; показать, кто онъ таковъ, изъ какого роду, что вздумалъ такъ поносить меня, употребляя такія слова, какихъ ни одинъ бы порядочный человѣкъ себѣ не позволилъ. Если бы мой обвинитель былъ Еакъ, или Радамантъ, или Миной [2], а не щепетильникъ, не тертый кулакъ, не распутный писарь, то не выражался бы такъ, не изрыгалъ бы такихъ тяжеловѣсныхъ словъ, крича, словно на трагической сценѣ: «о земля, о солнце, о добродѣтель» [3], и тому подобное; но взывалъ бы къ разуму и образованности, которыми обыкновенно различается хорошее отъ худаго. Обо всемъ этомъ вы отъ него слышали. Но что, негодяй, общаго у добродѣтели съ тобою, или съ твоими родичами? Какъ ты можешь различать хорошее отъ не хорошаго? Откуда и какъ набрался такихъ понятій? Какое имѣешь ты право заводить рѣчь объ образованности? Вѣдь ни одинъ истинно-образованный человѣкъ не позволитъ себѣ хвастаться, онъ даже краснѣетъ, когда слышитъ подобныя рѣчи отъ другаго; а лишенному образованія, какъ тебѣ, и безсмысленно берущему на себя видъ образованнаго человѣка — только и остается докучать слушателямъ своими росказнями, ни мало ихъ не убѣждая. Не затруднительно мнѣ говорить о тебѣ и о родичахъ твоихъ; затрудняюсь только, съ чего начать, — съ того ли, какъ отецъ твой Тромесъ былъ рабомъ у Елпія, учившаго грамотѣ въ Оесеевомъ храмѣ; какъ носилъ онъ тяжелыя колодки и ошейникъ, или какъ мать твоя воспитала тебя, милую куколку и отличнаго тритагониста [4]. (Далѣе

[1]) Обвинять въ незаконности чьего-либо предложенія можно было только въ теченіи года.

[2]) Извѣстные своей правдивостію подземные судьи.

[3]) См. примѣч. 3, на стр. 612.

[4]) На Греческой сценѣ всѣ роли дѣлились между тремя актерами — протаго-

Димосѳенъ указываетъ на порочную жизнь матери Эсхина). Но я, право, боюсь, какъ бы говоря неприличныя тебѣ рѣчи, не показаться самому мнѣ неприличнымъ [1]), потому оставлю все это въ сторонѣ и стану разсказывать собственную твою жизнь. Онъ не отъ простыхъ родителей произошелъ; нѣтъ! Отъ такихъ, которыхъ народъ предаетъ проклятію. Впослѣдствіи... что я говорю: впослѣдствіи? Вчера, намедни, сталъ онъ Аѳиняниномъ и имѣетъ дѣтей, и прибавивъ пару слоговъ, отца изъ Тромета, передѣлалъ въ Атромета, а мать важно прозвалъ Главкоѳеей, тогда какъ ее всѣ знаютъ за Емпу́су; она, какъ Емпуса, все способна дѣлать, терпѣть, во всякую вещь обращаться; отъ того и получила такое прозвище [2]). Иначе отъ чего бы? И ты такъ не благодаренъ, такъ подлъ, что благодаря Аѳинянамъ ставъ изъ раба свободнымъ, изъ нищаго богачемъ, не то, чтобы питалъ къ нимъ благодарность, но даже продалъ себя ихъ врагамъ. О томъ, въ чемъ можетъ быть нѣкоторое сомнѣніе, о томъ, то-есть, какъ дѣйствовалъ ты въ пользу отчизны, не стану говорить; напомню только о несомнѣнныхъ и явныхъ дѣйствіяхъ твоихъ въ пользу враговъ ея.

Кто изъ насъ не знаетъ отверженнаго вами Антифонта, который обѣщалъ Филиппу сжечь вашу гавань [3])?

Когда я его поймалъ въ Пиреѣ и представилъ народному собранію, то этотъ негодяй (т. е. Эсхинъ) разшумѣлся, раскричался, что я молъ дѣлаю несправедливости, обижаю несчастныхъ гражданъ, хватаю ихъ въ домѣ безъ народнаго опредѣленія. Разсказывая такія вещи, Эсхинъ добился того, что вы освободили Антифонта. И если бы не узналъ объ этомъ дѣлѣ Ареопагъ, если бы онъ не примѣтилъ вашей неумѣстной слѣпоты и не отдалъ бы его вамъ на судъ, то Антифонтъ избѣгнулъ бы наказанія и былъ бы этимъ краснобаемъ выпущенъ на волю; но благодаря Ареопагу, вы подвергли Антифонта пыткѣ и казнили его, какъ слѣдовало бы поступить и съ Эсхиномъ. Но вы съ той же слѣпотою, съ какой погубили многія

нистомъ — первостепеннымъ, девтерагонистомъ — второстепеннымъ, и тритагонистомъ — третьестепеннымъ актерамъ. Эсхинъ занималъ всегда третьестепенныя роли, — роли тритагониста.

[1]) Этотъ оборотъ рѣчи очень напоминаетъ подобное же выраженіе въ Словѣ митр. *Филарета* «объ одеждѣ». Нашъ проповѣдникъ говоритъ: «Должно опасаться, чтобы не почтено было неблагопристойностію обличеніе обычаевъ, которымъ однакожъ послѣдовать неблагопристойностію не почитается». *Примѣч. издателя.*

[2]) Люди, вышедшіе въ граждане изъ рабскаго состоянія, удлинняли свою фамилію. Емпуса — въ родѣ кошмара; призракъ, принимавшій разные виды и мучившій сонныхъ людей.

[3]) Въ 346 году въ Аѳинахъ пересматривались права на гражданство, при этомъ многіе Аѳиняне исключены были изъ числа гражданъ; между прочими — Антифонтъ; озлобленный этимъ, онъ ушелъ къ Филиппу.

другія общественныя дѣла, избрали его своимъ представителемъ по дѣлу о Делійскомъ храмѣ. Ареопагъ, зная прежнія его продѣлкв, когда получилъ отъ васъ право рѣшить дѣло, прогналъ Эсхина, какъ предателя, и послалъ Иперида. Таково было рѣшеніе, данное Ареопагомъ подъ присягою; ни одинъ голосъ не былъ поданъ въ пользу этого мерзавца; а что я говорю правду, въ подтвержденіе тому позови свидѣтелей. Итакъ, когда дума отвергла его и назначила на его мѣсто другаго, то она тѣмъ самымъ признала Эсхина предателемъ и злоумышленникомъ.

Вотъ одно общественное дѣяніе этого молодца; не правда ли? Оно похоже на тѣ дѣла, за которыя онъ меня обвиняетъ! Припомните еще другой подвигъ его. Когда Филиппъ прислалъ Византійца Пиѳона и вмѣстѣ съ нимъ пословъ отъ всѣхъ своихъ союзниковъ, чтобы пристыдить нашъ городъ, уличить его въ разныхъ провинностяхъ; тогда я не уступилъ Пиѳону, съ дерзкою наглостью и запальчивостію нападавшему на васъ; я возсталъ противъ него, опровергъ его, не выдалъ правъ отчизны; до такой очевидности доказалъ неправоту Филиппа, что всѣ его союзники единодушно согласились со мною; а Эсхинъ спорилъ со мною, говорилъ ко вреду отчизны и при томъ все лгалъ.

Но этого было еще мало. Послѣ того онъ пойманъ былъ въ домѣ Ѳрасона на бесѣдѣ съ Анаксиномъ, соглядатаемъ Филипповымъ; а кто одинъ на одинъ сходится и бесѣдуетъ съ посланцемъ непріятеля, тотъ, естественно, самъ становится соглядатаемъ и врагомъ отчизны. Что я правду говорю, въ доказательство того, позови свидѣтелей. Много бы я могъ еще сказать про него, да не стоитъ. Дѣло вотъ въ чемъ: я могъ бы показать много случаевъ, въ которыхъ онъ въ то время оказался слугою враговъ отчизны и издѣвался надо мною. Но вы этого въ точности не помните и надлежащимъ образомъ не негодуете. По какой-то дрянной привычкѣ вы дали полную волю любому охотнику мѣшать и ябедничать на желающаго сказать вамъ что-либо полезное; вы на прелесть ругательства промѣняли пользу отчизны; потому всегда легче и безопаснѣе, служа врагамъ вашимъ, брать деньги, чѣмъ радѣть о вашихъ выгодахъ. Возмутительно было.... о земля и боги! Какъ же не возмутительно? что онъ до войны еще открыто ратовалъ за Филиппа противу отчизны. Но если вамъ угодно, пусть это при немъ останется, пусть останется! Но когда уже явно ограблены были наши корабли, когда Филиппъ разорялъ Херсонесъ, когда онъ шелъ на Аттику и сомнѣній никакихъ уже не оставалось, когда однимъ словомъ возникла война: что тогда этотъ клеветникъ, ямбоѣдъ [1]), дѣлалъ въ вашу

[1]) Эсхинъ, какъ плохой актеръ, стихи произносилъ неясно, нѣкоторые слоги съѣдалъ, скрадывалъ.

пользу? Онъ тогда не подавалъ никакого мнѣнія, ни значительнаго, ни пустаго, которое клонилось бы къ вашимъ выгодамъ.

Если же онъ скажетъ, что подавалъ такое мнѣніе, то пусть докажетъ сейчасъ же на моей чредѣ [1]); но ничего подобнаго не было. А вѣдь ему необходимо было сдѣлать одно изъ двухъ: не находя въ дѣйствіяхъ моихъ ничего противозаконнаго, онъ или не долженъ былъ подавать мнѣній несогласныхъ съ моими; или же, заботясь о выгодахъ непріятелей, не давать мнѣній, которыя были бы для Аѳинъ полезнѣе моихъ. Но онъ, можетъ быть, когда приходилось ему сдѣлать вамъ какое-либо зло, ничего не говорилъ, ничего не предлагалъ вамъ? О, тогда онъ не давалъ никому другому и говорить. Впрочемъ, иные его поступки, городъ могъ бы, кажется, еще терпѣть, а онъ—укрывать настоящую цѣль ихъ; но вѣдь онъ, Аѳиняне, сдѣлалъ одно дѣло, такое дѣло, которое завершило всѣ прежнія дѣла его: о немъ онъ потратилъ много рѣчей, оправдывая разныя постановленія относительно Амфисянъ, съ цѣлію исказить истину; но не такое это было дѣло; куда! Ты никогда не смоешь съ себя позора за тѣ дѣла, которыя ты тамъ натворилъ; на это не хватитъ у тебя словъ.

Предъ лицемъ вашимъ, Аѳиняне, взываю ко всѣмъ богамъ и богинямъ, хранящимъ землю Аѳинскую и къ Аполлону Пиѳійскому [2]), исконному покровителю сего города; молюся имъ всѣмъ, чтобы, если я правду говорю вамъ теперь и говорилъ тогда, когда примѣтилъ, что этотъ негодяй берется за то дѣло (а я это примѣтилъ, тотчасъ примѣтилъ), то, чтобы они даровали мнѣ удачу и успѣхъ; если же по враждѣ или зависти возвожу на него ложное обвиненіе, то чтобы лишили они меня всякихъ благъ.

Почему же я такъ напираю и настаиваю на это дѣло? Потому что хотя въ рукахъ у меня документы, которымъ ясно подтвержу обвиненіе мое, хотя знаю, что вы вспомните его дѣла: однако боюсь, какъ бы не показалося вамъ, что въ преступленіяхъ своихъ онъ себя превзошелъ: вѣдь это прежде уже случилося, когда ложнымъ донесеніемъ своимъ онъ погубилъ бѣдныхъ Фокеянъ. Для Амфисской войны Филиппъ пришелъ въ Елатею, былъ выбранъ главою Амфик-

---

[1]) Ораторамъ назначалось для рѣчей опредѣленное время по клепсидрѣ, водянымъ часамъ. Если ораторъ предлагалъ противнику говорить въ свою чреду, то этимъ онъ высказывалъ увѣренность въ правотѣ своего дѣла.

[2]) Демосѳенъ призываетъ Аполлона, убившаго змѣя Пиѳона и за то прозваннаго Пиѳійскимъ, потому что дѣло шло объ оскорбленіи Пиѳійскаго (Дельфійскаго) храма. Племеннымъ былъ Аполлонъ для Аѳинянъ, потому что Іонъ, первый поселенецъ Аттики, происходилъ отъ Аполлона.

тіоновъ; эта война ниспровергла все въ Елладѣ; устроилъ эту войну — Эсхинъ; онъ одинъ виновникъ всѣхъ тѣхъ страшныхъ золъ. Въ то время я возсталъ и открыто кричалъ на вѣчѣ: «войну, Эсхинъ, накликаешь на Аттику, войну Амфиктіонскую». Но тогда одни по стачкѣ съ Эсхиномъ не позволяли мнѣ говорить, другіе выражали удивленіе и подозрѣніе; говорили, что я по личной враждѣ возвожу на него пустое обвиненіе.

Въ чемъ состояла, Аѳиняне, сущность тѣхъ событій, изъ-за чего они были затѣяны и какъ ведены, услышите объ этомъ теперь; — тогда вамъ помѣшали. Вы увидите, что дѣльце было ловко состряпано; получите понятіе обо всемъ; поймете, какъ ловокъ и смышленъ былъ Филиппъ.

Не было бы конца войнѣ вашей съ Филиппомъ, если бы онъ не вооружилъ противъ васъ Ѳивянъ и Ѳессалійцевъ. Хотя полководцы ваши жалко и худо вели войну съ нимъ, однако Филиппъ терпѣлъ несмѣтныя бѣдствія отъ самой войны и отъ морскихъ разъѣздовъ: ибо ничего ни вывозилося изъ его царства, ни ввозилося въ него.

Онъ тогда не былъ сильнѣе васъ флотомъ, да и сухопутьемъ не могъ пробраться въ Аттику, такъ какъ Ѳессалійцы не шли за нимъ, а Ѳивяне его не пропускали. Хотя онъ на войнѣ одолѣвалъ тѣхъ полководцевъ, которыхъ вы противъ него посылали, каковы бы они ни были (объ этомъ не стану говорить), однако онъ много терпѣлъ отъ самой мѣстности и отъ иныхъ невыгодныхъ условій. Потому, если бы онъ изъ-за личныхъ цѣлей вздумалъ уговаривать Ѳессалійцевъ и Ѳивянъ идти на васъ, то, разсуждалъ онъ, никто его не послушается; если же онъ будетъ выбранъ главою въ общемъ дѣлѣ и воспользуется общими предлогами, то надѣялся легче однихъ одурачить, другихъ уговорить. И что же? Онъ (посмотрите, какова ловкость!) затѣялъ войну противъ Амфиктіоновъ и мутитъ въ Пилѣ: сообразилъ, что тотчасъ обратятся къ нему за помощію. Если бы затѣялъ это дѣло кто-нибудь изъ его гіеромнемоновъ [1]) или союзниковъ, то, полагалъ, и Ѳивяне и Ѳессалійцы заподозрятъ его и всѣ будутъ остерегаться; если же вмѣшается въ это дѣло Аѳинянинъ, то, такъ какъ вы находились во враждебныхъ къ нему отношеніяхъ, онъ надѣялся удобно скрыть свои замыслы. Такъ и случилось. Какъ же поступилъ Филиппъ? Онъ нанялъ Эсхина. Никто изъ васъ, какъ обыкновенно у васъ бываетъ, не угадывалъ намѣреній Филиппа, не остерегался его; и потому Эсхинъ, по предложенію трехъ или четырехъ лицъ, выбранъ былъ въ Пилагоры.

[1]) Представители городовъ, составлявшихъ Амфиктіоновъ союзъ, назывались Гіеромнемонами и Пилагорами. Чѣмъ различались они между собою, теперь не совсѣмъ ясно.

Получивъ это назначеніе, Эсхинъ отправился въ собраніе Амфиктіоновъ, и оставивъ въ сторонѣ всѣ прочія дѣла, устроилъ тѣ, для которыхъ былъ нанятъ: сочинилъ благовидныя рѣчи, подобралъ разныя басни, которыми освятилась земля Киррейская, и убѣдилъ гіеромнемоновъ, людей неопытныхъ и непредусмотрительныхъ, завладѣть землею, которую Амфисяне, считая своею, воздѣлывали. Эсхинъ призналъ её святою, тогда какъ Амфисяне ничѣмъ насъ не задѣвали и не подавали никакого повода къ нооруженію противу нихъ, какъ онъ ни увѣряетъ въ противномъ.

Поймите это вотъ изъ чего. Конечно, безъ достаточнаго повода нельзя было осудить Локровъ. Кто же сдѣлалъ позывъ на насъ? По какому предлогу? Кто зналъ объ этомъ? Скажи, докажи. Но ты этого не можешь сдѣлать и указываешь на предлогъ пустой и лживый. Когда Амфиктіоны, подстрекаемые Эсхиномъ, заняли землю Киррейскую, то Локры напали на нихъ, перебили чуть не всѣхъ, а нѣкоторыхъ гіеромнемоновъ захватили. А лишь только возникли отсюда жалобы и война съ Амфисянами, то сперва Коттифъ повелъ войско самихъ Амфиктіоновъ; когда же иные не пришли, иные хоть и пришли, но отказывались дѣйствовать, то на слѣдующее засѣданіе разные негодяи изъ Ѳессалійцевъ и иныхъ Еллиновъ, задобренные Филиппомъ, указали на него, какъ на полководца. Предлоги представляли они благовидные: говорили, что нужно или самимъ дѣлать пожертвованія на войну, содержать иноземцевъ, и взыскивать съ тѣхъ, которые откажутся отъ сего, или избрать Филиппа полководцемъ. Да что много разсказывать объ этомъ? Филиппъ былъ выбранъ ими и тотчасъ, собравъ войско, пошелъ будто въ землю Киррейскую, а тамъ, пожелавъ Киррейцамъ и Локрамъ много здраствовать, занялъ Елатею. Если бы Ѳивяне тотчасъ, какъ увидѣли это, не одумались и не взяли бы нашу сторону, то Филиппъ нахлынулъ бы на городъ, словно горный потокъ; но Ѳивяне задержали его, по благости ли къ вамъ боговъ или благодаря мнѣ, сколько разумѣется такое дѣло можетъ зависѣть отъ одного человѣка. Подай мнѣ, чтецъ, тогдашнія постановленія и показанія, когда что происходило, чтобы Аѳиняне поняли, какія дѣла настряпала эта безпутная голова, ничѣмъ за это не поплатившись. Прочти постановленія. Дай мнѣ и то письмо, которое писалъ Филиппъ къ союзникамъ Пелопонезскимъ, когда Ѳивяне возстали противъ него. Изъ этого письма вы поймете, что Филиппъ настоящій предлогъ посягательства на Елладу, на Ѳивянъ и на васъ скрывалъ и показывалъ видъ, что исполняетъ только рѣшеніе Амфиктіоновъ; а всѣ эти поводы и предлоги Эсхинъ ему сочинилъ. Смотрите, какъ ловко умалчиваетъ онъ о личныхъ своихъ поводахъ и какъ напираетъ на Амфиктіонскія. А кто ему это устроилъ? Кто придумалъ

эти поводы? Кто главный виновникъ случившихся бѣдъ? Развѣ не Эсхинъ? Такъ не говорите же, Аѳиняне, слоняясь по площади, что Еллада потерпѣла все это отъ одного человѣка, отъ Филиппа. Не отъ одного, о земля и боги! Но отъ многихъ, отъ разныхъ негодяевъ въ разныхъ городахъ.

Одинъ изъ нихъ—Эсхинъ! И если бы можно было сказать правду, ничѣмъ не стѣсняясь, я не задумался бы назвать его причиною всеобщей бѣды, виновникомъ погибели частвыхъ людей, странъ, городовъ.

Онъ бросилъ сѣмя бѣдствій, онъ виновникъ созрѣвшихъ бѣдъ! Я дивлюсь, какъ одинъ уже видъ его не возмущаетъ васъ; но мнѣ кажется, глубокій мракъ заслоняетъ передъ вами истину.

Коснувшись дѣйствій его противъ отечества, я добрался до собственно моихъ дѣйствій, направленныхъ противъ него.

И вы, конечно, должны выслушать меня, какъ по многимъ инымъ причинамъ, такъ особенно по тому, что было бы стыдно вамъ, Аѳиняне, не принять рѣчей моихъ, тогда какъ я принималъ на себя труды за васъ. Я видѣлъ, что Ѳивяне, да можно сказать, и вы, допускали усиливаться Филиппу посредствомъ вашихъ согражданъ, подкупленныхъ имъ и радѣвшихъ о выгодахъ его; вы вовсе не остерегалися передъ опасностію, грозившей вамъ и Ѳивянамъ и требовавшей большой осмотрительности, вы готовы были вступить во враждебныя отношенія съ ними. Потому я неуклонно заботился, чтобы этого не случилось; считалъ дружбу вашу съ Ѳивянами полезною не только по собственному убѣжденію, но и потому, что зналъ, какъ Аристофонтъ и Евбулъ во все время своей государственной дѣятельности пеклися и хлопотали о дружбѣ Аѳинъ съ Ѳивами, хотя въ другихъ дѣлахъ они часто и противорѣчили другъ другу, но въ этомъ случаѣ всегда согласно дѣйствовали. Ты, плутъ, при жизни всегда льстилъ и потакалъ имъ; а теперь не чувствуешь, что обвиненіе твое противу меня падаетъ на умершихъ: въ чемъ ты меня коришь касательно Ѳивянъ, за то гораздо болѣе винишь ихъ, чѣмъ меня; они прежде меня одобряли союзъ съ Ѳивянами. Но возвращусь къ тому, какъ устроилъ Эсхинъ войну Амфисскую, какъ прочіе союзники довели до крайности вражду вашу къ Ѳивянамъ, какъ Филиппъ пошелъ на васъ войною. Ради этого они и поссорили насъ съ Ѳивянами; и если бы мы тогда не очнулись, то не довелось бы и оправиться: до того возбудили они вражду. А каковы были тогда ваши взаимныя отношенія, узнаете изъ слѣдующихъ постановленій и отвѣтовъ. Прочти ихъ, чтецъ.

Въ такія отношенія при пособіи Эсхина и сообщниковъ его поставилъ Филиппъ насъ и Ѳивянъ. Укрѣпившись такимъ образомъ, онъ занялъ Елатею въ полномъ убѣжденіи, что если бы что и слу-

чилось, мы не поладимъ съ Өивянами. Всѣ вы знаете, какое произошло тогда смятеніе въ городѣ, но все таки послушайте меня: разскажу вамъ коротко о наиглавнѣйшихъ событіяхъ. Былъ вечеръ; вдругъ дошла вѣсть до пританов, что Елатея занята. Тотчасъ они встали изъ за-обѣда, выгнали торговцевъ изъ площадныхъ палатокъ, зажгли палатки [1]), пригласили полководцевъ, позвали трубача; весь городъ исполнился тревоги. На слѣдующій день пританы звали думу на засѣданіе; а вы собрались на вѣче, и прежде чѣмъ дума обсудила и опредѣлила что-нибудь, весь народъ уже сидѣлъ на своихъ мѣстахъ. Когда потомъ пришла дума и пританы объявили вѣсть, привели самаго вѣстника, когда вѣстникъ повторилъ её, то глашатай спросилъ: «кто хочетъ говорить», и никто не выходилъ. Глашатай нѣсколько разъ повторялъ свой вопросъ, а все таки никто не вставалъ, хотя были на лицѣ всѣ полководцы, всѣ вѣтіи, хотя общій голосъ отчизны и требовалъ, кто бы сказалъ доброе слово: вѣдь тотъ голосъ, который по закону издаетъ глашатай, надлежитъ считать общимъ голосомъ отчизны. Если бы слѣдовало выступить на помостъ желающимъ блага отчизнѣ, то всѣ бы вы, Аѳиняне, выступили; всѣ вы, я знаю, желали ей блага. Если бы нужно было выступить богатѣйшимъ изъ васъ, то заговорили бы триста [2]); если бы и богатымъ и желающимъ блага отчизнѣ, — заговорили бы всѣ, сдѣлавшіе въ послѣдствіи большія пожертвованія: вѣдь они сдѣлали же ихъ по любви къ отечеству и по богатству своему. Но, кажется, тотъ случай и тотъ день взывалъ не только къ преданному и богатому, но и къ слѣдившему за дѣлами съ самаго начала и вѣрно понимавшему, ради чего, изъ какихъ видовъ такъ поступалъ Филиппъ. Кто же этого не зналъ и издавна не соображалъ, тотъ какъ бы ни былъ преданъ, какъ бы ни былъ богатъ, не могъ знать, что слѣдовало дѣлать, не могъ дать вамъ добраго совѣта. Вотъ почему въ тотъ день выступилъ я и сказалъ вамъ то, о чемъ выслушайте теперь внимательно, какъ для того, чтобы понять, что я одинъ изъ тогдашнихъ государственныхъ людей не покинулъ васъ въ опасности, но словесно и письменно среди тогдашней грозы, заботился о вашей пользѣ; такъ и потому, что вы, потративъ теперь немного времени, станете впередъ опытнѣе,—я сказалъ тогда: «тѣ изъ васъ, которые тревожатся изъ-за того, что Өивяне дѣйствуютъ за одно съ Филиппомъ, не понимаютъ, полагаю, настоящаго смысла дѣла. Я увѣренъ, что если бы это было такъ, то до насъ дошла бы вѣсть, что Филиппъ

---

[1]) Чтобы жителямъ Аттики дать знать объ угрожающей опасности.

[2]) Тѣ триста граждан, которые по богатству своему стояли во главѣ симморій. См. прим. 3 на стр. 608.

не въ Елатеѣ, а въ нашихъ уже предѣлахъ. А что, впрочемъ, онъ намѣревается задобрить Ѳиванъ, это вѣрно. Послушайте, въ чемъ дѣло. Кого могъ онъ изъ Ѳиванъ склонить деньгами или обмануть, — съ тѣми поладилъ. Но кто издавна противился ему и нынѣ противится, тѣхъ уговорить онъ не можетъ. Чего же онъ хочетъ и ради чего онъ занялъ Елатею? Онъ хочетъ, показавъ вблизи войско, друзей своихъ — поднять и ободрить, противниковъ же поразить, чтобы они или уступили ему изъ страха, на что теперь они не согласны, или были вынуждены къ тому силою. И такъ если мы будемъ помнить размолвки наши съ Ѳиванами и не довѣрять имъ, считая ихъ сторонниками нашего непріятеля, то во-первыхъ мы сдѣлаемъ то, чего теперь именно желаетъ Филиппъ; потомъ я боюсь, что нынѣшніе его противники пристанутъ къ нему и единодушно пойдутъ на Аттику. Если же вы послушаетесь меня и станете разсуждать о моемъ предложеніи, а не вздорить, то я полагаю, что вы убѣдитесь въ справедливости моего мнѣнія и устраните грозящую отчизнѣ опасность. Что же, по моему, слѣдуетъ дѣлать? Прежде всего забыть о настоящей опасности, потомъ измѣнить свои чувства къ Ѳиванамъ и печься всѣмъ о нихъ: они несравненно ближе насъ къ бѣдѣ и имъ первымъ грозитъ опасность; потомъ выйти къ Елевсину всѣмъ отъ мала до велика и показать, что вы вооружились, чтобы вашимъ сторонникамъ въ Ѳивахъ возможно было стоять за свои права, когда они увидятъ, что какъ продающимъ Филиппу отчизну готово пособить войско Елатейское, такъ желающимъ стоять за свободу вы готовы пособить, если кто на нихъ пойдетъ. Послѣ того я велѣлъ назначить десять пословъ и дать имъ вмѣстѣ съ стратегами полномочіе идти въ походъ, когда потребуется. А когда послы наши прибыли бы въ Ѳивы, что̀ я имъ совѣтовалъ дѣлать? Обратите на это особенное вниманіе. Не требуйте, говорилъ я, отъ Ѳиванъ ничего, (при настоящихъ обстоятельствахъ это было бы стыдно), но обѣщайте имъ помощь, если они ее захотятъ; вѣдь они находятся въ крайнемъ положеніи, а мы можемъ еще оглядѣться. Тогда, если они примутъ наше предложеніе и послушаются насъ, мы достигнемъ нашей цѣли и доставимъ славу отечеству. А не удастся намъ убѣдить ихъ, то, въ случаѣ несчастія, пусть они сами себя винятъ; а на насъ да не падетъ упрека въ какомъ-либо низкомъ и подломъ поступкѣ.» Сказавъ это и тому подобное, я сошелъ съ помоста. Всѣ одобрили меня, никто мнѣ не противорѣчилъ, и съ тѣхъ поръ я мало того, что такъ говорилъ, что дѣлалъ разныя письменныя предложенія, что былъ посыланъ въ Ѳивы, что склонилъ на нашу сторону Ѳиванъ: отъ начала до конца велъ всѣ дѣла, жертвовалъ собою среди опасностей, грозившихъ отечеству. Подай, чтецъ, тогдашнее поста-

новленіе. Въ тотъ день какъ, полагаешь, слѣдовало смотрѣть на тебя, Эсхинъ, и какъ на меня? Если хочешь, я былъ, пожалуй, Батталъ [1]), какъ ты издѣваясь и ругаясь надо мною прозвалъ меня; а ты даже и не герой какой-нибудь, а одинъ изъ извѣстныхъ театральныхъ молодцевъ, — Кресфонтъ, Креонъ либо Иномай, котораго ты погубилъ когда-то въ Колиттѣ? Въ ту пору я, Батталъ Пеонскій, оказался предъ отчизною несравненно выше тебя, Иномая Коѳокскаго. Ты ни въ чемъ ни гдѣ не былъ полезенъ отечеству, а я во всемъ дѣйствовалъ какъ подобало доброму гражданину [2]). Прочти постановленіе. Таково было начало и первоначальное положеніе Ѳивскихъ дѣлъ; Эсхинъ и сообщники его поставили Ѳивы и Аѳины во враждебныя отношенія, возбудили между ними вражду, ненависть и недовѣріе. Мое постановленіе разогнало грозившую отечеству опасность, словно тучу. И такъ правдивому гражданину, если онъ имѣлъ въ виду что́-нибудь болѣе полезное, слѣдовало тогда же указать, а не теперь попрекать меня; — ибо совѣтникъ и ябедникъ, не похожіе другъ на друга и въ другихъ отношеніяхъ, всего болѣе различаются вотъ чѣмъ: совѣтникъ высказываетъ мнѣніе свое заранѣе, и, если его послушаются, беретъ на себя отвѣтственность передъ тѣми, кто послушался его, передъ судьбою, передъ случайностію, передъ всякимъ обвинителемъ; а ябедникъ молчитъ, когда нужно говорить; въ случаѣ же неудачи клевещетъ на тѣхъ, кто что-либо присовѣтывалъ. Тогда была, какъ я сказалъ, самая настоятельная потребность правдивыхъ рѣчей и заботы объ отчизнѣ; и я даю право осудить меня даже теперь, если кто и въ настоящее время придумаетъ что-нибудь лучше моего, или даже если вообще возможно придумать что-либо кромѣ того, что я тогда присовѣтовалъ. Если кто-нибудь знаетъ теперь что либо такое, что́ принесло бы пользу въ ту пору, того тогда не слѣдовало скрывать отъ меня; а если этого нѣтъ, не было, если никто не можетъ сказать даже сего дня, то какъ слѣдовало поступить совѣтнику? Не слѣдовало ли ему избирать лучшее изо всего того, что было тогда явно и возможно? Я такъ, Эсхинъ, и поступилъ, потому что глашатай спрашиваетъ: «кто хочетъ говорить?» А не «кто хочетъ обвинять за прошедшее?» «Кто хочетъ ручаться за будущее?» Тогда какъ ты въ то время сидѣлъ на вѣчѣ безгласенъ, я выступалъ передъ на-

[1]) Почему Эсхинъ называлъ Демосѳена *Батталомъ*, было уже и древнимъ неизвѣстно. Нѣкоторые изъ древнихъ толкователей видѣли въ этомъ прозвищѣ нѣчто изнѣженное, женственное.

[2]) Кресфонтъ, Креонъ, Иномай — третьестепенныя роли. Колиттъ — пригородное мѣстечко (димъ). Въ Колиттѣ на праздникѣ сельскомъ Діонисій Эсхинъ игралъ роль Иномая, и игралъ дурно; потому — «погубилъ» ее.

родомъ и говорилъ. Ну, тогда ты не говорилъ: скажи теперь, скажи такое слово, которое могло бы имѣть успѣхъ; скажи, какой полезный случай былъ мною упущенъ? Союзъ-ли съ кѣмъ? Мѣра ли какая?

Но прошедшее всегда упускается всѣми изъ виду и никто о немъ не думаетъ; совѣтнику надлежитъ имѣть въ виду будущее или настоящее. Въ то время однѣ опасности грозили, другія уже постигли отечество; потому разсматривай тогдашнія намѣренія мои и не клевещи на совершившееся событіе. Конецъ всему бываетъ такой, какой Богу угодно, а намѣреніе обнаруживаетъ душу совѣтника. Не ставь же мнѣ въ вину, что удалось Филиппу одолѣть насъ въ битвѣ; исходъ дѣла зависѣлъ отъ Бога, а не отъ меня. Ты покажи, что я не все, что̀ было доступно человѣческому соображенію, принялъ во вниманіе, что я не правильно, не старательно, не усердно, не по возможности моей дѣйствовалъ, что я затѣялъ дѣла нехорошія, недостойныя отчизны, ненужныя; вотъ что ты покажи и тогда ужъ обвиняй меня. А если случившійся погромъ осилилъ не только насъ, но даже всѣхъ прочихъ Еллиновъ, что̀ тутъ было дѣлать?

Это все равно, что обвинять за кораблекрушеніе хозяина, сдѣлавшаго все для спасенія корабля и снабдившаго его всѣмъ, что по его соображенію должно было послужить ко спасенію; но корабль подвергся бурѣ, пострадалъ отъ нея, и сокрушились всѣ до одной снасти. «Но, скажетъ онъ въ оправданіе, я не правилъ кораблемъ, (какъ я не былъ полководцемъ въ войнѣ съ Филиппомъ), я не властенъ былъ надъ судьбою: — она надо всѣмъ властна». Такъ и ты разсуди и подумай вотъ о чемъ: если намъ въ союзѣ съ Ѳивянами довелося такъ пострадать, то чего бы нужно было ожидать, если бы мы и ихъ не имѣли союзниками, если бы и они присоединились къ Филиппу, за котораго тогда Эсхинъ такъ разглагольствовалъ?

Если въ то время, когда битва случилася на трехдневномъ разстояніи отъ Аттики, отчизнѣ нашей грозила такая опасность, то чего бы нужно было ожидать, если бы подобная бѣда приключилася гдѣ-нибудь въ нашей странѣ? Развѣ ты не понимаешь, что тогда день, два, три, давали возможность остановиться, собраться, передохнуть, спастися, а въ иномъ случаѣ... страшно и высказать, чего не довелося намъ испытать по благоволенію какого-то бога и потому что отчизна вступила въ союзъ съ Ѳивянами, за который ты меня винишь.

Все это, господа судьи, я высказалъ такъ подробно больше для васъ и для предстоящихъ слушателей, потому что для этого негодяя достаточно было бы короткой и ясной рѣчи. Если бы,

Эсхинъ, тебѣ одному изъ всѣхъ гражданъ извѣстно было будущее въ то время, когда нашъ городъ совѣщался о тогдашнихъ дѣлахъ, то тогда же бы тебѣ нужно было сказать о немъ; если же ты не предвидѣлъ, то за недогадливость ты наравнѣ съ другими подлежишь отвѣтственности. Такъ за что же ты меня обвиняешь болѣе, чѣмъ я тебя? Я потому оказался лучше тебя гражданиномъ даже въ томъ, о чемъ теперь веду рѣчь (о прочемъ не говорю), что я пожертвовалъ собою тому, что признавалося всѣми полезнымъ, не дрогнулъ ни передъ какою личною опасностію, не разсчитывалъ; а ты совѣтовъ лучше моихъ не подавалъ (иначе бы Аѳиняне вняли мнѣ), самъ оказался ни на что негоднымъ: поступилъ какъ самый подлый и враждебный отчизнѣ человѣкъ: и въ то время, какъ Аристратъ и Аристолей, исконные враги отчизны, судятъ, одинъ въ Наксѣ, другой въ Ѳасѣ, друзей Аѳинянъ, — Эсхинъ въ Аѳинахъ обвиняетъ Демосѳена.—А кому довелось прославиться бѣдствіями Еллиновъ, тому скорѣе слѣдуетъ погибнуть, чѣмъ винить другаго; кому принесли пользу тѣ же обстоятельства, которыя оказалися полезны врагамъ отчизны, тому нельзя было быть доброжелательнымъ отчизнѣ.

Это ты доказываешь и жизнію своею и поступками и общественной дѣятельностію и недѣятельностію: заведется ли какое дѣло у Аѳинянъ, повидимому полезное, Эсхинъ безгласенъ; а случись что неладное, чему бы не слѣдовало быть, Эсхинъ на лице: такъ когда приключится какая-либо бѣда съ тѣмъ, мышцы и нервы приходятъ въ движнеіе.

Такъ какъ Эсхинъ слишкомъ налегаетъ на неуспѣшный исходъ дѣла, то и я хочу сказать нѣчто повидимому странное; прошу не видѣть въ рѣчахъ моихъ преувеличенія; разсмотрите ихъ благодушно. Если бы даже было всѣмъ вѣдомо будущее, если бы всѣ его предвидѣли, если бы ты, Эсхинъ, его предсказывалъ, кричалъ, вопилъ, (а ты и рта не разѣвалъ), то и тогда бы отчизнѣ не слѣдовало отступаться отъ моего предложенія, если только она хотѣла имѣть въ глазахъ славу, предковъ, будущность. Теперь ясно для насъ, что она не имѣла успѣха; но это случается со всѣми людьми, если такъ угодно бываетъ Богу; при иномъ же исходѣ дѣла она была бы виновна въ томъ, что сперва взялась быть представительницею Еллиновъ; а потомъ отступилася отъ нихъ и предала всѣхъ Филиппу. Если бы она, не тратя силъ, такъ поступила, если бы пренебрегла тѣмъ, изъ-за чего какихъ и какихъ опасностей не выносили наши предки: кто бы тогда не оплевалъ тебя, Эсхинъ? Но ужъ никакъ не отчизну и не меня. Какими, ради Бога, глазами, глядѣли бы мы на приходящихъ въ нашъ городъ иноземцевъ, если бы дѣла пришли въ настоящее жалкое положеніе, вождемъ же и владыкою надъ

всѣмъ былъ избранъ Филиппъ, а борьбу изъ-за того, чтобы не быть такому порядку, взялъ бы на себя другіе безъ насъ? А вѣдь отчизна наша въ прежнія времена никогда безславной безопасности не мѣняла на борьбу за великія цѣли. Кто изъ Еллиновъ, кто изъ варваровъ не знаетъ, что Ѳивяне, и прежде Ѳивянъ преобладавшіе въ Елладѣ [1]) Лакедемоняне, и Персидскій царь съ великимъ удовольствіемъ, охотно дали бы отчизнѣ нашей все, чего бы она ни захотѣла, и позволили бы ей оставаться при прежнемъ благосостояніи, лишь бы только она слушалась чужихъ приказаній и позволила кому-нибудь другому быть главою Еллиновъ? Но для Аѳинянъ того времени такая уступчивость была бы невыносима, противорѣчила бы ихъ природѣ и прадѣдовскимъ преданіямъ. Никто съ давнихъ поръ не могъ склонить нашъ городъ къ безопасному рабству предъ сильными, но несправедливыми властителями; цѣлый вѣкъ провела она въ опасностяхъ, ратуя за первенство, честь и славу. И эти правила вы считаете такъ почтенными, такъ сообразными съ вашимъ нравомъ, что и изъ предковъ болѣе хвалите тѣхъ, которые по тѣмъ правиламъ поступали. Такъ и слѣдуетъ. Кто не цѣнитъ доблестей тѣхъ мужей, которые, кинувъ страну и городъ, сѣли на корабли, изъ-за того, чтобы не исполнять чужихъ приказаній; назначили присовѣтовавшаго имъ это Ѳемистокла полководцемъ, а Кирсила, совѣтовавшаго послушаться царскихъ приказаній, побили каменьями? да и не только его одного: и жену его побили жены Аѳиняне [2]).

Тогдашніе Аѳиняне знать не хотѣли ни вѣтія, ни полководца, которые довели бы ихъ до рабства; готовы были отречься отъ жизни, если бы нельзя было сочетать ее съ свободою.

Каждый изъ нихъ былъ убѣжденъ, что онъ родился не для отца только и матери, но и для отчизны. Въ чемъ же тутъ разница? Въ томъ, что кто полагаетъ, что онъ родился только для родителей, тотъ спокойно ждетъ назначенной судьбою естественной смерти; а кто убѣжденъ, что онъ родился и для отчизны, тотъ готовно пойдетъ на смерть, лишь бы не видать отчизны въ рабствѣ; тѣ оскорбленія, тотъ позоръ, которые необходимо приходится выносить въ рабствующемъ городѣ, будетъ считать страшнѣе смерти.

Если бы я сталъ излагать, какимъ образомъ довелъ я васъ до убѣжденій, достойныхъ вашихъ предковъ, то никто бы, конечно, не сталъ упрекать меня. Но я утверждаю, что таково было ваше собственное расположеніе, и готовъ доказать, что отчизна наша и до меня имѣла такія же убѣжденія. Я только послужилъ ей въ

[1]) До *Левктрійской* битвы въ 371 г. до Р. Хр.

[2]) По *Геродоту* случилось это уже на Саламинѣ съ Ликидомъ.

разныхъ случаяхъ; а Эсхинъ всю тогдашнюю дѣятельность мою осуждаетъ, велитъ всѣмъ вамъ смотрѣть на меня враждебно, какъ на виновника всякихъ ужасовъ и опасностей отчизны; хлопочетъ о томъ, какъ бы лишить меня настоящей почести и собственно у васъ на все будущее время отнимаетъ честь, славу. Если вы, на томъ основаніи, что я дѣйствовалъ тогда не безукоризненно, осудите Ктесифонта, то покажете, что вы ошиблись, а не то, что потерпѣли бѣды по недоброжелательству судьбы. Но нѣтъ, Аѳиняне, нѣтъ! невозможно, чтобы вы, подвергая себя тогда за общую свободу и благо опасностямъ, ошиблись. Нѣтъ, вы въ томъ не ошиблись, клянусь памятью предковъ нашихъ, не дрогнувшихъ передъ опасностями на Мараѳонѣ, стоявшихъ крѣпко подъ Платеями, ратовавшихъ на морѣ подъ Саламиномъ, подъ Артемисіемъ, и многихъ иныхъ доблестныхъ мужей, покоящихся въ народныхъ гробницахъ.

Всѣхъ ихъ, Эсхинъ, равно почтила отчизна честнымъ погребеніемъ, а не только тѣхъ, которые имѣли удачу и пали побѣдителями. Такъ и надлежитъ: всѣ они исполнили обязанности доблестныхъ мужей; участь же имѣли такую, какую судилъ имъ Богъ. Ты, проклятый ябедникъ, желая лишить меня почету и любви Аѳинянъ, разсказывалъ о трофеяхъ и битвахъ, старыхъ дѣлахъ, какъ будто нашъ споръ въ томъ нуждался! Но мнѣ, о тритагонистъ [1]), мнѣ, выступавшему совѣтникомъ въ дѣлахъ чести, славы отчизны, какія надлежало питать чувства? Слѣдовало ли говорить рѣчи недостойныя Аѳинянъ? О, тогда я по всей справедливости достоинъ былъ бы смерти. Да и вамъ, Аѳиняне, не одинаково слѣдуетъ судить о дѣлахъ частныхъ и общественныхъ: въ дѣлахъ частныхъ вы должны руководиться частными обычаями и законами; въ дѣлахъ же общественныхъ должны имѣть въ виду славныя дѣянія предковъ. Если только считаете нужнымъ дѣйствовать достойно нашихъ предковъ, то когда приступаете къ суду о дѣлахъ общественныхъ, вмѣстѣ съ жезломъ и значкомъ надлежитъ вамъ принимать и убѣжденія отчизны.

Увлекшись подвигами нашихъ предковъ, я упустилъ нѣкоторые изъ постановленій и дѣлъ, относящихся къ моему предмету; теперь хочу вернуться къ тому, отъ чего уклонился.

Когда мы пришли въ Ѳивы, застали тамъ пословъ отъ Филиппа, отъ Ѳессалійцевъ и отъ прочихъ союзниковъ Филипповыхъ; нашли, что друзья наши находились въ страхѣ, друзья же Филипповы подняли голову. Что я говорю теперь не ради собственной выгоды, прочти, чтецъ, письмо, которое мы тогда немедленно отправили изъ Ѳивъ.

[1]) См. прим. 4 на стр. 613.

Но Эсхинъ дошелъ до такого безстыдства въ ябедничествѣ, что всякій успѣхъ приписываетъ случаю, а не мнѣ; неудачи же всѣ на меня сваливаетъ; по его мнѣнію я, совѣтникъ и вѣтія, въ совѣщаніяхъ и распоряженіяхъ не принималъ никакого участія, а въ военныхъ неудачахъ былъ единственнымъ виновникомъ! Можно ли найти ябедника безчеловѣчнѣе и злѣе? Прочти, чтецъ, письмо. Когда собралися Ѳивяне на вѣче, первыхъ представили народу пословъ отъ Филиппа, Ѳессалійцевъ и иныхъ сторонниковъ Филипповыхъ, такъ какъ они были союзниками Ѳивянъ. Они долго вели рѣчь, восхваляли Филиппа, осуждали васъ, припоминали всѣ ваши, когда-либо бывшія, враждебныя дѣйствія противъ Ѳивянъ; а главное, настаивали на томъ, чтобы Ѳивяне отблагодарили за услуги Филипповы, а отъ васъ потребовали удовлетворенія, какъ имъ бы вздумалось: или пропустивъ Филиппа въ Аттику, или вмѣстѣ съ нимъ вторгнувшись въ нее; въ такомъ случаѣ, доказывали они, въ Беотію перейдетъ изъ Аттики весь скотъ, рабы и прочее добро; если же бы они насъ послушались, то Беотія, говорили они, была бы разорена войною. Много еще толковали они, и все клонилось къ одной цѣли.

Что мы на это говорили, о томъ ото всей души желалъ бы я разсказать вамъ во всей подробности; но боюсь, какъ бы вы тогдашнія рѣчи наши не сочли пустою болтовнею, вслѣдствіе того, что это дѣла прошлыя, что тогдашнія событія покрылись, такъ сказать, потокомъ времени. Послушайте, на что мы склонили Ѳивянъ и какой отвѣтъ они намъ дали. Прочти, чтецъ. Послѣ этого они звали, приглашали васъ; и вы пошли, помогли имъ, (о подробностяхъ не стану говорить); они были такъ радушны, что вашихъ воиновъ, расположившихся по обычаю за городомъ, помѣстили въ домахъ, въ Кремлѣ, вмѣстѣ съ дѣтьми, съ женами, со всѣмъ тѣмъ, что для нихъ было наиболѣе дорого. Въ тотъ день Ѳивяне предъ лицемъ всего міра заявили вашу славу, признавъ ваше мужество, вашу правдивость и воздержность.

Рѣшившись воевать за одно съ вами, а не противъ васъ, тѣмъ самымъ они признали, что ваши требованія справедливѣе и законнѣе Филипповыхъ. Довѣривъ же вамъ то, что наиболѣе цѣнится и бережется всѣми людьми, — женъ и дѣтей, они тѣмъ выразили увѣренность въ вашихъ нравственныхъ правилахъ. Во всемъ этомъ, Аѳиняне, они выказали вѣрныя понятія о васъ: когда войско ваше вошло въ городъ, никто на вашихъ воиновъ ни за что не подавалъ жалобъ, даже и несправедливыхъ: такъ они были скромны. Потомъ въ двухъ первыхъ битвахъ они не только показалися міру безупречными, но даже возбудили общее удивленіе порядкомъ, во-

оруженіемъ, ревностью къ дѣлу. За это всѣ васъ прославляли, а вы приносили жертвы и устрояли торжественные ходы богамъ. Спросилъ бы я теперь Эсхина: когда все это происходило и городъ ликовалъ въ радости, довольствѣ и упокоеніи, приносилъ ли Эсхинъ жертву? Раздѣлялъ ли радость большинства? Или горюя, стеная, негодуя на общественное благоденствіе, дома сидѣлъ? Если онъ показывался, бывалъ вмѣстѣ съ другими, то не возмутительно ли, не грѣшно ли даже ему добиваться теперь, чтобы судьи, поклявшіеся передъ богами, осудили тогдашнія дѣла мои, которыя онъ считалъ въ то время правильными? Если же онъ не бывалъ на общихъ торжествахъ, если огорчался при видѣ того, чему прочіе радовались, то не заслуживаетъ ли онъ стократной погибели?

Прочти, чтецъ, постановленіе о жертвахъ. Такимъ образомъ мы заняты были въ то время жертвами, а Ѳивяне считали насъ своими спасителями и въ дѣлахъ произошелъ крутой переворотъ: по-милости этихъ господъ, казалося, вы должны будете обратиться къ другимъ за помощью; послушавшись же меня, вы сами другимъ пособили. Какъ кричалъ тогда Филиппъ, какъ смущенъ онъ былъ этими событіями, можете видѣть изъ писемъ его, которыя посылалъ онъ въ Пелопонезъ. Прочти, чтецъ, ихъ. Вы увидите, что сдѣлала моя настойчивость, мои хлопоты, треноги, мои разныя постановленія, надъ которыми такъ глумился Эсхинъ.

Много было у васъ, Аѳиняне, славныхъ и великихъ вѣтій до меня: Каллистратъ, Аристофонъ, Кефалъ, Ѳрасивулъ и множество иныхъ; но никто изъ нихъ никогда не отдавалъ себя вполнѣ отчизнѣ. Иной бывало пишетъ постановленія, но не посольствуетъ; другой посольствуетъ, но не пишетъ. Каждый изъ нихъ предоставлялъ себѣ и удобства и въ случаѣ нужды лазейку. «Такъ что же? кто-нибудь скажетъ.» «Ты, значитъ, на столько превосходишь ихъ всѣхъ силою духа и смѣлостію, что одинъ все можешь сдѣлать?» Не о томъ говорю; но я убѣдился, что постигшая отчизну гроза была такъ страшна, что, казалось, не давала мѣста заботѣ о личномъ спасеніи; и потому было желательно, чтобы государственные люди не упускали ничего нужнаго. Я увѣрился въ себѣ; можетъ быть глупо, но увѣрился, убѣдился, что никто не напишетъ лучше моего и не сдѣлаетъ, никто не пойдетъ въ посольство охотнѣе и честнѣе меня. Вотъ почему я брался за всякія дѣла. Прочти, чтецъ, письма Филипповы. Вотъ въ какое положеніе, Эсхинъ, дѣятельность моя поставила Филиппа; вотъ какія заговорилъ онъ рѣчи! А прежде бывало велъ съ отчизною переговоры дерзкіе и надменные!

Потому справедливо, Аѳиняне, наградили вы меня вѣнцомъ, и ты тогда тому не противорѣчилъ; возставшій же противу меня Ді-

анда не получилъ и пятой части голосовъ [1]). Прочти, чтецъ, эти постановленія, въ то время оправданныя, Эсхиномъ же и нетронутыя [2]).

Въ этихъ постановленіяхъ, Аѳиняне, заключается буква въ букву то же, что до нихъ предлагалъ Аристоникъ, а теперь предлагаетъ Ктесифонтъ; но Эсхинъ противъ нихъ и самъ не возставалъ и другихъ обвинителей не поддерживалъ. А вѣдь, если настоящее обвиненіе его справедливо, то несравненно удобнѣе было бы ему тогда обвинять Демомела и Иперида, сдѣлавшихъ тѣ предложенія. Почему? потому что Ктесифонту теперь можно сослаться на Демомела и Иперида, на рѣшеніе тогдашнихъ судилищъ, на то, что самъ Эсхинъ не обвинялъ тогда ихъ, хотя они сдѣлали предложеніе подобное нынѣшнему Ктесифонтову; на то, что законы не дозволяютъ о поконченномъ дѣлѣ заводить новую тяжбу, и на многое иное. Тогда же дѣло подвергалось суду само по себѣ, не имѣя для меня всѣхъ этихъ выгодъ. Но тогда Эсхину нельзя было, полагаю, дѣлать того, что онъ теперь дѣлаетъ: нельзя было изъ разныхъ постановленій стараго времени лукаво подбирать такія, которыхъ никто не предвидѣлъ, никто даже не воображалъ, чтобы возможно было ихъ теперь привести; нельзя было перепутать время событій, вмѣсто истинныхъ поводовъ правдоподобно выставлять ложные. Этого нельзя было тогда сдѣлать; вы всѣ еще помнили событія, имѣли ихъ, такъ сказать, подъ руками; потому рѣчь должна была держаться истины и дѣйствительности.

Потому онъ теперь выступилъ, обойдя настоящія улики: онъ сообразилъ, кажется, что вы будете разбирать рѣчи, а не дѣла, и что судъ будетъ о словахъ, а не объ общественной пользѣ.

Потомъ онъ хитритъ; говоритъ, что надлежитъ вамъ отречься отъ того мнѣнія, которое вы имѣли обо мнѣ искони: если, толкуетъ онъ, вы сводите счетъ о деньгахъ, данныхъ вами кому-нибудь, и найдете, что счетъ вѣренъ и въ остаткѣ ничего не имѣется, то бываете довольны; такимъ же точно образомъ слѣдуетъ вамъ и въ настоящемъ случаѣ положиться на видимый выводъ нашихъ рѣчей. Посмотрите же, какъ по самой сущности уже бываетъ шатко всякое неправильное дѣло. Согласно съ тѣмъ же мудрымъ примѣромъ онъ призналъ, что я говорилъ въ пользу отчизны, а онъ въ пользу Филиппа, — вѣдь онъ не старался разубѣдить васъ въ такомъ мнѣніи о насъ. Что онъ несправедливо требуетъ измѣненія вашего мнѣнія обо мнѣ, это мнѣ легко доказать, и для этого не нужно при-

---

[1]) См. прим. 1 на стр. 605.

[2]) То-есть, хотя противъ Демосѳена и были обвинители, но онъ оправдался; а Эсхинъ даже и не обвинялъ его.

бѣгать къ счетамъ: общественныя дѣла ихъ не допускаютъ; но я напомню вкратцѣ обо всемъ, пославшись на васъ, слушатели, какъ на свидѣтелей и судей.

Моя дѣятельность, которую Эсхинъ теперь обвиняетъ, произвела то, что Ѳивяне вмѣсто того, чтобы съ Филиппомъ вторгнуться въ нашу страну, какъ всѣ ожидали, стали въ одни ряды съ нами и остановили Филиппа; война производилась не въ Аттикѣ, а на границахъ Беотіи, въ семи-стахъ стадіяхъ отъ Аѳинъ; разбойники изъ Евбеи не грабили и не разворяли насъ; Аттика во все время войны со стороны моря была покойна; Филиппъ не захватилъ Византію, не овладѣлъ Геллеспонтомъ; напротивъ Византійцы за одно съ нами дѣйствовали противъ него. Соображеніе объ этихъ событіяхъ кажется ли и теперь похожимъ на счеты? Нужно ли мои дѣла верстать съ твоими? или же скорѣе сохранить память о нихъ на вѣки? Ужъ я не пресчитываю еще того, что свирѣпость Филиппа, которую онъ вездѣ обнаруживалъ, гдѣ только оказывался господиномъ, довелось испытать другимъ, а кроткость, которою онъ обыкновенно прикрывался съ цѣлью одурачить, даровала вамъ благіе плоды. Но я объ этомъ не хочу говорить.

Не могу не сказать еще, что если бы кто захотѣлъ по правдѣ разсмотрѣть дѣятельность вѣтій и не ябедничать, то не сталъ бы говорить того, что ты говорилъ; не сталъ бы придумывать примѣровъ, передразнивать рѣчь и манеру противника: развѣ не видишь? Дѣла Еллиновъ были вовсе не таковы, чтобы на нихъ имѣло вліяніе, то ли, или это слово скажу я, сюда ли, или туда двину рукой. Нѣтъ, правдивый обвинитель по самимъ событіямъ разобралъ бы, какія средства, какія силы были у отчизны, когда она вступала въ войну, какія послѣ собралъ я ей, и каково было положеніе противника. Если бы я ослабилъ наши силы, онъ доказалъ бы мою вину; если бы далеко противъ прежняго увеличилъ, не сталъ бы на меня ябедничать. Такъ какъ ты объ этомъ умолчалъ, то я скажу; а вы меня повѣряйте.

Силы отчизны состояли въ островитянахъ, но не во всѣхъ, а въ самыхъ слабыхъ: ни Хіосъ, ни Родосъ, ни Керкира не были за насъ; сборъ денегъ заключался въ 45 талантахъ, да и тѣ были забраны впередъ; оплитовъ [1]), всадниковъ, кромѣ своихъ, не было ни одного; а что всего страшнѣе и что всего болѣе могло послужить на пользу врагу, — Эсхинъ съ сообщниками всѣхъ сосѣдей нашихъ—Мегарянъ, Ѳивянъ и Евбеянъ, поставили болѣе во враждебныя къ намъ, чѣмъ въ дружескія отношенія. Таково было по-

[1]) *Оплиты*, тяжело вооруженные воины, составляли главную силу всякаго Греческаго войска.

ложеніе отчизны и никто тутъ не посмѣетъ опровергнуть меня. Посмотрите же, каковы были силы Филиппа, съ которымн вступали мы въ борьбу. Во-первыхъ, онъ надъ подчиненными ему людьми былъ полный самовластитель, что въ войнѣ важнѣе всего; потомъ—они издавна привыкли къ оружію; далѣе—у него было изобиліе въ деньгахъ; онъ дѣйствовалъ, какъ хотѣлъ: не говорилъ о намѣреніяхъ своихъ народу, не совѣщался о дѣлахъ въ-явѣ, не вынуждаемъ былъ оправдываться въ незаконныхъ поступкахъ, не отдавалъ никому отчета,—словомъ, былъ самъ господинъ, вождь, владыка надо всѣмъ.

А я, противникъ его, любопытно знать, надъ чѣмъ я былъ владыкою? Ни надъ чѣмъ. Даже единственное право, которымъ я пользовался, право говорить народу, вы предоставили мнѣ и наемникамъ Филиппа наравнѣ, и всякій разъ, (а такихъ случаевъ подъ разными предлогами было не мало), вы рѣшали дѣла въ пользу непріятеля. И при такихъ неудобствахъ, невыгодахъ, я далъ вамъ союзниковъ, — Евбеянъ, Ахеянъ, Коринѳянъ, Ѳивянъ, Мегарянъ, Левкадянъ, Керкирянъ; отъ нихъ пришли къ намъ 15 тысячъ наемниковъ, 2 тысячи всадниковъ, не говоря уже о гражданахъ; сборъ денегъ сдѣлалъ я, какой только могъ. Если же ты, Эсхинъ, говоришь теперь о правахъ нашихъ на Ѳивянъ, Византійцевъ, Евбеянъ, разглагольствуешь объ одинаковомъ распредѣленіи военной тяготы, то во-первыхъ ты не знаешь, что и въ прежнее время, когда тѣ славные корабли ратовали за Еллиновъ, всѣхъ кораблей было триста, а отчизна наша поставила двѣсти; но не видѣла въ томъ для себя невыгоды, не осудила присовѣтовавшихъ ей такъ поступить; не роптала на нихъ, считая ропотъ дѣломъ постыднымъ, но благодарила боговъ за то, что когда постигла Еллиновъ общая опасность, она на общее спасеніе поставила вдвое больше кораблей сравнительно со всѣми прочими. Во-вторыхъ, пустую ты оказалъ услугу Аѳинянамъ своими ябедами на меня: зачѣмъ теперь разсказываешь, что̀ надлежало дѣлать, а тогда не подавалъ мнѣнія, если только по тогдашнимъ обстоятельствамъ было то возможно? Въ то время слѣдовало принимать не то, чего намъ захотѣлось, но что представляли обстоятельства; ибо вблизи находился врагъ готовый заманить, пріютить у себя тѣхъ, кого бы мы вздумали изгнать; и даже дать имъ деньги.

Если я за дѣйствія мои подпалъ теперь обвиненію, то что̀ бы было, если бы я сталъ придираться къ пустякамъ, а союзники покинули бы насъ; если бы Евбея, Ѳивы, Византія пристали къ Филиппу, подпали подъ власть его? Что̀ бы дѣлали, что̀ бы говорили всѣ эти нечестивцы? Не сказали ли бы и вы, что я предалъ нашихъ союзниковъ?» Филиппъ сталъ владыкою надъ Геллеспонтомъ

при пособіи Византійцевъ; въ его распоряженіи, пропустить или нѣтъ хлѣбъ къ Эллинамъ; при пособіи же Ѳивянъ тяжкая война перенесена въ Аттику, а отъ разбойниковъ Евбейскихъ море стало опасно». Не говорили ли бы они этого и многаго инаго? Ябедникъ, Аѳиняне, всегда и вездѣ есть животное злое, лукавое, сварливое. А этотъ человѣкъ уже по природѣ своей лукавѣе лисицы; ничего путнаго, ничего приличнаго свободному человѣку никогда не дѣлала эта трагическая обезьяна, этотъ Еномай полевой, этотъ фальшивый вѣтія [1]). Въ чемъ способности твои послужили на пользу отчизны? Теперь ты говоришь намъ о минувшихъ событіяхъ! Не похожъ ли ты на инаго врача, который во время болѣзни не говоритъ, не приказываетъ больному, какъ излѣчиться; а когда больной умретъ и его хоронятъ, врачъ тотъ идетъ за нимъ до кладбища и разсказываетъ: если бы покойникъ сдѣлалъ то-и-то, не умеръ бы. Безумный, и ты теперь говоришь? Да и самое пораженіе, тогда какъ слѣдовало тебѣ стенать о немъ, вовсе не отъ меня, какъ увидите сейчасъ, зависѣло. Сами судите. Нигдѣ, куда только отправляли вы меня посломъ, не дѣлалъ я уступокъ посламъ Филипповымъ ни въ Ѳессаліи, ни въ Амбракіи, ни въ Илляріи, ни въ Византіи, ни наконецъ въ Ѳивахъ; но въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ я побѣждалъ пословъ Филипповыхъ рѣчью, Филиппъ бралъ верхъ оружіемъ. И ты за это требуешь отъ меня отвѣтственности? не стыдишься одного и того же человѣка осмѣивать за трусость и выставлять болѣе сильнымъ, чѣмъ все Филиппово могущество? И чѣмъ же я могъ быть сильнѣе его? *Рѣчами!* Чѣмъ инымъ я владѣлъ? Вѣдь не владѣлъ же я душею каждаго воина, не владѣлъ судьбою, не былъ полководцемъ; а ты такъ глупъ, что требуешь у меня отчета въ веденіи войны! Въ чемъ вѣтія отвѣтственъ, за *то* требуйте отъ него самаго полнаго отчета; отъ этого я не отказываюсь. Въ чемъ же состоитъ обязанность вѣтіи? Понимать событія въ самомъ началѣ, предугадывать ихъ и предварять о нихъ народъ. Это я дѣлалъ; кромѣ того всякаго рода задержки, недоумѣнія, невѣжество, сварливость, всѣ эти пороки, по необходимости общіе всѣмъ свободнымъ городамъ, надлежитъ по возможности обуздывать, народъ направлять къ согласію, дружбѣ и исполненію обязанностей: и это все я дѣлалъ; никто не докажетъ, чтобы я въ чемъ-нибудь подобномъ провинился. И такъ если кто-нибудь спроситъ, чѣмъ всего болѣе Филиппъ достигъ успѣха, то всякій отвѣтитъ: войскомъ и подкупомъ государственныхъ людей. Надъ войскомъ же я не имѣлъ власти, не

[1]) Эсхинъ, рожденный быть только актеромъ, трагической обезьяною, дѣйствуетъ на общественномъ поприщѣ, тогда какъ ему слѣдовало бы разыгрывать на какой-нибудь деревенской сценѣ роль Еномая.

былъ полководцемъ, и потому за тогдашній неуспѣхъ и рѣчи не можетъ быть обо мнѣ. Но мое превосходство надъ Филиппомъ состояло въ томъ, что я былъ неподкупенъ. Какъ подкупающій беретъ верхъ надъ подкупаемымъ, такъ не дающій себя подкупить беретъ верхъ надъ подкупающимъ. А потому отчизна, сколько отъ меня зависитъ, непобѣдима.

Вотъ въ чемъ и во многомъ другомъ заключаются основанія, по которымъ Ктесифонтъ имѣлъ право сдѣлать предложеніе обо мнѣ. Поговорю теперь о васъ обо всѣхъ. Послѣ битвы народъ, среди самой лютой опасности, понялъ и оцѣнилъ всѣ дѣла мои, хотя вовсе не было бы удивительно, если бы онъ въ то время и забылъ обо мнѣ: онъ утвердилъ мои предложенія касательно спасенія города; охраненіе его, размѣщеніе стражей, рвы, выдача денегъ на поправку стѣнъ, все это дѣлалось по моему предложенію; а въ скорости народъ назначилъ меня скупщикомъ хлѣба. Потому дружно возстали противъ меня всѣ тѣ, которымъ хотѣлось погубить меня, взводили на меня всякаго рода обвиненія, сперва, впрочемъ не сами лично, но посредствомъ тѣхъ лицъ, за которыми удобнѣе разсчитывали укрыться: вы знаете, конечно, и помните, что въ первое время каждый день подвергался я суду; противники мои всѣ средства извѣдали, и взбалмошность Сосикла, и ябедничество Филократа, и ярость Діонды и Меланта. Во всѣхъ сихъ случаяхъ я, благодаря прежде всего богамъ, а потомъ вамъ, судьи, и прочимъ Аѳинянамъ, оправдывался, какъ и слѣдовало ожидать: за меня была истина и совѣсть судей, помнившихъ присягу и поступавшихъ по ней.

И такъ когда вы оправдывали меня и обвинителямъ моимъ не давали даже пятой доли голосовъ [1]), тѣмъ самымъ вы показывали, что дѣятельность моя безукоризненна, что я законно подавалъ письменныя и словесныя мнѣнія, что я велъ дѣла правдиво и неподкупно. По всему этому какимъ именемъ слѣдовало за мои дѣйствія почтить меня Ктесифонту? Не тѣмъ ли, которымъ, онъ видѣлъ, чтилъ меня народъ, присяжные судьи, которое предъ лицемъ всѣхъ утвердила за мною сама истина? «Но, говоритъ Эсхинъ, прекрасно сказалъ Кефалъ: я никогда не подвергался обвиненію». Да, отлично! Ну, что же послѣ этого сказать о томъ, кто много разъ подвергался обвиненіямъ, но никогда не былъ уличенъ? Эсхину, Аѳиняне, на приводимое имъ изреченіе Кефала, можно возразить вотъ чѣмъ: Эсхинъ никогда не обвинялъ меня, и потому, даже по его мнѣнію, я гражданинъ ни чуть не хуже, чѣмъ Кефалъ.

Изо всего можно видѣть безсмысленность и ябедливость Эсхина, а особенно изъ словъ его о судьбѣ. Вообще всякаго человѣка, по-

---

[1]) См. прим. 1 на стр. 605.

прекающаго другаго человѣка судьбою, я считаю безумцемъ. Иной воображаетъ себя счастливцемъ, а не увѣренъ, продлится ли счастіе его до вечера: какъ же послѣ этого говорить о судьбѣ или попрекать ею другаго? Такъ какъ Эсхинъ кромѣ всего инаго и объ этомъ предметѣ держитъ такую надменную рѣчь, то посмотрите, посудите, Аѳиняне, на сколько правдивѣе и человѣчнѣе его буду я съ вами говорить о судьбѣ. Я считаю судьбу отчизны счастливою и вижу, что Зевесъ Додонскій [1]) подтверждаетъ мое мнѣніе; но настоящее положеніе всего человѣчества считаю тяжелымъ и страшнымъ: кто изъ Еллиновъ, кто изъ варваровъ не испыталъ въ настоящее время великихъ бѣдствій [2])? И такъ въ то время, когда Еллины воображали, что они, выдавши насъ, будутъ вести жизнь блаженную, вы предпочли выгодѣ доблесть, вы чествѣе ихъ поступили и потому я считаю счастливою судьбы отчизны. А что вы удачи не имѣли, что не все случилось, какъ вамъ желалось, то въ этомъ отношеніи на нашу долю пала, полагаю я, часть общечеловѣческой судьбы. Личную же судьбу каждаго изъ насъ, надлежитъ, по моему, разбирать въ личныхъ нашихъ дѣлахъ. Такъ сужу я о судьбѣ, по моему, да полагаю, и по вашему, вѣрно и правдиво, а онъ личную судьбу мою ставитъ выше общей судьбы отчизны, малое и ничтожное возвышаетъ надъ великимъ и доблестнымъ. Статочное ли это дѣло? Но если все таки угодно тебѣ, Эсхинъ, разбирать судьбу мою, то посмотри на свою судьбу; если найдешь, что моя лучше твоей, то перестань ругаться надъ нею. Для того обозри свою жизнь сначала; но да не осудятъ меня слушатели за грубость рѣчи. Не считаю умнымъ ни того, кто топчетъ въ грязь бѣднаго, ни того, кто, выросши въ довольствѣ, гордится богатствомъ. Но клеветы и ябеды этого низкаго человѣка вынуждаютъ меня на такія рѣчи и я по возможности умѣренно отвѣчу ему. Мнѣ, Эсхинъ, довелося въ дѣтствѣ ходить въ приличныя школы и пользоваться тѣмъ, чѣмъ подобаетъ всякому, не видящему впереди нужды; когда вышелъ я изъ дѣтскаго возраста, я дѣйствовалъ сообразно съ первоначальнымъ моимъ воспитаніемъ, поставлялъ хорегіи, тріерархіи [3]), дѣлалъ взносы, не отставалъ ни отъ кого ни въ частныхъ, ни въ общественныхъ пожертвованіяхъ; всегда былъ отчизнѣ и друзьямъ моимъ полезенъ. А когда мнѣ вздумалось приступить къ общественнымъ дѣламъ, я взялся за такую дѣятельность, за которую отчизной и многими Еллинами много разъ былъ увѣнчанъ; и вы, враги

---

[1]) Въ Додонѣ было знаменитое прорицалище Зевеса.

[2]) Ѳивы были разрушены; Пелопонесъ только что усмиренъ Антипатромъ послѣ возстанія; Александръ завладѣлъ срединною Азіи.

[3]) Участвовалъ въ устроеніи праздничныхъ увеселеній, въ снаряженіи кораблей.

мои, не рѣшится сказать, что не за доброе дѣло взялся я. Такова моя судьба. Много бы еще могъ сказать объ ней, но опускаю; боюсь какъ бы хвастливость моя не оскорбила кого. А ты, мужъ почтенный, другихъ оплевывающій, посмотри на меня, сличи съ моею твою судьбу.

Дѣтство провелъ ты въ великой нуждѣ; сидѣлъ подлѣ отца своего въ школѣ, растиралъ чернила [1]), чистилъ скамьи, подметалъ комнату; находился на положеніи раба, а не свободнаго мальчика. Возмужавъ, матери, совершавшей таинства, читалъ священныя книжки и занимался разнымъ обиходомъ: по ночамъ надѣвалъ оленью шкуру, разливалъ вино, очищалъ посвященныхъ, вытиралъ ихъ глиной и отрубями; потомъ, поднявъ ихъ, заставлялъ говорить: «ушелъ отъ зла, нашелъ добро;» хвастался, что никто, какъ ты, не взвоетъ (и я этому вѣрю: не думайте, чтобы онъ только говорить могъ такъ громко, а выть блистательно не умѣлъ); днемъ водилъ по улицамъ славныя тѣ толпы посвященныхъ, увѣнчанныхъ укропомъ и проскурнякомъ, душилъ ручныхъ змѣй, моталъ ими надъ головою, кричалъ: «еви, сави», приплясывалъ съ криками: «гіесъ аттесъ, аттесъ гіесъ»; старушонки прозывали его запѣваломъ, коноводомъ своимъ, плющеносителемъ, сосудоносителемъ, и тому подобное; въ награду за все это получалъ *тюрю* на винѣ, булки-священныя зерна... Какъ же въ самомъ дѣлѣ ему было не считать себя счастливчикомъ? Когда же ты—какъ ни на есть (о томъ говорить не стану)—вписался въ списокъ демотовъ, тотчасъ выбралъ себѣ прекраснѣйшее занятіе, — занятіе писаря и ходока при мелкихъ чиновникахъ. Отдѣлавшись наконецъ отъ нихъ, послѣ разныхъ дѣлъ, которыми ты самъ другихъ попрекаешь, ты конечно послѣдующей жизнію не посрамилъ прежней: ты къ извѣстнымъ громкогласнымъ актерамъ, Симилу и Сократу, нанялся третьестепеннымъ актеромъ; словно садовникъ, собралъ на чужой землѣ смоквы, виноградъ, оливы: съ этого сбора ты больше получалъ, чѣмъ со сценическихъ представленій; за тѣ вы иной разъ жизнь подвергали опасности: у зрителей съ вами велась непримиримая, вѣчная война. Отъ нихъ тебѣ доставалось не мало побоевъ и потому ты имѣешь право издѣваться надъ трусостію людей, не извѣдававшихъ такихъ опасностей [2]).

Но оставлю то, въ чемъ, пожалуй, виновата бѣдность твоя, и

---

[1]) Растиралъ черную краску и мѣшалъ ее съ водою.

[2]) Во время праздника сельскихъ Діонисій при сборѣ винограда и другихъ плодовъ, труппы странствующихъ актеровъ, подобныхъ Эсхину, Симилу и Сократу, выпрашивали подаяніе, состоявшее въ винградѣ, смоквахъ, оливахъ; когда же зрители были ужъ очень недовольны плохимъ представленіямъ, то, не ограничиваясь свистками, кидали въ актеровъ каменья.

обращуся ко нраву твоему. Когда вздумалося тебѣ предаться общественной дѣятельности, ты такъ себя повелъ, что при удачахъ отчизны велъ жизнь заячью, — со страхомъ и трепетомъ ждалъ побоевъ за продѣлки свои; а когда другихъ постигали неудачи, оказывался дерзокъ и нахаленъ. Но кто являлся дерзокъ послѣ погибели тысячи сограждан [1]), какого такой человѣкъ не заслуживаетъ наказанія? Много бы и еще могъ сказать о немъ, но лучше умолчу: неприлично излагать легкомысленно [2]) всѣ его мерзости и подлости; достаточно сказать о томъ, о чемъ не стыдно говорить.

Разбери же и сличи, Эсхинъ, покойно, безъ озлобленія, твою и мою жизнь; и потомъ спроси слушателей, чью предпочтутъ они. Ты училъ грамотѣ, я ходилъ въ школу; ты посвящалъ въ таинства, я былъ посвященъ; ты былъ писаремъ, я участвовалъ въ народныхъ собраніяхъ; ты игралъ на сценѣ третьестепенныя роли, я былъ зрителемъ; ты падалъ на сценѣ, я свисталъ; въ общественныхъ дѣлахъ ты былъ всегда за враговъ отчизны, я за отчизну. О прочемъ не стану говорить; но вотъ теперь, сегодня, идетъ дѣло о томъ, быть ли мнѣ увѣчану (а что я ни въ чемъ не провинился передъ отчизною, въ этомъ всѣ согласны) и считаться ли тебѣ клеветникомъ, позволятъ ли судьи тебѣ впередъ ябедничать, или уймутъ тебя, не давъ тебѣ и пятой части голосовъ [3]). Хорошую же, какъ видишь, прожилъ ты жизнь! имѣешь полное право обвинять меня!

Прочту еще вамъ свидѣтельства о понесенныхъ мною литургіяхъ. А ты кстати прочти испорченные тобою на сценѣ стихи:

«Пришелъ я въ нѣдра мертвыхъ, въ область морока.»

или:

«Знай, *злыя* вѣсти приношу я противъ воли.»

и да погубятъ тебя, *злодѣя*, боги и судьи *злою* [4]) погибелью: подлый ты гражданинъ и подлый актеръ!

Таковъ былъ я въ дѣлахъ общественныхъ. О частныхъ же, если не всѣ вы знаете, что я общителенъ, радушенъ, помогаю нуждающимся, — я молчу, ничего не скажу и не представлю никакихъ свидѣтельствъ на то, выкупалъ ли я плѣнныхъ, помогалъ ли бѣднымъ выдавать замужъ дочерей [5]), и тому подобное. Мое убѣжденіе въ

[1]) Въ Херонейской битвѣ тысяча Аѳинянъ пало и двѣ тысячи взято было въ плѣнъ.

[2]) Какъ дѣлалъ Эсхинъ.

[3]) См. прим. 1 на стр. 605.

[4]) Въ подлинникѣ подобная же игра словъ. Первымъ стихомъ начинается Еврипидова Гекуба; второй — изъ неизвѣстной намъ трагедіи.

[5]) Безъ приданаго не могъ состояться въ Аѳинахъ бракъ; потому для бѣдныхъ невѣстъ приданое сбиралось ближайшими родственниками.

этомъ случаѣ таково: Я полагаю, что получившій благодѣяніе долженъ всю жизнь его помнить, а сдѣлавшій—тотчасъ о немъ забывать, если только первый хочетъ, чтобы его считали честнымъ человѣкомъ, а второй, чтобы его не осуждали за мелочность. Напоминать о своихъ благодѣяніяхъ, говорить о нихъ почти то же, что попрекать. Но я этого не сдѣлаю, ничто меня къ тому не вынудитъ; какое бы ни было обо мнѣ въ этомъ отношеніи мнѣніе, мнѣ все равно.

Покончивъ съ частными дѣлами, хочу еще сказать вамъ кое-что объ общественныхъ. Если ты можешь, Есхинъ, указать подъ солнцемъ на человѣка, который бы не подпалъ подъ власть сперва Филиппову, а нынѣ Александрову, Еллинъ ли онъ, или варваръ,—то пусть будетъ по твоему, я согласенъ назвать себя виновникомъ того, припишешь ли ты это счастію, или несчастію моему. Но если многіе, не видѣвъ меня, не слыхавъ даже моего голоса, потерпѣли разныя бѣды, и не только отдѣльныя лица, но цѣлые города и народы, то не гораздо ли справедливѣе и вѣрнѣе считать причиною того общую судьбу людей, трудное, не надлежащее теченіе дѣлъ? А ты, забывъ объ этомъ, винишь меня, хотя и знаешь, что если не вся клевета твоя, то часть ея падаетъ на всѣхъ и особенно на тебя. Если бы я самъ по себѣ, самовластительно[1]), распоряжался дѣлами, тогда бы можно было вамъ, прочимъ вѣтіямъ, винить меня. Но если вы присутствовали на всѣхъ собраніяхъ, если отчизна предлагала на общее разсмотрѣніе свои дѣла, если мои предложенія казалися лучшими въ то время всѣмъ, и особенно тебѣ (вѣдь не по любви же ко мнѣ отрекался ты отъ надеждъ, почестей, связанныхъ съ моими тогдашними распоряженіями, но очевидно потому, что не могъ спорить противъ истины и не умѣлъ предложить ничего умнѣе моего), то не обидно ли, не возмутительно ли, что ты теперь осуждаешь тѣ мои предложенія, лучше которыхъ въ то время придумать не могъ? Въ подобныхъ случаяхъ всѣ порядочные люди дѣлаютъ строгое различіе: провинился кто-нибудь умышленно,—сердятся, наказываютъ его; погрѣшилъ неумышленно,—прощаютъ и не наказываютъ; не провинился и не погрѣшилъ, но жертвуя собою кажущейся общественной пользѣ, не имѣлъ успѣха,—не порицать, не ругаться надъ такимъ человѣкомъ слѣдуетъ, но соболѣзновать о немъ. Все это предписывается не только законами, но и самой природою, руководимой неписанными законами и человѣческимъ чувствомъ. И такъ Эсхинъ настолько превзошелъ всѣхъ людей жестокостію и ябедливостію, что и за то, что онъ самъ называетъ несчастіями, винитъ меня.

[1]) Какъ Филиппъ.

И въ добавленіе ко всему прочему Эсхинъ словно самъ все говорилъ въ простотѣ души, благодушно, просилъ васъ остерегаться, беречься меня, чтобы я не сбилъ васъ, не обманулъ; называлъ меня увлекательнымъ краснобаемъ, чародѣемъ, хитрецомъ, и тому подобное! какъ будто, если кто припишетъ другому человѣку свои качества, то такъ они къ нему и пристанутъ! какъ будто слушатели не разберутъ, каковъ самъ-то краснобай! Но я знаю, что всѣ вы его понимаете, увѣрены, что тѣ качества болѣе къ нему идутъ, чѣмъ ко мнѣ. Знаю и то, что моя увлекательность... пусть будетъ по Эсхинову... Впрочемъ я убѣдился, что сила говорящаго зависитъ всего болѣе отъ слушателя: какъ вы примите рѣчь, какое выкажете расположеніе, такое получаетъ она и значеніе. Потому, если есть во мнѣ какая-либо опытность въ этомъ дѣлѣ, она дѣйствовала въ дѣлахъ общественныхъ всегда за васъ и ни въ какомъ случаѣ, даже въ дѣлахъ лично до меня касающихся,—противу васъ; Эсхиново же искусство имѣло въ виду пользу враговъ отечества и вредило тѣмъ согражданамъ, которые оскорбляли или имѣли какое-нибудь столкновеніе съ ними. Неправедно, не въ видахъ отечества онъ имъ пользуется. Доброму и честному гражданину въ судьяхъ, постановленныхъ обществомъ, не слѣдуетъ возбуждать гнѣва, вражды и подобныхъ чувствъ; не для этого онъ долженъ являться передъ нами; онъ долженъ подавить въ себѣ всякое личное чувство, и въ случаѣ только необходимости давать ему нѣкоторую волю. Гдѣ должны обнаруживаться пылкость общественнаго дѣятеля и вѣтіи? Въ тѣхъ случаяхъ, когда цѣлость народа подвергается опасности, когда ему грозятъ непріятели; вотъ гдѣ! Здѣсь-то обнаруживается благородство и достоинство истиннаго гражданина.

А Эсхинъ подвергъ меня суду, когда я ничѣмъ не провинился передъ народомъ, ниже лично передъ нимъ самимъ; напалъ на меня не за народъ, не за себя; вооружился противъ предложенной мнѣ почести; потратилъ на это бездну краснорѣчія: все это обличаетъ личную вражду, зависть, мелочность, отсутствіе всякаго достоинства; а что онъ уклоняясь отъ прямаго спора со мною, возсталъ противъ Ктесифонта, это уже верхъ низости. Впрочемъ, Эсхинъ, ты, кажется хотѣлъ похвастаться своимъ краснорѣчіемъ, а не требовать наказанія моего за проступокъ. Но не рѣчь, не звучный голосъ приводятъ честь вѣтіи, а стремленіе къ однимъ цѣлямъ съ отчизною, ненависть и любовь къ однимъ и тѣмъ же лицамъ. Кто такъ настроитъ себя, тотъ въ каждомъ словѣ выразитъ преданность къ отчизнѣ; а кто ухаживаетъ за тѣмъ, отъ кого грозитъ ей опасность, тотъ находится не на одной съ нею почвѣ, ждетъ спасенія не отъ того, отъ чего отчизна. Не таковъ, какъ видишь, я: благо отчизны— мое благо; у меня нѣтъ ничего съ нею раздѣльнаго, ничего личнаго.

Но, можетъ, и ты таковъ. Посмотримъ! Тотчасъ послѣ битвы ты отправился посломъ къ Филиппу, ставшему въ то время виновникомъ бѣдствій для отчизны; а прежде, какъ всѣмъ извѣстно, ты отказывался отъ такой службы. Но кто обманываетъ отчизну? не тотъ ли, кто говоритъ не то, что думаетъ? Кого, по всей справедливости, проклинаетъ глашатай? не того ли же самаго? Какое преступленіе можетъ быть для витія болѣе тяжкимъ, какъ говорить не то, что думаешь? А ты оказался таковъ. И послѣ того ты еще говоришь, смѣешь глядѣть въ глаза Аѳинянамъ? Не думаешь ли ты, что они тебя не понимаютъ? или полагаешь, что всѣ они впали въ такой сонъ, въ такое забытье, что не помнятъ, какія рѣчи держалъ ты во время войны, какъ ты клялся и заклиналъ, что у тебя нѣтъ ничего общаго съ Филиппомъ, что я по личной враждѣ взвожу на тебя ложное обвиненіе? А когда пришло извѣстіе о битвѣ, ты тотчасъ, забывъ о прежнихъ словахъ твоихъ, во всемъ призналея, что ты другъ и старинный пріятель Филиппу: такъ называлъ себя наемникъ его! На какомъ основаніи, съ какой стати быть Филиппу другомъ, пріятелемъ, или знакомымъ Эсхина, сына Главкоѳеи бубенщицы [1]? Я не вижу: ты просто былъ подкупленъ имъ, чтобы вредить Аѳинамъ. Итакъ ты явно оказался предателемъ; сами событія уличаютъ тебя, а еще смѣешь ругаться надо мною, порицать меня за то, въ чемъ скорѣе весь народъ виноватъ.

Много, Эсхинъ, великаго и прекраснаго предприняла и совершила отчизна черезъ меня, и этого она не позабыла. Доказательство тому: говорить надъ павшими въ Херонейской битвѣ народъ назначилъ не тебѣ, хоть ты имѣешь и прекрасный голосъ, не Демаду, хоть тотъ только что передъ тѣмъ заключилъ миръ съ Филиппомъ, не Гегемону и никому изъ васъ, а мнѣ. И когда ты и Пиѳоклъ свирѣпо и безстыдно напали на меня, взводили такія же обвиненія, какія и теперь ты, и ругали меня, Аѳиняне выразили еще большее желаніе на мое назначеніе. Хоть тебѣ и не безъизвѣстна причина тому, однако все таки скажу ее. Аѳиняне знали и мое усердіе, мою преданность, и ваше лукавство; ибо въ чемъ вы прежде, въ счастливое время отчизны, запирались, въ томъ, когда она пала, признались. Потому народъ, когда вы во время общихъ бѣдствій высказались, понялъ, что вы издавна были его тайными врагами, а съ того времени — явными. Онъ разсудилъ, что тому, кто будетъ держать рѣчь надъ павшими въ битвѣ и прославлять ихъ доблесть, не подобаетъ быть сожителемъ и сотрапезникомъ ихъ враговъ, въ Македоніи пировать и ликовать о бѣдахъ Еллиновъ

[1] Описанныя выше священнодѣйствія посвященныхъ въ таинство сопровождались пронзительными звуками разныхъ музыкальныхъ инструментовъ.

съ ихъ злодѣями, здѣсь же пользоваться почетомъ; разсудилъ, что вѣтіи слѣдуетъ не голосомъ лицедѣйски оплакивать ихъ судьбу, но душею скорбѣть о ней. Такое настроеніе души въ себѣ, во мнѣ Аѳиняне видѣли, въ васъ — не видѣли. Вотъ почему они назначили меня, а не васъ. Такъ поступилъ народъ; не иначе и отцы, братья покойныхъ, выбранные народомъ для устройства погребенія: когда нужно было устроить обычную тризну у самаго близкаго къ покойнымъ человѣка, они у меня ее устроили. По крови каждый изъ нихъ былъ покойнымъ ближе моего, по духу же никого не было ближе меня: кто наиболѣе дорожилъ ихъ благомъ и успѣхомъ, тому надлежало и наиболѣе скорбѣть о потерпѣвшихъ несчастную участь.

Прочти ему, чтецъ, надпись, сдѣланную городомъ на гробницѣ. И тутъ, Эсхинъ, увидишь, какъ ты безсмысленъ, какой ты ябедникъ и негодяй. Слышишь, Эсхинъ? Уже словами: «не ошибаться ни въ чемъ и во всемъ имѣть успѣхъ — свойственно только богу,» выражается, что возможность успѣха даруется не совѣтнику, а богамъ. Что же ты, проклятый, бранишь меня за неуспѣхъ нашего войска, говоришь про меня такія вещи, какія да обратятъ боги на твою голову и на голову твоихъ сообщниковъ!

Много, Аѳиняне, наклеветалъ и налгалъ на меня Эсхинъ; но болѣе всего тому дивлюся, что онъ, вспомнивъ о тогдашнихъ дѣлахъ отчизны, не плакалъ, не скорбѣлъ, а возвышалъ голосъ, ликовалъ, горло дралъ: онъ, видите ли, мечталъ засудить меня; а на дѣлѣ противу себя же подалъ улику, показавъ, что онъ о бывшихъ бѣдствіяхъ горюетъ не столько, сколько другіе граждане. А говорящему, какъ Эсхинъ теперь, что онъ печется о законахъ и общественномъ благѣ, нужно имѣть хоть одно, если не иное какое свойство, — нужно печалиться о томъ же, о чемъ и народъ, и по убѣжденіямъ своимъ не стоять за одно съ противниками народа. Онъ такъ теперь и поступаетъ, называя меня виновникомъ всего, говоря, что черезъ меня отчизна впала въ бѣду, тогда-какъ вы рѣшились помочь Еллинамъ не по моему совѣту, не по моему настоянію. Но если бы вы подтвердили, что дѣйствительно я возстановилъ васъ противу силы, возраставшей на бѣду Еллиновъ, то высшей награды для меня нельзя бы было и придумать; такой награды никто еще не получалъ отъ васъ. Но и я этого не скажу (иначе бы обидѣлъ васъ), да и вы, я знаю, этого не допустите; а Эсхинъ, если бы дѣйствовалъ правдиво, изъ-за вражды ко мнѣ не посягалъ бы на славу отличнѣйшаго вашего дѣла.

Но къ чему я упрекаю его за это, когда онъ налгалъ, взвелъ на меня гораздо болѣе тяжкія обвиненія. Кто обвиняетъ меня.... о земля и боги!... въ приверженности къ Филиппу, чего тотъ че-

ловѣкъ не скажетъ? Но, клянусь всѣми богами, если бы по правдѣ, устранивъ лганье и пристрастіе, добираться, на чью голову въ сущности, по всей справедливости, взвалить вину за прошедшее, то вы бы нашли, что такіе люди въ каждомъ Еллинскомъ городѣ похожи на Эсхина, а не на меня. Когда сила Филиппа была еще очень не велика, когда мы предваряли, уговаривали, поучали добру, они ради подлаго прибытка жертвуя общимъ благомъ, обманывали, морочили согражданъ, пока не довели ихъ до рабства. Өессалійцевъ погубили: Даохъ, Киней, Өрасидай; Аркадянъ—Керхида, Іеронимъ, Евкампидъ; Аргивянъ—Миртій, Теледамъ, Мнасея; Елейцовъ—Евксиөей, Клеотимъ, Аристехмъ; Мессенянъ — дѣти богопротивнаго Филіада Неонъ и Өрасилохъ; Сикіонянъ—Аристратъ, Епихаръ; Коринөянъ—Динархъ, Демаратъ; Мегарянъ—Птеодоръ, Геликсъ, Перилой; Өивянъ—Тимолай, Өеогитонъ, Анемета; Евбеянъ—Гиппархъ, Клитархъ, Сосистратъ. Но дня не достанетъ на исчисленіе именъ предателей. Всѣ они, Аөиняне, держатся тѣхъ же правилъ относительно своихъ городовъ, какихъ Эсхинъ со своими пріятелями относительно васъ. Это гнусные, льстивые, нечестивые люди; всякій изъ нихъ изувѣчилъ свою отчизну, пропивалъ свободу ея сперва Филиппу, теперь Александру; они мѣряли благо брюхомъ и иными мерзостями, ниспровергли свободу и независимость, которыми прежніе Еллины опредѣляли счастіе человѣческое.

Въ этомъ позорномъ положеніи дѣлъ или — скажу, Аөиняне, безъ обиняковъ—въ утратѣ Еллинами свободы отчизна передъ Елладою невиновна, а я передъ вами. И ты еще спрашиваешь, за какую доблесть ищу я почести. Я скажу тебѣ: въ то время, когда всѣ общественные дѣятели въ Елладѣ, начавъ съ тебя, были подкуплены сперва Филиппомъ, а потомъ Александромъ, не прельстили меня ни связи, ни ласковыя рѣчи, ни посулы, ни надежда, ни страхъ, ничто не заставило меня предать права и выгоды отчизны; въ совѣтахъ своихъ я не склонялся, подобно вамъ, какъ вѣсы, на сторону прибытка; говорилъ всегда прямо, правдиво, неподкупно; завѣдуя важнѣйшими дѣлами моего времени, правилъ ими здраво, честно. Вотъ за что ищу я почести.

А крѣпостныя работы! ты издѣвался за нихъ надо мною, а по моему сужденію онѣ заслуживаютъ благодарности и похвалы; какъ же иначе? но все таки я ставлю ихъ ниже другихъ моихъ общественныхъ дѣлъ. Не камнями, не кирпичами оградилъ я городъ, не ими наиболѣе горжусь. Но если хочешь посмотрѣть на мои крѣпостныя работы, увидишь оружіе, города, мѣстности, пристани, корабли, множество коней, ратниковъ: вотъ чѣмъ оградилъ я Аттику, сколько возможно было по человѣческому соображенію. Ими оградилъ я всю страну, а не одинъ Пирей или кремль. Я нимало

не поддался ухищреніямъ Филиппа, ниже снаряженіямъ его; но подъ ударами судьбы пали полководцы и силы нашихъ союзниковъ. Какія тому доказательства? очевидныя и ясныя. Посмотрите.

Что надлежитъ дѣлать гражданину благомыслящему, предусмотрительно, усердно, честно пекущемуся объ отчизнѣ? Не слѣдуетъ ли ему укрѣплять Аттику со стороны моря Евбеею со стороны срединника [1])—Беотіею, со стороны Пелопонеза—сосѣдними областями? заботиться, чтобы хлѣбъ доставлять вплоть до Пирея по мирнымъ мѣстамъ? однѣ области, какъ напримѣръ, Проконнесъ, Херсонесъ, Тенедъ, — разными распоряженіями стараться удержать за собою; другія же, какъ напримѣръ, Византію, Абиръ, Евбею, привлечь на нашу сторону? у непріятелей отнимать наиболѣе значительныя силы, отчизнѣ доставлять новыя? Все это сдѣлано было по моимъ предложеніямъ, моими распоряженіями. Пусть кто угодно разсмотритъ ихъ безпристрастно: тогда найдетъ, Аѳиняне, что все и обдумано было вѣрно, и выполнено вполнѣ честно; что ни одного случая я не забылъ, не проглядѣлъ, и сколько возможно было для силъ и соображенія одного человѣка, ничего не упустилъ. Если же мощь какого-либо демона либо судьбы, или негодность полководцевъ, или подлость предателей, или все это вмѣстѣ вредило намъ, пока всего не ниспровергло, то чѣмъ виновенъ тутъ Демосѳенъ? Если бы каковъ я былъ для васъ на моемъ мѣстѣ, такихъ по одному человѣку оказалося въ каждомъ Еллинскомъ городѣ, — даже если бы по одному единомышленному со мною имѣли только Ѳессалія и Аркадія; то никто бы изъ Еллиновъ ни по сю сторону Пилъ, ни за Пилами, не находился въ настоящемъ положеніи, но всѣ бы, оставаясь свободными и самостоятельными, ниже безъ страха, безъ опасностей, счастливо, и за столько благъ, за столь великія блага питали бы изъ-за меня благодарность къ вамъ. Чтобы вы убѣдилися, что мои слова далеко не высказываютъ всѣхъ дѣлъ моихъ (я боюсь зависти), пусть чтецъ прочтетъ постановленія. Вотъ какъ надлежитъ поступать, Эсхинъ, честному и благородному гражданину. Имѣй распоряженія мои успѣхъ, они несомнѣнно и по всей справедливости поставили бы меня высоко; но какъ успѣха они не имѣли, то въ утѣшеніе остается хоть добрая слава, хоть то, что никто теперь не коритъ отчизну за ея дѣйствія и всякій проклинаетъ судьбу, такъ устроившую дѣла наши. Честный гражданинъ не отречется отъ блага отчизны, не наймется ко врагамъ ея, не будетъ ловить случаевъ, имъ благопріятныхъ, чернить людей, пекущихся о благѣ отчизны; не будетъ дер-

[1]) Такъ позволилъ я себѣ перевести Греческое слово *μεσόγεια*, которымъ обозначалась внутренняя часть Аттики въ противоположность приморской.

жать на умѣ и помнить личныхъ оскорбленій, лукаво сохранять покой. А ты это часто дѣлаешь. Бываетъ, конечно, бываетъ покой честный и приносящій пользу обществу: въ такомъ покоѣ живутъ многіе изъ васъ, и живутъ по-просту, безъ заднихъ мыслей. Но покой Эсхиновъ вовсе не таковъ. Онъ, когда ему вздумается (а это съ нимъ часто бываетъ) удаляется отъ общественныхъ дѣлъ и выжидаетъ, когда надоѣстъ вамъ какой-нибудь усердный нѣтія, или когда случится какая-нибудь неудача, либо затрудненіе какое: всякое бываетъ въ дѣлахъ человѣческихъ. Тогда, пользуясь случаемъ, онъ, оставляя покой, является вдругъ, словно вихрь; послѣ долгаго упражненія, запасшись разными словами и рѣчами, нижетъ ихъ громко, не переводя дыханія; пользы отъ нихъ и добра не бываетъ никакого; за то приносятъ онѣ бѣды тому или другому гражданину и общій для всѣхъ позоръ.

Если бы, Эсхинъ, твоя старательность, твоя дѣятельность была отъ души и руководилася благомъ отчизны, то приносила бы добрые, хорошіе, общеполезные плоды, доставляла бы союзниковъ, доходы, устроила бы новые рынки для сбыта нашихъ произведеній, издавала бы полезные законы, разила бы явныхъ враговъ. Обо всемъ этомъ заботились въ старыя времена; да и въ недавнее даже время открывались разныя поприща хорошему и честному человѣку; но тебя такимъ считать нельзя; тебя не назовутъ ни первымъ между порядочными людьми, ни вторымъ, ни третьимъ, ни четвертымъ, ни пятымъ, ни шестымъ, словомъ — ни которымъ, въ тѣ по крайней мѣрѣ времена, въ которыя отчизна процвѣтала. Какихъ через тебя пріобрѣла она союзниковъ? какихъ помощниковъ? какую славу? какимъ посольствомъ, какой услугою ты поддержалъ честь ея? что сдѣлалъ ты для внутренняго управленія, для сношеній ея съ Еллинами и иноземцами? какіе доставилъ корабли, какое оружіе, какія гавани? какія построилъ стѣны? какихъ набралъ всадниковъ? чѣмъ вообще былъ полезенъ? чѣмъ пособилъ людямъ достаточнымъ или недостаточнымъ? Ничѣмъ. Но, если ты ничѣмъ не былъ полезенъ, то выказывалъ, можетъ быть, расположеніе и усердіе. Гдѣ? когда? когда даже всѣ, которые когда-либо говорили на семъ помостѣ, сдѣлали пожертвованія, а Аристоникъ пожертвовалъ даже деньгами, собранными имъ для возвращенія правъ гражданскихъ [1]), даже и тогда ты не далъ ничего, и не по тому, что не имѣлъ недостатка: вѣдь ты послѣ тестя своего Филона получилъ въ наслѣдство болѣе 5 талантовъ, да 2 таланта получилъ въ даръ отъ на-

[1]) Аристоникъ за долги свои лишенъ былъ правъ гражданскихъ, для возвращенія которыхъ собраны были Аѳинянами въ пользу его деньги: эти-то деньги Аристоникъ и пожертвовалъ отечеству.

чальниковъ симморій, въ пользу которыхъ ты изгадилъ законъ о тріерархіяхъ [1]).

Но объ этомъ не стану говорить: иначе, заводя рѣчь то о томъ, то о другомъ, отобьюсь отъ настоящаго предмета. И изъ сказаннаго мною видно, что ты отказался отъ пожертвованія не по недостаточности, а по тому, что ты боялся какъ бы отъ тебя не вышло чего во вредъ тѣмъ, о пользѣ которыхъ ты всегда радѣешь. Въ чемъ же ты оказываешься молодцомъ? когда бываешь блистателенъ? Когда приходится дѣйствовать противъ Аѳинянъ, тогда-то ты бываешь, какъ нельзя болѣе, блистателенъ, памятливъ, оказываешься отличнымъ актеромъ, трагическимъ Ѳеокриномъ [2]).

Ты вспоминаешь о доблестныхъ людяхъ прежняго времени, и прекрасно дѣлаешь. Но несправедливо, Аѳиняне, злоупотреблять этимъ, сравнивая съ умершими меня, современника вашего. Кто на свѣтѣ не знаетъ, что живые всегда возбуждаютъ болѣе или менѣе сильную зависть, а умершихъ перестаютъ ненавидѣть даже враги? Послѣ этого какъ же судить, разбирать меня сравнительно съ предшественниками моими? Никакъ нельзя; это и несправедливо и неправильно. Сравнивать меня можно съ тобою и съ кѣмъ хочешь инымъ въ родѣ тебя по занятію и жизни. Вникни еще вотъ во что. Лучше ли, если отчизна изъ-за прежнихъ подвиговъ, подвиговъ громадныхъ (и сказать нельзя, какъ они велики), будетъ неблагодарна къ современнымъ дѣламъ, будетъ топтать ихъ въ грязь, или если она будетъ чтить всѣхъ, которые выкажутъ дѣлами своими любовь къ ней? Да и если правду говорить, моя гражданская дѣятельность похожа на дѣятельность славныхъ мужей прежняго времени, а твоя — на дѣятельность клеветавшихъ на нихъ. Вѣдь и въ тѣ времена были люди, которые какъ ты на современниковъ клеветали, предшественниковъ прославляли. И ты еще говоришь, что я вовсе не похожъ на прежнихъ дѣятелей? А ты, Эсхинъ, похожъ? а братъ твой? а иной кто изъ современныхъ нѣтій? По моему мнѣнію, никто. Сравнивайте живаго съ живыми, современниками, какъ и во всемъ прочемъ, въ поэзіи, въ пѣніи, въ игрищахъ. Филаммона не лишили въ Олимпіи вѣнца за то, что онъ былъ слабѣе Главка изъ Кариста и иныхъ прежнихъ подвижниковъ [3]), но увѣнчали и огласили побѣдителемъ за то, что онъ подвизался лучше всѣхъ своихъ соперниковъ. И ты разсматривай меня сравнительно съ нынѣшними

---

[1]) См. прим. 3 на стр. 608.

[2]) *Ѳеокринъ* былъ извѣстный ябедникъ (сикофантъ); Эсхинъ перемѣнилъ занятія актера на занятія ябедника; потому Демосѳенъ называетъ его трагическимъ Ѳеокриномъ.

[3]) *Филаммонъ и Главкъ* — знаменитые кулачные бойцы; Филаммонъ если не былъ современникомъ Демосѳена, то все-таки жилъ не задолго до него.

вѣтіями, съ собою, съ кѣмъ хочешь: никому не уступлю. Когда возможно еще было Аѳинамъ принять какое-нибудь предложеніе, тогда всѣмъ предоставлено было соперничать въ любви къ отчизнѣ; тогда-то я всѣхъ лучше говорилъ, моими предложеніями, постановленіями, посольствами все велось; а васъ не видно было, развѣ представлялся случай наругаться надъ Аѳинянами. А когда бѣда постигла Аѳины, когда понадобилися недобрые совѣтники, а исполнители чужихъ приказаній, наемные враги отчизны, льстецы передъ злодѣемъ ея: тогда ты, какъ и всѣ твои сотоварищи, попалъ въ честь, сталъ великъ, блистателенъ; а я, сознаюсь, потерялъ силу, но любилъ Аѳины больше вашего.

Порядочному гражданину (такъ скромнѣе о себѣ мнѣ выразиться) слѣдуетъ, Аѳиняне, имѣть два свойства: во время могущества отчизны заботиться о чести и значеніи ея и во всякое время — любить ее: послѣднее въ его волѣ, сила же и могущество не отъ него зависитъ. Что я всегда питалъ любовь къ вамъ, это не трудно доказать. Смотрите. Меня вытребовалъ отъ васъ Александръ [1]), меня подвергали суду Амфиктіонскому [2]), на меня напускали этихъ проклятыхъ людей, словно звѣрей, — а я никогда не ослабѣвалъ въ любви моей къ вамъ. Съ самаго начала, по прямому и честному пути, хлопоталъ о чести, могуществѣ, славѣ отчизны, всегда былъ за нее. При удачахъ враговъ ея я не хожу по площади со свѣтлымъ, веселымъ лицемъ, не протягиваю руки, не сообщаю пріятныхъ вѣстей тѣмъ, которые имѣютъ частыя сношенія съ ними; а объ удачахъ отчизны не слушаю, съ ужасомъ, съ воплями, опустивъ голову, какъ дѣлаютъ эти нечестивцы. Они издѣваются надъ отчизною, будто, поступая такъ, можно не издѣваться надъ самимъ собою; они смотрятъ вонъ изъ отчизны, хвалятъ успѣхи вражескаго могущества надъ бѣдными Еллинами; говорятъ, что такіе порядки должно и впередъ всегда поддерживать.

---

[1]) Александръ, негодуя на Аѳинянъ за содѣйствіи возмутившимся Ѳиванцамъ, требовалъ выдачи восьми главныхъ Аѳинскихъ ораторовъ и въ числѣ ихъ перваго Димосѳена, который сказалъ по этому случаю Аѳинянамъ поучительную басню о пастухахъ, которые потеряли овецъ, потому что отдали собакъ волкамъ. Ораторовъ не выдали. Изъ Энциклоп. Лексикона. *Плюшара.* Спб. 1838, ст. о Димосѳенѣ. Примѣч. *издателя.*

[2]) *Мы не ясно понимаемъ, за что* Димосѳенъ подвергался суду Амфиктіонскому. Въ нѣкоторыхъ біографіяхъ Димосѳена говорится, что во время покоренія Персіи Александромъ, ораторъ бралъ подарки отъ Гарпага, Вавилонскаго правителя,—за что былъ присужденъ ко внесенію пени: ораторъ не могъ уплатить штрафа, и его заключили въ темницу. Успѣвъ убѣжать изъ темницы Димосѳенъ удалился на островъ Калаврію гдѣ и пробылъ до смерти Александра. Затѣмъ витія опять является въ Греціи, подымаетъ возстаніе и когда возстаніе не удалось, бѣжитъ на тотъ же островъ, гдѣ и умираетъ отъ яду. Нибуръ отвергаетъ разсказъ о подаркахъ, принимаемыхъ будто бы Димосѳеномъ. Примѣч. *издателя.*

Но да никто изъ васъ, безсмертные боги, не благословитъ ихъ желаній; даруйте и этимъ людямъ лучшія мысли; если же они неизлечимы, то погубите ихъ съ корнемъ на сушѣ и на морѣ; а насъ избавьте скорѣе отъ грозящихъ намъ опасностей и ниспошлите намъ спасеніе вѣрное.

Б. Ординскій [1].

Примѣч. — *Характеристика Димосѳена*, слова *Нибура*: «Димосѳену было тогда (когда онъ выступилъ противъ Филиппа за Олинѳъ) около 34 лѣтъ отъ роду. Онъ находился на настоящей высотѣ мужескаго возраста, когда юношеская живость умѣряется опытомъ и размышленіемъ. О немъ много говорено; древность имъ много занималась. Теперь рѣчи его читаются болѣе ради ихъ собственнаго превосходства, а не ради эпохи и личности Димосѳена, которая гораздо важнѣе сама по себѣ, нежели изслѣдованія о жалкомъ времени, когда онъ жилъ: новѣйшіе ученые больше говорятъ объ немъ, чѣмъ знаютъ его. Изученіе такихъ личностей, какъ напр. *Цицеронъ* и *Гёте*, еще важнѣе, нежели чтеніе ихъ твореній, потому что только такимъ образомъ мы можемъ узнать до какой степени эти люди отличаются отъ обыкновенныхъ, и какъ высоко они стоятъ надъ общимъ уровнемъ. Поэтому письма ихъ бываютъ весьма поучительны. Въ рѣчахъ Димосѳена надобно болѣе всего обратить вниманіе на самую личность оратора. Едва ли встрѣтимъ въ исторіи положеніе болѣе трагическое. Истина рано открылась Димосѳену; онъ видѣлъ какіе неисправимые ошибки совершались вокругъ него, и какъ все шло къ погибели, а онъ не имѣлъ возможности помочь. За долго до прихода бѣды, онъ скорбно слѣдилъ за ея приближеніемъ; тогда какъ другіе обманывали себя надеждами и легкомысленно жили день за днемъ.—Димосѳенъ испилъ съ чистѣйшею любовью къ родинѣ горькую чашу предвидѣнія. Такой человѣкъ, конечно, не могъ быть веселъ: всѣ его рѣчи проникнуты скорбью, задумчивостью и печалью. Въ нихъ нѣтъ веселости. Въ рѣчахъ Цицерона, именно въ тѣхъ, которыя были сказаны непосредственно послѣ его консульства, есть что-то радостное, глубокое чувство счастія, чего вовсе нѣтъ у Димосѳена. Но *величіе его заключается въ томъ, что онъ неутомимъ, что его не останавливаетъ никакое несчастіе, никакое оскорбленіе,* что его не смущаетъ равнодушіе или плохое исполненіе его печальныхъ совѣтовъ, хотя его же обвиняютъ впослѣдствіи въ томъ, что послушались его. Безъ отдыха придумываетъ онъ мѣры, годныя для каждой новой минуты; онъ постоянно совѣтуетъ, требуетъ и заклинаетъ.

«Онъ нашелъ дѣла въ самомъ печальномъ положеніи: только предъ битвою при Херонеѣ, когда онъ склонилъ Грековъ къ союзу съ Аѳинянами, могъ онъ одно мгновеніе надѣяться на успѣхъ. Тогда насладился онъ всѣмъ счастіемъ, къ какому онъ былъ способенъ. Греція распадалась. Филиппъ былъ могуществененъ, и всюду поднималась его партія; во многихъ городахъ измѣнники дѣйствовали за Филиппа. Въ Аѳинахъ было мало такихъ, но господ-

[1] *Борисъ Ивановичъ Ординскій* (1822—1861) — профессоръ Римской Словесности въ Казан. и Харьков. университетѣ. Извѣстный своими прекрасными статьями и переводами по классической древности. Статьи: Характеры Ѳеофраста (Соврем. т. 33), о древне-Греческомъ театрѣ (Соврем. 1851, № 2), Обѣды Грековъ (тамъ же, т. 75), Греческія женщины (тамъ же, т. 68); есть статьи въ «Пропилеяхъ», сборникѣ г. *Леонтьева;* переводы: Иліада Гомера—нѣсколько рапсодій (въ Отеч. Зап. 1853), о Поэзіи Аристотеля — издано отдѣльно въ Москвѣ 1854.

ствовавшіе вездѣ развратъ и порча нравовъ помогали Филиппу. Нѣкоторыя республики перешли совершенно на его сторону. Въ Аѳинахъ съ Димосѳеномъ стояли нѣсколько даровитыхъ и благонамѣренныхъ, но ему совершенно чуждыхъ людей; таковъ былъ Ликургъ, человѣкъ высокой честности, но зараженный сикофантіей, accusatorem facticavit, по выраженію *Цицерона*. Онъ былъ озлобленъ и находилъ удовлетвореніе въ жалобахъ и доносахъ на другихъ; Димосѳенъ никогда не обвинялъ такимъ образомъ. Еще хуже было то, что многіе честные люди смотрѣли на дѣла съ самой превратной точки зрѣнія Фокіонъ, котораго обыкновенно называютъ образцомъ добродѣтели, постоянно и болѣе нежели кто-либо другой вредилъ своему отечеству: онъ принесъ пользу только въ послѣдней крайности. Тогда его личность произвела нѣкоторое впечатлѣніе, но не его добродѣтель спасла Аѳины, а Антипатръ, вспомнившій, что Фокіонъ былъ старый противникъ Димосѳена и всѣхъ ненавистниковъ Македоніи. Онъ не былъ предателемъ, какимъ, можетъ быть, былъ Эсхинъ и навѣрно Филократъ; онъ былъ неспособенъ къ измѣнѣ; но онъ составилъ себѣ несчастное убѣжденіе въ неизбѣжномъ торжествѣ Филиппа, вбилъ себѣ въ голову, что судьба Аѳинъ уже рѣшена, и вездѣ всѣми силами противодѣйствовалъ Димосѳену, думая, что дѣло уже кончено, и что сопротивленіе можетъ сдѣлать еще болѣе тягостною для родины предстоящую ей участь. Иронія жизни, выражаясь словами одного знаменитаго писателя, поставила его на сторону Филиппа... Въ такомъ положеніи, при общемъ распаденіи Греціи, безъ поддержки въ государствѣ, гдѣ демократія дошла до крайнихъ предѣловъ, среди измѣнчиваго, отвыкшаго отъ войны, народа, съ плохими и несчастными полководцами, предпринялъ Димосѳенъ борьбу противъ Филиппа, стоявшаго во всемъ величіи власти и дарованій. — Это былъ безспорно самый смѣлый подвигъ, когда-либо предпринятый восторженнымъ и необыкновеннымъ мужемъ, сознававшимъ въ себѣ нравственную силу, способнымъ на все великое.

«Аѳины сиротствовали, когда Димосѳенъ выступилъ на сцену. Превосходство Аѳинянъ заключалось въ ихъ воспріимчивости. Ни одинъ уголокъ въ мірѣ не произвелъ такого числа великихъ людей, какъ Аѳины, и нигдѣ народъ не былъ въ такой степени доступенъ впечатлѣніямъ, производимымъ великими личностями. Но время было несчастное. Народъ попалъ въ дурныя руки, и только благопріятствующая судьба спасла его отъ совершенной погибели. Къ несчастію *Платонъ* отдалился отъ государства. При его великомъ умѣ, онъ могъ бы совершить несказанное добро, если-бы подошелъ къ народу поближе и не пренебрегъ его способностью принимать впечатлѣнія. Къ тому же самый народъ не всегда былъ воспріимчивъ и стоялъ въ то время гораздо ниже, чѣмъ во время Пелопонесской войны, ниже нежели, впослѣдствіи, при Димосѳенѣ. Димосѳенъ поднялъ снова Аѳинянъ и развилъ въ нихъ духъ болѣе крѣпкій и благородный.

«Когда онъ явился въ народномъ собраніи, онъ нашелъ испорченный демагогами и обманываемый льстецами народъ, съ которымъ не много можно было сдѣлать хорошаго. *Силою терпѣнія*, таланта и патріотизма пріобрѣлъ мало-по-малу довѣріе своихъ согражданъ, такъ что тысячи необразованныхъ людей шли за нимъ, какъ дѣти за отцемъ. Этимъ вліяніемъ онъ былъ единственно обязанъ своему слову, своимъ достоинствамъ и высокой любви къ отечеству, потому что онъ никогда не занималъ должности, которая могла бы доставить ему средства понужденія и жить въ государствѣ до того распущенномъ, что никто не былъ въ состояніи повелѣвать. Его личное вліяніе было могущественнѣе, чѣмъ самыя мудрыя рѣшенія тѣхъ, въ рукахъ которыхъ находилась власть; рѣчь его увлекала людей, и въ управленіи ими онъ обнаружи-

валъ все превосходство дарованій, полученныхъ имъ отъ Бога. Онъ принадлежалъ къ числу величайшихъ администраторовъ: изслѣдованіе его плановъ доставляетъ высокое наслажденіе.

«Въ то время въ Аѳинахъ, какъ въ эпоху революціи, господствовало стремленіе къ измѣненіямъ въ государственномъ устройствѣ; это стремленіе обыкновенно прежде всего развивается въ ограниченныхъ умахъ, не заботящихся о томъ, найдутся ли для новыхъ учрежденій способные люди. Димосѳенъ вовсе не думалъ о перемѣнахъ: онъ зналъ, что можно сдѣлать изъ настоящаго, и понималъ, что лучшее государственное устройство заключалось въ немъ самомъ. Ему надлежало бороться съ неистовыми нападеніями тѣхъ, кому не нравилась роль его, и съ самыми пошлыми интересами толпы. Тысячи бѣдняковъ до того были воодушевлены имъ, что отказались въ пользу государства отъ пособія, которое получали въ качествѣ державныхъ членовъ того государства; отвыкшій отъ военной службы народъ пришелъ въ воинственный восторгъ и снова привыкъ защищать отечество. Это болѣе, чѣмъ сдѣлалъ Александръ, когда онъ съ 30-ю тысячами человѣкъ проникъ до Инда. Александръ могъ повелѣвать, у него была власть надъ подданными: Димосѳенъ, пробуждая воинственныя чувства, доводилъ своихъ согражданъ до высочайшаго самоотверженія. Все выше подвигались воспитанные имъ Аѳиняне, все доступнѣе становились они всему прекрасному и великому. Его враги расточали клевету, но поведеніе Аѳинянъ относительно Димосѳена было безукоризненное. Съ такимъ возрожденнымъ имъ народомъ, онъ могъ предпринять дѣло, исходъ котораго былъ, конечно, печальный: но если бы сраженіе при Херонеѣ могло быть отсрочено года на два, или если бы побѣда перешла на другую сторону, что очень легко могло случиться, то Аѳины возстали бы въ новой силѣ и молодости».

Димосѳена, говоритъ *Грановскій*, какъ и многихъ великихъ людей, въ томъ числѣ самого Наполеона, часто обвиняли въ недостаткѣ личнаго мужества. Вотъ что говоритъ по этому поводу *Нибуръ*. «Въ день Херонейской битвы Димосѳенъ сражался, какъ и всякій другой въ рядахъ Аѳинскаго войска. Въ жалкихъ анекдотахъ о жизни великихъ мужей безпрестанно повторяется, что Димосѳенъ потерялъ свой щитъ и бѣжалъ вмѣстѣ съ другими, — этому я охотно вѣрю. Самые безстрашные полководцы бываютъ увлечены среди общаго бѣгства. Кто видалъ войну вблизи, тому это извѣстно. Даже какой-нибудь Ахиллъ не могъ бы устоять среди растроенной и бѣгущей массы. Она непремѣнно увлечетъ его съ собою. При изученіи Греческой исторіи мы вовсе не принимаемъ къ соображенію, что содержаніе *Плутарховыхъ* біографій большею частію крайне плохо. Въ Александрійское время писалось очень много всякой дрянн, въ особенности анекдотовъ и біографій: Плутархъ пользовался ими, хотя самъ писалъ несравненно лучше. Его анекдоты заимствованы изъ сборниковъ, не имѣющихъ никакого права на довѣріе, и основаны частью на слухахъ, къ тому же у Плутарха вовсе нѣтъ критики. Прежде на него смотрѣли, какъ на одно изъ главныхъ украшеній древней литературы. По личному характеру, по образу мыслей, онъ, конечно, принадлежитъ къ числу самыхъ пріятныхъ писателей. Въ этомъ отношеніи у него много общаго съ *Монтанемъ* (XVI в. по Р. Хр.), съ которымъ у него вообще большое сходство: для меня онъ даже еще любезнѣе и благороднѣе, чѣмъ Монтань. Если бы Плутархъ жилъ въ другое время, онъ былъ бы такимъ же сплетникомъ, какъ Монтань и слѣдовалъ бы господствующему вкусу; но такъ какъ онъ жилъ въ эпоху суевѣрія, то онъ предался ему изо всѣхъ силъ, старался быть суевѣрнымъ, что ему болѣе или менѣе удается. Ни у того, ни у

другаго нѣтъ критики, да они смѣялись бы надъ нашею критикою, потому-что оба были убѣждены въ невозможности положительнаго знанія исторіи и потому считали главною задачею историка пріятное изложеніе происшествій. Въ этомъ заключалась собственно цѣль Плутарха. Историкъ, читающій его съ идеями болѣе зрѣлаго времени, сто разъ выйдетъ изъ себя, если, по принятому обычаю, будетъ смотрѣть на него, какъ на историческаго свидѣтеля. Онъ вовсе не историкъ. Непонятно спокойствіе, съ какимъ онъ разсказываетъ величайшій вздоръ. Я охотно его читаю и всякій филологъ долженъ читать его произведенія, не только біографіи, но и нравственныя сочиненія: у него цѣлая сокровищница отрывочныхъ извѣстій. Онъ также пріятенъ, какъ Монтань, онъ не строгій философъ, но добродушный старикъ, который чрезвычайно много читалъ и не можетъ достаточно наговориться. Первый, кто 20 лѣтъ назадъ указалъ мнѣ на настоящее значеніе Плутарха, что меня въ то время весьма поразило, былъ *Вильгельмъ фонъ Гумбольдтъ*[1]): «Я готовъ на все согласиться, лишь бы Плутарха не считали историкомъ», сказалъ онъ мнѣ. Я былъ тогда еще очень молодъ, но слова его мнѣ часто приходятъ на память. Къ тому же Плутархъ писалъ ужасно скоро и вовсе не избѣгалъ противорѣчій. Отъ этого происходятъ такія странности. Напр. онъ не усумнился внести въ жизнь Димосѳена самыя вздорныя басни, такъ что нельзя не спросить, какъ онъ могъ отзываться съ почтительнымъ удивленіемъ объ этомъ человѣкѣ, если вѣрилъ всему тому, что самъ писалъ объ немъ. Сверхъ глупой исторіи о Гарпалѣ, къ распространенію которой онъ наиболѣе содѣйствовалъ, онъ же разсказываетъ о бѣгствѣ Димосѳена. Онъ не зналъ можно ли было долѣе стоять, или нѣтъ; онъ не зналъ, что такое война. Только въ книгахъ своихъ вычиталъ онъ, что надобно умирать за отечество, и не понималъ, что когда бѣжитъ цѣлое войско, тогда отдѣльному человѣку остается только бѣжать вмѣстѣ съ прочими, или быть раздавлену подъ ногами бѣгущихъ.

«У Димосѳена было много весьма умныхъ современниковъ, но всѣ они стояли гораздо ниже его. Многіе изъ нихъ, вслѣдствіе нравственнаго различія, были его врагами и противниками.—Въ числѣ такихъ былъ Демадъ, грубый матросъ, одаренный величайшимъ послѣ Димосѳена талантомъ. Демадъ былъ сынъ гребца; въ молодости онъ занимался тѣмъ же ремесломъ; внушеніе генія побудило его выступить всенародно ораторомъ на вѣчѣ; безъ всякаго изученія, остроуміемъ, талантомъ, въ особенности способностью импровизаціи возвысился онъ до того, что пріобрѣлъ большую власть надъ народомъ и не рѣдко нравился ему болѣе самого Димосѳена. Съ безстыдствомъ, доходившимъ до прямодушія, высказывалъ онъ громко все, что думалъ самъ и вмѣстѣ съ нимъ остальная чернь. — Чернь была очень довольна, ибо онъ сообщалъ ей сознаніе, что можно быть порочнымъ, не подвергаясь поруганію. За такое сознаніе люди обыкновенно бываютъ благодарны.... Демадъ замѣчательное лицо; онъ не былъ золъ и по моему гораздо лучше *Эсхина*. У Эсхина есть притязаніе быть хорошимъ гражданиномъ; онъ осмѣливается даже поносить истинно хорошихъ гражданъ, во всемъ этомъ ложь и обманъ. Въ ненависти Эсхина противъ Димосѳена видна и злоба посредственности противъ генія и политическая непріязнь, и зависть умственной и нравственной низости ко всякому превосходству. Демадъ напротивъ смотрѣлъ на дѣло простодушно и высказывалъ прямо, что, конечно, прежде были другія времена,

[1]) *Вильгельмъ Гумбольдтъ* (1767 — 1835) — знаменитый филологъ и эстетикъ. Весьма важно для сравнительнаго языкознанія его сочиненіе: «Ueber die Kawisprache auf der Insel Java (1836—40)».

но что теперь все прежнее прошло невозвратно, и что теперь каждый долженъ болѣе всего заботиться о себѣ; при управленіи государствомъ надо какъ можно болѣе добывать денегъ, чтобъ можно было весело пожить. Онъ выражался безъ застѣнчивости. — Впрочемъ у него не было ни къ чему ненависти. Отсюда объясняются его оношенія къ Димосѳену: онъ его ненавидѣлъ, но вѣроятно находилъ его страшно глупымъ. Ему случалось иногда оказывать республикѣ дѣйствительныя услуги: въ смутныя времена благородный человѣкъ бываетъ часто вреденъ, а дурной полезенъ». (Соч. *Т. Н. Грановскаго.* М. 1866, ч. II, статья о Нибурѣ).

ПЕРВАЯ РѢЧЬ ЦИЦЕРОНА ПРОТИВЪ КАТИЛИНЫ [1]).

Біографія Цицерона. — Наиболѣе замѣчательнымъ изъ числа лицъ, выступавшихъ въ Римѣ на ораторское поприще, былъ знаменитый *Маркъ Туллій Цицеронъ*, котораго по справедливости можно назвать творцомъ классической Латинской прозы и однимъ изъ лучшихъ представителей Римской литературы. Цицеронъ родился въ 106 г. до Р. Х. (въ одномъ году съ Помпеемъ) въ городѣ Арпинѣ, гдѣ отецъ его имѣлъ небольшое имѣніе. Подобно многимъ другимъ Римскимъ гражданамъ тогдашняго времени, отецъ Цицерона проводилъ время въ тиши своего сельскаго уединенія и съ любовію занимался науками; мать его, Гелвія, обратила все свое вниманіе на воспитаніе своихъ сыновей. Такъ какъ Цицеронъ уже въ дѣтствѣ обнаруживалъ необыкновенныя способности, то онъ четырнадцати лѣтъ былъ отправленъ отцомъ въ Римъ и тамъ продолжалъ свое образованіе подъ руководствомъ лучшаго въ то время правовѣда Муція Сцеволы и др. Цицеронъ усердно занимался изученіемъ законовъ своего отечества; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ по особенному влеченію обратился къ изученію образцовъ Греческой литературы и въ особенности Греческаго ораторскаго искусства. Въ скоромъ времени Димосѳенъ сдѣлался его любимцемъ и, руководясь имъ, Цицеронъ болѣе и болѣе усовершенствовался въ ораторскомъ искусствѣ. Во время владычества жестокаго и подозрительнаго диктатора Силлы, одинъ изъ любимцевъ сего послѣдняго подвергъ судебному преслѣдованію молодаго человѣка, который обратился съ просьбою о защитѣ къ Цицерону. Цицеронъ согласился и выступилъ въ первый разъ на поприще публичнаго оратора съ такимъ успѣхомъ, что пріобрѣлъ общее одобреніе Римскаго народа, и краснорѣчіе его спасло обвиненнаго. Опасаясь преслѣдованія со стороны Силлы, Цицеронъ вслѣдъ затѣмъ отправился въ Грецію и оттуда на островъ Родосъ, гдѣ онъ посѣщалъ училище Молона, знаменитаго тогдашняго учителя краснорѣчія. По окончаніи диктаторства Силлы, Цицеронъ, возвратившись въ Римъ, сталъ занимать общественныя должности и быстро возвышался, благодаря своему краснорѣчію. Онъ былъ квесторомъ въ Сициліи, гдѣ пріобрѣлъ уваженіе и любовь народа своимъ безпристрастіемъ и безкорыстіемъ. Тѣми же качествами отличался Цицеронъ, будучи преторомъ и за тѣмъ эдиломъ въ Римѣ. На 43 году жизни онъ получилъ званіе консула и въ этой должности особенно прославился своими дѣйствіями противъ Катилины и его сообщниковъ.

---

[1]) Говорена въ сенатѣ.

Въ то время (въ 63-мъ г. до Р. Хр.) Римская жизнь находилась въ состоянiи постепеннаго разложенiя, а вновь распространявшееся въ Римѣ влiянiе Греческихъ искусствъ и литературы не было въ состоянiи создать что-либо прочное. Въ молодомъ поколѣнiи ясно отразились пороки времени. Воспитанiе утратило свое прежнее значенiе; оно не было уже дѣломъ матерей, а перешло въ руки невѣжественныхъ рабовъ. Гражданскiе смуты при Марiи и Силлѣ не могли также не содѣйствовать развращенiю юношества, подрывая въ немъ уваженiе къ законамъ и общественному порядку. Катилина былъ выраженiемъ духа тогдашняго Римскаго юношества. Онъ поставилъ себѣ задачею — разрушить общественныя основы и во время революцiонныхъ смутъ найти средства для удовлетворенiя своихъ страстей. Около него сгруппировалось много лицъ, одного съ нимъ направленiя. Приготовивъ тайно все необходимое для достиженiя своихъ честолюбивыхъ замысловъ, Катилина рѣшился начать открытое возстанiе убiйствомъ Цицерона. Но Цицеронъ, бдительно слѣдившiй за нимъ, зналъ планы Катилины и вооружился противъ него въ Римскомъ сенатѣ своимъ увлекательнымъ краснорѣчiемъ. Особенно замѣчательна рѣчь, произнесенная послѣ ночи, въ которую къ нему были подосланы Катилиною убiйцы. Слѣдствiемъ ея было то, что Катилина принужденъ былъ бѣжать изъ Рима и стать во главѣ собраннаго имъ войска. Многихъ изъ сообщниковъ Катилины Цицеронъ приказалъ взять подъ стражу и, видя угрожающую опасность, рѣшился казнить всѣхъ заподозрѣнныхъ лицъ. Когда Цицеронъ послѣ казни вышелъ изъ тюрьмы, народъ встрѣтилъ его съ восторгомъ и, получивъ на вопросъ свой о заговорщикахъ отвѣтъ: «они жили», провозгласилъ Цицерона отцомъ отечества. Не долго однако Цицеронъ пользовался такимъ вниманiемъ со стороны гражданъ. Скоро нашлись завистники, которые обвинили его въ самовластiи при осужденiи сообщниковъ Катилины. Во главѣ ихъ стоялъ Клодiй. Непостоянная народная толпа поднялась противъ Цицерона и онъ принужденъ былъ удалиться въ Македонiю; домъ его разрушили и на его мѣстѣ воздвигли храмъ свободы. По истеченiи года Цицеронъ возвратился въ Римъ и былъ восторженно принятъ непостоянною толпою. Съ этого времени наступилъ новый, славный перiодъ въ общественной дѣятельности Цицерона; но вслѣдствiе нерѣшительности и слабости своего характера онъ не въ состоянiи былъ надолго поддержать свое значенiе среди тогдашняго смутнаго времени. Замѣчательный эпизодъ изъ жизни Цицерона составляетъ его отношенiе ко второму трiумвирату. Цицеронъ возсталъ противъ Антонiя, опасаясь, что онъ возобновитъ диктатуру Цезаря и покровительствовалъ молодому, хитрому Октавiану, который хотѣлъ найти въ немъ опору. Впослѣдствiи вѣроломство Октавiана было причиною насильственной смерти Цицерона. Во время кровавыхъ проскрипцiй, Антонiй внесъ имя Цицерона въ списокъ своихъ враговъ; Октавiй же, не смотря на услуги, оказанныя ему Цицерономъ, не вызвался его защитить. Цицеронъ вмѣстѣ съ братомъ хотѣлъ бѣжать; они направились къ морскому берегу, но на пути онъ рѣшился еще разъ возвратиться въ отечество. Высадившись на берегъ, онъ былъ встрѣченъ друзьями, которые просили его удалиться. Но когда прiятели несли Цицерона къ морю, настигли его убiйцы, подосланные трiумвирами, и отрубили ему голову (въ 42 г. до Р. Хр.). Она была привезена въ Римъ, и жена Антонiя исколола языкъ Цицерона, говорившаго такъ много противъ ея мужа. Голова и руки этого великаго человѣка были выставлены на его ораторской каѳедрѣ.

Въ Цицеронѣ Греческая образованность соединилась со свойственнымъ Римлянину практическимъ настроенiемъ духа, замѣчательное совершенство

въ области мысли—съ ревностнымъ участіемъ въ дѣлахъ общественной жизни, увѣренность въ непреоборимую силу Римскаго народа—съ полнымъ признаніемъ превосходствъ Греческой цивилизаціи. Этими противоположностями, не возведенными въ высшее единство, отчасти объясняется шаткость и нерѣшительность его характера. Чистота и изящество слога какъ въ ораторскихъ, такъ и въ философскихъ произведеніяхъ Цицерона ставятъ его, какъ сказано, въ число лучшихъ представителей Римской классической литературы.

Сравненіе Цицерона съ Димосѳеномъ.—Слова *Фенелона:* «Я не страшусь признаться, что Димосѳенъ мнѣ кажется выше Цицерона. Увѣренъ, что никто болѣе меня не удивляется Цицерону. Онъ облекаетъ въ прекрасныя формы все, о чемъ говоритъ; витійство его верхъ славы ораторской; онъ производитъ изъ словъ то, чего никто другой не въ состояніи произвести. Нельзя выразить разнообразія его ума: онъ кратокъ и силенъ противъ Катилины, Верреса, Антонія; но въ его рѣчахъ видны нѣкоторыя прикрасы. Искусство въ нихъ удивительное, но оно замѣтное. Ораторъ, помышляя о благѣ республики, и себя не забываетъ. Димосѳенъ, кажется, не думаетъ о себѣ, помышляя объ отечествѣ. Онъ не старается объ изяществѣ, но всегда изященъ; употребляетъ слова, какъ скромный человѣкъ одѣяніе, громитъ, поражаетъ. Это потокъ, увлекающій все за собою. Читая его, думаешь о предметахъ, имъ изображаемыхъ, а не о словахъ. Мы Филиппа не видимъ, а онъ передъ нашими глазами. Восхищаюсь обоими ораторами; но признаюсь, менѣе трогаетъ меня необыкновенное искусство и великолѣпное краснорѣчіе Цицерона, нежели сильная простота Димосѳена». (Чтенія о Словесности. *И. Давыдова.* Курсъ первый, стр. 37).

Лучшее изданіе сочиненій Цицерона сдѣлано *Орелли.* Цюрихъ. 1826—31.— *C. Frankel:* Studien und Kritiken über den Text der Schriften des Cicero. Dorpat. 1863.—*Друманнъ:* Помпей, Цезарь, Цицеронъ и ихъ современники. Библіотека для Чтенія 1837, т. 21.—*Gaston Boissier:* Cicero dans la vie, publique et dans la vie privée. Revue des deux mondes. 1856.

1. Долго ли еще будешь ты, Катилина, употреблять во зло наше терпѣніе? Долго ли еще въ твоемъ неистовствѣ будешь издѣваться надъ нами? Чего домогаешься ты своею неслыханною наглостью? Ни-почемъ тебѣ то, что дворецъ окруженъ во время ночи вооруженною стражею, ни то, что городъ на военномъ положеніи, жители его въ страхѣ, всѣ благонамѣренные граждане спѣшатъ на защиту отечества, ни то, что сенатъ собранъ въ самомъ безопасномъ мѣстѣ? Или ничего не читаешь ты на лицахъ присутствующихъ здѣсь? Еще для тебя не явно ли, что твои намѣренія извѣстны намъ? Или ты не понимаешь, что единодушіе благонамѣренныхъ гражданъ сковало умыселъ злодѣйскій твоего заговора? Что́ дѣлалъ ты въ обѣ послѣднія ночи, съ кѣмъ и въ чемъ совѣщался—все, до малѣйшей подробности, извѣстно каждому изъ насъ. Что́ за времена нынѣ, что́ за нравы! Сенатъ знаетъ злодѣйскій умыселъ; онъ готовится въ глазахъ консула, а виновникъ его еще живъ. Этого мало; онъ является въ присутствіи сената, принимаетъ участіе въ совѣщаніяхъ объ общественныхъ дѣлахъ, а между тѣмъ

мысленно избираетъ и готовитъ на гибель изъ среды васъ жертвы своей злобы. А мы, имѣя силу въ рукахъ своихъ, думаемъ, что исполнили вполнѣ свои обязанности къ отечеству, защитивши только свою жизнь отъ неистовства и злобы Катилины. Давно уже надлежало бы тебя, Катилина, влечь на казнь по приказанію консула, и обратить на твою голову гибель, которую ты такъ издавна замышляешь намъ всѣмъ. Одинъ изъ великихъ людей отечества нашего, П. Сципіонъ, находясь въ должности верховнаго первосвященника, какъ частный человѣкъ, умертвилъ Т. Гракха за самое незначительное покушеніе противъ общественнаго порядка. А Катилину, замышляющаго предать и городъ нашъ, и области, огню и мечу, долго ли мы, исправляющіе консульскую должность, будемъ еще терпѣть? Указывать ли намъ на примѣръ отдаленной древности, какъ К. Сервилій Агала собственною рукою убилъ Сп. Мелія за его стремленіе къ нововведеніямъ? Да, нѣкогда и въ нашемъ отечествѣ была та прекрасная черта, что люди достойные и сильные строже наказывали злонамѣреннаго гражданина, тайнаго врага общества, чѣмъ явнаго врага отечества, взятаго съ оружіемъ въ рукахъ. Катилина, мы имѣемъ противъ тебя строгій и неумолимый сенатскій декретъ; здѣшнее собраніе приняло съ своей стороны всѣ мѣры, нужныя для безопасности отечества. Вся медленность и оплошность, скажу прямо, отъ насъ, консуловъ.

2. Нѣкогда сенатъ подобнымъ декретомъ поручилъ консулу Л. Опимію бодрствовать надъ общественною безопасностью. И ночь одна не прошла со времени, какъ состоялся декретъ, а Гракхъ погибъ за возбужденіе нѣкоторыхъ смутъ, не смотря на то, что длинный рядъ его предковъ, прославившихся заслугами отечеству, говорилъ въ его пользу; при этомъ же случаѣ убитъ съ дѣтьми М. Фульвій, бывшій консулъ. Такого же рода сенатскимъ декретомъ ввѣрено попеченіе объ отечествѣ консуламъ К. Марку и Л. Валерію. Но сутокъ не прошло, а Л. Сатурнинъ, трибунъ народный, и К. Сервилій, преторъ народа Римскаго, заплатили жизнью за свои замыслы. А мы уже двадцатый день медлимъ, въ нашихъ рукахъ притупляется остріе вашей власти. И у насъ есть точно такой же сенатскій декретъ, но мы отложили его въ ящикъ; у насъ въ рукахъ мечъ, но мы вложили его въ ножны. А по тому сенатскому декрету тебѣ, Катилина, давно уже не слѣдовало быть въ живыхъ. Но ты цѣлъ и невредимъ, и не только не раскаеваешься, но ты преуспѣваешь въ своей преступной дерзости. Желалъ бы я, почтенные сенаторы, казаться себя милосердымъ, желалъ бы выставить себя въ уровень трудному положенію дѣлъ въ отечествѣ, но не могъ скрыть отъ васъ моихъ собственныхъ оплошности и недѣятельности. Въ самомъ сердцѣ Италіи, въ ущельяхъ Этруріи, враги оте-

чества стали лагеремъ, число ихъ растетъ съ каждымъ днемъ; а тотъ, кто вооружилъ ихъ, кто управляетъ всѣми ихъ движеніями, тотъ самый человѣкъ здѣсь, въ стѣнахъ города, и даже присутствуетъ здѣсь въ сенатѣ. Это внутренній червь, который точитъ самое сердце нашего отечества не по днямъ, а по часамъ. Катилина, если я повелю схватить тебя и предать смерти, то каждый благонамѣренный гражданинъ будетъ осуждать меня не за жестокость поступка, а за то, что я самъ медлилъ. Впрочемъ, если я еще по сю пору не рѣшаюсь такъ поступить, то на это есть у меня причины. Тогда поведу только тебя на казнь, когда твое злодѣйство будетъ такъ явно, что развѣ только подобный тебѣ усомнится въ законности твоего наказанія. Но пока у тебя есть еще защитники, ты еще невредимъ, но ты окруженъ моимъ надзоромъ, и не можешь шевельнуться противъ отечества. Невидимо бодрствуютъ надъ тобою тысячи глазъ, тысячи ушей тебя подслушиваютъ, такъ, что ты, не догадываясь, живешь подъ самымъ строгимъ надзоромъ.

3. Чего ты ждешь еще, Катилина, если самая ночь не служитъ довольно безопаснымъ покровомъ для твоихъ беззаконныхъ сборищъ, если стѣны твоего собственнаго дома выдаютъ твои тайны. Все ярче дня, все открыто. Повѣрь мнѣ, откажись отъ твоихъ замысловъ, оставь мысли объ убійствахъ и поджогахъ. Кругомъ ты связанъ; всѣ твои замыслы яснѣе для насъ свѣтлаго дня. Если не вѣришь, изволь, я тебѣ представлю примѣры. Помнишь ли, какъ въ 12 число передъ календами ноябрскими, я объявилъ въ сенатѣ, въ какой именно день,—а этотъ день былъ шестое число передъ ноябрскими календами — возмется за оружіе твой товарищъ и соучастникъ злодѣйскаго умысла, Манлій? Ошибся ли я, Катилина, предсказавъ не только самое событіе, уже само по себѣ важное, ужасное, неслыханное, но самый день, въ который оно должно было случиться? Не я ли же въ сенатѣ сказалъ, что въ пятый день передъ календами ноябрскими назначилъ ты избіеніе лучшихъ людей въ государствѣ, и тутъ многія знатныя лица Рима оставили городъ не столько опасаясь за свою жизнь, сколько желая подавить вначалѣ твои замыслы. А то ты забылъ, что когда въ самыя ноябрскія календы ты думалъ овладѣть Пренестою безо всякаго труда, ты нашелъ эту колонію, вслѣдствіе моего приказанія, прикрытою сильными вооруженными отрядами. Всѣ твои дѣйствія, даже намѣренія и самыя мысли не только мнѣ извѣстны по слуху, но я ихъ вижу отчетливо и вполнѣ понимаю.

4. Посмотримъ, какъ провелъ ты предъидущую ночь и ты увидишь, что я бдительнѣе бодрствую надъ безопасностью отечества, чѣмъ ты заботишься о его гибели. Въ прошлую ночь съ шайкою головорѣзовъ (я говорю прямо) пришелъ ты въ домъ М. Лекки, куда

стеклись участники этого безумнаго кова. Дерзнешь ли ты сказать, что это неправда? Ты молчишь; да и если бы ты запирался, я тебя уличу. Здѣсь, въ сенатѣ, я вижу нѣкоторыхъ, которые вмѣстѣ съ тобою были тамъ. Боги безсмертные, въ какой странѣ живемъ мы? Что̀ это за городъ? Что̀ за отечество? Здѣсь, среди васъ, почтенные сенаторы, въ этомъ собраніи людей, долженствующихъ быть цвѣтомъ и украшеніемъ вселенной, вмѣстѣ съ нами сидятъ люди, замышляющіе гибель мою и другихъ моихъ товарищей, намѣревающіеся ввесть въ этотъ городъ и во всѣ страны міра пожаръ и убійства. И я, консулъ, не только ихъ спокойно вижу, но и спрашиваю ихъ мнѣнія объ общественныхъ дѣлахъ. И словомъ даже не оскорбляю тѣхъ, кого давно бы слѣдовало предать казни. Такъ-то, Катилина, прошлую ночь былъ ты у Лекки. Ты дѣлилъ Италію на участки, назначая, куда кому изъ твоихъ сообщниковъ слѣдуетъ ѣхать; ты отобралъ изъ нихъ тѣхъ, которые должны были послѣдовать за тобою и тѣхъ, которымъ надлежало остаться въ Римѣ. Ты назначилъ, какія части города предать огню; ты сказалъ, что въ непродолжительномъ времени выѣдешь изъ города, и что тебя задерживаетъ только не много то, что я еще живъ. Нашлись два всадника Римскихъ, которые взялись избавить тебя отъ этой заботы, и въ ту же ночь на разсвѣтѣ хотѣли заколоть меня въ постелѣ. Все это было мнѣ извѣстно, Катилина, уже въ то время, когда ты распускалъ твое нечестивое сборище, и я защитилъ свой домъ сильною вооруженною стражею, а твоихъ сообщниковъ, присланныхъ тобою рано утромъ меня поздравить, я не допустилъ до себя. То, что они непремѣнно ко мнѣ придутъ, я въ то время предсказалъ многимъ изъ васъ, знатнѣйшимъ мужамъ.

5. При такомъ положеніи дѣлъ, Катилина, тебѣ остается только продолжать тобою начатое. Ступай вонъ изъ города! Его ворота для тебя настежь. Съ нетерпѣніемъ Манліево войско ждетъ тебя какъ своего вождя. Только захвати пожалуйста съ собою всѣхъ твоихъ сообщниковъ; если же всѣхъ нельзя, то, какъ можно больше, поочисти городъ. Чувство страха у меня минетъ, если насъ съ тобою раздѣлитъ хоть одна городская стѣна. Но долѣе пребывать тебѣ здѣсь—нельзя, не выдержу, не потерплю, не допущу! Какъ намъ не возсылать теплыя благодарныя молитвы богамъ безсмертнымъ и Юпитеру остановителю, патрону этого мѣста, исконному защитнику нашего города, что уже столько разъ гроза страшная, ужасная, собиравшаяся надъ отечествомъ, миновала его безъ вреда. Опасно связывать судьбу и безопасность отечества съ судьбою одного человѣка. Пока еще я былъ только назначенъ консуломъ, ты, Катилина, устроивалъ не разъ мнѣ злодѣйскіе ковы, избѣгъ я ихъ своими частными средствами, не прибѣгая къ общественной защитѣ.

На прошедшихъ консульскихъ выборахъ ты замышлялъ убить на Марсовомъ полѣ меня и другихъ твоихъ соперниковъ; но я предупредилъ исполненіе твоего замысла съ помощью пріятелей моихъ и подъ ихъ защитою, не возбуждая никакихъ общественныхъ смутъ. Вспомни, сколько было твоихъ злодѣйскихъ противъ меня умысловъ; я ихъ всѣ предупредилъ моими частными средствами, хотя я очень понималъ, какая опасность угрожаетъ отечеству вмѣстѣ съ моею гибелью. А теперь ты открыто составляешь замыслы противъ отечества, ты обрекъ раззоренію и гибели храмы боговъ безсмертныхъ, весь городъ, всю Италію, а сограждаиъ твоихъ смерти. Но если я медлю, и не рѣшаюсь прибѣгнуть къ главному и предками намъ завѣщанному средству въ подобныхъ обстоятельствахъ, то причиною то, что я предпочитаю средство, не столь сильное, но не менѣе вѣрное для спасенія отечества. Тебя казнить не долго, но въ отечествѣ останутся твои сообщники. Если же ты, уступая моему давнишнему убѣжденію, уйдешь, то вмѣстѣ съ тобою поднимется и улетитъ стая вредныхъ и зловѣщихъ птицъ твоей стаи. Что же это значитъ, Катилина? Почему это ты медлишь вслѣдствіе моего приказанія оставить городъ, тогда какъ ты давно уже хотѣлъ это сдѣлать самъ собою? Я, консулъ, приказываю тебѣ, врагу отечества, выйдти изъ Рима. Въ ссылку спросишь ты? Да, мало приказываю, прошу тебя, если моя просьба имѣетъ какое-нибудь на тебя дѣйствіе.

6. По истинѣ, Катилина, что̀ тебя можетъ теперь привязывать къ нашему городу? За исключеніемъ твоихъ сообщниковъ, извержейцевъ общества, прочіе граждане питаютъ къ тебѣ чувство вражды, страха и ненависти. Жизнь твоя полна примѣровъ позора и безславія; есть ли гнусность, которая была бы чужда тебѣ? Нѣтъ той злой похоти, какая бы не сверкала въ глазахъ твоихъ, нѣтъ того преступленія, которымъ не были бы запятнаны твои руки; нѣтъ порока, въ которомъ не погрязло бы все твое тѣло! Соблазнивъ молодыхъ людей — обольщеніями всякаго рода, кому изъ нихъ не вложилъ ты въ руку меча на злодѣйства, и вмѣстѣ не служилъ ихъ низкимъ страстямъ? Говорить ли и то, какъ ты, смертью первой жены очистивъ твой домъ для новаго брака, одно злодѣйство довершилъ другимъ, превосходящимъ еще болѣе границы вѣроятности. Но лучше я умолчу объ этомъ, чтобы не показать, что у насъ подобное злодѣйство не только могло совершиться, но и остаться безнаказаннымъ. Не стану говорить объ окончательномъ твоемъ раззореніи, которому послѣдній срокъ будетъ непремѣнно въ слѣдующіе же годы. Но оставлю я въ покоѣ твои гнусные пороки, твою безнравственную и обреченную безславію частную жизнь, и стану говорить только о томъ, что̀ ты замышляешь на гибель отечества и всѣхъ насъ. Какими глазами смотришь ты на Божій

свѣтъ, Катилина, какъ тебѣ должно быть сладко дышать однимъ съ нами воздухомъ, зная, что намъ всѣмъ извѣстно, какъ ты въ январскія календы, въ консульство Лепида и Тулла, во время выборовъ, стоялъ съ кинжаломъ въ рукахъ? И рука твоя не дрогнула бы вонзить его въ консула и имянитѣйшихъ гражданъ? Если твой злодѣйскій умыселъ не пришелъ въ исполненіе, то не потому, чтобы у тебя не достало рѣшимости или присутствія духа, а (потому что) счастливая судьба народа Римскаго отклонила твою руку. Говорить болѣе объ этомъ было бы излишнимъ: чего ты тогда не сдѣлалъ, то послѣ привелъ въ исполненіе. Но сколько разъ съ тѣхъ поръ, какъ я выбранъ консуломъ, ты хотѣлъ меня умертвить? Сколько разъ твои стрѣлы, пущенныя въ меня вѣрною рукою и угрожавшія мнѣ, повидимому, неминуемою гибелью, пролетѣли мимо, стоило мнѣ только немного отклониться въ сторону; не смотря на неудачу прежнихъ попытокъ, ты упорствуешь въ твоемъ намѣреніи. Сколько разъ исторгнутъ изъ твоихъ рукъ кинжалъ, приготовленный на убійство? Сколько разъ случайно выскользнулъ онъ самъ собою изъ твоихъ рукъ? Но ты безъ него обойтись не можешь, какъ будто какая-нибудь страшная клятва и беззаконный обѣтъ не даютъ тебѣ покоя, пока ты не вонзишь его въ грудь консула.

7. Да и посмотри, что за жизнь твоя? Повѣрь мнѣ, что слова мои не дышатъ ненавистью, какой ты по-истинѣ заслуживаешь, но внушены состраданіемъ къ тебѣ, котораго не стоишь. Вспомни, когда ты вошелъ въ Сенатъ, нашелъ ли ты, въ столь многолюдномъ собраніи, хотя одного, кто бы протянулъ тебѣ руку, въ доказательство дружбы, или сказалъ бы тебѣ слово привѣтствія. Врядъ ли на памяти людей случилось когда-нибудь подобное событіе. И ты еще ждешь словеснаго осужденія, ты, который долженъ читать себѣ неумолимый и ужасный приговоръ въ этомъ торжественномъ и многозначительномъ общемъ молчаніи. И тебѣ ничего, что та скамья, гдѣ ты сидишь, пуста, что почтенные люди, на ней сидѣвшіе, не разъ бывшіе консулами, не разъ угрожаемые твоими злодѣйскими умыслами, когда ты хотѣлъ сѣсть рядомъ съ ними, встали съ мѣстъ и оставили тебѣ скамью въ полное и нераздѣльное владѣніе? Нравится тебѣ такое къ тебѣ расположеніе всѣхъ? Если бы рабы мои питали ко мнѣ такія же чувства страха и ненависти, какія питаютъ къ тебѣ всѣ твои сограждане, я, ни часу не медля, ушелъ бы изъ собственнаго дома, а ты медлишь покинуть городъ. Будь я и незаслуженно съ моей стороны у моихъ согражданъ на такомъ дурномъ счету, какъ ты, я не замедлилъ бы лучше оставить городъ, чѣмъ читать на лицахъ всѣхъ ненависть и недоброжелательство. Но ты, ты знаешь, что общее осужденіе постигло тебя заслуженно, и ты еще медлишь, видя вездѣ знаки непріязни и вражды. Если

бы родители твои не имѣли къ тебѣ другихъ чувствъ, кромѣ страха и ненависти, и ты былъ бы убѣжденъ, что умилостивить ихъ никакимъ образомъ невозможно, то ты удаленіемъ своимъ избавилъ бы ихъ отъ своего присутствія. А тутъ отечество, котораго дѣтьми всѣ мы признаемъ себя, страшится тебя и ненавидитъ; оно убѣждено, что ты готовишь ему гибель. Ты же не признаешь его приговора, ни во что ставишь его о тебѣ мнѣніе, не боишься его власти. Отечество тебѣ, Катилина, скажетъ моими устами слѣдующее: «въ теченіи послѣднихъ лѣтъ, если были противъ меня злодѣйскіе замыслы, ты былъ ихъ виновникомъ. Ты всячески причинялъ мнѣ зло. Ты безнаказанно предалъ смерти многихъ дѣтей моихъ, безъ зазрѣнія совѣсти грабилъ ты и разорялъ моихъ союзниковъ. Всѣ силы твои употреблялъ ты къ тому, чтобы не только обезсилить законы и постановленія, но явно попрать ихъ и уничтожить. Долго я терпѣливо, хотя бы и не слѣдовало, сносило твои беззаконные поступки, но теперь ты одинъ виновникъ моихъ безпокойствъ и страха, хотя и стыдно бояться Катилины. Нѣтъ такого преступнаго замысла, Катилина, котораго я не могло бы ожидать отъ тебя. Долѣе я не могу выносить этого положенія. А потому удались, дай мнѣ оправиться отъ моего страха: если онъ основателенъ, то это необходимо для моей безопасности; если же нѣтъ, то все таки дай мнѣ успокоиться и забыть мой страхъ.»

8. Если бы отечество сказало къ тебѣ такъ, то не долженъ ли ты ему повиноваться, если бы даже оно не имѣло довольно силы, чтобы заставить уважать тебя свою волю. Что сказать о томъ, что ты самъ себя отдавалъ намъ подъ стражу? Ты обнаружилъ желаніе жить въ домѣ у М. Лепида для того, чтобы положить конецъ подозрѣніямъ противъ тебя. Получивъ отъ него отказъ, ты простеръ свою дерзость до того, что просилъ меня дать пріютъ тебѣ въ моемъ домѣ; но я отвѣчалъ, что я не считаю себя въ безопасности отъ тебя и живя въ одномъ городѣ, какъ же можемъ мы жить подъ одною крышею? Потомъ ты обратился къ претору К. Метеллу; получивъ и отъ него отказъ, ты переселился къ твоему сверстнику М. Марцеллу, отличному во всѣхъ отношеніяхъ человѣку. Конечно, не могъ ты найти никого, кто бы имѣлъ надъ тобою болѣе бдительный надзоръ, кто бы такъ хорошо могъ предугадывать твои намѣренія, и вмѣстѣ соединялъ бы умѣніе и силу предупредить ихъ, какъ онъ, М. Марцеллъ. Долго ли еще тому не быть въ темницѣ и въ оковахъ, кто самъ себя сознал достойнымъ—быть подъ стражею? Не лучше ли, Катилина, при такихъ обстоятельствахъ, если у тебя не достанетъ твердости лишить себя жизни, удалиться куда-нибудь подальше? Лучше въ ссылкѣ и въ уединеніи провести жизнь,

которой по всей правдѣ слѣдовало бы окончиться въ пыткахъ и истязаніяхъ.

Ты говоришь мнѣ: спроси Сенатъ о мнѣніи и ты изъявляешь готовность, буде таково мнѣніе здѣшняго собранія—отправиться въ ссылку. Отступая отъ всегдашняго обыкновенія, буду я отбирать голоса, а хочешь, Катилина, я такъ тебѣ покажу, каково о тебѣ мнѣніе Сената. Выйди изъ города, Катилина! Дай отечеству оправиться отъ ужаса. Ступай въ ссылку, наконецъ, если ты именно этого слова ждешь. Видишь, Катилина! понимаешь, что значитъ общее молчаніе? Они этого желаютъ и потому молчатъ. Къ чему же тебѣ слова, если самое молчаніе ихъ должно служить тебѣ достаточнымъ доказательствомъ твоего осужденія? Если бы я съ такими рѣчами, какъ къ тебѣ, обратился къ П. Секстію, столь достойному молодому человѣку, или къ М. Марцеллу, примѣрному гражданину, то весь Сенатъ возсталъ бы противъ меня, въ стѣнахъ этого же храма, и не смотря на то, что я консулъ, онъ въ отношеніи ко мнѣ не ограничился бы одними словами, и перешелъ бы къ дѣйствіямъ. На твой же счетъ, Катилина, Сенатъ молчитъ, значитъ одобряетъ мое мнѣніе. Ихъ молчаніе многозначительнѣе декрета и говоритъ больше громкихъ кликовъ. Не одно только здѣшнее собраніе, власть котораго для тебя страшна—жизнь же членовъ его ты привыкъ ставить ни во что—о тебѣ такого мнѣнія. Посмотри на многочисленную толпу всадниковъ Римскихъ и лучшихъ гражданъ, окружающую Сенатъ, не замѣтилъ ты ихъ движеній, не слыхалъ криковъ? Не я ли съ трудомъ воздержалъ ихъ, чтобы они не наложили на тебя рукъ? Хочешь, я такъ сдѣлаю, что они съ почетомъ проводятъ тебя до воротъ этого самого города, разрушить который—твое давнишнее желаніе?

9. Но, что я теряю слова по пустому; можетъ ли что тебя тронуть, можешь ли ты когда-нибудь исправиться, приходитъ ли тебѣ въ голову помышленіе о бѣгствѣ? О, когда бы боги безсмертные внушили тебѣ такую мысль! Да развѣ я не знаю, какой взрывъ ненависти ко мнѣ приготовляю я самъ себѣ, если не въ настоящее время, когда еще такъ свѣжо воспоминаніе о томъ злодѣйствѣ, то въ будущемъ—когда ты, испуганный моими словами отправишься въ ссылку. Впрочемъ я готовъ на все, лишь бы моя частная бѣда не была сопряжена съ опасностью отечества. А отъ тебя можно ли ожидать, чтобы ты пришелъ въ сознаніе совершенныхъ тобою злодѣйствъ, чтобы ты устрашился праведной кары законовъ и уступилъ требованію отечества. Не привыкъ ты, Катилина, къ тому, и нѣтъ той гнусности, отъ которой воздержало бы тебя чувство стыда, ни той опасности, отъ которой удержала бы тебя робость; разсудокъ твой безсиленъ надъ твоими страстями. А потому, повторяю уже

не разъ мною тебѣ сказанное: ступай изъ города, и если ты желаешь мнѣ, врагу твоему, какъ ты мнѣ дѣлаешь честь меня называть, приготовить на будущее время много безпокойствъ и ненависти, то послушайся меня, ступай прямо въ ссылку. Я не въ состояніи буду устоять противъ негодованій многихъ, если ты такъ поступишь; не снесу я тяжести обвиненія, что я, будучи консуломъ, произвольно отправилъ тебя въ ссылку. Но, можетъ быть, ты лучше хочешь содѣйствовать къ моей чести и славѣ? Въ такомъ случаѣ оставь городъ съ своею нечестивою шайкою, ступай къ Манлію, пригласи къ себѣ всѣхъ злонамѣренныхъ гражданъ и сдѣлай окончательный разрывъ со всѣми благонамѣренными, объяви войну отечеству, дай разгулъ убійству и грабежу, покажи, однимъ словомъ, что не мною ты изгнанъ, а явился къ своимъ сообщникамъ по ихъ требованію. Напрасно я тружусь, тебя посылаю. Развѣ я не знаю, что тебя уже дожидаются на Авреліевой площади посланные тобою впередъ вооруженные люди? Развѣ я не знаю, что у васъ съ Манліемъ уже условленъ день, когда дѣйствовать? Или не знаю я того, что серебряный орелъ, бывшій въ молельнѣ твоего дома—святыня, передъ которой привыкъ ты приносить поклоненіе, отправлясь на убійство (имѣю я предчувствіе, что онъ, этотъ орелъ, принесетъ пагубу тебѣ и всей твоей шайкѣ),—уже отосланъ тобою впередъ? А можешь ли ты долго обойтись безъ этого священнаго тебѣ предмета, которому молился ты, идя на злодѣянія, передъ которымъ точилъ ты мечъ на погубленіе всѣхъ благонамѣренныхъ гражданъ?

10. Итакъ рано или поздно, а будетъ время, когда ты, слѣдуя влеченію твоей пагубной страсти, оставишь этотъ городъ. И это будетъ для тебя не потеря, не горе, а высокое наслажденіе. Сама природа произвела тебя на такое безразсудство; твоя добрая воля дала ему созрѣть въ тебѣ, а судьба допустила привесть его въ дѣло. Не только миръ и спокойствіе тебѣ ненавистны, но и самая война безъ преступленія не имѣетъ для тебя прелести. Какое удовольствіе готовишь ты себѣ, каковы должны быть твои чувства радости, какое наслажденіе будешь ощущать ты среди совершенно тебѣ подобныхъ, гдѣ ты не подвергаешься опасности видѣть или слышать благонамѣреннаго гражданина. Для такого-то подвига жизни готовилъ ты себя трудами и лишеніями всякаго рода, которыми ты хвалишься? Ты теперь имѣешь прекрасный случай доказать на дѣлѣ твое умѣніе и терпѣніе переносить холодъ, голодъ и нужду всякаго рода, но знай, что не долго прійдется тебѣ примѣнять къ дѣлу столь прекрасныя качества. Великую пользу отечеству я принесъ тѣмъ, что не допустилъ тебя до консульства, и не далъ тебѣ въ руки власть дѣлать зло отечеству, которое ты готовишь ему теперь какъ частный человѣкъ. Такимъ образомъ то, что ты теперь затѣ-

ваешь, не войною назвать должно, а покушеніемъ шайки разбойничьей.

11. Теперь, почтенные сенаторы, долженъ я оправдаться въ тяжкомъ и почти справедливомъ обвиненіи, которое отечество имѣетъ право взвесть на меня. Прошу васъ со вниманіемъ выслушайте то, что я теперь скажу вамъ и хорошенько обдумайте и разсудите это. Можетъ быть отечество наше, благо котораго мнѣ много дороже жизни, вся Италія, всѣ области обширнаго нашего государства, обратясь ко мнѣ, скажутъ: Что ты дѣлаешь, М. Туллій? Какъ! Ты дозваннаго врага отечества, будущаго предводителя людей, замышляющихъ ему гибель, съ нетерпѣніемъ ждущихъ его въ Манліевомъ лагерѣ, чтобы поставить во главѣ себя, виновника всѣхъ преступныхъ замысловъ, зачинщика заговора, влагающаго оружіе въ руки рабовъ и вреднѣйшихъ изъ гражданъ — того ты свободно выпускаешь изъ города? Развѣ ты не знаешь, что этимъ самымъ ты этому же городу готовишь гибель? Зачѣмъ не употребишь ты немедленно власти, не закуешь его въ оковы, не предашь его смертной казни, которую онъ давно заслужилъ? Что тебя удерживаетъ? Нуженъ ли тебѣ примѣръ въ прошломъ? Но предки наши неоднократно, какъ частные люди, предавали смерти людей, вредныхъ отечеству. Можетъ быть тебя удерживаютъ законы, защищающіе личность гражданъ Римскихъ? Но развѣ могутъ пользоваться правами гражданъ тѣ, которые замышляютъ ниспроверженіе государства? Или, можетъ быть, страшитъ тебя приговоръ потомства? Прекрасно же ты, человѣкъ еще новый, себѣ всѣмъ обязанный, а не заслугамъ предковъ, удостоенный въ лѣтахъ еще не старыхъ самыхъ высокихъ почестей, отблагодарилъ отечество за все, что оно для тебя сдѣлало, если ты какое-нибудь твое опасеніе или заботу ставишь выше безопасности твоихъ согражданъ. Ты боишься общаго неудовольствія? Но лучше заслужить его избыткомъ силъ и энергіи, чѣмъ нерадѣніемъ и бездѣйствіемъ. А когда вся Италія будетъ жертвою войны, города — добычею разоренія, строенія — огня, — тогда думаешь ты уцѣлѣть отъ взрыва всеобщаго противъ тебя неудовольствія?

12. На этотъ, священный для меня, голосъ отечества, который я читаю въ мысляхъ нѣкоторыхъ изъ васъ, отвѣчу въ немногихъ словахъ. Если бы, по моему убѣжденію, для блага отечества нужна была бы немедленная смерть Катилины, этого гладіатора, то и одного часа не прошло бы, а онъ жизнію своею заплатилъ бы за свои злодѣянія. Если въ прежнія времена именитѣйшіе граждане гибелью Сатурнина, Гракховъ, Флакка и многихъ другихъ, не только не опозорили себя, но прославили, то могу ли я основательно страшиться въ будущемъ неудовольствія, предавъ смерти Катилину, преступный замыселъ котораго внѣ всякаго сомнѣнія. Но если бы даже

и навлекъ я тѣмъ себѣ неудовольствіе, то не заслуженно, а потому я скорѣе стану имъ гордиться, чѣмъ огорчаться. Среди насъ есть люди, которые или не понимаютъ настоящаго положенія дѣлъ, или, если и понимаютъ сами, то дѣлаютъ тотъ видъ, будто не понимаютъ. Они-то снисходительностью своихъ мнѣній дали пищу заговору Катилины, и, не вѣря его существованію, помогли ему усилиться и достигнуть теперешнихъ размѣровъ. Къ такому мнѣнію нѣкоторыхъ злонамѣренныхъ людей примкнули многіе по невѣдѣнію и неопытности. Если теперь я строго поступлю съ Катилиною, то всѣ тѣ, о которыхъ я говорилъ выше, скажутъ, что я поступилъ жестоко и съ произволомъ. Но если же Катилина, исполняя уже свой составленный планъ, отправится въ лагерь къ Манлію, то врядъ ли найдется изъ васъ хоть одинъ столь безразсудный, кто бы не понялъ въ чемъ дѣло и ни одинъ столь злонамѣренный, кто бы взялъ открыто заговоръ подъ свою защиту. Казнью одного Катилины — бѣда, угрожающая отечеству, будетъ не предупреждена, а только отсрочена. Но если онъ выйдетъ изъ города и уведетъ съ собою своихъ сообщниковъ, то къ нему соберутся, какъ обломки корабля къ берегу, всѣ ему подобные, и такимъ образомъ мы будемъ имѣть возможность видѣть и всю глубину и опасность язвы на общественномъ тѣлѣ и вмѣстѣ вырѣзать ее совершенно съ корнемъ, и такимъ образомъ совершенно исцѣлить отечество.

13. Уже давно, почтенные сенаторы, угрожаетъ намъ опасностью этотъ заговоръ, втайнѣ и предательски затѣянный; но, по неизвѣстной причинѣ, созрѣть ему и всей бездне золъ и преступленій, сопряженныхъ съ неслыханною дерзостью, суждено было открыться въ мое консульство. Если изъ столь многочисленной шайки злодѣевъ казнимъ мы одного Катилину, то мы отсрочимъ только на нѣсколько времени и опасность, угрожающую обществу, и заботу предотвратить ее; зло же самое останется, мало того: оно глубже проникнетъ внутрь нашего отечества, заразитъ его еще болѣе. Такъ человѣкъ въ тяжкой болѣзни, метаясь въ жару горячки, выпивъ холодной воды, чувствуетъ себя лучше; но не надолго; болѣзнь возвращается къ нему еще съ большею силою. Такимъ образомъ и наша общественная болѣзнь, возникшая въ государствѣ, казнью Катилины на время пріостановленная въ своемъ ходѣ, обнаружится потомъ еще съ большею силою, если сообщники Катилины останутся невредимы. А потому, почтенные сенаторы, пусть дурные граждане сами себя обнаружатъ, пусть они отдѣлятся отъ благонамѣренныхъ, пусть соберутся въ одно мѣсто; пусть, чего я давно желаю, между ими и нами будетъ хоть одна стѣна городская. Пусть наконецъ не будутъ они посягать на жизнь консула въ его домѣ! Не будемъ мы наконецъ видѣть толпу заговорщиковъ около три-

бунала городскаго претора; не станутъ они съ мечами угрожать Сенату; не станутъ наконецъ въ самомъ городѣ готовить факелы и горючіе матеріалы для его же разрушенія. Тогда ясно на лицѣ каждаго гражданина будемъ мы читать, какъ онъ расположенъ къ отечеству. Даю вамъ слово, почтенные сенаторы, что такова будетъ бдительность насъ консуловъ, таково согласіе ваше и сознаніе вашего значенія, такова доблесть всадниковъ Римскихъ, таково единодушіе благонамѣренныхъ гражданъ, что всѣ замыслы Катилины, вмѣстѣ съ его отъѣздомъ, будутъ открыты, предупреждены и подавлены въ самомъ началѣ.

При такихъ обстоятельствахъ, Катилина, ступай, начинай беззаконную и нечестивую войну; да обратится она на пользу и спасеніе отечества, на гибель твою и соучастниковъ твоего преступнаго замысла. А ты, Юпитеръ всемогущій, имя котораго начало славиться вмѣстѣ съ жизнью этого города, ты, достойно именуемый опорою и покровителемъ его и владычества народа Римскаго, защити отъ Катилины и его сообщниковъ храмы твои и жертвенники, зданія и стѣны этого города, жизнь и имущества гражданъ. А тѣхъ ненавистниковъ всякаго добра, враговъ отечества, отребье Италіи, этотъ сконъ людей, связанныхъ единствомъ зла и преступленія, погуби и здѣсь въ мученіяхъ, и въ будущей жизни обреки ихъ на вѣчныя страданія.

Клеванов.

2. ДУХОВНОЕ КРАСНОРѢЧІЕ.

Духовнымъ краснорѣчіемъ называются общенародные *уроки*, или чтенія о предметахъ вѣры и нравственности христіанской, предлагаемые народу въ храмахъ Божіихъ. Наука о церковномъ краснорѣчіи именуется Гомилетикою. (См. Гомилетику *Амфитеатрова*).

Главные предметы духовнаго краснорѣчія указаны въ Словѣ Божіемъ. Человѣчество падшее, *невозрожденное* и человѣчество *возрожденное* составляютъ главные предметы церковнаго собесѣдованія. Какъ же смотритъ на человѣка церковь? Человѣкъ внѣ религіи, безъ Бога и Христа почти ничего не представляетъ отраднаго. Природа человѣческая является здѣсь зачинающеюся и раждающеюся во грѣхахъ, съ дѣтства свыкшеюся со зломъ, рѣшительно уклонившеюся отъ Бога и добродѣтели, безславною, отвратительною, погруженною въ безысходный грѣхъ, противъ воли влекущею человѣка къ злу. Человѣчество предъ явленіемъ Спасителя уподоблялось собранію мертвецовъ въ отношеніи духовной жизни, и земля походила на кладбище, полное гробовъ и сухихъ костей (видѣніе Іезекіиля). Всемірное невѣріе [1]), ожесточеніе, недовольство и отчаяніе, неистребимая тоска и безнадежность, глубокая порча нравовъ и наконецъ праведный гнѣвъ Божій, тяготѣвшій надъ несчастною землею, невыразимо мучили, терзали и изнуряли всѣхъ и каждаго: Іудея и язычника; съ такой точки зрѣнія и церковная бесѣда должна смотрѣть на невозрожденнаго человѣка; поэтому главная *отрицательная цѣль* духовнаго краснорѣчія—раскрывать бездну грѣха, изображать характеръ падшей и растлѣнной природы человѣческой,

[1]) Сами языческіе писатели сознавали всеобщее паденіе религіи. *Цицеронъ* (въ I в. до Р. Х.) говоритъ, что въ наше время нѣтъ ничего презрѣннѣе храмовъ боговъ, *Овидій* (жилъ при Августѣ) пишетъ, что теперь въ храмахъ паукъ соткалъ себѣ паутину.

дабы тѣмъ привести слушателей къ чувству раскаянія и возбудить въ нихъ желаніе лучшей, духовной жизни и дѣятельности. «Покайтеся»! такъ началъ первую свою проповѣдь Спаситель міра; съ этого слова должна начинаться первая проповѣдь и церковныхъ учителей. Апостолы въ свою очередь сперва изображали грѣховное состояніе людей, а потомъ проповѣдывали правду и святость. Сему же плану обязанъ слѣдовать и проповѣдникъ нашего времени. У насъ преосвящ. Иннокентій цѣлые двѣнадцать бесѣдъ посвятилъ разсмотрѣнію вопроса о грѣхѣ и его послѣдствіяхъ.

Другой предметъ церковныхъ бесѣдъ — человѣчество *возрожденное*. Въ Святомъ Писаніи человѣкъ, обновленный благодатію Божіею, является въ достославномъ и величественномъ видѣ; нравственное достоинство его измѣряется отношеніемъ его къ совершенствамъ Божіимъ. По ученію Церковно-Библейскому, Богъ есть единый высочайшій первообразъ, а человѣкъ есть на столько человѣкъ, на сколько приближается къ сему первообразу и обрѣтаетъ свою потерянную личность во Христѣ Іисусѣ. «Святи будете, яко Азъ святъ есмь»: — вотъ начало и коренная истина, которую должно выражать человѣчество своею жизнію и дѣятельностію. Эту истину развивали въ своемъ ученіи Спаситель и Апостолы. Сію же истину и каждый проповѣдникъ постоянно долженъ имѣть въ виду. Отсюда *положительная* главная цѣль наставленій церковныхъ есть — *воспитаніе* и *усовершеніе* человѣчества по духу и плану религіи Іисуса Христа, или ученіе о возрожденіи. (Воскресное Чтеніе 1846, стр. 107, 258 и т. д.).

Указаніе частныхъ цѣлей — Несовершенство человѣка преимущественно обнаруживается въ упадкѣ трехъ силъ духовной природы человѣка: ума, воли и сердца. Въ настроенности этихъ силъ, въ приведеніи ихъ къ надлежащей цѣли должно состоять и *возрожденіе* человѣка. Отсюда главная положительная цѣль духовнаго краснорѣчія объемлетъ три особенныя цѣли: первая — образованіе ума соотвѣтственно духу Евангелія, или возбужденіе вѣры въ Бога; вторая — истинное направленіе воли, или любовь къ Богу; третья — развитіе религіознаго чувства, или надежда на Бога. Умъ христіански образуется вѣрою въ Бога (стремленіе къ истинѣ), воля — любовію къ Богу (добро) и чувство — надеждою (красота). И такъ вѣра, надежда и любовь составляютъ три особенныя цѣли поученій церковныхъ.

Свойства христіанскаго проповѣдника. — Искусство проповѣдническое Св. Григорій Богословъ (328—389) называется *искусствомъ искусствъ*. Апостолъ Павелъ есть недосягаемый образецъ христіанскаго проповѣдника. «Я три лѣта — говоритъ онъ о себѣ — день и ночь не переставалъ учить со слезами каждаго изъ васъ.» До совершеннаго забвенія своей жизни Апостолъ трудился въ проповѣданіи слова Божія, получалъ раны, побои; его топили въ морѣ, камнями побивали, ввергали въ темницу, морили голодомъ. Приведемъ самый текстъ. «Въ трудахъ множае, въ ранахъ преболѣ, въ темницахъ излиха, въ смертехъ многащи. Отъ Іудей пять краты четыредесять развѣ единою пріяхъ,

трищи палицами біенъ быхъ, единою каменми наметанъ быхъ, трикраты корабль опровержеся со мною, нощь и день въ глубинѣ сотворихъ... Въ трудѣ и подвизѣ, въ алчбѣ и жажди, въ зимѣ и наготѣ». (2 Коринѳян. 11 гл., ст. 23—28). И всѣ эти злостраданія не заградили устъ Апостола Христова; онъ больше всѣхъ потрудился въ благовѣстіи ученія Спасителя міра и заповѣдалъ будущимъ пастырямъ церкви слѣд. глубокое правило: «настой благовременно и безвременно (т. е. постоянно учи: будетъ ли тебѣ время, или нѣтъ), обличи, умоли, будь всѣмъ все, дабы спасти ближняго.» Такимъ образомъ подвизаться за истину ученія Евангельскаго, не смотря ни на какія препятствія и страданія, есть первый долгъ проповѣдника христіанскаго. Въ проповѣдникѣ церковномъ должна обитать небесная свѣтлость души, чтобы онъ, по заповѣди Спасителя, былъ *свѣтомъ* міру; отъ него требуется, при свѣтломъ умѣ, совершенная непорочность сердца, крѣпкое могущество воли и высокое самоотверженіе.

Проповѣдники христіанскіе. — Исторія христіанской церкви представляетъ намъ многихъ знаменитыхъ своимъ краснорѣчивымъ и могущественнымъ словомъ проповѣдниковъ. Четвертый вѣкъ — самый замѣчательный въ этомъ отношеніи. Важныя событія, бывшія въ четвертомъ вѣкѣ, содѣйствовали успѣхамъ церковной проповѣди. Во-первыхъ жестокое гоненіе Діоклетіана (воцарился въ 285 г.), — въ силу котораго положено было церкви христіанскія разрушить до основанія, сжечь книги Св. Писанія, предавать ужаснѣйшимъ пыткамъ и казнямъ исповѣдниковъ Христа, — въ силу котораго темницы, опредѣленныя для воровъ и убійцъ, наполнились епископами, пресвитерами, діаконами, такъ что не было мѣста для преступниковъ, — во-вторыхъ необыкновенное развитіе монашества, въ слѣдствіе чего въ пустынахъ Сиріи, Палестины и Египта образовался цѣлый міръ христіанскихъ отшельниковъ [1]) въ слѣдъ за подвижниками — иноками, за Антоніемъ Великимъ и Павломъ Ѳивейскимъ, — въ-третьихъ благотворное для церкви царствованіе Императора Константина Великаго (онъ въ 313 г. прекратилъ гоненіе на христіанъ, начатое Діоклетіаномъ), — въ-четвертыхъ — всеобщее распространеніе христіанства, не смотря на ереси, волнующія церковь: — всѣ эти причины вызвали цѣлый рядъ великихъ учителей церкви. Аѳанасій Великій, врагъ Аріанства, — Блаженный Ѳеодоритъ, толкователь псалмовъ, увлекавшій своимъ словомъ Златоуста, — Амвросій Медіоланскій, возбранявшій Императору Ѳеодосію Великому входъ во храмъ, — Ефремъ Сиринъ, творецъ ста поученій о смиреніи и умилительной великопостной молитвы «Господи и Владыко живота моего», вся жизнь котораго была непрестаннымъ сокрушеніемъ о грѣхахъ, — Макарій Египетскій, умершій девятидесятилѣтнимъ старцемъ (393 г.), оставившій образцовое сочиненіе о благодати, — Василій Великій, Григорій Богословъ и Іоаннъ Златоустъ — вотъ тѣ славные проно-

[1]) Въ Египтѣ считалось 20 т. подвижниковъ, число инокинь восходило до 20 т.

вѣдники вѣры Христовой, которые служатъ вѣчными и недосягаемыми образцами высокаго ученія и высокой нравственности для каждаго истиннаго и добраго христіанина.

Мы остановимся на изученіи твореній *Василія Великаго* и *Іоанна Златоустаго*.

БЕСѢДЫ СВ. ВАСИЛІЯ ВЕЛИКАГО.

Св. Василій Великій (330—379) былъ архіепископомъ въ Кесаріи Каппадокійской. Окончательное воспитаніе получилъ въ Аѳинахъ, гдѣ онъ учился вмѣстѣ съ другомъ своимъ, св. Григоріемъ Богословомъ. «Мы знали двѣ дороги, говоритъ Григорій Богословъ о пребываніи своемъ съ другомъ въ Аѳинахъ,—одну, которая вела въ церковь и другую, которая вела въ школу». Василій Великій почти всю жизнь свою боролся съ Аріанами. Между сочиненіями его замѣчательны: Бесѣды на Шестодневъ, Слова о священствѣ, Посланія (напр. о Хиротоніи), Письма (о Григоріи Чудотворцѣ, жившемъ въ III в.), Слова и Бесѣды (разнаго содержанія), Правила подвижническаго житія, Литургія. Объ отличительномъ качествѣ бесѣдъ св. Василія Великаго неизвѣстный намъ авторъ говоритъ такъ: «Въ бесѣдахъ св. Василія Великаго выражается по преимуществу его *практическое* направленіе. Ереси вызывали его на борьбу со лжеучителями, и онъ нерѣдко вооружался противъ ихъ сильнымъ своимъ словомъ; но о догматическихъ предметахъ онъ составлялъ особые трактаты, а изъ бесѣдъ его только нѣкоторыя догматическаго содержанія. Положивъ правую вѣру въ основаніе онъ все стараніе свое обращалъ на то, чтобы на ней назидать жизнь истинно-праведную, достойную христіанина. Посему не только въ поученіяхъ чисто-нравственныхъ, но и при изъясненіи Писанія, онъ вездѣ обращается къ нравоученію. «У меня одна цѣль—говоритъ онъ въ одной изъ бесѣдъ своихъ на Шестодневъ—все обращать въ назиданіе церкви». (Бесѣд. 7, стр. 132, см. Р. переводъ Шестоднева). И точно изъясняетъ ли онъ исторію міротворенія, или книги Псалмовъ, или избранныя изреченія изъ Писанія, онъ во всемъ находитъ и указываетъ самые назидательные уроки для жизни. Его опытность и святое искусство въ семъ дѣлѣ достойны тщательнаго изученія для каждаго проповѣдника слова Божія. Въ бесѣдахъ своихъ на *Шестодневъ* св. проповѣдникъ обнаруживаетъ обширныя, глубокія и основательныя свѣдѣнія свои въ философіи и наукахъ естественныхъ, какъ-то: астрономіи, физикѣ, зоологіи и ботаникѣ [1]); но онъ заставляетъ цѣнить и въ себѣ и въ другихъ разнообразныя свѣдѣнія сіи единственно по мѣрѣ того добраго плода, какой происходитъ отъ нихъ для возбужденія и питанія въ душѣ нашей истиннаго благочестія. Съ другой стороны, видимая природа, по ученію мудраго истолкователя ея, является

[1]) Великій естествоиспытатель *Александръ Гумбольдтъ* пишетъ: «Проповѣди Василія «на шесть дней творенія» свидѣтельствуютъ о его пониманіи природы. Онъ описываетъ нѣгу вѣчно-ясныхъ ночей въ Малой Азіи, гдѣ, какъ онъ выражается, звѣзды, «эти вѣчные небесные цвѣты», возносятъ духъ человѣка отъ видимаго міра къ невидимому.» *Космосъ*. 2 часть. Перев. *Флорова*.

самою краснорѣчивой проповѣдницей различныхъ добродѣтелей. Изображая свойства разнообразныхъ тварей, одаренныхъ жизнію, показывая ихъ естественныя наклонности, родъ жизни, нѣкоторыя привычки, извѣстную степень соображенія и предусмотрительности, св. Василій Великій то призываетъ человѣка къ подражанію гораздо низшимъ его тварямъ, обличая чрезъ это его ниспаденіе съ высокой степени въ лѣстницѣ мірозданія, то пристыждаетъ его разительнымъ сходствомъ нѣкоторыхъ привычекъ, наклонностей и стремленій его съ подобными же неразумными влеченіями безсловесныхъ тварей, вообще, сравнивая міръ животныхъ неразумныхъ съ міромъ существъ разумно-свободныхъ, созданныхъ для обладанія земными тварями и господствованія надъ ними, онъ старается пробудить въ насъ чувство Богомъ дарованнаго намъ превосходства, сознаніе нашихъ преимуществъ и обязанностей и чрезъ то понудить насъ къ самонаблюденію и самообладанію, къ обузданію страстей и воспитанію истинно-благородныхъ стремленій въ душѣ нашей. Природа, по изъясненію опытнаго наблюдателя ея, дѣйствительно есть училище Боговѣдѣнія и собраніе самыхъ назидательныхъ уроковъ нравственной жизни для человѣка. Послѣ сего великій проповѣдникъ могъ смѣло говорить своимъ слушателямъ, что «не довольно къ нашему извиненію того, что не учены мы полезному по книгамъ, когда и не по заученому закону природы можемъ взбрать, что служитъ намъ къ нашей пользѣ». Когда св. Василій Великій изъясняетъ книгу Псалмовъ, то и здѣсь держится того же способа проповѣданія, т. е, обращаетъ главное вниманіе на нравственный смыслъ Писанія. Что касается бесѣдъ чисто-нравственнаго содержанія, то въ нихъ, само собою, св. проповѣдникъ всецѣло занятъ одною мыслію, чтобы перенести въ душу слушателей образъ добродѣтели и согрѣть ихъ любовію къ ней, а отъ порока отвратить сердце ихъ, внушить къ нему страхъ и омерзеніе. Отличительный внутренній характеръ всѣхъ вообще бесѣдъ св. Василія составляютъ: глубина мысли и сила убѣжденія. Разсуждая объ извѣстномъ предметѣ, св. Василій такъ изслѣдуетъ его, что не оставляетъ въ немъ ни одной стороны, которая не видна была бы слушателю. Его анализъ удивителенъ (см. напечатанное ниже въ Христом. слово «о вниманіи къ самому себѣ). Имѣя отъ природы умъ свѣтлый, проницательный и твердый, кромѣ же того, будучи обогащенъ познаніями научными, св. Василій Великій вступаетъ въ область каждой истины не какъ пришлецъ какой-нибудь, но какъ природный обитатель сей области. Раскрывая Писаніе, онъ какъ бы безъ всякаго труда проникаетъ въ самый глубокій смыслъ его, ибо истина близка къ его духу и является ему безъ покрова. Душа человѣческая съ ея благородными стремленіями и низкими страстями, въ состояніи духовнаго преуспѣянія и въ униженіи скотоподобія изображается имъ такъ точно, какъ и самый искусный живописецъ не изобразитъ внѣшняго вида и положенія человѣка. Бесѣды св. Василія Великаго достойны также особеннаго вниманія по способу изслѣдованія и изложенія въ нихъ истинъ. Когда въ основаніи бесѣды его находятся слова св. Писанія, тогда слова сіи доставляютъ ему и матеріалъ и вмѣстѣ расположеніе для составленія поученія (см. напечат. ниже бесѣды на Шестодневъ). Посредствомъ глубокаго, точнаго, и искуснаго анализа, онъ извлекаетъ изъ реченій Писанія неистощимый матеріалъ для своего слова, и переходитъ отъ одного предмета къ другому, держась того порядка и связи понятій, какой находитъ въ свящ. текстѣ». (Воскресное Чтеніе 1856, № 45 и 47).

1. О свѣтѣ.

И рече Богъ: да будетъ свѣтъ (Быт. 1, 3). Первое Божіе слово создало природу свѣта, разогнало тьму, разсѣяло уныніе, обвеселило міръ, всему дало вдругъ привлекательный и пріятный видъ.

Явилось небо, покрытое дотолѣ тьмою; открылась красота его въ такой мѣрѣ, въ какой еще и нынѣ свидѣтельствуютъ о ней взоры. Озарился воздухъ, лучше же сказать, въ цѣломъ своемъ объемѣ растворилъ все количество свѣта, повсюду, до самыхъ своихъ предѣлъ, распространяя быструю передачу лучей; ибо вверхъ простирался онъ до самаго эѳира и неба, а въ широту всѣ части міра, сѣверныя и южныя, восточныя и западныя, освѣщалъ въ быстрое мгновеніе времени. Такова природа воздуха; она тонка и прозрачна; и потому проходящій черезъ него свѣтъ не имѣетъ нужды ни въ какомъ временномъ протяженіи.

Какъ не во времени переноситъ онъ зрѣніе наше къ видимымъ предметамъ, такъ и приливы свѣта во всѣ свои предѣлы пріемлетъ мгновенно, въ сравненіи съ чѣмъ нельзя и мысленно представить кратчайшаго мига времени. И эѳиръ сталъ пріятнѣе при свѣтѣ, воды сдѣлались свѣтлѣе, не только принимая въ себя лучи, но и испуская ихъ отъ себя чрезъ отраженіе свѣта, потому что вода во всѣ стороны отбрасывала отблески. Божіимъ словомъ все измѣнено въ пріятнѣйшій и честнѣйшій видъ. Какъ пускающіе въ глубину масло производятъ на томъ мѣстѣ блескъ; такъ и Творецъ всяческихъ, изрекши слово Свое, мгновенно вложилъ въ міръ благодать свѣта.

Да будетъ свѣтъ. И повелѣніе стало дѣломъ: произошло естество, пріятнѣе котораго къ наслажденію невозможно ничего и представить человѣческимъ разумомъ. (Изъ «Бесѣдъ на Шестодневъ»).

2. О водѣ.

Да соберутся воды въ собраніе едино. Тебѣ, стоявшему при родникѣ, дающемъ обильную воду, не приходила ли когда-либо мысль спросить: кто гонитъ эту воду изъ нѣдръ земли? Кто заставляетъ ее спѣшить впередъ? Каковы хранилища, изъ которыхъ она выходитъ? Что́ за мѣсто, куда она поспѣшаетъ? Почему в хранилища не оскудѣваютъ и мѣсто стоковъ не наполняется? — Все сіе зависитъ отъ перваго Божія глагола. Имъ дана водѣ сила течь. При всякомъ повѣствованіи о водахъ, помни этотъ первый глаголъ: *да соберутся воды*. Имъ надлежало течь, чтобы занять свойственное имъ мѣсто; а потомъ, достигнувъ опредѣленныхъ мѣстъ, оставаться

въ своемъ положеніи и далѣе не поступать. Посему-то, какъ говоритъ Екклесіастъ, *вси потоцы идутъ въ море, и море нѣсть насыщаемо* (1, 7); ибо если воды текутъ, то сіе по Божію повелѣнію; и если море заключено внутри своихъ предѣловъ, то сіе есть слѣдствіе перваго законоположенія. (Изъ «Бесѣдъ на Шестодневъ»).

3. О прозябеніяхъ земли.

Да прорастить земля. Представь себѣ, что, по малому реченію и по столь краткому повелѣнію, холодная и безплодная земля вдругъ приближается ко времени рожденія, подвигнута къ плодородію, и, какъ бы съ себя сбросивъ печальную и горестную одежду, облекается въ свѣтлую ризу, веселится своимъ убранствомъ, и производитъ на свѣтъ тысячи родовъ растеній.

Мнѣ желательно тверже укоренить въ тебѣ удивленію къ твари, чтобы ты, гдѣ ни находишься, и какой родъ растеній ни встрѣчаешь, всегда возобновлялъ въ себѣ ясное воспоминаніе о Творцѣ. Посему, когда видишь на травѣ зелень и цвѣтъ, приведи себѣ на мысль человѣческое естество, припоминая изображеніе мудраго Исаіи: *всяка плоть яко сѣно, и всяка слава человѣка яко цвѣтъ травный* (Исаіи 40, 6). Кратковременность жизни, непродолжительность радостей и веселій человѣческаго благоденствія нашли себѣ у Пророка самое приличное уподобленіе. *Да прорастить земля быліе травное.* Когда сѣмя упадетъ въ землю, которая имѣетъ въ себѣ соразмѣрную влажность и теплоту, тогда оно, разбухнувъ, сдѣлавшись многоскважнинымъ, и объемлемое близъ лежащею землею, привлекаетъ къ себѣ, что ему свойственно и сродно. Самыя же тонкія частицы земли, приставая къ скважинамъ и входя въ нихъ, расширяютъ объемъ сѣмени, отчего оно пускаетъ внизъ корни и идетъ вверхъ, давая изъ себя стебли по числу корней. А при постоянномъ согрѣваніи ростка, привлекаемая корнями влага, притяженіемъ теплоты, извлекаетъ изъ земли сколько нужно питательнаго, и раздѣляетъ это стеблю, кожѣ, плагалищамъ зеренъ, самымъ зернамъ и колосьямъ. Такимъ образомъ, при постепенномъ разростаніи, каждое растеніе приходитъ въ свойственную ему мѣру, будетъ ли оно изъ рода хлѣбныхъ, или бобовыхъ, или овощныхъ, или растущихъ кустарниковъ. Одна травка, или одна былинка достаточна занять всю мысль твою разсмотрѣніемъ искусства, съ какимъ она произведена, какъ напр. стебель пшеницы опоясывается колѣнцами, чтобы они, подобно связкамъ, удобно поддерживали тяжесть колосьевъ, когда исполненные плодами клонятся къ землѣ. Посему стебель у овса совершенно пустъ, такъ какъ вершина его ничѣмъ не обременена; и стебель пшеницы природа защитила такими связ-

ками, зерно же заключила во влагалище, чтобы не могло быть похищено птицами, и длинными остями, подобными игламъ, предотвратила вредъ отъ мелкихъ животныхъ. Что̀ мнѣ сказать? и о чемъ умолчать? Въ богатыхъ сокровищницахъ творенія трудно найти предпочтительное прочему, а если оставишь что̀ безъ вниманія, уронъ будетъ несносенъ.

Да прорастить земля быліе травное. Вмѣстѣ съ питательнымъ произрасло и вредное; вмѣстѣ съ пшеницею и болиголовъ, и вмѣстѣ съ другими питательными растеніями—чемерица, борецъ, мандрагора и маковый сокъ. И такъ что же? Ужели откажемся приносить благодареніе за полезное и станемъ обвинять Создателя за разрушительное для нашей жизни? А не разсудишь того, что не все создано для нашего чрева? Напротивъ того, какъ назначенное намъ въ пищу у насъ подъ руками и всякому извѣстно; такъ каждая сотворенная вещь въ цѣломъ твореніи выполняетъ какой-нибудь свой особенный законъ. Поелику воловья кровь для тебя ядъ, то ужели по сему самому надлежало или не творить сего животнаго, или сотворить вола безкровнымъ, хотя сила его для столькихъ потребъ нужна намъ въ жизни? Но тебѣ довольно живущаго въ тебѣ разума, чтобы предохранить себя отъ вреднаго...

Да прорастить земля быліе. И земля, соблюдая законы Создателя, начавъ съ ростка, въ краткое мгновеніе времени прошла всѣ виды возрастанія, и тотчасъ довела прозябенія до совершенства. Луга наполнились изобильною травою; плодоносныя равнины, воздымаясь отъ жатвъ, въ колебаніи класовъ сохранили подобіе волнующагося моря. Всякая зелень и всякій родъ овощей, все, что̀ растетъ кустарникомъ, и что̀ приноситъ стручковые плоды, во всемъ изобиліи явилось тогда на землѣ. Ибо ничто тогда не останавливало произрастанія; неопытность земледѣльцевъ, неблагорастворенность воздуха, и какая-либо другая причина не дѣлали вреда изникнувшему. Осужденіе еще не препятствовало плодородію земли: все сіе было прежде грѣха, за который осуждены мы въ потѣ лица своего ѣсть хлѣбъ.

Но сказано: *и древо плодовитое, творящее плодъ, ему же сѣмя его въ немъ по роду и по подобію на земли.* По сему глаголу сгустились кустарники, выбѣжали изъ земли всѣ деревья, обыкновенно достигающія чрезвычайной высоты,—ели, кедры, кипарисы, певги; всѣ мелкія дерева сдѣлались вдругъ вѣтвистыми и густыми; явились, употребляемыя для вѣнцовъ растенія—розы, мирты и лавры. Ничего этого прежде не было на землѣ, и все это въ одно мгновеніе времени пришло въ бытіе, съ принадлежащимъ каждому свойствомъ, самыми явными разностями отличенное отъ растеній инородныхъ, и узнаваемое по свойственному для каждаго признаку.

Но роза была тогда безъ шиповъ; въ послѣдствіи уже къ красотѣ цвѣта присоединены тернія, чтобы неподалеку отъ пріятности наслажденія имѣли мы и готовую скорбь, воспоминая о грѣхѣ, за который земля осуждена возращать намъ тернія и волчцы (Быт. 3, 18)...

Сколько стеклось вмѣстѣ производимаго природою съ такою поспѣшностью! Корень виноградной лозы, зеленѣющія и большія вѣтви, кругами раскидывающіяся по землѣ, зародышъ, завиваніе лозы, зеленыя ягоды, спѣлыя грозды! Достаточно для тебя одного взгляда, и разумный взоръ на виноградную лозу внушитъ тебѣ, о чемъ напоминаетъ природа.

Сколько произникло тогда родовъ растеній плодовитыхъ, годныхъ къ созиданію крововъ, къ строенію кораблей, къ сожженію! И здѣсь опять въ каждомъ деревѣ устройство частей его разнообразно, а также едва можно отыскать свойство каждаго дерева, и усмотрѣть взаимныя различія деревъ разнородныхъ. Отчего одни изъ нихъ пускаютъ корень въ глубь, а другія стелютъ по земной поверхности; одни растутъ прямо и имѣютъ одинъ стволъ, другія низко и отъ самаго корня раздѣлены на многія отростки? Отчего у деревъ, имѣющихъ вѣтви длинныя и далеко раскинутыя по воздуху, корни глубоки и простираются вокругъ на большое пространство, какъ будто природа положила основанія, соразмѣрныя тяжести верхнихъ частей? Сколько различій въ древесной корѣ! У однихъ деревъ кора гладкая, у другихъ морщиноватая; у однихъ однослойная, а у другихъ многослойная. А что удивительно, и въ растеніяхъ найдешь признаки похожіе на человѣческую юность и старость. Ибо на деревахъ молодыхъ и здоровыхъ кора бываетъ вокругъ плотно обтянута, а на состарѣвшихся она морщится и твердѣетъ. Одни дерева, будучи срѣзаны, прозябаютъ вновь; другія, потерпѣвъ посѣченіе, какъ бы это было для нихъ смертію, остаются безъ преемства. А нѣкоторые замѣтили даже, что срубленныя и обожженыя сосны превращались въ дубы. Извѣстно и то, что въ нѣкоторыхъ деревахъ естественный порокъ исправляется попеченіемъ земледѣльцевъ. Напримѣръ: кислые гранаты и горькіе миндали, когда стволъ у корня будетъ провернутъ и въ самую середину сердцевины впущевъ тучный клинъ изъ певга, перемѣняютъ горькій свой сокъ на пріятный. Посему да не отчаевается въ себѣ никто изъ провождающихъ жизнь во грѣхѣ, зная, что какъ земледѣліе измѣняетъ качество растеній, такъ попечительность души о добродѣтели можетъ одержать верхъ надъ всякими недугами...

Столь многочисленны различія въ образѣ рожденія плодовъ, если изъ многаго сказать только немногое! Но кто же опишетъ разнообразіе самыхъ плодовъ, ихъ видъ, цвѣтъ, свойства соковъ, и пользу каждаго? Отчего нѣкоторые созрѣваютъ на солнцѣ обнажен-

ные, а другіе приходятъ въ полноту сокрытые въ оболочкахъ? Отчего, у которыхъ плодъ нѣженъ, у тѣхъ лиственный покровъ грубъ,— какъ на смоковницѣ; а у которыхъ плоды закрыты, у тѣхъ лиственная одежда легка,—какъ на орѣшникѣ? Потому, что первыя по своей слабости имѣютъ нужду въ большей помощи, а послѣднимъ болѣе плотная оболочка причинила бы вредъ тѣнію отъ листьевъ. Какіе разрѣзы на виноградныхъ листьяхъ, чтобы гроздъ былъ и защищенъ отъ вредныхъ дѣйствій воздуха, и по причинѣ рѣдкости листьевъ въ обиліи принималъ на себя солнечные лучи! Ничто не безъ причины, и ничто не случайно; вездѣ видна какая-то неизглаголанная мудрость.

Какое же слово будетъ для сего достаточно? Какъ умъ человѣческій изслѣдуетъ все въ подробности, чтобы и свойства усмотрѣть, и взаимныя разности различить явственно, и безъ недостатка представить сокровенныя причины? Одна и та же вода, притянутая корнемъ, иначе питаетъ самый корень, иначе кору ствола, иначе древесину, и въ ней опять иначе сердцевину. Одно и то же и листомъ дѣлается, и раздѣляется по сучьямъ и вѣтвямъ, и доставляетъ ростъ плодамъ; отъ той же причины происходитъ и сокъ въ растеніи, и вытекающая изъ него наружу влага. Какая же есть разность между всѣмъ этимъ, не объяснитъ никакое слово. Инакова влага, вытекающая изъ мастичника, и инаковъ сокъ бальсамическаго дерева; а нѣкоторые народы въ Египтѣ и Ливіи источаютъ другой родъ сока. Сказываютъ также, что и янтарь есть сокъ растеній, отвердѣвшій въ камень. И такое мнѣніе подтверждаютъ примѣчаемыя въ янтарѣ травинки и мелкія животныя, которыя, будучи захвачены, когда сокъ былъ еще мягкій, остаются въ немъ. И вообще, кто не извѣдалъ опытомъ различія соковъ относительно къ ихъ качеству, тотъ не найдетъ и слова къ объясненію ихъ дѣйствій. Какъ опять изъ одной и той же влаги въ виноградѣ составляется вино, а въ маслинѣ—масло? И удивительно не одно то, какимъ образомъ влажность въ виноградѣ сдѣлалась сладкою, а въ маслинѣ тучною, но и то, что и въ сладкихъ плодахъ неисчислимо различіе качествъ. Ибо инакова сладость въ виноградѣ, инакова въ яблокѣ, смоковницѣ и финиковомъ деревѣ. И я желаю, чтобы ты еще подумалъ объ этомъ вопросѣ: отчего одна и та же вода, то мягка для ощущенія, когда, находясь въ извѣстныхъ растеніяхъ, дѣлается она сладкою, то жестка для вкуса, когда, пройдя чрезъ другія растенія, окисляется; и опять, обратившись въ крайнюю горечь, нестерпима для ощущенія, когда находится въ полыни и въ скаммонеи [1];

[1] Изъ рода вьюнчиковъ (convolvulus); даетъ изъ корня сокъ острый и молочный, имѣющій сильное слабительное свойство, подобно корню ялапа.

а въ желудяхъ, или въ плодѣ дерева превращается въ острое и вяжущее качество; въ терпентинныхъ же растеніяхъ и въ орѣхахъ измѣняется въ свойство нѣжвое и маслянистое? И нужно ли говорить о чемъ-либо малоизвѣстномъ, когда въ одной и той же смоковницѣ вода переходитъ въ противуположныя качества? Также влага весьма горька въ древесномъ сокѣ, и весьма сладка въ самомъ плодѣ; и въ виноградѣ имѣетъ самый вяжущій вкусъ въ сучьяхъ, и самый пріятный — въ ягодахъ.

Но сколько различій въ цвѣтахъ? Можешь видѣть на лугахъ, что одна и та же вода въ одномъ цвѣткѣ румяна, въ другомъ багрова, въ этомъ голуба, а въ этомъ бѣла. И опять еще больше разности представляетъ она въ запахахъ, нежели сколько имѣетъ разнообразія въ цвѣтахъ. Но вижу, что слово мое, отъ ненасытнаго желанія все обозрѣть, преступаетъ мѣру, и если не наложу на него узъ, и не возведу къ необходимому закону творенія, то не достанетъ у меня дня для изображенія предъ вами великой мудрости, сокрытой въ вещахъ самыхъ маловажныхъ.

Да прораститъ земля древо плодовитое творящее плодъ на земли. И тотчасъ вершины горъ осѣнились кудрями, устроились сады, и берега рѣкъ украсились тысячами родовъ растеній; и одни уготовлялись украшать человѣческую трапезу, а другія предложили въ пищу скотамъ и листья и плоды. Но онѣ доставляютъ намъ и врачебныя пользы въ своихъ сокахъ, влагахъ, прутьяхъ, корѣ, плодахъ. И однимъ словомъ, что́ открылъ нашъ долговременный опытъ, изъ частныхъ случаевъ собравъ полезное, то привелъ въ бытіе вдругъ всеобъемлющій Промыслъ Творца, предусмотрѣвъ изначала.

А ты, когда видишь растенія садовыя или дикія, прозябающія въ водѣ или на сушѣ, приносящія цвѣты, или безцвѣтныя, въ маломъ познавая великое, усугубляй непрестанно свое удивленіе, и возрастай въ любви къ Творцу. Размысли, какъ Онъ иныя растенія сотворилъ всегда зеленѣющими, а другія обнажающимися, и всегда зеленѣющія — то мѣняющими листья, то не теряющими листьевъ. Ибо мѣняютъ листья и олива и сосна, хотя перемѣна сія происходитъ непримѣтно, такъ что, повидимому, онѣ никогда не обнажаются отъ зелени. Но финиковое дерево не теряетъ листьевъ, и до конца сохраняетъ тѣ же листья, которые получило съ перваго прозябенія. Потомъ прими во вниманіе и то, отчего мирика [1]) есть какъ бы водоземное растеніе, причисляется къ растущимъ въ водѣ и разводится въ мѣстахъ пустынныхъ. Посему и Іеремія (17, 6) справедливо уподобляетъ такому растенію нравы лукавые и преклонные на доброе и худое.

[1]) Иначе — дрокъ.

Да прорастить земля. Краткое сіе повелѣніе тотчасъ стало великою природою и художественнымъ словомъ, быстрѣе нашей мысли производя безчисленныя свойства растеній. То же повелѣніе, и до нынѣ дѣйствуя въ землѣ, побуждаетъ ее, по истеченіи каждаго года, обнаруживать силу свою, какую она имѣетъ къ произведенію травъ, сѣмянъ и деревъ. Какъ кубарь, по силѣ прежняго даннаго ему удара, совершаетъ послѣдующія обращенія, когда описываетъ круги, соблюдая въ себѣ средоточіе неколеблемымъ; такъ и послѣдовательный порядокъ природы, получивъ начало съ первымъ повелѣніемъ, простирается на все послѣдующее время, пока не достигнетъ общаго скончанія вселенной. Къ нему будемъ поспѣшать и мы всѣ, плодонося добрыя дѣла и преисполняясь ими, *да насаждени въ дому Господни, во дворѣхъ Бога нашего процвѣтемъ* (Псалом. 91, 14) о Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ, Которому слава и держава во вѣки вѣковъ. (Изъ «Бесѣдъ на Шестодневъ»).

4. О птицахъ.

Да изведутъ воды гады душъ живыхъ по роду, и птицы летающія по земли, по тверди небесньй по роду. Почему и птицъ произвелъ изъ водъ? Потому что у летающихъ съ плавающими есть какъ бы нѣкоторое сродство. Какъ рыбы разсѣкаютъ воду, посредствомъ движенія перьевъ поступая впередъ, а чрезъ обращеніе хвоста давая себѣ то поворотныя, то прямыя направленія; такъ и въ птицахъ можно видѣть, что онѣ подобнымъ образомъ плаваютъ по воздуху на крыльяхъ. Посему, такъ какъ у тѣхъ и другихъ одно свойство — плавать, то происхожденіемъ изъ водъ сообщено имъ одно нѣкоторое сродство, за исключеніемъ, что нѣтъ ни одной птицы безъ ногъ, потому что всѣмъ доставляетъ пропитаніе земля, и всѣ онѣ по необходимости имѣютъ нужду въ содѣйствіи ногъ. И хотя хищнымъ птицамъ для лова даны острія когтей, однако же прочимъ и въ добываніи пищи и въ другихъ потребахъ жизни необходимую услугу доставляютъ ноги. У немногихъ птицъ слабыя ноги, и онѣ неспособны ни ходить, ни ловить ногами добычу; таковы ласточки, которыя не могутъ ни ходить, ни ловить ногами, и такъ называемые щурки [1]), которымъ опредѣлено въ пищу носящееся въ воздухѣ. Впрочемъ для ласточки летаніе близкое къ землѣ служитъ вмѣсто ногъ.

И у птицъ есть безчисленныя разности породъ; если кто станетъ ихъ описывать такимъ же образомъ, какъ отчасти коснулись

[1]) Въ подлинникѣ *дрепаны*, которыхъ *Плиній* причисляетъ къ безногимъ птицамъ.

мы разсмотрѣнія рыбъ, то найдетъ, что хотя всѣ имѣютъ одно имя— птица, однако же въ нихъ много разностей по величинѣ, по виду, и цвѣту и также въ родѣ жизни, въ занятіяхъ и нравахъ столько разнообразія между ними, что нельзя и описать. Нѣкоторые пытались уже составить имесловіе свое, чтобы по неупотребительному дотолѣ и новому наименованію, какъ по клейму, можно было распознавать свойство каждой породы. И однѣхъ птицъ назвали разрѣвистоперыми, каковы орлы; другихъ кожеперыми, каковы нетопыри; иныхъ плевоперыми, каковы осы; другихъ жесткоперыми, каковы жуки и всѣ родящіяся въ какихъ-то мѣшечкахъ и оболочкахъ и по разорваніи своихъ надкрылій начинающія летать свободно. Но для насъ достаточный признакъ къ различенію свойства породъ — общая польза и употребительное въ Писаніи раздѣленіе на чистыхъ и нечистыхъ. И такъ инакова порода птицъ плотоядныхъ и инаково устройство ихъ, приличное способу ихъ пропитанія— острія когтей, загнутость клюва, полетъ быстрый, чтобы удобно уловлялась добыча, и растерзанная служила пищею ловцу. Инаково устройство птицъ, питающихся сѣменами, и инаково тѣхъ, которыя ѣдятъ все, что ни попалось. Но и между сими опять весьма много различій. Однѣ водятся стадами, исключая хищныхъ птицъ. Но тысячи другихъ любятъ жизнь общественную, напримѣръ: голуби, журавли, скворцы и галки. Опять и между сими у однѣхъ безначаліе и какъ бы вольность, а другія не отказываются подчиняться вождю, какъ журавли. А еще есть у нихъ и другое различіе, по которому однѣ осѣдлы и туземны, другія же обыкли улетать далеко и по большей части переселяться съ приближеніемъ зимы. Многія изъ птицъ, будучи вскормлены человѣкомъ, дѣлаются ручными и смирными, исключая слабосильныхъ, которыя, по причинѣ чрезмѣрнаго страха и робости, не терпятъ, чтобы ихъ часто безпокоили, прикасаясь руками. А нѣкоторыя изъ птицъ любятъ жить съ людьми и въ однихъ съ ними жилищахъ: иныя живутъ на горахъ и любятъ пустыни. Весьма большое различіе составляетъ и свойство голоса въ каждой птицѣ. Однѣ изъ птицъ говорливы и болтливы, а другія молчаливы; однѣ пріятно поютъ и на разные голоса, другія совсѣмъ не имѣютъ музыкальности въ голосѣ и не умѣютъ пѣть. Однѣ переимчивы, или отъ природы имѣя даръ подражать, или пріобрѣтя оный чрезъ упражненіе, а другія издаютъ однообразные и неизмѣнные звуки.

Тысячи также, какъ сказали мы, различій въ занятіяхъ и родѣ жизни. Нѣкоторыя изъ безсловесныхъ ведутъ жизнь гражданственную, поелику гражданственности свойственно, чтобы дѣйствія всѣхъ клонились къ одному общему концу, какъ это можно видѣть у пчелъ. Ибо у нихъ и жилище общее, и вылетъ общій, и занятіе у

всѣхъ одно; а что всего важнѣе, за всякое дѣло принимаются подъ распоряженіемъ царя и чиноначальника, не прежде осмѣливаются вылетать на поля, какъ увидѣвъ царя предначавшимъ полетъ. И царь у нихъ отъ природы имѣетъ первенство надъ всѣми, превосходя ихъ величиною, видомъ и кротостію нрава. У царя сего есть и жало, но онъ не употребляетъ его на мщеніе. Таковы какъ бы неписанные законы природы, чтобы достигшіе высочайшаго могущества были медлительны въ наказаніи. Впрочемъ, если которыя изъ пчелъ не послѣдуютъ примѣру царя, онѣ вскорѣ раскаяваются въ своей безразсудности, потому что умираютъ поражаемыя жаломъ. Да слышатъ сіе христіане, которые имѣютъ заповѣдь, *не единому же зла за зло воздавать, но побѣждать благимъ злое.* (Рим. 12, 17, 21).

Какъ же опишу тебѣ въ подробности всѣ свойства птицъ касательно рода жизни? Какъ напр. журавли по очереди содержатъ ночную стражу, и одни спятъ, а другіе, ходя вокругъ, доставляютъ имъ во время сіе совершенную безопасность. Потомъ, когда исполнится срокъ стражи, стерегущій, вскрикнувъ, обращается ко сну, а другой смѣняетъ его, и отчасти вознаграждаетъ за ту безопасность, какою самъ пользовался. Такой же порядокъ усмотришь и въ летаніи ихъ. То одинъ, то другой служитъ путеводителемъ и опредѣленное нѣкоторое время летѣвъ впереди, перелетаетъ назадъ, и право предводительства въ пути передаетъ другому, за нимъ слѣдующему...

Есть морская птица — зимородокъ. Она имѣетъ обычай вить гнѣздо у самыхъ береговъ, кладетъ яйца на пескѣ и сидитъ въ гнѣздѣ среди зимы, когда отъ частыхъ и сильныхъ вѣтровъ море выплескивается на сушу. Но вдругъ умолкаютъ вѣтры, и морская волна не движется, пока, въ теченіи семи дней зимородокъ сидитъ на яйцахъ; ибо во столько дней выводитъ онъ своихъ птенцовъ. Поелику же имъ нужна и пища, то великодаровитый Богъ далъ сему малѣйшему животному в другіе семь дней на выращеніе птенцовъ. Это знаютъ всѣ мореплаватели, почему и называютъ дни сіи зимородковыми [1]). Все сіе узаконено промышленіемъ Божіимъ о безсловесныхъ въ наученіе тебѣ, чтобы ты просилъ у Него нужнаго ко спасенію. Какія чудеса не совершатся для тебя, созданнаго по образу Божію, когда Богъ для такой малой птицы удерживаетъ великое и страшное море, повелѣвъ ему быть такимъ среди самой зимы? (Изъ «Бесѣдъ на Шестодневъ»).

---

[1]) Или алціоническими. Это 7 дней передъ зимнимъ солнцестояніемъ, и столько же дней послѣ онаго.

5. О животныхъ земныхъ.

Да изведетъ земля душу. Стоты суть животныя земныя и поникли къ землѣ: но человѣкъ — насажденіе небесное, отличенъ, сколько видомъ тѣлеснаго состава, столько и достоинствомъ души. Какой видъ у четвероногихъ? Голова ихъ наклонена къ землѣ, смотритъ на чрево и всѣми мѣрами ищетъ пріятнаго чреву. Твоя голова поднята къ небу, очи твои взираютъ горѣ. Потому, хотя ты иногда безчестишь себя плотскими страстями, *приложившись скотомъ несмысленнымъ и уподобившись имъ* (Псал. 48, 13); однако же тебѣ прилично иное попеченіе—*вышнихъ искати, идѣже есть Христосъ* (Кол. 3, 1), мыслію своею быть выше земнаго. А какой данъ тебѣ видъ, такъ располагай и своею жизнію. *Житіе свое имѣй на небесѣхъ* (Филип. 3, 20). Истинное отечество твое — горній Іерусалимъ; граждане и соотечественники твои—*первородные, написанные на небесѣхъ* (Евр. 12, 22).

Да изведетъ земля душу живу. И такъ, не изъ земли явлась сокрытая въ ней душа безсловесныхъ, но произошла вмѣстѣ съ повелѣніемъ. А душа безловесныхъ одна, потому что одинъ отличительный признакъ — безсловесіе. Но каждое животное отличается различными свойствами. Волъ стоекъ, оселъ лѣнивъ, конь горячь, волкъ не дѣлается ручнымъ, лисица лукава, олень боязливъ, муравей трудолюбивъ, собака благодарна и понятлива въ дружбѣ. Ибо въ одно время и создано каждое животное и придано ему особенное свойство. Льву прирождены ярость, склонность къ одинокой жизни и необщительность съ звѣрьми подобнаго рода. Онъ, какъ царь безсловесныхъ, по природному своему презорству, не терпитъ себѣ равныхъ. Онъ не допускаетъ до себя съ вечера приготовленной пищи, не возвращается къ остаткамъ добычи. Природа дала ему такіе органы голоса, что многія животныя, превосходя его быстротою, не рѣдко бываютъ уловлены однимъ его рыканіемъ. Барсъ стремителенъ и быстръ въ своихъ нападеніяхъ. Ему дано способное къ тому тѣло, при гибкости и легкости успѣвающее слѣдовать за душевными движеніями. У медвѣдя природа неповоротлива, и нравъ своеобразенъ, коваренъ, глубоко скрытенъ. Онъ облеченъ въ такое же и тѣло, тяжелое, плотное, не имѣющее составовъ, дѣйствительно приличное звѣрю холодному, живущему въ берлогѣ.

Если коснемся словомъ той заботливости, какую сіи безсловесныя имѣютъ о своей жизни, не учившись и по природѣ; то или сами подвигнемся къ храненію себя самихъ и къ промышленію о спасеніи душъ, или еще болѣе осудимъ себя, когда найдемъ, что даже въ подражаніи и безсловеснымъ остаемся мы назади. Медвѣдица, когда ей нанесены самыя глубокія раны, часто лечитъ сама

себя, всѣми способами затыкаетъ язвину травою — коровьякъ [1]), которая имѣетъ свойство сушить. Можемъ увидѣть, что и лисица лечитъ себя смолою. Черепаха, наѣвшись ехидниной плоти, избѣгаетъ вреда отъ яда, употребивъ вмѣсто противуядія душицу. И змѣя вылечиваетъ больные глаза, наѣвшись волошскаго укропа.

А предузнаваніе воздушныхъ перемѣнъ не помрачаетъ ли собою даже разумнаго вѣдѣнія? Овца передъ наступленіемъ зимы съ жадностію нападаетъ на кормъ, какъ бы надѣясь на время будущей скудости. Волы, долго запертые въ продолженіе зимы, съ приближеніемъ весны, по естественному уже чувству узнавъ перемѣну, начинаютъ смотрѣть туда, гдѣ выходъ изъ хлѣвовъ, и всѣ, какъ бы по данному знаку, перемѣняютъ положеніе. Нѣкоторые изъ трудолюбивыхъ наблюдателей замѣтили, что живущій на сушѣ ёжъ въ норѣ своей дѣлаетъ двѣ отдушины, и если будетъ дуть сѣверный вѣтеръ, закладываетъ отдушину съ сѣвера, и опять, когда начинаетъ дуть южный вѣтеръ, переходитъ къ сѣверной отдушинѣ.

Что же показывается чрезъ сіе намъ человѣкамъ? Не одно то, что попечительность Создавшаго насъ простерлась на все, но также, что и у безсловесныхъ есть нѣкоторое чувство будущаго; почему и мы должны не къ настоящей жизни примѣняться, но имѣть всякое попеченіе о будущемъ вѣкѣ. Не потрудишься ли самъ о себѣ, человѣкъ? Еще въ настоящемъ вѣкѣ не заготовишь ли нужнаго къ успокоенію въ будущемъ, взирая на примѣръ муравья? Онъ лѣтомъ собираетъ себѣ пищу на зиму, и не проводитъ времени въ праздности, потому что еще не наступили зимнія скорби, а напротивъ того, съ какимъ-то неутомимымъ тщаніемъ напрягаетъ себя къ работѣ, пока не вложитъ въ свои сокровищницы достаточнаго количества пищи. И дѣлаетъ сіе не съ небреженіемъ, но прилагаетъ мудрую заботливость, чтобы пищи достало, сколько можно на бо́льшее время. Онъ разсѣкаетъ своими клещами каждое зерно пополамъ, чтобы оно не проросло и не сдѣлалось негоднымъ для употребленія ему въ пищу. Также просушиваетъ зерна, когда примѣтитъ, что они отсырѣли, и не во всякое время разсыпаетъ ихъ, но когда предчувствуетъ, что воздухъ будетъ долго находиться въ ведряномъ состояніи. Вѣрно не увидишь льющагося изъ облаковъ дождя во все то время, когда разсыпанъ запасъ у муравьевъ.

Какого слова достаточно будетъ на сіе? Какой слухъ вмѣститъ это? Достанетъ ли времени описать и повѣдать всѣ чудеса Художника? Скажемъ и мы съ Пророкомъ: *яко возвеличашася дѣла Твоя, Господи: вся премудростію сотворилъ еси* (Псал. 103, 24).

---

[1]) Такъ называется однолѣтняя трава, извѣстная также подъ именемъ: царскій скипетръ.

Если станешь разсматривать и самые члены животныхъ, найдешь, что Творецъ не прибавилъ ни одного лишняго и не отнялъ необходимаго. Плотояднымъ животнымъ придалъ острые зубы; ибо въ такихъ имѣли они нужду, по роду пищи. А которыхъ въ половину вооружилъ зубами, тѣхъ снабдилъ многими различными влагалищами для пищи. Поелику они съ перваго раза не могутъ достаточно разжевать пищу, далъ имъ возможность отрыгать поглощенное, чтобъ извлеченное посредствомъ жвачки усвоилось питаемому. Желудокъ, предутробіе, сѣточка и утроба не напрасно даны животнымъ, у которыхъ они есть, но каждое изъ сихъ орудій служитъ для необходимой потребности. У верблюда шея долга, чтобъ она ровнялась ногамъ, и доставала до травы, которою кормится верблюдъ. Шея коротка и вдалась въ плечи у медвѣдя, у льва, у тигра, и у прочихъ того же рода животныхъ, потому что они питаются не травою, и имъ, какъ плотояднымъ и довольствующимся ловлею животныхъ, нѣтъ нужды наклоняться къ землѣ.

Къ чему хоботъ у слона? Великому этому животному и даже величайшему изъ всѣхъ живущихъ на сушѣ, какъ созданному на ужасъ всякому встрѣчающемуся, надлежало быть рослымъ и имѣть громадное тѣло. Если бы ему дана была большая и соразмѣрная съ ногами шея, трудно было бы носить ее, потому что она, отъ чрезмѣрной тяжести, клонилась бы всегда къ землѣ. А теперь голова соединена у слона съ хребтомъ не многими шейными позвонками, но есть у него хоботъ, вознаграждающій недостатокъ шеи; имъ слонъ достаетъ пищу и черпаетъ питье. Да и ноги у него безъ составовъ и какъ соединенные столбы подпираютъ тяжесть тѣла. А если бы замѣнить ихъ нѣжными и слабыми мышцами, то у слона часто случались бы вывихи въ составахъ, которые были бы недостаточны къ поддержанію тяжести, когда слонъ становится на колѣна и встаетъ. Но теперь короткая подпяточная кость подставлена подъ ногу слону, а ни въ подколѣнье, ни въ колѣнѣ нѣтъ у него составовъ; потому что шаткость составовъ не выдержала бы чрезмѣрно громаднаго и зыблющагося тѣла, какимъ слонъ обложенъ. По сему нуженъ былъ этотъ носъ, опускающійся до ногъ. Не видишь ли на сраженіяхъ, какъ слоны, подобно какимъ-то одушевленнымъ башнямъ, идутъ передъ рядами, или, подобно плотнымъ холмамъ, въ неудержимомъ стремленіи прорываютъ сплоченные щиты непріятелей? А если бы нижнія части у слоновъ не были соразмѣрны; не долго бы держалось это животное. Теперь же, какъ нѣкоторые повѣствуютъ, слонъ живетъ триста и болѣе лѣтъ. Посему-то ноги у него цѣльныя и безъ составовъ. А пищу, какъ мы сказали, съ земли — вверхъ поднимаетъ хоботъ, который по природѣ гибокъ, сжимается и разжимается, на подобіе змѣи. Такъ вѣрно

слово, что въ сотворенномъ нельзя найти ничего излишняго, ни недостаточнаго. Однако и сіе, столь огромное по величинѣ животное, Богъ сотворилъ покорнымъ человѣку; когда учимъ его, оно понимаетъ, и когда бьемъ, терпитъ. А симъ Богъ ясно научаетъ насъ, что Онъ все подчинилъ намъ, потому что мы сотворены по образу Создателя.

Но не въ однихъ только великихъ животныхъ можно усматривать неизслѣдимую премудрость; напротивъ того и въ самыхъ малыхъ легко соберешь не меньшее число чудесъ. Какъ высокимъ вершинамъ горъ, которыя, по близости къ облакамъ, чрезъ непрестанное дуновеніе вѣтровъ, сохраняютъ постоянную стужу, удивляюсь не болѣе сколько и низменнымъ долинамъ, которыя не только спасаются отъ жестокости горныхъ вѣтровъ, но и всегда удерживаютъ въ себѣ теплоту воздуха: такъ и въ устройствѣ животныхъ не болѣе дивлюсь слону за его величину, чѣмъ мыши, потому что она страшна и для слона, или самому тонкому жалу скорпіона, которое Художникъ сдѣлалъ пустымъ, какъ свирѣль, чтобы чрезъ него вливался ядъ въ уязвленныхъ.

И никто не ставь въ вину Творцу, что Онъ произвелъ животныхъ ядовитыхъ, разрушительныхъ и враждебныхъ нашей жизни. Иначе станетъ кто-нибудь винить и пѣстуна, что онъ удобоподвижностью кости приводитъ въ порядокъ ударами, и бичами уцѣломудриваетъ продерзость. Звѣри дѣлаются и доказательствомъ вѣры. Вѣришь ли Господу, сказавшему: *на аспида и василиска наступиши и поперсши льва и змія* (Псал. 90, 13)? И по вѣрѣ имѣешь ты власть попирать змѣй и скорпіоновъ. Развѣ не знаешь, что эхидна, прикоснувшаяся къ Павлу, когда онъ собиралъ хворостъ, не сдѣлала ему никакого вреда, потому что Святый нашелся исполненнымъ вѣры (Дѣян. 26, 3 — 6)? А если не имѣешь вѣры; то бойся не звѣря, а своего невѣрія, чрезъ которое сдѣлалъ ты себя отъ всего удоборазрушаемымъ. (Изъ «Бесѣдъ на Шестодневъ»).

6. О вниманіи къ самому себѣ.

(*Внемли себѣ. Втор. 15, 9*).

Внемли себѣ, то есть, внемли не тому, что твое и что около тебя, но одному себѣ; ибо иное — мы сами, иное — принадлежащее намъ, а иное что около насъ. Душа и умъ — это мы, поколику сотворены по образу Создавшаго; тѣло и пріобрѣтаемыя посредствомъ его ощущенія — это наше; около же насъ — имущества, искусства и прочія удобства жизни. Поэтому что значитъ слово сіе? Не плоти внемли, не за плотскими благами гонись всѣми мѣ-

рами, то есть за здравіемъ, красотою, наслажденіемъ, удовольствіями и долголѣтіемъ; уважай не деньги, не славу, не владычество; не то почитай великимъ, что служитъ для временной жизни, и въ попеченіи о семъ не будь нерадивъ о преимущественной жизни своей. Но *внемли себѣ*, то есть, душѣ своей. Ее украшай, о ней заботься, чтобы своею внимательностію предотвратить всякую нечистоту, сообщаемую ей порокомъ, очистить ее отъ всякаго грѣховнаго срама, украсить же и просвѣтить ее всякою красотою добродѣтели. Испытай себя самаго, кто ты; познай свою природу; познай, что́ тѣло твое смертно, а душа безсмертна. Что жизнь наша двоякая: одна, свойственная плоти, скоропреходящая, и другая, сродная душѣ, не допускаетъ предѣла. Поэтому, *внемли себѣ*, не останавливайся на смертномъ, какъ на вѣчномъ, и не презирай вѣчнаго, какъ преходящаго. Не радѣй о плоти, потому что преходитъ; заботься о душѣ, существѣ безсмертномъ. Со всевозможнымъ тщаніемъ вникай въ себя самаго, чтобы умѣть тому и другому дать полезное; плоти — пропитаніе и покровы, а душѣ — догматы благочестія, благопристойное образованіе, упражненіе въ добродѣтели, исправленіе страстей, чтобы не утучнять тебѣ тѣла, не стараться о множествѣ плоти. Но поелику *плоть похотствуетъ на духа, духъ же на плоть: сія же другъ другу противятся*; то смотри, что бъ тебѣ прилѣпившись къ плоти не уступить большаго владычества худшему. Какъ при взвѣшиваніи на вѣсахъ, если обремениишь одну чашку, то непремѣнно сдѣлаешь легкою другую противоположную ей; такъ бываетъ съ тѣломъ и душею: избыточество въ одномъ дѣлаетъ необходимымъ оскудѣніе въ другомъ. Когда тѣло въ добромъ состояніи и обременено тучностію, тогда уму необходимо быть слабымъ и недостаточнымъ для свойственныхъ ему дѣйствованій. А когда душа благоустроена и размышленіемъ о благахъ возвышена до свойственнаго ей величія, тогда слѣдствіемъ сего бываетъ увяданіе тѣлесныхъ силъ....

Внемли себѣ: будь трезвенъ, разсудителенъ, храни настоящее, промышляй о будущемъ. Не упускай изъ рукъ, по безпечности, того, что уже есть; чего же еще нѣтъ, можетъ быть и не будетъ, не предполагай въ томъ наслажденія, какъ будто оно уже въ рукахъ....

Перестань со тщаніемъ наблюдать пороки въ другомъ, не давай занятія помысламъ испытывать чужія немощи, но *себѣ внемли*, т. е. обрати душевное око на собственное изслѣдованіе себя самого. Ибо многіе, по слову Господню, *чуять сучецъ иже во оцѣ брата, бервна же, еже есть во оцѣ ихъ, не видятъ*. (Матѳ. 7, 3.). Поэтому не переставай изслѣдовать себя самого, точно ли ведешь ты жизнь по заповѣди; но не смотри на внѣшнее, чтобъ можно тебѣ было

найдти въ комъ-нибудь достойное порицанія, по примѣру з жестокаго и высокомѣрнаго фарисея, который стоялъ, оправдь себя и уничтожая мытаря. Напротивъ того не престапай суд .ь себя самого: не согрѣшилъ ли ты въ чемъ помышленіемъ? не поползнулся ли на что языкъ, предваряя мысль? не совершено ли въ дѣлахъ рукъ твоихъ что-нибудь необдуманное? И если найдешь много прегрѣшеній въ жизни своей (а найдешь, безъ сомнѣнія, потому что ты человѣкъ), то скажи словами мытаря: Боже, милостивъ буди мнѣ грѣшному (Луки 18, 13)!...

Не отчаявайся въ себѣ и не теряй вовсе доброй надежды отъ того, что въ настоящемъ нѣтъ для тебя ничего завиднаго, но возводи душу твою къ благамъ, какія даны уже тебѣ отъ Бога и какія по обѣтованію уготованы въ послѣдствіи. И такъ, во-первыхъ, ты человѣкъ, одинъ изъ живыхъ на землѣ тварей богосозданъ. Уже ли разсуждающему цѣломудренно для высшей степени благодушія недостаточно и сего — быть созданнымъ собственными руками все устроившаго Бога? Недостаточно и того, что сотворенный по образу Создавшаго тебя, доброю жизнію можешь достигнуть равночестія съ Ангелами? Ты получилъ разумную душу, которою уразумѣваешь Бога, проникаешь разсудкомъ въ природу существъ, пожинаешь сладчайшій плодъ мудрости. Всѣ животныя, какъ водящіяся на сушѣ, и кроткія и свирѣпыя, такъ живущія въ водахъ и летающія въ семъ воздухѣ, тебѣ порабощены и подчинены. Не ты ли изобрѣлъ искусства, построилъ города, придумалъ все и необходимое и служащее къ роскоши? Не твой ли разумъ сдѣлалъ для тебя моря проходимыми? Земля и море не служатъ ли твоей жизни? Воздухъ, небо и сонмы звѣздъ не показываютъ ли тебѣ своего стройнаго чина? Почему же малодушествуешь отъ того, что у тебя нѣтъ среброуздаго коня? Но есть у тебя солнце, которое въ самомъ быстромъ своемъ теченіи въ продолженіе всего дня носитъ предъ тобою свѣтильникъ. У тебя нѣтъ блещущаго золота и серебра, но есть луна, которая озаряетъ своимъ въ тысячу разъ большимъ свѣтомъ. Не входишь ты на златокованныя колесницы; но есть у тебя ноги — эта собственная и природная твоя колесница. Для чего же ублажаешь людей, которые накопили полный карманъ, и, чтобъ перейдти съ мѣста на мѣсто, имѣютъ нужду въ чужихъ ногахъ? Не спишь ты на ложѣ изъ слоновой кости; но имѣешь у себя землю, которая дороже многихъ слоновъ, имѣешь сладкое на ней успокоеніе, скорый и беззаботный сонъ. Не лежишь ты подъ золотою кровлею; но имѣешь надъ собою небо, сіяющее неизреченными красотами звѣздъ. Но это еще человѣческое, а есть и другое — болѣе важное. Для тебя Богъ между человѣками, для тебя раздаяніе даровъ Святаго Духа, разрушеніе смерти, надежда

воскресенія, Божіи повелѣнія, усовершающія жизнь твою, восхожденіе къ Богу съ помощію заповѣдей, уготованное царство небесное, вѣнцы правды, готовые для неуклоняющагося отъ подвиговъ добродѣтели!...

Если *внемлешь себѣ*, ты не будешь имѣть нужды искать слѣдовъ Зиждителя въ устройствѣ вселенной, но въ себѣ самомъ, какъ бы въ маломъ какомъ-то мірѣ, усмотришь великую премудрость своего Создателя. Изъ безплотности находящейся въ тебѣ души уразумѣвай, что и Богъ безплотенъ. Знай, что Онъ неограниченъ мѣстомъ, что и твой умъ не имѣетъ особеннаго пребыванія въ какомъ-нибудь мѣстѣ, находится же въ мѣстѣ только по причинѣ соединенія съ тѣломъ. Вѣруй, что Богъ невидимъ, познавъ собственную свою душу; потому что и она непостижима тѣлесными очами. Она не имѣетъ ни цвѣта, ни вида, не объемлется какою-либо тѣлесною чертою, но узнается только по дѣйствіямъ. Потому и въ разсужденіи Бога не домогайся наблюденія съ помощію очей, но предоставивъ вѣру уму, имѣй о Богѣ умственное понятіе. Дивись художнику, какъ силу души твоей привязалъ Онъ къ тѣлу, такъ что, простираясь до его конечностей наиболѣе отдаленные между собою члены приводитъ въ одно согласіе и общеніе. Разсмотри, какая сила сообщается тѣлу душею, и какое сочувствіе возвращается отъ тѣла къ душѣ; какъ тѣло пріемлетъ жизнь отъ души, и душа пріемлетъ болѣзненныя ощущенія отъ тѣла; какія въ ней сокровищницы для изучаемаго; отъ чего знаніе прежнихъ наукъ не помрачается присовокупленіемъ изучаемаго вновь, но припоминанія сохраняются неслитными и нераздѣльными, будучи начертаны во владычественномъ души, какъ бы на мѣдномъ какомъ столпѣ; какъ душа, поползнувшаяся въ плотскія страсти, губитъ собственную свою красоту, и какъ опять, очистившись отъ грѣховнаго срама, чрезъ добродѣтель восходитъ до уподобленія Творцу.

Внемли, если угодно тебѣ, по разсмотрѣніи души, и устройству тѣла, и подивись, какое приличное вмѣстилище устроилъ разумной душѣ наилучшій художникъ. Изъ всѣхъ животныхъ одному человѣку далъ Онъ прямое положеніе тѣла, чтобы по самому наружному виду могъ ты разумѣть, что жизнь твоя ведетъ начало свыше. Всѣ четвероногія смотрятъ въ землю и потуплены къ чреву; а у человѣка взоръ отверстъ къ небу, чтобъ не предавался чреву и плотскимъ страстямъ, но имѣлъ всецѣлое стремленіе къ горнему шествію. Потомъ, помѣстивъ голову на самомъ верху тѣла, Богъ водрузилъ въ ней наиболѣе достойныя чувства. Тамъ зрѣніе, слухъ, вкусъ, обоняніе; всѣ они размѣщены вблизи другъ отъ друга. И при такомъ стѣсненіи ихъ въ маломъ пространствѣ ни

одво не препятствуетъ дѣйствованію сосѣдняго съ нимъ чувства. Глаза заняли самую высшую стражбу, чтобы ни одна часть тѣла не преграждала имъ свѣта и, чтобы находясь подъ небольшимъ прикрытіемъ бровей, они могли прямо устремляться съ горней высоты. Опять, слухъ открытъ не по прямой чертѣ, но звуки, носящіеся въ воздухѣ, принимаютъ въ извитый ходъ. И высочайшая премудрость видна въ томъ, что и голосъ проходитъ безпрепятственно, или, лучше сказать, звучитъ, преломляясь въ изгибахъ, и ничто отвнѣ приходящее не можетъ быть препятствіемъ ощущенію. Изучи природу языка, какъ онъ нѣженъ и гибокъ и по разнообразіи движеній достаточенъ для всякой потребности слова. Зубы суть вмѣстѣ и орудія голоса, доставляя крѣпкую опору языку, и вмѣстѣ служатъ при вкушеніи пищи, одни разсѣкаютъ, другіе измельчаютъ ее. И такимъ образомъ, разсматривая все съ надлежащимъ разсужденіемъ, и изучая втягиваніе воздуха легкими, сохраненіе теплоты въ сердцѣ, орудія пищеваренія, проводники крови, во всемъ этомъ усмотришь неизслѣдимую премудрость своего Творца, такъ что и самъ ты скажешь съ пророкомъ: *удивися разумъ Твой отъ мене.* (Псал. 138, 6).

БЕСѢДЫ СВ. ІОАННА ЗЛАТОУСТАГО.

Біографія Св. Іоанна Златоустаго.—Св. Іоаннъ, архіепископъ Константинопольскій, названный за удивительную силу краснорѣчія *Златоустымъ, устами Христа и устами Божіими,*—родился въ Антіохіи, столичномъ городѣ Сиріи, около 347 года по Р. Х. Отецъ Іоанна, Секундъ, занималъ въ Антіохіи одно изъ почтныхъ военныхъ мѣстъ, а мать Анфуса отличалась прекрасными качествами души и высокимъ благочестіемъ. По смерти своего мужа, она обратила особенное вниманіе на воспитаніе Іоанна: отъ нея Златоустъ получилъ первые уроки христіанскихъ истинъ. Знаменитый язычникъ, по имени Ливаній, выслушавъ разсказъ Іоанна о его родителяхъ, сказалъ: «какія удивительныя жены у христіанъ». По достиженіи Іоанномъ надлежащаго возраста, Анфуса заботилась о пріисканіи для него хорошихъ учителей: она, за невозможностію образовать юношу въ христіанскихъ школахъ, отдала его къ Ливанію въ языческое училище, гдѣ Іоаннъ изучалъ философію, краснорѣчіе и преимущественно древнюю литературу Грековъ и Римлянъ. Іоаннъ особенно успѣлъ въ краснорѣчіи. Ливаній, названный уже нами, софистъ, прочелъ въ присутствіи своихъ друзей рѣчь Іоанна: «Похвалу Императорамъ», и когда всѣ рукоплескали, то этотъ ученый мужъ сказалъ: «счастливъ писатель, умѣющій такъ прославлять императоровъ! Но также счастливы императоры тѣмъ, что царствуютъ въ такое время, когда міръ владѣетъ такимъ удивительнымъ писателемъ!» Передъ смертію своею Ливаній на вопросъ: «кого онъ желаетъ имѣть своимъ преемникомъ?» отвѣчалъ: «я избралъ бы Іоанна, если бы его не похитили христіане». По философіи Іоаннъ оказалъ весьма

блистательные успѣхи. Когда Златоустъ достигнулъ двадцатилѣтняго возраста, курсъ ученія его кончился; пришло время избрать общественную должность: Іоаннъ принялъ на себя званіе адвоката: въ этомъ званіи онъ пріобрѣлъ большую извѣстность. Но внутренній голосъ сердца вызывалъ Іоанна къ тихой жизни въ пустынѣ. Іоаннъ снялъ съ себя свѣтскія одежды и хотѣлъ проводить жизнь аскетическую. Въ это время онъ принялъ святое крещеніе. Желаніе посвятить себя исключительно пустынной жизни и принять монашество поразило ужасомъ мать Іоанна Анфусу. Она говорила своему сыну: «не дѣлай меня во второй разъ вдовицею.... когда предашь тѣло мое землѣ и прахъ мой соединишь съ прахомъ отца твоего, тогда предпринимай далекія путешествія, преплывай моря, какія хочешь. Но доколѣ еще дышу, не разлучайся со мною». Слова матери удержали Іоанна на время въ домѣ отца. Послѣ смерти матери, Златоустъ рѣшился оставить міръ и удалился въ одинъ изъ монастырей, не далеко отъ Антіохіи. Монастырская жизнь Златоуста продолжалась шесть лѣтъ; въ 380 году онъ возвратился въ Антіохію, гдѣ и былъ рукоположенъ, по желанію всего народа, епископомъ Мелетіемъ въ діакона, а затѣмъ епископомъ Флавіаномъ — въ санъ пресвитера.

Ниспроверженіе возмутившимся народомъ статуй умершей супруги царя Ѳеодосія Флакиллы и отца ея Ѳедосія, угрожало Антіохійцамъ страшною казнію императора; епископъ Флавіанъ, этотъ добрый пастырь, готовый положить душу свою за овцы, — отправился въ Константинополь умолять разгнѣваннаго Монарха о помилованіи, а утѣшать паству на время своего отсутствія поручилъ пресвитеру Іоанну. Іоаннъ по случаю ниспроверженія царскихъ статуй, произнесъ къ Антіохійцамъ нѣсколько бесѣдъ (19), въ которыхъ обнаружилъ весь блескъ своего ораторскаго генія. Послѣднюю рѣчь онъ говорилъ въ День Воскресенія Христова уже въ присутствіи Флавіана, возвратившагося съ прощеніемъ отъ императора. На слушателей Св. Іоаннъ производилъ необыкновенное дѣйствіе: нерѣдко случалось, что они вдругъ его прерывали, храмъ оглашался рукоплесканіями и громкими криками: «Златоустъ! уста золотыя, уста золотыя!» Иногда храмъ наполнялся рыданіями, слушатели, проникнутые глубокимъ чувствомъ сокрушенія, ударяли себя въ голову: такое могущественное дѣйствіе производилъ проповѣдникъ....

По смерти Нектарія, архіепископа Константинопольскаго, Златоустъ былъ избранъ на его мѣсто въ 398 году. Новое поприще дѣятельности великаго пастыря и оратора открыло ему путь къ болѣе высокой славѣ во всемъ христіанскомъ мірѣ. Въ Константинополѣ Св. Іоаннъ, подобно тому какъ и въ Антіохіи, съ апостольскою ревностію трудился на пользу церкви: онъ заботился о возстановленіи благочестія между духовенствомъ и другими сословіями, прилагалъ попеченіе о бѣдныхъ и больныхъ, распространялъ вѣру среди язычниковъ, низлагалъ недостойныхъ епископовъ, ратовалъ противъ неномѣрной роскоши, обличалъ сребролюбіе, каралъ неправду и злоупотребленія властей (напр. Евтропія). Великіе люди имѣютъ завистниковъ: имѣлъ ихъ и Св. Златоустъ. Завистники, во главѣ которыхъ стоялъ Ѳеофилъ, патріархъ Александрійскій, вооружили императрицу Евдоксію на Св. мужа: Евдоксія, супруга императора Аркадія, была женщина тщеславная, гордая, раздражительная; она обладала ненасыщаемымъ сребролюбіемъ: ея неправды не имѣли предѣла. Св. Іоаннъ непрестанно вооружался противъ сребролюбія въ народѣ, противъ жестокости властителей. Обличительныя проповѣди Златоуста сильно уязвляли Евдоксію. Однажды онъ сказалъ слово противъ хитрости и тщеславія женщинъ вообще. Это слово народъ понялъ какъ намекъ на царицу, и она признала себя оскорбленною. Враги Св. мужа воспользовались такимъ

случаемъ къ его гибели: собрался соборъ, и великій пастырь церкви Константинопольской былъ осужденъ на изгнаніе. Прощальная бесѣда (она напечатана нами ниже) Златоуста потрясла народъ, и лишь разнеслась молва объ удаленіи св. пастыря, какъ весь народъ пришелъ въ сильное негодованіе. Замѣтимъ, что Златоустъ былъ взятъ тайно ночью. Тогда само небо заступилось за своего избранника. На слѣдующую ночь послѣ изгнанія Златоуста, небо покрылось мрачными облаками, поднялась сильная гроза, море закипѣло бушующими волнами, городъ заколебался отъ сильнаго землетресенія: трепетъ и ужасъ овладѣлъ народомъ. «Это казнь неба,» вопіяли массы, — «горе намъ! погибли мы, если св. епископъ не будетъ возвращенъ». Содрогнулась сама царица Евдоксія.... Она упросила Императора возвратить Златоуста, и Св. мужъ былъ возвращенъ. Возвращеніе изгнаннаго походило на торжественное шествіе побѣдителя: по всему Босфору виднѣлись посольскія лодки; весь берегъ усѣянъ былъ многочисленными толпами народа; все духовенство, въ предшествіи епископовъ, явилось у пристани и ожидало святителя съ зажженными въ рукахъ восковыми свѣчами. Спустя два мѣсяца по возвращеніи св. Іоанна зависть и вражда ополчились противъ него съ новою силою; бесѣда противъ торжественныхъ игръ, учрежденныхъ по случаю поставленія статуи императрицы, была поводомъ клеветы на св. Іоанна: его называли врагомъ счастія народнаго; Евдоксія опять начала питать гнѣвъ противъ великаго пастыря и соборъ вторично осудилъ Златоуста на изгнаніе. 20 Іюня 404 года Императоръ Аркадій повелѣлъ Златоусту оставить городъ и отправиться въ ссылку, — въ городъ Кукузъ, расположенный въ Арменіи среди дикихъ и холодныхъ холмовъ, — мѣсто неудобное для обитанія. Безпредѣльная любовь народа къ великому проповѣднику всего яснѣе обнаружилась во время его изгнанія; Златоустъ говоритъ въ одномъ своемъ письмѣ къ благочестивой вдовѣ Олимпіадѣ: «встрѣчающіеся со мною на дорогѣ жители востока, Арменіи, люди изъ всѣхъ странъ, и вездѣ, смотря на меня, проливаютъ потоки слезъ, оглушаютъ страшными воплями и по всему пути преслѣдуютъ меня рыданіями». (Воскр. Чтеніе 1848 года, стр. 287: письма къ Олимпіадѣ). Наконецъ знаменитый изгнанникъ, прошедъ Виѳинію, Фригію, Галатію, Каппадокію, прибылъ въ Кукузъ въ Сентябрѣ того же 404 года: это тяжкое путешествіе длилось 70 дней..... Его здоровье сильно разстроилось, потому что суровый воздухъ разрушительно на него дѣйствовалъ, особенно зимы 405 и 406 годовъ подвергали его жестокимъ страданіямъ, едва не окончившимся смертію. «Поднявшись отъ самыхъ дверей смерти, пишу къ тебѣ (къ Олимпіадѣ) настоящее письмо.... Нынѣшняя зима, суровая не по обыкновенію, навела и на слабый желудокъ мой зиму, очень жестокую. Ничѣмъ не лучше, даже гораздо хуже, чѣмъ мертвецы, провелъ я эти два мѣсяца. Я жилъ только для того, чтобъ чувствовать однѣ несчастія, которыя со всѣхъ сторонъ обложили меня, все было для меня ночь и день, и разсвѣтъ и полдень; цѣлые дни дневалъ я пригвожденный къ постелѣ, тысячи употреблялъ средствъ, но не могъ удалить вреда, который нанесла мнѣ стужа; зажигалъ огонь, вытерпливая самый несносный чадъ, сидѣлъ въ одной комнатѣ, укрывался множествомъ ветоши, не отваживался выступить за порогъ; и при всемъ этомъ терпѣлъ крайнія мученія — головную боль, отвращеніе въ пищѣ, непрестанную безсонницу. Длинное море эти безсонныя ночи, которыя проводилъ я».

Въ изгнаніи Златоустъ написалъ 250 писемъ къ разнымъ лицамъ; къ нему являлись почетныя лица со всѣхъ концовъ земли: изъ Финикіи, Сиріи, Сициліи, Константинополя и Антіохіи, — являлись за тѣмъ, чтобы слышать отъ

него добрый совѣтъ и утѣшеніе; папа Иннокентій предлагалъ собрать соборъ изъ епископовъ западной и восточной церкви для оправданія св. Златоуста; изъ Кукуза Св. Іоаннъ отправлялъ письма съ пасторскими распоряженіями и ободреніемъ пустынникамъ, которые занимались проповѣданіемъ слова Божія въ Арменіи, Финикіи, Аравіи, Персіи и другихъ мѣстахъ. Враги Златоуста не дремали; усердіе разныхъ лицъ къ св. изгнаннику, а также уваженіе къ нему папы наполняло завистію ихъ сердца, устрашало ихъ новыми опасеніями и они уговорили слабодушнаго императора Аркадія перевести Златоуста въ новое мѣсто для ссылки. Для сего избранъ былъ Питіунтъ, малоизвѣстный городокъ въ Колхидѣ, на сѣверномъ берегу Чернаго Моря,—мѣсто пустынное и дикое. Во время этого новаго путешествія со св. мужемъ обходились безъ всякаго состраданія: его заставляли идти день и ночь, подъ палящими лучами полуденнаго солнца, во время сильной бури, подъ проливнымъ дождемъ. Этотъ жестокій путь продолжался три мѣсяца. Св. Златоустъ достигъ наконецъ до Команъ, небольшаго городка въ провинціи Понта. Здѣсь силы его окончательно истощились, и св. пастырь предалъ духъ свой Богу 14-го сентября 407 года.

Императоръ Θеодосій и сестра его Пульхерія, по предложенію епископа Прокла, изъявили желаніе на перенесеніе мощей Св. Златоуста въ Константинополь. Когда поставлена была въ храмѣ рака со святыми мощами,—императоръ съ сестрою Пульхеріею смиренно преклонили предъ ними голову и колѣно свои; потомъ Θеодосій, снявъ съ себя всѣ знаки царскаго достоинства, подошелъ къ гробницѣ, и склонивъ къ мощамъ голову, устремивъ на лице святителя очи свои, умолялъ его о прощеніи своихъ родителей Аркадія, а особенно Евдоксіи, какъ болѣе виновной во всѣхъ страданіяхъ Святаго. Весь народъ, до глубины сердца растроганный симъ умилительнымъ зрѣлищемъ, вмѣстѣ съ императоромъ, проливалъ горькія слезы. Когда императоръ отошелъ отъ гробницы, святой Проклъ поставилъ ее на патріаршее мѣсто. Говорятъ, что въ это время раскрылись уста Святаго и онъ произнесъ слова: *«миръ вамъ»*! Съ тѣхъ поръ св. Церковь празднуетъ перенесеніе мощей Св. Златоуста 27-го генваря. (Жизнь Св. Іоанна Златоустаго. М. 1860).

Св. Іоаннъ Златоустъ былъ самый трудолюбивѣйшій писатель христіанской церкви: его сочиненія весьма многочисленны. Во время служенія своего паствѣ Антіохійской, въ теченіи шести лѣтъ, онъ произнесъ передъ народомъ 75 бесѣдъ на книгу Бытія, 58 на Псалмы, 90 бесѣдъ на Евангеліе Матθея, 88 на Евангеліе отъ Іоанна, 32 бесѣды на посланіе къ Римлянамъ, 74 на оба посланія къ Коринѳянамъ, одно толкованіе на посланіе къ Галатамъ, 24 бесѣды на посланіе къ Ефесеямъ, на оба посланія къ Тимоѳею 28 бесѣдъ. Онъ сказалъ также нѣсколько бесѣдъ о Лазарѣ, о покаяніи, 19 бесѣдъ къ Антіохійскому народу по случаю возстанія, поученія противъ Аномеевъ и Іудеевъ и множество словъ на разные случаи. Между его твореніями самыя лучшія—это толкованіе на Ев. Матθея и на посланіе къ Коринѳянамъ.

1. Бесѣда по случаю низверженія царскихъ статуй.

Примѣч.—Это произошло въ 388 г. по случаю особенной подати, которую императоръ Θеодосій Великій велѣлъ собрать по тогдашнимъ военнымъ обстоятельствамъ. Жители Антіохіи возмутились; чернь, подстрекаемая злонамѣренными людьми, свалила статуи Императора и умершей супруги его Флакиллы, влачила ихъ по городу и наконецъ разбила. Когда вѣсть объ

этомъ дошла до императора, онъ, въ справедливомъ гнѣвѣ, положилъ предать виновныхъ казни; грозилъ отнять у Антіохіи всѣ преимущества, даже сжечь или разрушить ее до основанія. Между тѣмъ, мѣстное правительство приняло строжайшія мѣры къ отысканію и наказанію виновныхъ; нѣкоторые изъ нихъ тотчасъ же преданы были смерти, множество даже знатнѣйшихъ граждан взято подъ стражу и заковано въ цѣпи; начались допросы, пытки, казни; народъ въ ужасѣ и отчаяніи бѣжалъ изъ города. Въ это тяжкое время св. Іоаннъ явился отцемъ-утѣшителемъ несчастныхъ соотечественниковъ своихъ, — и особенно, когда престарѣлый епископъ Флавіанъ вскорѣ оставилъ Антіохію и отправился въ Константинополь молить императора о пощадѣ виновнаго города. Въ продолженіи семи дней отъ начала возмущенія, Іоаннъ, терзаемый горестію, молчалъ; но, когда умы гражданъ нѣсколько успокоились, онъ вышелъ на каѳедру, и въ 19 бесѣдахъ излилъ потоки пастырской любви своей къ народу и пламеннаго краснорѣчія. Онъ утѣшалъ несчастныхъ, ободрялъ надеждою на милость Бога и государя, воодушевлялъ къ терпѣнію, укрѣплялъ противъ страха смерти и угрожавшихъ наказаній; въ то же время обличалъ ихъ пороки, особенно гордость и скупость богатыхъ, привычку клясться; убѣждалъ — самымъ тогдашнимъ бѣдствіемъ — исправиться и добродѣтельною жизнію заслужить помилованіе отъ Бога и разгнѣваннаго императора. Всѣ эти бесѣды произнесены въ теченіе Великаго поста, такъ-что первая сказана въ субботу или въ воскресенье сыропустной недѣли, а послѣдняя въ самый день Пасхи, въ присутствіи уже Флавіана, возвратившагося къ этому свѣтлому дню съ радостнымъ извѣстіемъ о дарованномъ отъ императора прощеніи. Бесѣды эти въ существующихъ изданіяхъ твореній св. Златоуста (на Греч. и Лат. язык.) значатся подъ общимъ заглавіемъ: «Бесѣды къ Антіохійскому народу о статуяхъ», и притомъ въ числѣ XXI. Но между ними та, которая поставлена первою, не принадлежитъ къ бесѣдамъ о статуяхъ, потому что произнесена еще за нѣсколько дней до возмущенія, а девятнадцатая бесѣда говорена уже гораздо послѣ — въ пятую недѣлю по Пасхѣ. Oper. S. Chrysostom. edit. Montfancon. tom. II. praefat. in homilias ad popul. Antiochen. de statuis. См. Христ. Чтен. 1821, част. 4, стр. 141 и слѣд. Предлагаемая здѣсь бесѣда надписывается такъ: «Бесѣда 2, произнесенная въ Антіохіи, въ церкви, такъ называемой, древней, когда онъ былъ пресвитеромъ, — о бѣдствіи, постигшемъ городъ, по случаю низверженія статуй благочестиваго царя Ѳеодосія Великаго, и на слова Апостола: *богатымъ въ нынѣшнемъ вѣцѣ запрещай не высокомудрствовати* (1 Тим. 6, 17), и противъ любостяжанія.»

1. Что́ мнѣ сказать, и о чемъ говорить? Теперь время слезъ, а не словъ, — рыданій, а не рѣчей, — молитвы, а не проповѣди. Такъ тяжко преступленіе, такъ неизлечима рана, такъ велика язва: — она выше всякаго врачества и требуетъ горней помощи! Такъ и Іовъ, лишась всего, сидѣлъ на гноищѣ; и услышавъ объ этомъ, друзья пришли и, увидѣвъ его издали, разорвали одежды, посыпали себя пепломъ и сильно возстенали. Это же и теперь надлежало бы сдѣлать всѣмъ окрестнымъ городамъ, — придти къ нашему городу и съ полнымъ участіемъ оплакать случившееся. Тогда Іовъ сидѣлъ на гноищѣ; нынѣ нашъ городъ сидитъ въ великой сѣти. Тогда діаволъ напалъ на стада и на скотъ и на все достояніе праведника:

теперь онъ излилъ свое неистовство на цѣлый городъ. Впрочемъ, и тогда и теперь попустилъ это Богъ: тогда для того, чтобы тяжкими искушеніями болѣе прославить праведника; теперь для того, чтобы этимъ чрезмѣрнымъ бѣдствіемъ сдѣлать насъ болѣе смиренными. Дайте мнѣ оплакать настоящее. Семь дней молчалъ я, какъ друзья Іова: дайте мнѣ теперь открыть уста и оплакать это общее бѣдствіе. Кто пожелалъ зла намъ, возлюбленные? Кто позавидовалъ намъ? Откуда такая перемѣна? Ничего не было славнѣе нашего города; теперь ничего не стало жалче его. Народъ, столь тихій и кроткій и, подобно ручному и смирному коню, всегда покорный рукамъ правителей, теперь вдругъ разсвирѣпѣлъ такъ, что сдѣлалъ такія дерзости, о которыхъ и говорить неприлично. Плачу и рыдаю теперь, не о великости угрожаемаго наказанія, а о крайнемъ безразсудствѣ сдѣланнаго. Если царь и не оскорбится, и не разгнѣвается, не накажетъ насъ и не предастъ мученіямъ: то, скажи мнѣ, какъ мы перенесемъ стыдъ отъ нашихъ дѣлъ? Отъ плача прерывается мое поученіе; едва могу открыть уста, двигать языкомъ и произносить слова: тяжкая печаль, какъ узда, удерживаетъ мой языкъ и останавливаетъ слова. Ничего не было прежде счастливѣе нашего города; теперь ничего нѣтъ горестнѣе его. Жители его, какъ пчелы, жужжащія около улья, каждый день толпились на площади, и всѣ доселѣ почитали насъ счастливыми за такое многолюдство. Но вотъ теперь этотъ улей опустѣлъ; потому-что, какъ пчелъ дымъ, такъ и насъ разогналъ страхъ. И, что сказалъ пророкъ, оплакивая Іерусалимъ, то же и намъ теперь прилично сказать: *городъ нашъ сталъ, яко теревинѳъ, отметнувшій листвія, и яко вертоградъ, не имый воды* (Исаія 1, 30). Неорошаемый садъ представляетъ деревья безъ листьевъ и плодовъ; таковъ сталъ теперь и нашъ городъ: какъ оставила его помощь Всевышняго, онъ опустѣлъ и лишился почти всѣхъ жителей. Нѣтъ ничего любезнѣе своего отечества; но теперь нѣтъ ничего горестнѣе. Всѣ бѣгутъ изъ роднаго города, какъ изъ сѣти; оставляютъ его, какъ пропасть, выскакиваютъ, какъ изъ огня. Какъ отъ дома, объятаго пламенемъ, съ поспѣшностію бѣгутъ не только живущіе въ немъ, но и всѣ сосѣди, стараясь спасти хоть нагое тѣло: такъ и теперь, когда гнѣвъ царя, подобно огню, угрожаетъ упасть сверху, каждый спѣшитъ удалиться и спасти хоть нагое тѣло, прежде чѣмъ этотъ огонь, идя своимъ путемъ, не дойдетъ и до него. Наше бѣдствіе стало загадкою: безъ враговъ бѣгство; безъ сраженія переселеніе; безъ плѣненія плѣнъ! Не видали мы огня варварскаго; не видали и лица враговъ: а терпимъ то же, что плѣнные. Всѣ знаютъ теперь о нашемъ бѣдствіи; потому-что, принимая къ себѣ нашихъ бѣглецовъ, слышатъ отъ нихъ о пораженіи нашего города.

2. Но я не стыжусь этого и не краснѣю. Пусть знаютъ всѣ о злополучіи нашего города, для того, чтобы, сострадая матери, вознесли общій отъ всей земли голосъ къ Богу и единодушно умолили Царя небеснаго о спасеніи общей всѣмъ имъ матери и питательницы. Недавно нашъ городъ подвергся землетрясенію, а теперь сотрясаются самыя души жителей; тогда колебались основанія домовъ, теперь содрогается у каждаго самое основаніе сердца. Всѣ мы каждый день видимъ смерть предъ глазами, живемъ въ непрестанномъ страхѣ и терпимъ наказаніе Каина, страдая болѣе, нежели заключенные въ темницѣ, и выдерживая осаду необыкновенную и новую, ужаснѣе которой и вообразить нельзя. Выдерживающіе осаду отъ враговъ бываютъ заключены только внутри городскихъ стѣнъ; а для насъ и площадь сдѣлалась недоступною и каждый заключенъ въ стѣнахъ своего дома. И какъ для осажденныхъ не безопасно выйти за городскую стѣну, по причинѣ окружающихъ ее враговъ; такъ для многихъ изъ жителей нашего города не безопасно выйти изъ дома и явиться на площади, потому что вездѣ ловятъ виновныхъ и невинныхъ, хватаютъ среди площади и влекутъ въ судъ безъ всякаго разбора. Поэтому господа вмѣстѣ съ слугами своими сидятъ въ домахъ своихъ, какъ связанные. Кто схваченъ? Кто посаженъ въ темницу? Кто сегодня наказанъ? Какъ и какимъ образомъ? Вотъ о чемъ только и вывѣдываютъ и спрашиваютъ они у всякаго, у кого только можно узнать безопасно. Они влачатъ жизнь, которая жалче всякой смерти: принуждены каждый день оплакивать чужія бѣдствія, трепещутъ за собственную безопасность, и ничѣмъ не лучше мертвыхъ, потому что сами давно умерли отъ страха. А если-бы кто, свободный отъ этого страха и безпокойства, и захотѣлъ выйти на площадь; то печальный видъ ея тотчасъ прогналъ бы его домой: онъ увидѣлъ бы, что тамъ, гдѣ за нѣсколько дней предъ симъ людей было болѣе, нежели волнъ въ рѣкѣ, бродитъ одинъ, много два человѣка, и то съ поникшимъ лицемъ и въ глубокомъ унынія. Теперь все то многолюдство изчезло. Непріятенъ видъ лѣса, въ которомъ вырублено множество деревьевъ,— или головы, во многихъ мѣстахъ лишенной волосъ: такъ и нашъ городъ когда меньше стало въ немъ людей и только немногіе появляются тамъ и здѣсь, сдѣлался скучнымъ и на всѣхъ, кто ни посмотритъ на него, наводитъ густое облако скорби. И не только городъ, самый воздухъ и даже свѣтлый кругъ солнца, кажется, теперь помрачился скорбію и сдѣлался темнѣе, не потому, чтобы измѣнилось свойство стихій, но потому, что наши глаза, помраченные облакомъ печали, не могутъ ясно и съ прежнею легкостію принимать свѣтъ солнечныхъ лучей. Теперь сбылось, что нѣкогда оплакивалъ Пророкъ: *зайдетъ для нихъ солнце въ полудне и померкнетъ въ день* (Ам. 8, 9).

А это сказалъ онъ не потому, чтобы въ самомъ дѣлѣ скрылось солнце и померкъ день, но потому, что скорбящіе, по причинѣ мрака печали, не могутъ видѣть свѣта даже въ полдень. Это и случилось теперь: куда бы кто ни посмотрѣлъ, на землю ли, на стѣны ли, на столпы ли города, или на своихъ ближнихъ, вездѣ онъ, кажется, видитъ ночь и глубокій мракъ. Такъ все исполнено печали! Вездѣ страшное молчаніе и пустота; исчезъ пріятный тотъ шумъ многолюдства; городъ такъ безмолвенъ, какъ будто всѣ жители скрылись подъ землею; всѣ стали похожи на камни; уста, связанныя бѣдствіемъ, какъ оковами, хранятъ такую глубокую тишину, какъ-будто напали враги и вдругъ истребили всѣхъ огнемъ и мечемъ. Прилично теперь сказать: *призовите плачевницъ, и да пріидутъ, и къ женамъ мудрымъ послите, и да вѣщаютъ* (Iер. 9, 17). Пусть очи ваши источатъ воду, и рѣсницы ваши прольютъ слезы. Плачьте холмы, и рыдайте горы. Призовемъ всю тварь сострадать нашимъ бѣдствіямъ. Городъ, столь великій, глава восточныхъ городовъ, находится въ опасности быть изглаженнымъ съ лица вселенной; имѣвшій много чадъ, теперь вдругъ сдѣлался бездѣтнымъ, и некому помочь: потому-что оскорбленъ тотъ, кому нѣтъ на землѣ равнаго; онъ—царь, верхъ и глава всѣхъ живущихъ на землѣ. И потому прибѣгнемъ къ Царю небесному; Его призовемъ на помощь:—если не получимъ милости свыше, то намъ не остается никакого утѣшенія въ бѣдствіи.

3. Я хотѣлъ было окончить здѣсь слово, потому что души скорбящія не любятъ продолжительныхъ рѣчей. Какъ черная туча, ставъ на пути солнечныхъ лучей, обращаетъ назадъ весь блескъ ихъ; такъ и облако печали, когда станетъ передъ нашею душей, не даетъ свободнаго прохода слову, но подавляетъ его и съ великимъ насиліемъ удерживаетъ внутри. И это бываетъ не только съ проповѣдниками, но и съ слушателями: потому что печаль, какъ не позволяетъ слову свободно изливаться изъ души говорящаго, такъ не даетъ ему упадать, со свойственною ему силою, на сердца слушателей. Поэтому и Іудеи, удрученные бреніемъ и плинодѣланіемъ (Исх. 1, 14), не могли слушать Моисея, когда онъ часто и много говорилъ имъ объ ихъ избавленіи (6, 9); потому что печаль преграждала слову путь къ ихъ душѣ и закрывала у нихъ слухъ. Потому и я хотѣлъ окончить здѣсь слово: но подумалъ, что облако не всегда только пресѣкаетъ путь солнечнымъ лучамъ, но часто и само подвергается обратному дѣйствію; потому что солнце, постоянно усиливающееся теплотою своею разрѣжая облако, часто расторгаетъ его въ самой срединѣ, и тогда, вдругъ просіявши, предстаетъ во всемъ свѣтѣ предъ наши взоры. Это же и я надѣюсь сдѣлать сего дня; надѣюсь, что слово, постоянно бесѣдуя съ вашими душами и долго пребывая въ нихъ, расторгнетъ облако печали и

освѣтитъ ваши мысли обычнымъ наставленіемъ. Предайте же мнѣ ваши души, преклоните на нѣкоторое время вашъ слухъ; отбросьте печаль; возвратимся къ прежнему обычаю; и какъ привыкли мы всегда быть здѣсь съ благодушіемъ, такъ и теперь сдѣлаемъ, возложимъ все на Бога. Это послужитъ намъ и къ прекращенію бѣдствія, потому что когда Онъ увидитъ, что мы со вниманіемъ слушаемъ Его слово и въ самое бѣдственное время не оставляемъ любомудрія; то скоро подастъ намъ помощь и сдѣлаетъ благую перемѣну и тишину изъ настоящей бурѣ. Христіанинъ долженъ и тѣмъ отличаться отъ невѣрныхъ, чтобы все переносить благодушно, и окрыляясь надеждою будущаго, воспарять на высоту, недосягаемую для человѣческихъ бѣдствій. На скалѣ стоитъ вѣрный, и потому недоступенъ ударамъ волнъ. Пусть воздымаются волны искушеній: онѣ не достигнутъ до его ногъ; онъ стоитъ выше всякаго такого навѣта. Не упадемъ же духомъ, возлюбленные; не столько мы заботимся о своемъ спасеніи, сколько сотворившій насъ Богъ; не столько мы печемся, чтобы не потерпѣть какого-либо бѣдствія, сколько Тотъ, кто даровалъ намъ душу, и затѣмъ еще даетъ такое множество благъ. Окрылимъ себя такою надеждою, и будемъ съ такою обычною ревностію слушать, что́ имѣетъ быть сказано. Недавно предлагалъ я вашей любви пространную бесѣду; и видѣлъ, что всѣ слѣдовали за мною и никто не воротился съ половины дороги. Благодарю васъ за такое усердіе: въ немъ получилъ я награду за труды. Но тогда же просилъ я у васъ еще и другой награды; вы, думаю, знаете это и помните. Какой же награды? — Наказать и вразумить богохульниковъ, находящихся въ нашемъ городѣ, обуздать оскорбляющихъ Бога и безчинствующихъ. Не думаю, чтобы я сказалъ тогда это отъ себя; но самъ Богъ, предвидящій будущее, вложилъ въ мою душу такія слова. И если бы мы наказали тѣхъ, которые такъ дерзко поступили, теперь не случилось бы того, что случилось. Если уже надобно было подвергаться опасности, то не лучше ли было бы потерпѣть что-нибудь, вразумляя и обуздывая этихъ людей (что принесло бы намъ и вѣнецъ мученичества), — нежели теперь бояться, трепетать и ожидать смерти изъ-за ихъ безчинства? Вотъ преступленіе сдѣлано не многими, а вина пала на всѣхъ. Вотъ всѣ мы изъ-за нихъ теперь въ страхѣ, и за оказанную ими дерзость сами терпимъ наказанія! Но если бы мы предварительно изгнали ихъ изъ города, или вразумили, и исцѣлили больной членъ; то не подверглись бы настоящему страху. Знаю, что жители нашего города издавна отличаются благороднымъ нравомъ, и что нѣкоторые только пришельцы и бродяги, нечестивцы и злодѣи, отчаявшіеся въ своемъ спасеніи, рѣшились на такую дерзость. Поэтому я непрестанно взывалъ къ вамъ и настаивалъ: «укро-

тимъ неистовство богохульниковъ, образумимъ ихъ, позаботимся объ ихъ спасеніи, хотя бы это стоило намъ жизни; великую награду принесетъ намъ такой подвигъ; не допустимъ, чтобы нанесено было оскорбленіе общему Владыкѣ; городу приключится великое несчастіе, если мы оставимъ это безъ вниманія».

4. Такъ я предсказывалъ, такъ и случилось теперь, и мы за эту безпечность терпимъ наказаніе. Ты не обратилъ вниманія на то, что оскорбляешь Бога, — и вотъ Онъ попустилъ, чтобы нанесено было оскорбленіе царю, и чтобы всѣмъ намъ угрожала крайняя опасность, и такимъ образомъ въ настоящемъ страхѣ мы получили наказаніе за это нерадѣніе. Напрасно ли, и безъ причины ли я предсказывалъ, и постоянно тревожилъ вашу любовь? И однако жъ успѣха не было; по крайней мѣрѣ, теперь пусть будетъ иначе: умудрившись настоящимъ бѣдствіемъ, обуздаемъ безчинную наглость этихъ людей; заградимъ имъ уста, заключимъ, какъ смертоносные источники, и обратимъ въ противную сторону; тогда прекратятся бѣдствія, постигшія городъ. Церковь не зрѣлище, чтобы въ ней слушать намъ для одного удовольствія; изъ нея выходить должно съ назиданіемъ, съ какимъ-нибудь важнымъ пріобрѣтеніемъ: вотъ какъ должно выходить отсюда! Напрасно и по-пусту приходимъ сюда, если, получивъ только на время наставленіе, выйдемъ, безъ всякой отъ него пользы. Чтó мнѣ за выгода въ этихъ рукоплесканіяхъ? Чтó въ похвалахъ и восклицаніяхъ? Для меня будетъ похвалой то, если вы своими дѣлами оправдаете всѣ мои слова. Тогда я счастливъ и блаженъ, когда вы со всѣмъ усердіемъ будете не принимать, но исполнять все, что отъ меня услышите. Пусть каждый исправляетъ своего ближняго, потому что сказано: *созидайте кійждо друга друга* (1 Сол. 5, 11). Если же мы не станемъ дѣлать этого, то преступленіе каждаго будетъ наносить общій и тяжкій вредъ всему городу. Вотъ и теперь, хотя мы и не принимали участія въ преступленіи дерзкихъ людей, однако жъ, не менѣе ихъ, поражены страхомъ, и трепещемъ, чтобы всѣхъ насъ не постигъ гнѣвъ царя. И намъ нельзя сказать въ извиненіе: я не былъ при этомъ, не зналъ, не участвовалъ. За это-то самое, говорятъ, ты и долженъ быть наказанъ и осужденъ по всей строгости, что ты не былъ при томъ, не воспрепятствовалъ, не удержалъ безчинныхъ, не подвергъ себя опасности за честь царя. Ты не участвовалъ въ дерзости виновныхъ? — Хвалю это и одобряю; но ты не воспрепятствовалъ тому, чтó случилось, а это достойно осужденія. Такія же слова мы услышимъ и отъ Бога, если будемъ молчать въ то время, когда противъ него раздаются хулы и поношенія. Закопавшій талантъ (Мат. 25, 25—30) осужденъ не за то, что онъ сдѣлалъ какое-нибудь преступленіе, потому что онъ возвратилъ весь залогъ

въ цѣлости, а за то, что не увеличилъ его,—не научилъ другихъ; что не отдалъ серебра купцамъ, т. е. не наставилъ, не посовѣтовалъ, не удержалъ, не исправилъ своихъ ближнихъ, — безчинныхъ грѣшниковъ: вотъ за что́ онъ безъ всякой пощады преданъ тяжкому наказанію! Но если не прежде, по крайней мѣрѣ, теперь вы позаботитесь, — я твердо увѣренъ, — о такомъ исправленіи, и не допустите, чтобы Богъ подвергался оскорбленію. Если бы къ этому никто и не убѣждалъ, то уже случившееся достаточно можетъ убѣдить самыхъ безчувственныхъ позаботиться о своемъ спасеніи.

5. Но уже время мнѣ предложить вамъ обычную трапезу изъ словъ Павла; и мы возмемъ и предложимъ всѣмъ нынѣ чтенное изреченіе. Что же сегодня было читано? *Богатымъ въ нынѣшнемъ вѣцѣ запрещай не высокомудрствовати* (1 Тим. 6, 17). Сказавъ: *богатымъ въ нынѣшнемъ вѣцѣ*, онъ показалъ, что есть и другіе богатые — будущаго вѣка. Таковъ былъ Лазарь, нищій въ настоящей жизни, и богатый въ будущей, — богатый не золотомъ, серебромъ и тому подобными гибнущими и преходящими вещами, но тѣми неизреченными благами, *ихъ же око не видѣ, и ухо не слыша, и на сердце человѣку не взыдоша* (1 Кор. 2, 9); потому что истинное богатство и изобиліе состоитъ въ благахъ непреходящихъ и не подверженныхъ никакой перемѣнѣ. Но не такъ былъ богатъ презрѣвшій Лазаря; напротивъ, онъ сталъ бѣднѣе всѣхъ, такъ что впослѣдствіи просилъ капли воды, но и ея не могъ получить: до такого крайняго дошелъ убожества! Апостолъ для того наименовалъ богатыхъ нынѣшняго вѣка, чтобы ты зналъ, что здѣшнее изобиліе оканчивается съ настоящею жизнію и не простирается далѣе, не переходитъ въ другую жизнь вмѣстѣ съ своими обладателями, но часто оставляетъ ихъ еще прежде смерти. На это самое и онъ указываетъ, говоря: *ниже уповати на богатство погибающее* (1 Тим. 6, 17). Подлинно, какъ часто говорилъ я, и не перестану говорить, нѣтъ ничего столь ненадежнаго, какъ богатство: это бѣглецъ неблагодарный, рабъ невѣрный; наложи на него тысячу цѣпей, онъ уйдетъ и съ цѣпями. Владѣльцы часто запирали его замками, затворяли дверями и приставляли къ нему стражами рабовъ; но оно, обольстивъ самыхъ рабовъ, убѣгало вмѣстѣ со своими стражами, увлекая ихъ съ собою, какъ цѣпь, и такимъ образомъ самая стража ни къ чему не служила. Что́ же можетъ быть ненадежнѣе богатства? Что́ жалче тѣхъ, которые такъ заботятся о немъ? Они всѣми силами стараются собирать то, что́ такъ скоро гибнетъ и исчезаетъ, и не слушаютъ, что́ говоритъ Пророкъ: горе надѣющимся на силу свою, и о множествѣ богатства своего хвалящимся (Псал. 48, 7). Почему же, скажи, горе? *Сокровиществуетъ*, говоритъ онъ, *и не вѣсть, кому соберетъ я* (Псал. 38, 7): трудъ

очевиденъ, а наслажденіе неизвѣстно. Часто ты трудишься и мучишь себя для враговъ; часто послѣ твоей смерти, твое достояніе переходитъ къ тѣмъ, которые наносили тебѣ обиды и строили тысячи козней, и вотъ тебѣ достались одни грѣхи, а наслажденіе другимъ!

6. Но надобно разсмотрѣть и то, почему Апостолъ не сказалъ: *богатымъ въ нынѣшнемъ вѣцѣ* заповѣдывай не обогащаться, заповѣдывай обнищать, заповѣдывай растратить имѣніе, а сказалъ: *запрещай не высокомудрствовати.* Зналъ онъ, что гордость есть корень и основаніе богатства, и что, кто умѣетъ жить скромно, тотъ не станетъ много заботиться о богатствѣ. И для чего, скажи мнѣ, ты окружаешь себя многими рабами, тунеядцами, ласкателями, и всѣми другими знаками пышности? Конечно, не по нуждѣ, а по одной гордости, чтобы чрезъ это показаться важнѣе другихъ людей. Съ другой стороны (Апостолъ) зналъ, что богатство не запрещено, если кто употребляетъ его для своихъ нуждъ. Не вино зло, какъ говорятъ, а пьянство: такъ точно не богатство—зло, а любостяжаніе и сребролюбіе. Иное дѣло сребролюбецъ, и иное—богачъ. Сребролюбецъ не есть богачъ; сребролюбецъ во многомъ нуждается, а нуждающійся во многомъ никогда не можетъ быть въ изобиліи. Сребролюбецъ есть стражъ своего имѣнія, а не владѣлецъ; рабъ, а не господинъ. Для него легче отдать кому-либо часть своего тѣла, нежели удѣлить сколько-нибудь изъ закопаннаго золота. Онъ съ такою заботливостію хранитъ свое сокровище, какъ будто ему строго запретилъ кто даже дотрогиваться до этого клада, и бережетъ свое, какъ чужое. И въ самомъ дѣлѣ, это чужое; потому что, какъ можетъ онъ считать своимъ то́, чего никакъ не рѣшится раздѣлить съ другими и дать бѣднымъ, хотя бы потерпѣлъ тысячу наказаній. Какой же это владѣлецъ имущества, когда не употребляетъ его и не пользуется имъ? Кромѣ того, Апостолъ не всѣмъ все заповѣдуетъ, но снисходитъ къ немощи слушателей, какъ и Христосъ дѣлалъ. Тому богачу, который пришелъ и бесѣдовалъ съ Нимъ о жизни вѣчной, не сказалъ Онъ: *иди продаждь имѣніе твое* (Матѳ. 12, 21); но, оставивъ это, говорилъ ему о другихъ заповѣдяхъ. Потомъ, когда тотъ спросилъ Его: *что есмь еще не докончалъ* (ст. 20), и тогда не просто сказалъ: *продаждь имѣніе твое*, но: *аще хощеши совершенъ быти, иди, продаждь имѣніе твое;* предоставляю это твоему произволу, даю тебѣ власть самому избрать, не ставлю тебя въ необходимость.—Поэтому и Павелъ говоритъ богачамъ не о бѣдности, но—о смиренномудріи, какъ по немощи слушателей, такъ и потому, что зналъ совершенно, что скромность скоро заставитъ ихъ отказаться отъ гордости и заботы о богатствѣ. Заповѣдавъ не высокомудрствовать, онъ научилъ и тому, какимъ образомъ

могутъ они не высокомудрствовать. Какимъ же это образомъ? — Если узнаютъ свойство богатства, — какъ оно ненадежно и невѣрно. Поэтому онъ и сказалъ далѣе: *ниже уповати на богатство погибающее* (1 Тим. 6, 17). Богатъ не тотъ, кто пріобрѣлъ много, но тотъ, кто много роздалъ. Авраамъ былъ богатъ, но не былъ сребролюбивъ; потому что не заглядывалъ въ чужой домъ, не любопытствовалъ о чужомъ имѣніи, но выходя изъ своего дома, смотрѣлъ, нѣтъ ли гдѣ странника, нѣтъ ли гдѣ нищаго, чтобы помочь нищетѣ и принять путника. Не подъ золотымъ ковромъ жилъ онъ, но, поставивъ кущу у дуба, довольствовался тѣнію листьевъ; и жилище его было столь великолѣпно, что даже Ангелы не постыдились остановиться у него, потому что искали не дома великолѣпнаго, но души добродѣтельной.

7. Будемъ, возлюбленные, и мы подражать Аврааму, и раздѣлимъ, что́ есть у насъ, съ бѣдными. То жилище было самое простое, но оно сдѣлалось блистательнѣе царскихъ дворцовъ. Ни одинъ царь никогда не принималъ у себя Ангеловъ, а онъ удостоился такой чести, сидя подъ дубомъ и поставивъ кущу; не за простоту жилища онъ былъ почтенъ, но получилъ такой даръ за красоту души и за сокрытое въ ней богатство. Будемъ же и мы украшать не домы, но, прежде домовъ, души свои. Да и какъ не стыдно украшать мраморомъ стѣны безъ нужды и безъ пользы, и допускать, чтобы Христосъ ходилъ среди насъ безъ одежды! Что́ тебѣ, человѣкъ, въ домѣ? Умирая, развѣ ты возмешь его съ собою? Нѣтъ, не возмешь; а душу непремѣнно возмешь. Вотъ теперь постигла насъ такая опасность: пусть же помогутъ намъ домы, пусть избавятъ насъ отъ грозящей опасности; но они не могутъ сдѣлать этого! Свидѣтели тому вы, которые совсѣмъ оставляете ихъ и убѣгаете въ пустыню, страшась ихъ, какъ сѣтей и западни. Пусть помогаютъ теперь деньги: но они ничего не значатъ. Если же деньги безсильны и противъ гнѣва человѣческаго, то тѣмъ болѣе на божественномъ и неподкупномъ судѣ. Если теперь, когда мы оскорбили и разгнѣвали человѣка, золото нисколько не помогаетъ намъ, то тѣмъ болѣе будетъ безсильно оно, когда разгнѣвается Богъ, не имѣющій нужды въ деньгахъ. Мы строимъ домы, чтобы въ нихъ жить, а не тщеславиться ими. Все, что сверхъ нужды, излишне и безполезно. Надѣнь обувь, которая больше ноги, и она обезпокоитъ тебя, потому что будетъ препятствовать тебѣ идти: такъ и домъ, болѣе обширный, чѣмъ нужно, препятствуетъ идти къ небу. Ты хочешь строить великолѣпные, обширные домы? Не запрещаю, только строй не на землѣ; построй обители на небесахъ, въ которыхъ бы могъ ты и другихъ принять, — обители, которыя никогда не разрушатся. Почему ты съ такимъ неистовствомъ гонишься за тѣмъ,

чтó убѣгаетъ и остается здѣсь? Нѣтъ ничего обманчивѣе богатства: оно сегодня съ тобою, а завтра противъ тебя; оно со всѣхъ сторонъ вооружаетъ противъ тебя завистливые глаза; это — непріятель, живущій подъ однимъ съ тобою кровомъ; это — врагъ домашній. Свидѣтели этому вы, которые владѣете имъ и всячески закрываете и скрываете его: и нынѣ, вѣдь богатство же увеличиваетъ для насъ тяжесть бѣдствія. Ты видишь, какъ легки, ничѣмъ не связаны и на все готовы бѣдные, и какъ, на-противъ, богатые испытываютъ множество затрудненій, ходятъ туда и сюда, и ищутъ, гдѣ бы зарыть свое золото, ищутъ, у кого бы его положить. Зачѣмъ ищетъ человѣкъ подобныхъ тебѣ рабовъ? Вотъ Христосъ готовъ принять и сохранить, чтó ты ни ввѣришь Ему, и не только сохранитъ, но и умножитъ и возвратитъ съ большею прибылью! Изъ Его руки никто не похищаетъ; Онъ не только сберегаетъ тобою ввѣренное Ему, но и освобождаетъ тебя отъ неразлучныхъ съ этимъ безпокойствомъ. Люди, принявъ на сохраненіе наше богатство, думаютъ, что оказали намъ услугу, если сберегаютъ принятое: Христосъ, напротивъ, говоритъ, что когда принялъ Онъ отъ тебя богатство, то не Онъ тебѣ, но ты Ему оказалъ услугу, и за свою заботливость, съ какою Онъ сохраняетъ твое сокровище, не требуетъ отъ тебя награды, но самъ тебя награждаетъ.

8. И такъ, какого заслуживаемъ мы извиненія, какого прощенія, когда оставляемъ Того, кто и можетъ сохранить наше достояніе, и за сохраненіе умѣетъ быть благодарнымъ, и воздастъ неизреченныя и великія награды; а вручаемъ свою собственность слабымъ блюстителямъ, — людямъ, которые думаютъ, что этимъ оказываютъ намъ услугу, и возвращаютъ намъ въ послѣдствіи только то, чтó получили отъ насъ? Ты здѣсь странникъ и пришлецъ; твое отечество на небесахъ: переложи туда все, чтобы, еще прежде тамошняго наслажденія, и здѣсь получить тебѣ награду. Кто питается благими надеждами и съ увѣренностію ожидаетъ будущаго, тотъ уже и здѣсь вкусилъ царствія небеснаго; потому что ничто столько не услаждаетъ и не усовершаетъ душу, какъ благая надежда на будущее, — если т. е. туда переложишь ты свое богатство и съ надлежащимъ усердіемъ позаботишься о собственной душѣ. Заботящіеся только объ украшеніи своего дома, богатые только внѣшними благами, не радятъ о внутреннихъ благахъ и не обращаютъ вниманія на то, что душа ихъ пуста, нечиста и покрыта паутиной. Но если, презрѣвъ внѣшнее, они всю свою заботливость обратятъ на свою душу и будутъ украшать ее со всѣхъ сторонъ: душа такихъ людей сдѣлается жилищемъ Христовымъ. А что можетъ быть блаженнѣе того, въ комъ живетъ Христосъ? Хочешь ты быть богатымъ? Найди себѣ друга въ Богѣ, и будешь богаче всѣхъ. Хочешь быть богатымъ?

Не будь высокомѣренъ; это полезно для жизни не только будущей, но и настоящей. Ничто такъ не возбуждаетъ зависть, какъ человѣкъ богатый; а если еще присоединится гордость, то открываются предъ нимъ двѣ пропасти, и всѣ объявляютъ ему жесточайшую войну. Если же ты съумѣешь вести себя скромно, то своимъ смиренномудріемъ отнимешь силу у зависти, и безопасно будешь владѣть своимъ имѣніемъ. Таково свойство добродѣтели, что она не только полезна намъ для будущаго, но и здѣсь доставляетъ уже награду. Не будемъ же гордиться богатствомъ, да и ничѣмъ другимъ. Если падаетъ и погибаетъ надмѣвающійся духовными совершенствами: то тѣмъ болѣе тѣлесными. Подумаемъ о своей природѣ, размыслимъ о своихъ грѣхахъ, познаемъ, кто мы, и это будетъ для насъ достаточнымъ побужденіемъ къ смиренномудрію. Не говори мнѣ: «у меня лежатъ доходы, собранные во столько то и столько лѣтъ, — тысячи талантовъ золота, прибытки, возрастающіе съ каждымъ днемъ». Все, что ты ни скажешь, скажешь напрасно и попусту. Часто все это улетаетъ изъ дому въ одинъ часъ и въ краткое мгновеніе времени, подобно какъ мелкій прахъ поднимается вверхъ отъ дуновенія вѣтра. Такихъ примѣровъ полна жизнь наша, и Писаніе наполнено ученіемъ объ этомъ. Сегодня богатый, завтра бѣденъ. Поэтому я часто смѣялся, читая въ завѣщаніяхъ: «такой-то пусть владѣетъ полями, или домомъ, а другой пусть ими пользуется». Всѣ мы пользуемся, а владѣть никто не можетъ; потому, что если бы богатство и оставалось при насъ всю жизнь, не испытавъ никакой перемѣны, то при смерти, волей или неволею, мы уступимъ его другимъ, и такимъ образомъ только попользовавшись имъ и отойдемъ въ ту жизнь, потерявъ надъ нимъ всякую власть. Отсюда видно, что только тѣ владѣютъ богатствомъ, которые и употребленіемъ его не дорожатъ и наслажденіе имъ презираютъ. Кто отказался отъ своего имущества и роздалъ его нищимъ, тотъ воспользовался имъ, какъ должно, и сохранитъ власть надъ нимъ при переходѣ и въ другую жизнь; и не только не лишится своего стяжанія во время самой смерти, но все, и даже гораздо больше получитъ тогда, когда особенно нужна будетъ ихъ помощь — въ день суда, и когда всѣ мы должны будемъ дать отчетъ въ своихъ дѣлахъ. И такъ, кто хочетъ и пріобрѣсть богатство, и пользоваться и владѣть имъ, тотъ пусть откажется отъ всего имѣнія; такъ какъ не сдѣлавшій этого, неминуемо оставитъ оное во время смерти, а часто еще и прежде смерти потеряетъ съ безчисленными опасностями и бѣдствіями. И тяжко не только то, что такая перемѣна происходитъ вдругъ, но и то еще, что богачу приходится терпѣть нищету, не приготовившись къ ней. Не такова участь нищаго. Онъ уповаетъ не на золото и серебро, эти бездушныя вещества, но на

Бога, дающаго все обильно (1 Тим. 6, 17). Такимъ образомъ состояніе богатаго болѣе сомнительно, нежели бѣднаго, потому что оно подвержено частымъ и непрерывнымъ перемѣнамъ.

9. Что же значатъ слова: *дающаго намъ вся обильно въ наслажденіе?* Богъ въ изобиліи подаетъ намъ все, что гораздо нужнѣе денегъ, какъ-то: воздухъ, воду, огонь, солнце и все подобное. Нельзя сказать, что богатый наслаждается лучами солнца болѣе, а бѣдный менѣе; нельзя сказать, что богатый болѣе вдыхаетъ воздуха, чѣмъ бѣдный: но все это дано въ равной мѣрѣ всѣмъ. Для чего же Богъ сдѣлалъ общимъ то, что важнѣе и необходимѣе, отъ чего зависитъ наша жизнь; а то, что маловажнѣе и ничтожнѣе, не составляетъ общей собственности, — разумѣю — деньги? Для чего? Чтобы жизнь наша была обезпечена, и мы имѣли поприще для добродѣтели. Въ самомъ дѣлѣ, если бы необходимое не было общимъ, быть можетъ, богатые, по обычному любостяжанію, подавили бы нищихъ; потому что если они это дѣлаютъ въ разсужденіи денегъ, то чего не сдѣлали бы въ разсужденіи тѣхъ благъ. Опять, если бы и деньги были общими, и всѣмъ равно принадлежали, не было бы случая къ милостыни и повода къ благотворительности.

И такъ, чтобы намъ можно было жить безопасно, для этого общимъ у насъ сдѣлано все, отъ чего зависитъ наша жизнь; а чтобы намъ имѣть случай заслужить вѣнцы и похвалы, для этого деньги не сдѣланы общими, — дабы мы, отвращаясь любостяжанія и любя правду, и раздавая свое имѣніе нуждающимся, могли такимъ способомъ получать нѣкоторое облегченіе въ своихъ грѣхахъ. Богъ сдѣлалъ тебя богатымъ: зачѣмъ же ты самъ дѣлаешь себя бѣднымъ? Богъ сдѣлалъ тебя богатымъ для того, чтобы ты помогалъ нуждающимся, чтобы своею щедростію къ другимъ искупалъ собственные грѣхи; далъ тебѣ богатство не для того, чтобы ты заперъ его на свою погибель, но чтобы расточилъ для своего спасенія. Для того Онъ и самое обладаніе богатствомъ сдѣлалъ невѣрнымъ и непостояннымъ, чтобы и чрезъ это самое ослабить безумную страсть къ оному. Если владѣющіе богатствомъ, и теперь, когда не могутъ положиться на него, а напротивъ видятъ, что оно порождаетъ множество опасностей, воспламеняются такою страстью къ нему: то кого бы они пощадили, если бы еще богатство имѣло и эти качества — постоянство и неизмѣнность? Кого бы не коснулись? Какой вдовы, какихъ сиротъ, какихъ нищихъ?

10. И такъ не будемъ почитать великимъ благомъ богатство; великое благо — не деньги нажить, но стяжать страхъ Божій и благочестіе. Вотъ теперь, если бы кто-нибудь былъ праведникъ и имѣлъ великое дерзновеніе къ Богу; онъ хотя бы былъ бѣднѣе всѣхъ людей, могъ бы прекратить настоящія бѣдствія; довольно было бы

только воздѣть руки къ небу и призвать Бога, и туча эта прошла бы. А между тѣмъ лежитъ столько золота, и оно меньше всякой грязи способствуетъ къ прекращенію постигшаго насъ бѣдствія! Но не только въ настоящей опасности, — и тогда, когда постигаетъ насъ болѣзнь, или смерть, или другое что-нибудь подобное, открывается, какъ ничтожна сила денегъ, в какъ онѣ не могутъ сами по себѣ доставить вамъ никакого утѣшенія въ несчастіи. Однимъ только богатство, повидимому, превосходитъ бѣдвость, тѣмъ, что даетъ возможность каждый день веселиться и вкушать много удовольствій на пирахъ. Но это случается видѣть и за столомъ бѣдныхъ; они даже наслаждаются бо́льшимъ удовольствіемъ, чѣмъ всѣ богатые. Не изумляйтесь, и не почитайте странностію слова мои; я объясню вамъ это свидѣтельствамв самаго опыта. Всѣ вы, конечно, увѣрены в согласны въ томъ, что удовольствіе на пирахъ зависитъ обыкновенно не отъ свойства блюдъ, но отъ расположенія пирующихъ. Напримѣръ: кто садится за столъ проголодавшись, для того и самая простая пища будетъ пріятвѣе всякихъ приправъ, сластей в разныхъ лакомствъ. Напротивъ, кто идетъ къ столу, не имѣя потребности въ пищѣ и предупреждая чувство голода, какъ это дѣлаютъ богатые; тотъ, хотя бы нашелъ на столѣ самыя любимыя блюда, не почувствуетъ удовольствія, потому что въ немъ еще не пробудился позывъ на пищу. А что это дѣйствительно такъ, тому и вы всѣ свидѣтели; а вотъ, и Писаніе говоритъ то же самое: *душа въ сытости сущи, сотамъ ругается: души же нищетнѣй и горькая сладка являются* (Притч. 27, 7). Что́ можетъ быть слаще сота и меда? Но и онъ, говоритъ, не доставляетъ удовольствія тому, кто не голоденъ. А что непріятнѣе горькаго? Но и оно бываетъ сладко для живущихъ въ нуждѣ. А что бѣдные приступаютъ къ пищѣ иначе, какъ почувствовавъ потребность въ ней и голодъ, а богатые не ожидаютъ такого побужденія, это извѣстно всякому: отъ того богатые и не вкушаютъ настоящаго и чистаго удовольствія. Это самое бываетъ, не только въ разсужденіи пищи, но и въ разсужденіи питія: какъ тамъ голодъ производитъ удовольствіе, независимо отъ свойства пищи; такъ в здѣсь жажда, обыкновенно, дѣлаетъ питіе самымъ пріятнымъ, хотя бы это была простая вода. И на это самое указываетъ Пророкъ, когда говоритъ: *отъ камене меда насыти ихъ* (Псалм. 80, 17). Но мы нигдѣ не читаемъ въ Писаніи, чтобы Моисей извелъ изъ камня медъ, а вездѣ находимъ, что онъ извелъ рѣки, воды, прохладные источники. Что̀ же значатъ эти слова? Писаніе не говоритъ же неправды. Когда жаждущіе и истомленные нуждою нашли холодные источники, Пророкъ, желая представить пріятность этого питья, назвалъ медомъ воду — не потому, чтобы природа ея превратилась въ медъ, но по-

тому, что расположеніе пившихъ сдѣлало эти источники слаще меда. Понялъ ты, какъ и питіе обыкновенно дѣлается сладкимъ отъ расположенія жаждущихъ? Такъ и бѣдные, послѣ труда и утомленія, палимые жаждою, пьютъ простую воду съ вышесказаннымъ удовольствіемъ; а богатые, и тогда, какъ пьютъ вино сладкое, благовонное и имѣющее всѣ качества хорошаго вина, не чувствуютъ подобнаго удовольствія.

11. То же самое можно замѣтить и въ отношеніи ко сну. Не мягкая постель, не посребренное ложе, не тишина въ спальнѣ и не другое что-либо подобное, дѣлаетъ сонъ сладкимъ и спокойнымъ, но трудъ, усталость и привычка ложиться спать, когда сильно клонитъ ко сну и нападаетъ дремота. Объ этомъ свидѣтельствуетъ и опытъ, а еще прежде опыта, приговоръ Писанія. Соломонъ, жившій всегда въ удовольствіи, желая показать это самое, сказалъ: *сонъ сладокъ работающему, аще мало, или много снѣстъ* (Екклес. 5, 11). Почему онъ присовокупилъ: *аще мало, или много снѣстъ?* Потому что и то и другое — и голодъ и пресыщеніе, обыкновенно, производятъ безсонницу: голодъ, — изсушая тѣло, производя отвердѣніе въ рѣсницахъ и не давая имъ сомкнуться; пресыщеніе, — стѣсняя и подавляя дыханіе, и порождая множество болѣзней. Но таково благотворное дѣйствіе трудовъ, что рабъ можетъ спать въ томъ и другомъ случаѣ въ голодѣ и въ пресыщеніи. Цѣлый день, бѣгая повсюду на службѣ своимъ господамъ, подвергаясь побоямъ, перенося усталость, и нисколько не отдыхая, рабы получаютъ достаточную за такія безпокойства и труды награду въ пріятномъ снѣ. И это дѣло человѣколюбія Божія, что удовольствія покупаются не золотомъ и серебромъ, а трудомъ, работою, нуждою и всякимъ любомудріемъ. Не такъ у богатыхъ: лежа на своихъ постеляхъ, они часто проводятъ въ безсонницѣ цѣлую ночь и, не смотря на множество ухищреній, не вкушаютъ пріятнаго сна. А бѣднякъ, окончивъ дневные труды, съ усталыми членами, еще прежде чѣмъ упадетъ на постель, погружается въ глубокій, сладкій и правильный сонъ, и въ немъ получаетъ не малую награду за свои праведные труды.

12. И такъ, если бѣдный и спитъ, и ѣстъ и пьетъ съ бо́льшимъ удовольствіемъ, нежели богатый; то какую, послѣ этого, имѣетъ цѣну богатство, когда оно не доставляетъ и того, въ чемъ только, повидимому, и состоитъ его преимущество предъ бѣдностію? Поэтому и въ началѣ Богъ наложилъ на человѣка трудъ, не въ наказаніе и мученіе, но для вразумленія и наученія его. Адамъ, когда жилъ безъ трудовъ, ниспалъ изъ рая; но Апостолъ, когда провождалъ жизнь труженническую и тягостную, *въ трудѣ и подвизѣ*, какъ самъ онъ говоритъ, *нощь и день дѣлая* (2 Сол. 3, 8), взошелъ

въ рай и восхищенъ на третье небо. Не будемъ же охуждать трудъ, не будемъ пренебрегать работою; потому что отъ нихъ мы получаемъ, еще прежде царствія небеснаго, величайшую награду, — сопровождающее ихъ удовольствіе, и не только удовольствіе, но что еще важнѣе удовольствія, — самое цвѣтущее здоровье. Богатыхъ, кромѣ лишенія этого удовольствія, постигаютъ многія и болѣзни, а бѣдные не впадаютъ въ руки врачей. Если иногда они и подвергаются недугамъ, то скоро и возстановляютъ себя, будучи далеки отъ всякой нѣги и имѣя здоровое тѣлосложеніе. Бѣдность — великое стяжаніе для тѣхъ, которые мудро переносятъ ее; это сокровище некрадомое, жезлъ несокрушимый, пріобрѣтеніе неутратимое, убѣжище безопасное. Но бѣднаго, говорятъ, угнетаютъ? За то богатый подверженъ гораздо большимъ навѣтамъ. Бѣднаго презираютъ и обижаютъ; богатому завидуютъ. Одолѣть бѣднаго не такъ легко, какъ богатаго; потому что послѣдній со всѣхъ сторонъ представляетъ къ этому случаи, какъ діаволу, такъ и коварнымъ людямъ, и бываетъ рабомъ всѣхъ, по великому множеству своихъ дѣлъ. Имѣя надобность во многихъ лицахъ, онъ принужденъ многимъ льстить и угождать съ большимъ раболѣпствомъ; но бѣднаго, если онъ благоразумно ведетъ себя, не можетъ одолѣть и діаволъ. Іовъ и прежде былъ крѣпокъ, а когда лишился всего, тогда сдѣлался еще могущественнѣе и одержалъ надъ діаволомъ блистательную побѣду. Бѣдный даже не можетъ быть и обиженъ, если онъ ведетъ себя мудро; и что̀ я сказалъ объ удовольствіи въ пищѣ, — что оно зависитъ не отъ роскошныхъ яствъ, а отъ расположенія ядущихъ, то же говорю и объ обидѣ, — что обида состоится, или не состоится не по желанію наносящихъ ее, но по расположенію тѣхъ, которые терпятъ обиду. Напримѣръ: тебѣ нанесъ кто-нибудь обиду тяжкую и нестерпимую? Если ты посмѣялся надъ этою обидою, не принялъ къ сердцу оскорбительныхъ словъ: ты сталъ выше удара, — не обиженъ. Если бы у насъ было адамантовое тѣло, то, хотя бы со всѣхъ сторонъ сыпались на насъ тысячи стрѣлъ, мы не чувствовали бы ударовъ; потому раны происходятъ не отъ руки, пускающей стрѣлы, а отъ свойства тѣлъ, подверженныхъ страданію. Такъ и здѣсь: обиды и униженія, соединенныя съ обидами, состоятся не отъ злобы обижающихъ, но отъ слабости обижаемыхъ. Если бы мы были мудры, то могли бы и не обижаться, и не чувствовать никакихъ оскорбленій. Тебя обидѣлъ кто-нибудь, но ты не почувствовалъ обиды, и не опечалился? Такъ ты не обиженъ; напротивъ, скорѣе ты поразилъ, чѣмъ самъ пораженъ. Когда обидѣвшій видитъ, что его ударъ не достигаетъ до души оскорбляемыхъ имъ: тогда самъ онъ сильно терзается; и, какъ обижаемые молчатъ, то ударъ обидъ самъ собою обращается назадъ и несется на того, кѣмъ онъ посланъ.

13. И такъ, возлюбленные, будемъ во всемъ любомудрымв, и бѣдвость нисколько не можетъ повредить намъ; она даже принесетъ величайшую пользу и сдѣлаетъ васъ славнѣе и богаче всѣхъ богачей. Кто, скажи мнѣ, былъ бѣднѣе Иліи? По потому овъ и превзошелъ всѣхъ богачей, что былъ такъ бѣденъ и что самую бѣдность избралъ по богатству своей душв. Овъ возлюбвлъ такую бѣдвость потому, что все обвліе богатства ставилъ ниже своей высокой души и почиталъ недостойнымъ своего любомудрія. Если бы овъ цѣнвлъ высоко настоящія блага, то имѣлъ бы ве одну мвлоть; но овъ такъ превебрегалъ всей настоящей суетой и смотрѣлъ ва золото, какъ на попираемую персть, что, кромѣ той одежды, ве пріобрѣлъ ничего болѣе. Потому и царь нуждался въ этомъ нищемъ, и имѣвшій столько золота съ жадностію ловилъ слова того, кто не имѣлъ нвчего, кромѣ милотв. Столько милоть блистательвѣе была порфиры, и пещера праведвика велвчественнѣе царскихъ чертоговъ! Поэтому, и вознесясь на небо, овъ не оставвлъ своему ученику нвчего, кромѣ милотв. «Съ нею», говорвлъ овъ, «я сражался съ діаволомъ; съ нею и ты вооружайся противъ вего; нестяжательность есть оружіе крѣпкое, убѣжище веодолимое, столпъ незыблемый». Елисей и принялъ милоть, какъ величайшее васлѣдіе, драгоцѣннѣйшее всякаго золота. И съ того временв Илія сдѣлался сугубымъ: былъ Илія на небѣ, и Илія на землѣ. Зваю, что вы ублажаете сего праведника, и что каждый изъ васъ желалъ бы быть такимъ, какъ онъ. Но что, еслв докажу вамъ, что всѣ мы, участвующіе въ таинствахъ, получили нѣчто другое, несравнекно бо́льшее? Илія оставвлъ ученику милоть, а Сынъ Божій, вознесясь, оставилъ намъ свою плоть. Илія самъ остался безъ милотв, а Хрвстосъ в намъ оставилъ плоть свою, и съ нею же возвесся. Не будемъ же упадать духомъ, не будемъ сѣтовать, ве будемъ бояться тяжкихъ временъ: что откажется сдѣлать для вашего спасенія Тотъ, кто не отрекся пролить за всѣхъ насъ свою кровь, и далъ вамъ плоть и ту же самую кровь свою? Воодушевляясь такими вадеждами, будемъ непрестанво взывать къ Нему и возсылать молитвы и моленія; будемъ со всѣмъ усердіемъ заботвться о всякой добродѣтели, чтобы и избѣгнуть настоящихъ опасностей и достигвуть будущихъ благъ: чего да удостоимся всѣ мы благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ которымъ слава Отцу, вмѣстѣ со Святымъ Духомъ, во вѣки вѣковъ. Аминь.

2. О Благотворительности.

Я вижу, что вы сѣете, но не полвою рукою; почему я и опасаюсь, что вы не обильную жатву соберете; по пословицѣ: что по-

сѣешь, то и пожнешь. Какое безчестіе для насъ быть такъ привязанными къ вещамъ скоропреходящимъ, быть столь прикованными къ землѣ, и столь мало внимательными къ бѣднымъ, которые суть также дѣти одного Отца небеснаго, въ лицѣ которыхъ намъ представляется Самъ Іисусъ Христосъ! Для безконечной любви Господа Іисуса недостаточно было претерпѣть за насъ крестъ и самую смерть; Онъ благоволилъ еще, чтобъ доставить намъ случай засвидѣтельствовать къ Нему любовь и признательность, — являться къ намъ въ лицѣ бѣдныхъ, странниковъ, узниковъ и болящихъ. Онъ, кажется, говоритъ намъ устами сихъ несчастныхъ страдальцевъ: если вы не хотѣли быть признательными ко Мнѣ за все, что Я сдѣлалъ и претерпѣлъ для васъ, имѣйте, по крайней мѣрѣ, сострадание къ Моей бѣдности; если Моя бѣдность не трогаетъ васъ, сжальтесь хоть надъ Моими страданіями, которыя изнуряютъ Меня, надъ Моими цѣпями, которыя тяготятъ Мои руки и ноги. Если мои страданія, Моя бѣдность, Мои цѣпи не трогаютъ васъ, подумайте хоть о томъ, какъ мало и ничтожно тó, чего Я у васъ прошу; Я не требую отъ васъ многоцѣнныхъ приношеній; нѣтъ, Я прошу у васъ только одинъ кусокъ хлѣба, бѣдный покровъ отъ темной ночи, одно слово ласковое и добрый совѣтъ. Но если Мои страданія васъ не трогаютъ, позаботьтесь, по крайней мѣрѣ, о собственныхъ своихъ выгодахъ, подайте Мнѣ милостыню, чтобъ увеличить тѣмъ свои заслуги, чтобъ пріобрѣсть право на тѣ награды небесныя, которыя Я обѣщалъ милостивымъ. Если всѣ эти причины не смягчаютъ жестокости твоего сердца, старайся, по крайней мѣрѣ, придти къ естественной сострадательности при представленіи того безчестія, тѣхъ скорбей, страданій и бѣдности, которыя Я терпѣлъ нѣкогда, и которыя терплю и теперь подъ видомъ бѣдныхъ. Я до сихъ поръ еще алчу, жажду, наготую, терплю холодъ, лишенія, болѣзни и разныя страданія въ лицѣ меньшихъ Моихъ братій, чтобъ привлечь васъ къ Себѣ, чтобъ дать вамъ случай къ дѣламъ милосердія, и за то наградить васъ въ вѣчности. Я не говорю вамъ: освободи Меня отъ бѣдности, сдѣлай богатымъ, хотя Я прошу у васъ немного хлѣба и нѣсколько лоскутовъ ненужнаго для васъ платья; Я не требую отъ васъ, чтобъ сняли съ Меня цѣпи, хотя Я Самъ для васъ разорвалъ цѣпи вѣчнаго осужденія за грѣхъ, но Я прошу васъ только посѣтить Меня въ темницѣ: для Меня достаточно будетъ утѣшенія, которое принесетъ Мнѣ ваше сердечное участіе, и въ награду за это Я вамъ обѣщаю блаженное небо. Я могъ бы и безъ этого увѣнчать васъ въ небѣ, но Я хочу быть вамъ должникомъ, хочу доставить вамъ радость, имѣть хоть нѣкоторое право на награду; поэтому-то Я, имѣя довольство въ Самомъ Себѣ, прихожу однакоже въ міръ просить милостыни, стоя у вашихъ дверей

съ протянутой рукою; единственно по любви къ вамъ, Я хочу сидѣть за вашимъ столомъ, чтобы, въ великій день всемірнаго суда, поставить васъ на видъ всей вселенной, исповѣдать ваши добрыя дѣла, восхвалить вашу сострадательность и сказать предъ всѣми вотъ тѣ, которые Меня напитали.

При этихъ словахъ весь храмъ пришелъ въ движеніе, все множество предстоявшаго народа простерли руки къ проповѣднику, издавая крики радости; со всѣхъ сторонъ раздавались рукоплесканія. Восклицанія народа на время прервали бесѣду защитника бѣдныхъ. Но эти восклицанія непріятны были для его смиренія, и онъ воззвалъ къ народу:

На что мнѣ ваши похвалы и рукоплесканія? Я не словъ и восклицаній прошу у васъ, но дѣлъ милосердія и обильной милостыни. Ваши щедрыя подаянія, — вотъ что́ составляетъ для меня похвалу; они и меня украсятъ короною, болѣе блистательною, чѣмъ діадима царская, и для васъ сдѣлаются величайшею сокровищницею благодати и заслугъ. И такъ при выходѣ отсюда, руками всѣхъ бѣдныхъ сплетите и мнѣ корону безсмертную, и себѣ самимъ уготовьте миръ и благоденствіе въ сей жизни и блаженство вѣчное въ вѣкѣ безконечномъ.

Въ семъ городѣ (Антіохіи), находится 20 тысячъ богатѣйшихъ жителей, 60 тысячъ тоже съ изобильнымъ достаткомъ, 80 тысячъ, которые живутъ безъ труда плодами своего образованія и трудами рукъ своихъ, и только 20 тысячъ, такъ называемыхъ, нищихъ. Если бы всѣ эти лица съ преизобилующимъ состояніемъ раздѣлили между собою бѣдныхъ, нуждающихся въ ежедневномъ пропитаніи и необходимомъ одѣяніи; то едва одинъ, или два достались бы на десятерыхъ. Церковь Антіохійская питаетъ до трехъ тысячъ нуждающихся, не смотря на то, что доходы ея далеко не такъ велики, какъ доходы одного изъ богатѣйшихъ гражданъ города. Какое извиненіе представимъ мы па судѣ Божіемъ, въ чемъ найдемъ мы для себя спасеніе, проводя жизнь въ пиршествахъ и нѣгѣ, тогда какъ бѣдные умираютъ отъ голода, холода и другихъ гибельныхъ слѣдствій нищеты. Вмѣсто утѣшенія, вотъ какія должны будемъ выслушать страшныя слова: *«идите отъ Мене проклятіи во огнь вѣчный, уготованный діаволу и ангеломъ его. Взалкахся бо, и не дасте Ми ясти: возжадахся, и не напоисте Мене: страненъ бѣхъ, и не введосте Мене; боленъ и въ темницѣ, и не посѣтисте Мене»*. (Бесѣды на Ев. Матѳея).

3. О роскоши.

«Я боюсь [1]) вашего негодованія, — вы обвиняете меня за то, что я вхожу въ такія мелочныя подробности [2]), но на самомъ дѣлѣ должны обвинять себя; ибо вы сами себя уничтожаете до такой степени, что подобную роскошь не считаете грѣхомъ. Иной скажетъ, какой грѣхъ можетъ быть маловажнѣе того, что человѣкъ носитъ красивые, свѣтлые и обтягивающіе ногу сапоги, если только можно назвать это грѣхомъ? Хотите ли я изощрю на него языкъ свой и покажу всю его гнусность? Выслушаете ли меня безъ гнѣва? Впрочемъ, если и прогнѣваетесь, мало о томъ забочусь. И такъ изслѣдуемъ и разсмотримъ, сколь велико это зло. Когда ты вышиваешь сапоги свои шелковыми нитями, которыми неприлично испещрять даже и одежду; какихъ укоризнъ, какого смѣха достойно это? Если же ты пренебрегаешь нашимъ мнѣніемъ, то выслушай сказанное Павломъ, который со всею строгостію запрещаетъ сіе, и тогда почувствуешь, сколько это смѣшно. Что же говоритъ Павелъ? *Не въ плетеніихъ, ни златомъ, или бисерми, или ризами многоцѣнными* (1. Тим. 2, 9). Стоишь ли ты такого извиненія, когда Павелъ и женѣ не позволяетъ носить драгоцѣнныя одѣянія; а допускаешь такую пышность въ сапогахъ, и тысячи выдумываешь нарядовъ, достойныхъ осмѣянія и порицанія. Ибо для сихъ нитей строятъ корабль, набираютъ гребцовъ, кормчаго и корабельщика, распускаютъ паруса, переплываютъ море; для нихъ купецъ, оставивъ жену, дѣтей и отечество, ввѣряетъ жизнь свою волнамъ, отправляется въ страну варваровъ, подвергается безчисленнымъ опасностямъ; а ты послѣ всего этого, взявъ нити сіи, нашиваешь себѣ на сапоги, украшиваешь кожу. Что̀ можетъ быть хуже такого безсмыслія? и что еще несноснѣе, что отцы, смотря на это, не негодуютъ, но считаютъ сіе ничего незначущимъ. Хотите ли скажу, что̀ и сего еще несноснѣе? То, что сіе дѣлается тогда, когда у насъ много бѣдныхъ. Хотите ли, представлю вамъ Христа, томимаго гладомъ, нагаго, преслѣдуемаго, связаннаго? Сколькихъ молній достойны вы, которые не хотите обратить вниманія на Христа, не имѣющаго нужной пищи, а между тѣмъ съ такою заботливостію украшаете кожи! Что̀ можетъ быть безпорядочнѣе, смѣшнѣе сего? Все это показываетъ человѣка изнѣженнаго, грубаго, жестокаго и суетнаго. Достанетъ ли

[1]) Говоритъ Златоустъ въ 49 бесѣдѣ на Евангеліе Матѳея. Въ этой бесѣдѣ пастырь вооружается противъ роскоши женоподобныхъ юношей, которые съ непомѣрною легкомысленностію старались о покроѣ платья, объ утонченной изящности обуви, о красотѣ лица.

[2]) Далѣе ораторъ показываетъ эти «мелочныя подробности».

досуга заняться чѣмъ-либо нужнымъ тому, кто тратитъ время на такія излишества? Достанетъ ли досуга тому юношѣ позаботиться о душѣ или подумать, что у него есть душа? Тотъ мелоченъ, кто принужденъ удивлять пышною обувью; тотъ жестокъ, кто для оной презираетъ нищихъ; тотъ чуждъ всякой добродѣтели, кто все свое стараніе употребляетъ на такіе наряды. Съ любопытствомъ разсматривая доброту нитей, живость красокъ, вытканные изъ нихъ узоры, найдетъ ли онъ время воззрѣть на небо? Досугъ ли подивиться красотѣ небесъ тому, кто пристрастился къ красотѣ кожъ и поникъ въ землю? Богъ простеръ небо и возжегъ солнце для того, чтобы привлечь взоръ твой горѣ; а ты принуждаешь себя потуплятъся въ землю, подобно свиніямъ и повинуешься діаволу. Ибо сей злой духъ избралъ такія гнусныя вещи, дабы, отвлекши себя отъ красоты небесной, привлечь ими къ землѣ. И Богу, указующему небо, предпочитается діаволъ, показующій кожи, или даже и не кожи (ибо онѣ суть произведеніе Божіе), а напыщенность и ухищреніе. Поникши къ землѣ, идетъ юноша, которому бы надлежало мудрствовать о небесномъ; тщеславится своими сапогами болѣе, нежели какою-нибудь важною заслугою; едва ступаетъ по торжищу, самъ себѣ наводя тѣмъ напрасныя печали и огорченія; потому что въ ненастье боится замарать сапоги грязью, а въ жаръ запылить. Что́ скажешь на это, человѣкъ? Такою роскошью ты всю душу свою повергъ въ прахъ, и безпечно смотря на то, что она пресмыкается по землѣ, такъ много заботишься о сапогахъ! Подумай, для чего они употребляются, и устыдись того мнѣнія, какое объ нихъ имѣешь. Сапоги сдѣланы для того, чтобы попирать ими грязь, навозъ и всякую нечистоту на полу. Если это для тебя несносно, возьми, повѣсь ихъ на шею или положи на голову.

Вы смѣетесь, слушая сіе, а мнѣ приходится плакать, видя безуміе сихъ людей и ихъ заботливость о сапогахъ. Они согласятся скорѣе замарать въ грязи тѣло, нежели эти кожи. Такіе люди сколько бываютъ мелочны, столько съ другой стороны сребролюбивы. Кто привыкъ до безумія заботиться о такихъ украшеніяхъ, тому много надобно тратить на одежду и все прочее, а потому и большіе имѣть доходы. Если у него отецъ щедръ, то болѣе и болѣе предается пороку сему и даетъ усиливаться безразсудной прихоти. А ежели скупъ, то принужденъ прибѣгать къ другимъ безчестнымъ средствамъ, чтобы имѣть деньги на такія издержки. Отъ сего многіе изъ молодыхъ людей продали красоту свою, сдѣлались шутами у богатыхъ, и приняли на себя другія подлыя должности, чтобъ только чрезъ сіе имѣть возможность исполнять такія свои прихоти. Изъ сего видно, что таковый человѣкъ будетъ сребролюбивъ и суетенъ, нерадивѣе всякаго въ дѣлахъ нужныхъ, и неминуемо падетъ во мно-

гіе проступки. А неоспоримо также и то, что онъ жестокосердъ и тщеславенъ. Жестокосердъ, когда, видя бѣднаго, по страсти къ нарядамъ, не удостоиваетъ его и взора, и хотя сапоги украшаетъ золотомъ, но на нищаго, истаевающаго отъ голода, не обращаетъ вниманія. Тщеславенъ же, когда малостями старается уловить вниманіе зрителей. Не столько, думаю, военачальникъ гордится побѣдами, сколько распутный юноша нарядностью сапоговъ своихъ, длинными одеждами, прическами волосъ, хотя всѣмъ тѣмъ обязанъ искусству другихъ... И такъ не говори: и то не важно, и то не бѣда! Это-то именно все и погубило... Что̀ маловажнѣе изученія азбуки? Однако же начавшіе съ нея дѣлаются риторами, софистами, философами. А незнающіе азбуки и сихъ наукъ никакъ не узнаютъ.

4. Противъ театра.

Страсть къ театру такъ вкоренилась въ жителяхъ Антіохіи, что въ одно время народъ, забывъ Бога, въ страстную пятницу былъ на конскомъ ристаліи, а на другой день въ театрѣ. Ревность св. Златоуста не могла оставаться безгласною при такомъ соблазнѣ. По этому случаю въ день свѣтлаго Воскресенія Христова онъ говорилъ слѣдующее:

Можно ли это снести? Можно ли стерпѣть? Вамъ самимъ хочу жаловаться на васъ. Послѣ толь продолжительной моей проповѣди, и послѣ столь многихъ поученій, нѣкоторые, оставивъ насъ, побѣжали смотрѣть на ристалище коней, и дошло до такого бѣшенства, что весь городъ наполнили безчиннымъ крикомъ и восклицаніями, возбуждающими великій смѣхъ, или лучше, плачь. Сидя дома и слыша раздающіеся крики, я страдалъ гораздо болѣе, нежели обуреваемые волнами. Ибо какъ сіи, при каждомъ ударѣ волнъ въ бока корабля, съ ужасомъ ожидаютъ конца себѣ: такъ и меня поражали оныя несносныя восклицанія. Я потупилъ взоры на землю и закрылся отъ стыда, когда одни, сидя на возвышенныхъ мѣстахъ, безчинничали, а другіе, находясь внизу среди площади, рукоплескали всадникамъ и кричали несноснѣе ихъ...

Что̀ намъ сказать, и чѣмъ оправдаться, если какой чужестранецъ скажетъ въ укоризну: это ли апостольскій городъ? Это ли городъ, въ которомъ былъ такой учитель? Это ли народъ христолюбивый, зрѣлище истины и духа? Не уважили даже и того дня, въ который совершились знаменія спасенія рода нашего. Въ пято̀къ, когда Господь нашъ для спасенія вселенной былъ распятъ, когда приносилась столь великая жертва, когда отверзся рай, и разбойникъ входилъ въ древнее отечество, когда разрушалась клятва, истреблялся грѣхъ, прекращалась долговременная вражда, когда

Богъ примирялся съ человѣками и все преобразовалось: въ тотъ день, въ который надлежало поститься, исповѣдываться и возсылать благодарственныя молитвы къ Тому, Который сдѣлалъ толикія благодѣянія міру: въ это время вы, оставивъ церковь и духовную жертву, собраніе братій и важность поста, отдались въ плѣнъ діаволу и пустились на оное зрѣлище. Можно ли это снести? Можно ли стерпѣть?

Я не перестану повторять часто слова сіи. За три дня передъ симъ проливной дождь все увлекалъ съ собою и, такъ сказать, отъ самыхъ устъ земледѣльцевъ похищалъ пищу ихъ, ниспровергалъ косматые колосья, и все прочее опустошалъ силою своей влаги, совершаемы были ходы и моленія. Тогда весь городъ нашъ, какъ потокъ стремился къ мѣстамъ апостольскимъ. Мы избрали въ свои заступники святаго Петра, блаженнаго Андрея, и неотдѣльную отъ Апостоловъ двоицу, Павла и Тимоѳея. Потомъ, когда прекратился гнѣвъ Божій, мы смѣло, разсѣкая волны, переправились чрезъ море, и прибѣгали къ верховнымъ Апостоламъ: Петру, основанію вѣры, и Павлу, сосуду избранному. Мы совершили духовное празднество, проповѣдывали ихъ подвиги, торжество и побѣды надъ бѣсами. Но тебя не поразили оныя ужасныя происшествія, не научили великіе подвиги Апостоловъ; но такъ скоро, что прошелъ одинъ только день, и ты скачешь и кричишь, не думая о томъ, что душа твоя въ плѣну у страстей. Если тебѣ хотѣлось смотрѣть на ристалище скотовъ, то для чего не обуздалъ скотскія страсти свои, буйство и похоть? Для чего не возложилъ на нихъ благаго и легкаго ига Христова?... Или ты не знаешь, что Богъ потребуетъ отчета въ дняхъ жизни нашей, въ чемъ мы провели каждый день? Что̀ мы скажемъ? Чѣмъ будемъ оправдываться, когда потребуется отчетъ въ ономъ днѣ? Для тебя восходило солнце, луна освѣщала ночь и сіялъ разнообразный хоръ звѣздъ; для тебя вѣяли вѣтры, текли рѣки; для тебя возникали травы и расли растенія; для тебя ходъ природы соблюдалъ свойственный себѣ порядокъ: наступалъ день, проходила ночь. Все сіе дѣлалось для тебя: а ты, при такомъ служеніи тебѣ тварей, исполняешь похоть діавола, и взявши въ наемъ у Бога такой домъ, міръ сей, не платишь ему, что̀ слѣдуетъ. Не довольно было тебѣ перваго дня; и на другой день, когда хотя не много надлежало тебѣ дать себѣ покой послѣ содѣяннаго нечестія, ты вошелъ еще въ театръ, изъ дыма бросился въ огонь, и изъ одной пропасти повергся въ другую опаснѣйшую. Старики осрамили сѣдину свою, юноши погубили юность свою, отцы вели туда дѣтей своихъ, и въ самомъ невинномъ возрастѣ повергли ихъ въ бездну разврата. Справедливо скажетъ тотъ, кто, вмѣсто имени отцевъ,

назоветъ ихъ убійцами дѣтей своихъ. Ибо они таковымъ развращеніемъ погубляютъ ихъ душу.

Но ты скажешь: что́ за развратъ? Я потому-то и плачу, что ты, будучи боленъ, не знаешь, что боленъ, и не хочешь искать врача себѣ.

5. О Пѣснопѣніяхъ [1]).

Ничто такъ не возбуждаетъ и не окрыляетъ душу, ничто съ такою силою не отторгаетъ ее отъ земли и не разрѣшаетъ отъ узъ плоти, ничто столько не располагаетъ ее къ любомудрію и не возвышаетъ надъ всѣмъ житейскимъ, какъ гармоническій стихъ и священная пѣснь, сложенная по закону риѳма. Природа наша такъ услаждается пѣснопѣніемъ и стихами, такое имѣетъ съ ними сродство, что и грудныя дѣти, если плачутъ и дѣлаются безпокойными,— оными усыпляются. Кормилицы, нося ихъ на рукахъ, ходятъ туда й сюда, и, напѣвая имъ дѣтскія пѣсенки, тѣмъ и утишаютъ ихъ безпокойный плачь. Часто такъ же и путешественники, въ жаркій полдень ѣдущіе на подъяремныхъ животныхъ, поютъ, и пѣніемъ облегчаютъ тягость путешествія. Равно и земледѣльцы, выжимаютъ ли сокъ изъ виноградныхъ кистей, или другое что дѣлаютъ, обыкновенно поютъ. И мореходцы, работая веслами, то же дѣлаютъ. Наконецъ и женщины, когда ткутъ, или спутавшіяся на станѣ нити разбираютъ челнокомъ,— иногда каждая порознь, иногда всѣ въ одинъ голосъ, поютъ какую-нибудь пѣсню. Всѣ же, и женщины, и путешественники, и земледѣльцы, и мореплаватели, дѣлаютъ сіе для того, чтобы пѣніемъ усладить труды свои: такъ какъ душа, при звукахъ стиховъ и пѣсней, легче можетъ выносить все — и скуку и труды. И такъ, поелику сей родъ увеселенія столько сроденъ душѣ нашей, Богъ, въ предотвращеніе того, чтобы обольститель не развращалъ людей, внушая имъ соблазнительныя пѣсни,— установилъ псалмы, коихъ свойство таково, что отъ нихъ человѣкъ получаетъ и удовольствіе и пользу. Отъ мірскихъ пѣсней бываетъ много вреда, развращенія и другихъ золъ: ибо все то, что есть въ нихъ худаго и безнравственнаго, проникая въ душу, разслабляетъ ее и развращаетъ. Напротивъ, духовныя пѣсни доставляютъ человѣку пользу и назиданіе: это источники освященія, руководители

[1]) Сказано св. Златоустомъ въ Константинополѣ при изъясненіи 41 Псалма Чтобы утвердить въ народѣ усердіе къ денно-нощнымъ молитвамъ, которыхъ самъ былъ лучшимъ образцемъ, къ посѣщенію темницъ, къ вспомоществованію бѣднымъ, онъ учредилъ въ Константинополѣ, такъ какъ сдѣлалъ и въ Антіохіи, чтеніе псалмовъ въ церкви, пѣніе священныхъ пѣсней въ домахъ, въ мастерскихъ и среди полевыхъ работъ.

къ любомудрію; потому что и слова въ нихъ очищаютъ душу, и св. Духъ нисходитъ въ души поющихъ оныя: ибо тѣ, которые поютъ псалмы съ сознаніемъ, дѣйствительно призываютъ на себя благодать Его. О семъ свидѣтельствуетъ Ап. Павелъ такъ: не упивайтеся виномъ, въ немъ же есть блудъ; но паче исполняйтеся Духомъ; въ объясненіи же способа, какъ исполниться Духомъ, присовокупляетъ: глаголюще себѣ во псалмѣхъ и пѣніихъ и пѣснехъ духовныхъ, воспѣвающе и поюще въ сердцахъ вашихъ Господеви (Еф. 5, 18. 19). Я сказалъ: съ сознаніемъ, не такъ, т. е., чтобы въ то время, какъ уста произносятъ псаломъ, умъ блуждалъ по внѣшнимъ предметамъ, но такъ, чтобы вся душа внимала тому, что́ произноситъ языкъ. Гдѣ много нечистоты, туда сбѣгаются и животныя нечистыя; равно, гдѣ цвѣты и благоуханія, туда и пчелы слетаются. Подобнымъ образомъ, гдѣ поются срамныя пѣсни, туда стекаются и демоны: напротивъ, гдѣ возглашаются духовныя пѣснопѣнія, туда нисходитъ благодать св. Духа, которая освящаетъ и уста и души поющихъ. Сіе говорю я не съ тѣмъ, чтобы только васъ самихъ расположить къ псалмопѣнію, но чтобы вы и дѣтей и женъ своихъ учили пѣть духовныя пѣсни, не только во время домашнихъ занятій, но въ особенности при трапезѣ.

6. Прощальная Бесѣда [1]).

Сильныя волны, жестокая буря! Но я не боюсь потопленія: ибо стою на камнѣ. Пусть свирѣпствуетъ море: оно не можетъ сокрушить камня! Пусть подымаются волны: онѣ не могутъ поглотить корабля Іисусова! Скажите, чего бояться мнѣ? Ужели смерти? *Мнѣ еже жити Христосъ, а еже умрети, пріобрѣтеніе* (Филип. 1, 21). Ужели ссылка? *Господня земля и исполненіе ея* (Пс. 23, 1). Ужели описи имѣнія? *Ничтоже внесохомъ въ міръ сей, явѣ, яко ниже изнести что можемъ* (1 Тим. 6, 7). Я презираю устрашенія міра сего, и посмѣваюсь надъ его благами. Я не боюсь нищеты, не желаю богатства; не боюсь смерти и не желаю жизни, развѣ только для вашего успѣха. Я для того говорю о настоящихъ моихъ обстоятельствахъ, и для того вопрошаю васъ, возлюбленные, чтобъ насъ успокоить. Никто не можетъ раздѣлить насъ! Что́ Богъ совокупилъ, того человѣкъ раздѣлить не можетъ. Если о мужѣ и женѣ сказано: *еже Богъ сочета, человѣкъ да не разлучаетъ* (Мат. 19, 6), ежели брака нельзя расторгнуть, то кольми паче нельзя расторгнуть церковь Божію. Ничего нѣтъ сильнѣе церкви! Сколь многіе тираны

[1]) Сказана въ Константинополѣ передъ отправленіемъ въ ссылку.

покушались разрушить церковь! Сколько употребили они сковородъ, сколько печей? Сколько зубовъ звѣриныхъ? Сколько острыхъ мечей? Но ни мало не успѣли. Гдѣ враги оные? Никто не говоритъ объ нихъ: всѣ они забыты. Гдѣ церковь? Она сіяетъ свѣтлѣе солнца. Если христіане остались непобѣдимы и тогда, когда ихъ было немного, то можно ли побѣдить ихъ нынѣ, когда вся вселенная исполнена благочестіемъ? Не тревожьтесь настоящимъ событіемъ. Окажите мнѣ въ этомъ любовь вашу, въ непоколебимой вѣрѣ. Я имѣю залогъ Господа, и не полагаюсь на силы мои. Я имѣю Его Писаніе. Оно мнѣ опора, оно мнѣ крѣпость, оно мнѣ спокойная пристань. Пусть вся земля придетъ въ смятеніе! У меня есть письмецо; его читаю я: слова въ немъ для меня стѣна и ограда. Какія слова? *Азъ съ вами есмь до скончанія вѣка* (Матѳ. 28, 20). Христосъ со мною, кого мнѣ бояться? Пусть поднимаются на меня волны, пусть море, пусть неистовство сильныхъ! сіе для меня слабѣе паутины. И если бы не вы останавливали меня своею любовію, то я нынѣ же удалился бы отсюда. Я всегда молюсь: да будетъ воля Твоя, Господи! Не какъ хочетъ тотъ или другой, но какъ Ты хочешь. Вотъ моя крѣпость, вотъ мой камень неподвижный, вотъ моя трость непоколебимая! Если Богу угодно, то да будетъ! Если Ему угодно оставить меня здѣсь, благодарю Его. Я буду благодарить Его, гдѣ Онъ ни захочетъ меня поставить. Ни отъ чего не приходите въ смущеніе. Старайтесь быть въ молитвѣ. Это сдѣлалъ діаволъ, чтобъ погасить въ васъ расположеніе къ молитвѣ. Но онъ не успѣлъ нимало. Я вижу васъ болѣе ревностными и усердными. Завтра я выйду съ вами для молитвы. Гдѣ я, тамъ и вы, а гдѣ вы, тамъ и я. Мы одно тѣло. А тѣло отъ головы, какъ и голова отъ тѣла, не отдѣляется. Мы раздѣляемся мѣстомъ, но любовію соединены; даже смерть не можетъ разлучить насъ. Хотя умретъ тѣло мое, но душа будетъ жива, и станетъ воспоминать о семъ народѣ. Вы мнѣ отцы, какъ я могу забыть васъ. Вы мнѣ родные мои, вы моя жизнь, вы моя слава. Если вы преуспѣваете; это — слава мнѣ, и жизнь моя, какъ богатство, лежитъ въ сокровищницѣ вашей. Я готовъ тысячекратно положить за васъ душу свою, и не стоя никакой благодарности; потому что исполняю долгъ. *Добрый пастырь душу свою полагаетъ за овцы своя* (Іоан. 10, 11). Пусть тысячекратно меня удавятъ, тысячекратно отсѣкутъ мнѣ голову! Смерть сія поведетъ къ безсмертію. Все претерпѣваю я за любовь мою къ вамъ; ибо я все предпринимаю, чтобъ вамъ доставить безопасность; чтобъ никто чужой не вошелъ въ стадо мое, и оно сохранилось непорочнымъ. Сей подвигъ мой доставитъ мнѣ вѣнецъ. И что я не потерплю для васъ? Вы мнѣ сограждане, вы мнѣ отцы, вы мнѣ братія, вы дѣти мои, вы члены мои, вы тѣло мое, вы свѣтъ мой,

и лучше свѣта. Вы всегда доставляли мнѣ то, что я желалъ. Вы презирали временное, отказывались отъ земнаго, возвышались къ небу, отрекались отъ узъ тѣлесныхъ и старались о блаженномъ исполненіи ученія Господа. Впрочемъ, можетъ быть, Богъ попускаетъ мнѣ терпѣть злоумышляемое на меня для того, чтобъ испытать меня несчастіями; потому что побѣда, конечно, отъ трудовъ зависитъ, и вѣнецъ уготовляется за подвиги. Ибо и божественный Павелъ сказалъ: *теченіе скончахъ, вѣру соблюдохъ: прочее соблюдается мнѣ вѣнецъ правды* (2 Тим. 4, 7). Вѣчный Господь всѣхъ да удостоитъ и васъ вѣнца сего!

Слово на погребеніе Бецкаго.

И такъ—мужъ, исполненный долготою дней, скончался вмалѣ! — Рука приближенныхъ закрыла хладными вѣждями померкшій на вѣки взоръ его. Бездыханное тѣло его предается благочестно гробу. Признательность начертаетъ на камени имя его. — Чувствительное сердце оросить слезою гробницу его... И симъ ли свершилось воздаяніе тѣмъ подвигамъ его прехвальнымъ престолу, отечеству, свѣту? — Потомство сплететъ ему вѣнецъ хвалы? — Но глава, увядшая подъ смертнымъ серпомъ, носить его уже не можетъ. Бытописанія возвѣстятъ дѣла его? — Но сему не внемлетъ болѣе слухъ, прилегшій къ сердцу земли, котораго и гласъ грома не потрясаетъ. Воздвигнуть въ честь его мѣдь или мраморъ?—Но подъ тяжестію сего изнемогаютъ кости, кои природа тихимъ маніемъ преклонила въ мирѣ уснуть и почить.

Боже великій! для сего ли всемогущая благость Твоя призываетъ человѣка во страну сію отцевъ и матерей, дабы только родиться и умереть?—Что жъ будетъ онъ предъ злакомъ, гибнущимъ отъ зноя на полѣ сельномъ; или предъ мравіемъ, издыхающимъ подъ ногою путника скоротечнаго? Богоподобная добродѣтель! для сего ли любители твои жертвуютъ, изъ ревности къ тебѣ, всѣмъ сердцемъ и душею, всею крѣпостію силъ и самою жизнію, дабы, собравъ всеобщія хвалы дань, оставить ее у отверстія гроба?—Но и сего стяжанія не имѣютъ тѣ, кои любви своея къ тебѣ имѣли свидѣтелемъ одну совѣсть и Бога.

Свѣтъ сей есть для добродѣтели подвигъ; но не въ немъ ея награда. Мы память ея украшаемъ тлѣнными вѣнцами. Ибо не можемъ украсить ее нетлѣнными. Такъ! самая смерть добродѣтельныхъ есть доказательствомъ безсмертія и того блаженства, которое подвигамъ благочестивымъ предоставлено въ странахъ небесныхъ, въ царствѣ вѣчности!

Добродѣтель, съ которой стороны ни воззримъ на лице ея, вездѣ чиста, прекрасна, божественна. Обращено ли оно къ Богу? На немъ изображено исполненіе всѣхъ тѣхъ отношеній, каковыми разумная тварь обязана къ своему Создателю. Обращено ли оно къ человѣку? На немъ сіяютъ сіи сердечныя мысли: се ближній мой! я люблю его, яко самого себя. Обращено ли оно на грудь свою? На немъ врится напечатлѣнно вниманіе къ собственнымъ и достоинствамъ и обязанностямъ своимъ: азъ есмь церковь Бога живаго, прославлю Бога и въ душѣ и въ тѣлеси своемъ. Добродѣтель и во свѣтѣ просвѣщенія тѣмъ сіятельнѣе: она блистательна и среди мрака заблужденій. Зерцало ея есть солнце, или паче Богъ; да будетъ истина и правда ея яко полудне, яко совершенства Бога. Она величественна въ порфирѣ; она въ рубищахъ любезна. Преславна подъ шлемомъ и щитомъ; знаменита и на нивѣ при ралѣ. Достохвальна во храмѣ у священнаго алтаря, благословенна и въ домѣ, во градѣ и веси.

Украшенъ ли добродѣтелію умъ? Тогда размышленія его невинны, познанія спасительны, предпріятія кротки, намѣренія безвредны, совѣты благіе. Тогда мысль возносится къ виновнику бытія, дабы повергнуться предъ нимъ со благоговѣніемъ. Разсматриваетъ дѣла Божія, дабы прославить премудрость Его. Познаетъ совершенства Господа своего, дабы имѣть ихъ основаніемъ и закономъ жизни. Любитель мудрости уже есть нѣчто больше, нежели человѣкъ, который тогда предъ очами высокомѣрія является презрѣннѣе праха; но когда при мудрости сіяетъ душа его красотою добродѣтели, не есть ли онъ, яко ангелъ Божій?

Воодушевлено ли добродѣтелію сердце? Тогда желанія его непорочны, надежды небесныя, любовь къ Богу чистѣйшая, человѣколюбіе безъ лицепріятія, искренность безъ лести, благотворенія безъ величавости. Тогда сердце кротко, яко агнецъ; мирно, яко утренняя заря. Его страсти не раздираютъ, не влекутъ въ плѣнъ рабства чувственныя прелести. Не намъ, не намъ токмо таковое сердце любезно. Оно обращаетъ на себя взоръ сердцевѣдца. Небесная нѣкая радость и неизобразимое удовольствіе суть или знаменіемъ присутствующаго уже въ немъ божества, или вѣстниками приближенія Его по обѣщанію. *Имѣяй заповѣди моя и соблюдаяй ихъ, той есть любяй мя, и азъ возлюблю его, и явлюся ему Самъ*, глаголетъ Спаситель.

Сопутствуетъ ли добродѣтель по стопенямъ счастія, на которое возводитъ промыслъ Вышняго? Тогда власть и могущество для прибѣгающихъ подъ кровъ ихъ суть яко матернія крылія для птенцовъ невосперенныхъ. Тогда богатство и изобиліе проливаются рѣкою, коея благотворными струями утоляетъ бѣдность жажду свою.

Тогда слава есть торжественный примѣръ: или мужества, коего трепещетъ не меньше высокомѣрный врагъ, какъ и лукавый порокъ; или великодушія, столь же терпѣливо преносящаго удары напастей, какъ и беззлобно прощающаго обиды, или ревности къ вѣрѣ и закону, или вѣрности къ отечеству и любви къ государю. Сіи опыты добродѣтели не суть плодъ воображенія и мечты.

Воскресите, воскресите въ памяти вашея тѣхъ мужей, кои были красотою и утѣшеніемъ человѣческаго рода. Всевышній хранилъ ихъ, яко зѣницу ока, и для добродѣтелей ихъ усугублялъ благословенія свои къ людямъ. Онъ, взирая на нихъ, преклонялся долготерпѣніемъ и къ тѣмъ, кои служили идолу порока, кои достойны были его праведнаго пораженія. Вообразите и нынѣ, въ теченіе сея нашея жизни, въ нашемъ отечествѣ, въ Россійстѣй церкви, во градѣ семъ и въ семъ, безъ сомнѣнія, храмѣ находящихся, кои красотою души и сердца своего, красотою дѣяній своихъ плѣняютъ сердца и души наши. Мы съ радостію жертвуемъ имъ удивленіемъ, любовію, благодарностію, прославленіемъ:. ибо принесть другой жертвы не можемъ. Такъ уже ли мысль, воспаряющая чрезъ предѣлы міра ко престолу Предвѣчнаго, созерцающая совершенства Его, и на земли для служенія Ему сооружающая духовный алтарь, мысль, обтекающая во едино мгновеніе и небо и землю, прошедшіе вѣка и грядущіе, и даже въ вѣчности не находящая быстрому полету своему предѣловъ, смѣшается со прахомъ? Уже ли тотъ духъ мудрости и разума, духъ совѣта и крѣпости, духъ вѣдѣнія и благочестія, духъ страха Господня погибнетъ подобно смертному факелу? Уже ли то сердце, украшенное благочестію и правдою, истиною и святостію, кротостію и человѣколюбіемъ, доброжелательствомъ и благотвореніемъ пожерто будетъ тлѣніемъ? Тѣ желанія святыя, тѣ надежды небесныя исчезнутъ какъ дымъ, какъ мечта? Для сего ли премудрость Божія возвышаетъ человѣка до такой степени совершенствъ въ естественномъ и нравственномъ свѣтѣ, дабы тѣмъ стремительнѣе повергнуть его въ бездну ничтожества? Для сего ли хвалимся носити образъ предвѣчнаго Создателя нашего, дабы содѣлаться тѣмъ вожделѣннѣйшею добычею все чувственное поглощающія смерти? Гдѣ же тѣ обѣщанія Евангельскія: *Вѣруяй въ Мя не погибнетъ, но имать животъ вѣчный* [1])? Гдѣ та отрада, которую добродѣтель вливаетъ въ сердце среди горести и несчастія? Гдѣ та совѣсть, внушающая любити честность не по страху человѣческому, не для похвалъ внѣшнихъ? Гдѣ вѣра? Гдѣ законъ? Гдѣ праведный Богъ? Что чувствовалъ тогда порфироносный пророкъ, когда, разсматривая суетность гибнущихъ удо-

[1]) Іоан. 6, 47.

вольствій, сказалъ: *Азъ правдою явлюся лицу твоему, Боже! насыщуся внегда явитимися славѣ Твоей* [1]). Какою надеждою столь живо, столь несомнительно былъ воодушевленъ божественный апостолъ, когда произнесъ: *Дерзаемъ и благоволимъ паче отъити отъ тѣла, и внити ко Господу?* Откуда та радость, съ которою страдальцы святые послѣднее испускали дыханіе, вѣщая: *Боже, въ руцѣ Твои предаю духъ мой!* И мы, благочестивые христіане! И мы, не речемъ ли съ апостоломъ Павломъ: *Аще въ животѣ семь точію уповающи есмы во Христа, окаяннѣйши всѣхъ человѣковъ есмы?*

По понятію, какое имѣли ненаказанные еще во дни Соломона, что съ тѣломъ, обратившимся въ пепелъ, и *духъ разліется яко мягкій воздухъ* [2]); по сему немилосердому и вмѣстѣ богохульному понятію, что была бы жизнь наша, какъ не время проклинать день рожденія своего, и оплакивать будущее свое исчезновеніе? О таковой кончинѣ праведника не воздохнутъ ли небеса, гдѣ душа его полагала отечество свое? Не возстенаетъ ли вѣчность, которыхъ блаженствомъ уже преднаслаждалось сердце его? По сему понятію Богъ нѣсть Богъ живыхъ, а мертвыхъ.

Упоенный прелестями нечестія и разврата порокъ! Онъ-то плѣннику своему льстилъ вовечнымъ бытія разрушеніемъ. По его внушеніямъ вѣчность — мечта: ибо всѣ удовольствія его остаются по сю сторону гроба. Онъ, восхищая иногда временное достояніе добродѣтели, мнитъ быти честность и правоту ея суетными, и тщетными всѣ подвиги ея. Дѣламъ, совершаемымъ изъ любви Бога и Его закона, остаться безъ воздаянія, есть то же, что душѣ богоподобной обратиться въ ничто. Если бы праведнику за подвиги его, кои онъ сѣетъ иногда при толикихъ озлобленіяхъ, орошаетъ нерѣдко толь многими слезами, предоставлено было собирать здѣсь на земли воздояній жатву: то возмогъ ли бы кто лишить его принадлежащаго ему права? Злымъ зло, благо добрымъ: истина сія вѣчна. Гдѣ же она воздѣйствуетъ во всей силѣ, когда жизнь сія есть брань, гдѣ побѣда нерѣдко остается на противной сторонѣ? Судъ Бога нѣсть яко судъ человѣка. *Азъ* глаголетъ Господь, *Азъ воздамъ комуждо по дѣломъ его* [3]). Есть Богъ, Богъ праведный. Воздаяніе добродѣтели въ руцѣ Его. Оно столь же нетлѣнно, какъ безсмертная душа; столь велико, сколь благъ мздовоздаятель Господь. Такъ мужъ исполненный небесныхъ надеждъ, совершивъ подвиги благіе, возлегаетъ съ веселіемъ на смертный одръ! Святая вѣра разсыпаетъ весь тотъ страхъ, отъ котораго не можетъ

[1]) Псал. 16.
[2]) Прем. Солом. 2, 3.
[3]) Іерем. 17, 10.

не содрогаться сердце, воображающее, кто есть Богъ, и какая къ Нему обязанность человѣка. Онъ оставляетъ память о себѣ въ имени и дѣлахъ, въ имени, написанномъ въ книгѣ вѣчнаго живота; въ дѣлахъ, увѣнчанныхъ небесною славою. Если память его можно по достоинству почтить на землѣ, то подражаніемъ жизни его, взирая на кончину его. Добродѣтель не переселяется въ страну вѣчности, не напечатлѣвъ красными стопами на мѣстѣ бытія своего любезнѣйшихъ слѣдовъ.

Такъ!... И гдѣ почившаго нынѣ сего знаменитаго мужа, предлежащаго въ сей гробницѣ, въ семъ храмѣ, предъ очами нашими, гдѣ душа его не ознаменовала доброты своея? Священная память временъ отца отечества, Петра Великаго, есть началомъ бытія его, яко человѣка, и жизни его яко сына отечества: тридесять пятый годъ благословеннаго царствованія премудрыя Екатерины II, матери нашея, есть предѣломъ девятидесятилѣтняго теченія дней его. Сіи едины, толь великія, толь высокознаменитыя во вселенной эпохи, уже дѣлаютъ періодъ жизни его достопримѣчательнымъ. Но, при благородномъ сердцѣ, при нѣжномъ чувствованіи честнаго и похвальнаго, при свѣтѣ любомудрія божественнаго и человѣческаго, при мудромъ правленіи толь великихъ скипетровъ, стяжалъ онъ и по личнымъ достоинствамъ право на общее отъ всѣхъ уваженіе къ особѣ своей. Кто сидящаго на престолѣ человѣколюбія исполнилъ ревностно волю призрѣть на несчастныхъ сиротъ, повергаемыхъ на распутія?—Онъ. Кто во храмѣ художествъ, воздвигнутомъ мудростію, пекущеюся о просвѣщеніи подчиненныхъ, поспѣшествовалъ усердно намѣреніямъ ея, соблюлъ свято ея уставы?—Онъ. Кого великая монархиня, при изліяніи щедротъ своихъ на новое учрежденіе и распространеніе воспитанія благороднаго юношества обоего пола, удостоила быть правителемъ? — Его. Кому высочайше благоволила повѣрить смотрѣніе надъ сооруженіемъ памятника Петру Первому Екатерина Вторая? — Ему. Нева, гордясь красотою бреговъ, свидѣтельствуетъ о тщаніи его къ исполненію велѣній монаршихъ. — Его любовь къ человѣчеству не щадила иждивеній не болящимъ токмо подавая помощь, но самой природѣ, мучащейся рожденіемъ во свѣтъ безсильнаго младенца. Сколько воспитанниковъ запечатлѣли въ сердцѣ своемъ его благодѣянія! великая государыня благоволила, наконецъ, при многихъ знакахъ отличностей, украсить его собственнымъ его изображеніемъ: такъ онъ былъ подобенъ себѣ въ намѣреніяхъ, въ совѣтахъ, въ благоразуміи, въ некорыстолюбіи, въ вѣрности, въ любви къ отечеству и законамъ.

Боже праведный! Боже Спасителю! у Тебе мѣрило нашихъ дѣлъ. Къ Тебѣ, яко Создателю своему, восходитъ духъ, когда мерт-

венное жилище его разрушается. Тебѣ любезна добродѣтель: ибо Ты святъ; упокой душу раба Твоего, болярина Іоанна, вдѣже праведные водворяются.

Архіепископъ Анастасій [1]).

Рѣчь Императору Александру I — на коронованіе Его.

Итакъ сподобилъ насъ Богъ узрѣть Царя своего вѣнчанна и превознесенна! Что же теперь возглаголемъ мы, что сотворимъ, о Россійстіи сынове! Возблагоримъ ли Вышнему Царю Царей за таковое о любезномъ Государѣ нашемъ и о насъ благоволеніе? И мы благодаримъ всеусерднѣйше. Возслемъ ли къ Нему моленія, да добротѣ сей подастъ силу? И мы молимъ Его всею вѣрою нашею. Принесемъ ли что-либо въ даръ Господу? И Онъ благихъ нашихъ не требуетъ; а и сей самый вѣнецъ, и скипетръ, и державу, и Россію, и всѣхъ насъ сердца и утробы приносимъ Ему, и вручаемъ Ему. Привѣтствовать ли Ваше Императорское Величество съ симъ облеченіемъ славы? И мы привѣтствуемъ всеподданнѣйше. Изъявлять ли намъ Вашему Величеству свое усердіе в вѣрность? И мы то свидѣтельствуемъ предъ лицемъ неба и земли, предъ лицемъ сего алтаря, и предъ лицемъ Бога и Ангеловъ Его. Пожелать ли Вашему Императорскому Величеству счастливаго и долголѣтняго царствованія? О! забвенна буди десница наша, аще не всегда будемъ оную воздѣвать къ небесамъ въ жару моленій нашихъ. Молиться ли, да Богъ самъ управляетъ Тобою, просвѣщая мысль и удобряя сердце? О! прильпни языкъ нашъ къ гортани нашей, аще на что другое онъ будетъ обращенъ, а не на таковыя токмо моленія. Пасть ли намъ предъ престоломъ величества Божія, да, находя въ Монархѣ своемъ чадолюбиваго отца, будемъ мы къ Нему привержены любовію, яко чада? И мы падаемъ и громко предъ Нимъ вопіемъ: Премудрый художникъ! мы предъ Тобою бреніе; сотвори изъ бренія сего сосуды не въ безчестіе, но сосуды въ честь. Таковымъ образомъ, многоразличныя обращая въ сердцахъ чувствія, усматриваніемъ вѣчто, особаго вниманія и озабочиванія достойное.

Вселюбезнѣйшій Государь! сей вѣнецъ на главѣ Твоей есть слава наша: но Твой подвигъ. Сей скипетръ есть нашъ покой: но Твое бдѣніе. Сія держава есть наша безопасность: но Твое попеченіе. Сія порфира есть наше огражденіе: но Твое ополченіе. Вся сія утварь царская есть намъ утѣшеніе: но Тебѣ бремя.

Бремя по истинѣ и подвигъ! Предстанетъ бо лицу Твоему про-

---

[1]) Род. 1761, ум. 1806.

стравнѣйшая въ свѣтѣ имперія, каковую едва ли когда видѣла вселенная, и будетъ отъ мудрости Твоея ожидать во всѣхъ своихъ членахъ и во всемъ тѣлѣ совершеннаго согласія и благоустройства. Узриши сходящіе съ небесъ вѣсы правосудія, со гласомъ отъ Судіи неба и земли: да судиши судъ правый, и вѣсы Его да не уклониши ни на шуее, ни на десное. Узриши въ лицѣ благаго Бога сходящее къ Тебѣ милосердіе, требующее, да милостивъ будеши къ вручаемымъ Тебѣ народамъ. Достигнутъ бо престола Твоего вдовицы, и сироты, и бѣдные, утѣсняемые во зло употребленною властію, и лицепріятіемъ и мздоимствомъ лишаемые правъ своихъ, и вопить не престанутъ, да защитиши ихъ, да отреши ихъ слезы, да устроиши ихъ вездѣ проповѣдывать Твою промыслительную державу. Предстанетъ и само человѣчество въ первородной своей и нагой простотѣ, безъ всякаго отличія порожденій и происхожденій: взирай, возопіетъ, общій отецъ! на права человѣчества: мы равно вcѣ чада Твои. Никто не можетъ быть предъ тобою извергомъ, развѣ утѣшитель человѣчества в подымающій себя выше предѣловъ его. Наконецъ благочестію твоему предстанетъ и Церковь, сія мать, возродившая насъ духомъ, облеченная въ одежду, обагренную кровію Единороднаго Сына Божія. Сія августѣйшая дщерь неба хотя довольно для себя находитъ защиты въ единой главѣ своей, Господѣ нашемъ Іисусѣ Христѣ, яко огражденная силою креста Его, но и къ Тебѣ, Благочестивѣйшій Государь, яко къ первородному сыну своему, прострѣтъ она свои руки, и, ими объявъ Твою любезнѣйшую выю, умолять не престанетъ: да сохраниши залогъ вѣры цѣлъ и невредимъ, да сохраниши не для себя токмо, но паче да явиши собою примѣръ благочестія, в тѣмъ да заградиши нечестивыя уста вольнодумства и да укротиши злой духъ суевѣрія и невѣрія.

Но съ Ангелами Божіими не усомнятся предстать и духи злобы. Отважатся окрестъ престола Твоего пресмыкатися и ласкательство, и клевета, и пронырство, со всѣмъ своимъ злымъ порожденіемъ, и дерзнутъ подумать, что аки-бы подъ видомъ раболѣпности можно имъ возобладать Твоею прозорливостью. Откроетъ безобразную главу свою мздоимство и лицепріятіе, стремясь превратить вѣсы правосудія. Появится безстыдво и роскошь, со всѣми видами нечистоты, къ нарушенію святости супружествъ и къ пожертвованію всего единой плоти и крови въ праздности и суетѣ.

При таковомъ злыхъ полчищъ окруженіи, обымутъ Тя истина и правда, и мудрость и благочестіе, и будутъ, охраняя державу Твою, вкупѣ съ Тобой желать и молить: да воскреснетъ въ Тебѣ Богъ, и расточатся врази Твои.

Се подвигъ твой, Державнѣйшій Государь! се брань, требующая, да препояшеши мечъ Твой по бедрѣ Твоей, о Герой! и на-

ляцы, и успѣвай, и царствуй, и наставитъ Тя дивно десница Вышняго.

Дивно глаголемъ; ибо отъ всего того предохранить себя, все то превозмочь, все управить въ мирѣ и благоустройствѣ, требуетъ силъ болѣе, нежели человѣческихъ. Почему судя о Тебѣ, хотя превознесенномъ паче всѣхъ человѣкъ, но яко о человѣкѣ, и должны бы мы свои радости и восторги торжественные въ своихъ предѣлахъ удержать.

Удержать,—но что же означаетъ сіе, днесь надъ Тобою совершившееся, дѣйствіе? Состоитъ ли оно въ одной наружности? составляетъ ли только одинъ простой обрядъ? Ахъ, нѣтъ! О Давидѣ, егда избранъ онъ былъ Богомъ въ царя Израилю и святымъ елеемъ помазанъ, слово Божіе гласитъ: *и ношашеся Духъ Господень надъ Давидомъ отъ того дне и потомъ.* Сіе Духа Господня пошеніе въ день сей осѣнило и освятило главу Твою. Не тщетны желанія всея Россіи; не тщетны моленія всея Церкви. Призираетъ Господь на молитву смиренныхъ и не уничижитъ моленія ихъ.

Да и самое души Твоея расположеніе привлекаетъ таковое призрѣніе Господне; ибо точно можемъ мы о Тебѣ, Государь! то же сказать, что сказано о помазанникѣ Давидѣ: *и Давидъ красенъ, добръ очами, и благъ взоромъ Господеви.* Что само по себѣ не толико-бъ было важно, ежели-бъ оно не было точнымъ знаменіемъ Твоея красоты душевныя, доброты мыслей и благости сердечныя.

Итакъ, великодушнѣйшій Государь, симъ укрѣпися и ободрися! Съ такою помощію небесною, съ таковымъ дарованнымъ Тебѣ духомъ Владычнимъ, подвигъ Твой будетъ удобенъ, бдѣніе Твое будетъ сладостно, попеченіе Твое будетъ успѣшно, бремя легко, и ополченіе Твое будетъ побѣдительно и торжественно.

Но се! и еще подаетъ Тебѣ Богъ своего о державѣ Твоей промышленія печать видимую. Вложилъ Онъ въ сердце Вашему Императорскому Величеству, да и любезнѣйшую свою Супругу, Ея Императорское Величество, сотворити участну своея чести и славы вѣнчанія и помазанія. Сіе сходственно съ уставомъ Предвѣчнаго. Когда священный супружества союзъ совокупилъ Васъ во-едино, и когда уставлено Богомъ быти женѣ помощницею своему мужу, то и честь ихъ должна быть нераздѣльна. Благоразуміе-же и добродѣтели Ея Величества оправдаютъ благую всѣхъ насъ о Ней надежду; конечно оправдитъ она слово Господне, дабы быть вѣрною Вашему Величеству въ понешіи общественнаго бремени помощницею.

Видя таковымъ образомъ отвсюду ограждена и укрѣпленна Тебе, великій Государь, и радуемся, и торжествуемъ, и привѣтствуемъ, и благодаримъ Господа, и вопіемъ: *Благословенъ Господь,*

яко посѣти и сотвори избавленіе людемъ своимъ, и вознесе рогъ Христа своего!

Но прежде всѣхъ и паче всѣхъ да возрадуется душа Твоя, Благочестивѣйшая Государыня Императрица Марія Ѳеодоровна, о благословенномъ плодѣ чрева Твоего! О коль сладостенъ, коль питателенъ для насъ есть сей плодъ Твой! Святая Твоя кровь течетъ по жиламъ Его, в все, что въ ней есть животворное и добротное, сообщено и Ему. Давно Апостолъ провозгласилъ: аще корень святъ, то и вѣтви. Корень вѣтви оживляетъ, а вѣтви корень украшаютъ. Не есть-ли сіе въ сердцѣ Твоемъ, Благочестивѣйшая Государыня, живоноснымъ источникомъ полныя радости? Ежели какая была и есть въ душѣ Твоей скорбь: не доволенъ ли источникъ сей оную усладить? Ежели какія бурныя тучи помрачили мысль Твою: сіе возсіявшее отъ Тебя свѣтило не довольно ли разогнать весь мракъ сей? Итакъ видя днесь, яко матерь Соломонова, Сына своего вѣнчанна и превознесенна, возрадуйся и возвеселися и возблагодари Господу, столь милостиво Тя посѣтившему. А мы всѣ вкупѣ, со всею Россіею, вослѣдуя Тебѣ, яко ликовачальницѣ Маріамѣ, ударяя въ тимпаны и кимвалы нашихъ сердецъ, предъ священнѣйшимъ лицемъ Боговѣнчаннаго Монарха нашего взыграемъ и воспоемъ, и услышано будетъ до послѣднихъ земли: съ нами Богъ! разумѣйте языцы и покоряйтеся! могущія покоряйтеся! Аще бо паки возможете, и паки побѣждени будете, яко съ нами Богъ!

Митроп. Платонъ.

Слово при совершеніи годичнаго поминовенія по воинахъ, на брани Бородинской животъ свой положившихъ.

Смерть есть общій всѣхъ человѣковъ жребій. Но умереть за вѣру и царя, за отечество, есть подвигъ, исполненный безсмертія и славы. Герой, вооружающійся для защищенія святыни имъ почитаемой, ради опасенія соплеменныхъ своихъ, любезенъ и великъ предъ очами Божіими и человѣческими, — *и память его во благословеніихъ* [1]).

Какая брань можетъ сравниться съ тою ужасною бранію, которая въ сей день Россійскихъ воиновъ покрыла славою на поляхъ Бородинскихъ? Гордый и ненасытный завоеватель кровавый мечь свой внесъ уже во внутренность отечества нашего, уже разрушилъ древнюю твердыню, уже достигъ предѣловъ той счастливой области, гдѣ возноситъ златые верхи свои первопрестольная, величествен-

[1]) Іисуса сына Сирах. гл. 45, ст. 1.

ная, священная столица Россійской державы. Восхищенный успѣхами, онъ воскликнулъ: еще шагъ, — и Москва падетъ къ ногамъ нашимъ. Но что жъ? — Посѣдѣвшій во бранехъ вождь противопоставляетъ ему собственную опытность, благоразуміе и мужество; противопоставляетъ вѣрность и храбрость воиновъ, имъ предводительствуемыхъ. Засверкали мечи, загремѣли громы, восколебался воздухъ, потряслися сердца горъ: *крѣпкая Моавля пріять трепетъ.* Самый врагъ, который заставлялъ все трепетать передъ собою, вострепеталъ, и неустрашимый устрашился, и непобѣдимый отчаялся въ побѣдѣ. Вселенная, взирая на сіе кровавое позорище, познала могущество и храбрость Россовъ; гадая, она рекла въ сердцѣ своемъ: рано-ли, поздно-ли, кроткій Давидъ побѣдитъ гордаго Голіафа. Поля Бородинскія! откуда безчисленные холмы сіи, которые доселѣ не покрывали васъ? Не могилы ли избіенныхъ враговъ, стремившихся разрушить Россійское царство, и подъ развалинами оныхъ погребсти блаженство наше? Чѣмъ наполнены пространныя нѣдра ваши? Не костями-ли злодѣевъ нечестивыхъ, хотѣвшихъ истребить вѣру отецъ нашихъ? *Тьмы темъ падоша иноплеменныхъ, и сокрушишася оружія бранная* [1]).

Но ахъ! въ семъ, то ль славномъ для воинства нашего сраженіи, сколь великія потери претерпѣли мы сами? Сколько погибло опытныхъ и мощныхъ людей? Сколько благороднаго дворянства еще въ цвѣтѣ юности, подобно нѣжной розѣ, увяло отъ громовъ сей кровопролитной брани? Сколько пало или уязвлено искусныхъ и мужественныхъ вождей? — Храбрый Багратіонъ! и твои геройскіе подвиги кончились на поляхъ Бородинскихъ!

Православные воины, положившіе животъ свой за вѣру, за царя, за отечество! кіими похвальными вѣнцы увяземъ васъ? Какія почести воздадимъ безсмертнымъ подвигамъ вашимъ? Какую жертву благодаренія и признательности принесемъ? — Защитники церкви и отечества, *возлюбленніи и прекрасніи, неразлучни въ вѣрѣ и вѣрности, благолѣпни въ животѣ своемъ, и въ смерти своей не разлучистеся, паче орловъ легцы, и паче львовъ крѣпцы* [2]). Такъ, пали они отъ ударовъ врага, но гласъ крове ихъ, яко гласъ крове Авелевой, возопіялъ отъ земли, умоляя Господа силъ о отмщеніи. Такъ, ихъ пламенное рвеніе и мужество не увѣнчались желаннымъ успѣхомъ, и сынъ нечестія плѣнилъ столицу; съ мечемъ и пламенникомъ вошелъ въ достояніе Господне, и осквернилъ храмъ святый Его, но силы его уже были ослаблены, лукъ преломленъ, щитъ сокрушенъ. Пораженные врагомъ положили начало того ужаснаго по-

[1]) 2 Кн. Царствъ, гл. 1, ст. 27.
[2]) 2 Кн. Царствъ, гл. I, ст. 23.

раженія, которое ожидало его самого. Среди пламени, пожиравшаго градъ сей, смущаемый страхомъ, терзаемый злобою, онъ, яко Каинъ, трясся и трепеталъ. Наконецъ, гонимый свыше, предался постыдному бѣгству; — и вои его, колесницы, тристаты его, погрязли въ пучинахъ снѣжныхъ. *Кто Богъ велій яко Богъ нашъ? Ты еси Богъ творяй чудеса!* [1]).

И такъ много потеряло отечество во брани сей: но можно ли цѣнить то, что оно пріобрѣло? Сею жестокою битвою спасена цѣлость государства, сохранено величіе и слава народа, возвращена безопасность и тишина, и гордый Фараонъ позналъ, что Россіяне суть языкъ избранный, людіе Божіи, и Россія есть страна, покровительствуемая Небомъ.

Сколь убо ни велики потери наши, утѣшимся, прекратимъ стенанія, отремъ слезы! — Но ахъ, нѣжная супруга! гдѣ отецъ милыхъ дѣтей твоихъ? Онъ не возвращался еще съ полей Бородинскихъ. Онъ тамъ; и дѣти твои сироты. Онъ тамъ;—да почіетъ съ миромъ прахъ его! Мы разлучилась съ нимъ на вѣки, но любовь его къ тебѣ и дѣтямъ прешла съ нимъ вѣчность. Небесный Отецъ будетъ отцомъ сиротъ твоихъ и утѣшителемъ тебя самой. Отецъ отечества, помазанникъ Господень, призритъ на насъ окомъ Своея всеобъемлющія благости, и милостями Своими усладитъ горести наши. Сердобольные родители! и вашъ сынъ палъ среди кровавой брани: оплачьте его; но вмѣстѣ и утѣшьтесь тою вѣрою, въ которой вы сами наставляли и утверждали его и словомъ и примѣромъ. Онъ убитъ еще въ цвѣтѣ юности; но онъ довольно жилъ для отечества, довольно для чести своей и вашей. Онъ не достигъ высшихъ и знаменитыхъ почестей; но вѣнецъ страдальческій уготованъ ему въ небеси. Онъ не наслѣдуетъ достоянія вашего, но получитъ наслѣдіе Іисусъ Христово. Святая церковь не престанетъ молить Господа, какъ о немъ, такъ и о всѣхъ сподвижникахъ его; да воздастъ имъ за временные труды и язвы животъ вѣчный и блага вѣчныя, да пролiетъ имъ источники блаженства небеснаго, и увѣнчаетъ славою у Себе самого.

Земля отечественная! храни въ нѣдрахъ своихъ любезные остатки поборниковъ и спасителей отечества; не отяготи собою праха ихъ; вмѣсто росы и дождя, окропятъ тебя благодарныя слезы сынов Россійскихъ. Зеленѣй и цвѣти до того великаго и просвѣщеннаго дне, когда возсіяетъ заря вѣчности, когда солнце правды оживотворитъ вся сущая во гробѣхъ. — Аминь.

Архіепископъ Августинъ [2]).

[1]) Псал. 76, ст. 14 и 15.

[2]) Виноградскій, архіеписк. Московскій (1766 — 1819)

Слово о безсмертіи души [1]).

Тече ко гробу, и приникъ видѣ ризы едины лежаща. Лук. XXIV, 12.

Евангеліе, повѣствуя о воскресеніи Господа Іисуса, излагаетъ между прочимъ сіи обстоятельства, что камень отъ гроба Его былъ отваленъ Ангеломъ, котораго сошествіе для сего съ неба сопровождаемо было землетрясеніемъ; что жены Мироносицы нашли сей гробъ открытымъ; что Петръ, и послѣ него Іоаннъ, посмотрѣвъ во гробъ, увидѣли лежащія ризы Господа, то есть, плащаницу, которою при погребеніи обвито было тѣло Его, сударь, или платъ, который былъ на главѣ Его, и, вѣроятно, препоясаніе, которое было на Немъ во время Его распятія. *Петръ же воставъ тече ко гробу, и приникъ видѣ ризы едины лежаща.*

Что значитъ, что Евангельское повѣствованіе такъ занимается ризами Господа, которыя уже не нужны Воскресшему? Что значитъ, что и Воскресшій оставилъ и сохранилъ ризы Свои во гробѣ, чтобы ихъ видѣли? — Сіе значитъ то, что и ризы Господа долженствовали быть въ числѣ свидѣтелей Его воскресенія. Если скажутъ Іудеи, что тѣло Господа украдено учениками; если бы самые ученики подумали, какъ на время думала Магдалина, что тѣло Господа перенесено кѣмъ-то: ризы Его вопіютъ противъ клеветниковъ, и вразумляютъ погрѣшающихъ. Время ли похищающему тѣло развивать съ него плащаницу и сударь, и опять свивать ихъ, и укладывать порознь въ порядкѣ? Какая нужда переносящему тѣло погребенное, обнажать оное, когда напротивъ и обнаженное одѣть надлежало, какъ для удобнѣйшаго перенесенія, такъ и сообразно съ мнѣніемъ Іудеевъ о прикосновеніи къ мертвымъ? Такимъ образомъ и безжизненныя ризы Господа проповѣдывали Его воскресеніе.

И мы, собравшіеся здѣсь нынѣ, притекли ко гробу Христова служителя и подражателя. И сей гробъ открытъ въ слѣдствіе потрясенія, которое трудно вообразить сбывшимся безъ содѣйствія руки Ангельской: ибо древяный храмъ, подъ которымъ нѣсколько десятилѣтій скрытъ былъ гробъ сей, внезапно палъ во время священнослуженія, но симъ паденіемъ никто не пораженъ, а только данъ случай къ открытію гроба сего. И что видимъ мы въ открытомъ гробѣ семъ? Не погрѣшимъ, если скажемъ, что видимъ ризы лежаща, не ризы тѣла, но самое тѣло видимъ, какъ ризы только, какъ облаченіе безсмертнаго духа, которое онъ оставилъ здѣсь, восходя въ жизнь небесную; видимъ ризы, лежащія благочинно, не по-

[1]) Произнесено въ день Воскресный и Святителя Алексія.

верженныя и не раздранныя, то есть, видимъ тѣло, не подверженное тлѣнію и разрушенію, но невредимо и мирно почивающее.

Что же значитъ, что подражатель Христу въ жизни, подражаетъ Ему и по смерти въ томъ, что и гробъ свой открытый, и нетлѣнную ризу плоти своея видимую, намъ представляетъ? — Какъ безмолвныя ризы Господа возвѣщали Его воскресеніе: такъ безмолвные нетлѣнные останки сего подражателя Христова, не какъ неизвѣстное возвѣщаютъ, но какъ въ суетѣ настоящей жизни не рѣдко забываемое, приводятъ намъ на память будущее наше воскресеніе.

О безсмертіи души человѣческой и о будущемъ воскресеніи самаго тѣла человѣческаго если бы надлежало говорить къ незнающимъ: то, для составленія понятія о безсмертіи, можно было бы обратить вниманіе на самое существо и естество того, что въ человѣкѣ живетъ, и что умираетъ. То, что̀ видимъ умирающимъ, есть видимое, грубое тѣло, — а то, что живетъ въ человѣкѣ, есть невидимая, тонкая сила, которую обыкновенно называемъ душею. Тѣло само изъясняетъ свою смертность, поелику очевидно на части дѣлится, разрушается: душа не только не показываетъ въ себѣ никакихъ признаковъ дѣлимости, разрушимости, но являетъ совершенно противоположное тому свойство въ способности разсужденія, которая раздѣленныя понятія о вещахъ представляетъ въ нераздѣльномъ и неслiянномъ единствѣ, никакъ несовмѣстномъ со свойствами дѣлимаго вещества. Тѣло еще въ продолженіи жизни умираетъ, и конечно нѣсколько разъ, по частямъ, ежедневно отдѣляя отъ себя часть своего вещества мертвую: между тѣмъ душа, во все продолженіе жизни, чувствуетъ въ себѣ одно постоянное бытіе. Тѣло участвуетъ въ жизни, какъ бы по неволѣ, будучи приводимо въ движеніе силою души, и всегда болѣе или менѣе тяготя ее своею лѣностію: душа и въ то время, когда дѣятельность тѣла воспящается сномъ или болѣзнію, продолжаетъ свою, независимую отъ тѣла, жизнь и дѣятельность.

Свидѣтелями безсмертія души человѣческой можно бы поставить лучшую, и наибольшую часть рода человѣческаго, и цѣлые народы, отъ наиболѣе просвѣщенныхъ до наименѣе образованныхъ, такъ что въ семъ случаѣ самыя заблужденія могутъ нѣкоторымъ образомъ свидѣтельствовать о истинѣ. Сколь ни чувственны понятія о будущей жизни у послѣдователей Магомета; сколь ни грубы сказанія объ оной у язычниковъ; сколь ни поразительна власть духа тьмы и злобы надъ нѣкоторыми изъ сихъ, у которыхъ почитается за добродѣтель живому отдать себя на сожженіе для умершаго; но и въ семъ превращеніи и смѣшеніи понятій и чувствованій, и въ семъ преобладаніи скотскихъ и звѣрскихъ свойствъ надъ человѣческими, еще, какъ искра въ грудѣ пепла, не совсѣмъ угасла исти-

на, та истина, что послѣ настоящей есть для человѣка жизнь будущая. Если древніе, или новые, Саддукеи силятся отвергать сію истину: то потому только, что она препятствуетъ имъ быть Саддукеями, то есть, безпечно наслаждаться чувственными удовольствіями: поелику мысль о безсмертіи требуетъ и смертной жизни, сообразной съ будущею безсмертною.

Можно бы, для удостовѣренія будущей жизни человѣка, заставить говорить даже безсловесную и безжизненную природу. Ибо въ цѣломъ мірѣ нельзя найти никакого примѣра, никакого признака, никакого доказательства уничтоженія какой бы то ни было ничтожной вещи; нѣтъ прошедшаго, которое бы не приготовляло къ будущему; нѣтъ конца, который бы не велъ къ началу; всякая особенная жизнь, когда сходитъ въ свойственный ей гробъ, оставляетъ въ немъ только прежнюю, обветшавшую одежду тѣлесности, а сама восходитъ въ великую, невидимую область жизни, дабы паки явиться въ новой, иногда лучшей и совершеннѣйшей одеждѣ. Солнце заходитъ, чтобы взойти опять; звѣзды утромъ умираютъ для земнаго зрителя, а вечеромъ воскресаютъ; времена оканчиваются и начинаются; умирающіе звуки воскресаютъ въ отголоскахъ: рѣки погребаются въ морѣ и воскресаютъ въ источникахъ; цѣлый міръ земныхъ прозябеній умираетъ осенью, а весною оживаетъ; умираетъ въ землѣ сѣмя, воскресаетъ трава или древо; умираетъ пресмыкающійся червь, воскресаетъ крылатая бабочка; жизнь птицы погребается въ бездушномъ яйцѣ, и опять изъ него воскресаетъ. Если твари низшихъ степеней разрушаются для возсозданія, умираютъ для новой жизни: человѣкъ ли, вѣнецъ земли и зеркало неба, падетъ во гробъ для того только, чтобы разсыпаться въ прахъ, безнадежнѣе червя, хуже зерна горчицы?

Можно бы еще отъ внѣшнихъ вещей обратить человѣка въ глубину сердца его, и тамъ дать услышать ему предвѣстіе о жизни по смерти. Все живущее на землѣ, кромѣ человѣка, по внушенію природы, печется только о настоящей жизни, кромѣ того случая, когда дѣйствуетъ предчувствіе жизни будущей, какъ на примѣръ, въ червѣ, который устрояетъ себѣ шелковый или паутинный гробъ, въ надеждѣ воскреснуть бабочкою: отъ чего происходитъ, что человѣкъ, даже тогда, какъ забываетъ о собственной будущей жизни, многое дѣлаетъ для, такъ называемаго, безмертія въ потомствѣ? Сіе стремленіе человѣческаго сердца не есть ли отрасль отъ корня истиннаго безсмертія, — отрасль неправильная, но обнаруживающая силу корня? — Также, всякое сердце человѣческое признаетъ, а чѣмъ оно благороднѣе, тѣмъ сильнѣе любитъ добро и правду, не смотря на то, что въ настоящей жизни добро и правда очень часто страждутъ отъ зла и неправды: откуда же происходитъ сіе глубокое въ

естествѣ человѣческомъ признаніе достоинства добра и правды, или совѣсть, если не отъ глубочайшаго, сокровеннаго ощущенія царства добра и правды, которое граничитъ съ настоящею жизнію посредствомъ гроба?

Но, можетъ быть, погрѣшаю я и въ томъ, что мимоходомъ говорю сіе предъ Христіанами, для которыхъ будущее воскресеніе не требуетъ никакихъ изслѣдованій и удостовѣреній, какъ дѣло вѣрнаго, засвидѣтельствованнаго и признаннаго опыта. *Аще бо вѣруемъ*, говоритъ Апостолъ Павелъ, *яко Іисусъ умре и воскресе, тако и Богъ умершія во Іисусѣ приведетъ съ Нимъ* (1 Сол. IV, 14). *Христосъ воста отъ мертвыхъ, начатокъ умершимъ бысть* (1 Кор. XV, 20). Если кто, имѣя сей опытъ воскресенія, вздумаетъ самъ себя затруднять сомнѣніемъ, какъ можетъ оно совершиться, когда образъ разрушенія многихъ умершихъ тѣлъ, по видимому, не оставляетъ мѣста для мысли о ихъ возобновленіи: тотъ же Апостолъ уполномочиваетъ меня не только разрѣшить сіе затрудненіе разсужденіемъ, основаннымъ на естествѣ извѣстныхъ вещей, но притомъ изъявить негодованіе за сомнѣніе, которое и вѣру оскорбляетъ, и разуму, его изобрѣтшему, чести не приноситъ. *Безумне, ты еже сѣеши, не оживетъ, аще не умретъ: и еже сѣеши, не тѣло будущее сѣеши, но голо зерно, аще случится, пшеницы, или иного отъ прочихъ: Богъ же даетъ ему тѣло, якоже восхощетъ, и коемуждо сѣмени свое тѣло* (1 Кор. XV, 36).

Думаю, что не изъяснять, или доказывать нужно намъ безсмертіе, воскресеніе и жизнь будущаго вѣка, но напоминать о сихъ важныхъ предметахъ, которые, какъ можно примѣчать, многихъ, въ продолженіи многаго времени, меньше занимаютъ, нежели самыя мелочи.

Апостолы называютъ себя свидѣтелями воскресенія (Дѣян. V, 32) Христова, хотя должность ихъ была свидѣтельствовать не о воскресеніи только, но и о всемъ ученіи Его. Такъ важною почитаютъ они истину воскресенія. И подлинно, какъ скоро учреждена сія истина, то симъ самымъ утверждена истина всего, что творилъ, и чему поучалъ Господь нашъ. Но какъ важна истина воскресенія Христова для вѣры: такъ истина воскресенія нашего важна для жизни. Какъ скоро утверждена сія истина: то симъ самымъ непоколебимо утверждены всѣ правила жизни святой и Богоугодной.

Да ямы и піемъ, утрѣ бо умремъ (1 Кор. IV, 32). Сіе правило, которое Апостолъ, отъ лица незнающихъ, или не хотящихъ знать воскресенія мертвыхъ, произнесъ въ поруганіе имъ, которое очень годилось бы для нравственной философіи безсловесныхъ, если бы они имѣли преимущество философствовать, въ самомъ дѣлѣ составило бы и у людей всю мудрость, всю нравственность, всѣ законы, если

бы удалить отъ нихъ мысль о будущей жизни. Тогда, не прогнѣвайся, ближній и братъ, если и ты сдѣлаешься пищею людей, которые любятъ ясти и пити: ибо если не стоитъ труда благоучреждать собственную жизнь, потому что утрѣ умремъ; то также не стоитъ труда щадить и жизнь другаго, которую завтра безъ остатка поглотитъ могила. Такъ забвеніе о будущей жизни ведетъ къ забвенію всѣхъ добродѣтелей и обязанностей, и превращаетъ человѣка въ скота или звѣря.

О человѣкъ, непремѣнно безсмертный, хотя бы ты о томъ не думалъ, хотя бы и не хотѣлъ того! Берегись забывать твое безсмертіе, чтобы забвеніе о безсмертіи не сдѣлалось смертоносною отравою и для смертной жизни твоей, и чтобъ забываемое тобою безсмертіе не убило тебя на вѣки, если оно тебѣ, не ожидающему его, и не готовому, внезапно явится.

Не говори отчаянно: *утрѣ умремъ*, чтобы необузданнѣе устремляться за наслажденіями смертной жизни: говори съ надеждою и страхомъ: утрѣ умремъ на землѣ и родимся или на небесахъ, или во адѣ; и такъ надобно поспѣшать, чтобы положить, надобно подвизаться, чтобы питать и укрѣплять въ себѣ начало къ небесному, а не къ адскому рожденію.

Что́ есть начало къ небесному рожденію? — Слово, и духъ, и сила воскресшаго Христа, который есть и наше воскресеніе и жизнь. Принимай сіе божественное сѣмя вѣчной жизни вѣрою; полагай оное въ сердцѣ любовію; углубляй смиреніемъ; согрѣвай молитвою и богомысліемъ; питай или напаяй слезами умиленія; укрѣпляй подвигами добродѣтели.

Чтобъ истребить въ себѣ плевельныя сѣмена жизни адской, и жить наконецъ чистою и полною жизнію воскресшаго: умирай всему, кромѣ его жизни, то есть, не дѣйствуй ни въ какомъ качествѣ, Ему противномъ; не живи міру и плоти, страстямъ и похотямъ; не прилагай сердца къ богатству; не возносись гордостію житейскою. Съ Павломъ имѣвай вся уметы быти, да Христа пріобрящешь, то есть, яже вѣрою Іисусъ Христовою, сущую отъ Бога правду, или праведность, въ вѣрѣ, еже разумѣти Его, и силу воскресенія Его, и сообщеніе страстей Его, сообразуяся смерти Его, дабы достигнуть въ воскресеніе мертвыхъ (Филип. III, 8—11). Если такъ поживешь и умрешь: то и ты, оставивъ въ гробѣ обветшавшія ризы земныя, получишь на небесахъ новыя, убѣленныя въ крови агнца, и въ день брака Его облечешься въ виссонъ чистъ и свѣтелъ: *виссонъ бо оправданія святыхъ есть* (Апок. XIX, 8). Аминь.

Митроп. Филаретъ [1]).

---

[1]) Современный намъ ораторъ, занимаетъ митрополію Московскую съ 1826 года. Род. 1782 года.

Слово противъ роскоши въ одеждѣ и убранствѣ [1]).

И о одежди, что печется? Смотрите кринъ сельныхъ, како растутъ: не труждаются, ни прядутъ. Глаголю же вамъ, яко ни Соломонъ во всей славѣ своей облечеся, яко единъ отъ сихъ. Матѳ. VI, 28, 29.

Можно предугадать, что говорено будетъ противъ излишнихъ попеченій объ одеждѣ и убранствѣ; и, можетъ быть, при сей догадкѣ, нѣкоторые уже помышляютъ, что сей предметъ слишкомъ малъ для того, чтобы занять вниманіе христіанскаго собранія, въ часъ, назначенный для спасительнаго ученія. Но излишества и въ малыхъ вещахъ не суть малости. Излишество въ пищѣ и питіи въ самомъ началѣ своемъ есть источникъ немощей и болѣзней, а въ своемъ продолженіи можетъ превратиться въ медленное самоубійство. Такъ и вредъ суетныхъ попеченій объ одеждѣ простирается отъ тѣла до души: это уже не малость!

Есть люди, у которыхъ сіи попеченія составляютъ не малую долю ежедневныхъ упражненій и похищаютъ великую часть времени, которое, все безъ остатка, нужно для пріобрѣтенія вѣчности: это ни какъ не малость! Кому, не смотря на сіе, поученіе объ одеждѣ и уборахъ кажется малостію: тотъ пусть помыслитъ, могъ ли величайшій подъ солнцемъ учитель учить малостямъ? Не слушайте, если не угодно, малыхъ людей, разсуждающихъ о малостяхъ: но вы не должны оставить безъ вниманія того, чему небесный Учитель насъ поучаетъ.

О одежди что печется? Смотрите кринъ сельныхъ, како растутъ: не труждаются, ни прядутъ. Глаголю же вамъ, яко ни Соломонъ во всей славѣ своей облечеся, яко единъ отъ сихъ.

Что такое одежда? Въ порядкѣ естественномъ средство для защищенія человѣческаго тѣла отъ разрушительнаго дѣйствія стихій; въ порядкѣ нравственномъ—защита стыдливости; въ порядкѣ гражданскомъ—искусственное прикрытіе членовъ тѣла, приспособленное къ отправленію того или другаго званія общественнаго, и вмѣстѣ отличительный знакъ званій, и степеней въ нихъ поставленныхъ. Хотя изъ сихъ понятій тотчасъ можно усмотрѣть, что попеченіями объ одеждѣ должны управлять необходимость, скромность, постоянство: впрочемъ, не остановимся на сихъ понятіяхъ, которыя болѣе показываютъ правильное употребленіе одежды человѣками и обществами, нежели ея происхожденіе и первоначаль-

[1]) Сказано въ недѣлю третію по пятьдесятницѣ.

ное назначеніе отъ Творца человѣковъ и обществъ человѣческихъ. Съ сего священнаго мѣста можно и должно видѣть далѣе, нежели обыкновенно видитъ міръ и его стихійная мудрость.

Возведите мысли ваши къ первымъ днямъ вселенныя, въ которые человѣческій родъ заключался въ одной четѣ, только вышедшей изъ рукъ Создателя въ совершенной чистотѣ и святости: вы не найдете тамъ никакого слѣда одежды. *Бѣста*, говоритъ книга Бытія, *оба нага, Адамъ же и жена его, и не стыдястася.* (Быт. II, 25). Можно даже сказать безъ противорѣчія свидѣтельству слова Божія, что они не были и наги, потому что не имѣли и не ощущали того недостатка, который мы называемъ наготою: подобно какъ тотъ не есть еще гладенъ, кто не принимаетъ пищи, но и не чувствуетъ въ ней нужды. Но вкусили прельщенные лукавымъ зміемъ отъ запрещеннаго плода, *и разумѣша, яко нази бѣша.* (Быт. III, 7). Вотъ начало наготы! *И сшиста листвіе смоковное, и сотвориста себѣ препоясанія.* (Быт. 3, 7). Вотъ происхожденіе одежды!

И такъ, что̀ есть одежда наша? Она есть произведеніе беззаконія; она есть обвязаніе грѣховной раны, и при томъ пустое, безъ цѣлебнаго елея; она есть слабое средство для кратковременнаго сохраненія осужденнаго тѣла отъ дѣйствія стихій, совершающихъ его казнь; она есть прикрытіе нравственнаго безобразія, содѣлавшагося естественнымъ; она есть защита отъ стыда тѣлесной наготы, изобрѣтенная обнаженнымъ въ совѣсти человѣкомъ; она есть видимый знакъ человѣка — преступника; она есть всеобщій и всегдашній трауръ, наложенный раскаяніемъ, по смерти первобытной непорочности; она есть знамя побѣды, которое нашъ врагъ выставилъ наружу, овладѣвъ нашею внутренностію. Что же дѣлаютъ тѣ, которые съ такою заботливостію наперерывъ стараются блистать красотою и великолѣпіемъ одеждъ? Едва ли что-нибудь болѣе, какъ только возобновляютъ и украшаютъ торжество древняго врага человѣческаго рода. Что̀ значитъ сія гордость, съ которою имѣющій на себѣ дорогую одежду едва удостоиваетъ взора покрытую вретищемъ или полураздѣтую нищету, сія ненасытимость, съ какою нѣкоторые со дня на день умножаютъ, сіе непостоянство, съ которымъ такъ часто перемѣняютъ уборы? Не есть ли сіе нѣчто подобное тому, какъ если бы больной вздумалъ тщеславиться множествомъ своихъ струповъ и красотою обвязаній; или, если бы рабъ, принужденный носить оковы, желалъ имѣть ихъ въ великомъ числѣ, и выработанныя съ разнообразнымъ искусствомъ?

Правда, Богъ нѣкоторымъ образомъ освятилъ то, что есть въ одеждѣ простѣйшаго и вмѣстѣ необходимѣйшаго. *И сотвори Господь Богъ Адаму и женѣ его ризы кожаны: и облече ихъ.* (Быт.

III, 21). Но чрезъ сіе самое вновь осуждается безразсудная заботливость о украшеніи тѣла. Если вещество, по наставленію самого Бога, употребленное для составленія одѣянія, было кожа: то для чего нѣкоторые или несчастными, или презрѣнными представляютъ себѣ тѣхъ, которые носятъ простой ленъ и грубую волну? Для чего намъ непріятно, если не на насъ прядетъ шелковой червь не для насъ земля раждаетъ злато, и море перла? Къ чему столь дѣтскія прихоти? Чего вамъ лучше и благолѣпнѣе той одежды, которую для васъ готовитъ самъ Богъ! Ибо можно сказать, что Онъ и для каждаго изъ насъ, какъ для Адама и его жены, творитъ потребныя ризы. Въ какой странѣ міра Онъ предопредѣляетъ намъ произойти на свѣтъ, въ той же и производитъ все, что, по качеству сея страны, потребно для тѣла нашего, и для снисканія того, что необходимо потребно, почти всегда довольно средствъ влагаетъ въ руки наши Его премудрый Промыслъ. Для чего же еще мы нерѣдко желаемъ, чтобы одежда наша превышала не только требованіе необходимости, но и приличіе нашего состоянія? Для чего иногда мы недовольны своими украшеніями потому только, что оныя не похищены у отдаленнѣйшихъ братій нашихъ? Посмотрите — такъ премудрость Божія постыждаетъ не только суетныя попеченія о излишнемъ, но и о потребномъ излишнія,—посмотрите на полевые цвѣты, какъ они растутъ: не прядутъ и не трудятся; а вы, маловѣры, мучите себя по произволу изыскиваемыми заботами о вашемъ одѣяніи: какъ будто Провидѣніе меньше занимается вами, нежели быліемъ, нынѣ цвѣтущимъ, а завтра увядающимъ, — и будто Оно забыло близъ васъ произвести для васъ потребное!

И какой же предметъ столь нетерпѣливыхъ заботъ? Нѣжная ткань, драгоцѣнные камни, чистое золото — пусть приложатъ къ сему исчисленію, что еще угодно, какъ все сіе мало и недостойно озаботить того, кто хотя мало размышляетъ! Не знаю, что можетъ давать золоту на вѣсахъ разумнаго человѣка такую же тяжесть, какъ и на вѣсахъ торжника, если это не есть тяжесть бѣдъ, которыми обременяетъ онъ родъ человѣческій. То, что называютъ лучшею водою въ камняхъ, не суть ли слезы несчастныхъ жертвъ, которыя живѣ, глубже мертвыхъ, погребаются въ мрачномъ чревѣ горъ, для извлеченія оттуда сихъ драгоцѣнныхъ бездѣлицъ? Лучшія произведенія искусныхъ рукъ могутъ ли составить чью-нибудь славу, кромѣ своего художника? И далеко ли простирается сія слава? Художникъ міра положилъ предѣлъ для тщеславія смертнаго искусства въ самыхъ обыкновенныхъ дѣлахъ природы. Посмотрите еще разъ на полевые цвѣты: Соломонъ, во всей славѣ своей, не облачался такъ, какъ послѣдній изъ нихъ, говоритъ истина.

Если вы, смотря на полевые цвѣты, не обрѣтаете въ себѣ мудрости пчелъ, дабы собрать съ оныхъ тонкій, духовный медъ; если зрѣлище природы не приноситъ вамъ наставленія, которое бы обратилось въ васъ въ силу и жизнь: изберите себѣ другое, высшее зрѣлище; возвысьте духъ вашъ, и воззрите не на образъ и тѣнь истины, но на самое лице ея, на красоту не созданную, на цвѣтъ совершенства; — воззрите, члены тѣла Христова, на Главу свою, и всмотритесь пристально, пристанутъ ли ей любимыя ваши украшенія? Какая несообразность! Глава во ясляхъ, на соломѣ; а члены хотятъ почивать на своихъ сѣдалищахъ и утопать въ одрахъ своихъ! Глава въ уничиженіи, въ нищетѣ; а члены только и помышляютъ о богатствѣ и великолѣпіи! Глава орошается кровавымъ потомъ; а члены умащаются и обливаются благовоніями! Со Главы падаютъ слезы; а члены жемчугъ осѣняетъ! Глава въ терніи; а члены въ розахъ! Глава багрѣетъ отъ истекшей крови, и смертною объемлется блѣдностію; а члены лукавымъ искусствомъ дополняютъ у себя недостатокъ естественной живости, — и, думая сами себѣ дать красоту, въ которой природа имъ отказала, превращаютъ живый образъ человѣческій въ изображеніе художественное! Глава то въ наготѣ, то въ одеждѣ поруганія, а члены любятъ покоиться подъ серебрянымъ виссономъ, подъ златымъ руномъ, или, вмѣсто наготы Распятаго, съ презрѣніемъ стыда и скромности, вымышляютъ себѣ одежду, которая бы не столько покрывала, какъ обнажала! Но, *да не возглаголютъ уста моя дѣлъ человѣческихъ* (Псал. XVI, 4)! Должно опасаться, чтобы не почтено было неблагопристойностію обличеніе обычаевъ, которымъ однакожъ послѣдовать неблагопристойностію не почитается.

Чтожъ? — спросятъ, вѣроятно, люди, болѣе желающіе избавиться отъ обличенія, нежели исправить обличаемое, неужели всѣ должны отвергнуть всякое благолѣпіе, и облечься въ рубища! — Нѣтъ, совопросники, *мудрые еже творити злая, благо же творити не познавшіе* (Іер. IV, 22)! Никто сего не требуетъ. Божественный учитель нашъ обличаетъ, а потому и насъ обязываетъ обличать только попеченія объ одеждѣ, и особенно излишнія, суетныя, пристрастныя. *О одежди что печетеся?* Впрочемъ, извѣстно, что и Самъ Онъ (безъ сомнѣнія, дабы не лишить утѣшенія и награды людей, служившихъ Его тѣлеснымъ потребностямъ) носилъ драгоцѣнный нешвенный хитонъ, который пожалѣли раздрать раздѣлявшіе ризы Его. Есть родъ и степень благолѣпія, и даже великолѣпія въ одѣяніи, который назначаетъ не пристрастіе, но благоприличіе, не суетность, но состояніе, не тщеславіе, но долгъ и обязанность. Но попеченія безъ конца, пышность безъ мѣры, расточеніе безъ цѣли, ежедневныя перемѣны уборовъ по-

тому только, что есть люди, которые имѣютъ низость заниматься изобрѣтеніями сего рода, и что слишкомъ много такихъ, которые имѣютъ рабскую низость подражать симъ дѣтскимъ изобрѣтеніямъ,— невѣроятная безразсудность! Безразсудность тѣмъ болѣе странная и нелѣпая, что, безъ сомнѣнія, многіе, виновные въ ней, признаютъ ее, и однакожъ не престаютъ вновь дѣлаться виновными въ ней! И пусть бы оставалась она безразсудностію: бѣдственно то, что ею порождаются и питаются беззаконія. Спросите, напримѣръ, нѣкоторыхъ, пришедшихъ въ сіе священное мѣсто не прежде начала, но уже въ продолженіи общественныхъ молитвъ и священнодѣйствія, спросите и сами себя, вы, съ которыми сіе случилось: какъ похищено сіе время у Бога и у души?—Окажется, что у нѣкоторыхъ оно посвящено было тѣлу, изъ котораго творили тогда кумиръ. Не видите ли, какъ явно мнимыя малости ваши обращаются въ оскорбленіе Великаго Бога?—Или посмотрите, какъ иногда на торжищѣ безъ вниманія проходятъ мимо нищаго, просящаго мелкой монеты на хлѣбъ насущный, и тысячи отдаютъ за ненужное украшеніе. Кто дерзнетъ сказать, что тутъ не нарушена любовь къ ближнему? Кто же не видитъ изъ сихъ немногихъ примѣровъ, какъ легко извиняемая міромъ суетность можетъ сдѣлать человѣка повиннымъ предъ обѣими скрижалями закона Божія?

Христіане! Какъ наслѣдники и будущіе возобновители рая, не облѣняйтесь исторгать изъ сердецъ вашихъ и малое быліе нечистыхъ страстей, дабы не умножились плевелы, и не возрасло терніе, и не было подавлено сѣмя Божественное. Лучше лишиться тысячи украшеній тѣла, нежели представить Всевидцу малѣйшее пятно въ душѣ и совѣсти. Ахъ! Хотя бы подъ рубищемъ, только бы сохранить то царственное облаченіе, о которомъ писано: *Елицы во Христа креститеся, во Христа облекостеся* (Гал. III, 28). Аминь.

Митроп. Филаретъ.

Бесѣда на Сырной недѣлѣ противъ невоздержанія.

Внемлите же себѣ, да не когда отягчаютъ сердца ваша объяденіемъ и піянствомъ и печальми житейскими, и найдетъ на вы внезапу день той. Лук. XXI, 34.

Приближающееся время поста призываетъ насъ къ воздержанію: и святая церковь сіи приготовительные къ оному дни расположила какъ степени, дабы по малу отъемля тучность пищи, и увеличивая трудъ молитвенный, возвести насъ къ совершенству поста и къ протяженнымъ подвигамъ покаянія и молитвы. Но въ сіе преддверіе святаго поста, которое мы проходимъ, безразсудный обычай

какъ много вводитъ противнаго воздержанію и трезвостн тѣлесной и духовной! Мнѣ кажется, сіе должно возбуждать въ насъ жалость и ревность, подобную ревности дома Божія, по которой Господь нашъ бичемъ изъ вервій изгналъ изъ преддверія храма продающихъ и покупающихъ, превращающихъ его въ домъ купли и въ вертепъ разбойниковъ. О, если бы Онъ помогъ и намъ малымъ бичемъ, сплетеннымъ изъ словесъ истины и цѣломудрія, если не совсѣмъ изгнать, то хотя нѣсколько укротить невоздержаніе, особенно неистовствующее при входѣ во святилище поста, и кромѣ сего нерѣдко угнетающее тѣла, опустошающее души, истощающее стяжанія, расхищающее добродѣтели, поглощающее способности!

Внемлите себѣ, глаголетъ Господь, *да не когда отягчаютъ сердца ваша объяденіемъ и піянствомъ*. Не излишнимъ ли теперь покажется нѣкоторымъ сіе предостереженіе, и не обиднымъ ли предполагаемое онымъ подозрѣніе, въ такихъ грубыхъ порокахъ? Не желаемъ никого подозрѣвать, ни обижать, но напоминаемъ вамъ, люди, по собственному мнѣнію, довольно умѣренные и трезвые, что сказанное предостереженіе первоначально далъ Господь избраннымъ ученикамъ Своимъ. Наставленіе, которое Петру, Іакову, Іоанну, Андрею не обидно было слышать, не можетъ быть для кого-нибудь изъ насъ ни оскорбительнымъ, ни излишнимъ.

То ли одно есть объяденіе, когда тѣло не вмѣщаетъ пищи? То ли одно пьянство, когда уже потоплевъ въ винѣ, и отягченной головы не можетъ носить тѣло? Если, въ чемъ не трудно удостовѣриться, настоящее назначеніе пищи и питія есть поддержаніе и возстановленіе тѣлеснаго состава, который непримѣтнымъ образомъ непрестанно снѣдаетъ тлѣніе, а вкусъ пищѣ и пріятность питію даны, какъ средства для сей цѣли: то каждый кусокъ пищи, сверхъ утоленія глада, снѣдаемый для вкуса, есть доля объяденія; каждый глотокъ питія, послѣ угашенія жажды и послѣ ободренія силъ, употребляемый для пріятности, принадлежитъ къ чашѣ піянства.

Что же суть наши столы, на которыхъ трудно перечесть различные роды пищи, трудно угадать ихъ составъ, трудно упомнить названія различныхъ родовъ питія? Не хитросплетенныя ли сѣти, которыя мы разставляемъ другъ другу, чтобы уловить въ объяденіе, хотя иногда тонкое, и въ піянство, хотя повидимому трезвое? И не примѣтишь, какъ перейдешь отъ яденія къ объяденію, какъ простое употребленіе питія превратится въ піянство. Надобно прилежно смотрѣть за собою. *Внемлите себѣ*.

Сколько различныхъ искуствъ, веществъ, орудій употребляетъ разумный человѣкъ для того, чтобы наполнить малое и несмысленное чрево! Какъ унижается разумъ, когда истощается въ изобрѣтеніяхъ, чтобы дань, ежедневно требуемая чревомъ, какъ неумолимымъ вла-

дыкою, была ему приносима, какъ можно въ бо́льшемъ изяществѣ, и была имъ пріемлема, какъ можно въ бо́льшемъ количествѣ! И какъ ругается надъ симъ раболѣпствующимъ разумомъ чрево, концемъ всѣхъ его заботъ о изяществѣ полагая нечистоту и смрадъ!

Восклонись, несчастный поклонникъ чрева, и если ты не можешь вдругъ выше себя возвести твоихъ очей, стань прямо передъ зеркаломъ и посмотри, не написанъ ли на самомъ тебѣ законъ противъ раболѣпства чреву? Не видишь ли, что выше чрева твоего есть грудь, въ которой живетъ сердце, желающее добра, чувствующее любовь, что надъ нею еще возвышается глава, въ которой царствуетъ умъ, созерцающій истину, разумъ мыслящій о вѣроятностяхъ; что подъ тою и другою, какъ бы подъ небомъ и землею адъ, низвержено темное чрево, не умѣющее ни мыслить, ни желать? Много ли нужно проницанія, чтобы примѣтить, что оно не владычествовать должно надъ высшими областями, но быть въ служеніи, въ порабощеніи, въ презрѣніи? Если, напротивъ, ты старaешься болѣе и болѣе угождать чреву въ томъ, чего оно слѣпо требуетъ, для него желаешь, для него вымышляешь: то берегись, чтобы оно не сдѣлалось у тебя сильнѣе и выше головы, и своею безобразною тяжестію не стало стѣснять и подавлять благороднѣйшихъ дѣйствій ума и сердца. *Внемлите себѣ, да не когда отягчають сердца ваша объяденіемъ и пьянствомъ.*

Подъ именемъ *сердца* Господь разумѣетъ вообще *внутренность* человѣка, что можно видѣть изъ Его собственнаго другаго изреченія, въ которомъ Онъ сіи слова соединяетъ, изъясняя одно другимъ: *извнутрь бо*, глаголетъ, *отъ сердца человѣка помышленія злая исходятъ.* И такъ подъ именемъ сердца, какъ внутренности вообще, въ изреченіи Господнемъ разумѣть должно духовныя силы человѣка съ ихъ дѣйствіями и совершенствами, въ особенности разумъ, силу хотѣть и способность познавать. Смотрите, на что наконецъ можетъ обрушиться подавляющая тяжесть пресыщеннаго чрева. *Внемлите себѣ, да не когда отягчаютъ сердца ваша.*

Мы не примѣчаемъ,—скажутъ, можетъ быть, чтобы люди менѣе другихъ воздержные въ пищѣ и питіи, менѣе потому пользовались способностью разума и силою воли. Не спорю, что нѣкоторые изъ нихъ даже лучше другихъ пользуются способностію разума, чтобы понимать и изобрѣтать тонкости удовольствій для чувствъ и воображенія, и сильнѣе другихъ влекутся къ опымъ желаніями. Духъ такихъ людей носится, какъ паръ надъ теплыми яствами, и немного выше. Но когда надобно возвести мысль и сердце горѣ, выше сихъ видимыхъ небесъ, которыя хотя и тонки, но суть тѣлесны, и потому еще ниже области, свойственной духу чистому; когда надобно устремить желаніе къ Богу: тогда оказывается, что

пресыщеніемъ отягченное чрево, какъ гиря виситъ подъ крилами духа, и тянетъ его къ землѣ, такъ что, при всѣхъ усиліяхъ, онъ болѣе бьется о землю, нежели возлетаетъ къ небу. Животныя многопищныя и тучныя не могутъ бѣгать такъ скоро, какъ малопищный елень: подобно сему чревоугодникъ не можетъ быть такъ дѣятеленъ и благоуспѣшенъ въ подвигахъ, какъ воздержный.

Вы знаете, что человѣкъ палъ: но какъ? Не отягченное ли запрещеннымъ плодомъ чрево низринуло его изъ блаженнаго рая на несчастную землю? Отягчай оное болѣе, и оно низвлечетъ тебя съ земли въ глубину ада. Подлинно, что́ ниспровергнуло Содому столь ужаснымъ образомъ? — *Гордость*, отвѣтствуетъ Пророкъ, *въ сытости хлѣба, и въ изобиліи вина; и сластолюбствоваша та, и дщери ея: сіе бяше ей, и дщеремъ ея* (Іез. XVI, 49).

Подобнымъ, но еще болѣе ужаснымъ, бѣдствіемъ угрожаетъ Господь чревоугодникамъ. *Найдетъ*, говоритъ, *на вы внезапу день той.* Какой день? — День, котораго малый образъ, только предвѣщаніе показано было въ грозный день Содомы,—день, который угрожаетъ не одному, или нѣсколькимъ роскошнымъ и сладострастнымъ городамъ, но цѣлой вселенной, который заставитъ *издыхать человѣковъ отъ страха и чаянія грядущихъ на вселенную*, въ который *пріидетъ Господь во тьмахъ святыхъ Ангелъ своихъ, сотворити судъ о всѣхъ дѣлѣхъ нечестія ихъ, ими же нечествоваша.* (Іер. XIV, 15). Господь неоднократно внушаетъ намъ, что сей страшный день особенно нечаянно постигнетъ тѣхъ, которые преданы невоздержанію, роскоши, попеченіямъ о выгодностяхъ и пріятностяхъ жизни. *Якоже бо*, говоритъ, *бѣху во дни прежде потопа, ядуще и піюще, женящеся и посягающе, до негоже дне вниде Ное въ ковчегъ; и не увѣдѣша, дондеже пріиде вода и взятъ вся: тако будетъ и пришествіе Сына человѣческаго* (Матѳ. XXIV, 38, 39). И еще говоритъ: *якоже бысть во дни Лотовы: ядяху, піяху, куповаху, продаяху, саждаху, здаху; въ оньже день изыде Лотъ отъ Содомлянъ, одожди камыкъ горящь и огнь съ небесе, и погуби вся: по тому же будетъ и въ день, въ оньже Сынъ человѣческій явится* (Лук. XVII, 28, 30).

По истинѣ, людямъ, которыхъ гортань отверзается не для того, чтобы воспѣвать славу Божію, или изрекать предъ Богомъ желанія сердца, но для того, чтобы, подобно гробу, поглощать и обращать въ тлѣніе все, что́ лучшаго живетъ и растетъ на землѣ; которые проводятъ половину жизни въ трудѣ обременять свое чрево, а другую въ трудѣ влачить сіе бремя; у которыхъ вино волнуетъ кровь и отуманиваетъ голову: — гдѣ имъ помышлять о дѣлахъ небесныхъ, прозирать въ сокровенныя судьбы Божіи, вникать въ словеса Пророческія, примѣчать знаменія временъ, стоять на стражѣ въ ожи-

данія грядущаго царствія Божія, которое совсѣмъ не по нихъ, поелику оно *не есть брашно и питіе?*

Но вотъ что еще особенно страшно: сія преобладающая роскошь, сіе не помнящее Бога и себя невоздержаніе, не только могутъ быть внезапно постигнуты судомъ и поражены правосудіемъ Божіимъ, но и составляютъ, по словамъ Господнимъ, одно изъ предваряющихъ обстоятельствъ, и какъ бы преддверіе сего страшнаго суда. *Отягчаютъ сердца ваша объяденіемъ и піянствомъ, и найдетъ на вы внезапу день той.* Чтó же должны мы подумать, когда видимъ, что и богатый и бѣдный, дома и въ корчемницѣ, рано и поздно, наперерывъ работаютъ чреву, что чрево поглощаетъ обширныя стяжанія и наслѣдія; что люди, которые съ трудомъ пріобрѣтаютъ насущный хлѣбъ, необильные плоды своего труда и пота истощаютъ на излишества и невоздержаніе, грубое или утонченное, на прихоти не требуемыя и не знаемыя природою; что провозглашеніе праздника, даже предвареніе о постѣ, сіи, по намѣренію Церкви, орудія къ возвышенію благоговѣнія, превращаются въ орудія къ усиленію роскоши, подобно священнымъ сосудамъ, употребленнымъ для украшенія Вавилонскаго пиршества? — О какъ опасно, *да не найдетъ на ны внезапу день той!*

Попечемся, братія, какъ бы намъ ясти и пити во славу Божію, а не во вредъ себѣ и въ оскорбленіе Подателю благъ, Богу. Уступите гладу и жаждѣ: но не вооружайтесь противъ воздержанія и поста. Пусть хлѣбъ насущный укрѣпляетъ сердце человѣка; пусть вино въ мѣру возвеселитъ сердце печальнаго, или ободритъ немощнаго; *ядите*,—скажемъ, если угодно, и сіе съ Неемією и Ездрою,— ядите *тучная и пійте сладкая*, но — въ знаменіе того, *яко святъ есть день Господеви нашему* (Неем. VIII, 10), а не безвременно и безъ мѣры, по образу тѣхъ, *ихже богъ — чрево.* Во всякое же время внемлите слову Господню и *внемлите себѣ, да не когда отягчаютъ сердца ваша объяденіемъ и піянствомъ, и найдетъ на вы внезапу день* суда, но да будутъ сердца наши свѣтильниками мудрыхъ дѣвъ, полными елея благодати, горящими любовію, свѣтлыми вѣрою, да будемъ готовы срѣтить Судію, яко жениха, и праздновать съ Нимъ въ небесномъ чертогѣ Его во вѣки! Аминь. *Митроп. Филаретъ.*

Рѣчь Благочестивѣйшему Государю Императору Николаю Павловичу,

предъ вступленіемъ Его Величества въ Успенскій Соборъ, говоренная сентября 20 дня, 1830 г., во время открывшейся въ Москвѣ губительной болѣзни.

Благочестивѣйшій Государь!

Цари обыкновенные любятъ являться Царями славы, чтобы окружать себя блескомъ торжественности, чтобы принимать почести. Ты

являешься нынѣ среди насъ, какъ Царь подвиговъ, чтобы опасности съ народомъ Твоимъ раздѣлять, чтобы трудности препобѣждать. Такое Царское дѣло выше славы человѣческой, поелику основано на добродѣтели Христіанской. Царь небесный провидитъ сію жертву сердца Твоего, и милосердо хранитъ Тебя, и долготерпѣливо щадитъ насъ. Съ Крестомъ срѣтаемъ Тебя, Государь: да идетъ съ Тобою воскресеніе и жизнь. *Митроп. Филаретъ.*

Слово во вторникъ 1-й недѣли Великаго Поста.

Помилуй мя, Боже, помилуй мя!

Не кажется ли кому-либо, братіе мои, что св. Церковь, въ продолженіе настоящихъ дней, слишкомъ часто и многократно оглашаетъ слухъ нашъ симъ воззваніемъ умилительнымъ? Если бы кому пришла подобная мысль, тотъ пусть приметъ трудъ вмѣстѣ съ нами обозрѣть, хотя мало, всю человѣческую жизнь нашу отъ ея начала до конца. Можетъ быть, что кажется теперь слишкомъ многократнымъ въ храмѣ, то самое не будетъ послѣ того казаться излишнимъ и дома, и не только во время поста и покаянія, но и въ другіе дни, среди самыхъ празднествъ, будетъ само собою приходить на мысль и по временамъ исторгаться изъ самыхъ устъ.

Для сего взойдемъ, во-первыхъ, къ самому началу бытія нашего на землѣ. Что тамъ?—мракъ и нечистота, похоть и страсти. *Въ беззаконіи зачатъ есмь и во грѣсѣхъ роди мя мати моя*, вопіетъ за всѣхъ насъ св. Давидъ. Зачатый въ беззаконіи, я и самъ потому беззаконенъ; рожденный во грѣхѣ, я и самъ потому грѣшникъ. И не сіе ли самое означали болѣзни моего рожденія? За что страдали и раждающая и раждаемое, если не было вины и нечистоты? Не это ли самое выражалъ и вопль мой при появленіи на свѣтъ? Что вопіяло тогда во мнѣ? Не разумъ, не память, не воображеніе — вопіяла вся природа моя. Чѣмъ смущалась она и отъ чего страдала? Отъ внутренняго прирожденнаго разстройства, нечистоты и виновности. Первый вопль мой обращенъ былъ не къ землѣ, а къ небу, — къ Тебѣ, Жизнодавецъ, Который образовалъ меня во утробѣ матерней, и Который единъ могъ воссоздать меня и внѣ утробы матерней.

Представляя все сіе теперь въ моемъ умѣ, проникая мыслію въ образъ моего явленія на свѣтъ, я и теперь поникаю лицемъ долу, стыждусь нечистоты моего происхожденія, боюсь наслѣдія, мною принесеннаго, и вопію: *помилуй мя, Боже, помилуй мя!* Будь милосердъ къ бѣдному созданію, которое явилось на свѣтѣ со всѣми нечистотами отцевъ и праотцевъ, которое вмѣсто наслѣдія принесло

съ собою ужасную преклонность къ злу, коему предстояла и предстоитъ борьба со множествомъ скорбей, соблазновъ и искушеній! *Помилуй мя, Боже, помилуй мя!*

Во слѣдъ за первымъ рожденіемъ отъ плоти и крови, послѣдовало другое, высшее и лучшее рожденіе отъ Духа. Не смотря на мою нечистоту и безчувственность, меня тотчасъ по рожденіи, приняла въ объятія свои св. Церковь, омыла скверну природы моей въ купели Крещенія; освятила благодатію Духа; запечатлѣла знаменіемъ Креста; облекла въ бѣлую одежду невинности. Изъ чада гнѣва я сталъ чадомъ Благодати.

Но гдѣ теперь сіе царское облаченіе? Гдѣ дары, на меня изліянные? Увы, и я, подобно невѣстѣ у Соломона, долженъ сказать: *положиша мя стража въ виноградѣхъ, и винограда моего не сохранихъ!* [1]) Не сохранилъ я благодати Крещенія, не пребылъ вѣрнымъ тому, кому сочетался! Осквернилъ бѣлую одежду невинности! Потерялъ благодать и Духа!—Одно взялъ міръ; другое похитили страсти; то пропало отъ нерадѣнія и безпечности; весь я подобенъ человѣку, впадшему въ разбойники; отъ ногъ до головы нѣтъ во мнѣ цѣлости. Къ кому обратиться за помощію, кромѣ Тебя, Всеблагій Творецъ и Всемогущій Промыслитель мой? *Помилуй мя, Боже, помилуй мя! Заблудихъ, яко овча погибшее, взыщи раба твоего!* [2]) *Изведи изъ темницы душу мою исповѣдатися имени твоему!* [3]) *Сердце чисто созижди во мнѣ, Боже, и духъ правъ обнови во утробѣ моей!*

За лѣтами моего неразумнаго младенчества, о коихъ самый первый мудрецъ не можетъ не сказать ко Господу съ Давидомъ: *скотенъ быхъ у Тебе* [4]), наступили лѣта отрочества и юности. Время наидрагоцѣннѣйшее, въ которое человѣку, при раскрытіи въ немъ разума и воли, можно сказать, самому дается быть въ нѣкоторомъ смыслѣ творцемъ духовнаго бытія своего. Въ это время и я, подобно Прародителямъ моимъ, находился въ раю невинности, и предо мною было древо жизни съ обѣтованіемъ и древо смерти съ заповѣдью. Могъ я не простирать руки къ плоду запрещенному; властенъ былъ я остаться на пути правды и непорочности. Все удерживало меня: и благодать Крещенія, и гласъ совѣсти, и родители, и воспитатели; но, увы, ничто не удержало! И мнѣ змій искуситель представился достовѣрнѣе моего Творца и благодѣтеля; и для меня древо смерти показалось добрымъ въ снѣдь, угоднымъ очима, еже

[1]) Пѣс. Пѣс. 1 — 5.
[2]) Псал. CXVIII, 176.
[3]) Псал. CLXI, 8.
[4]) Псал. LXXII, 22.

видѣти, и красно еже разумѣти; и я, — стократъ неразумнѣе Прародителей моихъ, ибо имѣлъ ихъ опытъ предъ собою — и я, несчастный, вкусилъ *дерзостно горькія снѣди*, и потерялъ рай.

Ахъ, братіе мои, кто не пожелалъ бы, чтобы возвратились дни его юности, драгоцѣнные тѣ дни, когда отъ насъ зависѣло вступить на путь Господень, или уклониться на распутія грѣха и суеты мірской? Но сіи дни не возвратятся, и каждому изъ насъ, воспоминая ихъ, остается точію восклицать изъ глубины души: *помилуй мя, Боже, помилуй мя! Грѣхъ юности и невѣдѣнія моего не помяни! Помяни же мя ради благости* [1]), единой благости *Твоей!*

Наступило время мужества и лѣтъ зрѣлыхъ: мы взошли въ различныя связи семейства, дружества, знакомства; вступили на путь служенія общественнаго, облеклись различными обязанностями; многіе изъ насъ засвидѣтельствовали клятвою, что они будутъ вѣрными истинѣ, непреклонными хранителями правды для себя и для другихъ. Чего бы надлежало ожидать отъ насъ послѣ сего? надлежало бы ожидать твердаго и неуклоннаго исполненія своихъ обязанностей, мужественной борьбы съ порокомъ во всѣхъ его видахъ, благоразумнаго употребленія даровъ счастія, кому они посланы, и великодушнаго перенесенія ударовъ несчастія, кого онѣ постигли, что мы всегда будемъ готовы на всякое дѣло благое, удалены отъ всякой лжи и неправды, будемъ воздержны и строги къ самимъ себѣ, великодушны и милосердны къ ближнимъ нашимъ, кротки, искренни и любвеобильны ко всѣмъ и каждому, непамятозлобивы къ самимъ врагамъ.

Но, братіе мои, скажите сами, многіе ли могутъ похвалиться сими качествами? Кто, бросивъ самый поверхностный взоръ на свои обязанности, не скажетъ: ахъ, я не исполнялъ и не исполняю ихъ, какъ должно! При святомъ алтарѣ — я не предстою съ тою чистотою и благоговѣніемъ, кои подобаютъ служителямъ Бога Вышняго; въ судѣ — я не храню правды и истины съ тѣмъ самоотверженіемъ, коего требуетъ участь подсудимыхъ собратій моихъ; въ святилищѣ наукъ — я дорожу не столько истиною, сколько суетною славою моего имени и готовъ нерѣдко защищать ложь, для меня пріятную; въ куплѣ и продажѣ — я своекорыстенъ, на господствѣ — жестокъ и своенравенъ, въ низкой долѣ — лукавъ и строптивъ. Сколько времени погибло и гибнетъ у меня напрасно! Сколько данныхъ отъ Бога талантовъ погублено и теряется всуе! Многократно я рѣшался на доброе, и доселѣ творю худое. Вижу, что иду не тѣмъ путемъ, а иду непрестанно. И когда окончится во мнѣ эта злополучная борьба совѣсти со страстями? Гдѣ конецъ моему душевному плѣну

---

[1]) Псал. XXIV. 7.

и рабству? Творецъ Всемогущій, къ Тебѣ молитва моя! Помилуй бѣдное созданіе Твое! Дай силы расторгнуть узы грѣховныхъ навыковъ и страстей! Отврати очи мои, во еже не видѣти суеты! Коснись грѣхолюбиваго сердца, да престанетъ биться для праха и тлѣнія! *Помилуй мя, Боже, помилуй мя!* Спаси меня отъ меня самаго.

Наступятъ и лѣта старчества: тѣло мое ослабѣетъ, чувство одно за другимъ будутъ закрываться, и льстящій теперь міръ самъ начнетъ убѣгать отъ меня. Но и все это обратитъ ли меня къ Богу и вѣчности? Употребится ли мною хотя сей жалкій остатокъ жизни на дѣла благая? Не раздѣлятъ ли и его между собою тѣ же похоти и тѣ же страств? Ахъ, сколько старцевъ, кои съ лѣтами видимо юнѣютъ въ злобѣ и любви къ міру! Сколько стоящихъ у дверей гроба и смотрящихъ вспять! Не буду ли подобенъ имъ и я? Не пройдутъ ли и мои послѣдніе годы и дни въ суетѣ и ослѣпленіи, какъ проходятъ у многихъ? Господь Милосердый, не попусти мнѣ впасть въ сіе ужасное ослѣпленіе! Пощади отъ сего адскаго нечувствія! *Помилуй мя, Боже, помилуй мя!*

Въ слѣдъ за немощами, придетъ наконецъ послѣдняя болѣзнь; ляжемъ на одръ, съ коего не встанемъ болѣе: врачъ отступится, священникъ приблизится, сродники и присные окружатъ одръ нашъ и будутъ ожидать нашей кончины. Въ сей грозный часъ, среди послѣдняго томленія тѣла и духа, среди всеконечнаго смятенія мыслей и чувствъ, какой гласъ желали бы вы, братіе мои, чтобы изшелъ изъ устъ вашихъ?—Мнѣ бы не хотѣлось для себя другаго, кромѣ: *помилуй мя, Боже, помилуй мя!* Помилуй грѣшника, коего жизнь исчезла въ суетѣ и грѣхахъ! Яви послѣдній знакъ милосердія и даруй, да изыду изъ темницы плоти моей съ чувствомъ покаявшагося на крестѣ разбойника!

Ударитъ наконецъ часъ общаго всемірнаго пробужденія отъ сна смертнаго; надобно будетъ вставать изъ утробы земной, облечься въ тѣло новое и неразрушимое, и, вмѣстѣ съ дѣлами своими, явиться на судъ Страшный для услышанія приговора надъ собою на всю вѣчность. Тогда, среди неба и ада, между ангелами и духами отверженными, что̀ будешь чувствовать ты, бѣдная душа моя? Не возопіешь ли въ послѣдній разъ: *помилуй мя, Боже, помилуй мя!*

Да, братіе мои, на Страшномъ всемірномъ судѣ Божіемъ, не прежде, конецъ сей покаянной молитвы: она прекратится тогда, какъ предъ лицемъ вселенной навсегда рѣшится судьба каждаго взъ насъ. Послѣ сего уже не будетъ ей мѣста. Въ раю, у праведныхъ останется одна радость и одно вѣчное славословіе имени Божія. Во адѣ, для грѣшниковъ одинъ вопль отчаянія и скрежетъ зубовъ.

Какая изъ сихъ участь ожидаетъ? Единъ Господь вѣсть. Но, если пребудемъ таковыми, каковы есмы; если умремъ въ грѣхахъ на-

шихъ: то явно, гдѣ часть и съ кѣмъ жребій нашъ. Воззовемъ же изъ глубины души всѣ и каждый: помилуй насъ! Даждь всѣмъ намъ прежде конца покаяніе! Аминь.

Архіеписк. Иннокентій.

Примѣч. — Біографія Иннокентія. Иннокентій (1800 — 1857 г.) въ мірѣ назывался Иваномъ Борисовымъ; онъ былъ сынъ священника, родился 1800 года, въ городѣ Сѣвскѣ (Орловской губерніи). Первоначальное образованіе онъ получилъ въ Орловской семинаріи, находившейся въ Сѣвскѣ; уже тамъ онъ обратилъ на себя вниманіе товарищей и профессоровъ своими сочиненіями. Высшее образованіе Иванъ Борисовъ получилъ въ Кіевской Духовной Академіи, гдѣ онъ преимущественно занимался чтеніемъ и проводилъ надъ книгами цѣлыя ночи; обладая блестящими способностями, онъ не довольствовался лекціями профессоровъ и развивался не столько въ классѣ, сколько собственно чтеніемъ, размышленіями о прочитанномъ и наконецъ практическими упражненіями; изъ прочтенныхъ книгъ онъ дѣлалъ извлеченія. Весьма часто, окруженный товарищами, онъ разсказывалъ о томъ, что читалъ и нерѣдко излагалъ имъ цѣлую систему какого-нибудь философа. Классные уроки Иванъ Борисовъ обыкновенно прочитывалъ передъ экзаменомъ и отвѣчалъ всегда лучше всѣхъ. Способностями и знаніями превосходилъ всѣхъ своихъ товарищей. Еще въ младшемъ курсѣ могъ назваться его соперникомъ студентъ Ставровъ, юноша отлично приготовленный, но менѣе даровитый, чѣмъ Иванъ Борисовъ, а въ концѣ курса и профессора и студенты единодушно признали его первымъ, и въ этомъ сознался даже самъ Ставровъ; послѣдній говорилъ, что въ спискѣ первымъ долженъ быть Борисовъ, потомъ надо оставить нѣсколько мѣстъ пустыми и только на седьмомъ или осьмомъ можно писать его, Ставрова. Этотъ фактъ доказываетъ, насколько Иванъ Борисовъ превосходилъ всѣхъ. На 23 году онъ окончилъ курсъ съ ученою степенью магистра и тогда же былъ опредѣленъ профессоромъ церковной исторіи и Греческаго языка и вмѣстѣ инспекторомъ въ Петербургское духовное училище, а черезъ нѣсколько мѣсяцевъ—ректоромъ того же училища, и здѣсь-то принялъ монашество съ именемъ Иннокентія. 10 декабря 1824 года отецъ Иннокентій назначенъ баккалавромъ богословскихъ наукъ и чрезъ семь мѣсяцевъ инспекторомъ въ Петербургскую академію, гдѣ Филаретъ былъ нѣкогда ректоромъ (съ 1812 до 1819). Какъ профессоръ богословія, онъ затмилъ всѣхъ своихъ сотоварищей; записки, составляемыя студентами съ его изустныхъ лекцій, разошлись во множествѣ по семинаріямъ [1]). Тогда издавался журналъ «Христіанское Чтеніе», который уже падалъ; Иннокентій своимъ участіемъ, при сотрудничествѣ двухъ достойнѣйшихъ своихъ сотоварищей (*Г. П. Павскаго* и *В. В. Бажанова*), поддержалъ его; онъ сталъ печатать въ немъ свои превосходныя историческія сочиненія: «Жизнь св. Апостола Павла» и «Послѣдніе дни земной жизни Господа нашего Іисуса Христа», и другія; благодаря ихъ появленію, журналъ быстро началъ распространяться.— Въ 1830 г. Иннокентій былъ переведенъ ректоромъ въ Кіевскую Духовную Академію, нѣкогда воспитавшую его. Понятно, что онъ обратилъ на нее все свое вниманіе; 10 лѣтъ (отъ 1830 до 1840 г.), которыя онъ пробылъ въ ней ректоромъ, считаются лучшимъ періодомъ въ исторіи этого учебнаго заведенія. Иннокентій преобразовалъ его, оживилъ и далеко подвинулъ его впередъ. Онъ ввелъ въ академію преподаваніе новыхъ наукъ и, чтобы поддержать энергію профес-

[1]) Напечатана только изъ этихъ записокъ одна статья: «Обличеніе неологизма или раціонализма» въ исторіи философіи архимандрита *Гавріила*.

соровъ, весьма часто посѣщалъ ихъ лекціи и нерѣдко самъ излагалъ предметъ, о которомъ говорилъ профессоръ. Во время экзаменовъ Иннокентій говорилъ неумолчно, предлагалъ студентамъ цѣлый рядъ вопросовъ, бесѣдовалъ съ ними и такимъ образомъ оживлялъ скучные часы экзамена. Темы для сочиненій Иннокентій давалъ съ разборчивостью, бралъ для нихъ самые занимательные предметы. Особенное вниманіе онъ обращалъ на проповѣди студентовъ; послѣ прочтенія профессоровъ, самъ разсматривалъ ихъ, призывалъ къ себѣ проповѣдника и нѣсколько часовъ бесѣдовалъ съ нимъ о предметѣ его сочиненія, о важности проповѣданія, и тотъ выходилъ отъ ректора совершенно обновленнымъ.— Въ отношеніи къ студентамъ Иннокентій былъ ласковъ, благороденъ, вѣжливъ, снисходителенъ къ ихъ проступкамъ, если они происходили не отъ злонамѣрснности, а вслѣдствіе увлеченій, столь свойственныхъ молодости; исправлялъ онъ ихъ не угрозами и наказаніями, а увѣщаніями, кроткими словами. Такимъ образомъ онъ пріобрѣлъ всеобщую любовь: его называли незабвеннымъ отцемъ ректоромъ.

Въ то же время Иннокентій самъ занимался ораторствомъ, самъ произносилъ проповѣди въ Кіево-Софійскомъ Соборѣ, въ Кіево-Печерской Лаврѣ и училищномъ Кіево-Братскомъ монастырѣ, и своимъ краснорѣчіемъ привлекалъ несмѣтныя толпы; онъ говорилъ всегда на память, голосомъ чистымъ и звучнымъ, съ большимъ воодушевленіемъ, чѣмъ сильно дѣйствовалъ на слушателей и приводилъ ихъ въ восторгъ. Въ это-то время были имъ произнесены и потомъ напечатаны «Страстная» и «Свѣтлая Седмица». Тѣ, которые были современниками появленія ихъ въ свѣтъ, помнятъ, съ какою нетерпѣливою жадностью ожидали они выхода въ печать или произнесенія новыхъ произведеній проповѣдника, который сдѣлался извѣстнымъ во всей Россіи.

Иннокентій трудился съ необыкновенною ревностью, какъ педагогъ и какъ ораторъ. Однажды онъ невольно сознался въ этомъ студентамъ: *«Я удивляюсь»*, сказалъ онъ имъ, *«какъ вы не дорожите временемъ и мало дѣлаете; прошедшую Сырную недѣлю и первую недѣлю Великаго поста я написалъ около 80 листовъ»*. Чтобы дать больше развитія религіозному образованію Русскаго народа, Иннокентій сталъ издавать духовный журналъ «Воскресное Чтеніе», который имѣлъ такъ много читателей, что вскорѣ потребовалось второе изданіе, и до сихъ поръ тѣ номера журнала, которые вышли при ректорѣ Иннокентіи, считаются самыми совершенными.

Въ 1840 г. Иннокентій назначенъ былъ епископомъ въ Вологду, а потомъ переведенъ въ томъ же году въ Харьковъ, гдѣ оказалъ много услугъ; такъ напр. возобновлялъ монастыри, устраивалъ крестные ходы и т. д. Послѣднее время своей жизни онъ былъ архіепископомъ Херсонскимъ и Таврическимъ, жилъ въ городѣ Одессѣ; во время войны Русскихъ съ Турціею, Франціею, Англіею и Сардиніею, онъ явился пламеннымъ патріотомъ и великимъ пастыремъ церкви. Когда въ Великую Субботу (10-го апр. 1854 г.) Французы и Англичане бомбардировали Одессу, Иннокентій находился въ церкви и проповѣдывалъ, убѣждая слушателей быть мужественными въ предстоящей опасности и не бояться самой смерти. Мы приводимъ отрывокъ изъ этой проповѣди.

«И такъ, вы не рѣшились оставить гроба Спасителя своего и въ эти грозныя минуты, когда смерть и пагуба носится надъ собственными главами нашими.

«Привѣтствуемъ васъ, возлюбленные, съ симъ святымъ жребіемъ Іосифа, Никодима и женъ Мироносицъ, кои также, среди немалыхъ страховъ и опасеній отъ Іудеевъ, погребали учителя и Господа своего. Вы не оставили Его

теперь: Онъ, преблагій, не забудетъ и не оставитъ васъ въ тотъ великій и страшный день, когда уже не слабые перуны человѣческіе будутъ летать по воздуху, а самыя небеса *мимоидутъ съ шумомъ,* самыя *стихіи, сжигаемы, разорятся, а земля и, яже на ней, дѣла сгорятъ.* Но будемъ ли мы унывать и смущаться безотрадно? Нѣтъ! у живоноснаго гроба Спасителя для христіанина не страшенъ самый адъ; а это еще развѣ одна слабая тѣнь его. Если уже необходимо страдать, то лучше пострадать вмѣстѣ съ Господомъ у Его животворящаго креста и Живоноснаго Гроба. *Аще бо,* говоритъ Апостолъ, *съ Нимъ умрохомъ, то съ нимъ и оживемъ: аще терпимъ съ Нимъ воцаримся.* Въ такомъ случаѣ, хотя бы кто изъ насъ лишился нынѣ самой жизни, то при живой вѣрѣ въ силу Креста Христова, онъ ничего не потеряетъ, ибо и ему будетъ сказано: *«днесь со мною будеши въ раи!»*

Флотъ удалился въ первый день Пасхи. Иннокентій по этому поводу произнесъ въ церкви проповѣдь и примѣнилъ къ состоянію жителей Одессы церковный стихъ: *«Вчера спогребохся тебе, Христе, совостаю днесь воскресшу Тебе.»* Не довольствуясь проповѣдями въ Одессѣ, онъ отправился на самое мѣсто побоища Русскихъ съ непріятелями и совершалъ богослуженіе въ лагерной церкви, во время пушечной пальбы, укрѣпляя своимъ великимъ словомъ защитниковъ Севастополя.—На обратномъ пути Иннокентій тяжко заболѣлъ и въ Симферополѣ служилъ послѣднюю литургію. Въ Одессу возвратился онъ уже совершенно изнуренный болѣзнью; передъ смертію Иннокентій любилъ слушать чтеніе духовныхъ книгъ, а въ особенности проповѣдей Филарета и жизни Платона.

Иннокентій умеръ въ 1857 году въ Одессѣ, въ день сошествія Св. Духа, въ тотъ самый праздникъ, когда нѣсколько лѣтъ тому назадъ онъ въ первый разъ совершалъ здѣсь литургію. Смерть застигла его среди заботъ и трудовъ. Онъ далеко не все сдѣлалъ, чего желалъ. Онъ думалъ собрать древности Крыма, имѣлъ намѣреніе отправиться въ Іерусалимъ поклониться Гробу Господню, заботился объ изданіи церковнаго архива, т. е. разныхъ древнихъ документовъ, касающихся православной церкви.

Сочиненія Иннокентія. — Проповѣди Иннокентія носятъ разныя названія; напр. 1) Страстная Седмица или рядъ словъ на Страстную недѣлю; 2) Свѣтлая Седмица, т. е. рядъ бесѣдъ, которыя проповѣдникъ говорилъ впродолженіи Святой недѣли; 3) Первая недѣля Великаго поста, или слова, произнесенныя во время первой недѣли; 3) Слова и рѣчи его къ наствѣ Вологодской и Харьковской; 5) Бесѣды о грѣхѣ и его послѣдствіяхъ; 6) Изъясненіе молитвы великопостной «Господи и Владыко Живота моего»; 7) Великій постъ; 8) Слова и рѣчи, произнесенныя во время войны Русскихъ съ Турціею, Франціею, Англіею и Сардиніею въ 1854 и 1855 г. (всѣхъ словъ 38); 9) Три слова о зимѣ. Извѣстны также *историческія* сочиненія Иннокентія: 1) Жизнь Св. Апостола Павла и 2) Послѣдніе дни земной жизни Господа нашего Іисуса Христа.[1])

Характеръ его красноречія. — Красноречіе Иннокентія рѣзко отличается отъ красноречія Филарета. Слова Иннокентія просты, общедоступны и понятны человѣку, даже мало просвѣщенному. Проповѣди его преимущественно дѣйствуютъ на сердце слушателей или читателей. Иннокентій желаетъ проповѣдью тронуть чувство слушателей, а Филаретъ дѣйствуетъ преимущественно на разумъ. Иннокентій весьма часто въ своихъ сочиненіяхъ представляетъ цѣлый рядъ об-

---

[1]) Иннокентій составилъ и издалъ нѣсколько акафистовъ: Страстямъ Господнимъ, Покрову Пресвятой Богородицы, Живоносному Гробу, Архангелу Михаилу.

разовъ и картинъ природы. Эти образы и картины природы увлекаютъ воображеніе читателей, и слово само собою дѣлается убѣдительнымъ. Нѣкоторыя проповѣди этого знаменитаго оратора поражаютъ насъ своею краткостью. Видно, что онѣ какъ бы невольно изливались изъ его духа и сердца. Его проповѣди похожи на отеческія наставленія. По причинѣ простоты и глубокаго чувства, ораторское краснорѣчіе Иннокентія болѣе извѣстно Россіи, нежели проповѣди Филарета. Проповѣдями своими Иннокентій походитъ на Іоанна Златоуста и имѣетъ въ Россіи то же значеніе, какое Златоустъ имѣлъ въ древней Византіи. Иннокентія не вполнѣ можно узнать изъ его сочиненій; для этого надобно было видѣть его на каѳедрѣ: проповѣди его походили на импровизацію; видно было, что онъ только заблаговременно обдумывалъ планъ и говорилъ о предметѣ въ минуту вдохновенія. Какъ ораторъ, онъ займетъ одно изъ первыхъ мѣстъ между всѣми витіями древняго и новаго міра; какъ писатель Русскій, станетъ на ряду съ лучшими сочинителями Русскими.

Объ Иннокентіи:—Біографія Иннокентія написана преосвящ. *Макаріемъ*. Ученыя Записки 2 отд. Акад. Наукъ. 1859. Кн. V.—Вѣнокъ на могилу Иннокентія. М. 1864. Въ этой книгѣ перепечатана статья Макарія, а также собраны разныя воспоминанія объ Иннокентіи, статья М. П. *Погодина*; помѣщено нѣсколько словъ нашего незабвеннаго витіи.

Слово въ Недѣлю Православія.

Если бы кто изъ непочитающихъ св. Иконы принялъ трудъ быть свидѣтелемъ настоящаго нашего Богослуженія и видѣть, что́ совершается нынѣ въ храмахъ нашихъ въ честь св. Иконъ: то, вѣроятно, не усомнился бы признать, что нельзя оказать имъ почтенія болѣе того, какое оказывается нами. Ибо мы не только воспѣваемъ нынѣ въ честь св. Иконъ множество пѣсней хвалебныхъ; не только износимъ ихъ съ торжествомъ на среду храма и совершаемъ предъ ними благоговѣйное поклоненіе; но и возглашаемъ наконецъ грозную анаѳему противъ тѣхъ, кои дерзаютъ, по неразумію, сравнивать св. Иконы съ истуканами языческими.

Но, братіе мои, среди нашего торжества въ честь св. Иконъ, мнѣ слышится нѣкая жалоба на насъ отъ сихъ же св. Иконъ. Возносится она, правда, не изъ храмовъ, а изъ домовъ, и при томъ не всѣхъ: но жалоба св. Иконъ, откуда бы она ни происходила, стоитъ быть выслушанною, особенно въ день настоящій.

Въ чемъ состоитъ она? — Въ томъ, отвѣчаютъ св. Иконы, что изъ нѣкоторыхъ христіанскихъ домовъ мы уже вонсе изгнаны; а въ нѣкоторыхъ, хотя и остаемся до времени, но приведены въ такое стѣсненное положеніе, что почти лучше намъ не быть въ нихъ, дабы избавить и себя отъ униженія, и владѣльца дома отъ тяжести, которую мы составляемъ для него.

Хотя жалоба отъ св. Иконъ могла бы быть принятою и уваженною безъ особеннаго предварительнаго разслѣдованія: но, чтобы

явить совершенное безпристрастіе, пойдемъ въ сіи домы—взойдемъ, напр., въ этотъ. Но, тутъ, кажется, должно быть противное: ибо домовладыка любитъ изображенія; ими увѣшаны всѣ стѣны; даже мнимыя побѣды надъ нами Галловъ нашли себѣ тамъ, и не малое, мѣсто. Ужели не найдется его тутъ хотя для одной св. Иконы? Увы, смотрю по всѣ стороны и не нахожу ни одной! Что значило это? Не перемѣнилъ ли хозяинъ дома своей вѣры? Нѣтъ, онъ по прежнему пишется Православнымъ Христіаниномъ. Такъ, можетъ быть, у него недостатокъ въ Иконахъ... Но, кто пріобрѣлъ десять Наполеоновъ, тотъ могъ пріобрѣсть одного Спасителя или Матерь Его... Навожу справку: оказывается, что многими Иконами снабдило хозяина дома еще благочестіе предковъ его. Куда же онѣ дѣвались? проданы или сокрыты.—Отъ чего и для чего? потому, что недавно послѣдовало строгое запрещеніе имѣть, тѣмъ паче показывать въ домѣ св. Иконы. Отъ кого? Отъ новой повелительницы — моды... Ей, всевластной, не угодно видѣть въ домахъ иконъ; и ихъ нѣтъ!

Горе сему дому — моды! Не долго цвѣсти и стоять ему твердо съ ея препспещреннымъ ликомъ!...

Пойдемъ въ другой дворъ, напр. вотъ въ этотъ. — Есть ли въ семъ домѣ св. Иконы? — Есть и не мало. Укажите же, гдѣ онѣ?— Вотъ тамъ.—Но ихъ не видно.—Подойдите ближе, присмотритесь и увидите. Точно, это Икона: но что значитъ такая ея малость? Скудость способовъ хозяина дома? Всего менѣе: его домъ похожъ на чертоги владѣльческіе. Недостатокъ мѣста въ помѣщеніи? Но его, явно, стало бы не на одну Икону. Тайна въ другомъ: хотятъ имѣть Иконы, — чтобы не показаться вовсе отставшими отъ святаго обычая предковъ, — но имѣть въ такомъ видѣ, чтобы это, какъ говорятъ, не бросалось въ глаза. Но, что же худаго, если св. Икона будетъ замѣтна? О, вы не знаете, это значило бы подвергнуться крайней опасности. Отъ кого? отъ той же всевластной повелительницы моды. Малую, непримѣтную Икону, она еще можетъ стерпѣть и покрыть своимъ великодушіемъ, а большой, замѣтной, уважаемой — этого преступленія она не проститъ никогда. Имѣющаго такую Икону тотчасъ, безъ суда и справокъ, почтутъ и провозгласятъ человѣкомъ худаго тона, не знающимъ вкуса, не умѣющимъ жить въ свѣтѣ.—Что же послѣ сего долго думать? Прочь прежнія, большія, видимыя Иконы! Надѣлаемъ малыхъ, невидимыхъ! Мы — люди образованные!...

Судите послѣ сего сами, братіе мои, есть ли причина подозрѣвать, что и у насъ не безъ нѣкоего гоненія на св. Иконы. Не трудно видѣть и гдѣ источникъ его, и кого должно назвать у насъ врагомъ св. Иконъ. Это не человѣкъ какой-нибудь, какъ бывало прежде во времена иконоборства, а одно пустое и праздное имя, праздное, но

ужасное по своему дѣйствію на тѣхъ, кои не имѣютъ и столько, не говоримъ усердія къ Вѣрѣ и св. Церкви, а простой и обыкновенной твердости духа, чтобы не убояться стать противъ моды!...

Что же намъ дѣлать?

Поелику нынѣ день суда Церковнаго; то, призвавъ на помощь здравый смыслъ, не усомнимся произнести хотя краткое сужденіе касательно сего предмета,— не съ тѣмъ, чтобы осуждать и упрекать кого-либо, а чтобы предоставить случай нѣкоторымъ, не до конца ослѣпленнымъ модою, возвратиться изъ добровольнаго, и потому самому еще болѣе постыднаго, плѣна ея.

Скажи намъ, всевластная повелительница — мода, что́ сдѣлали тебѣ св. Иконы, что ты такъ враждуешь противъ нихъ? Отнимали у тебя въ жилищахъ православныхъ Христіанъ мѣсто, предназначенное тобою для чего-либо, тебѣ нужнаго? Но мѣсто, которое занималось Иконами, при всей изобрѣтательности твоей, доселѣ остается пусто, и ты ничѣмъ не можешь занять его съ приличіемъ. Значитъ ты враждуешь противъ св. Иконъ напрасно.—Или, можетъ быть, присутствіе на своемъ мѣстѣ св. Иконъ отняло бы часть совершенства у твоихъ украшеній комнатныхъ, придуманныхъ по послѣднему вкусу? Но что препятствуетъ сей же самый вкусъ приложить благоговѣйно къ размѣщенію и украшенію св. Иконъ? Тогда онѣ, кромѣ назиданія, послужили бы еще къ полнотѣ благолѣпія, о коемъ столько у тебя заботы. Или, можетъ быть, ты, домовладыка, опасаешься, что какой-либо иновѣрецъ изъ Иконъ въ домѣ твоемъ заключитъ, что ты почитаешь св. Иконы и принадлежишь къ Церкви Православной? А кто же изъ иновѣрцевъ и безъ того не знаетъ о семъ? Для избѣжанія сей опасности (если она еще существуетъ для тебя), надобно было бы оставить не Иконы, а самую Вѣру и Церковь. Или наконецъ не боишься ли, чтобъ кто-либо среди увеселеній, бывающихъ въ чертогахъ твоихъ, не остановилъ своего взора на св. Иконѣ, и не опустилъ потомъ очей долу? А развѣ не бываетъ сего и отъ другихъ причинъ? Какъ бы ни умножалъ ты трубы и тимпаны, не можешь удалить сихъ причинъ отъ души человѣческой. Потерпи же на ряду съ другими и благое впечатлѣніе отъ св. Иконъ, кои, можетъ быть, твоего же сына или дочь въ подобномъ случаѣ оградятъ невидимо отъ паденія душевнаго.

Какъ вамъ, братіе, а мнѣ, сколько я ни думаю, кажется, что причинъ къ удаленію и даже къ умаленію св. Иконъ въ домахъ нашихъ нѣтъ; съ другой стороны, сколько побужденій, къ возстановленію ихъ въ прежнемъ надлежащемъ видѣ! Ибо, скажи намъ еще, мода, давно ли ты появилась на свѣтъ и захватила въ свои нечистыя руки скиптръ домашняго самодержавія? Вся твоя жизнь исчисляется не многими десятками лѣтъ; а св. Иконы существуютъ у

насъ отъ начала Христіанства. Какъ же ты, малолѣтнее и малограмотное дитя, не усрамишься священныхъ сѣдинъ тысящелѣтняго старца? И не ты ли притворяешь въ себѣ любовь къ древности и всякой, тѣмъ паче отечественной, роешься съ примѣрнымъ терпѣніемъ подъ землею, дабы достать, какъ сокровище, то, что за нѣсколько вѣковъ брошено было, можетъ быть, на землю, какъ негодное къ употребленію? Не слѣдовало ли бы тебѣ уже по одному этому хранить благоговѣйно св. Иконы, предъ коими молились, и въ часы счастія и въ годину искушеній, отцы и праотцы наши? — Далѣе, мода — скажи намъ, кого когда спасла ты и отъ какой избавила опасности? Гдѣ царство, тобою утвержденное? Гдѣ домъ, отъ тебя процвѣтшій? Многіе напротивъ погибли и, вѣроятно, еще множайшіе погибнутъ отъ твоихъ прихотей. Посмотри же, что̀ сдѣлали св. Иконы? Икона Суда страшнаго обратила Великаго Князя Владиміра, и съ нимъ всю Россію, отъ идоловъ къ Богу истинному; Икона Спасителя доставила Андрею Боголюбскому побѣду надъ Болгарами; Икона Знаменія Богоматери защитила беззащитный Новгородъ; Икона Богоматери Владимірскія обратила вспять Тамерлана съ его воинствомъ; Икона Богоматери Казанской избавила царствующій градъ Москву отъ плѣна Литовскаго и спасла Россію. Видишь ли, мода, что сдѣлали св. Иконы? въ нихъ исторія, въ нихъ спасеніе нашего отечества. Укажи же намъ, что̀ ты сдѣлала? А мы тотчасъ можемъ указать тебѣ на домы прежде цвѣтущіе, а теперь, по милости твоей, покрытые стыдомъ и бѣдностію; — на семейства, прежде мирныя и благословенныя, а теперь отъ рабства тебѣ, дошедшіе до того, что сынъ возстаетъ на отца, братъ не можетъ видѣть сестры.

Но что спорить съ бездушнымъ словомъ и убѣждать вѣтръ? обратимся къ владыкѣ дома.

И такъ ты, возлюбленный, стыдишься показать въ твоемъ домѣ св. Икону: а матерь твоя не стыдилась, когда, рождая тебя, для облегченія мукъ смертныхъ, взирала на св. Икону и поручала тебя въ охраненіе ей на всю жизнь. Ты стыдишься теперь показать въ своемъ домѣ св. Икону, а въ ту ужасную минуту, когда все оставляло тебя и ты казался погибающимъ, не ты ли становился предъ нею на колѣна, со слезами просилъ Бога о помощи, и давалъ обѣты вести себя по-Христіански? Стыдишься въ своемъ домѣ показать св. Икону: а не она ли, эта Икона, теперь заброшенная во мракъ, станетъ у главы твоей на стражѣ, когда ты будешь лежать во гробѣ — мертвъ и бездыханенъ?

Не продолжимъ пренія — дѣло ясно; справка вѣрна; свидѣтели съ обѣихъ сторонъ выслушаны; возраженія разсмотрѣны: остается произнести судъ. Куда клонится ваше мнѣніе? На сторону моды или св. Иконъ? Избирайте, что хотите. Не могущій выйти изъ

плѣна моды, пусть лобызаетъ ея узы: а мы начнемъ сейчасъ же поклоняться съ благоговѣніемъ св. Иконамъ и лобызать съ любовью изображенія Спасителя нашего и Его Пречистыя Матери. Аминь.

Архіеписк. Иннокентій.

Слово въ Великій Пятокъ.

Одному благочестивому пустыннику надлежало сказать что-либо братіи, ожидавшей отъ него наставленія. Проникнутый глубокимъ чувствомъ бѣдности человѣческой, старецъ [1]), вмѣсто всякаго наставленія, воскликнулъ: «Братія, давайте плакать», и всѣ пали на землю и пролили слезы.

Знаю, братія, что и вы ожидаете теперь слова назиданія; но уста мои невольно заключаются, при видѣ Господа, почивающаго во гробѣ. Кто осмѣлится разглагольствовать, когда Онъ безмолвствуетъ?.. И что̀ можно сказать вамъ о Богѣ и Его правдѣ, о человѣкѣ и его неправдѣ, чего стократъ сильнѣе не говорили бы сіи язвы? Кого не тронутъ онѣ, тотъ тронется ли отъ слабаго слова человѣческаго? На Голгоѳѣ не было проповѣди: тамъ только рыдали и били *въ перси своя* (Лук. 23, 48). И у сего гроба мѣсто не разглагольствію, а покаянію и слезамъ.

Братія! Господь и Спаситель нашъ въ гробѣ: начнемъ же молиться и плакать. Аминь.

Архіеписк. Иннокентій.

Слово въ Великій Пятокъ.

Паки Голгоѳа и крестъ! Паки гробъ и плащаница! И такъ есть еще фарисеи и книжники, убіеніемъ невинныхъ *мнящіеся службу приносити Богу* (Іоан. 16, 2)! есть еще Іуды, лобызающіе устами и предающіе руками! есть еще Пилаты и Ироды, ругающіеся истинѣ и омывающіе руки въ крови праведниковъ! Но, братія, есть ли между нами еще вѣрные и мужественные Іоанны, для принятія Божественнаго всыновленія со креста? есть ли благоразумные сотники, достойные стоять на стражѣ у гроба Сына Божія? есть ли Іосифы и Никодимы, дерзающіе внити къ Пилату и просить тѣла Іисусова? есть ли Соломіи и Магдалины, для принятія первой вѣсти о воскресеніи? Господь, по свидѣтельству Псалмопѣвца, *приниче* нѣкогда *съ небесе на сыны человѣческіе видѣти, аще есть разумѣваяй или взыскаяй Бога*, и не узрѣлъ ни единаго: *вси уклонишася, неклю-*

[1]) Антоній Великій.

чими быша; нѣсть творяй благостыню, нѣсть до единаго (Псал. 13, 2). Теперь, братія, чтобы ближе видѣть, Господь приникаетъ не съ неба, не съ престола славы, а со креста, изъ гроба; приникаетъ видѣти уже не на сыны человѣческіе, а на сыны благодати Своея: аще есть разумѣваяй силу смерти Его, сраспинаяйся Ему въ духѣ. Что же, Господи, зришь ты теперь между нами? Болѣе ли, лучше ли прежняго? Видишь многократныя поклоненія, слышишь многочисленныя величанія; но и на Голгоѳѣ Ты видѣлъ покиванія главою, и въ преторіи Пилата Ты слышалъ: *радуйся, царю Іудейскій!* Видишь на очахъ нѣкоторыхъ слезы, слышишь изъ устъ нѣкоторыхъ воздыханія; но и съ Голгоѳы многіе возвращались, *біюще въ перси своя* (Лук. 23, 48), и, не смотря на сіе, Твои перси оставались на крестѣ для уязвленія ихъ копіемъ.

Нѣтъ, братія, не то потребно для Господа и Спасителя нашего; не для поклоненія и величаній, даже самыхъ усердныхъ, не для вздоховъ и слезъ, даже самыхъ горькихъ, благоволитъ Онъ являться намъ висящимъ на крестѣ и лежащимъ во гробѣ. У гроба сего должно быть большему: *здѣсь судъ міру* (Іоан. 12 31), — судъ нашимъ мыслямъ, нравамъ и дѣяніямъ. Здѣсь, въ настоящее время, долженъ происходить расчетъ Домовладыки съ рабами, Спасителя съ душами, искупленными Его кровію. *Пріидите*, вѣщаетъ Онъ намъ чрезъ Пророка, *пріидите и истяжимся* (Ис. 1, 18)!

Смотрите, что Я сдѣлалъ для васъ! у Меня была ваша глава, и она въ терновомъ вѣнцѣ; у Меня были ваши руки и ноги, и онѣ прободены; у Меня было ваше сердце, и оно отверсто для васъ копіемъ; у Меня была ваша плоть и кровь, и Я отдалъ ее за всѣхъ и донынѣ питаю ими васъ въ причащеніи. Единъ духъ Мой Я предалъ со креста не вамъ, ибо въ сіи минуты вы не умѣли бы сохранить его, а Отцу; но, по вознесеніи Моемъ на небо, Я ниспослалъ вамъ и Духа Св. отъ Отца. Вотъ что Я сдѣлалъ для васъ: Я весь вашъ! Яните, что вы сдѣлали для Меня или паче для себя, ибо все Мое для васъ: *пріидите и истяжимся!*

Можемъ ли, братія, уклониться отъ сего призванія? И такъ, служитель алтаря, стань у гроба сего и дай отчетъ. Чтобы раздрать завѣсу церковную, закрывавшую отъ тебя святое святыхъ, и содѣлать тебѣ свободнымъ доступъ къ престолу благодати, Спаситель твой взошелъ на крестъ. Какъ пользуешься ты драгоцѣннымъ правомъ и какъ предстоишь у престола благодати? Низводишь ли благословеніе на себя и предстоящихъ? возвѣщаешь ли имъ пути живота? предходишь ли примѣромъ благой жизни? Если ты право правишь слово истины и спасенія; если для тебя нѣтъ большей радости, какъ видѣть или слышать, что духовныя чада твои *ходятъ во истинѣ* (3 Іоан. 1, 4) Христовой; если, въ случаѣ

нужды, ты, по примѣру великаго Пастыреначальника, готовъ душу свою положить за овцы своя: то благо тебѣ; ты іерей по чину Іисусову; приступай къ сему гробу съ дерзновеніемъ; лобызай сіи язвы и вдыхай изъ нихъ новый духъ мужества и любви на новые подвиги. По окончаніи чреды служенія на землѣ, ты внидешь въ нерукотворенную скинію на небеси, *идѣже Предтеча о насъ вниде Іисусъ* (Евр. 6, 20). Но если руки твои подъемлются горѣ, а сердце постоянно вращается долу; если ѳиміамъ восходитъ къ небу, а мысли всегда блуждаютъ по землѣ; если, предстоя трапезѣ Господней и преломляя хлѣбъ жизни для другихъ, ты самъ гладенъ духомъ и, вмѣсто манны, ищешь мясъ Египетскихъ: то удались отъ сего гроба; здѣсь земля святая; твое мѣсто не здѣсь, а во дворѣ Каіафы!

Властелинъ судьбы ближнихъ, коему дано право вязать и рѣшить, стань у гроба сего и дай отчетъ. И ты не имѣешь власти никоеяже, *аще не бы ти дано свыше* (Іоан. 19, 11); и ты творишь судъ Божій. Памятуешь ли сіе и со страхомъ ли Божіимъ держишь вѣсы правды? Чтобы ты не страшился за истину потерять, въ случаѣ нужды, имя друга кесарева, пріязнь сильныхъ земли, Голгоѳскій Страдалецъ пріобрѣлъ для тебя имя друга Божія; чтобы ты всегда умѣлъ отличать невинность отъ преступленія, слабость отъ злонамѣренности, Онъ, въ помощь мерцанію твоей совѣсти, придалъ свѣтильникъ слова Своего: пользуешься ли ты симъ средствомъ во благо ближнихъ и твердо ли идешь путемъ закона и долга? Если ты не зришь на лица; побораешь по истинѣ, какъ бы она ни была презрѣна другими; если твой лиѳостротонъ не омытъ ни кровію, ни слезами неправедно осужденныхъ: то приступи къ будущему Судіи своему и Господу, лобызай язвы Его и вдыхай изъ нихъ новую силу къ побѣжденію лжи и лукавства, къ сраженію съ искушеніями и соблазнами, къ священнодѣйствію правды. Тамъ, на всемірномъ судѣ, и ты станешь одесную, пріимешь милость и будешь увѣнчанъ вѣнцомъ правды. Но если ты, имѣя власть пустить невиннаго и зная невинность его, тѣмъ не менѣе готовъ предать его въ руки враговъ, чтобы не оскорбить ихъ гордости; если, вмѣсто суда и защиты невинности, ты глумишься надъ ея несчастіями и заставляешь ее влачиться изъ одного судилища въ другое; если твоя правда состоитъ только въ омовеніи рукъ предъ народомъ: то удались отъ гроба сего; твое мѣсто не здѣсь, а въ преторіи Пилата!

Наперсникъ мудрости, ты, который всю жизнь проводишь въ изысканіи истины, въ познаніи таинъ природы, стань у гроба сего и дай отчетъ. Чтобы тебѣ не блуждать напрасно по лабиринту человѣческихъ заблужденій и не исчезать въ суетныхъ помышленіяхъ о началѣ и концѣ вещей и человѣка, для сего Самъ единородный Сынъ Божій, *сый въ лонѣ Отчи* (Іоан. 1, 18), пріиде въ міръ и

далъ есть намъ разумъ и свѣтъ, да познаемъ Бога истиннаго и да будемъ во истиннѣмъ Сынѣ Его Іисусѣ Христѣ (1 Іоан. 5, 20). Въ пользу ли тебѣ сіе снисхожденіе и руководство? Послѣ толикихъ трудовъ и усилій, позналъ ли ты, что есть истина? увѣрился ли, что ея нѣтъ ни на землѣ, ни на небѣ, какъ токмо въ Томъ, кто есть истина и источникъ всякія истины по самому существу Своему, въ единородномъ Сынѣ и Словѣ Божіемъ? Увѣрившись въ семъ, памятуешь ли, что *есть истина во Христѣ* (Еф. 4, 21); что она состоитъ *не въ препрѣтельныхъ человѣческія премудрости словесѣхъ, но въ явленіи духа* (1 Кор. 2, 4) и силы; не въ высокоумныхъ мечтаніяхъ, а въ томъ, чтобы *отложить ветхаго человѣка, тлѣющаго въ похотехъ прелестныхъ, и облещися въ новаго, созданнаго по Богу въ правдѣ и въ преподобіи истины* (Еф. 4, 22—24). Если ты право правишь слово истины, *не сокрывая ее въ неправдѣ* (Рим. 1, 18) ни своего, ни общественнаго мнѣнія; если на служеніе истинѣ взираешь какъ на служеніе Самому Богу; если слава Божія и благо ближнихъ, а не самолюбіе и корысть, движутъ и руководятъ тебя въ твоихъ изысканіяхъ: то приступай съ дерзновеніемъ къ сему гробу величайшаго Свидѣтеля и Творца истины; лобызай язвы, понесенныя за истину, почерпай мужество на новые подвиги для истины. Любя ее здѣсь, ты пріимешь за нее все на небѣ; будешь представленъ туда, гдѣ одна истина, одинъ свѣтъ, одна радость. Но если святая истина въ занятіяхъ твоихъ служитъ токмо средствомъ къ достиженію другихъ, земныхъ цѣлей; если ты съ равнымъ усердіемъ готовъ защищать ложь, для тебя выгодную; если плодомъ твоихъ изысканій были одни сомнѣнія, превращеніе умовъ, возмущеніе совѣстей; если ты готовъ издѣваться надъ истиною, потому что она, какъ Іисусъ предъ Иродомъ, кажется тебѣ странною: то удались отъ сего гроба — святое *буйство* (1 Кор. 1, 23) креста не по тебѣ: твое мѣсто не здѣсь, а во дворѣ Ирода!

Нужно ли глашать всѣхъ по имени? Каждый, кто носитъ имя христіанина, стань у гроба сего и дай отчетъ. Ты крестился въ смерть Христову; ты облекся въ бѣлую одежду заслугъ Христовыхъ; ты пріялъ обрученіе Святаго Духа; сочетался навѣки Христу, отрекшись міра, діавола и всего служенія его. Какъ исполняешь все сіе? Гдѣ невинность и духъ? Гдѣ вѣра и вѣрность? Яви теперь у гроба сего, что ты: ученикъ или предатель, другъ или навѣтникъ? Если ты всю жизнь проводишь такъ, какъ бы не вступалъ ни въ какое обязательство со своимъ Спасителемъ; если дѣйствуешь во всѣхъ случаяхъ, какъ-бы для тебя не было ни суда, ни вѣчности: то за чѣмъ являешься теперь здѣсь? Для чего возмущаешь смертный покой Божественнаго Страдальца? Кое причастіе сему кресту и твоему Веліару? Кое обѣщаніе сему гробу и твоей

мамонѣ? У тебя есть другія божества, иди, покланяйся имъ; у тебя есть другія язвы, — иди, лобызай ихъ.

Такъ, братія, у гроба Христова мѣсто токмо невинности или покаянію. Души вѣрныя Господу, Іосифы, Никодимы, Соломіи, Магдалины, явитесь! Се ваше мѣсто, се вашъ часъ! Божественному Страдальцу нужна плащаница: облеките Его вашими святыми помыслами; Ему нужна смирна: представьте ваши молитвы. Ангелы Божіи, явитесь и смѣните насъ, недостойныхъ стрещи великую стражбу!

Но, братія, земные ангелы, подобно небеснымъ, всегда на Божественной стражѣ; они всегда носятъ *на себѣ язвы своего Господа* (Гал. 6, 17); самый животъ ихъ всегда *сокровенъ со Христомъ въ Бозѣ* (Кол. 3, 3). Что речемъ о самихъ себѣ? Какъ согласимъ нашу нечистоту съ неприступностію сего священнаго мѣста? Дерзнемъ ли приблизиться ко гробу Живнодавца? Но лобызаніе нечистыми устами не будетъ ли новою язвою для пречистаго тѣла? Дерзнемъ ли, гонимые неправдами нашими, оставить лежащаго во гробѣ Господа? Но *къ кому идемъ* (Іоан. 6, 68)? *Нѣсть иного подъ небесемъ, о немъ-же подобаетъ спастися* (Дѣян. 4, 12), кромѣ имени Его всеосвящающаго. Что же сотворимъ, братія? Сотворимъ то, что сдѣлалъ Петръ, отвергшійся Господа. Исшедши изъ сего храма, удалившись отъ сего гроба, въ какомъ-либо святомъ уединеніи омоемъ горькими слезами прежнія неправды наши и дадимъ обѣтъ не отвергаться впредь Господа и святаго закона Его. Послѣ таковаго покаянія, Господь не отвергнетъ и насъ, и если не предастъ намъ, какъ покаявшемуся апостолу, ключей, то не заключитъ, по крайней мѣрѣ, отъ насъ дверей царствія. Аминь.

Архіеписк. Иннокентій.

Слово на день Святыя Троицы

и по случаю бывшаго наканунѣ, во время всенощнаго бдѣнія, собранія въ театрѣ, для слушанія иностранныхъ искусниковъ [1]) въ пѣніи.

Гдѣ взять слезъ для оплакиванія того, что случилось вчера, во время вечерняго Богослуженія? Какъ изобразить стыдъ и матернее сокрушеніе Святыя Церкви, радость и торжество врага Божія, явное пренебреженіе славы Божіей, явное поклоненіе плоти и крови!—Кто бы могъ ожидать сего отъ града просвѣщеннаго [2])? Отъ той части жителей его, которая слыветъ образованнѣйшею? И такъ, вотъ къ

[1]) Пріѣхавшихъ изъ Петербурга пѣвцовъ Итальянской оперы: Маріо и др.
[2]) Сказано въ Харьковѣ.

чему приводитъ насъ наше мнимое образованіе? Къ тому, что мы совершенно забыли, во имя чье крестили насъ, чьею кровію омыты грѣхи наши, чья печать освященія лежитъ на бѣдной душѣ нашей!... Ибо, если бы хотя немного подумали о семъ, то, скажите, было ли бы то, что было? Въ другихъ случаяхъ сильно дѣйствуетъ законъ приличія; здѣсь приличіе не подѣйствовало. Напрасно Св. Церковь праздничнымъ звономъ звала къ себѣ всѣхъ и каждаго на молитву вечернюю: мы слышали это, и пренебрегли, какъ до насъ не касающееся. Напрасно сонмы вѣрующихъ чадъ Церкви текли мирно и дружно, по гласу матери подъ священный кровъ ея: мы видѣли это и потекли противъ общаго потока; устремились, подобно милымъ дѣтямъ, не въ храмъ Божій, а къ мѣсту суетныхъ увеселеній. Такимъ образомъ вмѣсто одного храма вышло вчера два — одинъ Бога истиннаго, другой врага Божія. Какой былъ полнѣе, на чьей сторонѣ осталась побѣда? не знаемъ: но ужъ споръ о ней служитъ къ великому безчестію нашему. Ибо осмѣлился бы міръ такъ нагло и въ такое время поднимать свое знамя, если бы не видѣлъ надежды на успѣхъ, и не зналъ заранѣе нашего легкомыслія? Осмѣлился ли бы, говорю, міръ звать насъ къ себѣ въ такое время, если бъ не былъ увѣренъ, что мы, какъ невольники, принадлежимъ ему всецѣло въ каждый день и часъ дня? Ибо, еще повторю, какое время? единственное въ цѣломъ году, освященное всѣмъ, что для человѣка можетъ быть святаго, которымъ сама Церковь дорожитъ особенно, почему и отличаетъ его, какъ самый великій праздникъ. И въ сіе-то время уйти отъ Церкви на зрѣлище, предаться удовольствіямъ чувствъ, рукоплескать и выходить изъ себя, когда сама Церковь въ слезахъ и на колѣнахъ! Подлинно, это злой духъ особенно позавидовалъ за что-либо граду нашему и изобрѣлъ средство навести такой стыдъ и такое безчестіе Вѣрѣ нашей. Только его адское умѣнье изъ самой обыкновенной и непредосудительной вещи возмогло сдѣлать для множества душъ вѣрныхъ такой случай къ паденію. Ибо, мы осуждаемъ не пѣніе, которое слушали, не искусство, коимъ восхищались, осуждаемъ то, что для пѣнія, которое какъ бы искусно ни было, все же не болѣе, какъ наслажденіе чувствъ, пренебреженъ такой великій праздникъ и забытъ храмъ Божій; осуждаемъ соблазнъ, поданный всенародно; осуждаемъ легкомысліе и холодность къ вѣрѣ, выходящія изъ предѣловъ самаго приличія. Ибо, если бы водились даже однимъ приличіемъ, то и тогда не было бы того, что было. Какъ, подумалъ бы каждый въ такомъ случаѣ, всѣ другіе пойдутъ въ Церковь, а я, несчастный, въ то же время повлекусь въ театръ! Что же, я, извергъ какой, или невѣрный? Что подумаютъ обо мнѣ тѣ, съ коими я буду встрѣчаться? Что о насъ скажутъ эти же самые

иноземцы, ковхъ иду слушать, когда возвратятся въ свое отечество? Здѣсь они забавляютъ насъ; а тамъ—на родинѣ своей, въ бесѣдахъ съ ближними и друзьями, станутъ забавляться нами. «Были мы, скажутъ, въ странѣ, славящейся православіемъ и усердіемъ къ Вѣрѣ; видѣли образъ жизни и нравы жителей ея; — и не знали, что подумать о нихъ — такъ видѣнное нами не похоже на то, что мы прежде слышали! Что есть худаго въ насъ, и отъ чего мы стараемся освободиться, то все тамъ у нихъ, и почитается за совершенство. Нельзя лучше и чувствительнѣе похвалить ихъ, какъ сказавъ, что они, въ чемъ бы то ни было, походятъ на насъ: до того мало и низко думаютъ о своемъ! Есть нѣкоторыя и похвальныя качества, вѣроятно, остатки почтенной старины: но холодность къ Вѣрѣ и Церкви невмовѣрная! Въ высшемъ классѣ особенно, нерѣдко трудно узнать, какой они вѣры, и имѣютъ ли какую-либо Вѣру?— Ибо, судите сами, вотъ что случилось въ одномъ изъ значительнѣйшихъ городовъ: наступилъ праздникъ — одинъ изъ первыхъ въ году, во имя Святыя Троицы; Церковь ихъ употребила съ своей стороны все, чтобы собрать и привлечь ихъ на вечернее Богослуженіе, которое, говорятъ, отличается особенною торжественностію. Мы съ своей стороны не употребили никакихъ особенныхъ средствъ; разбросали только, по обыкновенію, нѣсколько объявленій, что въ сей же вечеръ мы будемъ показывать свое искусстоо въ игрѣ и пѣніи. Въ нашихъ странахъ мы въ такомъ случаѣ остались бы безъ слушателей и принуждены были бы пѣть однимъ стѣнамъ; ибо всѣ бы пошли въ Церковь: у нихъ напротивъ! Не знаемъ, много ли было людей въ Церкви; но нашъ домъ, не смотря на обширность его, былъ полонъ до того, что намъ стало даже совѣстно при мысли, что мы отняли столько народа у храма Божія, который, хотя и не нашъ, но какъ храмъ Христіанскій, достоинъ всякаго уваженія. Но намъ самимъ не пришло бы и въ мысль отважиться назначать такое время для показанія своего искусства и вступать въ споръ съ ихъ Церковью, если бы нѣкоторые изъ нихъ же не указали намъ на это время, какъ на самое удобное и лучшее, если бы не взялись даже помогать намъ и участвовать съ нами въ пѣніи. Поелику сіи люди слывутъ между ними за благородныхъ: то мы увлеклись ихъ мнѣніемъ. Но, судите по сему случаю, по самымъ этимъ людямъ, какова должна быть набожность въ семъ городѣ!» Такъ будутъ говорить о насъ сыны иноземные, возвратясь въ свое отечество, и скажутъ правду: ибо мы, кажется, за особенное удовольствіе и честь поставляемъ не обнаруживать предъ ними своей Вѣры; боимся какъ будто, да не подумаютъ о насъ, что мы Христіане..

Но, что такого сдѣлала для насъ святая Вѣра наша, что мы

поступаемъ съ нею такимъ образомъ и боимся показать ее? Чѣмъ оскорбила насъ св. Церковь, что мы убѣгаемъ отъ ней въ такіе дни? Увы, забыли мы страшное слово Спасителя: *иже постыдится Мене въ родѣ семъ прелюбодѣйнемъ и грѣшнемъ, и Сынъ человѣческій постыдится его, егда пріидетъ во славѣ Отца своего со Ангелы святыми!* (Марк. VIII, 38).

Хотя бы съ Іудеевъ взяли мы примѣръ, какъ праздновать намъ праздники. Ибо, посмотрите на какого угодно Еврея въ день его праздничный. Онъ еще съ вечера оставилъ всѣ дѣла, не разбирая — важны ли они, или малы. Не быть въ день праздника въ синагогѣ и не слышать Богослуженія, для него было бы жестокимъ наказаніемъ. Разсыпьте въ это время предъ нимъ кучи золота; онъ не прикоснется къ нимъ, — ибо это запрещено закономъ. Давайте ему что угодно за то, чтобы онъ во время молитвы пошелъ на какое-либо зрѣлище; онъ съ презрѣніемъ отвратитъ отъ васъ лице свое. Такъ празднуетъ Еврей, лишенный отечества, храма, благословенія небеснаго! А мы? мы, когда нужно молиться, бѣжимъ въ театръ; когда надобно плакать о грѣхахъ, рукоплещемъ безъ памяти, и отъ утомленія ночнаго не можемъ поднять по утру главы и присутствовать при литургіи! Этимъ ли мы будемъ отличаться отъ невѣрующихъ? Это ли преимущество Новаго Завѣта? Для сего ли сошелъ Духъ Святый? Сія ли отъ насъ благодарность Искупителю нашему за крестъ и кровь Его?

«Но, что же мы сдѣлали, подумаетъ кто-либо изъ виновныхъ, чтобы представлять проступокъ нашъ такъ важнымъ и великимъ?» Сіе-то самое и заставляетъ насъ еще болѣе вооружаться противъ сдѣланнаго, то есть, что мы не только поступили крайне худо, но и не видимъ худости нашего поступка, подобно страждущимъ помѣшательствомъ, кои въ семъ положеніи воображаютъ, что они совершенно здоровы. Что мы сдѣлали? Пренебрегли Церковь, обезчестили праздникъ, посрамили Вѣру, унизили великое имя Святыя Троицы. И ради чего? изъ какой необходимости, или нужды? Чтобы услышать необыкновеннаго пѣвца? Можетъ ли быть извиненіе ничтожнѣе? Что, если бы Царь земной, даже меньшій какой-нибудь властелинъ, пригласилъ тебя на день своихъ именинъ въ свой домъ; а ты, въ это самое время, не пошелъ къ нему, а отправился бы слушать сего пѣвца: какъ бы посмотрѣли на твой поступокъ? Не осудилъ ли бы ты послѣ самъ себя за свое преступное легкомысліе? Но, подобнаго безразсудства не бываетъ между людьми: такъ поступаемъ мы только — съ Богомъ! И поступая такъ, еще думаемъ, что это вещь не важная! Нѣтъ, она такъ важна, что въ древней Церкви Христіанской, когда вѣра и любовь были въ силѣ, за такой поступокъ исключили бы насъ изъ числа вѣрующихъ, или заста-

вили бы многіе годы у прага Церковнаго оплакивать свое легкомысліе. Нынѣ св. Церковь не поступаетъ съ нами такимъ образомъ, предоставляя виновныхъ суду собственной совѣсти. Но употребимъ ли мы во зло это благоснисхожденіе матернее? Нѣтъ, если мы дѣйствительно благородны не именемъ токмо, а чувствами и духомъ, какъ выставляемъ себя: то, сдѣлавъ ошибку, сами же станемъ противъ самихъ себя; нарядимъ немедленно внутренній судъ совѣсти; будемъ сами на себя и доносчиками и обвинителями; потребуемъ не милости и прощенія, а наказанія и удовлетворенія.— Не бойтесь, наказанія Церкви не похожи на казни мірскія: онѣ не столько наказаніе, сколько врачество для души. Хотите ли, мы вмѣстѣ съ вами, сей часъ, на основаніи устава св. Церкви опредѣлимъ эпитимію вашу?

Изъ виновныхъ, если не всѣ, то большая часть обладаютъ въ избыткѣ дарами счастія земнаго, кои, изнѣживъ чувственность, сдѣлали ее и такъ алчною къ наслажденіямъ плотскимъ; а въ городѣ нашемъ есть не малое число бѣдныхъ, кои каждый кусокъ хлѣба едва не омываютъ своими слезами. И такъ, пусть каждый изъ виновныхъ изберетъ себѣ, какое угодно, дѣло благотворенія, и отдѣлитъ извѣстную часть своихъ обыкновенныхъ расходовъ на искупленіе своего проступка милостынею. Средство самое легкое и вмѣстѣ самое дѣйствительное. Ибо ни о какой добродѣтели не сказано такъ прямо въ Писаніи, какъ о милостынѣ, что ею искупляются грѣхи. И такъ поспѣшимъ въ домы страждущихъ отъ бѣдности, сиротства и болѣзни, и, оказывая помощь собратіямъ нашимъ, скажемъ: «не думайте, что мы пришли только для того, чтобы оказать вамъ милость, нѣтъ—мы пришли и принять ее отъ васъ. Намъ Богъ далъ счастіе, а вамъ горе; мы имѣемъ возможность послужить вамъ, а вы можете оказать великую услугу намъ: заключимъ же союзъ взаимнаго благотворенія! Увы, мы имѣли несчастіе увлечься вчера суетою мірскою, забыть попеченіе о душѣ своей, и, что всего хуже, содѣлаться причиною соблазна для братій нашихъ во Христѣ. Вознесите о насъ моленіе ко Господу, да отпустится намъ грѣхъ нашего преступнаго легкомыслія: а мы не пожалѣемъ тлѣнныхъ благъ, дабы усладить горесть вашего земнаго жребія».

Когда, братія мои, мы поступимъ такимъ образомъ, то соблазнъ, нами вчера произведенный, будетъ уничтоженъ, честь Церкви спасена, діаволъ поруганъ, Ангеламъ Божіимъ возвращена радость, Святой Троицѣ воздано достодолжное поклоненіе. Такимъ образомъ, при помощи благодати Божіей, самое паденіе наше послужитъ не во вредъ намъ и другимъ, а къ общему нашему благу и спасенію. Аминь.

Архіеписк. Иннокентій.

Поученіе предъ Св. Причастіемъ.

Св. пророкъ Моисей однажды на горѣ увидѣлъ купину, которая горѣла и не сгорала; онъ хотѣлъ подойти къ ней поближе, чтобы разсмотрѣть столь чудное явленіе; но вдругъ услышалъ голосъ, изъ купины къ нему говорящій: *«Моисее, Моисее! не приближайся сѣмо, иззуй прежде сапоги отъ ногъ твоихъ!»* (Исх. 3. 5).

Слуш. благочествые! Купина, видѣнная Моисеемъ, подлинно было явленіе чудное и страшное; ибо горѣла и не сгорала, ибо изъ купины говорилъ самъ Богъ. Не столь же ли чудна и страшна св. Чаша, которой вы предстоите и къ которой приступаете? Здѣсь, въ этой св. Чашѣ подъ видомъ хлѣба преподается вамъ истинное тѣло Господа нашего І. Христа, а подъ видомъ вина — истинная кровь Его. Здѣсь, въ этой св. Чашѣ огнь Божественный, чудный, страшный огнь, достойныхъ очищающій и оживляющій, а недостойныхъ попаляющій и сожигающій. И потому отъ лица Бога, нѣкогда говорившаго изъ купины, и теперь таинственно здѣсь присутствующаго, говорю всякому приближающемуся сѣмо: иззуй прежде сапоги отъ ногъ твоихъ; развяжи прежде всѣ грѣховныя узы, связующія твою душу.

Время еще не ушло; еще можно сдѣлать то, что ты не могъ или не хотѣлъ, а долженъ бы сдѣлать прежде. Благоразумный разбойникъ, и на крестѣ вися, успѣлъ приготовить себя въ рай. Не удерживай въ душѣ твоей болѣзненныхъ вздоховъ: съ этими вздохами вылетаютъ грѣхи. Не стыдись твоихъ сердечныхъ слезъ: это бальзамъ на раны грѣховныя. Забудь все земное, тебя окружающее: на тебя теперь смотритъ твой ангелъ-хранитель; на тебя теперь смотритъ все воинство небесное. Ты теперь какъ бы по страшномъ судѣ; теперь рѣшается твоя участь на цѣлую вѣчность: ты причастишься или въ жизнь вѣчную, или въ осужденіе вѣчное. И такъ скажи въ душѣ своей: я грѣшникъ, первый въ мірѣ грѣшникъ, но я впередъ уже не хочу быть таковымъ, я хочу исправиться, хочу бросить худыя дѣла, оставить порочныя намѣренія; только сподоби меня, Господи, теперь достойно причаститься пречистыхъ Твоихъ Таинъ. *Вѣрую Господи*, только помози моему невѣрію, вѣрую, *яко ты воистинну Христосъ, сынъ Бога живаго, пришедый въ міръ грѣшныя спасти; еще вѣрую*, и еще молю Тебя, — помози моему невѣрію, *еще вѣрую, яко сіе есть самое пречистое тѣло Твое, и сія есть самая честная кровь Твоя.* Не даю Тебѣ лобзанія Іудина, нѣтъ, я уже не промѣняю Тебя ни на какія удовольствія, не продамъ Тебя ни за какую цѣну; только помилуй меня, и сподоби неосужденно причаститися пречистыхъ Твоихъ Таинъ.

Съ такою вѣрою, съ такимъ намѣреніемъ приступающій къ сей св. Чашѣ разрѣшается отъ грѣховныхъ узъ, связующихъ его душу, и потому причастится Пречвстыхъ Таинъ не въ судъ или осужденіе, но въ отпущеніе грѣховъ и жизнь вѣчную. Дай, Господи, такъ причаститься всѣмъ намъ, не только нынѣ, но и всегда. Аминь.

Протоіер. Путятинъ [1]).

Поученіе о скорбяхъ.

Многими скорбми подобаетъ намъ внити въ царствіе небесное. Дѣян. 14, 22.

Многими скорбми.... а уже ли вовсе безъ скорбей нельзя достигнуть царствія Божія?

Нельзя, ибо только при скорбяхъ душа наша очищается отъ скверпъ духовныхъ, съ которыми невозможно взойти въ царствіе Божіе. И потому-то нѣтъ теперь на небѣ ни одного святаго, который бы на землѣ прожилъ бы вѣкъ свой безъ скорбей; всякій изъ нихъ непремѣнно терпѣлъ скорби въ жизни или умиралъ скорбною смертію. Такъ къ царствію Божію для всѣхъ одинъ путь — путь скорбный. Не имѣть намъ скорбей въ этой жизни невозможно; ибо мы и родимся во грѣхахъ и живемъ грѣшниками. Если бы на насъ не было никакихъ грѣховъ, то мы были бы совершенно свободны отъ скорбей; потому что тогда не отъ чего и не за что было бы скорбѣть намъ. А какъ въ настоящемъ нашемъ грѣховномъ состояніи намъ нельзя быть безъ грѣховъ, то нельзя намъ быть и безъ скорби, ибо скорбь есть неизбѣжное слѣдствіе грѣха.

Что же намъ теперь дѣлать, когда мы не можемъ въ этой жизни быть безъ скорбей? Благодарить Бога, что Онъ скорбный путь нашей жизни содѣлалъ путемъ къ царствію небесному, и, благодаря Его, очищать неизбѣжными скорбями свою душу отъ скверпъ грѣховныхъ. И такъ прилагай всякую тебя постигающую скорбь къ своимъ грѣховнымъ ранамъ, то есть, признавай, что она постигла тебя за твои грѣхи. Заслуженная скорбь поставится тебѣ въ заслугу, если ты сознаешь себя въ ней виновнымъ. И потому, какъ бы тебѣ ни было прискорбно, не сердись на другихъ, не прилагай твоей скорби къ чужимъ грѣхамъ; иначе лишаешься той пользы, которую она могла бы тебѣ принесть. Скорбь тогда только полезна намъ, когда мы прилагаемъ ее къ нашимъ грѣховнымъ ранамъ, когда, скорбя, обвиняемъ себя однихъ. И какъ намъ винить другихъ? Хотя бы дѣйствительно другіе причиняли намъ скорбь, по

---

[1]) Современный намъ ораторъ, протоіерей въ Рыбинскѣ.

главною причиною ея остаемся все мы же сами; ибо если бы въ насъ не было грѣховъ, то никто и ничто въ свѣтѣ не могло бы причинить намъ скорби. Да, скорбь есть слѣдствіе грѣха; мы отъ того и скорбимъ, что въ насъ еще живетъ грѣхъ, еще дѣйствуетъ страсть. Для больнаго мѣста на нашемъ тѣлѣ малѣйшее прикосновеніе ощутительно и для больной грѣхами нашей души всякая непріятность оскорбительна. И такъ отъ кого бы и отъ чего бы твоя скорбь ни приходила, отъ себя ли, отъ другихъ ли, отъ высшихъ ли, отъ низшихъ ли, отъ болѣзней ли, отъ потери ли, отъ бѣдности ли, отъ трудовъ ли, отъ видимыхъ ли, отъ невидимыхъ ли враговъ, словомъ всякую скорбь къ своимъ грѣхамъ прилагай, за все себя обвиняй. «Видно, я великій грѣшникъ, когда я всѣмъ и всѣми оскорбляюсь; видно сильны еще во мнѣ страсти, когда я отъ всякаго непріятнаго случая такъ скорблю». Впрочемъ, обвиняя себя во всемъ, не забывай милосердія Божія; бія себя руками въ грѣшную грудь, обращай свои очи къ Всеблагому Богу.

Иначе скорбь твоя сокрушитъ тебя въ конецъ и обличеніе себя во грѣхахъ повергнетъ тебя въ бездну отчаянія. Обращаясь же къ Богу, надѣйся вполнѣ на Его безпредѣльное милосердіе къ тебѣ. Да, Онъ безпредѣльно милосердъ; Онъ давно ждетъ тебя; Онъ для того и ударяетъ скорбію въ двери сердца твоего, чтобъ ты къ Нему обратился, стучитъ тебѣ, чтобъ ты обратился къ Нему, принять отъ Него милости, которыя Имъ приготовлены тебѣ. Не упускай же случая: скорбь — самое благопріятное время для полученія милостей Божіихъ; никогда такъ скоро не доходитъ до Бога наша молитва, какъ въ то время, когда она исходитъ изъ стѣсненнаго скорбію сердца. И такъ прибѣгай къ Богу, ищи Его, ищи Его особенно тамъ, гдѣ Онъ являетъ особенное свое благодатное присутствіе, ищи Его во всякомъ храмѣ, ищи Его въ Св. Тайнахъ, ищи Его въ св. словѣ; ищи и ты все найдешь въ Немъ.

Когда ты такимъ образомъ будешь переносить свою скорбь, то немедленно къ тебѣ придетъ утѣшеніе. Утѣшеніе неразлучно съ терпѣливымъ перенощеніемъ скорби. Скорбь, такой пластырь, отъ котораго тотчасъ бываетъ легче, какъ скоро приложишь его къ своимъ грѣховнымъ ранамъ, и обратившься къ Врачу душъ и тѣлесъ. Тяжка и мучительна скорбь, когда не рѣшаешься еще переносить ее терпѣливо; а какъ скоро примешь рѣшительное намѣреніе, какъ скоро скажешь: «буди воля Твоя, Господи! Вѣдь это мнѣ за мои грѣхи и для очищенія моихъ грѣховъ; стану же терпѣть, стану терпѣливо ждать, пока скорбь пройдетъ», тогда, будь увѣренъ, она пройдетъ, и на душѣ сдѣлается такъ легко, и сердцу будетъ такъ отрадно, и изъ очей польются слезы, самыя сладкія слезы!... Ѳ, для такихъ утѣшеній можно цѣлые годы терпѣть са-

мыя тяжкія скорби! Ищи же и ожидай въ скорби утѣшеній духовныхъ, Божественныхъ, благодатныхъ; но бойся утѣшать себя чѣмъ-либо земнымъ, чувственнымъ, грѣховнымъ: это значило бы прилагать скорби къ скорбямъ. Сиди со своею скорбію въ своемъ скорбномъ домѣ, или иди въ домъ плача, а не ходи искать утѣшенія въ веселыхъ собраніяхъ міра; лучше плачь и оставайся безъ всякаго утѣшенія, а не утѣшайся мірскимъ. Дома поплачешь, поскорбишь, и утѣшишься: а послѣ тѣхъ утѣшеній станешь плакать и скорбѣть. И среди невинныхъ удовольствій не забывай, что тебѣ надобно еще плакать о грѣхахъ; и при самыхъ духовныхъ утѣшеніяхъ ожидай, что тебѣ еще придется скорбѣть отъ грѣховъ. Царствіе Божіе не утѣшеніями достигается, а скорбми, и скорбми многими. *Многими скорбми подобаетъ внити въ царствіе Божіе.*

И такъ будемъ съ терпѣніемъ проходить предлежащее намъ скорбное поприще; оно и все непродолжительно, а царствіе Божіе, ожидающее насъ, вѣчно, его же и да сподобитъ всѣхъ насъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ, молитвами Владычицы нашей Богородицы и всѣхъ своихъ святыхъ. Аминь.

Протоіер. Путятинъ.

Слово при дворянскихъ выборахъ въ С.-Петербургѣ [1]).

Въ торжественномъ собраніи людей благорожденныхъ, представителей современнаго Рускаго общества, мы нынѣ особеннымъ долгомъ почитаемъ съ особенною силою напомянуть—о Богѣ.—Напомянуть? Не примите, благородные слушатели, этого слова за обличеніе, какъ будто бы вы не помните Бога, какъ будто настоящее собраніе ваше предъ лицемъ Бога не есть доказательство вашей памяти о Немъ. Нѣтъ! Не то мы хотимъ сказать. Но видите ли: бываютъ времена, обстоятельства, дѣла, въ которыхъ и не забывчивымъ людямъ и о простыхъ, повидимому, общеизвѣстныхъ истинахъ, безпрестанно твердятъ: помните! не забывайте!

А какую истину чаще повторять надобно въ такихъ обстоятельствахъ, когда въ жизни народа совершается переломъ, когда невѣрные пути, невѣрные шаги могутъ не одного человѣка, не нѣсколько человѣкъ, а цѣлый народъ низринуть въ пропасть? Народъ! *помни Бога!*

И такъ, не одно дѣло вашихъ сословныхъ выборовъ теперь у насъ въ виду. Оно, какъ и все ваше сословіе, должно быть нераздѣльно съ жизнію общества и потому имѣетъ свое значеніе и силу въ связи общихъ дѣлъ Россіи; и смотря на васъ, какъ пере-

---

[1]) Сказано 27-го февраля 1866 года.

довыхъ дѣятелей жизни народной, мы теперь невольно обращаемъ свои мысли ко всему Русскому народу.

Да, настоящее время Россіи слишкомъ важно для всѣхъ насъ. Сколько нынѣ въ Россіи дѣлъ, новыхъ, обширныхъ, многосложныхъ, многотрудныхъ! Сколько нуждъ, вопросовъ, предпріятій! Сколько для всей этой работы нужно ума, знанія, энергіи, силы воли, сколько силъ и средствъ вещественныхъ! Думаете ли вы, что все это не выходитъ изъ предѣловъ силъ человѣческихъ, что на все это достанетъ у насъ своихъ способностей и средствъ? Не ошибитесь. Человѣческіе умы и средства и дѣла бываютъ только тогда крѣпки, когда въ нихъ дѣйствуетъ Богъ; забытъ Богъ: тогда Онъ дѣйствительно оставляетъ людей ихъ собственнымъ силамъ и средствамъ, и тогда они падаютъ, падаютъ подъ бременемъ дѣлъ, котораго снести не могли. Вы знаете, что нѣсколько рыбаковъ передѣлали жизнь цѣлаго міра; знаете также, что самые сильные народы древности падали, какъ скоро новымъ, возникавшимъ потребностямъ и вопросамъ жизни не соотвѣтствовали ихъ силы. Вотъ что значитъ сила Божія и сила человѣческая? А кто думаетъ, что для настоящихъ дѣлъ Россіи нужны силы только вещественныя, тотъ ошибается. Прежде и болѣе всего потребны силы нравственныя; а источникъ ихъ — Богъ, основа ихъ — вѣра въ Бога.

Въ наше время вся Россія и все въ Россіи преобразуется. Благо сердце и добрая воля Царя предшествуетъ народу на пути преобразованій. Вотъ гдѣ по преимуществу имѣетъ мѣсто и должна всю свою силу сохранить святая истина, что сердце Царево въ руцѣ Божіи, *Божіи*, а не *человѣческой!* И да будетъ! Мы отъ всей глубины душъ нашихъ молимъ Бога, да будетъ это сердце, свободное и неприкосновенное для чуждыхъ собственнымъ его чувствамъ пираженій человѣческихъ, всегда и вполнѣ открыто водительству самого Бога! Да будутъ въ дѣлахъ сердца Царева совѣщателями и исполнителями мужи разума, правды, совѣсти и нравственности христіанской; словомъ, мы молимся, чтобы въ совѣтахъ Царевыхъ присутствовалъ — Богъ!

Преобразованія, конечно, должны вести народъ къ лучшему. Но что такое это—*лучшее?* Какія тутъ идеи, какія начала, какія цѣли? Какой духъ и силы тутъ дѣйствуютъ? Вы укажете на народное просвѣщеніе, цивилизацію, силу общественнаго мнѣнія, свободу мысли и слова, развитіе народной самодѣятельности, и т. д.; а мы скажемъ: если все это не основано на началахъ строго-нравственныхъ, не проникнуто чистымъ воздухомъ нравственнымъ, если при этомъ не имѣется въ виду нравственная жизнь народа, съ ея потребностями и законами, тогда все это пустоцвѣтъ, гниль; скажемъ болѣе—все это легко обращается въ ложь и зло. Неужели же без-

нравственность можетъ быть добромъ и — къ добру? А нравственности нѣтъ, гдѣ нѣтъ вѣры въ Бога.

Народъ есть сила живая, сознательная, нравственная. Его нельзя усовершенствовать, какъ машину. Только нравственною силою, нравственными средствами, при нравственныхъ цѣляхъ, и можно дѣйствовать на него къ лучшему. Никакія мѣры, улучшенія не будутъ успѣшны и плодотворны, если не сопровождаются развитіемъ нравственнаго сознанія въ народѣ, если не будутъ имѣть корня и силы въ народной нравственности. Хотимъ ли мы въ самомъ дѣлѣ, чтобы народъ былъ истинно-образованнѣе, гражданственнѣе, дѣятельнѣе и крѣпче въ своей жизни общественной, чтобы онъ хорошо умѣлъ пользоваться своими народными силами и правами? Сдѣлаемъ его нравственнѣе; по крайней мѣрѣ дадимъ ему возможность и средства къ тому; по крайней мѣрѣ — не дадимъ ему путей къ безнравственности.—А что сдѣлала Европейская цивилизація съ первобытными народами, необразованными, но патріархальными, когда пришла къ нимъ безъ религіи и нравственности? Она ихъ погубила.

Есть въ жизни народной стороны, не подлежащія преобразованію. Это именно — христіанская вѣра и нравственность. Но духъ времени посягаетъ и на это. Ему кажется, что люди будутъ умнѣе и просвѣщеннѣе, если не будутъ обязаны вѣровать въ Бога и Христа, что народы будутъ счастливѣе, если не религія, а что-нибудь другое, напр. соціализмъ, будетъ опредѣлять для нихъ правила нравственности. Что-жъ? Безъ дальнихъ разсужденій мы можемъ сейчасъ повѣрить это умозрѣніе. Обратимся прямо и просто — къ человѣческому чувству. Вотъ вамъ, людямъ благороднымъ и образованнымъ, какъ покажется, если бы кто, во имя просвѣщенія, сталъ объяснять, что вы и всѣ люди получили жизнь не только не отъ Бога, даже не отъ людей, а выродились изъ животныхъ? Если бы кто, во имя общественнаго блага, сталъ доказывать, что ваше право собственности вовсе не есть право, а воровство; что ваше супружество есть насиліе для вашихъ супругъ и ваше семейство не вамъ принадлежитъ и не обязано вамъ никакимъ собственнымъ долгомъ, и т. д.?—Что за безуміе? скажете вы: а это и есть просвѣщеніе и нравственное ученіе—безъ религіи и христіанской нравственности. И увы! все это у насъ въ Россіи нынѣ проповѣдуется и печатается.

Нѣтъ! Не дастъ Русскій народъ преобразовать свою вѣру, вѣру православную и соединенное съ нею ученіе нравственное. Это его духовная сила; это корень его внутренней жизни и духъ его жизни исторической. И горе тому, кто посягнулъ бы на эту святыню народа! Народъ Русскій не можетъ быть не православнымъ: иначе онъ пересталъ бы бытсь Рускимъ; отнять у него вѣру, въ которой

онъ и одной буквы перемѣнить не позволяетъ, значило бы со дна возмутить всю его жизнь, значило бы отнять у него душу. Кто отважится на такое душегубство?

Народъ, возвращенный отъ помѣстной зависимости къ свободѣ, общество, призываемое къ самоуправленію въ своихъ дѣлахъ, къ водворенію среди себя гласности, суда совѣсти и мира, — каковъ долженъ быть этотъ народъ и это общество? Скажемъ однимъ словомъ: они должны быть *совѣстливы*. Пусть просвѣтится, укрѣпится, возвысится народная и общественная совѣсть: и вы будете безопасны отъ злоупотребленій народной свободы; у васъ будетъ здравое и вѣрное общественное мнѣніе; будутъ цѣлы общественныя суммы; вы будете имѣть правые суды присяжныхъ и отличныхъ мировыхъ судей. Не правда ли?—Но вотъ вопросъ: гдѣ обществу и народу взять такую совѣстливость? Отвѣтъ: нигдѣ, какъ въ религіи. Никакой законъ мірской, никакая власть и сила человѣческая не простирается на совѣсть: только Богъ — судія совѣсти. Нѣтъ въ совѣсти Бога: не ожидайте добра тамъ, гдѣ надобно полагаться на совѣсть человѣческую.

Наконецъ, предъ лицемъ Бога, похвалимся ли мы своею общественною жизнію? Открытое вольномысліе въ самыхъ священныхъ для человѣка предметахъ, не только явное охлажденіе и пренебреженіе къ Церкви, но и не скрываемая непріязнь къ ней, извращеніе нравственныхъ понятій, публичный развратъ, убійство времени, достоянія и жизни въ денежныхъ играхъ, роскошь и расточительность среди вопіющихъ нуждъ общественныхъ и всеобщихъ жалобъ на затрудненія въ средствахъ жизни, равнодушіе и неразвитіе общественной дѣятельности среди настоятельно вызывающихъ ее вопросовъ, странный голосъ среди отечества противу отечественныхъ интересовъ и стремленіе ослаблять основы народной жизни; неуваженіе власти, и при слабомъ чувствѣ законности, неугомонныя посягательства на неподлежащія права; упадокъ серьезнаго образованія и воспитанія, раздоръ въ семействахъ между отцами и дѣтьми, безмѣрное пьянство въ народѣ, умноженіе дерзкихъ общественныхъ преступленій: и все это въ то самое время, когда рѣчь и дѣло идетъ о возрожденіи Россіи и мы воображаемъ, что идемъ впередъ! Не кажется ли вамъ, не можетъ ли придти на мысль всякому строгому наблюдателю, если посмотрѣть вокругъ себя серьезно, что жизнь наша какъ будто сдвинулась съ вѣковыхъ религіозныхъ и нравственныхъ основаній, и, въ разладѣ съ народною вѣрою и совѣстію, съ отечественною любовію и правдою, при нашей внутренней несостоятельности, идетъ будто не вѣсть куда, безъ разумныхъ убѣжденій и сознательно-вѣрныхъ стремленій? Но это было бы ужасно! — Народъ! *помни Бога!*

Возвращаясь къ вашимъ выборамъ, мы молимъ Бога, чтобы Онъ благословилъ ихъ и, принявъ вашу клятву во имя Его, воздѣйствовалъ въ вашемъ духѣ къ совершенію ихъ въ мирѣ, порядкѣ, безпристрастіи, въ предѣлахъ строгой законности и въ видахъ не одного сословнаго, но и общественнаго блага. Аминь!

Еписк. Іоаннъ [1]).

[1]) Современный ораторъ, бывшій ректоръ С.-Петербургской Дух. Академіи, а нынѣ епископъ Смоленскій. Извѣстенъ замѣчательнымъ сочиненіемъ: «Курсъ Церковнаго Законовѣдѣнія».

3. НОВѢЙШЕЕ СВѢТСКОЕ КРАСНОРѢЧІЕ.

РѢЧЬ ФОКСА

на смерть Герцога Бедфорда, произнесенная имъ въ Парламентѣ [1]).

(NB. Онъ три раза начиналъ говорить, и не могъ отъ слезъ и рыданія. Всѣ члены Парламента и зрители смотрѣли на него съ умиленіемъ).

Естьли бы я лишился единственнаго друга, то не здѣсь бы изъявилъ мою горесть; но тотъ, кого оплакиваю, имѣлъ такія рѣдкія достоинства и былъ столько уважаемъ всѣми, что я оскорбилъ бы его память и не исполнилъ бы вашего ожиданія, есть ли бы не удалился отъ правилъ обыкновенныхъ. Никогда общее сожалѣніе не бывало живѣе и трогательнѣе! Сердечная горесть видна во всѣхъ состояніяхъ общества; всякій потерялъ отца. Увѣренный, что смерть герцога Бедфорда есть народное бѣдствіе, могу надѣяться на ваше снисхожденіе.... (Члены Парламента изъявляютъ знаки чувствительности).... Не хочу описывать жизни и характера его: добродѣтели сего гражданина столь извѣстны, что не нужно напоминать ихъ. Скажу только, что онъ оставилъ міръ въ такія лѣта, въ которыя человѣкъ можетъ еще наслаждаться всѣми пріятностями жизни; но зрѣлый опытами, знаетъ уже и всѣ ея обязанности. Обыкновенные законы природы обѣщали ему долговременное бытіе; а мы надѣялись еще долго пользоваться его благодѣяніями, великодушіемъ и мудростью. Естьли бы мы лишались его на зарѣ жизни, то семейство и друзья проливали бы слезы, но государство не могло бы чувство-

---

[1]) Здѣсь славнѣйшій Ораторъ Англіи (1748—1806) платитъ горестную дань дружбы добродѣтельному человѣку.

вать такой потери; не рѣдко самыя пріятныя ожиданія не исполняются и самыя лестныя надежды остаются безплодными. Страсти, разсѣяніе, лесть, бывают гибельны для юныхъ сердецъ, и многіе жертвуютъ добродѣтелью минутнымъ выгодамъ случая. Но Бедфордъ умираетъ тогда, когда никто уже не могъ сомнѣваться въ твердости его правилъ и добродѣтели. Естьли бы при концѣ теченія, въ лѣтахъ старости, могила поглотила его, то онъ, заслуживъ, можетъ быть, еще болѣе наше почтеніе, менѣе огорчилъ бы насъ своею смертію, ибо сдѣлалъ бы въ жизни все для него возможное.

Достоинство сего знаменитаго мужа имѣло тѣмъ болѣе цѣны, что оно было его собственнымъ твореніемъ. Онъ родился въ опасномъ положеніи, избранный судьбою наслаждаться самымъ блестящимъ состояніемъ, чрезвычайнымъ богатствомъ, и окруженный всякаго рода прелестями. Какъ легко въ такихъ обстоятельствахъ ожесточится сердцу, ограничиться разуму! Сатирическій авторъ сказалъ справедливо:

Rarus enim sensus communis, illa fortuna [1]).

Но онъ сохранилъ чистоту души своей, и въ нѣдрахъ щастія умѣлъ пріобрѣсти добродѣтели злополучія. Равнодушный къ самому себѣ, желалъ единственно общаго благоденствія, и главнымъ дѣломъ жизни его было способствовать добронравію, мудрости и счастію согражданъ. Не хваляся, подобно нѣкоторымъ людямъ, именующимъ себя филантропами — не хваляся, говорю, любовію ко всему роду человѣческому, не рѣдко безполезною, Бедфордъ осыпалъ людей благодѣяніями, и доказывалъ тѣмъ свое великодушіе; былъ не только щедрымъ для бѣдныхъ, но и нѣжнымъ ихъ утѣшителемъ: кроткая попечительность его благотворила не менѣе великодушной щедрости.

Можно сожалѣть, что онъ не оставилъ дѣтей оплакивать его кончину и пользоваться его примѣромъ. Но есть ли можемъ считать дѣтьми своими тѣхъ, кого любимъ — тѣхъ, которымъ мы оказали важныя услуги, и которые привязаны къ намъ узами сердца и благодарности: то сколь многочисленно горестное семейство Герцога Бедфорда!

Не буду говорить о любезныхъ свойствахъ, которыя отличали его и дѣлали украшеніемъ общества; только одно смѣю напомнить вамъ: постоянство его въ дружбѣ. О Бедфордѣ можно сказать то, что рѣдко въ другихъ видимъ: кто въ началѣ года наслаждался его дружбою, тотъ зналъ, что при концѣ года еще болѣе насладится ею.

[1]) Рѣдко умъ и чувства бываютъ тамъ, гдѣ фортуна.

Не здѣсь могу говорить о политическихъ мысляхъ Герцога Бедфорда; онѣ столько отличались отъ мыслей большей части Парламента, что скорѣе могутъ быть для него предметомъ аналогіи, нежели хвалы. Замѣчу только, что въ нѣкоторыхъ фамиліяхъ любовь къ народнымъ добродѣтелямъ кажется наслѣдственною. Есть-ли въ Римѣ не удивлялись всегдашней ревности Клавдіевъ къ правамъ и достоинству Патриціевъ: то удивительно ли, что Бедфордъ, потомокъ славнаго Графа, друга, покровителя Гампдена и Вана, объявляетъ себя защитникомъ народной свободы? Твердость, непремѣнность правилъ есть нравственное достоинство во всякомъ образѣ мыслей: она утвердитъ память Герцога Бедфорда въ искреннемъ почтеніи всѣхъ людей.

Жестокій опытъ ожидалъ его при концѣ жизни. Ни страшныя муки, ни близость вѣрной смерти не могли поколебать его мужества: онъ не измѣнилъ себѣ! Въ сіи ужасныя минуты занимался только другими; самыя послѣднія употребилъ на благодѣянія для остающихся, и скончался съ героическою твердостію великихъ мужей, которыхъ ставятъ въ примѣръ свѣту.

Сколь ни велика моя личная благодарность, и сколь ни уважаю особенныя чувства его, которыя до послѣдней минуты жизни моей сдѣлаютъ память Бедфорда для меня драгоцѣнною; но не думайте, чтобы я, пользуясь снисхожденіемъ Парламента, хотѣлъ единственно удовлетворить моей чувствительности и осыпать цвѣтами гробъ человѣка, котораго мы всѣ оплакиваемъ. Нѣтъ! хочу представить великій образецъ моимъ согражданамъ; хочу, чтобы они видѣли его, передъ собою, говорили объ немъ въ ихъ семействахъ и ставили его въ примѣръ добродѣтели дѣтямъ своимъ.

Ахъ! есть-ли изъ нѣдръ вѣчности онъ можетъ еще внимать намъ, то, безъ сомнѣнія, ему пріятно видѣть, что и смерть его, вмѣстѣ съ жизнію, для насъ полезна. Среди многихъ бѣдствій міра,— сказалъ (можетъ быть не столь истинно, сколь краснорѣчиво) одинъ юный Ораторъ — среди бѣдствій міра мы утѣшаемся очевидностію, что торжество порока есть одно мгновеніе, а добродѣтель вѣчна, и по смерти воскресаетъ въ примѣрахъ, оставляемыхъ ею для насъ!

Н. Карамзинъ.

РѢЧЬ ДЖОНСОНА[1]) ДѢТЯМЪ.

Общество воскресныхъ школъ въ Вашингтонѣ и его окрестностяхъ праздновало 25 мая (1865 г.) юбилей своего 25-лѣтняго существованія. Около

[1]) Нынѣшній президентъ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ.

5 тысячъ учениковъ и ученицъ и 700 наставниковъ и служащихъ при школахъ составляли праздничный кортежъ. Предъ самымъ празднованіемъ, эта многочисленная толпа хлынула къ Бѣлому Дому [1]), оффиціальной резиденціи президента, и, привѣтствуя Джонсона неумолкаемымъ «ура», проходило мимо него стройными рядами, между тѣмъ какъ тысячи дѣтскихъ рукъ осыпали его букетами. Но прекраснѣйшимъ моментомъ этого торжества, безъ сомнѣнія, былъ тотъ, когда президентъ, занявъ свое мѣсто предъ балюстрадой, пригласилъ дѣвочекъ занять мѣста около себя на принесенныхъ столахъ и стульяхъ (мальчики образовали вокругъ него замкнутую цѣпь) и обратился къ юному собранію съ такою рѣчью:

Если я не ошибаюсь — началъ *Джонсонъ*, — вы собрались сюда для того, чтобы показать, какое множество дѣтей посѣщаетъ школы и съ тѣмъ вмѣстѣ засвидѣтельствовать свое уваженіе къ высшимъ государственнымъ лицамъ націи. И это уваженіе вы приносите сегодня человѣку, который хорошо умѣетъ цѣнить положеніе бѣдныхъ дѣтей. Въ теченіи моей жизни мнѣ всегда непріятно было встрѣчаться съ человѣкомъ, гордящимся и величающимся своими заслугами и рожденіемъ, — и я хочу теперь же высказать вамъ, — моимъ юнымъ друзьямъ, оказавшимъ мнѣ честь своимъ посѣщеніемъ, — что я врагъ всякаго боготворенія и обожанія земныхъ вещей и смертныхъ личностей, но я желалъ бы, чтобъ истинной заслугѣ во всякое время воздавалось справедливое и приличное уваженіе и почтеніе. Дѣти мои! — могу ли назвать васъ этимъ именемъ? — учитесь же и вы, которымъ судьба возрастила при счастливой обстановкѣ жизни, и вы, жизнь которыхъ протекла въ менѣе благопріятныхъ условіяхъ, учитесь всѣ благовременно отличать достойное и недостойное.

Вы, пользовавшіяся большими выгодами, не будьте горды и тщеславны потому, что ваши родители могли нѣсколько лучше одѣть васъ, или лучше воспитать. Но знайте и помните, что ваши родители и ваши наставники не въ состояніи одни воспитать васъ. Богаты или бѣдны ваши родственники, даровиты вы или нѣтъ — *вы должны сами воспитывать себя!* Родители, наставники и другія преимущества, которыми вы пользовались, не имѣютъ никакого значенія въ сравненіи съ тѣмъ средствомъ, которое находится въ вашихъ рукахъ и съ которымъ вы должны пролагать себѣ путь въ жизни. Но никогда не воображайте себѣ, будто вы лучше чѣмъ-нибудь вашихъ товарищей, поставленныхъ въ менѣе благопріятныя условія и менѣе способныхъ. Вмѣсто того, чтобы относиться къ нимъ презрительно и увеличивать тяжесть ихъ стѣсненнаго положенія, стремленіе — возвысить ихъ до одного уровня съ собою — должно составлять вашу гордость, вашу славу!.... Я убѣжденъ, что

[1]) Зданіе, занимаемое постоянно Президентомъ.

громадная масса нашего Американскаго народа можетъ достигнуть широкаго прогресса. И когда эта цѣль будетъ достигнута, то мы будемъ величайшею и самою славною націей на земномъ шарѣ....

Дѣти мои, замѣтьте же, что́ я скажу вамъ съ полною искренностію: если бы я былъ въ состояніи научить васъ, какъ достигнуть высокаго умственнаго и нравственнаго развитія, я въ правѣ былъ бы гордиться этимъ болѣе, чѣмъ если-бы сорокъ разъ былъ выбранъ въ президенты! Оглянитесь кругомъ, — здѣсь домъ президента, вотъ капитолій могущественной націи, — предъ вами представители законодательной и исполнительной власти, и вы смотрите на нихъ, какъ на просвѣщенныхъ и высокихъ лицъ. Храните же твердо воспоминаніе объ этой минутѣ. Вы — молодое поколѣніе, жители послѣ насъ. Всѣ эти зданія и все управленіе будетъ нѣкогда подлежать вашему контролю и сдѣлаются вашею собственностію, и вы будете осуществлять начала политики, религіи и гуманности. Каждый изъ васъ, окружающіе меня мальчики, рожденъ кандидатомъ на президентское кресло, — и почему же бы вамъ не стремиться къ достиженію этого высокаго званія? И вы, милыя дѣвушки, хотя и не будете президентами, но каждая изъ васъ рождена кандидаткою на высокое достоинство президентши. Помните же это и стремитесь безостановочно къ достиженію этого высокаго положенія. Все, что предпринимаетъ человѣкъ, должно снискивать ему благоволеніе Того, кто управляетъ судьбою міра и его событіями. Такова моя вѣра.... Придетъ время, и будетъ поднятъ вопросъ, не о томъ, чему вѣруетъ человѣкъ, но — добрый ли онъ человѣкъ, или добрая ли она женщина. Если онъ дѣйствительно добрый человѣкъ, то что́ нужды, къ какой церкви или къ какому религіозному обществу онъ принадлежитъ.... Еще разъ, мои дѣти: *воспитывайте сами себя!*»

По окончаніи рѣчи, президентъ хотѣлъ было возвратиться домой, но толпа загородила ему дорогу. Мужчины и дамы, принимавшіе участіе въ процессіи, захотѣли поднять его на руки, и добродушный Джонсонъ не воспротивился этому желанію. (Изъ Журнала «Учитель» 1865 г., стр. 523).

ПОХВАЛЬНОЕ СЛОВО ЕКАТЕРИНѢ II.

Побѣды Екатерины II.

Сколь часто поэзія, краснорѣчіе и мнимая философія гремятъ противъ славолюбія завоевателей! Сколь часто укоряютъ ихъ безчисленными жертвами сей грозной страсти! Но истинный философъ различаетъ, судитъ и не всегда осуждаетъ. Прелестная мечта все-

мірнаго согласія и братства, столь милая душамъ нѣжнымъ! для чего ты была всегда мечтою? Нравственность народовъ и государей не есть нравственность частныхъ людей; благо сихъ послѣднихъ требуетъ, чтобы первые болѣе всего думали о внѣшней безопасности: а безопасность есть — могущество! Слабый народъ трепещетъ, сильный подъ эгидою величія, свободно наслаждается политическимъ бытіемъ. Сія истина раждаетъ правила для Монарховъ. Исчезни, память кровожадныхъ Аттилъ, которые хотѣли побѣждать единственно для славы побѣдъ! но цвѣти, имя героевъ, которые развили враговъ отечества, и побѣдами запечатлѣли его благоденствіе! Петръ и Екатерина хотѣли пріобрѣтеній, но единственно для пользы Россіи, для ея могущества и внѣшней безопасности, безъ которой всякое внутреннее благо ненадежно. Монархиня знала, что Имперія Оттоманская, по своему закону и духу правленія, есть опасный врагъ Россіи; что всѣ союзы, всѣ дружественные договоры съ нею будутъ только краткимъ перемиріемъ, и что единственный способъ утвердить покой нашего государства есть ослабить сего природнаго и вѣчнаго непріятеля Христіанъ; — знала и совершила. Но Европа видѣла, что Екатерина, будучи всегда готовою къ войнѣ, по особенной любви къ справедливости, никогда Сама не разрывала мира; когда же мечъ, извлеченный для обороны, блисталъ въ рукѣ Ея, тогда — горе врагамъ безразсуднымъ!

Едва Монархиня успѣла привести въ лучшій порядокъ внутреннее правленіе государства, уже дерзостный Мустафа оскорбилъ величіе Россіи, объявилъ себя союзникомъ Польскихъ мятежниковъ, требовалъ, чтобы войско наше оставило Станислава имъ въ жертву, и наконецъ, презирая священныя права народовъ, заключилъ въ темницу того, кто при его дворѣ былъ образомъ Екатерины!

Уже Ея воины разили Оттомановъ; уже на берегахъ Днѣстровскихъ развѣвались наши побѣдоносныя знамена; — но взоръ Екатерины еще искалъ полководца, достойнаго Ея довѣренности и великихъ намѣреній. Она не хотѣла войны обыкновенной; не хотѣла жертвовать людьми по волѣ случая: хотѣла дѣйствіемъ превосходнаго ума предписать законъ року. Искала, и нашла — Румянцова! Сей великій мужъ славно отличилъ себя во время Войны Прусской; взялъ Колбергъ; удивлялся хитрости искуснаго Фридриха, но часто угадывалъ его тайные замыслы; сражался съ нимъ и видѣлъ нѣсколько разъ побѣгъ его воинства. Талантъ великихъ душъ есть узнавать великое въ другихъ людяхъ; и Екатерина, избравъ Румянцова, ускорила паденіе Турецкой Имперіи.

Герой, пріявъ начальство, перемѣнилъ всѣ воинскія распоряженія; отвергнулъ всѣ малодушныя осторожности, похожія на ро-

бость, и введенныя въ нашихъ арміяхъ чужеземными военачальниками. *Не рогатки, а огнь и мечь защита ваша*, сказалъ онъ Россійскимъ легіонамъ, — и вдохновеніе геройства оживило ихъ. Пошли — и съ того времени каждый ударъ Россіянъ былъ пораженіемъ для Оттомановъ.

Дѣла неимовѣрныя, чудесныя! Сіи страшные завоеватели Востока, ужасъ Европы, истребители славныхъ армій ея, не могутъ стоять предъ лицемъ Румянцова! Восемьдесятъ тысячъ отборнаго Турецкаго войска, подъ начальствомъ Хана Селима, исчезли какъ прахъ на берегахъ Прута; ни высокая гора, ни укрѣпленный станъ не спасли ихъ. Сего мало: — туда, гдѣ рѣка Прутъ вливаетъ быстрыя воды свои въ величественный Дунай; туда, гдѣ Великій Петръ, окруженный невѣрными, отчаялся быть побѣдителемъ и требовалъ мира, — туда Геній Екатерины привелъ Румянцова, и поставилъ его между врагами безчисленными. Съ одной стороны Ханъ Крымскій горѣлъ ревностію загладить стыдъ своего пораженія; съ другой самъ Визирь уже торжествовалъ въ мысляхъ побѣду. Сограждане! каждый изъ васъ слыхалъ о великомъ Боѣ Кагульскомъ и проливалъ радостныя слезы, достойныя Русскаго сердца; я проливалъ ихъ, внимая вашему повѣствованію, герои именитые, счастливые сподвижники Румянцова! и никогда въ моемъ воображеніи не затмится сія величественная картина. Семнадцать тысячъ Русскихъ, на разсвѣтѣ прекраснѣйшаго дня, въ глубокомъ молчаніи идутъ умереть со славою противъ ста пятидесяти тысячъ непріятелей; тихое веселіе на ихъ лицахъ; въ груди предчувствіе геройскаго безсмертія. Всѣ повелѣнія были отданы, и вождь казался спокойнымъ; одно величество блистало въ его взорахъ. — Вдругъ громы возвѣстили явленіе солнца, и тучи дыма сокрыли его; оно снова возсіяло — и гдѣ враги многочисленные? Я вижу трофеи наши, и среди ихъ героя Румянцова, который, не измѣнивъ всегдашняго спокойнаго лица своего, пишетъ къ Монархинѣ донесеніе о славнѣйшей побѣдѣ въ мірѣ. Духъ Петра Великаго! Ты утѣшился. Отнынѣ сліяніе Прута ь Дунаемъ будетъ радостнымъ памятникомъ для Россіянъ.

За симъ торжествомъ Екатерининой славы, міръ увидѣлъ другое, не менѣе чудесное. Сама природа заграждаетъ, кажется, дальній путь нашимъ флотамъ, окружая льдами гавани Россіи на двѣ трети года; но геній Монархини побѣждаетъ природу, и волны изумленнаго Геллеспонта пѣнятся подъ рулями Россійскими. Священныя воспоминанія исторіи волновали сердца нашихъ плывущихъ героевъ, когда они узрѣли берега Италіи. Имъ казалось, что великія тѣни Фабриціевъ, Камилловъ, Сципіоновъ, паря надъ гробомъ древней республики, съ любопытствомъ и удивленіемъ взирали на

гордый и симъ морямъ неизвѣстный флагъ Екатерины; имъ казалось, что Россія есть новый Римъ своимъ величествомъ. Съ такими чувствами наши арговавты приближались къ странамъ, еще древнѣйшимъ въ лѣтописяхъ славы, и равно богатымъ великими идеями; они надѣялись воскресить тамъ геройство Ликурговыхъ и Солоновыхъ потомковъ; надѣялись именемъ новой Аѳинеи воззвать къ жизни и великимъ дѣламъ потомковъ Мильціада, Аристида, Ѳемистокла. Но долговременное рабство навѣкв умертвило тамъ сердца людей; грубый слухъ не внималъ уже сладкому имени свободы, и герои Россійскіе увидѣли, что имъ надлежало думать только о славѣ Екатерины. Не за тѣмъ окружили они Европу, не за тѣмъ оставили за собою берега Африканскіе, чтобы творить дѣла обыкновенной храбрости.... и Геллеспонтъ пылаетъ!:.. О зрѣлище, для самаго воображенія ужасное! мысль смѣлая и великая! исполненіе дерзостное и счастливое! Молніеносные Россіяне повелѣваютъ стихіями: огнь и волны истребляютъ врага! вѣками уготованныя морскія силы его исчезаютъ съ дымомъ! Все оттоманское гибнетъ, кромѣ однихъ трофеевъ для побѣдителя, — и Монархиня возлагаетъ ихъ, скромно и величественно, на гробъ Петра Перваго! — Чесма безсмертна, подобно Полтавѣ и Кагулу, и семидесятый годъ минувшаго вѣка есть самый цвѣтущій годъ нашей воинской славы [1]).

Слѣдующее лѣто также осѣнило насъ лаврами. Чтó началъ Царь Іоаннъ Грозный, то довершила Екатерина Великая. Сіи славные глубокіе окопы, которые отъ Чернаго Моря простираются до Азовскаго, не могли остановить торжественнаго теченія Ея воиновъ, и Крымъ, послѣднее убѣжище варваровъ, бывшихъ нѣкогда ужасомъ и бичемъ нашего отечества, палъ къ стопамъ Россійскаго генія. — Берега Дуная не преставали обагряться кровію невѣрныхъ, и Константинополь трепеталъ, внимая близкимъ громамъ нашего флота. Мустафа смирился, и Румянцовъ опустилъ мечъ свой; но еще не пришелъ конецъ бѣдствіямъ Оттомановъ. Мирные переговоры не имѣли счастливаго успѣха, и Полководецъ Екатерины украсилъ Ея корону новыми лаврами; разилъ, истреблялъ, очистилъ себѣ путь къ Адріанополю, отрѣзалъ, окружилъ Визиря, — и геройскою рукою своею подписалъ славный для Россіи мирный трактатъ, который открылъ намъ моря Турецкія и Дарданеллы, даровалъ независимость Крыму, обогатилъ казну Государственную милліонами, утвердилъ за Россіею Азовъ и Таганрогъ. Никогда еще отечество наше не заключало столь блестящаго мира съ Портою!

Безпримѣрные подвиги сей войны украсили книгу Россійскаго

[1]) Въ сей же годъ были взяты Бендеры Графомъ Петромъ Ивановичемъ Панинымъ.

дворянства тремя именами славы. Римъ имѣлъ Сципіоновъ Африканскихъ, Азіятскихъ; Екатерина воскресила сію награду, достойную Ея величія, — и Россія имѣетъ своего Задунайскаго, Чесменскаго, Крымскаго.

Послѣднимъ торжествомъ Румянцева былъ тотъ день, когда Екатерина именемъ отечества изъявила ему благодарность. Отягченный лаврами, онъ сходитъ съ театра славы, и скрывается отъ глазъ нашихъ; но исторія пріемлетъ его во святилище безсмертія. Такъ она скажетъ Россіянамъ: «Во дни Екатерины Румянцовъ открылъ вамъ тайны всегда побѣждать невѣрныхъ, малымъ числомъ безчисленность, усѣявать поля трупами ихъ, и сохранять цѣлость рядовъ вашихъ!» Если таланты изъясняются сравненіемъ, то Задунайскаго можно назвать Тюренемъ Россіи. Онъ былъ *мудрый* полководецъ; зналъ своихъ непріятелей, и систему войны образовалъ по ихъ свойству; мало вѣрилъ слѣпому случаю, и подчинялъ его вѣроятностямъ разсудка; казался отважнымъ, но былъ только проницателенъ; соединялъ рѣшительность съ тихимъ и яснымъ дѣйствіемъ ума; не зналъ ни страха, ни запальчивости; берегъ себя въ сраженіяхъ единственно для побѣды; обожалъ славу, но могъ бы снести и пораженіе, чтобы въ самомъ несчастіи доказать свое искусство и величіе; обязанный геніемъ натурѣ, прибавилъ къ ея дарамъ и силу науки; чувствовалъ свою цѣну, но хвалилъ только другихъ; отдавалъ справедливость подчиненнымъ, но огорчился бы во глубинѣ сердца, если бы кто-нибудь изъ нихъ могъ сравняться съ нимъ талантами: судьба избавила его отъ сего неудовольствія. Такъ думаютъ о Задунайскомъ благодарные ученики его.

Теперь обращается взоръ нашъ на ту, нѣкогда мощную республику, которой имя и бытіе уже исчезли въ Европѣ. Давно ли еще наглая и злобная Польша терзала наше отечество? Давно ли она, пользуясь его изнеможеніемъ, хищною рукою хватала въ свое подданство цѣлыя княжества Россійскія? Давно ли древняя столица Владиміра носила ея цѣпи? Давно ли и ты, Москва цвѣтущая, лежала у ногъ гордаго вождя Сарматскаго? Но Россія, подобно спавшему исполину, возстала во гнѣвѣ своемъ: враги ея, въ ихъ чреду, упали на колѣна предъ нею, и возвратили похищенное. Такъ! Монархиня взяла въ Польшѣ только древнее наше достояніе, и когда уже слабый духъ ветхія республики не могъ управлять ея пространствомъ. Сей раздѣлъ есть дѣйствіе могущества Екатерины и любви Ея къ Россіи. Полотскъ и Могилевъ возвратились въ нѣдра своего отечества, подобно дѣтямъ, которыя, бывъ долго въ горестномъ отсутствіи, съ радостію возвращаются въ нѣдра счастливаго родительскаго семейства.

Крымъ былъ независимъ; но Крымъ былъ еще гнѣздомъ разбой-

никовъ, опасныхъ для Россіи. Сія прекрасная часть нашей Имперіи, гдѣ природа столь щедро награждаетъ трудолюбіе, и за каждое лону ея ввѣренное зерно даетъ богатый класъ земледѣльцу; гдѣ на тучныхъ паствахъ разсыпаются стада безчисленныя; гдѣ свирѣли и нѣжныя пѣсни веселыхъ пастырей, простота нравовъ, миролюбіе и общее добродушіе жителей напоминаютъ воображенію счастливые берега Ладона, — Малороссія не могла быть покойною въ сосѣдствѣ неукротимыхъ варваровъ. Екатерина повелѣла, — и воинство Ея, не обнаживъ меча, заняло Полуостровъ Крымскій, древнюю Тавриду, столь извѣстную въ исторіи и въ самой миѳологіи. Монархиня еще не вѣдала, что сіе важное пріобрѣтеніе возвратило Россіи ея нѣкогда именитое Княжество Тмутараканское или столицу его, которая скрывалась доселѣ [1]) отъ любопытства нашихъ историковъ. Такимъ образомъ пресѣклись грозные набѣги Татаръ, столь бѣдственные для нашего отечества. Сама же Таврида будетъ всегда прекрасною частицею Россійской Имперіи, и со временемъ важною для торговли съ Архипелагомъ и Востокомъ. Уже любопытные изъ отдаленныхъ земель пріѣзжаютъ видѣть сію чудесную страну, которая представляетъ взору и гранитныя горы Швейцаріи, и плодоносныя долины Піемонтскія; страну, гдѣ творческая натура съ нѣжными красотами соединила величественныя; гдѣ въ одно время и зима свирѣпствуетъ и весна улыбается; гдѣ мудрый наблюдатель природы находитъ для себя разнообразныя богатства, и гдѣ чувствительное сердце, наскучивъ свѣтомъ, можетъ насладиться самымъ пріятнѣйшимъ уединеніемъ.

Оттоманская Порта содрогнулась, и хотя, по занятіи Крыма нашими войсками, возобновила мирный трактатъ съ Россіею, но скоро тайная злоба ея воспылала...

Здѣсь напомню вамъ, сограждане! славное путешествіе Монархини въ страны, Ею населенныя или завоеванныя. Она желала видѣть Тавриду и новые плоды своего счастливаго царствованія. Зрѣлище восхитительное, достойное Екатерины! Отъ самыхъ береговъ Невскихъ до волнъ Понта-Эвксинскаго шествіе Великія казалось торжествомъ побѣдительницы міра. Не цѣпи невольниковъ гремѣли вокругъ торжественной колесницы, но радостныя восклицанія довольныхъ подданныхъ; милліоны упадали предъ Нею какъ предъ божествомъ благодѣтельнымъ. Такъ нѣкогда обожаемая Семирамида, въ сіяніи славы, при звукѣ безчисленныхъ музыкальныхъ орудій, шествовала по цвѣтущимъ областямъ ея, изумляя подданныхъ своимъ величіемъ и щедротами!.. Какъ сладостно было сердцу Монархини, когда искреннее усердіе вѣщало ей: «Сіи трудолюбіемъ и художе-

---

[1]) На островѣ Таманѣ.

ствомъ украшенныя мѣста недавно были горестною пустынею, дикою степью; гдѣ сіи обширные сады зеленѣютъ и гордыя палаты возвышаются, тамъ одни песчаные холмы представлялись унылому взору! Въ семъ юномъ городѣ [1]), Тобою сотворенномъ, уже цвѣтетъ торговля. Здѣсь Востокъ и Западъ мѣняются своими богатствами. Здѣсь все исполнено имени и славы Твоей!» Тамъ два вѣнценосца встрѣтили Монархиню, какъ будто для того, чтобы еще болѣе украсить торжество Ея. Екатеринѣ обязанъ былъ Станиславъ короною, и славился тѣмъ предъ свѣтомъ. Іосифъ внималъ Ея мудрымъ намѣреніямъ для блага человѣчества, когда Она чрезъ волны Энксинскія устремляла священный взоръ на градъ Константина. Цари Италіи спѣшили посольствами изъявить радость свою о приближеніи сѣверной Царицы къ странамъ ихъ.

Сіе путешествіе и догадки Европы о свиданіи Екатерины съ Іосифомъ послужили Оттоманскому двору предлогомъ къ разрыву мира. Война снова возгорѣлась. Уже Румянцовъ не былъ главнымъ, дѣятельнымъ начальникомъ; но духъ его жилъ въ Россійскихъ арміяхъ,—и невѣрные, увидѣвъ ихъ, вострепетали: они узнали прежнихъ своихъ разителей по ихъ быстрымъ движеніямъ, смертоноснымъ громамъ, сокрушительнымъ ударамъ; бѣжали съ полей открытыхъ, милыхъ геройству, страшныхъ робости, и заключились въ крѣпкихъ оградахъ. Но ни искусство, ни природа не могли защитить ихъ, — и сія война ознаменовалась для славы нашей двумя, чудесно смѣлыми и счастливыми приступами. Только Россіяне могутъ быть предметомъ сравненія для Россіянъ. Очаковъ палъ нѣкогда предъ Минихомъ; но Очаковъ не былъ еще укрѣпленъ тогда всѣми хитростями искусства. Теперь падаетъ онъ во всемъ своемъ величіи, чтобы тѣмъ болѣе увеличить славу нашу. Продолжительная осада была только дѣйствіемъ человѣколюбія Екатерины и доказательствомъ непоколебимаго терпѣнія нашихъ воиновъ, которые въ открытомъ станѣ презирали всѣ ужасы зимніе. Монархиня щадила жизнь людей; надѣялась, что врагъ покорится; — но когда военачальникъ произнесъ Ея именемъ рѣшительное слово, герои вошли въ крѣпость по трупамъ непріятелей.— Взятіе Измаила было еще славнѣе. Тамъ армія обороняла городъ; высокія стѣны, глубокіе рвы, страшная артиллерія, — все обѣщало ему безопасность. Пришелъ Суворовъ!.. казалось для того, чтобы видѣть неприступность города. Воинство невѣрныхъ, въ грозной многочисленности представъ очамъ Россіянъ на валу крѣпости, хотѣло однимъ видомъ своимъ поразить ихъ. Уже гордый начальникъ Измаила думалъ, что онъ видитъ смятеніе нашего героя, что Суворовъ ожидаетъ ночи для сокрытія неминуемаго бѣгства. Ночь про-

[1]) Въ Херсонѣ.

шла, — и Суворовъ въ Изманлѣ! 20,000 Оттомановъ легло въ окопахъ. Съ изумленіемъ узнала Европа, что наши, столь легко вооруженные Донскіе воины подъ начальствомъ героя, превращаются въ фалангу Македонскую и берутъ крѣпости.

Іосифъ былъ вѣрнымъ другомъ Россіи; но счастіе и слава, еще вѣрнѣйшіе друзья наши, не хотѣли его признать своимъ союзникомъ. Воинство его ужаснулось сверкающихъ кинжаловъ, грознаго вопля невѣрныхъ и страшнаго имени Аллы, призываемаго ими въ сраженіяхъ. Баннатъ былъ свидѣтелемъ Австрійскихъ несчастій. Оттоманы, спасенные бѣгствомъ отъ меча Россійскаго, разили воиновъ Іосифа, тѣхъ, которые прежде сами побѣждали храбрѣйшія арміи въ Европѣ. Украшенный лаврами старецъ, совмѣстникъ великаго Фридриха, былъ вызванъ изъ мирнаго уединенія, спасти отечество. Западъ жизни его еще озарился лучемъ славы, но кратковременнымъ, и Лаудонъ, взявъ Бѣлградъ, безъ успѣха приступалъ къ Орсовѣ. Одни Россіяне могли ободрить унылые легіоны Австрійскіе; одинъ Рымникскій могъ принести славу и счастіе въ ставъ ихъ, — и принесъ. Семь тысячъ Русскихъ указали имъ путь къ побѣдѣ.... Австрійцы сразились храбро.... Визирь изумился! но увидѣвъ впереди знамена Екатерины, услышавъ имя Суворова, въ первый разъ показалъ тылъ нашимъ союзникамъ. Въ сей-то незабвенный день Австрійцы узнали чудеснаго Суворова, и когда, чрезъ десять лѣтъ послѣ того, надлежало имъ противъ храбрыхъ республиканцевъ поставить вождя крѣпкаго, они, забывъ народную гордость свою, требовали героя Рымникскаго.

Екатерина въ сіе время имѣла еще другихъ враговъ. Порта, Англія и Пруссія обольстили Густава; онъ дерзнулъ объявить войну Россіи. Когда извѣстіе о первыхъ его непріятельскихъ дѣйствіяхъ пришло въ наши столицы, тогда, тогда надлежало видѣть безпримѣрное усердіе Россіянъ къ отечеству и къ Монархинѣ. Всѣ воспылали гнѣвомъ на врага вѣроломнаго и ревностію наказать его; всѣ мирные граждане готовы были летѣть на поле брани. Сіе воспоминаніе еще живо въ сердцахъ вашихъ, сограждане, воспоминаніе незабвенное и радостное для патріотовъ! Могли ли Готы, неохотные исполнители беззаконной воли [1]), стоять противъ сыновъ обожаемой Екатерины, сильныхъ любовію къ отечеству и ненавистію къ виновнику сей войны неправедной? Густавъ думалъ, что его нечаянное нападеніе приведетъ въ трепетъ Россію, и откроетъ ему путь къ столицѣ. Онъ забылъ имена и подвиги нашихъ избранныхъ легіоновъ, столь ужасныхъ для его предковъ!

[1]) По законамъ Швеціи, король не могъ начинать войны безъ согласія другихъ властей, то есть сейма.

Сіи герои стремились возобновить прежнюю славу свою въ каменистомъ отечествѣ Финновъ, и доказать міру, что стража Монарховъ Россійскихъ достойна своего имени и сана. Гдѣ только Готы сражались, тамъ Россіяне побѣждали, на водахъ и на сушѣ. Густавъ истощилъ всѣ способы ума и дерзости своей — напрасно и безъ успѣха! Екатерина внимала грому флотовъ его, но покойно и величественно гуляла въ садахъ своихъ. Король, ослѣпленный высокомѣріемъ и лживыми союзниками, увидѣлъ наконецъ заблужденіе, и прибѣгнулъ къ великодушію Монархини. Она даровала ему миръ, который единственно могъ спасти бѣдные остатки силъ его.

Порта Оттоманская видѣла предъ собою конечную гибель. Твердѣйшія опоры ея пали; воинство унывало; страшные янычары страшились одного имени Россіянъ; море, отверзтое для нашихъ флотовъ, всякій день могло представить очамъ султана флагъ Екатерины.... Но Монархиня желала успокоить своихъ воиновъ, и не отвергла мира. Она могла взять Константинополь, но взяла только Очаковъ, и слѣдъ Турецкаго владѣнія истребился на семъ берегу Днѣстра. Всѣ дворы удивились ея умѣренности; но Екатерина знала время, обстоятельства; хотѣла видѣть слѣдствіе нѣкоторыхъ новыхъ Европейскихъ перемѣнъ [1]), и отсрочила дальнѣйшіе успѣхи Россійскаго оружія.

Польша была также предметомъ Ея вниманія. Остатки сей республики волновались и кипѣли злобою на Россію. Безпокойные умы испровергли древніе законы, утвержденные Екатериною; собирали войско и не скрывали своихъ опасныхъ для нашей Имперіи умысловъ. Но благоразумные требовали заступленія Монархини. Она повелѣла возстановить древній уставъ республики: толпы мятежниковъ были разсѣяны горстью нашихъ воиновъ, и Польша могла бы еще успокоиться подъ эгидою Россійскою... Но послѣдній часъ ея насталъ. Не смѣя ратоборствовать съ героями въ полѣ, она хотѣла умертвить ихъ въ объятіяхъ сна, и драгоцѣнная кровь Россійская обагрила стогны Варшавскіе. Малодушные убійцы! стыдъ Сѣвера, который, издревле довольствуясь славою побѣждать Югъ во браняхъ, оставлялъ ему гнусную славу коварныхъ злодѣйствъ подъ сѣнію мира! Варшава напоминала ужасы Сициліянскіе!... Сердце Екатерины содрогнулось. Державная рука Ея бросила въ урну сей недостойной республики жребій уничтоженія, и Суворовъ, подобно ангелу грозному, обнажилъ мечъ истребленія; пошелъ — и вождь мятежниковъ спасается отъ смерти плѣномъ; и Прага, крѣпкая ихъ отчаяніемъ, дымится въ своихъ развалинахъ, — и Варшава

[1]) Французской революціи.

падаетъ къ стопамъ Екатерины. Совершилось!... Но Монархиня, подобно божеству, самымъ наказаніемъ благотворитъ человѣчеству. Польши нѣтъ; но мятежные и несчастные жители ея, утративъ имя свое, нашли миръ и спокойствіе подъ державою трехъ союзныхъ государствъ. Республика, безъ добродѣтели и геройской любви къ отечеству, есть неодушевленный трупъ. Аѳинская, Спартанская, Римская имѣли свое цвѣтущее время: Польская была всегда игралищемъ гордыхъ вельможъ, театромъ ихъ своевольства и народнаго униженія. Развалины храмовъ добродѣтели горестны для сердца; но пусть вѣтръ развѣваетъ пепелъ тѣхъ капищъ, гдѣ тиранство было идоломъ! Никто не жалѣетъ о Польшѣ. Богатѣйшія страны ея достались на часть Россіи.

Взятіемъ Варшавы заключилъ при Екатеринѣ подвиги свои герой, котораго имя и дѣла гремятъ еще въ Италіи и на вершинахъ Альпійскихъ; на котораго какъ будто еще взираетъ изумленная имъ Европа, хотя мы уже осыпали цвѣтами гробъ его,— цвѣтами, не кипарисами: ибо смерть великаго воина, который полвѣка жилъ для славы, есть торжество безсмертія, и не представляетъ душѣ ничего горестнаго. Суворовъ былъ одинъ изъ самыхъ счастливѣйшихъ полководцевъ; подобно Александру, сколько разъ сражался, столько разъ побѣждалъ; подобно Кесарю, ставилъ себя выше рока, и рокъ не смѣлъ изобличить его въ ошибкѣ. Что въ другомъ оказалось бы гибельною дерзостію, то въ немъ было спасительною надежностію и предчувствіемъ событія. Онъ не шелъ а летѣлъ къ славѣ, которая, съ своей стороны, встрѣчала его на половинѣ пути. Вся военная теорія его состояла въ трехъ словахъ [1]: *взоръ*, *быстрота*, *ударъ*; — но *взоръ* сей даетъ природа немногимъ; но *быстрота* сія была тайною для самихъ Аннибаловъ; но *ударъ* сей разителенъ единственно съ Суворовымъ. Онъ не любилъ ничего, кромѣ славы; ко всему прочему казался невнимательнымъ, нечувствительнымъ. Объ искусствѣ военачальниковъ судилъ всегда по ихъ успѣхамъ: какихъ же высокихъ мыслей надлежало ему быть о самомъ себѣ? Нѣкоторые считали его жестокимъ — несправедливо: онъ *любилъ* побѣжденныхъ непріятелей, ибо они были живыми его трофеями. Суворовъ не хотѣлъ знать, какъ искусный полководецъ спасаетъ остатки разбитой арміи: ибо мѣсто перваго несчастнаго сраженія было бъ ему могилою.— Изображеніе героевъ Задунайскаго и Рымникскаго принадлежитъ къ царствованію Екатерины: Она выбрала одного, употребляла другаго, и слава ихъ есть часть Ея славы. Градъ Святаго Петра созерцаетъ ихъ памятники, вмѣстѣ стоящіе: тамъ юные воины отечества будутъ произносить обѣты геройства.

[1]) Написанныхъ имъ въ его Тактикѣ, краткомъ, но любопытномъ сочиненіи.

И въ семъ ревностномъ творенiи слабаго моего таланта, да сiяютъ вмѣстѣ имена нашихъ первыхъ военачальниковъ! Уничтоженiе Польской Республики возвратило независимость Курляндiи, завоеванiю храбрыхъ Тевтоническихъ Рыцарей, странѣ плодоносной, извѣстной въ самыхъ древнихъ лѣтописяхъ по своимъ рудокопнямъ, минеральнымъ водамъ и прекрасному янтарю, собираемому на берегахъ ея. Но Курляндiя, зная, что независимость всегда бываетъ несчастiемъ для области безсильной, хотѣла славы принадлежать Екатеринѣ. Монархиня прiяла ее подъ Свою державу, и Россiя обогатилась новыми портами, драгоцѣнными для успѣховъ торговли.

Уже орлы наши парили подъ небесами Востока; уже крылатая молва несла въ страны Великаго Могола имя Россiйской Монархини; уже воинство наше, то подымаясь къ облакамъ на хребтѣ горъ туманныхъ, то спускаясь въ глубокiя долины, дошло до славныхъ *Вратъ Каспiйскихъ;* уже *Стѣна Каспiйская*, памятникъ величiя древнихъ Монарховъ Персiи, разступилась предъ онымъ; уже смѣлый вождь его прiялъ сребряные ключи Дербента изъ рукъ старца, который въ юности своей вручилъ ихъ Петру Великому, и сей градъ, основанный, по восточному преданiю Александромъ Македонскимъ, осѣнился знаменами Екатерины.... когда всемогущая Судьба пресѣкла дни Монархини и теченiе побѣдъ Ея. Таинство великой души намъ неизвѣстно. Чудесныя дѣла Екатерины могли быть увѣнчаны новымъ чудомъ; Война Персидская могла имѣть предметъ важный; могла открыть путь въ Россiю несмѣтнымъ богатствамъ Востока: могла успокоить народы мятежные, которые, подъ влiянiемъ счастливѣйшаго неба, служатъ примѣромъ бѣдствiй; могла.... Но, повторю: таинство великой души намъ неизвѣстно.

Монархиня оставила Россiю на вышней степени геройскаго величiя, обогащенную новыми странами, гаванями и миллiонами жителей; безопасную внутри, страшную для внѣшнихъ непрiятелей. Мiръ не зналъ, какъ побѣждаютъ Россiянъ, и Россiя не знала, какъ не сокрушить врага. Ихъ стихiя была слава: и симъ-то чувствомъ Великая готовила побѣды! Она умѣла награждать воинскiя заслуги достойнымъ ихъ образомъ; отличала воинскiя дарованiя лестнымъ благоволенiемъ, — и герой, который имѣлъ счастiе лобызать Ея державную руку, слышать восхитительныя слова милости, пылалъ новою ревностiю геройства, не думая о жизни. Юноши осыпанные цвѣтами роскоши, среди столицы усыпленные нѣгою, при первомъ звукѣ Марсовой трубы пробуждались, срывали съ себя вѣнки грацiй, и стремились на поле чести искать опасностей и вѣнковъ лавровыхъ. Только во время Екатерины видѣли мы сiи, можно сказать, волшебныя превращенiя нѣжныхъ Сибаритовъ въ суровыхъ чадъ Лакедемона; видѣли тысячи россiйскихъ Алкивiадовъ! — Ев-

ропа съ благоговѣніемъ взирала на тронъ Россіи, поручивъ ему вѣсы свои. Одно слово Монархини рѣшило судьбу государствъ: ибо вслѣдъ за нимъ готовы были летѣть непобѣдимые!

Не токмо благо нашего отечества, но и благо цѣлаго міра утверждено побѣдами Екатерины. Давно ли еще знамя лжепророка грозило стѣнамъ Вѣнскимъ? Новый Магометъ II могъ быть новымъ истребителемъ государствъ Европейскихъ: сколь же бѣдственны успѣхи оттоманскаго оружія для человѣчества и просвѣщенія? Теперь варвары уже неопасны для Европы; теперь слабый паша Виддина презираетъ могущество Порты!... И сія безопасность есть дѣло Великой Екатерины, Которая потрясла и отчасти разрушила сей колоссъ ужасный.

Н. Карамзинъ.

4. УЧЕНЫЯ СОЧИНЕНІЯ [1].

О любви къ отечеству и народной гордости.

Любовь къ отечеству можетъ быть физическая, нравственная и политическая.

---

[1]) Отдѣлъ «Ученыхъ сочиненій» представляется, сравнительно судя, бѣднымъ: но эта бѣдность мнимая, видимая только. Въ четырехъ томахъ нашей Христоматіи читатели найдутъ не мало образцовъ ученаго изложенія, напр. въ *первомъ* томѣ: о значеніи сказокъ, *Аѳанасьева* (стр. 1—3),—о Бабѣ-Ягѣ, *его же* (стр. 5),—о былинахъ, *Аксакова* и *Буслаева* (стр. 38—41, 112—113),—*о* Хемницерѣ, *Полеваго* (145), о Крыловѣ, *Плетнева* (155) и *Гоголя* (157),—*объ* идилліи, *Гнѣдича* (182),—*о* поэмахъ Гомера, *Гнѣдича* (266),—пѣснь о Роландѣ (305, 321),—о Донъ-Кихотѣ, *Віардо* (434),—о Вальтеръ-Скоттѣ, *Линниченки* (445—7);—во *второмъ* томѣ: о значеніи пѣсенъ, *Снегирева* (стр. 1—4) и *Бодянскаго* (4—7),—о пѣсняхъ Колядскихъ, *Сахарова* (9),—о духовныхъ пѣсняхъ, *Надеждина* (54—63),—объ элегіи, *Мунка* (135 и д.),—*объ* Одѣ, *его же* (210 и д.) и *Галахова* (213),—объ одѣ «Богъ», *Грота* (290),—о сатирѣ, *Благовѣщенскаго* (339);—въ *третьемъ* томѣ: о драматической поэзіи, *К. О. Миллера* (стр. 1—12),—о значеніи хора въ древней трагедіи, *Арбузова* (16),—разборъ трагедіи «Прометей», *его же* (34),—разборъ трагедіи «Персы», *Ордынскаго* (55),—о трагедіи Софокла «Эдипъ Царь», *Кудрявцева* (117—130),—о трагедіи Софокла «Эдипъ въ Колонѣ», *Водовозова* (130),—*о* «Медеѣ» Еврипида, *Тихоновича* (207, 212, 215, 218),—о трагедіи Еврипида «Ифигенія въ Авлидѣ», *Водовозова* (227 и д.),—*о* Шекспирѣ, *Карамзина* (291),—характеристика Гамлета, *Гервинуса* (331—344) и *Гизо* (344—348),—характеристика Короля Лира, *Дружинина* (366 и д.),—теорія комическаго, *Шевырева* (407—416),—значеніе комедіи Аристофана «Облака», *Стасюлевича* (444—449),—о комедіи «Недоросль», *Дудышкина* (516), *кн. Вяземскаго* (517) и *Галахова* (520),—о комедіяхъ Фонъ-Визина и Грибоѣдова, *Гоголя* (553), о комедіи Гоголя «Ревизоръ», *Дудышкина* (569). Всѣ ссылки сдѣланы по второму изданію Христоматіи; въ *четвертомъ* томѣ: о значеніи лѣтописей, *Гервинуса* (стр. 1—5) и *Сухомлинова* (5—6),—о значеніи историческихъ записокъ, *Гервинуса* (38—41),—*о* «Письмахъ» Фонъ-Визина, *кн. Вяземскаго* (165—167),—объ исторіи, *Гервинуса* (357—366).

Человѣкъ любитъ мѣсто своего рожденія и воспитанія. Сія привязанность есть общая для всѣхъ людей и народовъ, есть дѣло природы и должна быть названа физическою. Родина мила сердцу не мѣстными красотами, не яснымъ небомъ, не пріятнымъ климатомъ, а плѣнительными воспоминаніями, окружающими, такъ сказать, утро и колыбель человѣчества. Въ свѣтѣ нѣтъ ничего милѣе жизни; она есть первое счастіе, а начало всякаго благополучія имѣетъ для нашего воображенія какую-то особенную прелесть. Такъ нѣжные друзья освящаютъ въ памяти первый день дружбы своей. Лапландецъ, рожденный почти въ гробѣ природы, не смотря на то, любитъ хладный мракъ земли своей. Переселите его въ счастливую Италію: онъ взоромъ и сердцемъ будетъ обращаться къ сѣверу, подобно магниту; яркое сіяніе солнца не произведетъ такихъ сладкихъ чувствъ въ его душѣ, какъ день сумрачный, какъ свистъ бури, какъ паденіе снѣга: они напоминаютъ ему отечество!

Самое расположеніе нервъ, образованныхъ въ человѣкѣ по климату, привязываетъ насъ къ родинѣ. Не даромъ медики совѣтуютъ иногда больнымъ лечиться ея воздухомъ; не даромъ житель Гельвеціи, удаленный отъ снѣжныхъ горъ своихъ, сохнетъ и впадаетъ въ меланхолію, а возвращаясь въ дикій Унтервальденъ, въ суровый Гларисъ, оживаетъ. Всякое растеніе имѣетъ болѣе силы въ своемъ климатѣ: законъ природы и для человѣка не измѣняется. Не говорю, чтобы естественныя красоты и выгоды отчизны не имѣли никакого вліянія на общую любовь къ ней: нѣкоторыя земли, обогащенные природою, могутъ быть тѣмъ милѣе своимъ жителямъ; говорю только, что сіи красоты и выгоды не бываютъ главнымъ основаніемъ физической привязанности людей къ отечеству, ибо она не была бы тогда общею.

Съ кѣмъ мы росли и живемъ, къ тѣмъ привыкаемъ. Душа ихъ сообразуется съ нашею, дѣлается нѣкоторымъ ея зеркаломъ, служитъ предметомъ или средствомъ нашихъ нравственныхъ удовольствій и обращается въ предметъ склонности для сердца. Сія любовь къ согражданамъ, или къ людямъ, съ которыми мы росли, воспитывались и живемъ, есть вторая, или нравственная любовь къ отечеству, столь же общая, какъ и первая, мѣстная, или физическая, но дѣйствующая въ нѣкоторыхъ лѣтахъ сильнѣе, ибо время утверждаетъ привычку. Надобно видѣть двухъ единоземцевъ, которые въ чужой землѣ находятъ другъ друга: съ какимъ удовольствіемъ они обнимаются и спѣшатъ изливать душу въ искреннихъ разговорахъ! Они видятся въ первый разъ, но уже знакомы и дружны, утверждая личную связь свою какими-нибудь общими связями отечества! Имъ кажется, что они, говоря даже иностраннымъ языкомъ, лучше разумѣютъ другъ друга, нежели прочихъ: ибо въ

характерѣ единоземцевъ есть всегда нѣкоторое сходство, и жители одного государства образуютъ всегда, такъ сказать, электрическую цѣпь, передающую имъ одно впечатлѣніе посредствомъ самыхъ отдаленныхъ колецъ, или звеньевъ.

На берегахъ прекраснѣйшаго въ мірѣ озера, служащаго зеркаломъ прекрасной натурѣ, случилось мнѣ встрѣтить Голландскаго патріота, который, по ненависти къ штатгалтеру и Оранистамъ, выѣхалъ изъ отечества и поселился въ Швейцаріи между Ніона и Роля. У него былъ прекрасный домикъ, физическій кабинетъ, библіотека; сидя подъ окномъ, онъ видѣлъ передъ собою великолѣпнѣйшую картину природы. Ходя мимо домика, я завидовалъ хозяину, не зная его; познакомился съ нимъ въ Женевѣ и сказалъ ему о томъ. Отвѣтъ Голландскаго флегматика удивилъ меня своею живостію: «Никто не можетъ быть счастливъ внѣ своего отечества, гдѣ сердце его выучилось разумѣть людей и образовало свои любимыя привычки. Никакимъ народомъ нельзя замѣнить согражданъ. Я живу не съ тѣми, съ кѣмъ жилъ 40 лѣтъ, и живу не такъ, какъ жилъ 40 лѣтъ: трудно пріучить себя къ новостямъ и мнѣ скучно».

Но физическая и нравственная привязанность къ отечеству, дѣйствіе натуры и свойствъ человѣка, не составляютъ еще той великой добродѣтели, которою славились Греки и Римляне. Патріотизмъ есть любовь ко благу и славѣ отечества, и желаніе способствовать имъ во всѣхъ отношеніяхъ. Онъ требуетъ разсужденія — и потому не всѣ люди имѣютъ его.

Самая лучшая философія есть та, которая основываетъ должности человѣка на его счастіи. Она скажетъ намъ, что мы должны любить пользу отечества, ибо съ нею неразрывна наша собственная; что его просвѣщеніе окружаетъ насъ самихъ многими удовольствіями жизни; что его тишина и добродѣтели служатъ щитомъ семейственныхъ наслажденій; что слава его есть наша слава; и если оскорбительно человѣку называться сыномъ презрѣннаго отца, то не менѣе оскорбительно и гражданину называться сыномъ презрѣннаго отечества. Такимъ образомъ любовь къ собственному благу производитъ въ насъ любовь къ отечеству, а личное самолюбіе—гордость народную, которая служитъ опорою патріотизма. Такъ Греки и Римляне считали себя первыми народами, а всѣхъ другихъ варварами; такъ Англичане, которые въ новѣйшія времена болѣе другихъ славятся патріотизмомъ, болѣе другихъ о себѣ мечтаютъ.

Я не смѣю думать, чтобы у насъ въ Россіи было немного патріотовъ; но мнѣ кажется, что мы излишне смиренны въ мысляхъ о народномъ своемъ достоинствѣ, а смиреніе въ политикѣ вредно. Кто самого себя не уважаетъ, того, безъ сомнѣнія, и другіе уважать не будутъ.

Не говорю, чтобы любовь къ отечеству долженствовала ослѣплять насъ и увѣрять, что мы всѣхъ и во всемъ лучше; но Русскій долженъ по крайней мѣрѣ знать цѣну свою. Согласимся, что нѣкоторые народы вообще насъ просвѣщеннѣе, ибо обстоятельства были для нихъ счастливѣе: но почувствуемъ же и всѣ благодѣянія судьбы въ разсужденіи народа Россійскаго, станемъ смѣло на ряду съ другими, скажемъ ясно имя свое и повторимъ его съ благородною гордостію.

Мы не имѣемъ нужды прибѣгать къ баснямъ и выдумкамъ, подобно Грекамъ и Римлянамъ, чтобы возвысить наше происхожденіе: слава была колыбелью народа Русскаго, а побѣда вѣстницею бытія его. Римская имперія узнала, что есть Славяне, ибо они пришли и разбили ея легіоны. Историки Византійскіе говорятъ о нашихъ предкахъ, какъ о чудесныхъ людяхъ, которымъ ничто не могло противиться и которые отличались отъ другихъ сѣверныхъ народовъ не только своею храбростію, но и какимъ-то рыцарскимъ добродушіемъ. Герои наши въ девятомъ вѣкѣ играли и забавлялись ужасомъ тогдашней новой столицы міра: имъ надлежало только явиться подъ стѣнами Константинополя, чтобы взять дань съ Царей Греческихъ. Въ первомъ-на-десять вѣкѣ Русскіе, всегда превосходные своею храбростію, не уступали другимъ Европейскимъ народамъ и въ просвѣщеніи, имѣя по религіи тѣсную связь съ Царе-градомъ, который дѣлился съ ними плодами учености, и во время Ярослава были переведены на Славянскій языкъ многія Греческія книги. Къ чести твердаго Русскаго характера служитъ то, что Константинополь никогда не могъ присвоить себѣ политическаго вліянія на отечество наше. Князья любили разумъ и знаніе Грековъ, но всегда готовы были оружіемъ наказать ихъ за малѣйшіе знаки дерзости. Раздѣленіе Россіи на многія владѣнія и несогласіе князей приготовили торжество Чингисхановыхъ потомковъ и наши долговременныя бѣдствія. Великіе люди и великіе народы подвержены ударамъ рока, но и въ самомъ несчастіи являютъ свое величіе. Такъ Россія, терзаемая лютымъ врагомъ, гибла со славою; цѣлые города предпочитали вѣрное истребленіе стыду рабства. Жители Владиміра, Чернигова, Кіева принесли себя въ жертву народной гордости и тѣмъ спасли имя Русскихъ отъ поношенія. Историкъ, утомленный сими несчастными временами, какъ ужасною безплодною пустынею, отдыхаетъ на могилахъ и находитъ отраду въ томъ, чтобы оплакивать смерть многихъ достойныхъ сыновъ отечества.

Но какой народъ въ Европѣ можетъ похвалиться лучшею судьбою? который изъ нихъ не былъ въ узахъ нѣсколько разъ? По крайней мѣрѣ завоеватели наши устрашали востокъ и западъ. Тамерланъ, сидя на тронѣ Самаркандскомъ, воображалъ себя царемъ міра.

И какой народъ такъ славно разорвалъ свои цѣпи! такъ славно отмстилъ врагамъ свирѣпымъ! Надлежало только быть на престолѣ рѣшительному, смѣлому государю. Народная сила и храбрость, послѣ нѣкотораго усыпленія, громомъ и молніею возвѣстили свое пробужденіе.

Времена Самозванцевъ представляютъ опять горестную картину мятежа; но скоро любовь къ отечеству воспламеняетъ сердца: граждане, земледѣльцы требуютъ военачальника, и Пожарскій, ознаменованный славными ранами, встаетъ съ одра болѣзни. Добродѣтельный Мининъ служитъ примѣромъ, и кто не можетъ отдать жизни отечеству, отдаетъ ему все, что имѣетъ... Древняя и новая исторія народовъ не представляетъ намъ ничего трогательнѣе сего общаго геройскаго патріотизма. Въ царствованіе Александра (І-го) позволено желать Русскому сердцу, чтобы какой-нибудь достойный монументъ, сооруженный въ Нижнемъ Новѣгородѣ (гдѣ раздался первый гласъ любви къ отечеству), обновилъ въ нашей памяти славную эпоху Русской исторіи. Такіе монументы возвышаютъ духъ народа. Скромный монархъ не запретилъ бы намъ сказать въ надписи, что сей памятникъ сооруженъ въ его счастливое время.

Петръ Великій, соединивъ насъ съ Европою и показавъ намъ выгоды просвѣщенія, не надолго унизилъ народную гордость Русскихъ. Мы взглянули, такъ сказать, на Европу, и однимъ взоромъ присвоили себѣ плоды долговременныхъ трудовъ ея. Едва великій государь сказалъ нашимъ воинамъ, какъ надобно владѣть новымъ оружіемъ, они, взявъ его, летѣли сражаться съ первою Европейскою арміею. Явились генералы, нынѣ ученики, завтра примѣры для учителей. Скоро другіе могли и должны были перенимать у насъ: мы показали, какъ бьютъ Шведовъ, Турокъ и наконецъ Французовъ. Сіи славные республиканцы, которые еще лучше говорятъ, нежели сражаются, и такъ часто твердятъ о своихъ ужасныхъ пыткахъ, бѣжали въ Италіи отъ перваго взмаха штыковъ Русскихъ. Зная, что мы храбрѣе многихъ, не знаемъ еще, кто насъ храбрѣе. Мужество есть великое свойство души: народъ, имъ отличенный, долженъ гордиться собою.

Въ военномъ искусствѣ мы успѣли болѣе, нежели въ другихъ, отъ того, что имъ болѣе занимались, какъ нужнѣйшимъ для утвержденія государственнаго бытія нашего; однако жъ не одними лаврами можемъ хвалиться. Наши гражданскія учрежденія мудростію своею равняются съ учрежденіями другихъ государствъ, которыя нѣсколько вѣковъ просвѣщаются. Наша людскость, тонъ общества, вкусъ въ жизни удивляютъ иностранцевъ, пріѣзжающихъ въ Россію съ ложнымъ понятіемъ о народѣ, который въ началѣ осьмаго-на-десять вѣка считался варварскимъ.

Завистники Русскихъ говорятъ, что мы имѣемъ только въ высшей степени переимчивость; но развѣ она не есть знакъ превосходнаго образованія души? Сказываютъ, что учители *Лейбница* [1]) находили въ немъ также одну переимчивость.

Въ наукахъ мы стоимъ еще позади другихъ, для того — и для того единственно, — что менѣе другихъ занимаемся ими и что ученое состояніе не имѣетъ у насъ такой обширной сферы, какъ, напримѣръ, въ Германіи, Англіи, и проч. Еслибы наши молодые дворяне, учась, могли доучиваться и посвящать себя наукамъ, то мы имѣли бы уже своихъ *Линнеевъ* [2]), *Галлеровъ* [3]), *Боннетовъ* [4]). Успѣхи литературы нашей, (которая требуетъ менѣе учености, но, смѣю сказать, еще болѣе разума, нежели собственно такъ называемыя науки), доказываютъ великую способность Русскихъ. Давно ли знаемъ, что такое слогъ въ стихахъ и прозѣ? и можемъ въ нѣкоторыхъ частяхъ уже равняться съ иностранцами! У Французовъ еще въ шестомъ на-десять вѣкѣ философствовалъ и писалъ *Монтань* [5]): чудно ли, что они вообще пишутъ лучше насъ? Не чудно ли, напротивъ того, что нѣкоторыя наши произведенія могутъ стоять наряду съ ихъ лучшими, какъ въ живописи мыслей, такъ и въ оттѣнкахъ слога? Будемъ только справедливы, любезные сограждане, и почувствуемъ цѣну собственнаго. Мы никогда не будемъ умны чужимъ умомъ и славны чужою славою. Французскіе, Англійскіе авторы могутъ обойтись безъ нашей похвалы; но Русскимъ нужно, по крайней мѣрѣ, вниманіе Русскихъ. Расположеніе души моей, слава Богу, совсѣмъ противно сатирическому и бранному духу; но я осмѣлюсь пенять многимъ изъ нашихъ любителей чтенія, которые, зная лучше Парижскихъ жителей всѣ произведенія Французской литературы, не хотятъ и взглянуть на Русскую книгу. Того ли они желаютъ, чтобы иностранцы увѣдомляли ихъ о Русскихъ талантахъ? Пусть же читаютъ Французскіе и Нѣмецкіе критическіе журналы, которые отдаютъ справедливость нашимъ дарованіямъ, судя по нѣкоторымъ переводамъ [6]). Кому не будетъ обидно походить на *Да-*

---

[1]) О *Лейбницѣ* см. примѣч. на стр. 418.

[2]) *Линней* (1707—1778) — знаменитый. Шведскій естествоиспытатель. Главное его сочиненіе: *Systema naturæ*. Изд. 1735 г.

[3]) *Галлеръ* (1708—1777) род. въ Бернѣ; извѣстнѣйшій литераторъ, анатомикъ, физіологъ и ботаникъ.

[4]) *Боннетъ Карлъ* (1720—1793) — естествоиспытатель и философъ. Род. въ Женевѣ. Во всей силѣ геній его раскрылся въ сочиненіи: «Созерцаніе природы» (Contemplaton de la Nature (1764—65 г.). На Р. языкъ переведено *Виноградовымъ* 1792—1804 г.

[5]) *Мантань* (Montaigne 1533—1592) — Франц. философъ. Извѣстно его сочиненіе: *Essais* и пр.

[6]) Такимъ образомъ худой французскій переводъ *Ломоносова* одъ и разныхъ

ламбертову[1]) мамку, которая, живучи съ нимъ, къ изумленію своему, услышала отъ другихъ, что умный человѣкъ? Нѣкоторые извиняются худымъ знаніемъ Русскаго языка. Это извиненіе хуже самой вины. Оставимъ нашимъ любезнымъ свѣтскимъ дамамъ утверждать, что Русскій языкъ грубъ и непріятенъ, что charmant и séduisant, expansion и vapeurs не могутъ быть на немъ выражены, и что, однимъ словомъ, не стоитъ труда знать его. Кто смѣетъ доказывать дамамъ что онѣ ошибаются? Но мужчины не имѣютъ такого любезнаго права судить ложно. Языкъ нашъ выразителевъ не только для высокаго краснорѣчія, для громкой живописной поэзіи, но и для нѣжной простоты, для звуковъ сердца и чувствительности. Онъ богатѣе гармоніею нежели Французскій; способнѣе для изліянія души въ тонахъ; представляетъ болѣе аналогическихъ словъ, то есть сообразныхъ съ выражаемымъ дѣйствіемъ: выгода, которую имѣютъ одни коренные языки! Бѣда наша, что мы все хотимъ говорить по-Французски и не думаемъ трудиться надъ обработываніемъ собственнаго языка: мудрено ли, что не умѣемъ изъяснить имъ нѣкоторыхъ тонкостей въ разговорѣ? Одинъ иностранный министръ сказалъ при мнѣ, что языкъ нашъ долженъ быть весьма теменъ, ибо Русскіе, говоря имъ, по его замѣчанію, не разумѣютъ другъ друга и тотчасъ должны прибѣгать къ Французскому. Не мы ли сами подаемъ поводъ къ такимъ нелѣпымъ заключеніямъ? Языкъ важенъ для патріота, и я люблю Англичанъ за то, что они лучше хотятъ свистать и шипѣть по-Англійски, нежели говорить чужимъ языкомъ, извѣстнымъ почти всякому изъ нихъ.

Есть всему предѣлъ и мѣра: какъ человѣкъ, такъ и на́родъ начинаетъ всегда подражаніемъ; но долженъ со временемъ быть самъ собою, чтобы сказать: я существую нравственно! Теперь мы уже имѣемъ столько знаній и вкуса въ жизни, что могли бы жить не спрашивая: какъ живутъ въ Парижѣ и въ Лондонѣ, что тамъ носятъ, въ чемъ ѣздятъ и какъ убираютъ домы? Патріотъ спѣшитъ присвоить отечеству благодѣтельное и нужное, но отвергаетъ рабскія подражанія въ бездѣлкахъ, оскорбительныя для народной гордости. Хорошо и должно учиться; но горе и человѣку и народу, который будетъ всегдашнимъ ученикомъ!

До сего времени Россія безпрестанно возвышалась какъ въ политическомъ, такъ и въ нравственномъ смыслѣ. Можно сказать, что Европа годъ отъ году насъ болѣе уважаетъ, а мы еще въ срединѣ нашего славнаго теченія. Наблюдатель вездѣ видитъ новыя отрасли

мѣстъ изъ Сумарокова заслужилъ вниманіе и похвалу иностранныхъ журналистовъ. Пр. Соч.

[1]) *Даламбертъ* — Франц. философъ XVIII в.

и раскрытія, видитъ много плодовъ, но еще болѣе цвѣта. Символъ нашъ есть пылкій юноша: сердце его, полное жизни, любитъ дѣятельность; девизъ его: труды и надежда! Побѣды очистили намъ путь къ благоденствію; слава есть право на счастіе.

Н. Карамзинъ.

Темы. — Раздѣленіе разсужденія на двѣ части: *первая* часть о любви къ отечеству; *вторая* — о народной гордости. — *Первая* часть подраздѣляется на три отдѣла: *первый* — любовь физическая: здѣсь Карамзинъ говоритъ о ея происхожденіи и причинахъ; *второй* отдѣлъ — любовь нравственная: здѣсь авторъ представляетъ опредѣленіе любви нравственной, причину и подтверждаетъ свои мысли примѣрами, свидѣтельствомъ; *третій* отдѣлъ первой части разсуждаетъ о любви политической. Какъ онъ называетъ эту любовь? Что онъ говоритъ о патріотизмѣ?

Вторая часть разсужденія излагаетъ понятія Карамзина о народной гордости. Указаніе на недостатокъ въ насъ чувства собственнаго достоинства. Желая пробудить въ насъ это чувство, авторъ перечисляетъ главнѣйшія славныя событія нашего отечества: храбрость и рыцарское добродушіе Славянъ-Руссовъ, просвѣщеніе на Руси въ XI вѣкѣ, самостоятельность ея при Ярославѣ, гибель со славою во время Татарщины, сверженіе Татарскаго ига, самопожертвованіе во время Самозванцевъ, присвоеніе плодовъ Европейской цивилизаціи при Петрѣ В., мужество Русскихъ. Это—*первый* отдѣлъ второй части.— Во *второмъ* отдѣлѣ Карамзинъ разсматриваетъ наше военное искусство, гражданскія учрежденія, людскость, тонъ общества и пр., въ *третьемъ* — переимчивость, въ *четвертомъ* — науку, литературу и языкъ. Въ заключеніе авторъ вооружается противъ нашего рабскаго подражанія иноземцамъ.

О Письмахъ Карамзина [1]).

Читая со вниманіемъ письма Карамзина, нельзя не подорожить одною стороною ихъ, которая имѣетъ и личный характеръ и, можно сказать, историческій: оба равно сочувственны и привлекательны. Сношенія его съ Императоромъ Александромъ и съ двумя Императрицами принадлежатъ Русской исторіи. Они придаютъ свѣтлую и отрадную страницу, которую будущій повѣствователь блестящаго и славнаго царствованія Александра долженъ непремѣнно внести въ свою живую лѣтопись. Едва ли гдѣ въ исторіи Двора и въ исторіи литературы найдется что-нибудь подобное. Нерѣдко видали, что вѣнценосцы оказывали писателямъ не только покровительство, но и личную благосклонность. Видали и писателей не только вѣрноподданно-преданныхъ, но и пламенно-ревнующихъ о славѣ мо-

[1]) Писано въ 1866 г. по поводу слѣд. книгъ: 1. Неизданныя сочиненія и переписка Н. М. *Карамзина.* Ч. I. Спб. 1862. — 2. Письма Н. М. Карамзина къ И. И. Дмитріеву, съ примѣчаніями и указаніями, составленными *Я. Гротомъ* и *П. Пекарскимъ.* Спб. 1866.

нарха своего. Но здѣсь отношенія имѣютъ совершенно особые и исключительно имъ присвоенные оттѣнки. Въ нихъ есть что-то умилительное, чистое, теплое и возвышенное. Посреди житейскихъ суетностей, часто мелкихъ по достоинству, но сильныхъ по волненію своему, отъ картины, которую имѣемъ подъ глазами, вѣетъ на насъ яснымъ благораствореніемъ какого-то золотаго, доисторическаго вѣка. «Кромѣ Его (т. е. Императора Александра) любезнаго об-«хожденія со мною, пишетъ Карамзинъ, Онъ имѣетъ въ себѣ что-то «особенно привлекательное: вижу въ немъ болѣе человѣка, нежели «Царя, а какъ вспомню, что это Царь, то нахожу Его еще любезнѣе.»

Можно угадать, что и Александръ полюбилъ въ Карамзинѣ человѣка и полюбилъ его тѣмъ сильнѣе, что признавалъ въ немъ и великаго писателя, что видѣлъ въ немъ одно изъ свѣтлыхъ достояній своего царствованія. Безошибочно можно сказать, что изъ современниковъ, изъ числа приближенныхъ къ Государю, разумѣется за исключеніемъ царскаго семейства, никто не любилъ Александра такъ нѣжно, такъ искренно, такъ бескорыстно, какъ любилъ его Карамзинъ. Никто вѣроятно лучше его не понялъ, не оцѣнилъ прекрасныя свойства и качества его. Никто не зналъ его такъ близко, глубоко и вѣрно. Карамзинъ не даромъ былъ историкъ, а историку должно быть земнымъ сердцевѣдцемъ. Скажемъ и здѣсь: біографу Александра непростительно было бы не справляться съ бѣглыми очерками, здѣсь и тамъ набросанными рукою Карамзина: въ чистой душѣ его слѣдуетъ ему изучать образъ Александра, такъ какъ онъ въ ней отразился. Безъ того ускользнули бы отъ живописца мало кому извѣстныя тайныя выраженія и проблески этого свѣтлаго образа.

Царь и исторіографъ были по многимъ важнымъ вопросамъ въ явномъ противорѣчіи. Тѣмъ лучше. Сіи двѣ личности именно этимъ разногласіемъ вѣрнѣе и возвышеннѣе себя обозначаютъ. Не мудрено государю любить подданнаго и собесѣдника, который во всемъ съ нимъ соглашается. И не одни государи, а и многіе и простые смертные довольно жалуютъ подобныхъ собесѣдниковъ. Легко и подданному безусловно усвоивать себѣ воззрѣнія, мысли и мнѣнія, облеченныя высочайшею властью. Но здѣсь явленіе совершенно другое. По новизнѣ своей имѣетъ оно полное право возбуждать и привлекать къ себѣ общее любопытство и вниманіе. Вслѣдствіе этихъ противорѣчій и умственныхъ ошибокъ, Александръ и Карамзинъ, если позволено будетъ замѣтить, иногда сердились другъ на друга. По человѣческой слабости, каждому сродной, они были иногда не чужды минутнаго злопамятства. Царь холоднымъ обращеніемъ выказывалъ спорнику, что онъ нисколько не убѣдилъ его,

а только слегка раздражилъ. Тотъ про себя или, изрѣдка, въ скромныхъ и сердечныхъ изліяніяхъ невольно и скорбно проговаривался. Онъ также оставался недоволенъ. Скажу опять: тѣмъ лучше! Эти размолвки, эти набѣгавшія тучки были не грозны и скоротечны. Благодушіе того и другаго вскорѣ очищало небосклонъ, на минуту потемнѣвшій. Со стороны Карамзина, при мягкосердечіи его, этотъ поворотъ къ ясной погодѣ дѣлался самъ собою. Въ самомъ пылу состязанія, любящая душа его всегда сберегала слово и чувство на миръ. Въ Александрѣ это была великодушная побѣда надъ собою. Власть, не говоря уже о царской, гдѣ бы она и какая ни была бы, по свойству своему, по привычкамъ, по внѣшнимъ обстоятельствамъ, которыя служатъ ей обстановкою и подножіемъ, не можетъ не быть щекотлива и настойчива.

При Дворѣ Карамзинъ былъ одинокъ и такъ сказать лице заштатное. Въ придворныхъ, въ равныхъ ему, онъ мало встрѣчалъ сочувствія. Должно признаться, что и онъ не многимъ изъ нихъ сочувствовалъ, и то подъ нѣкоторыми условіями. При Дворѣ сочувствія на него сходили свыше и отъ него также выше обращались. Вскорѣ по кончинѣ его, одинъ изъ придворныхъ, можно почти сказать изъ сановниковъ, образованный, не лишенный остроумія, не старожилъ и не старовѣръ, спрашивалъ меня однажды: «Вы коротко знали Карамзина, скажите мнѣ откровенно, точно ли онъ былъ умный человѣкъ?» — Да, отвѣчалъ я, кажется нельзя отнять ума отъ него. — «Какъ же, продолжалъ онъ, за царскими обѣдами «часто говорилъ онъ такія странныя и неловкія вещи?»

Дѣло въ томъ, что по понятіямъ и на языкѣ нѣкоторыхъ, всякое чистосердечіе равняется неловкости. По счастью, Царскіе Хозяева оказывали болѣе терпимости, нежели гости ихъ. Они именно полюбили въ Карамзинѣ эти неловкости; пресыщенные ловкостью, ихъ окружающей, они находили особую прелесть, особое достоинство въ этомъ свободномъ, но никогда несвоевольномъ выраженіи истиннаго чувства и независимой мысли.

Въ отношеніяхъ Карамзина къ Императору нельзя не замѣтить еще одного знаменательнаго обстоятельства. Удостоенный ласкою, особеннымъ благоволеніемъ, можно сказать дружбою его, онъ не былъ никогда предметомъ такъ сказать вещественныхъ его благодѣяній. Онъ могъ до конца питать къ нему самобытную, безкорыстную любовь. Онъ дорожилъ сею нравственною независимостью. «Въ послѣднемъ моемъ искреннемъ разговорѣ съ Императоромъ, «пишетъ Карамзинъ къ Дмитріеву, я сказалъ Ему, что не хочу болѣе ни чиновъ, ни денегъ казенныхъ: надобно сдержать слово.» Такъ оно и было. Императоръ Николай мало зналъ его въ прежнее царствованіе. Только по кончинѣ Александра I и особенно въ

трудные дни, которые послѣдовали за этимъ горестнымъ событіемъ, онъ сблизился съ нимъ, видалъ его часто и имѣлъ съ нимъ продолжительныя и откровенныя бесѣды. Тутъ имѣлъ онъ возможность постичь и оцѣнить возвышенныя чувства его и прямоту души, которыми такъ дорожилъ покойный Государь. Вскорѣ затѣмъ, при первомъ случаѣ, онъ, какъ душеприкащикъ почившаго Брата, угадалъ и привелъ въ исполненіе невысказанную и посмертную волю его. И здѣсь прекрасная царская черта. Николаю I извѣстно было, что Карамзину жить уже не долго. Оказаніемъ ему безпримѣрной милости, онъ не искалъ подкупить въ немъ приверженнаго къ себѣ писателя, историка, *привратника у порога храма безсмертія*, по забавному выраженію Растопчина. Нѣтъ, по внезапному и совершенно чистому побужденію, онъ только хотѣлъ успокоить, прояснить послѣдніе, печальные дни умирающаго; хотѣлъ уплатить ему въ лицѣ семейства его отъ имени Брата и своего, отъ имени всего отечества достойное возмездіе за честную, полезную и нравственно-прекрасную жизнь.

Говоря о томъ, чѣмъ были для него два Государя, нельзя забыть и о личныхъ отношеніяхъ, въ которыхъ онъ находился къ Императрицамъ Маріи Ѳеодоровнѣ и Елисаветѣ Алексѣевнѣ. Здѣсь, къ выраженію царскихъ милостей, еще присоединяется особая прелесть женскаго, утонченнаго выраженія этихъ милостей. Тутъ уже онъ и вовсе забывалъ о предстоящемъ царскомъ величіи. Еще свободнѣе, нежели при Императорѣ, могъ онъ быть совершенно и вполнѣ самимъ собою. Передъ нимъ были двѣ женщины высокихъ нравственныхъ качествъ, умственной образованности и очаровательнаго обращенія. Хотя нѣкоторыми свойствами и возрастомъ отличались онѣ между собою, но отъ той и отъ другой благоухало на него всѣмъ, чѣмъ только можетъ прельститься и насытиться умъ, озариться и согрѣться душа.

Благодушіе вдовствующей Государыни такъ и видится и слышится сквозь письма Карамзина. Впрочемъ оно извѣстно и донынѣ памятно всей Россіи. Тысячи родителей и семействъ, по всѣмъ областямъ обширнаго нашего отечества, не престаютъ помнить въ молитвахъ своихъ ея заботливую, просвѣтительную и благотворную дѣятельность. Въ строгомъ и точномъ значеніи слова сего, она служила Россіи и заслужила ея безконечную благодарность. Державная исполнительница трудныхъ обязанностей, добровольно ею на себя возложенныхъ, она до конца жизни своей посвятила себя съ любовью и рвеніемъ великому дѣлу и достиженію великой цѣли. Но изъ словъ Карамзина, изъ писемъ ея къ нему, узнаемъ эту душевную доброту какъ-то еще ближе, въ частномъ, обыденномъ проявленіи, въ свободномъ обмѣнѣ сочувствій, вызванныхъ взаимнымъ пониманіемъ, взаимнымъ уваженіемъ другъ друга.

Отношенія Карамзина къ Императрицѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ еще достойнѣе вниманія. Ее мало знали и при жизни ея. Какъ современная молва, такъ и преданія о ней равно молчаливы. Она какъ-то невидимо, какою-то таинственною тѣнью прошла поприще жизни и царствованія своего. Весьма немногіе допущены были въ святилище, въ это, можно сказать, царское затворничество, въ которомъ она скрывалась. Въ первой молодости ея, въ первые годы царствованія, говорили о красотѣ ея, о невыразимой прелести, которою вся она была озарена. Поступь ея, малѣйшія движенія, рѣдкія, но всегда вѣрныя мыслямъ и чувствамъ, слова—все въ ней было плѣнительно-стройно. Пріятность, скажемъ грація, сливалась въ ней съ величественною осанкою. Говоря объ этомъ времени, сказала она однажды Карамзину, что нерѣдко, стоя передъ зеркаломъ для убранства, когда готовилась на царскій выходъ или на балъ, она сѣтовала и почти досадовала на дары природы, которые должны обратить на нее общее вниманіе и привѣтливые глаза. Но эти годы торжества, свѣтскаго и женскаго честолюбія, продолжались не долго. Царица удалилась въ свой теремъ. Все кругомъ него было тихо. Молва умолкла. Одно участіе немногихъ оставалось ей вѣрно: оно ловило изрѣдка дальніе и отрывочные отголоски, которые изъ уединенія ея долетали до общества. Она заживо сдѣлалась поэтическимъ и таинственнымъ преданіемъ. Въ это время познакомилась Она съ Карамзинымъ: очаровала его и приблизила къ Себѣ. Можно сказать, что за недостаткомъ другихъ и полнѣйшихъ свѣдѣній, образъ Ея, или по крайней мѣрѣ очерки этого образа исключительно запечатлѣны для насъ въ словахъ, сказанныхъ о ней Карамзинымъ, въ письмахъ ея къ нему, и въ тѣхъ, которыя онъ писалъ къ Императрицѣ.

Еще было одно время, еще былъ одинъ день, въ который имя ея торжественно и печально отозвалось во всей Россіи. Голосъ ея достигъ до насъ изъ Таганрога: «Нашъ Ангелъ въ небесахъ», писала она, извѣщая о смерти Александра. И эти немногія, трогательныя слова сдѣлались лозунгомъ скорби народной. Скоро потомъ и этотъ отголосокъ умолкъ и соединилась она съ Ангеломъ, котораго такъ нѣжно оплакивала.

Мы имѣли случай видѣть въ Карлсруэ нѣкоторыя изъ писемъ ея, писанныхъ къ матери по кончинѣ Александра. Они невыразимо умилительны. Въ нихъ раскрываются вся нѣжность чувства и вся глубина души, которая такъ долго въ себѣ сосредоточивалась. Судя по этимъ письмамъ, можно постигнуть всю плѣнительную силу очарованія, которому долженъ былъ поддаться Карамзинъ, пользовавшійся ея искреннею, и едва-ли не безграничною довѣренностью.

Карамзинъ говаривалъ, что, оставляя Петербургъ, будетъ онъ

жалѣть только о Невѣ и о царскомъ семействѣ. Особенно въ первые годы пребыванія, сердце у него не лежало къ Петербургу; оно тосковало по родной Москвѣ. Почти въ каждомъ письмѣ къ Дмитріеву слышится нота этой тоски по отчизнѣ. Если обстоятельства позволили бы ему выѣхать изъ Петербурга, то вѣроятно пожалѣлъ бы онъ и о Царскомъ Селѣ. Лѣтнія и позднія осеннія пребыванія въ немъ имѣли для него особенную прелесть. Онъ тутъ былъ болѣе дома, болѣе у себя и съ собою, былъ свободнѣе въ занятіяхъ, досугахъ и прогулкахъ своихъ. За нѣсколько мѣсяцевъ до кончины, а именно, 22-го октября 1825 года, вотъ что изъ Царскаго Села пишетъ онъ Дмитріеву:

«Я точно наслаждаюсь здѣшнею тихою, уединенною жизнью, «когда здоровъ и не имѣю сердечной тревоги. Всѣ часы дня за«няты пріятнымъ образомъ: въ 9 утра гуляю по сухимъ и въ не«настное время дорогамъ, вокругъ прекраснаго нетуманнаго озера. «Въ 11 завтракаю съ семействомъ и работаю съ удовольствіемъ «до 2-хъ, еще находя въ себѣ и душу, и воображеніе; въ 2 часа «на конѣ, не смотря ни на дождь, ни на снѣгъ: трясусь, качаюсь «и веселъ.

«Въ темнотѣ вечерней еще хожу часъ по саду, смотрю вдали «на огни домовъ, слушаю колокольчикъ скачущихъ по большой до«рогѣ и нерѣдко крикъ совы.

«Съ 10-ти до половины 12-го читаемъ съ женою и съ двумя «дѣвицами Вальтеръ-Скота, романы, но съ невинною пищею для «воображенія и сердца, всегда жалѣя, что вечера коротки. Не знаю «скуки съ зѣвотою, и благодарю Бога, радъ жить такъ до конца «жизни. Что мнѣ городъ?

«Я какъ неподвиженъ, что былъ только однажды въ Гатчинѣ, «не смотря на мою сердечную любовь къ Императрицѣ. Работа «сдѣлалась для меня опять сладка; знаешь ли, что я съ слезами «чувствую признательность къ Небу за свое историческое дѣло? «Знаю, что̀ и какъ пишу; въ своемъ тихомъ восторгѣ не думаю «ни о современникахъ, ни о потомствѣ; я независимъ и наслаж«даюсь только своимъ трудомъ, любовью къ отечеству и чело«вѣчеству. Пусть никто не будетъ читать моей исторіи: она есть, «и довольно для меня. Однимъ словомъ, я совершенный графъ Хво«стовъ по жару къ музамъ, или музѣ! За неимѣніемъ читателей «могу читать себѣ и бормотать сердцу, гдѣ и что хорошо. Мнѣ «остается просить Бога единственно о здоровьи милыхъ и насущ«номъ хлѣбѣ до той минуты,

«Какъ лебедь на водахъ Меандра,
«Пропѣвъ умолкнетъ навсегда.

«Чтобы чувствовать всю сладость жизни, надобно любить и смерть «какъ сладкое успокоеніе въ объятіяхъ отца. Въ мои веселые, «свѣтлые часы, я всегда бываю ласковъ къ мысли о смерти, мало «заботясь о безсмертіи авторскомъ, хотя и посвятилъ здѣсь спо«собности ума авторству. Такъ пишутъ къ друзьямъ изъ уеди«ненія».

Какая свѣжесть и спокойная ясность души! Какъ вѣрно, сердечно и живописно каждое слово. Это письмо—одна изъ лучшихъ въ числѣ лучшихъ страницъ, имъ написанныхъ. Тутъ весь человѣкъ.

Помню тѣсный кабинетъ его въ Царскосельскомъ домикѣ. Входя въ него, трудно было понять, какъ могла умѣститься въ немъ Исторія Государства Россійскаго. Тутъ казалось только и мѣста, что для историка какой-нибудь республики Санъ-Марино. И что за поэтическій или историческій безпорядокъ въ этомъ ограниченномъ пространствѣ; но онъ однако же чутьемъ и привычкою умѣлъ тутъ оглядываться и ощупываться. Маленькій письменный столикъ, обложенный, загроможденный книгами и рукописями: едва ли оставался уголокъ для листа бумаги, на которой онъ писалъ. На полу кругомъ также разбросаны фоліанты. Двери кабинета, недоступнаго для постороннихъ, всегда были настежъ растворены для семейства, для жены и малолѣтнихъ дѣтей. Одному улыбнется онъ, другому скажетъ ласковое слово, не выпуская изъ рукъ пера, мысли изъ головы, и продолжая писать въ невозмущаемомъ спокойствіи и будто въ тишинѣ совершеннаго уединенія.

Въ этомъ, болѣе чѣмъ скромномъ кабинетѣ, была написана знаменитая записка о Польшѣ. Писалъ онъ ее послѣ продолжительной бесѣды и жаркихъ преній съ Государемъ. Противъ обыкновенія своего ложиться спать довольно рано, писалъ онъ ее далеко за полночь. Умъ и душа его были такъ переполнены мыслями, чувствами и встревоженною любовью къ отечеству, что написалъ онъ ее съ одного присѣста. Она такъ сказать накипѣла въ немъ и стремительно и горячо вылилась на бумагу. Онъ зналъ, что она будетъ непріятна Александру, даже можетъ оскорбить его: онъ въ ней явно и сильно противорѣчилъ завѣтнымъ намѣреніямъ Государя, тому, что справедливо или нѣтъ признавалъ онъ обязанностью своею и призваніемъ свыше. Карамзину больно было нанести и малѣйшее непріятное впечатлѣніе на Царя и на человѣка нѣжно имъ любимаго. Жертвуя собою, положеніемъ своимъ, а что еще тяжелѣе—личными и глубокими сочувствіями своими, онъ смѣло совершилъ доблестный подвигъ Русскаго историка и гражданина.

Опасенія не обманули его, но онъ пребылъ твердъ и покоенъ

въ совѣсти своей. Къ утѣшенію, опасенія не долго смущали его чувствительное сердце. Чувство справедливости и кротости восторжествовало въ Царѣ надъ упорствомъ любимыхъ политическихъ мнѣній. Онъ не сдался убѣжденіямъ Карамзина, но оцѣнилъ его искренность. Послѣ нѣсколькихъ дней холодныхъ отношеній, наступала снова ясная и теплая пора. Вскорѣ *зеленый кабинетъ*, какъ называлъ Императоръ аллеи Царскосельскаго сада, въ которыхъ они бесѣдовали, сдѣлался снова свидѣтелемъ радушныхъ встрѣчъ и продолжительныхъ разговоровъ.

Для того, кто жилъ въ это время и былъ хотя случайно и косвенно болѣе или менѣе приближенъ къ событіямъ его, для того Царскосельскій садъ имѣетъ особое значеніе и прелесть. Подъ сумракомъ вѣтвистыхъ и тѣнистыхъ деревъ, почти на каждомъ шагу видятся и чуются образы и голоса, одни давно померщіе, другіе давно замолкшіе.

Весна младый разсвѣтъ, а осень вечеръ года.

Вечеромъ, когда утихаютъ тревоги и шумъ дѣятельнаго дня, въ эту таинственную пору, обыкновенно чувствуешь въ себѣ какое-то тихое и сладостное уныніе и, забывая настоящее, предаешься воспоминаніямъ.

Какъ часто, гуляя въ осенніе дни кругомъ тихаго и свѣтлаго озера, или углубляясь въ чащу парка, переношусь мыслью и чувствомъ къ этимъ минувшимъ временамъ. Иногда сдается мнѣ, что вотъ здѣсь, вотъ тамъ встрѣчусь съ лицемъ, которое, кажется, встрѣтилъ я вчера: такъ память бываетъ въ одно время и вѣрна и обманчива. Невольно забываешь, что это вчера отодвинуто въ недосягаемую даль уже многими десятками годовъ. Эти живыя знакомыя существа — нынѣ уже тѣни. Но передъ глазами воображенія и самыя тѣни населяютъ пространство. Онѣ слѣдуютъ за мною, вьются надо мною и кругомъ меня.

Вотъ величественная тѣнь Царственнаго Хозяина сей великолѣпной и милонидной области. Отпечатокъ жизни, ознаменованной великими событіями, но отпечатокъ и какой-то грусти пресыщенія власти, могущества и славы, еще выражаются на задумчивомъ челѣ. Въ улыбкѣ есть плѣнительная кротость, но и въ ней проглядываетъ уныніе. Сознательно чувствуется, какъ будто видится, что нѣкогда, во дни жизни, тягостно было ей земное величіе. Какъ будто слышится повѣсть о внутреннихъ борьбахъ, о многихъ испытаніяхъ, обманутыхъ надеждахъ, о многихъ благородныхъ стремленіяхъ, не достигнувшихъ окончательно предназначенной цѣли.

Прекрасны и торжественны были нѣкоторые дни изъ сей жизни, принадлежащей исторіи. И свой народъ, и чуждые народы, нѣ-

когда враждебные, съ признательностью благословляли эти незабвенные дни. Но отъ этихъ торжествъ въ немъ самомъ осталось одно глубокое чувство смиренія и едва-ли не безнадежности. Земной славы ему было мало, онъ жаждалъ разрѣшенія таинствъ, къ которымъ съ пытливою тоскою стремилась душа его. На высотѣ земнаго величія, онъ отрѣшался отъ земли; онъ прислушивался къ голосамъ другаго, таинственнаго, по обѣтованнаго намъ міра. Рѣдко кто изъ царствовавшихъ владыкъ досягалъ до вершины, на которую вознесли его событія, и его твердая и великодушная воля. Но можно сказать, что въ немъ человѣкъ былъ еще выше владыки. Самое уныніе предсмертныхъ годовъ его и недовѣрчивость къ себѣ служатъ тому умилительнымъ и поражающимъ умъ доказательствомъ.

Къ нему идетъ навстрѣчу другая тѣнь, намъ также знакомая и сочувственная. И тотъ, чей образъ носитъ она, одушевленъ былъ во дни жизни благородными побужденіями, и въ тишинѣ труда совершилъ дѣла полезныя и благія. И онъ насладился мирною земною славою. Но и эта жизнь не упивалась соблазнами успѣховъ. И она въ себѣ носила зародышъ чего-то высшаго: стремилась къ тому, чего здѣсь нѣтъ, но къ чему, но менѣе того, стремиться должно, чтобы облагородить земное поприще и самую славу освѣтить заревомъ неугасающимъ.

Въ этомъ сходствѣ, въ этомъ настроеніи духа, можетъ быть, кроется нравственная причина сочувствія и сближенія, которыми, не смотря на различіе положенія того и другаго, Александръ привлекаемъ былъ къ Карамзину и Карамзинъ къ Александру.

Какъ любопытны были бы и назидательны для насъ откровенныя исповѣди двухъ собесѣдниковъ, если бы невидимый стенографъ могъ передать ихъ намъ во всей духовной и буквальной полнотѣ и точности. — А вотъ еще поодаль два любезные образа мелькаютъ передъ нами. Оба принадлежатъ Царскосельскимъ преданіямъ. Одинъ — чистый, стройный лебедь поэзіи. Сдается, что слышишь грустные и какъ будто святые напѣвы предсмертной пѣсни, которую самъ воспѣлъ онъ себѣ, вмѣстѣ съ послѣднею пѣснью Царскосельскаго лебедя Екатерининскихъ временъ [1]). Около него, еще отрокомъ, но уже поэтомъ, мерещится любимый питомецъ Карамзина и Жуковскаго. Первыя его благозвучныя пѣсни раздались подъ вдохновительною тѣнью, оглашенною нѣкогда и пѣснями Державина. Царское Село — святилище исторіи и поэзіи. Надъ всѣми этими тѣнями и преданіями носятся въ отдаленной высотѣ лучезарныя и величественныя воспоминанія другаго вѣка.

---

[1]) Извѣстное стихотвореніе Жуковскаго.

Въ Царскомъ Селѣ нельзя забывать Екатерину. Она какъ будто наслѣдственно передала любимому внуку любовь свою къ этой мѣстности, нѣкогда одушевленной присутствіемъ ея, ею украшенной и нынѣ еще озаренной лучами ея славы. Памятники ея царствованія здѣсь повѣствуютъ о ней. Сложивъ вѣнецъ съ головы и порфиру съ плечь своихъ, здѣсь жила она домоситою и любезною хозяйкою. Здѣсь, кажется, встрѣчаешь ее въ томъ видѣ и нарядѣ, какою она изображена въ извѣстной картинѣ Боровиковскаго, еще болѣе извѣстной по прекрасной и превосходной гравюрѣ Уткина. Тотъ же образъ ея находимъ и у Пушкина въ повѣсти его: «Капитанская Дочка». *Кн. Вяземскій.*

Практическое значеніе искусства.

Вопросъ о пользѣ былъ нѣкогда неизбѣжнымъ предисловіемъ ко всякому дѣлу. Потомъ, когда заговорили о самостоятельности каждаго дѣла, проистекающаго изъ существенной потребности человѣческой природы, подобные предварительные трактаты о пользѣ подверглись осмѣянію. Но вопросъ о пользѣ можетъ имѣть болѣе глубокое значеніе, не заслуживающее осмѣянія. Все въ мірѣ связано между собою, все дѣйствуетъ одно на другое, и потому все можетъ быть взаимно полезно или вредно. Но, съ другой стороны, дѣйствовать успѣшно можетъ только то, что́ достаточно сильно и зрѣло въ самомъ себѣ. Каждая вещь имѣетъ свое назначеніе и становится способною дѣйствовать лишь въ той мѣрѣ, въ какой удовлетворяетъ внутреннему закону своего существованія. Въ человѣческомъ мірѣ должны мы признать то же самое. Каждая дѣятельность хочетъ имѣть свой корень, свою область и требуетъ самостоятельнаго развитія. Она должна прежде сама развиться и лишь потомъ можетъ оказывать вліяніе на все прочее. Хотите ли вы утолить голодъ или жажду: вы возьмете зрѣлый плодъ, а гнилой или незрѣлый будетъ безполезенъ вамъ. Хотите ли пользы отъ науки,— дайте ей полный просторъ, дайте возможность, чтобы умственныя силы могли быть преданы ей вполнѣ, такъ чтобы она образовала великій и живой организмъ, чтобы каждая существенная цѣль въ ней достигалась достиженіемъ многихъ другихъ посредствующихъ цѣлей, и чтобы каждая изъ такихъ посредствующихъ цѣлей могла стать предметомъ особыхъ стремленій и могла образовать свой міръ. Не спрашивайте, зачѣмъ то, и зачѣмъ другое; не говорите о безполезности той или другой части: знайте, что за каждую часть отвѣчаетъ цѣлое, а цѣлое возможно лишь при полномъ и рѣшительномъ развитіи каждой части.

Вы хотите, чтобы художникъ былъ полезенъ. Дайте же ему быть художникомъ и не смущайтесь тѣмъ, что онъ съ полнымъ усердіемъ занятъ изученіями и приготовленіями, которыя имѣютъ своею единственною цѣлью дѣло искусства. Когда дѣло исполнится, когда оно явится на свѣтъ, оно непремѣнно окажетъ вліяніе на всѣ стороны человѣческаго сознанія и жизни, и окажетъ тѣмъ сильнѣйшее вліяніе, чѣмъ болѣе будетъ соотвѣтствовать условіямъ своей внутренней природы. Не говорите, что толку въ этихъ прекрасныхъ линіяхъ, въ этихъ образахъ и звукахъ? какая польза намъ отъ этого? Мы не будемъ отвѣчать на эти вопросы рѣзкими словами поэта, не будемъ также распространяться о важности внутренней цѣли искусства, о томъ, что минуты этого вдохновеннаго созерцанія идей и жизни сами по себѣ драгоцѣнны; прямѣе и примирительнѣе будемъ отвѣчать этимъ суровымъ искателямъ пользы. Правда, скажемъ мы имъ, люди призваны въ міръ не для одного спокойнаго созерцанія; мы должны дѣйствовать и участвовать въ великихъ битвахъ жизни, каждый по силамъ и средствамъ своимъ; все въ человѣческомъ мірѣ стремится и дѣйствуетъ, все въ напряженіи и борьбѣ; такъ! мы не будемъ терпѣть, чтобы силы, столь нужныя для дѣйствія и борьбы, замыкались въ неприступной оградѣ и пребывали тамъ въ блаженномъ созерцаніи, безплодно для всего окружающаго. Но точно ли остаются эти силы безплодными? Точно ли изъ этихъ возвышенныхъ сферъ не проистекаетъ обратное дѣйствіе на жизнь? Точно ли есть такія разобщенныя сферы, которыя бы не оказывали взаимнаго другъ на друга вліянія и не дѣйствовали на всю совокупность человѣческаго сознанія и жизни? Нѣтъ, взаимное дѣйствіе вещей можетъ быть измѣряемо не грубою оцѣнкою поверхностнаго взгляда. Дѣйствіе далеко отходитъ отъ своей причины и принимаетъ безконечно разнообразные виды и оттѣнки, такъ что отдаленное дѣйствіе, сличенное со своею первоначальною причиной, часто оказывается вовсе на нее непохожимъ. Самыя, если позволено будетъ такъ выразиться, спеціальныя произведенія искусства не остаются безъ дѣйствія на жизнь, и дѣйствіе ихъ можетъ оказаться тамъ, гдѣ мы вовсе не ожидали его. Не думаете ли вы, что впечатлѣніе прекраснаго такъ и заглохнетъ въ эстетическомъ чувствѣ? что оно ни во что еще не переходитъ, ни въ чемъ еще не выражается? Мы же думаемъ, что истинное образованіе невозможно безъ этого элемента, и исторія своими примѣрами подтверждаетъ наше мнѣніе. Поэзія ознаменовываетъ первое пробужденіе народа къ исторической жизни, искусство и знаніе сопутствуютъ его развитію и служатъ самымъ лучшимъ выраженіемъ силы и свойства развитія. Народы самые практическіе отличились высокимъ и сильнымъ развитіемъ умственной и художественной дѣятельности,

которая, повидимому, была совершенно чужда текущихъ вопросовъ и дневныхъ интересовъ, но которая въ самомъ-то дѣлѣ была совершенно необходима для успѣховъ жизни.

Скажите, откуда взялось въ жизни образованныхъ народовъ это изящество формъ и благородство общественныхъ отношеній? Мы такъ гордимся этими успѣхами гражданственности и съ такимъ ужасомъ озираемся назадъ къ тѣмъ временамъ, когда въ обществѣ еще не чувствовалось присутствіе эстетическаго начала; мы съ такимъ пыломъ готовы на всякую экспедицію для новыхъ завоеваній подъ знаменемъ этой гражданственности, такъ нами цѣнимой! А между тѣмъ изящество жизни впервые выработалось въ тѣхъ умственныхъ сферахъ, которыя казались намъ безплодными, впервые развилось оно въ тѣхъ чистыхъ созерцаніяхъ мысли, которыя могли казаться совершенно безполезными для жизни. Лиліи Рафаэля не рѣшали никакого практическаго вопроса изъ современнаго ему быта, но великое благо в великую пользу принесли онѣ съ теченіемъ времени для жизни: онѣ могущественно содѣйствовали къ ея очеловѣченію. Дѣйствіе великихъ произведеній искусства остается не въ одной лишь ближайшей ихъ сферѣ, но распространяется далеко и оказывается тамъ, гдѣ объ идеалахъ художника нѣтъ и помина.

Представленія, образы, мысли — все это силы и весьма дѣйствительныя силы въ человѣческомъ сознаніи. Ничто не прокрадется въ нашихъ мысляхъ безъ дѣйствія, хотя бы въ началѣ и незамѣтнаго. Прекрасные образы и звуки вносятъ съ собою въ сознаніе это начало прекраснаго, ихъ отличающее. Оно не останется только при нихъ, а мало по малу пріобрѣтетъ свое отдѣльное значеніе, станетъ особою силою, которая войдетъ въ безчисленныя сочетанія и окажется въ самыхъ разнообразныхъ явленіяхъ нравственнаго міра. Но значеніе искусства простирается далѣе, чѣмъ признакъ прекраснаго, понимаемый въ обыкновенномъ своемъ смыслѣ. Художественная мысль, какъ и мысль познающая, открываетъ намъ внутренній взоръ на явленіе жизни и черезъ то расширяетъ наше сознаніе, сферу нашего умственнаго господства: словомъ, могущественно способствуетъ тому, изъ-за чего мы бьемся въ жизни. Требуйте отъ искусства прежде всего истины; требуйте, чтобы художественная мысль уловляла существенную связь явленій и приводила къ общему сознанію все то, что творится и дѣется во мракѣ жизни; требуйте этого, и польза приложится сама собою, польза великая: ибо чего же лучше, если жизнь пріобрѣтаетъ свѣтъ, а сознаніе силу и господство?

Каждый въ мірѣ стоитъ за своимъ дѣломъ и каждый при томъ служитъ орудіемъ одного великаго общаго дѣла. Честный труженикъ, приводящій въ движеніе тысячи колесъ и пружинъ въ ви-

дахъ вещественнаго благосостоянія, необходимаго для нравственнаго процвѣтанія общества, не имѣетъ, можетъ быть, въ кругу своихъ обычныхъ понятій, никакого прямаго отношенія къ искусству и поэзіи; скорѣе можетъ показаться онъ живымъ отрицаніемъ всякой поэзіи. Но чтобы онъ не думалъ про себя и какъ бы даже не жаловался на безплодность отвлеченныхъ мыслей, все, что есть въ его дѣлѣ по-истинѣ благороднаго, живаго, способнаго къ развитію и ведущаго къ успѣхамъ, это нравственное начало въ его дѣятельности, иногда самому ему неясное, но согрѣвающее его трудъ, все это связано въ дѣйствительности со многими чисто-умственными движеніями, хотя бы и чуждыми его личному сознанію.

Не заставляйте художника браться за «метлу», какъ выразился Пушкинъ въ стихотвореніи «Чернь». Повѣрьте, тутъ-то и мало будетъ пользы отъ него. Пусть, напротивъ, онъ дѣлаетъ свое дѣло; оставьте ему его «вдохновеніе», его «сладкіе звуки», его «молитвы». Если только вдохновеніе его будетъ истинно, онъ, не заботьтесь, будетъ полезенъ.

Довѣрвмся вдохновенію истины и будемъ требовать отъ художника, какъ и отъ мыслителя, чтобы они только свято служили ей. Нечего заботиться о томъ, чтобы художникъ былъ крѣпокъ своей эпохѣ. Болѣе чѣмъ кто-нибудь, онъ созданъ духомъ своего народа и духомъ своего времени, и на немъ невзгладимо означенъ ихъ образъ. Вдохновенная мысль, воспитанная стремленіемъ къ истинѣ, первая усматриваетъ признаки времени. Въ ея произведеніяхъ сами собою отражаются господствующія начала и направленія эпохи. То, что происходитъ глухо въ ушахъ, обрѣтаетъ себѣ выраженіе въ поэтическомъ сознаніи и возводится въ ясное для всѣхъ представленіе. Творческая мысль дѣйствительно владѣетъ могущественнымъ орудіемъ, и ея слово находитъ вѣрный путь къ сердцамъ; но оно только тогда бываетъ плодотворно, когда является ея свободнымъ и чистымъ выраженіемъ. Она оставляетъ по себѣ богатый запасъ запечатлѣнныхъ ею выраженій, которыя становятся общимъ достояніемъ. Ими пользуется всякій, и слава Богу! Но творческая мысль пусть идетъ далѣе, и открываетъ новые пути, и дѣлаетъ новыя завоеванія. Остережемся, чтобы вмѣсто поэта не навязать себѣ на шею или фразера, или доктринера. Фразеръ — это родъ никуда не годный, и объ немъ говорить не стоитъ; доктринеръ — дѣятель почтенный, но гораздо бы лучше ему дѣйствовать прямѣе, не прибѣгая къ формамъ художественнаго творчества. Поэма, повѣсть, драма, написанныя съ дидактическою или ораторскою цѣлью, часто только вредятъ вызвавшей ихъ мысли. Уму бываетъ въ нихъ душно и вмѣсто живаго дѣла часто производятъ они только томительную апатію. Лишь одинъ родъ поэзіи сближается съ искусствомъ

оратора: это лирика, которую нельзя принимать за твердую форму собственно художественной дѣятельности. Лирика можетъ быть во всемъ, даже въ безмолвномъ поступкѣ, и на оборотъ, въ размѣренномъ складѣ летучаго стиха можетъ, болѣе или менѣе удачно, выразиться всякое душевное движеніе.»

Источникъ разногласія въ сужденіяхъ весьма часто заключается лишь въ сбивчивости словъ. Формула: «искусство для искусства» можетъ въ самомъ дѣлѣ заключать въ себѣ смыслъ весьма неблагопріятный, и отъ такого смысла мы должны освободить эстетическій законъ, дающій внутреннюю цѣль явленіямъ искусства. Все, непріятно поражающее умъ въ этомъ знаменитомъ выраженіи: «искусство для искусства», заключается въ представленіи, будто художникъ долженъ имѣть своею цѣлью только изящество исполненія, и тутъ мы съ полнымъ правомъ восклицаемъ: нѣтъ! искусство должно имѣть какую-либо болѣе существенную цѣль; пусть оно лучше оставитъ тщеславное притязаніе находить въ самомъ себѣ цѣль для своихъ явленій и будетъ лишь простымъ и честнымъ орудіемъ для другихъ назначеній, на которыя вызываетъ его жизнь съ своими битвами и стремленіями. Но дѣло въ томъ, что искусство именно тогда-то и будетъ лишено всякой внутренней цѣли, когда художественная дѣятельность будетъ заключаться только въ искусствѣ исполненія; тогда-то оно и превратится въ простое средство для достиженія постороннихъ и дѣйствительно суетныхъ цѣлей. Мы видимъ такое искусство во множествѣ литературныхъ явленій, которыхъ все назначеніе состоитъ лишь въ томъ, чтобы болѣе или менѣе пріятно занимать праздный досугъ читателя. Такое искусство видимъ мы тоже въ явленіяхъ временъ упадка, когда изсякаютъ источники всякой умственной производительности и когда всѣ стремленія имѣютъ цѣлью только щекотать чувства, поражать эффектомъ и угождать прихотямъ вкуса. Подобныя явленія столь-же мало соотвѣтствуютъ внутренней цѣли искусства, какъ и тѣ, въ которыхъ мысль прибѣгаетъ къ формамъ художественной дѣятельности для разныхъ практическихъ цѣлей. Хотя явленія этого послѣдняго рода гораздо предпочтительнѣе первыхъ въ нравственномъ отношеніи; но ни тамъ, ни тутъ нѣтъ истиннаго искусства, ни тамъ, ни тутъ не достигается та великая цѣль, въ которой состоитъ его сущность и заключается его необходимость для человѣческаго развитія. Эта цѣль есть сознаніе: художественное торжество есть дѣятельность мысли, приводящей къ сознанію то, что́ безъ ея посредства оставалось бы для него чуждымъ и нѣмымъ; дѣятельность мысли, которая вноситъ жизнь въ человѣческое сознаніе, въ самые потаенные изгибы жизни.

И такъ нѣтъ сомнѣнія, что отъ искусства въ чистомъ и су-

щественномъ значеніи его проистекаетъ великая польза, и мы можемъ спокойно ограничиваться ею, не навязывая художнику никакихъ практическихъ побужденій для дѣятельности. Какое различіе между практическимъ направленіемъ мысли и направленіемъ теоретическимъ, которое должно господствовать въ художественной дѣятельности? Практически направленная мысль имѣетъ своею цѣлью непосредственно склонять къ чему-нибудь волю, непосредственно побуждать людей къ поступку. Но чтобъ произвести такое дѣйствіе, мы по необходимости должны имѣть въ виду не одну только истину дѣла, а также и всѣ тѣ различныя обстоятельства, отъ которыхъ можетъ зависѣть рѣшеніе воли и особенность ея настроенія въ данное время. Большею частью мы бываемъ принуждены обращать все вниманіе лишь на одну сторону предмета, часто должны бываемъ вовсе оставлять предметъ и всю силу слова устремлять на обстоятельства совершенно ему постороннія; интересъ истины исчезаетъ. Мы не отрицаемъ необходимости и такого рода дѣятельности, мы съ радостію привѣтствуемъ ее тамъ, гдѣ она встрѣчается въ достойномъ видѣ; пусть даже пользуется она для своихъ цѣлей художественными формами; но мы не хотимъ, чтобы она вытѣсняла искусство въ его собственномъ значеніи и ставила себя на его мѣсто. Искусство, какъ и наука, дѣйствуютъ прежде всего раскрытіемъ предмета въ его истинѣ и потомъ уже предоставляютъ самой истинѣ дѣйствовать на убѣжденіе и волю. Впрочемъ, ограждая самостоятельность искусства, мы съ другой стороны желали бы содѣйствовать къ уничтоженію той исключительности, въ какой иногда понимаютъ художественность и поэзію. Не только не должны онѣ быть связываемы съ какимъ-либо особымъ способомъ выраженія, напримѣръ, съ формою стиха, но и вообще съ извѣстными родами произведеній. Художественность и поэзія могутъ сопровождать живую творческую мысль повсюду, какого-бы предмета она ни касалась. Чтобы не ходить далеко за примѣромъ, приведемъ «Записки Оренбургскаго ружейнаго охотника», С. Т. Аксакова или же книгу «Семейная Хроника». Это не поэма и не драма, но сколько тутъ поэзіи и какая чистая художественность въ изображеніяхъ! Самъ художникъ вовсе не есть какое-либо особенное существо. Каждый вообще даровитый человѣкъ бываетъ въ извѣстномъ отношеніи художникомъ, и съ поэтическимъ вдохновеніемъ можетъ быть знакомъ тотъ, кто никогда не писалъ ни стиховъ, ни даже прозы.

Но, не ставя художника въ исключительное положеніе и допуская художественное начало въ каждомъ болѣе или менѣе даровитомъ и развитомъ человѣкѣ, мы также считаемъ необходимымъ, чтобы въ художникѣ жилъ и развивался человѣкъ. Въ интересѣ самаго искусства должно требовать, чтобы художникъ былъ раз-

витъ и нравственно и умственно. Правда, бываетъ не рѣдко, что вдохновеніе

. . . посѣщаетъ голову
Гуляки празднаго....

и не дается усильному труду; правда, самъ Пушкинъ оставилъ намъ другую искреннюю и печальную исповѣдь:

Когда не требуетъ поэта
Къ священной жертвѣ Аполлонъ,
Въ забавахъ суетнаго свѣта
Онъ малодушно погруженъ;
Молчитъ его святая лира,
Душа вкушаетъ хладный сонъ,
И межъ дѣтей ничтожныхъ міра,
Быть можетъ, всѣхъ ничтожнѣй онъ....

Такъ, это истинно; но мы можемъ утѣшить себя тѣмъ, что это только фактъ, а не законъ. Напротивъ, мы должны убѣдиться, что богатый даръ природы можетъ вполнѣ проявить себя только при условіи высокаго нравственнаго и умственнаго образованія. Пусть вдохновеніе посѣщаетъ блудящимъ огнемъ голову празднаго гуляки; еще вѣрнѣе то, что великое и всемірное можетъ быть произведено только тѣмъ, кто способенъ чувствовать великое и всемірное въ самомъ себѣ.

Давая искусству независимое значеніе, мы не освобождаемъ художника отъ обязанности заботиться о содержаніи своихъ произведеній. Мы согласны, что печать высокой художественности отличаетъ и такія произведенія, которыя предметомъ своимъ имѣютъ самыя ничтожныя явленія жизни; но, какъ-бы то ни было ничтожно явленіе, мысль должна стоять высоко, чтобы понимать его сущность, и, можетъ быть, тѣмъ выше должна стоять она, чѣмъ ничтожнѣе постигаемое ею явленіе. Всякое ничтожество можетъ быть художественно воспроизводимо только такою мыслію, которая не останавливается на поверхности вещей и способна видѣть каждое явленіе въ его сущности, при свѣтѣ идеи, въ глубокой, обширной и сложной связи, дающей ему интересъ для разумѣнія.

М. Катковъ.

Общія понятія о свойствахъ эпической поэзіи.

Изъ предъидущихъ изслѣдованій читатель могъ замѣтить, что эпическую поэзію мы ограничиваемъ только такъ называемою самородною, въ противоположность искусственной. Къ опредѣленію художественнаго характера этой-то самородной поэзіи обратимся

теперь. Достойна ли она такого изученія, могутъ свидѣтельствовать лучшіе наши поэты, *Пушкинъ* и *Жуковскій*, посвятившіе возсозданію ея нѣсколько прекрасныхъ своихъ произведеній. (Какія именно? Назовите).

Кто не привыкъ отдавать себѣ отчетъ въ сокровенныхъ побужденіяхъ наружныхъ явленій, тотъ легко объяснитъ себѣ рѣзвую откровенность и грубую простоту эпической поэзіи отсутствіемъ нравственнаго чувства, и принявъ за это послѣднее условные свѣтскіе пріемы, и даже подкрѣпитъ свое мнѣніе какою-нибудь пѣснею новѣйшаго издѣлія, дѣйствительно пошлою и грязною. Но, если взять въ соображеніе, что старинная эпопея возникаетъ и раскрывается впродолженіе вѣковъ, что каждое поколѣніе бережетъ и лелѣетъ ее, какъ лучшее свое достояніе, и что, такъ называемое дурное направленіе возникаетъ въ литературѣ большею частію уже отъ лица, отъ произвола частнаго, а не отъ всеобщаго нравственнаго расположенія, то едва ли возможно допустить въ эпической самородной поэзіи не только рѣшительное оскорбленіе нравственнаго чувства, но даже малѣйшее намѣренное уклоненіе отъ добра и правды. И въ изустной, безграмотной словесности, безъ сомнѣнія, могли тогда слагаться пѣсни, оскорбляющія нравственность; но онѣ не расходились далѣе той волости, гдѣ пѣлъ ихъ самъ сочинитель, и никогда не доживали до послѣдующаго поколѣнія, умирая вмѣстѣ съ своимъ виновникомъ. «Все минется», говоритъ народъ: «одна правда остается»; а пѣсня—правда. Какъ бездарность, такъ и всякое личное зло и всякій произволъ эпическая поэзія, въ своемъ вѣковомъ теченіи, отъ себя отбрасывала, подобно тѣмъ озерамъ, которыя будто бы не терпятъ на днѣ своемъ никакой нечистоты и постоянно извергаютъ ее на берегъ. Произвольная личность не только не участвовала въ сложеніи эпопеи, но не вошла, какъ существенная, самостоятельная часть, и въ ея содержаніе. Самое зло выводитъ эпическая поэзія, только какъ порожденіе темныхъ силъ. И хотя, по народному убѣжденію, «*лихое споро*, не умретъ скоро», однако рано-ли, поздно-ли, а «добро худо переможетъ.» Многіе миѳы основаны на мысли о конечномъ истребленіи зла. Такъ наши богатыри, подобно Греческому Геркулесу, истребляютъ чудовищныхъ враговъ и очищаютъ Русскую землю отъ всякаго сверхъестественнаго зла. Добрыня убиваетъ огненнаго змія, Илья Муромецъ очищаетъ дорогу отъ Соловья-Разбойника. Въ одной изъ самыхъ изящныхъ пѣсенъ Эдды, въ Волюспѣ, изображеніемъ борьбы миѳическихъ поколѣній раскрывается та нравственная идея, что хитрость и насиліе покоряются правосудію.

Древне-чешская поэма о судѣ Любуши вся основана на рѣшеніи юридическаго вопроса о наслѣдствѣ. Пословицы, какъ правдивыя

нравственныя изреченія, составляютъ существенную часть эпическаго изложенія и взгляда на міръ. Вмѣсто обращенія къ музѣ, древне-нѣмецкій поэтъ, *Гартманъ*, начинаетъ своего Ивейна нравственнымъ изреченіемъ, въ видѣ пословицы: *«кто обращается умомъ къ правдѣ, тому добро и честь»*. Въ романсахъ о Сидѣ поступки и убѣжденія дѣйствующихъ лицъ оправдываются обыкновенно пословицами; ибо «пословица всѣмъ дѣламъ *порѣшница*», какъ говоритъ нашъ народъ.

Какъ въ языкѣ правда есть синонимъ истины, такъ и эпическая поэзія добро представляетъ разумнымъ, а зло—глупымъ. Потому не въ однѣхъ Русскихъ, но и Нѣмецкихъ сказкахъ, люди добрые и сострадательные дурачатъ и обманываютъ колдуновъ, вѣдьмъ, великановъ и вообще издѣваются надъ нечистою силою. Народная поэзія часто забавляется глупостями нечистой силы, которая такъ легко довѣряется хитростямъ простодушнаго добряка. Потому дьяволъ, въ областныхъ нарѣчіяхъ, напримѣръ, въ Воронежской губерніи, называется не только *не добрый*, но и *шутикъ*. Умъ всегда уступаетъ доброму сердцу. Умъ уступаетъ доброму сердцу: и въ Русскихъ и въ Нѣмецкихъ сказкахъ меньшой сынъ, обыкновенно неопытный и небывалый, и потому только глупый, то есть, нехитрый [1]), простотою сердца всегда выигрываетъ въ жизни передъ своими двумя старшими братьями, и хотя натерпится много отъ ихъ злобы и зависти, однако подъ конецъ благополучно побѣдитъ всѣ ухищренія и получитъ въ награду всевозможныя земныя блага.

Вообще надобно замѣтить, что нравственное чувство такъ значительно воспитывается эпическою поэзіею, что слушателя всегда живѣе увлекали вопросы нравственные, нежели художественная идея поэмы; точно такъ, какъ и теперь люди простые, а также и дѣти, не умѣя отдѣлить художественнаго наслажденія отъ нравственнаго довольства, принимаютъ въ сказкѣ или повѣсти такое же участіе, какъ и въ дѣйствительной жизни, съ любовью слѣдятъ за добрымъ и великодушнымъ героемъ и съ отвращеніемъ слушаютъ о зломъ. Чтобъ похвалить эпическій разсказъ, простой народъ не употребитъ выраженія, по нашимъ понятіямъ, приличнаго художественному произведенію: *хорошо* или *прекрасно*, а скажетъ: *правда*. Для него, по пословицѣ: пѣсня — быль. Онъ глубоко убѣжденъ въ истинѣ ея содержанія и дорожитъ въ ней каждымъ словомъ, частію потому, что пѣсня живетъ ладомъ, а сказка складомъ. Братья *Гриммы*, первые знатоки эпической народной поэзіи, въ предисловіи къ Нѣмец-

---

[1]) Скандинавскому heimskr — глупый, собственно, *домосѣдъ*, соотвѣтствуютъ и наши дурачки, обыкновенно на *печи* проводящіе свою жизнь.

кимъ сказаніямъ утверждаютъ, что имъ не случилось ни въ одной народной пѣснѣ найдти ничего ложнаго, никакого обмана [1]).

Въ эпической поэзіи интересы нравственные тѣсно связаны съ умственными. Пѣсня шла за достовѣрное повѣствованіе о дѣйствительно случившемся. Если сказаніе почиталось правдивымъ, потому что было для народа его исторіею, то еще правдивѣе казался миѳъ, какъ основаніе повѣрьямъ. Пѣсня изъ рода въ родъ передавала знанія и убѣжденія, и потому столько же удовлетворяла уму, какъ и нравственному и эстетическому чувству.

Содержаніемъ эпоса бываетъ цѣлый міръ и все человѣчество. Хотя въ этомъ родѣ поэзіи являются и отдѣльныя лица, однако они всегда бываютъ представителями цѣлыхъ родовъ и поколѣній, теряютъ свои исключительныя качества въ общемъ расположеніи. Такимъ лицамъ обыкновенно приписываются дѣла всего народа, хотя бы и изъ многихъ столѣтій. Таковы народные герои: въ Испанскомъ эпосѣ Сидъ, во Французскомъ Карлъ Великій, въ Нѣмецкомъ Эцель, Дидрихъ (Аттила, Теодорикъ) и другіе, у насъ — Владиміръ-красное-солнышко.

Пѣвецъ, имѣя для своего разсказа предметъ самый обширный по объему и разнообразный по содержанію, увлекаетъ воображеніе слушателей на поприще необозримое, повѣствуя о событіяхъ и дѣлахъ, объемлющихъ цѣлыя поколѣнія, о борьбѣ поколѣній и родовъ, объ установленіи желаннаго мира. Даже внѣшняя мѣра разсказа соотвѣтствуетъ такому широкому объему эпоса. Одна пѣсня сцѣпляется съ другой, одинъ разсказъ дополняется другимъ, поколѣніе послѣдующее добавляетъ сказку поколѣнія отжившаго, и никто не видитъ ни начала, ни конца эпическому цѣлому, которое тянется изъ рода въ родъ, то дробясь на отдѣльныя пѣсни и разсказы, какъ наши древнія стихотворенія о богатыряхъ Владиміра и пѣсни Эдды, то собираясь въ дружныя массы, какъ романсы о Сидѣ. Безконечный разсказъ, свойственный эпическому содержанію, впослѣдствіи далъ поводъ къ нѣкоторымъ народнымъ фарсамъ, подобнымъ нескончаемой Русской сказкѣ о дуракѣ, который что ни дѣлаетъ, все невпопадъ.

Широкій взглядъ на міръ передаетъ пѣвецъ слушателю иногда въ самомъ началѣ своего разсказа. Вотъ почему нѣкоторыя древнерусскія стихотворенія начинаются этой прекрасной припѣвкой:

Высота ли, высота поднебесная,
Глубота, глубота океанъ-море,
Широко раздолье по всей земли,
Глубоки омуты Днѣпровскіе...

[1]) Deutsche Sagen, 1816. Изданы на Русскомъ языкѣ. Народныя сказки, собранныя братьями Гриммами. Перев. съ Нѣмецкаго. Спб. 1862.

Здѣсь призвано въ помощь все необъятное, чтобъ дать эпическому воодушевленію надлежащій просторъ: и широта земная, и глубина океана, и высота поднебесная. Та же мысль, обыкновенно лежащая въ основѣ всякой эпической поэзіи, нигдѣ не выразилась такъ осязательно-пластически, такъ возвышенно и въ такомъ истинно-эпическомъ смыслѣ, какъ въ началѣ XIII пѣсни «Иліады».

Зевесъ сидитъ на вершинѣ Иды. Онъ только что измѣнилъ воинское счастіе въ станѣ Грековъ, предоставивъ Троянамъ и Гектору безпрерывно несть бѣды и труды боевые. Теперь, отвративъ свои свѣтлыя очи отъ кровавыхъ сценъ, онъ устремляетъ ихъ на мирныя племена Ѳракіянъ и Гиппомолговъ, невинныхъ и справедливыхъ, питающихся только молокомъ и незнающихъ ни вражды, ни насилія. Эпическое положеніе, въ высшей степени художественное! Въ одно и то же время слушатель видитъ и племена, рѣшающія битвою судьбы народа, и народы, ведущіе спокойную жизнь пастуховъ и безпокойную дѣятельность, съ какой человѣкъ постоянно стремится все къ новому и лучшему, и тихое довольство мирнаго пастуха, который постоянно обращается въ одномъ и томъ же, хотя и тѣсномъ, но надежномъ семейномъ кружкѣ, помышляя только о томъ, чтобъ наполнить его благополучіемъ и радостями, и наконецъ видитъ самаго царя боговъ, который, взирая съ вершины горы, управляетъ и тѣми и другими, и въ эту минуту охотнѣе останавливаетъ свои взоры на образѣ тишины и спокойствія, нежели на зрѣлищѣ убійства и честолюбія. Эпосъ — здѣсь позволю себѣ сказать словами *Ж. П. Рихтера* — простираетъ передъ нами необъятное цѣлое и превращаетъ насъ въ боговъ, созерцающихъ міръ [1]). Ибо дѣйствительно это прекрасное мѣсто въ «Иліадѣ» заставляетъ слушателя очами самого Зевса смотрѣть на весь міръ.

Соотвѣтственно широкому объему, эпическая поэзія, будучи спокойна и величава въ своемъ теченіи, вмѣстѣ съ тишиною и ясностью духа самаго разсказчика, или пѣвца, оказываетъ и на слушателей дѣйствіе самое успокоительное. Такому дѣйствію способствуетъ и самая форма эпоса, то-есть разсказъ [2]). Драма, помощію дѣйствующихъ лицъ, ставовитъ насъ непосредственными свидѣте-

[1]) Смотри извлеченія изъ него въ «Теоріи Поэзіи» г. *Шевырева*, 1836 года, стр. 359, и далѣе изъ Лессинга, стр. 252.

[2]) Мы не могли не воспользоваться нѣкоторыми превосходными наблюденіями надъ составомъ эпической поэзіи, сообщенными *Вильгельмомъ Гумбольдтомъ* въ его сочиненіи Ueber Göthe' Herrmann und Dorothea, напечатанномъ въ первой части его «Aesthetische Versuche», еще въ 1799 году. За рѣдкостью старинной книги, сочиненіе это пользовалось весьма малой извѣстностью до тѣхъ поръ, пока не было перепечатано въ собраніи сочиненій этого глубокомысленнаго писателя, въ 1843 году.

лями выведеннаго на сцену дѣйствія; напротивъ того, эпическая поэзія не можетъ дѣйствовать на насъ непосредственно, представленіемъ передъ наши глаза самаго предмета: между этимъ предметомъ и нами есть еще третье лицо, умѣряющее силу впечатлѣнія, именно разсказчикъ. Вѣщій пѣвецъ, какъ человѣкъ мудрый и опытной, повѣствуя о старинѣ, обыкновенно разсказываетъ хладнокровно, не горячась, или же въ сопровожденіи инструмента поетъ, и всѣ дѣла и событія, сколько бы разнообразны и занимательны они ни были, передаетъ однообразнымъ и мѣрнымъ ладомъ пѣсни. Окружающіе внимательно и спокойно слушаютъ. Хотя въ воображеніи ихъ и возникаетъ, какъ воочію, воспѣваемая старина; но спокойный тонъ разсказа и присутствіе разсказчика отодвигаютъ ее въ нѣкоторое отдаленіе. Потому предметъ разсказа не можетъ уже непосредственно дѣйствовать на чувство, а сообщается сначала разуму и спокойному созерцанію и преимущественно оказываетъ свою силу на воображеніе, которое такъ обильно питается эпическими вымыслами. Воспоминаніе, которымъ человѣкъ переносится въ прошедшее, есть способность тихая, разсудительная: самое слово *помню* состоитъ изъ *по* и *мню*, то-есть думаю, Санскритское *ман* (думать). Печальный обрядъ по умершихъ — то же, какъ воспоминаніе прошедшаго, называется словами того же корня: *па-мять*, *по-минки* — слова родственныя Скандинавскому *minni*, означающему питье въ память усопшихъ. Даже говорить, по стариннымъ понятіямъ, значитъ вспоминать о старинѣ: потому въ Рязанской губерніи *старовать* значитъ разговаривать, разсуждать. Между тѣмъ, настоящее время, предметъ лирики и драмы — душа наполняетъ ожиданіемъ, стремленіемъ впередъ: потому *годъ* (собственно время вообще) родственно съ глаголами *годить*, *ждать*, и *часъ* (тоже время вообще) съ глаголомъ *чаять*. Слушатель внимаетъ эпосу съ бо́льшимъ безпристрастіемъ и душевной тишиною, не принимая того горячаго участія, какое вызываетъ драматическое представленіе, не вмѣшиваясь, какъ бы соучастникъ, въ дѣло между дѣйствующими лицами, но ясно и спокойно пребывая на той высотѣ, съ которой такъ легко господствовать ему надъ предметомъ разсказа. Успокоивая чувства, питая разумъ и знакомя со всѣмъ великимъ, что̀ оставила по себѣ старина въ преданіи, эпическая поэзія миритъ человѣка съ жизнью. Разладъ между поэтомъ и дѣйствительностью начинается только въ поэзіи лирической, то въ сатирѣ, иногда рѣзвой и забавной, иногда безутѣшной, то въ чувствительныхъ мечтахъ идиллій; до полнѣйшаго же своего развитія доходитъ въ драмѣ, которая, вводя человѣка внутрь самого себя, весьма часто отрѣшаетъ его отъ дѣйствительности и учитъ не столько любить жизнь, сколько чувствовать ея тягость и, скрѣпя сердце, покоряться горькой участи.

Хотя эпосъ возбуждаетъ въ слушателяхъ всѣ роды ощущеній — и смѣхъ, и ужасъ съ жалостью, и нѣжное и страшное, и веселье и горе, однако ни одно изъ нихъ не наполняетъ души, за исключеніемъ всѣхъ прочихъ, а всѣ вмѣстѣ попеременно, сообщаясь душѣ, удерживаютъ ее въ томъ равновѣсіи, которое необходимо для ея тишины и ясности. И пѣвецъ, заключая свою пѣсню, въ дополненіе ощущенія, произведеннаго ею на слушателей, увѣряетъ, что весь разсказъ его «то старина, то и дѣянье», старикамъ на утѣшенье, а молодымъ въ науку.

Подобно трагедіи, эпосъ можетъ возбудить въ душѣ ужасъ и жалость, только тонъ этихъ чувствованій будетъ совершенно иной. Сколь болѣзненна и мучительна катастрофа въ трагедіи, столько трогательна и тихо-прискорбна въ эпосѣ. Въ первомъ случаѣ дѣло еще не рѣшено, узелъ еще не разсѣченъ, и потому нетерпѣливо ждешь конца, въ послѣднемъ же только повѣствованія о концѣ; самъ же онъ давно ужъ совершился, и хотя бы онъ вовсе былъ неизвѣстенъ слушателямъ, онъ возбудитъ только тихую скорбь, въ какую обыкновенно погружаетъ человѣка печальное прошедшее, вызванное воспоминаніемъ. Для примѣра укажемъ на одну прекрасную Сербскую пѣсню [1]).

Проѣзжая рано утромъ по высокому берегу морскому, Марко Королевичъ замѣтилъ, что его конь спотыкается и роняетъ слезы. На вопросъ Марка о причинѣ горя, обращенный къ коню, отвѣчаетъ горная вила, что конь спотыкается и плачетъ, зачуявъ близкую разлуку съ своимъ хозяиномъ. У тебя, говоритъ она, никто не отъиметъ коня, и не умереть тебѣ, Марко, ни отъ юнака, ни отъ острой сабли, ни отъ боеваго копья; умереть тебѣ больному, Марко, *отъ стараго кровника*. Коль не вѣришь мнѣ, поѣзжай на самую вершину горы, взгляни справа на лѣво, увидишь—двѣ тонкія ели повисли надо всей горой, зеленымъ листьемъ ее покрыли, а между ними въ родникѣ вода. Туда поверни своего Шарца, слѣзь съ него и привяжи за ель. Ступай къ роднику, *взглянешь въ немъ на свое лице, и увидишь, когда ты умрешь*. Такъ Марко и сдѣлалъ, и дѣйствительно на своемъ лицѣ прочелъ смерть (миѳическое преданіе, отзывающееся глубокою древностью). Потужилъ Марко, что пришло разставаться съ вольнымъ свѣтомъ; потомъ, скрѣпя сердце, хладнокровно сталъ готовиться къ смерти; обнаживъ мечъ, отсѣкъ голову своему вѣрному коню, переломилъ острый мечъ начетверо, а боевое копье всемеро, палицу же, взявши въ правую руку, закинулъ въ глубокое море, чтобъ ничего не доставалось отъ Марка въ руки Туркамъ; потомъ изъ-за пояса досталъ листъ и написалъ на немъ: кто-де не пойдетъ по Урвинской Горѣ, знай, что Марко умеръ; а у Марка зашито въ поясѣ три калиты съ золотомъ: одну благословляю на погребеніе моего тѣла, другую — на украшеніе церковное, а третью — калѣкамъ и слѣпымъ; пускай слѣпые ходятъ по свѣту, поютъ да поминаютъ Марка. Написавъ письмо, Марко бросилъ его на ель, на вѣтку; затѣмъ скинулъ съ себя зеленый кафтанъ, разостлалъ подъ елью

[1]) Собраніе Вука Караджича; II, № 74.

на травѣ, перекрестился, сѣлъ на кафтанъ, надвинулъ на очи большую шапку и легъ мертвый. И долго прохожіе видѣли Марка съ широкой дороги, но думали, что онъ спитъ, и обходили далеко кругомъ, боясь разбудить его.

Не надобно думать, что всякій разсказъ годился для эпическаго содержанія. Иной болѣе нарушаетъ спокойствіе души, нежели выставляетъ то, о чемъ идетъ рѣчь. Это зависитъ отъ лирическаго направленія разсказчика и, слѣдовательно, относится ужь къ эпохѣ позднѣйшей и къ литературѣ образованной, грамотной. Не смотря на разнообразіе, затѣйливое содержаніе «Неистоваго Орланда» [1]), во всей поэмѣ читатель видитъ самаго разсказчика гораздо болѣе, нежели предметъ разсказа, увлекается забавными шутками поэта, рѣзкими и часто колкими насмѣшками и постоянной ироніей надъ рыцарскими чудесами и похожденіями. Аріостъ, какъ повѣствователь ужь образованнаго общества, постоянно желаетъ нравиться; а поэзія чѣмъ болѣе заискиваетъ въ публикѣ, тѣмъ болѣе теряетъ въ своихъ существенныхъ свойствахъ; и чѣмъ игривѣе и заманчивѣе лирическая сторона поэмы Аріостовой, тѣмъ менѣе въ ней простоты и достовѣрности эпическаго разсказа. Эпическій разскащикъ простодушенъ, какъ дитя, повѣствуетъ все, какъ было, не мудрствуя лукаво. Онъ не позволяетъ себѣ даже судить о томъ, что разсказываетъ, довольствуясь однѣми пословицами для скрѣпленія разсказа нравственнымъ изреченіемъ. Анализъ описываемаго дѣйствія вошелъ въ повѣствованіе ужь чрезъ науку, вмѣстѣ съ успѣхами личной лирики.

Здѣсь позволимъ себѣ Русской пѣснью объ Ильѣ Муромцѣ дополнить сличенія одного описанія Гомерова съ Аріостовымъ, предложенное Шиллеромъ [2]). Въ шестой книгѣ «Иліады», Главкъ и Діомедъ въ общей битвѣ нападаютъ другъ на друга, но, узнавъ, что они взаимно обязаны гостепріимствомъ, прекращаютъ драку, мѣняются дарами и дружелюбно расходятся (стих. 215 — 236). Описавъ трогательную сцену превращенія двухъ героевъ изъ враговъ въ друзей, Гомеръ отъ себя не прибавляетъ ни слова. Пусть говоритъ за себя самое дѣло! Аріостъ описываетъ одну сцену, весьма сходную съ Гомеровой по общему впечатлѣнію, но только въ отношеніи нравственномъ. Въ лѣсу дерутся два рыцаря, Ринальдо и Феррау, одинъ христіанинъ, другой сарацинъ, оба соперники въ любви къ Анджеликѣ; изранивъ другъ друга, они рѣшаются преслѣдовать рѣзвую красавицу, предметъ ихъ соперничества; но какъ случился только одинъ конь для обоихъ, то они и сѣли вмѣстѣ на одного. Аріостъ не могъ утерпѣть, чтобъ не нарушить эпическаго спокойствія въ разсказѣ изліяніемъ своихъ чувствъ, по поводу рыцарскаго великодушія: «О великая доблесть старинныхъ рыцарей!» восклицаетъ онъ: «были соперники, были разныхъ вѣръ, и еще по всѣмъ суставамъ чувствовали боль отъ обоюду нанесенныхъ жестокихъ ударовъ, и

[1]) Соч. *Аріоста*. См. 116 стр. этого тома.

[2]) Ueber die sentimentalische Dichtung.

вотъ ѣдутъ они вмѣстѣ по темному лѣсу, по кривымъ тропинкамъ — и безъ малѣйшаго подозрѣнія. Конь, поражаемый четырьмя шпорами, домчалъ ихъ до того мѣста, гдѣ дорога дѣлится на двое. (Пѣс. 1, Октав. 22).

Чувствуешь какое-то могущественнее величіе генія въ такихъ эпическихъ разсказахъ, гдѣ слѣдовало бы ожидать отъ поэта изліянія чувствъ по случаю какой-нибудь сцены, глубоко трогающей сердце и, кромѣ голаго повѣствованія, ничего не находишь. Когда на Илью Муромца напали разбойники, онъ, вмѣсто того, чтобъ обороняться, стрѣляетъ, но не по разбойникамъ, а по сыру дубу. Ударъ былъ такъ силенъ, что дубъ изломало въ мелкія черенья ножевые, а разбойники всѣ попадали на́-земь. Покоряясь страшной силѣ, разбойники отдаются ему въ холопство вѣковѣчное; но богатырь, довольный своимъ могуществомъ, дружественно называя братцами тѣхъ, которые такъ недавно были его врагами, «поѣзжайте, говоритъ, отъ меня въ чистое поле, скажите Чурилѣ Пленковичу про стараго казака Илью Муромца» — и больше ничего! Едва-ли бы новѣйшій разсказчикъ удержался бы отъ восклицанія. Счастливую способность—говорить прекрасное, не отдавая въ томъ себѣ отчета и не любуясь тѣмъ, что́ сказано, эпическая поэзія наивно выразила въ тѣхъ сказочныхъ герояхъ, которые, что́ ни скажутъ слово, то вывалится у нихъ изо рту червонецъ. Сами они не подбираютъ своихъ денегъ, да и окружающіе только дивятся такимъ счастливцамъ, не помышляя обогатить свой карманъ ихъ чудесной тороватостью.

Отказывая себѣ въ изліяніяхъ чувства и не умѣя ученымъ образомъ анализировать душу, тѣмъ охотнѣе обращается эпическій пѣвецъ къ міру внѣшнему, гдѣ всякій предметъ, великій или малый, равно занимаетъ его фантазію; ибо, по глубокому убѣжденію народа, въ мірѣ—все добро, да не всякому на пользу; а также и все хорошо: и змія красива, говоритъ Сербъ, только зла. И дѣйствительно, взглядъ великаго художника виденъ въ слѣдующемъ описаніи змѣи, въ одной Русской пѣснѣ:

Изъ норы ползетъ — озирается,
по песку ползетъ — извивается,
по травѣ ползетъ — мураву сушитъ.

Всегда спокойный и ясный взоръ пѣвца съ одинаковымъ вниманіемъ останавливается и на Олимпѣ, гдѣ возсѣдаютъ боги, и на кровавой битвѣ, рѣшающей судьбу міра, и на мелочахъ едва замѣтныхъ, при описаніи какой-нибудь домашней утвари или вооруженія. Этимъ свойствомъ эпическая поэзія особенно близка къ природѣ, которая съ равнымъ участіемъ оказываетъ силы во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ, поднимаетъ ли бурю на морѣ, или убираетъ

полевой цвѣтокъ затѣйливыми красками. Гомеровы описанія эпическихъ подробностей стали общими мѣстами; но едва ли многимъ извѣстны подобныя описанія въ древнихъ Русскихъ стихотвореніяхъ. Укажемъ на одно изъ пѣсни и Дюкѣ Степановичѣ (стр. 22).

Разсказавъ обстоятельно о каждой статьѣ вооруженія Дюкова, пѣвецъ останавливается на трехъ завѣтныхъ стрѣлахъ въ колчанѣ богатыря:

а и тѣмъ стрѣламъ цѣны нѣтъ,
цѣны не было и невѣдомо;
потому тѣмъ стрѣламъ цѣны не было:
колоты онѣ были изъ трость-дерева,
строганы тѣ стрѣлки въ Новѣгородѣ,
клеены онѣ клеемъ осетра рыбы,
перены онѣ перьицемъ сиза орла,
а сиза орла, орла орловича,
а того орла птицы камскія,
не тоя-то Камы, коя въ Волгу пала,
а тоя-то Камы за синимъ моремъ,
а ронилъ онъ перьица во сине море,
а бѣжали гости корабельщики,
собирали перья на синемъ морѣ,
вывозили перья на святую Русь,
продавали душамъ краснымъ дѣвицамъ:
покупала Дюкова матушка
перо во сто рублевъ, во тысячу.
Почему тѣ стрѣлки дороги?
потому онѣ дороги,
что въ ушахъ поставлено по тирону,
по каменю, по дорогу самоцвѣтному;
а и еще у тѣхъ стрѣлокъ
подлѣ ушей перевивано
аравитскимъ золотомъ.
Ѣздитъ Дюкъ подлѣ синя моря
и стрѣляетъ гусей, бѣлыхъ лебедей,
перелетныхъ, сѣрыхъ малыхъ уточекъ;
онъ днемъ стрѣляетъ,
въ ночи тѣ стрѣлки сбираетъ,
какъ днемъ-то стрѣлочекъ не видѣти,
а въ ночи тѣ стрѣлки что свѣчи горятъ —
свѣчи теплются воску яраго:
потому онѣ стрѣлки дороги.

Надлежащую мѣру и приличный предметъ для такихъ подробныхъ описаній опредѣляли самыя средства поэзіи. А эпическій пѣвецъ, безотвѣтно покоряясь творческому воодушевленію, не могъ отступить отъ законовъ его, данныхъ самой природою; требованія художественной гармоніи и цѣлости онъ наивно подчинялъ общему правилу жизни, что всякое дѣло *мѣра красить*. *Лессингъ* въ своемъ «Лаокаонѣ», изображеніе поэтическое отъ живописнаго отличаетъ тѣмъ, что поэзія представляетъ въ продолженіе времени; живопись же—въ пространствѣ и выбираетъ въ изображаемомъ дѣйствіи только одну минуту. Потому живопись поэтическая ограничивается изображеніемъ дѣйствій, послѣдовательно смѣняющихъ другъ друга. Таково, по указанію Лессинга, художественное описаніе у Гомера стрѣльбы Пандара, совершенно согласное съ средствами поэзіи и невозможное въ живописи (Иліад. IV, 112).

Гомеръ подробно разсказываетъ, какъ Пандаръ сначала натянулъ свой лукъ, потомъ открылъ колчанъ, вытащилъ оттуда крылатую стрѣлу и приладилъ къ тугой тетивѣ; послѣ того, давъ обѣтъ Аполлону, разомъ потянулъ вмѣстѣ съ ушками стрѣлы и тетиву, тетиву привлекъ до груди, а желѣзцо стрѣлы до лука; изогнутый лукъ заскрипѣлъ, тетива загудѣла, и полетѣла стрѣла. Тотъ же эпическій духъ одушевлялъ и Русскихъ пѣвцовъ въ описа-

нія стрѣльбы, которое, какъ обычная эпическая форма, неоднократно встрѣчается въ «Древнихъ Русскихъ Стихотвореніяхъ» (стр. 130, 208, 217). Вотъ какъ стрѣляетъ Потокъ [1]:

Вынимаетъ онъ Потокъ
изъ налушна свой тугой лукъ,
изъ колчана вынималъ калену стрѣлу;
и беретъ онъ тугой лукъ въ руку лѣвую,
калену стрѣлу въ правую,
накладываетъ на тетивочку шелковую,
потянулъ онъ тугой лукъ за ухо,
калену стрѣлу семи четвертей,
заскрипѣли полосы булатныя
и завыли рога у туга лука.

Напротивъ того, изображеніе наружности человѣка, тѣлесной красоты Лессингъ предоставляетъ живописи и указываетъ на Гомера, который никогда не пускается въ подробности при описаніи лица, и даже красоту самой Елены изображаетъ дѣйствіемъ, какое она оказываетъ на Троянскихъ старцевъ. Мы упоминаемъ объ этомъ общеизвѣстномъ мѣстѣ «Иліады» [2] только для того, чтобы выставить въ настоящемъ свѣтѣ подобное же описаніе женской красоты въ одной Сербской пѣснѣ (кн. 2, № 40). Красавица Росанда, какъ невѣста, для выбора себѣ жениха входитъ въ теремъ къ тремъ Сербскимъ воеводамъ, между которыми сидѣлъ и Марко Кралевичъ: «Только что вошла она, просіялъ теремъ на всѣ четыре стороны отъ ея богатой одежды, отъ ея стана и лица. Взглянули три Сербскіе воеводы, взглянули и застыдились, воистину Росандѣ подивились. Много чудесъ видалъ Марко, видалъ и вилъ на горахъ, имѣлъ вилъ и названными сестрами, а ни отъ чего не робѣлъ, ничего никогда не стыдился, и потупилъ глаза къ черной землѣ». Описывать предметъ тѣмъ впечатлѣніемъ, которое онъ производитъ на душу — великое искусство истинныхъ художниковъ. И эпическимъ пѣвцамъ легко удается оно потому, что въ своемъ воодушевленіи они не умѣютъ еще отрѣшиться отъ природы и слѣдуютъ законамъ самаго языка, который весь міръ живописуетъ по впечатлѣнію, имъ производимому на человѣка. Ложное направленіе, какъ въ правахъ, такъ и во вкусахъ, происходитъ ужь отъ личнаго произвола.

Теперь посмотримъ, какъ эпическій пѣвецъ, будучи столь искреннимъ другомъ природы, позволяетъ себѣ касаться ея въ опи-

---

[1] Слич. *Шевырева* «Истор. Русск. Слов.», 1,104, гдѣ приведено это сличеніе съ точки зрѣнія исторической.

[2] Нѣтъ, осуждать невозможно, что Трои сыны и Ахейцы
Брань за такую жену и бѣды столь долгія терпятъ:
Истинно, вѣчнымъ богинямъ она красотою подобна. *Иліад.* III, 156—58.

«Что можетъ дать, — говоритъ *Лессингъ*, — болѣе живое понятіе объ этой чарующей красотѣ, какъ не сознаніе холодной старости, что она достойна войны, стоющей столько крови и слезъ?» *Лаокоонъ*, перев. *Эдельсона*. М. 1859, стр. 146.

савіяхъ. Въ древне-русскихъ стихотвореніяхъ, сказкахъ и пѣсняхъ, какъ вообще въ народной поэзіи другихъ націй [1]), не найдете ни одного подробнаго описанія природы, которое само по себѣ составляло бы главный предметъ разсказа, какъ это обыкновенно бываетъ въ описательныхъ поэмахъ, въ романахъ, повѣстяхъ и въ лирическихъ стихотвореніяхъ позднѣйшей эпохи. Средоточіемъ всего міра для эпической старины былъ самъ человѣкъ съ его семьей и роднымъ домомъ. Потому, согласно съ свойствомъ самородной поэзіи — всегда на первомъ планѣ выводить человѣка, и языкъ образовалъ названія для вселенной: по-санскритски мадʼъ яма-лока (собственно земля, изъ мадʼяма mediuş и лока mundus), по-готски midjun-gards (собственно media domus), откуда скандинавское midgard. Слова эти первоначально имѣютъ значеніе *жилище посреди*, свидѣтельствуя о томъ, что человѣкъ искони почиталъ себя средоточіемъ всего міра; а потомъ ужъ они переходятъ къ значенію земли и вселенной вообще. Такъ и нашъ *миръ* (въ старину *миръ* и *міръ* одно и то же) первоначально значитъ собраніе людей, общество, а потомъ ужъ отъ человѣка переходитъ къ значенію вселенной. По мѣрѣ того, какъ человѣкъ удалялся отъ природы въ своей жизни, онъ болѣе и болѣе чувствовалъ потребность возсоздать ее въ поэзіи, желая тѣмъ какъ бы наверстать то, что возвратить было уже не въ его силахъ. Это вторичное обращеніе къ природѣ, уже искусственное, простой народъ мѣтко, хотя и безсознательно, выразилъ словомъ *натура*, которое въ нѣкоторыхъ губерніяхъ, напримѣръ, во Владимірской, употребляется въ смыслѣ науки, учености, просвѣщенія, а *человѣкъ натуральный* — ученый, образованный, просвѣщенный. Въ періодъ искусственной литературы описательная поэзія возникаетъ въ одно время съ идилліею, и изъ однихъ и тѣхъ же потребностей. Даже по самой формѣ оба эти рода поэзіи между собою родственны; какъ описательная поэзія описываетъ природу, такъ идиллія тоже *описываетъ* простой, безъискусственный бытъ въ его первоначальномъ видѣ. Пастухъ, земледѣлецъ и вообще всякій мирный гражданинъ, далекій отъ тревогъ житейскихъ, тѣмъ отличается отъ эпическаго героя, что дни его текутъ спокойно и однообразно: сегодня онъ думаетъ и дѣлаетъ то же, что и вчера; завтра онъ будетъ думать и дѣлать то же, что и всегда: уже въ самомъ однообразіи его жизни, ничѣмъ невозмутимомъ, заключается вѣрный залогъ его счастія. Такую жизнь, неизмѣнную, какъ внѣшняя природа, можно только описывать; разсказывать же о ней, повѣствовать — нечего, потому что разсказываются дѣйствія и событія. Идил-

[1]) См. письмо *В. Гримма*, напечатанное во второй части *Гумбольдтова* «Космоса» по Нѣмецкому изданію 1847 года, стр. 33.

лическое расположеніе духа, родившее нѣкогда особый родъ поэзіи, въ новѣйшее время болѣе или менѣе ясно высказывается въ романахъ, повѣстахъ и лирическихъ сочиненіяхъ, выражая, вмѣстѣ съ сатирическимъ направленіемъ, желаніе поэта — уйдти отъ дѣйствительности. Эпическая поэзія хотя и допускаетъ смѣхъ, но только какъ невинную игру ясной души: «Кто не смѣется, у того злая совѣсть», говоритъ Нѣмецкая сказка (изд. *Гримма*, 1, № 9). Насмѣшливое же раздраженіе, свойственное сатирѣ, или *смѣхотвореніе*, какъ говорили встарину, по убѣжденію нашихъ предковъ, произошло отъ бѣса. Тотъ же разладъ человѣка съ жизнью и съ самимъ собою — что въ идилліи и въ сатирѣ — навелъ искусство и на поэзію описательную; ибо какъ иначе объяснить то равнодушіе, съ какимъ описательный поэтъ оставляетъ человѣка — самый занимательный во всякой поэзіи предметъ, ища удовлетворенія своимъ неопредѣленнымъ стремленіямъ въ описаніи бездушной природы? Сколь ни странно это направленіе, также выразившееся нѣкогда въ цѣломъ родѣ поэтическихъ произведеній, но оно замѣтно проглядываетъ во многихъ современныхъ произведеніяхъ.

Обращаясь къ народной эпической поэзіи, мы должны сказать, что она столько же чужда идиллическому, сколько описательному направленію. Позднѣйшіе писатели, мечтая о старинѣ, нѣжными красками описываютъ счастливый, безмятежный бытъ; а старинная эпическая поэзія разсказываетъ о богатыряхъ, страшныхъ чудовищахъ и непрестанныхъ войнахъ. Позднѣйшіе писатели, думая сдружиться и полюбить природу, какъ ученые естествоиспытатели, анализируютъ ее въ своихъ произведеніяхъ; настоящая же поэзія природы, поэзія эпическая — первое мѣсто всегда даетъ человѣку, касаясь природы мимоходомъ, сколько понадобится для того, чтобы выставить дѣла людскія въ настоящемъ свѣтѣ. Описательная поэзія часто думаетъ воодушевиться разнообразіемъ природы чуждой, красотами Итальянскаго неба и моря, суровыми картинами отдаленнаго сѣвера; пѣвецъ эпическій удовлетворяется тѣмъ, что его окружаетъ; ибо сила творческая повсюду — и вблизи, и вдали — равно велика, и благодѣтельная природа даетъ человѣку все, что̀ ему нужно, въ окрестности его роднаго жилища (убѣжденіе, очевидно, выразившееся въ повѣрьи — лѣчиться вокругъ жилья растущими травами, будто бы потому, что и собака далеко въ поле не бѣжитъ, почуя боль [1]). О чистотѣ эпическаго воодушевленія *Виргилія* [2]), оставившаго намъ, кромѣ «Энеиды», описательныя и буко-

[1]) *Снегирева*. «Русскіе въ своихъ пословицахъ». IV, 97.

[2]) *Виргилій* — Римскій поэтъ Августова вѣка. См. о немъ I т. Христ., изд. 2, стр. 303 и д.

лическія стихотворенія, в *Тасса* [1]), написавшаго, во вкусѣ своего вѣка, идиллическую драму, предоставляю судить самому читателю. Замѣтимъ кстати, что шутливый и насмѣшливый тонъ «Неистоваго Орланда», чуждый эпическому, спокойному разсказу, объясняется комедіями и сатирами *Аріоста* [2]). Нѣтъ сомнѣнія, что искусственная поэма, въ связи съ лирическимъ и прозаическимъ направленіями, сдѣлала значительный шагъ впередъ, вмѣстѣ съ развитіемъ человѣчества, только не въ отношеніи собственно эпическомъ. Для теоріи поэзіи Аріостовой, столь близко ужь стоящей къ *Сервантесу* [3]) и *Боккачіо* [4]), безспорно, потребуются иныя основанія, нежели для пѣсень Эдды и сказокъ о богатыряхъ Владиміра. Тоска и насмѣшка, мѣстами вырывающіяся у *Данте* [5]), Аріоста, Сервантеса, даютъ знать уже о другомъ началѣ, котораго еще и не предчувствовала простодушная поэзія эпическаго періода.

Въ самородной эпической поэзіи внѣшняя природа обращаетъ на себя вниманіе только тогда, когда она служитъ необходимымъ дополненіемъ ясному представленію дѣлъ и характера человѣка. Въ этомъ отношеніи народная поэзія руководствуется тѣмъ же художественнымъ воззрѣніемъ, которое заставляло перваго живописца въ мірѣ, Рафаэля, весь интересъ картинъ сосредоточивать на человѣкѣ, а ландшафтомъ, какъ внѣшней обстановкой, только округлять все цѣлое, въ группѣ сосредоточенное. Гомеръ никогда не засматривается на природу столько, чтобъ забыть о человѣкѣ. Какъ и теперь, простодушный селянинъ красоту ландшафта разумѣетъ только въ угодьяхъ — въ плодородіи полей, въ богатствѣ водъ рыбами, или въ удобствѣ рѣки для мельницы и пристани: такъ и Одиссей, восхваляя природу Острова Циклоповъ (одно изъ самыхъ лучшихъ описаній природы у Гомера, Одис. IX, 116), говоритъ о тамошнихъ лугахъ, тучныхъ и мягкихъ, и о горныхъ отлогостяхъ для того только, чтобъ указать на возможность насадить виноградъ и завести хлѣбопашество въ этихъ дикихъ мѣстахъ; говоритъ о берегахъ и заливѣ для того, чтобъ дать знать, какова могла бы выйдти пристань на этомъ негостепріимномъ островѣ. Тотъ же примѣни-

---

[1]) *Тасса* — Итальянскій поэтъ. См. о немъ II т. Христ., изд. 2, стр. 162.

[2]) Строгое сужденіе Я. Гримма объ эпическихъ недостаткахъ Аріоста и Тасса читатель найдетъ въ его статьѣ «Italienische und scandinavische Eindrücke», помѣщенной въ «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft», изд. Шмидтомъ, 1845 г., ч. III.

[3]) *Сервантесъ* — Испанскій поэтъ. См. о немъ I т. Христ., изд. 2, стр. 432 и д.

[4]) *Боккачіо* (1313 — 1375) — знаменитый Итальянск. писатель. Сочиненіе, сдѣлавшее имя его извѣстнымъ, называется: *Декамеронъ*. Декамеронъ (десять дней) состоитъ изъ ста повѣстей, разсказанныхъ въ одной загородной виллѣ обществомъ молодыхъ людей, которые убѣжали изъ Флоренціи отъ моровой язвы.

[5]) О *Данте* см. въ I т. Христомат., стр. 323 и д.

тельный къ нуждамъ человѣка взглядъ на природу встрѣчаемъ и въ древнѣйшихъ путешествіяхъ, обыкновенно носящихъ на себѣ характеръ эпическій, каково, напримѣръ, у насъ хожденіе *Аванасія Никитина* [1]) въ Индію. Собственно природу описывали въ старину только въ тѣхъ случаяхъ, когда то было полезно для чего-нибудь. Такъ въ нашихъ разъѣздныхъ, или межевыхъ записяхъ находимъ вѣрную характеристику нѣкоторыхъ ландшафтныхъ подробностей при описаніи долинъ, кустарника, деревъ — разумѣется, съ тою цѣлью, чтобъ яснѣе опредѣлить межу.

Вотъ примѣръ изъ межевой записи 1631 г., въ Актахъ Юридическихъ стр. 183—5: «Отъ Олисановскіе Пустоши Баева во врагѣ стоитъ дубъ, отъ *земли голенастъ, вверху суковатъ*, а на немъ грань; а отъ того дуба на столбъ дубовый, а на немъ двѣ грани, а у столба двѣ ямы, а столбъ стоитъ противъ горѣлаго пня, на которомъ были старые грани, а отъ того столба *долинкою водотечью* внизъ на столбъ дубовой, а на немъ двѣ грани; а отъ того столба внизъ же *вражкомъ суходоломъ* на столбъ дубовой, а на немъ двѣ грани, а столбъ стоитъ на водотечи; а отъ того столба прямо къ болоту на березовой пень, а на немъ двѣ грани старые; а отъ того пня въ болото жъ на иву, *вверху суковата*, безъ верху, *покляпа на всходъ*, а на ней двѣ грани; а отъ тое ивы черезъ болото на березу *кудревату*, а отъ тое березы внизъ тѣмъ же *вражкомъ суходоломъ водотечью* на березу, *отъ земли голенаста, вверхъ кудревата, покляпа на полдень*, а отъ того столба черезъ болото къ полю на березу, *отъ земли голенаста виловата*, а отъ того столба къ черному лѣсу на дубъ, *отъ земли голенастъ, съ дилью, вверхъ кудреватъ*, а отъ того столба *береза стоитъ у ивова куста*, а на немъ новые грани по обѣ стороны, а по *сказкѣ* старожильцевъ была-де въ ивовомъ кустѣ осина, а на ней были старые грани, и ту-де осину нырубилъ деревни Юрьевки крестьянинъ Борко». Особенно-забавно эпической наивностью послѣднее описаніе въ этой прекрасной характеристикѣ Русской природы. Кромѣ художественнаго взгляда на природу, подобныя этой межевыя описи тѣмъ важны для теоріи эпоса, что вышли изъ общаго источника съ однимъ обычнымъ эпическимъ мотивомъ, встрѣчающимся какъ въ нашей, такъ и въ чужеземной старинной поэзіи. Непроходимые лѣса и дебри, а также и поля безъ протоптанныхъ дорогъ изощряли въ старину зоркій взглядъ путника на примѣты, по которымъ онъ могъ бы опознаться. Потому въ древнихъ пѣсняхъ и сказкахъ герои помѣчаютъ себѣ дорогу примѣтами. Такъ въ одной Нѣмецкой сказкѣ дѣвушка, чтобъ выйти изъ непроходимаго лѣса, куда была послана, сѣяла по дорогѣ горохъ и чечевицу, и когда пошла назадъ, то взошедшія сѣмена служили ей указателями обратнаго пути. (Изд. Гримма, № 40). Подобно этому, въ малорусской думѣ «Побѣгъ трехъ братьевъ изъ Азова», два брата третьему кажутъ путь терновыми вѣтками, бросая ихъ по дорогѣ, а когда не хватило вѣтокъ, тогда одинъ изъ нихъ сталъ кидать красную китайку, выдирая ее изъ подъ кафтана.

Если, съ одной стороны, природа обращала на себя вниманіе старины своими щедрыми дарами, то, съ другой, не могла не воз-

[1]) Этотъ замѣчательнѣйшій памятникъ древней Р. словесности обстоятельно объясненъ *И. И. Срезневскимъ* въ Учен. Зап. II Отд. Акад. Наукъ, кн. II, вып. 2, — 1856 г.

буждать страха и ужаса своими сокрушающими человѣка силами. Но и въ этомъ случаѣ эпическая поэзія касается природы тоже только по отношенію къ человѣку. Въ превосходномъ описаніи морской бури, въ пятой пѣсни «Одиссеи», среди ужасовъ разъяреннаго моря, читатель постоянно видитъ на первомъ планѣ Одиссея, который, не ослабѣвая духомъ, мало-по-малу выходитъ побѣдителемъ изъ упорной борьбы съ стихіями. Чувствуешь, что эпическій поэтъ заставилъ Посейдона воздвигнуть бурю для того только, чтобъ еще новой чертой оттѣнить характеръ своего многоопытнаго героя.

Любовь и страхъ, связывавшіе эпическаго поэта съ природою, истекали изъ суевѣрнаго благоговѣнія передъ обоготворенными силами небесныхъ свѣтилъ, стихій, животныхъ, растеній. Воронъ былъ для Серба не только хищною птицею, но и злымъ рокомъ: «у всякаго, и у стараго, и у малаго, свой воронъ» — говоритъ онъ въ пословицѣ, то-есть, всякому своя черная доля [1]). При такомъ воззрѣніи, поэту не могло прійдти на умъ праздно забавляться досужимъ описаніемъ природы. Къ ней обращалась его творческая фантазія не съ чувствительными мечтами, а съ любовью и страхомъ. Какъ Гомеръ въ взволнованномъ морѣ видѣлъ гнѣвъ Посейдона, такъ и нашъ древне-эпическій пѣвецъ видѣлъ морскаго царя (Древн. Рус. Ст. 342):

Расплясался у тебя царь морской:
а сине море всколебалося,
а и быстры рѣки разливалися,
Топятъ много бусы, корабли.

Описывая внѣшнюю природу, только въ отношеніи къ человѣку, эпическій поэтъ естественно давалъ ей значительное мѣсто въ уподобленіяхъ, которыми живое творческое воображеніе хочетъ представить нравственныя въ осязательныхъ образахъ, заимствованныхъ изъ наблюденій надъ природою. Потому уподобленія составляютъ не одно внѣшнее украшеніе слога, но существенную часть эпическаго взгляда на природу, которому въ глубинѣ и мѣткости уступаютъ всѣ (современные) описательные поэты позднѣйшей эпохи. Для примѣра, приведемъ нѣсколько эпическихъ уподобленій изъ Русскихъ пословицъ [2]), какъ выраженій общеупотребительныхъ, въ которыхъ по преимуществу выразился общій всему народу взглядъ на природу. Для полноты, гдѣ случится, укажемъ на уподобленія въ «Древн. Рус. Стих.», въ загадкахъ, а также и въ пословицахъ другихъ Славянскихъ племенъ.

[1]) Вука Карадж. «Српске народн. посл.» 1849, стр. 161, 175

[2]) Снегирева: «Русскіе народн. пословицы», съ дополненіями изъ моего собранія.

Вода, море. Море дышетъ волнами; непомутясь, море не уставится; вода путь найдетъ. Красна рѣка берегами. Островъ въ морѣ, а сердце въ горѣ. Какъ вешняя вода по лугамъ разлилася, облѣлела сила поганая и вокругъ острогу Комарскаго (Древн. Рус. Ст. 323). Въ противоположность силѣ водяной стихіи, вотъ граціозное уподобленіе человѣка бездомнаго въ Сербской пословицѣ: виситъ, какъ капля на листу.

Свѣтила, день, ночь. Немного въ поэзіи такихъ глубокихъ мыслей, выраженныхъ такъ художественно, какова пословица: «ва смерть, что на солнце во всѣ глаза не взглянешь». Ненарушаемую чистоту солнечнаго свѣта Сербская пословица выражаетъ такъ: «и солнце проходитъ грязными мѣстами, а само не грязнится». Замѣчательна по изяществу характеристика ночи въ народной поэзіи: день меркнетъ ночью, — а человѣкъ — печалью. Въ «Древн. Рус. Стих.» (190 о зломъ человѣкѣ): Тугаринъ потемнѣлъ какъ осенняя ночь. Кромѣ печали и мрачности духа, ночь возбуждала представленіе о таинственности и силѣ мрака, уничтожающаго для зрѣнія всѣ окружающіе предметы и распространяющаго тишину: ночь матка, все гладко. Въ загадкѣ о ночи: не стукнетъ, не брякнетъ, ко всякому подойдетъ.

Царство растительное. Береза не угроза: гдѣ она стоитъ, тамъ и шумитъ. Хотя сосна и середи поля стоитъ, да къ тому-жъ бору шумитъ. Сосна на корню красна. Осина и безъ вѣтру шумитъ. Худое дерево въ сукъ растетъ. Отломилась вѣточка отъ кудрявыя отъ яблони — отстаетъ доброй молодецъ отъ отца, сынъ отъ матери (Др. Рус. Ст. 265—6). Словами, что листьемъ стелетъ. Какъ-бы листъ со травою пристилается, а вся его дружина приклоняется (Др. Рус. Ст. 49) Хмѣль описывается въ загадкѣ: вокругъ тына повисла золота грива. Земледѣльческій образъ жизни выразился внимательной наблюдательностью при взглядѣ на хлѣбныя растенія и на все, относящееся къ земледѣлію: всякому зерну своя борозда. Друзей у богатыхъ, что мякивы у зерна. Овесъ сквозь лапоть прорастаетъ. Сравненія въ «Словѣ о Полку Игоревѣ», заимствованныя изъ быта земледѣльческаго — отъ посѣва: «чръна земля подъ копыты, костьмь была посѣяна, а кровію польяна, тугою взыдоша по Русской земли»; отъ молотьбы и вѣянья: «на Немизѣ снопы стелятъ головами, молотятъ чепи харалужными, на тоцѣ животъ кладутъ, вѣютъ душу отъ тѣла.» Послѣдняя черта этого уподобленія напоминаетъ слѣдующее толкованіе загадки въ одномъ рукописномъ сборникѣ: «Два есть мелющи жерновы, единъ подъемлется, а другій оставляется.» Толкъ: «жерновы есть міръ, мелющься душа и тѣло, душа подъемлется, а тѣло оставляетца.» Примѣты на хлѣбныя растенія: лягушка квачетъ, овесъ скачетъ; невѣрь грѣчнхѣ на цвѣту; овесъ въ кафтанѣ, а на гречѣ и рубахи нѣтъ, и мн. др.

Въ наружности человѣка больше всего обращали на себя вниманіе *глаза*. Очи — вода: такъ названы они въ Сербской пословицѣ, вѣроятно, потому, что подобно водѣ, подвижны и отражаютъ въ себѣ предметы. Предполагая очи сосудами, народъ воображалъ, что онѣ наполнены наравнѣ съ краями; отсюда Сербская пословица: полно, какъ око. Сила зрѣнія не могла не дать новой черты въ описаніи глаза, который, видя всѣ окружающіе предметы, не можетъ видѣть ни себя, ни головы, въ которую вставленъ: очи все видятъ, а себя не видятъ, говорится въ Сербской пословицѣ, согласно съ прекрасной Русской загадкой о глазахъ: вожжечки не долги, не коротки, кругъ поля встали, а кругъ головы не достали.

При такомъ живомъ воззрѣніи на природу, народъ могъ раскрыть свои понятія о душѣ, ея силахъ и дѣйствіяхъ не иначе, какъ

въ выраженіяхъ метафорическихъ, заимствованныхъ изъ видимаго міра. Вотъ какъ изображаются сокровенныя движенія чувства, въ «Древн. Русс. Стих.» *Взяло* Добрыню пуще остраго ножа по его сердцу богатырскому (63). *Затуманилось* его сердце молодецкое (232). Материно сердце *распущается* (168). Нвдо мною сердце *не изнести* (208). Въ пословицахъ: что въ сердцѣ *варится*, то въ лицѣ не утаится; *изъ сердца не вынешь*, а въ сердце не вложишь; въ сердцѣ окна нѣтъ. *Душа болитъ*, чего-то проситъ; *загорѣлась душа;* какъ слеза сорвется, такъ въ полъ и воткнется. Одна слезка покатилась, да и та назадъ воротилась. Слеза хоть *жидка*, да бываетъ *ѣдка.* Слеза скоро сохнетъ. Терпи, голова, въ кости скована. Любовь не пожаръ, а вспыхнетъ, не потушишь.

Любопытно обратить вниманіе на то, какъ въ подобныхъ метафорическихъ описаніяхъ души встрѣчается природа вещественная съ нравственною, которую эпическій поэтъ не умѣлъ да и не любилъ анализировать, ни описывать. Онъ повѣствовалъ только о дѣйствіяхъ человѣка, уже по нимъ заставляя слушателя догадываться о душевномъ расположеніи дѣйствующаго лица. Онъ не могъ предположить въ человѣческой душѣ того броженія, которое бываетъ отъ столкновенія различныхъ ея движеній, добрыхъ и злыхъ, впродолженіи жизни другъ на друга находящихъ, подъ различными вліяніями обстоятельствъ, и выражающихся тою нѣмою душевной борьбой, описаніемъ которой такъ любятъ томить новѣйшіе романисты. Чтобъ не заглядывать въ глубину души, эпическій пѣвецъ иногда охотно прибѣгаетъ къ сокрушительной силѣ времени, оказывающейся на душѣ *забвеніемъ*. Этимъ объясняется весьма обыкновенный эпическій мотивъ: герои часто забываютъ то, чего бы, по человѣческой природѣ, никакъ нельзя было забыть, напримѣръ, жену, дѣтей, нѣжно-любимую невѣсту, и забываютъ такъ крѣпко, какъ будто ничего отъ прошлаго въ душѣ ихъ никогда и не бывало. Такое недостойное и неблагодарное забвеніе обыкновенно объясняется силою чародѣйства, которымъ легко разрѣшала старинная фантазія всѣ затрудненія. Такимъ образомъ душа героя, отрѣзанная забвеніемъ отъ всего прошлаго, вновь дѣйствуетъ въ своей ненарушимой свѣжести, подчиняясь только общему расположенію характера. Согласно съ этимъ эпическимъ мотивомъ, языкъ сближаетъ забвеніе съ смертью (такъ въ Кельтскомъ языкѣ *ankouin* значитъ и *забыть* и *умереть)*, или же представляетъ забвеніе силою доброю, уничтожающею въ человѣкѣ злую память, какъ, напримѣръ, въ Рязанскомъ нарѣчіи *замститься* употребляется въ значеніи—забыть.

Не зная законовъ природы, ни физической, ни нравственной, эпическая поэзія ту и другую представляла въ нераздѣльной совокупности, выразившейся въ уподобленіяхъ и метафорахъ, въ которыя

неясныя представленія о той и другой, замѣняются снѣжимъ впечатлѣніемъ, столь художественно дѣйствующимъ нъ поэтическомъ представленіи. Какъ въ языкѣ часто отъ одного в того же корня происходятъ названія и чувства, и предмета, на чувства подѣйствовавшаго; напримѣръ—*зрѣть* (смотрѣть), и *заря*, *зоръ* (свѣтъ): такъ и въ эпическомъ уподобленіи сочетался въ одно стройное цѣлое образъ природы внѣшней съ душевнымъ движеніемъ, ему соотвѣтствующимъ. Кромѣ уподобленій и метафоръ, эпитеты составляютъ существенную принадлежность эпическаго разсказа, также истекающую изъ эпическаго воодушевленія и взгляда на природу. Свѣжесть впечатлѣнія, производимаго предметомъ на пѣвца, выражалась названіемъ того отличительнаго свойства, которое рѣзче другихъ бросалось въ глаза пѣвцу и затрогивало его фантазію.

Изъ множества украшающихъ и постоянныхъ эпитетовъ въ народной поэзіи, приведемъ менѣе-извѣстные и особенно замѣчательные по изяществу, чтобъ показать, какъ даже одной чертой настоящая поэзія умѣетъ ярко живописать природу [1]). Подъ *ходячими* облаками. Ко веснѣ ко *разлиеной*. Безъ дыму, безъ смороду, безъ чаду *кудрявова*. На черныя грязи, на *топучія* болота. Растутъ лѣса—то *виляные*. Рожь густа: *овиниста примолотиста*. Да и крапива-то жгучая, да и осока *рѣзучая*. Пчела *сѣра*, *синекрыленька*. Муравьище *кипучее*. Соловей птица *свистущая*. Орелъ птица *острая*. Мои малыя пташечки, ахъ, вы свѣтъ, мои *носатыя!* Какъ не ласточка тропу тропила, не *косатая* дорожкой шла. Мое личико *разговорчивое*, ретиво сердце *зазнобчевое*. Проиграла красна дѣвица что свою *трубчату* косу. Ты катайся, руса коса, по моей *становой* спинѣ, *узки* плечики одѣваючи, *рѣзвы* ножки обуваючи. Съ крови горячей и *трепущаго* тѣла (то есть живаго).

Начавъ съ того, что самородное эпическое воодушевленіе не терпитъ собственно такъ называемой описательной поэзіи, мы дошли, по очевиднымъ фактамъ, до того убѣжденія, что свѣже и живописнѣе природа не возсозданалась ужъ никѣмъ, послѣ старинныхъ эпическихъ пѣвцовъ. Согласно съ свойствами воодушевленія, распространять одинъ и тотъ же спокойный тонъ и на великое и на малое въ эпическомъ разсказѣ и медлить съ любовью на мелкихъ подробностяхъ, самый языкъ, въ древнѣйшую эпоху, давалъ яркія живописныя черты для описанія: ибо жизнь и природа, дѣйствуя на воображеніе человѣка, первоначально отразились въ языкѣ живымъ впечатлѣніемъ, а не отвлеченнымъ понятіемъ. Потому живость и свѣжесть воззрѣнія, въ языкѣ сохранявшіяся, необходимо должны были выразиться художественными и въ то же время естественными, простыми украшеніями эпическаго слога. Изобрѣтатель-

---

[1]) Примѣры взяты: изъ «Быта Русскаго Народа» Терещенки, изъ «Записокъ о Сибири 1837 г.», изъ «Очерковъ Южной Сибири» Гуляева, въ «Библіотекѣ для Чтенія», изъ «Вологодскихъ пѣсенъ», въ «Москвитянинѣ» 1841 г., часть VI.

ность языка, въ эпоху его образованія, не мало содѣйствовала цвѣтущему воображенію эпическихъ пѣвцовъ и, выражая свойства самаго воззрѣнія народа на міръ и на жизнь, сама по себѣ была уже художественнымъ произведеніемъ эпическаго воодушевленія цѣлаго народа. Чтобъ не вдаваться въ подробности, только для примѣра укажу на нѣсколько провинціальныхъ Русскихъ словъ, художественно живописующихъ природу.

Родникъ, вытекающій изъ растаявшей по веснѣ, или изъ *талой* земли, въ Архангельской Губерніи называется *талеця*. Первая молодая зелень, весенними почками едва показывающаяся на деревьяхъ, и первая изъ земли выходящая трава представляются въ нашемъ языкѣ произведеніемъ растительной силы, которая проторгается или *прочикается* сквозь кору древесную и земляную, и потому, въ той же губерніи называются *прочика* — словомъ, невольно напоминающимъ о томъ баснословномъ чутьѣ, которое ухомъ слышитъ, какъ весною растетъ трава. Въ Южной Сибири, лягушка, по впечатлѣнію на осязаніе, получила имя *холодянки*, а змѣй — потому что ползетъ, названъ *полозъ*, словомъ—по воззрѣнію, родственнымъ съ Санскритскимъ названіемъ змѣи *урага*, (собственно: идущая, двигающаяся грудью) и съ Латинскимъ *serpens*. Такимъ образомъ исторія языка и поэзіи эпической, въ древнѣйшую эпоху, раскрываясь изъ одного и того же зародыша, постоянно идутъ въ неразрывной связи другъ съ другомъ.

Удовлетвореніе празднаго любопытства новостью и разнообразіемъ есть потребность позднѣйшая, чуждая эпическому періоду. Дѣти, а также и простолюдины, и доселѣ съ искреннимъ интересомъ готовы еще прослушать ту сказку, которую слыхали столько разъ, что сами знаютъ ее наизустъ. То же спокойное расположеніе духа заставляетъ слушателя со вниманіемъ останавливаться на частныхъ повтореніяхъ не только краткихъ предложеній, но и довольно длинныхъ разсказовъ, въ эпическомъ произведеніи обыкновенно встрѣчающихся. Какъ вѣрное воссозданіе жизни, въ которой столь обыкновенны ежедневныя повторенія одного и того же, эпическая поэзія пріучаетъ и пѣвца и слушателей къ терпѣнію своими постоянными повтореніями, которыя пропустить казалось такъ же невозможно и неестественно, какъ выкинуть изъ жизни день ожиданія передъ радостью, или — изъ пути однообразное поле передъ красивымъ видомъ. Потому эпическія повторенія терпѣлись, какъ необходимость, которую сила поэзіи и спокойный взглядъ на міръ дѣлали пріятною и для пѣвца, и для слушателей. Въ Сервантесовомъ романѣ, Санчо спутался и не могъ продолжать сказки о пастухѣ, потому только, что Донъ-Кихотъ, воспитанный въ искусственной поэзіи, не понимая важности эпическихъ повтореній, не хотѣлъ считать по порядку всѣхъ козъ, которыхъ по одиначкѣ переносилъ пастухъ черезъ рѣку. Какъ лирическому порыву, такъ и драматическому движенію эпическая форма даетъ однообразное

невозмутное теченіе. Потому въ исполненіи хороводныхъ и другихъ эпическихъ игръ замѣтно всегда нѣкоторое принужденіе, происходящее частью отъ стѣсненія личности играющихъ точнымъ справленіемъ старинняго обычая, частью же отъ торжественности, всегда неразлучной съ обрядомъ: «не дорога пѣсня, а дорогъ *уставъ*», говоритъ народъ. Потому и на свадебныхъ обрядахъ постоянно господствуетъ эпическое равновѣсіе духа, не смотря на многіе часто драматическіе ихъ мотивы, каковы, напримѣръ, подробное, часто комическое, осматриваніе наружности невѣсты по всѣмъ статьямъ и примѣтамъ, похищеніе невѣсты, продажа ея косы, прощанье невѣсты съ подругами, съ волей, съ дѣвичей красой, столь художественно выраженное во многихъ причитаніяхъ, разставанье ея съ отцемъ, съ матерью, опасенія при вступленіи въ новую жизнь и страхъ передъ новой роднею, такъ сильно изображенные въ свадебныхъ пѣсняхъ, наконецъ живѣйшія опасенія, чтобъ злой человѣкъ не попортилъ новобрачныхъ, и хлопоты объ отвращеніи чарами всякаго сверхъестественнаго зла, ибо, по старинному убѣжденію, «свадьба безъ *дивъ* не бываетъ». Сколько затрогивающихъ душу драматическихъ интересовъ! И между тѣмъ, въ художественномъ выраженіи ихъ, въ свадебныхъ обычаяхъ ни малѣйшаго раздраженія; все идетъ чинно и складно, по заведенному единожды на всегда порядку, по преданію и по старинѣ. Такимъ образомъ даже самой драматической минутѣ въ жизни эпическая форма умѣла дать спокойное, ровное теченіе.

Самъ пѣвецъ, хотя и не ясно, чувствовалъ влекущую его, въ общей толпѣ цѣлаго поколѣнія, неудержимую силу преданія и обычая. Онъ былъ неволенъ какъ въ содержаніи разсказа, идущемъ отъ старины, такъ и въ способѣ выраженія, употребляя общепринятыя, обычныя эпическія формы, уподобленія, эпитеты, метафоры, и вообще подчиняясь складу и ладу народной рѣчи. Потому самородная эпическая поэзія, въ теченіе столѣтій, представляетъ замѣчательную ровность языка, ненарушаемую личнымъ способомъ выраженія отдѣльныхъ пѣвцовъ и составляющую отличительный характеръ эпическаго слога. Вращаясь въ сомкнутомъ кругѣ преданій и обычая, пѣвецъ весьма естественно не могъ придавать большаго значенія своимъ личнымъ способностямъ.... Смиренное сознаніе эпическаго поэта въ невольномъ вдохновеніи, художественный Грекъ прекрасно выразилъ *обращеніемъ къ музѣ*, чтобъ она сама устами пѣвца повѣдала міру о старинѣ. (Изъ сочиненія «Историческіе Очерки Р. Народной Словесности». Спб. 1861, т. I, стр. 55—76). *Ѳ. Буслаевъ* [1]).

---

[1]) Профес. Москов. Университета, современный намъ ученый. Наиболѣе за-

Вопросы Жизни.

Еще со временъ языческой древности существуютъ два рода образованія:

Общечеловѣческое и спеціальное или реальное.

Въ Аѳинахъ и Родосѣ философы имѣли право содержать школы для общечеловѣческаго образованія. Не вдалекѣ отъ Аѳинъ, между свѣтлыми источниками, окруженныя садами, размѣщены были самыя главнѣйшія изъ нихъ.

Въ серединѣ стояла школа эпикурейцевъ, къ сѣверу отъ нея жили послѣдователи Платона, а къ югу ученики Аристотеля. Мирты и оливы раздѣляли одно ученіе отъ другаго, и служили границами различныхъ взглядовъ на жизнь и свѣтъ. Учители и ученики жили обществами, вмѣстѣ; кромѣ учениковъ и посторонним лицамъ входъ былъ открытъ. Со всѣхъ сторонъ и изъ отдаленныхъ земель стекались любознатели слушать мудрости знаменитыхъ наставниковъ. Философія и краснорѣчіе были самыми главными предметами занятія. Не всѣ реальныя науки въ то время были рѣзко отдѣлены отъ философіи: онѣ обыкновенно преподавались вмѣстѣ съ нею, такъ что главнымъ основаніемъ всѣхъ наукъ считалась философія. Богъ, свѣтъ и человѣкъ были главнѣйшими предметами отвлеченныхъ созерцаній. — Краснорѣчіе было въ то время искусствомъ, тѣсно соединеннымъ съ гражданскимъ бытомъ и исторіею народа. По этому и философія и краснорѣчіе считались самыми существенными и самыми необходимыми предметами для общечеловѣческаго образованія.

Сверхъ этого, и въ Греціи, и въ Римѣ, и въ Египтѣ существовали еще и спеціальныя школы. Палестры и гимназіи Греціи, находившіяся подъ надзоромъ магистра (тогда какъ школы философовъ были частныя учрежденія, въ управленіе и ученіе которыхъ Греческое правительство не вмѣшивалось), занимались преимущественно приготовленіемъ учениковъ къ Олимпійскимъ и другимъ публичнымъ играмъ; въ Римѣ существовало училище правовѣдѣнія; въ Александріи — училище математическихъ и физическихъ наукъ, и т. п.

Въ средніе вѣка, христіанская религія сдѣлалась первая покровительницею и разсадникомъ потухшаго просвѣщенія. Начало университетовъ и спеціальныхъ училищъ образовалось постепенно изъ

мѣчательны слѣд. его сочиненія: О преподаваніи Отечеств. языка; О вліяніи Христіанства на Слав. языкъ; Историческая Грамматика; Историч. Очерки Р. народной Словесности и Историческая Христоматія. — Все сочиненія капитальныя.

монастырскихъ, орденскихъ школъ. Спеціальныя школы Парижа и Оксфорда, назначенныя сначала для обученія философіи и богословію, и находившіяся подъ покровительствомъ и надзоромъ духовенства, постепенно получили особыя права и привилегіи, и возвысились на степень первыхъ, въ то время университетовъ. Пишутъ, что въ тринадцатомъ столѣтіи въ Парижскомъ Университетѣ было до 10,000, а въ Оксфордскомъ даже до 30,000 студентовъ. Съ этимъ мощнымъ развитіемъ общечеловѣческаго или университетскаго образованія въ Европѣ не могли болѣе состязаться спеціальныя монастырскія школы, и начали съ тѣхъ поръ все болѣе и болѣе приходить въ упадокъ.

Въ новѣйшія времена, наконецъ, вмѣстѣ съ усовершенствованіемъ различныхъ отраслей человѣческаго знанія и гражданскаго быта, университеты и спеціальныя училища достигли постепенно той степени развитія, на которой мы ихъ теперь находимъ. Различіе въ назначеніи и въ цѣли тѣхъ и другихъ ясно обозначились. Правительства всѣхъ образованныхъ націй, понявъ это болѣе или менѣе ясно, упрочили новыми правами существованіе этихъ разсадниковъ народнаго просвѣщенія.

Въ различныхъ странахъ, по мѣрѣ временныхъ, иногда случайныхъ надобностей, возникало и усиливалось болѣе то университетское, или общечеловѣческое, то прикладное, или спеціальное направленіе воспитанія.

Но ни одно образованное правительство, какъ-бы оно не нуждалась въ спеціалистахъ, не могло не убѣдиться въ необходимости общечеловѣческаго образованія. Правда, въ нѣкоторыхъ странахъ университетскіе факультеты почти превратились въ спеціальныя училища; но еще нигдѣ не исчезло совершенно ихъ существенное и первобытное стремленіе къ главной цѣли: общечеловѣческому образованію.

Имѣя въ виду этотъ прямой, широко-открытый путь къ *образованію людей*, для чего бы, казалось, имъ не пользоваться?

Для чего бы не приспособить его еще лучше къ вопіющимъ потребностямъ настоящаго?

Для чего не расширить и не открыть его еще болѣе для насъ, столь нуждающихся въ истинно-человѣческомъ воспитаніи?

Но, общечеловѣческое воспитаніе не состоитъ еще въ одномъ университетѣ; къ нему принадлежатъ и приготовительно-университетскія школы, направленныя къ одной и той же благой и общей цѣли, учрежденныя въ томъ же духѣ и съ тѣмъ-же направленіемъ.

Всѣ готовящіеся быть полезными гражданами, должны сначала научиться быть людьми.

Поэтому всѣ до извѣстнаго періода жизни, въ которомъ ясно

обозначаются ихъ склонности и ихъ таланты, должны пользоваться плодами одного и того же нравственно-научнаго просвѣщенія. Не даромъ извѣстныя свѣдѣнія изстари называются «humaniora», то-есть, необходимыя для каждаго человѣка. Эти свѣдѣнія, съ уничтоженіемъ язычества, съ усовершенствованіемъ наукъ, съ развитіемъ гражданскаго быта различныхъ націй, измѣненныя въ ихъ видѣ, остаются навсегда, однакоже тѣми же свѣтильниками на жизненномъ пути и древняго, и новаго человѣка.

И такъ, направленіе и путь, которымъ должно совершаться общечеловѣческое образованіе для всѣхъ и каждаго, кто хочетъ заслужить это имя, ясно обозначено.

Оно есть самое естественное и самое непринужденное.

Оно есть и самое удобное и для правительствъ, и для подданныхъ.

Для правительствъ потому, что всѣ воспитанники до извѣстнаго возраста будутъ образоваться, руководимые совершенно однимъ и тѣмъ же направленіемъ, въ одномъ духѣ, съ одною и тою же цѣлію; слѣдовательно, нравственно-научное воспитаніе всѣхъ будущихъ гражданъ будетъ находиться въ однѣхъ рукахъ. Всѣ виды, всѣ благія намѣренія правительствъ къ улучшенію просвѣщенія будутъ исполняться послѣдовательно, съ одинакою энергіею и одновѣдомственными лицами.

Для подданныхъ потому, что всѣ воспитанники до вступленія ихъ въ число гражданъ будутъ дружно пользоваться одинакими правами и одинакими выгодами воспитанія.

Это торжество духа и правъ воспитанія должно считать выгоднымъ не потому, что будто бы вредно для общества раздѣленіе его на извѣстныя *корпораціи*, происходящія отъ разнообразнаго воспитанія. Нѣтъ, напротивъ, я вижу въ поощреніи корпорацій средство: поднять нравственный бытъ различныхъ классовъ и сословій, вселить въ нихъ уваженіе къ ихъ занятіямъ и къ кругу дѣйствій, опредѣленному для нихъ судьбою. Но, чтобы извлечь пользу для общества изъ господствующаго духа корпорацій, нужно способствовать къ его развитію не прежде полнаго развитія всѣхъ умственныхъ способностей въ молодомъ человѣкѣ. Иначе, должно опасаться, что это же самое средство будетъ и ложно понято, и некстати приложено.

Есть, однакоже, немаловажныя причины, оправдывающія существованіе спеціальныхъ школъ во всѣхъ странахъ и у всѣхъ народовъ.

Сюда относится почти жизненная потребность, для нѣкоторыхъ націй, въ спеціальномъ образованіи гражданъ по различнымъ отраслямъ свѣдѣній и искусствъ, самыхъ необходимыхъ для благосостоянія и даже для существованія страны, и именно когда ей пред-

стоитъ постоянная необходимость пользоваться, какъ можно скорѣе и какъ можно обширнѣе, плодами образованія молодыхъ спеціалистовъ.

Но, во-первыхъ, нѣтъ ни одной потребности для какой бы то ни было страны, болѣе существенной и болѣе необходимой, какъ потребность *«въ истинныхъ людяхъ.»* Количество не устоитъ передъ качествомъ. А если и превозможетъ, то все-таки, рано или поздно, подчинится не произвольно, со всею его громадностію, духовной власти качества.

Это историческая аксіома.

Во-вторыхъ, общечеловѣческое или университетское образованіе нисколько не исключаетъ существованія такихъ спеціальныхъ школъ, которыя занимались бы практическимъ или прикладнымъ образованіемъ молодыхъ людей, уже приготовленныхъ общечеловѣческимъ воспитаніемъ.

А спеціальныя школы и цѣлое общество несравненно болѣе выиграютъ, имѣя въ своемъ распоряженіи нравственно и научно, въ одномъ духѣ и въ одномъ направленіи приготовленныхъ учениковъ.

Учителямъ этихъ школъ придется сѣять уже на воздѣланномъ и разработанномъ полѣ. Ученикамъ придется легче усвоивать принимаемое. Наконецъ, развитіе духа корпорацій, понятіе о чести и достоинствѣ тѣхъ сословій, къ вступленію въ которыя приготовляютъ эти школы, будетъ и своевременно и сознательно для молодыхъ людей, достаточно приготовленныхъ общечеловѣческимъ воспитаніемъ.

Да и какіе предметы составляютъ самую существенную цѣль образованія въ спеціальныхъ школахъ?

Развѣ не такіе, которые требуютъ для ихъ изученія уже полнаго развитія душевныхъ способностей, тѣлесныхъ силъ, талантовъ и особаго призванія?

Къ чему же, скажите, спѣшить такъ и торопиться съ спеціальнымъ образованіемъ? Къ чему начинать его такъ преждевременно?

Къ чему промѣнивать такъ скоро выгоды общечеловѣческаго образованія на прикладной, односторонній спеціализмъ?

Я хорошо знаю, что исполинскіе успѣхи наукъ и художествъ нашего столѣтія сдѣлали спеціализмъ необходимою потребностію общества; но, въ то же время, никогда не нуждались истинные спеціалисты такъ сильно въ предварительномъ общечеловѣческомъ образованіи, какъ именно въ нашъ вѣкъ.

Односторонній спеціалистъ есть или грубый эмпирикъ, или уличный шарлатанъ.

Отыскавъ самое удобное и естественное направленіе, которымъ должно вести нашихъ дѣтей, готовящихся принять на себя высо-

кое званіе человѣка, остается еще, главное, рѣшить одинъ изъ существеннѣйшихъ вопросовъ жизни: *«какимъ способомъ, какимъ путемъ приготовить ихъ къ неизбѣжной, имъ предстоящей борьбѣ?*

Каковъ долженъ быть юный атлетъ, приготовляющійся къ этой роковой борьбѣ?

Первое условіе: онъ долженъ имѣть отъ природы хотя какое нибудь *притязаніе на умъ или чувство.*

Пользуйтесь этими благими дарами Творца; но не дѣлайте одаренныхъ безсмысленными поклонниками мертвой буквы, дерзновенными противниками необходимаго на землѣ авторитета, суемудрыми приверженцами грубаго матеріализма, восторженными расточителями чувства и воли и холодными адептами разума.—Вотъ второе условіе.

Вы скажете, что это общія риторическія фразы.

Но я не виноватъ, что безъ нихъ не могу выразить того идеала, котораго достигнуть я, такъ горячо, такъ искренно желаю и моимъ и вашимъ дѣтямъ.

Не требуйте отъ меня бо́льшаго; больше этого у меня ничего нѣтъ на свѣтѣ.

Пусть ваши педагоги, съ глубокимъ знаніемъ дѣла, лучше меня одаренные, съ горячей любовью къ правдѣ и ближнему, постараются изъ моихъ и вашихъ дѣтей сдѣлать то, чего я такъ искренно желаю, и я обѣщаюсь никого не безпокоить риторическими фразами, а молчать, и молча за нихъ молиться.

Повѣрьте мнѣ. Я испыталъ эту внутреннюю, роковую борьбу, къ которой мнѣ хочется приготовить, исподволь и заранѣе, нашихъ дѣтей; мнѣ дѣлается страшно за нихъ, когда я подумаю, что имъ предстоятъ тѣ же опасности и, не знаю, тотъ-ли же успѣхъ. Молитесь и не осуждайте.

Вы не хотите слышать общихъ и отвлеченныхъ положеній; вы хотите имѣть подробное изложеніе всего механизма, которымъ бы можно было достигнуть желаемой цѣли.

Подождите не много! я прежде вамъ представлю *въ лицахъ*, какъ приготовлялись и приготовляемся мы теперь къ этой борьбѣ, какъ мы ее ведемъ на поприщѣ жизни, и тогда, можетъ быть, вы поймете, безъ риторическихъ фразъ, безъ дальнѣйшихъ объясненій, и мой механизмъ. — Во всякомъ случаѣ онъ не будетъ хуже общепринятаго.

Начнемъ ab ovo. Сначала пусть каждый или каждая изъ васъ представитъ себѣ, что онъ или она принадлежитъ къ числу тѣхъ членовъ нашего общества, которые имѣютъ притязаніе на умъ и чувство. Представьте, что вы, по милости другихъ особъ, которыхъ вы иногда и въ лице не знаете, родились, какъ водится на свѣтъ.

Васъ крестили. Вы въ свою очередь выросли.

Понемногу, Богу одному извѣстно для чего, въ васъ родилось желаніе *осмотрѣться.*

До сихъ поръ вы составляли, съ другими вамъ подобными, на всемъ пространствѣ земли, одинъ общій классъ счастливыхъ существъ, который Самимъ Искупителемъ былъ поставленъ въ образецъ человѣчеству.

Теперь же, подросши и не много осмотрѣвшись, вы видите себя въ одномъ изъ слѣдующихъ различныхъ видовъ.

Осмотрѣвшись, вы видите себя въ мундирѣ съ краснымъ воротникомъ, всѣ пуговицы застегнуты, все, какъ слѣдуетъ, въ порядкѣ. Вы и прежде слыхали, что вы мальчикъ. Теперь вы это видите на дѣлѣ.

Вы спрашиваете: кто вы такой?

Вы узнаете, что вы ученикъ гимназіи и со временемъ можете сдѣлаться ученымъ человѣкомъ,—ревностнымъ распространителемъ просвѣщенія: студентомъ Университета, кандидатомъ, магистромъ и даже директоромъ училища, въ которомъ вы учитесь. Вамъ весело.

Вотъ первый видъ.

Осмотрѣвшись, видите себя въ мундирѣ съ зеленымъ воротникомъ и съ золотою петлицею.

Вы спрашиваете: что это значитъ?

Вамъ отвѣчаютъ, что вы ученикъ Правовѣдѣнія, будете навѣрное блюстителемъ закона и правды, дѣловымъ чиновникомъ, директоромъ высшихъ судебныхъ мѣстъ. Вамъ весело и лестно.

Вотъ второй видъ.

Осмотрѣвшись, вашъ взоръ останавливается на красномъ или бѣломъ кантикѣ мундира и воротника. Вы тоже спрашиваете.

Вамъ отвѣчаютъ громко, что вы назначаетесь для защиты родной земли,—вы кадетъ, будущій офицеръ, и можете сдѣлаться генераломъ, адмираломъ, героемъ.

Вы въ восхищеніи.

Вы осмотрѣлись и видите, что вы въ юпкѣ. Прическа головы, передникъ, талья и все въ порядкѣ. Вы и прежде слыхали, что вы дѣвочка; теперь вы это видите на дѣлѣ.

Вы очень довольны, что вы не мальчикъ, и дѣлаете книксенъ.

Вотъ четвертый, но также еще не послѣдній видъ.

Узнавъ все это, вы спрашиваете: что-же вамъ дѣлать?

Вамъ отвѣчаютъ: учитесь, слушайтесь и слушайте, ходите въ классы, ведите себя благопристойно и отвѣчайте хорошо на экзаменахъ; безъ этого вы ни къ чему не будете годиться.

Вы учитесь, посѣщаете классы, ведете себя прилично и отвѣчаете на экзаменахъ хорошо.

Проходятъ годы. Выросши до нельзя изъ себя, вы начинаете уже рости въ себя.

Вы замѣчаете, наконецъ, что вы дѣйствительно студентъ, окончившій курсъ Университета, правовѣдъ, бюрократъ, офицеръ, дѣвушка — невѣста.

На этотъ разъ вы уже не спрашиваете: кто вы такой? и что̀ вамъ дѣлать? Вы это сами уже понимаете и сами должны знать, что̀ теперь дѣлать.

Васъ водили въ храмъ Божій. Вамъ объясняли Откровеніе. Привилегированные инспекторы, субъ-инспекторы, экзаменованные гувернеры, гувернантки, а иногда даже и сами родители, смотрѣли за вашимъ поведеніемъ. Науки излагались вамъ въ такомъ духѣ и объемѣ, которыя необходимы для образованія просвѣщенныхъ гражданъ. Безнравственныя книги, остановленныя цензурою, никогда не доходили васъ. Отцы, опекуны, высокіе покровители и благодѣтельное правительство открыли для васъ ваше поприще.

Послѣ такой обработки, кажется, вамъ ничего болѣе не остается дѣлать, какъ только то, что̀ пекущимся объ васъ хотѣлось, чтобы вы дѣлали.

Это значитъ, что вы, какъ струна, издавали извѣстный звукъ. А звучать для общей гармоніи, согласитесь, есть высокое призваніе.

Чего, казалось-бы, еще не доставало для вашего счастія и для блага цѣлаго общества?

Выходитъ другое.

Вы достигли теперь того періода жизни, въ которомъ и умъ и чувство начинаютъ тревожить васъ. Первый, задавая вамъ такіе вопросы, которыхъ вы не въ состояніи рѣшить; второе, поджигая противъ васъ безпрестанно инстинкты и чувственность.

Вы начинаете теперь понемногу вникать и анализировать, чему васъ учили, и что дѣлается во кругъ васъ.

Вы вспоминаете, васъ учили, что когда-то существовалъ другой міръ, въ которомъ люди поступали и мыслили не такъ, какъ должно. Они жили здѣсь, чтобы жить. Пили, ѣли, ходили въ бани, нѣжились, дрались, кутили на пропалую.

Васъ учили, что между ними были и герои, и именитые граждане, и образцы добродѣтели, и покровители наукъ и искусствъ, но большая часть вообще всетаки ходили въ потемкахъ, не зная ничего лучшаго кромѣ здѣшней жизни. Ихъ Аидъ и Элисейскія поля были гдѣ-то тоже на землѣ или подъ землею, да и то не для души, а для тѣней.

Васъ учили, что воплощенное Слово положило конецъ безтолковому разуму ума и чувства.

Міръ получилъ Откровеніе.

Васъ учили, что Откровеніе, поднявъ таинственную завѣсу, показало отдаленный горизонтъ настоящей жизни и сказало: «стремись туда».

Вы узнали въ школѣ, и должны были узнать, какая бездна отдѣляетъ насъ отъ развалинъ того разрушеннаго міра, который только въ самомъ себѣ искалъ препоны страстей, не имѣя будущаго за своими предѣлами.

Благоговѣющіе къ благодатному ученію Откровенія, вы озираетесь вокругъ себя и что-же?

Вы видите, что окружающіе васъ разыгрываютъ тѣ же грязныя вакханаліи паганизма, которыя Оно объявило роковою препоною къ достиженію истиннаго счастія.

Вы ступивъ на поприще жизни, вы видите, что всѣ бѣгутъ съ него въ Калифорнію.

Видя это ясно, вамъ невольно приходитъ на мысль, что вы мистифированы. Натурально, вы не хотите долго оставаться мистифированными.

Вы начинаете еще глубже вникать въ окружающее васъ, анализировать и, наконецъ, вы ясно замѣчаете предъ собою одну огромную толпу, безсознательно влекомую невидимою силою, и нѣсколько другихъ меньшихъ, но дѣйствующихъ не безъ сознанія.

Вы начинаете знакомиться со взглядами и поступками этихъ дѣйствующихъ группъ.

Сначала это васъ интересуетъ. Но скоро вы убѣждаетесь, что вамъ предстоитъ безутѣшная алтернатива:

Или заглушить въ себѣ голосъ Завѣтнаго ученія.
Или пристать къ одной изъ этихъ группъ.

Но вы не атлетъ ни святотатства, ни самоотверженія. Вы начинаете колебаться, сѣтовать, роптать. А время летитъ; нужно дѣйствовать.

Вы бросаетесь въ первую, вамъ попавшуюся толпу, и дѣлаетесь ея ревностнымъ послѣдователемъ.

Не удовлетворенные, переходите къ другой, и къ третьей.

Наконецъ, для васъ наступаетъ самый критическій періодъ жизни.

Вамъ нужно вывести себя положительно на чистую воду; узнать рѣшительно: кто вы такой?

Пристать ли вамъ окончательно къ одной толпѣ, вступить ли въ борьбу со всѣми?

Вы рѣшаетесь на первое. Прощайте. Я съ вами болѣе не имѣю дѣла.

Вы рѣшаетесь на второе. Но готовы ли вы? Гдѣ ваши средства и силы?

Немного разсудивъ объ этомъ, вы ясно убѣждаетесь, что для этой борьбы вамъ нужно сначала перевоспитать себя. Рѣшившись на это, вы бросаете еще взглядъ на вашу прошлую жизнь и мало-по-малу узнаете, что у васъ или внутренній человѣкъ, развившись слишкомъ рано и скоро, пересилилъ черезъ чуръ наружнаго, ни на минуту не хотѣлъ отдохнуть въ немъ, безпрестанно рвался вонъ, деспотствовалъ; или наружный, распущенный, игралъ по произволу, кутилъ, и внутреннему не подчинялся.

Воспитатели были или слишкомъ близоруки, или слишкомъ заняты, и не замѣтили, что̀ въ васъ происходило.

Такъ прошла юность.

Вашъ внутренній или наружный человѣкъ, убѣдившись наконецъ опытомъ, что дѣйствуетъ противъ себя же самого, уставъ, мало-по-малу остепенился.

Пріучившись вникать въ себя, вы видите, что вамъ осталось *одно изъ двухъ:*

Или сказать вѣчное прости отвлеченію, не пытаться далѣе вникать въ себя, закабалить себя въ желѣзный панцырь, одѣть жизнь въ мундирный фракъ, въ накрахмаленную юпку и въ книгѣ вашего бытія разбирать не смыслъ, а мертвую букву.

Или же, съ утра и до ночи, роясь въ тайникахъ души, подстерегая всѣ мгновенія ея нравственной свободы, заставить ее рѣшить вопросы жизни, вступивъ въ борьбу съ собою и съ окружающимъ.

И, вотъ, проведя полжизни, испытавъ на себѣ вліяніе различныхъ взглядовъ, предпринявъ, во что бы то ни стало, перевоспитать себя, разобравъ прошедшее, вы остановились на распутьи вашего поприща. Лѣнь и страхъ одолѣваютъ васъ. Наслажденіе подъ сѣнію мірскаго счастія и спокойной формы манитъ васъ на перепутье. Тысячи и тысячи внѣшнихъ обстоятельствъ такъ заманчиво располагаются около васъ, что всѣ ваши предположенія рѣшить вопросы жизни, которые, было, такъ стройно вытянулись предъ вами, послѣдовательною нитью, начинаютъ колебаться и сбиваться.

Вы думали, было, что вы уже *убѣждены.*

Вы убѣждаетесь, что *убѣжденія* даются не каждому. Это даръ Неба, требующій усиленной разработки. Прежде, чѣмъ вамъ захотѣлось имѣть убѣжденіе, нужно было бы узнать: можете ли вы ихъ имѣть.

Только тотъ можетъ имѣть ихъ, *кто пріученъ съ раннихъ лѣтъ проницательно смотрѣть въ себя,* кто пріученъ съ первыхъ лѣтъ жизни *любить искренно правду, стоять за нее горою и быть непринужденно откровеннымъ,* какъ съ *наставниками,* такъ и съ

сверстниками. Безъ этихъ свойствъ вы никогда не достигните никакихъ убѣжденій.

А эти свойства достигаются: вѣрою, вдохновеніемъ, нравственною свободою мысли, способностію отвлеченія, упражненіемъ въ самопознаніи.

Вы дошли теперь до самыхъ первыхъ, самыхъ главныхъ основъ истинно-человѣческаго воспитанія, безъ которыхъ, конечно, можно образовать искусныхъ артистовъ по всѣмъ отраслямъ нашихъ знаній, но никогда настоящихъ людей.

И такъ, вы видите, что вамъ приходится съ неимовѣрнымъ трудомъ пріобрѣтать то, чтó съ перваго вступленія вашего на поприще жизни должно бы быть вашею неотъемлемою собственностью.

Не лучше ли воротиться назадъ, попробовать опять пристать къ той или другой толпѣ и быть счастливымъ по своему?

Прожить полжизни и не знать себя; это плохо.

Все лучше, однакоже, чѣмъ умереть, не зная себя.

Вы принимаетесь опять за дѣло. Вы начинаете развивать въ себѣ способность къ убѣжденіямъ, и скоро убѣждаетесь, что вы тронули этимъ лишь одну струну *самопознанія;* а чтобы вступить въ борьбу, вамъ нужно владѣть имъ, *какъ нельзя лучше.*

И вотъ, становитесь теперь наблюдателемъ у неизмѣримаго кратера души и не умѣете подстеречь быстролетныхъ мгновеній, когда затихаетъ изверженіе вѣчно клокочущей лавы, боясь даже украдкою взглянуть на эту страшную глубину.

Вы пытаетесь начать борьбу и убѣждаетесь, что вы не умѣете ее вести *безъ вражды*, не умѣете *любить* безпристрастно то, съ чѣмъ боретесь; не умѣете достаточно *оцѣнить* того, что хотите побѣдить.

Но чтобы любить, съ чѣмъ вы боретесь, и устоять въ такой борьбѣ — вамъ нужно еще одно свойство.

Вамъ нужна способность *жертвовать собой.*

Не образовавъ ее въ себѣ, влекомые однимъ неяснымъ, безсознательнымъ ощущеніемъ Высокаго, вы превращаетесь въ *искателя сильныхъ ощущеній.*

Кто съ изумленіемъ не видитъ, какъ распространенъ въ нашемъ вѣкѣ реализмъ — эта болѣзнь временъ рыцарства. Убѣдитесь же изъ этого, что никакое матеріальное или практическое направленіе въ свѣтѣ не въ состояніи уничтожить вдохновеніе въ человѣкѣ.

Исканіе сильныхъ ощущеній есть одно изъ его ненормальныхъ проявленій.

Грусть, или какъ будто тоска по родинѣ овладѣваетъ вами. Вы чувствуете пустоту, вамъ недостаетъ чего-то.

Вамъ нужны *вдохновеніе и сочувствіе.*

Свѣтло и торжественно вдохновеніе; оно, какъ праздничная одежда, облекаетъ духъ, устремляя его на небо.

Томно и тихо сочувствіе: оно, какъ заунывная пѣснь, напоминаетъ отдаленную родину.

Какая борьба можетъ совершиться безъ вдохновенія и безъ сочувствія? Какая борьба покажется вамъ нестерпимою, когда вдохновеніе осѣнитъ, когда сочувствіе согрѣетъ васъ.

Если послѣдователи торговаго направленія, въ нашемъ реальномъ обществѣ, намъ съ улыбкою намекаютъ, что теперь не нужно вдохновенія, то онѣ не вѣдаютъ, какая горькая участь ожидаетъ ихъ въ будущемъ, пресыщенныхъ и утратившихъ небесный даръ, единственную нашу связь съ Верховнымъ Существомъ.

Всѣ, — и тѣ, которые въ немъ не нуждаются, ищутъ вдохновенія; но только подобно дервишамъ и шаманамъ, — по-своему.

Безъ вдохновенія нѣтъ *воли;* безъ воли нѣтъ борьбы, а безъ борьбы ничтожество и произволъ.

Безъ вдохновенія умъ слабъ и близорукъ.

Чрезъ вдохновеніе мы проникаемъ въ глубину души своей и, однажды проникнувъ, выносимъ съ собою то убѣжденіе, что въ насъ существуетъ Завѣтно-Святое.

Нуждаясь въ сочувствіи, вы невольно думаете: можно ли надѣяться, чтобы мнѣ сочувствовали, чтобы другіе взяли на себя трудъ узнать меня, тогда какъ мнѣ самому стоило столько труда, борьбы и усилій вымолить отъ собственной души моей позволеніе взглянуть въ нее, и то украдкою.

Не лучше ли, проживъ болѣе полжизни, прошедъ чрезъ школу самопознанія, узнавъ толпу и толпы, и научившись жертвовать собою, сдѣлаться однимъ холоднымъ и буквальнымъ исполнителемъ моего призванія, сочувствуя другимъ только по долгу, и не призывая никакой взаимности?

Вы вспоминаете невольно, какимъ участіемъ угощало человѣчество лучшихъ друзей своихъ, когда, съ полнымъ сознаніемъ высокаго, они увлекались вдохновеніемъ и сочувствіемъ. Оно искони было однимъ только искателемъ сильныхъ ощущеній. Когда и какое добро принимало оно изъ рукъ своихъ благодѣтелей, не омывъ его багряною влагою жизни?

Не Онъ, не воплощенное Слово любви и мира, а совершитель кровавыхъ дѣлъ, Варрава, былъ подаренъ участіемъ.

Но потомство — безсмертіе земли! Не должны ли мы дорожить его сочувствіемъ?

Да, все, что живетъ на землѣ, животно-духовною жизнью, и въ грубомъ инстинктѣ, и въ идеалѣ Высокаго проявляетъ мысль о по-

томствѣ и, безсознательно и сознательно, стремится жить въ немъ. О, еслибы самопознаніе хотя бы только до этой степени могло быть развито въ толпахъ, бѣгущихъ отвлеченія! Если бы этотъ слабый проблескъ идеи безсмертія одушевилъ ихъ, то и тогда бы уже земное бытіе человѣчества исполнилось дѣлами, предъ которыми потомство преклонилось бы съ благоговѣніемъ. Тогда исторія, до сихъ поръ оставленная человѣчествомъ безъ приложенія, достигла бы своей цѣли остерегать и одушевлять его.

Не говорите, что не всякій можетъ дѣйствовать для потомства. Всякій въ своемъ кругу. Одна суетность и близорукость ищутъ участія въ настоящемъ.

Вы дошли теперь до убѣжденія, что, живя, здѣсь, на землѣ, вы призваны участіемъ къ этой отчизнѣ, — должны искать его; но отыскивая должны жить не въ настоящемъ, а въ потомствѣ.

И такъ, когда потребность въ сочувствіи однажды родилась у васъ, гдѣ искать ее, какъ не въ потомствѣ всего человѣчества и вашей собственной семьѣ?

И вотъ, вамъ предстоитъ теперь въ вашей борьбѣ рѣшить еще одинъ вопросъ жизни.

Но, прежде этого, вы еще разъ останавливаетесь и озираетесь опять невольно назадъ. Вы видите, что уже давно истерты мундиръ и юпка, въ которыхъ вы увидѣли себя, когда вамъ вздумалось въ первый разъ въ жизни осмотрѣться. Сбылись и не сбылись тѣ предвѣщанія, которыми вы такъ когда-то восхищались, смотря и на мундиръ, и на вашъ корсетъ, и ощущая, что подъ ними такъ тихо и такъ сладко волновалось.

Вы вспоминаете, какъ наряженные въ мундиръ, затянутые въ корсетъ, вы въ полной формѣ выступили на поприще свѣта; какъ радовались вы, глядя на Божій свѣтъ. Горе съ ранней поры не принуждало слезами нищеты орошать насущный хлѣбъ вашъ; думы заботъ и треволненья вседневной жизни не тревожили дѣтскаго сна; вамъ такъ и рвалось кружиться и ликовать въ шумныхъ хороводахъ толпы.

Въ этомъ чаду разгулья вамъ и въ голову не приходило подумать, что вы еще не воспитаны. Какъ это могло быть, когда разноцвѣтный воротникъ мундира, корсетъ и юпка, облекавшіе стройно, вашъ станъ, иностранные языки, на которыхъ вы читали и ловко объяснялись, нравственныя и ученыя книги, по которымъ вы учились, клавикорды, на которыхъ вы бѣгло играли, такъ ясно показывали вамъ, что вы воспитаны какъ нельзя лучше?

Прошло нѣсколько счастливыхъ лѣтъ въ этомъ убѣжденіи; вашъ умъ и чувство, которое, благодаря судьбѣ, еще не успѣли совсѣмъ

оглохнуть и онѣмѣть отъ шума и ликованья, начали вамъ нашептывать что-то въ родѣ наставленій.

Вы бросили испытующій взглядъ на кружащіяся толпы, съ которыми вы до того такъ безсознательно кружились. Предъ вашими глазами открылась ясно Вальургіева ночь земнаго бытія. Блуждая между очарованными группами, вамъ не легко было выбраться на свѣтъ изъ вакханалій чародѣйства. Пытаясь, падая, вы остановились, чтобы, собравшись съ силами, спросить себя: гдѣ вы? куда идете? чего вы хотите?

Теперь-то наконецъ, началось для васъ то, съ чего бы нужно было давно начать вамъ, — нѣтъ, ошибаюсь я, не вамъ, а тѣмъ, которые пустили васъ въ бушующій разгулъ,—на своевольства пиръ. Сѣтуя на прошлое въ борьбѣ съ собою, вы начали перевоспитывать себя. Трудясь и роясь въ душѣ, вы дошли до убѣжденій, вы научились жертвовать собою, борьба уже не такъ тревожитъ васъ. Съ трудомъ вы наконецъ, дошли и до извѣстной степени самопознанія. Вотъ и вдохновеніе васъ осѣнило.

Протекло полжизни. Въ минуты вдохновенія, когда вамъ можно было глубоко и проницательно взглянуть въ себя, вамъ открылся таинственный источникъ, котораго струи должны васъ освѣжать на поприщѣ борьбы. Предчувствіе объ отдаленной вѣчности вы перенесли и на земное бытіе. Тоска по отдаленной родинѣ напоминила вамъ искать сочувствія.

Вы убѣдились, что, отыскивая земное участіе, вы хотите проявить мысль о безсмертіи въ семьѣ и обществѣ. Вамъ предстоитъ рѣшить вопросъ: какъ устроить вашъ семейный бытъ и какъ найти сочувствіе въ кругу своихъ?

Но что́, если васъ не пойметъ та, въ которой вы хотите найти сочувствіе къ убѣжденіямъ, такъ дорого пріобрѣтеннымъ, въ которой вы ищите сотрудницу въ борьбѣ за идеалъ?

Взглядъ на прошедшее напомнитъ вамъ, что вы не должны представлять ни случаю, ни произволу, ни корыстной чувственности произнести приговоръ; его отголосокъ отзовется чрезъ четверть столѣтія на потомствѣ, которое, быть можетъ, будетъ попирать ногами давно забытый прахъ вашъ.

Что, если спокойная, безпечная въ кругу семьи, жена будетъ смотрѣть съ безсмысленною улыбкою идіота на вашу завѣтную борьбу? Или какъ Марфа, расточая всѣ возможныя заботы домашняго быта, будетъ проникнута одною лишь мыслію: угодить и улучшить матеріальное, земное ваше бытіе? Что, если, какъ Ксантипа, она будетъ поставлена судьбою для испытанія крѣпости и постоянства вашей воли? Что, если, стараясь нарушить ваши убѣжденія, куп-

ленвыя полжизнію перевоспитанія, трудовъ, борьбы, она не осуществитъ еще и основной мысли при воспитаніи дѣтей?

А знаете ли, чтó значитъ этотъ же вопросъ жизни для женщины, которая была такъ счастлива, что разрѣшила для себя, въ чемъ состоитъ ея призваніе, которая, оставивъ дюжинное направленіе толпы, отчетливо и ясно постигаетъ, что въ будущемъ назначена ей жизни цѣль.

Мужчина, обманутый надеждою на сочувствіе въ семейномъ быту, какъ бы ни былъ грустенъ и тяжелъ этотъ обманъ, еще можетъ себя утѣшить, что выраженіе его идеи—дѣла, найдутъ участіе въ потомствѣ. А каково женщинѣ, въ которой потребность любить, участвовать и жертвовать развита несравненно болѣе, и которой не достаетъ еще довольно опыта, чтобъ хладнокровнѣе перенести обманъ надежды, скажите, каково должно быть ей на поприщѣ жизни, идя рука въ руку съ тѣмъ, въ которомъ она такъ жалко обманулась, который поправъ ея утѣшительныя убѣжденія, смѣется надъ ея святыней, шутитъ ея вдохновеніями и влечетъ ее съ пути на грязное распутье?

Гдѣ средства избѣжать всѣхъ этихъ горькихъ слѣдствій заблужденія?

Гдѣ средства съ полною надеждою успокоить вопіющую потребность къ сочувствію?

Чтó можетъ служить ручательствомъ въ успѣхѣ?

Ни возрастъ женщинъ, ни наше воспитаніе, какъ видите, ни опытъ жизни — невѣрныя поруки.

Молодость влечетъ ихъ къ суетѣ. Воспитаніе дѣлаетъ куклу. Опытъ жизни родитъ притворство.

Еще счастлива та молодость, въ которой суета не совсѣмъ искоренила воспріимчивость души, въ которой свѣтъ, съ его мелочными приличіями, не успѣлъ оцѣпенить ее и сдѣлать недоступною къ убѣжденіямъ въ Высокомъ и Святомъ. Еще счастлива та молодость, когда толпы молодыхъ и старыхъ прислужниковъ, послѣдователей шаткихъ взглядовъ, воспользовавшись этой воспріимчивостью, не усыпили ее для высшихъ впечатлѣній, не уничтожили возможности понять, образовать себя.

Пусть женщина, окруженная ничтожествомъ толпы, падаетъ на колѣна предъ Провидѣніемъ, когда, положивъ руку на юное сердце, почувствуетъ, что оно еще бьется для святаго вдохновенія, еще готово убѣждаться и жить для отвлеченной цѣли.

Правда, вступая въ свѣтъ, женщина менѣе, чѣмъ мущина, подвергается грустнымъ слѣдствіямъ разлада основныхъ началъ воспитанія съ направленіемъ общества. Она рѣже осуждена бываетъ снискивать себѣ трудами насущный хлѣбъ и жить совершенно неза-

висимо отъ мущины. Торговое направленіе общества менѣе тяготитъ надъ нею. Въ кругу семьи ей отданъ на сохраненіе тотъ возрастъ жизни, который не лепечетъ еще о золотѣ.

Но за то воспитаніе, обыкновенно, превращаетъ ее въ куклу. Воспитаніе, наряжая, выставляетъ ее на показъ для зѣвакъ, обставляетъ кулисами и заставляетъ ее дѣйствовать на пружинахъ, такъ какъ ему хочется. Ржавчина съѣдаетъ эти пружины, а чрезъ щели истертыхъ и изорванныхъ кулисъ она начинаетъ высматривать то, чтó отъ нея такъ бережно скрывали. Мудрено ли, что ей тогда приходитъ на мысль попробовать самой, какъ ходятъ люди. Эманципація, вотъ эта мысль. Паденіе — вотъ первый шагъ.

Пусть многое останется ей неизвѣстнымъ. Она должна гордиться тѣмъ, что многаго не знаетъ. Не всякій — врачъ. Не всякій долженъ безъ нужды смотрѣть на язвы общества. Не всякому обязанность велитъ въ помойныхъ ямахъ рыться, пытать и нюхать то, что отвратительно смердитъ. Однако же раннее развитіе мышленія и воли для женщины столько же нужны, какъ и для мущины. Чтобъ услаждать сочувствіемъ жизнь человѣка, чтобъ быть сопутницей въ борьбѣ, — ей также нужно знать искусство понимать, ей нужна самостоятельная воля, чтобы жертвовать, мышленіе, чтобъ избрать, и чтобы имѣть ясную и свѣтлую идею о цѣли воспитанія дѣтей.

Если женскіе педанты, толкуя объ эманципаціи, разумѣютъ одно воспитаніе женщинъ, — онѣ правы. Если же онѣ разумѣютъ эманципацію общественныхъ правъ женщины, то онѣ сами не знаютъ, чего хотятъ.

Женщина эманципирована и такъ уже, да еще можетъ быть болѣе, нежели мущина. Хотя ей и нельзя по нашимъ законамъ сдѣлаться солдатомъ, чиновникомъ, министромъ, но развѣ можно мущинѣ сдѣлаться кормилицею и матерью — воспитательницею дѣтей до 8-лѣтняго ихъ возраста? Развѣ онъ можетъ сдѣлаться связью общества, цвѣткомъ и украшеніемъ его? Только близорукое тщеславіе людей, строя алтари героямъ, смотритъ на мать, кормилицу и няньку, какъ на второстепенный, подвластный классъ. Только торговый матеріализмъ и невѣжественная чувственность видитъ въ женщинѣ существо подвластное и ниже себя.

Все, чтò есть высокаго, прекраснаго на свѣтѣ, — искусство, вдохновеніе, наука — не должно слишкомъ сродняться со вседневной жизнію; оно утратитъ свою первобытную чистоту, выродится и запылится прахомъ.

И такъ, пусть женщины поймутъ свое высокое назначеніе въ вертоградѣ человѣческой жизни. Пусть поймутъ, что онѣ, ухаживая за колыбелью человѣка, учреждая игры его дѣтства, научая его уста лепетать и первыя слова и первую молитву, дѣлаются глав-

ными зодчими общества. Краеугольной камень кладется ихъ руками. Христіанство открыло женщинѣ ея назначеніе. Оно поставило въ образецъ человѣчеству существо, только что отнятое отъ ея груди. И Марфа и Марія сдѣлались причастницами словъ и бесѣдъ Искупителя.

Не положеніе женщины въ обществѣ, — но воспитаніе ея, въ которомъ заключается воспитаніе всего человѣчества, вотъ что́ требуетъ перемѣны. Пусть мысль воспитать себя для этой цѣли, жить для неизбѣжной борьбы и жертвованій проникнетъ все нравственное существованіе женщины, пусть вдохновеніе осѣнитъ ея волю,— и она узнаетъ, гдѣ она должна искать своей эманципаціи.

Но если ни возрастъ, ни воспитаніе женщины не служатъ ручательствомъ для разрѣшенія вопроса, то еще менѣе можетъ положиться искатель идеальнаго участія на опытъ жизни.

Если мущину, который не жилъ отвлеченіемъ, холодитъ и сушитъ этотъ опытъ, то пресыщенный, охолодѣвшій, обманутый жизнью, онъ рѣдко скрываетъ то, что́ онъ утратилъ безвозвратно. А женщина вооружается притворствомъ. Ей какъ-то стыдно самой себя, предъ свѣтомъ высказать эти горькія слѣдствія опыта. Она ихъ прикрываетъ остатками разрушенной Святыни. Инстинктъ притворства и наклонность нравиться ей помогаютъ выдержать прекрасно роль подъ маскою на сценѣ жизни. Подложная восторженность, утонченное искусство выражать и взглядомъ и рѣчью теплоту, участіе и даже чистоту души, — всѣмъ этимъ, всѣмъ снабжаетъ ее суета въ исканіи побѣды. Ей дѣла нѣтъ тогда, какъ дорого окупится эта побѣда, когда, достигнувъ цѣли, сдѣлается опять тѣмъ, чѣмъ была...

Вы ищете. А жизнь между тѣмъ приближается къ закату. Вопросы жизни далеко еще не всѣ разрѣшены для насъ. Вамъ такъ хотѣлось-бы снова начать ее: но, что однажды кончилось, тому уже — *продолженія впредь — нѣтъ.* *Н. Пироговъ* [1]).

[1]) Знаменитый хирургъ и педагогъ современный намъ писатель. Педагогическія его статьи, оказавшія значительное вліяніе на учебную нашу жизнь, собраны въ слѣд. двухъ брошюрахъ: 1. Собраніе литературныхъ статей *Н. И. Пирогова.* Одесса. 1858. — 2. Собраніе литературно-педагогическихъ статей *Н. И. Пирогова.* Кіевъ. 1861.

КОНЕЦЪ ЧЕТВЕРТАГО И ПОСЛѢДНЯГО ТОМА.

АЗБУЧНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ.

*) На 94 стр. ошибка. Замѣчательная статья г. *Пятковскаго* о Бецкомъ напечатана въ журналѣ «Дѣло», а *не* въ «Литерат. Библіотекѣ».